М. М. ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1932–1935

М. М. ПРИШВИН

Дневники

1932
1933
1934
1935

Санкт-Петербург
2009

УДК 882
ББК 84Р7-4
П77

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда Первого Президента РФ Б. Н. Ельцина.
Выражаем благодарность директору Фонда Т. Б. Юмашевой
и исполнительному директору А. А. Дроздову*

Пришвин М. М.

П77 Дневники. 1932—1935. Книга восьмая / Подгот. текста Я. З. Гришиной; Коммент. Я. З. Гришиной. — СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2009. — 1008 с.

Книга дневников 1932—1935 годов продолжает издание литературного наследия писателя.

Первая книга дневников (1914—1917) вышла в 1991 г., вторая (1918—1919) — в 1994 г., третья (1920—1922) — в 1995 г., четвертая (1923—1925) — в 1999 г., пятая (1926—1927) — в 2003 г., шестая (1928—1929) — в 2004 г., седьмая книга (1930—1931) — в 2006 г.

Публикуется впервые.

ISBN 978-5-94668-060-8

УДК 882
ББК 84Р7-4

М. М. ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1932

1933

1934

1935

1 Января. Вчера мы с Павловной вечером засиделись (я приводил в порядок альбомы, она чулки штопала) далеко за полночь и, ложась спать, забыли поздравить друг друга с Новым годом.

Пропал праздник! (Разгром Дома печати за то, что Нелидов прочитал свое: «пропал фельетон»).

<На полях:> Счет:
Имеется в кассе: 1081.81
1741.85
2823.66
получено от Гиз'а 495
3318.66
31го/XII взял 200 руб., из них отдал Григорьеву 140 р. (100 долг, 40 чаю — фунт) и Павловне 20 руб.
Павловне 20 р.
Павловне 130 р.

За разборкой альбома. Разобрав, устроив свои фото, я сказал Павловне: — Если уцелеют мои снимки до тех пор, когда у людей начнется жизнь «для себя», то мои фото издадут и все будут удивляться, сколько у этого художника в душе было радости и любви к жизни. Да, вот если бы все люди бросили подсиживать друг друга и стали заниматься тем, что каждый из них любит, для чего каждый рожден, — что бы это было!

— Нельзя, — ответила Павловна, — только редчайшие люди способны заниматься тем, что хорошо. Людей надо подгонять.

— Да, вероятно... — сказал я и, вспомнив сегодняшний рассказ Григорьева, передал его Павловне. Он мне расска-

зывал, что иногда, возвращаясь в поезде из Москвы, он открывает глаза и видит вокруг себя, какие-то существа сидят очень жуткие, достают из грязных мешков что-то, кладут это в рот немытыми руками, жуют и через жов говорят о том, где это для жова можно достать, где что выдают, спорят об этом, иные ругаются, иные так сцепятся, что забывают класть в рот кусок... Вот тогда является соблазн, — что это не люди...

— Понимаешь? — сказал я. — Он боится за себя, что и он такой же, но гордость отделяет себя от них, гордость...

— Это не гордость, — ответила Павловна, — это жалость.

В эту ночь, как бывает, отчетливо пронеслись в моей голове оба моих путешествия, в Свердловск и во Владивосток, все до точности вспомнилось и ни на чем сердце (родственное внимание) не задержалось: везде спех, суета, страх, стон, злоба; через толщу вверженных в бедствие людей невозможно было, как раньше, пробиться к природе, загореться там любовью, как раньше, и с родственным вниманием вновь посмотреть на людей. Вот, кажется, тут-то, именно в эту точку моего обычного счастья художника и направлено почему-то ядовитое жало. Я чувствую безошибочно, что именно в той самой точке встречи своего луча с лучом другого человека, отчего являлось со-радование, теперь заложен на тебя капкан или стрихнин... а то еще очень страшно думать, что потребность в со-радовании и совсем не вернется и что лучей уже и нет никаких, а только сам привык искать это и пишешь, и уже и вовсе нет того, кому хочется сказать, и не будет.

Вот дадут в Москве комнату, пойду я к вождям РАППа и всякого рода МАППа и [пойму] и раскрою тайники их душ, вникну в те родники их тайных лучших желаний, из которых потом что-нибудь хорошее, новое сложится. Я искренно отрешусь от себя, выброшу весь балласт свой, чтобы подняться до них и почувствовать ту великую сущность, ради которой теперь родной сын колет своего родного отца. Я переживу там в Москве эту тему жизни столь

непонятную и странную всему христианскому и дохристианскому, всему культурному миру...

Единственное, что теперь остается на радостную память, это одержанные победы, и, по-видимому, этот мотив борьбы и сделается тем основанием, на котором процветет потом наше время, если ему суждено процвести.

Люди с толку сбиты, но, конечно, постоянно стремятся возвратиться к этому же толку, и оттуда опять их сшибают, отчего является страх и раздвоенность: рад бы туда, а нельзя...

Как будто это я напрасно жалуюсь и приписываю времени отсутствие людей в моих последних путешествиях: если вспомнить старые путешествия, то ведь в них каких-нибудь особенных людей не встретил.

О «пропал фельетон» — раздражение коммунистов понятно, потому что буржуазным фельетоном дразнить коммуниста это все равно, что красным дразнить быка... или, напр., меня дразнить Пильняком.

2 Января. Полонский только что сказал в РАППе, что он перестроился, что связь с попутчиками считает грехом — «грешен, грешен!» — говорил он — и вот теперь его перестроили извне (памятуя: «не всякий глаголящий Господи» и проч.): выгнали из «Нового мира». И в общем верно, так и следует, для того времени он был хорош, теперь другое... Мне все так понимается, что самый ход времени, его ускорение в ритме есть совокупность всех мировых условий, и только флюгер может быть вполне с ним согласован... И очень возможно, что разная политико-литературная мелкота, бездарная, беспринципная именно и существует, чтобы [чуять] вперед и, как флюгер, сигнализировать перемену. Какой-нибудь Брик... И наоборот, чуть что-нибудь свое — и отстал, и если отстал, тут уже не уверяй, что перестроился и что грешен, конечно, пропал.

Ни на какой стройке, будь они самые грандиозные, ни от какой цифры нельзя получить уверенность в правоте

большевицкого дела и даже вовсе понять значительность самого факта (из-за легиона мелочей, вихря пыли танцующей мелкоты), если только не чувствовать универсальный ход времени (для этого некоторым надо прямо видеть, что делается за границей).

Мало-помалу легенда о нашей революции за границей на почве их кризиса растет и крепнет, чтобы в конце концов слиться с нашей государственной легендой и ликвидировать то, что мы считали «жизнью» с ее почти что вечными биологическими и культурными устоями.

Бывало, после работы приду, лягу и как убитый! Теперь лягу и не сплю, время провожаю, в голове мечта. Вскину разум свой — и так понимаю: не везде же так жизнь, как у нас, во всем-то мире... Вот бы на этом успокоиться и уснуть, но потому что ведь если это просто наша болезнь, то придет здоровье и болезнь пройдет. Но если — думаешь — бы там было здоровье, то почему же они допускают такую чуму и даже отдают нам сюда на постройку крепости против самих себя машины, оружие и лучших своих мастеров. Значит, не могут согласиться между собой, и время у них, как и у нас, само идет, разделяя людей, обрекая всех их на бессилие... Так отказывается разум понять и опять мечта и вопрос: «Кто нас ведет по черному пути?» Вот как больно станет, схватишься за сердце, воскликнешь по старой привычке: Господи, Господи! и тут петух предрассветный закричит. Вот так и ночь пройдет вся в мечте.

<*На полях:*> *Но понимать эту ликвидацию надо приблизительно по такому примеру: вот я, известный Михаил Пришвин — не какой-нибудь блудник Пильняк — взял бы и стал писать безымянно; ведь для истинно культурного мира я бы остался в писании своем такою же личностью, как был, и только ликвидировал бы внешнюю свою оболочку, назовем ее в противоположность личности индивидуальностью. По этому примеру надо и все понять: если ликвидируется поп, то тем ярче безымянно действует священник, убивают отца как физическую случайность, чтобы истинный отец невидимо вступил*

в свои обязанности, изживают себя в обманном приспособлении к Христу, разбивают этот фетиш и освобождают безымянного истинного Христа...

И очень возможно, что спор наш о массе и личности путается только потому, что личность подменяется индивидуальностью.

4 Января. В предрассветный час вышел на двор с собаками и очень обрадовался звездам после стольких дней серой «сиротской» зимы. Пока собаки мочились, я так разговаривал со звездами. — Сколько заветного моего вы помогли мне высказать! Теперь неужели же перед новой встающей правдой окажется, что все было неверно? Нет, все останется в глубине душ, но говорить об этом долго не будут. Как странно, что в двадцать-двадцать пять лет я вполне лично мечтал о мировой катастрофе и находил в этой мечте всего себя, теперь в катастрофе почти нет никаких сомнений, и, тем не менее, очень мало в ней радости. Да, да! вот именно теперь так и понимают «мещанство»: что-то вроде антропоморфизма, вмешивание личноинтимного «гуманного» и т. п. в государственные планы. Это правда, но ведь и обратно есть правда, пока не имеющая своего ходячего названия: это претензия государства стереть все личное.

Вечером собрание бригады. Вот как забили мою голову, перестаю понимать... Ведь и так можно представить, что нас трогать никто не хотел и все долги между тем взяли с нас с огромной лихвой: что им машины (чугун), если за них взяли с нас все сырье.

Лошадь купили на корм собакам за 15 руб. шести лет, а Марья Павловна говорит, что у них по 7 руб. продают (кормить нечем).

7 Января. Рождество.

Генералы обманули. Лева опять закрутил, вероятно. Петя впился в звероводство. Ежедневно пишу прошения о комнате в Москве и мало-помалу сам в это вверился, что без комнаты — пропадешь.

Мучительно и воистину «смертельно» тоскую. Думаю о лошади, которую мы купили за 15 р. на зарез для корма собак, лошадь молодая, здоровая, всего ей 6 лет. Марья Павловна говорит, что 15 р. дорого, у них по 7 руб. Вот явление, кажется, одно, а если взять меня и Максима Горького, то получится два разных толкования, его оптимистическое, мое пессимистическое. Он скажет, что это индустриальный прогресс, что это трактор выбросил лошадь на съедение собакам, и социальный прогресс: ведь это разоренные единоличники бросают хозяйство, лошадь и бегут в производство. Мне же думается по-иному, пусть прогресс, но... прогресс бывает разный, хороший хозяйственный прогресс не допустит такого безобразия, лошадь хоть есть можно, а чугун не лизнешь. Впрочем, если смотреть, что все это война, то, конечно, лошадям — мор.

Петя говорит, что они в общежитии встают мокрые от сырости, что едят суп-брандахлыст и пшенную кашу, но что «жить можно и учатся все с великой страстью». Да, вот это надо непременно иметь в виду при суде над современностью, надо свои привычки совершенно отбросить... Только все эти студенты забиты до того «нагрузкой», что кроме специальности ничего не узнают. Впрочем, «диалектика» и «материализм» заменяют им все. Однако и тут не надо думать, [что] они верят, ведь верить-то некогда. Является даже и такая мысль о «вообще»: есть ли такие верящие люди в марксизм и ленинизм, что кто-нибудь, оставшись сам с собой, сказал: верю и действую и даже знаю... нет! но приходит другой, и, опасаясь его, он действует как бы по личной вере. Да, лично-то нет вовсе людей (как в «Кащеевой цепи»: героя нет — заяц герой). Личность состоит в согласованности с заданиями ... но где очаг, горнило, где рождаются директивы? Хотя бы в литературе (ну, вот, напр., «Венька» берет перевес и придумывает, однако Венька мальчишка, не из себя же он берет). Кто их гонит? Приходится признать, что существует мировая равнодействующая разных сил, которая на каждую личность — как императив.

Алекс. Н. Толстой — вот уже год хлопочет о разрешении ему съездить за границу, чтобы сладить делишки

с валютой (переводы). Случилось, Горький устраивал у себя вечер и позвал Толстого. А на вечере этом был Сталин. Алеша, известно, когда ему надо, может быть <*приписка:* хитрым> очаровательным. Сталину до того понравилась его болтовня, что он отозвал его будто бы в сторону и спросил, не надо ли ему чего-нибудь... Было как в сказке, ведь можно было полцарства просить. Но Алеша сумел, как в сказке, попросить только колбасы... И поехал за границу.

(По этому поводу приходит следующее: у одного мудреца были два сына, блаженный Мишук и хитрец Алеша. Пережив большую жизнь, блаженный Мишук добыл себе опытный ум и стал таким же мудрецом, как отец, но Алеша хитрец сошел на нет...)

У Горького.

N. написал книжку и получил приглашение к Горькому. В приемной человек 20 народу. У секретаря Крючкова три телефона. Беспрерывно звонят, и секретарь с разным лицом отвечает, как будто на три телефона — в нем три лица. Беспрерывно приходят пакеты с надписью: «секретно», «секретно — спешно».

Повестка

Творческое бюро

Получил повестку — на клочке [клетчатой] бумаги плохая машинопись: «"Творческое бюро" делает смотр очеркистам Союза. Что вы написали в 31-м году? Явка обязательна».

А ведь очень возможно, что это «творческое бюро» явилось следствием книги моей о творчестве «Журавлиная родина».

Вольфила. Читаю о Блоке у Белого... Ужасно стыдно смотреть на самого себя: пришел талантливый зверь и через талант соприкасается с идеями и по-своему обживает эти идеи, и через это его тоже за человека принимают, сажают за стол, и оттого он чувствует себя хорошо и даже пишет об этом, что был там-то и слушал, что [люди] гово-

рили там. Талант + романтизм, т. е. личная утонченность. Нехватка в идеях возмещается чувственностью... Но, вероятно, все сводится к чему-то одному, иначе как могли мы быть вместе. Подумать.

Миша растет на руках, еще ничего не говорит, рожицы делает такие уморительные, что все равно как и говорит. Через все это начинаю понимать, что многие люди просто лишены самого чувства понимания ребенка... Это совсем особенное чувство. Так есть чувство охотника (воля), оно может и не быть у другого, и чувство романтика или мистика...

<*На полях:*> *ритм*
неповторимость
и чувство ребенка

Революция движется линейно, события и лица проходят в это время без ритма, а время общей жизни мира (солнце всходит и заходит) идет ритмически: сколько раз солнце взойдет и закатится, пока вырастет и кончится человек. Поэзия есть светлая атмосфера, заря сознания человека. Пусть рушится быт, но ритм жизни и без быта может питать поэзию — конечно, опираясь на то же солнце (всходит и заходит). Но это понимание (мое) не «революционно» — это биологизм — все революционное движется по линии (не по кругу). Ритм движения по кругу с уходом и возвращением... восходом и закатом — здравствуй и прощай, дедушка внуку сказку рассказывает про Ивана Царевича... А то вот предполагается линейный ритм, положим, едем в поезде, и колеса мерно отщелкивают: «по-гуляй-погуляй!»

Вот именно, что все является и пропадает без возвращения: усвоили и бросили, как выжатый лимон. И дедушки нет... Движение по линии на луну, теснота внутри <*1 нрзб.*>: умерших и больных выбрасывают без слез. Личность за шиворот и в чан... Тут тоже стихия. Вспомнить Чемреков. Образы из сектантской поэзии.

Родину, мать, отца, друга — все ради движения вперед без возвращения...

<*На полях:*> *Солнышко увижу — скажу «здравствуй», и увижу закат, говорю «прощай». Но если я еду в поезде и вижу на полках все тех же самых людей...*

Девка-парень. В дер. Плющиха (здесь) выросла девчонка, не признававшая себя за девчонку: рубашку, штаны носила... били ее за это смертно. Выросла парнем, грудь уматывала полотенцем. В солдаты пошла — вернули. [Женилась] на девке, жили на хуторе — развели, взяла другую (духовный гермафродит). Очень красивая. Звали парня этого Ленька.

Бозенька. В одной семье ожидали ревизию и вынесли иконы в чулан. Коммунисты приехали, сели за стол. В это время входит маленькая девочка и спрашивает: — А куда вы дели Бозеньку?

Лина (Акулина) Никитична — с дочкой своей приехала к Зоиной матери и попросила ее новое платье на вечер, чтоб раз надеть на свадьбу: «Люди, — сказала она, — неинтересные, [самые] серые, не стоят того, чтобы для них новое платье шить». Зоина мать дала платье. Сыграли свадьбу. Молодые приехали с визитом к Лине Никитичне и, увидев на ней новое домашнее платье, говорят: — Какой хорошенький ситчик! — В это время дочка Лины и говорит: — Это что, а вот мама на свадьбу брала платье, вот это платье! Мама взяла его у Зоиной мамы и говорит ей: «Не хочу новое делать на свадьбу, люди такие серые, неинтересные...»

Помни друг, теперь уже не миновать тебе того, перед чем ты трепетал в своей жизни. Да, было время, можно было тогда устроить свою жизнь так, чтобы это втайне оставалось и переходило в наследство детям и внукам, как «грех». Теперь все раскрывается, и человек наконец-то должен увидеть то самое, что прикрывалось таинственным словом «смерть», он должен увидеть то, что страшнее всякой смерти: увидеть себя без всякой личной тайны, как есть себя самого без тайн и отбора в себе лучшего, без надежд («Исправлюсь, няня, милая, прости, я исправлюсь!», а она: «Нет тебе прощения!» — и стегает крапи-

вой)... «Всеобщая конкретизация» или «Страшный суд» (Страшный суд или всеобщая конкретизация с уплотнением жилищ до последней возможности).

Символизм — встреча текущего мгновения с вечностью, а место встречи — личность. Все верно, пока личность настоящая, но как только явился «изм» и творчество символов стало методом («творческое бюро») и личности стали всякие, то символизм стал ерундой... Вот против этого (не против личности, а чтобы негодники-то не укрывались под символизмом, идеализмом, христианством и т. д.) идет революция и ее диалектика и материализм: из-за этого, но своего не достигают: негодники и тут вьют себе гнездо.

8 Января. В предрассветный час и то капель, значит, снег осядет, и давно пора, вчера по такому снегу ходил на лыжах и пришел еле живой.

Дыхание жизни и смерти.

Темно и ужасно все нависло, капель.

Есть глубже тоски слой души, царство безнадежности. Вести оттуда тем ужасны, что не оставляют от прошлого ничего: как будто жизни во времени вовсе не было, и все прошлое такое же тусклое пятно, как это серое небо. По-иному сказать: вот ты жил и копил всю жизнь, а когда пришел черный день, то из копилки нечего взять. Это именно и есть то, что ускользает от обыкновенного сознания, когда думаешь о жизни подвижников: борьба с чертями — это совершенные пустяки в сравнении с этим смертным дыханием... Я вижу три возможных выхода. Один «пессимистический», но верный: это вперед признать «ничто» и затем жить без очарований.

Другой выход (мой выход): это когда видишь не темное небо, а чистое, звездное, — спешить копить в себе радость и успевать, пока не прошло, давать жизнь другим и так закрепляться вовне радостью (сила родственного внимания, творчество). В эти радостные моменты представляется, что смерти нет, что этой силой творчества она будет

побеждена. Но когда приходит час, то все равно все творчество жизни сметается. Раз пройдет, и звезды вернутся, два, три...

И так живешь, терпишь, зная, что пройдет, как раньше проходило. Но есть и конец, когда на одной стороне лежит груда ненужных тебе совершенно твоих собственных заслуг, как приготовленных досок и камней для твоей могилы, на другой — ты сам в безнадежности, верней, ты сам без себя самого, какой-то «плюс на минус», или даже чистый нуль. В христианской кончине это предусмотрено, и пустой конец заделывается страданием, самораспятием. Мне это и несвойственно, и близко, и всегда было так, что придет час, и я так сделаю.

Третий путь — это путь <*приписка:* не свой, и даже не путь, а постороннее разрешение вопроса> заглушения личной тревоги, общественно-принудительный, пчелиный труд, когда некогда чувствовать радостно-звездное небо, и тусклые сумерки, и ночь, когда некогда думать, размышлять о конце и кресте. Именно такая жизнь теперь подошла, и всякое углубление, личное миросозерцание и пр., Христос, и поэт, и философ — все против нее. Согласно с этим является скорая философия для простака — «диалектика», и люди крайне упрощенные, а между тем всемогущие.

9 Января. Та творческая радость, какою жил я так долго, не допускает насилия над собой (искушение многих), а если нет, то путь христианский (христианская кончина).

А что значит «христианский»?

Община о. Николая Опоцкого, в Велебицах. Он собрал верующих мужиков («где два-три во имя мое...») и повел. Стали богатеть, выстроили нефтяную мельницу. Дело духовное осталось у о. Николая, а материальная часть перешла к мельнику. Началась глухая борьба, зависть. Однажды о. Николай уехал в Петербург на несколько дней, пионеры христианства взяли топоры и пошли друг на друга. После того как их [оставил] о. Николай, коммуна распалась. Причина: о. Николай должен был овладеть материальной стороной и ее не выпускать из рук.

Коммуна Щетинина (Чемреки).

Щетинин соблазнил Легкобытова своей премудростью (казначей пропал: пошел искать Христа). Отдался ему в рабство. Явился «народ». Щетинин как бы бог на небе, а Легкобытов переводит на земное: здесь, в человеке, на земле. Представляя себе то, что было, они переводили на себя и в своем кружке видели разрешение времен. Грех, общий всем сектантам... (претензия на универсализм pars quo totum[1]) (точь-в-точь и у нас теперь: и, как Легкобытов, каждый думает обобрать своего Щетинина и выбросить.) Мережковский и Легкобытов (между прочим: барин и мужик: и почему-то по этой линии сочувствие Легкобытову; точно так же это же сочувствие большевикам против интеллигенции); с пастилой и с духами — кто смешней?

В результате: даже Блок (и, вероятно, Белый) не выдерживают пробы на жизнь. (Еще: Легкобытов у Ремизова, встреча: педераст...) Эллинизм... (педерастия) Последнее разложение: Розанов. А Распутин?

В результате: «Христос» самых высоких представителей искусства был «бумажным» в сравнении с силой Легкобытова. И вот теперь именно эта «сила» господствует. До того все похоже! — ведь даже «Блок и чан». Предложение Блоку: бросься в чан к нам и будешь вождем народа. Не Блок бросился, а Ленин. И пошла новая порода — «воскресшая интеллигенция», вожди...

Итак, слабость, как нравств. упрек христианству (искусство — выражение слабости).

В чем Легкобытов уязвим: он выступает против культуры за землю, но попадается сам на крючок культуры и весь уходит в «принципы», имеющие свойство обыгрывать жизнь (землю) и над ней измываться (Фарфоровая коммуна).

Предсказание:

Чемреки разбрелись кто куда, когда в 14 г. объявили войну. Так и с нами, вероятно, будет: начнутся какие-то всемирно великие события, и наше дело в свете их померк-

[1] pars quo totum (*лат.*) — части целого.

нет и перестанет. Так это мне, но другие думают, что у нас не «секта», а целое универсальное движение...

10 Января. Все эти зимы у соседки рано в темноте разгоралась русская печь, и мне было видно, как старая колдунья действовала там, беспрерывно меняя кочергу на ухваты и рогачи с большими горшками. Нынче там, напротив темно, а старуха жива: дров нет, старуха перешла на буржуйку и невидимо в другой комнате коптит свои стены. Кончилась сказка.

И вот еще наш московский «тайный прикрепитель» — тоже быт! и как скоро явился бытовой ритм в этом в сущности паскуднейшем деле. Каждый месяц мы ездили в Москву и оттуда привозили чудесные вещи, выходило вроде подарков. Злейшая идея разделения, положенная в основу «закрытых распределителей», как-то не задевает особенно обладателей книжек, и С. добродушно назвал эти закрытые распределители тайными прикрепителями. И вдруг потребовали наши книжки (им срок на три месяца) и дали другие. Почему? Мы догадались: новые книжки выдали всем нам, а избранным дали другие в какой-нибудь сокровеннейший источник, в святая святых. Мы же пришли в свой тайник, — нет ничего, пусто, как и везде. Все перекочевало к святым. И это коммуна!

Привезли немного баранины, чаю нет, <*приписка:* сахара>, крупы нет... Смотрю рано в темное окно и думаю [тоже] о старухе: нет у нее дров, печь не [горит], сказки нет у меня под пером.

Читаю Белого «Памяти Блока». Не согласен с эпитетом «национальный» поэт. В нем есть нечто подчеркнуто личное для этого эпитета, и даже задорно выпирающее против черни... (Вообще) самое опасное для поэта и художника — попытка перехода от личных мотивов к гражданским, ведь тут вот что, никакого «волеизволения» — только электрич. разряд... Или жизнь под совлиянием того и другого, как живет небо и земля.

Вечером собралась Бригада (Загорская бригада писателей), приехал «генерал» от Совкино (Новогрудский?).

Самое интересное — это «Родник радости» — страна радости СССР, куда теперь дети бегут из Европы.

<На полях:> *Левые эсеры: они помогали большевикам спускать зверя, а когда зверь был спущен, большевики должны были прибирать его к рукам, но эсерам как будто хотелось... Они должны были верить в «стихию».*

Итак, две встречных легенды, одна легенда создается теми за границей, кто недоволен там и мечту о лучшем сливает с тем, что слышит о СССР. Другая (тоже) легенда тех, кто живет в СССР и, тоже недовольный, об этой жизни создает легенду «правды» («Вавилонская башня» и проч., что все насквозь гнилое). Этим последним другая легенда кажется ложью. Напротив, те творцы (строители) все аргументы этих «переживающих» называют мелочью.

Вольфила о Блоке. Я так думаю по-старому об этом, что вода и берег — вот все (а у Блока вода — стихия, берег — государство). Вот именно как вода подтачивает берег — есть в этом отличие: вода ударяется в берег и ей ничего, но люди, поэты и о скалу! (государственность). Выступай, как [люди], как «человек»-гражданин, но поэзия — бороться... в поэзии ничего нет против свинца. Чудесно, что Пушкин пустил свинец в врага и даже попал. Но скифы пустили поэзию и... обиделись на... государство. Другой вопрос, как революционеры взялись за государство. Без этого же быть ничто не могло...

12 Января. (Сочельник?)

Думал через Блока о Легкобытове как его антиподе, и вот Легкобытов разложился на Горького, Ленина, Сталина и других dii minores[1]. В существе легкобытовском есть, во-первых, злая насмешка над тем, что называют «богом» и, главное, «небом» (бог на земле: человек), второе — это презрение, злость, ирония и т. д. перекидываются и на культуру и ее носителей (Блок), но сами, начинаясь от этой же культуры (Горький от уличного романа «Разбойника Чуркина», Сталин читает Шекспира, и т. д.),

[1] dii minores (*лат.*) — младшие боги.

робеют лично перед высшими ее носителями и устремлены к тому, чтобы вождей перевести на службу к себе. Славянофильский, народнический <*приписка:* соловьевский вообще>, «барский» и всякий «народ» совершенно отметаются.

Мое личное положение какое-то среднее, тоже и у меня есть специальное тяготение к господскому столу (приятно их высшее общество), [которое] парализуется, впрочем, достоинством своего таланта неподкупного; и также есть враждебность, ирония к их барству и слабости; с другой стороны, чувствую уважение (и даже силу власти над собой) к нравственной силе Легкобытова. Я чувствую в этом даже и что-то родное, что и я такой же, если бы не талант мой. Выбор у меня выходит такой: на одной стороне какой-то расслабленный Христос, ищущий себе нравственные подпорки в народе, на другой — диавол, в высшей степени некультурный хам, но твердый как железо...

Просто «ни хуя́!» (нет ничего и никаких) = ничто, nihil. То философское nihil есть в свою очередь богатство перед бытовым «ни хуя!». Нигилизм выдумал барин, и nihil в этом понимании являет собой скорее фокус аскетизма, чем действительное ничто. Истинное же, воплощенное в быт ничто, страшное и последнее «ни хуя» (или «нет ничего и никаких») живет в улыбающемся оскале русского народа. <*Зачеркнуто*: Вот это разделяет барина, интеллигента, поэта и всякого культурного человека от нашего>. Иногда это бывает в улыбке Максима Горького, на каком-то снимке видел где-то я: Ленин и Сталин так улыбаются («ни хуя!»). Откуда это? (Казначей-то ведь ушел за Богом...) Есть [материализм] — нигилизм цинический европейского мещанства, где фетишизируется вещь, так вот наш нигилизм относится к этому вещественному и разрушает его вконец: тут происходит какой-то пир — пляс на границе материального и духовного (ни хуя!).

Интеллигент и барин, играя в нигилизм, как бы с жиру бесятся (и тут тоже и Блок) — вот откуда и пропасть между «народом» и интеллигенцией... На этом плясе голытьбы «скифы» и построили свою идеальную Скифию (нет ничего, а они сочинили: барство). Надо анализировать

это «ни хуя» до конца, чтобы понять, почему же из него выходит не Скифия анархическая, а военный социализм... не Блок, а Сталин.

Надо, я думаю, разобрать в отдельности каждого автора формулы «ни хуя»: он ненавидит мещанскую вещь, интеллигентскую «идею» барского бога, потому что все это не его, и то время, когда он мог бы в этом принять участие, давно прошло, и самая родина вне этого «святого» для него вконец испоганена. Он живет на людях и с людьми, и с виду как будто он групповой человек, но этого нет: он индивидуалист и только терпит товарища по несчастью...

В этом кишащем «ничто» действительно нет ни хуя, и все это надо прибрать к рукам и направить по линии казарменной государственности, а не вольной Скифии. Между тем среди этого кишащего «ничто» ждет не дождется своего освобождения честолюбивый Легкобытов... казначей ушел за богом, подсидел мудреца и взял власть: тот мудрец, имея «ключ к царствию божию», господствует над ним, рабом, а раб, уничтожив бога, оголил от бога силу, и она стала его государственная власть — сила, оголенная от бога, стала властью, и всякая такая власть есть власть над человеком. Но ведь это же путь и Горького, и Сталина, и всех властолюбцев. Вот что означает хохот Легкобытова и улыбки Горького, Ленина, Сталина. Скифы пали, потому что (бессознательно) протянули руки к власти (выбрав товарищем того, кому вся культура и вся высшая «Скифия» — «ни хуя»). Собственно говоря, все революционеры пали. И совершается совсем не то, о чем думали. Но тем фактичнее должно доказываться, что именно это есть революция и коммунизм...

Итак, Легкобытов, Горький, Ленин, Сталин...

А Щетинин — это Помазанник (мудрость Алексея Григорьевича): так и подсидели царя во имя человека: точь-в-точь!

13 Января. Институт нихуевников.

Фельетон или «забавная страница». Исчез фельетон, исчезла забава — в самое сердце ударило, все назвали до-

кладчика о «пропал фельетон» контрреволюционером, троцкистом и разгромили Дом печати, — подумайте: только за то, что он намекнул о недостатке забавной страницы в нашей плановой прессе! Но вот погодите, об этом инциденте там, где надлежит серьезно подумать, и там, где нет ничего беспланового, решат в плановом порядке начать институт забавников и нихуевников (Инзабних).

В этом институте будет допущено, что такие категории и явления, как любовь, мысль, мечта, музыка и всякого рода искусство до балета и от балета до рождественской елки — все это анархично, как текущая вода, и во времени всесильно, т. к. нет такого берега, которого, напр., в тысячу лет не размоет текущая вода.

Сколько лет, тысячу или больше? бежала вода Волги, оттачивала камень, подмывала, размывала берег, и мы учились жить по текущей воде: мы думали, глядя на подточенный берег, что пусть камни теснят воду, — во времени нет предела силе вольной стихии воды, рано или поздно всякий берег размоется и рухнет. Но вот теперь эту воду ввели в другое русло: камень остался, а вековечное назначение воды подтачивать берег и тем обретать себе свободу кончилось: вода вертит большую электротурбину, а за шлюзом постоянный присмотр <*зачеркнуто*: и ремонт>, чуть начало размываться, сейчас же приступают к починке.

И нас, поэтов вольных стихий, высшее начальство приглашает бросить избитые и неверные образы прошлого и перенести внимание от стихии, природы внутрь самого человека, который рано или поздно всякую стихию должен прибрать к рукам и заставить действовать по своему... хотелось сказать «желанию», но не вышло: желания-то нет никакого, а просто размножение людей создает нужду, и эта нужда технику, необходимую, чтобы можно было всех накормить...

Но мы забыли, что воду взяли только лишь как пример анархической вольности музыки, поэзии, искусства, любви... Неужели же и все это, составляющее собственно жизнь, тоже будет приложено, чтобы вертеть какую-нибудь электротурбину для пользы дела размножения людей на зем-

ле и удовлетворения их элементарных потребностей? Как будто бы нет, но только, может быть, это «нет» говорит наше прежнее гуманитарное и всякое воспитание, а на самом деле и возможно: запрут все начисто и самую любовь поймут окончательно как силу размножения на земле высшего работника человека и запрут в специальных колхозах с хорошим подбором племенных производителей по всем правилам генетики и евгеники. Да или нет? Тут разум ничего не может ответить, и разница в ответах разных людей больше всего зависит от их здоровья: а совершенно здоровые и разумно устроенные люди будущего, вероятно, даже и вопросом таким не будут задаваться...

14 Января. Продолжается сиротская зима. Вот-вот корова отелится, и у хозяйки бродят в голове нечестивые мысли: как бы устроить так, чтобы не поить теленка дорогим молоком, а как-нибудь от него вовсе избавиться. Хозяйки уже нашли средство в значительной мере избавляться от расхода молока на теленка: поят кофе-здоровьем.

<*На полях:*> *Придумчивые и решительные люди однако находят иные средства. Так вот насуют шерсти в горло и когда теленок...*

Теленок-мученик. Один гражданин выдумал подморозить теленка так, чтобы он жив остался и можно было зарезать, и в то же время и таким уродом стал, чтобы разрешили его зарезать. Так он оставил теленка в морозную ночь на дворе и время от времени выходил с фонариком смотреть. Когда ноги у теленка до того отмерзли, что он свалился, гражданин втащил его в хлев. Утром пошел просить разрешения резать. Но вышло так, что сосед его бедняк тоже теленка поил и все видел через забор... Комиссия была тоже догадливая, и так рассудила: мученого теленка отдали бедняку на зарез, а теленка, которого поил бедняк, велели допоить предприимчивому гражданину. Вот бедняку вышла жизнь: и молоко полилось от коровы в свой рот, а не в телячий, и отведал соседской телятинки.

— Так и надо, — говорили мужики на базаре, — надо самому башкой работать, а не смотреть на других. Выдумал что, морозить, да кто же теперь не морозит телят.

— Ну, а как же надо-то...

— Как?..

И оказалось, вот как делают теперь самые догадливые. Насуют теленку в горло шерсти и, когда теленок начинает корчиться, зовут комиссию. Пусть вскроют и найдут шерсть, можно сказать, что теленок сам нализался шерсти...

Свинья-наследница. Говорят, что сейчас в городе по всем учреждениям в поисках правды ходит глубокий старец, похожий на Апостола. Дело его состоит в том, что выдумал он себе завести поросенка и достал очень породистого. Прокормил год, выросла отличная свинья, собрался с силами, купил хлеба, овса, откормил свинью и пошел за разрешением резать ее. Комиссия осмотрела свинью, признала ее племенной, резать не разрешила в течение пяти лет. Вот старик и ходит по учреждениям и уверяет всех, что ему не дожить, что свинья у него останется наследницей. — Мыслимо ли, — говорит старик, — чтобы человек жил для свиньи...

Мужики на базаре опять все набросились на Апостола и говорили ему:

— Дурак, дурак, такую свинью вырастил и пошел докладывать...

— Ну, а как же?

— Как? Это нельзя на каждый случай сказать как. Ведь вот и у вас, как везде, часто меняются председатели: ты узнай, может быть, он не записал, а в памяти держит. А когда узнал, что свинья в памяти, жди, когда сменится председатель, и как сменился, спеши, режь без всяких разрешений, ничего не будет. А так по апостолу жить, как ты, [каждая] свинья верх над тобой возьмет, и ты помрешь...

15 Января. Зима так проходит: началось сильными морозами без снега, и так было долго и очень досадно, по-

тому что мороз без снега всегда злей почему-то. После того стало мягко и пошел снег и падал каждый день, создавая для охотников ежедневно «пороши». Однако без [мороза] так везде распушились снега, что ходить в лесах стало невозможно — собаке по уши! — и охота около Рождества кончилась. А сиротская зима и теперь продолжается.

Вчера был Вася Карасев. Ссылка ни в чем не повинного отца, по-видимому, прошибла и его комсомольски-простеганную душу. Так и все они петушатся до времени, [потом] ушибленными отходят с позиций и переживают то же самое, что и все люди, а новые опять петушатся за счет своей юности и невежества. Но среди них, однако, есть замечательные дарования (что-то вроде [администраторов]), удивительные дипломаты, — очень возможно, что они-то и есть невидимая «соль» комсомольства.

Идеологическое расхождение.

Спросите любого о Реомюре, все скажут, что это термометр, и только редкий из редких, какой-нибудь узкий специалист — и то из специалистов специалист по термометрам, и тоже из этих специалист по биографиям изобретателей в области физики — скажет, что Реомюр не термометр, а человек, изобретатель термометра... Жив ли теперь этот замечательный физик — едва ли: ведь я был еще мальчиком маленьким, когда мать моя оттаивала занесенное снегом окошко, чтобы взглянуть на Реомюр. В какой стране он жил? Не знаю, — ведь все так коварно подстроено на этом кладбище науки, чтобы человек совсем исчезал, а созданная им вещь похищала себе его имя. Но, вероятно, так и надо, и хорошо и справедливо: разве он сам-то, Реомюр, изобретая термометр, сколько-нибудь думал о человеке, он был просто физик и смотрел на все с физической точки зрения. Человеком в памяти людей остается только тот, кто был человеком тогда при жизни своей, а не физиком, или химиком, мы можем вспомнить <*зачеркнуто:* Гёте; *приписка:* Христа>... Нет, это правильно, вполне справедливо, что какой-то гражданин Реомюр

мало-помалу превратился в изобретенный им термометр и стал по-своему вечно жить, то поднимаясь вверх во время теплой погоды, то опускаясь зимой...

Так вот, молодые товарищи, вот в чем наше идеологическое расхождение, вы стремитесь к тому, чтобы люди вышли из жизни Реомюрами, а я хочу, чтобы каждый человек осознал себя как сам человек при жизни...

17 Января. Сегодня вечером еду в Детское Село.

Разговор с Павловной:

— Странно, Павловна, в литературе меня наперерыв стремятся все похоронить вместе с «классиками», на улице называют «дедушкой», а я сам иногда себя чувствую не только не дедом, но даже не отцом, а так, будто я все еще мальчик и жизни настоящего взрослого делового человека еще и не хлебнул. Что это, неужели это от прирожденного моего таланта...

— Да, — ответила Павловна, — талант, конечно, как талант... а главное, я думаю, это что ты еще можешь ребенка произвести... Вот когда это пройдет совсем, то перестанешь себя чувствовать мальчиком: игра кончится, и даже обиду не будешь чувствовать...

18 Января. Поездка сорвалась, достали билет только на 20-е. И аппетит поездки пропал: есть слух, что Ленингр. издат[ельство] писателей подвергнулось разгрому РАППа, подобно московскому. По-видимому, мы накануне полной перемены условий вознаграждения авторов. Как-то выбьется Алеша Толстой, а ведь как-нибудь выбьется.

У Зои еще есть некоторые механические остатки религиозного миропонимания; так, она еще крестится перед едой, если нет никого посторонних. Впрочем, она скажет даже, что и в Бога верит, но и в этом убеждении заметно линяет: в Бога, скажет, верю, а в загробную жизнь нет.

Первого своего ребенка она родила честно, считая грехом все средства против деторождения. Но, испытав прелесть материнства в советских условиях, к следующему

разу непременно прибегнет к аборту... И нельзя иначе, тут или погибни в старом завете, или линяй. Непременно! Как болеет и линяет птица, точно так же и женщина лично в этой линьке совершенно бессильна. Ребенок ночью часто кричит, а Зоя весь день была на службе, и, когда ночью сидит она при керосиновой свечке, раскачиваясь часами, баюкая, и ее тень с нечесаными громадными волосами часами тоже качается на стене, — заглянешь случайно, выходя на двор, и подумаешь: «Как это несовременно и как неразумно, не хватает сверчка и часов с кукушкой».

Случается, всю ночь прокричит, а на службу идти надо — какая же тут будет работа, можно себе представить! Ребенок переходит на руки к бабушке, матери мужа, потом, когда бабушке надо готовить пищу для Зои и убирать комнаты, ребенка переносят в дом к другой бабушке, матери Зоиной. Обе эти бабушки частью по избытку любви, частью чтобы поскорее унять крикуна, пичкают его всем самым с их точки зрения хорошим, сладким и вкусным, и не по часам, как надо бы, а как вздумается. Вот через это, по всей вероятности, ребенок неуемно кричит по ночам, Зоя качает и баюкает — утром не добудишься! а пыль на рояле как грифельная доска: сегодня напиши пальцем, завтра так [запылится], что никаких следов от вчерашнего. Бывает, созовет гостей, заиграет «Дунайские волны», поднимется пыль, — все начинают чихать и хоть глаза закрывай. Скажешь: «Зоя, как ты, нет у тебя ни иголочки, ни тряпочки, ты бы хоть пыль обмела на рояле». Так и фыркнет: «Я не хозяйка, и не хочу быть хозяйкой».

Возмутительное положение, а между тем, как подумаешь, и она права: прежде рожали детей, как и теперь, главным образом, по деревням, бабы высыхали с детьми, а дети кто выжил, кто помер — много выживало, достаточно. Более зажиточные держали прислуг, нянек, даже кормилиц. Мыслимо ли теперь все делать само́й советской женщине. Она справедливо мечтает о будущей [советской] квартире, куда она возвращается после службы и [советская] прислуга сделает все так, чтобы только лечь в чистую кровать и отдыхать. С другой стороны, то покрестится, то потихоньку сходит к заутрене, или вдруг вздумает

заниматься самообразованием и для этого почему-то проходит математику. Одним словом, Зоя линяет.

Петин выходной день. Взяли Бию и пошли по лисьим следам. Рабочие на производстве (устройство рыбного пруда) поймали ласку и упустили. Мы стали искать. Рабочие начали помогать. Производитель работ с трудом поставил их на место (крики: — Да я не усну, пока не увижу. — Зверек-то больно хорош). Когда все принялись за работу, производитель взял лом и стал нам помогать. Рабочие не выдержали и опять все у нас. Часа два провозились. Сколько было веселья. (Русская детская природа) Ласку выгнали, и Бия ее задушила. (Самый-то мой безобидный сюжет, а нельзя напечатать: разве могут рабочие на два часа забросить производство, нечего сказать, ударники!)

Художником в «образованном» обществе называют мастера, который умеет так сделать, что публика, почуяв, напр., приближение весны, скажет: «весна, как у Левитана» — или, приехав издали к морю, узнает его и скажет: «прекрасно, совсем как у Айвазовского». Мне же хочется в художнике видеть убедительно заставляющего и на море и на луну смотреть собственным «личным» глазом, отчего каждый, будучи личностью неповторимой и являясь в мире единственный раз, привносил бы в мировое хранилище человеческого сознания, в культуру, что-нибудь от себя самого...

Отчего мы страдаем? Оттого, что беспокоимся о средствах существования (простыня все редеет, редеет, а достать негде), второе — что очень трудно работать не для себя, третье — двоиться тяжело: про себя так, а на людях иначе, а в summa summarum[1]: нет радостей, праздников, подарков, и ждать лучшего тоже нельзя: ждут войну («пропал фельетон»).

Еще особенно тяжело нам, живым отцам, что отец — свидетель не только плохого, но и хорошего в прошлом,

[1] summa summarum (*лат.*) — сумма сумм, конечный итог.

что он не может быть не самим собой, что он живой, значит, нельзя же, выжав его сок на пользу обществу, прямо-таки без оговорок выбросить на помойку, как выжатый лимон... Герой современности — это сын, который своего родного отца как нечто личное и прошлое приносит в жертву обществу (понимая общество как «не я» — «я» исчезает в тот момент, когда председатель дает ему слово); и это до того теперь очевидно, что является вопрос о ликвидации всех «я» как класса. (Рапповцы думают, что борются с бурж. искусством, а на деле — с корнем всякого искусства, с личностью.)

Я сам долго отрицал советскую общественность потому, что каждый член ее про себя был совсем другой человек, чем на людях, и мне казалось, что сумма лиц, самоотрицающих себя, дает ничто, нереальность; теперь вижу, что нет, и сумма отрицающих себя личностей дает величину отрицательную. Да и что значит неискренность? В момент самоотрицания на обществе человек тут же преобразуется, утверждает себя общественно, возвращаясь потом к себе самому, как к мусорной яме. Мы же по-обывательски роемся в этой яме и говорим: «вот неискренний человек».

Пример: учительница в субботу в школе учит детей против Бога (антирелигиозная проп[аганда]), а в воскресенье рано в темноте, закутавшись в черный платок, идет к заутрене отмаливать грех (Бог не должен простить и превращает религию учительницы в мусорную яму). Пример: Художник-мистик N. пишет портрет Ленина и этим живет (3-ю тысячу теперь кончает): ведь в конце-то концов он делает Ленина, а не Бога, в которого будто бы верит ([Святого] Духа).

Странное дело: Григорьев рассказал про карьеру Витьки, что Витька попал в руки знаменитому инженеру-[электрику], тот его полюбил, научил, и теперь Витька, почти мальчик, является директором электрического «гиганта». Но вот, напр., к отцу его, бедному человеку, привезли три сажени дров, свалили, и их нужно было переложить в са-

рай. Отец за Витьку, и тот приезжает в автомобиле, раздевается и [перекладывает] дрова.

Я сказал об этом: — Вот так партиец.

— Это случайность, — ответили [мне], — его скоро выпрут. Партия таких хороших не терпит.

«В чем дело?» В том, что поступок этот, глубоко «личный», «хороший», «вольный», но никак не советски-партийный, характеризует скорее добрые отношения сына с отцом где-нибудь в Америке.

И так что нам, детям (буржуазной) культуры, представляется хорошим — это в лучшем случае безразлично пролетарскому моралисту. В чем же пролетарская моральная сущность? Вероятнее всего то, что я написал о Реомюре: был человек Реомюр, а превратился в термометр, да еще до того, что никому и в голову теперь не приходит, что Реомюр — человек. Так вот от нас требуется фактически, чтобы всякое «я» превратилось в ударника (= Реомюр) и не чувствовало в этом утраты, обиды и т. п. личных чувств. Или пчела самородящая — в пчелу бесполую работницу.

Мне нравятся, напр., ясли на тракт. фабрике, но я не могу слиться с пролетарскими писателями в похвале яслей: я похвалю ясли, имея в виду, что в Америке еще лучше нашего устраивают фабричных детей, я, если хочу быть пролетарским писателем, должен найти ясли, каких на свете не было; напр., что ребенок, увидев в яслях свет, еду и ласку, оттолкнул бы мать и не пожелал возвращаться в лачугу (тема пролетарская: общественность против рода).

Список возможных пролетарских тем:

1) Сын против отца вплоть до оправдания отцеубийства. [Развить другие «номера»]

Хозяйственный разговор.

Говорили мы сегодня о сене, что удачно закупили этим летом, а вот теперь едва ли, потому что мужиков перегонят в коллективы — Нет, — сказала Павловна, — не пере-

гонят: их нельзя перегнать всех, и дальше все трудней будет, потому что ведь остаются-то мужики самые хитрые, и еще учатся хитрости от жизни, а в коллективах становится все хуже. Какой хитрый мужик теперь, возьмем для примера тестя Тимофеева...

Так вот, как живет Тимофеев тесть, узнал [я] от Павловны. У него жеребец, воронежский битюг. Взял он, чтобы избавиться от [мясной] повинности, раскормил битюга, посадил на цепь и продал за 800 рублей. Сам же за пустяк купил годовика, тоже битюга. Годовая лошадь — жеребенок, обложению работой не подлежит, а для себя все делать можно: и пахать, и боронить, и дрова возить. Стоил он 100 руб., значит 700 р. в корма и <*1 нрзб.*> А там молодой подрос, его подкормил, продал... И пошло, и пошло.

Птицы прилетели к тому месту, где был храм, чтобы рассесться в высоте под куполом. Но в высоте не было точки опоры: храм весь сверху донизу рассыпался. Так наверно и люди приходили, которые тут молились, и теперь, как птицы, не видя опоры, не могли молиться. Некуда было сесть, и птицы с криком полетели куда-то. Из людей многие были такие, что даже облегченно воздохнули: значит, Бога действительно нет, раз Он допустил разрушение храма. Другие пошли смущенные и озлобленные. И только очень немногие приняли разрушение храма к самому сердцу, понимая, как же трудно будет теперь держаться Бога без храма — ведь это почти то же самое, что птице держаться в воздухе без надежды присесть и отдохнуть на кресте...

— А может быть и так, — думали они, — что все это отрицание приводит каждого к пересмотру того, что считалось и действительно было положительным, но износилось и требует капитальной очистки и возобновления. После революции все имена должны приблизиться к своим телам, и так, что если назовет кто-нибудь имя, положим, Бог, то это и будет сам Бог с существом своим, а не просто имя-звук, как было допрежь. Вот именно потому так и тревожно теперь жить, что каждому нужно установить существо того, что он просто лишь называл...

<*На полях:*> *Раньше на кресте этого храма любили птицы отдыхать, а под куполом множество их гнездилось...*

<*На полях:*> *— Революция требует от каждого имя к телу приблизить, и если Бог, например, то чтобы имя Бог, ставши пустым, пропало, а явилась безымянная сущность... Революция идет за сущность и против имени пустого.*

20 Января. Сиротская зима продолжается. Время как бы остановилось. В предрассветный час жутко... оттепельное небо, и слышу я: «Проснись, писатель, друг мой, и больше не жди к себе нечаянной радости, подарка и желанного гостя, закрой калитку и ложись спать прямо в заплатанных своих штанах и дырявых валенках».

Вся ли наука такая, — не берусь судить, та наука, которая исследует причины явлений, делает открытия и устанавливает законы, имеет свойство скрывать личности своих творцов, и человек науки часто даже имя свое переплавляет в сделанное им изобретение: так вот физик Реомюр до того скрылся в ртутный термометр, что редкий при слове Реомюр подумает о человеке. В искусстве нет никаких законов, форм и тем, укрывающих личность, ни за какою темой, самой великой, даже за Богом, не скроется художник, — что делать, страшно сказать, но ведь в «Тайной Вечере» Леонардо больше Христа...

<*На полях:*> *Всякий истинный художник непременно по своему личному вкусу смещает качество и потому является революционером.*

Ну так вот, начинаем рассказ. Жили-были два брата, Реомюр и Леонардо. Реомюру хотелось прославиться, и он стал заниматься полезными для людей физическими силами. Леонардо хотел Бога прославить и сам в себе умалялся до последнего червя. Великий Аллах...

Все эти мысли пришли мне в голову от ужасной обиды в нашей беспощадной жизни: обидно, что они обогнали... они узнали какой-то секрет, раскрывающий им тайный замысел всякого художника. Теперь больше не укрыться...

Раньше не смели, но пятилетка им помогла, осмелились и перешли черту. Теперь храм искусства подорван [произведенными танками], и это больше не храм, а груда камней. Но мы, художники, как птицы, вьемся на том месте, где был крест, и все пытаемся сесть...

— То совершенно отрицательное, чему мещанство противопоставляет свое бытие: «бей отца!» и «чти отца». Последнее, конечно, сильней, потому что сын же сам делается отцом...

Трагизм коротенького бытия сына, идущего против отца...

Медведи.

Обложка и разворот.

Тигрик облаял медвежью берлогу в одном из самых глухих уголков бывшей Олонецкой губернии в Каргопольском уезде в десяти верстах от села Завондошье, в Нименской даче, в квартале 13-м. Павел Васильевич Григорьев, крестьянин и полупромышленник, услыхав подозрительный лай, отозвал Тигрика, продвинулся очень осторожно через еловую чащу и на небольшой полянке под выворотнем в снегу разглядел довольно большое чело берлоги.

<*Приписка:*> *Это не диво на севере. У Павла есть один сродственник, кум Ермоша, так он раз медвежат обидел, явилась медведица, кажется, — пропасть бы. А он ударился на землю. Медведица обнюхала его...*

Кум Ермоша одного порядочного медвежонка даже ремешком застегал.

Спокойный характером и опытный охотник Павел, чтобы совершенно увериться, прошел на лыжах возле самой берлоги, он хорошо знал, что зверь никогда не встанет, если идти не останавливаясь. Так он прошел и уверился, продушина в снегу была от теплого дыхания, медведь лежал в берлоге <*приписка:* был у себя>. После того охотник сделал на лыжах круг, по которому он время от времени будет, не приближаясь к берлоге, ходить и следить, не вышел ли зверь. Проходя этот круг, он время от времени на-

клонялся и концами пальцев оставлял следы, чтобы по этим чирканьям узнавать самому этот настоящий круг от ложных. Немало потом он наделал этих ложных кругов, чтобы сбить охотников по чужим берлогам. Через несколько дней после этого события Тигрик облаял и второго медведя в двадцати верстах от села Завондошье той же Нименской дачи в квартале 17-м. В этот раз зверь лежал под выворотнем на виду. Павел чуть не наехал на него, в самый последний момент отвернув лыжи. Всего в трех шагах от себя он видел спящего зверя, полузанесенный снегом темно-бурый круг. Только уже после, когда недалеко отсюда он нашел другую, покинутую лежку того же самого зверя, он догадался, что медведь был большой, и вот эта догадка и была первой причиной того, что обе берлоги достались не Вологодским, а нашим Московским охотникам. Вологодские давали по пятьдесят рублей за берлогу, Павел просил по девять рублей за пуд, рассчитывая на большого зверя. Во время переговоров с Вологдой Павел на счастье послал письмо в Москву в Союз охотников.

<*Зачеркнуто:*> *Мне случилось быть в Союзе, вероятно, в тот самый день, когда было получено это письмо. Стремясь обделать свои дела обыденкой и к вечеру приехать к себе в Сергиев, я быстро обегал издательства и редакции, оставался один «Огонек», но сил моих не...*

Эта волна медвежьего запаха, попавшая сначала в нос Тигрика, потом в сознание охотника Павла в Завондошье, в Вологду, в Москву, очень возможно, и не дошла бы до меня, если бы я не устал от беготни по своим делам в Москве, где бываю всегда обыденкой. Мне оставалось заглянуть в «Огонек», но вблизи находился «Московский охотник», и я решил на короткое время завернуть к ним в чайную и отдохнуть. Чудесный мир в этой чайной комнате, где собираются охотники и часами мирно беседуют, <*зачеркнуто:* кто> старые о былом, <*зачеркнуто:* кто> молодые о будущем. Никаких разномнений. Все очень похоже на сказку, соединяющую старого и малого. <*Приписка:*> В этот девственный мир <*зачеркнуто:* еще не проникли>,

не спорят о формализме, конструктивизме и других литературных поветриях. Нет такого места на земле, где бы так дорожили писателем, если он хорошо изображает охоту. Тут я однажды пожилому охотнику...

Сейчас нет на свете такого места, где бы так дорожили писателем, изображающим охоту. Но было раз, одному пожилому охотнику я дал Гоголя, и тот открыл ему целый мир. Как счастлив был этот человек, не читавший Гоголя, как я завидовал ему. Но теперь вышло так, что тот же старик завидовал мне: я, всю жизнь занимаясь охотой, ни разу не бывал на медвежьей берлоге. «Да как же вы?» — спрашивали меня удивленно. Тут я познакомился с первым письмом Павла и обещал, если все сладится, ехать. Так медвежья волна дошла до меня.

Отдохнув в чайной, я отправился в «Огонек» и между прочим проболтался в беседе с редактором о предстоящей медвежьей охоте. Известно, какое преувеличенное изобразительное значение придают фотографии в иллюстрированных журналах. Пыл редактора передался и мне, я обещал ему, если поеду, взять с собой их фотографа. «Если убьете медведя, — сказал редактор, — решусь на обложку и дам разворот». Я не понял, он пояснил: на обложке будете вы с медведем, и на обеих страницах развернутого журнала все фотографии только медвежьи. «Будьте уверены, — сказал он еще раз, прощаясь, — у вас будет обложка и разворот».

Невозможно автору давать честное слово и клясться в правде написанного, все это читателем принимается лишь за изобразительный прием. Я даю не писательское, но охотничье честное слово нашего Московского союза, что не о себе думал, когда в ответ на присланную мне через несколько дней телеграмму о благополучном продвижении переписки с охотником Павлом подтвердил согласие ехать и просил телефонировать в «Огонек» о фотографе. Мне хотелось сделать удовольствие охотникам, зная, как все они любят сниматься с ружьями, зверями и собаками. Но оказалось, что медвежьи охотники люди серьезные, им важен медведь, <*приписка*: не собственные лица на бу-

маге>. Лишний человек, особенно фотограф, для них только горе. Они были в отчаянии и только из уважения ко мне позвонили и фотографу. Тот по телефону запросил, первое, может ли он на охоте пользоваться лестницей, и второе, где достать спецодежду, в которой ему можно легко бегать. В чайной до вечера был <*зачеркнуто:* гомерический> хохот, и медвежьи охотники успокоились: фотограф не будет мешать и в решительный момент убежит.

Вскоре после того Павел прислал последнее письмо, в котором неясно просил за одну берлогу шестьдесят рублей, а за другую по весу зверя. На неясное письмо был дан неясный телеграфный ответ, но с точным обозначением дня приезда. Дело было покончено, медведи остались за московскими охотниками, а Павел стал проверять круги, каждый раз прибавляя к этим <*зачеркнуто:* настоящим> медвежьим окладам <*приписка:* отметки своими пальцами по снегу> <*зачеркнуто:* с чирканьем> пальцев по снегу и ложные>.

Первая берлога.

Одни говорят, будто первое впечатление всегда обманчиво, и проверяют его. Другие, напротив, отдаются первым впечатлениям как единственно верному источнику познания мира. Я принадлежу к последним и верно могу говорить только о том, что впервые увидел своими глазами и удивился. Весь вопрос для меня только в том, чтобы увидеть предмет именно своими глазами. Никогда ни одного впечатления не получал я от зверей в зоопарках такого, чтобы оно имело какое-нибудь значение и для других. В зоопарке я не могу смотреть на медведя своими глазами, и он там не у себя: медведь в зоопарке, как говорят, сам не свой. И если бы в настоящем лесу на одно мгновенье мне удалось увидеть настоящего медведя, просто по своему делу переходящего поляну, мне кажется, я знал бы о нем во много раз больше, чем целыми днями разглядывая его в зверинце или на улице, заключенного в цепи.

Где-то в Америке есть огромный парк, где медведи живут на полной свободе. Там можно остановиться в гости-

нице и, гуляя в парке, можно встречаться с медведями или наблюдать их целыми днями у помойной ямы, занятых вылизыванием банок с остатками сладкого консервированного сгущенного молока. Мне довольно бы увидеть было хоть одну банку с консервами, чтобы мое впечатление как открывающее что-то новое совершенно потеряло свою силу, и где-то в глубине сознания стало скучно и не удивительно: медведь у банок с консервами не настоящий, он не у себя, он сам не свой. Мне думается даже, что если бы случайно пришел медведь в наши Московские леса и мне удалось бы поохотиться на него <*приписка:* убить> в этих условиях, то едва ли бы захотелось отрываться от дела и рассказывать об этой охоте: убил и убил. Но о медведе в Каргопольских бесконечных таежных лесах рассказ совершенно другой. Там теперь, как представлю себе эти северные худые высокие ели, эти снежные пуховички, по [пушинке] насевшие на торчках бурелома, непременно вспоминаю и грустное лицо женщины с рыбьим хвостом, и смешного старичка <*приписка:* двух дев Сильвию и Оливию>, и Аполлона, и чего-чего только там нет! Но самое удивительное, что когда я ехал потом обратно, я опять узнавал <*зачеркнуто:* эти снежные фантастические образы>: <*приписка:* в снегах Сильвию и Оливию> и только по ним <*приписка:* этим фантастическим образам> догадывался, где мы были и сколько было до дому. Самый же фантастический образ и в то же время самый действительный, по которому я чувствую себя самого, свою кровь, свое сердце и ум, это темно-бурая голова из-под выворотня, занесенного снегом, она вырастала из снега, как на восходе луна, как солнце, так же медленно и неуклонно и неизбежно, а я стоял в восьми шагах и целился...

<*На полях:*> Разбор сражения.

Сирин и Алконост, северная Сильвия и южная Оливия.

Полная луна, Венера в кулак, Большая Медведица, все небо со всеми звездами так освещали снега, что мы различали следы не только лисиц, зайцев и белок, но даже цепочки тетеревей и белых куропаток. В семи верстах от

станции было село Завондошье. В двух комнатах избы Павла на полу разоспалось все его бесчисленное семейство, Тигрик не стесняясь ходил по старым и малым. Но когда мы постучались, пришли в движение, спящих ребят убрали в одну комнату. Расчистили стол. Возник самовар, и фотограф очень осторожно, вполголоса, как в самых хороших домах, спросил бородатого хозяина Павла Васильевича:

— Скажите, пожалуйста, Василий Павлович, где у вас здесь уборная?

Нас пропасть разделяла с фотографом: зачем нам его фотография? а наши животрепещущие разговоры ему представлялись спецразговорами. А между тем, какие же это спецразговоры, если от того или другого решения, как оказалось потом, зависела жизнь... У меня не было штуцера, я взял легенькую свою бекасиную гладкоствольную двадцатку с жаканами. По книгам я знал, что с жаканами да еще при двадцатке выходить на берлогу рискованно. Мне так представлялось, что действующим лицом я и не буду и пущу свои пули только при несчастье. Все оказалось по-иному. Я был хозяин берлоги, другой хозяин был чех — буду условно называть его Грек, — стендовый стрелок со штуцером, но тоже новичок, третий охотник, старый медвежатник, не имел берлоги, он ехал распорядителем, защитником, учителем. Мы стали сразу звать его «Крестным».

— Я бы не вышел на берлогу с двадцаткой, — сказал он, — но мы будем вас защищать, выходите <*зачеркнуто:* На вторую>

— Нельзя ли мне посмотреть и стрелять во второго медведя? — робко попросился я.

<*зачеркнуто:* — Непременно на первую, — сказал Крестный.>

— А может быть, второго не будет, — ответил Крестный, — кто же будет описывать нашу охоту? И я знаю, вас не удовлетворит положение фотографа, без страсти вы не напишете.

И, не бросая жребия, предложил Чеху первую берлогу с первым выстрелом уступить.

<*Зачеркнуто:* Тот согласился>

<*На полях зачеркнуто:* Мне пришлось согласиться, чтобы не прослыть трусом.>

Отказаться — значило прослыть трусом. Конечно, и жаканом можно отлично убить, но... Всякое время имеет свою технику и своего артиста. Будь теперь эпоха охоты на медведя с рогатиной и я на высоте <*зачеркнуто:* умения> искусства с ней обращаться, то это нисколько не страшно: гибнут неискусные, артисты гибнут случайно. Теперь время штуцера с экспрессными, ужасно разрушительными пулями, а с жаканом идут кустари, я не в эпохе, я не первый — вот что обидно.

Мы спали два-три часа и утром, не торопясь, пили чай. Великий дипломат и политик в медвежьих делах, наш Крестный только в самый последний момент, когда все было собрано, решительно заявил Павлу: мы даем или по 60 р. за берлогу, или по 9 р. за пуд, но одну берлогу на вес, другую... мы не согласны. Павел опустил голову и крепко задумался. Это не был подмосковный лукавый мужик с его штучками, присказками и всякими финтифлюшками. Северный охотник думал прямо, глубоко, решительно и верно. И когда он сказал коротко: «на вес», Крестный возликовал, это значило, медведи были не шуточные. Лошади были готовы, все собрано, только садиться, и вдруг фотограф требует лестницу. Нельзя же смеяться в глаза. Мы осторожно уверяем, что охота безопасна, а лестница не поможет. Но фотограф даже и не понимает наших намеков: ему решительно нужна лестница. Мы начинаем сомневаться в своих предположениях. Приносят и погружают длинную лестницу.

Фотографу выпало великое счастье. Я не видал таких дней весны света под Москвой, как это было на севере. Таежный лес был пронизан золотыми лучами: лазурь, золото, голубые следы рысей, лисиц, зайцев, белок, куропаток, глухарей, тетеревов. Глаза разбегались. И как особенно пахло снегом на солнце!

Дорогой назывался след саней в глухом лесу. Сани и без разводов то и дело застревали. Задетые дугой навис-

шие глыбы снега часто рушились на голову. Фотограф сзади то и дело кричал. Мы останавливались. Он снимал.

Каждый раз Крестный ворчал:

— Опять представление!

Или так:

— Ну, опять Станиславский.

А лес такой серьезный: ни одной дорожки, ни одной тропинки, и если лыжница, то это очень деловая лыжница и всем нашим возницам известно, кто это, зачем и куда прошел. И вот наша лыжница, все остановились: это след Павла к медведю. Мы встали, скинули тулупы, наладили лыжи. Крестный и Чех достали свои штуцера с экспрессными пулями. Я вынул из футляра свое щегольское бекасиное ружье, и тут сердце мое екнуло: с таким ружьем на медведя, и выстрел мой непременно. А фотограф распоряжается: — Поверните голову к солнцу! Лица не видно, сдвиньте шапку...

Крестный шепнул мне:

— На него никакого внимания, идите за окладчиком. Сейчас я запрещу говорить.

Исчезла красота сияющего лазурью и золотом северного леса. Мысль только о том, чтобы не задеть лыжей мороженые с треском отлетающие как [кости] сучки. Верста показалась за десять верст. Мы перешли тончайший магический круг оклада, внутри его где-то лежал медведь. <*зачеркнуто:* Павел> Окладчик остановился и показал рукой на север, в чащу. Было понятно: там спал медведь, и мы делали новый последний обход на поляну с востока к челу берлоги. Как бы я счастлив был, если бы только возможно было миновать ответственного выстрела и стоять в помощь. Вернулись мучительные минуты гимназических экзаменов, когда, бывало, вынимаешь билет и молишься: «да минует Меня чаша сия». А может быть, я с этими своими птичьими охотами только представлялся охотником? Что если все это было только для литературы, как мы сейчас для фотографии, и сейчас все узнают, что я бумажный охотник? Что если и мое словесное искусство тоже обман... и так вся жизнь обман на обмане?

Показалась поляна с редкими тонкими елками. Павел остановился и показал...

Все кончено: он показал. Если сейчас выскочит зверь и уйдет, я плачу́ за берлогу. Он отходит назад. Крестный обгоняет меня и зовет. Чех справа. Впереди группа елочек, за ними виднеется выворотень, под ним в сугробе дырка величиною в <*зачеркнуто:* луну> месяц или блин, совершенно правильная, темная и, кажется, рыжая; понимаю во всем ужасном значении блин: это чело.

Мы ближе и ближе. Ружье наизготовке. Не отмерзли бы пальцы. В двадцати шагах короткое совещание шепотом: Чех идет вправо в обход берлоги, на случай если у медведя есть выход назад, Крестный становится влево защитником, если я промахнусь <*приписка:* зверь будет не сразу убит и полезет в драку>. Я остаюсь на месте один против чела. Лыжи должны быть оставлены. Я погружаюсь выше пояса в снег, чело исчезает. Барахтаюсь без помощи, не знаю, что делать, ничего не видно, некого спросить, теперь только самому догадаться, но если я в этом не могу. В книгах нигде нет о [преодолении] снега. А Крестный как-то устроился влево от меня высоко и шепотом велит мне продвигаться к челу. Я лезу, шаг, два, три... Оглядываюсь влево. Там шепчет: «до елочек». Как до елочек, но ведь они же против самой берлоги в семи-восьми шагах! Я слушаюсь и лезу. Там я уминаю снег под собой, выходит ступенька, потом другая, третья. Кто меня научил? Я утвердился и наконец вижу чело.

Что там делалось сзади, я не слыхал, я совсем забыл о фотографе, о его лестнице. Я вижу чело и через него рыжую стенку выворотня. Боюсь карабкаться выше и вдруг провалиться, а Крестному наверно видно и ниже...

Чех растерялся и не понимает задачи беречь зад берлоги. Крестный покрылся белыми и красными пятнами, машет, шепчет, говорит. Чех подается. Чех подается и вот...

Как это ясно теперь мне, что вся ужасная борьба в себе самом свободного гордого человека с трусом необходима, и без этого к человеку нет интереса и вкуса. В этом все: трус — необходимая сила творческого сознания. А потом вдруг черта, за которой нет борьбы, и это уже больше не

я в своей сложности, а механизм, работающий с такой же точностью, как стальная пружина в часах. Такою чертой для [меня] было ясное слово Крестного:

— Лезет!

Я не видел, но знал, и все кончилось. Что-то зашевелилось на рыжем: нос, уши? Я ждал, и мушка стояла на этом уверенная, неколебимая. Стало показываться и нарастать медлительно, верно и неизбежно, уши такие, как в зоопарке, и линия шерсти между ушами, а мне нужна линия между глазами, и до этого, если все так будет расти, нескоро, как все равно если смотреть на восход луны и метиться мушкой...

Неужели всему этому огромному времени мерой была наша секунда? В обыкновенном мире между тем совершались обыкновенные мелкие события, только я на своей высоте не придавал им никакого значения. Откуда-то сзади меня с высоты, верхоты с <*приписка:* невидной мне> лестницы послышался голос фотографа Крестному:

— Станьте немного левее.

— Поди к... <*зачеркнуто:* черту>, — ответил отчетливо голос Крестного.

<*Приписка:*> *Скажу «к черту», но это было гораздо хуже и совершенно невозможно в устах хорошо воспитанного Крестного.*

В это время показалась желанная линия между глазами, совершенно такая же, как в зоопарке, сердце мое остановилось от задержки дыхания, весь ум, вся душа моя перешла в указательный палец, и он сам сделал, как тигр, свое роковое движение.

Вероятно, это было в момент, когда медведь, развертываясь медленно от спячки, устанавливается для своего прыжка из берлоги. Он вдруг показался весь с лапами и брюхом, запрокинулся назад и уехал в берлогу.

Все кончилось, и <*приписка:* зима>, вдруг процвело. Открылся солнечный радостный мир. Медведя выволакивают, он <*приписка карандашом:* не очень> небольшой, но все равно. Крестный обнимает меня и поздравляет с первой берлогой. Он просит прощения у фотографа. Чех

поздравляет, такой славный малый, так он сияет от радости. Фотограф нас расстанавливает, фотограф приказывает наклониться, сделать шаг вперед, шаг назад, повернуться к солнцу, к тени, улыбнуться. Мы во всем подчиняемся радостно и добродушно. Ведь он же все-таки не убежал, и в <*приписка:* значении> лестницы мы, конечно, ошиблись. Фотограф мнет нас как воск, выжимает как из губки наше вино. И вот, кажется, все. Он хочет снять берлогу отдельно и просит срубить перед ней дерево. Нет, мы не дадим. С нами делай что хочешь, но дерево рубить мы не дадим. И как дать! Быть может, именно из-за этой группы елочек медведь и выбрал себе лежку под этим выворотнем. И не эти ли самые елочки маячили мне, когда я в глубоком снегу продвигался к челу, и говорили: быть или не быть охотником?

Вторая берлога.

«Разбор сражения» с первым медведем у нас продолжался до тех пор, пока мы не уснули. И что было совсем удивительно и ново: после дня, проведенного на морозе, в волнении, вовсе не захотелось, как обыкновенно, выпить. <*Зачеркнуто:* и так было понятно> Так открывалось во всей очевидности происхождение выпивки как потребности иллюзии в жизни, не удовлетворяющей всего человека. Перед сном окладчик потребовал от нас раннего вставания и лишней подводы, это значило, что ехать за этим медведем далеко, а отдельная подвода необходима, <*приписка:* ...для чего?> Не надо бы спрашивать. Павлу пришлось неохотно сказать: «для медведя», потому что медведь непременно большой. Мы не очень этому верили, имея в виду, сколько, согласившись на расплату по весу, окладчик прогадал: вместо шестидесяти рублей за берлогу он получил только по 9 р. за 4 пуда медведя. И потом, сколько еще вероятности было подшуметь лежащего открыто медведя...

Весело мне было встать спозаранку и будить товарищей, ведь сегодня я ответственности не несу, я почти только свидетель. Так и сказал я, поддразнивая Чеха:

— Как приятно отделаться, посмотрим и мы на вас, молодой человек!

На эти слова наш Крестный улыбнулся. Он был десятки раз на берлогах, и ни разу одно не было похоже на другое. И как ни рассчитывай, ответственная роль часто достается последнему. Были такие слова, я запомнил их хорошо, но когда мы приехали <*зачеркнуто:* к лыжнице> на место и стали заряжать ружья, все слетело. Девяностолетний старик, помню, впервые взялся по моей просьбе за перо, чтобы описать свою жизнь, и писал он совершенно как <*зачеркнуто:* юноша; *приписка:* маленький> ребенок. Так и на неведомой [тропе] медвежьей охоты, признаюсь, чисто юношеские чувства были во мне. Я представлял себе, что Чех, такой же неопытный, как и я, не сумеет нанести медведю убойную, поражающую рану. Огромный медведь сбрасывает охотника в глубину снега. Я быстро подхожу и всаживаю медведю два жакана между глазами. Невредимый Чех вылезает из-под медведя... Так вот, моя роль — ни в каком случае не стрелять и беречь заряды для трагического случая.

Мы теперь идем на лыжах в новом порядке: впереди окладчик, за ним Чех, хозяин берлоги, потом Крестный, за мною сын Павла несет лестницу для фотографа. В этот раз нам идти далеко, целых два километра. Сегодня я, не стесненный обязанностью, свободно и радостно все наблюдаю. Сколько громадных выворотней, целые стены! Солнце и <*зачеркнуто:* лазурь>, как вчера. На самой высоте мачтовых елей обыкновенные шишки теперь в лучах, как золотые шары на лазурной эмали. Редко <*приписка:* но было> птичка сядет на верхний палец мачтовой ели. А следы в этой таежной глуши только рысьи...

Окладчик сделал знак остановиться. Что-то случилось. Лицо его встревожено. Не ушел ли медведь? Мы стоим, он исчезает и возвращается. Еще продвигаемся, и опять он делает знак и опять исчезает. <*Зачеркнуто:* Крестный шепчет> От одного к другому, дошло и до меня: окладчик круг потерял. Мы так и поняли: поземок замел его чирка-

нья пальцами по снегу, и теперь он не может найти среди ложных кругов свой настоящий. Мы были спокойны. Ружья замкнуты предохранителями. Но мы ошибались. Мы были в кругу. Окладчик не круг потерял, а берлогу. Почему он нам не сказал? Если бы мы знали, все бы пошло по-другому...

Из частого ельника мы продвинулись к полянке. Павел вышел из густоты, за ним вышел из густоты Чех, Крестный вышел, я поравнялся с крайнею елкой, довольно большой, <*приписка:* краешком глаза видел я возле себя с правой руки выворотень> сделал еще один шаг к поляне, и за мною сделал шаг мальчик с лестницей. На поляне было сухое дерево, очень толстое, желтое, с обломанной вершиной. Последняя мысль у меня была <*приписка:* в моем обыкновенном состоянии перед новым>: «как же по такому признаку, огромному сухому дереву, Павел не может узнать своего круга?» И в тот самый момент Павел узнал и сделал знак остановиться. Мы все ошиблись, мы думали, Павел узнал свой круг, а он берлогу узнал и показал на меня. Как он мог сделать такую большую ошибку — остановить нас? Как мог он не знать, что при остановке медведь непременно поднимется. Но я видел возле себя только мальчика с лестницей, и за мальчиком были и возчики. Как они увязались, как мы их просмотрели. Возможно, Павел видел и не рассчитывал, что медведь пропустит мимо себя так много людей. А может быть, просто сам растерялся и остановился, ведь его дело только показать, и он показал...

Ружье висело у меня на плече, замкнутое предохранителем. Я услышал сзади себя тревожный шепот мальчика:

Дяденька, дяденька!

И оглянулся.

Мы потом смерили: тот выворотень был ровно в трех шагах от меня. Я услышал рев под собой: два раза. Сбросился с лыж и утонул. Но ружье мгновенно само собой стало к плечу. А там, в трех шагах показалось и стало расти. У меня очень отчетливо в голове: «совершается то же самое, что и вчера, действуй совершенно так же, как и вчера». И опять началось это <*зачеркнуто:* долгое> медлен-

ное время, как и вчера: нарастает, нарастает. Вот и знакомая полоска между ушами, вот она становится шире, шире, сейчас скоро покажутся глаза и тогда, конечно, прекрасно выйдет, как и вчера: мушка моя опять на стальном пьедестале, ум и вся сила собрались в указательном пальце. И вдруг все переменяется. Полоска лба становится все уже, уже, показывается точка носа, уходит тоже назад, и обнажается горло. Но я не знаю, могу ли я в горло стрелять. Я не знаю, а надо. Мушка моя разделяет горло напополам. Вот это верно, а дальше неверная решимость: что будет, то будет. И указательный палец делает свой тигровый прыжок.

Разбор сражения.

Мне казалось, все происходило на большом пространстве, стрелки были далеко от меня, но потом с точностью, проверяя друг друга, установили, что стрелки были от меня Крестный — в четырех шагах, Чех от него — в шести или семи.

Почему же Крестный не выстрелил, когда медведь поднимался почти вплотную возле меня? Он же знал лучше всех, что через широкую шею нельзя угадать позвонок и что, если бы и угадать, жакан из двадцатки может и не разрушить позвоночник, что одно только конвульсивное движение лапой смертельно раненного огромного зверя довольно, чтобы снести мне череп. Гибель моя была неизбежна, и Крестный не выстрелил.

Открывается самое удивительное: относительность времени. Оказывалось из расспроса моего мальчика, он <*зачеркнуто:* увидел> заметил медведя по движению лапы под выворотнем: одна лапа, прикрывавшая в спячке глаза медведя, стала медленно отодвигаться, и тут он сказал свое: «Дяденька, дяденька!» И потом все это: как он лез из берлоги, рычал, вырос больше меня, утонувшего в снегу, обнажил свое горло, и последовательный ряд моих действительных мыслей вплоть до нажима указательного пальца на спуск заняло только время, необходимое Крестному, чтобы обернуться на рев. Чех все видел, но прямо за медведем стоял народ, и мелькнувшее смущение не дало ему времени выстрелить.

И потом, как же немного нужно времени, чтобы подвинуть предохранитель. Но когда при нажиме на спуск выстрела не последовало и я на мгновенье отвел глаза с медведя на предохранитель и подвинул его <*приписка:* и вновь стал целиться>, огромный широкий зад зверя, удаляясь, мелькал в частом ельнике. Я наудачу в густ[оту] послал два жакана. В частом месте, очевидно, был какой-то промежуток, видимый Чеху, он успел туда послать две свои пули из штуцера. И вдруг после того зверь круто повернул из густ[оты]... к поляне в сторону выстрела. Он показался мне на повороте с огромной красной раной в левом боку и шел не скачками, а рысью. Крестному этого не было видно, я успел ему крикнуть: «Стреляйте, завертывает!» Он мгновенно продвинулся, увидел и выстрелил. Зверь опять круто повернулся в сторону выстрела, обнажил голову для Чеха, тот выстрелил в голову, и <*зачеркнуто:* огромный бурый> медведь ткнулся огромным неподвижным темно-бурым пятном <*приписка:* остался лежать> на белом снегу.

И все это было от самого начала и до конца, кто поверит? в одну долю минуты.

<На полях:> Павел белый — конец

Мы все смотрели друг на друга <*приписка:* каждый> внутри очень спокойные и с удивлением говорили: у вас лицо совсем белое. Было так странно это слышать <*приписка:* про себя>, когда внутри было все так спокойно и начинался праздник победы и каждый надеялся, что именно его пуля была решительной. Но почему же это снежное спокойствие духа от самого момента смертельной опасности вызвало каким-то особенным тоном своим воспоминание, когда голова моя <*приписка:* однажды> уже свесилась с острова жизни...

Павел, мы все заметили, сделался таким же белым, как и мы. Было странно это. Он же не делал различия между жаканом из легкой двадцатки и [пистонной] разрушительной экспрессной пулей из штуцера, а с медведем постоянно встречался в лесу. Я догадываюсь, Павел побелел потому, что если бы медведь был упущен, вина легла бы

на него, и это [было] двенадцать с половиной пудов, по девять рублей, — сто двенадцать рублей пятьдесят копеек, поди-ка найди их. <*приписка:* в этой тяжелой <*1 нрзб.*> жизни Павлу тоже очень хотелось жить, как и нам>

Неприятная картина.

Но разве и вся-то наша жизнь не похожа на горную цепь, острые вершины которой — мгновения наших побед, а все остальное между вершинами <*зачеркнуто:* графически> выражает собой долгие годы разбора сражений. Опасная охота у нас была [острой] вершиной — [мгновение]. Вот почему, конечно, мы не устаем заниматься до ночи воспоминанием <*приписка:* [спускаться] в долину> всех подробностей этих нескольких десятков секунд нашей битвы с медведем. Легко можно было заметить, почему тот или другой иначе представляет себе картину: каждому хочется, каждый надеется, именно его пуля была решительной. Мы пробовали рассказывать каждый по отдельному плану, складывать их, вместе обсуждать. Уступая друг другу, мы кое-что выяснили, но только вскрытие зверя могло нам дать верную картину и полную оценку стрельбы. С огромным трудом вывезли зверя из леса, и ночью он прибыл. Утром его втащили в избу, и мы приступили к вскрытию. Я не участвовал в работе, сидел на лавочке с фотографом. <*приписка карандашом:* Медведь лежал ногами к святому углу, на спине, а передние ноги, как [гигантские] волосатые руки, закинул к печке>. Перед моими глазами были громадные мозолистые ступни зверя, совершенно такие же, как человеческие, дальше брюхо, и в конце передние ноги, закинутые вверх, как гигантские руки. Будь это гигантская человекообразная обезьяна, едва ли бы я стал раздумывать о нашем волосатом предке, обезьянье сходство раздражает и не дает возможности думать. Медведь с занесенными вверх волосатыми руками, каждая из которых одним движением могла бы снять мне череп, давал больше простора воображению: мы тоже были когда-то такими же сильными телом своим, питаясь где кореньями, где медом <*приписка:* ягодами>, собирая все долго, трудно.

А ножик уже начинал свое дело и открывал на шерсти белую полоску подкожного жира. <*приписка:* Мне <*зачеркнуто:* вспомнилось> представилось время, из эпохи каменного века, когда первобытные люди потрошили убитого мамонта. <*зачеркнуто:* Теперь же> И в свете этой картины как-то особенно жутко представилось наше время: литератор, секретарь охотничьей газеты, бухгалтер и фотограф [на месте] первобытного человека>

— Вот бы снять, — сказал я фотографу.

— Неприятная картина, — ответил он — и удалился.

Скоро открылись белые пальцы ног, и шкура с когтями на них упала: сходство с ногой человека стало поразительным. А когда обнажились руки, то они там были совсем синие от тесноты в них мускулов, и тогда еще больше унизительно я почувствовал в своем теле невозвратимую утрату: так очевидно было, что экспрессная разрушительная пуля в процессе развития жизни была создана за счет силы когда-то гигантского тела нашего предка.

При первом взгляде на открытую первую рану в правом боку, ту самую, от которой медведь повернул и [пошел ко] мне с огромным красным пятном, стало очевидным, что мои жаканы были тут ни при чем, они разбились, наверное, о частые елки. Эта рана была от разрыва пистонной экспрессной пули при ударе о ребро. Взрыв разбил три ребра, и осколок кости был найден даже в сердце. Оболочка пули со многими осколками была тоже в сердце, одно легкое было иссечено, как дробинками. И с такой раной зверь бежал еще сорок шагов и мог бы раздробить черепа множеству людей, если бы они вышли с голыми руками. Эта рана Чеха, первая рана, повернула зверя в сторону выстрела и Крестного, и вторая пуля прошла оба легких и <*приписка:* околосердечную сумку> <*зачеркнуто:* сердца> разорвалась в правом боку, все там размесив до невозможности разобраться. И все-таки зверь бежал и, вероятно, еще несколько шагов был опасен. Но последняя штуцерная пуля попала ему в ухо, <*зачеркнуто:* раздробила> разнесла мозги, и он ткнулся. Вот какая живучесть была у нашего волосатого предка, и как мало этого теперь осталось у нас. И, главное, за это было обидно.

Этот гигант, без сомнения, сам налил свои синие мускулы, он сам искал себе овес, коренья, ягоды, мед огромной работой изо дня в день <*приписка:* малину, по земляничке, по [раскопанной] муравьиной кочке>. А Чех, бухгалтер нашего охотничьего союза, едва ли даже имел понятие о производстве нитропорохов, гремучей ртути, баллистике. Он просто выпросил себе у приятеля два десятка этих пуль, хранившихся у того еще с довоенного времени. <*Приписка:* И тот, кто этим занимался, сидел где-нибудь в лаборатории, в библиотеке, увлеченно [работал, изобретал] понятия не имея, для чего оно все твор[ится], кто будет им пользоваться>.

Огромное вскрытое животное даже в избе не [издавало] запах: перед спячкой кишки и желудок его были очищены каким-то [сильным] слабительным и казались даже хорошо промытыми. Это особенно с симпатией обращало внимание на чистоту гигантского тела.

Что, может быть, продолжая «разбор сражения» в глубину истории борьбы первобытного человека с пещерным медведем, я был один? На проверку я смотрел на Чеха, тоже смотревшего на медведя, и спросил его, о чем он думает:

— Эти синие руки...— сказал он. <*Приписка:* Чувствую <по этому я догадался>, он то же думает, не умея передать>.

Больше не мог он никак выразить свои домыслы, но я его понимал, он думал о том же самом, о дроблении, ничтожестве своего тела, и он тоже завидовал с грустью и уважением...

<u>Слава</u>.

Было немного жалко медведя, но и слава хороша! В деревне собрался народ, <*Приписка:* и началось вокруг медведя оживление... [разглядывали, говорили, поднимали, качали его]. Было похоже на остатки древнего культа, существующего [со времен охоты на медведя с рогатиной]>, принесли рогатину — когда это было! Столько воды утекло с тех пор, когда охотник осмеливался на подъеме всаживать рогатину, что есть голоса в специальной охотни-

чьей литературе, будто никогда этого не было и все это сказки. Я сам начинал уже задумываться <*приписка:* поддаваться> над возможностью охоты с рогатиной. Но как сомневаться, если в этом медвежьем углу старик принес к убитому медведю ржавую рогатину и стал показывать нам приемы. Было это, люди были другие, недаром грущу я о синих руках.

Нет того человека-гиганта, но медведь тот же самый, и слава отдается маленькому человеку из бухгалтерии со штуцером.

Очень дорого было перевозить большого медведя <*приписка:* бухгалтеру>, но своего я взял и в неупакованном виде привез на ст. Вандыш. Так уже давно не били медведей, что начальник станции, из новых людей, растерялся <*приписка:* при виде медведя> и схватился за книгу; там он вычитал, что для пересылаемых животных в неупакованном виде требуется ветеринарный надзор. После долгих уговоров <*приписка:* уверений; *зачеркнуто:* рассказов> такого старого медвежатника, как Крестный, что в прежнее время постоянно возили без упаковки во множестве [убитых] медведей. Мне было очень интересно узнать, что каждый медвежатник вез медведя в Москву и к Лоуренсу, начальник согласился, только взял расписку и сам продиктовал ее содержание: «Отправляю медведя в неупакованном виде и принимаю на себя все последствия». Медведь по пути не ожил, и последствий не было, но у меня украли кошелек с квитанцией на медведя.

Я очень волновался, опасаясь и в нашем Сергиевском начальнике встретить формалиста и мучиться с медведем, пока он не протухнет. Списав номер квитанции от шкуры другого медведя, пригласив выйти со мной двух своих товарищей, я постучался в комнату ОГПУ. Там никого не было. Начальника не было, помощника, весовщика. Потом увидели мы всех их возле медведя, и с ними еще множество людей. Нарастающая слава разбила все формальности. Меня спрашивали не о квитанции, а как и где был убит медведь. Явился ломовик, медведя понесли на подводу. Десятки школьников бежали за едущим медве-

дем. Кто-то из знакомых видел в окно, кто-то встретился. К трем часам дня весь город говорил о медведе и стали являться любопытные, охотники, знакомые... <*приписка:* поздравляли> Через три дня слава, все нарастая, заполнила все уголки...

Три года <*приписка:* живу я на этой улице> туго росла здесь слава моя как писателя. Правда, все знают меня, но почему-то лучше бы не знали. Есть особенные коренные люди, сидят <*приписка:* часами> на лавочках перед своими домиками и насквозь все проглядывают, их называют коблы. Они знают меня и с ненавистью говорят: «Вот пи-са-тель идет». Иногда молодые огарки и оскалепки остановятся как пораженные и вдруг, выпучив глаза, [скажут] в упор: «Жу-ковс-кий!» Все меня знают на моей улице, но уже на другой я должен давать свой адрес: «рядом с Мелковым», а Мелков лошадиный драч. В уезде постоянно нанимаешь лошадь и говоришь: «возле Мелкова». <*Зачеркнуто:* Так было три года, я знаменитый, но еще знаменитей Мелков. И вот сегодня я слышу: — А где тут драч живет? — Другой отвечает: — Рядом с охотником. — А не он это медведя убил? — Он самый.>

Я привык бояться своей писательской <*приписка:* литературной> славы <*приписка*: в родной стране она отчуждает и делает иностранцем>. Есть огромная народная толща, где все враждебно этой известности. Потом, есть множество людей, кто глубоко почитает невидимого автора, но в живом виде не переносит и думает: это ненастоящий <*приписка:* и стремится уколоть и, читая, не верит славе>. И потом, сколько же их теперь развелось, писателей, [разных] журналистов, [поэтов], как узнать среди них настоящего? Всякий разумный человек должен бежать от такой «славы». Но вот я медведя убил, <*зачеркнуто:* и коблы, глядя на меня> оскалепки и огарки почтительно расступаются, коблы между собой говорят, нарочно, чтобы я слышал: — Курица, и то в сердцах бросается, а поди-ка медведь... Вот кто-то спрашивает кобла: — Где тут драч Мелков живет? — Рядом с охотником <приписка: писателем>. — Это что медведя убил? — Он самый, писатель, известный по всей Московской губернии.

<*Зачеркнуто:*> *Так три года я со своей писательской известностью был «рядом с Мелковым», но убил одного медведя, и Мелков стал «рядом с писателем».*

Слава. Жалко немного медведя, но и слава хороша. Вот уж слава так слава! Скажи я теперь, что написать о медведе во много раз трудней, чем убить его, и собери плебисцит, весь народ и все народы СССР, образованные и невежественные, разделятся на две враждебные стороны: исчезающая малая часть согласится с тем, что написать гораздо труднее, а огромная масса на смех подымет всякого, кто вздумает не только отдавать первенство труду писателя, но даже просто поравняет его и скажет: достать трудно в лесу медведя, но трудно и создать его из слов.

27 Января. Детское Село.

Мечта в рамках плана, все равно что река в берегах: тут спор большой, берег говорит — «удержу», а вода — «размою». Так точно и книга пишется в большом споре твердого плана, «идеи» с потоком жизни, стремящимся размыть предустановленнный твердым разумом план. Не будем же скрываться и на первой странице запишем «идею» Даурии.

Все начинается от чувства безысходной тоски при виде всего живого, погибающего напрасно в природе. Это чувство свойственно многим и по-разному сплавлялось в идею: были у нас «Цветочки» Франциска Ассизского, был Руссо, Гёте, было толстовство с его непротивлением, был, наконец, натурализм, механицизм, биологизм и много другого. Но замечательно, — сколько великих начал, а конец наших отношений к природе массового человека непременно то, что мы называем «мещанством».

<*Приписка:*> *В. Лихтенштадт. Науч. фил. идеи Гете. Гиз. 1922 (23).*

29 Января. Возвратился к себе. (Уехал 20-го и по 28-е пробыл в Детском Селе).

Замятин подал через Горького письмо Сталину: «Высшей мерой наказания для писателя является запрещение печататься...» Следуют примеры. Заключение: «Обещаюсь

вернуться тотчас после разрешения печататься». Говорят, что Сталин не дочитал письма, сказал «черт с ним!» и разрешил. Микитов говорит, что Замятин по гордости своей должен вернуться.

«Лихо одноглазое» — зовут Разумника в обществе О. Форш. Сама же Форшиха похожа на среднюю ведьму.

Чумандрин (новый бездарный писатель), вернувшись из Германии, сказал, что там революция будет нескоро: «их свобода разбаловала» (прямо две половинки с К. Леонтьевым).

Лаврухин и Чумандрин. Лаврухин умный и талантливый пролетарий, написал хорошую книжку, из него [выводится] писатель, а вместе с тем, как [выведется] писатель, задохнется внутри него Чумандрин. Что же такое Чумандрин? Вот есть средний европеец, который составляет истинно безверную мещанскую чисто одетую Европу. Так есть мещанин от большевиков, выполняющий ныне дело революционной государственности. Это представитель мелкоты завистливой и уверенной в себе совершенно, как европейский мещанин уверен в английских штанах, что они в полоску и т. д. Представитель ком-мещанства, постоянно дробясь и мельчая — чем мельче, тем крепче схватывается частицей за частицу другого мещанина, и так получается безликая сила, подобная чуме. Европейский мещанин страшен самим своим фактом, думаешь: «что же дальше-то будет?» но он непосредственно не страшен писателю, вернее сказать, ему нет никакого дела до большого искусства и мысли. Чумандрин сам писатель совершенно бездарный, совершенно в себе уверенный и диктующий настоящим писателям так же писать, как он сам. Уничтожив все русское искусство, Чумандрин найдет себе жирную почву и на ней разбогатеет, как европейский мещанин, и забудется. Тогда только вновь очнется искусство и понемногу опять кое-где появятся редкие реликтовые цветы его...

Мишка Призент — фактотум Демьяна Бедного (как у Шаляпина Исай и т. п.) — вел дневник, в котором запи-

сывал суждения Демьяна о Сталине. Вот однажды Демьян звонится в «Правду» и дает нагоняй за то, что его не печатают, а оттуда ответ, что вовсе печатать не будут. И тут же пакет от Сталина с выдержками из дневника Бедного. Так совершилось падение Демьяна. Вот слава-то Богу! редко ведь сукины дети достигают такого высокого положения. Говорят, из Кремля чуть-чуть не выперли. В конце концов, становится забавно глядеть, как все непременно падают. Интересно, как кончится Горький, успеет умереть до падения или тоже рухнет. Вот острие: на Красную площадь героем или... и все от того, сумеет ли человек умереть вовремя. Сила его в добрых делах...

Шаляпин возвращается... Говорят, Горький уговорил: «надо себя связать с революцией».

31 Января. Продолжается оттепель. Начал Даурию.

Вспоминаю рассказы о вожде: как мы потешали вождя и как вождь нас потешал. Баритон Рейзен редко поет в Москве. Вождь позвал его в ложу: «Почему редко поешь в Москве? — Квартиры нет. — Тебе что, в 12 комнат? — Ну, довольно три». Ночью звонят к Рейзену, будят, приглашают квартиру смотреть. Оказалось, квартира в 6 прекрасных комнат с мебелью, и все сделано с такой поспешностью, что в одном из шкафов выселенный буржуй брюки забыл.

Рассказ о сыне Щедрина, проживавшего в глубокой бедности в Ленинграде. Он написал Сталину просьбу пенсии, т. к. живет в нищете. Сталин позвал своих людей, велел устроить и завтра в 12 дня доложить. Из Москвы это передали Медведю (нач. ГПУ). Всю ночь искали Щедрина и нашли на рассвете. У него жена молодая. Усадили в авто и повезли в распределитель. Пока Щедрин себе выбирал одежду, жена уже набрала на $2^1/_2$ тыс. Ряженых богачей даже шофер не узнал. А пока рядили, дома устраивали квартиру: выселили из смежных комнат жильцов, все оклеили, убрали, расставили мебель, столы, на столах всякие яства разложили. И даже книгу о Щедрине положили на

стол. «Вот это о вашем батюшке. — Толстая, — ответил сынок, — я толстых книг не читаю». Ведь он совсем дурачок и был несчастьем для отца.

<*На полях:*> *Некоторые говорят, что Ал. Ал. Кроленко (вылитый П. П. Чичиков) приставлен к Разумнику от ГПУ. Мы были у него в гостях. Библиотека: три шкафа — мой дом. Начало «Война и Мир»: о чем говорят: анекдоты о вожде и цензуре. Мои рассказы о замученных лошадях и телятах. Всякий разговор возможен в такой гостиной.*

<*На полях:*> *Груздев Илья Александр. Съездовская 29 кв. 17. Кроленко Ал. Ал., Алянский Самуил Миронович (Изд. пис., просп. 25 окт. д. 13).*

1 Февраля. После вчерашней страшной бури сегодня тихо и морозно.

Вот теперь только начинаю понимать Щедрина («Чужую беду руками разведу»), все понимаю, анализ тоски, стыда и желания уйти, исчезнуть. Хочется выучить и везде повторять: «Нужно, чтобы люди стыдились не только поражений, но и побед и одолений, не только неудач, но и удач; чтобы в случае неудачи они чувствовали на своем лице пощечину, а в случае удачи — две. Только тогда выяснится вполне, что нравственный уровень общества настолько гнил, что пощечина сделалась единственно возможным мерилом для оценки поступков и действий».

<*На полях:*> *Наяривают.*

«Уйти в незнаемую раковину»

Чистка (см. Неизданный Щедрин ст. 250—251).

Было это или не было? самая возможность предчувствовать и предсказывать, быть новым через 50 лет дает ручательство за то, что в какой-то мере тогда было то же положение для совестливого человека, что и теперь.

Ну, какой это князь — наш «князь»! и все-таки между нами есть классовая рознь: через остатки его гвардейства мне передается эта классовая неприязнь (привилег[ии] офицера и разночинцы). Так наверно у нынешнего пролетария есть неприязненное «классовое» чувство к интелли-

генту. Эта неприязнь получила теоретическое, государственное и прямо боевое утверждение под именем «классовой борьбы». Рассказывали мне, что некто во время чистки принес кипу фотографических снимков, на которых в группах везде был он: группа лиц — это им расстрелянные... Разумеется, чистка сразу прекратилась, человек оказался потрясающе «чист»...

<*На полях:*> *Тайный прикрепитель*

Назвали двух видных писателей (Л. и П.): что будто бы они в ГПУ. Разница между ними была будто бы в том, что одному дали сначала гепеушный паек, и он, чувствуя неловкость в поедании дареного пайка ни за что, поступил на работу в ГПУ; другой, напротив, узнав, что П. получает гепеушный паек, очень хороший, сам поступил в ГПУ, и после того ему тоже дали паек.

Что же это? похоже становится, что скоро один за другим, скрывая друг от друга, все будут в ГПУ?

4 Февраля. Один день вчера был спокойный мороз, и сегодня снова мягко метет.

Вспоминаю, кто-то серьезно говорил: «Не верьте, это клевета: Ольгу Форш вовсе не хотят добивать, пусть работает...» Значит, относительно кого-нибудь другого, писателя возможно и такое решение — добить, чтобы не мог больше работать.

5 Февраля. Рассказывали, будто на вечере у Горького Авербах, заметив, что Толстой сидит нарочно спиной к какому-то знаменитому пролетарскому писателю и время от времени обертывается к нему и просит подать ему то редиску, то ветчину, вдруг встал и начал чистить «графа» до последней степени неприлично. Толстой, все выслушав, сказал, что отвечать ему не будет, потому что Авербах для него есть [образец] полнейшей бездарности. Так сошлись талант (спец-человек) и охочий к власти (парт-человек). Там и тут, конечно, довольно пустопорожних людей, жалких на стороне таланта и наглых на стороне власти. Но в общем, огромно большая часть пустопо-

рожних сейчас сидит около власти. Превосходно, что не хватает бумаги и закрылось 300 журналов. Одновременно открываются специальные журналы, где пустоболтам жить трудно.

Самосохранение на людях: общее дело, партия, власть; в себе: талант, специальность.

Верно вплоть до спора с Р.: он не советует брать комнату в Москве, и лучше углубиться в себя и быть честно с самим собой в стороне, отказываясь от «благ»... напротив, я...

7 Февраля. Если бы я, напр., пришел в РАПП, повинился и сказал, что все свое пересмотрел, раскаялся и готов работать только на РАПП, то меня бы в клочки разорвали. (Так было, напр., с Полонским и со многими другими). Причина этому та, что весь РАПП держится войной и существует врагом (разоблачает и тем самоутверждается); свое ничто, если оно кого-нибудь уничтожает, превращается в нечто; и вот, конечно, это должно возбудить гнев, если некто из вражеского стана сдается и сам себя без боя превращает в ничто (прямой убыток).

О. Форш написала книгу «Сумасшедший корабль», пробовал читать, не мог, манерно. Книга ужасно не понравилась, и ругают ее отчаянно.

Слышал такой разговор: «Нет, что вы! мы решили ее (Форш) не добивать, пусть работает». Значит, могут и так решить, чтобы добить и заставить перестать работать.

8 Февраля. Сел за Даурию и перестал заниматься фотографией. Мне дана одна струна, или, сказать вернее, лирическая нотка, одна для всего, так что если я чем-нибудь занимаюсь, то одним только, напр., музыкой, или фотографией, или рассказом, или стихами; но чем бы ни занимался, по всему видно, что это я, только я так могу; есть люди, которым дана не одна нотка, а сто, но моей одной довольно, чтобы знать о себе, о своей личности как неповторимой: раз был, заявил о себе и больше никогда не повторюсь.

Культура — это связь людей в пространстве и времени.

9 Февраля. Вчера Фаворский сказал, что фотография передает случай, а живопись событие... и что на этом пути фотография, конечно, может считаться самостоятельным искусством.

Жизнь есть единство, и не только событие, но каждый случай в ней есть явление целого. Но, конечно, надо вперед понимать целое, чтобы узнавать его появление в частном (впрочем, если не понимать, то хотя бы допускать). Если взять в пример фотографию, то целое, как невидимое изображение, а проявление, как явление целого в частном.

<*На полях:*> *Вопрос о возможности работать*

Писатель яркий, вроде Белого, главным образом не тем нетерпим, что у него иная идеология, а тем, что он, как «известный», имеет индивидуальность кричащую, — выросшую за пределами революции. Отсюда ясно, что чем больше показываться на людях, тем, значит, больше навлекать на себя вражду.

10 Февраля. «Классовую борьбу» теперь при подавлении враждебных классов надо понимать как борьбу за государство. Весь наш писательский разлад и состоит в том, что принудительная сила государства распространилась теперь и на искусство и его работников. До сих пор все художники были как бы вольноотпущенниками государства, и им предоставилось свободное самоопределение, иллюзия, по-видимому, необходимая для худ. творчества. И поскольку государство теперь лишает его грамоты вольности, он является естественным врагом государства. Путь полит. деятеля становится прямо противоположным пути художника, и требовать от художника полит. деятельности, и наоборот, от политика — искусства все равно что устроить искусственно заворот кишок...

<*На полях:*> *Перемешать искусство с политикой все равно, что устроить искусственно заворот кишок...*

Сталин в легендах бесконечно привлекательней Ленина: Сталин решительный, честный, готовый помочь... Мне

думается, что скоро он поймет, какой перегиб делает политика в отношении искусства, и что-то произойдет. Конечно, если только этот перегиб не является вестником войны, распада, вообще какого-то конца...

Максим Горький. Большой человек — все равно что открытый сосуд, вызывающий во всяком желание заткнуть его пробкой. Так вот и заткнули Максима Горького всей коммуной.

Прежде чем полюбить врага, нужно так сделать, чтобы его забыть и потом, достигнув блаженства (как солнце), встретить прежнего врага само собою с любовью, потому что солнце Господнее льет с одинаковой любовью свет свой на праведных и неправедных.

Но как же забыть-то врага? Взяться за такое большое дело, которое он по малости своей не мог бы даже и видеть, а не то что мешать. Это великое чувство жизни, та самая «предустановка» целого, благодаря чему каждое частное явление, каждый частный случай был как проявление целого.

(В чем дело? Ведь я именно так и жил. Вчера мы с Павловной вспомнили свою жизнь простую в лесах и сказали согласно: «мы хорошо жили».)

Итак, вот и выход из тупика: к нынешним («классовым») врагам нужно подходить со своим миром (солнечным) и стараться любовью светить в темноту их. Надо различать их, как делает солнце с предметами, т. е. надо вступать в общение с каждым лично, а не иметь дело с их собранием (Солнце никогда не должно вступать в принципиальный спор, потому что свет больше принципа — он факт.)

Самое большое в мире теперь [то], что между нами (понимая себя как личность) и чудом стала физика. Борьба была с природой (смертью), борьба личности за бессмертие, и победила физика. Молодость, идеализм! Так было в молодости с самим творцом физики Реомюром, конечно, он хотел тоже преодолеть смерть и преодолел: сам превратился в термометр. Верно так и все христианство, как

[борьба за бессмертие]: все стало физикой, и сам Христос перешел в Воскресенье, Рождество, куличи, крашеные яйца и другие подробности быта.

Война выясняет нам жизнь как счастье («ее свободу») в пределах всегда возможного плена (рабства) и смерти. Отсюда вывод на мирную жизнь: надо быть всегда готовым умереть или отдаться в рабство; это дает спокойствие, но не счастье. Счастье в том, чтобы не попасться скоро в плен или под пулю. На этом счастье и зиждется все искусство.

12 Февраля. Снова вернулось тепло, метелица, и в белом чернеют строения Лавры, знаменитая колокольня с разбитыми колоколами и все...

— Чего ты смотришь? — спросил меня маленький мальчик.

— А что это, — спросил я, указывая на здание Лавры, — ты знаешь?

— Знаю, — ответил он бойко, — это раньше тут Бог был.

Как это вышло славно у мальчика: что, значит, если и нет теперь, то все-таки же он был. Вот именно... Итак, если кого-нибудь верующего спросят о Боге на чистке, то он, веруя, смело может сказать: Бога нет (думая про себя: был).

На чистке. «Как относишься к религиозному культу? — Бога нет». Сильно сказано было, и чистке был бы конец, но какой-то ядовитый человечек из темного угла попросил разрешения задать вопрос и так задал: — Вы сказали, что теперь Бога нет, а позвольте узнать, как вы думаете о прошлом, был ли раньше Бог. — Был! — ответил N.

<На полях:> *За пределом необходимости начинается царство свободы...*

Маленький порядок возле себя тем хорош, что вызывает чувство большого порядка, что-то вроде готовности к самообороне при всяком неожиданном бедствии (только в этом часто, почти всегда, бывает иллюзия та, что данный момент (настроение) принимают за длительное со-

стояние... Как же закрепить в себе эту готовность? Вот тут и подходим к жертве... Сейчас же к жертве и так один + два + + три получится нечто, и когда придет беда (смерть), то сумма жертвы (скопленная добровольно смерть) станет против той определенной смерти (смертью смерть!)

Все переменится скоро от радио, электричества, воздухоплавания, газовых войн, социализма и дойдет до того, что каждый будет отвечать за оброненное внутренне слово (вроде Бог). Все слова, улыбки, рукопожатия, слезы получат иное, внешнее, преломленное, условное значение. Но в глубине личности спор о жертве (Троица) останется и будет накопляться. Быть может, настанет время, когда некоторые получат возможность шептаться, больше и больше, воздух наполнится шепотом, или нечленораздельными звуками, или даже теми начальными словами, которыми говорят маленькие дети, и наконец как у детей, выйдет первое слово... и тут начнется эпоха второго пришествия Христа. (Слова, записанные от прохожего человека.)

Начинаются слухи, подобные тому, что Буденный исчез (куда он может исчезнуть, как не в Китай!). В противоположность всем прежним демонстрациям перед возможностью войны, теперь о всем чок-молчок, и это больше всего убеждает, что опасность войны очень серьезная.

Дорогой, не углубляйтесь в чтение таких умных книг. Вам кажется, что этим самоуглублением Вы достигаете высшей ступени относительно окружающего Вас общества, на самом же деле Вы через умные книги становитесь просто умнее себя самого, и это воображаемое более умное существо в Вас презирает, в сущности, не окружающую среду, а Вас самого настоящего, без книг, просто сказать: чужими мыслями Вы убиваете в себе собственное творческое всегда гениальное дитя...

N. сказал, что сила их в вере в Д. Я спросил: — Но если в Д. что-нибудь на $^1/_2$ сант. переменится? — Они тотчас переменятся на $^1/_2$ с. — А если на метр? — То и они на метр. — А если Д. насквозь переменится? — То и они насквозь. — Какая же это вера? — Поди вот, а есть такая вера.

— Это не вера, а устремление. Анти-христ: как физика... Люди возвращаются в природу, как физик[и]... Жертва отвергается (а ведь жертвуют добровольно...)

Вот я писатель, поэт, многих чарую, и после меня рассказы мои (напр., «Черный араб») долго будут чаровать, и будет Пришвин жить, как свет... Но пусть какой-нибудь наблюдатель будет изучать подробности жизни Пришвина и по ним, не обращая внимания на его книги, создаст образ Пришвина-человека и пустит его в свет, как один из секретарей пустил «Франса в халате» или как Вересаев пустил своего Пушкина. «Черный араб», конечно, одолеет, но тут спор во времени: «Черный араб» успел обмануть бдительность «секретарей», вырвался. Однако секретари могут предупредить самое появление (вот сейчас идет именно такая предупреждающая работа). На этом примере еще можно видеть и революцию: революция как «Черный араб» (за границей) и та революция, претензию суда над которой берут все <*1 нрзб.*>, претерпевающие.

«Любовь» в природе может быть совершенно безликой, но именно эта самая любовь и является моментом, определяющим на земле явление человека как личности... «непорочное зачатие» надо понимать как явление чего-то совсем нового, сверхнатурального, т. е. личного сознания; и, тем не менее, психологический и всякий опыт нам показывает, что зачатие и порочное и непорочное — явления одной и той же силы жизни, и даже может быть, что сознание есть трансформация половой силы...

14 Февраля. Вечером с прогулки случайно по звуку колокола зашел в церковь и попал на всенощную — Сретенье (с 1-го на 2-е фев. по ст.). Хорошо пели, неглупо говорил священник. И так представилось, что ведь так было по всей стране, до тундр включительно: везде разыгрывалась та желанная пьеса, которую напрасно пытаются дать на театре поэты при содействии государств всего мира, пьеса эта учит нас, как надо умирать... Но почему же нет пьесы, которая бы учила нас тому, как надо жить?

Вот что было еще... что церковь может справедливо получить затрещину не только с левого бока, но и с правого, но что по существу ее невозможно убить (разве только вернуть человека в «физику»). Второе, что в религии дана совокупность всех сил (Бог) творческих и цельность как идеал и что это через человека явилось, но выше его... И третье, что секретарь Анат. Франса («Франс в халате»)... вообще подсматривание — это болезнь, и бездарность, и глупость... Вернее сказать, этот «материализм» есть глупость, как исход...

«Уметь жить», это значит так сделать, чтобы ко всем людям без исключения при всяких условиях стоять лицом, а не задом...

Уметь умереть, это значит (сохранить лицо свое перед Господом) лицо свое удержать как лицо в последнее мгновенье жизни. А уметь жить, это сделать так, чтобы ко всем людям без исключения при всяких обстоятельствах стоять лицом, а не задом...

<*На полях:*> *Хорошо жить, это значит уметь стоять к людям лицом, а не задом. А уметь умереть, это значит, когда останешься перед самым концом непременно без людей, то все равно сохранять лицо... перед Богом.*

17 Февраля. Вчера был чрезвычайно светлый день, напряженно светлый. На площади столб с надписью: «Лошадям останавливаться строго запрещается. Штраф 3 руб.». У самого этого столба лошадь, за ней целый ряд до мельницы, а мельница — это самая старая церковка. Я остановился, чтобы снять эту чепуху, столб с запрещением и очередь лошадей. Мальчик спросил меня, что я делаю, а я спросил мальчика о церкви. «Теперь это мельница, — сказал я, — а раньше что было? — Тут раньше, — ответил мальчик, — Бог был». Слово это услыхала пожилая женщина и начала барабанить свое житейское: что вот был Бог, а теперь... Мужики ее поддержали, возмущение нарастало. Но вышел человек вроде переодетого монаха, старик, и сказал: — Не шумите, братья, церковь эту делали люди, и теперь за грехи людей Бог же допускает в ней

мельницу. Возьмите каждый с себя пример, вспомните. Вот я когда был молод, гремели у меня деньги в кармане, а нищий просит — я, бывало, скажу: «Бог подаст». Теперь я стар. Пошел вчера в баню, спина чешется, а потереть не могу достать. «Товарищ, — говорю молодому человеку, — потри мне, старику, спину». Он же обернулся, как, бывало, я: «Бог подаст» — говорит мне, старику: «Бог потрет».

Как только монах сказал «Бог потрет», мужики все расхохотались и, приговаривая «Он тебе потрет, он потрет!» — понесли кули зерна в церковь.

18 Февраля. Вчера посетил меня бухгалтер Ш. 58 лет, написал повесть о колхозе, не видав его, чисто карьерная вещь.

Класс психологически — это «я вдруг кем-то стал» (Пашка и Мишка сразу узнали друг друга). И вот из этого «я есть нечто в союзе с другим таким я» и есть партия и класс; одновременно с этим являются и враги: без-парт., вне-клас., буржуазия, прошлое; на первых порах даже и квалифиц. рабочий есть не класс (Мишка сказал: — «а рабочему высшему зачем к ним в партию лезть, какой расчет?»)

Выходил из ворот с собакой. Кто-то сказал: «Вот последний любитель идет». В первый раз понял значение этого слова, раньше думал, что любитель вроде дилетанта. Нет, в этой обстановке любитель — это значит не служащий, а просто (свободный) человек, занимающийся тем, что он любит. Замечательно, что в новой обстановке и спорт всякого рода имеет этот налет выполнения какого-то задания, лыжники, напр., выезжают группами, имеют какой-то сосредоточенно-озабоченный вид, и всегда при этом есть один или два ковыляющие далеко позади и без всякой надежды догнать. Любитель, который выходит из дому сам по себе, исчезает. «Вот он — вот последний идет!» Любитель, человек, сумевший свой долг, свое служение сложить по собственной своей, любителя, воле.

На востоке японцы расстреливают Шанхай. На западе говорят о разоружении. Почему же вместо разговоров

просто не запретят японцам. Все понимают в выступлении японцев сговор.

Каждый день мы чувствуем, что внимание правительства к нашей жизни делается рассеяннее, нас забывают. И скоро будет время, возможно, спросят меня о моих занятиях, и когда я отвечу, что пишу Даурию, все расхохочутся: «в такое-то время он пишет Даурию!»

21 Февраля. Нерль заболела, похоже на бешенство: слюна бежит, на ногах чуть держится. В спешке *<1 нрзб.>* определили Дубца, куда же девать Нерль? Решили подождать до утра. Дал есть, очень хорошо поела. Потом влетела Зоя как ураган: «Папа, что же вы так, Нерль может всех перекусать. — Что же делать? — Застрелить немедленно». Нескоро и вероятно никогда не привыкну к этой длинной снохе.

22 Февраля. Нерль умерла вчера ночью почти так же, как мать Кента. Труп отправили на исследование. Начал сегодня прививки (к 9 у. 10 раз). Нерли 5 лет (или уже 6?). С нее одна из лучших моих фотографий, о ней один из лучших рассказов «Нерль». У нее было короткое чутье, но великое понимание хозяина и нежность. При ласке она мурлыкала, почти как кошка. Грациозная шаловливость в глазах, ум, и иногда грусть. Я ее любил больше за мать Кенту, о которой плакал. Но о Нерли как-то не то: вероятно, потому, во-первых, что она неважная охотница, во-вторых, самое чувство охоты сильно подорвано во мне фотографией.

<На полях:> Корову 1-й раз огуляли: 22 ноября отелится.
Огуляли корову.

Приезжал вчера Лева. У него отдел достижений. Так вошел в роль! «Папа, ведь один бы год еще, и мы всему миру покажем!»

«Вот мы стерегли “факты” и сохраняли вокруг них свою злобу и месть. За это время росла легенда о счастливой стране Советов и собирала народы: может быть, легенда объединит народы, люди друг друга обнимут. А мы,

секретари жизни, честные обладатели ее протоколов?» (Старинная тема: Председатель (Стебут) и Секретарь (Филипьев)) («а как лег в могилу Ст[алин], ветер песню пел»). Председатель европеец, секретарь китаец. Вот и Даурия (святая плоть, живой материал, женственность, задушевность, верность, одухотворенная материя. Из этого рождается месть... (месть — разрешение). Вот и сейчас: Япония как европеец, Китай как Восток (если поднялся, то месть). Природа мести: сверхличное возмездие за попранную личность; от обиды личной до смертной обиды, — смерть и кара на обидчика — как отличить от погрома? и вот именно на этой точке дело жизни опять повертывается к европейскому «герою» в виде луча света солнечного над пожаром, освещавшим всю ночь горизонт (Европа не должна и не может закатиться, но она пройдет через восточную чистку точно так же, как мы, все образованные люди, проходим ее...)

Страх за близость войны проходит: потому что Японии и на Китай-то не хватит. Но возможно, говорят, что нечто стоит за спиной Японии...

<На полях:> Фамилия Дауров в Вост. Сибири.

23 Февраля. Второй укол.

Если писатель должен сделаться политиком, то он войдет в политику как частное лицо, потому что писатель должен быть, прежде всего, самим собой. Но малейшее отклонение его от общей линии будет замечено, разъяснено. При такой неуверенности и отсутствии права высказываться за себя лично ведь невозможно же писать, но я хочу написать все-таки целую книгу «Даурию»...

Реализация себя в богатстве или во власти — это все равно; тут разрастается личность паразитивно: власть делает то, что человек и глуп, а не чувствует этого, ум других приливает к нему рекой, этот рост силы изнутри кажется свободой (что хочу, то делаю) извне, объективно, это самый верный плен (цари — это пленники). Художник, часто отказываясь от власти, удовлетворяет себя свободой, которая является как потребность и уже условие

жизни личности. Есть конечно и высшее состояние, когда человек жертвует властью, богатством, личностью своей (душой: «за други моя», «душу погубим»).

24 Февраля. Третий укол.

Вчера сильный мороз с сильным ветром. Эсеры исходили из данного (земля, народ), большевики — из того идеального, что надо создать. Те и другие идеализировали, народники прошлую жизнь, большевики будущую.

Фотографическое: никогда никакое лицо не может быть дурно, если на нем красиво расположены светотени.

Когда-то (при Мережковском) поднялся вопль о распыленности человека, теперь явилась (с их точки зрения) вещь худшая в тысячи раз: это организованная пыль. (Распыленность и опыленность).

Петя говорит, что под диктовку событий на Д[альнем] В[остоке] жизнь у них в вузе совсем переменилась, только и разговоры, что о войне. Как будто брешь в стене пробили и выход нашелся. Ребята рвутся на войну.

Строители и Простожители.

N. вошел в комнату, секретарь парт-ячейки хохочет один. Не мог удержаться и рассказал: что на парт. собрании вдруг вышел партиец из колхоза и выложил всю правду. Так вот это смешно, что уж очень начисто выложил. Смешно! (человек этот погубил себя). Спрашивается, почему же это смешно (правду сказать). Потому что люди теперь разделяются на строителей новой жизни и на тех, кто хочет просто жить (Строители и Простожители). Строителям надо построить, простожителям прожить. Простожитель, имея в виду получить кусок хлеба для жизни, должен аргументировать свою претензию строительством, но не ссылаться на право простожительства, как обыкновенно делают простодушные единоличники. Точно так же и смешон бы был писатель, который требовал бы свободы слова самой по себе (то же, что свободы жизни самой по себе). Хотя меня самого искушает вопрос: если не жизни, то нельзя ли просить хотя бы свободы слу-

чая, чтобы писатель так мог начинать повесть: — Принципиально я согласен с вами, готов жить и умереть для хорошей принципии, но вот какой был случай однажды в Московской области...

Свобода относительна, и если взять ее просто, как liberti, то это баловство.

Если в февральский солнечный день палочка, сама по себе играя в руке живого человека, встречается с великолепно-сверкающей сосулькой, то, конечно, палочка делает свое дело и сосулька падает. Так в нашем доме явился внук, очень болезненный, и разбитая сосулька... Спросил ее, зачем она служит, — ответила: первое, что надо иметь независимые карманные деньги, второе, нет никакого желания с ребенком сидеть. «Так может быть, ты бы служила не где попало, в каком-то трактире конторщицей, а делала то, чему учится муж, чтобы ему потом помогать в звероводстве... — Нет, мне хотелось одно, поступить в музык. техникум, но раз я отказалась, то мне все равно, что звероводство, что трактир». На предложение Ефр. Павл. не служить, а помогать дома всем, она ответила, что не хочет быть у «папы» прислугой. Итак, ходит на службу, носит ребенка в ясли, три дня в яслях, две недели на руках Павловны (в яслях простужается или заражается). Из-за этого трактира вся наша жизнь разбита, Ефр. Павл. некогда убирать комнаты, меня загнали работать в угол. Плач, писк, заугольный шепот свекрови и затаенная ненависть невестки... Если не предупредить, то кончится скандалом совершенно так же, как вышло со свиньей.

25 Февраля. Приезжал на собств. автомобиле Пильняк с французами. — Как живете? — Я помолчал. — Значит, плохо. — А вы? — С меня, как с гуся вода. — Какой гусь... вот у нас вчера и гусь подох.

<*На полях:*> *Хорошо в Америке? — Нет, дикари (Пильняк). И у нас процесс того же естественного одичания приведет к Америке.*

Разумник показал мне записную книжку Блока, оказалось, у него был сифилис и ведь не случайный, а законный

(«идеологически оправданный»). Так вот, поэты, ваша судьба: Блок — от сифилиса, Есенин — повесился, Маяковский — застрелился.

26 Февраля. Мороз сломило, метель. 5-й укол.

Англичанин прост в обращении и не фальшиво, а очень искренно прост и внимателен к другому, но главное не это, а что в условиях этой простоты, искренности и даже откровенности у него остается незаметно для других свое собственное «я», с чем он никогда не расстается. Русские в будущем должны сделаться похожими в этом на англичан. И сейчас встречаются тоже люди (Коноплянцев по рождению, Замятин — воспитал себя в этом, Жинкин подражает и много других).

<На полях:> Теленок издох («мученик»)

Пожар в Госплане (800 человек делали год одно дело и все оно сгорело). Оценка «тяги в Китай» (конечное: война (отрицание) как выход). Полонский умер в Магнитогорске от тифа. Начинается сыпняк (вот почему вдруг мыло-то подешевело!). Да, вот оно опять возвращение (война, голод, сыпняк) — Газ и бактерия (вместо черта и ведьмы: нынешние военные газы — это прежние черти, а ведьмы — это бактерии). Мировая растущая легенда о СССР в лицах: 1) Стол легенды — творящие легенду иностранцы, подверженные кризису. 2) Кухня легенды — повара...

В царство небесное принимают каждого лично, а в это царство земное принимают непременно с условием безличия «наравне с другими». «Личность» признают лишь в процессе сдельщины (ударники). Так вот почему, когда интеллигент идет с повинной, то его стараются бить: это хотят добить в нем последние остатки личного, а именно ту свободную решимость отдаться. Вот именно большая разница, берут ли человека или он идет добровольно. Добровольцев нет.

Р. сказал, что «если бы разрешили добровольно идти помогать Китаю, то охотников нашлось бы до неограниченных чисел и прямо сказать, я сам бы пошел».

27 Февраля. 6-й укол.

Утром тепло и легкая метель. К 11 дня прояснело, и как только вышло солнце — явился мороз, и с ветром было очень неприятно. (Редчайший случай).

Вчера вечером, когда шли к Григорьеву, все небо было закрыто и только намеком единственная светила через матовую тусклость звезда, какая же это большая звезда, если одна только могла осилить тусклое небо!

Б. приходил иногда гостем в церковь и погружался, представляя себе, что он соприкасается с недрами народной души. На самом деле православный христианин в церкви постоянно действует, молясь, он работает очень напряженно. Чтобы видеть это, надо присмотреться к тем, кто прикладывается и ставит свечи угодникам.

Писателя и вообще художника я понимаю так, что в его произведении лично он, как человек, совершенно не виден, но если кто хотел бы допытываться о личности этого художника, желая понять его произведение и с этой стороны, то, чтобы для тайновидца открывались бы все сокровеннейшие, все самые затаенные человеческие уголки души художника без всяких комментариев. Так вот, читая, напр., Блока, можно легко догадаться, понять, как он приходит к какой-то роковой болезни... Но вы, следопыты поэтических душ, открываете просто, что у него был сифилис, и потом публике поверяете свое открытие, и она подходит к стихам Блока, имея в голове мысль о сифилисе.

Да, если по-настоящему напишешь, то в конце-то концов разберут тебя всего.

Открытие Коперника о движении Земли приобрело революционное значение не потому, что само по себе имело какое-нибудь особенное содержание (по теории относительности теперь можно сказать и так и так), а что отвечало революционному духу человеческого времени (нужно было движение). Вот и теперь революция хочет привести в движение застойную атмосферу, собравшуюся под понятием земля, природа...

Устанавливаю, что широкоугольник можно применять для выделения из ландшафта темы (лица) посредством обращения всего остального ландшафта, как в иконографии, в перспективный фон.

29 Февраля. 8-й укол. Касьяна именины. Вернулась тихая мягкая погода. Я вышел на улицу, и мне стало очень хорошо по причине какого-то воспоминанья, которое не доходило до сознания, а было во мне, как приятный запах. Через несколько минут борьбы за то, чтобы вспомнить, мне стало понятно: запах самого легкого мороза утром на свежем снегу вызвал во мне запах гиацинта, вероятно, это было когда-то вместе: гиацинт на морозе, и теперь одна часть — мягкий мороз при пороше — вызывал часть отсутствующую — гиацинт. Анализ этот дал мне в свою очередь удовольствие в сознании, что у меня само собой иногда может выйти праздник, на морозе будет пахнуть цветами.

Петя рассказывал, что у них есть «Урусовщина» (по тому коммунисту Урусову, который «перегнул») и есть Курочкинщина (по Курочкину, студенту, исключенному за анекдоты вроде рассказа о черкесах, что у них женщины работают, а черкесы пляшут). «Каждый коммунист знает, что все беспартийные — оппортунисты». (Думаю, что это противоречие изживется при объявлении войны.) В обращении: «гнилой либерализм», — под это можно подвести все: и дружбу, и любовь к родителям...

1 Марта. Лева рассказывал о последнем свидании с Полонским, и мне вспомнился Воронский, когда он был исключен из партии, меня поразило, что Воронский вдруг поседел. Точно так же и Полонский за неделю до смерти вошел в редакцию «Известий», и Лева изумился: Полонский был седой. Он не пережил, как Воронский, своего падения. (Сыпняк бьет именно таких людей.) Вот надо куда смотреть, а не в свое писательское положение. Теперь интересны события внутри партии, этого современного рыцарско-монашеского ордена. Вот, напр., Воронский растет

и вырастает в такую величину, о какой никогда не смел и думать. В это время он уверен, что растет он согласованно с партией, что он и партия единство. И вдруг росстань, в одну сторону идет партия, а я, Воронский, в противоположную, и если я пойду в сторону партии, я откажусь от себя, пойду по себе — вся прошлая жизнь, партия, революция — заблуждение. Вот в это время видные люди и пишут в газетах отречения от себя.

Соблазны Пильняковщины.

Григорьев по своему дарованию должен бы быть председателем правления какого-нибудь треста и попал в писатели по склонности к чудачеству. Говорили вчера о «пильняковщине», — он с завистью, как неудачник (автомобиль и проч. блага): жизнь по волюшке. Говорили о «человечке» внутри таланта, что этот человечек все время как бы рвется вон из нравственных уз. Пушкин попробовал удовлетворить человечка и погиб на дуэли. Есенин попал в петлю. Маяковский... Но если этого человечка оградить от соблазнов, то откроется путь подвига (Разумник): «Я не могу, — сказал Григорьев, — у меня живот».

3 Марта. Мягкая погода, чуть метет. Бегут по улице барышни, их не видишь, — так они чем-то одна на другую похожи: бегут, бегут, как поземок, и больше ничего не остается от них.

<На полях:> бегут, обезличка.

Чувствую вину и упрекаю себя: на глазах совершается трагедия великая, а чувство не хочет, чтобы взять эту жизнь и подвинуть к уму на рассмотрение, а может быть, наоборот, — что чувство жизни все не может угомониться, все наводит на ум, и это он не хочет, он очень устал...

Пришел слух, что Полонский отравился. Это очень похоже на правду.

После ликвидации мужика (единоличника) заметно усилилась по всему фронту борьба с личностью во всяких ее проявлениях. Пальцы сжимаются, узел стягивается.

Остается только этот узел, как ручную гранату, швырнуть на кого-то. Война на носу по внутреннему строю фактов. И так же извне складывается: пока одолевал Китай, казалось, минует чаша сия, но торжество Японии — это для нас, по-видимому, означает войну. Одно уже то внушает беспокойство, что с нашего разрешения по нашей дороге, к нашей границе японцы подвозят войска.

Тема нашей жизни — это рождение легенды среди европейских народов о счастливой стране на востоке. — Правды нет! — Есть вера. Точь-в-точь с физикой Бога: нет физики (правды), а Бог есть (вопреки физике). Наша легенда рождается внутри физики, а не наперекор ей, и, тем не менее, явно против физики. Она как бы изнутри разрушает физику: свой собственный физический атом разрушает физику и начинает легенду (не-физику). Почва этому неиспытанная жизнь, которой обладает класс рабочих (вот почему в Евангелии рыбаки взяты). Вера — это сгущенное желание жизни. Человек, желающий охранить веру, не должен давать счастье. Неужели наше время, наша жизнь отдана для дела физики веры (социализм занят физикой Бога: подвозкой материалов для физического воплощения).

Конечно, все это нынешнее свержение личностей и всяких зародышей авторитета для настоящей личности нечто вроде пикировки (подщипывают корешки, чтобы через это раздражение капуста лучше росла). И вот задача каждого из нас научиться так выносить «чистку», чтобы чувствовать не внешнюю боль, а радость внутреннего роста. Вот это все, все, мои друзья, зарубите у себя на носу как основное правило, силу, оружие и вообще условие непобедимости (бессмертия) личности человеческой и вместе с тем торжество человека всего во всей природе.

Так вот отчего написано *(+)* (смот. назади). Именно я верчусь внизу, в корнях своих. Между тем период кончился (литературный рост мой от начала нэпа и до конца: приветствовал радость свидания с утраченными вещами: хлеб, молоко и проч., очень простое). Теперь надо вполне

так же себя чувствовать, как в период между революцией и нэпом, но, конечно, умней: надо радость не на встрече с хлебом (через это с солнцем) устраивать, а... войти в «суть» (физика Бога).

4 Марта. Сияющий день, ни одного облачка. Сильная сверкающая всюду капель. Орут, [надрываются] вороны. Поют синицы. При ослепительном солнечном свете снег пахнет какими-то душистыми цветами...

Сегодня в газете впервые передовая посвящена Японии. С одной стороны, вот-вот война, с другой — приучены, как заговорили о войне, значит, — нет. Все-таки больше за.

Дуняше 35 лет, не молодая. Разговаривали с ней о войне, я сказал: «Ну, а помните, ведь с Японией война кончилась нашим развалом, помните, как все радовались, когда получена была телеграмма, что четыре наших лучших броненосца потоплены и как этому у нас тогда все радовались, ликовали! Помните? — Нет, не помню, — ответила Дуня, — в каком году это было, когда?» Подсчитал, и вот казалось так недавно, просто вчера это было, а вышло почти 30 лет тому назад, когда Дуне было всего 7 лет!

Неужели же Япония опять сыграет в нашей судьбе роковую роль?..

Как ты думаешь, дед?

5 Марта. Светлый час до восхода солнца.

Неужели Япония опять сыграет в нашей судьбе роковую роль?

Вот желал бы я знать, существует в нынешнем государстве СССР — не таится ли традиция реванша (как на Д[альнем] В[остоке] опред[еленно] ненависть к японцам): «Это, мол, вам не с царскими драться войсками» (в такой маске).

Еще бы интересно было у историков спросить, всякая ли революция кончается войной (и если да, то... параллельное формирование универсальных идей).

Вообще на заметку: в ту первую войну, от которой разгорелась наша революция... позвольте! ведь вся почти ин-

теллигенция радовалась успехам Японии. Так. Теперь опять Япония (через 28 лет) выступает, но интеллигенции уже нет (бессильные остатки, ничто), зато теперь мужики за Японию (впрочем, тоже ничто). Если подсчитать, то их будет $^2/_3$ населения: 40 тех + 80 этих = 40 от Европы + 80 от Востока. Когда не власть, оружие и голод будут определять разделение, а идеи, то вероятно в такой же пропорции распределится Евр-азия: 40 — евр, 80 — азия.

Архимедовы круги. Нас учили в гимназии героизму ученых и в пример приводили, что Архимед, когда во время войны напали на его дом, кричал «Циркулос!» и проч. Если теперешним молодым людям это рассказать, то они поймут этот «героизм» как отрицательное явление. Впрочем, и в наше время уже было сомнение. И потому сомнение, что Архимед был гений, а с тех пор геометрией стали заниматься самые обыкновенные люди и в великом числе. Вот применительно для такого среднего ученого, конечно, Архимедово восклицание «просто смешно».

Когда Екат. Мих. входит утром, то говорит непременно: «Какой ужасный холод!» и в тоне ее слышится обвинение — не скажет прямо, но думает бессознательно: «таких холодов при царе не бывало». Вслед за этим она шепчет жене что-то вовсе ужасное и уже прямо в бровь и бороду. — Что она сказала? — Соль подорожала на $^1/_2$ коп?. — А еще что? И т. д. За чаем же идет уже прямо: — Бывало-то к чаю [плюшки] Филиппова по 5 копеек, а что сейчас за 5 копеек купишь? Все, все упало... и т. д. А люди какие! Бывало, утром раненько встанешь, самовар поставишь, и пока согреется, тысячу дел переделаешь...

Вечером Лева приехал, ходили к Григорьеву и беседовали о событиях, понимая их так, что к этому именно шли, и вот этот час наступил. — Годика два бы нам продержаться старикам, — сказал я, — все бы увидели. — Как продержаться, — ответил Григорьев, — трудно, едва ли...

Лева вчера был на сожжении Полонского. У него одного были кожаные перчатки, и потому он один мог взять горячую урну и вез ее в автомобиле, чувствуя ее теплоту.

Знал бы Полонский это, неделей раньше зайдя к Леве проститься...

В литературе, как говорят, прочное и неоспоримое положение осталось только у трех писателей, все они три «счастливца» отлично зарабатывают и вообще блистают (у кого автомобиль, у кого особняк, у кого квартира за 30 тыс. и т. п.), это три кита: Леонов, Лидин и Пильняк. Леонов глупенький, Лидин, имитатор, может писать и жить на все руки, Пильняк — «мне все как с гуся вода»...

Все утро фотографировал снег в лесу.

Рано утром сильный мороз, до –30°, и туман. Мало-помалу туман рассеивается и является яркое солнце. К полудню капель, снег мажется. На верхушки деревьев при морозе и солнце садится иней такими большими кристаллами, что они долго держаться не могут, чуть поседеет самая верхушка березы, иней рассыпается, и если заслониться от солнца стволом, то, кажется, летят целые рои золотых пчел. Вот бы снять! На теле березы [белом белое] и ничего не поймешь, а [линзы] объектива не схватят снежинок.

6 Марта. День такой же яркий, как и вчера, только туман спозаранку держался дольше. Павловна с Дуней ездили за пайком.

О войне, электричестве, размножении людей и будущем человечестве («решим все мировые загадки»). Очень смешно (Фед. Кузьм. Бабуркин), а между тем надо непременно решить, а не можешь сам решить — тебя погонят вслепую по чужому решению. Дело в том, что решение уже есть, но нет повода ему проявиться. В жизни людей бывают такие моменты, когда «мысль изреченная есть ложь». Люди все стоят на позициях, но какие это позиции, сказать не могут, их позиции лежат как бы запечатанными в конвертах, которые могут быть вскрыты лишь в момент общего решения.

<На полях:> *Итак, Бабуркин решает мировые загадки, может быть, именно потому, что загадки эти решенные лежат у него же в запечатанном конверте, кото-*

рый вскроется в день «мобилизации» (до призыва на трубу Архангела).

Ответ на анкету:

— На ваши вопросы могу ответить лишь устно и людям избранным <*приписка:* и то по особо важному поводу>, потому что мне 60 лет и я имею 30 лет стажа работник самой высшей квалификации. Я не могу быть открытым для всех точно так же, как все высшие учреждения в государстве не могут быть доступны для всех. Кроме того, я считаю теперь время наше очень близким к моменту, когда все наши скрытые мысли обнаружатся сами собой в действии. Я и потому не могу ответить вам, что в своих мыслях, которые выскажу, могу ошибиться, т. к. вскоре при мобилизации всего человека мои частные мысли могут оказаться неверными и для самого себя.

7 Марта. День такой же яркий, но с ветром, и потому холодно было и среди дня. Петина болезнь проходит.

N. спросил меня: — А разве вы знаете, что такое счастье? — Знаю, — ответил я, — счастье это возможность быть самим собой. — N. был поражен, задумался и вдруг сказал: — Да, это правда.

В окошке моем против далекой Лавры есть одно такое стекло, что в нем все на улице переиначивается и ходуном ходит: колокольня лезет высоко вверх, проволока от звонка вьется змеей, человек то правильно идет, а то бывает сам идет правильно, а голова рядом, или женщина вдруг разделится, как оса, пополам. Долго я не мог понять между [крышами и] прочим, что это вдали, действительно качается человек, или сердце мое бьется сильней, когда я пишу, и через такое стекло какой-нибудь постоянный предмет приходит в кажущееся движение. Вчера дознался, что там водопровод и человек действительно, набирая в ведро воды, качается.

Думаю я сегодня и пишу напряженно о соболе, а стороной, куда на полную мысль сил не хватает, тоже побочно и слабо работает мысль, там я спрашиваю: но как же он не устанет, этот человек, ведь качает с утра до ночи и каж-

дый день? Вопрос повторялся, а ответа не было. Когда работа о соболе была закончена, вопрос тот глупый явился лишь на смех: человек же не один качает, их за день сотни придут за водой, потому и не устает. Но вот ведь и в жизни так, потому человек не устает жить, что в колодце много жизни, и людей приходит великое множество.

<*На полях:*> *Мелочь (двуперстие) от полноты веры (так же casus belli*[1]*).*
Разумника жизнь.

8 [Марта]. Второй день предвесенней метели. Женский день. Напечатан мой рассказ «Мать» (в «Известиях»). Вишневская («Рязанская баба») говорит, что приходится опять браться за натуральное хозяйство, значит, женщина получает признание («мой женский день»).

<*На полях:*> *Тема: Женский день. Дочь — новая женщина на службе 100 р. — ничего не значит — мать все делает... мать празднует «женский день» (власть женщины) и дочь празднует с флагами.*

9 Марта. Город завален снегом.

Выкидыш. В одном селе корова теленка сбросила, составили акт, и мужика освободили от необходимости поить теленка молоком. Вскоре к этому мужику пришел сосед, у которого отелилась корова, и говорит: «Иван Петров, дай мне твоего дохлого теленка». Иван Петров дал, но, конечно, взял некую мзду. А потом так и пошло, все, у кого телилась корова, приходили за мертвецом, выкидыш предъявляли, а своего теленка резали. И еще, говорят, корреспонденция была в газете, о повальных выкидышах.

Бывает, жизнь такого-то общества до того напрягается, что во всех своих мельчайших частях становится единой, каждая мелочь, каждый пустяк становится как бы на цельном животном шерстинкой на шкуре и стоит задеть... задел — и война! — чувствует весь организм. Так вот было

---

[1] Casus belli — юридический термин времен римского права, буквально обозначает «формальный повод для объявления войны».

общество русское во время раскола, и в этом смысл двуперстия. Так же вот и теперь жизнь стала сквозная, «оппортуниста» стало возможно узнать не только по глазам, но даже издали по походке. Все стали психологами. Вот представить себе такое общество, чтобы каждый пустяк, «шерстинка» мог бы вызвать взрывы, подобные «casus belli».

Боюсь, что Разумник подвизается из-за гордости и до такой степени силен, что не сломится. И если бы ему удалось «пересидеть» и стать... Да, конечно, если бы и эти превосходные люди стали у <*зачеркнуто:* власти>... (как это назвать?), то непременно бы им пришлось стать у власти, а если бы стали у власти, то нас непременно бы насиловали, как и большевики. Никакой разницы!

Труд человека нельзя сравнивать с электричеством: труд состоит из догадок, в одно мгновенье поглощающих большие сроки «равного времени», из случаев счастливых и несчастных...

Труд «равного времени» и творческий труд. Машина должна взять на себя «труд равного времени», а человек остаться с творческим трудом. Но куда же девать дураков, неспособных трудиться от себя самого и наслаждаться, куда девать обезьян, которые будут хвататься за кажущуюся «легкость» творческого труда и почет (как теперь наши «писатели»), куда девать имитаторов-жуликов (Леонов, Лидин и Пильняк).

До сих пор такой труд обставлялся тайнами и особенным почетом и препятствиями, а потом обставляли так в том смысле, что это <u>личное</u> свойство (культ личности), отчего дурак и нахал и обезьяна говорили: «куда нам».

Расчленить <u>труд</u>: труд и время (характер времени: ровно-длительное, мгновенное в догадке и «случае»), труд и личность (напр., как устранить влияние соедин. сил[ы] бездари против даровитого большого человека). Работа и ритм. Итак, во время писания Даурии надо прикоснуться душою к «проблемам» советского опыта: 1) Организация труда (к главе сценария «апофеоз»). 2) Вопросы нацменьшинств.

11 Марта. Яркое солнце и злой ветер. Весь город засыпан снегом. Соснин телеграфировал о перенесении зверов. совещания на 16-е. Узнать о литературе о 1) соболь, 2) песцы, 3) олени (пантовые).

Р. Роллан разрывается... Если бы он мог сам всего себя целиком поставить в наши условия, то он непременно бы превратился в интеллигентного оппортуниста. Если бы он знал, что самый вызывающий тон его письма с личной подписью (знаменитости) вызывает желание у нас вычистить его и раскулачить. Ведь он говорит именно теми словами, как, напр., говорил Золя во время Дрейфуса — все это отжило, пусто и вообще сказать эти слова можно лишь в условиях личного благополучия, пожалуй даже, эстетического. (При падении вкуса в обществе крупный автор опирается на социализм: А. Франс.) Роллан бьет в барабан в то время, когда именно в том и состоит трудность, что надо молча подкрадываться... Впрочем, я это говорю отчасти, конечно, от зависти, хотел бы сам интересно «открыть» китайцев, а вот об этом бьют в барабан. Нет, это не зависть, т. е. я не завидую положению Роллана, а досадно, что открывать-то мне после барабана нечего: правда, раз об этом в барабан ударили, то голос твой будет лишь подголоском, а по-своему сказать об этом тебе не дадут.

12 Марта. Яркий и сильно морозный день. Ночной приезд Ивана Острого. Внезапные блины. Всенощная (классовая борьба).

Не только мы, униженные и оскорбленные, ждем нового пророка, но и торжествующая революция жаждет встречи с ним. Весь мир ждет. И вот тут Р. Роллан пытается заменить собой (пустоболт).

«Троцкизм» — это соц. словесность, подобная керенщине, с той разницей, что керенщина в вопросе распада слова и дела глуповата, а троцкизм в этом до того дошел, что производил впечатление сознательно подготовленного вреда коммунизму. И чтобы спасти революцию, понятно, надо было сбросить последний балласт гуманизма и дать

ход классовой борьбе в таком понимании, что она есть не только принцип, но и личное дело каждого, кто признает себя революционером, все же остальные являются троцкистами или оппортунистами.

«Классовая борьба» — это жестокая сила, необходимая, как цемент, в распавшемся от слабости государстве. Прямо противоположен классовой борьбе «гуманизм» (керенщина, троцкизм, троцкизм — это доведенный до своего абсурда гуманизм).

О классовой борьбе надо судить параллельно с биологической борьбой, первая есть борьба по воле человека, вторая есть борьба «на волю Божию» (за существование).

Классовая борьба нам кажется чудовищно жестокой сравнительно с биологической только потому, что там ведь, в деле природы, и спроса нет. Мы привыкли противопоставлять био-борьбе гуманизм. Теперь же, с вырождением гуманизма, с необходимостью прибегнуть к грубой силе мы создаем какой-то био-гуманизм (т. е. принципы (слова) человеческие, а сила (дело) звериная).

Классовая борьба (слова человеческие, а дело звериное) наживает себе двух врагов и зажигает против себя две силы: в защиту человека зажигает религию, а в защиту зверя (зверь ведь тоже обижен) она поднимает против себя животность, или силу земли (и то и другое существует и, возможно, растет в реальности своей силы, но гуманизм (либерализм) абсолютно разбит, это у нас понимают, а в Европе мало, пример Роллан).

<*На полях:*> *Животность и религия или Красные яйца.*

<*На полях:*> *NB Религия — это вопрос, но от силы животности кумачовым платком не отделаешься. С этой силой рано или поздно (даже и скоро: голод и тиф заставят) придется посчитаться.*

Христианство относительно зooборьбы очень точно было против (смертию смерть), но именно пало разложенное био-борьбой, вошедшей в человеческое дело в форме гуманизма, либерализма; во время богоискательства считалось, что религию разложил гуманизм, либерализм, которые создали индивидуализм. И все были против ин-

дивидуализма. Ошибка их была в том, что для борьбы с индивидуализмом они хватались за прошлое. Мережковский делал слабые попытки считаться с материал[измом] революции.

8-го Марта Красюковские граждане отпраздновали победу над внутренней эмиграцией «графьев» плясом в церкви. Каждый получил чашку чая с пирогом, ударница Комариха — премирована портретом Сталина.

Из арабских сказок

— И они ехали много дней и ночей, где росла лишь трава да парил дух Аллаха.

— Ибо нужда ожесточает сердце человека с низменной душой, тогда как человека с возвышенной душой она облагораживает.

14 Марта. Старая весна.

Не удивительно ли, что с водворением Нэп'а, т. е. разрешения торговли, одновременно возродилось искусство и существовало весьма благоприятно для сов. власти около десяти лет с тем, чтобы с запрещением торговли совершенно исчезнуть. Вместе с искусством исчезли из жизни игра, праздники, подарки (советская игра (физкультура), советские праздники, сов. подарки («премии»)).

День морозно-яркий, чуть ветер. Фотографировал [покосившиеся] избушки в Глинкове. Мороз и солнце во время весны света создают для обоняния особенную среду, подобно тому стеклянному песку, на котором в научных опытах выращивают, примешивая разные питательные соли, растения. Мороз не пахнет и солнце тоже без запаха. Но никогда не чувствуешь такого тонкого аромата, как весной света. Вероятно, это воображение при отсутствии возбудителя запаха бывает особенно напряжено и само создает в нейтральной среде запах. Чаще всего мне пахнет на морозе при солнце гиацинтом, но бывает всякое воспоминание, волнение сопровождается запахом и таким сильным, что оглядываешься по сторонам, узнавая, нет ли где-

нибудь цветов. Бывает, вспомнишь событие в прошлом, сопровождавшееся этим запахом, но чаще просто пахнет, и не знаешь откуда. Бывает, какой-нибудь предмет извне напомнит собой и запахнет. Так сегодня при виде Глинкинской церкви мне очень сильно пахну́ло ладаном.

Теперь уж действуют не они, а те силы, которые они вызывали: они же сидят, созерцают дело рук своих и ворчат потихоньку.

15 [Марта]–18 [Марта]. Воля ваша – жизнь моя!

В Москве. Погода мешалась, снег, тепло, а 18-го подморозило и стоял яркий морозный день.

Тема: «Воля ваша – жизнь моя!» Последний распад общества. Можно вложить в «уста» даурской женщины, которая бросается в Амур с молитвой: помоги Господи ничего не простить.

Корове проволокой кругом обвели рога, и концы проволоки скручивали плоскогубцами до тех пор, пока рог к рогу как бы чуть-чуть [не] стронулись. Тонкую эту проволоку замаскировали шерстью. Корова помычала, обалдела, оглумела и быстро начала гаснуть.

Деревенская девочка сидит за столом и бессмысленно заучивает стихи о множестве тракторов, преображающих деревенскую жизнь. Ее отец, мужик-молчун, сидит, слушает с уважением и вдумывается. Каждая строфа оканчивается словами: «Ударник, скажи свое большевицкое надо!» И молчун после каждого раза спрашивает вдумчиво девочку: «Что надо-то?» И девочка отвечает: «не знаю» и «отвяжись».

Нападение Загорского Горсовета на жилища наши: внедряют рабочих в квартиры писателей.

Возвращение к картофелю.

19 [Марта]. Зима все дуется. Чистые лунные ночи. Но все-таки теперь есть на снегу особенный запах весны света. И оттого обращаешь внимание даже при луне на гнезда грачей.

<*На полях:*> *взять на понт*

Нападение уплотнителей (делегатка Лебедева из-за новых калош готова на что угодно идти). Наша победа благодаря приезду партийца Пашки (переговорили по-своему ребята). Как ни признавай интеллигента за рабочего — ничего не выйдет. «Рабочий»: это не значит работает, как, напр., иностранец, иностранный рабочий не есть еще непременно «рабочий». Признаки типа: 1) глубина жизненной переделки до битости, 2) заостренность самолюбия от предшествующей черной переделки, унижения и от последующего возвышения через власть, 3) параллельно этому объединенность заостренно-самолюбивых существ в «класс». Напротив, интеллигенция характеризуется: 1) образованность — на этом объединение и устранение от себя обязательного черного труда и связанной с ним черной переделки.

<*На полях:*> *Черная переделка. Происхождение власти: — Можешь убить или нет? — Могу. — Властвуй.*

Все равно как и теперь РАПП: если докажешь способность свою к классовой борьбе (а что это?) — властвуй.

Характеристика черного труда: это не то что просто физический неквалифицированный труд; это труд ненавистный (происхождение его — деревня, где крестьянин сидел по необходимости). Прав Чумандрин, видевший за границей рабочих: «их свобода разбаловала». Те рабочие тоже интеллигенты. Возможно предположить большевицкого рабочего у китайцев (вообще в аграрных странах).

Суровость парт. дисциплины пришла на смену суровости жизни и стала условием жизни новых людей: [признается] военно-госуд. сила, но отнюдь не сила труда; интеллигент превратился в спеца; общество раскололось на спецов и партийцев. Вопрос: возможно ли, чтобы из партийцев вышли спецы? Этот вопрос равняется: возможно ли, чтобы из спецов вышли партийцы? Всякий спец уже отдал себя самого своему спец-делу и в остальном хочет просто жить. Всякий партиец в принципе аскет и если «живет», то фуксом, и он отдался партии, если отдастся второй раз специальности, то на партию его не хватит.

<На полях:> Партчеловек, даже самый распущенный, в принципе — аскет.

Спец, даже «мученик» науки, живет для себя. Вот тут-то и вся заковыка. Власть и война: Парт. — война, спец. — мир. Самое главное разделение — отношение к войне (роковой вопрос: а где вы были, товарищ, во время гражд. войны?) И тоже: классовая борьба.

Заковыка:

Рождение власти из черной пены жизни (ведь вот: самолюбие спеца удовлетворяется открытием, богатством, славой; самолюбие парт-человека — властью? (вернее, падает во власть).

Спец-человек — материалист, анархист — мир — тут «земля», «жизнь» и свобода, быт, церковь.

Парт-человек — идеалист, государственник — война — тут принципы, власть, религия (не церковь).

Никогда не было так ясно, что церковь в отношении дела Христа есть «оппортунизм».

20 (Марта). Солнечно с ветром. Хорошо стало ночью: тихо и луна до невозможности яркая (бывает ли так светло зимой?). Пишу Даурию (Амур).

Достать в среду книгу по истории первых веков христианства (церкви). При свете нынешней жизни выяснить: 1) Характер и значение христианских принципов (параллельно нашему «социализму»). 2) Возникновение церкви и государства как единства и причины распада. 3) Искусство эллинское и новое в отношении всех трех категорий: принципов христианства, церкви и государства.

Союз на крови (государство). Союз на любовном радении (христианство) и отсюда линии государства, церкви, искусства. Бледные лучи тех костров в нашей нынешней замшаной церкви, в социализме, искусстве. Нынче загорелся костер крови.

Усредненная мораль.

Молодые люди нынешние познакомились с государственной работой раньше, чем с личной этикой, и оттого

при необходимости оперировать в области этики переносят в нее опыт свой из работы в каком-нибудь учреждении. Так, напр., в финансовом отделе до того свыклись с тем, что средний человек если сыт, то и добр, а голодный непременно зол, что часто путают и вместо того, чтобы сказать, напр., «вот голодный!» — скажут «вот злой!», или вместо «человек истинно добрый» — «вот человек истинно сытый». И тут же наведут справки — нельзя ли с него что-нибудь содрать.

Часто бывает тоже большая путаница с понятиями класс или борьба, если переносить эти понятия прямо с листа из учреждения на живых людей. Сам не раз, имея высшее покровительство в государстве, как писатель, попадал в списки лишенцев и кулаков только по тому признаку, что имею домишко в три окошка на улицу. И если, достигая какого-нибудь места, видишь, что оно занято уже хорошим человеком, то тебя успокоят и скажут: — У тебя же есть связи, гони его, не унывай, нужна борьба.

21 [Марта]. Яркий морозный день с ветерком. Полнолуние. Роскошная зимняя ночь.

Удивительно, просто невероятно! С утра до ночи Ефр. Пав. ругается на власть и, казалось, такой контрреволюционерки нет другой. Но вот вчера я сказал о Леве, что ему придется поступить в партию. — И очень хорошо, — ответила Павловна, — я разве против? Я ругаю негодяев, но причем тут партия? И очень хорошо, если Лева поступит, на его месте был бы негодяй, а вот честный коммунист будет, и сколько он добра сделает!

<На полях:> будущее в подсознании... проявляется в личностях разных
открытие
о войне

Вы же видите, что жизнь наша бежит и не только через год или месяц, а через неделю чувствуется перемена. Между тем, кто из нас скажет о перемене вперед. Пусть скажут, что перемена зависит от такой-то группы, и все равно в этой группе знают за неделю, за месяц, а за год

уже никто ничего не скажет. Перемена накопляется в людях, в личностях и находится у них в подсознательном состоянии. Личности, однако, разные, один осознает перемену раньше, до другого не скоро дойдет. И вот если бы свободно высказываться, хотя бы, напр., в мечтах, подобных романам или стихам, то, конечно, массы скорее бы сознавали себя и жили, чем... Так было в либеральном обществе.

А в прежнем китайском «открытия» личностей считались опасными и должны были проходить через совет мудрецов, которые решали, возможно ли догадку открыть для народа, или, напротив, закрыть, забыть о ней и самому догадчику возможно скорей отрубить голову. У нас теперь жизнь идет по-китайски, причем догадчики более и более становятся в такое положение, что по множеству недозволенного им нет никакого расчета догадываться.

Вот сейчас скопилось в людях так много «неоткрытого», что каждый с часу на час ждет перемену. Коммунист обыкновенно говорит о войне и разные приводит доказательства, что посылают на Дальний Восток войска, против Польши роют окопы и т. п. Но простые граждане в войну совершенно не верят из-за того, что чувствуют великое скопление злобы и невозможность в такой обстановке начать войну.

22 Марта. Жаворонки пекут.

Электрический трамвай остановится один — и все остановятся, если кончится ток. И точно так же и быт...

После сильного утреннего мороза в полдень в лесу солнце...

Создалась та нейтральная морозно-солнечная чистая среда, в которой и яркая мысль, и яркое чувство порождают свои запахи. В лесу были из снега на пнях и елочках пасхи и куличи такие вкусные, что мне явственно запахло ванилью и сладостно мелькнула прелесть похороненного быта. Сегодня у нас Ефр. Пав. пробует испечь жаворонки. Я уверен, что у нее это не выйдет, не взойдет тесто или

сгорят. Ведь быт движется силой, подобной электричеству, один трамвай остановится — и все станут, если кончится ток; вот так и быт, если внутренняя сила, движущая его, кончилась, то никакое личное усилие его не спасет.

Дорогой друг, живу так себе, стараюсь сохранить пристойность в неприличном для писателя положении. Так именно я себе представляю свое положение сравнительно, напр., с положением Максима Горького: одно неприличие! Писатель-коммунист именно должен жить под охраной фашистов и, в крайнем случае, ГПУ. Но так жить, как я, в провинции невозможно. Какая-нибудь делегатка, имеющая виды получить новые калоши, врывается в мое жилище и начинает обмеривать сотни раз обмеренную площадь, находит лишние 6 метров и предлагает добровольно впустить рабочего в мой кабинет (внизу для рабочего сыро). Сбудешь делегатку, явится фин[инспектор]. Пойдешь жаловаться. Председатель слушает и есть яблоко. — Бросьте яблоко! — крикнешь. Он отложит, но после того уж, конечно, ничего не сделает. В конце концов, измучишься и начинаешь сочинять письмо Сталину.

<На полях:>

— Жить хочешь?
— Хочу.
— Ну так слушай.
И опять тихо и опять:
— Побойся ты Бога!
И сказка про белого бычка:
Жить хочешь...

Горький американцам: «“Насилие”, как вы и “многие” понимают его — недоразумение, но чаще этого оно — ложь и клевета на рабочий класс Союза Советов и на его партию <...> На мой взгляд, можно говорить о принуждении».

Это из ответа Горького американцу, который пишет ему, что рабочий класс в СССР насилует крестьян. («Известия» № 81. 1932 г.). Теперь это «не насилие, а принуждение» обежит всю страну и, пожалуй, будет венцом славы Максима Горького.

«Святые» народники, в сущности, и породили это дитя: это изнанка их «святости» явилась, т. е. изнанка (воля к власти) давно уже показывалась и так ярко осрамила Виктора Чернова (селянский министр), но в изнанке оказались тоже слои, и это вот уже самый последний слой «заподлицо». Итак, Горький — это заподлицо святых народников. Ни Ленин, ни Сталин, полагаю, не могли бы уже потому, что за «святость» никогда и не брались. Такое дитя могло родиться только среди писателей-моралистов.

Два мужика. Луна светила ярко. Лошадь шла потихонечку. В розвальнях ехали два пьяненькие мужика. Молодой научал старого чему-то потихоньку, и, когда доходил в этом научении до какой-то вероятно последней мерзости, старый как бы громко стонал:

— Побойся ты Бога, Никифор!

И молодой тоже громко ему отвечал:

— Жить хочешь?

Молчание.

— Спрашиваю тебя, жить хочешь?

— Хочу.

— А хочешь, так слушай.

И снизив голос, продолжал научать до тех пор, пока старик опять не стонал.

— Побойся ты Бога.

И опять Никифор резко:

— Жить хочешь?

Луна светила ярко. Лошадь шла потихоньку. Тени домов совершенно скрывали идущих вровень с лошадью людей на тротуарах. Резкие тени на серебряном снегу обрывались на перекрестках, люди показывались на свету, один, другой, третий... не люди, а человек, один в лицах своих, шел, шел, и ему с улицы задавали вопрос:

— Жить хочешь?

— Хочу, — отвечал он и заключал свой договор на какую-то величайшую мерзость.

Свидетельницей была чистая луна.

<*На полях:*> *Люди сейчас говорят, а больше молчат об одном и том же.*

Лева начинает явно посмеиваться, когда при получении особенно резких известий о тяжести жизни я хватаюсь за возможность близкой перемены... «Сколько раз уже предсказывал старик и никак не успокоится». А я начинаю «пророчествовать», когда до меня доходят какие-то волны общего чувства (все говорят об одном и том же, или даже молчат об одном: говорят и молчат об одном). Но все-таки верно то, что в такие моменты большевики как-то извертываются, и перемена бывает, хотя и не та. Происходит перемена не нравственная, а просто, оказывается, жить еще можно («вышли из положения»), и тут другая волна подкатывается, тихая, черная, узкая из тумана с шепотом: и царствию такому не будет конца. Вот к примеру было только что с Японской войной — вот-вот война, а теперь явно, что нет. Молодежь-то как, было, закипела, как захотелось на войну. Нет, успокойся, нет и не будет. И весь Китай разберут и поделят на сферы влияния, и выйдет Европа из кризиса, а мы даже и петушиться перестанем.

23 Марта

Дорогой мой!

Соблазн является в виде легкости жизни, вот, напр., если это женщина, то кажется, что с этой новой женщиной жизнь будет легкой, и я успею с ней хорошо пожить. На самом деле, если поживешь подольше, то в иной форме выступят те же черты неминучести, но это когда еще... Тут всегда скрывается эротика — истинная причина обмана (хочется неизведанного: своя же баба да на чужом огороде и то слаще). Змея, обновляясь, сбрасывает старую шкуру, а мужчина жену. (Керенский, Калинин, Буденный et tutti quanti[1]).

Вчера 100 лет со дня смерти Гёте. Наши хвалили за безбожие и намекнули на мещанство личной жизни (50 лет прихлебателем у князька). Итак, «мещанство» у всех от Гёте (Веймар) до Горького (валюта). Разница: Веймар помог Гёте написать «Фауста», и в этом случае «мещанство»

[1] et tutti quanti (*итал.*) — и иже с ними.

превращается в «землю» или «мать». А у Горького наоборот: Горький за валютку с возможностью жить в доме принца в Италии отдает своего «Фауста». Вот и все о мещанстве, кажется, нечего больше сказать.

Разве так еще: <*приписка:* Так ли я понимаю мещанство: это есть...> мещанство есть первенство, отданное за чечевичную похлебку. Из этого не следует, что сама похлебка есть источник мещанства. Но бывают времена такой суровой борьбы с мещанством, что одно только напоминание о хорошей похлебке соблазняет людей. Так вот теперь эту роль раздражающей похлебки играют земля, природа, семья, праздники, подарки, игрушки. Дело кончено! быт движется силой, подобной электричеству, прекратится ток — не один, а все трамваи остановятся; так точно никакое личное ценное не может вернуть к разрушенному быту с наряженной землей, доброй природой, древними праздниками, подарками. Нет, если мы после долгих странствий радостно говорим «и вот земля показалась!», то пусть это будет новая какая-то земля, на которой все так по-новому должно устроиться, что человеку и незачем, и невозможно будет соблазняться чечевичной похлебкой.

Сказать точно, где это было так, что показалось, будто старого нет на земле ничего: нашей росы нет, нашего тумана, и птицы не те, и бабочки. Но и зато человека того нет, нашего, пушкинского.

Поиски неведомых стран («Колобок» и подобные путешествия) эротического происхождения (манит своего рода девственность и перемена: «на чужом огороде»).

24 [Марта]. Весь день метель (перемена). Несмотря ни на что — грачи явились в малом числе, Петя видел их где-то у навоза.

Какой-то известный профессор (по рассказу Пети) у них прочитал лекцию о необходимости оздоровления людей посредством кастрации больных, подбора производителей с искусственным оплодотворением. Но мысли профессора были признаны с точки зрения построения социализма контрреволюционными.

Кастраты духа, продавшие первенство за чечевичную похлебку.

<*На полях:*> *Психология прыжка*

Приходил из Педтехникума студент, еле грамотный мальчишка, прочитал несколько глав повести, запутался. Спросил его, для чего пришел. Ответил: чтобы распутать. Мотивы писания: что-то вроде прыжка из царства необходимости в царство свободы; кстати, это точно приходится теперь к молодежи. Между прочим, и я сам чувствовал в себе этот прыжок, когда от агрономии перескочил в литературу.

25 Марта. «Неисчислимые безымянные карлики создают культуру. Гигантам эта работа служит необходимым предположением, но они, вместе с тем, убирают неизбежно накопляющийся мусор» (Ю. Велльгаузен «Израильско-иудейск. религия»).

<*На полях:*> *«Только при погибели народа... он (Яхве) возвысился далеко за его пределы и стал богом человечества и вообще вселенной... Через это возник тот вид религии, который в Новом Завете называется богослужением в духе и истине» (Велльгаузен).*

<*На полях:*> *Амос — пророк социальной революции?*

Итак, необходимые предположения:
1) Рождающая женщина.
2) «Земля» в христианстве.
3) Веймар (и Христина) у Гёте.
4) Павловна у меня и мой домик в Сергиеве.
5) Чечевичная похлебка.
6) «Мещанство».

«Признак настоящих пророков (навиимов) по Иеремии тот, что они предвещают несчастье, что они плывут против течения, и что они вопрошающим их не льстят».

28 Марта. Зима держится, но в полдень снег уже мякнет. У нас в Сергиеве нигде еще не видно грачей. Проводил Ник. Иван. Чувствую возрастающую ненависть к мошкаре, отравленность, проникающую до сердца. И самое сердце

как будто вот-вот откажется служить. Спасаться бегством, или, напротив, приближаться так, чтобы принюхивалось. Решить с точки зрения чисто гигиенической.

29 Марта. Молюсь: Господи, не дай врагам погубить и эту весну мою.

Чудесное солнечное время: середина окна от солнышка вытает, а вокруг легкие морозные узоры; так и день в середине пламенеет и показывается на дороге вода, а утром и вечером легкие прекрасные морозы...

Раскрылось из книги:

— Да не возвратится угнетенный посрамленным; нищий и убогий да восхвалят имя Твое. Восстань, Боже, защити дело Твое, вспомни вседневное поношение Твое от безумного. (Псал. 73, ст. 21)

<*На полях:*> *Это продолжение книги Иова: тот переносит несправедливость, сохраняя верность Богу, этот усиливает, просит отмстить, а я: прошу у Бога дать силы не простить.*

Вера в Воскресение. (Конец иудейск. религии).

— Эсхатологические представления поднимаются на более высокую ступень. Выдвигается всеобщее воскресение мертвых, суд над всеми жившими когда-либо на свете, рай и геенна (вместо или после ада). Народ уступает место отдельной личности, будущая жизнь переносится на тот свет, на небо, и становится вечной. Этим переворотом сделан переход от Ветхого Завета к Новому. Иудейство подготовило ту почву, на которой христианство сразу укрепилось (Ю. Веллъгаузен. «Израильско-иудейская религия»).

<*На полях:*> *...но если скажем: нет Бога! то сейчас же на его место явится диктатор.*

А. Гарнак («Сущность христианства») говорит, что теория мизерабилизма (религия несчастных) может привести к внешнему предверию, но ключа к пониманию религии она не дает. «Впрочем, эта его претензия представляет собой лишь применение общей исторической моды, которой суждено царить дольше других мод, так как по ее спо-

собу действительно многое темное может быть освещено. Но до сути дела представители ее не доходят, полагая втихомолку, что совсем и нет такой сути».

<На полях:> *Знание причин явления не дает нам его качества. «Чудо» не есть причина, как думали, оно теперь отходит в область творчества качества. Что происходит (причина). Как мы живем на земле (качество).*

Будьте как дети! Дети никогда не смешны, начинается смешное, когда человек сложился и какая-нибудь черточка окостенела особенно и осталась в общем облике неподвижной...

День прошел, как самый большой праздник, чего стоит жизнь одного только моего окна: какими чудесными узорами разукрасил его мороз поутру, как от солнца протаяла сначала середка, потом исчезло все и на краях, а вечером опять заузорилось; так и весь день, как окно: в середине пламенеет воздух, плавится снег, и выступает вода на дороге, а утром и вечером все обрамляется легко-морозными зорями: день, как в раме, день, как окно в грядущее...

Один и с Богом не спасешься...

Весь город наполнился играющими мальчишками. И вероятно, так по всей нашей ровно-климатической зоне у детей праздник. Даже наш вузовец бородатый Петя приехал с подбитым глазом, но говорит, что и он в свою очередь в ответ коварно залепил в затылок мокрым снегом с такой силой, что враг покачнулся.

Глядя на бой ребят из окна, думал о смешном в человеке, что вот мальчишки все время хохочут, а никто из них не смешон, между тем, когда смотришь на взрослых из того же окна, то непременно в каждом за исключением печальных и старых находишь смешное: один закостенел, выпятив грудь, у другого выдулись щеки и через это идет, как индюк, третий остановился на какой-то думе, идет и спотыкается, у иного надулся живот и так без конца. А ребята все гибкие, быстрые, смеются без перерыва, а не смешны. Будьте же как дети!

«Заключены ли мы беспомощно в цепь неумолимой неизбежности, или же существует Бог, восседающий у кормила мира, Бог, Чья властвующая над природой сила может быть испрашиваема и переживаема нами?» (А. Гарнак).

— Если нет, то на место Бога станет властный человек и изловит тебя, рыбку живую, сетью свободы (или на удочку, на приманку свободы) и будет ради общего дела... (Ответ некоего N)

Другой отвечает: — Бог так переменчив, что описание Его вида дает лицо, отошедшее в прошлое... Было время, когда главное в религии была личность человека, отнесенная к Богу. Теперь все мы чувствуем, что этого мало, что один и с Богом не спасешься (Проповедник Духа и незримых помощников).

Есть два коренных вопроса, — отчего все взялось на земле, или какая всему причина, и второй вопрос, — как мы живем и как надо жить (качество). Знание причин явления не дает нам его качества, от которого собственно мы исходили, когда задали себе вопрос «почему?» Мало-помалу из этого детского «почему» явились наука и техника, которые вытеснили вопрос о качестве жизни (искусство). Из этого вовсе не следует, что наука «виновата». Нет, наука — не подлежащая критике сила (как солнце и ветер), но просто она ждет хозяина (как всякая сила природы). Вот в Даурии и надо представить оправдание науки и перемену хозяина.

«Они (исторические оценки) вытекают из познания, унаследованы от той долгой-долгой эпохи, когда от знания и науки ожидали всего; когда верили, что с их расширением можно объять и покрыть все потребности ума и сердца» (Гарнак).

Вожжи. Вдали поезд. Стрелочник, очень старый, вышел закрывать шлагбаум. Рабочий, тоже пожилой, везущий казенный товар на фуре, сказал: «Пропусти!» Стрелочник ответил: «Ступай!» Рабочий потянул, а вожжи оборвались. Стрелочник начал хохотать, приговаривая: «Ну и вожжи!» А рабочий в ответ ему: «И не говори!»

И когда я подошел, старик мне с хохотом: «Ну и вожжи!», а рабочий вслед за ним: «И не говори!» Эти граждане смеялись над своим собственным государством.

30 Марта. Постепенно шаг за шагом солнце одолевает мороз, хотя бой идет открытый, без облаков, один на один. Под козьей горкой на свалке у навоза собрались все грачи [стаей], черным-черно. И везде в городе слышны грачиные крики у гнезд.

Они все более и более... Но и я крепну в себе. Только одному нет и с Богом спасенья. Впрочем, если правильно с Богом, то один никогда и не будешь: это те костенеют в себе, кто неправильно...

До чего все забиты! Вычитал в газете, что Халатов, ссылаясь на Ленина, объявил, что издавать надо только партийное. «А что если, подумалось, в этом собрании кто-нибудь спросил бы: “Cujusvis hominis est errare[1]. Ленин был человек. Мог бы Ленин ошибаться?”» Так вот, какие бы последствия были от такого вопроса. Отсюда совершенно ясно, что революцию движет сила, подобная религии, и скорее всего той религии, которая некогда двигала воинственные племена (Бог живых — покойники в ад; личность продолжается безлично в деле своем для общины). Cujusvis

Тут вопрос стоит отчасти в методе, — убеждением действовать по смыслу христианства или насилием (в плен брать). Провал христ. церкви был в допущении войны («на супротивныя даруй»). И уже на эту войну стала другая война, которую Горький характеризовал «не насилие, а принуждение». Христианское «убеждение» в устах Керенского... (убеждение как слабость).

Хлысты. Психика возникновения — «Христы»: Христос живет всегда в человеке и есть для каждого возможность явиться сыном Божиим и дальше быть распятым. И вот тут тончайшее разделение: иной имеет лишь путь

---

[1] Cujusvis hominis est errare (*лат.*)— Каждому человеку свойственно ошибаться.

Христов, чтобы в конце мучительных колебаний умереть в надежде получить оценку себе как сыну Божию; другой (хлыст) объявляет в себе Христа, начинает свое царство и вступает в борьбу с царством другого Христа.

Как художник Фаворский ни за что ни про что получил свет. Кожевников встретил своего ученика, он кончил курс педагог. техникума, а теперь, как партиец, стал в Птицетресте директором рабфака. Между прочим, поговорили об электричестве, что при настойчивом требовании Москвы Пришвину дали одну лампочку, а Григорьев до сих пор сидит с пятилинейной; что вот есть художник Фаворский, почти мировое имя, — тот даже не смеет и попросить...

Прошло несколько дней. Художник Фаворский идет по улице и видит — рабочие ведут электричество. — Куда это? — спрашивает. — Художнику, — говорят, — Фаворскому ведем электричество.

Вышло, как в сказке арабской.

<На полях:> Ищу покоя — покой весь в «Отче наш».

Председатель горсовета Каширин писателей записал в списки лишенцев и кулаков, и когда нужно было во что бы ни стало достать сколько-то метров жилплощади, ему подвернулся писатель Григорьев. Правда, уплотнение разрешалось лишь добровольное, но что поделаешь: послал обмерить, а потом и ордер дал на вселение. Григорьев не пустил и решился на борьбу хоть до смерти. Лицо его перекосилось, щеки задергались (лицевой нерв). Пошел объясняться... Приходит, говорит. Каширин бессмысленно смотрит на него и ест яблоко. Не вытерпел Григорьев: «Бросьте яблоко!» Тот бросил, но разговор уже был плохой. А мальчишка пришел, и Каширин сразу же вычеркнул Григорьева из списка лишенцев. Выходит, что Григорьев не умел разговаривать... Но и должен же кто-то крикнуть: брось...

31 Марта. Серый, ветреный и холодный день. Почти вовсе не таяло.

Мои все братья, сын Лева теперь и множество подобных и сам я в глубине души ненавидим попов (воспоминание — Оптину Пустынь). В чем тут дело? Почему каждого мальчишку при виде попа тянет к озорству? У Левы почти содрогание, как от змеи (в глубине и у меня), а мать, а дяди-купцы? Чтобы такой хороший, естественный человек переменился к попу, нужен грех: тогда через страх, умиление, смирение и пр. — но вдруг может выпрямиться и послать все к черту... Никому не поверишь, если явится в рясе. Но если какой-нибудь простой огородник неожиданно, не отрываясь от работы, начнет проповедовать лето Господне благоприятное... он поразит!

Вывод: надо взяться за картофель и совершенно исчезнуть от писательства.

1 Апреля. Серый день, как вчера, но мягкий. Дорога еще держится.

Евангелие так написано, что кто по природе своей приемлет мир, тот находит себе Христа учителем радости даже чисто земной: нам такие люди представляют Христа и в браке, и с детьми, и в поле с лилиями; если же я склонен к войне и разделению небесного от земного, то всем известны слова: «не мир, но меч» и много других, несомненно утверждающих отречение от мира, аскетизм. К этому разнопониманию на почве разнонатурности человека присоединяется время; изменяются во времени знания, состав общества — в наше время, напр., бесполезно и даже вредно представлять Христа с чудесами вроде воскресения мертвых, потому что чудеса теперь возможны только за пределами наших точных знаний. Евангелие читать надо так, чтобы одним глазом смотреть сквозь себя на Христа, а другим на современную свою повседневную жизнь (дневники писать) и на общую (газеты читать).

Какой-то инстинкт вроде самосохранения оберегал меня погружаться в религиозную философию и даже просто в тонкости христианской морали; но я всегда знал, что на том месте, где у других мысль, у меня это место отмечено чувством, вернее, просто заметкой, по которой в будущем всегда можно найти отвечающее этому чувству

понятие. И теперь, когда я пошел по этим заметкам, чтобы расставить соответствующие мысли, с удивлением спрашиваю себя: но почему же молчат теперь те, кто раньше меня все понимали...

Механизация этики, проходящей через госаппараты, к человеческой личности такая этика доходит в форме военного приказа, — какая же тут этика!

Аскетизм имеет только рабочую ценность, а отвлеченный аскетизм часто от дьявола: аскетизм рабочий должен сопровождаться великой радостью, потому что он все силы собирает для достижения радостной цели.

Забота (в евангельском смысле) становится поперек жизни, она уничтожает самую задушевную сторону (Гарнак) нашего естества.

2 Апреля. Пасмурно. Мокрый снег.

Дубец вдруг оступился и покатился по лестнице, потом судороги, и кончился так же, как Кента и Нерль.

3 Апреля. Пасмурно. Мелкий снег.

Лева ночью приехал после борьбы за комнату. Послал письмо к самому. Жду чудес. Не дождусь... вот и проверим чудеса по себе.

Христос и Евангелие вне политики... Можно свидетельствовать о неверии, но привлекать за неверие человека неверующего нельзя. И ничего нет безумней, как навязывать веру. Тот, кто верит, должен о вере молчать и убеждать нас особенным делом, через которое мы сами поверим.

Христос и Евангелие в отношении политики по существу ничего не говорят, потому что на такой высоте, в таком плане и самой политики нет, но, конечно, через все планы жизни надо пройти, чтобы достигнуть высшего.

Уже по одному тому надо Евангелие, чтобы люди всех стран и всех жизненных положений, взяв эту книгу в руку, могли сойтись между собой...

<На полях:> *Понятно из практики писательства моего: находишь в муках и злобе, а делаешь так, что как будто не было ни труда, ни злости, ни мук. И еще: все личное перевести в общее.*

Нельзя идти против зла, потому что часто зло имеет миссию зла против зла для перемены жизни, так что есть два зла: заднее зло и передовое.

— Верь! — Не верю. — Верь, негодяй! — Не верю. — Верь, что не веришь! — Верю.

Но все-таки насильно верить нельзя и не верить, наоборот, если будут заставлять верить, станешь не верить, и если не верить будет обязательно, то поверишь непременно. Так что вера обратна насилию.

Антисоциальный человек (Матвеев), физический индивидуалист, заключает себя в бригаду и делается социальным и своеобразно приносит «пользу».

Теперь и хороший человек плохим покажется, потому что хороший в упадке злится и забыл то, что он сделал, когда был счастливым.

Кулак, осознавший себя в коммунизме: нынче нет большевиков и нет кулаков: кулак осознал себя в большевизме и стал [совсем] как большевик.

Павловна. Слова ее редко бывают полноценными, обыкновенно слова ее как бы опыты чувственного мышления: «скажу, а потом увижу — не так, и переменю». Вот почему, будучи очень умной, она часто говорила нелепости и через минуту их переиначивала даже и не очень ловко в противоположное.

Романтизм и скепсис разные дети одного упущенного мгновенья жизни, разные дети истока, «духовной жизни». (Ненасытимость религиозного чувства. Мгновенье, которое ничем не оправдается, ни служением науке, искусству [ни] добрыми делами). Много-много подумать: недавний сон: и все ведь по-новому! Одной сказать можно, и ее нет (невысказанное — высказать = невозможность).

<На полях:> *Романтизм — это не взять мгновенье и пытаться возместить, скептицизм — взять и увидеть «не то». Ангел упущенного мгновенья жизни.*

3—4 [Апреля]. Все так же пасмурно, снег идет, тает, но не хлестко, дорога еще держится.

Левина борьба за комнату с Союзом Писателей кончилась тем, что предназначенную мне комнату отдали секретарю ячейки. Замечательно, что на мою угрозу выйти из Союза — чуть не последовало возмущение с принятием мер (знаем мы эти меры!) и что секретарь ячейки угрожал застрелиться, если ему не дадут комнаты (с женой развелся), что приняли во внимание и даже отвечают: «но ведь он застрелится». Но ведь вопрос был о книге, я говорил, что Пришвину придется отказаться от литературы. Итак, пусть Пришвин не будет писателем и даже удавится, лишь бы не застрелился секретарь ячейки. Встреча: партчеловек и спецчеловек. Особенно интересно, как все, Халатов, Селиванович и др. <*зачеркнуто:* переменились> были какие, когда узнавали факт [про] Пришвина, и какие стали, когда ознакомились с обстоятельством.

<*На полях:*> *Обдумать: на Дальнем Востоке русские учились над китайцами и корейцами господствовать.*

5 [Апреля]. Пасмурно, медленно тает. Множество грачей собралось в овраге под Козьей горкой и живут там, потому что на дне оврага вытаял навоз.

Волна настроений, связанных с войной и просто обычным календарным предвесенним положением дел, вдруг прокатилась, и теперь еще меньше прежнего люди ждут перемен. Ряд людей, самых крепких, имевших уверенность в том, что они «пересидят» время «классовой борьбы», теперь говорят: «едва ли возможно пересидеть».

Веяние (люди так глупы!)

Зависть — ненáвисть (люди так злы!)

(Этого сколько угодно: лезут и давят друг друга)

<*На полях:*> *Веяние. Зависть — ненáвисть (ударение ненá, на втором слоге).*

6 Апреля. Медленно тает в тумане. Завтра Благовещенье: переездят.

Приезжал по делам картофеля загадочный человек Прокопий Захарыч Шпекторов. Мои говорят, будто он

жулик, а по-моему, тронутый. Впрочем, идея его помешательства очень распространена между определенной группой людей, читателей Нилуса, антисемитов. Они научают себя, что власть в католической церкви давным-давно захватили евреи и тайно руководят всем миром. С этой точки зрения большевики являются лишь их слепым орудием. Идейка так себе, довольно вульгарная и, скорей всего, является невольным выходом полуобразованного человека из скотинного состояния, требующего причины и виновника. Эти люди не в состоянии представить себе, что в результате столкновения разнородных исторических сил может создаться гнусное состояние, в котором виноваты все и никто.

<На полях:> точки две: учить или нет

Хочу продумать свое отвращение к учительству. (Хочу не учить, а душевно беседовать, размышлять сообща и догадываться.)

В одной точке времени жизнь собирается, как электричество, происходит вспышка от соприкосновения, и это освещает срок этой жизни, и назад и вперед.

7 Апреля. Мокрый снег. Медленно тает. Воды нет в оврагах и нет проталин. А зяблики здесь, сидят на телеграфных проволоках; если же зяблики здесь, то значит, все тут и только не показываются. Вот было ночью (на 8-е) загорелся на нашей улице д. Каптерева, и то ли воды не было, то ли пожарная машина была не в порядке, разыгрался такой силы пожар, что жаворонок, притаившийся в городе от холода, принял тепло от огня за весеннее, свет от пожара за восходящее солнце, и вдруг поднялся и запел, глупенький, среди ночи.

8 Апреля. С утра дождь мелкий, а в полдень так ливанул, так разлилась наша канава, что Ив. Ив. не мог прийти и кормить кроликов, и пришлось кормить самому. Этот день и надо считать решительным в повороте от весны света к весне воды.

Ночью явился Лева и привез радость: по жилищному вопросу у нас вдруг победа и по всему фронту. Самое главное, что явился выход спасаться от литерат. мелкоты (бюрократии).

История христианства особенно ярко представлена примером мгновенного обрастания иерархией и бюрократией всякого живого движения души. Возле малого подвига — малое число, но вот если такой подвиг, как блаж. Августина, то вырастает целый сонм благочестивых бесов. Так все на свете поднимается вверх при солнце и оттого бросает свою тень. Солнце и не знает о тени, но всякая нечисть пользуется и в тени делает свое темное дело... А у нас теперь перед всякой возможностью тени стоит очередь и топчет все, что должно подниматься для них же, для тени; вот этот табун, по-видимому, и сыграет такую же роль, как <*1 нрзб.*> и пр. — Это не союз писателей, а табун... табун писателей.

<*На полях:*> *На плохой конец: Спец в процессе производства делается вредителем, администратор (хозяин) бюрократом. И так, разделенный с самого начала человек — надвое (хозяина и работника) дробится все больше и больше до пыли, — получается не бюрократия даже, а мелкократия (объединенная пыль).*

На хороший конец: Запоны и препоны разрушая, является личность... (бл. Августин и церковь) или же иначе...

Зло исчезает, как голод: как манит поесть, когда голоден, каждое представление о хорошем куске обещает при успехе как бы жизнь вечную, полную счастливых возможностей, а поел и нет ничего, голод исчез и обман его; так, вероятно, и готовность к злу, на 90% исходящая прямо от голода. Злые все на что-нибудь голодны: иному власть нужна — пусть насытится властью... Пусть? вот в том-то и дело, что допустить невозможно... Зло надо (по социализму) через труд пропустить. (Труд — это фильтр всех алчущих и жаждущих жизни) (но как его организовать: даровитые пойдут в «спецы», бездарные в «головку»: середина по-прежнему — огромное большинство! — будет в обиде; ясно, что фильтр устроится таким образом, что

серединный человек найдет свое место и будет... (Продолжение следует)

Еще тема: Нужно ли учить людей и если да, то кто должен быть учителем?

(Соблазн это? — учить только примером, как учат ремеслу: вот вещь и вот смотрите, как я ее сделал; итак, учить это все равно что... показывать вещи в своем происхождении... непременно вещи, потому что неученый человек идей не понимает. — Не учите, а делайте: и люди на ваших вещах и на вашем примере сами научатся. (Продолжение следует)

9 Апреля. Начались просовы: дно оврагов в полевом цвете и такие же забереги. Слышал под снегом пролетающих сарычей. В Салтыковке слышали журавлей. По самому последнему пути привез Шершунович экспортный лес. Рассказывал он о старухе у Ненакова. Эта старуха до того расстроена, что постоянно говорит с чугунами и всякими хозяйствен. предметами как с живыми, причем если она в хорошем настроении, то все они у ней господа: чугун <*зачеркнуто:* барин>, сковорода, барыня. «Ну, барин, — говорит чугуну, — вылезай!» Или о сковороде: «Ну, барыня, садись!» И так ничего без «барин» и «барыня», даже метелка: «Ну, мети, мети, барыня, чище». И топор у ней барин, и ложка, ножик, вилка, столик, тарелка, корзинка... Но только это бывает в редчайшие дни. Обыкновенно же она говорит с ними злобно, ругает, отчитывает, швыряет и даже бьет, постоянно приговаривая: «Бога забыли, окаянные!» Особенно достается чугуну, который, вероятно, слишком велик и для старухи непосилен, с чугуна обыкновенно все и начинается, и, по всей вероятности, этот чугун и есть у нее причина всех причин, большевик. «Нечего сказать, — [говорит] ему старуха, — довели, довели! У, окаянный, разлопался!»

Сомнение в несомненных вещах.

Приподнятый оптимизм будущего у большевиков скрывает в себе, в своем существе пессимизм в отношении настоящего («буржуазного»): своего рода хилиазм. И вот

именно этот пессимизм возбуждает у каждого такого человека, который без того и не задумался бы, сомнение в несомненных вещах...

«Мышиный» человек попал в сферу влияния атмосферы сомнения в несомненных вещах и — от кадетов попал к славянофилам, собственно говоря, он находился на стадии партии мирного обновления и увидел славянофильство в Китае...

Дать человеку, живущему в провинции, квартирку в Москве, в две-три комнаты с собственной кухней, — это все равно, что дикое растение пересадить с корнями в парк на удобренную землю с искусственной поливкой и защитными деревьями. Издевательство кончилось тем, что перед самым въездом впустили секретаря ячейки и Халатов, Селиванович и друг. должны были отступить. Тогда [написал] к Сталину, и тот через три дня устроил. Семь лет борьбы за комнату! И сейчас же злоба на Союз трансформировалась в сострадательное презрение: какой же этот жалкий табун, какая нищета жизни, если из-за комнаты могут забыть литературу!

11 Апреля. По морозцу под ярким солнцем ходил в «Смену». Если солнце ласкает одну и ту же щеку теплом, а снег холодом, то смущенный нос чувствует в этой чистой нейтральной среде всевозможные запахи: что бы только пахучее ни пришло в голову — сейчас же этим тут и запахнет, ландыш — ландышем на снегу, церковь покажется — пахнет ладаном.

В дровах, прислоненных к стене, нашел целый иконостас, демонстративно зачеркнутый крестом из белил. Костя сказал, когда я снимал уголок: «Вы себе представить не можете, сколько в народе еще есть предрассудков: даже в нашем колхозе, я не сомневаюсь, что есть верующие». Тон Кости такой, как будто христианская религия давным-давно уже прошла и невежество это до того глубоко, что снова становится убедительным как правда, сказанная ребенком, и вина за все переходит на церковь: пало то, что должно было пасть.

Убеждают ли коровы в том, что колхоз этот хороший. По существу, конечно, нет, если коров много, а люди живут между собой как собаки. Но было так, что мужики наговорили, будто в этом колхозе коровы наполовину передохли от бескормицы, а люди разбежались от голоду. Вот когда после того увидишь, что коровы не только целы, а их в три раза больше, чем было прошлый год, и люди в наше трудное время едят не только картошку с молоком, но и мясо, то коровы убеждают, что и жизнь в колхозе, во всяком случае, лучше жизни тех, кто злобно поносит.

С блуждающей мыслью шел я по городу и, увидев ручей, пробивший груду навоза, почему-то задумался о Ломакине: что этот пьяница истинный человек только в пьяном виде, а доктора, жена, друзья сделали его трезвым и самым жалким существом... Так вот ручей пробил навоз, но почему же я подумал о Л., он же ничего не [пробил]. Тогда я разогнал блуждающие мысли, определился, и оказалось, что этот ручей бежит возле самого дома Ломакина, и значит, топографическая действительность совершенно самостоятельно каким-то образом [повлияла] на ход моих блуждающих мыслей. Но бывает и наоборот.

Итак, чего я добивался через Союз писателей семь лет, комнаты в Москве, необходимой мне для писания, вдруг явилось через два дня после письма к Сталину — и уже целая квартира! Письмо мое было такого тона, что вот-де враги, и было названо в письме, кто враги: бюрократия — враги довели до письма... тон человека гордого и с большим достоинством... Словом, всякий скажет, что просьба эта о жилище скорее похожа на просьбу договора: дайте возможность жить — буду писать. И вот все так — эта квартира в корне изменяет направление мысленных чувств (у мыслей самые глубокие корни находятся в чувствах). Укрепленность явилась... злоба исчезла... и жажда мести... Это просто оздоровление <*зачеркнуто:* «польза через вред»>

<На полях:> Когда во время писания я затрудняюсь в словах и не могу [отойти] от трафаретных фраз, то шепчу

это устно какому-нибудь близкому человеку и через это получаю дар писать дальше.

12 Апреля. Еще один золотой день безоблачный с утренним морозиком. На голубом небе сегодня над городом пролетели белые чайки.

В семье «худой мир» (лучше бы «добрая ссора»). Зоя — это рохля с затаенной постоянно сверлящей обидой.

Начинаю думать, что подзаборная молитва (Господи, помоги не простить) может быть понята и христианами вот в каком смысле: человек обиженный просит Бога дать ему силы для борьбы с его обидой как с общественным злом (вроде «избави нас от лукавого»). Беру пример такой: Союз писателей не дает мне комнату для моей работы, которую я понимаю как работу общественную, Союз мою комнату отдает своему чиновнику; эту обиду я могу мгновенно забыть, если другая организация даст мне комнату; но я не должен ее забывать и бороться с Союзом дальше не <*зачеркнуто:* за себя> уже лично, а за то зло, которое делает Союз, помогая чиновникам и отвергая писателей.

«Прощение» часто бывает от эгоизма: самому стало хорошо и личное в обиде отпадает, как голодная злоба при насыщении, — наелся и «простил». Такого рода прощение часто приписывают доброте, на самом же деле это просто ленивый эгоизм, противообщественное начало, одна из самых распространенных разлагающих сил старой Руси. Истинно моральный человек при обиде должен в своем личном найти обиженное неличное, «ближнего» и «мстить» за эту свою обиду в борьбе с общественным злом (словом, надо бороться не персонально с обидчиком, а с лукавым, и <зачеркнуто: даже> как это высказано в христианской молитве: «но избави нас от лукавого», что другими словами означает: «помоги мне забыть личные обиды («отпустить должникам») и не простить обиды, нанесенные [мною] в лице моем всем хорошим людям (обществу)»).

Христос подчеркивал в борьбе с фарисеями, что слово больше свидетельствует о внутреннем человеке, чем <u>дело</u>, а теперь мы постоянно говорим: ты покажи нам на деле, а не на словах...

13 Апреля. Еще один золотой, точь-в-точь как вчера, день. Утром по насту иди, куда хочешь. Лес, хотя и завален снегом, но весь звенит от зябликов. В Константинове же снег сбежал с полей.

С 25-го по 10 мая будто бы будет разрешена охота.

Лева ночью приехал с ордером на квартиру в 4 комнаты. Осенью переезжаем с Павловной, а Петя будет на моем месте. С квартирами у Сталина, как в арабских сказках: в самую последнюю минуту отчаяния является сам калиф и вдруг устраивает своей волей все счастье.

Разговор: — Есть ли сознательная воля за спиной наших событий? (Единственное «да» — это приверженцев сумасшедшего Нилуса). — Нет, мы послушные выполнители равнодействующей всех мировых сил...

Решено: писать Даурию как можно проще и наполнять ее «делом».

14 Апреля. С утра наволочь, после обеда несколько сумное солнце. Начались песни певчих дроздов. Затрещали рябинники. Снег медленно тает, в городе езда на санях только сторонкой, а по середине мостовой загремели колеса. Река не выходит из берегов и бесшумно спешит. Весна постепенная, но без обмана.

15 Апреля. Разрешение охоты задержалось, потому что в Москве спор идет из-за тетерева: некоторые стоят за общее разрешение, другие хотят запретить токи.

Сработал «Страшный китаец». Получил согласие от Ив. Ив-а жить у нас (в подвале).

16 Апреля. День, как вчера после обеда — полусолнечный. Река бежит не спеша, слушаешь — будто на лодке быстро едешь с отличными гребцами: слышен переплеск воды, но не весел.

Жизнь человеческая («вначале бе») начинается делом и как будто слово кончает все, но сами слова не конец, а скорее мосты, соединяющие концы и начала (культуры): одно пережилось, кончилось, другое рождается, и между

ними слово, как мост. Мы все, напр., переходим по мосту Пушкина.

Еще я думал, что вся жизнь земная в конце концов переходит внутрь человека для того, чтобы перемениться в единстве, значит, человек на земле является как бы трансформатором жизненной силы. Взять хотя бы этот исчезающий Жень-Шень: он настолько слился с существом человека, что уже и трудно сказать, есть ли у него что-нибудь свое. Так некогда верили в философский камень — смешно теперь! а между тем со временем и наши нынешние внутренние филос. камни точно так же будут смешны.

<*На полях:*> *Чтение книг о человеческом опыте часто бывает полезно не тем, что открывает ваши личные недостатки, а тем — и это самое <зачеркнуто: главное> и важное: открывает все ваши личные достоинства и дает уверенность.*

Был на постройке плотины. Работают саратовские, рассказывали, что пришли сюда как в царство небесное, что там деревня 400 дворов и петуха не услышишь, все съедено.

Приезжал этот несчастный маньяк антисемит и получил от нас с Григорьевым головомойку. Вот мое горе, что не умею, не нахожусь и не смею говорить, возражать, когда что-нибудь утверждают, кричать могу, видно, нет дара «рассуждения».

Бывает, чтение книг о человеческом опыте не только, как обыкновенно, открывает глаза на свои личные ошибки в жизни, но, наоборот, утверждает вас в правильности вашего пути, — вот тут уж книга дает большую радость. Мне кажется, я нахожу эту радость в чтении и своем личном толковании Евангелия.

Начинаю понимать психологию ее представления о мне как двуличном человеке: дело мое, — книги, встречи, слава — все это одно лицо <*приписка:* очень яркое> (общественное), и другое лицо: раздражающая нехватка для нее половой силы и вообще холодность супружеских отношений — это раз; и еще, что я-то сам как образованный чело-

век (барин) в отношении ее двоюсь, люблю бар, а живу с ней. Итак, в ее представлении я человек двуличный и пустоболт. В представлении всех она великая хозяйка, и я жив благодаря ей, но это самая большая тайна, о которой и она не знает, — что хозяйка она никуда, вечно окружена прислужками, тоже никчемными, притом каждый шаг ее ставится мне на вид в беспрерывном ворчании. Никто об этом не знает, и даже Лева едва ли отдает себе в этом отчет. На самом деле мы держимся вместе потому, что я соединил с ней свою мечту и моя поэтическая радость соединилась с ее земной радостью. Вот это одно, теперь уже больше в воспоминаниях, и удерживало меня всегда от разрыва отношений.

17 [Апреля] и 18 [Апреля]. Старое 5-е Апреля по народным приметам разгар половодья.

На дворе оба дня дрызготня, с вечера заходят дождевые тучи, а ночью выпадает снег, те промежуточные дни весны, <*зачеркнуто:* когда совсем надо дома сидеть.>

Сегодня лежал слой белого нового снега и таял весь день в тумане, к самому вечеру пошел мелкий дождь и получился тот хаос весны воды (половодье), когда все птицы чужестранные летят к нам, а местные при первом утреннем свете спешат на токи.

Петя о своем товарище Кирпичникове сказал, что они друг к другу похолодели: «Он рано остался без призора и очерствел, в нем идеализма нет». Маленькие дети в колхозе на меня тоже производили именно такое впечатление: одеты, ходят в парах, а почему-то нет света в глазах, как у диких деревенских детей.

Самое важное в мире — это рождение человека... Но почему тут нет пророков, а только системы «воспитания», родильные дома, евгеника и т. п. Почему единственный в мире родник счастья на земле, семья, относится к чему-то почтенному, но... «брак — могила любви». Не потому ли, что «идеализм», освящающий семью, исходит не от семьи, а от тех, кто ее не имеет, не может иметь, а хотел бы тоже счастья, как все. А потом этот подвиг в семьях пережива-

ют и перечвякивают. Жили-были, пережили, перечвякали революцию, и опять пошел народ наливаться соком, и так стало прекрасно: яблоньку посадишь — и она твоя.

Одна волна кончилась — все уверились, что японцы кончили свое дело: отняли Маньчжурию, а Шанхай устроили для отвода глаз. И вдруг там около Шанхая опять война, и у нас в Харбине белогвардейцы врываются в управление КВЖД. Мы теперь до того привыкли, поднимаясь на волну, думать, что хотя вот кажется, катастрофа неизбежна, но большевики опять как-нибудь извернутся, что и в этот раз не особенно беспокоимся, но...

Каляевка наводит на мысль, что современность нашу надо понимать как следствие подвига тех начальных революционеров, напр., Каляева.

По апост. Павлу мир природы (падающая капля воды — упадет ведь...) после Христа (т. е. для тех, кто живет во Христе) является нам в ином понимании... Предметы духовные, пневматические — для такого представления о природе надо быть просто <u>поэтом</u>... в чем же гарантия закрепления поэзии?

20 Апреля. Сквозь облака солнце. Ни тепло, ни холодно. Вода медленно стекает. В лесу большом снег хотя и рыхло-зернистый, но глубокий, ходить нельзя. На полях пестрота, на опушках проталины и угревы. В городе чисто, высушено. И все-таки откуда-то издалека приехал мужик на санях. До чего это удивительно ладно апрельский солнечный луч сочетался с песней жаворонка. Кто сочетал? Поэт? Если поэт, то какой-то поэт без слов, как почти всякий человек. Если поэт, то поэтическое это началось, может быть, далеко до человека: бабочка и вошь остыли и остались в полусне зимовать на подоконнике, а когда пришла весна света и луч проник в окошко, бабочка полетела к свету и стала трепетать на стекле, а вошь поползла в комнату, искать темноту. Дальше — больше, и так прилетел жаворонок на свет и запел, и поэт и художник света явились в каждом земледельце...

Чтобы явились на свет поэзия, религия и философия, должно было явиться личное сознание, как свет из порванного электрического провода: какое-то нарушение в области пола и явление эроса (любовь). Так что первоначальный бог — это Эрос...

У Розанова есть догадка о происхождении греческих богов: он предполагает, что вначале это, как у наших хлыстов, было творчеством живых богов (хлыстовские пророки, богородица).

Лучший вид свободы изображен в «Троице» Рублева: умная беседа о жертве с последующим согласным решением. Лично я ненавижу резкие споры (помню Гершензона!) с умственной истерией и насилием темпераментов: это война. А свобода людей в совете: не хочешь, не можешь сказать — слушай и дожидайся, когда найдет и на тебя желание сказать, посоветовать со своей стороны.

22 Апреля. Разрешена с 20/V—15/V охота. Утром слушал тетерева, вечером ждал вальдшнепа и не дождался, потому что в лесу еще мало проталин. Но дрозды поют отчетливо и прекрасно. Самая середина весны воды.

Вычитал у Розанова, что похоть в крови, значит, penis только исполнительный орган, но скопцы, создавая посредством своей операции внутреннюю секрецию, благодаря этому и получают свое «блаженство» (то, что у нас теперь делают для «омоложения»).

Милиционер Каляевки Гусаров предлагает ехать с ним на охоту в Нушполу 1-го Мая (через неделю). Надо бы поехать.

Человек за книжку в закрытый распределитель и право что-нибудь представлять из себя, что-нибудь значить, отдал все, что получил от родителей, школы гуманизма, старших, родных, друзей. Он остался страшно пустым и убогим, но с пронзительным взглядом, открывающим насквозь и главного врага своего, сохранившего в себе себя самого, и союзника своего, человека точно такого, как сам...

23 Апреля. Дождь-парун (суточный самое меньшее). Вот когда половодье и санной дороге совершенный конец.

«...и вдруг станет все ясно: в скрытом виде мы уже европейская колония, мы их рабы хуже негров и отдаем им последний кусок, и всякого рода чистка, раскулачивание хлещут хуже всяких плетей и палок, — куда тем! Нам как рабам остается только эсхатология и хилиазм, т. е. чаяние блаженной жизни в будущем, когда совершится Страшный Суд (всемирная пролетарская революция). Хорошенько же если углубиться в психологию раба смиренного и буйствующего ("сознательного"), то разницы особой между ними и нет: смиренный ждет, когда злодеев Бог покарает, а сознательный, безбожный берет это дело на себя (так и быть должно в процессе мировой трансформации религиозного чувства от бога-факта, вне меня лежащего, до бога-духа, живущего во мне)». (Записано по словам Г. Т. С.)

— Какие факты внутреннего значения могут противостоять такому пониманию действительности. Возьмем искусство, литературу, — где найти хоть одно признание, которому можно поверить и принять за факт, убеждающий в новом пролетарском сознании? В ближайшее время под этим углом зрения пересмотреть новую литературу, чтобы поэзия предстала образом правды: поэт правды хотел, одной только правды, и в свидетельство ее стала поэзия. Большинство хочет правды...

Итак, товарищи, я пересмотрел новую литературу и вот что скажу: большинство писателей берут перо ради правды, но у них сил нет. Правда писателя должна явиться в образе поэзии, — у большинства писателей не складывается поэзия; другая, меньшая часть, ищет поэзии и пользуется правдой жизни как материалом. Где писатели, под пером которых правда является в образе поэзии, и мы видим, что за словами стоит человек, как это было у Пушкина, Гоголя, Достоевского. Представьте себе, что один из этих писателей вздумал бы написать статью под заглавием: «мой путь в пролетарскую поэзию», как это сделал Луговс<кой> (убедительно, и здесь может быть и верно, а может быть и подстроено).

24 Апреля. Вербное.

Продолжается дождь в виде облачной сырости, все раздрызгло, везде шум воды, всюду от земли поднимается пар, тронулся березовый сок, почки надулись и пахнут. Самый центр, самая сила весны воды. Постановление ЦК доставило столько же удовольствия, сколько успех борьбы за жилище в Москве. Наконец-то сломалась эта чека мысли и любви, всепроклятая организация мелкоты, пыли человеческой: какой ужас, — организованная пыль! — «Погоди радоваться, она тебе еще покажет!»

25 Апреля. Дождь продолжается.

Лева — это мать, все равно как и я — мать моя и до точности.

26 Апреля. День ольхи.

С утра было пасмурно, и потом часов уже в 8 утра после трехдневного дождя явилось во всем блеске солнце. Весь лес был в каплях и сиял, но самое главное, это что каждое дерево, если смотреть против солнца, курилось, прямо как будто дерево горело внутри, и это дым шел. Через этот пар, насыщающий воздух, лучи солнца прямо лучами так и являлись. Каждый ствол был кругом и до верху заткан паутиной, и на ветвях кое-где уже раскинулись паутинки-зеркальца — пауки, вероятно, только что заработали, и муравьи выбрались наверх, и по муравейнику просушивались большими черными пятнами.

Это надо назвать «день ольхи», потому что у нее полный расцвет и только она одна цветет. Снимал остатки той белой дороги, которая так долго остается лежать на черной земле. Я нашел в лесу эту белую дорогу под водой, она и там не растаяла...

Вечером с Павловной ходили на тягу и видели одного вальдшнепа, а тетерева с разных сторон отзывались на чуфыканье.

Будем ждать день Ранней ивы.

Первое чувство при соприкосновении с природой — это смириться, отдаться, даже припасть. Человек слабым

приходит к природе, а уходит сильным. «Новый человек» к природе относится как завоеватель, не покоряется, а покоряет... 1-й тип — человек-земледелец, 2-й — промышленник. 1-й — художник, 2-й — ученый. Надо помирить искусство и науку.

28 Апреля — 29 Апреля. В 2 ч. д. отправился в Дерюзино. Вечером были с Саней на тяге — пусто! вальдшнепа в нынешнем году почти нет. Ночью было ветрено, тетерева плохо токовали, был в Березняках, утром в $^1/_2$ 8 ч. вернулся.

1-го Мая сойдутся два праздника: рабочий и Пасха. У колхозников душа надвое: единоличники и живут лучше, и у них праздник. У Сани полная растерянность и укрепляется *лишь* в том, что единоличников в конце концов ликвидируют (значит, он прав и он может, исходя из этого, и в остальном все индивидуальное оспаривать). Уверился не в справедливости существующего, а в его неминучести.

Несколько старух нашли нищего, и он у них стал попом. И вот 1-го мая хотят бороться с рабочим праздником. Обложат их на 2000 р. — вот и конец. Практика показала, что можно и без церкви жить. Церковь — средство держать народ в повиновении. Вот русский! ему и в голову не приходит, что церковь может быть независимой, что дело не в церкви, а в Христе...

Маленький просвет у него был, когда воскликнул: «Ну, а совесть — это сами, правда, Христос — это сами». Но дело в том, что «сами» — нет уже, а есть только «я — сам», это последнее прибежище. О, если бы в самом себе найти убеждение, тогда было бы и «сами», но тут тени... И еще линия чисто материального, ежедневного, вот тут неплохо: одну корову удержали тем, что старуха не пошла в колхоз, другую завели, когда вышло разрешение держать колхозникам личных коров.

А церковь? Тут одни только падающие тени прошлых веков (6 старух и нищий в роли попа: зубы вставил и запел). Если бы это шло и шло, но к этим теням поставлен

вопрос: так <*1 нрзб.*>, покажите же. И каждый вопрос открывает новое бессилие и упадок, смерть, тлен, а жить хочется, в этом сравнении жить-быть хоть как-нибудь, жить-плыть, хватаясь хотя бы за соломинку, и то — уже правда.

30 Апреля. Суббота (Великая). В Дерюзине давно раскулачили попа, а попадья, чтобы сохранить за собой дом, развелась с попом, и он после того перешел в Богородское. Конечно, стали следить, — не ходит ли поп к попадье, потому что если бы удалось захватить его дома, то можно бы развод аннулировать и дом отобрать. И раз совсем было удалось, видели, как вошел, но когда искали, поп удрал. Так [подумали], а на самом деле поп во время обыска лежал в куче навоза, и это было очень остроумно, потому что никому в голову не пришла мысль о навозе: все-таки поп. Церковь же без попа долго стояла без службы. В самое последнее время, однако, верующие старухи нашли какого-то старого беззубого нищего, одели его, обули, на счет общины вставили зубы и объявили попом. Теперь старухи с беззубым нищим во главе будут звонить и петь Пасху против государственного рабочего Мая...

В то время, когда в деле воспитания детей все силы государства положены на... странно было бы писателю погружаться в <*зачеркнуто:* вопросы> радости индивидуального воспитания... Или, скажем, вот я, великоросс, — раз дело идет о восстановлении национ. меньшинств, не должен ли я помолчать об интересах моей национальности, имевшей в истории до сих пор столько преимуществ.

<*На полях:*> *(притом не выгодней ли помолчать о своем языке, преданиях и сказках — пусть всему этому радуются меньшинства, а у нас зато Москва...)*

Или взять себя как сложную личность, в то время как многие миллионы простейших существ пробуют все самоопределиться как личности — разве я могу настаивать на особенных правах такой сложной личности.

Итак, если все взвесить, то писать, кроме как для несовершеннолетних, нечего...

<На полях:> Ароматное воспоминание (сегодня раскрылись почки черемухи, бузины, вчера заурчали лягушки)

Путь к звероводству: комнату с поэзией, тайнами запереть, а в остальном все на деловой план (разум).

Приехал молодой человек (из молодых ранний) интернациональной наружности, назвался очеркистом, сотрудником газеты «Стройка» (по фам. Аквилов, — так назвался) и задал мне вопрос: «Сейчас искренно писать нельзя, но вы пишете искренно и вам можно верить, — что нужно для этого?» Я отвечал и много беседовал, имея, конечно, в виду, что он агент. Отвечал же я в том духе, что если бы и дана была свобода писать, — все равно сами бы писатели не решились бы, потому что все «против» было бы и против государства.

Из похода в Дерюзино. Я в 11 у. поел ухи из свежего судака, доставленного из Московского распределителя. Потом лег поспать, потом напился чаю и в $^1/_2$ 2-го вышел и был в пути 3 часа и все на воздухе. А когда мы сели чай пить в Дерюзине (в $^1/_2$ 6-го), Саня спрашивает: «Где вы это, Мих. Мих., свежей рыбки достали, пахнет от вас, и так хорошо!» Через 6 часов учуял от меня запах судака! Вот бы его завтра пустить на демонстрацию, чтобы шел он, как собака, с агентом и указывал пальцем на каждого, кто пасхи наелся. Да и вообще, если бы этим заняться, отбирать чутьистых людей из деревенского люда, то непременно явились бы гении носа, как гении голоса — певцы, или гении слуха — музыканты, да, наверно, и не в одном только смысле практического приспособления для охоты или полицейской службы, но создалось бы особое художество, обонятельная поэзия...

Лева приехал.

Буду в мае собирать в Москве материалы по звероводству и с помощью их придам своей книге «Даурии» чисто рациональный характер.

1 Мая. Пасха.

Влажное небо, и как будто с утра над ним происходит борьба между двумя силами, темной и светлой. Очень

тепло, и сказать невозможно, чем кончится борьба наверху, победой солнца или дождя... Лева наелся пасхи рано и поехал в Москву доставать грузовую машину для перевозки вещей в московскую квартиру.

Борьба рано окончилась, по великодушию своему Бог уступил и дал погоду самую прекрасную, какая только бывает на свете. Рабочий праздник явно использовал Пасху.

— Поздравляю с 1-м Мая! — сказал некто сидящий на лавочке. — Хотел бы с Пасхой поздравить, да нельзя. — Отчего же нельзя? — Оттого что яйца посинеют...

Все почки наклюнулись, и даже шоколадные березы, если ближе подойти, все уже в зеленых крапинках. Цветет волчье лыко, и так начинаются встречи с самыми милыми и дорогими родными. Вальдшнепы сильно тянули. Петя вечером приехал с демонстрации. Говорил, что у них как в военных лагерях, и хвалился, что дальше всех зашвырнул гранату.

Приехал П. К. Малявский. «Наша молодость!» — сказала Ефр. Павл. Вспомнили и перебрали всех общих знакомых (25 лет тому назад!). Получилась как бы расшифровка жизни, потому что все за 25 лет так или иначе реализовались: большинство умерли, а кто живет, то знаешь, видишь насквозь его жизнь. И одна только жизнь осталась для меня нерасшифрованной. Как мучительно вспоминать! И вот вам ключ ко всей жизни, такой как будто интересной и сложной, ключ в тайную комнату, где некогда уже совершился надо мной Страшный суд.

Вот опять весна, всюду опять парочки (кстати, у лягушек почему-то плохо в этом году: везде их очень мало — или рано, или погибли). А ведь такой «Страшный Суд» переживает почти каждая весталка: из-за отблеска или отражения жизни жертвует самую жизнь... Но так движется, может быть, и вся культура (надо бы детей рождать, а они Бога, книги...)... И тем не менее, если ты это упустил, прозевал даже ради всей культуры, — на Страшном Суде тебя осудят. Впрочем, кажется, можно сознательно (так принято думать), нельзя прозевать. Вот распределить бы

людей в отношении к этому: 1) грех в упущении 2) грех в допущении.

2 Мая. Цветет ранняя ива. Начинает осина. Кукушка прилетела на голый лес. Разгар тока лягушек. Зяблик урчал — перед непогодой (говорят, «севернйца запела»). Вальдшнепы плохо тянули. Совет Ив. Ив.: если хочешь не растирать ноги, носи шерстяной чулок на голую ногу. Петя приехал, рассказывал про бешенство Соснина, — вот открытие: некто Перелешин прислал шкурку зверька для определения проф. Огневу, и тот назвал зверька, как водится, именем приславшего шкурку. Это событие открыло, что Перелешин раньше был помещиком и сейчас живет в бывшем своем имении и станция ж. д. носит имя Перелешина. Отсюда вывод, — вот каких людей прославляет Огнев. И еще, на собрании студентов постановили допытать воздержавшихся при голосовании, — почему они воздержались, применяя слова тов. Сталина о гнилом либерализме в шести условиях.

<*На полях:*> *Хитрость — это обломок мудрости и служит вместо ума. У сватьи хитрость при гордости — редкое сочетание. У Петра хитрость с идеализмом: живет очень плохо, болтает, особенно при женщинах, и этим удовлетворяется.*

<*На полях:*> *Если принимать человека, то надо принимать его не таким, как хочется видеть через 1000 лет, а таким, как он есть. Всякая революция потому и кончается реакцией, что не хочет признавать человека, как он есть.*

Даурия вянет. Больше всего угнетает, что если бы и разрешили личную свободу в писании, то сам бы не стал писать: правда, как станешь писать, если самый процесс писания с его побуждающими мотивами является процессом, враждебным нынешним предпосылкам государственного строительства.

Первое враждебное в нем — это что писатель непременно говорит от себя лично и о том, что он увидел, притом говорит, не обращая внимания на лай, потому что общест-

во обыкновенно вначале и не может раскусить значение его слов (так было с Достоевским, Толстым).

Второе, он говорит не всем вообще и не классу, а личностям, способным продолжить его личное творчество.

Третье, писатель подписывает свое имя, в то время как революция стремится на грифельной доске класса стереть все имена, соединяя дело вождей приблизительно таким же порядком, как в Библии соединяется закон Ветхий и Новый (Ленин с его нэпом теперь уже похож на Ветхий завет).

<*На полях:*> *Закон революции: всякое имя, кроме имени вождя, есть обманное имя. Ученый, если ты хочешь сохранить свое имя, будь вождем масс, художник, писатель, музыкант и обыватель даже — все должны писать, петь, играть лишь от имени революции. И, в частности, мой «искренний» тон, обращение к родным существам всего мира, включая растения и животных... Хорошая сторона процесса в том, что в нем заключается совершенная гибель эстетизма, обыкновенно подменяющего собой этику и религию. Слово должно быть деловым и серьезным.*

<*На полях:*> *Судя по рассказам, РАПП соединял в себе все пороки с госуд. точки зрения, там были и мошенники, и анархисты. То, что в первой революции понималось, как сущность коммуны, теперь осуждено как «обезличка», и я думаю, в народе это именно и возбуждает злобу (представляется вроде того, что коммунизм от церкви, а это новое от дьявола)*

3 Мая. Холодновато, ветрено с утра, вечером тепло и тихо, дождик. Петя убил 1-го вальдшнепа. Лева прислал телеграмму, — что завтра будет машина для перевоза вещей в Москву.

5 Мая. Вчера ночью отправлены вещи в Москву. Послал телеграмму о деньгах издательству. Написал Горькому о необходимости устроить Григорьева.

Погода, начиная с 1-го Мая — «майская», притом напряженно теплая с таящейся угрозой, хотя все замыслы, намеки обыкновенно кончаются теплыми тихими зорями. Быстро все оживает, третьего дня еще стояли березки

только в шоколаде, вчера на почках показались зеленые хвостики, а сегодня березки уже распускаются. Нашел сморчок.

Брюсова называли «преодоленной бездарностью», на самом деле у него большой талант и еще больший исследовательский ум. Он, по-видимому, отнесся к таланту своему как ученый к подопытному животному: все узнал, а от кролика, живого существа, осталась одна шкурка. Как он сам говорит: могу двигаться вперед, лишь «нарушая» (а надо: — «не нарушить пришел, а исполнить»). Вот, вот, вот! я, почти невежда в сравнении с Брюсовым, поэтическое насекомое перед микроскопом, в то же время имею в себе недостижимое для Брюсова, за один мой маленький рассказик истинный Судья не возьмет всего Брюсова, потому что он пришел нарушить, испытать, а я, ничего не нарушая, исполнить.

В настоящее время неудачу с РАППом приписывают их невежеству, и Горький постоянно твердит: «учитесь, учитесь!». Но что значит это «учиться»? В понятие «учиться» нашего времени входило также и «слушаться старших» (в смысле уважения культурной связи с людьми; культура нашего старого времени — это своего рода универсальная семья, в которую я, учась, вхожу с трепетом и послушанием). Теперь писатель «учится» больше нашего — чего стоит один Шкловский!

Вчера на рассвете я был в лесу на вырубке с редкими огромными деревьями, — это были ели, сохранившие теперь и на свободе все тяжкие следы старой борьбы за существование в тесном былом лесу, сосны были тут, как пальмы, а на елях целые стороны отмерших сучьев висели, торчали, спрашивали вас или рассказывали свою историю. И почти каждое дерево это рычало: это дятлы задавали свою знаменитую весеннюю барабанную трель. Бесчисленные певчие дрозды, каждый по-своему восклицал и вещал короткими словами, каждый повторял одно и то же: так один вещал на наш человеческий язык очень отчетливо: «две вещи, две вещи!» Другой: «от-личаю, от-

личаю!» Третий: «испол-няю!» Четвертый: «про-зе-вал!» Конечно, они все вместе с дятлами, тетеревами (тетерки все время квохтали), сарычами, зарянками и всякими птицами служили, вероятно, и им самим неведомую обедню, но мы, люди, в их возгласах узнавали каждый свое, и это вполне понятно: мы, люди, в родстве с ними, но за то мы и люди, чтобы в этом всеобщем родстве установить связь и единство.

Лично я выбирал себе из всех звуков лесной обедни два эти восклицания: «Исполню!» и «Про-зевал». Я принимаю это «исполню» очень радостно в своей скромности, смирении подлинном и в сознании теперь, — что я дал людям зерно растения, которое при хороших условиях может размножиться и наполнить хлебом весь мир; и пусть погибнет, но это не моя вина; я лично дал, я исполнил свое.

А другой голос «прозевал» говорил мне о девушке, которая откинулась в кресле, закрыла глаза, вдруг вспыхнула и прошептала: «За такое чувство можно все отдать». А я ей читал в это время с бумажки исповедь своей любви к ней, все видел, и почему-то не смел... И так прозевал я, пропустил навсегда единственную предоставленную мне минуту блаженства в жизни самой по себе. Так было назначено мне променять жизнь свою на бумажку. И это не сознательно (то было бы еще хуже), а «за грехи» или по назначению. Вместо того остались бумажки, — мои «труды». Сокровище жизни, ядро ее, зерно, ток ее электрический — все, что из огня, из света, из неба голубого, из зелени, из песен птиц — все, все решительно в этом зерне, и вместо этого бумажка с распятым автором. Смешно говорить в обществе — так ничтожно все, так я мал, но в малом этом — все мое. Бумажка — это вполне в замену, как если накоптить монету, приложить к белой бумаге и кружок вырезать: пусть монета погибнет, кружок остался, и кружок этот теперь уже есть все мое, и потому я поэт самой чистой воды, такой поэт, который в недостатке своем восхищается жизнью и раскрывает ее сладостно-прекрасные недра...

<На полях:> Преувеличиваю.

Как мне жизнь презирать, если я ее не вкусил, как мне гордиться своим талантом, если талант, или метаморфоза жизни в бумажку, был моей роковой бедой, а не следствием моей воли и сознания. В своем таланте я жил, как животное, имеющее сверх двух третий глаз: два глаза простые были проткнуты, а третий наверху глядел выше <*зачеркнуто:* половой цели самки>, цели житейского [своего] счастья... И это прекрасно и нужно для людей, только я лично желал бы иметь два зрячих глаза, как у всех людей, чем два слепых и один не для себя, а для раскрытия недр жизни.

Вот, по-моему, «буржуазией» в литературе надо называть тех писателей именно, кто возносит это свое дело превыше просто-жизни и на этом утверждает свое особенное писательское «я» и даже вступает в горделивый союз с другими такими «я» «от станка» для высшего управления жизнью... Настоящий пролетарский писатель должен чувствовать в отношении к жизни некоторую свою увешливость, и вот этих-то истинно даровитых писателей и надо поддерживать: сам он, как человек в своем личном сознании увешливый, получает поддержку на своем пути от общества и в обществе от тех же увешливых (пролетарских) людей...

Человек на земле среди животных — это прежде всего животное увешливое, восполняющее свою бедную жизнь собиранием единства мира в родстве.

Хитрость — это обломок мудрости и служит вместо ума... Вот почему хитрость имеет двойную оценку: у мудрого человека хитрость входит в состав разума, у глупого в состав его глупости. Мудрец же бесхитростный — это блаженный и бесхитростный дурак. Точно так же, как хитрость, надо оценивать и политику и дипломатию: у мудрого человека политика есть оружие мудрости, у глупого — глупости.

Есть болезнь — гипертрофия сознания, и от этой болезни идут разные мании, в том числе и литературная. Здоровый сознательный писатель должен чувствовать се-

бя, как человек до некоторой степени увешливый, и вот именно это сознание своего недостатка и делает его нормальным человеком. Напротив, когда человек своим писательством гордится, достигает, пролезает в ряды известности — это есть мания, или обломок гипертрофии личного сознания. Можно набрать тысячи примеров маниакальности нынешней литературы, хотя, с другой стороны, для современного писателя открывается в наших условиях и путь к здоровью: это что в литературе все-таки свободней, чем на службе, тут легче добыть себе средства существования и можно постоянно ездить, менять места и людей без всякого риска попасть в летуны, а напротив, занять положение уважаемого очеркиста. Это путь выхода из мании в жизнь, путь оздоровления и очищения литературы от самозванных поэтов и писателей.

Чудеса. Сегодня был в Карбушине, где зимой снимаю чудеса и сказки зимы. Там в березовом лесу молоденький подрост, деревца высотой от годового ребенка до трехаршинного «великана»-человека. Вот когда зимой навалит снег, все эти елочки принимают формы фантастических существ, часто воинственного даже вида, но в действительности слабых и безобидных: тронул, — снег опал, и все кончилось. Трогательно бывает смотреть на эти елочки весной, когда снег упадет с верхних ветвей, а нижние, опускаясь вместе с оседающим снегом, согнутся шатром, тогда почти каждая елочка — шатер. Бывает, к вечеру станет теплеть, ночью до утра льет теплый весенний дождь, встанешь утром — все елочки освобождены, а если снег совсем сбежал, то и с брусникой встречаешься, и тогда все елочки мне, [хорошо] знакомому и сочувствующему им человеку, кивают и говорят разом: здравствуйте. А то бывает не дождь, а полуденное солнце так разгорится, так подействует на снег, что он отпускает плененные ветви и не сразу, а изредка: стоишь, смотришь и вдруг там прыгнет вверх освобожденная веточка — «здравствуйте!», там другая — «здравствуйте!», там третья... И так это хорошо вспомнить свои фантастические зимние фигурки, всегда почти грустные во сне и плену, теперь кажется, будто это не я, а Иван Царевич пришел и пробуждает спящее царство.

Миша пошел! За эту неделю с Мишей нечто произошло: из существа, готового отвечать на всякую ласку улыбкой, он вдруг превратился в капризного самовольника, улыбнешься ему, а он отвернется или вдруг с криком и слезами потребует выполнить то, что ему захочется (слышу сейчас, женщина говорит: «он не плачет, а требует»). И это явилось именно после того, как он определенно стал ходить, пошел и потребовал. Не могу сказать, чтобы это превращение было для нас приятно, своего рода большевизм.

Войны, все кровавые распри человека — есть путь к единству. Человек существует на земле вовсе не из-за себя, а для единства. На пути единства происходит некое кровавое смещение: зайца, напр., раньше ели лисицы, а теперь человек есть зайца, а лисицу кормит кониной.

<На полях:> Эту тему надо провести в дальнейшем.

Петр Карлыч Малявский.

— Это Зоя Алексеевна играет на рояли? Да? Она много играет? Ах, и я когда-то играл, и у меня была своя рояль, и я хотел и мог бы стать музыкантом. В чем дело? А вот в чем. У соседки моей была худенькая девочка, она была такая прекрасная в нищете, у нее были гениальные способности к музыке и, знаете? я отказался от себя, я [отдал] рояль девочке и я спас ее, понимаете — я спас девочку, она стала известной пианисткой.

П. К., конечно, все это придумал. Он такой бедный, такой несчастный внутри и такой маленький, такой мелкий в повседневной жизни (придирается, брюзжит, а главное, вечно ноет: хранитель музея Госзнака и учитель). Всякое общество, и особенно женское, возбуждает его к творчеству легенды о себе, он этим и удовлетворяется, и тут его праздники: только бы слушали, и он будет безостановочно говорить в идеальном духе и, большей частью, прямо излагать какую-нибудь чужую мысль, чужую книгу.

7 Мая. Береза цветет. Она так цветет, что как раз к этому поспевают и самые еще младенческие клейкие и светящиеся на солнце листики. Осина, напротив, очень мрачно цветет, надувается как-то, цветет, а цвета нет.

Поутру на самой маленькой траве, на каждой иголке ее висела капля росы.

8 Мая. Сегодня едем с Павловной в Москву смотреть на Левино дело: жилье. Вот что мне приходило в голову в эти дни.

Куда ни пойдешь (рыбные пруды, пашня, лес, огороды, птичий трест и т. п.), везде совершена работа, и вся она сделана массой полуголодной (из Саратова за фунтик хлеба). Все делается под страхом голодной смерти, и потому узнать себя в своих делах человек не может. Оттого писатель выродился в очеркиста. Все рассчитано на массового человека, который в среднем за кусок хлеба при голоде готов на все, как рыба, массой идущая в верховья рек.

На этом движении масс теперь и должен новый писатель (пролетарский) строить свою «идеологию», тогда как старый (Шекспир) изображает личность на фоне животной жизни масс.

<На полях:> рыбные пруды: Дерсу.

<На полях:> Как имя умирает в числе.

Осматривал карповые пруды. — Есть ли интерес к рыбе, как в охоте с удочкой, или сетью. — Нет, карп, как свинья. — В чем же интерес? — В жизни воды (материал для «Новой Даурии»). Рыбаку тоже интерес в жизни воды, но чисто поэтический, а рыбоводу жизнь воды научная. Это вместе с тем есть и путь от личного дела — какое бы оно ни было прекрасное — к общественному, от случая к правилу.

12 Мая. Вернулись с Павловной из Москвы. Комендант по заселению. Гниющий быт в домиках и «[жизнь]» человека на 15 метрах с итальянским окном и тюлем. Все на тюль, оттого что он есть в кооперативах, тюль и разноцветные колпачки на лампах. После всего-то, — какое блаженство! Тюль, и герань, и абажурчики, — все атрибуты мещанства, а между тем после всего (преображение мужика в рабочего, домовладельца в служащего) — совсем иное значение (герань в Москве — основа декоративного

цветоводства), тюль впускает свет и закрывает квартиру от глаза, тюль — это знак перехода от избы к московской квартире (полна Москва деревенских девок). Тюль — это рай: тюлевый рай и деревня, городской тюлевый рай в новом доме в семье шофера и деревенская грязная жизнь. Жизнь раздевается (старые песни забыты, сарафаны в музеях, без одежды сказок и всяких заманок личного счастья труд у земли стал бессмысленным, потому что все на свете легче его). Все бегут от земли.

В зверокомбинате: как имя умирает в числе: было имя лисице в малом хозяйстве и стало ряд Г № 21й: фермерское звероводство. Но вообще звероводство, в заказниках — это другое: новые звери, нутрия, ондатра (тут интерес научный: мыши — в особенности).

У Тальникова. Слушал критику РАППа из его уст (меньшевистских) и думал: «А может быть, РАПП идет по верному пути, вот хотя бы низвержение формалистов...» Говорят, в новом союзе писателей (без РАППа) Горького облепили мелкота и подхалимы, и выйдет еще почище РАППа. Конечно! Это вот если бы все перевернуть, а то прическа на другую сторону, было à la РАПП, а теперь à la М. Горький. Вот бы так перевернуть жизнь, чтобы голенастая сов-полудева уступила в почете место деревенской бабе, тогда и прическа бы переменилась: аборт или роды? мы сейчас на аборт рассчитаны, а если бы переключились на роды, то в литературе само собой произошла бы перемена. Надо всю жизнь так устроить, чтобы в конце ее писатель и всякий художник стали собственниками своего восприятия. А тут что происходит?

Я получил впечатление от жизни, положим, в каком-нибудь новом заселяющемся доме. Это впечатление было от обилия тюля на больших современных тройных (итальянских) окнах, и это впечатление от тюля непосредственно переходило в мысль о разумности, чистоте и легкости городской жизни сравнительно с деревенской, вслед за этим звено за звено цеплялся ряд мыслей о том, что землю бросают из-за легкости индустриальной работы и человек,

бросивший землю, к ней не вернется, что и женщина тоже, узнав прелесть многомужества с абортами и [родами], не захочет рожать и чистить навоз, что для оздоровления жизни всей необходимо... и так далее. Все эти волнующие мысли в дальнейшем, ища завершения, непременно встретили бы образ и явился бы сюжет из самой жизни. Теперь нет — вслед за первым восприятием и первыми звеньями робких мыслей является сомнение в возможности написать и поворот на генеральность линии мыслей. По хамству человека или по закону приспособления тот же тюль переиначивается в «достижение»: были грязь, мужик, вши, вонь, матерное слово, и вот тюль, и цветы, и герань... И так я о том умолчал, потому что я не хозяин своего восприятия. Но случилось, я в тот же день прочитал в «Правде» о катастрофе с животноводством <*2 нрзб.*> как хозяин и единоличник: тут явилось у меня, что, пожалуй, можно будет написать и по первому своему восприятию. Как прикажут... И каждая попытка писать нравственно разрушит писателя.

Освобождение писателей от РАППа похоже на освобождение крестьян от крепостной зависимости и тоже без земли: свобода признана, а пахать негде, и ничего не попишешь при этой свободе. Но так не надо понимать, что нет бумаги, или не печатают. Земля писателя не в бумаге и не в праве писать о том или другом. Земля писателя и всякого художника в твердой уверенности... его собственной личности: как крестьянину для его работы нет надобности считаться с движением или неподвижностью земли, так и писателю его личное восприятие...

15 Мая. Вчера в последний раз ходил на тягу. Очень сильно пахнет березовым листом, и на солнце всякий зеленый клейкий лист блестит, как стальной. Осина еще в коричневых листьях (сережки у нее тоже сначала бывают темными, и потом особенно красивые темно-зеленые). Комары начались. Весь вечер наблюдал, как дятел дает на весь лес свою барабанную трель, ударит и оглядывается во все стороны, замрет и еще ударит, и так множество раз.

Прилетел другой, сел на самую верхушку и, озаренный солнцем, стал часто пищать, вот он пищал, пищал так суетливо, и задорно, потом улетел. А первый дятел продолжал рычать на том же самом месте. Вдали спорили между собой кукушки, которая перекричит. Ястребок пропищал своим тонким голосом. Вышла очень холодная, строгая заря, и это моя старинная примета, что когда зацветает черемуха, непременно бывает холодно. Певчие дрозды, вероятно, боятся холода, почти совсем не пели, но под послед не выдержали и пели очень хорошо, и я слушал их до последнего.

Когда солнце садилось, я думал, что вот и моя жизнь садится, кончается, но когда оно село действительно, явилась заря, и на заре жизнь моя продолжалась, и вот начали птицы стихать одна за одной, перестал барабанить дятел, кукушки успокоились, под конец сильно взялись певчие дрозды, проплыл над лесом вальдшнеп — хор-хор! и вслед за тем весь хор дроздов затих постепенно. Когда совсем стемнело, последний какой-то дрозденок во сне отчетливо пропищал: «Покойной ночи, хозяин Михайло Михайлович!» Нет, и тут жизнь моя не кончилась: явились над малинником звезды, а с левой руки из темного большого леса сверкала между стволами половина луны. Нет, конечно, самому сильному, мудрому и прекрасному человеку можно достигнуть такого чувства жизни, такого сильного, чтобы смотреть на все, как я сейчас смотрю и вижу свет через тесные стволы бора: так надо умудриться смотреть за стволы человеков, прежде всего через себя самого и своих ближних. Бессмертие человека существует как самое сильное чувство жизни. Страх смерти — это упадок, аскетизм — борьба за жизнь.

И так поневоле, как хочешь, так и думай, но жизнь приходится складывать непременно надвое: тяжелую борьбу свою, пока не победишь, оставлять для себя и хранить как тайну: правда, кому нужно это знать, всякий борется по-своему. Но победы надо знать всем. Так вот все эти весенние песни птиц, и заря, и звезды, и луна — все это этапы побед человека. Хорошо!

Кому нужны мои слабости? Я их храню про себя и стараюсь подальше спрятаться от людей, чтобы они, подсмотрев меня в слабую минуту, не поспешили сделать вывод. Я прячусь от них до победы и, когда выйдет у меня, то и я выхожу и звоню: победа! победа! И если я слышу, другой тоже поет, и третий, я радуюсь и все радуются, и у нас хор.

Зачем вы стремитесь войти черным ходом в мою кухню? Вы хотите перенять у меня то, к чему я приведен.

Если мне хорошо, то и все хорошо, а если плохо, то и все плохо. Значит, надо, чтобы человек чувствовал себя по возможности хорошо и по хорошему судил других, а не по слабости. Вот женщина, ведь каждая женщина с какой-то точки своей прекрасна: есть такая точка! и есть так, что можно с какой-то точки всякую женщину размотать как зло. Где же правда? Тут нет вопроса, а вот где вопрос, — как устроить свою жизнь, чтобы неизменно смотреть по хорошему и в то же время понимать и ясно чувствовать всю ту бездну горя, через которую проносишь хорошую весть... Необходимость подвига (только не по книге, хотя бы самой священной, а в своем собственном дне и по себе). Нужна для подвига память (забываться нужно, но нельзя забывать и пропускать жизнь).

<*На полях:*> *Этика у разных народов и классов разная, но и поэзия разная... Есть у писателей этика, без нее писатель только эстет. У русских поэтов главным образом этика давала материал для поэзии: в совершенной гармонии выступает это у Пушкина, а Толстой, Гоголь, Достоевский [сильны] этикой и в борьбе за красоту как бы рассыпают звезды над пропастью человеческой жизни.*

Революция зовет к делу, поэзия — к звездам — как сочетать одно с другим? Душа рвется, [раздирается] на части, кровь бежит. И вот здесь пятно крови, а там рядом зеленая пахучая трава. Я на траву смотрю, сам весь в крови, и сохраняю в травке этой для всех людей будущее, погибая на поле сражения, умирая, смотрю на звезду и через себя, через боль встречаю друга и пишу ему о звезде.

Но разве можно это сделать методом, или пройти по черному ходу к поэту на кухню, узнать

его секреты и варить себе суп и славу революции по генеральной линии?

План в городе:

1) Быть везде, все видеть и не покидать пустыни, чтобы не сорваться и не отдать первенство за чечевичную похлебку.

2) Строгая работа над книгой по строгому плану дать звероводство...

Паек, домик в Загорске и квартира в Москве, все очень хорошо сходится, но это личное достижение уже достаточно, чтобы приглушить то острое чувство связи с болью народа... Растворить притупленность возможно лишь большой работой над книгой.

Ошибаюсь ли я? Мне так чуется, будто сталинская революция стукнулась в тупик и начала ослабевать: сталь и чугун задавили жизнь, вместо мяса — на чугун.

Вчера читал о Гапоне и Азефе... и думал, что подлецов и мошенников гораздо выгодней пускать в купцы, чем в политики. Каждый самый отъявленный негодяй в торговле отводит себе душу в увлечении «делом» и через то часто бывает полезен, но политик приставлен непосредственно к человеку, и зло власти тут действует без буфера «дела» (конечно, это надо обдумать со всех сторон).

16 Мая. Цветет черемуха. Листья осины только-только вышли из младенческой темной окраски в зеленую и уже качаются по-осиньему на своих череночках очень тонких; только эти нежные листики еще не шепчутся, как маленькие дети, когда начинают ходить, а говорить не могут.

Получил ответ Горького на мою просьбу дела и пайка С. Т. Григорьеву.

Петя на июнь-июль назначен в Пушкино по соболям. Согласно с этим и моя работа [связывается с] Пушкиным с июня, а в мае надо в Зоопарк.

Все мы знаем очень хорошо о внутреннем содержании физического человека, и это знание почему-то не мешает

нам восхищаться красивым лицом так сильно, что это восхищение в стихах, картинах, музыке переживает иногда, не теряя свежести, целые столетия и даже тысячелетия!

Но почему же знание законов природы часто отнимает охоту смотреть на природу с лица, и поэзия природы как будто глазу боится, предпочитая суеверие древних волшебников знанию? <*зачеркнуто:* это раз, и второе, что знание, в свою очередь, привыкает смотреть на поэзию природы не как на силу, а как на занятие для отдыха и развлечение. Эта братоубийственная война науки с искусством не в наши дни началась, а много столетий тому назад>

Позвольте же мне с этого начать книгу о звероводстве, и тем быть в полном соответствии с самим собой, потому что мое заветное желание сохранить поэзию природы <*приписка:* показать торжествующее лицо жизни> в соответствии с научным знанием.

Знание в борьбе с религией обыкновенно задевает искусство.

Вот поколение моих времен было воспитано на следопытах, героях американских романов — «индейцах». Мы из-за них бежали в Америку. И так писали до сих пор, хотя давно бы пора первобытного следопыта в этих романах заменить современным следопытом, <*3 нрзб.*> от природы и вооруженным всей силой современного знания законов природы. [Таких] как Арсеньев «В дебрях Уссурийского края», к сожалению...

20 Мая. В среду приехал в Москву. Начал хорошо работать. Погода стоит все еще очень прохладная. Цветут в Москве яблони. Сегодня с утра что-то молчат аэропланы, вероятно, и у них это выходной день.

В состав понятия этики входит сила (причина происхождения: «падающего толкни»), эта «сила» есть способность защищать свою нравственную мысль: когда интеллигенция пала, то у большевиков была только эта «сила», и она насиловала: и потом из этой «силы» должно (?) вырасти все то, что пало.

Не искусство пало, а этика. Сила русского искусства была в этике.

«РАППы» были ужасны тем, что ограничивали поле художественных исканий почти до запрещения. Они прекращали художественные искания, заранее предрешая их результаты.

Женщина с носом. Если бы у нее нос вырос как-нибудь потом, то она, сохранив уверенность в своей [женской] привлекательности, как-нибудь бы затушевала влияние носа. Но беда, что нос явился раньше всего, и по носу сложилось все [несчастное] серое существо...

Свет дает нам видимость мира, но сам себя свет, вероятно, не видит, как мы, живые существа, живя, не можем объяснить себе жизнь.

<На полях:>

Всюдность жизни.
Белка.
Олень и оводы.
18 черных соболей.

22 [Мая]. Был вечером у Реформатских (Надежда Васил., Александр Александрович). Читал начало «Даурии». И вот тут было мне что-то вроде упрека за те места, которые открывали критикам удар в малосоветское место. Вообще задача писателя теперь такая, чтобы стоять для всей видимости на советской позиции и в то же время не расходиться с собой и не заключать компромиссы с мерзавцами. На этом пути создается абсолютно корректный чиновник. Глубокий же спрос времени — это на искренне исповедующего революционную веру человека, побивающего марателей революции их же оружием. Нет, вероятней всего, они просто хотят игры...

23 [Мая]. После обеда сильная гроза. Аэропланы, не обращая внимания на бурю, летали против ветра...

24 [Мая]. Ложные гипотезы впоследствии бывают полезны тем, что в ошибках вскрывают истинные побуди-

тельные мотивы их создания. Так вот в 60-х годах свирепствовало механистическое мировоззрение и было обязательно для каждого передового студента, как «нет бога кроме Аллаха» для магометанина. Теперь наука отвергла гипотезу происхождения живого существа просто из «земли», но зато прежнее верование перекинулось на строение общества, и происхождение личности из «масс» объясняется почти как происхождение живого существа из неорганической среды. Отсюда понятно, почему именно механистическое мировоззрение в 60-х годах считалось революционным: оно подготовляло марксизм.

25 Мая. <*На полях:*> Купить: чернила, конверты (по ходу). Зоопарк. Обед. Замошкин. Военохотсоюз. Зверовод.

27 Мая. Фиса и Маруся, Фиса работает, Маруся кончает 7-милетку и готовится на делопроизводителя.

— Я выходная!

Проститутки и поклонение женщине (сознание своей силы, власти...)

Женщина в акте зачинает, и ее половой орган есть Начало, а мужчина в акте кончает, и у него Конец. Итак, эти вещи правильно называть надо начала и концы.

Прежде всего, конечно, исторический момент в его деловом осуществлении, так сказать, деловой императив, формирует по-новому <*приписка:* самый тип человека СССР похожим на американца>, с другой стороны, под давлением этого и сам человек присматривается к другим, замечает, у кого лучше выходит, и сам подражает (это я, спускаясь по лесенке в отхожее место, подумал о шедшем впереди меня, видно, недавно бывшем деревенском человеке, но теперь одетом по-городскому и, главное, внутренно каком-то важном и крепком, — этот не допустит, чтобы на него наседали или на ногу наступали).

Милиционеры похожи на иностранцев и даже на каких-то завоевателей...

Слепой летчик...

Организации по охране дикого зверя

1) Зоопарки 2) Заповедники 3) Охотпром. биостанции 4) Видовые запуски 5) Заказники 6) Общества охраны природы 7) Общества краеведов 8) Опытные доместикации на зоофермах (ондатра, нутрия)

Лисиц доморощенных выпускать нельзя: они ночью спят, а днем гуляют.

Простота жизни животных в Зоопарке и параллельно людей, наводнивших Москву.

28 [Мая]. Великолепнейший день. В Зоопарке пара крякв прижилась в вольере лосенка, и вот сегодня откуда-то взялся селезень, быстро летел он над головами детской экскурсии, между черными стволами в аллее под тяжелыми кронами, пересек выгул пятнистых оленей, маралов и потом... очевидно, зная, [пролетел прямо] над большим лосем и так низко над ланями, что они чуть не шарахнулись, а потом прямо пал на утку, потоптал ее и улетел. После того оба супруга, как [ни в чем не бывало, поднялись] и пошли, переваливаясь и побраниваясь... Селезень-боец в это время возвратился на утиный пруд...

Разговор возле антилоп: а мясные... (эта простота людей... именно простота их в зоопарке, вся простота на фоне простоты жизни животных)

Бюллетени. Страус гонялся за страусом и первая лама смотрела на них встревоженно. Черепаха-забияка дралась (день прекрасный), пока ее не опрокинули.

Комитет по охране природы. Зоопарк, ближайший Московскому, Казанский, Свердловский, Тифлисский, маленький Вологодский, Омский.

Писать автобиографию, как вы просите, я не могу, потому что использую ее постоянно в таких своих сочинениях вроде романа «Кащеева цепь», «Охота за счастьем» и др. и после такого большого преломления трудно возвращаться к первоначальным фактам. <*приписка:* Из моих произведений автобиографических вы знаете, что самое острое>. Что касается <*зачеркнуто:* моего отношения к революции> влияния революции на мое писательство,

то она бы повлияла благоприятно, и безмерно лучшая часть моих сочинений написана после Октября. Что касается революции эпохи господства РАППа в литературе, то об этом очень затрудняюсь что-либо сказать, т. к. не собрался еще с силами после <*зачеркнуто:* ее чувствительных> и не освоил всего ее значения, опасаюсь делать заключение.

Мое переживание революции было несколько раньше [реального] ее наступления, и тоже можно догадаться из этих сочинений, что биографически случилось так, что революция застала меня как художника слова за художественным освоением биографического... Создалась тревога, которая в конце концов привела к написанию большого и трудного во всех [отношениях] романа «Кащеева Цепь».

Что касается той литературы, которая делается не всем человеком, а в значительной степени мастером, который... то к этим [можно прибавить] мои краеведческие работы, из которых известны «Башмаки»... и множество отвечающих времени произведений, которые раньше я называл очерками, но ввиду <*2 нрзб.*> бездумного, [теперь] начал называть «поэмами» («Девятая ель» и др.).

Меня очень смущает [смысл] времени, прошедшего под господством Раппа. Я был так наивен, что жил веруя, будто я самый настоящий подлинный писатель — [художник], который в [произведениях утверждает] существом своим врожденные всем [качества, противоположные] мещанству, буржуазии. И для меня было совсем неожиданно, что такой, как я, истинно пролетарский писатель... В этом недоумении я писать не мог ничего органического, но в последнее время решил [оставить] свою природу и теперь ищу [материалы] будущего: очеркисты, газетчики... [много будет] но писатель, который синтезирует в себе...

31 Мая. Мы, люди передовые, только потому и продвигаемся вперед, что к этому подготовлены предками (слова для варваров).

В «Нов. Мире» помещен рассказ Сергеева-Ценского и статья к 30-тилетию его литературной деятельности.

Статья эта шельмующая. N. N. заметил редактору, удобно ли по поводу 30-летия помещать такую статью, а редактор на это ответил, что Горький считает его за вредного нам человека. Давно ли тот же Горький писал Р. Роллану, что во главе современной литературы идут Ценский и Пришвин.

Слышал, что Ценский целую неделю добивался свидания с Горьким, и когда обозленный (платил за номер в день по 20 р.), наконец, сошелся с ним, то разговор был такой; Горький: — Вы пессимист. Ценский: — Вы оптимист.

Интеллигенция как сила антигосударственная кончилась совершенно, сохранилась некоторая степень протеста, но не принудительного характера, и постановление ЦК о едином союзе (верноподданных) писателей уничтожает и этот протест. Теперь еще нужно некоторое время для забвения...

Постановление ЦК рассчитано не на подъем интеллигенции, а на ее бессилие.

1 Июня. На ближайшее рассмотрение: 1) в две недели получить собаку и сейчас же узнать о военном охотничьем обществе.

2 Июня. Холода и дожди. До 15-го июня закончить 4 листа «Даурии». (Даурия. Путешествие). С 15-го по 1 августа = 1 $^1/_2$ месяца закончить вторую часть «Даурии».

3 Июня. Можно пользоваться любой вещью с успехом, совершенно не понимая ее, как пользуются массы людей электричеством или радио; впрочем, не всякая вещь имеет начало в сознании, мы ничего, напр., не знаем о происхождении жизни, что же это? Или есть какой-нибудь начинатель жизни с высшим, чем наше, сознанием? Или, быть может, просто мы же люди [правильно] всё начали, а потом, понижаясь сознанием, забыли надолго... и еще так может быть, что какой-нибудь великий мор всю жизнь погубил на земле, и так она выпала из сферы мирового сознания совсем; и когда постепенно опять стала создавать-

ся жизнь, то нам, новым людям, старое человеческое дело представилось божьим.

Социалистическая маскировка достигла самого высокого совершенства, и много людей (из простых) веруют в это все (включая мощи Ильича), как надлежит веровать стадному существу (ведь человек это все, стадность тоже присуща ему).

Тезис — <*приписка:* зависит> от себя, и можно тезис и антитезис методически разрабатывать, углубляя до бесконечности, и даже можно индивидуально пользоваться выводом из сопоставления их, и еще больше, — можно и довольствоваться этими частными, как делают индивидуалисты, выводами. Но полный органический синтез зависит не от одного себя, этот синтез подготовлен всей совокупностью условий жизни общества и действует на личность как социальный заказ. Скажу больше: самая личность рождается и вырастает в процессе этого синтеза. И мы должны условиться в терминах <*приписка:* определениях>: индивидуальностью будем называть порождение частного интереса, а личностью — интереса общественного. Так, напр., можно сказать «юридическая личность» и нельзя сказать «юридическая индивидуальность».

Маскировка социальным заказом — это обычное явление современности и, что самое страшное, маскируется в социальный заказ и действует подобно категорическому императиву стадность человеческая, та самая стадность, которая создает кошмарные давящие веками человечество легенды... Вот на Ценского теперь несомненно наваливается этот кошмар, которому он противопоставлял всегда через свою трепещущую индивидуальность личность человека. Так часто бывает: то, чего боишься, к тому в лапы и попадаешь.

Когда не только напишется хорошо, но и вообще выйдет в любом деле какая-нибудь удача и все кругом говорят: «вот хорошо!» — мне лично всегда <*приписка:* часто> бывает так, что я немного обманываю, принимая похвалу целиком на себя, потому что все самое хорошее всегда вы-

ходило у меня легко и до того случайно, что всю похвалу целиком принимать <*приписка:* как мастеру> по-настоящему не следовало бы... И я думаю, это раздваивание всякого творящего что-нибудь новое надвое в оценке и награде: «за труд» и «за счастье» очень похоже на состав земельного дохода в капиталистическом обществе: счастье таланта совершенно то же самое, что рента, получаемая без труда.

Может ли удовлетворить эта «рента» здоровое и большое самолюбие? Нет, лишь тогда я буду доволен вполне, если у меня будет полное сознание, что данную вещь сделал «я сам». Вот я и работаю, вот я ищу мучительно, и вдруг оно «выйдет» как бы не от меня, и тогда меня хвалят, а я пользуюсь этой похвалой исключительно чтобы дальше искать и мучиться, и вот это искание и мучение есть именно то, что отделяет меня от природной [составляющей] моего счастья, моя индивидуальность, есть личность, в фокусе которой собираются лучи социального <*зачеркнуто:* заказа> поручения.

Так похвала за «удачные» вещи открывает мне путь для разделения индивидуальности и личности. И еще вот тоже стыд.

<*На полях:*> *Еще и так бывает очень часто у критиков <зачеркнуто: политиков>, что, догадываясь о несуществующем, на художественное произведение они смотрят тупо в упор [как] на случайную вещь и оценивают ее по внешнему виду. Положим, какой-нибудь автор пишет про аэроплан, и они говорят: вот хорошо, [такой] автор полезен [как] аэроплан. Но если я только благодаря аэроплану понял прелесть тонкого птичьего пера, по-новому взглянул на птицу и пишу о птице, скрывая первоначальный мой восторг и почет перед аэропланом, осветившим мне значение птицы, то я какой-нибудь врун-биологист... индивидуалист...*

На самом же деле именно по силе остроты восприятия природы надо судить об убеждениях автора, потому что только...

5 Июня. Ездил к себе на свои именины. Пил воздух у Троицы. Все хорошо, нет реки. Но если бы река была, воздуха бы не было такого: на реке были бы фабрики.

Аэропланы обратили внимание многих людей, непричастных к эстетике, на птиц: только при аэропланах стала понятна прелесть неслышного, свободного полета птиц, их перьев... А еще на аэроплане сидит человек точно так же, как я за столом, т. е. со всем своим человеческим добром, а как чувствует себя птица, нам неизвестно.

Лев Тихомиров бежал от нереальности революции к самой жизни и, я думаю, эта «жизнь» (Суворин и правые) тоже была для него нереальна (должна бы, по крайней мере...), вот променял «кукушку» на... Распутина... Тут ужасно в его положении было, что не то, так вот это, из одной политики в другую, а надо было просто жить, как все, без особенной политики, в своей самости почувствовать реально мир, а потом можно бы и вернуться... У меня относительно политики так было: «это само сделается». Последняя реальность, молекула мира — это личность, которая вырастает на основе чувства «я — сам», в этом все различие между людьми: нереально-влекомые и действующие.

Тайный мир: сам с собой и механическое оформление извне.

11 Июня. В. П. — существо случайное, подавшее повод для процесса понимания жизни или для утверждения моего нематериального существа (без нее бы как-то не посметь). (Отсюда происходит «Прекрасная Дама», непорочное зачатие и проч.); этот процесс, истребляющий посылки стадного общеинтеллигентского социализма, порождающий личность, самость. Художник должен обладать такой личностью, и тем он противопоставлен соц. материализму. В. П. была моей жертвой, но не я.

В. П. — дама с секретом; я угадываю: ненормальная сексуальность, сдерживаемая всеми силами; это желание переходит в ненормальность. Для таких дам (и есть мужчины такие) дом свиданий с психиатрическим надзором: возможность легкого излечения.

12 Июня. Какое прекрасное утро! чувствую, будто голубь жизни радостно трепещет в груди, и оттого очень хо-

чется собрать к большому столу много приятных людей, рассказывать им, слушать, и особенно вместе запеть. Но нет этого, невозможно собрать, и вот вместо всего хора я сочиняю один у себя за столом и, конечно, тружусь, из-за желания быть вместе с людьми.

Никогда не делать ничего «на слабых вожжах» («в запас»).

Сейчас приходится делать карьеру в третий раз, и нужно очень остерегаться избытка почета: сейчас место писателя-вождя пусто, его ничего не стоит занять. Надо суметь продвинуть себя насколько соответствует делу и остаться на прежней позиции человека, не ищущего власти, а удовлетворенного своим делом.

14 Июня. 1) Отдать 100 р. за собаку.
2) Поручение.

<На полях:> [Короткое] чутье, светлый глаз, мраморный нос и бульдожья челюсть — все признаки вырождения.

То время, когда подступает к самому сердцу реальность... я и до сих пор остался поэтом этой реальности... и она противопоставлена социальному (нереальности, неживому). Но это я про тот социализм, а что теперь у нас? Государство — это во-первых. 2-е: государство, растущее не <u>из себя</u>: государство — эхо... Государство <u>не для себя</u>. Государство — орудие, т. е., я хочу сказать: не нами это начато и понято будет вне нас... в связи...

Когда мне хорошо, то я никогда не забываю благодарить кого-то и прославлять его от всей души, и вот за это, когда я в несчастии, мне уже не надо унижаться и просить о чем-нибудь Бога: помощь мне дается сама собой, и я обыкновенно замираю, как куколка на зиму, и жду, без просьб и молитвы, всегда уверенный, что если только доживу, то будет непременно опять хорошо, и как только это случится, получшеет, то сразу же я и начинаю свое: тебя Бога хвалим!

Подвал.

— А все-таки я где-то в самой глубине чувствую в себе прямо тупую точку совести, где нет ответа, и я просто боюсь, что какой-нибудь просто мальчишеский этический вопрос придется на эту точку, и я ничего не скажу. Диво б хоть речь шла о чем-нибудь неразрешимом — нет же! просто окажется моя отсталость в чувстве человека (это было у меня всегда, и в то же время чувство закрытого моего же подвала, где есть все. Подвал этот временно открывается...)

17 [Июня]. Выехал из Москвы в Сергиев с собакой «Кащей».

18 [Июня]. Пробовал собаку. Кащей понравился.

19 [Июня]. Троица. «Смешанный человек» (партиец из троцкистов = советский либерал: сущность всех либералов в том, что они говорят, но не делают, другие за них делают и с позором их отметают). Либеральная природа троцкизма (процветание наук и искусств).

«Партийный кулак» — сын деревенского кулака, но тот, имея потребительский идеал, участвует и в производстве (часто первый работник в селе), этот исключительно потребительский тип и даже если кому-нибудь поможет, то исключительно за счет казны.

Эти «кулаки» очень организованы, действуют везде шайками, у них перед позицией тыл, есть куда отступить. Наш «красный профессор» С. — этот тип, в один год прославился от Москвы до Владивостока.

Все либералы полезны своей критикой, но <*зачеркнуто:* у них не может быть цельной идеи, потому что в глубине своей исходят из личного мотива (напр., Голицын потому сделался либералом, что... И так же любой троцкист)>.

Две точки зрения: 1) Создание нового зверя (Зооферма, Звероводчество и проч.) 2) Поиски профессоров. Находка Зоопарка.

22 Июня. Утром возвратился в Москву. Мое главное понимание жизни за эти дни сосредоточилось на мысли, что мужики одолели большевиков: кулак, вернее, сын кулака составляет главную массу партии, и Москва — это деревня по человеческому своему составу...

23 Июня. Когда теперь услышишь, что вот такого-то ученого или писателя «разъяснили» и он через это вдруг потерял свой авторитет, то замечательно равнодушие его друзей, и часто сам бываешь недоволен собой: знаешь, что это «разъяснение» просто разбой, а между тем чувствуешь себя даже под влиянием. Это происходит от стадности нашей, мы рады примкнуть, когда превозносят кого-нибудь, и кажется в то время, будто мы тоже имеем в этом свое убеждение, но когда вдруг «разъяснят», мы изменяем авторитету именно потому, что примыкали по стадности.

Старый цыган, левый карман почему-то зашит.

Встретил на Кузнецком Чулкова и Фаворского. Рассказывали друг другу анекдоты, Фаворский сказал, что их бывш. <*1 нрзб.*> тоже деревенско-кулацкого происхождения. Теперешнее унижение их он считает временным. — Но скука, — ответил я, — это характерно перед какой-то переменой. — Ну да, и я говорю к тому, что как сейчас — это временное...

Борьба за средства существования без искоренения существа человека возможна лишь до некоторого предела (лица крестьян и рабочих).

За обедом в доме Печати встретилась Нина Петровна из Детского отдела (ГИЗЛа). Предлагала составить номер «Октябренка» (по радио), 200 р. — $^1/_4$ листа. Интересно попробовать написать для радиопередачи о Дальневост. зверях (Телеграф. 4-й подъезд наверху).

Вечером были Чувиляевы, разговаривали о добродушии царского правительства и о новой эпохе: что царство наше существовало расширением и кончилось, потому

что достигло предела, а теперь новая эпоха строительства началась и будет продолжаться именно так, пусть даже иностранцы придут и даже возвратится монархия — все равно! иностранцы, или монархисты, или социалисты, те или другие будут заниматься не расширением, а строительством.

Еще мы говорили о том, что вместе с добродушием эпохи кончилась эпоха писателей-моралистов, какими были до революции все крупные писатели: Толстой, Гоголь, Достоевский...

Масло св. Митрофания.

Вчера читал Записки Льва Тихомирова, и для меня было обращение революционера к православию очень понятно, только очень трудно войти в понимание, когда новообращенный смазывал щеку маслом св. Митрофания от зубной боли. Сегодня читаю М. Шагинян о Гёте, и очень близко мне ее понимание Гёте как волевого человека, познающего мир через «дело». Но когда она при этом смазывается маслом от Маркса и Ленина, отдаваясь, припадая, я перестаю ее понимать.

Может быть, масло св. Митрофания действительно излечивает, как свидетельствуют миллионы верующих, но дело мое такое, что я ничего «на веру» принять не могу, а критики эта вера не выдерживает...

Еще вот что есть общего у М. Шаг[инян] и Льва Тихом[ирова]. До обращения Тихомиров переходил от одного мучительного вопроса к другому, а после обращения, как сам говорит, вопросы его мучить перестали, если бы и явился какой вопрос, то для его разрешения достаточно стало справиться в творениях св. отцов. Так и у Шаг[инян]: все вопросы освещены диалектикой Маркса и Ленина.

<На полях:> скепсис

Вот когда начинаешь понимать значение и необходимость скепсиса, — все относительно, так и тут: когда схоластика переходит черту, за которой нельзя ни смеяться, ни острить, то жизнь просто за жизнь, за себя, начинает бороться всеми средствами.

«Дело», как у Гёте, дело впереди, — это понимаю и очень это близко, но почему же непременно это дело должно быть марксизм, индустрия и вообще все, что угодно правительству, а не самому писателю. И действительно ли «практика» правительства есть дело реальное, а не фантастика. Впрочем, это для взрослых, а для наших ребят все, что говорит Шагинян, драгоценно.

Никак не могу отвязаться от мысли, что переход прежнего революционера на позицию защиты самодержавия и православия сопровождался теми же эмоциями, как нынешний переход некоторых интеллигентов в марксизм и ленинизм (я по себе это чувствую).

25 Июня. Наконец-то встреча с Ценским, — прямо пират! А во мне он Николая Угодника увидел. Замошкин предсказывает, что неопределенное бытие в литературе будет не менее года. Гронский, заняв пост вождя литературы, будучи необразованным человеком, должен скоро погибнуть, во всяком случае, наживет себе много неприятностей. И сейчас уже везде говорят, будто он где-то в собрании высказался о необходимости в литературе «социалистического реализма» (!). Горький будто бы сторонится.

26 Июня. Завтра (27) закончат переписку «Даурии», и завтра же я поправлю; 28-го отдам Смирнову. 29-го пущу на оформление и вечером можно уехать.

В иной среде, особенно у актеров и военных, с юности в гибкое время тело садится как бы в корсет условных движений: актерская личина, военная выправка. Но гибкое тело как бы заключается в два скелета: один природный, внутренний, другой внешний, и юное тело силой своей жизни делает незаметным тот и другой скелет. В старости, когда таких людей было много, нам не бросалось в глаза очень резко, что второй, условный скелет обвисал, мы прощали старой актрисе, если она закатывала глаза, или военный старик петушился. Теперь, когда эпоха переменилась, то этих людей в двух скелетах видишь...

1 Июля. Тысячу лет и больше пересыхало болото, но почему же именно пересохло при мне?

За этот год произошло нечто очень большое, что именно, назвать не могу, но только иначе я стал понимать и прошлое, и современность. Раньше (эпоха нэпа: «Кащеева цепь») мне казалось, что из прошлого должно отобраться достойное и на нем вырасти новая Россия. Теперь прошлое просто прошло, и новая страна уже родилась и растет.

Смерть одних идет на радость другим, и третьи живут как свидетели подлости самого факта продолжения жизни: они видят, как, подчиняясь неизбежному, женщина выходит за другого и мужчина за глазами своей покойной подруги разделывает веселенькие коленца. И так, изменой когда-то любимому, а не во имя любви и осуществления сыновьего долга переменяется мир. «Там прошлого нет и следа». И напор этой «жизни» (икры) столь велик, что... (в этой икре два сорта: 1) зернистая икра, это все охотники жизни, поднятые непосредственно силой любви: это полмира, и другие полмира 2) икра паюсная — люди деловые, занятые добыванием средств существования: 1) любятся и 2) добывают средства для любви (два глагола).) Большой грех делаться на основе биологии икры пессимистом... Вот Пушкин... Он же умирает...

<*На полях:*> *охотники и трудовики*
революция дорогá

Революция очень дорогá, ее альтернатива — гаснуть в пауперизме или в мещанстве, вернее, в том и другом: нищета подрывает силы, а мещанство их забирает к себе, как в санаторий. Вот теперь в новую эпоху колхозного нэпа будущее показывается не как возрождение (эпоха нэпа), а прямо, как Америка: прет человек, и нет ему удержу...

2 Июля. Вчера приехал в Москву. Хорошо у Е. П., но тесно. Через два, много три дня чувствуешь, что мешаешь — и тебе тоже мешают. Что бы я хотел? Чтобы у меня для занятий была совершенно отдельная комната и чья-нибудь рука в ней наводила порядок.

В Москве живу среди хаоса строительства, — стук гальки (мостят), вечный крик, свист детей, квартира недоделанная, жильцы хлопают дверьми, так, что вскакиваю с постели. Сегодня забрался в наш сквер и там «приходил в себя». Вот и надо теперь взяться, наконец, за устройство.

Думал о том, что попытку связать Восток с Западом уже сделала христианская церковь (да и самый зародыш ее, эллинизм и юдаизм — их синтез и есть Запад и Восток).

Похоже, как будто мы поднимаемся в гору, чтобы видеть первоначальную жизнь на скалах от солнца. Часто приходится заставать себя на мысли о религии, искусстве, бытовой украшенности: как на верху той голой горы очевидна прямая зависимость всего этого от досуга. И еще видно, как искажается лицо человека от забот о хлебе...

Надо уметь не так работать, как отдыхать. Так надо научиться отдыхать, чтобы работа была в охоту, как у даровитых мастеров-художников. Вот у художников отдых только в работе (так работали купцы, предприниматели, богатые мужики, талантливые кустари, все они находили в труде <u>личное</u> удовлетворение).

Конечно, никто и никогда не убедит меня в том, что я дурак, бездарный или вредитель даже; но если все-таки часто слышать об этом, то время от этого начинает пропадать, я начинаю вместо того, чтобы тратить время на дело, тратить его на бесполезное раздумье: «да уж не дурак ли я?», отвечая в конце концов себе: «нет, не дурак».

<u>Смерть Карцова</u>.

В «Моск. Охотнике» поздоровался со мной один охотник с седыми усами, сказал: «Я вас знаю по книгам и по фотографии». Имя его оказалось не то Баснин, не то Баскин. Он мне сказал: — А Карцов умер! — Карцов! — Я смутился. Карцов, глубокий старик, пойнтерист, год тому назад, ссылаясь на Горького, прислал мне свое огромное сочинение «Пойнтер», листов на 50, с просьбой дать отзыв и рекомендацию для напечатания. Старик не мог себе ясно представить, в каком положении находилась наша

охотничья печать. Напрасно я писал ему, разъяснял, он неизменно отвечал мне, чтобы я вдумался глубже в важность вопроса о пойнтере, намекая мне на мой дурной уклон в сторону немецких легавых. После длинной такой переписки я, наконец, собрался с духом, упаковал рукопись и отправил автору обратно. С этого разу переписка прекратилась, и вот отчего я смутился, услыхав, что он умер: — Значит, — сказал я, — рукопись вернулась к нему незадолго до смерти. — Да, — ответил Б., — но он не обижался на вас, он о вас перед самой смертью сказал: «Прекрасный охотник и писатель отличный, только одно жаль: несчастный легашист!»

«Трудящийся сквер»

Союзтранспорт работает по ночам: стелют на Песцовой ул. мостовую.

Сегодня утром дворник сказал, что рабочие разбегаются по деревням коров разводить (постановление ЦК). Вот так аппарат: постановили раз — и крестьяне бросились вон из деревень на строительство, постановили два — и рабочие побежали в деревню.

Вижу массы людей и делю их на: 1) все те, кто поглощен добыванием средств существования — трудящиеся, 2) охотники, т. е. кто сверх борьбы за существование имеет к чему-нибудь охоту: художники, любовники, дельцы-авантюристы, утописты, халтурщики. Пробовал считать, выключая детей и стариков, — охотников получается ничтожная часть процента.

Вокруг меня хаос: аэропланы (сегодня бросали пропеллеры); подозрительный домик вроде постоялого, с качелями, там открыто пьют, ругаются (ст. Русь); новый дом строится для военных; вспахан пустырь и огород; коровы... рынок (Бутырский); и никто не скажет, не объяснит, чтó именно делается: стучат, гремят, возводят, а чтó именно, спросите — и никто не скажет... потому что или все пришлые, или дело пришло само; и присмотрись, везде строят, неинтересно.

В этом хаосе ритма нет никакого, но если жить самому среди хаоса, то сердце твое, отбивая удары, усваивает ви-

димое глазом из хаоса, начинаешь чуть-чуть разбираться и в этом хаосе.

В «Новом Мире» Смирнов сказал, что Даурию не прочел, а прямо Гронскому передал (скорее всего, читал, но не понравилось). И я теперь завишу исключительно от каприза этого ничего не понимающего в литературе человека (он требует от писателей «социалистического реализма»).

Приходили Новиков-Прибой, Дудинцев и N. Говорили, что Пильняк возвращается из Японии.

Обедал в Праге. Сел, вижу чисто белый хлеб, очень обрадовался, но меня выставили в другой зал: тут «прикрепленные». Щи, ужасная котлета и ягоды = 6 р. 40 к. И то впроголодь.

В МВО 4000 членов. Пользуется, конечно, шайка. Это просто в члены, а вот в шайку попасть! Сегодня опять правление будет обсуждать, разрешить мне натаску собаки или нет. Учреждение бюрократическое на потеху высшего комсостава.

<На полях:> Ресурсы: Увеличитель 2000
Соводж 1000
Ружье 500
3500 руб.

Иллюзия
Асфальт
Жертва
Мы все ненормальные.

4 Июля. Телефон поставили, но не действует. Комары. Где-то хором галчата пищат. Нелепость кладки: выдумали угловые башни так сложить, что один ряд кирпичей выступает над другим, — будто бы красиво! Между тем, получается лестница и свободно можно лазить ворам: так вот забрался уже вор в третий этаж и унес блюдо с заливным.

Или выеду завтра в Завидово, или сегодня же в Загорск.

Человек переживает другого просто по силе <*зачеркнуто*: жизни> века, и если только этой силе не ставить

границ, то слабым и старикам всем бы настал конец от невинных убийц. Насколько возможно, однако, мы маскируем смену поколений посредством юбилеев, пенсий и всевозможных знаков почтения к старшим и моральных правил для младших. Во всяком случае, попрекать старика в том, что он живет, говорить ему, как в деревнях: «Когда ж ты, старый хрен, подохнешь!» и проч. в человеческом обществе избегают. И тем не менее...

Уссурийская долина, это уже не Даурия, но именно тут ночью, когда в 3-х метрах от вагона уже ничего нельзя было разобрать, и приходили в голову мысли о какой-то Новой Даурии, чтобы создать ее вновь по верному плану, чтобы герой ее Дерсу не умирал с луком в руке, как даур от казаков, а побеждал, как свет и разум побеждают темные силы, и к нажитому отцами явно прибавлял бы нечто новое свое.

Так, желая изобразить героя Новой Даурии победителем, я стал искать образцы в отношении физической смерти, избегая, конечно, примеры смерти «мучеников науки» от взрывов реторт, отравления, заразы — и т. п. Мне пришло в голову, что новый Дерсу умрет, как физик Реомюр. <*Приписка:* В смысле односторонне-физического понимания смерти> я не знаю, как умер знаменитый физик, да и на что знать нужно это, если я понимаю смерть как завершение творческих сил. С этой точки зрения на смерть, Реомюр умер до того хорошо, что решительно все люди при слове Реомюр думают не о покойном физике, а о термометре Реомюре.

<*Приписка:*> *Или вот я писатель Михаил Пришвин, у меня есть замечательные страницы, которых я никогда не читаю, и даже книг своих нет. Но я слышу иногда, спрашивают Пришвина в книжном магазине. И это уже Реомюр! Сам же я лично продолжаю жить дальше, как бы после себя...*

Вот это интересно: связь с самим собой умершим. Через эту связь понять связь поколений.

Есть еще капли Боткина. И почему тоже Дерсу не может умереть в каких-нибудь целебных каплях своего име-

ни. Чуть захиреет человек и перестанет понимать социальный заказ своего времени для творчества, как кругом говорят: «Дайте ему поскорее два грамма Дерсу Узалы!» Конечно, в живом человеке есть сопротивление такой смерти без легенды о «последнем из могикан» или великом завоевателе Наполеоне. Мне тяжело, живому, сочиняющему новую книгу человеку признать, что я уже Реомюр, как-то даже чуть-чуть и смешно: не человек, а термометр... или еще хуже, как вышло в борьбе со старостью у Мечникова: получилось так, что при имени Мечникова каждый думает о простокваше. Или вот, как от народного комиссара Семашко остались аптеки или Фигнер Вера и 1-е Марта. Но это происходит от нашего старого героически-иллюзорного воспитания. Если в Новой Даурии, начиная с Дерсу, идеалом каждого творческого труженика будет посмертное превращение в создаваемую личным усилием для всех полезную или красивую вещь, то и наш нынешний смешок отпадет...

<На полях:> Разработать.

Бывало, длинным зимним вечером, когда в комнате становилось холодно и надо было решить вопрос, топить ли сейчас печку, или попробовать так переспать, мать моя зажигала свечу и начинала ею протаивать замерзшее на полпальца окно. Протаяв дырочку, она всматривалась, повторяя:

— Ну, посмотрим, что скажет наш Реомюр.

— А кто это Реомюр? — спрашивает маленький мальчик Курымушка.

— Термометр, — отвечает мать.

— Не человек?

— Нет, градусник.

— А как же он с к а ж е т?

Мать в эту минуту увидит цифру и вскрикнет:

— Страсти какие, сорок по Реомюру, скорее печку топить!

— Как же он скажет? — продолжает Курымушка.

— Вот видишь, он и сказал: «очень холодно, спешите печку топить!»

Вот что замечательно в нашем купе — это один железный язычок, надавишь на пуговку, он высунется, и дверь тогда может отодвинуться только до него: посмотреть можно, а выйти нельзя. Но кто-то же сотворил язычок и остался безымянным! Новая Даурия: перестанут быть, как у нас, имена, или, напротив, все достигнутое людьми будет названо их именами?

С нами ехали не одни научные исследователи экспедиции, в вагоне полно было ботаников, зоологов, геологов и всяких техников.

<*На полях:*> *Когда утром кончается по радио урок гимнастики под музыку, то хаос города складывается под тот же ритм, и кажется, будто где-то в [большой дали] играет та же музыка и тот же учитель гимнастики дирижирует...*

В дом Печати членов привлекали хорошими обедами, а когда теперь членов стало довольно (4000), а всех кормить нечем, то назначили перерегистрацию с тем, чтобы к обеду допустить только активных. — А кто будет допускать? — спросил я. — Все блат, — ответили мне, — чистый блат.

Так некоторые думают теперь про всякое большое общество, что во главе его всегда есть банда, которая и пользуется всеми благами общества, а члены питаются крохами, падающими с их стола.

15 Июля. 5—14 провел в Охотхозяйстве.

Сегодня в трамвае в давке и грохоте вдруг понял мертвую тишину улицы большого города, мне представилось, что гремит это так себе и оно не важно, и что вот живет и действительно заполняет собой пустоту и тишину делает живой, того нет здесь совсем. Мне были отчетливо понятны уличные грохоты в <u>мертвой</u> тишине как нечто постороннее ей самой, не имеющее с ней ничего общего... Так, значит, собственно <u>мертвую</u> тишину я раньше не слыхал и понимал в этом ходячем выражении совсем другое, вроде того, что на море называется «мертвой зыбью». И очень возможно, что это понимание далось мне, потому что я вышел на улицу в такую тишину из редакции «Нового Ми-

ра», где познакомили меня с поэтом Безыменским: какое-то было мое «все равно» по отношению к нему и его «все равно» в отношении меня, и тоже «все равно» Гронского в отношении моей рукописи и мое «все равно» к Гронскому, который решает в литературе все и ничего в ней не понимает. И то же я видел в глазах Белоконь, и, вероятно, в «Новом Мире» я это увидал через очки, надетые для понимания дела в Охотхозяйстве, а раньше вынес его из Дал. Востока.

В Охотхозяйстве партчеловек расчистка...

15 Июля. Левино рождение (3-е старое). Мы с ним едем в Сергиев. Вчера соседи обиделись, что взяли у них без спроса помойное ведро. — Почему же ты не купишь свое? — спросил я. — А где же его купить? — спросил Лева. Думали, думали и не могли придумать, как и где можно достать ведро.

Дом радифицирован, сегодня в $^1/_2$ 7-го я уже слышал 6 условий т. Сталина, Кармен, а потом начался урок танцев... Радио меня выгоняет на улицу, потому что я не могу уходить в себя. Да, я выхожу из себя и делаю, чтобы не быть с собой.

Есть особенный внутренний слух, или вернее, чувство размера жизни, к сожалению, только не всегда умеешь им владеть и применять для понимания... Бывает, вдруг понимаешь движение и грохот на улице как нечто внешнее, и внутри всего этого хаоса слышишь совершенную тишину, мертвую и пустую, как пространство без воздуха. Это приходит иногда, если булыжная мостовая внезапно переходит на асфальт и внезапное изменение звуков как бы встряхнет тебя, и ты вдруг начинаешь слухом отличать мертвую внутреннюю тишину улицы от внешнего грохота. А то бывает, вдруг нечто случится, какое-то мгновение личной жизни вспыхнет среди грохота — и вдруг остановился трамвай, все бегут, окружают, наклоняются, глядят под трамвай: задавило какую-то женщину, и то живое, личное, — это был ее предсмертный крик. Через несколь-

ко минут трамвай идет дальше. Ему надо идти. На этом сходятся все, что ему надо идти, и будет он идти непременно. И ты, человек, бери пример с этого трамвая, уверься окончательно, что другой человек после тебя непременно будет жить, хотя бы для этого ему пришлось проехать так по тебе, что все кости твои в коже твоей слеглись, как в мешке. Выбрось вон из головы самую мысль о сопоставлении личного твоего мира с тем существом, кто идет после тебя: тот человек как трамвай, он должен идти, на том сходится весь мир, что он должен жить.

<На полях:> Солнце идеально.

Я раньше думал о необходимости иллюзии свободы для художника, да, хотя бы иллюзии. Но сейчас думаю так, что если свободу творчества считать иллюзией, то что же будет реальностью?.. Вот в этом и есть сопоставление сегодня и завтра, личность и общество, я и они, и даже солнце и земля: солнце всегда идеально и лично, земля материальна и безлика, только благодаря свету мы различаем и все от-личное на земле исходит от света... Мы высимся — это к свету, мы движемся — к свету, и всякое вперед — это от солнца-идеи, но не от материи земли. Да, то, что «иллюзия» — идеализм — это от солнца, а когда тянет материя вниз, мы называем материю реальностью.

<На полях:> Если бы скалы могли сказать, я бы узнал от них, что солнечный свет — это только иллюзия, впрочем, совершенно необходимая для «жизни», которая, в конце концов, есть тоже иллюзия. Скалы бы назвали реальностью тяготение.

20 Июля. Вчера приехал из Сергиева. Сдал очерк с фото. Сегодня вечером в Завидово. 21-го в Таксино. 23-го возвращение. 24-го [может быть] 25-го возвращение в Москву.

Поезд 5.20. За час: 4.20. Дорога 1 час: 3.20 или $^1/_2$ 4-го = выехать, а приехать 8.20 Завидово — 10.20.

30 Июля. Вернулся в Москву 25-го вечером, 27-го поехал в Сергиев и вернулся вечером 29-го, закончив За-

видовский цикл от 5 по 30 Июля: весь июль, зато две отличные собаки и много эмбрионов для охотничьих рассказов.

Переживаю горе: старуха моя не хочет уже ехать со мной на охоту, развалилась и стала злющая такая, что вчера прямо бежал из дому и даже думал: а может быть, и в большинстве случаев, когда говорят о ком-то, бросившем жену, — что ему и ничего больше не остается, как бросить ее. Происхождение же злобы в неравенстве: одному хочется жить, другой не может угнаться, хочет и не может — отсюда и злоба. Такая женщина собирает в себя ос, — женщина-осиное гнездо. И удивительно! В нынешнем году у нас в сенях выросло огромное осиное гнездо, я таких огромных никогда не видал, почти в чайник! Разрушителем же моей жизни был внук Миша.

31 Июля. Охотники лавиной движутся, а я, обладая временем и деньгами, сижу из-за Павловны: стало невозможно жить из-за ее воркотни в Сергиеве, бежал — и вот охота, а я в Москве мету веником свою пустую комнату. Посылаю через Леву ультиматум: или она пусть переменится в отношении меня и за мной приедет, или я переменю все и сам уеду на Урал к Ваське Каменскому. Таким образом, в Сергиеве я могу быть лишь 4—5-го.

Дела: 1-го и 2-го купить набойку. Сегодня: 1) охотбилет и порох 2) Шульц из Товарищества писателей 3) Пильняк.

Беседа у Пильняка во время грозы и бури. Говорили о возможности нового журнала под редакцией Пильняка. Так и веет от Пильняка международностью, и я через это настроился и говорил об универсальности искусства и о том, что от иностранцев надо ждать вопросов. Пильняк же говорил, что писатель потерял связь с читателем и что вот как только приедет Сталин, он ему об этом и о всем прочем скажет.

Эта затея журнала есть попытка заполнить пустое место, которое получилось из-за ухода РАППа. Но РАПП, не имея силы, держится вместе тесной группой, а группы

в пустом месте нет, и вот Пильняк. В «товариществе писателей» будто бы Шульц делает карьеру и затея журнала Пильняка принадлежит ему. Теперь становится понятным, почему Шульц приглашает меня. Значимость Пильняка устанавливается на его связи с иностранцами, отсюда ненависть его к монополии Горького с его «выжившими из ума» Роменом, Шоу и т. п. Итак, действующие лица: Горький, Авербах, Леонов и Пильняк — это главные! да, и это главные!

<На полях:> Пришвин, Ценский, Григорьев, (Белый?) Н.-Прибой.

3 Августа. Убил первого тетеревенка против З. болота, в черном пере.

Мне предложили вопрос...

<*зачеркнуто:*> Вы меня спрашиваете. Извините, я слишком настрадался в молчании и буду резким в ответ на ваш вопрос. Я смотрю сейчас на писателей приблизительно как на кроликов: их подкармливают, и они жуют. И в этом смысле я понимаю ваше предложение «написать что-нибудь о технологии языка»

О кроликах (ответ редактору).

Уважаемый редактор,

Вы просите меня «написать что-нибудь о технологии языка». Вы употребляете в отношении к слову инженерный термин, но скажите, почему к писателю нет по крайней мере такого же <*приписка:* честного> отношения, как к инженеру? Каждый техник имеет право на универсальную информацию в своей технике <*приписка:* области>, и оттого он универсален в своем труде. Почему же писателя кормят какими-то тенденциозными вытяжками из европейско-американской культуры (у нас и у них) и не дают ему возможности, как инженеру, быть в курсе «технологии» мирового общения в вопросах искусства слова.

Лично я <*зачеркнуто*: не очень нуждаюсь> долго не нуждался в этом общении, потому что смолоду был при-

общен, и на всяком месте при всяких условиях от этого заряда <*зачеркнуто:* теперь> долго я воспринимал все универсально... Да, вы, конечно, понимаете, что искусство слова не музыка и не живопись, музыкант и художник получают свой материал, краски и звуки, в универсальном виде, мы, писатели, имеем материал от матери, бабушки, кормилицы, и особенная трудность писателя против художника и музыканта состоит в том, чтобы этот материал <*приписка:* глубоко «провинциальный» [славянский]> сделать универсальным, и эта трудность [языка] гораздо больше, чем [звук].

Между тем писатель нуждается во всемирной связи гораздо больше, чем техник, и даже больше, чем музыкант и художник. Правда, звук у музыканта и художника — их материал, звуки и краски интернациональны <*на полях:* Писатель имеет материалом слова́ матери или бабушки, и особенно трудно писателю против других...>

Теперь принято к языку подходить извне, минуя мать и бабушку. Это почтенное дело дает нам пока только литераторов. Возможно ли выучиться «на писателя» по Шкловскому? — это для меня вопрос. Вероятно, в отдельных случаях и это «чудо» возможно <*приписка:* напр., Бабель)>, только зачем тратиться на «чудо», если родные матери и няни в колхозах и няни в яслях даром учат прекрасной устной словесности, предоставляя личности пронести это слово в хранительницу мирового искусства. Вот это и есть у писателя технология... Что мне рассказывать вам о технологи — как я читал классиков и вел дневник своих упражнений? — все это совершенные пустяки <*приписка:* леса на постройках>.

Для меня как писателя весь труд состоял в преодолении своего провинциального и выходе моего родного личного, мохового, елецкого слова в мир общего понимания. Вот это да, об этом и следует говорить.

Я вам скажу кратко: путь провинциального слова к универсальному проходит по следу нарастающей индивидуальности, и когда данный индивидуум становится личностью, в этом самом процессе и слово родное делается словом универсальным.

В вашем предложении написать о технологии языка я угадываю верно «заднюю мысль»: считая Пришвина писателем «не нашим и разъясненным», Вы принимаете его формально, как учителя языка — это раз, и второе — вы ожидаете, что он откроет этим секрет своих чар, и можно будет потом искусственно разводить чародеев, как кроликов.

Оглянитесь вокруг себя: на этом пути создано великое множество литераторов, которые пожрали бумагу и отняли ее у писателей, как в некоторых глупых, подхалимных хозяйствах кролики пожрали и отняли у коров зерно и сено. На этом пути в писательской среде создалась культура подхалимства, всезнайства, <*приписка:* дутых величин> доносов, ябедничества, попрошайства и, главное, самое главное и ужасное несчастье: рать сия набежала из <*приписка:* напрасно встревоженных самолюбий> неудачников, подобных кроликам, заслуженно <*1 нрзб.*>

Вы запоздали со своим теперь уже истинно провинциальным подходом к языку извне. Во всех областях хозяйства производство перестраивается на качество, предполагающее личность (лозунг: долой обезличку!). Точно так же и в литературе в настоящий момент каждый писатель не о внешнем должен писать, а все внешнее принять лично и писать о постороннем, о другом так же страстно, как о себе.

Это очень большой вопрос, и я удивляюсь, откуда я набрался такой храбрости, чтобы его поставить. Для вопросов я совершенно забит своими переживаниями во время диктатуры Союза пролетарских писателей. Мне кажется, я так много пережил про себя в эти годы вынужденного молчания, что знаю все и на все могу ответить, но меня некому спрашивать. Я сознаю в себе какую-то дремлющую силу слов, очень большую, но замкнутую... Я вернулся точно к тому мучительному долитературному своему положению провинциального <*зачеркнуто:* агронома> искателя, чающего движения воды, чтобы выбраться к свету универсального.

<На полях:> в последние два года как будто мысль, которая назревала во мне десятки лет <1 нрзб.> личное, мое было исключено...

<*Зачеркнуто:* По аналогии мне теперь представляется печальная судьба одного старика, такого даровитого и честного человека, что мы с моим другом лесничим этого почти неграмотного человека отправили на курсы лесной рационализации и <*1 нрзб.*>>

По окончании курсов наш протеже поступил на рубку леса, где вследствие особенно трудного <*1 нрзб.*> государственного положения хозяин лес рубит, но не разводит. Недавно мы получили от него письмо с описанием ужасного своего положения. Письмо кончалось:

— Ваш несчастный, в темном углу сидящий рационализатор.

Да, конечно, мы, писатели, теперь потеряли своего читателя. Да, любой техник находится в курсе мировой техники, а мы, советские писатели, совершенно ничего не знаем, что делается в мире в области литературной связи <*зачеркнуто:* спросите Пильняка>. Я жду теперь, что когда наладится связь нашей нынешней провинциальной литературы с миром, я услышу вопросы со стороны и вступлю в [новый] период творчества: буду отвечать на вопросы. И Вы, дорогой мой редактор, перестраивайтесь по линии коренных вопросов к писателю и бросьте эту пустую и вредную [технологию] отнимать <*приписка: эту* «технологию» отнимания> у коров сено для кроликов.

Заря искусства остается обыкновенно в художнике при себе. Даже если и удалось создать что-нибудь, то все, что предшествовало созданию, остается невысказанным, об этом смешно и стыдно сказать. Но если не удалось ничего и солнце не взошло, то заря внутри себя остается единственным светом... Долго бывает больно возвращаться к этой заре неудачнику, но потом, когда все перемелется, свет остается светом, в воспоминании эта заря является радостью, и говоришь себе: «Свети, дорогая, свети всем, мне лично больше ничего не нужно!» И вот удивительно! Вот истинное чудо! Вслед за этим словом солнце всходит, и когда отказался от всего личного, начинается совсем неожиданно новая большая прекрасная личная жизнь.

Так бывало не раз со мной, и вот отчего, когда приходишь в тупик, я не отчаиваюсь, а замираю на темное зимнее время и жду со всей страдающей тварью весны — воскресения.

Светопись, или, как принято называть, фотография тем отличается от больших искусств, что постоянно обрывает желанное как невозможное, и оставляет скромный намек на сложный, оставшийся в душе художника план и еще, самое главное, некоторую надежду на то, что когда-нибудь сама жизнь в своих изначальных истоках прекрасного будет «сфотографирована» и достанется всем. Но в огромном большинстве случаев и этой надежды нет, а остается документ жизни и про себя пережитый, никому неизвестный восторг. Сколько я пережил такого восторга, снимая на Дальнем Востоке то скалы, похожие на лица [разных] людей, то силуэты, цветы... Мне казалось каждый раз, что беру с собой все, но почти каждый раз после проявления оказывалось, что я увлекся и в композиции вышел за пределы возможного для фотографии, отчего не осталось ни картины, ни документа. Сколько раз после таких неудач я давал себе слово применять фотографию только для документов, углубления реального: вот мой рассказ, — не верите? — смотрите документ. И сколько раз я забывал...

В промышленности обрабатывающей есть много путей показать то, чего нет: прекрасно отделанные бритвы не бреют, а числом их достаточно, топоры не рубят, пилы не пилят, а в газетах все было представлено в числах как «наши достижения»... Но вот в 20-м году под Москвой в Клинском уезде погиб от винтовочной пули истребителей последний лось, а теперь их там живет около ста...

8 Августа. Стоит жара. Леса горят везде. В Москве не продохнуть. На обратном пути рассказывала ударница-ткачиха, что работает на 6 станках и получает 110 р. У нее семья большая. — Что же не просите? — Просила, но что просить? сколько, вы думаете, надо теперь на 5 человек, нет, вы скажите, ну, прошу, скажите же... Все будто бы

с фабрик бегут: некоторые малину лесную собирают, некоторые грибы, а то везет два мешка еловых шишек, а назад за это везет мешок с булками. Рассказывала, как она продала в Торгсине серьги за 1 р. 60 к. золотом и, выбирая себе товары на эти деньги, обошла все Торгсины в Москве и до сих пор не решается, что купить («так, боюсь, весь отпуск в Москве пробегаю, а ничего не куплю, — разве купить колбасы? или сахару? или крупы?»). Раньше золотом получала в месяц 18—20 руб.!

Если написать об этой ударнице, то скажут, что это в отсталом производстве, близком деревенскому, а надо смотреть вверх, там, где производятся машины. Вот это «вверх» и есть основная ошибка, перегиб в сторону индустрии.

10 Августа. Огромные лесные пожары. Запрет охоты. Вечером смотрел в звездах на дубль ве как на скелет моего прошлого и боялся вообще за свое чувство мира и жизни. Вот и надо опять окунуться на охоте и сосредоточиться.

Может ли быть красота в правде? Едва ли, но если правда найдет себе жизнь в красоте, то от этого является в мир великое искусство: таким великим искусством была русская литература до революции.

Да, конечно, и эта правда в образе партийной газеты «Правды» есть правда, но она ничего, кроме себя (правды), знать не хочет и оттого она сама по себе, а искусство само по себе. Так вот и живем теперь: искусство без правды и правда без красоты и личности человека.

Есть понимание жизни ремесленника: дело сливается с личностью, так что каждый является творцом жизни (через личность к общему делу). Есть понимание капиталистическое: человек делит время на две половины, одну он отдает в конвейер, другую бережет для себя лично, надеясь в будущем улучшить свое положение в сторону личной жизни. Во всяком случае, в деле конвейера он лично не участвует и прогресс видит в том: поменьше в конвейер, побольше себе (индивидуализм). На этом базисе развивается чувство необходимости, выражаемое законом, с другой стороны, чувство свободы личной. И Бог — это беско-

нечность, пройдя которую, необходимость превращается в свободу, смерть — в жизнь вечную.

Социализм все переносит в конвейер, так, чтобы конвейер (общее дело) был личным делом каждого <*зачеркнуто:* (в настоящий момент рабочий старается не думать — «не искать» — а только работать)>. Значит, это путь к личному через школу общего дела (кто не работает, тот не ест). Значит, обратно [к] ремесленному миру: не через личное к общему, а через общее к личному (Легкобытов говорил: «бросьтесь в чан!»). Тем, кто не личность — просто: терять нечего, но как же личность отбросить, разум, сознание? Это больше, чем богатому бросить богатство. (Вначале слово или дело, сознание или бытие. У Розанова Нов. Завет или Ветхий.) Надо «поверить» в это общее как в Бога. И еще дальше: надо верить в «Ильича» как в Магомета. Совершенно то же, что и религия. Два трудных положения: 1) Личность не должна бросаться в чан (Блок); 2) Находящийся в чане (партии) не может выйти из него и жить лично (Георг. Б.)

Разобрать как антитезу Ильичу: мое отвращение к учительству — в этом я чувствую основной грех («ильичевство») (личность моя передается другому через сотворенную вещь (как Реомюр). Ильич, как и Легкобытов, — злобные неудачники, реализующие личность свою в маске общего дела.

<*На полях:*> *Общее дело предстоит сознанию тоже лично, как «Ильич» самому же Ильичу, как Маркс и т. п. Тирания в том, что личность является не как сама по себе, а ради общего дела.*

Мантейфель подвирает (всякий, кто говорит — подвирает, только молчание и дело: правда).

11 Августа. Стало прохладней, брызнул дождик, но пожары продолжаются, и от дыма горько во рту.

Звезды были на небе как бусы в избах кустарей, перешедших в производстве своем с бус на ампулы: бусы эти многоцветные, пережиток старого времени, висят в избах без всякой связи с текущей жизнью, — вот так и звезды,

когда-то ангельские душки, теперь разъясненные и совершенно ненужные реликты, висели, проглядывая неясно через дым горящих лесов...

<На полях:> *Сталин и Маркс прямо лбами встречают входящего, направо от них божница с четверговой, а может быть, и венчальной свечой, все простенки оклеены одной и той же многократно повторенной бумажкой с фабрикой и словами: Семена Семеновича Зайцева малиновые коврижки. И на этой самой коврижковой фабрике на стене против Сталина висит плакат с диаграммами достижений в индустрии и сельском хозяйстве. Под самим же Сталиным [семейные фотографии].*

Как же все это сошлось вместе в избе одного и того же хозяина, — что это? Скрытое равнодушие, пренебрежение к истории или мудрость или так: мы, конечно, хорошо или плохо живем и ничего не знаем, а вот что <u>без нас</u> делают. Семья (быт) под вождями — это самое болото, где и свариваются воедино малиновые коврижки и четверговые свечи с тракторами и комбайнами.

12 Августа. Начался дождь, и стало прохладно. Будем ждать разрешения на охоту. Был у меня Катынский (обещал флажки). Утром с Левой ходил под Ильинки натаскивать Кащея. У Торбеева озера тетеревей так много, что «деревья гнутся».

Идея рассказов егерей: между полюсами Кирсан и Комаров: кто говорит, тот мало делает, а кто делает, тот молчит: слово и дело; слово ценою дела; правда любит селиться в деле: не всякое дело есть правда, но правда живет всегда в деле, и если даже явится правда в красоте, то такая красота всегда бывает действенной.

Разве я не могу написать роман из современного быта? Могу лучше других, но я боюсь, что, написав такой роман, выйду из своей сферы на легкий дешевый путь и уже не вернусь к своим воробьям. Вот эту идею можно представить в личности, которая не может поступить в партию. А что другой не может выйти из партии — это взять от Мих. Петр. Седова: это его все прошлое, его религия. С него же

выписать происхождение «общее дело как свое личное»: душа общего дела в подпольных кружках, потом в собраниях, выступлениях.

Озеро Ханка.

Если я, писатель, рассказываю и в чем-нибудь специальном сделал промах, приврал, то не только это «ничего», но даже посмеются над тем специалистом, который, читая мою сказку, упрекнет меня в такого рода вранье. Но если не художник, а ученый привирает, то это невозможно, и какой бы он ни был великий ученый, ему зачтут это как органический порок. И это оттого, что художество вытекает из личного, в искусстве на первом месте стоит личность художника, преломляющая качественно по-своему действительность, а в науке цель в достижении истины, обязательной для всякой личности. Вот отчего бывает так неприятно, если ученый — и вдруг начнет привирать. Да, настоящий ученый молчалив, и он ставит на первый план дело, и потому ему надо что́ — а не как сказать; напротив, художнику первее всего слово, и ему важнее не что́, а как сказать.

Однако, бывает, научная истина или жизненная правда селятся в красоте, и вот тогда художник, создатель такой красоты, признается всемирно великим и творение его переживает многие столетия. Наше словесное искусство до революции было на этом пути, и, я думаю, из материала этого опыта надо создавать всем нам нового писателя: блуждая в исканиях истины, он не будет <*зачеркнуто:* привирать, как этот> ученый, потому что его истина и его правда будут жить в красоте.

<*На полях:*> *Для художника всегда: «вначале слово», для ученого: «вначале дело». Или для художника сознание определяет бытие.*

Закон потому закон, что если запрет, то всем, значит, я не потому [являюсь] другом общего, что уважаю закон, а потому, что если все расхватят, мне ничего не достанется; но зато, когда будет можно, то я стану в очередь и свое получу. Закон складывается именно в интересах личности, а интересами общества лишь прикрывается. И обще-

ственный деятель бывает: 1) живет личным талантом, а обществом пользуется, как материалом; 2) под маской общества сам лично устраивается. Откуда же также берутся, как, напр., Екатер. Семеновна?

<На полях:> *Звероводное дело на Д. В. двигалось [вперед] крестьянским путем и барским. 1-й путь. Довбня. Поймал дикого оленя и от него [пошло]... Довбня кулак и лекарь. 2-й путь. Стадо диких оленей забрело. Янковские... Сидеми... Аскольд Гамов. Романтические острова.*

Когда болит голова, хорошо иному лежать неподвижно с горячим компрессом на лбу, другому с холодным, я же лично лежать не могу, я выпиваю пять-шесть рюмок крепкого вина, пока это не пересилит боль, и отправляюсь бродить без всякого плана и без всяких обязанностей до полного изнеможения... когда же действие вина ослабеет, то сама судьба приведет меня [непременно] к лесу, на море, [даже] в пустыне к новому целебному источнику. При чем же тут Дальний Восток? Вот остановка трамвая, совершенно такая же, как и у нас, но здесь люди становятся в очередь, и я тоже к ним, стою долго, и я бы стоял без конца, мне ведь никуда не нужно спешить, я [брожу без плана]. Вдруг один гражданин посмотрел на проволоку и сказал:

— Расходитесь, граждане, тока нет.

Все зашумели: как он узнал?

Один любознательный мальчик из очереди бросился догонять его, остановил.

— Гражданин, как вы узнали, что тока нет и трамвая скоро не будет?

Гражданин что-то ответил. Публика ждет. Мальчик возвращается.

— Он говорит, что если трамвай идет, то дрожит провод.

Вот и все! Только-то! Все разошлись, и я тоже за последним в очереди, он к морю, и я за ним.

<Приписка:> *При чем тут Дальний Восток? но вот именно там ведь я замечал, бывало, когда болит голова и начинаешь бродить: везде и всегда...*

Пароходик собирается на Русский Остров, это совсем близко, как в Ленинграде «на острове». Да и не все ли равно, если болит голова... не до экзотики. Вот разбросанные домишки, вот огромные брошенные укрепления, казармы, опять домишки, тайга. Собака залаяла и вышла из-за деревьев. Увидев меня, собака завиляла хвостом, и вслед за ней вышел пожилой человек, кое-как одетый, совсем по-домашнему, но что главное и что поразило меня: его [выражение] лица, и у собаки [выражение], и в глазах что-то, и это самое «что-то» у собаки в глазах. Я встречал раза три в жизни подобное сживание, хозяин и собака становятся на одно лицо. В одном городе я, заметив странность, осторожно сказал знакомому, и тот удивился: вот новость, нет человека в городе, кто не знает, что Каштанка похожа на Леонида Ивановича. Пока я всматривался в незнакомца, тот тоже по-своему меня разобрал и вдруг неожиданно сказал:

— Вы — хороший человек, здравствуйте!

— Здравствуйте, — ответил я, — как вы распознаете хороших людей?

— Не я, — сказал он, — собака моя — зайдем покурить.

В нескольких шагах был старый домик, на [скамье] сидела за самоваром старушка. Мы сели, и хозяин с большой радостью мне стал рассказывать, как это бывает у русских, «всё».

Каштанка до точности распознает людей <*зачеркнуто:* хороших и плохих> достойных и негодных, даже корейцев от китайцев узнает. По ее лаю, если считать, выходит на 100 человек 49 <*зачеркнуто:* злых> негодяев и 51 <*зачеркнуто:* добрых> достойных, значит, 49 хороших идет на поглощение 49 дурных, и весь мировой прогресс, т. е. добавка лучшего к прошлому, основана на двух процентах избытка достойных людей... Прогресс Владивостока 2% — Семенов и Арсеньев...

Чай сменился вином...

Дорогая Фега Евсеевна, я ничего не мог написать за все это время и совсем не занимался литературой. Очень извиняюсь, что ничего не написал для Вашей газеты за это

время: изо дня в день все откладывал, и так время прошло, довольное долгое. Со мной вообще это бывает: не могу писать, не хочется, а насиловать себя не могу. Что же касается самого ответа на Ваше письмо, то ведь в нем никакого вопроса, кроме как о присылке рукописи, не было. Обижаться Вам на меня за это не следует, как и я не обижаюсь на Вас, что в последнем письме своем обещали почти немедленно выслать за счет моего гонорара и тоже с 3-го Мая по этому поводу «keine Zeile»[1]. <*зачеркнуто:* Я Вас уверяю, что кроме желания сделать Вам удовольствие лично, фотография — это единственный побудительный мотив для работы в die Grüne Rast[2].>

Неужели же и Вам, моей старой читательнице и переводчице, не наскучило <*приписка:* обидно> такое положение, что, обладая моими за 25 лет написанными сочинениями, совершенно неизвестными в Германии, Вы должны для [печатания в обычной] газетке переводить мои охотничьи рассказы без надежды даже, что их когда-нибудь издадут книжкой.

17 [Августа]. Лес горит. Предсказывают, что 20-го начнутся холода и дожди.

Учредительное собрание писателей может кончиться тем, что последние сокровенные мнения будут обнаружены, и в литературе станет, как в лесу, когда в него гоняют скотину.

И что можно ждать от съезда? Какой разговор может быть о подсадках в лесу, если в нем нельзя прекратить пастьбу скота?

<*На полях:*> *Цап-царап и — под ноготь!*

18 [Августа]. Спас.

Иногда появляются на улицах благородные старушки, одетые точь-в-точь, как, бывало, одевалась моя мать и тетки: правда, мать моя должна бы старше быть этой моды, но, по-видимому, это была последняя мода перед револю-

[1] keine Zeile (*нем.*) —
[2] die Grüne Rast (*нем.*) —

цией, так что более молодые старушки принуждены были остаться в костюмах своих матерей. Почему-то я не очень люблю встречаться с этими остатками <*приписка:* прошлого [реликтового] общества> человеческой жизни, хотя в природе ископаемые и разного рода реликты растительные и животные имеют для меня особенную притягательную силу. Вероятно, разница тут в отдаленности, третичная эпоха, напр., Бог знает когда была, и личные счеты наши с ней совершенно покончены. С другой стороны, реликты, например, [растений] и среди них особенно знаменитый корень жизни Жень-Шень является и в наше время существом действенным, изумляет, что он на десятки тысяч лет пережил свое время и у нас живет, сохраняя себя, и действует на нас, как современник; реликтовые люди, персы, греки обыкновенно [поражают], что живы [сейчас]. И вот через них чувствую сам себя молодым и хочется жить. Надежда забыть свое время. Реликтовая страна...

Вот казармы, срытые по Японскому договору, могучие бетонные укрепления, запустение все больше и больше, вот наконец море, скалы и лес. <*Зачеркнуто:* ...бежит морем туман, и понимаешь это, — что он должен подняться при встрече с хребтом Сихотэ-Алинь.>

Тут уже нет реликтовых старушек 60 годов, тут вся природа реликт, вот папоротник с виду как будто обыкновенный, но из-под земли у него торчит ствол: это древовидный папоротник третичной эпохи, — это реликт, это значит, он пережил, приспособился и остался самим собой. Свидетель третичной эпохи десять тысяч лет тому назад [кажется] мне таинственным существом. Вот виноград вьется по хвойному дереву, — какая степная экзотика. Как это удивительно думать, что корень Жень-Шень уцелел и люди [живут]... Да, но почему же все-таки люди... А впрочем, какие люди, если это реликты отдаленных эпох: [грек], перс... А, так вот в чем секрет, я догадался: старушки-реликты мне тем неприятны, что я сам жить хочу, двигаться, а они напоминают мне, что моя жизнь прошла и пора превращаться в реликт... Ах, вот оно в чем дело!

Пендрие, когда, уезжая в Париж, бросал жену с ребенком на страдание в СССР, вероятно, так рассуждал: «ей привычно страдать, и она лишь немного больше обычного претерпит, тогда как если я попаду в беду — я пропал: такой тягости я не перенесу и буду не я». И он, рассудив все за и против, с легким сердцем оставил жену, поехал в Париж и там очень скоро нашел себе другую. Он еще и так говорил: «Я терпеть не могу в прошлом копаться и, чуть миновало оно, стараюсь всегда глядеть в будущее».

Писателю интересен вовсе не пролетарий, ожидающий от литературы решения моральных вопросов или отдыха. Интересен ему человек просто деловой, сильный и до того поглощенный, что ему и в голову не приходит считаться с искусством. И вот однажды такой человек был расстроен чем-то, взялся читать и вдруг... Интересно писателю вообще остановить живого человека и заставить его посмотреть и на себя, и на дело свое со стороны...

Нет! Я хочу сказать, что искусство движется, как река, в неподвижных берегах, по существу враждебных ему: как раньше просто было бедному поэту в виду роскошных квартир противопоставлять заруделому мещанству свою голодную и все-таки прекрасную свободу! Теперь берега нашей бедности, свободы и поэзии так расширились, что стали невидимы, поэту до Америки надо целое великое море нищеты переплыть, и когда переплыл в Америку, то в своем утомлении, вероятно, забудет о достоинстве бедности и мещанству Америки обрадуется больше, чем свободе нищего.

20 Августа. После вчерашнего дождика роскошное светлое утро и нет даже никаких следов лесного пожара. С высоких елей в лучах солнца золотом падали сверху капли вчерашнего, сохраненного тихой лунной ночью в ветвях дождя. И от этого мне было радостно до того, что я, в который не помню уже раз, собрался думать о способе всегда искать эту радость и жить надеждой найти ее. Моя литература и есть след моего усилия искать и задерживать эту радость. Мне сейчас приходит мысль перечитать себя критически с этой точки зрения.

Цикл вчерашних мыслей: наша поэзия происходит из недр природы, когда мы десятки тысячелетий в борьбе за кусок хлеба тесно сближались с ней; поэзия эта вышла как победа, когда стальной узел необходимости был развязан. Теперь лишь в эпохи особенно глубоких потрясений мы делаемся способными понимать в прямом смысле слова «хлеб наш насущный» или видеть в корове Аписа; с этой стороны жизнь стала легкая, несерьезная, а главное, пройденная: мы теперь охотимся там, где раньше боролись, и в согласии с этой охотой была и наша поэзия, — не фактор борьбы, а знамя победы. «Стальной узел», развязанный здесь, однако, завязался в другом месте: трагедия жизни перешла из пещер в погреба больших городов, в литейные и отделочные цеха заводов. Стальной узел жизни теперь завязан здесь, и наша этика в глубочайших своих основах здесь рождается, и силы всех лучших людей устремляются сюда, чтобы развязать этот узел. Но причем тут поэзия? Разве дело так зашло далеко, что можно уже праздновать победу? Нет, дело тут в самом начале, и не до жиру тут, а быть бы лишь живу...

Но разве нельзя, чувствуя место борьбы, изменять согласно поэтический ритм журавлиной родины? Яблоко прекрасного сада — во все эпохи всё яблоко, но только песнь наша о яблоке разная и журавлиная родина иная. Мне кажется, у современного человека страсти должно быть больше.

Земледельческий труд и теперь самый тяжелый, как был он и в доисторические времена. Но в прежние времена там, где была тяжесть, там был и весь смысл жизни, и тягость эта понималась универсально, «как власть земли»; теперь тягость жизни больше у какого-нибудь литейщика на заводе или обитателя сырого подвала, но все-таки от земледельческого труда если уходят, то к нему не возвращаются: он не труднее, но ритм жизни и смысл ее перешли в город: там живут, здесь прозябают и всегда отстают в смысле: свинец и сталь нужнее, чем стрелы и веревки, а свинец и сталь на заводе. Пусть свинцом, железом и сталью будут люди добывать новую свободу, но победу

будут трубить журавли, и сейчас мы охотимся там, где раньше боролись, а в будущем мы добьемся общей радости в природе.

Если мы понимаем иногда наши полеты во сне как отзвуки древних полетов наших <*приписка:* ближайших к нам крылатых предков>, то почему бы, понимая живое вещество на земле в единстве человека ли, зверя, птицы, не считать их ночным повторением дневных полетов нашего собственного тела в его птичьем существовании. Глядя на ласточку — ведь у нее тоже голова, как у нас, и ведь прямо удивительно — тоже [глаза] два, и две крохотные ножки, и на них есть пальчики: так вот вникая в жизнь родного существа днем и мечтая через это о себе летающем, почему бы из этого не сделать ночью полет во сне? К чему надуманные возвращения к птеродактилям, если моя же плоть на глазах летает в образе птицы и если ум мой догадывается устроить такие подпорки, что не только во сне, но и днем я могу обгонять в воздухе всех родных, предшественников моей мысли? А в мечтах о коммунизме — наша плоть и фактическое слияние ее в моменты больших массовых подъемов разве тоже не проявляется это единство?

Поэзия океанских островов предполагает их девственность: надо, чтобы человек, сойдя с корабля на неведомый остров, увидел следы невиданных зверей... Если раздумать не только о человеке на острове, но даже и о звере, то бедность этой ограниченной островом жизни сравнительно с жизнью материка сразу же погасит островную поэзию, но толчок, данный мореплавателями, породил целую эпоху робинзонады, и мы до сих пор не можем освободиться от сказочных чар островов.

Гостиница «Золотой Рог» далеко не на той высоте, чтобы можно было в ней устроиться и спокойно работать: в глубине ее где-то роятся китайцы, и их жизнь идет независимо от жильцов. В самый же день приезда у вдовы Арсеньева мы встретили одного местного жителя, который обещал в своем доме предоставить нам комнату.

22 Августа. (10 Августа) Сегодня солнце встало омраченное, хотя не было ни облачка (от дыма?).

Memento дупеля: 13 Сентября (по новому) — Кержач и 20 верст до Филипповского луга.

Вальдшнепы 13 Октября (по старому) — до Софрина, от Софрина по узкоколейке и 4 версты. Спросить охотника рядом с кузницей в красном домике.

Москва, Остоженка, Второй Обыденский, 10, квартира 11, Фадееву.

Пришлю за объективом двадцать пятого четверг пять вечера.

Дорогая Фега Евсеевна,
я не писал Вам, потому что работа моя была задержана огромными трудностями в [получении] и устройстве себе жилища в Москве; затем работа моя приняла направление такое, что выкроить из нее отрывка для die Grüne Rast невозможно. Все было так, что день за днем проходит, и все кажется: вот завтра; Вам эта психология должна быть понятна, потому что Вы тоже писали мне еще 3-го мая, что на днях вышлете мне мелкие вещи для фото, о которых я Вас просил. [Не писали] тоже о них с тех пор, но если окажется, что Вы их выслали, а они не дошли до меня, то простите и объясните совершенно особенными для Вас неизвестными условиями нашей жизни.

Относительно моего сотрудничества в die Grüne Rast с целью пробиться в лучшее и более соответствующее мне положение, как я вижу, надо оставить надежды. Из множества написанного и напечатанного мы с Вами даже не имеем возможности составить и напечатать книгу о животных: это ли не поражение! И пусть все объясняется режимом экономии, — факт налицо: рассказы наши не вышли за пределы художественного кругозора воскресного любителя охоты. В связи с этой неудачей Ваши безрезультатные попытки [публикации] других моих сочинений отняли у меня охоту для новых попыток так основательно, что я не могу подогреть себя и [перестал] даже мечтать о новом объективе для Лейки с автоматической наводкой на фокус.

Моя литература до такой степени выходит из меня самого, из моей охоты писать, что заставлять себя, если не хочется, как многие делают, я положительно не могу. У нас предполагаются огромные перемены в организации литературного дела. Быть может, я через это получу толчок писать на социальные, злободневные темы и, быть может, <*приписка:* и в Германии будет лучше> тогда мы с Вами опять сделаем [опыт] «охотничьей карьеры».

<*зачеркнуто:*> *Книги мои здесь имеют какого-то неведомого и до того верного читателя, что купить их можно бывает лишь две недели после выхода. Если бы у нас было довольно бумаги и в особенности если бы мои книги здесь [считались] бы полезными, то и было бы [возможностей] больше...*

23 Августа. Человека нет, сохраняется он только у самых хороших на смертный час. У Ценского, как и у Андреева, нет юмора, и у Ценского, кажется, еще недостаток в преднамеренности. Толстой и Достоевский не смеются тоже, а Гоголь смеется, Лесков шутит, Пушкин... Есть юмор у Пушкина? Если... должен быть: у Пушкина есть все.

Есть большие писатели без смеха и есть маленькие — тоже не смеются, и есть маленькие — удачно смеются, есть и большие смеются. Только очень большие могут не смеяться, талант же средних, не умеющих смеяться — подозрителен, маленький, если умеет смеяться, какой бы он ни был маленький, есть талант. Итак, правило: если ты сомневаешься в своем таланте, попробуй писать юмористику — будет выходить, ты талант во всяком случае.

Есть женщины, которые много работают, прямо убиваются на работе, и так устраивают, что помочь им нельзя; через это они устанавливают свою абсолютную власть и всех близких на каждом шагу попрекают своим трудом. Отчасти была такая моя мать (женщина!) и особенно Павловна (женщина и еще крестьянка!). На этой почве, из-за огорода — помидоров и проч. — создался у нас разлад. И это еще большой вопрос, так ли Зоя плоха, как представляет мне ее ежедневно Павловна.

Майхэ. Браконьеры.

Майхэ вблизи моря сливается с рекой Батальяндзой и образует при слиянии небольшое озеро, поезд пройдет по одному мостку, через Майхэ, по другому через Батальяндзу, тут кромками озера дойти до р. Майхэ вблизи [воды] крикнуть лодку: на той стороне у самого берега находится оленеводческий совхоз Майхэ. Так по рассказам просто, и днем, конечно, легко разобраться, но поезд пришел в темноте. Мы вышли двое и какая-то девушка с [чемоданом]. — Как доехать в Майхэ? — спросили мы. — Я иду в Майхэ, — ответила она. И мы пошли в темноте за ней.

Ночь была сухая со звездами и комаров не было уже, а кореец почему-то развел громадный костер перед своей фанзой и, очень старый, совсем седой, сидел у огня. Мы загляделись, — до того это было красиво и для нас в незнакомой природе таинственно, как будто это огнепоклонник сидел. Ослепленные огнем, мы не могли разглядеть в темноте озера. — Где же озеро? — спросили мы девушку. — Зачем вам озеро? — Так нам же надо в совхоз Майхэ. — Совхоз... а я иду в деревню Майхэ, совхоз Майхэ обратно, на той стороне железной дороги.

Мы вернулись, перешли линию. И тут началась путаница. По всей вероятности, мы попали на рисовые плантации и, вероятно, это были арыки, куда мы поминутно проваливались: тонули в грязи, выбирались и опять, и опять — позади огонь того корейца, впереди звезды и больше ничего. Через час ночь стала нам жаркой, ужасно пить захотелось, а конца все не было.

Есть такое особенное чувство, и кто его не испытал: это бывает, когда вокруг тебя все предстанет с полнейшим к тебе равнодушием. Бывает, конечно, это чаще всего в гостинице. Но уже и гостиница достаточно вошла в быт, чтобы и в ней чувствовать хоть кое-что, да своим. Но вот ночью, среди маньчжурской природы, на рисовых полях, которых отроду никогда не видали. Как чуждо и непонятно горит огонь, как бы ни на земле, ни на небе, и то покажется, то спрячется. Вдруг свистнул кто-то. Мой спутник понял, что это свистят пятнистые олени, мы прислушались — еще свистнули, еще: очевидно, олени издали по

ветру почуяли нас или услышали разговор и давали свои тревожные сигналы. Мы пошли на свист и скоро пришли к воде. Пробовали напиться — вода была соленая, и это значило, что море было близко и мы находились как раз против оленьего парка. Стали кричать лодку. Напротив в скале чуть видимо на черном звездном небе зажегся огонь, и в скором времени послышался плеск весел. Показался китаец, и вот бы только нам садиться в лодку, вдруг китаец вскрикнул «боюсь!», ударил веслами в обратную сторону и скрылся во тьме. Через короткое время он опять появился. Как оказалось, он принял нас за браконьеров, предупредил, и когда там приготовились, посадил нас в лодку с чистой совестью.

Домик заведующего С. Ф. Юдина оказался действительно, [как нам говорили], врезанным в скалу. Мы спросили: — А разве есть браконьеры?

Зоопарк. Если бы в киноаппарат снимать историю края в сторону прошлого и будущего, то в прошлом, очень недавно, только в восьмидесятых годах прошлого века, тайга на месте Владивостока начинает заметно плешиветь: и еще в этих годах тигры с одной сопки, ныне находящейся почти в центре города, хватали и уносили в тайгу часовых. Сопка эта теперь называется Тигровой, на ней нет ни одного дерева, и по камням и бетону ныне снятых укреплений бродят [домашние] козы. Так и на всех сопках Владивостока: домашние козы. В будущем, как в Японии, конечно, оголенные сопки будут покрываться садами и парками. Когда придет будущее, скоро или так себе, — неизвестно. В настоящее время характерна дикая тайга, неисследованная природа, и сам Владивосток поражает близостью к неизведанной природе: через несколько часов на поезде, какой-нибудь час в сторону и...

В 80-х годах еще тигры хватали часовых с Тигровой сопки, теперь сопки голые. Так недавно еще, прикрываясь широколиственной маньчжурской флорой, с сопок вниз глядели тигры, теперь на всех плешивых горах бродят домашние козы. Но прямо за городом сопки покрыты кустами, и прежняя девственная тайга с тиграми очень недале-

ко. Было интересно придумано: прямо за городом, где сопки уже порыты кустарником, разбросать вольеры с дикими животными, чтобы зоологический парк имел совершенный вид природы дебрей Уссурийского края. Недавно сюда был доставлен тигр прекрасного вида, еще молодой: принц из тигров. Один кинорежиссер с оператором вздумали снять этого тигра в момент, когда он хватает дикую козу. Им это нужно было для пьесы «Китайцы» и средств для инсценировки они не пожалели. Вот они, Литвинов и М[ершин], рассказывали... (Все знают пьесы, но не видят, что для производства этих пьес создалась особая киноармия, члены которой обладают бесстрашием военной армии (особая армия — целый мир).) Сколько приходится слышать удивительных рассказов о том, как деятели кино добывают себе материал на море и суше, и в воздухе, и в дебрях лесов, и в дебрях столиц. И что если бы эту их жизнь, как они добывают, записать и сравнить с тем, для чего это делалось, с пьесами? Что перевесит, правда их — или жалкий вымысел, штампованный киносценаристом?

Вот маленький опыт. В пьесе <*приписка:* Китайцы>, если бы удалась киносъемка, тигр бросается в тайге на дикую козу, убивает ее и съедает. После того, по всей вероятности, входит какой-то герой, и зрители, потрясенные предшествующей дико-зверской сценой, силою, верят, что действие происходит действительно в дебрях Уссурийского края.

<*На полях:*> *Стоит ли кинопьеса своего материала?*

А вот как было в самой-самой действительности при добывании материала. По указаниям режиссера Литвинова за городом в сопках некоторая площадь тайги была огорожена крепкой проволочной сеткой и хорошо замаскирована маньчжурскими растениями. Сюда была пущена дикая коза, только что пойманная в тайге. Клетка с голодным тигром так прилажена, что стоит дернуть за веревку, дверца открывается и тигр выходит в тайгу прямо против козы. Отлично опытный оператор М[ершин], хорошо замаскированный, направляет свой объектив, дает сиг-

нал. Дверца открывается, тигр осторожно выходит, оглядывается, пригибается и делает гигантский прыжок не на козу, а в чащу. Крепкая сетка отлично спружинила, и тигр летит обратно торчмя головой. Он делает скачок в противоположную сторону, и опять то же самое: назад торчмя головой.

И вот если бы в театре устроить как-нибудь параллельный спектакль, чтобы во время отдыха в антракте зритель посмотрел бы на тигра, как он летит [обратно] торчмя головой и как меняется физиономия тов. М[ершина] во время киносъемки. И после того как в пьесе тигр разорвал козу, хорошо бы отдохнуть на такой действительно бывшей сцене... Владивосток, в августе 1931 года. Ошеломленный неудачей голодный тигр медленно направляется к козе, чем ближе, тем тише... Но он не пригибается, как кошка для прыжка, нет. И коза, видя уже тигра, не бежит, а занимается травой.

<*Приписка:*> *Как это понять? Думается, что в плену и голод меньше значит, чем страх и жажда свободы. Бывает, даже хищник из хищников, пленный соболь на первых порах не [бросается на] голубя, как будто в плену еще надо учить, чтобы соболь был соболем, хватал голубя, а тигр козу...*

И вот было при съемке в августе 1931 года, тигр робко подбирается к козе и начинает лизать.

Тигр подбирается робко к козе и начинает осторожно лизать козе ляжку. Тов. М[ершин] опытный оператор, и он, конечно, как оператор на стороне жизни против сочинителя, он, быть может, хочет поработать для творца, а не для сочинителя, он не растерялся и вертит ручку своего аппарата. Но тигр своим грубым языком долизался до мяса, козе стало больно и она <*приписка:* «пик!» — коза> <*зачеркнуто:* вдруг пикнула, и от этого пика...> Только раз один: пик! и уссурийский тигр в ужасе бросается, делая скачок в чащу и летя оттуда обратно к козе торчмя головой. Теперь удивленная коза подходит к несчастному...

Так в точности было в августе 1931 г. за городом Владивостоком в зоопарке.

Но мы еще на одну ступеньку спустимся к правде и посмотрим, как для опытной [съемки] в кино добываются в тайге эти самые козы...

<На полях:> *Теперь, когда я это пишу за многие тысячи верст от Уссур. края, мне приходит мысль: не тот ли это был тигр, о котором [говорили, тигр прекрасного вида, молодой принц из тигров]. Что, если так? Очень, очень возможно, а если бы и не так, то пусть будет так, и вот мы теперь спустились еще на ступень ближе к действительности, чем спустились от пьесы «Китайцы» и нашли тигра в сопках за городом.*

Этот документ о том, как был пойман тигр [за городом], вручен в Зверокомбинат на ходу: «вот, может быть, вам годится» оригинал письма, вероятно, остался в деле, мне же досталась машинопись...

Возможно ли от этой правды спуститься еще к большей правде о тиграх. В отделе экспорта товаров второстепенного значения мне [выдали] справку, что в 30-м году было доставлено тигров 20 штук и что все...

Как видно, дальше в сторону правды идти некуда, дальше начинается легенда, и новая правда начинает расти, враждебная легенде, что служащему для извлечения валюты уж надо [забыть] о легенде, [как] враждебной стихии.

Так [служащий] с тигром попал впросак. Не зная легенду, отправил тигров с незавязанными головами, и все-все тигры пришли без усов. Надо вообразить себе зрелище: тигры без усов. Оказалось, у тигров есть какой-то один ус, который открывает доступ ко [всякому] женскому сердцу, и корейцы, каждый веруя, что вырванный им ус есть настоящий, вырвали дочиста все. Но какая же цена тигровой голове без усов!

Как странно, что, спускаясь от вымысла к правде, мы еще утратим ее совершенно, потому что если валюту за правду считать, то какая же это правда, если должна опираться на легенду: какая цена голове без усов и какая цена усам без сказки.

— Бросать надо такое занятие! — сказал я в отделе экспорта товаров второстепенного значения <*на полях:* бригада-ревизия>, — вы питаете суеверие.

Бриг[адир]ответил:

— Если мы удовлетворим потребность в суеверии, то мы получим золото и [помощь] в строительстве Правды, если же мы в борьбе с неписаным суеверием бросим тигров, мы будем питать контрабанду.

Все было так, но правда куда-то исчезла, вдруг растаяла. Но как же так, с чего начинать? Какой-то герой... сочинитель пьесы, чтобы овладеть сердцем любимой женщины, отправляется в тайгу убить тигра. Чтобы подготовить зрителя к восприятию этого ужаса, надо изобразить, что тигр разрывает козу. Все было хорошо, и вдруг во время [съемки] вымысел расходится с правдой: на сцене тигр разрывает козу, а в жизни — он лижет, на сцене мы боремся с суеверием, в жизни им пользуемся... Что же делать сочинителю пьес, если вздумал с правдой считаться? Позвольте, но причем тут сочинитель? он действует во мнении, ему лишь было бы красиво и <*приписка:* в лучшем случае> правдоподобно, ведь красота может быть простой без всякого отношения к правде? С грустью ответит правдолюбец на эти слова, что да, красивость может быть создана и без правды, но... этого так много на свете, скоро такую красоту будут все шить на швейной машине, но если — случится же так! правда явится нам в красоте, то ведь такие творения переживут многие столетия... Итак, выбор: писать сценарии из материалов <*1 нрзб.*> или же писать, как я, добывая материалы [в живой жизни], жертвуя красотой в слепой надежде, что правда когда-нибудь приведет меня к красоте.

Жень-Шень.

Мы так привыкли думать, что Европейские [ученые] и Тибетские индусы между собой живут как правда и вымысел и еще верней, как наука и религиозное суеверие.

24 Августа. Начались дожди. Заосеняло. Ждем разрешения охоты.

«Отвлеченные темы» при разговоре с попом: о кротах, о пчелах (Анна Дмитриевна).

Ефр. Павл. предана дому, а не лицу. Из этого понятно ее подчас полное пренебрежение к моему личному быту (вот 3 ночи уже мучусь, не сплю, прошу ее достать подушку, а она не достает, «забывает», летние брюки так у нее в сундуке и пролежали, не собралась... и т. п. без конца). И нельзя обижаться — она безмерно предана дому. В огороде у нее каждое отдельное растение плохо живет (очень запущено), но их много, и «в общем» выгодный, хороший огород, числом берет. Вот это «крестьянское» определяет нашу революцию с ее массами и обезличкой. Задушевно беседует с любимой гусыней и вдруг сама собственной рукой зарежет за то, что «бесполезна».

<зачеркнуто:> 1) Яйца курицу не учат. Вы не можете сами и обращаетесь к нам за ученьем, в расчете: научусь, а...

Требования старого писателя от молодых:

1) Молодой писатель полагает, что в Марксе, Ленине и Сталине все вопросы философии, этики, искусства решены (диамат), и если взять технику у старых мастеров, то каждый может сделаться писателем.

2) Отсюда вытекает сектантское отношение к мировой литературе, из которой молодому писателю поступает для личного рассмотрения не все, а только угодное начальству.

3) Литература приравнивается к технике: коммунисты учатся у старых инженеров до тех пор, пока сами не будут инженерами. Но художников делает не техника, а искание правды в красоте.

4) Писатель не инженер еще потому, что даровитый писатель без всякого партстажа может стать на точку зрения коммуниста и в творениях может быть в политграмоте сильнее, чем коммунист. Поэтому молодой коммунист, приступая к литературе, должен выбросить не только комчванство, но и весь задор моральный, порождаемый от пребывания в партии.

5) Писатель свободен в выборе темы: яблоко...

Стал добираться до идеальной жены писателя и дошел до Софьи Андреевны Толстой и отсюда перешел к себе: очень опасно писателю критиковать свою жену, потому что писательство идет от обратного жизнепродолжению. Вот как это выходит: жена — это душа семьи, и оттого она думает не о личности, а о семье в том смысле, что семья — это будущее (надо дитя вырастить, накопление запаса; по семье и общество: все в будущем, а личность — это настоящее; писатель в своей личности собирает жизнь в настоящее, это большое хотение и осуществление в настоящем; там «мессия придет», здесь «он пришел»; там готовятся к будущему, здесь нечего готовиться: оно стало как настоящее. Крестьянки пренебрегают личностью для ржи, полководец людьми для победы (Керенский и солдат: «мое будущее — могила»; тут двусторонняя гибель, и обществу, и личности).

Русский народ лично не жил (т. е. не пользовался для жизни культурой лично), и потому от него не остается памятников культуры. Культура тут привязывается к временному, напр., религия для государства, и когда гибнет государство, гибнет и религия. Таков путь русского государства, но тем самым определяется особенно оригинально жизнь русского как личности: понятно, в этом случае надо брать не среднюю жизнь в семье, в народе, в государстве, а ту особенную жизнь вне семьи, общества и государства, это будет, вероятно, бродяга от физического до духовного состояния или интеллигент.

29 Августа. Дожди. Осень. Браконьеры.

Антивоенный конгресс (USSR как одно из явлений капит. кризиса после войны. Ликвидация кризиса, <*1 нрзб.*> USSR).

<*На полях:*> *реальность — личн(ое).*

Совесть Щедрина в то время была так же растревожена, как теперь у нас растревожена совесть среднего человека, и, как у него, прямота и честность в поступках человека являлись как бы конечной последней реальностью, так и теперь жажда честного дела и честного слова стала

скрытой всеобщей потребностью, больше всего этого хочется, когда мало-мальски насытился хлебом.

Анна Дмитр. разговор о кротах и пчелах считает отвлеченным, а конкретным (предметным) считает разговор в личном отношении к человеку в его повседневной жизни. В этом половина правды, потому половина, что личное (не электричество и трактор) распадается на личное усилие людей в обеспечении продолжения рода (Мессия придет) и личное, настоящее как конечная цель (Мессия пришел). Самый глупый женский разговор ближе к делу, чем «отвлеченный» (о кротах и пчелах и тракторах), но он именно тем утомительней для нас отвлеченного, что напоминает нам о нашем бессилии в осуществлении иного личного (Мессия пришел). Шестов и Бабель живут как дома среди этого бабьего лепета; Розанов, Ремизов тоже умели в это вникать. Розанов на этом создал свою поэзию. И анти-это: идейный, всегда в буднях своих книжный Мережковский и вся эта хлыстовщина до (ужас сказать)... сифилитика Блока (семья Розанова — наследственный сифилис, Блок — личный и неслучайный).

Любящий человек обнимает другого вниманием самым близким к самому трудному и ежедневному (мимо моего окна женщины в разговоре идут на базар: их певучая речь о всем живом и съедобном). Вы говорите, что нефть и чугун, — пусть! Но вы должны это «отвлеченное» лично представить.

«Тело наказывай, а души не тревожь!» (Гиляровский. Рассказ о наказаниях. Мы же будем рассказывать, что у нас было наоборот: «душу наказывай, тело не тревожь».

1 Сентября. Вчера прочитали в «Известиях», что охота разрешена была еще 29-го, в тот день, когда мы с Петей браконьерили. Узнав, пошли сообщить членам кружка. Правление берет с нас деньги, но им дела нет до любителей охоты.

Другой союз (писателей) снова прислал анкету «соц. происхожд. и проч.» — в тысячный раз!

Завтра с Петей идем в Иовлево.

Материалы разбиваю на: 1) Реликты 2) Голубые песцы 3) Хуа-лу Олень-цветок.

Пафос реликтов: человеческая буква ять (двуперстие, Иванов-Разумник).

2 Сентября по 7 [Сентября]. Прошли утром через Тураково—Алексеево—Кресты — в Иовлево и 7-го утром вернулись из Иовлева через Колывань—Тураково в Сергиев. В Алексееве — охотник Василий Кузьмич Антипов, в Иовлеве Степан Григорьевич Мошаров (жена Катерина Ивановна). Долгие луга: Кобылино—Кресты—Спас-Торбеево, Кащеево, Сухарево, Бурцево. Урожай орехов, грибов и белок.

Определялись по мыслям —
так бывает приметой ель, как пальма, с которой лапник обрубили для охвоения угольных ям: на такой ели только у самой вершины пучок ветвей и, когда заблудишься, то стоит только забраться повыше, увидеть эту ель, и вот кончено, ты сейчас же и определил, куда тебе надо идти. Но вот, бывает, идешь среди однообразных кустов, между которыми клочками, где только можно, выбрана трава, идешь и подумаешь: «Вот здесь эту вкусную траву не скосили почему-то, и она засохла напрасно, почему же ее не скосили и на такой прекрасной поляне?». И вот, положим, через много часов под вечер оказалось, что мы заблудились и выбраться из лесу нет возможности, а хочется есть, и ни корочки хлеба, и морозит, а спичек не взял. Вот тогда делаешь отчаянное усилие на быстром ходу узнать, где ты, по каким-нибудь признакам и не можешь узнать, — везде ореховые кусты с поломанными ветками, полянки с выкошенной травой, иногда на полянке красный гриб, иногда черный, изредка белый. Что делать? В голове хаос, мысли, как у зверя, проходят потоком: пройдет, и не вернуть ее никогда. Но вот простая догадка явилась на вопрос, вставший еще утром: «почему вот эта вкусная трава засохла напрасно и ее в свое время не взяли косцы с той прекрасной обширной поляны?». Вот явились теперь до-

гадки — ответ: «потому не взяли эту траву косцы, что она еще до покоса засохла». Батюшки светы! а ведь поляна с этой сухой травой та же самая, на которой утром явился вопрос и к вечеру при новой встрече с ней созрел ответ. Какая радость! теперь мы непременно будем сыты сегодня и ночуем в тепле. Так вот, бывало, человек в лесу, раздумывая на ходу, определяется в силу своей способности думать о каждой безделице.

<*На полях:*> *И еще тоже наводит на мысль сухая трава, что мысль моя блуждала, а сухая трава на поляне оставалась, и мысль моя, разделенная на утренний вопрос и вечернюю догадку, сошлась в единстве благодаря тому, что сухая трава оставалась на месте. И так, значит, все: нечто стоит, и вокруг него другое движется, а то, что, кажется, стоит, движется вокруг себя, так все...*

Маневры. Почему неприятно? Потому что в этом нет своей воли и только самым высшим командирам «интересно». Основная ошибка и М. Горького в том, что он, высший командир, думает, будто его маневры интересны «для всех». «Ужо тебе, строитель!». Социализм Евгения из «Медного Всадника», «Униженных и оскорбленных», последнего в первых, всех тружеников науки, искусства, людей сосредоточенных в себе, замкнутых...

Какая прохлада, лазурь в небесах, аромат желтеющих листьев! Но почему же ты не можешь быть беспечным, как раньше, разве не то же самое теперь? жил среди фарисеев, и теперь то же, и всегда будет то же самое <u>отношение</u>... Неприятность: прежде был класс... теперь кусок поперек горла... но и то неверно... Ты страдаешь просто как писатель, что тогда ты имел возможность своим хорошим «делом» заполнять внутреннюю пустоту, теперь все стало серьезней: ты должен в этой «пустоте» или пустыне стать на свои ноги.

Пендрие теряет основу — запас легкомыслия: не думает о прошлом и славе... а мы все Пендрие...

Анти-война. Это рождено — пусть капитализмом, но отрицание есть отрицание, а не «<u>да</u>», и кто-то другой ска-

жет «да», и вот, зорко всматриваясь в неминуемый ход событий, мы должны готовиться к «да»...

Лес был завален верхушками, пролезая по ним, мы залезли в осинник пятилетнего возраста, в нем догнивали дрова, сложенные иногда в такие [громадные] поленницы, что казалось, это были остатки мостов. А уже рубили новый лес. Вот и вредительство... Происхождение вредителя в том, что хороший X, вступая в борьбу с дурным Y, должен бороться с ним, тратив все свое хорошее на зло, которым он должен победить основное зло: война — это расходы на пушки, и контр-война — расходы на пушки; или власть — требует бюрократии, но там не все бюрократы, там <*1 нрзб.*>, а здесь все...

Может ли в этих условиях родиться новый человек с мировым «да»... Новый человек из силы земли и солнца, там в недрах — забытого? неизведанного? — родники откроет. Все эти отрицательные силы (капитализм, война и пр.) ведут к тому, но не их же нам прославлять!

Петушки. В конце лета в выводках тетеревей и глухарей у петушков мешаются перья: на серой младенческой основе пера появляются пятна черные. Так и у молодых нынешних писателей перья мешаются. Читаешь, — все хорошо по старинке написано по классикам настоящим или же по тем, которых дурной вкус эпохи признал за классиков: неплохая, но серенькая литература; и вдруг на сером [редкие] пятнышки новых перьев линяющего писателя, неожиданный реверанс в сторону нового времени, семинарская «похвала» государственной линии. Главное, что никому такая «похвала» и не нужна, всякий представитель главной линии, читая эту «похвалу», поморщится... <*приписка:* (Губер)> Есть писатели из старых петухов, те напишут о строительстве, не мешая перьев, но так напишут ловко, что никак не узнаешь в холодном и законченном языке того прежнего писателя (М.)

Есть, однако, из старых, кто решил искренне покаяться в прошлых ошибках, пишет о своем покаянии, не подозревая, что оно никому не интересно и вообще совсем даже неважно.

Есть даровитые писатели-танцоры, они как будто на резиновых каблуках ходят неслышно-изгибчиво, все вбирают в себя, в свой талант и, увлекаясь, своим писанием дают какой-то обманчивый ореол вокруг правды. А нужен писатель, знающий правду и такой даровитый, что правду эту сумеет поселить в красоте, а ведь только это и надо писателю, чтобы жизненную правду суметь поселить в дворце красоты.

Буква ять — у реликвий и реликт без ять... Ять, как привычка. Сегодня вы приехали жить в неприятное место: там дрова, там навоз, там... Завтра вам лучше, вы начинаете работать, послезавтрего что-то вышло, и вы невольно соединяете свою радость с дровами, навозом — и это хорошо, без этой старой привычки нельзя было бы жить и творить на земле. Но есть и опасность в таких привычках: когда сила творчества почему-либо ослабеет, то начинает казаться, что новые условия в том виноваты, как же: раньше направо от меня были дрова, налево кричал петух, напротив собака висела на заборе, и солнышко ее дразнило пятнами, и я писал, а теперь и это место... Словом, я подменяю внутреннюю свою какую-то причину внешней, связываюсь с ней и остаюсь на земле как реликвия...

Так <*зачеркнуто:* некоторые> до сих пор, давно утратив живую веру, ведут образ жизни 17-го века, ссылаясь на веру в двуперстие, есть <*зачеркнуто:* грамотеи> остановившие свое личное продвижение в творчестве культуры из-за какой-нибудь буквы, привычной, как была для всех нас буква «ять»... Все это реликвии, а то есть реликты, существа, сохраняющие себя при всяких условиях, им не только буква «ять» не препятствие, а взять хотя бы тигра, оставляющего свой след на снегу уссурийского края: ему не была препятствием перемена зимы, [звери третичной эпохи остались до] нашего времени, и он сохранил в себе совершенного тигра, красивого и страшного зверя, в новых условиях. Есть из [растений] корень Жень-Шень, продолжающий тысячи лет жить как корень жизни, и вот именно этот корень и наводит на понимание реликта как корня жизни.

<*На полях:*> *В процессе жизнетворчества надо освоить материал, но не доходить до привычки с поглощением себя своим материалом: тогда, если привычка возьмет верх, и получится не реликт, а реликвия.*

Ландшафт — это человек сам с собой; пустота среди грохота в городе и живой крик раздавленного; и в деревне под вечер выйти из избы к сенному сараю: месяц молодой <*приписка:* молодой и мокрый от росы>, первое осеннее бормотание тетерев, рев коров... Ночь — это буря: гармония и дикий рев; дремлющее начало: все засыпают, и вдруг дикий рев! Тогда значительна жизнь в себе самом (город: крик раздавленного в пустоте; деревня: в ночной тишине рев жизни).

<*На полях:*> *После ясно-звездной ночи в сентябре, если не мороз, то бывает такая обильная, такая мокрая седая роса, что и утренний бледный месяц кажется мокрым.*

9 сентября. Сегодня из расчески вылетел еще один зуб, и явился вопрос, можно ли где-нибудь теперь достать расческу. И так почти по всем предметам «ширпотреба» и во всей стране. А сколько выщербляется из нравственного мира людей и ничем не заменяется необходимым для уверенности в завтрашнем дне. И ты, гражданин советский, разве не чувствуешь, что, живя в случайном и хватая случайное (сегодня что-то дают, спешите!), ты сам превращаешься в случай и тем самым выходишь за пределы закономерности... Но это психология обывателя или усталого рядового в осажденной крепости. Вожди и передовые бойцы живут верой в светлое будущее. Так было, когда Керенский сулил светлое будущее, а рядовой ему ответил, что его будущее — могила. Но то был момент гибели вождя: да, «могила» солдата была могилой вождя. Это теперь учитывают и спешат восстановить ширпотреб, т. е. удовлетворить, заглушить... Впрочем, сам человек, социально разделенный и обессиленный, не страшен, строить без человека нельзя, — вот где источник тревоги.

<*На полях:*> *Да, бывало в истории человечества не раз, что вслед за смертью какого-то рядового солдата сле-*

дует гибель вождя, но, конечно, должно погибнуть безвестно большое число рядовых, пока дойдет очередь до того, кто влечет за собой гибель вождя. Итак, существует предельный рядовой, определяющий тем или другим действием своим дело вождя. И я так себя самого понимаю и отсюда у меня до сих пор было сознание, что если я поднимусь и стану за Советы... и проч.

Вопрос в том, существует прямое вредительство или же оно само собой выходит как следствие неверных посылок? Например, как можно предположить, что при обсуждении плана пятилетки вовсе забыли о человеке-потребителе... И нынешняя нехватка в «ширпотребе» не есть ли то же самое, что в царской войне явилось в решительный момент как нехватка снарядов? Были ли Сухомлинов прямым вредителем? Нет же, все вытекало из системы, и я лично думаю...

Корень плохого вот в чем. Раньше казалось, что вот если я целиком поднимусь и стану грудью за советы, то советы победят весь мир; а теперь последствия моего подъема кем-то уже предусмотрены, теперь, герой, ты никого не обманешь, тебя отметят, наградят, обласкают, а потом изучат, разберут, разъяснят и отправят на склад к Бухарину и другим почетным реликвиям. Выходит, что стараться-то не из чего, и я, как солдат Керенского, предвижу для себя только могилу.

Но позвольте, можно же...

В истории Керенского и рядового явился нам момент предельности воли вождя и предельности веры и послушания рядового. Большевизм по началу своему и был голосом предельного рядового, но дальше игра началась снова. Так вот, Михаил, ты, кажется, у края: ведь это ты себя самого считал всегда предельным рядовым и большевизм выразил... нет! это невыразимо... как только выразится, так и конец состоянию...

Итак, вот тема: вождь и предельный рядовой.

Много рядовых должны были безвестно погибнуть, пока не дошло до того предельного, благополучие которого является победой вождя, а его упадок и смерть опреде-

ляют плен народа и гибель вождя. Об этом предельном рядовом я хочу написать свою повесть, потому что мне это ближе всего, я сам всегда хотел быть предельным; не герой, не вождь, не тот, кто обещает будущее, а тот, кто заключает в себе совесть события, рядовой человек, чающий во тьме света и совершенно необходимый для события, но незнаемый, — вот кому я сочувствовал и в своем русском социализме, и в русском искусстве.

<На полях:> *невольном империализме, на войне, и в социализме и в искусстве.*

То же самое имя писателя.

Лучше всего это видно в искусстве, где за именем стоит человек; имя — это обещание, власть, а за ним, среди множества существ, безвестно определяющих победу имени, мне дорого предельное рядовое существо, определяющее содержание и правду в творчестве. Его нельзя назвать или выдвинуть вперед, потому что от этого почему-то обыкновенно кончается красота в искусстве, но без него красота бесчеловечна. Именно вот в этом все и состоит, чтобы правда нашей собственной жизни поселилась в красоте, — тогда будет большое искусство, тогда создастся великое имя. Так вот, в этом явлении именитого лица меня интересует предельный рядовой, чающий сам безымянно определивший победу и явление имени.

Круг. Урожай грибов белых, красных и черных. Урожай рябины и орехов (20 лет тому назад, в 13 году перед войной, тоже, листьев не видно, все орехи: положил мешок в короб, берешь и всыпаешь и вдруг 3 пуда, поднять не можешь, а надо идти, умру, а вынесу). Заготовщики грибов где-то уксус достали и немного дают. В Иовлеве на деньги кроме яиц (70 р.) ничего не купишь, а в колхозе рядом торгуют маслом (9 р. фунт). Полкй людей за орехами, по 100 чел. ночует в деревне чужих. Нашел белый и рубль: на полянах с редкими березами старыми белые грибы. Птицу всю в [чащу] загнали. Клещей урожай. Траву косят в кустах рывками, и вдруг целая поляна не кошена и трава засохла. Вот вопрос: «почему же рядом рывками брали в кустах, а тут целая поляна не кошена?» Так, было, стал

вопрос, и, может быть, и дал бы ответ, догадался, но рядом с поляной на скошенном явился глазу белый гриб в полной и такой удивительной красе, что другой вопрос явился и стал; мучительный это вопрос о правде и красоте, что если правда, то она почему-то заслоняет у нас собой красоту, а если красота, то в ней правды нет, — как же их согласовать так же просто, как все согласовано в этом грибе? Но и этот вопрос был перебит, из-за кустов вышли два охотника по грибам, оказались оба рабочие с Вознесенской фабрики. Мы разговорились, они говорили мне о пользе собирания грибов и об отдыхе: — Вот это отдых! А другие это считают за старый предрассудок. — Конечно, это старый отдых, есть и новые. — Да, новые: за бутылкой — это новый, а за грибами — старые...

Блуждание. Вечерняя догадка о сухой траве — первое, а второе о разноречии правды и красоты, что если правда поселится в красоте, то и создание искусства будет совершенно (справка об этом выше). Так вот оказалось, что вопросы никакие не пропадают, а сами по себе вырастают в ответ, как грибы появляются из-под земли на свет. И еще, что самое удивительное, это что по мыслям можно место искать на земле: утром на месте стал вопрос, а вечером по ответу на вопрос вспомнишь место.

11 Сентября. Со стихами приходил учитель Горькушин из дер. Душищево (возле Рогачева, Редриковы горы).

Зоя с матерью поехали квартиру искать в Салтыковке.

Вчера был Лева, — вот и Лева какой был советский человек! и то теперь сбит с толку. В распределителях нет ничего. Вокруг нищета и злоба в атмосфере безнадежности. По-видимому, скоро должна быть перемена в политике...

«Состояние духа» (бывает, скажешь по-старому и удивишься роскоши досуга старого времени: считались, напр., с каким-то «состоянием духа»!), — так вот, «состояние духа» у меня очень похоже на то, как бывает в путешествиях при долгом ожидании поезда или парохода, не живешь, а стараешься лишь «провести время», а так как совершенно не видно конца вынужденному сиденью, то мучит совесть: «разве в твои-то годы можно проводить время!»

Между тем, работа из рук валится, не хватает не то бензина, не то воды, как где-то было с трактором: не хватило воды, мужики поссут — он поедет немного, остановится — опять поссут. Так живешь и едешь рывками весь какой-то обоссанный. Проснешься ночью, выйдешь на крыльцо и удивишься: звезды все еще висят! И начинаешь с усердием всматриваться в это — небесно-божье бесчеловечие. Мало-помалу, однако, от этого почему-то становится лучше, начинаешь размышлять о причинах подавленности и находишь их, первое, в том, что утром сегодня, расчесывая волосы, выломил зуб из расчески и подумал: «Где я достану, если гребень вовсе сломается!» Это я подумал, а потом прочитал в газете, что в каком-то не касающемся моей личной повседневной жизни отношении мы в $2\,{}^{1}/_{2}$ раза перегнали Америку. Сопоставляешь газетное, идейное с этим обывательским состоянием и пробуешь, конечно, защитить себя. Пусть, думаешь, он вождь, а я рядовой — ладно! Только я не простой рядовой, я близок к рядовому предельному, смерть которого... Да вот смерть! Сколько рядовых должно безвестно погибнуть, пока не дойдет до предельного, смерть которого влечет за собой непременно гибель вождя...

Раздумывая о нынешнем циничном отношении народа к вождям, я прихожу к мысли, что это деревенская этика перекинулась в государственную, в русском деревенском народе на всякое свое близкое начальство смотрят как на необходимое зло, и в начальники идет последний человек. С другой стороны, есть какой-то неназываемый начальник, вмещающий в себя всю совесть и правду всякого дела, он, этот предельный рядовой, пожалуй, даже не выражается персонально, а все-таки он есть, и без него все бессовестно и победы никакой быть не может. Вот почему теперь и берутся за писателей, — что без этого предельного рядового, писателя, никакой победы не может быть. Но, с другой стороны, вызов предельного рядового, быть может, есть дело вредителя, который хочет покончить с ним и сделать все совершенно бессовестным, погубить весь «исторический опыт» и все распустить в грязь.

Темные последователи Нилуса видят этого вредителя в жидах, М. Горький в «кучке <*приписка:* международных> хищников-капиталистов». Я же все это считаю суеверием, принимающим частное за общее. Тем не менее, вредитель, конечно, есть, как существо с бесчисленными именами и лицами, — общее имя ему Кащей Бессмертный. Но это же старый знакомый, встречаясь с ним, я выпрямляюсь, я чувствую себя в сфере того предельного рядового, для которого вожди и начальники лишь маленькие люди...

Так вот, простояв целый час с непокрытой головой под звездами в сентябрьскую ночь, я вроде как бы помолился и ложусь спать, с удивлением повторяя странные слова: «Спаси, Господи, люди Твоя!»

NB. Горький причину вины, зла видит в «кучке международных хищников» капиталистов, но известно, что крупнейшие капиталисты евреи, — вот мост, на котором большевик сходится с последователем Нилуса, крайняя левая и крайняя правая.

12 Сентября. Тепло, ясно и опять сухо. Без дождей едва ли дупеля полетят, но я думаю, надо все-таки проверить болота в Итлари.

Вчера приезжала некая Афанасьева, делегатка от комсомола, просить меня принять участие в чествовании Горького (40-е лит. деятельности). Вел я себя, как ведут в изгнании опальные генералы. Она говорила, что в детской литер. снова линию повели на фантастику и сказку (уже и статья Чуковского).

Так окончилась пора индустриально-утилитарного искусства. Эта линия, конечно, произошла из генеральной линии государства, имеющей в виду только полезное. Искусство, напротив, является из бесполезного, и если от него бывает польза, то она является нам не из авторского загада, а из последующего приспособления явления искусства к жизни: это дело критиков и школьных учителей.

Журн. «Охотник», ред. Ларский, бездарность, понятия не имеет об охоте, над ним главн. ред. — ветеринар Ни-

кольский, с 4-мя ромбами. Был раньше редактором человек с тремя ромбами, вел плохо, прибавили ромб, стал редактировать человек с четырьмя ромбами, но дело, оказалось, было не в ромбах...

Иван Постный 13 Сент.
Поезда в Итларь.
Патроны 50

<*Зачеркнуто:*> *Конечно, прежде всего возможностью таких отношений между разными народностями характером таких глубоких прекрасных отношений русского с китайцем, а потом и диалектикой жизни старого Лувена и мальчика. Казалось...*

Трогательной прежде всего, конечно, возможностью таких прекрасных отношений людей совершенно разной культуры, разной национальности и рода занятий. Впрочем, есть множество...

Была весна, прошла, и вспомнить нечего. Осенью становится уже странно: «как же ты пропустил весну?»

Новая песнь. Не во мне дело, я давным-давно, когда взялся за перо, чувствовал «новую песнь», а вот важно, что теперь все так, даже люди как бы предназначенные рождением и воспитанием для охраны старого, теперь вынуждены к хоровому сознанию: старое совершенно прошло, и нужна новая песнь.

13 Сентября. Иван Постный. Дупелиный пролет. Утром в 10.30 собираемся с Петей в Итларь на разведку. Лева пробует переменить московское жилище за Бутырской заставой на две комнаты в Леонтьевском.

Властелин должен быть не нашим (викинг или божий помазанник), если же он наш, то это последний человечишко, вроде тех, кто идет в деревенское начальство. Так во время революции власть упала с небес [и дальше] падает.

Поиски корня жизни — с разделением всего на реликвии и на реликты. Название книги «Корень жизни».

15 [Сентября]. Вечером вернулись. Район Итлари: Перово, Горки, Караш, Борушка, Токарево, Пирогово,

Григорово. Урочище Ценское. В Перове: Андрей Иванович — Евдок. Александр. Рыжовы. История с секретарем сельсовета в Иреметьеве. Привязался: «охота не разрешена». Как начальство запомнило запрещение, а разрешение знать не хочет. Пьян, с папкой: — В Иреметьеве до сих пор на Ивана Постного три дня гуляют... Так пришлось в нашем краю, что на Ивана Постного <*приписка:* (запомнить: постного)> летит к нам самая жирная птица дупель и в деревне, празднуя Постного святого, три дня гуляют. — Слово за слово и дошло до ругани, дошло до «в морду дам». Чем бы это кончилось, но я вспомнил и крикнул ему: — Утри нос! — Он медленно поднес руку к лицу, стал вытирать, а я ему: — Вот сейчас сам вытер, а если дальше будешь хрипеть, утру я тебе. — В ГПэУ! — закричал он и рысью бросился в прогон. Это один полюс (начальство). Другой полюс был, когда мы уезжали: молодой пьяный парень терроризировал весь вокзал (бюрократизм и анархизм). И все-таки русская правда у большевиков. Точно так же, несмотря ни на что, дальневосточная правда, и в частности, даже китайская — у японцев. Так выпадает. Вот именно, не с «точки зрения» это, не «взгляд», а так выпадает роль сложения из равнодействующих бесчисленных, неучитываемых сил. Выпала роль Японии принести на Запад китайскую правду, и она может сколько угодно бесчинствовать. Так точно выпала роль большевикам, фашистам в Италии... Отношение к этому должно быть как к наводнению: — историческая стихия мало чем отличается от стихии физической.

Ели из одной чашки с Андреем Ивановичем, боялись обидеть его, а он и не понимает, что нам это противно. Так же крестьянин не понимает желания отдельной комнаты... И если это продолжить, противопоставляя весь быт крестьянина интеллигенту, вплоть до Страшного Суда, то ему этот Суд предстанет в виде изъязвленного человека на одной постели, праведник вытрет язвы и рядом уснет; напротив, интеллигент представит праведника борцом за личное сознание (требуется: отдельный ватерклозет). Известно, что путь борьбы за личное сознание приводит человека

к отдельному теплому нужнику <*приписка:* ватерклозету>, а путь коммунизма иногда кончается клоакой нашего вокзала с дыркой из мужского в женское отделение...

Известно, что путь борьбы за личное сознание приводит человека мало-помалу по мере его цивилизации к необходимости иметь отдельную комнату, а впоследствии и собственный отдельный теплый ватерклозет. И вот теперь, когда некоторые хотят превратить коммунизм в обезличку, в клоаку, подобную вокзальной в провинции с дыркой в перегородке мужского и женского, призыв к борьбе за личное творческое сознание представляется исходящим из желания иметь свой отдельный теплый ватерклозет... И даже в литературе простое повторение местоимения «я» иным кажется замаскированным желанием теплой уборной с ванной и кухни с газовой плитой.

Дорогая Фега Евсеевна, мне досадно, что я Вас вынудил писать большое письмо и повторять то, что Вы уже много раз мне повторяли. То, что Вы пишете мне о легкости устройства вещей, если налицо успех, я уже испытал и до сих испытываю у себя: за моими рассказами до сих пор здесь издатели и редакторы охотятся. До революции <*приписка:* группы писателей и поэтов, и проч., и проч.> мы здесь диктовали условия издателям и определяли их деятельность.

Теперь у нас издатель один, — государство, «успех» для всякого маленького писателя обеспечен, раз он хочет быть просто полезным государству. (Но государство нуждается не только в полезных писателях, а в совести и правде литературы. Мы, старые писатели, большие мастера и частью даже прямо классики русского слова, не можем сразу справиться с этой огромной задачей: приспособиться и остаться самими собой. Во всяком случае, дело не в «успехе», а в чем-то бесконечно большем. И вот это большое искание часто отнимает силы и охоту от «успеха» и маленьких дел. Надо ли переживать социальную революцию? Возможен ответ, что не надо. Но если кто ее пережил, то другой, имеющий хотя бы самую превосходную [интуицию], не переживая сам, никогда не поймет ни на-

шей бесконечной жадности к жизни, ни нашего бесконечного к ней <*зачеркнуто:* презрения> равнодушия.) В скобках выпустить.

Вообще я славу свою у себя на родине пережил, и она не помолодеет, если придет от немцев. Буду совершенно откровенным, интересуюсь «успехом», во-первых, с точки зрения добывания валюты для моего фото-спорта, а во-вторых, мне очень хочется доставить удовольствие Вам, с такой радостью и заботливостью выполняющей мои желания. <*Зачеркнуто:* Недавно я виделся с Пильняком и в разговоре упомянул Вас, он сказал: <*приписка:* он с большой похвалой отозвался о Вас> «Я был у нее, это такая хорошая женщина!»> Вся беда в том, что плохо пишется. Я написал, было, значительную часть <*приписка:* 4 листа> книги «Даурская земля» и отдал ее для печати в «Новый Мир». В ней проходит мотив сочувствия китайцам, явившийся под непосредственным впечатлением от нападения Японии. Теперь я свое сочувствие считаю наивным, бросил сюжет и стараюсь весь материал представить как «поиски корня жизни». Торопиться мне незачем, т. к. материальная сторона моей жизни вполне обеспечена моими старыми книгами, — ну, вот я и позволяю себе роскошь сидеть над вещью. И согласитесь, что нельзя же из-за фотографии... Во всяком случае, вопрос месяца или двух.

Сегодня за чаем я стал говорить: — Зоя, конечно, за эту зиму многого добилась, теперь ей никакой труд не страшен. — Конторщицей сделалась, — вставила Павловна, — так мы все бы могли: ребенка бросила. — Что же делать? — сказал Петя. — Ей надо бы шесть лет сидеть прикованной к ребенку, а теперь она... ведь она не только просто конторщицей, она счетовод и даже заменяет бухгалтера, это не маленькое дело: заменяла целый месяц на трикотажной фабрике бухгалтера. — В ответ на это Павловна сказала: — Вот и мне бы надо было в бухгалтерши! Ах, дура я, дура! была бы бухгалтершей, а теперь всю жизнь на тебя, на осла, даром истратила. — И в слезы.

Вот я и попал в эту глухую борьбу молодой бухгалтерши с матерью: «Мамочка! Зоечка!», кажется, так ласково,

а Зоечка всю ночь плачет и не дает Пете спать, а Павловна точит меня день и ночь и не дает мне работать. Начинаю думать, что в этом роде везде и только не видно с лица. Все такие вопросы решаются, в конце концов, приспособлением, иначе невозможно бы жить. Итак, приспособление в таком плане. Петя с Зоей переселяются в Салтыковку, Миша к старухе, и найдем туда прислугу. Корову продаем. В 6-й день молодые будут приезжать. Так Павловне будет легко, и она до некоторой степени перестанет мучить меня. Но все-таки надо сделать так, чтобы в Москве можно было работать, в Москву, собственно, и надо перенести свой рабочий кабинет и так постепенно устроиться, чтобы можно было долго и по-главному жить, а сюда ездить, как ездят сезонники с отхожих промыслов.

Как ни бейся, но ни за что не скажешь, кто виноват у нас, кто неуживчив, у кого дурной характер. Я вспыльчив, но чрезвычайно отходчив, она мелочна, коплива до крайности и т. п. Если бы с самого начала относиться к ней как к ребенку и держаться на некотором расстоянии, чтобы она не смела и думать переступить некоторую черту, она бы могла остаться драгоценным другом. Я же, открыв ей полную близость к себе, в то же время тем самым показал и невозможность ей быть в моем деле со мной. И вот теперь... я не знаю, когда я пообедаю, когда помоюсь, когда получу от нее белье, и она в этом издевается надо мной, как только может, зная, что только в этом я от нее завишу. Итак, отдать ей тут все, пусть тут у нее будет ее царство, а самому прочно устраиваться в Москве.

Самое большое вредительство, конечно, война. Некоторые видят вредителей в кучке <*приписка:* международных> хищников-капиталистов, другие считают, что во всем виноваты «жиды». Я лично представляю себе вредительство как процесс насилия человека над другим человеком с разрушением в нем лично-творческого <*зачеркнуто:* процесса> жизни. Капитализм? Мне этого мало <*приписка:* мне этого мало, или много: для меня это общее место>, я художник и мыслю в образах: первовредителем и насильником я считаю Кащея Бессмертного. <*Приписка:* Ни-

какой моралист за это меня не осудит.> Я художник, <*приписка:* я личная сущность, я дух личности>, и потому я не могу откладывать борьбу с Кащеем на завтра: я сейчас, сию минуту, чтобы взяться за перо, должен чувствовать в себе силу <*приписка:* уверенность> борьбы с Кащеем. Как человек, пропитанный культурой города, я особенно живо чувствую радость при встрече с природой и силу этой радости проповедую в своих охотничьих рассказах для борьбы с силой зла Кащея Бессмертного. <*Приписка:* Итак, я в своей повседневной жизни постоянно меняю ружье на перо и так по-своему борюсь с вредительством, поселяя радость.> Рабочий, напр., 11-го химического завода, принужденный вдыхать в себя вредные газы, член нашего охотничьего кружка, читая мои рассказы, очень хорошо меня понимает: мой рассказ даст ему бодрость в выполнении долга, побудит его в свободное время выйти на воздух, а не отдаваться пьянке. Я таких ребят знаю лично, им в голову не придет думать, что я своими рассказами увожу читателя в несуществующее Берендеево царство. Это может сказать только тупой педагог, так ярко, так правдиво изображенный Корнеем Чуковским (Лит. изд-во) и мной самим тоже неплохо в описании детства Курымушки в романе «Кащеева цепь».

На меня такого тупого педагога наслали в доисторическое время, до постановления Цека партии о свободе мысли художника. Этот вредитель <*приписка:* выполняя волю пославшего> представил мою художественную концепцию зла частью как биологизм, и с тех пор я как писатель «разъясненный» и устранен от читателя, я не могу с ним перекликнуться, и охотничьих моих рассказов больше нигде не печатают: временно Кащей-вредитель торжествует.

Ну, ладно же! Если новых писать нельзя, я возьму старые, признанные классическими, общеизвестные, школьные: «Ярик», «Нерль», «Ленин на охоте» и множество других, соберу все в том «Записки охотника» — вот будет хрестоматия-то. Книгу издала «Молодая гвардия».

К статье Чуковского: он пишет, что инженер не может обойтись в своем восприятии без сказки, потому что ин-

женер значит изобретатель. Позвольте сказать, что писатель и есть главный, самый главный инженер, потому главный, что просто инженерное изобретение есть событие, а писатель изобретает поминутно...

18 Сентября. Вчера Лева привез решение переехать в Москве на Леонтьевский, меняя площадь в 46 кв. метров за Бутырской заставой на 26 (две комнаты) в центре. Таким образом, я могу начинать выполнение своего плана. Сегодня еду смотреть и, если понравится, 21-го мы переедем.

20–21–22–23 Сентября. Итларь. Ездили с Петей на дупелей, не нашли, убили: 3 вальдшнепа, 4 куропатки, 1 тетерева, 2 чирка, 1 бекаса.

В косых лучах вечернего солнца огромная страшная синяя туча, пронесло и опять... Две сороки на верху ели, — прекрасные! Вечер у пруда и Андрей Иваныч с язвой в желудке.

В чем дело? В жизни хоть раз каждому доводится посмотреть на самого себя со стороны бесчувственно. А еще бывает, и на мир так смотришь, как будто это все уже видел...

Колхозник подвез нас от терочного завода до Борушки. — Ни-че-го! Много не заработаешь, а харчи ни-чего! — больше ничего он не мог сказать о колхозном житье, и получалось от его слов, будто он не в коллективном хозяйстве участвовал, а жил у хозяина. Редкий день у кого-нибудь покажется кусочек сахара. Тут вот и думаешь, что в это самое время М. Горький опять справляет свой юбилей, достигая такой славы, какой не знал ни один писатель в мире (Павловна говорит «самозванец»).

Утро. Косые лучи солнца сквозь мокрую траву, и оттого под ногой трава ярко зеленая, как изумруд. Пахнет прекрасно. Дрозды трещат. В небе грачи строятся... Только все это не для людей. Народа тут нет.

24 Сентября. Юбилей Горького.

За спиной Толстого, Чехова, пользуясь их простодушием, прошел этот хитрый самозванец русской культуры, и теперь, когда все покончено с русской правдой и совестью, когда по градам ходят в лохмотьях, а по весям в редком колхозном доме даже в праздник [не] увидишь кусочек сахару, когда маленькие дети там, у земли, никогда не видят ни баранки, ни сладкого, наш отец, объедаясь итальянским вареньем, на глазах всех устраивает себе очередной юбилей. Постепенно Горький как бы сбрасывает с себя гуманитарно-босяцкие одеяния, орех раскрывается, является самое ядро русского хама.

Едва ли на свете какой-нибудь человек при жизни своей обладал такой славой. Настоящая слава распространяется во времени, переходя медленно в широкие слои общества по мере их просвещения (Гейне, Пушкин). Горький начинал с «ширпотреба» и при жизни своей высосал свою славу из последнего октябренка даже: ему же честь — честь...

Что же останется? Литературно — третьестепенный писатель, ничтожный публицист и такой же ничтожный оратор...

Вот на улице что-то гремит, — телега это мужицкая гремит на замороженных колеях или по нехватке дегтя сама телега его издает всевозможные звуки, или отряд пионеров в честь Максима Горького под барабан, распугивая от себя птиц и животных, отправляется на прогулку «в природу»?

Горький к этому своему юбилею определился окончательно и стал самой яркой, самой показной личностью социальной революции. Он обобрал, восхищаясь, всю бескрайную широту души русского человека с его огромной землей, гостеприимством, праздностью, вольной волей, чтобы показать нам, какая с государственной точки зрения скверная это и фантастически-бесполезная земля. Он почти убедил, почти всех, что Россия была — ничто, какой-то праздный грех и прах. Мало того! Теперь, когда встречаешь еще какого-нибудь доверчивого, правдивого и совестливого человека, то думаешь: наверно, он и су-

ществует только для того, чтобы за спиной его проходил где-нибудь еще какой-нибудь маленький Максим Горький...

Нынче вся страна существует как флаг соц. революции для всего света, на поддержку этого флага поднят весь народ и Максим Горький во главе, именно он, а не какой-нибудь Сталин.

<*На полях:*> *Проба пера «Пионер»: слишком острое, собирает с бумаги шерсть и сразу же забивается. Но если не налегать, то можно долго писать... а впрочем... перо чертежника Чертежник как будто лучше, не забивается нисколько.*

Терошный завод (село Караш ст. Итларь): Симуляция.

Бывало, раньше мужик на своей яровой полосе выберет местечко посуше, наверху, и там у него картошка или гречиха, пониже, где лучше земля — там овес, а внизу лен, и вот как цветисто получается: гречиха — розовый ситчик, картошка темно-зеленая цветет по-своему, овес зеленеет светлый, лен в самой нежной зелени, и на светло-зеленом прячутся и не могут скрыться голубые цветочки. Теперь нет мужика, а колхозникам велено для терошного завода одну картошку сажать: куда глаз хватит, до самого горизонта везде картошка. На днях ударил мороз, всю зелень убило и почернело вокруг. И убирают-то мрачно. Бывало, темно, огонек, семья: «Просим милости к нашей теплинке!» Теперь машина пришла, и колхозники без слов, без теплинки, без радости выгоняют себе трудодни, памятуя: кто не работает, тот и не ест.

Чуть позажиточней кто, — раскулачили. Андрей Иваныч Рыжов, старик, раскулаченный, занялся кротами, ловил их, [скоро переловил] всех, кротов не стало, поехал к Ростову — и там кротов повывели, неделю ездил, привез две пары. А между тем, за кротов все больше и больше дают «симуляции» (так переиначивают мужики стимуляцию, т. е. какой-то процент цены за крота натурой, главным образом мануфактурой). Просто очень выгодно бы теперь из-за большой «симуляции» заниматься, а кротов выловили. И еще открылась язва в желудке. В большом

голом обобранном доме на печке теперь умирает старик-кротолов...

Начало рассказа.

По улице несли покойника, и за гробом шло очень много людей. Бухгалтер трикотажной фабрики, выглянув из окна, понял, что это не за покойником люди, а хвост за папиросами, и сейчас же, крикнув товарищам: «выдают папиросы!» — бросился вниз. В это время его помощник подошел к конторке, быстро что-то сделал в книгах и возвратился на место. — Вот так фунт! — воскликнул бухгалтер, возвращаясь на место. — Я думал, выдают папиросы, а оказалось, покойник! — Выдают покойников? — засмеялся помощник.

25 Сентября. Сегодня Леву призывают, но не возьмут: астигматизм. Кащея-вредителя (в Лит. изд.), конечно, не напечатали, но книжку («Записки охотника») будто бы освобождают. И вообще установилась тактика: разрешать все острые вопросы в личном порядке, — «на тебе, отвяжись!» В этой линии каждому ловкачу можно жить очень хорошо. Вот был назначен паек 80 лучшим писателям, а получают его 280, причем писатели вроде Григорьева сидят без пайка, а машинистки получают. По этой линии идут разные Леоновы, Лидины, советские мещане. Хорошо бы поднять Герцена! Вот это идея: перечитать, поднять всех старых писателей и, с одной стороны, их глазами вглядеться в наше время, с другой — глазами советского раба на них посмотреть и так поразмыслить о материалах собственной жизни с окончательной целью написать Кащея.

Читал о «бомбардировке протонов», о завоевании стратосферы и думал о тех, кто жил без радио и аэропланов, и дальше еще — кто жил без железных дорог, и еще дальше — без огнестрельного оружия, и... жили не хуже нас, и, вероятно, не лучше. В чем же дело, — в «жизни» или в роли фактора «сознания», вроде бродильного грибка, или в достижении личного бессмертия?

Есть три понимания: первое — это «грибок сознания» (психология ученого), второе — дело жизни, т. е. чтобы всю метафизику, весь романтизм ученого направить на пользу человека (эта наша советская идея), третье — цель всего бытия вселенной бессмертная личность (христианство). Вот три миропонимания, которые можно представить как троицу: космос, человек и дух. Итак, новое время характерно, с одной стороны, прозрением в космос, и... почему-то на этом все кончается, живется ни лучше, ни хуже древних (2-е), и личность (3-е) замирает, — вот тут и Кащей...

Кащей прошлого (буква ять) и Кащей будущего. 1-е — это когда движение жизни задерживается от привязанности к пережитому (буква ять), 2-е — ради одного движения губится жизнь (а «жизнь» — это есть настоящее, есть радость).

Кащей — это вот еще что: взять наших мужиков, ведь они все индивидуалисты и всякую общественную работу делают нехотя; система колхозных трудодней — это единственное средство принудить их работать для общества. Но, конечно, отдельные крестьяне есть отличные общественники, и вот то, что они со всей радостью делали бы от себя, теперь им из-за ленивых анархических масс приходится делать под палкой; для них-то именно государственное принуждение и является Кащеем. Горький — это типичный анархист. Как же вышло, что он стал ярым государственником?

Вот как вышло: большевики взяли власть, из этого все и вышло. Взяли... — «Надо было» — «Не надо было» — вот на чем разошлась интеллигенция. Власть была взята для того, чтобы этой силой уничтожить капитализм и устроить трудовое государство. Анти-большевики считали, что госуд. власть брать нельзя, потому что людей переделывать надо не принудительно-материальным путем, а путем духовного перевоспитания (иные, лев. эсеры, представляли себе это перевоспитание как бы взрывом скопленного в гуще народной добра, другие, меньшевики, — постепенным ростом пролетарского сознания вместе с ростом ка-

питализма). Большевики оказались правыми, власть надо было брать, иначе все вернулось бы к старому.

Монархия держалась традицией, привычка заменяла принуждение. В новом государстве новый план потребовал для своего выполнения принуждение во много раз большее, а люди все те же и еще хуже... В конце концов рост государственного принуждения привел к столкновению коллективного сознания и личного и в творчестве к торжеству количества над качеством, «сознания» (идеи) над бытием, предписания над бытом («я в декрете» — скажет женщина, а не «я беременная»), в производстве громадных, подобных пирамидам, заводов над предметами широкого потребления, в человеке — покорный слуга-автомат над критической личностью. Дошло до того, что всякий личный избыток (творчество ученых и т. п.) стали обращать в общее хозяйство, всякий недостаток и вытекающий из него бунт гасить персонально (пайком или ссылкой).

<*На полях:*> *Неверный шаг правителя многомиллионного народа по силе своей увеличивается на месте применения во много миллионов раз, и потому...*

Поправка на себя, на свое зрение: я смотрю на все с точки зрения человека, не согласного с тем, что в начальное время революционеру надо было брать власть; этот угар прошел в моей юности, и я смотрю на ту революцию как на мой же угар, повторенный в миллионах и переживаемый. Но в личности угар «проходит» безответственно: я ошибся, я и поправился; в обществе один ошибся, а поправляет другой, и все видно, и за все каждый отвечает; в этом и есть разница в нашем и <*зачеркнуто:* том>, прежнем и нынешним: угар проходит, остается долг. Теперь совершается как бы Страшный Суд над всею русской мечтой. Все, кто шел против царя, должен был на себя взять его дело: будь сам царем: «сами комиссары, сами председатели». И если я, простой революционер, задет, то как же задет Горький!

Итак, из всего прошлого, из всей мечты теперь нечто выходит, и мы все в ужасе видим, испытываем на себе то,

что выходит: мне это Кащей, другому Максим Горький. И оно будет все дальше выходить незнаемое... Посеяли, а теперь жнем.

27 Сентября. Утром до обеда мелкий дождь из тумана. Мы с Петей ходили за прислугой в Бобошино и за весь день не нашли ни одного вальдшнепа. После обеда явилось солнце, в бобошинском болоте нашли двух бекасов и гаршнепа. Вечером у черного моста была тяга вальдшнепов, протянуло четыре, взяли двух (в 7 в. после 1-й звезды). Тишина, деревья, расцвеченные и как восковые. Вальдшнепы летели беззвучно, как летучие мыши. Так тепло, что теперь в самом конце сентября при наступлении ночи светило... зажег свою лампочку.

<*На полях:*> *Растут волнушки в большом числе, и рыжики изредка попадаются. Кто место знает, берет еще белые. А опенки переросли. В Бобошине общественная заготовка грибов, прямо немытые с улитками величиной в чайное блюдечко опенки варят в котлах.*

Не помню теперь я больше снов и не выхожу навстречу случаю, даже без надежды живу на перемену к лучшему, а держусь больше привычки и повторяю собой то самое, что повторял мой народ многие тысячи лет (китаец).

28 Сентября. Беседовал с Дуней, говорит — жалуется, что жизнь все хуже и хуже и что теперь даже смешно, когда одумаешься: мы говорим «в первые трудные годы революции» или в «то голодное время», а между тем теперь уже стало хуже того времени; и, главное, скучно: день ото дня не отделяется, не успел оглянуться — недели нет и вспомнить нечего, окромя худого: все стали нервные, не наедаются, злятся. Заключение Дуни: «Если жизнь скоро не улучшится, значит, всех нас хотят уморить».

Вечером ходил на пруды и был поражен: плотина закончена, стоит теперь закрыть шлюзы, и вода будет до самого города. И вот тут раскрывается М. Горький и ему подобные: он смотрит на плотину и радуется; мы смотрим на людей и горюем и не хотим видеть плотины.

Приходил некий человек, имеющий 7 чел. детей. Он говорил, что все и всюду ждут чего-то нового, он имел в виду апокалипсическую новую песнь («и храмов больше не будет»). Говорили мы еще, что капитал в существе своем исходит из личной инициативы... капитал имеет родником своим... источник капитала есть личная догадка... Собственность: вот река, пришел человек, зачерпнул воды, и эта вода есть уже его собственность, и владелец ведра есть уже царь: так все мы цари. Весь вопрос в том, ликвидируется кризис за границей и все идет к продолжительному миру, или, напротив, кризис разрешится новой войной. В первом случае внутрь нашей соц. государственности должна проникнуть собственность, и установится некоторое равновесие, в противоположном...

29 Сентября. Происхождение «новой песни» понятно: люди в отчаянии сбрасывают последний балласт, эту религию Сына Человеческого, и от этого им кажется, будто они выше летят, в царство духовной свободы, где храмов уже нет и песнь новая.

Пустыня изжита, и уже никто не в состоянии начать подвиг в дебрях лесов, как преп. Сергий, но есть новая пустыня, недоступная обыкновенному смертному, это пустыня новых внешних знаний, священных в существе своем уже потому, что они преграждают вход всем и требуют непременно особенной личности в человеке, определяемой избранием (много званных, но мало избранных). И не из тех физических пустынь явятся теперь к нам пророки, достигающие ясности духа путем умерщвления плоти, они придут к нам из пустынь высшего знания и мудрости, обретаемой в самой жизни духа...

Попик бедный в пожелтевшем и позеленевшем от времени подряснике идет по улице, принимая на себя насмешки и даже камни ребят; понимаешь, рассуждая, что это герой идет, превосходящий мужеством всех окружающих, и в то же самое время чувствуешь сам в себе неприязнь к этому подвижнику: правда, зачем он идет, раздражая всех исключительно только своим внешним видом, одеждой и волосами, именно с целью этого отделения

и раздражения оставленными духовенству Петром Великим. Останови этого попика и спроси...

30 Сентября. Люди эти, религиозные или определившие мысль свою проходить в берегах религии, попали в такую муку, о которой когда-то читали в Житиях Святых, но в возможность повторения их в наше время просто не верили. Первое время они, встретив библейскую муку, переносили ее геройски, подогревая себя надеждой скорого конца и своего торжества. Так проходили годы, и десяток лет прошел, и вошли в середину второго десятка, а из муки как-то ничего не выходило, так что мука стала уже обыденностью. Мало-помалу стало очевидностью, что мука эта не имеет конца впереди, а назади все позабывается, и в воспоминаниях ни плохого, ни хорошего ничего не встает. Тогда муки больше не стало, это оказалась не мука, а такая жизнь, сама настоящая жизнь. Вот тогда только люди эти поняли в самом сердце своем, что все прежнее кончилось и прошло, и вот именно, что вся сумма страданий не дала никакого смысла, не пошла в заслугу, не перешла в спасение, не дала воскресения, это самое и открыло глаза, и стало ясным для всех их, что целая эпоха и связанное с ней верование в необходимость духовно-целительного страдания прошла. Тогда ветер, проходящий через пустыню с этими догоревшими кострами, стал открывать среди них редкие искры, раздувать... Там и тут стали появляться люди, проповедующие новую жизнь, в которой больше храмов не нужно, и все совершенно новое, и песнь другая.

...это, кажется, целительный ветер; вот хотя бы эта моя больная злоба и мои статьи сразу же отпадают: не поможешь этим, вложи меч свой в ножны. И слышится призыв: «Люди, люди, приготовьтесь к новой жизни, в новом граде, созданном на вашей крови». (Жизнь Дуни: жила 15 лет, проклиная большевиков и их строительство, и однажды вышла постирать белье и вдруг увидела плотину, перешла ее и приняла как свою. Так все вообще рождается в муках, из чего вовсе не следует, что муки целительны и неизбежны.)

1 Октября. Сегодня восход холодный в морозном тумане. Я слился с жизнью природы, и в душе вдруг, как голубь, затрепетала радость жизни. И я понял в это мгновенье, что это чувство есть чувство личности и что отсюда исходит, в этом рождается чувство собственности: хочется жить и все делать своим. И бороться против собственности значит бороться и против личности, и победить собственность значит уничтожить все личное в человеке и превратить его в раба. Нет, надо бороться не с собственностью, а с определенной, пережитой формой собственности, вроде собственности на землю. Надо изменить лишь применение силы личного и обратить чувство собственности на творчество, отвечающее времени... До сих пор революция била в самую личность, и вот из этой раны истекает моя злоба. Так была одно время во мне почти мания преследования, и вдруг как-то я ее понял, рассмотрел, и она прошла. Так точно надо ждать ликвидации моей какой-то срывной злобы (Артем)...

2 Октября. Заливка явилась на наш двор.

Революцию начинает обыватель («хлеба!») и кончает чиновник (бывш. идеолог). Революция наступает, когда оба эти элемента в состоянии недовольства (сейчас обыватель недоволен, а чиновник в общем стоит за правительство), и вот почему такое гонение на «идею» (идея должна быть только строго советская).

3 Октября. Куплена и застрелена лошадь для собак. Явилась комсомолка от «Ком. Правды», просила «охотничьей романтики». День сияюще-теплый. Принес вальдшнепа.

Молодые охотники! охотничий инстинкт обыкновенно переживает самого охотника, и оттого нравственно дряхлых охотников нет, и если кто из вас охотник, то значит, он всегда молод душой и будет молод до гроба. Нет, молодости мне у вас не занимать, а называю вас «молодыми» исключительно в смысле вашего небольшого опыта и стремлюсь в этом смысле дать вам хорошие советы.

Первое, отправляясь на охоту, не надо бить в барабан, как делают это в наше время пионеры. На многие километры вокруг себя... распугивают все живое вокруг себя галдежом возле своего лагеря. В лесу надо ходить тихо, все замечать и думать. Лучшим учителем для охотника является кошка, с нее надо брать пример на первых порах, а потом постепенно переходить к собаке и смотреть на нее. Да, на первых порах я не рекомендовал бы в лес брать с собой собаку: надо учиться подкрадываться, как кошка, и брать добычу просто руками, [просто] подманивая. Таким образом, вы можете наловить себе сколько угодно молодых тетеревей, вы́ходить у себя дома и где-нибудь на чердаке устроить тетеревиный ток. Вы можете подманить [даже] лисицу писком на выстрел из лука и сразить ее стрелой. И вообще, я думаю...

Люди, не понимающие инстинкт охотника, часто осуждают убийство зверей и птиц от своей жалости к ним. Так и мы сейчас от жалости к человеку судим дурно о строительстве. До того плохо живут люди, так мучатся, что радоваться строительству можно только со стороны, как делал это Максим Горький, проживая у фашистов в Италии, или как иностранцы, которым показывают «достижения» (рассказ «Плотина»).

5 Октября. Вчера написал и сегодня отправил в «Комсомольскую правду» в удовлетворение спроса на «романтику» письмо «Завет охотникам», которое будет напечатано перед моим рассказом «Смертный пробег». «В желудке и кишках у меня кухня с вонючими газами, и это нисколько не мешает мне наслаждаться солнечным светом и ароматом цветов. Так точно прочнейшая зависимость моя от общества (тоже кишки!) не должна препятствовать мне быть самим собой. А вы хотите, чтобы я забыл лицо свое и занялся кишками...»

Трутень. Пока дети росли, ей казалось, что муж-пьяница зачем-то нужен ей, но когда дети выросли и все определились, она вдруг поняла ненужность этой главы семей-

ства и выгнала его, выбросив из окна его самовар, пальто, примус и малярную кисть. Он шел пьяный летом в меховом пальто с примусом, самоваром и малярною кистью, ругался, бил самовар о мостовую. Народ окружил его, все смеялись.

Он. Дождь и хлопья мокрого снега, растворились все хляби небесные. Седой старик в лаптях, в юбке из грязных мешков, с корзиной в руке стучит под окнами и собирает ради Христа. И как подумаешь только, что «я» у этого нищего такой же единственный и исключительный орган восприятия мира, т. е. я хочу сказать, что с его фактической и невольной «точки зрения» его бытие важнее всего в мире, а я, например, я — М. Пришвин со своими рассказами просто даже неведомое существо, а также Пушкин <*приписка:* какой там я! — даже сам [Пушкин]>. Ему просто и некогда о нас знать... Итак, этот Он идет и месит грязь. Вот я об этом и хочу сказать, что Он, по всей вероятности, не только не мечтает, как я, о всяких волшебных возможностях, а даже ему жизнь есть тяжкое бремя, и он, если бы не веровал в Бога, с наслаждением лег бы под забором в грязь и к завтраму умер. И, тем не менее, на одной точке земли Он исключает меня, и на каких-то весах мы совершенно равны, его «я» и мое. Да, вот Он и заворачивает ко мне. Он просится в мой дом...

Царедворцы.

Писатели проникли ко «Двору». Быть при Дворе стало необходимостью для писателя, имеющего виды на положение и славу. Лучше всего это видно по Толстому, который прошлый год еще заявил Разумнику, что он теперь «стоит за сов. власть», а в нынешнем году уже и переселяется в Москву. Все эти писатели, Толстой, Леонов, Пильняк (тоже хитрец) и сам Максим, мне представляются всегда как бы на пружинах, такие они все умные и хитрые, и, главное, живучие. Среди стариков остаются очень немногие независимые, типа Белого, а молодежь, конечно, есть всякая, конечно, среди молодых есть живущие исключительно во власти своего таланта.

6 Октября. Пора вставлять зимние рамы. Корову (яловая) ликвидируем, останемся на зиму без молока, но с мясом. Зоя уедет учиться, вообще уедет от нас к Пете. Внука надо взять у старухи, и пусть он будет с Павловной. Буфет и все хозяйство к Павловне. Собираемся в выходные дни. Марья Павл. приедет на помощь, и будет хорошо. Я буду наполовину и даже на $^3/_4$ с Левой в Москве. Подготовить прочную обстановку для независимой уединенной работы (Москва — для борьбы за это).

Пределы планов строителя лежат в материалах, а не в совести (совести у строителя нет). Но материал ограничивает и даже рушит планы.

8 Октября. Сергиев день.

Мороз. Утро белое. (Белое утро)

Белое утро.

Бывает, человек до последнего доходит в тоске по человеку, а вот жизнь не складывается, случая такого не выходит, чтобы завязались какие-нибудь глубокие личные отношения; при такой нехватке основной нельзя удовлетвориться каким-нибудь занятием, все равно, астрономия это или марксизм: тогда мир разделяется на внутренний и внешний так резко, что... Ну, вот как бывает, от бесчеловечья вся сердечная жизнь вкладывается в какую-нибудь собачонку, и жизнь этой собачонки становится фактом безмерно более значительным, чем какое-нибудь величайшее открытие в физике, обещающее в будущем человеку даровой хлеб. Виноват ли такой, отдавший свое человеческое чувство собаке? Чем он виноват, если не было в нужный момент человека? Где же он был, человек? Он был чем-нибудь занят или до крайности раздражен добыванием пищи и в этом раздражении прошел мимо своего человека и не заметил его.

<На полях:> Где же человек?

Зоя — нытик, т. е. существо, скрывающее свой эгоизм в нытье. Кроме того, по недостатку ума, что ли, перед ней всегда не сама жизнь, а какая-то линия жизни: «вот так

бы надо, как следует, как люди делают, как все, а у меня для этого нет возможности» и проч. Возможно, что для нее гибельно влияние матери, возможно, что сознает свою помеху Петиной жизни. Петя, конечно, в курсе, и, значит, в плену.

Ну, вот белое утро. Просмотрел наш овраг, через Каляевку перешел на глинковскую капусту, где нашел тогда куропаток: капусту убрали, куропатки исчезли. Краем озими спустился к речке и через Вифанию попал на Афанасьевские зеленя и домой. Кружок сделал от 8 ч. у. до 2 д. Вальдшнепы есть (видел 5), но стайки не выдерживают, вероятно, от мороза.

Кончил Дриянского (Записки мелкотравчатого) и вспомнил Зворыкина — это соврем. Дриянский. Оба очень талантливы до тех пор, как не выходят из сферы охоты, а как вышли — полный провал. Это происходит от избытка привязанности к самому материалу и оттого недостатка «легкомыслия», необходимого для перехода к иному материалу. У охотн[ичьих] писателей вся затея выходит из самой охоты: затейник-писатель в охоте рождается, а вне охоты он просто тужится, надумывает («Амазонка» Дриянского). Я, хотя и не утонул в охот. материалах, но тоже испытываю в сильной степени их давление.

(Умер К. К. Гедройц, оказывается, знаменитый, мировой ученый, почвовед. Неужели это мой Гедройц за время моего обывательства так вырос? Похоже на плотину.)

Наука была подвигом даже и в своем безбожии. Теперь же она не только подвиг, но и среда для подвига, подобно прежней «пустыне». Пусть копошатся техники в приспособлении к пользе науки, ученый думает не только не о пользе, а даже отвлекается вообще от человека. Даже и в маленькой научной работе первое условие «объективность» сопровождается чувством, подобным отрыву от земли летчика: отрываешься от человеческого. И в самых человеческих науках дело идет не о живом нашем человеке. И вот, если теперь какой-нибудь ученый верует в Бога и стремится согласовать со своей верой науку, то он дела-

ет точно то же самое дело, которое делали отцы-пустынники. Бог остается тем же самым, человеческая пустыня изменилась. Понятно, прежнюю пустыню, размножаясь, заняли люди, общество. Личный простор для подвига остался в науке, и новый пророк или «преподобный» будет первым ученым (это рассуждение старо само по себе, но ценна в нем смена пустынь).

9 Октября. Опять белое утро. На дворе обглоданная собаками лошадиная голова. Ворона прилетела на антенну, кричит всем воронам и сорокам: летите, одна боюсь. На все антенны сели вороны, осмотрели, сообща все решили: опасно! и улетели. После того прилетели сороки и прямо к голове, они, конечно, не глупее ворон и опасность знают, но рассчитывали на свое проворство, способность урвать и улететь: скок-скок! и нет...

В это время в окно к нам с улицы постучались стекольщики. Павловна не торопясь стала одеваться: подождут. Выслала Маню, пришла Маня: за две рамы 100 р.! Павловна не торопится: подождут, выслала Маню. — Больше 5 р. не спускают. — Спустят! — Идет сама, дает 80. Стекольщики уходят. — Вернутся! — Стекольщики долго стоят у ворот, она смотрит на них из-за гардины. — Уходят! — Не уйдут! — Ушли к сапожнику. — Вернутся». — Ушли под гору, ушли, вернуть? — Сами вернутся...

В это время вороны, пролетая, увидели пирующих на лошадиной голове сорок и спустились. Моя пулька поразила одну, сороки окружили мертвую и чекотали, пренебрегая опасностью, как будто хотели поднять ее. Странная жизнь! Тысячи лет проходят по жизни возле человека, совершаются великие открытия в звездах, в звуке, во всем, но жизнь этого самого близкого человеку существа остается совершенно незнаемой, и никто не может сказать, почему сороки при самом легком открывании окна <*приписка:* рамы> улетают, а тут после выстрела окружили ворону, чекают и как будто кричат: «поднимайся, поднимайся, улетай!»

В это время Павловна заметила из-за гардины возвращение стекольщиков и шепотом на весь дом говорила,

сияя: «идут, идут». Стекольщики принялись за работу, а я отправился в сберкассу достать для них денег, кстати, надо было дать в газету объявление о пропаже коровы. После кассы на базаре встретил Мих. Филип. Стрелкова, соседа, узнал, что корову он вчера нашу видел около «1-го номера» (Смычки) и прогнал ее за переезд. — Наверно, милиционер отвел ее, надо идти в милицию, — сказал он. Это я намотал себе на ус, а объявление все-таки дал. Видел в редакции Варю Розанову, пишет на машинке. Смешно, что дочь Вас. Вас. Розанова эту свою работу в газетке «Вперед» ставит в связь с литературным прошлым «нашей семьи».

Купил на базаре арбуз и два белых хлеба, арбуз 3 р., хлебы по 3 р., все вошло в мой мешок и получилось вроде как бы я несу футбол. Встретилась, идет с базара Мария Виссарионовна. Нам с ней было по пути. Разговаривали о том, что люди нынешнего общества столь же различны в своем материальном положении, как и старого, я, напр., имея паек в Москве, здесь корову и деньгами в месяц до 1000 руб., представляю из себя теперь высшего «буржуя» старого времени, она, имеющая возможность мазать картошку постн. маслом — прежний средний класс, а ниже люди, не имеющие возможности мазать картошку, разные служащие, бухгалтера и т. п. Говорили, что факт перемены существует, но к чему ведет эта перемена, неизвестно, что злоба в интеллигенции уменьшилась, все пристроились и повиливают хвостиками, а в народной глубине злоба нарастает все больше и больше. Мелькнула мысль описать нашу повседневную жизнь в борьбе за существование, вот как утром начал описывать ворон и сорок у лошадиной головы — эту действительность и рядом строительство, как идеализм. Строительство всегда и везде было жестоко к человеку. Европа как мировой строитель в сравнении с Востоком. Поэзия строительства должна быть бесчеловечна.

Встретился Пет. Конст. Кочерыгин, доктор. Я ему показал свои пальцы: обжег реактивами, заживут и опять трескаются, и опять заживают, и вот уже 4 месяца. — Нер-

вы! — сказал доктор, — теперь масса болезней объясняется нервами, рак, подумайте, рак сплошь да рядом в 30 лет, и все от нервов, подумайте только, рак от нервов! И у вас это от рака, все от рака, ах, извините: от нервов, а сами знаете, нервы разве возможно лечить, надо условия переменить. — Ну, — ответил я, — нервы в моем возрасте каждый должен сам лечить, вот возьму, уеду на охоту и вылечу. — Не вылечите! — засмеялся он и побежал лечить людей. Это последний из могикан, последний из тех наших старых добрых бегунов-докторов. Ему, с утра до ночи имеющему дело с больными людьми, невозможно прославлять строительство. И, в сущности, «нервы» для него — это «объективная причина», ссылка на злое время, своего рода протест. Приди я к нему, как обыватель, с трещницей, он бы просто принялся лечить мне пальцы, чем-нибудь помазал бы, ну, хотя бы посоветовал носить резин. напальчники и меньше раздражать кожу. Теперь же встреча со мной для него — это отвод души, и «нервы» это не дело, а философия или политика. Вернувшись домой, я сдал покупку и сейчас же в милицию. Там в стойле нашел я «Червонку», человек возле нее объяснил, что Червонку нашли на коровьем базаре, какой-то пьяненький вел ее, еще бы немного и пошла бы на мясо. — А этого озорства, — сказал я, — как будто у нас раньше не было. — Какое же это озорство, — ответил он, — корова беспризорная, каждый может взять ее и вести куда угодно, это не озорство. — Мне нужно было, как оказалось, составить протокол и уплатить три рубля. Пошли к дежурному, тот взглянул на меня и сказал: «не нужно протокола». В милиции, как не раз я замечал, меньше бюрократич.-бумажного окостенения, чем в других учреждениях, и многое делается, как и в революцию, «на глазок». — То-то обрадую хозяйку! — сказал я в стойле первому человеку. — А за протокол-то бы вам, — сказал он, — пришлось бы платить 15 руб. плюс здесь 3 — вот и 18! Теперь же вы заплатите 5. — Ему надо было сказать «три плюс два в его пользу». Это было удивительно, что только два! Червонку я вел за веревочку по всему городу. — Хорошая корова, сытая! — говорили одни, а другие отвечали: — А сам-то! — К сожалению, жена

сапожника где-то пронюхала, что корова в милиции, и предупредила Павловну: — Хоть и мало вашего молочка пьем, а вот обедать бросила и прибежала. — Во время обеда с Павловной с горечью говорили, что вот мне, писателю, все утро пришлось отдать корове, а молодая сноха сидела и готовилась к экзамену в вуз: ей некогда. Тоже и Петя такой, всюду его посылаешь насильно, всегда ему некогда.

Итак, я сегодня через сорок и ворон вник в чрезвычайную зависимость соврем. человека от «конской головы» и пришел к необходимости изучения быта на фоне строительства. Быт надо изучать во время посещения знакомых домов, путем расспроса хозяек, и доходить до конской головы, и сквозь конскую голову провидеть «природу». Напротив, выведывая строительство, надо приблизиться к «идее». Строительство: 1) Каляевка, 2) Птицетрест, 3) Рыбный Совхоз, 4) Игрушки.

10 Октября. Утро мягкое и сизое, отчего эта синева, трудно сказать, быть может, это дым рассеялся и не может подняться, а может быть, ночь, сама от себя сырая и тяжелая, оставляет эту дымку до тех пор, как сильный свет сделает ее незаметной. Тепло и великая тишина. Солнце за легкими облаками, а кое-где на чистом небе есть даже и облако летнее. Мороз вчера поднажал, и вальдшнепов на их местах больше я уже не нашел. Теперь в тишине услать бы гончих или в рог затрубить.

Много раскрылось секретов в лесу: вот елка, оказалось, жила все лето незаметно для всех в тесной дружбе с осиной и теперь приняла на себя всю ее золотую листву. Открылась рябина совершенно, одна только ягода красная на черных сучках. Одна счастливая ворона где-то достала целую кишку и клюет ее на лужайке. Десятки других ворон сидят вблизи на дереве и дожидаются случая, который даст им возможность овладеть этой собственностью. Но несколько ворон трудолюбивых с хорошим характером избрали себе рябину, грузно уселись на голой и клюют красную ягоду вместе [с] двумя грачами (значит,

еще есть грачи!) и галкой. Прекрасная панорама лесистых холмов открывается по дороге от Глинково в Тураково.

Семья. Лодыри теперь невозможны в семье, каждому члену семьи не только надо приносить домой жалованье и паек, но еще на свой лад уметь извертываться в добывании разных льгот сверх пайка и жалованья, улаживать, рыскать, выуживать, сговариваться, хлопотать и т. п. притом не так чтобы дожидаться приказа от старших, а самому по своему загаду быть всюду добытчиком. Ребенок, больной, неумелый или нытик в большинстве случаев решают судьбу той или другой семьи.

Дорогой друг, не пишу Вам, потому что старое совершенно прошло, а новая песня не складывается. В то же время я чувствую, что становая жила моя (как любил говорить А. М. Ремизов) цела. И вот получается, как с озимью под снегом: живешь, а не растешь, и оттого другому, родственнику, нечего сказать, он там сидит, я здесь. Помните, я говорил Вам о необходимости иметь в Москве жилище.

11 [Октября]. Сильный мороз. Белое утро. Пробовал Заливку, гонял зайца до обеда.

Быт, который собираюсь я изучать, нереален, потому что недостаток в питании создает неверную оценку действительности, правда, под влиянием голода мы создаем себе иллюзорное представление о предмете своих желаний, и это представление вмиг исчезает при насыщении (то же, между прочим, бывает при половом голоде).

12 [Октября]. Мягкое утро. Через электрический свет пробило живое, и оказалось, это широко-золотая заря с прослойками голубого, заря, как лицо всей жизни. Вчера, наконец, явился монтер и дал свет, и вечером у нас опять стало свободно...

На востоке все лично, на западе — механизм. Но неприязненность к механическому, вероятно, возникает от бессилия... На востоке работают для удовлетворения лич-

ного вкуса, на западе — удовлетворяют массы (не я лично, а все — в этом все, и это, демократизм, порождает социализм и коммунизм; в коммунизме против капитализма + государство — механизм...)

Быт наш складывается.

1) Проявить 2) Заготовка патрон 3) Порядок

Вальдшнепов с собакой не нашлось, но вечером один протянул... Убито два гаршнепа.

13 [Октября]. Очень тепло после ночного дождя. Вечером жду Леву с Новиковым-Прибоем. Завтра по пути в Бобошино у нас вырвется гончая и, чтобы поймать ее, убьем зайца и так начнем за день до срока разрешения.

Два хитреца: Толстой и Пильняк. Толстой открыто полез к меценатам и даже из Детского села переезжает в Москву, он даже прямо и сказал <*зачеркнуто:* Разумнику>, что он теперь пришел к убеждению, — он за советскую власть. Это надо понимать так, что Толстой признал полное отсутствие силы и какого-нибудь значения в том, что мы по-старому называли «общественным мнением», и, установив этот факт, признал «за «совесть» советскую власть. — Вот Пильняк, — сказал я Григорьеву, — хитрее, он берет тоже все от власти и живет у нас как иностранец, но притом считается с «общественным мнением». — А разве еще это существует? — спросил Серг. Тим. — Мы этого сами знать не можем, — ответил я, — ведь это мы же сами, но если смотреть на Толстого, то нас нет, а если на Пильняка, то как будто живем. А вот приезжал один мученик, походил по «нам» и говорит, что он слышит новую песнь, так точно он чувствует Бога, хотя храмов уже почти и нет...

Вы спрашиваете меня, и я вам отвечаю молчанием, потому что мое «да» и мое «нет» будут одинаково ложны. Я вам отвечу, когда кончится болезнь, но когда мы будем здоровы, вы не будете и спрашивать. Мы должны теперь работать в молчании и за великое и единственное счастье считать, если из этой работы что-нибудь станет выходить. Но вообще люди увидят плоды своих рук [нескоро]. Придет время, и мы вдруг все увидим сделанное, обрадуемся

и будем жить без таких вопросов, как живут вообще люди в здоровом обществе. Возможно, к этому не мы, а наши внуки придут, [не] те, кто в своей жизни знал только нищету.

13 Октября. Бабье лето, все более и более короткое, в эту осень повторялось множество раз, и наконец пришел такой день последний перед зимой, теплый-теплый, серый, но довольно прозрачный и такой тихий, что казалось, будто кто-то по мокрой душистой листве идет и шепчет: «тише, тише, не разбудите, зайцы спят». И вот до чего хорошо в такой день на рассвете с громким порсканьем пустить гончую и затрубить с отзвуком в лесистых холмах: вставайте, зайцы, вставайте!

14 Октября. Мы — браконьеры (за день до разрешения охотились и убили зайца в Горбах, вблизи Слабнева). Ночевка у Морохина. — Тимофей, с его головой, и бондарем! («Маленькая кадочка 100 р., а большой и цены нет». На это я сказал: — Вот бы Тимофею да бондарем!)

Охотничьим промыслом теперь в Москов. обл. можно хорошо жить, а раньше, до революции, было нельзя. Это отчасти потому, что прожиточный minimum уменьшили, и заработок служащих стал «охотничьим» (жалованье 200 р., значит, 4 пуд. рж. муки = равняется довоенным 4 р.; а 4 р. охотник и в прежнее время везде мог заработать; к этому еще, что на 65% можно покупать ситца: «симуляция» (стимуляция)).

15 Октября. Неудачное начало охоты: явились «друзья» Санька Старшинов и Раевский, подпустили свою собаку и сбили гон. Заяц у меня на спине. В шалаше под Ильинками.

20 Октября. Сергий и Вакх. Именины Серг. Тимоф. Григорьева.

Последние дни провел в Москве, где встретился со своим жилищем и, наконец-то! обрадовался: теперь Москва-Загорск с его дебрями соединяются во мне в одно «поле».

Встретил Ю. Н. Верховского, — он или не он? так постарел! и отчего-то неприятно, хочется, чтобы не узнал, мимо прошел. Но он узнал, и по мере того, как мы в разговоре сближались, он молодел, и мне стало представляться даже, что мы, старики по виду, были как юноши — тот же Слон Слонович. Решил написать «Олень-Цветок» по этому мотиву: старики встретились и вдруг помолодели. Кругом говорили, что это действие пантов, на самом деле: сохраненная молодость.

Весна Уссурийская и осень; промежуток лето: — Лето его прошло, как лето Уссур. края: в жарком тумане рушились скалы, так быстро жизнь проходила, как перемена в горах Сихотэ-Алиня. Вчера еще не ходили возле моря: под скалой, — сегодня ходят поверху, а та скала упала, рассыпалась до самого моря. Какая перемена! А камень все тот же, только раньше его точила сверху вода, а теперь неустанно лижут волны и шутливо набрасывают на острые камешки крендельки скелетов морских ежей. Лето человека прошло в разрушении, все рушилось и все внутри оставалось нетронутым...

Был в «Смене». Думал, что встречу друзей вроде Лунина, милых, любящих, но беспомощных. Встретил, как всюду теперь, чиновников, не понимающих и даже не читавших меня, но зато имеющих власть: им приказали вызвать Пришвина, и они вызвали. Раньше Пришвина фуксом под соусом проводили наверх друзья, теперь злодюги-чиновники бесстрастно поднимают на лифте по телефонному распоряжению старшего мецената.

Замыслил еще написать «Завидово» (Повестка для собрания егерей военно-охотничьего общества — т. е. введение в понимание современной охоты, описание хозяйства, собрание и рассказы и поездка к лосям).

Увидал своими глазами на Тверской, что она не Тверская, а Горькая, и потом услыхал, что и дело Станиславского Худож. театр — тоже стало «имени Горького» и город Нижний теперь Горький. Все кругом острят, что, например, памятник Пушкина есть имени Горького и каждый

из нас, напр., я, Пришвин, нахожу себя прикрепленным к им. Горького: «Обнимаю Вас, дорогая, Ваш М. Пришвин, им. Горького». Как это происходило? Конечно, постановлением собрания (хоть что постановят), но за спиной собрания кто? Лютый враг Горького, или же это он сам, грядущий в имени...

Встретился изобретатель Иван Острый, [идет] из Моссовета с папкой, говорит: «у них пороху не хватило». И вытащил из папки план нового изобретения, это для праздника революции башня в 500 метров высоты из проволоки, каркас что-то в 2 $^{1}/_{2}$ тонны поддерживается сверху большим воздушным шаром, и вся башня унизана электрическими лампочками и — тоже изобретение Острого — портретами вождей из никелиновой проволоки по асбесту, проволока при накале краснеет и красными чертами по белому асбесту дает лицо вождя. В Моссовете будто бы восхищались, но не оказалось материалов для воздушного шара: «пороху не хватило». Удивительно, как все одно к одному: ну разве Максим Горький не этот воздушный шар?

— А если ветер, — спросил я изобретателя, — что же будет тогда с башней?

— Ветер ничего, ответил он, — еще интересней, если светящаяся башня будет ходуном ходить, а бури, вероятно, не будет.

А еще говорят «Вавилонская», да мы Революционную-то башню, захотим, в неделю к празднику представим.

Карьера Горького меня теперь больше не злобит, настолько это выходит из всех наших рамок: воистину башня из проволоки для рекламы Совета. Все-таки же интересно, как он сам во всем этом: может ли еще смеяться и перешепнуться хоть с кем-нибудь о себе внешнем.

Наш поезд по пути в Сергиев раздавил старика. Это всех подавило. Я думал о том, что «душа» есть общее имя тому, что мы разумеем, когда говорим каждый за себя «я», и что за душой есть еще дух, объединяющий все души. И так от этого раздавленного старика я перекинулся к то-

му нищему в Сергиеве с корзиной под дождем в рубище у окна... Не он ли так кончился? Я думал тогда о его душе, сравнивая со своей: что и его душа ведь сама по себе единственна, что с «душевной» точки зрения тут «всё». Но какая бессмыслица: старик этот с великой радостью бы лег под забор и погасил эту душу. Но нет! Он верует, значит, живет в сверхдушевном мире. Если же не... то надо бы им умерщвляться.

Вот еще из Москва-темы: существует ли общественное мнение? Оно — в молчании и анекдотах; во всяком случае, это не сила, на которую можно опираться, пользоваться, рассчитывать; это сила, подобная сну: видел сон и забыл, а день проводишь под его тонким влиянием; сон или влияние мертвых. Есть или нет?

Разговаривали за ужином о способах сохранения масла, вроде того, чтобы подсолить и в воду, а воду сливать время от времени, вначале же можно просто держать в свежем виде за форточкой. — Да, вот за форточкой! — вспомнила Зоя. — С моей подругой раз было в Москве в голодное время. Вышла она из дому, видит у ног большой сверток, посмотрела, — сало! Сообразила: сало было спущено на веревочке из форточки, и веревочка оборвалась. Она взяла сало и решила: если бедные люди — отдать, а если богатые и дурные, то съесть.

<Приписка:> К сожалению, сало потеряли бедные люди, и пришлось отдать.

Охотовед, пожилой человек, проходил с легавой по лесу мимо крольчатника. — Тут с собакой нельзя ходить, — резко сказал ему заведующий крольчатником, тоже пожилой человек. — У вас нет объявления. — Вы культурный человек и должны знать без объявления. Слово за слово, оба поругались, заведующий крикнул охотоведу бранное и опасное слово: «Помещик!», тот ему ответил: «Ты сам помещик!»

И они действительно оба вышли из помещиков.

Есть тип женщины: ей большевики — смертельные враги, а сама от себя говорит, как большевики: так, она за

труд в собственном смысле слова считает черный труд, она... и т. д. Вообще «большевики» у нее значит собственно вредители.

28 Октября. Продана Червонка за 2200 руб. Тимофею. Ходил с Петей на зайцев. В полумраке увидели на кусту мелятника какую-то птицу, и оказалось самое невозможное: галка. Если бы узнать, по каким мотивам галка устроилась ночевать или даже присесть на тонкий куст ольшаника, то можно бы о галке написать целую повесть. Нет такого знатока, и так это обыкновенно, чем ближе к человеку муха, тем меньше мы ее знаем: очевидно, привыкли и не обращаем внимания. А вот еще было в этот раз. Петя, пробуя ружье, ранил ворону, она отлетела немного и села на дерево. Другие вороны покружились над ней и улетели, но одна спустилась и села с ней рядом. Петя подошел так близко, что всякая не раненая ворона непременно бы улетела. Но эта осталась сидеть и после выстрела упала вместе с первой, раненой раньше вороной. Как бы теперь узнать, что это было: присела ворона к раненой по чувству парности с ней, как у нас, людей, говорят: по дружбе или симпатии? Быть может, эта раненая ворона была дочерью, и мать, как обыкновенно, присела для защиты ее ребенка, как у Тургенева описана тетеревиная матка: раненая, вся в крови прибежала на манок. Так постоянно бывает в куриной породе, но при мысли о хищной вороне является и такая неприятная мысль: вторая-то ворона, присевшая к раненой, быть может, чуяла кровь и, опьяненная мечтой о возможности близкого кровавого пира, села потеснее к обреченной на смерть вороне и уже по возникшему чувству собственности не хотела оставить ее в минуту опасности?..

<На полях:> *Но если в первом случае объяснение есть опасность антропоморфизма, т. е. перенесения на ворону человеческих чувств, то в этом последнем случае есть опасность вороно-морфизма, т. е. – что если ворона, то уж непременно хищница. Сколько же есть хищников среди людей, а между тем...*

Вчера от ЦК комсомола приезжал Алексей Вас. Кондаков с приглашением прочитать об очерке у них в семина-

рии. Верю и знаю, что у хороших комсомольцев есть искреннее желание сблизиться со мной, но тоже я знаю, что за спиной их ведется интрига по всей вероятности — постепенно ввести меня в сутолоку наружного дела, быть может, даже и прославить, сделать «своим», как Горького, и так обезличить и обезвредить. Ну, это шиш! Вся трудность состоит в том, чтобы уловить момент уклона своего от себя самого. Вот Горький на этом и попался, он, вероятно, и до сих пор все думает «перехитрить» и вырваться писателем из государственной клетки...

План доклада.

Три рода понимания жизни вокруг себя: 1) из себя самого, по себе, как понимают многие женщины и все художники; 2) Тоже из себя, но по чувству долга, революционной этики; 3) Умным человеком в собственном смысле можно назвать только такого человека, кто понимает других не по себе, может и на себя, и на все посмотреть со стороны: так понимает большинство мужчин и все ученые, вообще «разумники». Но самое умное то и другое. Первое понимание личное в том смысле, что целью его является личность (мы раз-личаем) (искусство или раз-личие и отсюда качество). Второе понимание — цель его закон и метод, количество. Кащеева цепь — есть попытка изобразить эту борьбу личности (художника) с законом (революции). Работа над очерком есть попытка согласования: научного изучения предмета с худож. синтезом.

<*На полях:*>

На одной стороне: свобода
На другой: долг
На третьей: закон
Искусство — свобода
Рев. этика — долг
Наука — закон
Очерк — «полубеллетристика». Очерк Блока о Колобке: поэзия и еще что-то.
Коралл и медуза: медуза свободна. Два парных коралла — революция и наука.
Мой вызов: за свободу.
Кораллы в медузу: она сохраняет в себе все и свободна.

Пример: как создался Черный араб. «Русск. Ведомости».
Переселенцы.
Т. Успенский так и не мог оторваться.
Охотн. рассказы — наибольший отрыв.

Художник должен иметь свободу, потому что он должен своими глазами видеть, и до тех пор пока он не увидел, он ничего не может сказать.

Наше расхождение: я не могу как нужно и должен сначала сам увидеть: является промежуток. Художник должен иметь время освоить материал, и в этом состоит сущность «свободы» художника: эта свобода не есть абсолютная, отмечающая избранника от других граждан, эта свобода есть производственно-деловая величина, обусловленная необходимостью творчества.

<На полях:> Доклад охотникам:
Что такое социальный заказ?

Влияние очеркизма: Почему вы не пишете о заводах? Потому что нет соц. заказа художнику. Типы крестьян и типы пролетариев.

Моя литература есть вызов художника — пусть грачи, но я художник, а больше — это зависит от вас. Мои три пути: искусство, наука и революционная этика: в революции я испытал себя — я не могу иметь успеха, потому что я доверчив, в науке — к математике неспособен.

<На полях:>

Пример очерков:
Черный араб — пример борьбы за искусство.

Каляевка — пример поглощения долгом искусства: прошло время — я ошибся; но мне говорят: «А если бы вы не ошиблись, не было бы [очерка] “Каляевка”».

Пример внутренней динамики — движение: важна борьба, и все равно, в какую сторону: современный очерк не несет этой борьбы — и современный роман.

26 Октября. 28-го вечером — репетиция доклада 29-го. Крах очеркизма.

Моя ошибка в Нэпе дала мне свободу (Кащеева цепь). Моя ошибка или ошибка критиков? свободу художника подменить долг[ом] госуд. человека. Создалась пустыня. Соц. заказ нечто вроде грамоты вольности (Пушкин и декабристы).

Очерк пришвинский носит характер борьбы, и те маленькие рассказы егеря — это победа, это дары.

(Современный очерк и современный роман)

Начало: Сорадование: как Горький сорадовался, и вся большая русская литература — это сорадование. Оно еще и тем хорошо, что стыдно жить претензией. Даровитая книга есть грамота вольности: своей воли, и претензия на гениальность есть самое дурное. Итак: среди вас — друзья, и я: не учитель, а...

29–30 [Октября]. Пленум Оргбюро. 30-го моя речь «Сорадование». Победа. Воистину, Бог дал! самое удивительное, это что вынесло меня по ту сторону личного счета со злом и оба героя, бонапарты от литературы Горький и Авербах, получили в моей речи по улыбке. Может быть, повлияла моя молитва в заутренний час об избавлении себя от ненависти к злодеям. И, по-видимому, да, в этом году суждено мне было побороть и страх, сначала, а потом, кажется, и овладеть своей болью от ненависти к злодеям.

<*На полях:*> *Никто другой из писателей не мог бы сказать подобную речь, слишком все в страстях, мной про себя пережитых. Напр., Пильняк в отчаяньи, что его выругали в Красной Нови, и он сейчас в этой беде.*

После меня говорил Белый... как построить литературный Днепрострой, и что он, кустарь, хочет государству передать свой станок, и что передать он может равным, ученым, понимающим, в чем дело. Каким-то образом он хотел присоединить к моему сорадованию знание.

После вечера захотелось выпить кружку пива, и тут встретился гном-звездочет, ключ Рогова в молчании, диктует... Задача: прямая существует? — Да, существует. — А ее направление? — Много направлений. — В таком случае,

нам говорить не о чем. (Элизе Реклю). Подход его: — Après nous le déluge?[1] — Лева не понял, и это сразу его определило. Потом ко мне: — Conditio sine qua non?[2] — И под конец: — Я вам дам нечто, конечно, диктуя, дам. Слушайте. Прямая линия... прежде всего, существует она или нет? — Существует. — Прекрасно. Ее направление? — Много направлений... — После этого нам разговаривать не о чем. — И отвернулся.

31 [Октября]. Авербах складывается с Белым: Днепрострой. Белый оглядывается на сорадование и хочет включить его, Авербаху нет времени доискиваться в себе этого: вот, напр., Евдокимов написал плохой роман... и т. д. Интересно бы допытаться у Белого, будет ли в его Днепрострое сердце... и как добраться до него: личность... Станок передает государству, а сам? Клычков и Чулков: молчание.

<*На полях:*> *Красный романтизм. Социалистический реализм.*

1–2 [Ноября]. Бахметьев (примаз[авшийся] старик, Иудушка), как и все на пленуме, вылез весь сам из своего моха = Ефремину (критик, старик-прилипало, вероятно, из старых учителей). Каменский Вас.: «В чем дело, нам же лучше будет». Пильняк — представил каждого писателя, как он сам, путешественником и поклялся в верности советской власти, упирая на совесть (вероятно, тут у него какая-то сшивка, или заплата). Авербах — ГПУ. Ермилин — мопс. Киршон — в литературе по-семейному, все свое, пулемет, высшее неприличие. Фадеев — весь в «ракушках». Клычков — индивидуалист, кулак (выступил, и все-таки выиграл, потому что демонстрировал свободу слова, а Чулков «проспал»).

Аналогия «Головокружение»: тогда в коллективизации крестьян пострадали зарвавшиеся головки, теперь в коллектив[изации] писателей — РАПП. Эта сила теперь выходит за пределы группы и действует внутри крепкого

---

[1] Après nous le déluge? (*фр.*) — После нас [хоть] потоп?
[2] Conditio sine qua non? (*лат.*) — Обязательное условие?

коммун[истического] центра — «ядро» — среди всех писателей. (Сила их: организация, наглость и понимание литературы для того, чтобы рукой схватить за душу каждого.) Пильняк сказал о собрании «всем колхозом».

Итак, вопрос: успех мой есть ли победа или поражение? — Вам же лучше будет, — сказал В. Каменский. Будем слушать, во что превратится «сорадование».

Как Иов Многострадальный верил все-таки, что его страдания допущены самим Богом, так верил N., что РАПП действует с разрешения ЦК (— Ну, помучь, — сказал он РАППу, — Иов выдержит).

Серафимович: мертвые хватают живых (против Авербаха).

Лидин доносит, что я работаю над такими материалами, которые делают меня контрреволюционером (охота).

Евдокимов, ругая Авербаха, чтобы не подумали о нем, будто он все сводит к личным счетам, пропел осанну Фадееву.

История слова «сорадование», как оно обратилось в «термин» (Субботский). Позиция Авербаха. Евдокимов: докопался, что евангелического происхождения, а между тем здесь сорадовались: скажи Пришвин 7 месяцев назад то же самое, показали бы ему сорадование!

Я сказал, что прежних литераторов выковывала звериная конкуренция, теперь же этого нет, теперь государство покровительствует литераторам, как нигде в мире, теперь это занятие выгодное, и оттого каждый литератор талантливый окружен литераторами, по существу ничего общего с литературой не имеющими. В дальнейшем я предлагал средства для искоренения паразитов литературы (переустройство журналов, критики и т. п.). Эта мысль моя передана в «Известиях» от 31/X в том смысле, что раньше была звериная конкуренция, а теперь это кончилось и, благодаря поддержке правительства, творчество разлилось по стране широкими волнами.

4 [Ноября]. Итак, на пленуме я провел 29-е, 30, 31, 1, 2, 3 = 6 дней. Увидел всё, и это «всё» оказалось ничто. Каждый из ораторов личную обиду от РАППа представлял

обществу под углом своего личного зрения и оттого волей или неволей, сам того не сознавая, вывертывался весь со всем своим существом. Не знаю, хватит ли пальцев на одной руке, чтобы сосчитать людей, искренно выступивших за пределы своей обиды (Белый, Пришвин, Серафимович, Фадеев, Вс. Иванов).

Настоящий писатель Иов. Бог — <*зачеркнуто:* Партия> ЦК. Дьявол — Авербах. Иов не знает о договоре Бога с чертом для испытания, но вера его сильна. Тут же не вера, а....

<*На полях:*> *Цель бога (ЦК) — выявить силу веры людей своих, чтобы потом использовать как органы информации.*

Через речь Пильняка понял о пустоте всех клянущихся в верности партии.

5 Ноября. На мерзлую землю налетела пудра, и собаки гоняли очень хорошо, но я не зарядил ружье и патроны забыл: беляк, уже почти белый, чуть мне в ноги не стукнулся.

Итак, каждый вылезавший на кафедру вылезал со всем своим добром. Так прочитали Пильняка: он заключил личный договор с властью, чтобы в пределах договора самому жилось хорошо. Восклицает «по совести!» А какая тут совесть... Главная совесть в своем праве на кусок хлеба. Право это из общей убежденности в правоте дела революции. Но много ли таких людей (с глубокой совестью)? Обыкновенно революционная ретивость выходит из эгоизма: напр., Киршону как драматургу совершенно необходимы соврем. условия революции, и он их отстаивает.

В то время как мы говорили о сорадовании, хлеб вскочил в 70 р. за пуд и масло — 18 р. фунт! И это осенью, что же будет весной? (В Москве шутят: — Ну, как поживаете? — Слава Богу, в нынешнем году живем лучше, чем в будущем»).

6 Ноября. Ночью до 12 легла пороша, а потом начала таять. Мы до рассвета вышли, чтобы успеть погонять хо-

тя бы одного зайца, пока снег не сойдет. Как мы шли в худых сапогах по грязи, какое было сырое туманное утро, как было ужасно мертво! — не охотник, если по великой нужде придется ему проходить лесом здесь, жизнь проклянет. Каждая елка является душем, и внизу в хвойном лесу все черно. Снег сохранялся еще только в мелятнике, но и тут он был весь пробуравлен капелью. Оттого зайцы жировали вне леса и ложились в опушках, и то, вероятно, вставали зайцы только молодые. Мы погоняли одного на бол[отных] княж[еских] местах и скоро убили. Потом заблудились в тумане и вышли к дерюзинским сараям.

Вот я думал о чем: люди в нашей бедственной жизни варятся, но не свариваются в единство. Получается механическая смесь, но не соединение.

7 Ноября. Пленум показал, что Союз писателей есть не что иное теперь, как колхоз, а раньше это была деревня, разлагаемая по правилу: divide et impera[1]. Все насквозь лживо и едва ли найдется хоть один человек, кто, вне себя, стоит за сов. власть. Те же, кто стоят за нее, стоят, потому что связали себя с судьбой этой власти, ставшей условием их личного существования. В этом отношении молчаливо составилась некоторая градация совести; одно дело партизан с орденом Красного знамени, другое дело Пильняк, устроивший свои отношения с властью в целях личного бытия как знаменитого советского писателя. Пильняка треплют в журналах не по смыслу, а именно по «совести», как трепали Полонского и др. подобных «счастливцев». Некоторые (Огнев) пробуют каяться в своей инт[еллигентской] совести в надежде докаяться до пролетарской, но это им никогда не удастся, потому что в совести пролетарской нет ничего, — пустота, в которую <*зачеркнуто:* вливается> врывается иное историческое содержание <*приписка:* во всяком случае, не гуманитарного характера>.

<*На полях:*> *Переживается без остатка*

---

[1] divide et impera (*лат.*) — разделяй и властвуй.

В наше время все переживается без остатка, и мы на вчерашний день смотрим хуже, чем на утильсырье.

Если только нашему Союзу предстоит жить, то рано или поздно непременно должна начать формироваться и утверждаться в своих правах личность.

9 Ноября. Беседа с комсомольцами, ударниками в литературе, не освобожденными от производства. Связался черт с младенцами! И совсем не развиты, и не смелы. Мне прямо сказали: «таких рабочих, чтобы открыто стали обсуждать вопросыревол. этики, в Москве не найдете». Надо смотреть, однако, что среди множества есть какой-то один будущий...

10 Ноября. Гронский делает тем писателям, кто из них может около него торчать или имеет влиятельную руку в редакции, всем другим, имеющим доступ по записи у секретаря, чуть ли не через неделю после заявления невозможно бывает продвинуть свою вещь: при личном свидании он все обещает, а его аппарат отодвигает и в конце концов возвращает. Так все мои дальневосточные очерки были возвращены, причем два из них были совершенно исчерканы, и мне было предложено из двух сделать один. Моя Даурия лежит 6 месяцев и будет лежать без движения сколько угодно. Так развивается злость на Гронского, а между тем он сам и не подозревает своего вреда. Результат несогласованности частей аппарата вследствие незнания предмета самим редактором.

Лева, устроив квартиру и телефон будто бы для моей работы, не замедлил ввести в нее девицу, не то невесту, не то жену, не то любовницу, и теперь оба сидят за перегородкой, читают вслух, смеются, играют в бляшки: прямо Дафнис и Хлоя, а мне зарез! Работай они даже за одним столом, погружаясь в дело, как я, то, будучи в одном деловом ритме, мы бы не замечали друг друга, а здесь каждую мысль, приходящую в голову, встречает и отпугивает враждебная волна другого ритма. И никакого просвета на будущее, потому что Лева может работать с грехом пополам

на стороне, в конторе, редакции, но дома... у себя... вот это и ужасно, что у него нет того «у себя» или «внутреннего дома», в котором молитвенно совершается работа писателя. Вероятно, мне придется метаться между Москвой и Сергиевым в вечном раздражении.

В сущности, если научиться сдерживать себя до такой степени, чтобы можно было обдумывать свое положение, то все можно уладить и переменить в свою пользу. Однако медлить нельзя: в таком улаживании и обдумывании у меня от Зои пропал целый год работы.

13 Ноября. Три дня ожидал встречи с редактором «Нов. Мира» Гронским. Сказал сдержанно: — Моя рукопись Даурия у вас лежит без движения полгода, а я избалованный, вот уже лет 20, как печатают мои вещи сразу — но я это не об обиде говорю, а что заключил договор на книгу Даурию и теперь книга должна скоро выйти... — Помню! — сказал Гронский — я велю разыскать рукопись и прочту... Какой же все-таки сукин сын! Это совершенная обезьяна Горького и, кажется, он думает создать лит. эпоху имени Гронского. Надо совершенно неслышно на тапочках с резиновой подошвой повернуться к нему ж... и сгинуть, как не был. Чем дальше отходим от пленума, тем гнуснее сознается положение писателя в СССР: ведь если мою сказанную речь и Белого исказили на свою пользу, то как же в невидных и неслышных делах! И далеко ли можно уехать на лжи!

15 Ноября. Сергиев.

Позвольте сказать, вот интересно: бывает иногда, какая-нибудь огромная общественная группа, в сознании каждого ее члена обреченная на гибель, долго держится и, не распадаясь, живет исключительно благодаря тому, что каждая единица обреченного дела думает о себе, что она-то при общей гибели, быть может, как-нибудь и спасется. И тоже бывает при этом, что явно [обреченное] дело радостно получает твою поддержку оттого, что при спасении этого дела спасаешься и ты. Так жили и боролись моряки перед Цусимским разгромом.

Сейчас вот тоже все основано на собственном личном спасении. На этом личном страхе утерять почву под ногами и держится принцип «непогрешимости» папы. Вот хотя бы для примера сейчас: все свалили на Авербаха, а партия, глядевшая $2\,^1/_2$ года на его действия, непогрешима. И даже мой христианский парадокс относительно Авербаха, что он лично тут не виноват, Иудушка Бахметьев поспешил истолковать как выпад на непогрешимость ЦК.

Итак, я ставлю вопрос, можно ли считать это законом в психологии общества, что принцип непогрешимости создается и поддерживается исключительно личным интересом трусливых обывателей?

Земля голая. Мороз. В валенках по сухой земле идет медленно старуха: чуть идет, и ведра на коромысле у нее висят, не покачиваясь, как приделанные, только черная холодная вода в этих ведрах очень живая, волнуется и вот-вот, как рыба, выпрыгнет из железа и убежит от полумертвой старухи.

О пятилетке нет больше лозунгов: не удалась. Общее уныние. — Если теперь, — сказал N., — стать далеко и смотреть так, что все наше строительство провалилось, то причина этого будет: 1) в чрезмерном, подавляющем всякое личное творчество развитии бюрократии.

«Каковы бы ни были монахи сами, но учение их уже потому правильно, что в нем более практической реальности, чем в учениях уравнительного оптимизма. Монахи пессимисты для земли» (К. Леонтьев).

<На полях:> орудия всесмесительного разрушения...

О новой песне...

18 Ноября. (Выходн. день) Пороша.

Почему-то луна, если обрывочком светит под утро, кажется особенно яркой. И действительно, лисьи следы при луне были видны совершенно отчетливо. Чистое небо возле луны было как чернила, а на востоке на облаках будто пороша лежала полоской, — там начинался рассвет. Пороша легла с вечера и перестала, русак при луне за ночь

находил Бог знает сколько, и к одной и той же жировке с разных концов в выходной день собралось множество охотников. Когда ободнялось, моя Золова подняла русака, и все собаки чужие, бродившие на жировке, ринулись ей на помощь.

Поэма Клычкова Мадур-Ваза имеет один убийственный недостаток: читая, думаешь: «а как же в подлиннике, у самих вогулов?» Особенно подозрителен конец: герой совершил великие подвиги ради спасения своего народа, но когда у него отнимают возлюбленную, то он отказывается от всех своих достижений. Хорошо использован, кажется, бунинский прием (песнь о Гайявате) перевода с сохранением некоторых оригинальных слов: очень скоро эти слова становятся знакомыми. Надо попробовать прозу так переводить.

О победе страха и злобы: не победа, а просто проходит острота, проживешь и будешь умным.

И еще: это, собственно говоря, не страх и не мания преследования, напротив, это приспособление здорового организма и вполне естественное состояние.

«Непогрешимость» (см. выше) исходит в одном случае от Бога, в другом от «масс» (помазанник Божий = избранник масс; именем Господа Бога = именем масс).

Новая волна. Каждый раз, когда подходит волна, люди думают: «но вот теперь уж большевикам конец!» И каждый раз уходит волна неприметно, а большевики остаются. Теперь наступает голод, цены безобразно растут, колхозы разваливаются, рост строительства приостанавливается... Эпоха коммунизма является на Руси школой индивидуализма. Это в особенности отчетливо видно у писателей.

Гронский. Я поехал от «Известий» на Дальн. Вост. разрабатывать своя тему «звероводство». Гронский вслед за мной посылает Лидина и потом печатает его, а меня нет. Рукопись Даурия лежит у него 6 месяцев, и, когда я прошу

ее отдать, он говорит: «я велю ее разыскать». Вероятно, это влияние Горького и окружающих его шептунов, того же Лидина, Леонова и др. Гронский — несовершеннолетний и жулик, вероятно, весь изолгался.

Красный романтизм. Одна существенная черта, свойственная романтизму: — непрактичность.

Все забываю записать это, и вот наконец вспомнилось главное впечатление от XV годовщины Октября: 17 лет смотрел на портрет Ленина равнодушно, и вот теперь, когда к Ленину присоединили Сталина в огромном числе и самых крупных размерах, то почему-то стало их обоих жалко. Да, сначала жалко стало, а потом и предположение явилось, почему это: вероятно, потому, что... трудно это выразить. Вот хотя бы Горький, — тут неприятно, а жалости и помину нет, напротив... хотя, конечно, и незавидно. Слава Горького пуста, и только досадно за человека: ведь он мог бы человеком быть, а не чучелом. Но слава Ленина и Сталина не пуста, тут совсем другое, тут как бы приговор быть всегда у всех на виду: мы, мол, будем петь «славься да славься», а ты будь тут, быть может, тебе и не хочется, и понимаешь ты хорошо, какой это вздор, но нам непременно надо петь «славься», и ты будь. О, тяжела ты, шапка Мономаха! А потом еще в нашем народе к начальственному лицу всегда подлое отношение, всегда скрытое презрение и внешнее преклонение. А кроме того, для настоящей славы теперь нет резонансу, «раздаться»-то славе некуда, человек к человеку вплотную стоит, а не то что как было раньше...

Вчера с Павловной вспоминали то счастливое время, когда «массы» думали, что после смерти все мы встретимся. — Все с сотворения мира? — спросил я. — Зачем все, — ответила она, — там остаются только самые умные, добрые и образованные. — А похуже куда же? — Необразованные? те опять рождаются и достигают образования, а то почему же все движется вперед, сравни-ка наше время и теперь...

— Вот еще как выходит, что встречаться-то не с кем: с родными так, слава Богу, прожил жизнь, и встречаться, может быть, и ничего бы раз встретиться, но так, чтобы из-за этого свет переделывать, не стоит. Друзья тоже прошли. И только вот одна невеста моя, с ней бы я встретился, я бы все отдал за это, я готов до конца жизни на железной сковороде прыгать или мерзнуть, лишь бы знать, что на том свете с ней встречусь и обнимусь. (Хорошо бы опросить людей, кому с кем хочется встретиться, значит, кто кого недолюбил).

26 Ноября. 23-го поехал в Москву и вечером слушал Белого, 25-го вечером вернулся в Сергиев с Левой. Сегодня Лева пошел с Коптелиным на охоту.

Лева, прослушав Белого, сказал мне: — Раньше я думал, что ты, папа, одинокий чудак, а теперь по Белому и по тебе вижу, что то была особая порода людей и ты не один, было такое общество необыкновенных людей. — А мне удивительно, — ответил я, — в нынешнем обществе литераторов, до какой степени подлости может дойти человек и еще писатель!

27 Ноября. Слепая пороша. За 6 часов ни одного следа!

Встретил Тимофея и за ним целый обоз единоличников, везут хлеб сдавать по новому декрету. Старинная злоба, но... что же делать, если на заводах рабочие голодные? на [кого] же злоба? все совершается как логический вывод из далеких посылок.

28 Ноября. Небо нависло. Рассветало снизу: просто белел снег до тех пор, пока не открылись следы лисиц, потом зайцев, белок и так вплоть до тончайших цепочек горностаев, кончая полевочкой.

Прочитал свою книгу «Журавлиная родина», которую не читал после ее выхода в свет в 29 году. Приятно было открыть, что книга хорошая, и главное, что уже и совершенно не «разъясненная». И понятно: поди-ка попробуй разъяснять, как бы эта книга сама тебя не разъяснила.

В речи Белого (Краеведческая секция) было советское же дело представлено с лицевой недоступной самим коммунистам стороны. Выходило из слов Белого так, что царящее зло при посредстве творческой личности превращается в свою противоположность. Сам он своим личным примером показывает, как плодотворно можно работать и при этих условиях. Да, это верно: вот именно-то при этих условиях и надо напрягать свои силы и делать лучшее.

Лева, выслушав Белого, сказал, что он вдруг понял через Белого и меня: так, раньше он считал меня одиноким чудаком, а тут оказалось, что это было целое общество из таких людей.

29 Ноября. Итак, вот как легла зима. В ночь на 25/XI пошел снег, сначала мокрый, и летел до ночи. Утром 26-го летел с бурей, и навалило так, что ходить в лесу стало тяжеловато. Заваленный лес совершенно оглох. Мокрый снег обмерз на деревьях и при малейшем ветре начинался в вершинах разговор, перешептывание, перестукивание. Все говорят, что такой снег уже не может растаять. Лева пробовал пойти на охоту 26-го, но вернулся. 27-го зайцы не вышли, я напрасно морился. 28-го весь день в Горбах гоняли одного беляка, он не выходил из чащи, и так мы его и не убили.

Получил из Москвы письмо с адресом наполовину московским, наполовину загорским. Письмо было написано на двух карточках сберкассы: «Тов. Пришвин!» на одной стороне и переходило на другую карточку, а с той обратно на другую сторону первой. Какая-то девица, очевидно из сберкассы, писала, ссылаясь на мое выступление на пленуме и стенограмму в «Литер. газете», — что я говорил о какой-то редакции, просившей рассказ о собаках; так вот какая это редакция, «а то у меня в голове есть несколько рассказов о животных». И все! Женщина, искусство, личность писателя — тут уже все срыто, сберкасса, редакция, кабинет зава, кабинет писателя, — все сровнено и нет ничего. Такие растут теперь комсомольцы, вузовцы,

услышавшие «звон» («да не знаю, где он»). Это и есть «массы». Все они хотят жрать, лезут, как лососи, и наверно вылезут. Но увы! наш романтизм теперь пропал навсегда... Всенародная мешалка...

Флобер сказал, что Бог создал самку, а мужчина из нее сделал женщину.

Пора покончить и перевести на смех это чувство злобы на разных захватчиков вроде Евдокимова, самозванцев и проч. Пора начать смеяться...

Жизнь человеческую, всю ее кашу, я представляю себе так, будто кто-то мешает ее, и твердое на низу постепенно растворяется, и что растворилось, при нагревании обращается в газ. Мы, писатели, в существе своем должны быть в 3-м состоянии, где нет индивидуумов, «Я», а только личности, составляющие «Мы».

<*На полях:*> *Почему обо мне никто не пишет? потому что человек, близкий земле, агроном, лесничий понимают мое писание как вещь в себе, сущую правду, о которой они сказать не могут ничего, потому что не критики. А критики не могут, отвыкли, они учителя школы...*

А впрочем, потому, может быть, мне кажется, слабо написано обо мне, что всегда пишут действительно слабые*??*. Напр., кто написал о Льве Толстом так, как он сам о себе написал и раскрыл сам себя в своих сочинениях...

1 Декабря. Москва. Диспут о докладе Белого. Отдал ему на чтение Журавл. родину. Деталь (вопрос) Ответ: личность, без личности не может быть детали.

Цивилизация и Культура.

«Один из моих принципов заключается в том, чтобы не вкладывать в произведение своего “я”. Художник в своем произведении должен, подобно Богу в природе, быть невидимым и всемогущим; его надо всюду чувствовать, но не видеть» (Флобер).

М. Пришвин. Биографический анализ пришвинского очерка.

Мой принцип: вкладывать в произведение ту часть своего «я», которая бывает и у других, отчего читатель принимает это «я» за свое собственное, вследствие чего «я» автора делается еще более невидимым, чем если следовать принципу Флобера.

Всякая деталь должна являться из момента встречи всей личности художника с материалом... деталь — это момент вечного.

Стандарт допустим как условие встречи с деталью: при таких-то условиях, напр., рано утром, является способность раз-личать, значит, добывать детали.

Основная тема лекции:

Если художник слова обладает талантом, то он не в состоянии переписать страницу своего сочинения без изменения. И точно так же в процессе творческой своей жизни он неизбежно вследствие скуки повторения должен переменять и совершенствовать форму. Отсюда вывод: художник должен искать встречи личности своей с материалом, вследствие чего форма родится как бы сама собой. Можно облегчить чрезвычайно эти роды изучением формальной стороны творчества, но это изучение не может стать на место «жизни», т. е. зачатия формы от встречи живой личности художника с материалом.

Вопрос о «быть понятным» решается в процессе сотворения личности.

Аксиома творческого труда: что добро перемогает зло, значит, из совокупности жизненного творчества получается некий плюс. И надо быть личностью, чтобы понимать этот плюс. Вот в этом знании общего дела есть сущность личности, потому что просто индивидуум знает только себя. Итак, мы будем называть личностью общественно-сознательного индивидуума.

Цивилизация и культура — взятые внутрь творческой личности означают следующее: культура — это связь меж-

ду людьми в их творчестве, цивилизация — это сила вещей.

Культура — это связь людей, цивилизация — это сила вещей. Например, в «Капитале» Маркса представлена эта сила вещей, выступающая в виде золотой куколки, заключающей в себе и любовь, и знание, и все другие атрибуты человеческой личности. Антитеза этой капиталистической силе вещей, или цивилизации, есть союз творческих личностей, связь людей, культура.

Перестроив «я» в «мы», т. е. создав личность, можно делать художественное исследование («Башмаки»). «Знание» само по себе не дает понимания материала, но оно дает дисциплину, пройдя которую, личность постигает «других»; следовательно, знание является силой в творчестве лишь при наличии личности: через само знание ничего не узнаешь.

4 Декабря. Вчера приехал из Москвы. Дождь — посадка. Ветер. Цивилизация является как сила внешнего принуждения, культура начинается во внутри-личном побуждении. Цивилизация действует через стандарт, культура создает детали. Наука первая пошла на службу цивилизации, и потому в широком представлении вся наука является как бы ответчицей за стандарт цивилизации.

Решаю начинать собирание библиотеки. Едва ли будет Лева учиться, но я буду выбирать книги, имея в виду этого советского необразованного парня. Вместе с тем и сам буду читать с ним.

Манина отца мы прозвали, как некогда в Ельце председатель исполкома, не предусмотрев узнать имя покойного красноармейца, во время надгробной своей речи принужден был называть его «товарищ покойник». Мы же назвали так Манина отца за то, что ее родные, когда она вздумала поступить на фабрику, а им нужна была в деревне работница, решились вызвать ее такой телеграммой: «приезжай, умер отец». Павловна, сама крестьянской природы, почуяла обман — вот ведь что, — почуяла, значит,

в деревенском быту так бывает, — и ехать Мане не велела, и вскоре оказалось, что отец ее жив-здоров. С тех пор мы и зовем его «товарищ покойник».

Хотя, как говорил Белый, закон (наука) «многочастен», но все-таки он безлик, потому что мы постигаем закон не в момент веления, а только в процессе исполнения, и о лице, повелевшем «быть по сему», ничего не знаем. Конечно, существует личность ученого, открывающего закон, но эта личность не входит как необходимая составная часть в самый закон. Возьмем изобретателя термометра Реомюра: ведь если сказать Реомюр, то всякий подумает о термометре, но не о творце его, потому что личность ученого умирает в открытом им законе и только имя механически присоединяется для обозначения факта. Напротив, в худож. произведениях мы видим личность, переходящую в форму <*приписка:* и создающую качество>: напр., если скажут Рембрандт, то перед нами встает не термометр, как при Реомюре, а сам Рембрандт, личность творца, еще более реальная, чем при жизни, и так все: Гёте, Толстой <*приписка:* (даже Галилей: я умираю, а она все-таки вертится!)>, Леонардо, Ницше; с другой стороны, бином Ньютона, Пифагоровы штаны, свеча Яблочкова: бином, свеча, штаны, но не личности. Я купил себе два реомюра, значит, два термометра, а если я купил себе два Врубеля, то это значит имею два зафиксированных момента худож. творчества личности Врубеля. Возьмите луну, какой мы сделали ее на земле: этот удивительный тазик существует не только для влюбленных, но, напр., зимой в лунную ночь, когда проходят волки по снегу...<*Приписка:* Для художника> Жизнь на земле — это единство, и каждое событие в ней есть явление целого, но ведь надо все-таки носить в себе это целое, чтобы узнавать его появление в частном. Это целое есть свойство личности: надо быть личностью, чтобы узнавать проявление целого в частном.

Что же такое деталь? Это есть явление целого в частном.

6 Декабря. Снег от дождей не растаял, но осел и оледенел, сейчас идет мельчайшая крупа, все еще тепло и сильный ветер.

Вопросы цивилизации и культуры сводятся к стандарту и личности в производстве. Я этот вопрос пересмотрел в производстве кустарных и фабричных башмаков. Я пришел к заключению, что высокие мастера (волчки), артисты, в новом стандартном производстве должны оставаться артистами и создавать модели для стандартного производства. От башмаков к искусству, к цивилизации и культуре. Капитал: необходимо сохранить личность для творчества качества. Искусство является хранилищем творческой личности. Личность в производстве есть трансформатор, посредством которого количество переходит в качество.

<зачеркнуто:> Лицо и личина... Лицо края

Белого надо понимать из Европы, где художники в отношении цивилизации так же бессильны, как мы в госуд. колхозе. Игра на том, что мы назвались груздем (революция — факт культуры) — Полезай в кузов! — велит Белый...

21 Декабря. Дождь. Посадка снега, но, может быть, даже и совсем сгонит.

В «тот голод» (как говорит Тарасиха) прошлое окинулось как большая и настоящая жизнь. И когда торговлю дали, то радовались, конечно, не новому, а возвращению старого. Теперь эта половина жизни, советская, далеко вниз перетянула чашу весов и стала нам как хотя и подлая, но настоящая жизнь, а то что было до революции, то все призрачно.

23 Декабря. Если ты художник, то твоя аргументация должна быть средствами искусства, следовательно, если я написал и опубликовал сочинения в области худож. слова, то мне больше и нечем аргументировать. Но... обо мне молчат и проч. (Начало доклада Очерк)

Разгар писания «Корень Жизни» и вдруг отняли свет до Марта без всякого предупреждения. У писателей отня-

ли, но оставили своей шпане. Не отсутствие света поколебало повесть, а мое раздражение. Самые мрачные мысли. Вызвал Леву. Начинаем борьбу за электрическую лампочку. Обидно, стыдно... Впрочем, никто похвалиться лучшим не может, потому что если и есть «лучшее», то оно потихоньку выкрадено лично для себя (у Якута горят лампы: это через ГПУ).

Народничество, толстовство или, может быть, православие? или, может быть... (это чувство «люди»)... поклонился на площади: «виноват» (Достоевский); христианство Достоевского и Толстого — в каждом живом существе Бог... святая плазма трудящихся, рабочий, мужик угнетение, народность и... природа (земля).

28 Декабря. Продолжается гнилая погода. Наст.

Сегодня закончил вчерне «Корень жизни» (Секрет молодости и красоты). Если только не окажется перегрузки в сторону оленеводства и описание этого будет читаться легко, то вещь будет очень хороша именно тем, что, несмотря на ее глубокое содержание, она будет читаться всеми.

Прочитал Дневник Соф. Анд. Толстой, ч. I. и так подумал: — Если бы сама земля могла сознавать, что ее пашут, то заворчала бы, застонала, перешла бы на короткие связи и рождала на хлеб, а «бурьян». С этой точки зрения «освобождения» земли Толстого очень легко обвинить в допущении «эксплуатации» своей графини. Но тут надо что-то ближе знать. Вот, напр., Ефр. Пав. для всех достойнейшая женщина, но только я знаю, что в работе у нее характер невозможный, как только она берется за лопату в своей огородной работе, она диктатор, восточный деспот, и возле нее все рабы, притом она читает мораль, заносится и Бог знает что! с ней работать невозможно, и я предпочитаю делать свое дело, уверенный, что оно даст в тысячи раз больше даже в смысле кормежки, чем ее огород. Со стороны же кажется, будто я, как Толстой, сочиняю, а она все делает. И даже тот упрек, что Толстой при-

ходил к ней для «послесловия к “Крейцеровой сонате”» (на это она жалуется), весьма возможно, если бы знать подробности, было необходимым звеном в их борьбе, вполне возможно, что это было единственное средство восстановления мира с ней; и даже пусть она бы в этом акте, как часто пишет, не испытывала наслаждения, — ей наслаждением было испытывать свою победу во время акта.

М. М. ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1932

1933

1934

1935

Рождество (7 Января—25 Декабря). Стоит без движения ровная на точке замерзания погода чуть ли не месяц (в жизни своей не помню). Под Рождество на палец пороша. И порхает-летит весь день легкая-легкая: дунь ветер — все снесет. В Бобошине на охоте. Убили зайца и тетерева. Радость в темноте: огоньки и дым из труб.

Вырождение начинается с мужика, потом попы вырождаются, а до баб еще долго не доходит.

Егор — пушник (культура жульничества и вранья — егоровская). Баба его буковатая. Котенок лезет. — Ну тебя к шуту. — С печки: — А шута теперь нету. — Где же он? — В лесу. — А где в лесу? — В земле.

Попа не приняли: требует пирогов и по-матерному дует. У Тимофея корь, мы у Егора. — Не пойду: у него хорь.

Рассказы Тимофея о последней борьбе единоличников: ЦЫК сы-сы-ры.

10 Января. Вчера с Петей убили зайца (я из-под него); другого гоняли с Бутузом весь день и подстоять не могли.

Раньше охотничье общество бездельничало, Бутурлин, напр., писал «еще и еще о гнезде бекаса», но зато в нем были любители и знатоки охоты. Теперь личностей в охотничьем кружке нет, но зато для государства заготовляется много пушнины.

11 Января. Читал Чехова «Черный монах». Явление личности сопровождается разрушением среды близких (семьи). В этом рассказе представлено разрушение от несовершенства личности, так что оставляется возможность,

что личность, возвышаясь, поднимает за собой и среду близких (семью): Толстой, Розанов — как в «Черном монахе», но процесс замаскирован удачей (сдобрен славой и деньгами).

Остается набело проработать четыре главки повести «Корень Жизни», дня на четыре и конец. Ух!

Мне остается теперь сделать одно только маленькое последнее несущественное признание о своей нынешней жизни, наполненной моим любимым делом и часами отдыха в своей семье, — я скажу прямо: жизни сравнительно с другими очень счастливой. Но, конечно, я не бессмертный олень с несменяемыми костяными рогами, мне приходится и теперь иногда очень расстраиваться, колебаться, и во всем сомневаться. Тогда я замечал за собой, что непременно как бы какая-то посторонняя сила приведет меня к той скале, — помните? как я рассказывал: скала, если прилечь на нее, как сердце чуть-чуть постоянно колышется. И я, как в молодости, точно так же и теперь ложусь на эту скалу и через сколько-то времени я уже не я, нынешний сильный и отлично устроенный человек, я — прежний молодой человек, ясно вижу до мельчайших подробностей все, что было двадцать лет тому назад в виноградной куще, и по-прежнему с болью великой этой скале, этому камню как самому близкому другу своему говорю: — Охотник, охотник, зачем же ты ее тогда не схватил за копытце?

<На полях:> Весенний туман, когда олени сбрасывают старые рога — я тоже, как олень, все с себя сбрасываю. В тоске ищу...

25 Января. После сильных «крещенских» морозов сегодня метель. Занимаюсь перепиской и чтением «Корня». Отправка Феге. Вчера читал у Тальникова. Вещь в целом мне все еще не ясна. Всех, кажется, останавливает, что от женщины взяли лишь голубой свет «Анна Ивановна полулежала на кушетке» и голубой свет... вопрос: как разрешается и возможна ли встреча: так же разрешается, как

и свет: голубой свет предшествует солнцу, след[овательно], не Анна Ивановна, а солнечная женщина: здоровье и смех.

Два прилично одетых с портфелями. — Как дела? — Ничего, а как у тебя? — Хорошо, конечно, вообще-то дела никуда не годятся... — По-ни-ма-ю!

Чувство природы оценивается только силой... Если оно слабое чувство, то оно является чем-то вроде вкусного соуса люб[ующихся] существ, дачников и т. п., если же оно сильное чувство, то оно всегда имеет косвенное отношение к другому человеку (социального происхождения): луна, созданная чувством жизни, звезда...

Общий путь всех русских больших писателей — это выйти из сферы искусства к чему-то более важному для человека (Гоголь, Толстой, Достоевский). На этом пути, однако, все эти великие люди имели однообразный конец в демонизме.

Теперь представим себе обратный путь: художник не отдается во власть выманивающих его из сферы искусства идей, а напротив, как только идея начинает выманивать его, соблазнять, отрывая от земли, он самую идею выбрасывает и за то самое, снижаясь, получает в свое видение новую деталь. (Так построена «Журавлиная родина»). На этом же пути разрешить все вопросы только средствами искусства, оставаясь художником до конца, Пришвин находит свою скромную [задачу сближения], родственного внимания (Гаечки), имеющего общие корни с первобытным анимизмом (Дерсу: люди). Он враг грубого очеловечивания (Холстомер), но он в природе находит наросший слой человечества, который дает нам зверя в родстве (Собаки).

Наша маленькая луна. Вульгаризация науки (Лаплас и причина за качество: «а почему?»). Пустая научная луна (ничто) и луна, в свете которой у душистого сена столько зачиналось людей. Причина эта, все равно что внутренность вместо лица. — Какое прекрасное лицо! — Ничего особенного, это потому что у него хорошее пищеварение.

Так вот качество и агент качества личность.

На луну потому приятно смотреть, что в ее свете вы входите в мир хорошо расположенных друг к другу людей (звезды особенно): это природный аккумулятор самых лучших чувств людей друг к другу: вот отчего сила эта помогает некоторое время и жить в тесноте. (Дачи, пикники...)

31 Января. Мой юбилей в секции Краеведения.

Человек на две половины: один почетно-общественный, другой сам с собой: чем больше тот, тем труднее доступ к этому. Вот где происхождение тайны.

<На полях:> 1-го/II. Ездили на «Пиковую даму».

3 Февраля. Великая метель.

Союз русских людей: Клычков, Евдокимов, Григорьев и т. п.: Васька Каменский, Чувиляев, Ремизов, Павловна, Тарасиха (так, прибавляя одного к одному «русских», просмотреть души живые и мертвые: внутрь всех их просмотреть через Павловну).

Молочницы: — Стала бы я возить молоко, кабы на работу брали, никто не возьмет: кровь горлом идет. — <u>А ты кровь свою не показывай</u>! — <u>За мужа</u> получаю 26 руб.

9 Февраля. Думаю часто о Белом, что, напр., он может сколько угодно врать, очевидно, укрывая нечто; но возможно, и укрывать-то нечего. Он скорее актер, чем писатель. Мне он рассказывал о происхождении своих «симфоний», будто бы они произошли возле Лебедяни, притом на скаку... Я ничего в нем не понимаю, мне иногда кажется, что он переливает из пустого в порожнее...

Р. заболел.

Русский по одежке принимает, по уму провожает, еврей по уму встречает, а по одежке провожает (Левин читал меня и восхищался, но когда побывал у меня в крысиной комнате в д[оме] Герцена, раззнакомился).

<u>Юбилей</u>... вдруг позвонился с поздравлением Семашко! И так понемногу все придут. Сегодня ночью видел мать

свою, и она мне про невесту мою сказала, что она — здесь. — Какая же она теперь, — спросил я, — старая? — Напротив, цветущая и такая говорливая!

После того я стал думать с болью, что я-то стар и узнает ли даже она меня. Итак, мне было 28 лет, когда я провел с ней недели две в Париже, и вот 60 – 28 = 32 года я прожил под влиянием. И в этом все поэты = «муза» = то, что в «корне»: истратить мгновенье или удержать? Размножение.

10 Февраля. Леве сказать: 1) Ехать в Питер 2) Подтянуть юбилей.

11 Февраля. Поехал в Москву. Вечер Белого. Аудитория как лик автора. Белый и Мережковский.

12 Февраля. Голова болит. Весна света в Москве: бульвары и дети. Пленум, причесанный Луначарским.

Реализм положительный, реализм отрицательный (мелкобурж.) и социалист. реализм. Теперь явилась для человека, желающего иметь свободное суждение, новая опасность: если мне видится факт мерзости и у меня явилось естественное желание на это плюнуть, то меня могут за это наказать: эта мерзость со стороны «отриц. реализма» через несколько десятков пятилеток диалектически должна будет стать «благом», и ты должен видеть это вперед и это благо социализма в будущем должен считать реальностью, а мерзость настоящего есть нечто для тебя нереальное.

Вот, напр., разговор с завед. изд-вом Шульцем. — Т. Шульц, вы снижаете гонорар, а между тем деньги падают и на них купить ничего нельзя: ржаная мука 125 рублей стоит, а в след. неделю наверно 150 р. и т. д. — Нэ! верно! — ответил Шульц, — теперь будет много политотделов (на заводах, совхозах, колхозах), и если будет много политотделов, то заводы, совхозы и колхозы будут работать лютче, и если работать будут лютче, то будет больше бляк (благ) и рубль будет стоить дороже.

С[оциалистический] реализм дает выход каждому мерзавцу и дураку, а потому если и явится святой социалистический реалист, то под его маркой укроются сотни жуликов...

Если взять «язычника» (эвдемониста) в аспекте положительного реализма — да! христианское отрицание — нет! и христианское утверждение «тот свет» и отсюда утверждение каждой минуты бытия... То чем же это <*приписка:* эта диалектика> отличается от соц. реализма?

Робко... даже, как воры, берут из христианской мистики материал и преподносят его в форме «диалектики». Писать и говорить о Христе можно, называя его Прометеем. Вот будет революция, когда не побоятся ни Бога, ни Христа и даже колокольного звона.

Соц. реализм — это транскрипция философии «того света». Следующий этап нового сознания будет в транскрипции личности с ее подвигом, героизмом и т. д.

Пролетарии — это те же евангельские рыбаки («я сын пьяницы и проститутки»): там и тут презрение к роду-племени.

15 Февраля. Г. едет за Павловной, завтра «Евг. Онег.». 18-го Лева едет Ленинград 17 — чтение у Никитиной.

Говорят, что речь Луначарского на пленуме («добить врагов, чтобы не хрипели») — это рука нищего, протянутая за подачкой (подайте, ради Антихриста). Вид скверный: вставной глаз, парализованная щека, весь зеленый. Говорят, будто бы Луначарский будет назначен председателем Оргкомитета и вскоре уедет лечиться, а за него все будет делать Субоцкий. Говорят, что будто бы так и надо, чтобы писатели попали под управление военной руки: книга сильней артиллерии. Это не новая мысль, но в степени приближения к осуществлению тут есть новое.

В приспособлении сокровенно растет индивидуальность очень грубая (на Западе она уже давно живет, и уже наслоилось против нее: «кризис индивидуализма»).

Пьеса Мейерхольда «Вступление» — это политический очерк, в исполнении которого театр драматический пользуется средствами кино. И вообще сам Мейерхольд, кажется, и состоит именно в передаче движения, подобно как передает это кино. Через это и получается так, что второй раз на ту же пьесу Мейерхольда идти не хочется. Фосфорически курящийся след проходящей жизни.

Так кричат, что плохо понимаешь в этом крике слова, чуть что, и непременно кричат во всю мочь. И тоже много свистят. Не только быт, но и всякий атом быта разбивается, и сила этого разбоя (раз-боя), конечно, совершенно отрицательная к «благам» жизни, и берет наше внимание к этим пьесам.

У Ремизова, у Белого и еще, конечно, у Гиппиус и других было это художество за счет разбоя атомов быта с тонко причудливыми образами курящейся фосфоресценции. Это творчество из ничего, и сам творец в прямой жизненной силе своей поврежден в чем-нибудь до конца. Вот в этом повреждении основ он имеет сходство с пролетарием, т. к. сущность пролетария и состоит в лишенности благ...

17 Февраля. Читал «Корень» у Никитиной, это было все равно что в нужнике где-то (сволочь-то какая!), нечистое место. Прямо после чтения грохнула рояль. Мерзость запустения, похожая на речь Луначарского. Марка литературы быстро падает. Необходимость стиля — «я у себя». Закрепление.

Чистка:

1) О папке с Левой (решить).

2) Приступить к чтению дневника систематическому с разглавлением, тематизацией и проч. Начать с одной какой-нибудь (взять с собой).

3) Лева в Ленингр.: 1) Пересмотр договора, 2) Вызволение книг, 3) Молод. Гвард., 4) «Счетчик».

4) По возвращении Левы: 1) Юбилей, 2) Пушники, 3) «Волки», 4) Известия — гонорар и проч. Статья в «Литер. газ.».

<*На полях:*> <u>Панферов</u>

18 Февраля. Вся эта компания писателей, окружающих <*зачеркнуто:* Гронского> N., тем отвратительна, что, пьянствуя с ним, льстя ему, ничуть не влияет на него в пользу литературы, и каждый из них обыгрывает N. исключительно в пользу себя самого. Все они теперь так припились к N., что если бы какой-нибудь писатель не их круга, напр., Ценский, вздумал заявить в газете, как Алеша Толстой, о своей солидарности с партией и властью, то, пожалуй, его статья об этом так и провалялась бы в столе у Гронского. Мало статьи, надо выпить, т. е. фактически сделаться своим, а не только идейно; и, пожалуй, вот именно потому и нельзя выпить и стать своим, что хочешь работать идейно или попросту честно.

Мне кажется, однако, что если отказаться временно от претензии на «1-е место», то можно «в данном отрезке времени» оставаться порядочным писателем, пример Шагинян и Новиков-Прибой. Еще можно бороться за существование посредством таланта, а также юродства.

У А. Белого взяли чемодан с дневником и тем самым взяли его самого, — как это глупо! писатель лег в чемодан, пришел некто, взял чемодан и унес.

Пленум для Белого оказался пленом. Доигрался молодец!

20 Февраля.

Вчера приехал из Москвы, значит, проболтался там 8 дней.

<На полях:> 11–19

Теперь везде принято говорить «на данном отрезке времени», — это стало необходимо, т. к. всякий расчет на дальнее время невозможен. Исчезли всякие воскресенья, субботы, пятницы, остались одни выходные дни и рабочие; годы и месяцы потеряли свое прежнее значение астрономически предустановленного плана жизни, и события стали развиваться «на данном отрезке времени».

В моем характере в отношении всякой аристократии есть «непокладистость», и почему-то вообще «там» меня

не любят: все равно как в старое время у Стаховичей, так и в наше время у Гронского (какой-то я не «вхожий» человек) «неловко» себя чувствуешь (что это?).

21 [Февраля]. Солнечный день. Весна света.

Облака еще нельзя назвать кучевыми, но очень к этому близки: как вата, клочками. После вчерашней метели тетерева до полудня оставались под снегом, несмотря на солнечный день, видно, им там хорошо замереть в пухлом снегу.

Думаю о белках: понятно, если большой запас, то помнишь о нем легко, но мы видели по следам, что вот здесь белка через снег пробилась в мох, достала спрятанные там с осени два ореха, тут же их съела, потом, отбежав десяток метров, опять нырнула, опять оставила на снегу скорлупу от двух-трех орехов и через несколько метров сделала третью полозку. Нельзя же предположить, чтобы она чуяла орех через толстый слой снега и обмерзшего моха. Значит, помнила с осени о двух орехах во мху в стольких-то сантиметрах от ели одной и от другой... Притом, помня, она могла не отсчитывать сантиметры, а прямо на глаз с точностью определяла, ныряла и доставала.

А еще я думал о Евдокимове, Лидине, Толстом и всех этих хитрецах, окружающих Гронского: до чего живучи и хитры эти грызуны! Еще я думал о давлении политической власти на дух человека, что если бы такое давление на воздух, то от этого сам воздух бы стал твердым; так вот и дух человека теперь перешел в твердое состояние, и чтобы сдержать его от взрыва, требуется все большее и большее давление. Как же может писатель в это-то время искать своего расширения или свободы! вот почему явилось такое множество жуликов из писателей.

От всего этого можно бы умереть, но спасает переменность всего: все происходит «на данном отрезке времени».

Если к жизни подходить со стороны технического интереса и связанного с этим спорта, то все моральные «вопросы» исчезают; даже если война, то стоит сделаться снайпером, и война так же интересна, как и охота, а сколь-

ко в ГПУ, в милиции талантливых артистов! Да и все артисты в отношении моральных вопросов снайперы. Артист может быть морален лишь в своей тематике или же тем, что он на своем творческом пути, освобождаясь, считается с моральными вопросами (и то это очень редко).

<*На полях:*> *О соц. реализме*

Рядовой артист — это прыгун, плут или лицемер (два врага нашей квартиры: балетный танцор Кузнецов и портной Сидоров). Но все-таки большими и великими артистов делает их встреча с человеческой этикой... Вот пусть СССР и артист: правительство от артиста ждет, чтобы он принял к сердцу тему устройства социализма в одной стране, окруженной со всех сторон враждебными силами. Но в том-то и дело, что правительство, как политик, как снайпер, тоже аморально, как и артист. Оно может подействовать, конечно, не на таких жуликов, как Толстой или Леонов, а на таланты от станка: возможно предположить, что артист от пролетариев, охваченный моральными условиями своей среды, обманется и всерьез возьмется за моральную тему. Тут, однако, препятствием является самый станок: условия лит. труда настолько отличны от фабричного, что станок и среда оставляются без-морально.

Словом, я хочу сказать, что в наших условиях самый факт занятия искусством предполагает особый класс свободных людей, непременно развращающих своей свободой тех морально-связанных людей (пролетариев), кто бы вздумал заниматься искусством. Условием создания пролетарского искусства должно быть исчезновение пролетариев как класса и вообще классового строя, как теперь: рабочие, служащие, образованные и проч. Если же глубже идти, то дело сводится к обобществлению таланта (индивидуальности), подобно как разница в качестве земли (рента) объявляется госуд. собственностью. Боюсь, что в конце концов в социализме все сводится к уравнению индивидуальности, тогда как в капитализме, наоборот, к ее возвеличению... Капитализм (индивидуальность) — социализм (общество) — X? (личность).

23[Февраля]. Вчера Лева приехал из Питера.

24 [Февраля]. Семейное празднование юбилеев, свадьбы и т. п. <*приписка:* с блинами>

Если я люблю свою женщину или занимаюсь дома в часы отдыха каким-нибудь любительством, собака там у меня есть любимая или птица, или так что-нибудь: есть маленький коврик, который я каждое утро прячу под матрас, а вечером на ночь расстилаю с любовью для своей босой ноги у кровати, и множество всего другого интимно-личного, как и у всех; в том числе, конечно, разные мечтания, желания, почти беспредметные, — так вот, если я люблю все это, ценю, невольно придаю какое-то всему этому живому личному особенное значение, то как вдруг все это унизится, потеряет всякое значение и мало того! стыдно станет за все, когда это личное, бесполезное вдруг предстанет перед глазами общества. И пусть перед этим объективным глазом все мое личное явится как никому не нужный хлам плюшкинской кладовой — не в том дело, а страшно, что ты сам заражаешься этим общим <*зачеркнуто:* глазом> судом и тебе самому становится стыдно, что ты в такое-то время занимался такой ерундой.

<*На полях:*> *Параллель: в старой России хозяйки страшились внезапного гостя: увидит! с другой стороны: как готовились к встрече попа, чтобы дать всему своему застойному благообразие.*

Так вот сколько раз, прочитав злобную заметку о своих книгах, проникался этим самоуничтожающим чувством к своей плюшкинской литературной кладовой и сколько раз восстановлялся во всем этом своем хозяйстве, когда друзья подавали свой голос за мой хлам как за драгоценное и самое нужное для них дело. Тогда при наличии ничтожных тиражей... личной бедности, скудости жизни при помощи друзей «счастье» переносилось на далекое будущее время, на жизнь «после меня», а здесь оставалась как счастье радость труда. Быть может, когда-нибудь создастся такое общество, что все, отдавая свое «счастье» будущему, здесь будут жить одной только радостью творчест-

ва, но теперь радостью творчества живут единицы, а все вокруг хотят и ценят только «реальное» будто бы или положительное счастье. В таком обществе, чтобы не стать всеобщим посмешищем, надо скрывать свою радость, быть может, даже маскировать ее видимостью счастья...

Сегодня ночью я почувствовал себя на войне, и вдруг все стало понятным. Напряжение столь сильно, что внутренний «классовый» враг, по всей вероятности, очень скоро превратится во внешнего (что-нибудь на востоке произойдет). Едва ли теперь уже явится «передышка» в литературе. Она должна на время или совершенно исчезнуть, как в 18 г., или, может быть, писатель научится писать не любя, а ненавидя: писатель вроде Белого, художник вроде Мейерхольда.

Война с появлением внешнего врага сразу может выявить для масс смысл революции. Тогда все пойдет по-другому, но...

(Заявление)

Дела: Волки. Пленка. Почта (Галине – заявление). Гронский. Паспортизация мамы. Бумага (10 к.) Кесарь. Гвардия. Мейерхольд.

Вечером праздновали с Григорьевым... Он дал тему: о чем говорят супруги. О чем мы говорили с Павловной 30 лет? В лесу у костра: – Мих. Мих., что же так сидишь, ты бы сучков посбирал и т. д.

26 февраля. Прощеный день.

Вспоминали с Павловной, как в наше время в этот прощеный день мужики старые и с ними малые волокли сани на гору и оттуда скатывались «на долгий лен», значит, чтобы лен бы вырастал длинный. В то время казалось нам, что нет конца глубине и прелести народных верований, обычаев. Правда, что может быть прелестней этих стариков, влекущих на гору сани, и какая же радость детям! Но вот вдруг как бы всем память отшибло, и куда что девалось! А между тем наверно Венеру будут впоследствии выкапывать из пепла...

Вчера приходил студент, какой-то Чемоданов, и так сошлось, что с 11-го завода рабочий Боков собрался и с ним Костя. Читал Чемоданов рассказ о классовом враге, представленном им в образе поджигателя. Я предоставил критиковать самих же ребят, и они славно разделали Чемоданова за банальность. Договорились до того, что «враг» для писателя неинтересен даже такой, как на него обратили внимание газеты: «действует в колхозах такой-сякой» и проч. Враг — это кто мешает нам творить жизнь и радоваться творчеству. Мы не хотим счастья, пусть оно достается другим: будущим поколениям и даже будущим народам; но мы должны радоваться творчеству жизни...

Я рекомендовал им для изображения врага пользоваться Гоголем: он же именно этим и занимался...

Да, вот хорошо бы найти гущу, окунуться в ней и борьбу изобразить друга с врагом, причем враг и друг попеременно занимают места официального друга и официального врага. Мы же, в глубине своей, должны держать нить творчества жизни и обоих героев незаметно «про себя» проверять. И хорошо бы это написать в форме пьесы. Держаться себя самого, а смотреть на Гоголя...

9 Марта. Резкие морозы по утрам, до 20°, а в полдень на солнце капель. Весна света в полном разгаре.

Читаю сборник статей по искусству портрета, и вот что меня поразило: ведь я же не живописец, мне даже терминология их неизвестна, и все-таки я всю их философию почему-то не только понимаю, но принимаю близко к сердцу, как будто дело идет даже не об искусстве, а о самой жизни. Да, вот так это, наверно, и было: я не очень-то сознавал себя художником, но по природе чистый художник, мыслил образами, а относил это к жизни, понимая, что и все так более или менее должны мыслить.

В ГИХЛе видел корректуру «Скорая Любовь». В «Красной Нови» набирают «Корень жизни». Шульц печатает «Жур. родину». Дело идет!

Встретился военный из Обкома Свердловска, говорит, будто в анкете рабочие Уралмашстроя подавляющим чис-

лом голосов предпочли Пришвина, «Кащееву цепь» и «Черного араба». Эх, если бы не «враг», то какую бы вещь я мог бы еще написать! Какие дремлющие силы развернулись бы, и, конечно, я бы взялся за пьесу и какую бы пьесу-то написал! Но враг начеку...

Вот я на краеведческом своем вечере объявил свой юбилей, и меня чествовали искренно, как никого из писателей не чествовали за все 15 лет сов. власти. Скосырев как председатель секции краеведения захотел заработать на моей придумке: он заявил в Оргкомитете, что секция устроила Пришвину юбилей, никто не догадался, а вот секция устроила. Авербах на это возразил: «Пришвину надо не юбилеи устраивать, а назначить пересмотр его сочинений». Никто не возразил, и Скосырев скис. Я ему подал заявление о пенсии и об издании моих книг. «Можно заранее сказать о неудаче, — ответил он. — Да я же не юбилея, я пенсии прошу. — Разве пенсии...»

Кстати, Оргкомитет у писателей называется Моргкомитетом. И так верно! Не жди от них ничего: это враг! Тактика борьбы: как можно меньше попадаться ему в поле зрения. Все дело в выигрыше времени: книги мои свое дело делают, они завоюют публику, а «Морг» тем временем сам как «морг» попадет в поле зрения «всевидящего ока», как попал в свое время «РАПП». Тем только и хорошо в нашей жизни, что все скоро меняется...

10 Марта. Павловна ездила в распределитель, приехала в восторге: достала для меня две пары подштанников. — Да ты посмотри, какие!

Великие дни весны света: разгар полдней, утренний аромат снега, мороза и света. Вечером даже не во сне, а перед сном был в Люксембургском саду и видел там все до мельчайших подробностей. В этот раз... храм любви, посвященный идее единства: любовь одна. В этом смысл христианского брака: кто мог, кто умел, кому удалось — живет по линии счастья, которая во всякий момент может оборваться, кому не пришлось — живет с женой по линии

долга и «в поте лица», но с надеждой на возможное счастье. Во всяком случае, смысл Люксембургского сада именно в единстве. И еще: мне теперь не так уже больно, как радостно, как будто мне остается собрать самые вкусные плоды этого сада.

Оправдание радости.

Рассказ Ив. Ив. о 60-ти голых на 6 × 7. Монашка достает из могилы золото (голая с голыми стариками). Наивный мужик (контрол. часы: раз-два-три: в трех местах). Ужас, но успех оправдывает. Глаза мои открыты (оправдание радости). Очень характерно: спортивное чувство: два мошенника — кандидаты в оценщики в Торгсине (оба выставляют друг друга классовыми врагами). Спорт в поиске классового врага. Радость спортивная (внешняя) и радость творческая (внутриатомная: характерна ее всюдность). Граница спорта и творчества (спорт аморален...)

11 [Марта]. Сияющий день. Снимал до обеда портреты безобидных существ, не жалея времени: очень возможно, что Снегурочка кончает дни и что больше уже не будет дней солнечно-морозных, чистых... Барометр падает. Вечером увлекся диапозитивами.

12 [Марта]. Пасмурно. Перелет снежинок.

Иногда приходится употреблять иностранное слово не потому, что у нас нет своего, а потому, что не имели мы опыта в содержании обозначаемого словом понятия. Так, напр., мы говорим иногда «эгалитарный» вместо «уравнительный», желая этим указать в отношении гражданского равенства на опыт Французской революции.

Долго с удивлением прислушивался я к произношению нашим народом буквы П в слове ГПУ: меня именно удивляло, что звук П дается не с мягкой гласной «е», как следовало бы ожидать в русской простонародной речи, а по-иностранному «пэ». Однажды, прогуливаясь по полотну жел. дороги в Сергиеве, я дошел до второй будки и там у нового колодца прочитал такую надпись: «Никто не

смеет подходить к этому колодезю, кто подойдет, будет отведен в Г ы п ы у». Вот тут-то я сразу и понял, что в слове Гепеу после «пе» слышится не «э», а «ы» и что Гепеу — мы говорим, образованные, а самый простой народ говорит Гыпыу.

15 Марта. На 14-е ездили поздравлять Дуничку, и как раз тут началась весна: стало киснуть, но, конечно, дорога еще совершенно не тронута.

Москва — ужас! движение людей от входа к выходу в трамвае совершенно как в мясорубке мясо пропускают. Это путь от скандала к скандалу.

Человек до того несчастен, что перестал уже о себе думать как о человеке, забыл себя: разговаривают все о картошке. Поверх сознания мчится жизнь фантастическая, непонятная. Ее нельзя понять, потому что она выше понимания нашего. И человек именно тем и спасается, что может забыться и говорить о картошке... и вот надо же наконец-то понять, что в такое-то время совсем даже неприлично обижаться или отстаивать свое достоинство. Мне вдруг стало понятно, что редактор попросил взять из сборника «Скорая любовь» рассказ «Белая собака», в котором упоминается неодобрительно паспортная система. Я понял вдруг, что не по личной злобе, не из-за вредительства запрещен был сборник «Записки охотника», а действительно, в то время когда люди принуждены забываться в деле добывания мороженой картошки и разговорах о ней, неприлично напоминать им о свободе.

Вернулся паспорт. Запретили аборт. И половую жизнь скоро тоже загонят в твердые берега. Не приходится вздыхать о «свободе»: эта блядь хорошо показала себя. Вот когда привыкнут к палке (что так нужно), тогда мало-помалу опять... А так надо... Да, Авербах прав: надо Пришвину не юбилей устраивать, а назначить пересмотр его сочинений. Наступил конец либерализма, питавшего старую революцию. Мои книги действительно устарели. Надо искать в творчестве нового русла.

Коммуна в доме Ильича потому не удалась (не жизнь, а санаторий), что в нее собрали одних стариков (ветеранов революции). Старый человек ищет молодости и...

<*На полях:*> *Предс. РИКа Казаринов. Райком партии Фомин. Смирнов Виктор Василич 1-Майская, д. № 1 во дворе (вечер).*

16 Марта. Продолжает тихо киснуть.

Купил тройник Гейма за 2000 руб. Какая вещь! Кто был ее начальный хозяин? кто второй? сколько было всего, а вещь ничего не скажет и будет одинаково служить.

Так вот и государство создается, как вещь, и после не будут знать интимной стороны ее происхождения.

Говорят, что крестьяне уже помирились с формой колхоза. Следовало бы вмешаться в гущу народа, пересмотреть «От земли и городов».

Если бы даже и оказалось... да, оказалось бы, что... Я думаю о любви и браке: оказалось бы, что в брачные планы не должна входить «любовь», или что в строительстве государства можно обойтись без личной свободы, то в поэзии без этого дышать невозможно. Наше дело особенное, личное, со своей свободой и любовью мы должны быть...

22 Марта. Крестопоклонная.

Весна, начиная с 1-го ст. Марта постепенно, не теряя дня, движется вперед: туманно-серые дни.

Разыгралась эпидемия сыпняка во всей силе, как в 19-м году. Впереди война... Другой раз подумаешь в отчаянии, что не стоит и жить. Но вот написалась же в этих условиях эта вещь «Олень-цветок», такая милая вещь в такое-то время! и она останется, и ради того, чтобы оставалось после себя, и следует жить, и в этом одном опора и начало спокойствия даже и во время эпидемии и войны.

Встретил у Мандельштама жену Грина и спросил ее, как поживает ее хозяин, Александр Степанович. С ней истерика. Грин-то, оказалось, уже восемь месяцев тому на-

зад умер от рака. А Пяст еще жив. Это оттого все теперь пропускаешь, что ценность жизни личной понизилась: перемена через смерть стала не очень большой: не то кажется важным, что он еще где-то в своем углу живет, а что он с тобой, независимо от этого, живет. Из-за этого уже мало стремишься и навещать их...

<На полях:> устраивается государство

Вот еще мысль... Темный мужик, полудикарь, раньше вопил: «земли, земли!» Теперь эта земля раскрылась в «ширпотреб»: массы хотят мануфактуры, ботинок, книг. Крик «земли!» раскрылся в спрос достижений цивилизации. И вот эта безмерная чудовищная жажда жизни, — этот «спрос» встречается с недоступным «предложением» капиталист. хозяйства... В этой жажде масс «жить» и состоит вся сила большевиков, ведь вся эта жажда бывает только в аграрных странах, все это от земли...

После того как в разрушительной [свободе] революции массы отвели себе душу, приходится перестраиваться на созидание: как неохотно, как скучно, как голодно и гнусно после «свободы». Постепенно возвращаются атрибуты полицейского государства: сначала водка, теперь паспорт, аборт уже запрещен и скоро, наверно, явятся поощрительные меры к прочному браку. Государство собирается в кулак. Чумандрин, вернувшийся из-за границы, сказал, что их там свобода разбаловала и у них от этого ничего не выйдет. Сошлись с К. Леонтьевым. А наши разные кадеты, эсеры и проч. — какое баловство! Интересно бы попытать Авербахов, Чумандриных и др., как психологически их «свобода» перешла в закон. Авербах-то просто — карьера, но там где-нибудь у Фадеева и Чумандрина, наверно, происходит как бы трансформация «свободы» в «закон» — и вот это интересно.

Возможно, еще у литераторов и такой путь: через соприкосновение с искусством слова он даже и чувственно получает личную свободу и этот «дар» принимает как дар своих пролетарских убеждений (веры) и для закрепления этого чудесного дара в себе с мечом в руке обращается

к прошлому, тормозившему это проявление дара, и называет его «классовым врагом». (Так вот кустарь Розанов считает изобретателем радио Ленина: до Ленина не было.) Проявление дара сопровождается верой, что он свойствен всем и только надо уметь его открыть: люди, однако, слабы для этого лично и не могут, им надо помочь: если удастся истребить классового врага, то все будут творцами жизни. Это молодость: индивидуалист понимает себя как коммунист. И вдруг осложнение: «дар» (если он действительно дар) есть свойство личности, и без личности коммунизм перерождается в «ширпотреб»...

28 Марта. 25-го выехал в Москву по телеграмме Варв. Ник., 27-го утром вернулся. Новое знакомство: Всев. Эм. Мейерхольд и Зинаида Николаевна. (25 веч. у Мейерх., 26 — юбилей Каменского)

Когда председ. юбилея хотел начать свое слово, вдруг грянул оркестр ОГПУ, и долго не могли его остановить, а Каменский сидел высоко на столе, на шутовском кресле, изображая из себя монумент; речь Луначарского по радио тоже не удалась. — Ну, же, Анат. Вас., — подгонял conferencier. Молчал. А когда председатель взял слово, чтобы отменить речь, вдруг заговорил в трубу такую ерунду, что хоть уши затыкай. Вышел с р а м с р а д и о: да, не юбилей, а какой-то С р а м с р а д и о. Но если вдуматься и пройти за кулисы Срамсрадио, то причина во внешних неполадках, оказывается, лежит в существе вещей: как это могло случиться, что Сов. правительство устроило юбилей певцу крестьянских бунтов? Но, конечно, самому юбиляру все это как с гуся вода, ему только бы досидеть до конца на шутовском кресле и потом собрать свой урожай...

Не забыть о весне: гусенята еще могли подбираться под курицу, но все вместе они уже — сила! раз нашло облако, курица собрала детей, накрыла их и уснула. Курица очень устала и уснула так крепко, что и солнце не могло ее разбудить. Она уснула совсем, и гусенята, почуяв солнце, захотели встать и когда все сразу, не сговариваясь, поднялись, то подняли и курицу.

<приписка:> *Гуси. Смерть курицы.*

Нашли гнездо диких гусей. Яйца подложили под курицу. Старая курица: не неслась. Ее муки по доставанию корма. Уснула. Гуси подняли ее. Упала. Посмотрели и пошли к воде, там стадо домашних, с осенью улетели.

<На полях:> *В ту же весну: кукушка положила яйцо в гнездо, и кукушонок выкинул маленьких, и родители все кормили его.*

Радость. Радость техника, изобретателя и спортсмена: мускульная радость и умственная: снайпер в удальстве своем не заметил даже, — кого он бил: очень радовался, и вдруг оказалось, что бил своих.

Я же говорю о той радости, которая имеет своим коррективом другого человека...

30 Марта. Весна движется очень медленно, <*зачеркнуто:* хотя> без обманов. На склонах пестро. Дорога еще держит.

<На полях:> *Мужицкий анархизм: — воля ваша, жизнь моя!*

Презрение к власти у русского крестьянина было так велико, что при малейшей попытке начальника выйти из своего начальнического положения крестьянин так радостно встречал в нем человека, будто вот закончилось какое-то обязательное неприятное представление и стало жить хорошо. Да, эта «любовь» была именно от презрения к власти. И нынче опять-таки, если и есть чтó, то это не служба, а услужение. Не знаю, как дальше, но до сих пор было так, что у всех начальствующих кровно русских в лице бродила всегда какая-то особенная улыбочка. Я ее давно заметил, и она мне говорила: «Этот страх — одно представление, а там внутри нет ничего».

И вот тут-то мы встречаемся с немцами: не потому, что они умнее, а что они власть всерьез принимают, — вот в чем мы расходимся и отчего у них в государстве всегда все выходит, а у нас ничего. И вот именно из-за презрения <*приписка:* народа> к власти она у нас все упрощается и отвлеченно действует, как будто она даже совсем и не земная и не от нас...

К примеру, вот Гронский: пьяница, невежда полный и стал во главе всей литературы; это не из-за принципа, что вот-де рабочий, а... Нет! это опять-таки явление презрения нашего: на пустом месте вот, пожалуйте! и так в глубину до «всякая кухарка», могущей будто бы управлять государством. В этой знаменитой кухарке сказалась вся сила русского разрушительного анархизма и ныне становится лицом к лицу с немецким пониманием «всерьез».

«Двенадцатая ночь» (Шекспира) Шут: — Друзья хвалят меня и делают из меня осла, а враги прямо говорят мне, что я осел. Следственно, с врагами я научаюсь самопознанию, а друзья меня надувают.

Гёте:

— Размышления поэта относятся собственно только к форме; сюжеты предоставляет ему жизнь слишком щедрою рукою; содержание само бьет из полноты его внутреннего мира; вне сознания встречаются они, — так что в конце концов не знаешь, кому же принадлежат эти богатства.

Но форма, хотя она во всей полноте уже присуща гению, требует познания, требует мысли; и именно думать надо, чтобы пригнать форму, сюжет и содержание друг к другу, чтобы они сливались в одно целое, проникали друг друга.

Поэт стоит слишком высоко, чтобы принять чью-нибудь сторону. Веселость и сознательность — вот прекрасные дары, за которые он благодарит Создателя: сознательность для того, чтобы не отступить перед страшным, веселость для того, чтобы сделать изображение всего радостным.

Эпидемия. Доктор встретился вчера и жалуется мне: — Отчего это? Вот у нас повальный сыпняк, и мы все знаем, что это от голода, а между тем сказать мне вслух, что тиф от голода, нельзя. — Понятно, — ответил я, — правительство старается всеми средствами поддержать в населении бодрость. — Значит, — сказал доктор, — ложь во спасение...

Сосед мой Стрелков, драч, отвезен в сыпной барак. Сегодня Павловна задумалась у окна: заметила дощечку у крыльца Дуни, смотрела на нее и думала. Вчера этой доски не было, а сегодня с утра — доска! так что, видно, принесена ночью. — Видишь, — сказала Павловна, — Рыжий, должно быть, умер. Дуня вчера вечером ходила к нему и, видно, узнала, что кончился, а потом, когда в темноте возвращалась, эту досочку и отодрала и нынче ночью еще отдерет — вот и гроб.

В собрании говорили что-то вроде стихов: «Ударник! скажи свое большое веское надо!» А Маня спрашивала соседку: — Что надо-то? — Стихи были длинные, каждая строфа заканчивалась: «Ударник, скажи свое большое, веское надо!» И каждый раз Маня ту и другую соседку спрашивала:— Да что надо-то?

Эта мрачная женщина ходила в кожаной куртке с наганом и одно время многим говорила: «застрелюсь, скоро застрелюсь». Но вдруг начала быстро менять, менять мужей и стала веселой.

Глухари. Кому случалось видеть глухаря на току очень близко, тот знает, что глухарю в это время трудно, каждое перышко трепещет: мука! да и у всех животных это смертное дело. Тетерева после тока измучены. Только человек из этого мучения сделал себе удовольствие. И жизнь человека, присмотритесь ближе, вспомните знакомых: одни стремятся возвратить любовь к ее мучительному прошлому и подчиняют ее «долгу», другие поют о свободной любви. И все раскрывается так: «долг» — это размножение и государство; «свобода» — торжество личности.

1 Апреля. С утра вопрос: солнце или дождь? — Я думаю, — сказал Ив. Ив., — солнце в конце концов одолеет. Облака с юга, и там всё реже и реже.

Пошел теплый дождь: такая радость на окнах. А мужики все еще на санях.

На днях я стоял в распределителе в очереди часа полтора, чтобы уплатить и получить чек на продукты. Время

от времени вне очереди подходили «доплатные»: при мелких покупках большинство таким образом проникало в кассу вне очереди, под предлогом доплатить к чеку; на всех доплатных в очереди, понятно, все кидались с остервенением. И вот, когда я пришел за продуктами, оказалось, я ошибся и мне нужно было доплатить 55 коп. У меня был отдельный чек на булочку в 75 к. Я, избегая неприятностей в очереди, предложил продавцу вместо 55 к. чек на 75, и пришлось объяснить, почему: избегаю ссор. Тогда вдруг меня поняли, и все стали наперерыв помогать мне устроиться так, чтобы не пропало моих двадцать копеек.

Некоторые предлагали перемениться чеками, но ничего не выходило: все расстраивалось из-за какой-нибудь мелочи. Дело дошло до бесконечной молочной очереди, и оттуда кто-то с огромным сочувствием предложил взять консервную баночку с тыквой. Продавец достал было уже эту баночку, но в самый последний момент оказалось, она стоит на четыре копейки больше, а продавец деньги принять не может. — Вот что, — сказал он, — пусть будет по-вашему, 20 копеек остаются у меня, и вы их всегда у меня получите. — А если, — спросил кто-то, — он раз в месяц бывает здесь? — И два, и три, — ответил продавец, — и год пройдет, я вас не забуду. — И вся масса людей, измученная вечными ссорами, скандалами в трамваях, в кассах, в очередях, теперь за слова продавца «никогда не забуду!» стала, как хор в древней трагедии.

Нет, конечно, человек в невидимом состоянии живет среди нас и дожидается. «Человек» — это о чем теперь не говорят, а он, конечно, есть. И молодежь хорошая таится для смены нас.

Мы начинаем к злу привыкать, как к барину. Сейчас он бесится, но мы знаем: не надо на глаза попадаться, а когда перебесится, мы опять будем работать: без нас, работников, ему все равно не обойтись. Даже и так, что чем злей он [дерет], тем лучше, тем скорей перебесится.

Кому не ясно, что Гронский — прощелыга, все знают, а ему хоть бы что.

15 Июля. Вчера потерял почти записанную тетрадь. Надо будет время от времени вписывать сюда то, что припомнится.

Стрекоза — как она вымокла, обсохла и улетела. Куст ранней ивы: в нем гнездо, — как уводила меня птичка, сидя хлопала крыльями, а куст гудел пчелами и проч. Пробуждение насекомых на прелой листве ранней весной. Смерть бабочки белой от стирания пыльцы, день спаривания капустниц, у бочага, река бочагами. На тяге дерево — кристалл в каплях: жизнь дерева-леса и жизнь людей.

Начало колхоза. Колхозник должен быть зажиточным человеком — из-за этого взяли верх твердозаданники, а Андрей выбит. Принимают со своими семенами.

Воробей на Никольской.

Разум необходим[ость], потому что прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками, и разумному не остается другого пути. Но там, где необходимость диктует свою волю, едва ли возможна радость... Непутевый...

С огорода у меня тетерева — первая природа, петухи — вторая и паровозы — третья. Народ, а с ним и сама природа приняли чугунку, и поезда с [паровозами] стоят почти так же «поэтично» для всех, как облака, проплывающие на небе. Рожь стоит лицом к небу, — молодая, цветет. Рожь налила на $^3/_4$ и <u>время</u> определилось, а колоски стали виснуть.

Кащеева цепь — Бог даст!

Мануфактура и религия: — нынче не дюже мануфактурой интересуемся.

Диамат: мы с Петей по грязной дороге, обходили лесом и вдруг стало нельзя обойти.

Трамвай — коллектив (всеобщая драка, два вылети вон, а трамвай идет).

Весенний мороз: ток наверху елей, заблудился, на восходе солнца наверху петух токует на пять верст.

16 Июля. Левина болезнь и анализ нежности к женщине.

Вчера на выставке за XV лет живопись: есть работы очень хорошие, но как советская жизнь с однообразным бытом, — тоже и здесь из-за тематики скучно и очень натурально в отношении тем. И вдруг среди этой мертвечины копия мадонны Леонардо, — какая красота!

Говорят, что положение Горького пошатнулось.

Мелькает мысль о 3-й книге «Цепи» с охватом эпохи богоискательства до Он[ежско]-Бел[оморского] канала (непуганые птицы, Китеж, Данилов, Петр I.)

16 Июля. Катынский, любя свою жену, с которой развелся, и особенно сына, который остался с женой, сошелся с другой женщиной из-за того, чтобы ее мальчик заменил ему любимого своего ребенка. Но оказалось, что свой родной сын незаменим. И остается из-за своего сына вернуться к старой жене. И она-то ждет, и он ее любит. Будут счастливы.

С б о р ы в поездку на Онего-Белом. канал и Соловки.

1) Лева передаст в МТП «Корень» и возьмет обратно рукопись.

2) Взять с собой: 1) «Непуг. птиц», 2) «Колобок», 3) 5 экземпляр «Скорая любовь», несколько «Собак» и рукопись «Жень-Шень».

3) Фото. Все объективы, линзы, призму, круговую съемку. Проверить уклон на $^1/_2$ т. и в теле на 1,5 т. Сделать глиц. камеру, взять чипов, штатив и темную [камеру].

4) Снести Шекспира и заказать вкладыш.

5) Счет: На книжке 3400 + 500 р. = 3900 р. + 600 (на руках) = 4500 р. (+ возможности из Союзпушнины: 3000 р.).

5) В МТП о займе.

6) В МТП о Каляевке.

7) Документ от Союзпушнины.

18 Июля. Съезд семьи со внуком. Полная разгадка Зои: ее внешность грубо-эффектная: чрезвычайно высо-

кая, брюнетка, элементарная хитрость, заменяющая ум и проч. <*приписка:* мещанское воспитание> «как нельзя» подходят под вкус простолюдина: они видят в ней принцессу, а втайне каждый простой человек <*зачеркнуто:* ждет> обожает принцессу.

«А я довольна Вузом: аналитическая химия».

Видите, не просто химия, а какая-то... Это род кокетства (женщина поняла).

Христианский реализм: реальность — это вера моя в Христа и в связи с верой строительство церкви, а сама по себе жизнь на земле людей и даже сама земля — не реальны, иллюзорны.

Социалистический реализм: реальность — это вера моя в социализм и в связи с этой верой строительство социализма, а сама по себе жизнь людей — иллюзорна.

Вот, например, из ст. Горького «Кочки и точки» (зрения): кочки — это кочки зрения: что, напр., сейчас голод и в иных местах родители живьем едят детей и проч. и проч., а точка зрения Горького: «действительность величественна и прекрасна. Необходимо, чтобы литература достигла высот действительности». Для этого нужно, чтобы писатель верил в социализм и участвовал в его строительстве.

Так теперь получается, что никакое умствование больше не обманывает людей и не удовлетворяет, люди, как Фома Невер[ующий], хотят «вынь да положь!», т. е. хотят, чтобы человек мысль свою показывал вещью, которую он сам и сотворил.

Социализм и христианство? Если нет у тебя вещей, созданных во имя того или другого, то слова эти мертвые: вера без дел.

Вера без дел мертва, но дела мои настолько малы, что по ним я не осмеливаюсь говорить о вере и оттого люблю очень слушать и ужасно боюсь, как бы при этом меня самого не спросили: «А ты-то како веруешь?»

21 Июля. Петя документы выправил. Покупается провизия.

Телеф. Леве: о бумаге Союзпушнины и броне, и деньгах.

<*На полях:*> *доброе дело.*
Лева «огалинился»

Мысль об этой любви до того близка к самой любви, что думать об этом и любить в моем возрасте стало почти как то же самое и отличается от прежнего эротического только тем, что теперь я все понимаю и свое прежнее безумие, узнавая в других... То, что нам со стороны кажется у людей мимолетным, почти как у бабочек-однодневок, и до смешного однообразным, если то же самое взять по себе, — будет роман.

22 Июля. Петя поехал за билетами, чтобы завтра в путь. Вновь сказание о Кащее. Каждый человек теперь, будь он и силен, и умен, и талантлив, и сдержан до крайности, имеет свою злую судьбу: от этого никуда не денешься, никак не обойдешь и, если даже случаем попадешь в исключительное положение, это отдельное благополучие скажется разрушительно на нравственном сознании, явится тупость, равная смерти.

Причина этому, конечно, голод... каждый в борьбе за паек организуется, т. е. определяющим моментом организации является голод, или вернее страх голода, прикрытый ходячей идеей: «голод» — или истощение — тощий Кащей, злой — Кащей-Тощей — Тощий Кащей, злой: стережет сундук с золотом.

«Новый Мир» 1932 г. № 1. Страница из романа Гладкова и Шолохова для сравнения. Гладков гражданский писатель для «Русского богатства» эпохи конца народничества, это последняя реакция. Явление такого писателя вытекает из внутренней его удаленности от материала: он пишет как натуралист по внешним видимым чертам, ни к чему не обязывающим внутреннего человека. Вот, к примеру, взять Халатова, который бы сбрил себе бороду: для нас это было бы целое событие, и в Москве все бы, кто имел дело с ним, целый день только бы и говорили о том,

что Халатов сбрил бороду. Но для слепых в этом никакого бы события не было, хотя они тоже знали бы Халатова во всяком случае не хуже, чем мы. Так вот Гладков — это писатель внешнего, без отношения его к самому себе, без родственной связи со своим материалом. Эта родственная связь художника со своим материалом по существу вне нашей воли, и мы властны только в культуре этой связи, т. е. в совершенствовании природной частности вплоть до выявления ее универсального значения. В этом отношении Гладков растет не из себя, а чисто из заданной генеральной линии, понимая эту линию отвлеченно, как понимает кукла волю ее хозяина. На самом деле генеральная линия находится в нас самих, и каждый из нас, лично действуя, поминутно ее изменяет, прибавляя новое, отбрасывая устарелое, и тем самым утверждая ее...

Когда у нас хотят выразить, что «дело не так просто», или «в глубине этот факт имеет другое значение», то говорят: «тут диалектика»

Мало того, чтобы родство было с материалом, надо еще пройти какому-то сроку, чтобы в этом родстве обвыкнуть и, быть может, даже вовсе и не замечать его и обрести через это чувство личной свободы.

Каждую перемену к лучшему в своей личной судьбе он понимал как тактический шаг Кащея, которому для того это нужно сегодня, чтобы завтра тем с большей силой нажать.

Добрые дела мы очень часто делаем именно так, что правая рука не знает о левой, и тем не менее в обратно-евангельском смысле: мы не делаем, а от-делываемся. Так, есть враги, с которыми надо драться, а есть, от которых надо отделываться, сохраняя в себе доброе расположение духа, добрыми делами. Настоящее доброе дело должно совершаться с чувствительным самолишением. А бывает еще, что грехом считаешь, если что-либо уступишь из себя: «нельзя уступать».

<На полях:> Гулаг

23 Июля.

21 Июля Союзпушнина — 2000 руб.
Подоходн. налог 40
Пете (на дорогу [продукты]) 70 руб.
Галине (на распред. и дорогу) 31 руб.
Пете 300 руб.
Билеты до Медвежьей Горы 180 руб.
1379

Из «Пионера» 100
Перспектива:
МТП = 26-го обед 2000 руб.
Из «Пионера» 300 руб.
«Молодая Гвардия» 1800 руб.
«Мур[зилка]» 300 руб.
Гершензон 600
5 тыс.

Союзпушнина 1600 руб.

5 руб. на квартиру
10 р. на еду

Кемь. 26 Июля. Выехали с Петей 23 Июля. Болезнь Левы. Метод лечения.

Проводы: Лева с Галиной и чувили. Найденный карандаш.

24 Июля. [Ленинград]. Разгар сенокоса и уточки. Петя в борьбе за бронь. Поездка на острова. Парко. Прошлое прошло: чувство замерло, ничего не шевелится. Облупленный дворец. На Стрелке: «лежать нельзя» — все лежат, как тюлени. Распределительское сукно я вывернул, и стал костюм в зеленых шашечках, и за то я «иностранец!» Нигде не слышно смеха, не видно улыбки: как тюлени (выходной день). На лодочке голяк положил весла, не знает, куда ему и надо ли двигать. Кавказцы. В вагоне интел[лигентные] карелы американского происхождения.

25 Июля. Петрозаводск и Онега. Эм-гора (Медвежья гора) Эмгора = М-гора. Из устного Онежского названия

Медвежья гора стало сокращенное письменное М-гора, а из этого вернулось в разговорную речь как Эм-гора, и это все правильно, все это словесное переустройство соответствует содержанию: Медвежья гора и Эмгора: на Медвежьей горе жили медведи, на Эмгоре расположилась теперь база ОГПУ по строительству О[него]-Беломорского канала.

Железнодорож. бегунья и перемена плана: не в Эмгору, а в Соловки.

Ледниковый ландшафт: сельги. В вагоне люди молчали: первая ступень цивилизации: не болтать: живи сам с собой и делай; не болтают и отвечают кратко. Быт исчез. Вор в шляпе с голубой лентой. Служитель на просьбу «чаю»: «ошпаришься!» и когда дал другой: «охота вам париться».

Железнодорожный служащий: «Я забыл свою родину».

Сег-озеро и Сегожа: плывут остатки подвозной дороги: подвозная дорога на мокрых местах уже сгнила. Сегожа разлилась, и озеро Сег-озеро, наверно, тоже изменилось. Тема: вся перемена в водной системе, изменен путь семги. Пароход на канале. Переселенная Май-губа (до этого ст. Масельга).

Надвоицы. В бинокль: вспомнил Надвоицы, внизу узнавал долго и вдруг увидел: черные неподвижные камни как беззубая почерневшая челюсть... а тогда было как белые зубы. И так за 30 лет народ русский: то русло почернело... а вода бежит по иному пути.

<*На полях:*> *Не было жалко, но мелькнул вопрос о возможности жалости к чужому человеку.*

Река Выг. Болото и осушение. Марниковое болото и девочка, каменные плиты — серые бараньи лбы, и серая ржавчина болота: первое начало: вода и камень, теперь — торф.

Великое сооружение или просто шлюзированная река.

Тундра? Леса перевелись или «еще много лесу», и что будет взамен: вода — рыба, недра, поселочки... (будущая колонизация)

Вечером 8 ч. Кемь. На пропускном пункте. Гостиница. Суточное дежурство, клопы. Кашель.

Вопрос о возможности жалости к чужому человеку.

Кемь по-прежнему знаменита своим собором и по-прежнему порог шумит. Старик оборванный в скуфейке. Голос из окна: — Сколько государство тратит на эту дрянь!

Ш[кловский] говорил, что сомнения были, — выйдет ли канал, и когда вышел — не могут и оценить, что такое: недо- и пере-ценить, я должен оценить.

Сег-озеро: леса и торф, болото, плиты камня, страшно: «а вдруг останешься здесь!» Язык торфа, лесов и камней и солнца, и язык строителя: сделал и растерялся.

<*На полях:*> *Я делаю, что мне велят, но дело у меня выходит не всегда именно так, как хотят.*

<*На полях:*> *Книжка Арнольду Яковлевичу, а оказалось Якову Арнольдовичу — утрачивается имя — вмиг стерлось.*

26 Июля. Скатерть-самобранка.

Вчера на вокзале подвода — ящик, в ящике вещи — 5 руб., на вещи кум, а мы пешком. И вдруг сегодня начальник Услага Яков Арнольдович Бухбанд распорядился, и скатерть-самобранка и все... Объелись: салат, северная зелень опасная, бактерии на ней, надо кипятком. Болезнь Пети.

Бродили по Кеми: старое убожество: клопиные домики, порог, старая церковь, — «дяденька, хлебца!», «дяденька, пожертвуй на самолет...»

В 8 веч. Петю поставили. Поездка на пристань, провожает: секрет[арь] Владимир Филиппович Довгань (Умеров Саид Ягья, Кычин Петр Павл. — работники КВО).

Услаг — Слаг — Лаг.

На пристани Попов Остров, бандит (тридцатипятник) Григорий Моисеевич Приблудов (герой Горького, татуировка «Маруся» на груди. 2-й 35-ник: Скворцов Иван Дмитриевич. 3) Змиев Кузьма Андреевич: всем трем по-

слать карточки по адресу АК ССР Мурм. ж. д., ст. Кемь, почт. , Попов остр. II-й отд. Лагпункта.

Высокий человек на 10 лет (41 г.) веселый... жена? 5 месяцев не получал... — Ничего, получишь: живет. — Ну, как живет, ведь крестьянка, колхозы... — Бывает же и ничего. — Нет, похоже, ей дали 7 лет.

До Попова Острова на катере, управление заключенными: из Владивостока, родился в Маньчжурии (Снимок островка 3 раза).

«Ударники»: бандит Гриша и Довгань: анархист и государственник.

Моя болезнь. Отъезд в 3 ч. ночи.

Едем по белому Белому морю, вода мягкая, чистая — до того тихо.

27 [Июля]. Встреча начальника, Владимир Петрович Солодухин... На барже («Клара») сидит «Навал»: успели друг у друга украсть, и среди них женщина (КР) мирит, а у нее в это время украли. Навал: 1) 58 КР, 2) 35 — тридцатипятники (1-я ступень у́рки, 2-я высшая уркага́ны), 59-3 бандиты. Блатной язык: борьба с ним: блокировать, филонить и пр.

Нам показывает Михайлов Сергей Васильевич, пом. начальника отдела КВЧ (культурно-воспитат. часть). Отказчики религиозники...

Чайки покинули не только от пожара (куклы в церкви делали), а люди злые: от людей ушли.

Шум леса.

Осмотр Ширпотреба: производство шахматов и музыкальных инструментов, пошивочные мастерские...

Колонисты идут в токарные: динамика, в столяры: пожилые русские, в полировщики восточники: студент-китаец (троцкист): заика: кропотливые.

Шахматы — 6000 в месяц: «поднасытились» (шашки: барабан инженер с <*2 нрзб.*>)

Лучший токарь Пастухов 180% (тридцатипятник) самолюбивый и с ним «ничего не сделаешь».

Балалайки 2000 в месяц — хотят 3500 (т. е. насколько можно по цеху). Деки из фанеры, хотят из ели.

Колонисты работают по 6 час., через 2 часа перекурка.

Производство 150 шаровар и 250 гимнастерок в день.

В театре венгерка Нирмой, певица (вмещает 500 человек). Штат 14, теперь 10.

15% осталось старых аборигенов, остальные разбрелись: [кончен] срок или переброшены на материк.

Пение венгерки (шпионаж): год одиночки: русский язык и проч. Художник Курбатов, актер Полковников, писатель Виленский, «героиня»: «песня без слов» т. е. видом своим говорят «Рудневы».

<*На полях:*> *Кишкин*

28 Июля. Пушхоз: Лисий Остров — мост — Песцовый остр. — Лопушки — (Ондатровое болото). Редко-редко в какую весну покажется грач или галка. Соловки — это юг на севере. Сырость = много насекомых (огородная беда). Все синицы, а больших нет. Глухарь есть, — нет тетерева. Гага питается съедобной мидией (раковина в труху), ныряет на 150 метров.

Биолог Кишкин. Торфянистые, изредка подзолистые почвы: столетие с-х. культур.

Рыцари древнего искусства: — Вы играете на флейте? Преображенский храм и чайки.

Кореец-шпион.

Цикута — яд, которым отравлен Сократ.

29 — Кан. сист. Секирная гора.

30 — Сельскохозяйственная опытная станция. Музей. Татуировки.

31-го — Зеленые горы. Концерт.

1-го Августа.

<*Приписка:* Беседа с ущемленцем Марташевым (трепанация черепа, 8 ран)> 2 ч. ночи отплытие с Соловков: 6 у. прибыли. Вонючая гостиница. Внезапное пробуждение: «разрешите доложить, остался кусок газетной бумаги».

Хлестаковское положение.

Лошади, две пары, переезд на другую улицу. Бухбанд: патефон и балалайка. Вечером: инженер и несмываемое оскорбление <*приписка:* то, о чем и Лева говорит: не прощу>. Юродство Бухбанда, его внимание и невнимание, внимание: приготовьте им на дорогу всего понемножку, семги... Мне: «малосольная, недурна» («Нет ГПУ»). Ущемленцы и перерожденцы, напр., перерожденец Михайлов: «у меня их не один»... он не удивился и сказал: «он у меня не один». Ущемленец Довгань — и снова красные петлицы, а между тем себя самого нет: петлицы вернулись, а сам себя потерял и ноет, болит несмываемая обида. И то же самое инженер... готов в любое захолустье на голод, лишь бы «свободным», т. е. смыть обиду (плен). А если перейти от обиды в другую сферу творческого труда, выкопать могилу и действовать. — Это слишком глубоко, — сказал он. И жена сказала: — Вероятно, у него нет семьи.

Так что мы подошли к истокам жизни: творчеству и семье (в другом плане: Христос и род; и обе темы в «зеленые озера»).

<На полях:> Рыбьи ребра... Всегда он грязный... урки-художники

— Барыню, барыню! — раздались голоса. Начальник приказал: — Интернационал! — Бочка, вся улица. Цветники. Урки — все художники. Большинство урок — художники, но, конечно, не все, как и писатели не все урки...

Капельмейстер Поп: рыбьи ребра, пучками брови, впалые щеки, глаза голубые — Всегда он грязный, — сказал начальник (За 5 дней оделись).

Бухбанд и рыба и Мурма́н: вот кривая — план, вот встречный план, а вот что на деле... дальше идти некуда: просто запирают в губе и черпают рыбу. Какие темпы! И от темпа к балалайкам. Только тара. Тара воздух — тара клепка. Дальше идти некуда: пойдемте смотреть оркестр... Патефон!

<На полях:> Кузов

Сюжет: Песцы с Команд[орских] островов от шума леса на берег моря. Тюлень уснул на камне, разогрело солнце. Отлив. Песцы уничтожили, растащили и зарыли. Новый прилив ничего не нашел.

Два красноармейца гнались за вором, был отлив, перебежали по сухому, проверили документы: все в порядке. Прилив. Два бревна, один переплыл... Другой нырнул и не возвратился. Отлив: зацепился винтовкой за камень.

Квартира. Внешняя сторона: я — Хлестаков, дежурн. комендант, завтрак: — Чего-нибудь из мясного закажете? и проч. Внутренняя сторона: родственники Довганя уехали на дачу, просили кого-нибудь для охраны в квартиру...

29 Июля. «Чайка» у канал. системы.

12% площади пресная вода. Таяние льда — целый особый период и оттого запоздание. Но солнце очень греет, и оттого обильная жизнь насекомых, и на снегу бурые гусеницы толстянки и проч.: на ночь все они уходят в снег. Зима в три раза мягче, чем в Москве. В декабре комар-толкун бывал. Островной климат...

Валдайская командировка. Альпийские озера (прозрачность).

«Взмет» (обнаженная морена).

Титанические сооружения в 4 террасы.

Совхоз Исааково. Подъем на Секирную: ангелы высекли женщину.

Моль-чехлоноска: щитки из березовых листиков, и в этой броне ползает и поедает чернику.

Пенистое гнездо травяной цикады (соловецкий плевок).

Сели на лавочку. На чертополохе работали опылители шмели. Монахи пчел не водили: трата сахару: потому что ветер унесет рой в море.

Остров поднимается 17 см в столетие. Zostera marina — водяная трава, свидетельница времени, когда Белое море соединялось с Балтийским (в Ледовитом океане нет).

В Белом море теперь видообразование, из таких видов, напр., сельдь (соловецкая) и треска.

Море — смерть земноводным, откуда же взялись лягушки? (Ящерицы живородящие откуда-то приехали: экзоты).

Валдайская губа, где мы с Кишкиным (Михаил Николаевич) вышли: спаривание жуков-восковиков на Иван-чае.

Озá — каменное нагромождение.

Бородатые лишайники.

Короеды скрываются в валежнике.

Белки откусили молодой елочке верхушку, и оттого дерево бросило сучья вниз, и стало гнездо, а то бывает, сучья бегут вниз для защиты от солнца.

Распад дерева: борьба гриба с насекомым: насекомое укрылось под корой дерева и уснуло, но гриб ожил раньше него и стал через него, спящего, прорастать и насквозь пророс.

На пне было беловатое пятно, это был гриб, и был слизняк, слизняк съел гриб.

Rana temporaria, серая лягушка: весной массовое скопление слизи в кладке: температура поднимается и сохраняет от холода.

Вороника (водяника): монахи квасок варили.

Фунтики на березах — массовое явление на Соловках: жук-долгоносик.

Распад дерева: личинка лубоеда начинает от дырочки, где зимовала, есть лубок, оставляет канал, и канал все шире и шире так, как личинка растет: жрет и растет, оставляя экскременты, и на этом навозе зеленеет растение: канал превращается в лес.

Зарастание муравейника: по краям растения и по бокам пластины моха, нет больше муравьиной кислоты, и все лезет в муравейник, все и человек: тут много энтомологу материалу.

Росянка: посадил комара, и он растворился.

— Чего, чего нет! — воскликнул Михайлов: — и росянка, и время...

— А человек-то какой! — ответил я. — Сколько знаний, сколько любовного внимания к жизни.

Это мое о человеке не только не возбудило Михайлова, а как будто вернуло его к серой действительности.

— Человек-то какой! — сказал я.

Михайлов ответил:

— У меня их довольно, есть еще и получше: вот я скоро их использую для экскурсий с урками.

— Ну, а вам-то самому разве не интересно?

— Для меня интересов нет: я должен делать для других, а для себя — ничего.

«Перерожденец». И то же самое презрение большевика к «личнику» или «ущемленцу», в то же самое время требование личного отношения в творчестве генеральной линии. Эта идеальная линия, и вдруг о себе, что вот 8 ран и череп и усылают на Дальн. Вост. Но это «личное» не должно быть принципиальным.

Вереск цветет — зенит лета.

30 Июля. Сельхоз.

Скот Холмогорский.

Разработка вопроса корма свиней обезвоженной морской капустой.

Поголовье 98 голов — племенное ядро — 250 с молодняком.

В плане 4200 лит. в год, 20% дают уже 5000 кг в год.

У монахов скот дареный, разный, 1000 кг в год.

Слаба жиромолочность. Предстоит над этим работа путем селекции.

Свиноводство с 25 года: 80 маток до 135 голов.

Кру[глая] англ. белая.

Лошади на $^1/_2$ сборные.

Птицы — несутся хорошо, но не высиживают.

Отблеск 22-х лет, последний монастырский жеребец завода Воронцова-Дашкова.

40 гектар пахотной земли при монахах, теперь 600 гектар (пахотной) Ответ: 81 га пропашной клин + 500 га других культур.

Завозят только зерно.

С 25 г. Опытная станция.

Выбор видов и сортов по скороспелости: соловецкая и карельская репа: 2-х месячный вегетативный период, а кормовая — $2^1/_2$. 2-х строчный посев через одну грядку, чтобы можно было убирать. Урожай в два раза.

Турнепс: до 30 тонн с гектара. Северные семена в направлении к югу лучшего качества; то, что хорошо на севере, на юге лучше.

Картофель — опыты картофеля из семян.

Морковь — «Нантская», думали, что нельзя ее вырастить в Ленинграде, а оказалось до 20 тонн, а в среднем 10 тонн.

Карельская брюква «Красносельская», цветная капуста «Снежный шар» — скороспелость.

Силосовый подсолнечник.

Ловчие посевы: ловят насекомых.

Капуста до 25 футов в кочане. Вредитель: капустная муха.

Масличные: белая горчица, рыжик, тмин — на семена и на силос ячмень — 6 летн. опыт до 7-го Июня (посев).

Лето на материке теплее, но зима на острове много теплее, чем на материке.

Почему монахи не возделывали хлебов? Они вышли из России и оттуда принесли опыт: они запаздывали с посевом, напр., капуста 15 мая надо, а у них 15 Июня, а мы решились на раннее из-за капустной мухи.

Морковь в парниках до стрелки и потом со стулом в бумажках в грунт.

Освоение верховых болот... торфяных почв и много, и лучшие, другие песчаные подзолистые 10%.

Фотопериодизм: лук и огурцы 12 часов, искусственные ночи. Растут в тени. Буйный рост с 29.VII — темные ночи.

Севооборот: Овес — Вика + Овес — многолетн. травы 5—6 лет (или то же, но рожь).

С 29 года началось освоение болотных почв: известкование 3 тонны на га на 4—5 лет.

Павел Владимир. Дроботковский нач. сельскохоз. части.

Завед. опытной станцией Кази Зоде Керим (тюрок).

Выслать Митгол АК ССР Услон ОГПУ Фотографии.

Музей.

См. «Листики»: виды растений.

Хозяйственный прогноз по климатологическим реагентам, напр., по времени цветения вереска предсказывать поспевание картофеля.

Зима 120 дней.

Сектор «Конец Зимы» 40 дней (начало весны) — до 1-го появления живородящей ящерицы.

Весна 50 дней до массового появления комаров.

Средний срок начала зацветания вереска — середина соловецкого лета — начало темных ночей.

Лето 60 дней: Июль—Август.

Позднее лето (сектор) — с 1-го — 20 Сент.: начало расцвечивания берез на фенопунктах.

Конец осени: 20 Окт. — губительные утренники, конец листопада.

Зима: начало осыпания хвои у ели.

Академия Наук. Шмидт: сказать: биостанция ликвидируется, спасти материал для науки; просит Мих. Ник. Кишкин.

<На полях:> — Они обеспечены гораздо лучше, чем мы! (Ольга Аркадьевна)

31[Июля]. Поездка на Зеленые Озера (Филимоновы).

Одноглазый! все улыбается (юрод[ивый]).

Бадан. Сирень. Черемуха пенсильванская и виргинская, калина, Rosa feroza; рябина из Швеции.

Проф. Полибин все привез из Ленинградского Ботан. сада: Ясень маньчжурский, Клен кутаисский 1200 метров над уровнем моря — там, здесь выдержал! Каштан кутаисский, дуб уссурийский, черемуха маньчжурская, даурский шиповник, аянская вика (у Камчатки), сибирская лиственница, сибирский кедр, шиповник амурский, желтая акация, яблоня сливолистная, черемша (сибирск. лук) против цинги.

65-я параллель.

Последнее замерзание Зеленых озер, когда темные ночи, как белое одеяло спускаются лебеди.

18—20 саженей над уровнем моря...

Озеро 18 метров глубины.

Фото: зарубка монаха в 1845 году не заросла: такой медленный рост.

Смерть последнего монаха Симеона, модельщика (куклы): пошел зуб выдернуть, заразился от инструмента и умер.

2 Августа. Утро: запись. Решение ехать на Мурма́н. Поручение Пете к помощнику начальника Услага Кичину: 1) удостоверение на рыбные промыслы и Новострой, 2) литер. и плод. карта до Мурманска, 3) пища, 4) какая-либо карта, 5) время отъезда и приезда, 6) к кому в Мурманске, 7) разрешение на фото? и 8) пакет.

Есть!

Один из этапных сегодня пробовал убежать. Стрелок попал ему в голову.

Убеждая меня ехать на Мурман, Бухбанд говорил: «книжонку о рыбе напишете». И пальцами показал даже толщину «книжонки».

На стене были написаны угрозы бракоделам и филонам. Что это филон? — Общелагерное слово: фальшивый инвалид лагеря особого назначения. — А что такое ляпард? — Это если кто-нибудь в мороз сядет в лесу на пень, нагадит в штаны, примерзнет. — Какой же это ляпард, это типичный филон, ляпард — это всепожирающий.

Осмотр Кемского Лагпункта. «Зачет рабочих дней» происходит на воздухе, то же что и чистки. Бородатый юрисконсульт (ужасное лицо) <*приписка:* (из кожи лезет)>: тип страстно примазывающегося. А кому остается немного, вот-то старается! Вольнонаемных вовсе нет: сами. Труд коллектива. Ударная рота. Наш провожатый староста с водянистыми глазами. Кармен — за вооруж. бандитизм: 1-я бригадирша. Мальчик 8 лет, как взрослый (страшно, а они удивляются...)

Невский проспект: «глядите, никто... силен сам...»

Жизнь кипит (сравнит[ельно] с угрюмостью Соловков).

Конвейер — подштанники, ватники, рубахи... напиши на материи имя, и оно рядом с тобой пойдет, и вместе с тобой придут подштанники (взято с Форда: автомобиль). Вагонная система. Почему не влечет в человечину... с интересом будешь смотреть, как черпают селедку в закрытой губе, а вагонная система... потому что селедка есть селедка, а тут человек в положении селедки, и вот это нехоро-

шо. Тип нового провожатого: складывается с Михайловым: вероятно, очень мало тех, кто может обходиться с [потенц.] человеком: два-три Довгань, Кичин, Умеров — и все: интеллигенция из сотрудников ГПУ.

Вечером концерт с Михайловой: певица говорила: я не говорю о карьере: голос пропадает, кашляю, кровь... — пусть! но ребенок, свидеться с ребенком. В школе как звездочка (приодетые урки-музыканты).

Что делает практика! местные люди труднейшее для говора сокращение «Беломорско-Балтийский лагерь» выговаривают с такой скоростью, что слышится просто какой-то флаг, а между тем это Бел-балт-лаг — попробуй-ка без практики выговорить Бел-балт-лаг — труднее будет, чем турка курит трубку, чуднее Фенимора Купера.

...как черт на воде, а поставь на землю — ничего. На землю поставь — не любит.

Но 165 — Ксендз — прораб — Андерсен

Ребят, как жеребят.

Бригада Ярченко культ.

Бригада Шагиньянц — крестьянская бригада

Его освободили по Ноябрьские [праздники], а его бригада осталась: избили: Шагиньянц — взломщик.

Григорий Ильич.

Шлюз № 10 Канала самое замечательное звено ББ канала, потому что шлюз этот связан с плотиной, замыкающей реку Выг так, что значительная часть воды Выг-озера, не находя обычного выхода, бросается в стороны, от этого берега озера расширяются, острова тонут, вообще создается новая география, и даже железнодорожный путь приходится переносить. Эта замечательная плотина сопровождается другой особой водосливной плотиной, сделанной для того, чтобы пропускать иногда через себя избыток воды озера. Эта вторая подсобная плотина в системе шлюза № 9 в свое время как особенно замечательное сооружение было напечатано в «Известиях» и названа шлюзом. Небрежность эта была очень больно замечена всеми, кто работал на этом страшно тяжелом участке. Тут была...

<*Приписка:*> *Фотография.*

Чтобы попасть на Беломор. канал, мы приехали к Медвежьей горе, где у красивой речки находится строительная база Б[еломоро]-Б[алтийского] В[одного] П[ути]. И вдруг счастливая встреча возле самой станции «Мед-горы» совершенно изменила наш план путешествия. Прежде чем ехать по готовому плану, нам захотелось хоть одним глазом заглянуть в лагерный быт Соловецкого острова, давшего главные силы в строительстве канала <*приписка:* тема: перековка>. А после того как мы удовлетворили это наше желание, мы продолжали наблюдать лагерь на материке, в Кеми. <*На полях:* Ужо тебе, Строитель чудотворный>

Дальше нам захотелось ехать в Лапландию на Новострой, чтобы потом при осмотре Беломор. канала можно было понимать работу. Мы заглянули также в Хибины, опять-таки имея в виду значение канала в транспорте апатитов, ловчорритов и других минералов внутрь страны. Потом в Мурманске мы встретили первые суда, пришедшие по Беломорскому каналу, и участвовали в народном празднике по случаю этого события исторического значения. Тогда все полученные впечатления связались, и канал для нас выступил в единстве с жизнью пред- и за-полярного края, и канал предстал нам в истинном своем значении, начиная с решительного [императора] Петра, протащившего флот посуху тем путем.

<*Приписка:*> *Природа, — что поймешь, если под водой скрыт* <*1 нрзб.*>

Большой человек Беленький (родственник тов. Именитова) и маленькие люди, труженики — ученые Тодмант и Мантейфель.

Тема: урка-общественник, романтик — ему вся слава, крестьянин-индивидуалист — ему ничего.

Вопрос: чьей силой создан канал? Ответ: первое, крестьяне, потом люди города, больше как руководители, и, наконец, инженеры, работавшие как специалисты — это основная работа, а потом уже идут блестящие бригады

бывших соц. вредителей, оправдавших на деле свою социальную близость к пролетариату.

Вопрос: почему же вся слава отдается этим последним?

Ответ: потому что с крестьянами было очень мало возни, они, каждый индивидуально, легко примкнули к работе, и имена этих тружеников распыленно исчезли в громаде строительства.

Шлюз: Шлюз открыт, но не надо забывать, что их 19. Пароход в шлюзе можно показать на славу и можно опустить. (Голос сверху: как глубоко вы опустились!) И так же водопад: он теперь ручной.

Все ценят искренность и правдивость моих писаний и очень хотят ею подчеркнуть свое дело... Я же говорю: будьте уверены сами в своем деле, и тогда без всяких ваших усилий я присоединю свое имя.

Клавдия Ивановна Подольская: героиня...

Бубенцы в Повенце.

Кровь из носу, а сделай — говорит чекист инженеру, который необходимо в сомнении.

— На носках!

Плинер — заместитель Гулага.

Френкель: где он и что.

Я долго не понимал, что такое перпендикуляр.

Лагери есть дело ОГПУ, но, конечно, ОГПУ не есть только лагери...

Авербах: — Стоило распугать птиц? — Я хотел ответить: — Когда распугивали, нас об этом не спрашивали. Но птицы опять собираются.

Люди:

Дама в Академии наук в Хибинах: — Вас. Ив.!

Кондриков Вас. Ив.

Успенский

Фирин

Именитов Дмит. Ильич

Подольская Клавдия Ивановна
Довгань Владим. Филип.
Бухбанд
Дехтерев
Часовой и носок
Кемская бандитка недокованная
Кармен — цыганка
Луженый самовар
Семеров геолог
Сороколет
Капитан Слон
Три врача
Бессемянка
Монашка
Монах
Штурм: монашки с цветами.
Рыжий поселенец в Хибинах
Старушка в Надвоицах
Ананьев Алексд. Георг.
Чернова зав. гостин. в Хибинах
Кишкин
Анисимов Александр Ив.
Михайлова певица в Кеми
Семья инженера N в Кеми
Ребята-вкладыши: Михайлов и друг. Гернаш Кавеч.
Капитан Ч. (интересн. статья)
Котельников
Завед. лагпунктом Новостроя латыш Касперович
Чахоткин
Седов
Струмилин
Проф. Иванов, рыбьи ребра
Москвин
Борисов
Времен. комендант
Солодухин — еврей
Жена: голодающая
Тодмант и Беленький
Досрочник (нехорошо)

Мне долго бы пришлось рассказывать о том, почему же это все выходило так, что я, имея намерение посмотреть Белом. канал, изъездил весь Север. И я тоже не могу здесь, конечно, передать хоть сколько-нибудь связно о всем канале. Из всей массы своих впечатлений я выберу [происходящее] в Надвоицах, для меня самом интересном узле всего канала.

«Перековка» человека в лагерях состоит в том, что бродяга, анархист или мелкий собственник, крестьянин или собственник [специальных] знаний заключается в систему действий, непосредственно полезных для советского государства. Предполагая, что принципы сов. государства являются лучшей целью всего человечества, все равно как раньше было Бог, заключение человека в дело осуществления этих принципов тем самым является и делом исправления.

Я всегда начинаю свое дело, как мне велят, но вещь выходит всегда не такой, как мне велят.

Путь пройден, моря соединены.
Прочно, скоро и дешево.

С отвращением иду на слеты, со скукой слушаю и после с удивлением нахожу, что это необходимо и дает какое-то содержание (NB вспомнить и развить).

25 Августа. Дмитров. Слет ударников. Тяжело, что Горький одряхлел. Какой слезливый... от старости, или от сентиментальности? «Пытка светом» — сказал Горький, — за то, что занимался литературой (4 юпитера, говор[ящее] кино, простое кино, десятки [людей]).
Ты этого хотел, и вот тебе «счастье» (пытка светом).

Спрашиваю Б.: — Чем вы подтвердите вашу мысль? Давайте же объясняться посредством вещей: пусть вещи наши, дело рук наших за нас говорит... Еще ошибка: это схема... Для него все в сроках: в таком-то году совершится, и после того... А для нас все совершается в данный момент. Напр., если господствующее направление стандарт, то,

значит, в то же самое время зарождаются и действуют силы в направлении воскрешения личности.

«Лебедя́». Что это великое сделано в краю непуганых птиц? такое чудесное, что даже мои лебеди им представляются в сравнении с этим каким-то вздором...

Плотину в Надвоицах можно понимать по сравнению с подобными плотинами в капиталист. странах, и тогда эта плотина ничего не представляет особенного. И то чрезмерное восхищение ею у нас в этом случае должно представляться как потребность человека, и особенно простого человека с татуировкой на груди, делать себе кумиры. На самом деле плотина эта не кумир, а родина, точно такая же родина, какой мне сделался когда-то, уроженцу черноземной стороны, северный край непуганых птиц. (Родина Борисова)

Вопрос Авербаха: — Стоило ли распугать птиц?

Иной начинает от «да» и сводит на «нет», другому в начале все «нет» и «нет», а конец переходит в «да» <*приписка:* кончается все утверждением>. Итак, важно не мое утверждение или отрицание, а самый процесс моего творчества, протекающего в направлении положительном или же отрицательном...

Березу пробило в золотые пряди, липа тоже начала выгорать. Два чужие голубя прилетели к нам на крышу и удивленно сверху, как новые люди, рассматривая наш двор и огород, стали привыкать к нашим делам. И они, правда, не были ничем ниже тех людей, на крышу дома которых они прилетели. Я даже не знаю, были ли они ниже тех людей, которые ставили себе великие цели в науке, искусстве, технике и управлении. Во всяком случае, было ясно, что «распорядиться этими птицами по-своему» не является показателем человеческой доблести. И тоже по-своему изменить географию края непуганых птиц есть дело, требующее объяснения, а не просто тем самым изменением географии уже великое дело. Я даже нахожу, что мало практической целеустремленности, напр., то, что по каналу будут лес перевозить и апатиты. Я ценю это

дело перемены географии тем, что многие бездомные люди, отчаянные, потерявшие всякую радость бытия, в процессе творчества новой географии возродились и, пересоздав географию края, нашли себе в нем новую родину.

Положа руку на сердце, говорю, что слушаюсь и всегда начинаю дело приблизительно так, как мне велят, но вещь, сделанная мною, всегда выходит не совсем такой, как мне заказывали, и что самое главное, вот эта разница против заказа неустранима из вещи <*зачеркнуто:* и является свидетельством моей личности>.

Б. ставит вопрос о возвращении к натуральному хозяйству и кустарничеству в целях возвращения человеку «счастья», теряемого им в стандартном производстве, направленном к освобождению человека от труда, заповеданного Богом Адаму. Таким образом он ставит вопрос: личность или машина. Он противится также открытию недр, электричеству и т. п. Я же думаю, что силы эти должны быть открыты и впоследствии лично освоены, т. е., я хочу сказать, что ни электричество, ни радио не могут мешать личному «счастью» если... будут проведены по личному желанию: электричество должно быть своим, колхозник будет иметь не только корову свою, но и свой аэроплан.

Ошибка «горьких» в том, что, сманивая массы к социализму, они обещают в будущем им легкий труд: работать будут машины, а люди гулять; когда же дело коснется строительства, то воспевается труд.

Ошибка других, — что они всю беду сваливают на машину и электричество.

Машина должна помочь человечеству трудиться. Машина и электричество ставят новые задачи перед личностью: овладеть этой силой.

Умом куда труднее работать, чем руками, но все стремятся работать не руками, а головой.

<*На полях:*> *Петр Федорович Семеров*
Неймаер Петр

Пришли люди и трудились: не хотели, а надо. Через 500 лет стало свободно, а жили тут, потому что тут человек был покорен, и родина тащила. Такая природа всякой родины. Вот и канал...

Кого <*зачеркнуто:* губит> забирает и обезличивает стандарт и конвейер? Того, кто и раньше был скотиной: безликою. Вопят слабые... Сильный осваивает эти силы, и они ему служат. Точно так, как жалуются на электричество, некоторые еще на старость, от которой люди будто бы «из ума выживают». Тех, кто был глуп, старость открывает: он глуп; точно так же и в стандарте: бездарен и будь [рабом], ты был рабом и остаешься им...

1 Сентября. После месячного дождя, 29-го Августа погода стала укрепляться. 29-го вышли в Кобылино (12 в.). Остановились у Трусова Ивана Федор. (до 40 лет скрывал от матери, что курит — вот какая крепкая женщина; 70 лет мать объявила, что выходит замуж за работника — раньше жила с ним; вот тут в решительном разговоре забылся, вынул папиросу и не спрятал; сумел отговорить попов; вышла за другого; судом свою часть; на суде помирился). 30-го в Долгих лугах; трава некошеная (из-за дождей). Убили только двух и [всё]; вернулись 31-го утром.

Гришка Приблудов (с прекр. дамой на руке). Индивидуально совсем неукротимый. Глубочайшее презрение к начальникам: выявление гео-коренного анархизма; отвращение к нему честного начальника: обнажение государственника такого-то столетия. Смирить Гришку никто не может. Существует, однако, общественность таких же гришек-бандитов, и этой гео-общественности он может договорно подчиниться, и государств. человек может договориться с такой-то группой бандитов.

<*На полях:*> *одному говорил товарищ начальник, другим гражданин.*

Вспоминается об Анке из Сегожи. Председатель Москвин подал с гордостью ее исповедь и обещание исправиться, в конце бумаги с похвалой упоминается сама настави-

тельница: несомненно это и писала. Прочитала вслух. Всех тронуло. И вдруг голос: — Да кто же это? — Ответ: — Анка... — Так это Анка! — Общий смех. Но этим началась карьера Анки и ее «начальницы».

В том-то и дело, что дело одинаково выгодно и ворам, и начальникам. Дело расширяется: воры объединяются в бригады: одна бригада перед другой: одна: «мы вырвем красное знамя»; другая: «нам его принесут!» а начальник[ам] ордена... Так Анка делается ударницей и делегируется в Дмитров на съезд, и М. Горький плачет от ее слов о том, как она «исправилась». Мы так себе представляли, что действительно исправленный человек ни в коем случае об этом говорить не станет.

Дело в толковании слова «перековка»: мы понимаем ее в смысле «перековать мечи на орала», т. е., сохраняя материал, создать новую форму; воры понимают перековку, вероятно, в том смысле, как перековывают лошадей: лошадь хромала в старой подкове, в новой она бежит; а то и так бывает, что перекуют обратно, и на дороге след остается обратный истинному движению. Одним словом, перековка на блатном языке, вероятно, имеет иное значение, чем в общем. И вот Горький от речи Анки, конечно, как иностранец в России, понимал перековку в интеллигентном смысле. Жалкое впечатление... Вообще Горький, хитря, всегда думал, что он умнее воров (в том числе и капиталистов) и что их он перехитрит. И так оно верно вышло в отношении капиталистов (владельцев сейфов), но воры обыкновенные его перехитрили. И, конечно, можно восхищаться (и должно) деятельностью нашего правительства в отношении воров, но только нельзя понимать «перековку» в глубоко моральном смысле и реветь, как Горький. Тем не менее приходится стоять за Горького, по-видимому, уже последнего защитника «нашей» морали.

Гришка Приблудов к начальникам относился по-разному: в огромном большинстве случаев он говорил «гражданин начальник», скрывая в «гражданин» обыкновенное, повседневное свое к ним презрение. В редких случаях, желая к такому-то лицу выразить особенное свое презре-

ние, он говорил: «господин начальник!» И только одному Москвину из всех бесчисленных он говорил всегда одинаково: «товарищ начальник!»

Из снимков выясняется, что Надвоицкий водопад вместе с Шаваньской водосливной плотиной и другими искусственными сооружениями являются материалом для главного моего рассказа (Взрыв аммонала).

Взрыв аммонала.

(В краю непуганых птиц)

После взрыва: 1) Мальчик на шлюзе с удочкой. 2) Люди работу найдут. 3) Птицы возвращаются. 4) Экзоты (огурцы) — новое. Лебедь — сигнал мира. Видел только лебедей, а теперь человека. Они (на слете) понять не могут, что лебеди мои — это не просто дикие, как их понимают, а наши человеческие птицы. Плотина как таковая еще не достижение, и вопрос «стоило ли распугать птиц?» при одной плотине остается вопросом; плотина — родина общественной личности: это моя плотина и в то же время это и наша плотина.

Наша плотина.

(В краю непуганых птиц)

...если моя и наша: лебеди с нами, лебеди должны вернуться (Борисов и родина). Наша родина должна вернуться к нам с лебедями...

Сила природы (электричество) нам неприятна до тех пор, пока она нам чужая.

Итак, я не протестую против «завоевания» сил природы, но я хочу, чтобы в завоеванной силе каждый мог бы найти то же самое, что в природе находит человек лично и называет это своей родиной... Родина — это участок моего личного труда в общем деле...

2 Сентября. Вчера после обеда опять пошел дождь, и опять пошло по-мокрому.

В наше время люди живут совсем не как у Тургенева, но охота одна, а впрочем, даже и тургеневские лишние

люди встречаются. Самая охота с легавой, конечно, та же самая, что и в дворянское время: те же самые тетеревиные выводки, бекасиные и дупелиные высыпки и на последнее прощание с осенью серые куропатки и вальдшнепский пролет. Необходимость где-нибудь ночевать по-прежнему приводит в избу крестьянина. Спрашиваешь обыкновенно почище, попросторней и где поменьше детей. После некоторого раздумья спрошенный обыкновенно говорит, что колхозники все на работе, и вдруг, спохватившись, радостно находит: а вот идите к единоличнику, он... и пр.

Тип раскулаченного в большом доме, и мебель увезли, тоска старого человека: как мы работали — как они; того не хочет понять, что о себе и немногих говорит, а их много, и они все заодно.

Яблоневый сад: что сад! с меня взяли... и растащат; звонок! звонок не сняли. Крыша соседа мохом заросла: вот кому жизнь, что наработал и т. д. пророчество: все кончится голодом. Тоска старости: дочерей [замуж], сыновья ушли. Курит (одно спасенье). Я не курю: у меня мать крепкая. — И у меня мать крепкая. До 40 лет потихоньку курил. Она замуж за работника в 75 лет (с работником раньше жила): для чести. Успел попа уговорить не венчать. Какие неприятности, а не посмел табак. Она бросила этого и за другого. Суд. На суде судья отдельно говорил со мной, и я сказал, что уважаю мать и готов допоить, докормить. Мать позвали. Она согласилась: и я не посмел, хотелось курить, а не посмел. Но пошли домой. Со всех сторон мне верные, теперь я хозяин. — Ну, мать, говорю, ты моя мать и я тебя уважаю, а я дому все-таки голова. — Вынул кисет, свернул цигарку и закурил.

Развить строительство канала (перемену планов и проч.) как творчество: и что каждый, как в творчестве, находил себе родину и приемы: напр., как штурм и прорыв плотины и тысячи мешков забросали... и как взрыв убил, и никто не хотел, а он подорвал, — это, и второе, договор с начальниками.

Думали, что Калинин в Колонном зале будет пожимать руки ворам, но, видно, наверху раскусили суть «перековки»: умно сделали, значит, в совокупности жизни государства есть понимание этого... я думаю о высшей совести, но нет! не совесть ведет, а величина дела: чувство большого не дает вторгнуться маленькому и его собой заменить; это чувство большого государственному человеку дается вместо совести... вот почему с большим человеком легче всегда и скорей... Характерно, что строители канала сами еще не поймут как следует, что они сделали.

Не труд меня упрекает, а лень, что вот жизнь даром в труде проходит, и нет времени определиться, — куда же она и для какой цели идет...

4 Сентября. Вырвался денек без дождя, и мы его использовали: прошли через Торбеево—Бобошино—Дерюзино—Ильинки — охотой по часам около 40 верст, а убили одного рябчика, причем из-под собаки и на чистой вырубке.

5 Сентября. Пролежал (желудок).

6 Сентября. Весь день работал в фотолаборатории.

7 Сентября. Прочитал Пушкина «Историю пугачевского бунта» и «Капитанскую дочку». Наконец-то дожил до понимания «Кап. дочки» и тоже себя: откуда я пришел в литературу. Утверждение мира в гармонической простоте («мечты и существенное» — сходятся). Пушкин отсылает своего Онегина и вообще «героя нашего времени» к Пугачеву (Швабрин) и оставляет себе то простое, что есть в «Кап. дочке». И теперь читаешь и как будто у себя на родине... именно это родина; моя родина не Елец, где я родился, не Петербург, где наладился жить, то и другое для меня теперь археология, а Петербург даже и официальное имя свое потерял; моя родина, непревзойденная в простой красоте и, что всего удивительней, органически сочетавшейся с ней доброте и мудрости человеческой, — эта моя родина есть повесть Пушкина «Капитанская дочка».

Плотина — водопад, большое инженерное сооружение, создавшее в краю новую географию. И новое русло реки и все это новое возникло по тем же самым законам природы, как и старое русло и водопады Выга: не мог инженер делать иначе; все, чем отличается новое человеческое творчество от старого, — это сроки: те сроки больше человеческой жизни и оттого представляются как бы предвечными, новые сроки меньше срока человеческой жизни: старые Надвоицкие водопады рождались в сроках тысяч, десятков тысяч лет, новое огромное сооружение, изменившее всю географию Выговского края, создалось всего в один год с небольшим! И оттого, когда смотришь на старый водопад, думаешь о вечности и ее творце, а водопады из-под человеческой руки прямо подводят мысль к творческой родине самого человека. Я думал даже просто о себе самом, глядя на удивительный водосливный гребень Шаваньской плотины: именно думал я, что моя родина не Елец, где я и (проч. смот. выше).

Так вот бывает же так! Созерцая красоту дела, созданного руками тысяч людей, писатель нашел свою родину <*зачеркнуто:* в «Капитанской дочке» Пушкина>.

— О чем задумались?

Не сказать же, что о «Капитанской дочке»...

Мы едем. Я спрашиваю тов. Борисова, отдавшего сверх-силы на каком-то участке (кажется, 161), награжденного и ныне работающего спокойно на охране какого-то другого участка (кажется, 181) — о его родине и не тоскует ли он о ней тут на севере, близко к полярному кругу. Мне казалось, он понял меня и сразу стал горько жаловаться:

— Места себе не нахожу, — тоска! так вот и тянет, и тянет к себе.

— Вы с юга...

— Да нет же... и это мне теперь все равно.

Оказалось, я о родине обыкновенной говорю, а он о своей «Капитанской дочке», об участке (кажется, 161), куда он вложил свои сверх-силы. Этот участок канала стал его настоящей родиной, и здесь на чужом участке он испытывает настоящую тоску по родине.

Рассказ о двойной березке.

Там, в Хибинах, где только камень и нет ничего по большой человеческой правде, строился город: там ничего человеческого в прошлом не было, и никаких местных мастеров не было, ни плотников, ни печников, ни каменщиков, ни[каких других]: и не было ничего сделанного, ни дорог, ни полей, ни прудов, ни мельниц, ни домов. И оттого, что в прошлом ничего не было и все надо было вновь создавать, то непременно надо было все делать по большому размаху, по большой человеческой правде... Тут надо было рвануть, взмахнуть, человек-строитель был как орел и летел, размахивая крыльями огромной правды.

Слышу сызмальства, будто старики как-то из ума выживают: был умный человек и вдруг к старости сделался глуп <*зачеркнуто:* и оттого постоянно был настороже, как бы самому не попасть в такую беду>. Думаю, однако, умному из ума выжить невозможно, а эти чары молодости прикрывают собой глупость, и вот когда <*зачеркнуто:* молодость проходит> чары рассеиваются и естественная глупость обнажается, кажется, будто человек из ума выживает. Среди этих чар молодости для [меня] лично величайшим врагом моим является самохвальство...

Все зависело, конечно, от того, как отнесется ко мне начальник, самое лучшее...

Странствуя по северному строительству, я прибыл под самый конец в описанный мной почти 30 лет тому назад Край непуганых птиц, где прошел теперь Беломорский канал. С волнением думал я, дадут ли мне хорошо посмотреть на избранный мной в начале литературной деятельности для описания край, возможно ли будет сделать снимки с тех камней, по которым бежали когда-то сфотографированные и помещенные в книге моей водопады. Все зависело, конечно, от начальника, который... дело в том, [первое,] если начальник не слыхал никогда моего имени и делает для меня лишь выполняя волю другого начальника, второе, если начальник имя слыхал, но не читал, и, наконец, если меня начальник лично читал.

Секретарь доложил обо мне: писатель Пришвин. — Пришвин! — воскликнул начальник. — Пришвину надо показать все на свете и топор.

Так говорят...

13 Сентября. Погода начинает налаживаться.

Сегодня едем с Котынским и Петей в Гаврилов Посад на дупелей и серых куропаток.

Фаворский кончил «Жень-Шень».

Слышал там о Флоренском, что его выслали и будто бы семье сказали — куда-то близко, а письмо получено из Свердловска, на пути в г. Свободный: где же находится г. Свободный, точно не знают, будто бы на Амуре.

Города растут нынче искусственно, как шампиньоны.

Могучая сила поднимает города, но лиц нет.

Ищу в себе единства (для себя самого, для домашнего пользования, чтобы веселым быть и работать).

Быть самим собой — значит понять себя в единстве.

Новые впечатления разбивают это единство, и что трудно после путешествия, на что много уходит времени — это найти корни этих впечатлений в себе, т. е. свести их к единству.

Разве мало отличных людей ушло в себя совершенно, отдав свои руки на физическое строительство государства: так они отказались от личной претензии на власть и живут мудрецами.

13–14–15 Сентября — ездили с Петей в Гаврилов Посад на дупелей. Убили 5 бекасов, 1 коростель, 3 чирка и 16-го в 5 ч. у. вернулись домой.

Был такой случай на охоте. Петя промахнулся в бекаса и попал в меня. Я почувствовал удар в кончик уха и в обе ноги повыше колен. В голове мелькнуло, что в первый момент никогда не бывает очень больно и что рана, быть может, и серьезная. Но бекас, в которого Петя промазал, летел на меня, и я, отложив вопрос о ране, взял его на вскидку так ловко, что он, упав на землю, как мячик подпрыгнул

с кочки на кочку в направлении своего полета. Потом оказалось, что только одна дробинка пробила мочку уха, а те, что по коленям ударили, в тело не вошли. Очень приятно было взять такого бекаса, а о Пете надо никому ни слова.

Так вот, всегда понимая себя как труса, на деле, когда подходило в упор что-нибудь, я всегда оставался на высоте, только редко это случалось. И вот об этом, собственно говоря, вероятно, и тоскует постоянно моя душа и чего я секретно желал бы больше всего на свете, это какого-нибудь военного дела — этой военной славы: и вот такое мальчишеское желание на старости лет!

Еловый островок. Раньше, 28 лет тому назад, я попал на островок с некоторым риском для жизни, теперь пришел на него по мостику через падун. До захвата падунов в человеческие руки, говорят, тут постоянно жила выдра. Теперь ей тут жить невозможно, людям каждый момент может вздуматься закрыть плотину, и выдра останется голая на голых камнях. Я отошел в глубину островка и почему-то обратил внимание на старое упавшее дерево. Умирающие естественной смертью деревья в лесу всегда интересны для наблюдателя: в них кипит всегда могучая жизнь и как будто множество существ спешит на помощь умирающему дереву, чтобы успеть всякую труху превратить в новую зелень.

Отодрав кору этого дерева, я увидел под ней гусеницу лубоеда: она, поедая лубок, оставляла за собой открытый сверху канал в несколько миллиметров ширины; поедая лубок, маленькое насекомое двигалось так медленно вперед, что уже в нескольких сантиметрах от ее работы позади на ее экскрементах успела развиться какая-то зеленая растительная жизнь. И когда через несколько минут после этого, уже на той стороне, где расположились Надвоицы, ко мне подошел средних лет человек и представился мне как прораб озеленения, я невольно вспомнил о лубоеде, тоже озеленяющем свой канал. Прораб озеленения тоже начал свое дело после того, как канал был готов: он делал газоны, а возле домов охраны плотины и шлюзов разбивал цветочные клумбы.

Так вот, казалось мне, существует два подхода ко всякому человеческому делу: один из природы самого человека, и тогда не кажется работа человека чем-то особенным: он сознательно и общественно продолжает дело всякого живого существа на земле: двигаться вперед и озеленять свой сад — след для потомства. И другой подход есть, когда входишь внутрь человеческого общества, совокупно пробивающего себе канал: кажется, создается нечто совсем небывалое и все против природы.

18 Сентября. Ясное морозное утро. Белая трава. Пар от воды. Блеск от листьев...

Петушки ровно белые один в один, и несколько тысяч, и все кричат ку-ка-реку, и курочки тоже белые все, как вылитые из формы...

Не на борьбу с природой, а в помощь ей, потому что разум есть высшая сила природы, ей благодетельная, а не противная. В помощь природе в борьбе за порядок. Разум на помощь природе в борьбе за порядок. Дайте силу!

Узнавать себя в целом от вещи к вещи все дальше и дальше, чтобы наконец понять себя самого в единстве прошлого, настоящего и будущего...

19 Сентября. Погода опять вернулась к дождю. Вчера был Лева с Галиной: не знаю точно, действительно ли Лева становится хуже, или то, что он сошелся с женой и тем отдалился от меня, — стал мне просто виднее.

Мысль о Б[остреме] дает мне такой рассказ: «Женский день». В одной квартире живет художник с женой и тещей и чекист с товарищем. Жена художника и теща ничего не делают: жена учится музыке, хотя ей под 30; художник несет крест и лезет в невыносимое ярмо из-за возможности жене «жить в звуках». Чекисты, возмущенные «бабой», выпороли ее крапивой на глазах художника, приговаривая: не играй, не играй! За это оба друга попали в Соловки за «перегиб». Передать сущность «интеллигентщины». Разговоры, споры об электричестве и проч. разногласиях. Конец: «дали мне за это катушку» — А художник? — Понял, конечно, и вскоре освободился. Не знаю, пишет ли...

Жень-Шень, Даурия, Золотой рог.
Итого, Золотой рог — 14 листов

20 Сентября. Ночью вылился дождь весь, перед рассветом звезды явились, и с ними коснулся души человека ритм времен сотворения мира. И тут же где-то по крыше, не мешая тому большому ритму, мерно падали капли. Неугомонный моторчик где-то спешил, натуживался...

План: отделать по-новому «В краю непуганых птиц» и «Колобок». Начать 3-ю книгу «Кащеевой цепи».

Собака Черныш умела мастерить необыкновенно красиво стойку и тем до того пленяла судей на полевых испытаниях, что они забывали о цели, для которой назначена эта собака — охота — и давали собаке этой дипломы, собственно говоря, за фигуру, а не за чутье. Я тоже, поняв красоту этой стойки, пленился и приобрел эту собаку для своей охоты. До того красива была работа собаки, что до начала охоты, много раз бывая в лесу и болоте, я не придавал никакого значения, что все эти фигурные стойки, подводки были ложные: птица находилась лишь в очень редких случаях. Только уже когда началась охота и явилась ясная цель прогулок с собакой, убить птицу — я с ужасом понял бессмысленную пустоту этих фигурных стоек. И когда изо дня в день я стал приходить домой с пустым ягдташем, я возненавидел эту собаку, отдавшую всю свою вольную жизнь за фигуру. На улицах города, в трамваях, всюду, куда бы я ни заглянул, мне стали встречаться актеры, поэты, художники, тоже отдавшие бесплодно жизнь свою за фигуру. И особенно часто я стал узнавать и понимать таких женщин, их оказалось великое множество, но одна меня возмущала особенно: я знал ее в юности, когда она вышла замуж за моего друга земского доктора... и... в разные эпохи появляется: доктор — труженик — подвижник — она живописью — скульптурой — [музыкой] — чем-чем! Доктор сидит с детьми... Революция все смела... И вот нужно же! когда собака моя... и стала показывать разные... ко мне позвонили, и вошла седая старушка... прямо вот доктор: жена, дети...

Пессимистов полных нет на свете: появляясь, они умирают. Те, кто называет себя пессимистом, притворяется: потихоньку живет себе, наслаждаясь какой-нибудь страстишкой. Нищая старая в лохмотьях, очень серое небо, грязь, дождь, а она ходит и просит: жить хочет... Вот этому мы научились и этим отличаемся от интеллигенции, которая живет идеей и этой идейной жизнью гордится перед обывателями, которые просто живут из-за куска хлеба. Революция всех вернула к куску: «идея» пропала (капля на носу Бальмонта).

КОНЕЦ ВЕКА = НАЧАЛО ВЕКА от 1905 г. до 1917 = 12 лет.

Когда весть пришла, что Лев Толстой умер, я пришел к <*зачеркнуто:* Ремизову> Алпатову и сказал ему: «умер Толстой». <*Зачеркнуто:* Ремизов> Он знал. Я вдруг не выдержал и зарыдал. Много раз я потом это со стыдом вспоминал: ведь лично же я не знал его и не был толстовцем; я был молод и не мог, как старики, слезы свои ронять безлично, от события. Главное, что Толстого никак жалеть-то было нельзя, до того он гордо прожил и много взял. Приходится думать, что это я не от старости, а от <*зачеркнуто:* дикости своей и, вероятно> склонности к актерству не сдержался: разрыдался; надо было как-то выразить себя по случаю необычайного события, и так я наивно сыграл, а после ужасно стыдился. Алпатов смутился на минуту, как будто готовый и сам заплакать, но собой овладел и сказал невнятно, смущенно и как всегда с запинками, с мычанием, с эканьем, мэканьем и всеми этими лишними звуками, как говорят люди, умеющие говорить с другими, как с самим собой:

— Мне кажется, — сказал Алпатов, — мы с тобой не о Толстом, а о себе плачем... сиротно нам... интеллигенция сидит в нас еще: живем идеями.

Это я хорошо помню, он так сказал это «живем идеями», что выходило совершенно бессмысленно: как это можно, правда, жить — есть, пить, говорить, веселиться и размножаться идеями. Вот именно в этом у нас с Алпатовым и была какая-то малая разность: я был просто ху-

дожник и в своих религиозно-революционных исканиях, совершенно искренних на поверхности, внутри себя, конечно, бессознательно актерствовал. Алпатов был глубже меня, и, мне кажется, у него что-то было подлинное в исканиях, или, может быть, он глубже меня обманывался? Впрочем, теперь, когда прошло столько времени с тех пор, и если я сейчас по-новому вгляжусь в его жизнь, понимая ее по себе, объясняя по себе же теперь, когда я стал в сто раз умнее, чем был тогда, некоторые факты, казавшиеся мне столь загадочными тогда, — может быть многое, тогда нелепое, объяснено. Алпатов к нам в Петербург явился, как мы думали все, от самой земли: загорелый, здоровый, и вдруг [неожиданно] покраснеет или какими-то нечленораздельными звуками станет объяснять себя, совсем собьется, и вдруг откуда ни возьмется: вдруг соберется весь, загорится и так страстно и так ясно картиной представит мысль и так надолго возьмет в плен все наше общество, что...

28 Сентября. С 8 ст. Сент. (Рождество Богородицы) = 21-го н. с. валовой пролет вальдшнепов (Бабье лето). Стояли все время роскошные дни: утром невидимое солнце борется с туманом и с разным успехом, рано, в 7—8 утра или до 11 дня побеждает. Очень тепло, вчера в одной рубашке ходил. Сегодня вечером ударил мороз, и ожидаю белое утро.

Прошлую ночь наконец-то после нескольких лет видел мать во сне. Мне снилось, будто раз уже это было, тоже, значит, было во сне (повторный сон): мать моя умерла, и когда ее хоронили, то она очнулась и ожила. Так снится, будто это было давно, лет десять тому назад, и после, когда проснешься, все кажется; будто сон этот был у меня давно, только я забыл его, и теперь во сне он опять вспомнился и так повторился. Теперь снилось мне, будто снова мать моя умерла и мы ее уложили на стол где-то, похоже, в часовне. Прошел день или два, я все горюю и думаю: как раньше, когда мать была жива, мне жилось хорошо, как приятно было знать, что есть где-то тебе верный приют...

Но делать нечего, сегодня надо идти хоронить. Я подхожу к ней и думаю: вероятно, уже началось разложение, и целовать покойницу я не буду, так просто всмотрюсь в лицо ее, поклонюсь и прощусь. Открываю какую-то занавесь, всматриваюсь и вот вижу, какие-то морщинки возле губ ее стали раздвигаться. Сзади меня, кажется, стоят няня и Лидя, я им говорю: смотрите, смотрите! а там на лице уже не только морщины выравниваются а и губы зашевелились, вот и глаза открываются, живые, черные, блестящие, лицо становится молодым, прекрасным: мать моя опять оживает.

Через некоторое время тем же самым путем я вернулся из Соловков в Медвежку, чтобы потом из Повенца всем каналом проехать в Сороку. Я приехал в Медвежку из Соловков с глубоким убеждением в том...

Купить Некрасова.

3 Октября. План: в течение Октября написать очерк Б.Б.В.П., который пойдет и в сборник, и в книгу, а неиспользованная часть книги пойдет в новой как приложение.

4 Октября.

Книжка ГИХЛа 3420 р. Расход с 18/IX
М. Гвардия 282 Из Загорской кассы 200 р. Зое
1700 (Сент. = Окт.) 100 р. Павл.
дополучить 130
За паука 361 От Левы 500
пальто и проч. 200
В секретере 1910 р. было Пища распред. 100
(Загорск) Получено из Ленинграда 600 1100
Из Сборника 606 р.
9009 р.

8 Октября. <*Зачеркнуто:* Положение в стране> Относительно света у нас теперь так, что на электричество еще нельзя положиться, а керосиновые лампы забросили и хорошую очень трудно достать.

«Кто человека уважает <*приписка:* понимает>, тот и самовару не даст убежать».

Так я сказал, а мужик в кухне ответил:

— Разумно и великолепно!

<*На полях:*> *Мой страх*
эпидемия

Б. вчера вернулся. Говорили о мистиках наших, бывших богоискателях, что их позорное поведение в ГПУ характерно почти для них всех. Почему же так, ведь, кажется, эти люди, имевшие дело с конечными вопросами жизни, должны бы <*зачеркнуто:* успеть> больше других <*зачеркнуто:* по возможности достой[но]> приготовиться ко дню своего страшного суда? Потому что лично они все были оторваны от органического целого, вместо кровной связи с целым пользовались символикой и в своих поступках не могли быть реальными. (Это тема 3-й книги «Кащеевой цепи»).

Еще прошлый год я испытывал страх в своем бытии, а в позапрошлом году прямо страдал манией преследования. Я был уверен, что победил в себе этот страх героическим своим поведением, и в этом мог бы даже точно указать на некоторые свои поступки. Но Б. рассказал о себе, что у него было точно так же и теперь без всякого геройства и [страдания] тоже прошло, и то же было у многих его знакомых. Значит, исцеление мое было не от моего геройского поведения, а просто потому, что прошла эпидемия вследствие перемены режима на нынешний либеральный. Это типичный пример самообмана.

Есть люди, до того скомпрометированные в своих собственных глазах, что вечно подозревают относительно себя какой-нибудь заговор. Они иначе не представляют себе большевиков, как заговорщиков или актеров кукольного театра, приводящих в движение всех нас, как куколок...

<*На полях:*> *герой и трус*

Надо, и это есть одна из главных задач человека, достигнуть в себе самом понимания своего независимого,

чисто личного и единственного в мире прото-существа. Это не совсем то, что называют «индивидуальностью», которая может явиться посредством разложения целого. Я же думаю о прото-существе в созидательном процессе, растущем в сфере органического целого.

Б. говорит, что он боялся за себя. Я ему на это ответил, что это подозрение в себе труса может быть нереальным, что вот я лично вечно подозреваю в себе труса и часто боюсь чего-то неопределенного, но теперь знаю твердо, что, когда доходит до последней крайности, я выхожу из трудных положений без стыда для себя и в счастливых случаях, может быть, мог бы быть и героем.

Как теперь хотелось бы полететь и сделаться героем стратосферы. И это очень многие... Жизнь такая ужасно нудная, а тут вот пример такого блестящего выхода. И кажется, будто есть какая-то возможность, какое-то кольцо потянешь, ухватиться и полететь.

9 Октября. Совещание о сборнике Б.Б.В.П. 1-й тип. Господствующий тип в наше время — это филистер «перековки» человека, имеющий в голове постоянную мысль о том, как бы всякого встречного человека «использовать» для того дела, которому сам служит (тип вышел из политики, из ГПУ).

2-й тип. Это современный «герой» вроде летчика Водопьянова: сам по себе он ничто, но его посылают лететь, и он геройски расшибается и обращается в ничто. При неразвитии своем и молодости в нем нет личности, а значит, и никакой собственности, он весь в потенции, в готовности действовать. Его состояние похоже на того передержанного мужчину, к которому может прийти всякая женщина и взять его. Во что бы то ни стало, к чему бы то ни было пристать. И так он пристает к мотору на самолете и сам превращается в летающую машину. Смерть ему совсем не страшна. Молодых людей в этом роде великое множество, и герои для будущей войны у нас теперь налицо. 3-й тип, это грюндера, [организатора] вроде американских

пионеров: Кондриков, Успенский и много других — это герои стройки...

Разговор с Шкловским о птицах, что индустрия не губит птиц, а напротив, — птиц становится больше, все равно как и рыб, но только в устроенных хозяйствах охотиться неинтересно и в карповых прудах не хочется рыбу ловить.

11 Октября. Вчера и сегодня мороз. В тишине лист валится сам. Девочка из Каляевки, лицо в кулачок, худенькая идет в школу с подругами и рассказывает им сон, как сказку: ехали в телеге, вдруг телега пропала, одно колесо, и она едет на колесе одна... Девочка поглощена сказкой-сном, листики падают...

Вспоминаю весну — как давно-то! тот угрев на вырубке, когда в прошлогодней листве все шевелится, бегает.

На ранней иве кипучая жизнь: пчелы, шмели и гнездо птички, и сама птичка пробовала меня отманить, сидя на ветке, трепетала крылышками.

Стрекоза свалилась в воду с былинки (или как-то иначе), а потом целое утро всползала на нее и обсыхала — так все утро прошло раннее, началось утро большое, и стрекоза улетела.

Началось действие относительно машины. Представляю себе, насколько же я тогда приближусь к «природе»!

Тяга в Ивлеве: дерево — кристалл, жизнь дерева.

Ток наверху елей. Стрельба по зайцу.

12 Октября. Пусть большое дело остается неприкосновенным в своем росте и в нем торжествуют личности твердых вождей, но и маленькие люди возле большого дела не должны оставаться в совершенной тени...

Один из маленьких, почуяв проходящий через себя ток силы, называемый государственной властью, не будучи в состоянии глубоко задумываться, стал надуваться, да так и остался <*зачеркнуто:* надутым и таким уверенным> в кожаной куртке с красными нашивками.

Другой, напротив, обо всем рассуждал и в этих мыслях худел и тощал: все его мысли были совершенно правиль-

ны и недостатком своим имели только одно, что вертелись около какой-то частности, принимаемой за целое.

Мир как органическое целое: все велико и гениально, что являет в своем выражении целое; ромашка с белыми лучами своими совершенно так же гениальна, как солнце. И творческий разум человека является таким же представителем целого мира, как и ромашка, но тут надо, вероятно, разум как явление целого, и разум...

До сих пор еще ни один поэт не посмел так освоить достижения разума, чтобы неразумные поняли этот свет так же просто, как солнечный, и перестали думать о деятелях разума как о заговорщиках против их естественного бытия. <*Зачеркнуто:* Но поэты должны в конце концов показать нам всем, что разум тоже естественный, что разум тоже «природа».> Или, может быть, не в поэтах тут дело, а в жизни, чтобы... Но, скорей всего, не поэт виноват, а <*зачеркнуто:* жизнь> вредитель жизни, Кащей Бессмертный, направляющий достижения разума для своего частного пользования.

Старику, чтобы видеть новое, нужно очки надеть, а молодому для понимания прошлого нужен бинокль. Но редкий старик надевает очки, и еще реже молодой человек догадается в том, что если он не разберется сам в прошлом опыте, <*зачеркнуто:* прошлое> оно рано или поздно схватит его самого своей мертвой рукой.

Покров — весенний день — солнце — вальдшнепы: совсем апрель, только тихо в лесу: ворон крачет, да человек кричит где-то, да самолет рычит, да синичка пищит.

На другой день тоже ясно, только сильный мороз, а там пошли опять дожди.

18 Октября. Туман стал расходиться только к обеду и то сверху: там показался бледный кружок, а потом стал как луна, а когда это стало солнцем и бросились лучи, то в лесу все еще был туман, и лучи в лес прошли сквозь туман...

23–28 Октября. В Москве. Переписка «Отцы и дети». Получение машины (26-го). Шофер Пав. Сем. Супко. Разговор о собственной машине. Привели машину в Загорск.

30 Октября. Назначение акад. пенсии. В 10 у. выехали с П. С. Супко, Левой, Петей в Москву, там забрали паек, купили бензину, захватили Галину и в начале 4-го обедали в Загорске.

31 [Октября]. Умерла Теща.

1 Ноября. Ученье в городе.

2 Ноября. Супко, Лева и Петя и я ездили в Москву за бензином. Завколонкой «смахлевал». Всеобщая готовность к жульничеству. Не забыть тип коменданта завода: маленький бюрократ, нахал в рабочем стиле, т. е. вытяжка <*зачеркнуто:* скверного> грубого из раб. среды, — продукт разложения деревни (легион их); нельзя кричать на него и грозить ему (вскроешь в себе господина): надо улаживать и собирать против него материалы постепенно.

3 Ноября. Поправил окончательно «Отцы и дети». Готовлюсь к выступлению перед микрофоном для детей о Беломор. 10-го в 5 веч.

Конспект рассказа. 10 стр.

1) — В этом году, милые дети и внуки мои, мне минуло 60 лет от роду, я — дедушка (Михаил Михайлович Пришвин) и полжизни, 30 лет, я пишу <*вставка:* для взрослых. Для детей писал я только маленькие рассказы, которые многие из вас знают.> Первая моя книга называется «В кр. непуг. птиц», в ней описывается <*зачеркнуто:* тот самый Онего-Беломорский, или Выговский край> то место Карелии, где прошел теперь знаменитый Беломорский канал, соединяющий моря Балтийское и Белое. Вот как в то время я описывал природу этого дикого лесного края. Рассказ. «В кр. неп. птиц». $2^{1}/_{2}$ стр. Остается $6^{1}/_{2}$.

2) Город Повенец казался прежде очень далеким: Повенец всему свету конец. Теперь Повенец — дв. пут. Мой

Повенец: уши медведей. Первый шлюз. Васильки и озеленение. Все о шлюзах. Удильщик.

3) Осударева дорога или Водораздел.
4) <*зачеркнуто:* Слет: Перековка пахана>.
5) Телекинка.
6) Выг-озеро.
7) Надвоицы.

4 Ноября. А. Жид — не больше, как показатель разложения, и сам, конечно, маска на шесте, вроде Белого. Я не верю вообще ни в какие заявления верности сов. власти и даже напротив: всякое такое заявление есть заявление о своей пустоте. Явление СССР есть факт вне чувств личных, вне всяких иллюзий и нуждается в искусстве только для агитации. К СССР можно примкнуть только скрытно, в деле потонуть с надеждой на воскресение. А они примыкают «именами», как это было бы глупо, если бы это за правду считать! Крайний пессимизм переходит в оптимизм непременно: не здесь, а «там», и такое все христианство с его «деланием» иной жизни, чем какая есть. Задача христианина — вызвать в другом охоту к делу через выявление в нем личности. В социализме настоящего времени задачей является поставить личность перед необходимостью (свобода есть сознание необходимости: «кровь из носа, а давай!»). Христианские птицы, как гуси, летят треугольником, советские фалангой. В христианстве личность (гора сдвинется), в социализме необходимость (государство: «[кровь из носа]»). Культура «личного» привела к либерализму, разложению государства, и отсюда возвращение к необходимости (фашизм на западе, большевизм на востоке). Итак, разложение культуры личного привело к необходимости явления внеличного («кровь из носа» и проч.).

Мы все перестали ходить друг к другу «в гости».

Но это все нас в ужас не приводит:
Пройдет год-два, — изменится оно;
Как ни нелепо наше сусло бродит,
В конце концов является вино.

(Фауст. II ч. Мефистофель).

Не стану, дети, спорить с вами:
Черт стар, — и, чтоб его понять,
Должны состариться вы сами.

Природному — вселенной мало всей,
Искусственное ж требует пространства
Закрытого.

(Гомункул).

9 Ноября. Лада прыгнула на грудь Б[острему], облизала его губы, нос, бороду, а он даже и не вытирался; вероятно, добрейший человек, он был очень растроган этой бурной лаской и говорил мне: — Вот, Михаил Михайлович, у этого животного надо учиться понимать мир как органическое целое.

Тема для разработки: всякая нравственность, истекающая как догма, коренится в каком-то органическом недостатке преподающего ее человека. Рассмотреть под этим углом зрения мораль Толстого, Гоголя, Достоевского («Дневник писателя»).

Знаю многих евреев, похожих на русских, и лично я даже не обращаю на это никакого внимания и не вглядываюсь, но чтобы Солодухин оказался евреем, — это меня поразило. Представьте себе гиганта блондина в военной форме...

7-го утром летел снег, вечером был дождь. 8-го — снег и 9-го снег, с 9-го на 10-е мороз, и так 10-го была порошка, неважная, но следы зайцев и белок, вглядываясь, можно было понять в лесу. Охотился самостоятельно на синеручку, убил двух. Интересный момент, когда в бинокль поймаешь белку. Всякая охота интересна одинаково, потому что всегда содержит в себе находчивость, смекалку и награду за это счастьем. Надо только войти...

9-го был в ГИХЛе. Организуется поход к Сталину для освобождения ГИХЛа из Огиза.

С автомобилем вышло вроде счастливого случая на охоте. А я-то и не знал, что просил. Я думал, много машин, хватит, а их нет, и учреждения ждут годами. Маши-

на дана как демонстрация нашей власти — что, мол, у нас только и понимают, какое значение для государства имеет худ. литература. Дальше стало мне как хорошему пантачу: если пантач нарастит раньше панты, его раньше выпускают в парк, а если раньше в парк, он к гону сильнее, если лучше вынесет гон, лучше перезимует и еще раньше нарастит панты. Так вот и если у меня автомобиль, то... все пойдет как у здорового пантача.

Подходит пора сокращения в мыслях и чувствах в том направлении, чтобы ясно и просто было и, главное, до дна: чтобы ведро, опущенное в колодец за водой, тукалось о дно...

14 Ноября. Суббота. Закончена книга «В краю н. п. (Беломорский канал)».

5 ут. Сколько лет я носился с правилом: «приспособляйся, оставаясь самим собой», а сейчас начинаю думать, что всякое приспособление к жизни идет за счет самого себя, если же человек приспособляется, оставаясь самим собой, то эта «перековка» совершается в том смысле, что «сам» обращает свои подковы в обратную сторону своему движению и так обманывает тех, кто за ним гонится. Может быть, так надо понимать настоящее жизненное приспособление, что такой человек в своем движении вверх сбрасывает балласт... Так или иначе, но каждый, и даже последний мошенник и честный дьякон-интеллигент, разбивающий себе лоб кадилом в угоду «новому», про себя думает, что это он «сам». Вот ввиду-то всего этого у некоторых является страх к приспособлению, и они в своей жизни теперь ничем не отличаются от старых раскольников (Разумник Вас. Иванов) (Рассказ о девушке-скрытнице).

$^1/_2$ 6-го с Коптелиным вышли на зайцев. Бутуз не гонял. Целый день — до $^1/_2$ 6-го вечера прошлялся. Лес завален снегом, но на дорогах под снегом грязь и вода. Вечер солнечный и до $^1/_2$ 6-го светила заря.

Думал о качестве человека нашего времени и теперь: вот как очевидно, что ни от радио («портной Сидоров»),

ни от самолетов это качество не улучшилось, и ведь это не по догадке и под влиянием идей, а на глазах совершилось; зато выросло дело, в которое и уходит все качество человека.

Тема: некто выиграл машину и стал собственником ее. Ему нельзя применять ее для наживы. Жена стала ухаживать за ней, как за животным, но громада не слушалась ее и стояла. Второе: как безучастно относились к машине шоферы, которые любили машину только через профессию: собственник и общественник. «Душа» машины.

12-го с Петей я в первый раз проехал на машине без того болезненного волнения; проехал по городу, базаром, по шоссе, лавировал, завернул. Вероятно, ездить буду. Найти шофера Цветкова (в почтовом гараже).

Хорошо бы на работе своей о канале надписать: «Добрый папаша, к чему в обаянии...» И я бы написал, но мне это нельзя теперь, и я пишу так, что Ванюшка остается в обаянии. И так надо и так хорошо, что я не могу: Ванюшка должен расти в «обаянии»; правда извне пересиливает мою личную правду, превращая ее в балласт: я сбрасываю этот балласт и через это действительно делаюсь «сам» и выше лечу... («приспособление»: ?).

Бог — это все, что есть, а черт — все, что кажется.

Бог — это образ сущего, черт — образ ничто.

Бог — правда, черт — обман.

Всякий художник непременно имеет дело с Мефистофелем.

Написать Молотову:

Глуб. тов. Молотов,

<*зачеркнуто:* я получил машину> с Вашего разрешения я приобрел машину и начал с ней делать свои опыты. Уверяю Вас, что только после получения машины я узнал, какая нужда в них и сколько учреждений дожидаются долго своей очереди. Но я Вас уверяю, что Вы не ошиблись, считая меня как писателя тоже за «учреждение»: я коечто сделаю при помощи этой машины, и в моих руках она будет сохранна.

Своим широким пониманием значения деятельности писателя Вы меня очень обрадовали, примите мое искреннее и глубокое уважение.

Ночью в жертву человеки
Приносились, стон стоял,
Мчались огненные реки, —
Утром был готов канал
(Фауст, часть II).

<*На полях:*> *Женщина игрушка*

16 Ноября. Лева вчера привез охотников собаку пробовать, а ночью поднялась страшная снежная метель. Окна все разубраны и занесены.

Разговор с Б. о пантеизме и «да будет воля Твоя!»

Из тех, кто говорит «да будет воля Твоя!», только того я пойму, кто дошел до этого, испытав «да будет воля моя». Но... у нас, в старой России через православие и Достоевского в чувстве природы как будто уже прямо и давалось это «да будет воля Твоя!», что-то вроде «святой плоти». (Как же в это чувство вставить машину?) Еще вот что: уход за машиной собственника и уход служащего шофера могут быть равны, но собственник и служащий по-разному чувствуют машину: служащий имеет импульсом свое личное положение в обществе и есть часть машины: что ему прикажут, то он делает, собственно говоря, едут и на нем, — а собственник едет сам: он повелитель.

Метель и догадка: понимание пришло через 32 года: значит, то чувство продолжает же как-то жить! Метель обещает встречу на том свете, но эта встреча невозможна, потому что нет ответа с той стороны, и должно быть, любил не ее, а себя. И так ясно, что она не любила. И так все бедно!

Значит, насколько же нам жизнь ценна, что о таком пустяке плачут <*зачеркнуто:* всю жизнь> десятки лет!

Мужик сказал: — Мы раньше думали-гадали, где рай и верить этому или не верить, а рай-то как раз тут и был: мы жили в раю (Б. рассказал).

Основная ошибка Алпатова: через Достоевского «Идиота», Алешу Карамазова и др. он усвоил себе особенное тонкое романтическое чувство к женщине (а может быть, через сказки Кота Мурлыки и Марью Моревну), и вот это тонко-поэтическое чувство и было всему помехой и запрещало выход естественному, прямо даже обыкновенно собачьему половому напряжению.

— Дело какое-то большое делается, но человеку от этого дела никак не лучше (сказал А.). — Какому человеку, нашему прежнему? — Да, но теперь народился человек, который вовсе не знает прошлого и настоящее считает в сравнении с тем неизвестным, ужасным прошлым — прекрасным.

17 Ноября. Отдал в ГИХЛ «Непуганых птиц» и начал писать «Колобок». Яснеет решимость пересмотреть глубину Достоевского и Толстого, в особенности же Достоевского.

19 Ноября. Пробуем уехать в Москву. Страшный мороз. Машина не заводится.

Полигамия и моногамия и моноандрия и полиандрия — вынужденная моногамия и полиандрия — но и природная есть тоже не постоянство, а одно переходит в другое; вообще даже голубиная парочка, если разобрать ее по существу, не вольна в своем единстве. Настоящее единство заключается в личности и соединено с «долгом».

О машине — собственник или служащий: в отношении сбережения машины служащий может поступить не хуже собственника, т. к. «положение» в обществе шофера зависит от его отношения к машине. Разница тогда, если собственник сам управляет. Три категории людей: 1) Человек едет, как партчеловек, приказывая спецчеловеку везти себя, как кучеру, 2) Спецчеловек — есть механический человек, продолжение руля, 3) Человек имеет свою машину и лично ей управляет.

Homunculus — это мое «дитя», или «присыпуш», или «душа в непоказанный час рожденного ребенка», имею-

щая стремление воплотиться. Это душа поэта, выходящая на простор у ног Галатеи.

Я же не знал второй части «Фауста», когда писал «Журавлиную родину», между тем Алпатов кончает тем же, чем Фауст: осушением болот («Золотая луговина»).

Когда сидишь за рулем, то все кажется, будто тихо едешь.

24 Ноября. Средние морозы стоят и так солнечно, что за Февраль принимаешь, думаешь — уже поздно, проходит зима, а это еще слишком рано. Этот свет за весеннелетние забойные дожди.

Работаю над «Колобком». Хорошо бы собрать книгу вроде «Скорая любовь». Название: «Богатая смесь».

Люба достала Перуанский бальзам. Завтра еду лечить ревматизм правой руки.

С тех пор как Лева женился, его как пробкой закупорило: и помчало назад.

Борьба с машиной т. е. превращение ее в свою личноодушевленную вещь. Опасность поглощения себя машиной. В городе уже все знают. Машина — это все равно что власть, чин генерала и т. п. Машина, значит, большевик, это разрыв со старухами. В то же время все хамье из местного начальства становится почтительным, ведь хамья-то больше, и в общем плюс.

27 Ноября. 1-й день электролизации (нечетн. в 1 ч. д. до 15/XII).

«Резиновый человек». Наш человек «будничный», ежедневный (как назвать?) прерывается смертью, и этот первичный ток жизни возбуждает непрерывный вторичный ток, который мы называем культурой. С другой стороны, экономист-государственник тоже человека понимает не лично, а смешанно (резиновый); если, напр., он видит дрянного человечишку, то он знает, что это так и есть во всем человеке, т. е. он свойства, присущие личности, пере-

носит <*зачеркнуто:* как качество> в качество всего движущегося человека: вот это и усваивают теперь как новое диалектическое и материалистическое миропонимание в царстве экономистов (экономист господствует).

«Кавыч» — разбирается в пределах бывалого и в нем индивидуальность определившуюся стандартизирует (к Зеленым озерам). Большие люди и маленькие: Тодмант и Беленький, пушторг. Небывалое.

1) Кавыч и Бухбанд, 2) Кавыч и биолог, 3) Кавыч и Пушхоз: большие и маленькие люди, 4) Кавыч и ширпотреб, 5) К. и отказчица, 6) К. и Зеленые озера.

29 Ноября. Второй раз ионизация. Что-то с сердцем становится неладно, не хватает воздуха, жмет.

Неустанно возвращаюсь к мысли о человеке, что два основных понимания человека как индивидуальности неповторимой, личности в этом смысле бессмертной — это одно, и другое, — что личность есть переменные свойства реального человека, все равно как цвет зари есть только коротко являющийся отблеск заходящего или восходящего солнца.

Утвердить реальность в личности есть то же самое, что признавать бессмертие, — как это сложно и как это разбилось в истории; с другой стороны, как просто видеть бессмертие человека, если только все личное в нем признать свойством. Наша трагедия состоит исключительно в обмане личного. «Да будет воля Твоя!» — это крик отчаяния сокрушенной личности, переходящей в иную окраску качества... Но в природе рядом с индивидуальностью само по себе существует чувство целого.

1) Прокладку под гайку карбюратора
2) Ручки
3) Прокл. грязевика
4) Капот
5) Шурупы с прокладками для пола

1 Декабря. По пути в Москву, на рассвете (3-й электролиз. сеанс).

Пуля в дуле.

Всю жизнь заговариваю себя считать деньги и носить револьвер и всю жизнь не могу приняться за счет и собраться купить оружие. Но мой приятель, еще довольно молодой человек, вот уже года три как завел себе браунинг № 2 и по темным улицам всегда ходит с рукой, опущенной в карман. Он говорил мне, что у него отлично выработался рефлекс на три случая: днем у него револьвер без пули в дуле, но при нападении он мгновенно может передернуть, и первая пуля из обоймы переходит в дуло; второй случай для более опасных мест: пуля в дуле, но с предохранителем; и если в темном переулке подходит человек, пальцы сами собой в кармане подвигают предохранитель на бой. Столько забот и за три года ни одной встречи, и в обойме взяли все перемешались семь патрон, и даже обидно: кругом раздевают безоружных, а тут вот будто знают. Случилась недавно с моим приятелем в его семье маленькая пертурбация: он решился наконец объявить своей сожительнице Лидии конец их совместной жизни и сошелся со старой женой. После объяснения он нанял себе грузовик и приехал за вещами. — Никаких вещей ваших у меня нет! — ответила Лидия. И действительно вещей никаких не оказалось. На суде Лидия плакала и уверяла судей, что вещей никаких и не было. А между тем это я уже сам знаю, кроме того многого, чего не видел своими глазами: у приятеля моего было два пальто; одно меховое с бобр. воротником, другое летнее на [подкладке], было два пальто... Да и самый факт говорит за себя: ходит оборванец. Так вот и ходит теперь с пулей в дуле на случай разденут...

<*На полях*:>

Экзамен на шофера
Облдортранс Кузнецк. 12
Комсомольская 23 Генрихсон (в 5 веч.)
Загорск Гараж Союзтранс

Сговорился с ГИХЛом: Лукин прочтет «В краю», и мы с ним тогда подработаем и кончим вопрос об оформлении.

Заходил к Авербахам: победа!

В Сергиеве есть очень старый священник, когда он идет по улице, вокруг него вьются мальчишки венком и все кричат: «Долгогривый, долгогривый!», а священник повторяет: «Ну и деточки, ну и деточки!» Мне кажется, и на меня так все 16 лет в литературе кричали: «Долгогривый!» И теперь вот <*зачеркнуто:* видишь>, как те же самые «деточки» почтительнейше расступаются. Все произошло, потому что я не побрезговал вникнуть в жизнь, подошел вплотную, сам увидел своими глазами и остался самим собой.

Я писатель, который в смутном стремлении всегда чувствует свой правый путь.

Начало: дор[огие] тов[арищи]! дела мои в литературе заметно поправляются. Мне удалось в этом году написать вещь, «Корень Жизни», которая и сама по себе лучше других моих вещей, и заметно имела успех, будучи напечатана еще лишь в «Красной Нови». Вы теперь в современной литературе назовете очень немного имен тех писателей, кто был до революции небезызвестным и сейчас не отставая идет в уровень со временем. Невольно является вопрос, и это самый лучший вопрос, который вы можете мне сейчас задать: «каким образом вы уцелели, Михаил Михайлович, и как это вы сохранились?» И я вам отвечу очень искренно и верно, применяя слова Гёте на себя: я писатель, который в смутном своем стремлении всегда чувствует свой <*зачеркнуто:* правый> верный путь. Что такое «смутное стремление?» я не могу разобрать в целом, и не хочу, но в отношении, напр., языка все мне очень ясно. В смутном стремлении своем к самовыражению я всегда не умом, а сердцем своим знал, что устная народная словесность у нас не в пример значительнее, чем словесность письменная, литература. И я шел путем всех наших крупнейших писателей, шел странником в русском народе, прислушиваясь к его говору.

<На полях:> *Слово и понятие.*
Собственность — жизнь: да будет воля твоя

4 Декабря. Всего 4 раза был в электрокабинете и рука почти уже здорова.

С малых лет забили меня человеком так сильно, что я до сих пор повторяю это слово — человек, не решаясь сам лично войти в это понятие и раскрыть его самостоятельно. По-моему, как я понимаю это сейчас, есть два человека: один человек, все равно как электрический ток в прерывателе, является искрами; одна искорка мелькнет и ее уже нет, и уже другая светит, и так весь человек, как ток, распадается на искорки-личности — и я сам, тоже искорка-личность, смотрю на другого по себе и знаю его и чувствую как себя самого; глядя так на бесчисленные искры<*зачеркнуто:* личности>, я научаюсь их различать, и сущность человека мне является в его искре-личности. Человек в другом понимании нам не виден, как ток, бегущий по проволоке, и личности людей нам ценны не сами по себе, а лишь как переменчивое свойство текущего невидимо человека.

Экономисты, государственные люди имеют дело именно с таким человеком: если они видят негодяя, то не приходят в отчаяние от силы зла, а стараются найти причины проявления человека в форме негодяев и тем или другим мероприятием устранить это нежелательное явление; в этом управлении количеством добра и зла они находят себе отраду жизни и оправдание всем своим необходимым жестокостям.

Для одних личность есть реализация человека. Для других реальность заключается в человеке, а личность есть лишь его переменное свойство. Искусство и религия имеют дело с человеком-личностью. Экономика — с человеком.

Человек формируется в жизни как личность. Личности...

Наука работает на пользу будущего человека, который будет летать в стратосфере и проч.: «геооптимизм» и М. Горький.

«Новый человек» = не существующий лично. Человек — предмет веры: то был бог невидим, а то человек невидим; и тоже бессмертен и всемогущ и вездесущ.

Я очень склонен к этой вере и, вероятно, в этой вере живу; но я чувствую другое по соседству с собой и, как слепой, познаю ту дорогу костылем.

Эту тему о двух человеках продолжить и дойти до ясности.

Собственность: личная жизнь как источник всякой собственности: чувство жизни, распространенное на весь мир — тоже собственность, и во всем этом: да будет воля моя — вот пантеизм; но есть «да будет воля Твоя!» — это я в себе не чувствую: в этом я как слепой, и так я ограничен жизнью и собственностью.

6 Декабря. Человек в пустыне человеческой: весь быт рушился, все христианские понятия, даже друзья перестали «в гости» ходить: им некогда; вся жизнь внутренняя перешла в наружу, а дома усталый человек должен остаться с самим собой, чтобы «духу набраться». И вот тут-то начинается Робинзон на необитаемом острове. Напр., Бострем и начальники паспортов: вот два полюса: Б. проповедует брать на себя тяжесть, — это жизнь дает, и начальник, который сотни рабочих пропустит в день, отказывая в паспортах: «тебя сюда не звали, поворачивай оглобли». Если «повернет» — кончено, схватится — разобрать: закон борьбы за существование.

Речь на конференции МТП 10/XII 33.

1) Устная словесность неграмотного народа питала непосредственно крупных русских писателей <*приписка:* Пушкин ходил на ярмарки, Толстой выходил на большую дорогу>. Моя деятельность.

2) Каким языком говорит современный пролетарий. То же богатство. Задача пролетарского писателя и опасности погружения: личность, самость — Робинзон.

3) Наука и образование.

Итак, 1-е дело молодого писателя — это приблизиться к живому языку и личности пролетария.

2-е — организовать свою личность.

Надо много учиться, чтобы понимать язык пролетария.

Улица Белинского д. 5-А во дворе.

17 Декабря. На Тверском бульваре рано поутру на дерево села утомленная ворона с большим куском чего-то в носу. Немедленно налетело много других ворон, очевидно, преследующих счастливую и богатую. Все сидели молча и совершенно неподвижно. Ворона с куском в носу была очень утомлена и тяжело дышала. Она ведь не могла этот большой кусок проглотить, и не могла слететь вниз и начать расклевывать: тогда все бросятся и начнется за кусок общая драка. Ей оставалось только сидеть на месте и держать в носу кусок, или же лететь, зная, что за ней гонятся. Она сидела до тех пор, пока в этом положении совсем не устала и кусок чуть не выпал из клюва. Тогда она полетела, и все другие жадные вороны погнались вслед за богатой.

Вот какое ужасное положение богатой вороны, и точно такое положение всякого богатого хищника в капиталистических странах.

Простой рассказ.

Московские вороны: что покачнулась и кусок выпал у нее из клюва. Все вороны бросились, и в свалке одна ловкая овладела куском и унесла. Все скоро догнали ее и гнали до тех пор, пока утомленная ворона не села на дерево. Она тяжело дышала и скоро, как и первая, уронила кусок. И опять свалка, и опять жадные гонят счастливую...

19 Декабря. Основание карьеры в том, что более высокое положение само по себе дает высшую точку зрения, вместе с тем и ум, и знание, и волю, и власть; человек в этом движении вверх получает сладость необычайную, и отсюда объяснение странному явлению, что хотя там наверху и очень беспокойно, и очень опасно, и нет времени, нет воли и пр. и пр., но все стремятся к высшему поло-

жению. Однако у нас маленькие люди это хорошо поняли и начинают бояться карьеры, застревая на средних малоответственных местах.

<Приписка:> Никола. Мороз сломило.
«Карьера»: карьерист… основана на том…

Выступление свое на конфер. молодых авторов считаю единственной ошибкой за весь этот счастливый год: у них не молодость, а собачья старость. Если выступать, то надо, напр., на съезде писателей, и так, чтобы уж надолго осталось. А лучше оставаться с собой, как было раньше.

«Нужно знать ужасы долголетнего одиночного заключения, чтобы понять, какую отраду доставляет узнику вид проходящего облака и сияние звезд ночью».

(Из письма Нечаева к царю)

20 Декабря. Политграмота.

Обезьяны в первое время дрались только на кулачки, но раз одна лядащая хлопнула большую и добрую орехом. Добрая хватила за это лядащую кулаком, а лядащая, смекнув дело, ударила добрую камнем в голову и сразу ее прикончила. От потомков этой лядащей и злой обезьяны постепенно явился на свет Каин и от него капитализм и кулаки, захватившие в свои руки, подобно злой обезьяне, орудия производства.

Мне дали очень сложный механизм, посредством которого я могу со страшной быстротой передвигаться. Это огромное преимущество перед другими гражданами я получил за…?

Второй вопрос: как бензин из нефти и нефть от жизни (миллиарды неисчислимые жизней легли на образование нефти), так и быстрота моя от спящего в машине труда. Значит, теперь, при социализме, распоряжаться этим трудом я имею право лишь в силу того, что машина входит в мой полезный для государства труд как орудие производства: я еду по делу и если на охоту, то для отдыха: я весь деловой; но вот я выиграл машину (и поехал за клюквой): ушел от долга = мой талант = счастье.

21 Декабря. 10-раз ионизация; остался до 23-го: доктор назначил через месяц еще серию в 10 раз.

Ужасная история с очерком о канале. Разговор с Авербахом. Понял: безразличное время в литературе перед грозой: РАПП обходит позицию.

24-го чудесная «Двенадцатая ночь».

Разговор с Чувиляевым: о том, что только большой механик на всей высоте знания может понять себя в гармонии органического целого; а если маленький, то ему лучше не вникать глубоко в машину, а любить ее, как корову (тоже божья тварь) (значит, есть оправдание моему механику Безродному, который прямо сказал, что излишнее чтение — вредно).

Скажет иногда человек нелепость, вроде как Безродный сказал, что для понимания машины вредно много читать, а разберешься, и выйдет, что человек, сказавший это в простоте, мудро сказал. Вот именно, что знание только на своей вершине дает личности понимание мира как целого; если же не вершина, которой достигать может лишь избранный, то оно питает не творца, а изобретателя (Иван Острый — изобретатель с претензией на творца, Безродный — тип суетливого: в суете свертывает стандарт на свое: его изобретательства хватает только на то, чтобы заменить стандартные части: вредитель стандартных машин).

Человек натур. хозяйства самый маленький всегда в гармонии (Хлеб наш насущный), а пролетарий «хочу все знать» может стать в равное положение лишь при условии достижения уровня творчества высшего знания. Итак, я сейчас приближаюсь, кажется, к пониманию смутного моего стремления: мне хочется машину сделать Машкой и смотреть на нее как крестьянин смотрит на корову: божья тварь (пусть Безродный как «изобретатель» сам сделает, а этот выиграет ее и будет понимать по-крестьянски).

Солнцеворот.

В первый раз появляется механик Генрихсон Алексей Матвеич (Комсомольск. 23), эстонец, герой катастрофы на Комсом. Страстно любит машину (Машина чхает, значит, ехать хочет). Ездил с ним до Софрина заряжать аккумулятор. Снег идет в электричестве. Таинственные грузовики и их сигналы. Машины с потушенными огнями (как корабли на море): нельзя разъехаться. Рубели. Появление крест[ьянской] подводы. Открылись все снежные [завалы] совхоза (в свете прожектора). Пленники невежества: заело тормоз, и просидел двое суток.

Генрихсон готовил трактористов (30 десят. — 2 трактора): механику до того много приходилось чинить, что он нашел выгодней для себя самому пахать, и вспахал. Тракторист разлегся в лесу курить, отдыхать, а машина работает: боится, что не сумеет пустить. Беда: машин наделали, а людей нет. Для машины необходим цельный человек, не издерганный в собраниях, в карьере (вроде Безродного). Писатель, изучи машину и согласно с ее требованиями нарисуй черты ее хозяина, какой он должен быть.

Наставления Генрихсона: избегай пользоваться стартером: кто этим пользуется, изнашивает машину — раз, и второе: понять машину лучше можно лишь при заводе ручкой: тут все чувствуешь и узнаешь, чего машина хочет. Люди похожи, а когда ближе узнаешь, совсем непохожи; так и машины все разные, и только при заводе ручкой узнаешь характер именно вот этой машины. Пока выяснишь, что Машка, когда мотор начинает давать обороты, любит подсос, но опять-таки не чересчур; зажигание любит не совсем позднее, скорее пораньше.

Машине это лучше всего! — сказал Генрихсон.

26 Декабря. Научился сам, совершенно один, продувать бак: перевертываю бензиновый провод так, чтобы конец, вводящий в карбюратор бензин, стал выше бака, тогда отвертываю кран — бензин не выливается, а я дую в этот конец и бурлю.

27 Декабря. Опять сильный мороз: зима вышла ранняя и суровая.

Местные власти замучили машину Генрихсона, а он попал в это положение из-за бензина. Итак, машина хороша, если есть бензин, а он государственный. Это зависимость непосредственная от состояния всего организма, чуть что — и конец. В ремесле кризис не существует: там зависит от личности (запасся материалом на 10 лет), здесь личность вся видна, как внутренности маленькой рыбки в аквариуме: нет бензина и кончено.

«Народ наш великорусский теперь гнилье, осталась от него труха и оттого, если ты политик <*приписка:* экономист>, бери себе еврея в помощники, — если управитель техники — набирай немцев, эстонцев, латышей... Возможно, эти "подсобные" народы и держат "Россию" на высоте. Остается только искусство, но такое свойство искусств, что они могут процветать и при наличии великого упадка и разложения, все равно как простой народ в несчастии и беде своей нищеты на языке может оставаться веселым и остроумным до последней степени». (Сказки N.)

Ужасное для машин свойство русских дорог даже и шоссейных: зимой от езды на лошадях, от бесчисленных крестьянских обозов превращаться в бесконечную рубель, которой катают белье: от руба до руба ступают ровно все лошади, а машина, попадая на эти рубы...

Вечером при луне по морозу бродил по городу и видел на узорнозамороженных окнах тени от листьев комнатных растений и думал при этом: до чего же все-таки жизнь во всем объеме своем привлекательна и как сильна кровь! сколько унижений переносят, сколько подлостей творят ежедневно, лишь только сохранить бы счастье хоть какой-нибудь жизни <*приписка:* жизнёнки>... И так вот живут кое-как, перебиваются изо дня в день.

...среди сергиевской мелкоты показывался один великан великолепный. И такой весь народ наш: труха и в трухе иногда великаны.

Возвращаюсь к мысли о человеке среднем, поставленном ныне в положение борца: это восхождение подобно «хозяину и работнику»: какая-то внешняя причина заставляет человека подниматься на несвойственную ему высоту или выводит из иллюзии к реальности.

28 Декабря. Ездил в Москву с Генрихсоном на машине выправлять Павловне хлебную карточку. Встретил до Москвы 4 грузовика, сидят на месте, и ни одного живого. Один просил вентиль, другой заплатку, третий — насос, четвертый просто сидел в отчаянии и ничего не просил. Когда мы ехали обратно вечером, тот, который просил вентиль, развел большой костер. Мы его спросили, откуда он взял такие хорошие дрова. — А мы, — ответил он, — дрова постоянно с собой берем, неровен час застрянешь, ведь, долго ли до греха, и замерзнешь. — Дрова берут, а вентиль и резину... <*приписка:* насос>.

— Где же хорошие шоферы? — спросил я.

— Хороших, — сказал Г., — не увидишь, хорошие проехали, они сейчас дома.

У одного заело задние тормоза, и он двое суток сидел, разобрать мог, а причину так и не выяснил.

Малейший уклон в сторону — и сиди в снегу и раскачивай час машину. След машины шел далеко от шоссе через канаву и дальше, а там было натоптано, будто полк прошел: видно, спьяну пустил, перенесся через канаву, а оттуда его волокли...

Мороз (30°). Стекло намерзает. Правим через дырочку. (Вентиль: сидит при костре на морозе 30°: грех вышел, неровен час и пропадешь).

Не машина виновата, а люди. Машина ожидает хозяина, как невеста женихов выбирает, ждет она немца, а пришел славянин.

<На полях:> Дым и мороз.

В сильный мороз ехать приходится быстро, если тихо, то от дыхания намерзает стекло в кабинке и ничего не ви-

дишь, а при быстрой езде ветер проникает в кабину хотя бы настолько, чтобы назад отбросить от стекла влагу дыхания.

Мороз для всех одинаков, но дымки тянутся к небу из всех домиков по-разному: одни топят березой, другие осиной, третьи даже навозом, у одних больше, у других меньше...

31 Декабря. Жестокие морозы и лунные ночи.

Вчера Лева был с Галиной. Очень расстроился. Таких добродушных бездельников в стране, вероятно, больше и нет. Решил окончательно переговорить с ним и с «секретарством» его покончить.

Читал речь Литвинова. Быть войне с японцами или нет? и еще: может ли устоять наше государство в этой войне? Сталин сказал, что «ни одного вершка»... — (это надо иметь в виду, когда некоторые редакторы в рукописях вычеркивают вершки и требуют метрической системы).

Снова начинаю чувствовать глухое сопротивление в лит. среде: очень возможно, что начинается ущерб моего юбилейного полнолуния. Хорошо, что успел издать много книг.

Встреча Нового года.

Политика: есть внутреннее убеждение чувством через соприкосновение с народом в какой-то особенной нашей мерзости, разложении нравственного существа человека, при наличии которого невозможно ожидать впереди ничего хорошего. С другой стороны, соображая события исторические (разные пакты, Америку и проч.), прибавляя к этому неизбежность той «мерзости» при переходе от старого к новому, оставляешь себе надежду на лучшее. Я вижу лучшее лишь в отсрочке войны, чтобы возможно стало мало-мальски и подкормить, и подсобрать рассеянного в пыль человека. Если война, то можно всего ожидать...

По-прежнему «держаться ближе к лесам, дальше от редакций»...

В течение Января закончить «Колобок», печать в «Красной Нови» и в ГИХЛе.

С Февраля опыты с машиной: поездка в Нижний на завод и проч. вокруг темы: «машина ищет себе хозяина». Приучить машину, как собаку.

М. М. ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1932

1933

1934

1935

1 Января. Перевалит в начале февраля на 7-й десяток. «Творческий вечер» в МТП 2-го Янв.

1) Чтение и творческий вечер (быть может, в связи с предложением <*1 нрзб.*> группы).

2) Объяснение настоящего [смысла] моих занятий: как и почему я собрался на Север; 1-я книга: Канал: готова: Отцы и Дети — приложение; водопады. Чтение: Надвоицы. Весь остальной Север. Чтение: Соловки.

1) Чтение актера или чистка — мое начало Белом. края: Язык. Былины и школа. (Ныне: искусство и общественность).

5 Января. Литер Атор.

Стучат в калитку. Я из форточки:

— Кто там?

Тонкий женский или детский голосок:

— Здесь живет литер... атор?

Я переспросил:

— Писатель Пришвин?

Ответ:

— Сейчас посмотрю.

И, видно, читает вслух по записке:

— Комсомольская, 85, дом Пришвина, Литер Атор.

Спускаюсь вниз, открываю калитку. Входит во двор здоровенная девица.

— Вы Литер Атор? — спросила она.

— Я сам.

И она пригласила меня читать на вечере Куркрола при МТП.

— Не знаю, — сказал я, — не понимаю даже, что значит Куркрол.

— Товарищ Атор, — изумилась она, — как же это вы не знаете: Куркрол — это курсы кролиководства.

Такие вот бывают недоразумения с этими сокращениями постоянно.

— Вы не знаете даже, какие книги я написал, вы зовете меня просто из любопытства, и самое лучшее было бы для вас, если бы я пришел с обезьяной.

— Нет, мне товарищи ничего не поручали, мы даже не знали, что у вас есть обезьяна.

8 Января. С утра болит голова. Является Генрихсон. Регулирует машину, едем в Красную Сторожку. После обеда гости: Котнисон и Бострем. Разговор о войне.

Охота на лосей 12 (?) 10-го вечером телеграмма.

10 Января. Похороны Андрея Белого.

Красные не приняли, не почтили даже Белого, и он был похоронен как белый.

Он смотрел на все через себя как на материал свой: во все входил и выходил из всего, оставляя книгу как след своего переживания. На большевиках он споткнулся: они его пережили.

И его желание, скользнув по цветам на земле, по воде на реках и морях, по небу, звездам, луне и солнцу, не раскрылось в любовь.

Зажимаю в пресс книгу и, чувствуя нечто человеческое в этом, — как будто над человеком недавно что-то подобное проделывали, — вдруг вспоминаю похороны Андрея Белого.

Заведующий крематорием и «речь скажет от Оргкомитета т. Киршон». Заведующий: «прощайтесь! прощайтесь!» Киршон: «анализируем его творчество». Люди, обслуживающие крематорий, являются примером для людей государственных.

14 [Января] (Новый старый год).

Ехали от Москвы до Пушкино в полной темноте, и никто не протестовал: ведь ехали все усталые, дремали, и не до того, чтобы ссориться. Этим состоянием воспользовался кондуктор, выгадал в свою пользу свечку и зажег только после Пушкино.

Кто-то набросился в трамвае на кондукторшу, что она не назвала станцию. После того как шум кончился и обиженный человек вышел, за кондукторшу заступился некий человек. Он говорил, что нельзя требовать много от женщины... ведь сколько у нее обязанностей лишних сравнительно с «нашим братом»: надо губки намазать, глаза подвести, подбрить брови и мало ли что. «Вот моя жена прямо как в город попала, достала сурику и мазать губы, и щеки и под глазами суриком, — вот ведь чудо-то! а раньше в деревне ведь грому боялась, чуть ударит, она упадет, и мы ее накрываем подушками».

15 Января. Не дело, не призвание, а миссия.

Пружина, которую нажимали до тех пор, пока она не перестала пружинить.

Мы вчера ехали из Москвы до Пушкино в полной темноте, после Пушкино кондуктор принес свечу: явно, что он от Москвы до Пушкино на нашей темноте в пользу себя сэкономил свечу. Все были так подавлены и трудным днем, и тьмой, что никому и в голову не пришло протестовать.

По сдаче «Колобка» окончить сезон и отступить.

Белый сгорел, как бумага. Он все из себя выписал, и остаток сгорел, как черновик.

Один пришел из жизни в литературу, другой из литературы смотрел на жизнь.

Белый, Мейерхольд и другие вольнодумцы.

Ребенок — душу...

17 Января. Жить или переживать себя воображенно на бумаге? Я <*зачеркнуто:* говорю> поступаю: пережил, а потом после это изобразил на бумаге. А другой телесно вовсе и не переживал, а с пером в руке мысленно переживает, сам не зная, куда приведет его это бумажное переживание. Так он доверяет себя бумаге и получается, в случае любви, напр., не самая любовь, а как бы вексель любви. И так человек не любил, а давал векселя. И любовь, и революция такие у них нереальные.

19–20 Января. Москва. Среда изобретателей в глупом положении, благодаря глупому доктору Беляеву, написавшему роман.

Изобретателей полно в стране, но нет хранителей стандарта: все механики стремятся обойти стандарт и по-своему, [взять] бензину под свечи, а если бы это надо, то Форд сделал бы...

Вы молчите... — я скажу. И все в этом: люди знали до меня и молчали, я пришел и сказал. И только оттого, что я сказал, делается всем так, будто впервые это только и увидели.

Вопросы Павлику:

1) Заводка холодного мотора. Причины скорости заводки. Роль прерывателя. Положение рычага зажигания. Почему стартер ухудшает (между тем как совместная заводка от руля и стартера — всеобщая практика).

2) О ремонтной мастерской и проч.

3) Просмотр аккумулятора.

4) Регулировка зажигания.

5) Регулировка тормозов.

6) Смазка (кулачн. валов распредел.)

7) Индив. свойства машины — отчего?

8) Регул. силы тока.

9) Почему вода вскипает?

23 Января. Как сделать, чтобы, не уступая ничего из себя, завоевать широкого читателя?

Это было всегда моим сокровенным желанием, прикрытым с поверхности формулой Мережковского: «что пóшло, то пошлó» и <*зачеркнуто:* вероисповеданием> убеждением Иванова-Разумника: что оценка писателя настоящего возможна только в будущем («на том свете»). Охотничьи и детские рассказы мои были в опровержение этого демонизма, и в особенности «Корень жизни».

То, чем отец, начиная, как бы играл, то сын, его наследник, продолжает серьезно, и старая свободная игра обращается в дело и является долгом.

Вычитал у Гоголя в «Портрете», что законы естественной истории являются средством Божиим, ограждающим нас всех от проникновения в жизнь нашу чудес антихриста. Значит, хотя и нет на свете «чудес», но самые законы природы, не допускающие этих «чудес», сами по себе являются чудом божественного происхождения. Не то же ли самое пытаюсь я найти в преодолении человеком машины? Посредством законов природы силы ада и неба вступили между собою в борьбу. Законы даны против дьявола, магии, но дьявол их обратил на соблазн человеку: машина стала повелевать...

24 [Января] ездили на Машке в Пушкино, смотрели зверей...

Изучить жизнь дороги (повесть: Дорога).

После ранних и суровых морозов как бы в возмещение взятого ими не вовремя тепла теперь во время московских крещенских морозов стоит мягкая погода с оттепелями. Лошади в оттепель, останавливаясь на дороге, протаивали желтые кружки, другие лошади на ходу попадали в них и выбивали в этих слабых, рыхлых, растепленных местах ямы. Вся дорога при замерзании покрылась такими ямами, и автомобилисту она стала настоящей желтой опасностью.

Несметные стаи овсянок и полярные пуночки.

Передувы (бросает машину)

Разрыхленные, взмешанные места (на первую скорость)

Разъезжаться с машиной

Какие-то деревни, церкви, леса (мне-то до них какое дело!)

Страшные лесенки (рубели)

Сено обняло машину

Полные сани пьяных мужиков вскачь неслись на машину

Детский бич

Вдали красный тормозной огонек

25–26 Января. Оттепель. Моросит. Валенки следят в комнате.

Почта, телеграф у нас падают все ниже и ниже, милицию сократили и в ночные сторожа взяли пьяниц с колотушками. На улицах банды воришек: бледное дитя в лохмотьях с горящими глазами. Да и везде, если не в «достижения», а в человека смотреть, то мало хорошего.

27 [Января]. Все оттепель.

Автомобиль развивает снобизм. Но чувство ближнего, когда себе плохо, и по этому плохому находишь товарища и будто бы ему сочувствуешь, — тоже неверно. Так народники намотали на себя «мужика». И вот почему марксисты подходили к пролетарию бесчувственно.

Вечером разговор с Б. Он забил себе голову мечтой о натуральном хозяйстве. Эта мечта европейского происхождения и поддерживается его личным несчастием: это против конвейера; а у нас-то как раз и не хватает конвейера (сплошь ворье), и у нас не система, а момент высшего напряжения (занимайся сколько хочешь натур. хозяйством. Да, занимайся, а не мечтай!)

Приходил за деньгами на пропитие Ломакин. Несомненный и очевидный факт катастрофического понижения жизни в Загорске: дети на улицах — сплошь воры, колхозники в чайных — сплошь матерщина небывалая. Если не война немедленная (тогда все по-иному), то необходима какая-то чистка.

Житие Серафима: их ошибка — это догма и оградительная черта (ограда)...

Молчание: не молчание, а управление, сдержанность (на очередь).

Нимфа во сне: церковь (мистик) и книга (поэт).

«Социализм — это зажиточная жизнь через честный общественный труд» (Сталин).

Станок Гриндей (79 отв. в блоке цилиндров), станок Дип, Лоренц. Стандаризация и унификация. Переселение станков с запада на восток. Тезис — стандартная деталь и антитезис — специальный станок находит свое завершение в синтезе многих специальных станков, которые составляют завод. См. станок Агапова.

В стране создается универсальный станок, который освободит человека от физического труда и даст возможность мозгу заниматься лишь созданием нового. В то же самое время у нас в Загорске как раз к партсъезду вовсе погасло еле-еле влачащее тусклую жизнь свою электричество. А лампы керосиновые давно расстроены. Негде купить стекла. Единственное разбитое стекло обвязал тонкой проволокой и кое-как освещаюсь. И вот обыватель так по себе и смотрит: за своим перевязанным проволочкой стеклом не видит универсального станка. И когда придет война, этот обыватель по-прежнему будет ждать поражения: чуть что... а между тем, стоит лишь мало-мальски устроить такого человека в материальном... Вероятней всего, так и будет: войну будут откладывать до «зажиточной жизни».

29 Января. Вчера второй раз пустил мотор сам. Машина дала вспышку, чхнула, я подхватил большим газом и подсосом, пошла стрельба и чмоканье от подсоса, и так минут на десять: сосу, она чмокает с благодарностью, чхает, я еще, еще, и, наконец, ровным гулом она благодарит меня. Я стал убавлять газ и, когда начались на малых оборотах легкие перебои, дал чуть попозднее зажигание, и машина вся горячая с ровным дыханием не идет, а как будто спит и вся горячая видит во сне свой пробег по дороге в горах у берега моря.

Шофер до того занят, что ему нельзя ни чувствовать себя, забываясь, отдельно, как это сплошь и рядом бывает на ходу, ни мыслить, бродя глазами по горизонту и облакам: мысль шофера прикованная. И так хорошо бывает, когда позади женщины щебечут, как птички, не обращая никакого внимания ни на [шофера], ни...

Стандарт борется со своеволием мысли, и оттого человек, не только управляя, но даже просто как пассажир садясь в машину, всегда заметно глупеет.

Напряли на кривое веретено:

Ломовиками были, сбондили ящик с чаем, напряли на кривое веретено и получили катушку.

30 Января. Поставили спидометр, ездили на... Дорога взмешена, внизу между пригорками возле мостиков — месиво, выезжаем на первой скорости. Признания Павлика: сколько аварий! и все по причине ненормальной скорости, которая следствие выпивки. Грудью руль сломал. Старуху в снег толкнул, оглянулся, а она в снегу на коленках стоит, молится Богу, благодарит, что не попустил чудовище.

Мистический инженер Сологуба.

Тайна техники: величайшая тайна чисел является обыкновенному человеку в виде простой какой-нибудь гайки, которую каждому просто можно отвинтить и опять завинтить; если отвинтишь — гора сойдет с места, завинтишь — вернется гора и станет как была. Но не в этом дело, что двигается гора силою и желанием ребенка, а что кажется, будто об этом задумываться нечего, что это вполне естественно и так быть должно и непременно должно выйти, если гайку отвернуть или завернуть.

Таким образом, таинственный сологубовский инженер захватывает себе на службу великие кадры существ, ничего не понимающих, кроме того, чтобы гайку завинтить и отвинтить. Своей собственной необыкновенной гениальной мыслью таинственный инженер как бы похищает мысль других людей, и они живут бессмысленно, выполняя его предначертания: [включаю зажигание] и дается искра — я еду, и больше мне ничего не нужно, да и некогда

мне задумываться, при быстрой езде мне даже трудно иногда заглянуть на инструментальную доску машины, чтобы свериться с показателем скорости.

1 Февраля. Все продолжается тепло, max –5 С. Читаю Белого, кончаю «Колобок». Думаю о вырезанной статье Каменева и последней речи Луначарского: что... это им единственный путь выслужиться... В этом и есть наше различие, это основа всему: любить врага и убить врага. Можно убить, но разрядка силы любви (творчество) через это столь велика, что человек на другое остается мало пригодным...

Б. говорит, будто бы на Украине лишают теперь себя жизни морозом: выпьет на морозе две бутылки и заснет. Мне тоже это приходило в голову и пугает меня, что насчет конца нет у меня принципа.

Вечером был Фаворский.

Читая Белого о людях, с которыми я тоже имел дело, начиная свою литературу, наконец-то я понял, почему всегда чувствовал разделяющую меня с ними бездну, это потому, что лучшие из них искали выхода из литературы в жизнь, а я искал выхода из жизни в литературу. Бессознательно подчиняясь их заказу, я старался подать литературу свою как жизнь, т. е. шел тем самым путем, каким шли наши классики. А они все, будучи индивидуалистами, вопили истерически о преодолении индивидуализма до тех пор, пока революция не дала им по шее (Блок, Белый, Мережковский, Гиппиус, даже бедный Иванов-Разумник).

Что же такое «жизнь» в этом понимании? Это, прежде всего, значит быть вместе с другими (как в революции, их манила этим революция).

Разобрав бездну с символистами, беру бездну с эсерами и так определяю: эсеры пользовались мужиком как материалом для своих политических идей, и их этика была в конце концов эгоистически групповая, но вовсе не народная, как они ее представляли (Савинков, доплыв до мелкого места, все обнажил, и Чернов). У народников ме-

ня встречал костяк группов[ого] политика, маскированный универсальностью, у символистов костяк индивидуалиста...

3 Февраля. Испытал ужас: человек исчез у меня под машиной, и человек этот Лева!

Царство Берендеево и царство Сталина Москва: первый урок в Москве, все трудности — это выезд из переулка.

Путешествие из Москвы с беспомощными людьми (две женщины, будто квасом налиты). Метель. Мужики: «пора бы бросать ездить на машинках».

Павлик и Иветта (романические возможности автомобиля).

Выход книги «Жень-Шень». Перечитываю и удивляюсь, — откуда взялось!

В художественном творчестве с самого первого момента, начала подъема, бывает соблазн прекратить подъем и отдаться изображению испытанного... И если художник поддастся искушению и начнет досрочно писать картину, он будет во власти демонов искусства, его создание будет изложением жизни, скрежетом зубовным, самообожанием и отрицанием уважения к другому человеку.

Для того чтобы дать картину в гармоническом сочетании [многих] планов, нужно выждать соответствующий момент в подъеме, когда перевалил через себя к другому. Этот перевал очень труден для всякого, потому что бывает в нем один такой момент, когда приходится выпустить вожжи из рук, или все равно как броситься с высоты, доверяясь парашюту и в то же время <*зачеркнуто:* сомневаясь> зная, что: «а может быть, он и не раскроется». Риск при творчестве состоит в том, что ты утратишь в себе художника и останешься обыкновенным человеком, каким-нибудь бухгалтером, и должен вперед помириться и принять свое бытие в жизни как бухгалтера. Ты бросаешься в бездну с последними словами: — Ладно, если нет — принимаю [контору]: буду жить просто бухгалтером. Вот когда согласишься на это, жить на земле бухгалтером, то

демоны оставляют тебя, и ты как творец являешься хозяином дела и создаешь прекрасное.

Белый не дошел до этого перевала и, далеко не достигнув «жизни», остался во власти своих демонов. Блок — более счастливый в таланте — по существу тоже не дошел до перевала и обнажил демонизм свой в Христе «Двенадцати». А Ремизов? Они все, большие писатели и поэты того времени, искали томительно выхода из литературы в жизнь и не могли найти, потому что не дошли до той высоты, когда литературное творчество становится таким же самым жизнетворчеством, как дело уважающего себя и понимающего свое дело бухгалтера. Литературно-демоническое самомнение закрывало им двери жизни. И они все были такие, и Мережковские, и Брюсовы, все! Я долго не понимал, почему я себя в их обществе чувствовал неловко до крайности, как будто я сам не в состоянии стать на их высоту и подглядываю за ними: у меня не было их чувств, а я думал, что не было у меня литер. вкуса, культуры и образования. Только теперь я понимаю полярную противоположность наших стремлений: они стремились из литературы выйти в жизнь, а я хотел из жизни войти в литературу и просто сделаться писателем. С точки зрения их ведь это было невозможно ограниченное устремление и, конечно, мне это приходилось затаивать... Вот отчего иногда было ужасно стыдно быть в их обществе.

«Жень-Шень».

1) Замошкину
2) Наседкину
3) Русаковой
4) Смирнову
5) Борисову
6) Горькому
7) Реформатским
8) Игнатовым
9) Иванову Р.
10) Тальникову
11) Воронскому
12) Филимонову
13) Пильняку
14) Менделеевой
15) Авербаху
16) Ценскому
17) Шкловскому
18) Слетову
19) Семашко
20) Ворошилову
21) Новикову-Прибой
22) Петряеву
23) Федосову
24) Юдину

Автор просит Вас прочитать эту книгу и, если найдете в себе охоту, прислать о повести свой отзыв по адресу...

Умница.

Жена сказала: — Какая умная собака наша! — Я спросил: — Какая? — Она: — Бьюшка. Как же... сегодня ночью воры выломали у нас доску в заборе, а она, умница... — Я подумал глупо: а она взяла да эту доску прибила... — А она, умница, — продолжала жена, — нырь в эту дыру... — Я подумал: умница Бьюшка догнала воров и задала им перцу. А жена говорит: — А она, умница, понюхала следы и вернулась домой — В чем же ум? — спросил. — А что дверь свою знает: не ушла, а вернулась.

Завтра 6 Фев. (23 Янв.): 61 год.

В Москве я самый старый шофер. Если события так будут лететь, как летят, то можно не пугаться близостью своего конца: много будет всего!

7 Февраля. Метель. Сдан «Колобок». Свобода!

План: изучение темы «Дорога» (молчание!). Завтра бумагу из Оргкомитета. Добиться гаража в Москве. Научиться ездить в Москве. Сдать экзамен. Осмотр заводов. Подготовка поездки в Нижний.

Страшный шофер: чуть опасность — Павлик от страха смеется; я думал, что он человек особенный, но храбрый; но я рассказал ему, что у меня человек исчез под автомобиль и оттуда раздался крик: папа! — это был мой сын. Павлик и тут засмеялся, захохотал. Тут мне стало страшно.

Метель. Дорога: это чей-то след в кружке. По следу. Повалило. След исчез. Горы: о машинах. Застряли. Мужики: пора бы бросать на машинках ездить.

$^1/_2$ 8-го утра. На вокзале в Москву.

Невозможно нигде найти такую страну, как вырезал ее гравер-мороз 8-го Февраля 1934 года на окне вокзала в Загорске, когда мы стояли в очереди за билетами к местному поезду, уходящему в Москву в 8.10 утра. Как раз в это время чистый голубой восток озарился, и гравюра на окне стала цветной, из голубого и красного.

Гронский точно так же заедает Ценского, как и меня чуть не заел, только вот что я его подавил (или он подавился мною). Ценский упал в обморок, сердце... Такие личности теперь похожи на те высокие сосны, которые ветер легко валяет, потому что они стоят без защитной среды. (Малейший укол — и всю ночь не заснешь, и так вторая, третья ночь...) Так срезало Белого.

«Ученый еврей».

Ученый еврей, страдающий от самолюбия до... маленький человек...

Шкловский, когда Горький одобрил мою работу, «Канал» — сказал мне: — Это лучшая работа из всех. А когда моя работа провалилась, на вопрос Филимонова, почему работа Пришвина не пошла, ответил: — В ней есть одно только живое место.

<Приписка:> Шкловскому: — На всякого мудреца довольно простоты.

Записался на ионизацию руки, начиная от 9-го по нечетным дням до 1-го Марта.

Получил от Оргкомитета бумагу к Свистуну. Вечером у Замошкина.

Гений Белого <*приписка:* рассеянный гений>.

Мысль о снежной метели: мужик сказал: пора бы на машинке ездить бросать. По-прежнему, как это Толстой, это стихия, а у нас смерть: (неизбежность) но и то: героическая смерть (стратосфера).

Из всего этого два мира: лошадь и машина, мужик и шофер (а как ведь мужик должен ненавидеть машину!).

9 Февраля. Хлопоты о гараже. Ионизация — обед (1 ч. — 3 ч.). Чернила Брюсов пер. ГИХЛ: «Колобок», «Красная Новь», 30 дней, МТП: Мой очерк, «Жень-Шень».

10 Февраля. 30 дней и ГИХЛ и Влад. Влад. Ермилов. 1-я ионизация. Добывание медиц. свидетельства. Неудача у Свистуна. Визит Григ. Ильича Именитова.

Все яснеет тема смерти: мужицко-толстовская и героев стратосферы (две дороги: снежная метель), борьба и смирение: когда тонешь, то борьба.

Новая дорога до известного предела, а потом: дело не стоит борьбы: в этом и есть старая дорога и новая дорога.

NB. Я тону и борюсь с волной, и вот граница борьбы и ясное сознание: жизнь того не стоит — и смерть! А там (стратосфера): до конца.

Нашел человека, который не верит в войну, а вооружение понимает как накладные расходы на ночного сторожа...

Дела на 10-е: отправить в 30 дней «Строитель Кондриков». Позвонить в 8 у. Ракову; в Автоснаб и обратно в «Огонек» (около 12 д.). Звонок Воронскому. Дальнейшее само скажется.

Появление Евг. Ив. Ракова (шофер): романические приключения: фактически жена, а не расписались, а она: расписались, но фактически не живем. «Жук» (в смысле жулик).

Узнал, что «Машкой» нельзя назвать: жизнь — 3 года; Бьюик увезли: нашли с помятым буфером, сломанным крылом и в крови.

Появление Савина.

Город, улицы как реки и на реках машины.

Совет Н. И. Савину: бросать старый дом и родной город и все это сохранять в себе, воспроизводить и так воскрешать: тогда старое сохранится в новом и новое нельзя создать без этого старого... Где же мера, как узнать — что надо бросать и в себе сохранять, или защищать имущество (ведь и защищать-то надо): это каждый раз надо самому чувствовать.

13–15 Февраля. Салончик Тальникова. Соблазн или надо: начинает тянуть всмотреться в природу «обыкновенного человека» и до конца выявить его подлость. Надо ли это в смысле того сосуда с гадами, который надо было проглотить апостолу (как Гоголю пришлось, да не осилил), или же это соблазн от чтения книги Белого («Нача-

ло века»): тот соблазн из потребности сохранить хорошее самомнение, унижая относительно себя среду?

Еврейский пессимизм (Именитов, Тальников): на него натыкаешься, как на стену в тупике: напр., в разговоре о РАППе они объясняют сущность РАППа стремлением группы захватить в свои руки «листаж» и самим только печататься и т. п., т. е. объясняют не идейными побуждениями, а личными или групповыми потребностями; как будто действуют личности без лиц, в лицах они видят одно только личное: вероятно, такого рода «пессимизм» характеризует большую группу марксистов.

Сегодня 1) — $^1/_2$ 10-го рукопись: проверить и сдать в «Красн. Новь» 2) — в $^1/_2$ 12-го — до $^1/_2$ 1-го — визит Кольцову 3) — в 1 ч. — $^1/_2$ 2-го — электризация.

1) $^1/_2$ 10 — $^1/_2$ 12-го проверка 2) $^1/_2$ 12 — $^1/_2$ 1-го телеф. Кольцов 3) 1 ч. — $^1/_2$ 2-го электризация 4) 2 часа — «Новь» и Лукин до 2.45 м. 5) Обед от 3 ч. до $^1/_2$ 4-го 6) 3 $^1/_2$ — 4 $^1/_2$— отъезд.

16 Февраля. В основе всех моих удачных вещей лежит непременно остро пережитое, с риском для себя. Так вот и с Машкой вышло. Но, кажется, этот опыт с машиной так не прошел: стал чувствовать сердце.

На 16-е: 1) Сборник для детей. 2) О «страничке» 3) Фото для «Огонька».

18 [Февраля]. Воскресенье (Прощеное).

Блины. — (Петя, Лева).

Разговор с Костей: Тракторист: каждую борозду продувает карбюратор, губы от керосина облезли, выхлопная труба задушила газами, стук мотора, дым, — отошел в сторону: летят журавли! проклятие машине (виновата не машина, а колхоз), нет хозяина машине: керосин не процежен. Генрихсону надоело чинить, стал пахать: машина ехать хочет и наслаждение делом — пахотой.

19 Февраля. (Вел. пост).

«Вставить машину».

20 Февраля. Видел в Москве из окна первые кучевые облака.

Закрепляюсь в автоклубе. Беседовал с инженером Балль Степан Станиславович. Порядок знакомства с делом: I) Гараж с профилакторием (1-й и 2-й ремонт) II) Станция обслуживания (Гладышев) III) Рем. мастерские и заводы (Гараж № 1 и Г. № 2)

Ремонт: части для замены сношенных должны быть не те, что в проекте первом. Такого завода еще нет.

1) Психотехнический институт. 2) Институт охраны труда (институт Эрисмана). Дашкевич занимается историей автомобиля.

Коробка скоростей — главная причина расстройства здоровья шофера. Заменяется дизель — электро.

Баранка (руль).

Психика шофера по себе: машина вынула душу из человека (семья, водка, земледельческое прошлое).

Инженер должен внушить шоферу, чтобы он себя понимал за одно с машиной.

Конференция областная 27, 28, 1-го Марта, всесоюзная — 9 Марта.

Вот еще тема: география дорог — в песках, по чернозему, по глине, в жаре, стуже и т. д.

«Влип в тормоза».

Итак, пока Новая дорога разбивается на три отдела для изучения: 1) Машина 2) Человек 3) Дорога.

Сюжет:

Костя тракторист и поэт. Не любит машину: каждую борозду продувает, керосин сжег губы, вонь, грохот, и вот летят журавли. Плуг оставил с проклятием. Отходит покурить: журавли... А мотор остановился, и не может завести. Выбился из сил... Механик Генрихсон с утра до ночи чинит тракторы. Чтобы не сидеть в мастерской, решил сам пахать, и тут явилось счастье в пахоте (как быстрая езда: наслаждение властью, мощью).

...можно: Костя не может завести; Генрихсон находит причину и радуется: машина чхает, машина ехать хочет, и машина — это лючче всего!

Два последних лета я не жил на Журавлиной родине из-за трудности переезда от меня из Загорска туда, хотя весь переезд сорок верст! С вещами на паре рублей за двести, пожалуй бы, и отвезли, да ведь и назад двести, да раза два-три надо за лето все-таки съездить и за провизией, и для связи в делах. Очень дорого выходит, да так вот и остался дома сидеть, и прошло два года, я стал тосковать по болотам, как будто действительно, как журавль, заблудился и потерял свою родину.

Однажды ночью и даже прямо во сне мне пришла в голову мысль о том, что выходом в моем положении будет машина: сорок верст для машины какой-нибудь час — один час — и я на Журавлиной родине. Эта мысль, как бывает во сне у охотников, растворилась в особенно острорадостном чувстве природы, где уже не журавли летали и не обыкновенные синицы, а какие-то прелестные птиницы. Утром, сохранив в себе одно лишь чувство приятности сна, я мало-помалу от птиницы до птиницы, как по лестнице, добрался до мысли о машине, и мне показалось, что ведь это возможно: теперь их делают у нас, и, если я теперь заявлю, меня запишут в очередь и рано или поздно дадут.

Недолго думая, написал я Молотову, мотивируя невозможностью при современных условиях транспорта заниматься своим краеведением и что, может быть, самая машина увлечет меня и сделается предметом моего изучения и описания. Переписав на машинке это короткое письмо, я решил прогуляться по городу и занести на почту это заказное письмо. Когда я через полчаса, отправив письмо, возвращался, то увидел на своей улице как раз против моего дома несколько сгрудившихся грузовиков и среди них нечто маленькое и подобное легковому автомобилю. Это, оказалось, наш известный механик Генрихсон, сам собравший себе из какого-то хлама машину, столкнулся с грузовиком, вернее, грузовик налетел на него и, конечно, разбил вдребезги небольшую самодельную машину и сам тоже свалился в канаву. Другие машины собрались помогать.

Дома я рассказал жене об этом совпадении: отправил письмо с просьбой машины, и как раз машина разбилась

у меня перед окном. Жена не стала толковать это печальное событие в худую сторону: она просто не верила, что из моего письма что-нибудь выйдет, и больше значения придала не письму к Молотову, а сну моему о птиницах на Журавлиной родине. <*Приписка:* — Какие же это птицы такие? — спросила она, — синенькие, или какие? — Да, синенькие, — ответил я, — как ты узнала и на что это тебе? — Она задумалась и ничего не сказала.> Только уже через три дня, когда пришла бумага от Совнаркома с распоряжением Молотова дать мне машину, она приняла всерьез совпадение сна моего, решения написать и столкновения перед окном. Однако, она не надеялась, что я раздобуду 5000 р. для уплаты за машину, и не стала толковать это в худую сторону. Я не суеверный человек, но бороться с собой приходится, и это всегда неприятно. Вот почему, когда я через несколько дней, обегав издательства, наскреб необходимую сумму для выкупа автомобиля и жена этому обрадовалась и не вспомнила о печальном предзнаменовании, я очень обрадовался и стал даже толковать все обратно, к хорошему, как предупреждение об опасности: постоянно, мол, думай о случае с Генрихсоном у тебя под окном, и с тобой никогда ничего не случится.

Одновременно с получением письма от Совнаркома я, вообще по природе своей бесконечно далекий от машин, стал понимать себя в положении земледельца или кустаря, которому достался по билету лотереи автодора автомобиль: это может быть отличным сюжетом рассказа, в котором можно будет изобразить психологию земледельца и нового для нашей страны человека, водителя машины. Много раз я к этой теме старался подойти и с этой целью не раз осматривал большие заводы. И нет! я не мог найти случая, чтобы не одной головой, а всей личностью, цельно соприкоснуться с машиной и отсюда, из этой новой среды понять нового нужного нам человека, пролетария, хозяина и повелителя машины в его отношении к своему земледельческому прошлому. Теперь же так выходило, что машина как волшебная сила, могущая в любой момент переносить меня к птиницам на Журавлиную родину, входила в состав моей творческой личности.

Понимая себя самого в образе земледельца, выигравшего автомобиль, я стал представлять себе возможные последствия такого начала. Пусть этот крестьянин не вошел в колхоз из-за старинной вражды с некоторыми своими односельчанами и примазался скворешничком на краю города: пусть в своей высшей природе он коммунист, но жизнь заставила быть единоличником. Получив машину, он сначала выдумал превратить ее в грузовик и много зарабатывать. Но такое положение невыгодно утверждало его как единоличника. После долгой мучительной борьбы с самим собой он не хочет отдаваться во власть своего «счастья», а, напротив, решает сам владеть счастьем своим: он будет по-прежнему скромно жить своим огородом и молоко от коровы менять на хлеб, а машина ему будет только любовь, только счастье: он с женой будет ездить летом на этой машине за грибами и клюквой. Вот эта мечта в будущем самому овладеть машиной, чтобы ездить за малиной, грибами и клюквой, мало-помалу вовлекает бывшего земледельца в серьезное изучение машины и, начав с пустяков, с мечты о клюкве, он входит через машину в круг больших вопросов всей современной культуры.

Зачем выдумывать, сочинять, если можно прямо жить как в сказке: не на бумаге будет у меня, а в жизни, и только свой действительный роман с машиной я буду записывать.

26 Октября. Как мы получили машину.

22. Смазка машины с Петей — 25
24. в Пушкино — 80
1350

Из бочки в 150 лит. взято 22/I б. бидон в 17 лит.
24/I 17 + 2 малых.

27. Первый раз самостоятельно (один) завел Машку с горячей водой и горячим маслом.

29. Второй раз завел, без нагрева масла.

30. Третий раз завел. Поставили спидометр на 3313000 <*приписка:* + 1350>. Ездил к Переславлю: 33203
33130 = 73 к.

3/II. Поездка в Москву 33381 – 33203 = 178
12/II. Поездка с Петей 33414 33
3881 389
Итого 1245
389 = 1534

11/III с Петей накат. маш. 33500
12/III. с Левой 21 килом.
17/III. За Петей 33611

Жизнь машины.

26 Октября получена машина. по Москве —	20 клм.	
28 по Москве и до Загорска	—	80 клм.
30 до Москвы и обратно —	150	
1 ученье в городе	10	
2 Москва – Салтыковка и обратно		220
6 с Петей учеба	20	
7-го с Павлом С.	30	
12 с Петей		30
16-го с Гагинским (1-й урок)		30
17 – второй урок Гагинского без машины		
18 – третий урок Г.		30 к.
2 раза по 30 клм.	60 к.	
14-го/XII за бензином и маслом с Безродным	30	
28? Туда же с Павлом Супко		15 к.
24 с Генрихсоном до Софрина	60 к.	
28 в Москву		160 к.
1 Янв. с Петей		80 к.
6 Янв., нефтесклад, пожар	10	
8 Красная сторожка		30
12 Селково	80	
18 Переславль		100
		1245 к.

22 Февраля. (1-я неделя).

Вчера N. в 30-днях привел цитату Маркса о машине (из «Die heilige Familie»), где будто бы Маркс хочет понять машину вроде как бы некую человеческую сущность (колена, зубчатки, шестерни — с человека). Найти это место.

Есть что-то страшное в машине, когда она застывает без работы, и то же, но по-другому, когда она работает. Чтобы машину понять, надо иметь особое чувство (вероятно, общественности), подобное чувству природы. Свой мускул? нет, — это чужой мускул в некровной связи со мной... некровная, неродовая, неродственная связь с моими предками...

Я не считаю это в себе за невежество, если я о чем-нибудь не знаю и молчу: невежда — это кто говорит о том, чего не знает. И я даже лично для себя усвоил правило, имеющее значение личной гигиены: не очень беспокоиться о своем незнании, тем более ни в каком случае за это не упрекать себя; необходимость в том или другом знании подсказывается ходом жизни моей, и когда жизнь поспеет для данного знания, оно усваивается с большой радостью.

Быть может, надо иных людей охранять, беречь от поверхностного удовлетворения любознательности до того момента, когда это бывает надо. Знание как залежь торфа или угля, и не тот образованный, кто использует ту или другую залежь, а кто чувствует себя способным использовать всякую залежь. Человек должен скопить в себе такое нечто, чтобы оно в соприкосновении со знанием давало огонь (сознания).

<На полях:> *дырочка*
государство как машина

Весна света: <*зачеркнуто:* запах снега на солнце>. Зимняя одежда поизносилась. Едем в автобусе, держимся от качки за поводки вверху, — скоро, скоро весна: у всех женщин под мышкой открылось по дырочке.

Государство как машина, и если мы видим трудный переход земледельца от сохи к трактору, то ведь еще труднее переход его к новому механизму государства. Везде родственная личная связь заменяется знанием: хозяином положения являются «спецы» всякого рода. Не сученой ниткой, как раньше, сшивается наше государство, а машинной...

Дорога.

Москва—Ташкент... 3950 км, из них только 432 машины шли по шоссе. Остальное — суглинистый тракт, с крутыми подъемами, черноземный и песчаный проселок, солончаки, овраги, зачастую только очертания дороги в условиях песчаной почвы, где совершенно отсутствует вода, заболоченные места, высохшие арыки, верблюжьи тропы, заброшенные еще в прошлом столетии почтовые тракты, голая степь-целина, сыпучие барханы с крутыми откосами.

22 Февраля. (продолжение)

В третьем часу дня за мной прислали машину из Москвы «от ЦК». Я думал, еду чуть ли не к Сталину, а оказалось, к Стецкому, и там оказался Шумяцкий, и все «от ЦК» было подстроено, чтобы поймать автора и заказать ему фильм для кино. Приемчик! а между тем, нам с Левой из-за этого приемчика на дороге плохо пришлось: шофер «вставил» машину.

Лежит гора бревен, вдруг покатилось сверху бревно, шофер от бревна бросил машину, а там человек, — кто поверит, что причина гибели человека было бревно, а не шофер?

Мальчишка уцепился ладонями за ящик грузовика и мчится, болтаясь, как неживой. Колесо машины попадает в яму, мальчишка отрывается и летит под колесо легковой машины...

Мы спешили попасть в Москву к 5 ч., полагая, что в ЦК — раз за мной в Загорск машину прислали — какое-то решающее заседание о положении сов. литературы. Машина летит по 80 кил. в час. Впереди шлагбаум. Поднята правая сторона, и через нее проходит грузовая машина, и наша идет тоже по правой ей навстречу. Наш шофер после 80 килом. снижает скорость до 40, но после 80 ему кажется, будто он едет очень тихо. И это (главное), и что, может быть, на скользком пути тормоз не сдержал, и, возможно, отблеск солнца с дороги ослепил, — шофер наш вставил машину в заднее левое колесо грузовика. Раздался скрежет машины и стон человека: это Лева ударился

лбом о толстое стекло и навзничь упал... Буфер сломался, погнута ось, громадная шишка на голове и в глубине души, на самом дне как бы глухая боль о потере себя в суете, в ненужном стремлении. И после в Москве среди моря машин все кажется, что они все так, что и их вызвал в суету какой-то пустой дух... Так мы приехали в ЦК, и оказалось не заседание, а просто Стецкий под маркой ЦК вызвал нас, чтобы заказать сценарий для кино... Пустой дух...

Дети любят ужасно машину, но, попав в нее, засыпают.

Из машины человек выходит, как рассидевшаяся курица, клуха, когда ее сгоняют с места и она глумная, ошеломленная начинает ходить по двору. Так мы ходили вокруг ЦК в поисках пропуска...

В зеркальце виднелись бледно до бесцветности голубые глаза шофера, устремленные в странной неподвижности в одну точку: как будто это были не живые глаза, а специальные объективы для целесообразного фотографирования пути и последующей сигнализации двум пятерням, вращающим баранку руля. — Можно ли его спросить, способен ли он вникать во что-нибудь, не относящееся дороги и машины? Мы рискнули спросить, и, к удивлению нашему, со стороны руля глухим человеческим голосом... [шофер должен быть в единстве с машиной] —

23 Февраля. С Лукиным (Юрий Борисович) за правкой «Колобка». Появление Пяста. Совещание у Шумяцкого о сценарии с Филимоновым: у Пудовского грипп. Так пусть и будет: делать не буду, а если хотят — пусть из моих вещей делают.

24 Февраля. Статья в «Литературке» «Михаил Пришвин»: бездарная и сдержанно отрицательная: ни рыба, ни мясо, и отвечать нельзя. Приходится работать, «не обращая внимания», но, конечно, если удастся найти благоприятный поток, надо воспользоваться: на очереди, значит, если предоставится возможность, надо подобрать своих людей.

Проект письма в «Лит. газету».

Уважаем. тов. редактор, в № помещена статья Л. «Михаил Пришвин», не содержащая никаких новых мыслей о моем творчестве, а имеющая замыслом умалить «идею» автора до охотничьего домика с умными собаками. Эта статья является отрыжкой рапповской травли моего творчества, прекращенной статьями Горького, отводящими мне определенное и видное место в общем советском творческом литературном пр[оцессе]. К этому имею сообщить, что или вследствие ориентации Горького, или вещь моя сама за себя, повесть нашла себе сочувствие в ЦК партии: Культпроп в самое последнее время предложил мне создать фильм, отражающий природу именно в моем понимании. Вместе с тем, я также знаю, что одно лицо, чрезвычайно авторитетное для нас с Вами, высказалось о необходимости создания действенного пейзажа как раз в том духе, как это делаю я. Вследствие всего сказанного прошу Вас наметить о моем творчестве статью, все равно для меня, за или против, но дающую мне импульс к творчеству и ответу, содержательную, а не пустую, сознательно умаляющую значение моего творчества и по своей бессодержательности и совершенной бездарности не позволяющую мне взяться за ответ.

Постановили: Не посылать этого, а послать Леву.

Закончен у Лукина «Колобок».

Вечер Литвинова. Спокойное отношение: будут крепко цепляться — да, нет — и нет: на нет суда нет.

Кому «Жень-Шень»?

1) Сестре Анне Артем. Свечиной за чудесное исцеление руки +

2) Алекс. Арк. Литвинову +

3) Екат. Русаковой

Ваше письмо об этой вещи понимаю как от Марьи Моревны и в свою очередь, Катеринушка в Красной шапочке, примите легенду мою о Жень-Шень себе как завет от Ивана Царевича <*зачеркнуто:* найти> <*зачеркнуто:* беречь свой Жень-Шень>.

{ 4) Борисову Троф. Михайловичу.
{ 5) Арсеньевой Марг. Ник.

25 Февраля. 9-я процедура и последняя.

Филимонов зарвался: Шумяцкий понял так, что ЦК обращается к Пришвину дать природу на фильм, а за дело берется сценарист средней руки. Мне Литвинов понравился. Я решил сделать опыт и отложить тему дороги. За $2^1/_2$ месяца (1/2 июня) вещь должна быть окончена.

<*Зачеркнуто:* Либретто:> «Природа» и враг (японец): первое и наверху и у меня, второе лишь наверху.

27 Февраля. В 1 ч. д. предстоит разговор с Шумяцким и потом с Литвиновым. 1) Отстранение Филимонова: я буду сам: выйду из своей работы, поеду на съемку, словом, до конца работаю (арт. подготовка к «сумме»). 2) Фильм посвящен природе и охоте Приморья Уссур. края, включая в обстановку действия и чувство близости врага. 3) Исходным материалом для сценария берется сочинение автора «Новая Даурия» и «Корень Жизни». Историч. обрамление: война 1905 г. — строит. 1934 г. <*Приписка:* 29 20 + 29 = 49 л.> 4) Режиссер Литвинов 5) Технический консультант 6) 1-го Марта Литвинов у меня с консультантом.

Тема.

Природа южно-уссурийского края в историческом обрамлении войны 1905 г. и тревоги на границе с Маньчжурией в последнее время.

Внутренний план: жизнетворчество в образе корня жизни Жень-Шень.

Более широкий план: напряженный ход строительства, передаваемый изображением пантового хозяйства от 1-го пойманного дикого оленя кончая современной научно-опытн. станцией.

Еще более широкий план: природа приморского края как условие строительства, враги и друзья пантового хозяйства: тигр, барс, красный волк.

Обрамление: Тигровая сопка во Владивостоке.

1 ч. дня. Сговорились: Шумяцкий, Орликова, Литвинов: 3-го Марта окончательный договор с директором. Над Литвиновым тяготеет подозрение в документализме (или натурализм, а надо реализм). Каганович будто бы сказал, что нам в кино надо дать кусок земли, которую «сов. гражданин должен любить и за нее стоять и показать ее иностранцам не стыдно». Как раз тут вот и есть мое Приморье. «В общем» только сейчас понимаю, что заказ ЦК мне фильма есть событие.

1Марта. Разбирая с Пястом Бальмонта, я вспомнил из Белого («Начало века») о том, как Брюсов, оскорбленный, побил Бальмонта и как на другой день Бальмонт пришел к Брюсову: «добр!» — сказал о нем Брюсов Белому. Так вот и я сказал Пясту теперь: «он — добрый». Пяст принялся хохотать, удивленный, что на Бальмонта можно смотреть с этой стороны. И вообще качество «добрый» ныне выцвело, как, бывает, красный флаг становится от времени белым: добрый теперь почти значит слабый.

Вчера в лесу встретился человек с рыночной корзинкой и остановил меня: — Я, — сказал он, — целый год искал встретиться с Пришвиным: правда, что вы сказали, что от нас, от черни, от простого народа одна лунь останется? Позвольте, гражданин Пришвин, ведь я тоже защищал планету: у меня и бок, и нога болят от войны. Мне говорят: «твоя война империалистическая», а я им отвечаю: это все равно, человек идет на войну не по своей воле, все равно я планету защищал, получил рану, и на вот: одна лунь. А как верно вы сказали, будто вырезано: останется одна лунь.

<На полях:> Я за планету воевал

Обсуждали с Любой разделение людей нашего времени на бесчувственных (строителей) и терпящих: нужда бесконечная! Дальше и дальше отходит «народ», глуше и глуше жалобы, все это замирает вдали... Спасайся сам! Всякий слабый за твою доброту ужалит.

Экспозиция: Тигровая сопка от тигра до апофеоза труда.

Действ. лица

Сапер-химик 20—45 л. Илья Астахов (с Арсеньева)

Невеста — женщина превращается в Хуа-лу — олень-цветок

Лувен — искатель корня жизни

Шесть маньчжуров

Пациенты Лувена: разные народности Дальнего Востока.

2 Марта. Вчера вечером у Бострема поднялась тема о жизни на лезвии между луною и планерами: если с луною, то проваливаешься в прошлое, если с планерами, то теряется то высшее чувство мира как целого с конечным своим заключением: «да будет воля Твоя!» И так вот живешь на острие, как акробат, по чувству утраты, пустоте догадываешься, что клонишься в сторону дельцов, или, наоборот, поднимается сочувствие к безвинно терпящему человеку с гневным протестом вплоть до готовности к концу и возмездию... если взять анализ чувства, возникающего при управлении машиной и работе на огороде, да будет воля моя и да будет воля Твоя, то это как раз и выразит нынешнюю антиномию.

Вопль земли достигает все-таки верхов, и одним из ответов на это, вероятно, и есть попытка расширить тематику литературы включением «природы».

3 Марта. Лорх Александр Георг. Улица Новослободская, д. 31, к. 24. Агроном-картофельник: приходил за советом ко мне как к автору лучшей книги по картофелю, написанной 30 лет тому назад; почему радио, аэроплан за это время выдумали и еще больше — государственный механизм советского строя, но книга моя по картофелю так и осталась единственной?

Вчера был Литвинов с помощником и репетировали роль мою на сегодня. Я выступаю как путешественник: сколько времени исследовать, столько же и собираться. Через две недели — черновой сценарий, а они: — организованная группа во главе с человеком, который будет сноситься со мной.

Мой метод работы: сценарий должен быть произведением словесного искусства, но не шпаргалкой для режиссера. Я работаю с режиссером и труппой, начиная от этого заседания кончая постановкой.

<Приписка:> Арсеньева Марг. Ник. Владивост., Федоровская, 7, кв. 4.

Дело с кино покончено: я в седле. Пункт б) параграфа 1-го договора принимаю как свидетельство исторического поворота в отношении искусства: «...показ без нарочитой предвзятости и голой агитационности; идейность произведения должна вытекать из его внутренних худож. свойств». Ефр. Павл., услыхав это, ахнула и сказала: — Вот бы так и во всем: кому нужно мученье людей в этих маленьких колхозах? пусть бы остались большие и образцовые, а маленькие жили бы как знают, и у них от большого само бы по себе все переменялось к лучшему. Да верно раз у вас наверху перемена, это и до них дойдет.

Разговор с Шумяцким о кинозайцах и многолетней борьбе с ними за идейность фильма.

Первый зевок на представлении.

Сюжет для рассказа: девочка, выросшая в городе, услыхала в граммофоне пластинку, в которой между прочим поет канарейка; услыхав канарейку, городская девочка, зная, что всякий раз перед пением в граммофоне заводится пружина, спросила: — А кто птичку завел?

Видел, как маленькие дети на улице смотрели на солнце, под которым ветер нес облака: детям казалось, что солнце мчится и то ныряет в летнее уже, кучевое облако, то вырвется и летит по голубому. Дети заметили даже, что облако это новое, не как зимой, и восхищенно смотрели на небо и обсуждали все вместе.

По-видимому, людей мучить можно сколько угодно: поэзия остается в детях, в зародышах...

Приступая к мысли о чем-нибудь серьезном, нам теперь необходимо, как при запоре, касторку принять: освободиться от «незыблемых» начал, усвоенных в либерально гуманное время.

4 Марта. Удачно начал переделку повести в сценарий. Оставить для решения вопрос: верно ли, что всякую драматургическую вещь лучше всего написать как чисто литературно-художественный жанр (повесть, рассказ, поэму), и уже после создания этого найти драматургическое ядро и дать сценическое оформление?

Конец думаю вывести к пониманию зрителем в строительстве оленьей фермы всего нашего строительства с догадкой, что Япония находится близко. И закончить надписью: «Ни пяди чужой земли не берем и своей не отдадим ни вершка».

Вечером Петя приехал.

5 Марта. Разряжали, заводя, Машку и накатывали: 30 килом. Чувство тревоги всегда сопровождает шофера, а если она его оставляет, то скоро бывает авария... Вообще скоро перейдешь к деловым поездкам...

Пристрелка маузера: постоян. мушка на 70 мет., тогда на 100 шагов бить полной мушкой под цель (испытать), на 70 шагов — 50 — 30 мелкой мушкой под цель...

Работа над сценарием: человек вынужден оставить свою родину и создать новую. (Новая родина).

Как бы ни старался вести себя человек, все равно другому человеку остается от него такое, чего он сам не знает в себе, потому что не в состоянии посмотреть холодно на себя со стороны. Он только может узнавать это, расспрашивая, и вести себя потом, считаясь с этим, но обо всем ему никогда не узнать, и всегда, может быть, явится такой человек, который в нем увидит такое, чего никто не видел. Надо жить, помня всегда об этом «всевидящем» глазе.

6 Марта. К лыжам липнет снег, лисицу нельзя обложить. Продвигаю 1-й акт. Читаю сценарий «Крестьяне» про колхоз и свиней: нет языка, нет воздуха, но зато много страшной правды.

7 Марта. Утром закончил 1-й акт. Знаю, что напишу хорошо, но сказочно, <*зачеркнуто:* слишком> поэтично

и тонко: возможно, что выйдет не ко двору и лучше заранее быть готовым к провалу. Но работается чудесно.

После работы три часа бродил в снегах на солнце. Вечером наметываю второй акт: любовь.

8 Марта. Пасмурно. Теплеет.

Второй акт набросал. От Левы: соглашаются на 20: пусть бы и соглашался, а то ведь медведь не убит. Важное известие: Авербаха бахнули! Вечером был у Григорьева: какой умный человек и живет впустую! Узнал, что Семашко засел в «Детгиз». Замечательная статья Бухарина о современных идеях Запада и проч.: ни дать, ни взять то, о чем говорит «беспредметник».

До поездки к Дуничке: 9, 10, 11, 12, 13 = 5 дней; хорошо бы за эти дни начерно сшить весь сценарий.

9 Марта. Пасмурно, весенеет.

Работа над 3-им актом. Писатель над чем думает, то самое он и есть на то время, пока пишет, а кто он, когда не пишет, что остается в нем вне воображения, в этом его обыкновенно не судят (разговор с Пястом: Бальмонт добрый — смешно; тут улыбка снисходительная, но есть пакостники, — в этом остатке обывателя в художнике производят раскопки и судят как обывателей: Вересаев Пушкина).

Незнакомка и обновки (с вещью переживаешь то же самое, что с человеком: <*зачеркнуто:* вещь невеста, вещь жена: живешь и живешь; вещь прожила долго и стала любимая старая вещь>.

10 Марта. Постепенно становится все мягче и мягче. Бострем высказал интересную мысль (не знаю только, его ли собственная), которая не раз и мне приходила в голову: это, если я для своей книги беру материалы из природы, то критику моя книга должна быть как сама природа, и чтобы о ней верно сказать, он должен стать к ней в такое же отношение, как я был к природе.

Литературный сценарий не должен быть протоколом нумерованных кусков фильма: это худож. произведение,

но в то же время должен содержать в себе возможность для [режиссера] дать себя легко разобрать на сценарные куски.

11 Марта. Всю ночь не спал: подвело «дитя природы» (держится умненько, но как только забудется и перестанет держаться, Господи веси! — куда понесет?)

Цена разума определяется в соотношении его с другими рабочими силами организма, вот как в автомобиле венчающий его движение разум шофера — и никак не больше, никак не сам по себе. Нет разума без дела, как все равно «вера без дел мертва».

Deus ex machine стало не парадоксом, а действительно ведь появился: одно то, что в Москве погибает и уродуется в день около 300 человек от машины: deus e. m. стал трагическим лицом.

«Вторая природа» (то, что раньше было deus ex machine): [теперь] намечается некое преодоление Deus'a путем всеобщего воспитывающего детей восторга перед героями воздуха, льдов и т. п.

К этому: «заводная птичка» и противопоставление смерти толстовского крестьянина и героя стратосферы.

Deus ex machine в настоящее время должен быть раскрыт как личность: изучение машины.

Котынский (Военное. общ.) 4. 71. 28 (от 11 до 4)
(ул. Белинского)

12 [Марта] — были у нас Реформатские, Фаворский, Кожевниковы.

16 Марта. 14-го ездили с Павловной поздравлять Дунечку (1-е Марта), к нам присоединились в Москве Лева, Галина, Андрюша. (У Игнатовых. Соф. Яков. плоха). Было очень хорошо. Уговорились съехаться у нас 12-го.

Погода раскисла, автомобили обдают с ног до головы. Вечером были у меня Литвинов и Калик: «не ожидали».

Думаю, что надо оведьмить женщину («Бурундук») и добыть жену. Лувена овосточить, маньчжуров превра-

тить в хунхузов. Изобразить Тайфун (взять в ремарки: как рушатся скалы и проч.). Подумать о титрах.

На машине, если ей самому управлять...

На машине летишь в час сто километров, но если сам управляешь, то <*зачеркнуто:* не только сохраняешь в себе весь труд пешехода> расходуешь...

Пусть летит автомобиль по 100 километров в час, а пешеход идет только пять-шесть: от этой скорости шоферу не только не легче, чем пешеходу, но еще много труднее. Сравнительно во столько же раз, во сколько скорость возрастает, расходуется энергия человека сравнительно с пешеходом.

17 [Марта]. В 9 у. заложил «Машку», провез Павловну до Зверосовхоза и вернулся около 12 д. с Петей.

Среди дня было + 10°. Утро — сильный туман. К обеду солнце. К вечеру мелкий дождик. Наклюнулся месяц, тихонечко где-то, очень несмело для самого близкого друга журчит вода, а какое нежное небо и звезды... все старое лучшее, оказалось, живет со мной, и я думаю: именно вот в этом и есть смысл жизни, чтобы летающий 300 км. в час человек сохранил в себе весь опыт пешехода и это да: ведущий летчик сохраняет, и весь вопрос в пассажире; и так же машинист должен содержать в себе пахаря...

<*На полях:*>

конструктивизм
моя жизнь...
кино

О конструктивизме. Мы все понимаем и чувствуем это на каждом шагу, что всякая форма <u>рождается</u>, и даже непременно рождается она в труде, в туге и прямо в мучениях. Мы тоже знаем, что форму можно заимствовать и облекать в нее любое содержание. Мы еще знаем, что подобный «формализм» или конструктивизм является вреднейшим суррогатом творчества, известным под названием «халтура», что халтурщики — это не только воры, а еще и воры с претензией на творцов. И все-таки, зная это, мы стремимся все больше и больше «открывать» методы творчества и давать их в руки ворам.

Вчера с приезда продрал акт строительства и прозы в одиночестве.

Явилась необходимость в появлении другой женщины Арсеньева, «жены», и вот вопрос: явить ее посредством кораблекрушения или естественно из той же самой жизни?

18 [Марта]. Дождь.

Решено взять жену Арсеньеву из будней, а не из моря (Хуа-лу пусть повадится к стогу ходить, а она смекнет и ему скажет: она его любила раньше).

Пошлость, испугавшая Гоголя, возможна при некоторой сытости и застое. У нас при голоде и движении зло не является в форме пошлости, а в ненависти людей друг к другу в борьбе за существование.

19 [Марта]. Туман и дождь продолжается. Снег оседает, дорога совершенно темная и мокрая, но воды еще нет и нет грачей. Забота о месте для Машки.

Сегодня закончил предпоследнюю главу «Хуа-лу», отлично слепив жену для Арсеньева. Остается заключение. После того отделываю в мелочах и переписываю. Останется время, сделаю фото.

20 [Марта]. Серо, тает, ночью был дождь. Отправляю завтра заказное Разумнику и Коноплянцеву. Кроме того, Разумнику «Жень-Шень», помечено 21-м.

21 [Марта]. Туман утренний с обещанием солнца. Тает. Под снегом вода, и снег стал зернистый. Грачи везде (массовый прилет).

Вредный человек все равно как клоп: его не раздавишь, пока он не напьется крови; можно сказать, что на этом оглупении сытого врага зиждется возможность нашей веры и надежды на лучшее. В наше время предупредительные меры невозможны, и оттого при появлении вредителя приходится ждать, пока он достаточно навредит и будет обнаружен, а сколько это стоит? на этом, вероятно, и наш голод стоит...

Если брать жизнь по статьям: то, другое в отдельности, то достижения наши, как это пишут в газетах, безмерны. Но если взять совокупность условий жизни, отношений между людьми однородными и разнопоставленными, т. е. тот качественный синтез жизни, называемый бытом, то жизнь эта из года в год падает. Взять хотя бы для первого примера почту в Загорске...

22 Марта. Утро. Точно то же, что и вчера: ничтожный мороз, недостаточный, чтобы заморозить воду в канаве, и стерегущий туман, — обеспечивающий днем таяние при + 3—4°.

Острия фашизма и большевизма сходятся друг против друга в семье: это ведь семья создает «органического» работника жизни, соединяющего в себе небо и землю, нового человека и древнего, внука и деда в сказке; напротив, в большевизме создается общественный человек, поднебесный герой стратосферы (вот откуда надо брать объяснение, почему жизнь процветает лишь на новостройках и прогрессивно падает в обыкновенной «провинции»).

23 [Марта]. Такое удивительно ровное, незаметно нарастающее движение весны: день в день смотрится как в зеркале: самый легкий утренник в тумане, и в полдень до вечера тает. Снег стал крупитчатый и под ним вода.

Машиной надо уметь управлять, все равно если это и машина есть государство. Человеку надо чувствовать себя в отношении машины человеком, повелителем.

Вот вопрос: нужно ли проникаться техникой кино, чтобы им овладеть, или, напротив, подойти к кино приблизительно как к типографии... Сейчас со сценарием «Хуалу» я подхожу как к типографии: ведь я почти не бывал в кино. Параллельно этому хорошо бы взять [кинокамеру] и набрать такого материалу, который бы сам собой определил и сюжет, и тему.

Занят окончательной отделкой сценария: остается тричетыре дня (начал 4-го Марта). Сценарий как будто очень

хороший, но в нем один лишь недостаток: фильм получится ниже книги: это не творчество, а приспособление к кино. Возможно ли кинотворчество, т. е. начало дела и конец его исключительно средствами кино и для кино.

24 Марта. Вчера вечером проливной дождь и потом снег: утром сегодня все белое и опять течет, грязь... Делают мост для выезда Машки. Делаю фото для сценария.

В сберегат. кассе пахнет советскими деньгами: только в советское время в сберкассах стало пахнуть деньгами.

В прежнее время я был много богаче: ведь 800 р. за лист получал! но тогда было в магазинах так много всего, что я как покупатель представлял из себя ничтожество; теперь, наоборот, я не деньги ищу, а вещей: в любом магазине ведь я все могу купить и хожу как человек всемогущий: как все относительно.

О границе сознания: есть граница сознания, за которой все как «за границей», если думать о том, что вне себя и навязано средой, и есть граница сознания, если смотреть внутрь себя: слишком далеко и не достанешь туда... В наше время действия масс определяются сознанием из «за границы».

От автора.

В тексте сценария приведены снимки, рассматривая которые, читатель может убедиться, что они являются первообразами всего сценария.

Этот рассказ для киносцены «Хуа-лу» является не простой переработкой повести «Жень-Шень (Корень жизни)». Эта же повесть была создана на основе материалов, добытых на Дал. Вост. главным образом посредством фотоснимков, сделанных руками автора. Работа над сценарием заключалась не <*зачеркнуто:* столько в обыкновенной переделке литературного произведения в сценическое, а скорее> в переделке как в возвращении автора к первообразам, возникшим на основе фотоснимков.

Считая отличительной особенностью кинематографа как искусства его специфическую правдивость, автор считает не лишним привести в сценарии некоторые из его

фотоснимков, сыгравших определенно роль первообразов как повести «Жень-Шень», так и сценария «Хуа-Лу».

Крестьянин хороший сам не ест сахар, а дает поросенку: в этом доблесть, непонятная горожанину.

25 [Марта]. Продолжаю думать о вреде «открытий» методов творчества для всех: открывается путь жуликам, между тем как подлинный творец идет по неоткрытым путям. «Открытие» тем хорошо, что истинно творческие натуры побуждает искать новых путей.

Не оставлять мысль о «новой семье» (против фашизма). Пока что... можно опираться на «естество» (напр., если захотеть, то как легко можно жить убийством, но почему-то убийство сравнительно очень редко: человек по природной сущности своей держится за жизнь и предпочитает лучше рожать, чем убивать: «добро перемогает зло»; и так мало-помалу создадутся новые формы).

Все, о чем плачет современный человек, — это род с его «счастьем» и родственным вниманием.

Стол немножечко высок, стул низок — руку ломит, но ничего, как-нибудь отсижу, как-нибудь напишу, и так все, как-нибудь прожить, лишь бы поспеть к сроку, а после срока встает еще срок, и опять «как-нибудь доживу»... и так вся жизнь остается в тетрадках и книгах.

27 Марта. Закончен сценарий «Хуа-лу». Работа была с 4-го Марта: 27 – 4 = 23 – два дня гулевых = 21 день, т. е. 3 недели. Судьба сценария зависит от «счастья»: как покажется начальству: я сделал, что мог. Но если бы это была даже блестящая вещь для сцены, все равно она не прибавляет мне ничего в смысле творчества и не дает ни малейшего удовлетворения, потому что все-таки она хуже, чем вещь, из которой я ее переделал. И если ехать на Дальний Восток, то надо взять [кинокамеру] или ту же лейку, но снимать, имея в виду пьесу, чтобы пьеса возникала непосредственно из фото.

Длинный и толстенький заспорили между собой, кто у них старший, кто большой. Длинный стал хвалиться: я длинный, мне дальше видно: я и большой. Толстый, веселый человек, ответил длинному: если бы твоя правда была, то на руке средний палец назывался большим, а этого нет: самый длинный палец на руке называется средним, а самый коротенький и толстый, как я, большим.

31 Марта. Переменилось сегодня утром движение весны медленное в тумане с деньками серыми до + 5°, глядящими, как в зеркало, один в другой (весь март!). Северный ветер и при солнце днем – 3.

Воспользовался морозом и вывел Машку к воротам.

Бострем («интуит») и академик (логик) — два типа современности (очень ярко: помнить, наблюдать, развивать). «Интуит» жалок, если он не оседлал, не едет на черте (напр., Фаворский тоже интуит, но он не жалок). Жалок он в тот момент, когда проявляет претензию на влияние помимо сотворения вещей (старое мое: собачка против паровоза = интуит против логика = сказать ничего нельзя).

Консерватор стремится удержать то, что имеет, революционер создать новое.

Москва в 6 у. Только что рассвело. Старуха в тулупе у ворот спит на стуле.

Иду посередине улицы (нет машин). Светофоры темны. По сторонам собираются кучками какие-то постоянные, местные гнездовые люди, дворники и всякие домовники, метут... Грузовик тянет на веревке *<1 нрзб.>*, осыпанного известкой... Начало движения: Машка, вся раздушенная бензином и маслом, вымытая, вылощенная, упругая, промчалась одна, подавая сигналы, и пошло, и пошло.

Вечер: дети с улицы в подвалах робко кричат: нас поколотили!

Март[кин], ж. д. служащий, идет со мной до вокзала и рассказывает о причинах отсталости транспорта: человек обижен, голова у него кружится — вот вся причина, и как все хуже и хуже из года в год, из месяца в месяц: вот

выдавали по 4 селедки — теперь ничего, постного масла и т. д., и т. д.! Пришли к новому вокзалу: — вот тебе достижение! — «Старый вокзал был лучше и не меньше: в нем только что квартиры — из-за квартир нескольким служащим все достижение?» Итак, живет обыватель, непризнанное существо в СССР — нечто вроде лишенца жизни (праволишенцы и жизнелишенцы): ударники (герои) и обыватели, и так тоже города и <*зачеркнуто:* даже об[ласти]>... скоро возникнет понятие «советского обывателя», как возникли советский патриот и др.

«Хуа-лу» в переписке. Завтра 1-го поправляю и передаю начальству. Верю, что сценарий превосходный, но знаю, что это ниже много моей книги.

Видел «Петербургскую ночь» Рошаля: этот психологизм мне напоминает фотографию, залезающую в живопись: портрет — под Рембрандта, пейзаж под Левитана, — так точно жалко кино озвученное, залезающее в психологию Достоевского. Все и так, и не так: что-[то] вроде иллюстраций, существующих лишь потому, что существует основная вещь. Даже придумка такая удивительная, как связь через песню музыканта-творца с каторжниками: все это дается, воспринимается как напоминание о народн[иках], но не народн[ики]...

Надо в кино, как и в фотографии, пользоваться их собственными средствами... И если там в этих ресурсах нет идей, то пусть лучше будет кино без идей, как американские фильмы, чем идеи эти будут доставаться из литературы.

Исходить кино должно от документа...

...массовому человеку очень хочется сняться, чтобы увидеть себя самого, не кого-нибудь, а себя самого. Фотограф тоже хочет снять жизнь и увидеть ее, жизнь, как она есть: самую жизнь; и мы, когда видим хороший снимок, радуемся ему, принимая тоже за самую жизнь. На самом деле обманывается массовый человек, что на карточке увидел себя самого: он увидел от себя самого очень малое, при дальнейшем своем развитии он захочет иметь порт-

рет, сделанный художником; так точно и мы скоро тоже отходим от обмана, что жизнь, даваемая фотографом, есть «самая» жизнь... Мы от фотографического переходим к более глубокому глазу и доходим до внутреннего...

Художник оставляет на материале след своей личности, чем больше он вложил себя в материал, тем и материал должен быть живей; но на известной границе...

Фотография есть голос самого материала, это счет материала, предъявленный художнику (а то ведь художник, забыв о первоначальном материале, может взять себя как материал и говорить о себе); снимок — это документ материала...

25 Марта. Продолжаю думать о вреде «открытий» методов творчества для всех: открывается путь жуликам, между тем как подлинный творец идет по неоткрытым путям. «Открытие» тем хорошо, что истинно творческие натуры побуждает искать новых путей.

3 Апреля. (Страстная).

Утренники. Днем при солнце тает. Определилось, что благодаря постепенному таянию в марте, несмотря на обилие снега, вода полая небольшая и даже вовсе не было разлива.

1-го Апреля сдал сценарий. Получу ответ 7-го. Не могу представить себе, чтобы мне отказали, до того все счастливо сходится в моей работе.

Я думаю, что основной признак пьесы для кино должен быть тот, что эта пьеса может быть исполнена только средствами кинематографии. С этой стороны ни «Гроза», ни «Петербургская ночь» не выдерживают критики («Гроза» просто опера даже).

Почему пьеса «Гроза» в кино как бы сплющивается? Сознание поглощается, пожирается зрением, не остается места домыслам, этическому раздумию: женщина бросается в воду, и человек выходит из кино просто подавленный. И так все: вышел, и все кончено.

Задача 1-я: изучить, верней, вызнать изобразительные средства кино как такового и 2-я: возможности создания сценария без посредства литературы, потому что переделка с литературной всегда понижает вещь.

4 [Апреля]. При утреннике загорелся денек, вот какой день прекраснейший!

Рад, что покончил с рассказом для кино, и как ни думаю, не могу найти в нем такого уязвимого места, чтобы можно было опасаться. По всей вероятности, возьмут, и начнет моя тетрадка обрастать, и сколько всего навернется, какой это вырастет ком!

Смотрю на пьесы в кино и впервые понимаю высокое достоинство драматического театра, его человечность: похоже на то, как, глядя на аэроплан, начинаешь понимать впервые прелесть птичьего полета, птичьего пера. И вот бы где, в пьесе для театра, показать бы свою проникновенность в природу. Так вот у Шекспира в «Ромео» утро, когда влюбленные слышат пение птицы, и одному кажется, будто это поет соловей, ночная птица, и значит, можно еще вместе побыть, а другому — что это утренний жаворонок и надо спешить расставаться. Вот бы так, на таких сценах построить всю пьесу.

Иногда я думаю, что мои успехи на старости лет в литературе в советское-то время, когда все против тебя, объясняются сторонами моей личности, с точки зрения культурного человека отрицательными. Я помню, в Клинском земстве агроном составил обо мне свое мнение по виду и по диплому как о человеке культурном, но однажды, вглядевшись в меня, понял, что я тоже, как и они все, «шпана». В советское время меня тоже принимают за чужого, культурного человека, и злы на меня и почтительны и тешатся тем, что вот и «графа» или «князя» буржуазной литературы они используют, не подозревая, что я-то и есть настоящая русская шпана.

Долго мы с Шумяцким согласно нападали на современных выскочек в литературе, и когда я сказал, что на-

стоящих талантов вообще чрезвычайно мало, он вдруг в том же согласном тоне ответил: — Даже если считать, что специалист как человек с флюсом, то ведь тоже, как редко встречаешь человека с флюсом. Это очень типично для большевика: попадет ему «флюс» и пойдет, и пойдет. Между тем явно же, что именно они, политики-марксисты — лица с флюсами, а не мы.

Надо продолжать наблюдение над «новой дорогой».

Надо начать особую тетрадку «прошлое», в которой время от времени обращаться к себе и понимать свою жизнь как дерева: в таком-то году, напр., начала расти его большая ветвь и т. д.

«Нимфа»: это «незнакомка» прежде всего: своя жена, да на чужом огороде и то слаще... — вот где корень искусства: неизведанность; она, конечно, не дух, а между тем и не телесна, как будто тело ее иное, чем наше, легкое, летящее: это эрос, но не пол. Эрос может осуществляться вне пола, и пол тоже — вне эроса. У достойных, однако, пол осуществляется в эросе... Нимфа — это образ сочетания пола и эроса: она является как испытание, в счастливых случаях обращается в «музу», в несчастных — в проститутку.

Есть некий страх перед возможностью обнаружить моральную нечуткость, свою лишенность понимания высшей жизни, которая пройдет мимо тебя, и ты без нее обойдешься, как будто ничего и не было (у Чехова рассказ о замечательном докторе и его жене). Есть оторопь в неожиданно, врасплох берущих тебя моральных положениях, как будто всем настоящим людям давно известных, а тебе в первый раз. Вот напр., можно ли всерьез говорить о черте, как у Гоголя в «Ночь перед Рождеством», что черта захватить силой божественного начала и заставить его служить тебе, и ты чтобы не утратил себя от такого прикосновения с чертом (Б. сказал, что это «демонизм», но, по-моему, демонизм — это обратно, когда черт едет на тебе, а не ты на черте).

Есть страх сорваться на элементарных вещах... У матери моей был этот страх и беспомощность перед чем-то высшим твоего понимания, но другим известным (какая-то ненаходчивость... заминка... и стыд до покраснения...). Но это гарантирует новое выражение старого, если взяться всерьез. Так вот: если машина черт, то Б. бежит от него в натур. хозяйство, а N. пытается овладеть чертом и на нем достать черевички царицы. Все это разрастается в современный вопрос...

Нельзя спросить — справиться у другого, потому что там встретишь или «находчивость» и тем себя углупишь, или догму, связывающую тебя по рукам: ты должен сам пережить то, что деды пережили и внуки знают (находчивы).

Большевизм и фашизм в отношении к семье, — вот куда надо смотреть, чтобы лучше понять. У нас решение этого вопроса такое: «семья при всем прочем будет существовать естественно»: этический центр будет перенесен из семьи в общественную жизнь.

6 Апреля. Люди жить хотят, — дайте им жить!

Вчера по раннему утру – 10 мороза, а днем + 5.

Роскошная прогулка в Зубачево (вчера) по насту: лес завален снегом: лесоснег, зайцеслед: глухомань, лисослед, тетерток на снегу: зайцеслед у ручья, ручепесня из-под снега; тресколед; маткотетерев... солнпевоздух на морозе. Многозапах на морозе: резеда, левкой...

Лавров о безвыходности выходного дня: безвыходные выходные дни: все та же обстановка, те же условия: а раньше музыка в церкви; я сказал, что нам, охотникам, есть выход: а вот Лева: ему выход в шайке: шайкочувство и панчувство: посади Леву одного в деревню!

Ручепесня и внезапный угрожающий тресколед. Слушал и думал о кино: почему-то кажется такой нелепостью звукосъемка при сопоставлении с музыкой, — только представить себе звуковой снимок — как материал, кусками связанный в симфонию; между тем на фотоснимках зиждется фильм. Почему?

— Я думаю правильно, а выходит в иной оценке, и от этого в другой раз страшно подумать и потом начать от себя (вдруг выйдет не так), и вот человек, боясь сам себя, глядит на других и поступает с уверенностью как все.

Отвез Петю в Пушкино. Чудесное «сорочье царство». Поля все пестрые и местами уже и черные, но в лесу глубокий снег. Это случилось от солнца, греющего в середине дня очень горячо поля, но не проникающего в леса. Весна теперь определилась: первая половина (март) прошла в теплом тумане, и вода незаметно сбежала, а вторая половина проходит при сильных утренниках до – 10°: греет только днем, и значит, тоже таяние очень постепенное. Так все вместе это и не дало разгуляться водяному хозяину.

Вечером, когда мы зажгли фары, в лучах света нам два раза попались белые ночные бабочки: с этого и началась весна. Никогда раньше я не замечал так рано ночных бабочек, заметил благодаря машине.

Лева привез известие, что сценарий в ЦК принят к постановке. Это свидетельствует не о достоинствах сценария, а скорее о недостатках кино и в то же время смелых и решительных исканиях правительства в этой области.

7 [Апреля] (25 [Марта]). Благовещенье.

По-прежнему морозно-солнечное утро и после таяние снега на полях.

Был в Москве. Подтвердилось принятие сценария. И в то же время гаснет желание дальше работать... Вечером с Левой и Галиной приехали домой: весь домик пахнет куличами.

8 [Апреля] (26 [Марта]) Воскресенье (Пасха).

Ночью не было мороза (0), утро серое. Видимо, наступает перемена.

Склоняюсь к мысли отправить Леву вместо себя.

Вчера видел Кишкина, бывш. заключенного в Соловках, и узнал от него, что там теперь уже все переменилось,

бандитов нет, а только изолятор политических. Прихожу к заключению, что поездка на север дала мне только возможность ремонта своих старых книг, но по существу, как Дальн. Вост., не дала ничего. И то же будет, если я поеду на Дальн. Вост.

Вечером были Б[остремы]. Разговор обычный: он — что нужно возвращаться к натуральному хозяйству, я — что надо оседлать черта (машину) и ехать на нем за черевичками.

Путь к кино — это путь от сложнейшего к простейшему, но не из кинотехники, как у «гениальных режиссеров». Если я мог написать «Говорящий грач» и другие детские рассказы, то, значит, я могу написать и сценарий.

Читаю Гоголя и думаю о смехе, что вот Гоголь смеется, а все ученики его уже смеяться не могут: А. Белый, Ремизов, Мейерхольд и все, и это их всех ставит под вопрос. Мне кажется, новейшая литература тоже характерна отсутствием смеха. Вещь может быть, конечно, талантливой и без юмора, но юмор есть признак таланта, и почти безошибочно можно сказать, что автор вещи смешной талантливый человек.

9 Апреля. Ночь прошла на нуле. Утром туман. В лесах завалено снегом. Видел в двух местах на дороге сброшенную человеком ветхую одежду: видно, что носил человек эту дрянь только потому, что было холодно, и как только потеплело, бросил.

Ненависть родственная сына к отцу и всей среде, как у Островского в «Грозе», или в той же пьесе ненависть постороннего человека, так сказать, универсальная, боюсь сказать, пролетарская ненависть вообще, распространенная режиссером, между прочим, и на ту среду, которой писатель Островский касался диалектически: любя, ненавидел.

Островский хотел бы исправить эту среду, режиссер уже после гибели ее вбивает в могилу осиновый кол. От этого совсем не получается той драмы, которая нас волну-

ет в «Грозе». Получается картина мучений немножечко тронутой женщины с безвыходностью лирического чувства в ее потоплении. Публика уходит, не размышляя, как в драме, а подавленная или удовлетворенная жестокостью, которая вообще людям приятна и в китайском театре, напр., сознательно используется для наслаждения публики.

Из этого рождается вопрос: имеет ли право «гениальный режиссер» заноситься в творчестве зрелища, до полного забвения мотивов, которыми руководствовался писатель, создавая свою пьесу?

Формалисты, все знаю в создаваемой ими вещи, в то же время не имеют для нее внутренней самооценки. Я это вывожу от Шкловского, который был уверен, что созданный им «Канал» очень хорош (Шумяцкий поздравлял меня с тем, что я там отсутствую: вышла столь ничтожная вещь!).

10 Апреля. Опять прихватил морозик, хотя и ничтожный, но все-таки не таяло.

Лева привез Калика с ассистентом, и мы обсуждали мой сценарий. Узнал, что комиссия ЦК есть действительно сам ЦК и что, значит, постановка «Хуа-лу» дело конченое. Говорят, что такая скорость рассмотрения сценария беспримерна, что и не так-то легко дается положительное решение: забраковали сценарий Горького, забраковали два сценария Шкловского.

11 Апреля. Всю ночь мелкий дождик, прошел сквозь рассвет, остался на раннее утро, и вот уже сейчас утро большое, а он все моросит. Это решает переход во вторую половину весны.

Калик намекнул на поправки:

1) Подчеркнуть в строительстве Арсеньева социальное начало.

2) Придать строительству больше действия в деталях.

3) Времена года привести к единству.

4) Продлить роман Арсеньева с Маней.

<На полях:> О ругани и навозе и ст. газете

...боль от утраты и схождение с человеком: человек раскрывается...

С полдня после утреннего дождя начала понижаться температура, и к вечеру начали замерзать лужи при северном ветре: вот классический весенний обман!

На ночь приехала Зоя за алиментами и рассказывала о своих отношениях со студентами в вузе: это как в деревне, где каждый парень стремится похватать девку (надо иметь большой ум, чтобы правильно располагать своей половой возможностью). Роман Пети с Зоей в литер. плане: тот и другая не той среды, но она, достигая сближения, снижается (сел на колени — потерпела, а в результате: случись что, — и заступится, и «дружба»), он же борется, не снижая своего достоинства, и берет трудом и талантом: в конце он создает среду, а она теряется в среде и удивляется, когда его усвоенная новая этика оказывается старой и бьет по ней же. Конечные причины: в его внутреннем родстве со средой... и в ее... (целый год мы с ней прожили и ни разу не поссорились: где она?)

12 [Апреля]. К утреннему чаю вышла Зоя, и после разговора у меня совсем переменилось о ней мнение: отталкиваясь от матери, она находит себе новую среду: еще началось в школе: она зарвалась, и тут 1-й удар = моему удару на Кавказе: я впервые понял, что надо жить про себя и не всегда высовываться и что надо пропускать; по этой лестнице мучительный спуск на дно, где люди тебя радостно встречают.

Мученье состоит не в абсолютном зле быта деревенского класса, а в том, что женщина другого класса должна пройти через рогатки этого «низшего» класса: гордая деревенская девушка просто даст парню по харе, если он попробует сесть к ней на коленки, а интеллигентка должна терпеть, если сядет: тут потом боль, но в результате обретается среда.

Хорошие люди: Марья Ильинична вроде Клавдии Ивановны или Пешковой. Булкин: это прекрасный человек,

но политик: из 6 условий Сталина он работает над тем, в котором рекомендуется перерабатывать интеллигенцию. «Еще вот я о ругатне скажу: если не прав пусть самый главный, его можно ругать, и после он: ну, милые, поедем сегодня навоз возить. Когда начинаешь о своем говорить — смотрит в сторону». А вот еще: одеться нельзя: лисицу сняла и несет под мышкой, подготавливает беличью шубу (котиковую).

Приехали Лева с Петей, и мы ездили в Красную Сторожку на тягу: в лесу полная зимняя картина, снег по пояс! а в Пушкине как другая страна: снега нет и Петя уже трех вальдшнепов убил.

Против Красн. Сторожки живет Николай Васильевич Святухин, мастер по краскам. В этой избе, где живет он теперь, некогда поселился его отец: кончил юрид. факультет, а жил в лесу в избушке, огород имел и земли 20 десятин. Теперь огород зарос лесом: госфонд; а сын с 8 лет, потеряв отца, вот теперь живет в этой избе.

В Иудине у охотника Майорова продается за 200 р. собака Плакун (костромич).

<*На полях*:> *В Красной Сторожке — совхоз: огромный автомобиль ($^1/_2$ килом. без починки и бензину пуды). Ехал — муж, жена, сын держали дрожащую лошадь, сзади корова. Машина проехала, сзади другая. Лошадь вырвалась: мать упала 1-й машине под заднее колесо, а колесо двухтонки с двумя тоннами груза проехало по голове, а сын застрял ногой в телегу и лошадь мчала его. Шофер не виноват: он даже не видел ведь заднего колеса. Виновата машина.*

13 Апреля. Валит снег при – 1° и так, что валом: зима зимой! Весь день снег.

Лева не сумел вовремя объясниться с Союзпушниной, и мне предъявили иск в 4000 р. Я стал его упрекать, слово за словом и получился очередной истерический скандал точно такой, как было у мамы и Лиди. Лева хочет жить без труда, одной игрой, как ребенок, и оставаться честным: трудиться и хочет, но не может, плохо образован. Лидя трудилась весь день и ничего не производила.

14 Апреля. (стар. 1-е Апреля). С прошлой ночи и весь день, и эта вся ночь, и утро вторых суток валом валит снег под северным ветром при – 5°. Не всякую зиму даже бывает такая метель. Все завалено снегом, заморожено, занесены окна. Свет в комнате от свежего снега стал зимний, бело-синеватый, как от головы хорошего рафинада. Каждая крыша курится, свету не видно... Такая же метель и в моей душе. Я живу только в силу опыта всей своей жизни, что это проходит и радость возвращается.

<На полях:> человека не любит

Все думал и думал, какое основание в словах Е. П., — что будто бы я не люблю «человека». Я подал ей реплику: — Человека! что же, Ломакина прикажешь любить? — Нет, — говорит, — Ломакин — это масса, нельзя массу любить, а в человеке можно найти любимое. — И так я думал: «А разве все описанное мной в собаках, природе и людях не есть это самое “любимое” мной в человеке? Во всяком случае, — думал я, собирая свои “добрые дела”, — они метель в моей душе. Я живу только в силу опыта всей своей жизни (что это проходит и радость возвращается) не хуже других уже по тому одному, что я им не придаю никакого значения и действительно не помню их».

Между тем без какого-нибудь основания Павловна тоже не скажет. Вчера при разговоре с Зоей узнал я, что Павловна спала на одной постели со своей бывшей невесткой, и тоже с Галиной, и что люди вообще, любя человека, спят с ним, муж с женой, друзья, товарищи. А я не могу спать даже с женой, я просто не засну, если рядом со мной спит человек. И вот это в тайном понимании Ефр. Павл. и дает основание ей заключить, что я не люблю человека: не добрые дела делать, не писать хорошо и влиять на жизнь, а надо спать с человеком... И вот это верно, а я брезгую всяким, значит, и не люблю. Спанье вместе — это своего рода этика любви и ее корректив, без этого любовь к человеку есть «мечта».

<На полях:> плохая Мать...

Я сказал: — Мучение мое состоит в том, что я делаю большое мужское дело, а сердце мое чисто женское. — Вот это верно так верно! — ответила Павловна.

И еще к этому я так думаю: вот этот отпечаток на женском сердце мужских дел с сопровождающей это печатание мукой и радостью делает меня писателем. И это же самоудовлетворение дает мне свободу на всяком месте быть «самим собой», и, может быть, именно это приводит к тому, что Е. П. понимает «нелюбовью к человеку».

Павловна вчера представила мне, разбирая Зою как мать, деревенскую женщину старого времени, как она успевает среди огромной работы все сделать своему ребенку: во время жатвы и в избе, когда убирает или готовит обед. И рядом Зоя нечесаная, обмоченная, огаженная ребенком. А теперь без него как «богородица».

Так вот эти две женщины: баба и «богородица» сошлись как свекровь и невестка: вот истинные враждебные «классы»... как два этапа всей мировой культуры от обезьяны до Дарвина. С точки зрения свекрови, любовь — это, как у животных, долг, а у невестки это музыка.

Надо помнить, что это «деревенское» как сила рода является и в городском индивидууме: Антонина Васильевна Касьянова, молодая женщина, успевает служить в Торгсине и ребенка хорошо обхаживает и дом для мужа в порядке.

17 [Апреля]. 17-го на тяге под Рогачевом: ветер, холодно, а тянули. Я мазал. 18-[го] утром пробовали пробиться в Переславище, но застряли в Селкове. Вечером были на той же тяге: опять холодно, мертво. Петя убил одного. 20-го отвозил Петю в Пушкино: Павловна разбила нос, у меня «прострел».

Сколько уже времени тянется эта изморная весна, и не было еще ни одного утра теплого и ни одного вечера такого, как бывает: с пением всех зябликов, всех дроздов, с коротким обещанием тетерева перед самой тьмой токовать непременно на утренней заре: «приходите, приходите, по-

слушайте!» и наступлением ночи с весенними звездами и сказочно-волнующим гуканьем сов.

Автомобильные фары там и тут открывали при въезде в город светящиеся зеленые точки на земле и повыше и еще повыше, это светились на земле глаза собак, на заборах кошки и на крышах.

Злые шоферы грузовых машин, нажимая, загоняли в грязь.

Перекликнулись с далекой машиной светом и тьмой.

Попали в колдобину.

Там, где зимой была «желтая опасность», теперь оказалось, эти желтые кружки наверху были оттого, что внизу были выбоины в мостовой, и это влияло так на весь слой зимнего снега, что в этом более слабом месте получалось и зимой углубление желтого цвета. Теперь эта желтая опасность превратилась в белую: каждая из этих ям была залита водой, скрывающей истинную глубину ямы. Мы попали в одну колдобину так, что Павловна взлетела вверх, как мячик, и разбила себе нос о перекладину кузова.

В Иудине Петя пошел к Майорову узнавать о собаке Плакуне, а я остался в машине. Приходит подвыпивший молодой парень и говорит, оглядывая машину: «Крокодилы! еб. в. м., взять бы за колесо да в канаву!» Между тем, недалеко отсюда, в Селкове, как рассказывали, что на машине охотиться приезжал Ворошилов. Так что и сам Ворошилов мог ясно услыхать «крокодила». Езда на машине на охоту уничтожает в конец поэзию вольного странника...

Звук мотора на второй скорости, как пчела жужжит.

На хорошей дороге мотор поет победную героическую песню (штатная должность «героя»).

Та «масса», которая является как сопротивление личности, и та среда, которую создает личность победным своим продвижением: Авербах валится на Пришвина как «масса» (и действительно он не один: РАПП), но за Пришвина работает история. Так вот бы и Зоя, дочь полицейского: масса и Зоя, а туда, куда вклинилась Зоя, там побе-

да — и не прежняя Зоя, и не прежняя «масса»... Значит, создавая новое, мы должны переделать и личность (Зою), и среду («массу»).

Булкин — идеальный представитель генеральной линии, но неправ в отношении к новому, к перемене: он консерватор революции... а ведь это в лучшем случае, а ниже все приспособленцы — бюрократы, жулики, действующие именем революции. Вот это и обманывает: кажется по чувству жизни, что такое должно отмереть, и это верно, оно отомрет, но ошибка, что оно не есть всё: скорее всего, оно есть эквивалент твоего же отмирающего прошлого, твоей собственной ограниченности.

Так движется революция, вечно сбрасывая старые шкурки (Старые шкурки) и обнажая непобедимое зерно: сейчас же оно обрастает шкуркой, но тут же и разбивается — в этом и есть революция...

Итак, 1) Зоя, девушка иного класса, обладает тем же, чем и девушка пролетарского класса: честь девушки, охраняемая против «животности» массы.

2) Девушка деревенская, охраняющая себя ударом кулака по лицу.

А Зое это нельзя: за это ее разъяснят, как...

3) Петя, презирающий все уступки и спасающий себя работой: он всех побивает делом: окончательный «ревизор» ведь есть сотворенная вещь: это с мужской точки зрения; а с точки зрения Зои достижение среды: это моя среда: т. е. она так оценивает.

И вот у Зои: уступка — кровь.

21 Апреля. Всю зиму не был на охоте, все занимался учебой на автомобиле, чтобы весной выезжать на машине и охотиться в прекрасных, недоступных без машины местах. Пришла весна недобрая. В холодный ветреный вечер 18-го Апреля выехал я на машине на тягу и в ожидании начала тяги сел на спиленное и почему-то не увезенное дерево. И эти полчаса, проведенные на сыром дереве[1], от-

[1] Заболел от машины, когда утром после ночного мороза заводил ее неодетый. На охоте не простудился простудишься <*примечание М. М. Пришвина на полях*>.

няли у меня всю мою мечту ездить на машине в неизведанные места и охотиться: на другой день, 19-го, я почувствовал боль в пояснице, больше, больше и к вечеру кричал. 20-го доктор Кочерыгин установил начало ишиаза и предложил лечить его гомеопатией. Он говорит, что многие аллопаты теперь переходят на гомеопатию из-за недостатка лекарств.

— Попробуем! — сказал он, — я на вас поучусь.

Решил попробовать и одновременно Леву направил в Москву, чтобы после недельного лечения гомеопатией перейти на аллопатию. Сегодня, 21-го к вечеру прибыло лекарство, и я начинаю принимать.

21 — перед ужином № 1.

<Приписка на полях:> *Заболел от машины, когда утром после ночного мороза заводил ее неодетый... на охоте не простудишься.*

Сегодня 21-го (нужно же так, чтобы именно когда я заболел) совершился перелом в природе: сегодня 1-й настоящий теплый день после ночи с теплым дождем, убравшим весь снег. Все прибрано, тепло, теперь бурно двинутся соки, надуются почки и будут золотиться сережки ореха и ольхи. Такое несчастье! а между тем я не плачу: я приучил себя давно к необходимости мучения и, когда оно пришло, переношу его, как будто делаю необходимое, неизбежное дело. Перенесу эту весну внутрь себя, и пусть у меня там где-то внутри развертываются мои собственные березы.

А. М. Коноплянцев восхищен «Жень-Шенем» и считает, что повесть войдет в мировую литературу. Я сам это думаю и стараюсь только не придавать этому большого значения, а то возомнишь о себе, и это будет мешать дальнейшим исканиям.

22 Апреля. Второй апрельский сияющий день.

— Если на пути моем препятствие, то я не должен чувствовать жалости и просто снять его, но если на стороне человек обижен, я ему помогу.

23 [Апреля]. Этот нарастающий месяц в первый день рождения тонким серпиком мы увидели с Галиной в Москве, когда вышли из дома навестить Анну Дмитриевну. Увидел я серпик с правого глаза. — И я с правого! — воскликнула Галина радостно, — только вот почему-то рожки вниз висят: это, говорят, нехорошо, к дурной погоде. — Но отличная погода: ночью легкий морозик, но солнце великое рано уничтожило все ночные следы, и какое чистое, голубое небо! Но я, увидевший месяц с правого глаза, сижу, прикованный к креслу, обложенный подушками и не знаю, когда этому будет конец.

В. Герасимова. Панцирь и Забрало. Это Чехов, исследующий ныне лишних людей среди партийцев и комсомольцев. Любимый тип: чересчур старается в общественной работе и тем вскрывает свое происхождение из другого класса.

Вчера я хотел пропустить одну мысль через сознание Ефр. Павл. Эта мысль была о том, что будет ли когда-нибудь лучшая жизнь людей на земле. Мысль поселилась во мне через письмо А[лексея] М[аксимовича], который о конце моей книги «Жень-Шень» — «вступаю в предрассветный час творчества новой, лучшей жизни людей на земле» — написал мне, что жизнь человека протекает в строго отмеренных пяти актах трагедии и что ничего лучшего в этом течении быть не может, а я пишу о лучшей жизни по Горькому. Вот я и думал об этом, что Горький до того изуродовал христианский оптимизм, пропустив его через науку, что о лучшем нельзя даже сказать, не возбудив подозрения в услуженстве Горькому. Между тем в основе всякого творчества лежит стремление к лучшему (воплотить себя в лучшую, небывалую вещь: значит, в состав лучшего входит и реализация личности).

«Лучшее» — это выражение общего движения...

Вот я и спросил Е. П., будет ли лучше. — И уже сейчас заметно! — ответила она. И рассказала о прислугах, что Паша была на собрании прислуг, и делегатка из Москвы говорила им не как раньше против хозяек, а напротив, что хозяек надо слушаться и не гулять по ночам: лучше дома

оставаться и чем-нибудь заниматься своим. И еще говорила о том, что каждая прислуга может принять участие в обществ. деле, и если докажет способности, ей дадут стипендию в 60 р. в месяц на ученье.

Увидев свою племянницу Пашу в положении прислуги новой, Е. П. вдруг поняла «лучшее» и стала на сторону власти.

<*На полях:*> *[советы] писателям (ходы)*

Процесс шелушения во время революции: в ходе революции рождаются полезные мысли, их подхватывают и поручают осуществление лицам, охраняющим госуд. линию партии. В дальнейшем рождаются новые мысли, перебивают старые, а люди, их охраняющие <*зачеркнуто:* сидят и, значит, вредят; ***приписка:*** потому что мысли наверху текут быстрей, чем внизу. И если люди не движутся вслед за мыслями времени, они вредят.> После того как вред этих людей обнаруживается, их отбрасывают вместе со старыми мыслями. Так был отброшен Авербах, Гронский, как шелуха, и так всюду все шелушатся. В этом процессе шелушения отдельные люди, Сталин, Ворошилов, Горький, сидят и не меняются, как вот и я сам тоже на своем посту долго сижу, и все попытки сбросить меня не удаются...

В печи революции не до искусства, и те, кто гонит художников в печь революции, являются палачами искусства (это было миссией РАППа). Для государства искусство есть лишь один из приемов агитации, между тем искусство — это сами люди, сцепленные, слитые в одно, как капли в воде: искусство, как дождь из облака, падает на землю и течет рекой по земле в берегах: государство и занято этими берегами, но как земля и вода, косная и живая стихии не могут слиться в одно, быть одним и тем же, так не может слиться между собой искусство и государство. Так вот точно и общество с личностью должны быть в постоянной борьбе: личность всегда остается сама, и если она сливается с обществом, то, значит, она умирает.

25 Апреля. Ночью теплый дождь, утром солнце. Петя говорит, что лягушки урчат. Сегодня, наверно, запрыгали.

Ход моей болезни. 23-го на машине приехал Соловейчик, лысый, щупленький еврейчик-всезнайка, болтун. Однако его сила в том, что в курсе времени, он знает, что lumbago (прострел) лечат синей лампой, он посылает меня в Красный Крест. 24-го я еду в Красный Крест и через полчаса болезнь проходит. А Кочерыгин живет в этом городе 30 лет и не знает, что в Кр. Кресте есть синяя лампа, и, проникнутый антипатией к новому, говорит, что в аптеках нет лекарств, и переходит от аллопатии к гомеопатии. Хороший человек, опытный врач и садится в калошу, а Соловейчик, пустой хвастун, невежда, вылечивает. И оказывается, Синяя лампа чудеса совершает: приносят человека на носилках, а выходит он сам. Рассказ о двух докторах: Синяя лампа: опыт бытового рассказа.

Когда Лева пригласил ко мне доктора от Горкома писателей Соловейчика, то он был в большом замешательстве: правда, он не раз слышал имя Пришвин, но он не мог определить, достаточно ли это имя известно, чтобы он, не роняя своего достоинства, мог поехать из Москвы куда-то в Загорск. Он для пробы спросил: — Пришвин это драматург? — Лева ответил, что нет, он беллетрист. Это ничего не говорило, и Соловейчик решился идти напролом: — Получает паек в [городском] распределителе? — Да. — По литеру А? — Да. — Хорошо, — сказал С., — еду.

Даже заслуженное удовлетворение и совсем относительное благополучие приводит к моральной лености и готовности объяснять в хорошую сторону причины, способствующие твоему личному хорошему состоянию. Мысль не решается заглянуть туда, а коротенькие чувства ведь всегда готовы стоять за свое добро. К счастью, у меня в душе как будто сторож стоит и допускает покой только на время.

Теперь никто не спрашивает о моральной мотивировке поступков, лишь бы поступки эти согласовались с генеральной линией партии и давали бы продукцию в количественном и качественном отношении. Именно вот это и определяет наше время: про себя живи, как тебе только хочется: властвует затаеннейший человек.

26 [Апреля]. Выходил гулять до обеда и вечером был на тяге на княжеских местах.

На солнце до + 30. Жарко. Пыль. Южный ветер. Позеленение лужаек. Шоколадные березы. Раскрылись, зеленея, почки черемухи. Полезла трава. Ночью от лягушек каждая лужа гудит.

Вальдшнеп вдали храпнул, и как будто от этого сморчок попал на глаза, а рядом цветы анемоны и волчье лыко. Месяц горит, а звезд еще нет. Сильнее напрягаются березы, простираются вверх, как руки: все птицы вечерние и я с ними. Далеко где-то рыдает, буксуя, автомобиль.

О «Жень-Шень» даже рецензии нет нигде. Это уже и совсем безобразие.

Проект письма к Горькому:

Дорогой Алексей Максимович,
осенью прошлого года на Медвежьей Горе т. Корабельников предложил мне от Вашего имени взять на себя руководство группой молодых писателей, которые взялись написать книгу о Беломорском канале. Я не отказался, но в Москве тот же т. Корабельников, спустя большой промежуток времени, принес уже готовый по главам расписанный план и от Вашего же имени просил меня написать 7-ю главу. Через некоторое время т. Авербах передал радостно, что Вам очерк мой очень понравился, однако в последний момент очерк этот был снят, и Авербах сказал, что Горький желает сам лично объяснить мне причины, почему очерк не напечатан. С тех пор всю зиму, десятки раз я звонил к т. Крючкову с просьбой назначить свидание с Вами, и он под разными предлогами мне в этом отказывает. И наконец я посылаю Вам свою новую книгу «Жень-Шень» и <*приписка:* снова> против Вашего обыкновения не получаю от вас ни строки.

Я лично, Ал. Макс., не обижаюсь, потому что я чудак и по жизни прохожу [«верхним чутьем»], но я представляю на своем месте любого человека, и выходит очень обидно. Представьте, будто Вы Пришвин, а я Горький.

<*Зачеркнуто:* Я сочувствую Вашей деятельности, искренно рад, что Вы взяли на себя труднейшее дело лите-

ратурного вождя, сам, как знаете, в своей скромной области художественного слова не мало тружусь на общую пользу. Я не заслужил такого отношения и прошу Вас объяснить мне причины <*зачеркнуто:* Вашего недружелюбного ко мне отношения>.

Между прочим, меня весьма интересует Ваш отзыв о повести «Жень-Шень». Я мнил эту повесть созвучной нашей эпохе, но никто не отозвался и не удостоил даже рецензии. И вообще... Был Лесков, о нем молчали. Допустим, что Пришвин в десять раз слабее Лескова, но я не могу доказать, что о Пришвине в десять раз меньше написано, чем о Лескове, который замалчивался. Я Вам писал, что Вы — единственный мой критик: у меня целый ящик Ваших писем о всех моих вещах. <*Зачеркнуто:* И о самой важной моей вещи>

<*Зачеркнуто:* Я до того не могу Вас представить в отношении себя>

Не все Вами написанное я принимаю: Вы много написали и сейчас пишете [много] неверного, с моей точки зрения. Во всякую минуту я готов об этом сказать Вам в глаза. Но я никогда не допускал себе думать и кому-либо говорить дурно о Вас как о человеке. И сейчас я думаю, что, по всей вероятности, и Корабельников что-то наврал, и Авербах прибавил, и Крючков не о всех моих звонках доложил, и, быть может, и книга моя, на которой было написано «от чистого сердца», до Вас не дошла.

Я Вам писал, что Вы были единственным моим критиком во все 30 лет моей литературной деятельности и мне тяжело терять единственного. Мне казалось, что я написал повесть, созвучную эпохе, я получил сотни писем от комсомольцев, от стариков, но ни одного от литератора. И в газетах даже рецензии не дали. Положение в сто раз хуже лесковского.

28 [Апреля]. Весна явилась вдруг: — Не верю, — говорит девушка, — не верю, что пришло тепло. И какое тепло: ночью + 15°, днем 20—30 в тени. В эти несколько дней всё сготовилось, всё распускается, ранняя ива цветет.

Давно ли снега лежали в лесах? теперь цветы.

Я вышел из дому в $2^3/_4$, по дороге в Зубачево шел, по линии. Восток был закрыт, и о начале рассвета птицы сказали, и пошло! и в каждой луже гамели лягушки наверное, весь воздух наполнен урчанием, и то рявкнет, то кряхтит. По ту и другую сторону <*1 нрзб.*> и сколько птиц поет в темноте, как это прекрасно, и никто не хочет прийти и послушать. И точно так же редки люди, занятые вопросами религии, и все их меньше и меньше, потому что просто ведь даже физически более крупные люди исчезают. Людей становится больше, но они сами все меньше и меньше: люди дробятся: слабых лечат, не дают умирать и так вот: и грамота — это способ легче жить (одним тем можно жить, что знаешь, где что взять: доктор Соловейчик стал знаменитостью, потому что через родственницу знает, в какой аптеке какое лекарство можно достать).

В 4 у. услыхал токовика. Бросился полем. Увидел белый подхвостник. Переполз к кусту. Стрелял без мушки на неизвестное расстояние. Не обратил внимания на выстрел. Мушку от неба спустил на тетерева и попал в крыло. Явился домой с петухом.

<*Приписка:*> *Понижение интереса к судьбе разных народов и ничего не ждешь ни от кого сверх того, что есть.*

29 Апреля. Даже в глухом хвойном лесу нет ни клочка снега, но подснежная пленка осталась на дороге: тут счастье, вся земля каждую весну в сорочке рождается.

В это время некоторые замечательные деревья цветут, и в особенности хороша ранняя ива: ведь ничего кругом нет зеленого, ни одного листика, даже намека, какого-нибудь зеленого хвостика на почке, — все кругом шоколадного цвета, и тут вдруг на всем темном целое дерево цветов, и каждый цветок похож [на] маленького желтенького цыпленка; от дерева, цветущего ранней весной, далеко пахнет медом, и сюда летят и первые пчелы, и шмели, и бабочки, и множество мелких крылатых существ; дерево и пахнет, и гудит. Я, наблюдая работу насекомых часами, не раз удивлялся тому, что когда одна бабочка покинет цветок, как будто совсем его опустошила, и пересядет на другой, другая бабочка садится на первый цветок и на-

чинает находить в нем такое, чего первая бабочка не нашла, а после этой является третья, и так весь день: всем хватает на дереве!

Еще хороши бывают в это время ручьи. Недавно только вода в снегах и льдах пробивала себе путь с таким шумом и ропотом. Я не мог себе представить тогда молчаливого ручья. Теперь ручей, овладев всем, разбив все препятствия, чуть шелестит, по мягким уже зеленеющим подводным травам, как будто он мягкий и шелковый.

Жизнь машины измеряется не как у нас летами — столько-то лет, или как у гончих осенями: столько-то осеней, а пространством, километрами пройденного пути: сто тысяч километров — это предел бодрой жизни, как сорок лет — бабий век, после чего машина живет на ремонте, и это уже как у человека старость или жизнь бесконечная.

Недавно умер в нас в городе старик, который вечером на лавочке с газетой Times в руке рассказывал комсомолкам свои впечатления от тронной речи Луи Наполеона в Париже, и о знакомстве своем с бароном Геккереном, убийцей Пушкина, и о Николае Первом, которого не раз видел из окна проезжающим в коляске по Морской. Князь этот умер теперь, но не в этом дело, а что годы старости его проходили как бесконечное время... И вот это самое бесконечное время наступает у машины после 100 тыс. километров пути...

29-го с Петей и Левой на тяге в Красной Сторожке: не тянули. 30-го ездили на тягу к Рогачеву — не тянули; <*приписка:* пробовали проехать к [Перехлопову] и в Санаторий>, в ночь на 1-е в 1 ч. ночи выехали в Красную Сторожку на петухов и вернулись в восемь утра. Желтая опасность превратилась сначала в белую (вода), теперь в зеленую: ямы заложены зелеными хвойными лапками, и постепенно в серую: мы приехали с помелом, которое мело след за нами (хвойная лапа в буфере). Машка стала послушной.

<На полях:> мельгают народы

Религия (Шлейермахер).

Религиозное размышление есть лишь непосредственное сознание, что все конечное существует лишь в бесконечном и через него, все временное — в вечном и через него. Искать и находить это вечное и бесконечное во всем, что живет и движется, во всяком росте и изменении, во всяком действии, страдании, и иметь и знать в непосредственном чувстве саму жизнь лишь как такое бытие в бесконечном и вечном — вот что есть религия.

Это молодой человек, который был у меня и рассказывал о своем чтении, — что почему-то в его сознании писатели старые, включая Горького и кончая мной, обладают как бы особыми витаминами, что новые, хотя тоже некоторые и хорошо пишут — не имеют этого чего-то; этот молодой человек очень наивен: ему ведь всего 20 лет, он сын портного и служит в столовой по хозяйственной части. Я раньше приписывал силу стариков этике, что этика отличает их литературу от европейской, но сейчас думаю, что «витамины» коренятся в религиозном чувстве старых писателей. И это же отличает и старых большевиков от совр. коммунистов... у тех тоже вера была, этих движет сила инерции; вера двинула, одна только вера! и она продолжает двигать, но к ней, живой вере, присоединяется сила инерции, освобождающая от участия в основной двигательной работе многие части механизма: в машине появляются счетчики, гудки, светов. сигналы: начальная скорость...

Народы земного шара в старой географии Водовозова являлись интересными и представлялись носителями ценностей, у нас небывалых, и каждый писатель старался в другом народе открыть нам, чего нет у нас; теперь особенности народов стираются, и становится у всех как у нас. Мы подошли к одним и тем же <u>мотивам</u> у всех, и эти мотивы экономические, политически-военные, торговые снижают интерес к жизни другого народа; ничего нового! все как у нас в каком-то отношении; напротив даже, именно у нас самих, мы сами и являемся теперь для всех носителями того интересного, о чем говорили нам старые географы.

<*На полях:*> *религия — рассуждение*

Восторги весны, эти для всех скрытые ночи и пробуждение птиц — все это основа счастья. Я боюсь, что это «счастье» нельзя конкретизировать и назвать «землей», «весной», «садом»: все частное в сравнении с целым требует иного выражения; не рассуждать, а делать.

Мне нужно на все лето бросить всякие определенные литер. работы и обновиться в игре и безделии. По всей вероятности, из этого выйдет 3-я книга «Кащеевой цепи»: «Легкобытов».

2 Мая. Какие дни! березы распускаются, все зеленеет. Приезжали киношники, Литвинов и Калик. Мне предложили ввести 3-е (злое) лицо и «красавицу» превратить в «графиню Эльвиру», потому что купцы из Внешторга сказали, что иначе для иностранцев это будет скучный фильм. Фильм пущен в производство 29-го Апреля.

7 Мая. Так все и продолжается в ежедневном великолепии небывалый май.

Всякий мальчишка спешит бросить что-нибудь в автомобиль, и маленький, самый крошечный бежит с чурочкой...

Вчера в Рогачеве пулей влет убил петуха, и притом в полумраке, без мушки.

Рассказ о двух паразитах науки: М. М. Смирнов, сын священника, обдирает золото и камни с икон и прячет все в стену. Встречает Павла Лизихина, любителя чтения (всю черную работу на жену): Лизихин обделал. Арест: ночью к стене подъехал автомобиль: Смирнов указал, и Лизихин выстучал и выбрал. Все сходится на стоянке неолитического человека...

8 Мая. Великолепие продолжается, но все-таки в природе чувствуется как бы смущение (вероятно, вот-вот переменится).

Первый раз выезжал самостоятельно, ездил 5.30 у.— 10 у. в Посеево смотреть гончую: верст 60 без малейшей усталости. Вчера весь день пробился: не заводилась машина. Пришел к заключению, что виноват зазор в прерывателе, но сам без щупа изменять не решился. Генрихсон сделал в пять минут. Сколько раз замечал, что машина, когда ставишь на ночь, в полном порядке, а к утру то свеча перегнута, то зазор изменился и т. д.

Зимняя дорога — одно, летняя — совсем другое: стоянка в сарае, куры засрали; остановил, нажал пуговку — стал мотор, и машина как беседка: кукушка, токует тетерев; во Франции (Гриша сказал) машина как часть дома: дома имеет право на револьвер, только не на улице, и в машине тоже.

9 Мая. Опять непомраченное утро во всем великолепии. Лес оделся, и как будто зеленые горы стали перед нами. Все поет. Но я, как всегда, в это время лишаюсь способности, как все говорят, творить, и как я понимаю, дополнять от себя, чего не хватает в мире: теперь нечего дополнять, все полно, и не мне, а кому-то другому прийти и взять это счастье.

<На полях:> трактор заводила баба

Возвращаюсь к своему опыту с машиной, чтобы ее, как черта, оседлать и достать царицыны черевички. Сюда как материал история Святухина: сын анархиста: «я — царь!» (жизнь леса и машина). Выиграл машину, и сын «безвыходного» анархиста (полбутылки вина в день), сев на черта, достиг коммуны (его борьба с машиной). В совхозе трактор баба (не думая) заводит полдня (с 3 утра), и тетерева привыкли, не обращают ни малейшего внимания. Всюду заводят на зорях утренних тракторы — такой рев! Всю весну воды рыдали автомобили (выбиваясь из грязи). Всю зеленую весну на зорях — тракторы.

1) Бензин налить, 2) Разумнику 200, 3) гараж.

Подработалась фибровая гаечка <*приписка:* накладка> на прерывателе, и от этого ток высокого напряжения стал

разряжаться на массу, свечи не дали искры, горючая смесь не воспламенилась, и мотор не завелся.

Цветет черемуха, гроза...
Начинаю думать за рулем.

Охота — это движение: охота — это поэзия движения, но если машина берет на себя движение, то тем самым как бы вынимается душа из охоты, это все равно как было в старое время движение к святыням пешком за тысячу верст, и вот взять бы этим богомольцам и пуститься к святым местам на машинах с выхлопной бензиновой трубой под собой.

Тревога моя о том, что результат человека [подводит], я просто даже не могу себе представить это, но вот тут-то и надо быть особенно осторожным: это обманчивость успеха, я продвинулся вперед действительно, а в воображении это продвижение является гораздо в большей степени: верить этому, удовлетворяться этим никак нельзя...

Учусь заезжать в ворота задом, это и развороты на пятачках у меня еще не на высоте.

<*На полях:*> *Глупы куры, но они раньше лошадей привыкли к машинам, и как ни мчится теперь скорей шофер, ему теперь очень редко таким образом удается себе жаркое добыть.*

Вы, дети коммунистической революции, теперь только по книжкам можете знать о нашем прошлом времени, когда мы выводили своих героев, как отшельников из пустынь природы и городов, на страницы нашей литературы. В то время казалось нам, что чем глубже колодцы наши, тем и вода в них неминуемо должна быть <*приписка:* непременно> свежей. Но теперь как-то все совсем переменилось, мы пережили голод и знаем, как в пустынях плохо, когда нечего есть и особенно когда нет сытого разбега, чтобы голодная жизнь превратилась в поэзию... Мы пережили разрыв всех тканей, соединяющих нас с обманом благополучия сотворенного предками мира, и требования к герою предъявила не поэтическая мнимая возможность, а действительность во всей наготе своих обыкновенных нищих пустынь с сухими колодцами.

Вот этому лесу, где мне так часто приходится бывать, всего каких-нибудь двадцать пять лет, он вырос с тех пор, как умер один из наших прежних героев Анзимиров Иван Ферапонтович. Все тридцать десятин, возделанных когда-то его собственными руками, заросли теперь лесом так густо, что с дороги, проходящей в нескольких саженях от участка, нельзя заметить избу с сараями, жилище, в котором провел свою трудную жизнь анархист.

Красная сторожка.

Было имение «Голубая сторожка» в двенадцати верстах от Сергиевой Троицы. Барина выгнали мужики и под влиянием пришлых необыкновенных людей устроили на этой земле коммуну, переменив в названии урочища голубое на красное: Коммуна «Красная сторожка». Через короткое время те идеалисты, переменившие голубое на красное, рассеялись по другим местам, а мужики разделили землю сначала на участки, а потом мало-помалу вернулись к трехполке, и несколько лет деревня Красная сторожка ничем не отличалась от всех до-колхозных вековых деревень. Во время колхозной пертурбации бывшие коммунары «Красной сторожки» явились злейшими врагами коллективизации и по большей части все разбежались кто куда. После того к оставшимся гражданам пришли новые люди и организовали советское хозяйство «Красная сторожка».

10 Мая. Жара. Расцвет черемухи. Ходил на «купеческие места» и соединял «Красную сторожку» с Горьким: мы ведь, интеллигенты, все, по существу, дети анархистов, а Горький именно и есть Вакула-кузнец, который, оседлав науку (черта), хочет добыть черевички царицыны...

Вчера в Наугольное ездил с Морозовым и Ефр. Павл., в Наугольное на тягу, и так меня занимает езда, что ждешь конца тяги, чтобы ехать на машине: первый раз в жизни понимаю наслаждение в управлении («освоил машину»). Всю жизнь зреет у меня вопрос, почему люди стремятся к власти: вспоминаются министры, которых студенты били бомбами, цари; мне казалось маленькому, что к власти

стремятся особенные люди долга, вроде самых старших; вероятно, это и верно по верхней линии истории; но вообще власть оказывается просто сладка́: просто очень приятно сидеть за рулем, я это понял по автомобилю.

Леву завтра опять тащат в суд (кассация). Лева едет на Урал. 12-го приедет Павлик: 13-го экзамен. Машину поставим на регулировку.

12 Мая. Вчера начался сильный ветер, и стало свежевато... по-майски.

Завтра едем с Петей в Москву на экзамен. Итак, возвращаюсь к своей теме: новая дорога.

Начинаю «любить» шоссе.

Думаю о «мы, дети анархистов»: что в анархисте основное противоречие: царя не признает, но «я — царь» — это он утверждает, и оттого в быту анархист есть непризнанный царь, прокладывающий действием путь к своему царству или же отъединением; скопляет в себе силу «я» является властелином (не то...)

Каждому хочется жить, и от того каждый человек нашего прошлого времени приспособляется к новому времени; на этом пути приспособления в другом, подобном себе человеке он, понятно, видит мертвеца, лезущего в молодые, он даже в старом друге своем видит свою обезьяну. Вот отчего в наше время люди не любят друг друга, избегают встречаться. Мертвые прежде всего не могут любить (Григорьев-то!). Сознавая это, лучшие люди бросаются с головой в работу и спасаются в творчестве.

13 Мая. Ездили с Петей в Москву на Машке, сдали экзамен и поставили Машку на профилактику.

Где-то в подмосковной деревне у нас засорился карбюратор, остановились и были атакованы мальчишками: это маленькие ростом, но вполне взрослые и готовые люди, даже иногда в кепях с длинными козырьками: всё знают; они похожи на ту голь, которая в начале революции была впереди.

Испуганные автомобилем куры спешат к своему дому, и если он находится по ту сторону автомобиля, то летят и бегут прямо на машину и оттого попадают под колеса.

Если тихо ехать и погудеть корове, то она, бывает, остановится, сообразит положение и послушается, уйдет с дороги.

В Москве врезались в процессию похорон Менжинского.

Вдруг из-за угла большой зеленый автомобиль без гудка.

Тип спекулянта автом. частями (белый, как вошь).

Стар[ший] мастер профилактория Яков Петров. Быков.

<*На полях:*> *личная причина*

14 Мая. Надо помнить войну — (вот еще что!) так надо помнить, чтобы в нравственной борьбе при необходимости видеть лицо врага; в поисках этого лица исходить из причины войны: кто причиняет войну — тот и враг.

Две группы людей: одним надо «почему?», другим надо «кто» (вредитель), одним объяснить и уничтожить личную вину, другим найти виновника (наука — искусство, интеллигент и обыватель).

Анархист то же, что женофоб: всякий женофоб есть тайный женолюб, так и всякий анархист есть скрытый властолюбец (напр., Иванов-Разумник).

Отец моего героя часами сидел у кротовой норы и дожидался, чтобы схватить, — схватил, подержал и пустил: власть над кротом! «Смотрите, — говорил он, — вот трава, и каждая травинка живет по-своему!» Он восхищался травой как хозяин ее, как свободный пониматель: «я — царь, и все во мне царствует»; и тут как-то и Христос, будто бы освобождающий людей от власти и делающий человека властелином смерти самой.

Автомобиль открыл мне в себе самом скрытого от себя самого властелина (власть всех проникает, но характер власти разный: характер государственной власти, религиозной, научной, художественной; специалист властелин и энциклопедист властелин).

15 Мая. Ездили с Павловной в Красную сторожку, были на круглой поляне и представляем себе, что должен переживать в наших социалистических условиях этот потомок анархиста.

Как это странно вышло, что потомки анархистов, людей, отрицающих власть, после уничтожения монархии сделались особенными властолюбцами: их немало, дети крестьян, выражавших презрение к власти словами: «а нам хоть немец, хоть турок — нам все одно», дети разудалых бесшабашных купцов, дети бар и даже дети ученых принципиальных анархистов, — все стали начальниками в тот момент, когда в жизни из множества дорог, дорожек, тропинок осталась одна прямая и простая дорога.

Машина, как игрушка: автомобиль и дети. Все детское движется, мчится, не помня себя, навстречу автомобилю: быстрое движение вызывает у них древнейший инстинкт поймать, остановить; древнейший инстинкт, из которого... выражающий борьбу с необходимостью яркому действию оказать противодействие (а если посадить «борцов» в машину, они засыпают). Говорят, что на Можайской дороге, где ездит Сталин, ни один мальчишка не смеет выбежать навстречу машине, и это уже и нехорошо, скучно.

Машина требует быстрой езды, вызывает шофера, и если только он выпил, нет ему спасения (на днях у нас шофер с машиной влетел в пруд: машина утонула). В машине заключено стремление лететь до погибели, по мере ускорения тяжесть экипажа, железо, чугун становятся как бы легче, легче, и, наконец, это не материя, а дух, соблазняющий погибелью (тонкая сверчковая трель жиклера... компрессия воздуха, входящего в карбюратор). И логически: машина должна ехать, а не стоять (и бензина меньше).

Курица от автомобиля летит домой. Мальчик, преследуемый шофером, бежит домой: не лови его, а узнай дом и к отцу.

1) Гараж. 2) Красный нос. 3) Клей. 4) Торгсин. 5) Почта.

<*На полях*:> *Логический План.*
Лошадь

Пугливая лошадь издали заметна по ушам.

Шофер – человек [сообразительный]: особенно в Москве, на каждом шагу надо «сообразить» свое действие в отношении других действу[ющих] существ и пространства.

Дер. Наугольное – от нее 1-й поворот налево, Скоропусковский завод, Василий Васильевич.

<*Приписка:*> *Когда говорят: – вот талант! – это значит: победа, и это значит, что победителя не судят: талант!*

2. ***18 Мая.*** Так и продолжается май без морозов, но и без дождей с легким похолоданием. Теперь опять жара, сегодня на солнце без трех градусов 50.

Ездили с Генрихсоном за ландышами в с. Воздвиженское. Дедушка раскулаченный при виде автомобиля, как пугливая лошадь, ушами прядет. Газуют пьяные шоферы; хромают машины.

Курган как беседка, скользко от хвои, лозовые показатели реки.

17 Мая. Ездили в Чирково. Купили Османа за 400 р. у Алексея Васил. Денисова. Белая дьяволица и охотник: охотник в колхозе, и «приставная женщина» будит до рассвета, зная, что в это время охотник уходит.

Опять тупое время: вся страна гниет, если не сгнила, за «идею». Даже не идеализм, а номинализм: напр., сегодня постановление Совнаркома о переименовании в школах групп в классы и заведующих в директоры; уверен, что скоро начнется охрана семьи с прилагат. «советская»: чти сов-отца и сов-мать свою и проч.

Он чувствует себя заключенным и так разделенным от людей, как в одиночной тюрьме (вот отчего и попадаются все побежденные, а не победители).

Талант – это нечто вроде тока высокого напряжения: жизнь – первичный ток, а творчество является в момент разрыва первичного тока.

18–19 [Мая]. Ездили под Воздвиженское на курган за ландышами два дня подряд, первый раз с Генрихсоном, второй — с киношниками. У Генрихсона жена — старуха: жена, которая постепенно делалась матерью и наконец решилась принять в дом молодую — сколько страдания и какой удивительно простой пример перехода от любви чувственной к любви материнской.

1) Начало. Часто бывает незаметным и обыкновенным цветок на лугу, но когда его возьмут с луга и внесут в дом, он начинает быть привлекательным. И слова родного языка, то же самое, услышанные где-нибудь на чужбине, становятся до того прекрасными, что вокруг все чужое от них ородняется. Вероятно, потому так часто бывает, что земляки, встречаясь на чужой стороне и разговаривая на родном языке, часто остаются навсегда, и чужая сторона становится им новой родиной.

2) Было раз на войне, эстонец Алексей Генрихсон был ранен в грудь навылет. Раненого принесли в лазарет, и там за ним ухаживала сестра милосердия эстонка Мария Люнавалис. Земляки разговаривали на родном языке и так создавали себе новую родину: так часто бывает, что на чужбине земляки, разговаривая на своем родном языке, ороднят жизнь вокруг себя на чужбине, и эта чужая сторона мало-помалу становится им как родная и еще больше.

21 Мая. Ездили в Москву. Расторжение договора с профилакт. станц. Встреча с Левой. Навестили Дунечку.

С Машкой соединяются дети: автомобиль и дети. Детскость американской техно-культуры: тип авиатора, который весь расходуется в $1\,^1/_2$ часа. И тоже смерть (упал! как по-детски просто).

Дети окружают машину, когда шофер, открыв капот, устраняет неисправность. В грузовых машинах, бывает, хлопочут возле мотора несколько человек и между собой разговаривают: дети слушают эти слова и, соединяя их с частями машины, навсегда запоминают: карбюратор, поплавок, бензопровод.

Движение машины берет всего человека: весь ум его, память, внимание, мускульная сила, чувствительность

и созерцательность, воля и все многое, непознанное еще никем, включается в систему движения: одно мешает, другое...

<*На полях:*> *конвейер московской улицы*

22 [Мая]. Ездил на Скоропусковский завод, принял овес. Приезжал Калик и вернул работу сценаристов к автору. Так выходит, что если гнаться за драматургией, т. е. сводить действие к вечному треугольнику лиц, то звери исчезнут, если же заставить действовать зверей — люди в своем действии теряют значение.

Очень утомлен от езды на машине. Душа человека нечувствительно для себя втягивается машиной и переходит в движение. Это втягивание сопровождается даже наслаждением своей мощью, своей властью над существом в 40 лошадиных сил. Но после того как движение остановилось и начинается подсчет, то в результате оказывается только расход: как будто от езды глупеешь.

В Москве шофер как человек сам с собой бывает только на дворе, когда заводит машину и выезжает. Но как только он за воротами и машина вступает звеном в цепь разных экипажей и людей, движущихся по улице, человек становится волевой частью машины, замкнутой в цепь причин и следствий.

Шофер-ловкач, в миг запустив мотор, быстро прогнал машину задом по красивой параболе и стал в ряд с другими машинами...

Утиное гнездо. Открытие.

В деревню из болота пришел Степка-Растрепка и рассказал ребятам о своем необыкновенном открытии: он нашел в болоте утиное гнездо.

— Покажи! — закричали ребята.

Но Степка-Растрепка, восхищенный и занятый своим открытием, не понял ребят и стал говорить о гнезде. Там под лозовым кустом вода и в воде большая, как остров, кочка. Высоко над водой скрытое со всех сторон зеленью кустика утиное гнездо: это ямка, сильно обложенная ути-

ным пухом, в ямке мягкой и теплой лежат одиннадцать горячих яиц.

— Принеси! — Степка опять их не слыхал. Он рассказывал, как лисица спугнула утку и побежала за ней, а утка нарочно тихо летела и отманивала лисицу. Чуть лисица устанет, утка тише летит, и вот бы только-только за хвост — и нет, и все нет, и все дальше и дальше. Вдруг лисица поняла утиный обман, увидела мышку и бросилась к ней. А утка в траву. Вот Степка сидит в другом кусту на кочке и далеко, видит, шевелится трава, и все ближе, ближе эта живая поляна сюда идет. А это утка идет пешком, чтобы ее лисица не видела. И Степка увидел голову из травы и как утка под кустом взобралась на кочку и села. Вот тогда было очень трудно уйти незаметно, очень трудно: сучок за сучком он неслышно отгибал, продвигая себя, и отпускал потихоньку. Ноги совсем занемели, но он выдержал, перебрался на ту сторону куста и неслышно, то опуская в воду между кочками босую ногу, то поднимая, ушел и утку не спугнул, а вода холодная.

— Где же это было? — спросил один из мальчиков.

Степка-Растрепка подробно рассказал: идти в первый прогон и полем по белой дороге и с белой свернуть в болото по синей дорожке (дети часто зеленые дорожки называют синими): под третьим кустом от белого камня утиное гнездо.

Услыхав это, дети бросились в болото и разорили гнездо, а яйца, играя, побили.

— Эх ты, растрепа! — говорил вечером Степке его отец, хороший охотник, — кто тебя за язык тянул указывать: нашел и рассказывай, если хочется, но не указывай. Много еще времени пройдет, пока ребята наши начнут понимать.

<*На полях:*> *не могу сказать, чтобы это было очень хорошо, но так...*

В потоке экипажей всмотритесь в кабинки автомашин, и там вы увидите пловцов, и все вокруг покажется, будто совершилось какое-то великое разрушение на море и среди обломков эти шоферы плывут в смертельной борьбе за

жизнь... Скрежет тормозов, дьявольские гудки и среди них тот самый страшно знакомый всем жителям столицы последний крик еще живого человека под колесом машины. Стрелка амперометра жизненной силы моей личности сильно отклонилась влево, и это было ужасно, что сам я не знал, на какое же именно полезное или вредное дело утекла моя жизнь, мне казалось, будто просто случайно замкнулся ток моей личности и утекает, разряжаясь на массу. И вдруг я увидел на одной из витрин с бутылками разных вин и консервов лежал совсем маленький живой котенок... И я почувствовал, что жизнь снова стала приливать ко мне...

<*На полях:*> *воля Горького*
борьба за овладение машиной

Я думал, что когда научусь ездить по Москве и получу шоферскую книжку, тут-то я и овладею Машкой, но оказалось, именно тут-то она и забрала меня: пока я не умел ездить и каждый раз отправлялся с тревогой, я в этой тревоге находил себе какую-то иллюзию свободы, игру в счастье: как-нибудь проскочу, миную, и, миновав беду, был счастлив. Но когда я стал уверенно ездить, машина незаметно для меня, часто даже с ощущением приятного и даже наслаждения я стал отдавать свою душу одному только движению — *начало «повисло»*. Вот теперь наступает время настоящей борьбы с машиной: теперь, во-первых, я буду ездить так, чтобы цель поездки возмещала с избытком расход сил, отданных на движение.

24 Мая. Техника сносит голову.

После длинного периода майской жары сегодня после восхода явился первый дождь: дорогой гость.

Глуб. ув. т. Молотов,
машина Газ, предоставленная Вами мне для моих опытов...

Нет, схожу к Шумяцкому.

Книга для детей: «Машка» — машина, приученная, как собака: — Ну, Машка, спи, Осман тебя храни — или: Машка не заводилась. Я сказал: Осман с тобой, Машка! и вдруг вспомнил, что не открыл бензиновый кран. Начало: не

заводится, пришел жених и не завел, я стал сам думать и проч. Машка на Журавл. родине: охота. Машка и дети: все механики. Машина каждая имеет нечто свое (узнать на заводе, почему так): вот почему у нее имя свое: Машка одна.

Содержание сборника:
Терентий
Ежовые рукавицы
Страшная встреча
Рождение кастрюльки

Каждый факт являет собой как бы сморщенную оболочку аэростата, в которую художник вдувает свою силу, и факт, оставаясь фактом, летит.

Вино и машина. <*Приписка:* От разных причин болезненного свойства «дух» и тело у человека иногда разделяются.> Вино движет «дух», машина движет тело. Если дух пришел в движение от вина, ноги не держат. Если машина несет тело, дух трезвого человека весь целиком переходит в энергию движения. Но у пьяного шофера дух не подчиняется машине: он летит самостоятельно, и машина без управления тоже летит большей частью сама по себе. Сущность машины — движение, и чем скорей, тем ей лучше и лучше, как будто в ней заложена безумная цель взлететь на воздух и разбиться вдребезги. В то же время и дух пьяного человека, взыгравшись, как бы стремится вырваться и освободиться от машины. Поэтому пьяный шофер [летит] к погибели своей с пением. Вот мост небольшой, за ним, как это очень часто на наших дорогах, выбоины. Машина, летящая под гору, попав на выбоины, <*приписка:* резко [падает на колеса] и масса чугуна, железа и стали> взлетает на воздух как мячик. Тогда у шофера на мгновенье отрываются руки от баранки, и в это мгновенье машина успевает, переехав обочину дороги к отвесному берегу, ринуться всей стопудовой тяжестью в пруд.

Шоферское дело — куда как смело!

Этот случай был у нас в Загорске с грузовой машиной № 13 на мосту Каляевского пруда. В момент падения ма-

шины шофер С... вылетел из кабины и спасся, но один из ехавших с ним мальчиков погиб, другого мальчика откачали. Шофер теперь сидит, скоро будут его судить.

Пока я сам не взялся за руль и не проехал, сам управляя, тысячи километров на машине, мне все непонятно было, почему, несмотря на драконовские законы, грозящие шоферу лишением жизни за пьянство, все-таки множество шоферов едут в нетрезвом виде, и все равно как по ушам издали понимаешь ненормальную лошадь, так по ходу машины заключаешь о шофере: машина хромает, и спешишь от нее на обочину...

Есть, как я теперь понимаю, две причины, приводящие водителей к пьянству. Первая причина, это скорая перемена деревенской техники на индустриальную: наш шофер вчера еще был кустарем или земледельцем; сегодня он сел на машину, и хотя внешне научился управлять машиной, но существом ее не овладел. Ему совсем непривычно отдавать свою сложную кустарную <*приписка:* [всунутую] в кабину водителя> душу в жертву [энергии] движения. Да, он движется и [чинит] машину довольно прилично, но это достигается опустошением его обыкновенной деревенской «души»: проехав некоторое число километров, он утомлен непонятно для себя самого: как будто ничего не делал, все мускулы [спали], а вот сам тот и не тот человек, и эту убыль себя самого, отданного энергии движения, смертельно хочется восполнить выпивкой.

Вот электрический луч открывает человека, он протянул руку вперед, на одной ладони растопырены все пять пальцев, на другой два загнуты, это значит восемь рублей, и еще одна дама стоит тоже за восемь и еще тридцать [человек] все тоже по восемь. Так в один час на грузовой машине можно заработать рублей шестьсот или семьсот. Никто об этом не узнает, пассажиры спустятся, не доезжая до города.

Ну, вот теперь можно и выпить!

25 [Мая]. Дождь и так прохладно, что вечером пошло на мороз и ночью на 26-е я выпустил воду из радиатора

(мороза не было: + 1). Ездил с Левой за бензиновым пайком. Вчера был Катынский с заведующим Журавлиной родиной Дм. Кузьм. Фроловым. Так военное общество забрало Журавлиную родину. Ворошилов будто бы выразил желание восстановить Заболотское озеро. Как это поучительно! Еще тоже очень поучительно, что охота возвращается к своему первоисточнику, военному делу. Как ни бились — 17 лет! — Бутурлин, Зворыкин и др. старые охотники, все их начинания погибли, и «охота» вернулась к неволе военного дела, где: «делу время, потехе час». Мирный гражданин литератор Тургенев стреляет бекасов... не подозревая, что он этой возможностью играть и находить в этой игре детскую радость и спокойствие обязан войне, что из военного дела, как дела, вышла эта потеха: делу время, потехе час. И самый мирный гражданин Тургенев, обретая радость на охоте, глубоко где-то все-таки чувствует, что он обязан войне и людям, которые легли на войне как известные герои и безвестное пушечное мясо.

26 Мая. Ездил с Катынским и Дм. Кузм. Фроловым на Журавлиную родину (Федорцово—Торгашино) забирать ее под военное общество: они приехали не за глухарями, а за нами дураками. Два пьяных дурака, выдавая один другого, рассказали нам, что ели лисятину.

Сколько заплаканных материнских глаз старой Руси закрылось навеки и сколько сынов легло на войне, пока Тургенев получил возможность стрелять не в людей, а в бекасов.

<*Вариант записи:* Сколько <*зачеркнуто:* нужно было пережить человеку старой Руси> сколько ушло в могилу заплаканных матерей и сколько их сыновей погибло на войне до тех пор, пока Тургенев <*зачеркнуто:* фыркая либерально на государственную власть, [наслаждаясь] культурной природой, получил возможность стрелять не в людей, а в бекасов.>

И так было везде с охотой: в мирное время это потеха, в другое — это дело, это война: делу время, потехе час. И так это естественно, что культура потехи в наше беско-

нечно тревожное время, несмотря на все усилия культурных советских людей, должна была мало-помалу заглохнуть. Нам долго это было не понять, как при содействии многих охотников, членов правительства, многих ученых, посвятивших себя служению делу охоты, кружков охотничьих из рабочих при заводах этот вид спорта все 17 лет советской власти все падал, падал и в наши дни так пал, что на прежний путь его уже нечего и думать ставить. Это вышло оттого, что «потеха» охотой больше всех других потех напоминает о деле: войне. Странным кажется военную пулю дробить на бекасов.

«Божья пчелка» — великан, здоровый человек во всех отношениях, и оттого он, как все по-настоящему здоровые люди, великий душой и щедрый.

Человек «не от мира сего»: какое в этом презрение к миру! (к законам, государству, к самому «пороку» зачатия человека). Христианство было каким-то прерывателем обыкновенного жизненного тока с возбуждением в момент перерыва тока высокого напряжения. Человек ценит жизнь в момент расставания с ней.

Трактор поднимает пласты, и за ним уже, как в прежнее время за сохой, не боясь ни грохота мотора, ни вони газов выхлопной трубы, те же самые птицы.

Машину мы поставили возле чайной и сами так устроились, чтобы из окна можно было наблюдать за детьми, окружившими машину. Детей было так много, что через их спины невозможно было наблюдать за их действиями.

— Колька! — сказал я одному мальчишке пошустрее других.

<*На полях:*> *— Это тебе не игрушка! — Нет, игрушка! — Не твоя. И не моя. — А чья же? — Казенная. Выходит, что мы казенную машину [нашли] и сделали игрушкой.*

Он запротестовал:

— Я не Колька!

— Ну, ладно, — сказал я, — будь на время Колькой и охраняй машину, а я тебя за это прокачу.

Мальчик согласился и, вступив в обязанности «Кольки», обошел кругом машину, оттеснил ребят и сам важно присел на подножку.

— Слушайтесь, хулиганы! — сказал он.

Скоро другой мальчик подошел к окну и сказал мне:

— Можно, я тоже поступлю <*зачеркнуто:* в Кольки> к вам в охрану.

— А как тебя звать?

— Звать меня Сашкой.

— Ладно, Сашка, — сказал я, — будь тоже Колькой.

Второй Колька сел на подножку с другой стороны.

Пришел третий Колька, четвертый, пятый, и все, как воробьи на шесте, тесно рядком уселись на подножках. Тогда пришел последний, самый маленький, которому места не хватило. Он побоялся сесть, его не пустили, издеваясь: ты же не Колька.

Тогда он рассердился и сказал мне:

— Гражданин шофер, машину твою некому трогать, все стали Кольками...

Развить как борьбу с мальчишками и понять это как усвоение культуры через игрушку. У нас в деревнях мальчишки еще совсем некультурные, всякую машину понимают как игрушку и всеми средствами стремятся ее остановить, поймать или на тихом ходу сзади прицепиться и уехать неизвестно куда. Есть настоящие злодюги, бросают песок в глаза шоферу, камни в машину. Даже самый маленький клопик, едва умеет ходить, а тащит что-нибудь тоже швырнуть: бывает, швырнет и сам от этого рывка на спину повалится и заревет.

Шофер Кочагин Васил. Андреев.

31 Мая. Бездельничаю и катаюсь. Машина куплена за 3000 р., на ремонт 13 тыс. (направо и налево) = 16. Новый директор от старого ее не хотел принять. Старый продал за 32 тыс. и отдал 16 и себе 16 (а машина никуда не годная: жрет бензин).

Езда налево.

Машина везет в Москву молоко, а из Москвы машина-цистерна росу собирает (машина облеплена людьми и не поймешь).

Приятность ответа огнями.

1 Июня. Утро. На юге светло, на севере темно, чуть капает теплый дождь в тишине, облака неподвижны, и никак не узнаешь, к солнцу дальше утро пойдет или к дождю. Кажется, к солнцу. Все птицы выводятся. Одуванчики. У Тарасихи трава так поднялась, что осталась видна только верхушка плетня и на нем всякое тряпье, горшки, старые башмаки, бутылки...

Явилась мысль о кинокомедии, примитивной в сюжете и реально-сказочной. Начало пришло мне уже давно: некто выиграл автомобиль, поставил его в коровий сарай и стал приучать. Вчера в болтовне с Паней я предложил ей выйти замуж за Курая – старика (сладострастного) и обещал дать ей в приданое автомобиль. Паня согласилась и сказала, что молодой шофер поможет ей угнать от Курая машину. Вот и все.

Курай (Кащей): кулак – торгсин: старое, которое должно умереть (Курай в торгсине, Курай на Паперти, Курай дорогу метет и на баб глядит и проч.).

Курай выиграл автомобиль и учится ездить с целью спекуляции (прицепная тележка: росу собирать и проч.). Сирота Паня у него на службе, моет машину и учится езде. Курай готовит ее (Паню) себе на съедение. Паня задумала бежать и хочет похитить ключ. Шофер заводит без ключа и увозит Паню.

1 Июня вечером. Приезжал Калик. Рассказал ему о Новой дороге и во время рассказа уверился в возможности: буду делать.

Подтверждаются слухи о Шмидте (что «это все пустое»). Мало-помалу, если только не наступят большие события и не заслонят собой эту маленькую авантюру, ложь обнаружится (еще и пикнет кто-нибудь, и пойдет, и пойдет!); но если бы Челюскина унесло к полюсу и там бы, по-

добно Франклину, он погиб бы, то что в этом случае: великодушная история ради мученической кончины отпустила бы грех тщеславия людей, предпринявших путешествие во льды на корыте? И еще возможность была пройти в Карское море и вслепую, на авось сделать задуманное, тоже могло бы и так случиться (победителя не судят).

Есть среди всех сомнений чувство доверия в чем-то основном, главном, без чего невозможно никакое истинно жизненное дело: это есть сила жизни, наша вера, самый сильный, самый великий неназываемый Бог; вот если это бывает потрясено, то начинается революция: человек лезет на все, и этого боятся цари. Но всякое государство нуждается в таком человеке и всеми силами старается в нем создать себе основание (Столыпин и хутора).

Итак, это Некто реально существующий, обладающий своей психикой. И другой, тот, кто внешне действует, государственный человек тоже существует, тоже Некто, наделенный иной, чем тот, психикой: быть может, в нем нет реальности, и он существует как вексель, заменяющий деньги: дунет ветер, и нет царя! Вот эти бумажные деньги имеют способность саморазмножаться, и бывают условия, благоприятные их существу.

Раньше, в далекое время моей юности, вокруг меня так понимали деньги, что это золото, а бумажки существуют как деньги лишь как его представители и должны размениваться на золото; поэтому в наше время, чтобы не отяжелять карманы золотом, предпочитали брать вместо него бумажки. Теперь, в наше время, бумажные представители золота сами стали деньгами... И как все дороги сходятся в Рим, так все объяснения в грядущей войне: там вся причина.

Чающие и обещающие...

— Не с кем посмеяться над вами.

Мысль о том, что я всю жизнь в детской живу: моя мать в существе своем была ребенок, и так о ней многие, восхищаясь, говорили: «ребенок!» А жена, та уж и вовсе, и мои взрослые дети льнут ко мне, к моим игрушкам, как дети,

и все эти техники советско-американской цивилизации разве не дети с вечным своим «почему?» вместо «как» и наивной верой в чудеса науки и в счастливую общую жизнь на земле.

Калик рассказывал, что в заграничных фильмах самые пошлые сцены никогда не бывают исполнены пошло, а у нас при великом загаде фильм то и дело проваливается в чудовищную пошлость. И это, конечно, дело культурного воспитания, чтобы рассказывать о пошлом непошло.

Уголок христианского свободолюбивого покоя, отвоеванный церковью для людей, быть может, в борьбе с самим же Христом. Я в этом уголке воспитался, оглядываясь, с одной стороны, на страшную икону, с другой — на «ничто» революции.

«Володя». У Петра Мих. Карасева новая лошадь, жеребец в серых яблоках, тяжеловоз. Купил он жеребца измученным и взялся кормить. Через месяц я не узнал жеребца, казалось, он стал много выше. — Такой ли он еще будет! — сказал П. М., — когда отъестся еще: Володя, Володя и есть! — Как Володя, — удивился я, — разве Володя? за что же человеческое имя дали лошади? — Да это не человеческое: высокий и вялый, значит, во-ло-дя.

С Машкой беда: у барашков все рожки осыпались просто от тряски, — какой же это металл! А в автоснабе то, что нужно, всегда отсутствует. — Вы купить не умеете, — объяснил мне шофер, — у вас скоро так вся машина рассыплется, если только не наймете шофера. — Зачем мне, я же сам шофер. — Какой вы шофер, если не можете «слева» купить. — Оказалось, продавцы в автоснабе продают налево, своим людям, а сверхприбыль, получаемая от владельца машины, пропивается.

В гараж еле доплелась легковая машина. Лопнул третий поршень и стал бить, и так весь блок был разбит, а стоило только отвернуть поршень в третьем цилиндре, и все было бы цело, весь ремонт свелся бы к замене одного поршня, а теперь надо весь блок заменить.

События ***4—5—6 Июня.*** 4-го с Литвиновым на фабрике. Постановка «Гулливера» (мультипликация). Строева: женщина с зелеными глазами и порочным ртом. Актриса — кошечка на съемке. Дирижер. «Чанг». Наш фильм должен быть лучше Чанга.

В «Литературке» напечатаны слова Павленко в оборонной комиссии о «Жень-Шене»: «холодный, бесстрастный пейзаж». Как полезно бывает почувствовать зло по себе: вот уж действительно «ложь во спасение»!

Прежде всего явилась охота ответить на предложение «Известий» написать о сценарии. Свидание с Бухариным (взвинчено-дружественное, шутливое...)

5-го колебался, идти или не идти на очерковый съезд. Пошел и вдруг увидел, что там все за меня: Ставский, Агапов, Шкловский и др. Третье лицо Шкловского: такой-то человек и вдруг прославляет меня за очерк, не напеч[атанный] в «Канале». Вдруг все стало ясно, и даже почему предложили сценарий.

6-го ночью собрался с духом, утром обдумал и днем бросился в бой: два часа держал, и все смеялись. Это вышел опять юбилей.

7-го утром был еще раз на съезде. Вечером вернулся домой...

8 Июня. Починка машины у Генрихсона. Приступил к постройке гаража. Беседа с Бостремом, с режиссером. Решение ехать с Генрихсоном в Нижний на 10 дней.

Пришел скульптор. Я сказал ему, что позировать не буду. Он взял у меня фотографию и через неделю принес портрет мой из гипса: просил написать ему, что считаю портрет пригодным для массового распространения. Хотя портрет и не совсем был похож на меня, но художник, очевидно, нуждался, и сам я славу эту через портрет не особенно ценил, мне всегда казалось, что лучше в таланте жить, чем в славе <*зачеркнуто:* парить>. Я написал, что портрет (похожий скорее на Плеханова, чем на меня) вполне пригоден для массового распространения.

Через неделю стали со всех сторон доходить до меня слухи, что будто в парикмахерской, рядом с вождем, именем которого был назван наш город, висел я (вернее, Плеханов с надписью «М. М. Пришвин»).

Еще через неделю мне пришлось идти стричься в эту единственную в городе парикмахерскую. Там было очень много народу, и люди подходили к освобождающимся мастерам без очереди. Я стал возле мастера вблизи моего портрета. Все, подходя «под Пришвина», говорили о портрете: я наслушался много интересного. Но я не мог добиться мастера, все лезли «под Пришвина» так упорно, так работали локтями и каблуками, не обращая [внимания] на меня, на самый оригинал портрета, что я потерял терпение и ушел нестриженный, утверждаясь все более и более в том, что гораздо лучше в таланте жить, чем в славе парить.

<На полях:> ток высокого напряжения

Я долго под влиянием Куприяныча думал, что Машку надо беречь (а потом, — сказал он, — можно и продать). Но мало-помалу въездился и понял, что Машка при каждой поездке мне много дает, что это больше ее расхода, что мне тоже, как и всякому владельцу, надо стремиться насколько возможно сильнее и скорее использовать вложенные в нее силы и средства, что я, вступив в эту связь с машиной, должен и жить по-современному, а не по-кустарному.

12 Июня. Дети анархисты. Им автомобиль представляется игрушкой, которую похитили у них взрослые.

Ребенок рождается властелином, собственником и врагом установленной власти: он естественный анархист в самой демонстрации своей против власти, содержащей властолюбие. Вот тем и объясняются детские выступления против похищенной у них взрослыми машины.

При скорости в 20 километров можно держаться за баранку руля одною рукой, можно установить наверху у руля регулятор газа, сняв ногу с акселератора, и, поглядывая на дорогу, отдавать свою освобожденную энергию мысли.

Сейчас я еще не в состоянии, однако, мыслить о чем-нибудь отвлеченном без отношения к машине. Вот сейчас гудок перестал действовать, и запахло резиной. Я успел сообразить, что провод гудка замкнулся на массу, выскочил из кабинки и сразу нашел, что шурупчик, прижимающий клемму провода к изолирующей шайбе, ослабел, сделанная кое-как медная прокладка вывернулась из-под шурупчика, концом своим прикоснулась к трубке гудка, ток замкнулся на массу, и если бы я не схватился, быстро вся электропроводка первичного тока у меня бы перегорела. Повернув клемму, я привинтил шурупчик, все пошло по-прежнему, я поехал и стал думать о том, как похожа электроэнергия на ту, еще не управляемую энергию жизни, которая тоже как ток.

13 Июня. Май был жаркий и сухой, в июне вот уже почти половина прошла в холодных дождях. Машка нам теперь становится как раньше было Переславское озеро.

<*На полях:*> *само идет, входит в сюжет мой и государство и даже самая жизнь*

За рулем я испытываю особенное наслаждение, когда сзади меня интимно беседуют женщины, Ефросинья Павловна и Генрихсон: едешь, бывает, с большой скоростью, глядишь напряженно вперед, — как бы не попасть в ямку, не налететь на пьяного или глухого, не задавить овцу, гуся, собаку, — и так много всего опасного! но женщины не обращают внимания на быстрое движение и беседуют о своих вековечных женских делах, как будто не только машина на земле, но и вся планета Земля была неподвижна. Мне нравится их беседа с музыкальной стороны, так же как песня ручья весеннего или шелест листьев от легкого ветра в лесу. Очень редко я даю себе труд вслушаться в их беседу. Мне кажется, Генрихсон всегда рассказывает о своей вине, что она, будучи уже не молодой женщиной, позволила себе сойтись с Генрихсоном, почти мальчиком, и вот теперь за это она должна претерпевать ужасную муку: она должна, чтобы удержать его у себя, допустить брак его с молодой женщиной, принять молодых к себе в дом и забыть в себе жену и сделаться матерью своего мужа.

— Дорогая Е. П., скажите, могли ли бы вы?

— Нет!

— И мне трудно, вот как тяжело привыкать, но как же иначе, ведь я сама виновата.

Овладев машиной, никак не могу воспользоваться всей переменой в тех возможностях, которые являются мне с переменой моей в отношении моем к пространству и времени. Раньше я для какого-нибудь разговора на кирпичном заводе из-за сотни кирпичей должен был терять целое утро, теперь, потеряв на это четверть часа, я еще через четверть въезжаю в тенистую аллею из вековых деревьев, заглушаю мотор, открываю дверцу, и мне кажется, я приехал в какой-то неизвестный расписной зеленый мир с бегающими всюду солнечными зайчиками. Мне трудно справиться с собой и уверить себя в том, что [это] настоящий мир, а не представленный. Ведь я привык уставать и потом, отдыхая, постепенно радоваться тому, что заслужил: потрудился, и вот тебе за это солнечные зайчики. Но тут без всякого труда, вдруг ни с того ни с сего, как в театре. Так вот я, раб старого времени и пространства, пока не могу приучить себя радостный мир природы [брать] задаром.

Или вот, бывает, едешь скоро по шоссе, и в эту ровную песню мотора вмешается неожиданно какой-то знакомый мне звук. Если бы он повторился! Выключаешь сцепление, заглушаешь мотор, машина стоит и молчит. Тогда вдруг находишь себя среди душистых полей, видишь, как рожь колосится, и вдруг повторяется тот чудесный звук, пробившийся ко мне тогда сквозь гул мотора: это перепел ударил и открыл мне опять все мое детство. Я опять не понимаю, как могло это выйти вдруг без всякого моего труда: вдруг открывается ни за что простор полей, и вот, как в те далекие времена, пролетит стайка в воздухе и прядет крыльями. А иногда выхожу из кабинки, или даже сверну с шоссе и по твердому зеленому лугу проведу машину в глубь и тогда выйду: тогда ноги у меня бывают слабые, как после болезни, и весь я, глаза мои, уши, всё — как будто я птичка, выпущенная из клетки, примирился с клет-

кой, с даровым кормом, с любовным голосом хозяина (моего мотора), и вдруг опять вот возвращается назад все мое прежнее. Так, бывает, птичка не летит, а сядет на ветку в недоумении. Так вот и я стою, потом медленно протягиваю руку к васильку и начинаю удивляться, — до чего он прекрасен!

В N. сохранилась чисто крестьянская душа: он ненавидит большевиков, все их строительство и в то же время до последней степени рад, что на Дальнем Востоке укреплены границы и что «япошки» будут разбиты.

Человек, которого дешевле похоронить, чем напоить (это шофер Сафонов, брат прокурора).

Вчера приезжал Троф. Мих. Борисов (Тайна маленькой речки): очень скучный...

Строим гараж. Подрядчик Щербаков с печниками, штукатурами, плотниками. Очень похоже на группу Калика. Возили вчера с Петей песок.

У Лады кончается пустовка.

Перипетия с Османом: ходили на пробу, мучились с ошейником. Лада в положении Хуа-лу.

14-е—15—16-е до вечера работа над сценарием, вечер 16-го — Калик и конец. 17-го Петя приедет, 18-го гуляем. 19-го, вероятно, Москва.

Вечером в гараже мыли Машку. Дети наседают, старик весь день гонит лопатой (из гаража: силуэты старика и детей). Пьяненький Белов (пьян на 4 атмосферы: баллонист). Один из маленьких мальчиков, глядя на мытье, сказал: «эта шина к вечеру спустит». Он разглядел, что мокрое колесо на месте [прокола] время от времени давало пузырьки. Восторг детей, когда они узнали, что машина моя называется Машкой: — Мы теперь, как увидим вас, будем кричать: Машка, Машка идет!

Разговор с фребеличкой о любознательности: что дети стремятся к машине из любознательности.

Любо-знательность! и это любо, что мальчишка песок бросает в глаза шоферу или режет баллоны стеклом?

Пьяный Белов, доказывая, что насос худой, налил в него воду и, показывая на выступающие капли, приговаривает: «вот и полилось, и полилось, такая политика!»

Подтавотили. Накачали лягушкой.

Вечером Литвинов передал черновик режиссерского сценария. Обсуждали вопрос о приеме важных гостей, Шумяцкого, Динамова и Металлова. Сообразив, что в группе у нас все вялые люди, я подумал было пригласить умного, веселого и в винном деле столь яркого Григорьева. Я сказал Литвинову, что риск сочетания Григорьева с начальством в пьяном деле не велик, но есть: впрочем, ведь сценарий будет утвержден в трезвом состоянии, а выходки от Григорьева можно ожидать только в самом конце. — Зачем же рисковать! — воскликнул Литвинов, — зачем это нужно? — И жена его Анна Влад. тоже сказала: — Вы, М. М., не принимали начальство и думаете, что их надо как-то особенно занимать: ничего не надо, каждый занимается сам со своей рюмкой.

Так и решили Григорьева исключить. И так точно в наше время из опаски везде и всюду все яркое, индивидуальное исключается, и так я сам исключен из общества Горького, и оттого жизнь проходит так тускло: все побаиваются нарушить казенный тон.

16 Июня. Я спросил Генрихсона: — Можно ли пользоваться пробуксовкой при замедлении хода? — Нет, — ответил он, — лучше ехать на низшей скорости. — Но почему же, — возразил я, — мой первый учитель, очень опытный шофер — мне советовал пользоваться пробуксовкой? — Потому что, — сказал Г., — у него машина не своя.

Гаражи все на один лад, везде пьянство и ничего нет: какая-нибудь иголка для вентиля понадобится, так бегают, бегают... Но если приедет кто-нибудь со стороны и умеючи подойдет, то для него все явится: если это шина, то сейчас же с казенной новой машины снимут шину...

Утром в гараж все запаздывают после выпивки, и начинается разговор о том-сем, потом начинают искать чего-нибудь: непременно у каждого чего-нибудь не хватает.

Дети уже говорят: «наша Машка». Если они не благодарят меня, то я говорю им: — Ну, дети, благодарите Машку.

Тема: «профессор и баба-яга»: мираж: соблазненная кулачка: ничего не было, а было... и проч.

Счет гаража.

Корнееву: перевозка и оплата кирпича: 4000 штук = Кирпич = 240, перевозка 480

Герой моей Машки — человек умеренный во всех отношениях, ничем не выдающийся человек, но и лицом в грязь не ударит, не летящий, не падающий, а равновесный (Генрихсон): без такого человека в стране не может быть автотранспорта.

Смежники. После профилактики в нашем гараже ножной тормоз стал рычать. Я не знаю, что делал в яме монтер, но только заметил, когда один... не пробивался, он перешел к другому и забыл промазать коробку скоростей. Как я могу быть уверенным, что, сидя в яме, он что-нибудь не натворил.

Спросите в Загорске, и все вам скажут: кого-кого только не катал Пришвин на своей машине. Однажды видели, великан, деревенский плотник с пилой в руке сидел в пассажирской кабине, а Пришвин шоферствовал. Когда все видят детей и заключают о мягком сердце писателя...

Последнее неправда: детей да — но не сердце, пустой расчет.

Б. Комсомольский, б. Златоустинский, д. 3А, кв. 25. Валерия Анатольевна Герасимова.

Дорогая Валерия Анатольевна, Ваше письмо я получил в Загорске только 16/VI, а то бы я, конечно, Вам давно ответил.

Я занимаюсь искусством слова, потому что в этом я себя самого нахожу, и оно же отбирает для меня друзей. На-

ше время суровое, книгу напишешь, и она проваливается: есть, знаешь, друзья, а не знаешь, где, будто все друг от друга в шапках-невидимках живем. Критики сплошь подхалимы. Работаешь в пустыне, как аскет. Так надо, конечно, идешь и несешь, но трудно, очень трудно жить одной верой, без явных друзей. Кругом всё о вещах, тяжелых и легких, но ничего о самом живом человеке: и оттого правда <*зачеркнуто:* целого> разломилась: вещи без человека во лжи проплывают. Милая женщина! я — художник, значит, я тоже все чувствую, я сам тоже баба. Вот, я слышу, две молодые девушки говорят между собой: — Прочитай, милуша, тут есть и для нас. — И для меня может быть? — Конечно, для всех нас. — Я взял у девочек книгу, прочитал с большой радостью и подумал: быть может, и не одна эта Герасимова подходит к живому человеку, быть может, это уже началось?

Шофер Куликов — Моск. шоссе, 2-й дом не доезжая переезда, правая сторона, разваленные ворота, по нечетным дням.

Машина не виновата — человек виноват, а между тем человек все валит на машину и так ставит вопрос: что когда будет хорошая машина, то и человек будет хорош.

Дети садятся в машину и едут. — Куда вы едете? — Куда отвезет. — А если за 100 верст? — Придем. — И за двести? — Все равно придем.

Моя литература вышла из «романа по воздуху», из этих писем, с помощью которых тогда я... этим единственным средством привлечь к себе возлюбленную. Вот откуда «эрос», проникающий мои писания, и волнение, когда получается письмо от женщины: в этом возрождается прошлое и хочет сбыться старый сон наяву. Замечательно, что в 61 год можно чувствовать так же, как в 20! А еще вот тема героя, чтобы спасти женщину, показаться ей могучим... (все это теперь и есть)

Машина моя любит раннее зажигание. Стандартная машина заводится на позднем опережении зажигания, но

эта машина по неизвестным нам причинам очутилась на раннем опережении, и это индивидуальное свойство моей машины Генрихсон понимает как «любит», он говорит: — Эта машина любит раннее зажигание.

Узнать индивидуальные свойства.

Машина чхает: машина ехать хочет

Генрихсон, любя машину, говорит: — Машина не виновата. Безродный своеволит.

Тема: Г. всегда говорит, выражая величайшее презрение к человеку: «потому что эта машина не его собственная» — т. е. что если бы она была его собственная, он так бы не поступал: и это значит, совсем плохой шофер. Иной человек находится на таком низком уровне, что может относиться к вещам без вреда им, если они у него свои: деревенский, примитивный человек. Итак, есть в этом разные типы людей: иному нужно только помнить о своем, чтобы хорошо относиться к чужой машине, у другого не свое, — значит, ломай...

17 [Июня]. Ежедневно дожди, холод. Захотелось мне даже барометр починить, и вот я извлек его из кладовой. Стали разбирать с Петей, мне надоело и показалось, что собрать правильно невозможно, я отстал. А Петя продолжал добиваться и достиг: барометр стал хорошо показывать. Желая отстоять себя в этом маленьком деле, я сказал: — Моя роль администратора-предпринимателя, если хочешь, просто даже партийца: годы пролежал барометр в кладовой, и десять бы пролежал, и ты бы за него не взялся, а вот, благодаря моей инициативе, в какой-нибудь час работы у нас явился барометр, и как новый. — Петя на это ответил: — Все равно он лег бы на свое место и продолжал бы лежать годы, если бы к тебе не явилась техническая помощь.

19 [Июня] вечером барометр перестал падать. Пришел Бострем. Я думал о «желтой опасности»: что эта соловьевская формула потеряла теперь всякий смысл: варваров, т. е. народности менее культурной, но более богатой природными силами, могущими быть страшными для народнос-

ти более цивилизованной, но менее сильной физически, теперь больше нет на земле. Японцы, особенно китайцы... какие же это варвары!

Левые эсеры — это люди, которые в конце концов бессознательно претендуют на престол, маскируясь мировоззрением индусов. Едва ли они чему-нибудь научились и теперь...

Я принадлежу к массе русских людей, которые подчинились завоевателям и стали работать с ними в ожидании, что рано или поздно завоеватели принуждены будут считаться с интересами завоеванных, сами научатся... и нам от себя нечто дадут. Они и дали нам ту самую инициативу, которая была у меня в случае с барометром...

Незнакомка (В. А. Герасимова): волнует только тем, что незнакома (какой абсурд! своя же баба, да на чужом огороде и то слаще, а уж чужая!): повод для работы эротического воображения (интересно для анализа прошлого). В таком случае совпадение или возможность материализации воображаемого чрезвычайно редка. Придется вернуться к анализу: этого счастья «безумия» хватит на всю жизнь: источник вечной юности: как все зажглось вдруг, и стал понятен внутренний человек (догадка Павловны: «этой красавицы нет»). Е. П. относится скептически к портретам женщин для моей героини «красавицы»: «этой красавицы нет: киношники ее сделать не могут». Вот анализировать этот момент перехода от незнакомки к жизни после катастрофы: неудачник, злобник, демон, Григорьев, завистник, скептик, подпольник, самосильник = или же: система поведения, чтобы поверх личной беды этой же силой, сосредоточенной в незнакомке, как в фокусе: в этом свете всю жизнь увидеть и тем понять всю ее глубину. Если бы удалось все понять, то это был бы я.

Правильность моей жизни была в доверии к этому свету: и что я не хотел это анализировать: надо было действовать (правда была в действии без анализа). Почему же мне-то в конце концов незнакомка просияла жизнью, а <*зачеркнуто:* Блока, напр.> другого наградила сифилисом и превратила в занозу. Общественники нам дают свою

«любовь к ближнему» или все равно «коллективизм» и т. п. как нечто данное, как абсолютную, вытекающую из жизни ценность: между тем к этой ценности необходимо лично дойти.

Еще свойство «незнакомки»: она может загораться с верхнего конца и обрываться искрой поэзии, освещающей чудесно земные предметы; и она может загораться в грубейшей чувственности: поднять завесу ночью, раскрыть, что там: ползти на четвереньках: и ведь тоже там нет ничего: точно такой же обман.

21 Июня. Население Загорска, 11-й завод и др. было мобилизовано для встречи челюскинцев, и даже куплены были для Шмидта золотые часы, но поезд не остановился.

Судьба Челюскина — корабля: корабль погиб, но люди живы — сплелась с нашим кораблем-государством: однако этот лучший смысл всей «эпопеи» никто не посмел высказать. Напротив, авантюрность поездки во льды на негодном корабле... Но так надо: ведь государство же крепится народом, и ничтожность повода исчезает в значительности демонстрации: есть что показать.

Обыкновенная, повседневная жизнь в рассказах, подобно «барометру» и, напр., «диамату» (и «не-обходимость»: сознание необходимости — есть свобода). Можно исторически: «кадет»: записывать жизнь свою прямо рассказами...

«Незнакомка» меркнет. Боюсь, что и тема моя «Машка» тоже померкнет. И отчего? стоило бы Шумяцкому вовремя ответить, и я бы завяз, все равно как вот заказали мне Хуа-лу, и я сделал. «Дон-Кихот» начался тоже от ничтожной причины. И вопрос: если бы этой причины не было, явилась бы другая подобная для создания «Д.-Кихота»? Это сводится к тому: если бы от случайной причины умер Сервантес до романа, написал бы кто-нибудь подобный роман «Дон-Кихот»? Я думаю, что нет, и тоже если ничтожного повода, вызвавшего роман, не было бы, то и романа [бы] не было. Но только «ничтожество» повода, напр., заказ детского журнала, вовсе не есть ничтоже-

ство, а проявление великого в ничтожном (напр., редактор Альмединген, его деятельность есть великая деятельность, осуществляемая незаметным человеком.

Незнакомка: реализация «незнакомки» есть такая же «случайность», как, напр., создание «Дон-Кихота» (незнакомка — это невеста). Мои сочинения насквозь в эросе, моя литература едва-едва выбивается из потока чувств.

Пьяница Ломакин хоронит сегодня свою жену, всем называя ее мученицей, замучил сам и теперь сам говорит: «отдаю последний долг мученице». Она была верующая, православная, и он, пригласив музыку, тем самым, что музыка содержит ритм, порядок, некий чин, считает, что это, значит, и по-христиански, т. е. что мог в отношении христианства, то он сделал, покойница в гробу, в цветах, родные собраны, музыка — все честь честью: отдал свой последний долг. Противно до последней степени: какой-то вскрытый и освобожденный от Достоевского и действительный Мармеладов. (И еще, негодяй, оправдывается «болезнью» своей: что, по признанию врачей, запойное пьянство есть болезнь.)

22 Июня. Вчера появился Именитов Григ. Ильич, — роман написал!

Шофер Куликов Коля под машиной лежит, а друг за женой ухаживает.

Челюскинцы — это парад.

Вопрос о детях: почему бросают камни?

Взя́ток (мёд: день влажно-теплый).

Незнакомка. Оправдание оптимизма.

25[Июня]. Вчера был Литвинов: назначил прием у себя начальников на 28 (27-го будем ждать результата). Уехать могу, вероятно, лишь 30-го.

Инфантилизм и вирилизм (ст. Эфроса «Триумф детства»). Разность художественного восприятия детей и взрос-

лых. Слова Коррадо Ричи: «ребенок рисует не то, что он видит в предмете, а то, что он знает о нем» — Эфрос перевертывает наоборот: «зрелый художник изображает не то, что он знает о вещи, а то, как он видит ее». Иными словами: искусство ребенка умозрительно, искусство взрослого — отображательно (Эфрос). «Один воспринимает мир опытом представлений, другой — опытом наблюдений». «Если у взрослого чего-нибудь не хватает, значит, он мало видит <*приписка:* путешествует и пр.>, а ребенок — мало знает. У взрослых все знания лежат балластом, пока у них нет непосредственных зрительных восприятий».

Характер Османа: человек из подполья: Осман — это человек из подполья: соглашается на дружбу, вы гладите его, чешете, больше, больше, он киснет, кажется, вот совсем раскиснет и будет обыкновенная собака, как вдруг рявкнет злобно, и вы отскочите...

У Лады вчера в овсянке, наверно, была соломинка, сегодня эта коротенькая тычинка не совсем вышла с переварившейся пищей и осталась торчать под хвостом. Осман понюхал и какой умница! вытащил постороннюю тычинку передними зубами, положил ее на траву, долго нюхал, разглядывал, потом поднял заднюю ногу на нее и, омочив, покончил совсем с операцией.

Мертвец: пьяный шофер врезался в толпу, изувечив несколько человек, один из них с разбитым о радиатор затылком попал на буфер и <*приписка:* в бессознании> сел на него. Шофер, наделав беды, отрезвел и, пустив машину, пошел наутек. За ним кричали, бежали, свистели, но успеть не могли: шофер убежал бы. Но седок впереди, невидимый шоферу, пришел в сознание, ощупал свою голову, размазал кровь по лицу и, сообразив положение, захотел показаться шоферу, чтобы тот остановил машину и пустил его. С большим трудом, медленно он перевернулся лицом к радиатору и, обнимая перед автомобиля руками, стал подниматься на ногах...

Шофер почти совсем успокоился, рассчитывая, что едва ли в суматохе кто-нибудь успел запомнить его номер.

— Не пойман, не вор! — сказал он себе. И только это сказал, вдруг впереди из-за радиатора показалась вся в крови голова человека. Шофер дрогнул, выпустил руль, машина ударилась радиатором в стену, и окровавленный свидетель...

Какой ужас!

Вчера приехали Коротаевы. Сели на машину и устроили пикник на опушке у ржи под защитой кустов (рожь наливает). Вспомнился несчастный профессор, коммунист (грешок троцкизма), видевший в каждом кусту сексота. Ужасно мне жалко его, и много таких (у Ник. Плат. — дворянство): он есть техническая сила (честный труженик): обречен на каторжный труд, чтобы замолить прошлое (дворянство), и незамолимо: потому что честность в труде (Петина) против задора борьбы (Левина): нет рывка, и оба вянут... (Отрекся от родителей, посылает им 50 р. по суду: что-то вроде социальной чахотки.) Герои Герасимовой (а масса как судьба).

Взя́ток. Дожди в тепле, сильно растут травы, все цветет, рожь цветет. Когда солнце покажется, пчелы собираются, и не видишь их, а слышишь, и пахнет медом, все гудит и все медом пахнет.

В чистой здоровой машине гудит мотор так хорошо, будто песня здорового, молодого, веселого человека. И как чудесно бывает еще слышать за этим гулом мотора приглушенный вековечный разговор женщин сзади себя, ничего не понятно в словах, и как много вековечного, общего, человеческого в их разговоре. Вдруг камень летит в машину (жестянка: мальчуган; он убегает к дому своему, как курица: его очень просто поймать: и поймали: он окаменел).

Незнакомка. У Пани фигура как у Е. П., и она ей племянница, и оттого все в ней известно и получается «родственно», т. е. в голову не приходит никакая «дурь». Напротив, когда явно не родственно, незнакомо — тут и дурь

(своя же баба, да на чужом огороде и то слаще, а уж чужая!): незнакомка другого рода, влечет в сторону, дальше, дальше: это сила экспансии: движение в чужую страну, куда-то... Напротив, родовое чувство (сама женщина) тянет внутрь (консервативность женщины).

26 Июня. Корабль режет воду и не зарежет: вода бурлит. Хорошо смотреть! Но пассажир не глядит вдаль на пройденный путь. Кто он такой?

Так начать бы роман. Но писать роман — все равно, что вдаль смотреть на пройденный путь, в то время как под бортом бурлит вода. Не будет романа и обмана: пассажир — это я. Жизнь моя, довольно уже долгая по счету лет, если смотреть в ее прошлое, кажется бедной и короткой: ничего особенного! Но стоит заглянуть в бурлящую пену вокруг корабля и потом с этими глазами отправиться в прошлое, то великим неисчерпаемым богатством кажется эта моя прошлая жизнь. Вот почему я боюсь о прошлом писать и, оберегая это свое великое богатство, жадными глазами всматриваюсь в настоящее.

Рев лосей под Москвой.

1. Птичье кладбище.

Суеверием я называю, когда из понятного человек строит «тайну».

У нас, охотников, простых и даже образованных всегда было [неразгаданной] «тайной» быстрое уменьшение дичи во всех уголках. Никакие разумные доводы не принимались во внимание, находились даже биологи, писавшие о катастрофическом уменьшении дичи от «неизвестных» причин.

Тридцать лет тому назад я служил земельным агрономом в Клину и уже тогда слушал эту «творимую легенду» в лесных угодьях светлейшего князя Меньшикова-Корейши. Один охотник уверял меня тогда, что птица улетает куда-то и не возвращается, что там где-то в той стороне, куда каждую осень птица летит, есть птичье кладбище.

Теперь, когда имеешь удовольствие так ясно сопоставлять настоящее с прошлым и многое так просто вновь по-

нимать, происхождение легенды о птичьем кладбище так легко объяснимо: так уму простого охотника представлялась роковой обреченность рода князей Меньшиковых-Корейш, не смея прямо на князей смотреть, лесной поэт перенес это чувство тоски вымирания жизни на птиц: улетают на птичье кладбище. Я помню ясно этого светлейшего прожигателя жизни, истребление великолепных лесов под Завидовым. Он успел тысячи и тысячи десятин этих лесов дочиста истребить, пока, наконец, не замечен был администрацией, и светлейший князь в своей высшей красоте явился к нам в земство по грязной «народной» лестнице что-то выпрашивать... Мы, агрономы, бухгалтера, с начальником, три земских, все улыбались друг другу, глядя на этого пойманного хищника. Из этих улыбок, вероятно, вскоре и сложились мои старинные, открывшие мне литературную дорогу рассказы: «Крутоярский зверь» и «Птичье кладбище».

Эти леса, снесенные раз на дело, а потом, кажется, в другой раз, уже на дрова, так и не поднялись до сих пор: часами едем мы теперь с охотоведом Катынским верхом и все одинаковый березовый подрост, утомительно однообразно. Эти огромные пространства молодого леса, дважды [истребленные] светлейшим князем, теперь входят в состав угодий Военно-охотничьего общества, и сколько тут дичи... я не могу просто сказать: вы не поверите и скажете, что я усердствую и вывожу нарочно, как многие это делают для «оптимизма», количество птиц и зверей. Между тем я вовсе не к числу веду, а к суеверию и разоблачению творений легенды о птичьем кладбище: что когда князь, Крутоярский зверь, пропивал леса — дичь уменьшалась, но стоило только Военному обществу взять дичь под свою охрану — и уже в несколько лет всякой дичи развелось в небывалом для нашего края и в древние времена количестве.

2. Глухарь.

Никого так больно не била революция, как нас, культурных охотников. Ведь, кажется, ясно, что культура охоты развивается параллельно военному делу: делу время —

потехе час. Так ясно, что нужен длительный мир, чтобы воин превратился в Тургенева, стреляющего бекасов, что культура охоты связана с дворянской и необходимо должна нести на себе последствия разгрома усадебного быта. Ясно, а все-таки больно. Ведь этим «аргументом» били нас пушники, стремящиеся ободрать всех зверей. И ведь как больно били! Еще бы: культура охоты ведь [только] вышла из дворянской усадьбы и военного быта, а потом она слилась с [новой жизнью] и так осталась служить лучшим отдыхом сотням тысяч рабочих, подготовляя среди молодежи лучших бойцов в деле обороны и [защиты] государства.

Никакие эти аргументы не принимались во внимание, кустари охотники иностранные гибли, пока, наконец, военно-охотничьи общества не взялись за культуру охоты и не начали открывать свои двери ученым, писателям, художникам и всем, кто только способен этому важному делу помогать, а не только истреблять дичь для собственного своего удовольствия.

Вот мы теперь и едем с охотоведом Катынским там, где я тридцать лет тому назад ездил с целью вводить у крестьян травосеяние и товарищества. Своими охотничьими глазами мы видим удивительные вещи, и жизнь глухарей, этих лесных Гулливеров, нам, охотникам, все это смешно! — представляется на фоне человеческого сообщества лилипутов [прошлого]. Правда, вот огромный деревянный угрюмый дом светлейшего князя: какая мерзость запустения, какая безвкусица, как ничтожен этот лилипут, мелькнувший в жизни, так, чтобы дважды пропить сохраненный дедами девственный лес. А между тем глухари жили, трудно им было, когда рубили сплошь леса, но сила жизни у них огромная: ведь пережили! Вы этого нигде не увидите, а мы, опытные охотники, никогда не видели птиц... Как представляешь себе глухаря: в глухом лесу, конечно, и все обаяние этой величественной птицы, что в глухом лесу, для избранных, он поет, как маленькая птичка, и в то же время он Гулливер, наполняющий собой весь девственный лес.

Теперь надо представить себе редкий березовый молодняк, выросший после двойного истребления: очень правильный лесок со всякими мелкими цветами, муравейниками, грибами, — [здесь] теперь глухари живут и сколько! по 20 штук на току можно встретить теперь только в Архангельской тайге да вот здесь, в этом дачном лесу. Сила жизни, привязанность к месту у птиц такая, что они продолжают свою жизнь в совершенно преображенной природе. И нам, охотникам, ценящим особо перед всеми людьми силу жизни, эти великаны-птицы кажутся Гулливерами в сравнение с тружениками или лилипутами «Птичьего кладбища».

3. Последний лось.

В южной части угодий Военно-охотничьего общества, вероятно, и кончались владения светлейшего князя, потому что возникли тут [нетронутые] девственные леса, имеющие, конечно, характер тайги. Наша задача была летучей разведкой подготовить материал для таксации зверя и птиц в этих угодьях, и особенно нужно нам было узнать о лесах. Мы приехали к знаменитому в старое время охотнику на лосей, и тут возле его избы у телеги собрались егеря и сторожа Военно-охотничьего общества: кто на телеге сидел, опустив ноги, кто на оглобле. Мы с Катынским сели под дерево на корень и повели беседу сначала деловую, а потом Катынский стал наводить разговор, чтобы вышло что-нибудь занятное для меня как писателя. Егеря, быстро поняв мысль Катынского, все показали на М..., знаменитого охотника, чтобы он что-нибудь нам рассказал из жизни лосей. — Соври что-нибудь, — сказал старый егерь. — А ты сам соври, покажи пример. Старый егерь согласился.

Портянки
рассказ егеря Кирсанова

Приезжал охотник из Москвы, пошли за глухарем. Он себе стер ногу, захромал...

— Так это просто! — воскликнули все егеря, — какой же это рассказ, надо что-нибудь соврать.

Чудесные птицы

— Есть чудесные птицы в лесу, — сказал охотник К., — сами маленькие... голова большая, а на шее воротник...

Все засмеялись, но К. не смутился.

— А то есть совсем маленькая...

Французская булка

Ничего не выходило, и, помолчав, все в бессилии обратились к Михаилу:

— Прожил ты, старик, до 80 лет, неужели тебе ни разу не случилось солгать?

— Случилось было...

— Ну, расскажи, как ты солгал.

— Просто было, — сказал Михайло, — было в то время запрещение на лосей, нам нельзя, а лесничему можно. Приехал из Москвы лесничий. Я ему лося выставил. Он стрелял, лось ушел, и крови не нашли. Лесничий уехал и наказал: ты, Михайло, пожалуйста, может быть, где найдешь: мясо себе, а шкуру мне. Он уехал, а я нашел: живехонек. Вот я взял и убил. Выпотрошил лося и повез домой. На грех потеряй я печенку. А объездчик Прохор был вострый, — не знаю, жив ли теперь, — бывало, говорит: ох, Михайло, попадешь — обдеру! И наткнись этот Прохор на печенку, смекнул и ко мне с обыском. — Что это, спрашивает, у тебя под рогожей? — Это, говорю, ничего: это французская булка. Поднял он рогожу. — Ничего, говорю, это намедни лесничий охотился, стрелял и велел поискать, и мясо мне, а шкуру ему. — Написали лесничему. Тот ответил, что очень рад, [что нашли], велел шкуру продать, а деньги Михайле пропить... Объездчик Прохор, человек вострый, — не знаю, жив ли теперь, — конечно, смекнул и говорит: — Вот так французская булка! — А я на это ему отвечаю: — Французская булка и с косточкой.

Последний лось

Всем до того понравился рассказ о французской булке, что все забыли о необходимости врать и начали просто рассказывать о лосях, кто что знал, как в старое время

браконьерствовали: самку убьет и рога к ней вделает, будто самец, и как один министр на охоте под предлогом, что принял за волков, убил двух телят, и как министр Сипягин на охоте по птицам встретил лося, испугался и залепил ему в глаза из дробовика, и как жил потом, изнывая, этот самый лось. До сих пор хватает за сердце этот рассказ. Но всего страшнее был рассказ о последних лосях во время революции. В то время старый и малый взялись бить лосей и до того выбили, оставались последние, но их долго не могли убить и знали, что есть, а убить не могли. И вот раз Михайло увидел последнего лося [с двумя телятами].

— Вот радость! — сказал Михайло, — и так все идет на охоте: нам горе — им радость, нам удача — им смерть. Ударил я самца — упал, и корову ударил — упала, и телят обоих убил. Приходит Прохор, просится в часть. Пока говорили, глядим на матку у ручья, оглянулись, а лось позади встал. Оба разом в него — упал. Оглянулись — теленок стоит, просто страшно стало. Подошли — не бежит, прямо зарезали. И тогда смотрим, у ручья корова стоит. Ну, я не мог, а Прохор прицелился — и она упала в ручей. Так вот охотнику счастье, а им смерть, нам неудача, а им радость.

В дебрях Московского края

Думали, что всех лосей начисто выбили, а вот опять лоси, какая огромная сила жизни: все выбили, но стоило только Военно-охотничьему обществу — и лось опять показался. Бывало, в первые годы Михайло увидит лосевые орешки, и в шапку их прямо в Москву, и все удивляются и радуются: лоси опять показались. Год за годом охраняли, и вот теперь мы во главе с Михайлой и следы разных лосей считаем десятками.

— Приятелем их не был, — говорит Михайло, — а жизнь их знаю. Таволга, иван-чай, дикая рябина, трилистник — любимая пища. Вот след в осоке зеленой: как будто из осоки свилось гнездышко, это лось ступал, а сам ступишь и провалишься. Почему так? Вот корова шла с теленком. А это что? Это корова с теленком пошла в одну сторону, а другой след в лес. Не старый ли след? Нет, свежий: вот

забрызгана свежей грязью листва трилистника. Этот след вышел под выворотень, и все стало понятно на грязи: бык и с ним [лось]. Под выворотнем лось напился. Вот осина, целая [роща] осин, особенных, скусываемых из года в год. Вот [сломали] осину, но дерево живет, по тончайшему листу из коры [сок идет].

Вот лось покусал дерево. Михайло знает, что этому лосю третий год. И это очень просто узнать: если он своей рукой достанет до укуса, значит, лосю пошел третий год.

Ты считаешь скусы, вошел в жизнь зверя, мы всё в лесу начинаем понимать по-лосиному. И озеро Козино [лесное], к которому мы не скоро добрались, утопало в приболотице (а лось просто и легко подходит напиться), так сумрачно смотрел на нас, будто сам он был.

Это было тому назад уже три года, и тогда мы посчитали в этом урочище шестьдесят лосей. Теперь же их живет тут под Москвой уже более ста.

Совсем не нужно и всюду лось показался. Не нужно ездить в Сибирь, искать страну непуганых птиц и зверей. Стоит так взяться развести охотничье хозяйство, и у нас под Москвой будет гораздо более птиц и зверей, чем в дальней тайге. Пора забыть это суеверие, что было принято...

Машка сама научит!

В дороге мы разговаривали с Каратаевым, и вдруг мне показалось, будто руль не забрал, но, пропустив немного, опять стал действовать. — Вероятно, люфт маловат, — подумал я, — и продолжал разговор. Было так еще, и еще, я даже сказал об этом Каратаеву, и он тоже сказал мне, что, вероятно, люфт. Но это оказалось, что спустило переднее правое колесо и мы ехали на ободе, разорвало на куски камеру. Генрихсон дома стал искать гвоздя в покрышке и нашел острие, но вытащить гвоздь было невозможно, оказалось, что гвоздь был залит в самой резине на заводе и постепенно острым концом своим выпер и проткнул камеру. — Можно было предвидеть по ходу руля о спущенной камере и не дать ободу распилить резину, но как можно предвидеть, как можно предусмотреть, что на резиновом заводе в шину гвоздь острый заливают! — сказал я. И Ген-

рихсон ответил: — Я давно говорю, что всего не предусмотришь, всему не научишься, Машка сама вас выучит.

28 Июня. Сегодня в 12 ждем из Москвы генералов от кино: Шумяцкого и Металлова. Надо воспользоваться: 1) необходимость озвучания фильма: дороговизна животных и проч. 2) Бумага в Гиз. 3) Пленка. Посвятить 29-е доставанию пленки, 30-е пробам и сборам и 1-го выезжать.

Мотор чисто, весело, бодро поет, но и «соловьи» тоже поют в кузове, кажется, мотор стремится вырваться из дрянного кузова.

Страшный мальчик с кирпичом в руке Павлик Волгин: такой чудесный мотор, душа сливается с ним, и вот маленький злодей поднимает большую половину кирпича...

Принимал гостей и занимал, время прошло, будто с большой скоростью ехал на машине: ехал и больше ничего: время прошло, я проехал, и у себя ничего.

Бывало, до того доездишься, что когда в Москве сойдешь на улицу, то все кажется, будто на машине едешь, и все, кто идет с тобой рядом, кажутся машинами: непременно вправо свертываешь, обходишь слева, из переулка при выходе на большую улицу ход сбавляешь и даже на углу в забывчивости сложишь губы гудком.

1 Июля выехали с Генрихсоном в 9 у. из Загорска, ночевали во Владимире и утром 2-го Июля были в Горьком = 500 килом.

2—3 [Июля] в гостинице «Россия» (Интурист) в ожидании разрешения посетить завод. Шмидт Лазарь Юльевич и Агапов Бор. Ник. Жара. Пиво на слиянии Волги и Камы. Весь город обошли, — чаю напиться нельзя — нет чаю! а пиво везде. Женщины без чулок на франц. каблучках. Выдь на Волгу: вид — новый мост и уток больше нет, и везде так: вдали нет ничего особенного, люди — мелко-

та, птицы, звери, — все на убыли. Теперь надо руки приложить к природе, чтобы она чаровала: нужен ландшафт.

4 Июля в 10 у. Парткомитет: т. Осипов и потом Грозный Фед. Григор., глав. инспектор О.Т.К. (отд. техн. качества). Обед у Грозного, история жизни: фордизм и лаптизм (Лапин), главн. механик Давыдов...

5 Июля — осмотр Литейного и Кузнечного цехов (поршневое кольцо). Начало ремонта Машки.

6 [Июля] выходн. день: поездка на Гавань (Ока), осмотр Соцгорода, Монастырки, Молитовки. Мужики без земли и на завод, и тот их «перебеливает». Приезд Дьяконова.

7 Июля разрешение начальника сменить кузов. Осмотр Лаборатории. Смирнов.

8—9—10 [Июля] борьба за кузов. <*Приписка:* Челюскинцы выгнали из Интуриста в Соцгород.> 10-го в 12 н. заправка бензином и выезд из завода. Ночевка в Соцгороде.

11 [Июля] в 5 ч. у. отъезд и в 7 ч. в. прибытие в Москву.

Люди: Грозный Федор Григ., Ева Борисовна, сын Рем.

Смирнов Анатолий Андреевич, завед. лабораторией, Соцгород д. 42, кв. 5.

(адрес: Горький, Автозавод, Центр. лаборатория).

Пономарев Борис. Васил. Горький, Соцгород, [редкий] автогигант.

Жмурку: мастер.

Майборода — инженер, инспектор.

Парышев — завед. кузовным цехом и главным конвейером.

Озолопин — механик, премированный машиной.

Троицкий — пом. Парышева.

Полищук Валент. Захарыч — электрохимик <*приписка:* (мой читатель: никель, хромированные части (автозавод)>.

Кан Александр Еремеевич, помощник инспектора ОТК.

Гесин, зав. механическим цехом — вредный.

Зверев — зав. никелем.

Горелов. Москва. т. Д.1.32.75. Служеб.: Ж.1.11.50, встретили во Владимире, завед. гаражами, может все достать по автомобилям.

<*Приписка:*> *Головная боль, понос, унижение и люди, резко разделенные на моих друзей и врагов.*

Генрихсон был беспомощен, пока вдруг не понял, что и здесь тоже надо выискивать случаи, подгонять, пилить, тащить, как в кустарной мех. мастерской.

<*На полях:*> *Трудней и трудней мне становится спускаться в колодезь и доставать оттуда материал, из которого я делаю свои вещи.*

Золотые места.

1. Парышев (штурмовка и партизанщина) — борьба за синий кузов, как у челюскинцев; решимость действовать без объективных причин: нет кузова синего, перекрасить из черного, нет краски... «И на один [нет]? — Нет! — А сколько челюскинцев? — Одиннадцать. — Вон сколько, хватит!»: намек, что один можно им дать черный, а я не понял, и мне стало неловко, я сдал, и как только я сказал, что могу удовлетвориться черным, он перестал интересоваться, нажимать и даже уважать меня.

2. Кошка в Литейном цехе; девушка сгорела в кабинке: так родилась Машка. Литейная земля, дающая превосходную мелкозернистую структуру металлу.

3. Майборода, Троицкий: такие же необходимые элементы творческого, как головная боль и расстройство желудка.

4. Старая одежда Машки и рядом скелет одевается.

5. Генрихсон всплеснул руками: кузов с «М. Пришвин» <*приписка:* «Машка»> опускается на другую машину (как Савельич у Гринева).

6. Жмурко (скептик) указывает на другую машину с надписью «М. Пришвин» (у нас б... на конвейере).

7. Крылья с карманом (Майборода: есть крылья).

8. Хромированные детали.

9. Кульминационный пункт: борьба за «поставить на конвейер» и за «снять с конвейера».

10. Наступление момента, когда начали все помогать: и потому даже, чтобы поскорее разделаться: ведь все равно все задержалось. Генрихсон сказал: «Мне ничего, я бегать буду, но ведь все равно вы дадите, а я бегать буду».

11. Апофеоз: у конвейера заправляемся бензином.

12. Конвейер.

13. Душа машины: или душа человека или в пределах несовершенства; стандарт — это смерть и человек воскрешает.

14. Озолопин говорит: — Машина учит дураков, <*приписка:* учит уму, и люди становятся лучше> каждый может продлить жизнь машины. — Значит, — сказал Т., — в Америке люди должны бы быть и лучше, и умнее, а между тем в голове революции стоим мы, а не они… — Революции, революции… — бормотал Озолопин, не зная, как ответить митинговому оратору. Заключил Генрихсон: — Машина — это лючче всего.

15. Борьба со своим и за свое: если бы не Машка, кажется, как бы я свободно ходил везде по цехам и воображал, но где же корректив моему воображению: это Машка: мой долг — снести свой позор.

16. Один, расширяясь на заводе, оставляет свое кустарничество, и как хорошо идти по цеху, думая, что ведь тут провинции или специфике конец: станки рядом и цех с цехом; другой кустарь выуживает в этом свое кустарное счастье и тащит из целого нечто в свою конуру; третий, расширяясь, поверхностно, — и таких множество! — прекращает бережное отношение к материалу и рвет (случай со слесарем, мчащимся на машине: и вообще стремление к быстрой езде — есть некультурность).

17. Вопрос о современном человеке, сравнительно с [недавним] партизаном и штурмовиком: человек культуры труда.

18. — Культура труда у Форда… говорите, а не понимаете, я же у Форда был и знаю: вы думаете, дело в словах,

что скажи — и слово действует. Нет! Форд знает, что тут... — Показывает на лоб: — Тут твердое место, и слово через него не пройдет. Форд действует сюда. — Показывает на живот: — Тут мягко и верно.

19. Головная боль, понос и оскорбление, неизбежные спутники моих даже самых маленьких вылазок <*приписка:* путешествий>; но я все-таки их перемогаю и говорю с восторгом о солнце в новой стране, луне, звездах, рыбах и птицах, зверях необыкновенных и мною невиданных. Так в далеком от нас творчестве новой прекрасной жизни настанет момент, когда человек в особенном неведомом нам порыве должен будет забыть все прошлые человеческие жертвы: девушка сгорела в ковше, из этого металла была отлита машина, и вот каким же должен быть новый человек, водитель машины, чтобы прославить машину; наш спор с Бостремом.

20. Природа и охота с приспособлением машины для продвижения на место, все равно что в очках: сначала неловко, а потом будто так и надо. Скорость продвижения влияет на охоту, лишая терпения при отыскивании дичи. Согласно с машиной должен быть парк, приехал и стреляй (однако все от привычки: привыкли же охотники к жел. дор.)

15 Июля. Ездил в Торгошино к Катынскому и ходил вечер с Ладой по старинным местам: места, где убивал дичь, никогда не забудешь.

Рожь налила, желтеет, колосья гнут соломины. Синеют васильки.

Есть чувства, возбужденные так давно, что источники их в сознании утеряны: толчок дан на всю жизнь, и действуешь, а начала нет. Так было у меня с Достоевским: несомненно, питался всю жизнь этой благодатью жалости и давным-давно, пережив ее в себе, претворил в чувство природы. И вот теперь, когда Герасимова поднимает вопрос о жалости в отношении к нашему времени, то кажется, вновь возвращаешься к своей юности, и вопрос Ивана Карамазова является вновь во всей своей мучительной силе.

Сколько, напр., истрачено сил на борьбу за личность, единожды являемую в свет: и действуешь просто верой, просто внутренним чувством правды, а между тем вышло это, конечно, от Достоевского, а через Достоевского из христианства, а через христианство из культуры всего человечества с древнейших времен.

21. Своя машинка. Кустарь стоит на своем, без личного отношения он не работает. При переходе на большое производство он прежде всего как кустарь ломается в отношении к материалам и орудиям производства: все это дано, все это не его, а казенное. В этот момент кустарь похож на аскета, у которого исчезла цель его поста: аскет пьет, гуляет и пляшет; так и кустарь — бывший скряга...

22. Деревня Монастырка и другие обезземеленные и втянутые в большое производство: конечно, мужики все тащат в свой дом.

Герасимовой: Вы взялись за тему, которая жизнью еще не разрешена, как Вы можете окончить борьбу на бумаге и выяснить нам темное, если в жизни только начинается борьба за это.

Для меня интернационал рождается в творчестве: не все ли равно, Фет русский или еврей?.. если я вижу еврея на улице или немца, я вспоминаю себя как русского, но если я читаю стихи Фета, мне и в голову не приходит, что будто бы Фет был евреем. Сущность всякого творчества и есть в преодолении местного, национального с тем, что оно встает в свете универсального: творчество есть страшный суд бытия: местное бытие встает перед судом универсального сознания.

18 Июля с Чувиляевой Любой и Павловной ездили в Переславль.

Озеро Плещеево — это действительно мое родное озеро, моя родина. Не было никаких новых впечатлений, но был я у своих и спокойно радовался. В деревнях тоже и тут нигде хлеба нет, и тоже нельзя достать молочных продуктов. И тут тоже, как и под Загорском, огромное сокращение коров и лошадей, а может быть, и запашки. Вообще люди живут заметно хуже и хуже.

23. Фордизм и лаптизм: «лаптизм», очевидно, направлено против инженера Лапина. Завод Газ хватал мужиков целыми деревнями и бросал их в работу американских машин. Напр., подрезка блока цилиндров: мужик должен отвинтить срезанный блок и привинтить новый, в то время как машина движется. Похоже на «топчаг»: лошадь должна переступать, а от этого вертится молотилка. Не только деревни, но и целые города бросались в топчаг. Получалась двойная жизнь: одна жизнь новостройки, где машина, механизм строительства диктует свои условия и образует картину движения вперед (напр., Мурманск, Хибиногорск); другая в старом городе, где на фоне старого, утраченного выступает советская служилая мелкота: в выходной день летом в жару это похоже на громадный птичник, где тысячи белых петушков с красными гребешками и тоже белых курочек так тесно идут по главной улице [толпой], что машины, продвигаясь тихонько, постоянно гудят. Бросается в глаза, что все курочки без чулков, на босу ногу, но в башмачках, часто лакированных и с французским каблучком, сбитым на бок: петушки в кепях и если видят человека в шляпе, усмехаются и кричат: поп! — и на бородатого: Шмидт! Но пожилых людей на улице в выходные дни почти вовсе нет: у них сил не хватает выйти на улицу, молодежь движется за счет своих молодых сил.

24. Еврей-фордист: очень в курсе современности и чувствует венец творчества, созданный интернационалом; но у него нет того, что должен преодолеть в себе творческий человек на пути к интернационалу: ему «идеи» как бы даром даются (на заводе нет фордистов-рабочих из евреев, зато администрация кишит евреями, и так всюду). То органическое, национальное, что преодолевает в себе человек на пути в интернационал, еврею представляется со стороны как «лаптизм». Лапину, однако, в борьбе со своим лаптизмом не так легко пробиваться на поверхность зрения, как еврею-фордисту, он часто должен делать уступки в своем движении, и эти уступки считают, зачисляют и доказывают ими вредительский «лаптизм». Сила евреев —

их сплоченность — на заводе является слабостью: вокруг даровитого сильного еврея нарастает мелкота, создающая склоку, в нее вовлекаются, конечно, и русские — тут все в «скорости»: фордизм — иное время, и вот можно лететь в этом времени лично: головой, а не сердцем. Интересно, что Лапин награжден орденом Ленина и в центре имеет значение: вероятно, в партии «лаптизм» иначе понимается, чем на Газе. Так и мой «биологизм», в сущности, признавался «лаптизмом», а теперь уже иначе трактуется: это борьба, в которой побеждает в конце концов, вероятно, здоровье.

25. — Встреча машин транзитных и потом одна крылышки распустила, стоит, сверкает: полногрудые дамы цветы собирают. Производство и потребление.

26. — Штурмовщина и партизанщина в условиях фордизма.

27. — Можно считать за правило, что если все нападают на одного, значит, он хороший человек.

28. — N говорил: — При таких неполадках, во что обходится народу автомобиль? Это можно видеть по снижению жизни в колхозах: посчитать скот, лошадей, — всего меньше.

29. — N говорил о правде войны и ее необходимости: война — корректив направления жизни народа: подлость человеческая так велика, что, к сожалению, война (и революция) долго еще будут быть коррективом. И только под угрозой войны реализуются наши лозунги: вот откуда являются силы, в конце концов исправляющие линию неправды.

21 Июля. Пригласили читать на 11-м заводе «Производственный очерк».

Все говорят, будто Химтрест...

Решаюсь напомнить Вам, глубокоуважаемый И. В., что я в письме к Вам два года тому назад обещался написать книгу о зверях в плане нового строительства. Я это делаю и решаюсь послать Вам книгу с благодарностью за скорый отклик Ваш на мою просьбу о помощи в житейской нужде.

Дупеля: жировые с 1-го Сент., пролетные с 11–12 две недели.

22 Июля. NB 26) Новый желанный тип человека (в пьесе «шофер») – это в противоположность штурмовикам и партизанам: соединить партизана (Парышева) с латышом (Волопиным). Конвейер – смерть штурмовщине, но у нас и конвейер взяли на штурм: в начале месяца конвейер стоит, в конце так идет, что все число выгоняют, хотя, конечно, в этих машинах потом поют соловьи.

Спидометр. Гибкий вал – это стальной тонкий прут, вложенный в прочный чехол, в котором он может свободно вращаться, один конец этого гибкого вала вкладывается в гнездо, которое движется вместе с движением автомобиля: сколько раз повернется колесо, столько в километрах покажет и счетчик (спидометр). Когда мы заметили, что счетчик у нас не работает, осмотрели мы гибкий вал и нашли, что квадратно обделанный кончик его свободно ходит в гнезде и не вращает спидометр. Тогда, удивленный этим, я спросил Генрихсона: – Странно, ведь квадратик высекается машиной, и, значит, одинаково у всех прутов должен быть одинаково конец по гнезду, почему же наш один вышел меньше? – Потому, – ответил Г., – что машиной человек управляет, при всякой машине человек может ошибаться. – Но как же, разве не слышали вы, всюду говорят, что теперь время машины и она совсем подчинила себе человека? – Нет, она еще не подчинила.

Вчера согласился выступить на 11-м заводе. Приезжаю, и вдруг музыка духовая, и я должен с эстрады читать свои рассказы прямо на воздух, для всех: и облака, и мальчишки, за деревьями где-то провыл паровоз и, распевая частушки под баян, прошла веселая компания. Что делать! К счастию, Боков прочитал или, вернее, прокричал обо мне, и я потом, сойдя в публику, с трудом прочитал два рассказика и предложил устроить литературный кружок. Мое предложение подхватили старатели, т. е. те, кому это надо, другие старатели брали слово и говорили, обращаясь ко мне, речи, как на юбилее. В конце концов оказалось,

что я положил начало важному делу, что приезд мой — событие на заводе и что вечер вообще вышел замечательный. Для меня же там все было пусто до крайности. Если бы я почаще выступал на таких вечерах, привык бы говорить без запинки пустые речи, в этом и было бы общественное дело и все бы говорили обо мне и я бы стал велик извне, а внутри был пуст. Томясь в такой пустыне и привыкая к легкости вращения в пустоте, человек может совсем отрезать себе путь к <*зачеркнуто:* живой жизни> органической жизни.

25 Июля. Ездил в Москву оформлять охоту. По дороге разговаривал с Б., рассказывал о поездке на автозавод, и многое из моих впечатлений реализовалось в значимости.

27) Изобразить Генрихсона в отношении к машине, как у Толстого Ерошка к земле: напр., машина любит более ранее опережение зажигания.

28) Лаптизм и фордизм допускают безграничное углубление, ведь все народничество, славянофильство и требования нации — есть тоже лаптизм. Только ведь это было (и, может быть, есть) где-то на своем месте дорого, но здесь, на фоне фордизма, стало нам как лаптизм (быть может, и жалость, человечность, прощение грехов в этом фордизме требует иного выражения).

29) «Своя машинка»: весь народ такой: или свое, или «все общее». Инструменты при сборке машины путешествуют по гаражу.

27 Июля. Очень жарко. Ходил с Ладой проверять. Нашел выводок: два тетерки величиной в вальдшнепа (явно губят лисицы: вот мы им с Османом покажем). В лесу полянки выкошены, на иных стог, на иных еще в рядах. Выводок нашли на вырубке, тетерева клевали ту землянику, которая долго остается в лесах и становится как варенье сладкая и очень ароматная. Заслышав собаку, выводок спрятали в канаве перед большим лесом.

Талант (искусство) жить и что разные люди понимают под словом «жить».

Строительство мазанки (моего гаража) тысячи рублей, сколько канители, сколько пьяниц, — какой великий «лаптизм», и все только чтобы вымазать глиной старый сарай... Но ведь тот же самый народ делает гиганты, сколько же там канители! (о заработке рабочих надо судить не по тому только, что он получает на заводе: часть рабочих имеют свое хозяйство, часть халтурят: в этом и беда, что казенную работу он отбывает как барщину: в этом самая, самая беда).

<Приписка:> Мотор. Колотушка. Луна. Эх, булат.
Стучит где-то неустанно мотор, прошла колотушка, показалась огромная луна, и где-то запели: «Хас-Булат удалой».

Отец и сын Карасевы; отец не может быть современным, у него все планы и сезоны в голове, через них он никак не может прыгнуть. А вот как я начал заниматься извозом, купил Володю (во-лодя!) за 280 руб. и мне пришпорили 1000 руб. налога. Откуда взять? отец сразу бы бросил, а я взялся и уплатил. Я этого теперь вовсе не боюсь, хоть десять тысяч, буду возить и вывезу. Я знаю цену себе: я работник, я все могу, а отец не все может, — он и мог бы, у него тоже и ум, и опыт, и работник замечательный, а вот боится, и все у него сезоны и планы. Вот Володю ведь я за 280 р. купил, а теперь дают 6000 р.!

<Приписка:> душа машины

28) Душа Машки, т. е. весь Генрихсон с его очеловечиванием — «любит раннее зажигание», «собирается чхнуть», «ехать хочет» и пр. — находится в неточности работы конвейера. Если же все машины будут одинаковы в момент схода с конвейера, то в дальнейшем, начиная с 1-й минуты жизни, она будет отражать на себе индивидуальность шофера; и тут тоже до известной границы шофер должен быть стандартным, после чего уже начинается допущение индивидуальности человека.

Большинство полян в лесу было скошено, и лес наполнился запахом сена. Но одну поляну я нашел, на ней косить было нечего, так густо она, цветок к цветку, заросла

непригодными для сена «иван-да-марьями». Посередине этой глухой поляны среди очень частого, почти непролазного осинника стояла громадной высоты ель, и рядом с ней высотою не более сажени был остаток сбитого молнией такого же могучего дерева. Утопая в цветах, лежал труп поверженного великана, уже серый, уже местами зеленеющий мохом. Я сел на это дерево, а на зубчик стоящего еще основания села самая маленькая птичка-мухоловка.

Я думал о необходимости двух обманов в искусстве: один обман, в котором находится художник, принимая самим же созданный образ вещи за самую вещь, другой обман — почитателя художника, строящего свою жизнь по сотворенным образам, понимая их как самую правду. Но почему это обман? Ведь раз образ вещи дан верно художником, то он есть уже и часть самой вещи, самой жизни. Никакого обмана, но почему я взял это слово? Я долго думал. И когда мухоловка поймала муху, у меня созрел ответ: момент уверования художника в <*зачеркнуто:* правду> реальность своего образа принято называть «обманом» в отношении того общеобязательного среднеповседневного обмана, условно принимаемого за правду жизни, за жизнь. Этот обман художника все равно как горе от ума, так бывает, что сам умнеешь, а люди про это состояние говорят: он сходит с ума. Истинное творчество именно и создает реальность.

Между прочим, только в творчестве преодолевается чувство отчужденности в отношении к другой национальности (читаешь даровитого автора и любишь его как своего человека, близкого, а не представителя иной национальности).

Произнесено слово «родина», скоро непременно явится «семья» и с ней «задушевное слово».

29) Новый человек должен возникнуть из отношения к машине: после того как машина станет действительно стандартной (без «души») и после того как человек превратится в шофера, стандартного водителя, новая творческая индивидуальность человека начнет переходить на машину, и другие люди будут видеть в прежних «машках»

живые существа, созданные новым водителем (новый водитель).

30) Стрела прогиба.

31) Соцгород — бурж. насмешка над социализмом. Разнообразные люди населили его, каждый внес свое личное, и так мало-помалу стал закрываться идиотизм его создателя.

Сегодня в гараже вымыли машину. Можно описать мытье машины в окружении детей и как один замечает, что к вечеру шина спустит (по пузырькам). Два типа мальчишек, одни — руки в карман (разбойники), другие — руки назад (хозяева).

По Кузнецкому шла женщина, хозяйка своих собственных грудей: такие груди, что...

Ломакин «засыпался» вместе с базарными ворами.

В аптеках показался рыбий жир, — смажем дермантин на Машке.

Клеенкой забинтовали, хорошо промазав, рессоры.

Дичь решили привешивать в мешке за кронштейн на кармане крыла.

29 Июля. После жары утром брызнул дождь и прибил пыль. Воздух свежий: вспомнился Владивосток.

Мы были друг в друге заинтересованы, мне хотелось получить у них собаку, им были нужны деньги, воображая прелести охоты, я относился к ним как к источнику прелестей, а они, тоже мечтая купить на мои деньги разные прелести, этим любили меня, и так мы беседовали почти как влюбленные.

Как все просто, понятно теперь: то же самое чувство с нее переносится на мир: целый мир в чувстве, весь мир как невеста. И отсюда неистощимость энергии, неиссякаемые родники: как будто это было мгновенье, равное миру. И вот тут есть один упрек, что это «пан», а не человек.

Дуничка-весталка тоже сохраняет нечто еще неизведанное и оттого вечно, до смерти, в глубине себя живет

как 17-летняя девушка, хотя и нераскрытая: если бы она была поэтом!

Можно, если захочу, написать для детей книгу «Машка», и Генрихсон будет ее герой, как Дерсу: машинный анимист, машина как «люди».

Воздух с трудом подавался насосом. Генрихсон укоротил пружинку амортизационного вентиля, и стало легко. В этих условиях иметь машину без шофера чрезвычайно трудно: шофер не для того, чтобы водить, а доставать необходимое, напр., понадобится замша — где ее достать? Или какая-нибудь часть, даже просто гайка, ручка, все это есть в автоснабе, но все продается налево.

Говорят, что на Козьей Горке назначено великое военное строительство. И уже сейчас пятитонные машины начали поднимать пыль, и окно приходится закрывать, а вот скоро трамвай пойдет, а там этот завод... В этом и есть главное отличие прежнего жизнеощущения и нынешнего: тогда казалось, все прочно вокруг и я лично устраиваюсь на всю жизнь; теперь никак нельзя прочно устраиваться... Многих прежних людей это и губит: без этого им жизнь не в жизнь.

30 Июля. Сборы на охоту. Что взять:
1) 100 шт. патрон 24 калибра № 5.
2) 100 -”- 12 калибра № 3—5.
3) Шомпол 1
4) Компасы 2
5) Бинокль. 7) Сеть и жерлицы. 8) Патронташи. 9) Деньги 250 р. 10) Документы (и Петин паспорт). 11) Рюкзак и ягдташ. 12) Ошейник и сворка. 13) Собачий корм. 14) Зап. книжки и карандаши и бритву. 15) Очки и пенсне. 16) Часы. 17) Портфель. 18) Концы. 19) Свечи. 20) Прокладки отстойника. 21) Спрятать рыбий жир. 22) Ножницы в автомоб. сумку. 23) Цефалогин. 24) Гетры двойные.

Остается на утро: проверить отстойник, записать спидометр, протереть мотор, вложить гостинец.

31 Июля—3 Августа. Выехали в 9 у. 31-го и приехали в Усолье. Все лодки заняты, Курчевский нарочно из Моск-

вы машину гонял, чтобы лодку заказать. Поехали на Машке до Хмельников. Путь через торф в Купань. Торфяной дух: Павел Иванович Логинов, учитель из Купани: 24 года в Купани учил. Около 6 веч. приехали в Хмельники. Первый автомобиль и дети; как собака садилась. Вечером были на Семике и незаконно убили 6 уток (моя уплыла). 1-го Авг. утром на Фоминке убили 5 тетеревей, вечером плавали по Семику и взяли одну крякву в 10 ч. веч. 2-го в «неисходимых бармазовских» лесах (Борисовский лес) взяли двух вальдшнепов и тетерку. 3-го к обеду вернулись домой.

В Ильин день (2-го Авг.) спор Павла Иван. Логинова с Иваном Иванов. Фокиным: попытка реализоваться в общественности (устройство колхоза) Ивана Ивановича кончилась его поражением — очень возможно, что основа успеха — политика, а он стоял на экономике: выстроил америк. кормушки, а пол русский: скотина зябла, и вернулись к молотьбе цепами: это выгодней; так Ив. Ив. потерял сторонников из народа и не выслужился в Совете. Напротив, Пав. Ив. не выходил за пределы своей профессии, остался на своем.

Свой пост: надо стоять, и было бы просто, но есть опасность сектантства: надо не просто стоять, как корова перед автомобилем; кроме стойкости надо иметь универсальность сознания: единство действия при универсальном сознании, — вот условие реализации личности: чувствовать в проявлении своего «я» осуществление общего дела; но Кащеево «я» — это злая отдельность, ненависть общего дела, озлобленность.

В подпольной психологии есть срок существования самого подполья, за пределами эти люди не... Нельзя же правилом общежития брать заговор.

Вопрос о пораженчестве в свете 20-летия войны.

Знаешь ясно, что «не так», а пока разберешься, чтобы извлечь доказательства неправды для других людей, то как бы принюхаешься, и в конце концов получится, что в этих условиях, пожалуй, что и так, а мне показалось только, непривычному...

Вопрос о пораженчестве: есть сила в этом (Ленин): чтобы устоять против всех, но есть сила отдаться потоку с верой [и] постепенно выбиться из него или, напротив, быть в нем, преображая его изнутри (пассивное сопротивление).

Решен ли вопрос о правильном поведении немецкого рабочего с[оциал-] д[емократа] перед войной? У нас был один Ленин, а другие потом постепенно отдавались и предавались этой новой «родине», как раньше отдавались старой: родина...

Бьюшка в машине, как на дворе: человека встретим, она лает, он проходит, она обертывается назад и лает, глядя в маленькое слюдяное оконце...

Машка одним задним колесом попала в торф, и оно там стало буксовать, на эту пробуксовку тратилась вся сила мотора, и машина стояла вся блестящая в никеле и рядом корявые березки, сосенки, папоротники, все обвитые паутиной в росе: колесо опускалось все глубже, и вместе с тем все вокруг сроднялось и уговаривало: тысячи лет мы накапливались, и стало добро: торф: и ты, Маша, ложись и раздели с нами: из-под колеса череп — чей это? Появился желтый, с блеском даже, человек, учитель: чья машина? за лопатой; палки вниз, на них доску, домкрат: как стало колесо подниматься. И человек Пав. Иван. сам как будто из торфа, как будто предки его, складываясь, перегнивая вместе, в конце концов после осушения явились на свет в форме учителя. Болотные птички (горелый и перегорелый человек: самоучка).

Умирающее озеро: сколько жизни — рыб, птиц, какие подводные растения.

Кухмар: кто этот человек, дачник? — нет, это начальник.

Провожает Геннадий Петрович, председатель колхоза, опираясь на велосипед, красный обоз, говорит культурник с тюбетейкой на макушке: — Ежели подвода застрянет, окажите ей всяческое содействие вплоть до полного освобождения из грязи. — Говорит как мотор... Солидный

мужик, тронувшись в путь, говорит: — До свидания, Ген. Петрович.

Мы застряли и едва выбрались, спросили мужиков в телеге, как нам ехать, они указали направо, сами поехали вниз и сказали: — Мы еще с тобой, милок, увидимся.

<Приписка:> Тема: сюда же комизм мужицких указов.

Воруланинов Егор Евдокимыч (хорошо говорит, похож на Чувиляева), тишайший бунтарь и глубочайший личник, характеризует (из плена) национальности: ...а евреи... есть, видел я, рыжие, и есть белые, много черных и все одинаковы, сразу узнаешь, еврей: он тебя непременно обманет. Французы — веселые, англичане, ...русские: что же русские? ему товарищ нужен, он последнее отдаст, только бы с товарищем остаться: беден, нет ничего, прост, но без людей не может: тут ему все. Вот немец живет, никому нет дела: живет и живет, а у нас надо узнать все подробности, как живет и отчего...

Противешок ржи казенной взял — и за это...

«Святой» (Дмитр. Павл.) полинял, стал даже матерными словами ругаться. — Кто виноват? — Власть.

В наш сарай, где еще 8 лет тому назад мы ночевали с агрономом Спициным, откуда взята последняя глава «Родников Берендея», теперь нас не пустили: теперь там колхозное село (выговаривается «холхоз» и «одноличник»).

На машине все деревни одинаковы и названий их никогда не упомнишь, и в деревне дома тоже похожи и люди, — колхоз, как везде, или, как здесь выговаривают, холхоз. Единоличников колхозники зовут одноличниками, а у этих для колхозников сложилось: двуличники...

Деланая дорога: трудных всего два аршина (тема).

Смотрю за реку. Наш ландшафт, конечно, потерял свой прежний смысл. Смотрю иначе теперь. Раньше, бывало, озерко, дальше другое, там третье и дальше не видно, только благодаря вечернему солнцу какое-нибудь уже десятое из невозможной дали горит. И раньше казалось, что

если потрудиться, переехать по Волге и к этому десятому с трудом подойти, то сколько там будет уток! Теперь сделали мост через Оку и через Волгу, охотник весь повалил пешедралом, и оттого не только десятое, но и сотое озеро, и все равно какое, — все одинаковы: мало уток. Смотрю, бывало, за реку и кажется, не только уток, а всего: чем дальше, тем интересней, больше и лучше. Теперь часто негде напиться здесь, а дальше, страшно подумать уйти куда-нибудь без запаса. Не чувствую себя никак стариком, но смотрю как старик на замечательный ландшафт моей юности. Что делать? Ведь растут уже новые люди, которых вовсе не интересуют утиные дали и которым в этом ландшафте главные предметы не данное природой озеро, а сделанный человеком мост <*приписка:* Чувство хозяина, чтобы ландшафт создать>. Неужели же мне среди новых людей жить, как все обыватели страны, воспоминаниями прекрасного прошлого? Нет, я надеваю очки и снова все вижу, как юноша. Я не пешком, трудясь, как раньше, отправляюсь на отдаленное озеро, а сажусь на машину и мчусь. Я переживаю вновь привычный ландшафт и встречаю новое необычайное впечатление.

<*На полях:*> *Меня машина вернула к себе самому. Заехали мы в глушь необыкновенную...*

Разговор о штурмовщине: конвейер против штурма, а деревня вся на штурме; попробуйте-ка без штурма собрать и отправить красный обоз!

Есть точка, когда у человека самого твердого является робость, смущение, растерянность, которая у одних переходит в раздумье и совет, у других в нелогическую страсть. Тут как бы приходит некто выше тебя стоящий и застает тебя врасплох. Так вот, было время, когда стал вопрос, надо ли нам защищать родину или стоять против войны; тогда многим, стоящим за родину, было страшно встретиться с пораженцем; было ли наоборот, что пораженцу было нравственно страшно встретиться с патриотом? нет! лучшие из них допускали войну молча и тем самым были бессильны в борьбе: пораженцы действовали при молчании лучших людей, в нравственной раздумчивости как

бы допускавших и это... большинство же ворчало за спиной и погибало, как роса на ветре. И дальше пошло все, как идет: вождь — разрушитель устоев мораль[ных] оправдывается и родовой моральный вопрос [встанет], когда война, требующая личного аффекта, штурма и т. д., кончится и появится необходимое лицо для внедрения победы, это не штурмовик и партизан, а чиновник: рождение чиновника... <*Приписка:* («и это надо: нужен чиновник, чтобы произошел человек»).>

<*На полях:*> *Рассказ о немце: голова болит*

Француз, поляк, англичанин, итальянец, да и немец, конечно, и немец, хотя ведь мы были враги: они на нас как на врагов смотрели. Вот было раз у нас в лагере, слышу, унтер бьет нашего и тот стонет на дворе. Я был переводчиком и спешу: часто, бывало, немец бьет, а тот не понимает, за что бьет. Ну, я как переводчик вступаюсь. Прихожу на двор и говорю унтеру: «Дас ист нихт гут». Он отвечает: «Нихт арбейт»[1]. Я Ивана спрашиваю, почему ты не хочешь работать. — А у меня, — говорит, — голова болит, я не могу, все ходуном ходит: у меня же всегда если болит голова, я работать не могу, а он не понимает и бьет. — У него, — говорю унтеру, — голова болит, Копфшмерцен. — Так почему же он не скажет, так бы и сказал, а я ведь думал, он не хочет. — И тут же освободил от работы.

Нет, у них совесть есть, только не живая, а их совесть в закон перешла. Они ведь как живут: вон стоит дом, живет, и знают все, что живет, а как живет, нет никому дела. У нас же все разберут до мелочей, потому что у нас совесть живая и товарищество. Русский человек, ну, что такое: бедность какая, смотреть не на что, а совесть живая, и без товарища не может и не понимает, как и зачем жить без товарища: кусочек достанет чего-нибудь, и поделится с другом и благодарности не примет, а только скажет: ну, ладно, когда-нибудь сочтемся, мне будет плохо — к тебе приду. Есть, есть и у немцев то же, но только это в закон

[1] Дас ист нихт гут — Это нехорошо.
Нихт арбейт — Не работает.

у них перешло, и к человеку там надо подойти через закон...

Совесть: 1) Заяц; 2) Петух; 3) Немец. Начало...

Несовременный человек — это кто нетвердо стоит на своих ногах: жизнь переменилась, а ты не поспел и закачался в разные стороны. Многие думают, что современным быть — это значит за всем новым следить...

6–7 Августа. Оба дня такие, что думаешь: «вот-вот дождь!», а взглянешь на небо, и нет ничего. Спрашиваем: «разве леса горят?» Но не пахнет гарью, вероятно, где-нибудь очень далеко горит торф.

Разгадка Бостремова «натурального хозяйства»: оказалось, теща заела, художник пришел в крайнее состояние, на одной стороне гибель всего индустриального мира, на другой — возрождение натур. хозяйства. Между тем дать бы ему огород, любящую женщину, и все бы кончилось. (Повесть: рассказ о чудесах идейных, которые вскрываются, делаются понятными под конец: все в теще.)

Вторая повесть о Дегтяреве: он ли это? Прямым вопросом и ответ: — Где? — В Италии. — Нет! — Опять сомнение. И конец: — Как зовут дочь? — Татьяна Владимировна. — Значит, он — Владимир.

Приходил человек: — Вы знаете Д.? — Как его звать? — Владимир... Мы глянули друг на друга и оба в один голос сказали: — Он!

— Детишки. — Это у каждого. — У редкого нет.

8–9 Августа. Рожь дожинают. Васильки перекочевали в овес. Ездили на Урёв, убили тетерева, рябчика, чирка и крякву. Ездим по старым местам, где на местах нашей охоты выросли наши легенды о ней, теперь легенды о старом встречаются с новой охотой, и она кажется жалкой. (Интересно глубже проанализировать эту борьбу старого с новым: ведь все это сказывается и на Машке.) Страшная девочка в панаме и ее брат «кот». Возле Новоселков дорогу перешел выводок серых куропаток, и все расселись по

канаве: на фоне зари мы видели их силуэты: смотрели на Машку.

10 Августа. Писал весь день «Совесть» и вечером сдал Бурановой для «Известий».

11–12 Августа. Написал «Портрет» для газеты «Постройка» (Москва, Солянка 12, Дворец Труда, комн. 10, Дмит. Павл. Зуеву).

Пришел Руднев, и с ним поехали в Александровку на охоту, вернулись — 12-го к обеду.

Убили вечером 2-х тетеревей и крякву и утром 4-х тетеревей. Вспомнились названия Жарье, Подмошник, люди Мих. Мих., Фед. Иван. и главное: какой ужас мухи и безумный рев парней под окном с гулянья (под гармонью): какой кошмар жить вот тут, а ведь я систематически жил и даже восхвалял Берендеево царство! Машка теперь меня освободила от мух и криков человеческого тока, и я удивляюсь, как мог я жить тогда и даже писать. И может быть, вся-то моя жизнь в СССР в этом роде, и если устроится заграница, как было с Горьким в Италии: тоже в личной жизни без мух... что же? ведь Горький все испытал и заслужил жить без мух, другое дело, если бы он вовсе не знал этих мух, или же, напротив, знал и славил мушиную жизнь... Гордиться ли перед новым человеком тем, что я страдал? нет, но и новый человек не должен передо мной гордиться тем, что живет без мух... разве что если у него есть свои мухи новые, но такой и не будет бахвалиться.

Рудн[ев] рассказывал о прекрасной женщине, хозяйке моей покойницы Кенты, что муж ее инженер, малюсенький, ничтожный человечек, о развитии которого можно судить по вопросу: «скажите, кто выше, Рафаэль или Рембрандт?

<На полях:> Слово, дело

Вышел номер «Известий» от 12/VIII с моим рассказом «Совесть» (в этом рассказе надо вычеркнуть вступление, сократить в несколько раз «Русак», и тогда это будет настоящий, очень хороший, с этической мыслью русский

рассказ). Номер этот — начало того парада, подобного челюскинскому, в который превратится съезд писателей. Моя позиция: углубленнейшего в следопытство охотника (привлечь к делу Машку): я должен быть за рулем (как за рулем: ни на минуту, ни за какой «фрукт» не терять своего внимания на дорогах: мой «новый путь» должен быть и тут виден, и тема моя тоже: конвейер и штурм).

Из парадного номера очень заметно, что отношение ко мне литературной бюрократии стало из враждебного снисходительным (Шмидт сказал — Воронин сделал). Между прочим, я и сам виноват отчасти: я не хочу считаться с «образованностью» писателя, плохо слежу за нашими и за чужими...

Итак, завтра, 13-го, подготовка к съезду (попытаться достать бензину, вымыть машину и проч.), собраться, обдумать. 14-го на машине выедем: найдем гараж, съездим в Оргкомит.; [разной] дроби.

<*На полях*:> *Брюсов и Лесков*

Валентин Ник. Горшков — Мария Ларионовна.
Толстой — Софья Андреевна
Бострем — теща

Христос <?> — розановский кощунственный вопрос: каким ключом отмыкается секретная жизнь человека: повесть о том, каким ключом открывается секретная жизнь человека, и отчего Валент. Ник. Горшков вечно ворчал на жену, и отчего боится Бострем динамомашины и стремится к натур. хозяйству, и отчего убежал и должен был убежать от семьи Лев Толстой, и где и в чем ахиллесова пята каждого человека, и что это есть такое, наконец, благо или зло. Если это зло, или это благо — все равно, надо вскрыть; сегодняшний случай можно объяснить утомленностью ее, бессонной ночью и через это возникшей обидой: лег рядом с собакой, а не со мной: итак, это нечто чисто и мелко личное, не преодолеваемое всей личностью в данный момент бытия: через что люди ворчат, ругаются: это рождение злых детей: кащеева мать: индивидуалисты; и против этого: озарение, расширение, великий пересмотр,

т. е. все то, чем живет Бострем: это всегда смешно, если открывается (Валентин Николаевич и Мария Ларионовна, мама и Лидя — ведь на людях!), но это трагедия мира, если скрыто: творчество есть <*зачеркнуто:* великая маскировка> великое скрывание (напр., Толстой) или даже создание лица, личности, единства, закрывающих зло.

Но возвращаясь к себе: ведь и я виноват тем, что увлекся «охотой» (Толстой моралью, художеством) и пропустил личность жены: даже пренебрег.

Из поездки в Александровку: на обратном пути между Александровкой и Ясниковым ошибся на мостике, Машка легла на заднюю ось и выхлопную трубу, а правое заднее колесо повисло в воздухе. К счастью, этот мостик был на объезде дороги, а объезд был из-за вовсе разрушенного моста на главной дороге. Руднев с Петей притащили обломышей с моста, на них установили домкрат, приподняли ось, под нее подсунули вагу, потом прибавили обломышей и домкратом еще повыше подняли и поглубже еще подсунули вагу и так, повторив это несколько раз, выровняли автомобиль, подвели, опирая на бока канавы, под колесо бревно, и трое, понатужившись, пропихнули вперед Машку.

Домкрат — сказочно сильное существо: сам маленький, не поймешь, откуда силища такая берется, кажется очень добрым и простым.

Характер дороги: коротко-волнистый, или ухабистый, — самый неприятный: скорость при спуске переводится на низшую, выключается, при подъеме сцепляешь, даешь газ и наверх, а потом опять и опять, бензину расход непомерный. Одна колея по тележной колее, другая по муравке возле самых васильков у овса, часто, однако, по сторонам дороги бывают ямы нарыты и закрыты травой, очень опасно так ехать.

<На полях:> Колдобина, советский «гудрон». Пляшут кругляши-мостовины. Рытвина, трясутся сваи.

Песня деревенская вырождается в направлении от эроса к полу: дикое уханье парня под гармонью соответствует хватке за секретное место с последующим визгом девицы.

Валерий Брюсов и Лесков: один рационалист по природе своей, другой интуит. Ныне Тихонов — брюсовский тип, а я — лесковский.

13 Августа. Весь день сегодня чистил ящики письменного стола.

14–15–16–17–18 Августа. 30 лет бьюсь, тружусь, и талант есть у меня, и знание, и признание, а вот той простой и ясной оценки и славы, как Новиков-Прибой или А. Толстой, не могу добиться никак. И это совершенно то же самое, что в любви к женщине: всю жизнь не дается единственная, а другой берет всякую и только облизывается.

14-го выехали на Машке в Москву утром, и я определялся в делегатских делах. Караваева.

15-го на Потылихе беседа с Херсонским и Птушко, решение писать как интермедию.

16-го у Филат. встреча с Чуковским. Поездка к Дуничке (и Таня). 17-го в 6 ч. веч. на съезде. 18-го в Тушине на аэродроме (Кулик, Молоков).

Белый зал. Электричество. Две тысячи человек, жара. Портреты великих писателей и наши на эстраде: Толстой распустил брюхо, Горький снял пиджак и остался в синей рубахе. Горький читает, слышатся слова «начиная с первобытного человека». И вот невыносимо. И те же самые люди, кто при одном слове «Горький» хлопали, вдруг начали один за другим и пачками подниматься и уходить. Кто-то шепнул: «а может быть, он (Горький) давно уже помешался, а мы по инерции ходим и слушаем и ждем чего-то...» И зал опустел, и так было до перерыва, а после перерыва тоже не пошли.

64 челов. президиум: меня не выбрали: и хорошо, и неприятно: хорошо, что я в оппозиции, что я свободен и могу всегда исчезнуть незаметно, плохо же (это надо анализировать...)

19–20–21 Августа. До вечера 22-го съезд проваливался: докладчики, начиная с Горького, читали по напеча-

танным докладам. Напрасно ждали каких-нибудь авансов от правительства и бросили ждать (Сталин в отпуске). Наконец 22-го вечером Чуковский и за ним Эренбург начали «критиковать» и сразу оживили съезд. Так вот ждали-ждали и начали сами. Я решил не говорить, потому что мой прием, исходить в критике современности от своего собственного станка, теперь широко используется, а кроме того ведь нечего же вовсе и говорить: условия писания явно улучшаются, политика... Вот меня запросили на съезде, о чем мог бы я сказать со съезда по радио, и я ответил: — Скажите, что мы ждем от правительства второго шага: первым шагом было 23 Апреля. — Мне ответили, что так нельзя. Но мало того: я сам потом струсил даже того, что сказал это организатору радио-митинга.

22 [Августа]. Потеряли искру.

Болтовня на съезде, интервью, снимание, вечная музыка по радио от раннего утра и до поздней ночи, гром, свист, рев улицы, свободно входящий в квартиру, измучили меня, я решил на день-два сбежать в Загорск. По дороге вышло, что мы потеряли искру и в поисках ее стояли три часа на дороге.

<*На полях:*> *О Шмидте столько говорили, что когда он предстал сам, я мог от него для себя получить, что Шмидт был действительно тот самый Шмидт, о котором все знают, и что я это видел собственными глазами: и с бородой, и прекрасно говорит. То же самое и Молоков, очень, очень хороший человек.*

23 Августа. Ясный прохладный день. Тишина в Загорске. Счастье вернуться к себе, быть у себя. А съезд все идет («брат Маршака и сам в душе Маршак»).

В день праздника авиации 18-го Августа на площадь <*приписка:* Пл. Свободы> прикатили большой настоящий аэроплан Л-606 и так поставили его, будто он вот-вот поднимется и полетит над Моссоветом. Аэроплан как бы подарен был народу на всеобщее рассмотрение и оставлен на многие дни без всякого надзора милиции. Не знаю, что было на этой площади в самый день праздника, я в этот

день был на Тушинском аэродроме вместе с другими делегатами съезда писателей. Я увидел впервые этот аэроплан 19 авг. утром, проходя по этой площади на Б. Дмитровку в Колонный зал на заседание съезда. Меня до крайности удивило, что, несмотря на отсутствие милиции, народ с аэропланом обращался очень осторожно и старшие постоянно укрощали мальчишек, стремящихся пальцами проткнуть серебряное полотно. Но самое удивительное было то, что главные массы народа распределились добровольно в две очереди по ту и по другую сторону серебряной птицы. В тот раз у меня вовсе не было времени узнать, для чего публика разбилась в две очереди. Обратно шел я здесь уже вечером и, голодный, очень спешил, чтобы захватить свободный столик в столовой. Обе очереди возле аэроплана сохранились, одни уходили, достигнув какой-то неизвестной мне цели, а новые подходили с обыкновенным вопросом: «вы последний? я за вами» и становились. В этот раз я успел разглядеть, что окна пассажирских кают все изнутри были завешены шторками, и только по одному оконцу из шести, с той и другой стороны, было не только не завешено, а даже вовсе открыто. И вот к этим открытым оконцам и была очередь, одна с одной и другая с другой стороны серебряной птицы. К сожалению, в этот раз я не успел дознаться, из-за чего такая масса людей стремилась к этим двум оконцам, мои товарищи сделали предположение, один — что там выдавали какие-нибудь значки или книжки, связанные с агитацией Осоавиахима, другой — что внутри аэроплана в каюте лежит восковая фигура спасенного Шмидта или чего-нибудь тому подобное <*приписка:* кто-нибудь из других спасенных челюскинцев>.

Так было 19-го, а 20-го я был очень расстроен: съезд проходил в чтении авторами своих уже напечатанных докладов, микрофон в огромном зале как бы расплавлял в неопределенность речи, сделав <*приписка:* напрасное> некоторое усилие над собой, чтобы понять речь, и не поняв, мы все успокаивали себя тем, что доклады же ведь все будут напечатаны, кроме того, было очень жарко и душно в жаркие дни среди тысяч людей. Я напряженно думал

о способах спасения съезда. Конечно, проходя мимо аэроплана, я видел и утром, и в обед, и вечером все те же самые бесконечные очереди к окошку на одной и другой стороне аэроплана, но желание узнать причину продвижения масс к окошку отпало: так всегда у нас пропадает любознательность, когда явление примелькается и становится будничным.

Мысль моя вертелась около двух средств спасения съезда: убедить кого-нибудь из <*приписка:* имеющихся> членов правительства объявить съезду какую-нибудь нечаянную радость, подобную по силе своей и неожиданности радости от декрета 23-го апреля. Но [наверное] я мог бы убедить, но дальше что: убежденный член должен был других убедить, и все это очень долго. Я тут ничего не мог сделать, и в этом оставалось мне только пассивно ожидать радости, как это делают все «безнадежные оптимисты». Другой способ спасения, по-моему, был в том, чтобы лично мне вмешаться с критикой наших литературных критиков и наших литературных порядков. Тут много у меня накипело, и я знал, что боль моя — всеобщая боль, и если я начну, то съезд сразу оживет без помощи всякой «нечаянной радости». 21-го я решился на последнее средство, но вдруг вышел один писатель и сказал, и за ним другой сказал то, о чем я хотел. И вдруг от этого съезд ожил. Я очень обрадовался, сразу на съезде показались мои друзья, невидимые мои читатели, ученики.

Радостный вышел я на воздух, и тут вдруг с необычайной силой явился у меня интерес к содержимому каютки аэроплана. Я стал в очередь и постепенно добрался. Можете себе представить, что я там увидел? Нет, это невозможно себе вообразить. Никто не догадается, я сам скажу: там внутри аэроплана ничего не было! Взглянув на одно мгновение в пустую каютку, я оглянулся назад: очередь все двигалась с обычными ссорами из-за места, одни уходили, другие приходили с обыкновенным вопросом: вы последний — я за вами. Это совсем неправда, что хоть кто-нибудь надеялся увидеть восковую фигуру Шмидта или получить подарок Осоавиахима на день авиации. Никто ничего не ждал, массовый человек, как ребенок, хотел

только заглянуть внутрь интересной вещи. И эта любознательность двигала людей изо дня в день. В этот радостный день мне казалась сила Ниагарского водопада и всех водопадов на свете взятых вместе совершенно ничтожной сравнительно с силой, двигающей народными массами, силой познания секрета вещей.

24 Августа. Ясная, холодная и уже осенняя ночь (утром + 3°). Поездка в Москву. Проверка съезда: не загорелось, как я написал, а так, тлеется. Съезд тепленький. Ораторы выжимают из себя силу произносить заранее написанные речи. Людей так много, что как на огромном заводе: ничего не поймешь. Как на заводе смысл всего таится где-то в управлении, так и здесь — это на собраниях у Горького, куда меня не зовут. И не выбрали в президиум, и не зовут, и рассказ мой в «Известиях», кажется, провалился. Все это, по-видимому, указывает на какую-то линию политики не только в отношении меня.

25 Августа. Речи из микрофона слушать не могу: ничего не понимаю. В кулуарах осаждают репортеры, фотографы, охотники, — [глупо] и неловко долго быть. Президиум недоступен. Делать нечего. Интересна эта борьба в себе: и не хочется, чтобы целовали, и в то же время обидно, если оставляют без внимания. Все горе мое, что нужен «Маршак», а я не могу... Остается отступить и про себя пережить новое испытание (смерть — это когда отстаешь и, обвиняя людей и обстоятельства, сам себя загрызаешь; преодолевается в моем опыте творчеством, в котором появляется великая широта, обращающая всю беду в мелочь).

Дня на три (25—26—27-е) надо исчезнуть, одуматься и 28-го или 29-го явиться для проверки.

Отметить творческую робость — 1-ю ступень творчества.

Весь день прошел в ожидании Пети: несколько часов, 6 очередей в Авторемснабе, чтобы купить пружинку под мотор. (— Написали бы в газету? — Писали, тут ничем не прошибешь: так часто видишь явную нелепость, а между

тем, чтобы открыть ее для всех — очень трудно!) Только в 4 веч. приехали домой.

Семенов. Этот дурачок забил себе в голову партийную веру и благодаря этому, будучи совершенно бездарным, написал несколько книг, которых невозможно прочесть. Прошлой зимой он попал к Шмидту, просидел на льдине и получил орден Ленина и красное знамя. Я подошел к нему на съезде и сказал: — Какие у вас ордена! а вот моего-то и нет. — Какого? — спросил он. — Я указал ему на свой значок Ворошиловского стрелка. — У меня есть, — ответил он, — я ведь недурно стреляю из винтовки. — Чего же вы не повесили? — Куда же его деть, — сказал он, указывая на свои ордена, — нельзя же с этими.

26 [Августа] — в Загорске. Весь день дождь.

27 Августа. Съезд похож на огромный завод, на котором загадано создать в литературе советского героя (Завод советских героев).

Л[егкобытов] говорил так: когда Бог работает, человек спит, и когда спит Бог, работает человек. И я говорю то же: теперь Бог спит. А наши говорят: Бог умер. Практически выходит совершенно то же, в нашей работе Бог не участвует, мы одни. Но люди, которые знают и утверждают, что Бог умер или Бога нет, и люди, которые говорят, что Бог спит или, другими словами, что они не знают вообще, есть Он или нет, — это разные люди.

Сегодня я встал в 2 часа ночи, было холодно, светила полная луна. Я налил бензину в машину, развел самовар. В три разбудил Петю. В четыре начался рассвет, и мы выехали в Константиново. Маша вошла теперь внутрь меня. Сидя в кабинке, я теперь уже по зайчику на резиновом коврике понимаю луну, светящую через заднее оконце, и вижу, узнавая все свое пережитое, утреннюю звезду, и лес, как вырезанный зубчиками из черной бумаги, и костры, при которых люди ночуют с возами, и спины животных на лугу в тумане. Какие облака на рассвете, какое солнце взошло, какая бодрость и радость!

Мы поставили машину за селом возле спящего гаража и пошли болотами по местам Журавлиной родины. Большая стая журавлей, переночевав в болотах, пролетела на поля. Убили бекаса, двух дупелей, одну тетерку, и это обошлось нам в 9 часов ходьбы: вышли из машины в 5.30 и вернулись к ней в 3 часа. Я благодаря машине осуществил «сказку» в один час... И понял в этом свете, как же тяжело было мне жить раньше в этих болотах и каким чудом я мог сохранить в себе чувство радости! (Та трудная сказка и эта новая легкая при помощи машины: если и было сегодня чудесно, то потому только, что это чудо, эту сказку я тогда заслужил.)

Хочется править рулем в Москве, когда потеряешь себя, запутаешься в чувствах и мыслях, тогда своя путаница является вся вовне: в этой мешанине людей, экипажей, в этом скрежете заводимых моторов, долгих гудков, бормотании громкоговорителя или разрываемой на части песенки оперной артистки перед микрофоном, и тот последний, хватающий за всякую душу крик человека из-под трамвая. За рулем кажется, будто это все моя собственная путаница нашла свое выражение, а я сам посредством верных поворотов руля руками, выжимания сцепления и торможения ногами обретаю себе внутренний порядок и мало-помалу успокаиваюсь и восстанавливаю себе необходимое равновесие для жизни.

<*На полях*:> *Путаницу душевную переменить на путаницу уличную...*

Радость. Молодой шофер надувал шину, измучился. — Новый американский вентиль? — спросил я. — Проклятый, — ответил он, — так их делают, что никак накачать невозможно. — Я сказал ему, знает ли он, что колпачок на этом вентиле есть и ключ, и что если этим ключом повернуть влево, шина начнет спускать, и тогда если повернуть вправо немного, шина будет меньше спускать, и еще — еще меньше: так надо найти слабое тонкое место, когда шине только-только бы спускать, и тут накачивать: тогда будет легче. Он сделал по-моему и шину легко накачал. Трудно бы найти было более обрадованного человека и более

благодарного. Я его очень понимаю, потому что мне тоже часто таким простым способом достаются радости.

Есть повелительная сила в короткой, точно, деловито, со знанием техн[ического] языка построенной фразе. Раз было, мы заехали в гараж поднадуть шины сильным насосом, который у шоферов называется «лягушкой», и помыть машину. В гараже, кроме сторожа, никого не было, и я побоялся, что сторож не даст нам насоса и кишку. Лихо подкатив к гаражу, я резко сказал старику: «Принеси лягушку!» Мне кажется, скажи я «насос», а не «лягушка», он не принес бы, но чисто шоферская фраза подрезала волю старика, и он вытащил из гаража лягушку. Во время накачивания обнаружилось, что резиновый конец трубки растрепался. Я спросил старика, нет ли у него ножика подрезать конец, и он ответил, что подрезать он не даст. Надо было настоять, а я послушался, старик забрал власть и не дал мне мыть машину.

Ефр. Павловна возненавидела Ивана Ивановича за то, что он «с грязью помирился».

Иван Иванович: земский начальник, вовремя продал имение на золото, и в то время как другие занимались кто строительством, кто государственными делами, обороной страны и т. п., он такие же усилия тратил на охрану своего золота. Кончил питомником мышей (вот Кащей-то!): на этом хорошо показать призрачность: в золоте уже нет силы, но человек живет, понимая его по-старому, и через это видна условность.

<На полях:> Коммуна и государство

«Рапп» — это, вероятно, и соответствует «Легкобытову», т. е. его «коммуне» с повелением броситься в чан, чтобы воскреснуть вождем народа. Рапп противопоставили государству вроде как бы церковь и духовенство. И очень возможно, что теперь дело вовсе не в принципах, а лишь в отделке, в политуре нового государства.

<На полях:> Легкобытов, чан и я — параллель

К какому амбару привязан, за то и лай.

Уважения не нужно, а не уважат — обидно.

<*На полях:*> *Страшно увидеть себя в зеркале страшного времени.*

Какая Герасимова? Все две недели съезда мне встретиться с ней не удавалось. Все говорили: «Г. молодая, красивая». Слышал я, что она было женой Фадеева, а теперь стала женой Левина. В день решения моего [оставить] съезд, когда я выходил из столовой, подходит ко мне женщина некрупная, светловолосая (много волос) с темными и томными глазами и говорит: «я вам писала», я узнал: Герасимова. — Боря! — сказала она. — Левин! — подумал я (Левин как Левин: еврейчик). Мы вернулись в столовую, Гер. села с правой стороны, Левин с левой. Несколько минут, десять или двадцать, мы говорили с ней. Мне показалось вначале, что она говорит не то как иностранка, не то светская женщина, аристократка, в чисто условном тоне. Но это было ее советское своеобразие, в то же время тон этот был похож и на тон ее книг: здесь в приличии скрывающая себя женщина, там в заумной тенденциозности скрывающийся некий талант. Я с ней простился, обещая всякую помощь в лит. делах, и когда прощался с новым ее мужем, Левиным, увидел рядом Фадеева. Значит, так мы и сидели за столом: она и я, рядом со мной ее новый муж, рядом с новым старый. И кто знает, быть может, неизвестный мне мужчина, сидящий за столом рядом с Фадеевым, был еще более, чем он, старый муж, и еще рядом с ним, и еще, и еще. А я, самый новый и самый старый годами, шел впереди всех. И мне казалось, что все меня уважали и право мое быть впереди признавали, как в свадьбе животных. Но это была свадьба какая-то полуинтеллектуальная. Герасимова напомнила мне одну провинциальную девушку, которая кокетничала со мной, указывая на розу: к какому семейству в системе Линнея принадлежит роза.

Рассказ Чувиляева.

Раз я гулял в лесу, увидел срубик, и вода текла из него, а внутри срубика ключи били из-под земли, — так чудесно! у меня был перед этим найден корешок, имеющий странную форму. Я стал эту форму, данную природой,

приводить в порядок и только чуть-чуть тронул ножичком — стало похоже на летящую птицу, повернул — птица превратилась в девушку, еще повернул — девушка исчезла, показался медведь, а потом опять птица, и опять девушка. Чудесно! и все время пела вода и помогала мне закреплять являемую в корешке форму и делать ее для всех понятной, как и мне самому. Когда вещица была готова, я вздумал омыть игрушку в этой лесной воде и только коснулся воды, внизу под водой мне показалось что-то белое, вроде яйца. Я достал со дна это, и оно оказалось яйцо, самое обыкновенное, настоящее. Может, пролетающая птица, чем-нибудь внезапно испуганная, его обронила? Или, может быть, в срубик попала курица и снеслась? Дома я сказал хозяйке об этом, и она не удивилась, а только гмыкнула. А когда поспел самовар и я хотел в нем сварить яйцо, остановила: — Не надо, — сказала она, — это яйцо положено от болезни: вода болезнь снимет, а если кто взял, тот берет болезнь к себе. Ну, конечно, мне стало неловко варить это яйцо при хозяйке, и [я] спрятал яйцо, подумав: «потихоньку сварю». А потом у себя в комнате каждый раз, вот только хочу опустить в кипяток, подумаю о болезни и удержусь: не верю, а что-то вроде брезгливости. Так дни проходят, лежит яйцо у меня, и нисколько не верю, а взять не могу и бросить жалко. Раз нищий стучится под окном, я ему это яйцо, да так вот насилу, насилу отделался, сбыл. А игрушка переменной формы живет у меня, так повернешь — летящая птица, так — девушка, а после медведь. И когда смотришь, все кажется, поет вода ключевая...

<На полях:> Я теряюсь. Мгновение недоумения.

Я не сужу этот мир, не осуждаю, не говорю, что он плох, я только страдаю про себя тем, что не могу быть с ними вместе заодно, никак не могу. И вы сами же будете меня презирать, если я, насилуя себя, буду клясться публично, заверяя, что я тоже как все. Но так больно бывает иногда оставаться одному и не участвовать со всеми, что я теряюсь, и если в эту минуту растерянности, недоумения кто-нибудь велит мне: «иди!» — я иду, иду, пока не опомнюсь.

Бывает, опомнюсь и потихоньку, незаметно для всех, удеру, а чаще бывает, иду по чужой тропе, за чужой спиной, и вдруг оказывается, эта чужая тропа есть моя собственная и по ней иду сам, и впереди уже и нет никого.

1 Сентября. Охота на уток.

31-го утром в Копылове, проверили бель: один бекас и один молодой петух в черном пере. Вечером от Федорцова до Переславца и обратно по Трестнице: 1 тетерка, 2 кряквы, 2 турухтана. 1-го Сент. в Полубарском: 6 крякв. В полдень дома.

Я сказал Егору Ивановичу: — Сто лет здравствовать, к нам на похороны. — Федька на это сказал: — Немного и осталось. — Избаловали Федьку, он понял жилку охоты и отвечает покровительственно члену Реввоенсовета: «нельзя», а он заискивающе улыбается. Из мальчишек, обступивших машину, один вступил в пререкания с егерем, побеждая его логикой, но когда вышел старый егерь, логика оставила и все врассыпную бросились («новый человек»).

Островок качается... Подсвежили шалаш.

Точки на горизонте растущие: растет, растет и прямехонько и все растет и — вскрик! — и шлеп! Откуда взялось? Низятся, замедляют, садятся и шлеп! Вода белая как гребешок большой волны. Моросит дождь. Дождь полил, а за нами не едут. — Когда лучше утка летит, в дождь или вёдро? — Неровно, бывает пасмурно, а утка валит, а бывает вёдро и ни одной, а то бывает пасмурно и уток нет, а бывает вёдро и утки — [масса].

Во мраке крик крякв и взлеты, и вскакиваешь — мушки не видно и утки не видно. Бьюшка, стерегущая машину. Крик журавлей. Крик водяной курочки. Песня о худых сапогах и 8 кило хлеба. Начудил Кузьмичев. Зайцев сказал: «без 100 не уедешь», и ничего: тут шансы Полубарского поднялись. В Полубарском: половина барская, половина монастырская, у барских праздник готов: Иван Постный, когда прилетают самые жирные птицы. Долгий плес (шалаш Вахмистровой).

Запомнить для будущего года, что 1-го Августа надо идти в трестницу в воду и бить уток в великом множестве. Охота из шалаша — это стрельба, это высшая школа стрельбы. Какой-нибудь егерь: мы говорим в городе «ужасно хорошо», а в деревне модернизованный человек сокращает и говорит просто «ужасно», и когда ты скажешь просто «хорошо», он говорит, желая угодить: «ужасно». Так у нас с Санькой и пошло: увидав отлично устроенный шалаш, я сказал: — Хорошо. — Ужасно! — ответил Санька. Осмотрев небо со всех сторон, я — «хорошо!» Он — «ужасно». И когда я сказал, пересчитав патроны 30 и только 3-х уток, и сказал: ужасно, он ответил: хорошо. — Как хорошо! — Очень просто, другие по 50 и ничего, а у вас подходяще.

«Безвыходное положение» на сиже (случай с Петей: поплыл за уткой). Я бросил ружье: не попадаю — мушка сбилась, а я не знал, — утка над головой, а не стреляю; Петя не докричится, ветер. Я погиб, а он ничего не может сделать. Вот бы, казалось, и рядом близкий...

Момент, когда отбрасываешь защитные ветки и появляешься для стрельбы. Петина голова как поплавок: если утка летит — тонет, и когда поплавок потонет — нажимаешь, и утка летит в шалаш.

Анна Дмитриевна допускает и даже мечтает о возможности увлечения Чувиляева, чтобы он хоть этим развлекся. Услыхав это, я сказал: — Фрося, вот бы ты ко мне так. — Тебя, — ответ. Фрося, — тебя и так на трех цепях не удержишь. — Это даже обидно, — сказал я. — Вы бы еще больше обиделись, — отв. Анна Дмит., — если бы жена ваша сказала вам комплимент с другой стороны.

Караваева, тип коммунистки, необходимо округляющей, смягчающей резкие уклоны речи, посредством объяснения причин и т. п.: «интеллигентское понимание» и проч. Легко это, похоже на приятную последнюю отделку вещей, рассказа и т. п.

РАПП хотел быть чем-то вроде церкви при государстве, был как бы претензией на религию. Государство счис-

тило эту секту, это ребячество, эту пустую болтовню. Положение слишком серьезно, чтобы о нем говорить.

Ставский просил меня взять его с собой на охоту. — Шоферство, — сказал он, — не помогло мне, мчишься, как ветер, вокруг зеленые поля и леса, а сам сидишь в душной кабинке и преешь. — Я согласился взять его на охоту, и, обрадованный, он в свою очередь предложил мне принять участие в предвыборной кампании. — Вы познакомитесь с природой власти, вы узнаете, что значит властвовать. — Интересно? — Очень! — Вероятно, — сказал я, — это вроде того, как овладеешь машиной, когда это прелесть в первое время, когда понял секрет власти над стопудовым чудовищем, и он послушно мчит тебя по шоссе среди полей и лесов. — Да, да, — воскликнул Ставский, — ваше сравнение автомобиля с государством замечательно: власть, несомненно, дает человеку высшее наслаждение. — Так он сказал, а я, поймав возможность говорить, продолжил его же словами: — Да, наслаждение вначале, и потом, когда удовлетворишь себя достижением власти, то, наверно, бывает как и с машиной: вихрем мчишься по шоссе, вокруг леса и поля, а сам сидишь в душной кабинке и преешь.

Есть крупные явления общественной жизни, которые легко объяснить тем, что за нашей спиной некие лица сговорились между собой и действуют сознательно во вред нам или на пользу (очень характерно явление «вредительства»). На самом же деле большинство этих явлений получается без посредства лиц: так выходит непреднамеренно и безлично, потому что многим людям именно так и надо жить — не было заседаний, но в <*зачеркнуто:* условиях> франц. <*зачеркнуто:* революции> так выходило, и подобно выходило у нас; и огромное большинство «вредителей» вредят, не сговариваясь: в большинстве это результат индивидуального выхода из тяжких жизненных условий (жизнь-то одна!); тогда надо найти «подходящую» жертву, сознательного вредителя и остановить поток бессознательный.

4—5 Сентября. Охота на уток в Полубарском. Какая река была Сулоть в древнее время, мы не знаем: наверно, хорошая, полная река, на берегах которой хорошо и пожить. Теперь Сулоть заболотилась и не река, а только это мы знаем, что все-таки между плесами и озерками есть течение. На сижах под самой деревней мы ожидали утиного прилета. Последний дом деревни был на самом берегу болота, так что даже и в тростниках находился, и надо было при расчете дробового выстрела иметь дом в виду, чтобы не засыпать окна дробинками. Постепенно светлело, люди спали, конечно. Какие это люди жили в болоте вместе с утками? Хотели они жить в болоте? Нет! но если они этого не хотели, а так вышло, то разве это люди? И как понять? Люди, конечно, были стойкие, потому что это не так легко было начать жизнь на берегу реки и продолжать ее, несмотря на все невзгоды, и стоять и стоять на своем. И так это «стоять на своем» передалось из поколения в поколение. Проходили десятки лет, проходили столетия. Река Сулоть мало-помалу заболотилась, и надо бы уходить с того места, но люди, имея не в уме, а в крови «стоять на своем», продолжали жить на месте и погружаться в болото. Так теперь и вышел этот очень странный Долгий плес: река, целая большая река измелилась, превратилась в болото, а люди, утопая в болоте, все стоят и стоят на своем.

К этому: росы стали холодные, а вода еще теплая. Ясная прохладная погода. В низине туманно и пахнет облаком (о б в о л о к л о нас туманом, как облаком), а был не туман: это в низине холодная роса садилась, и тем чище и прекрасней дышать, когда мы вышли с луговой низины на поле. (Овес докашивали.) Вечерка: закат и журавли, утки высоко. Тема исторического романа: Троица: от Сергия до авиационного завода: смотреть на авиацию (это самое последнее достижение) и, глядя на это, понимаешь день Сергия Преподобного (его кости теперь всем показывают).

Утренняя охота: яркая ночь — звезды — утро, косячок месяца до солнца и при солнце; восход влажный из тумана: самый прекрасный (чистый восход самое плохое: слу-

чилось, а ничего нет). Утки прошли высоко, и только в 10 у. вернулись утки этого плеса (где они были?). Мы думали, это наши [ушли] от стрельбы на Демидов плес и там как привязанные кружились, и мы уехали. Вдруг наши утки повалили и стали рассаживаться бодро, уверенно, пролетая над сижами. Болотная лунь. Пулька под хвост: она полетела, стала кружиться и была убита. Напряженно смотрел в ту сторону: белая бумажка на темном — это подкрались утки на фоне леса... или комар — а это утки... стайка... утка низко и растет, и растет. Стрежень. Сижа. Полубарское (полумонастырское) — у монастырских праздник годовой не знаю когда, а у полубарских дупелиный святой Иван Постный, когда прилетают самые жирные птицы дупеля. Тут кому пост, а нам, охотникам, самая жизнь, потому что на Постного Ивана прилетает самая жирная птица дупель, и всякая птица, утка, вальдшнеп, бекас начинает жиреть.

Машина и Бьюшка слились, и детям удивление.

Вечером поехал в город и вдруг возле кино, где весь [город], Машке захотелось в кино: искру потерял. Народ, мальчишки. Советы. Разряженный шофер (ничего не сделаешь, и отойти ему нельзя, потому что приведу Колю Куликова и тот сделает: стыдно). Пьяница сбегал за Колей — Колю не застали. Пьяница грузовик привел. «Переноска» (лампа). Дело в замке. Переноска потухла. Пьяница помог: на буксир. Позор Машкин (в кино захотела). Утром встал вопрос: если по прямому, то зачем нужно ключом еще, а без ключа не идет?

— Надо купить, конечно, ты знаешь, как надо купить? — Я не знал, но сказать мне в 60 лет от роду, что не знаю, было неловко. — Знаю, — сказал я, — налево? — Конечно, такие вещи продаются на-лево, — ответил он. Напр., я спросил продавца: — Есть прерыватель? — Нет. — Пишу требование, и он же дает: потому что он прерыватель для своих продает «налево», но если требование, нельзя отказать. Машина поставлена вся на соплях, потому что в тот месяц число ворующих машины выгоняли под конец месяца штурмом. Раскулачили чужую машину и свою отре-

гулировали (отрегулировать — значит спереть чужую деталь).

Швейная машина теперь никого не удивит, и удивление перед первой швейной машиной так давно отошло в историю... Так будет и с Фордом. Но я хочу, пока машина не стала всеобщим достоянием, оставить на память потомкам нашим, как мы к ней привыкали, как входила она в нашу жизнь и сама от нашей жизни изменялась, и нас приучала к иному ритму в отношении повседневного самоопределения в пространстве и времени.

Коля сказал: — Я, конечно, не антисемит, но евреев ненавижу от всей души (пример двойственности соврем. молодого человека).

Первородный грех. В религиозном понимании все наши вожди (Горький) всю историю христианства переводят на себя: не Христос, а большевики сняли первородный грех с человечества: оптимизм большевиков именно в том, что человек новый, и новый человек (без первородного греха) живет по своему плану (человек же мыслится не как личность, а как пролетарий, т. е. отвлеченный человек). Почему Горький и плачет, когда видит пионеров (и многие вожди: эти дети им вместо своих: тут-то вот их и все). Но все эти дети двойственные от рождения: напр., коммунист на своего ребенка смотрит сквозь пальцы: на общего ребенка, на общественного ребенка «октябренка» глядит, а своего просмотрел, и теща с женой его перекрестили. И дальше все такое раздвоение: официально барабанят: литературный язык — это значит язык наших вождей и художников слова. С педагогом в беседе проследить это раздвоение и определить его значение.

Старуха немка приходила: 60 лет прожила среди русских, и едва-едва ее понимаешь по-русски. Я ей сказал, что в немецких журналах больше не пишу — единственную мою книгу, переведенную на немецкий язык, фашисты, наверно, сожгли. — Нет, — сказала она, — вашу книгу они не сожгли: арийцев они не трогают. — Не знаю, — сказал я, — о судьбе своей книги, но больше уже не перево-

дят, хотя я пишу не хуже. — А кто ваша переводчица? — Я назвал. — Это еврейка, — сказала она, — вот из-за чего, я понимаю! вероятно, и книгу вашу переводил еврей. — Элиазберг, — сказал я, — это отличный переводчик, он даже Гоголя мог перевести, и хорошо, но да: он еврей. — Вот-вот, это самое, а вас, арийца, они не тронут. — Мне надоело, я стал раздражаться. — Давайте конкретно говорить: до фашистов ведь меня переводили, я получал гонорар натурой: кофе, чай, фотографические приборы и пленку; теперь в немецких журналах нет моих работ, и кофе я не получаю, хотя я такой же ариец, каким был и раньше. Ошиблись? хорошо, но когда же вскроется моя полезная арийская сущность, и я снова получу себе кофе, после войны? — Старуха тактично промолчала... И ведь какая старуха: родилась в России, в Лифляндии, всю жизнь прожила гувернанткой у русских, и революцию пережила, и все-таки вся там насквозь, за рубежом, и ждет часа победы, когда будет провозглашена арийская кровь. Есть в этом чисто немецкое, то, чем немец рядовой, приезжающий в Россию со времен Петра и дальше, ненавидит «славянский навоз».

Борис (расстроенный) вышел из колхоза и отправился искать хорошей жизни. Жена его (убеждения: «для чего я замуж выходила, если колхоз?») лентяйка, ее из квартиры выгнали, а у нее тут как раз ребенок умер: никто ей хоронить не хочет: сама хорони, а ей страшно, она положила ребенка в корзинку и отнесла на чердак; через несколько дней ребенок затух, и к ней пристали: закопай. Она взяла заступ, корзину с протухлым ребенком и унесла. Выкопала ямку и закопала вместе с корзиной.

6 Сентября. Стоят замечательные, прозрачные и прохладные осенние дни. Окна потеют. Начинают расцвечиваться леса.

Был у меня Ставский. Я ему сказал в отношении своем к славе: что если бы моим именем назвали улицу, я бы сбежал от нее. — Не сбежали бы, — отв. С., — а ходили бы в РИК жаловаться на непорядки: «улица моего имени,

а такое безобразие». На это я с удивлением и как бы в замешательстве: — Да неужели же! — Но он иронии такой не понимает.

Так начинают показываться у меня люди власти, сделанные из другого материала, чем интеллигенты.

Расценка выступления Бухарина верная, и сейчас же у всех появляется в разных дозах хамское стремление на «попятный двор».

С начала сентября Петя хворает, ходит с повышенной температурой. 4-го вечером он вымок в трестнице, и после того стало хуже. Доктора говорят, или затронута верхушка легкого, или малярия. Исследуют кровь.

Боков и Костя — студенты!

Будет война ли нет? Наш весь народ, включая детей, собраны для какого-то внешнего действия (удара), чтобы сразу решить все; если же не сразу, то... главное в том, что граждане имеют по два лица, одно из которых должно погибнуть, другое усилиться.

Вечером пришел Катынский, и я купил у него ружье за 3000 рублей. Заряд: Сокол 1,3. Дробь 24 гр. Картечь 1,5 гр. — 16 шт. = 24 гр.

7 Сентября. Весь день занимался с Колей Куликовым профилактикой Маши.

Шоферский язык: свеча блядует, аккумулятор мудовлеет. Машина называется аппарат: — Как аппарат? — В порядке (или: блядует замок). Шоферы между собой говорят о росе или кто как скрыл аварию. (География Москвы через шоферский опыт и язык: напр., ехал вниз по Басманной, слева трамвая, справа из Сергиевского переулка подвода, еще левей женщина: ехать на женщину — убить человека, ехать на трамвай или на подводу — успевай выбирать, а то ведь тормоз кое-какой. Пустил между трамваем и подводой — с левой стороны по трамваю ударил колесом и своротил картер коробки скоростей.)

<*На полях:*> { *Язык шофера — Как аппарат? — В порядке.*
— Как аппарат? — Свеча блядует. — Смена.

Рождение образа.

Я думал о Ставском, Шумяцком и других «вождях», которые в последнее время стали бывать в нашем доме. В их манере говорить и, главное, выслушивать есть нечто общее, нам неприятное и относящееся, вероятно, ко всем «начальникам». Но что это — я не мог выразить. Пришел Петя из амбулатории и рассказывал о старом докторе, что трудно ему выслушивать больных: пациенты гамят как на базаре. При этом доктор привел пример из жизни вагона, как два парня с разных концов вагона разговаривали между собой: все молчали, а они над головами всех перекрикивали, как будто кроме них в вагоне никого и не было. Представляя себе вагонных парней, я вдруг вернулся к начальникам моим, и мне стало вдруг понятно, почему они нас так плохо слушают и так решительно утверждают свое: они просто не видят нас, как те два парня в вагоне видят только себя.

Коля Куликов сегодня признался мне, что он вовсе не Куликов, а сын монаха. В Посаде Сергиева (ныне Загорск) была улица. А в Сергиевой Лавре в духовной академии тогда журнал издавался с длинным названием «Продолжение творений свят. отцов». Так вот, на улице той жили женщины, и к ним ходили монахи. Студенты духовной академии эту улицу называли тоже продолжением творений святых отцов. На этой улице и родился Коля и был определен в воспитательный дом. В то время, однако, некоторые бездетные граждане имели обыкновение отбирать себе из этих незаконных детей, определяемых в воспитательный дом, младенцев, и им позволялось усыновлять их и тем самым как бы превращать их в законнорожденных. Колю выбрали некие Куликовы, он — пьяница горький, она же ведьма. И начиная с шести лет Коля превратился в работника на ведьму и пьяницу и работал на них с утра до ночи. Был он и булочником, как Максим Горький, и был кондитером, и кем только не был... Был на высоте одно время: кандидатом партии. Потом при чистке в связь был поставлен, как сам утверждает, неповинно с одним позорным явлением кооперации, разъяснен как сын

монаха, «шпитомник» кулаков, исключен и лишен голоса. В то время Коля как раз был кондитером, и ему как лишенцу ничего не оставалось сделать другого, как переменить профессию и начать всю карьеру сначала. Случилось, как раз в то время набирали на курсы шоферов...

Коля кончил курсы и ни разу не сидел на машине. Сдал теорию, сдал езду по Москве, оставалась практика. $3\,^1/_2$ литра и 50 р. взяли за него сдать. Сдал, получил права. Птицетрест. Задавил двух. На это место пришел, надул баллоны (с велосипеда опыт). — Ты зачем? — А ты зачем, — я шофер. — Как ты... а где ж Ванька? — Вона! хватился, Ванька в тюрьме. — На вот, так ты стал со мной работать. — С тобой. — Красота! ну так что: надувай баллон, поедешь в Москву. — Признался: по Загорску могу, а в Москву не ездил. — Ну, поедем со мной. — Приехали вулканизировать: три дня сидели не жравши. — Поезжай назад. -- Боюсь. Двор широкий и к Брюсову. Выехал из Москвы — все дороги узки. Карбюратор — засорился главный жиклер. Разобрал, посмотрел — ничего не вижу, продул, бензину хлебнул, хотел диффузор вставлять и не могу. Остановил машину, спрашиваю: — Что это за вещь? — А ты, — говорит, — откуда взял? — Из машины. — В моей машине такого нет. — Ну, — говорю, — поезжай, ты такой же, как я. — Стал я возиться, перевернул диффузор другой стороной, и он вошел как милый. <*Приписка:* Вставил диффузор, и он тень дал, и в тени заблестел гл. жиклер и волосок показался.> Тут я пригляделся и вижу, из главного жиклера торчит волосок. Взял я его, вытащил и говорю: «Это ты!» Привинтил болт, закрыл капот, сел в кабину, нажал на стартер и пошел...

Рассуждая о выступлении Бухарина, слишком лично ярком, слишком рассчитанном на завоевание «мещанских» элементов общества, некто сказал:

— Не заявляя о своем несогласии с нами, сделайте вещь необыкновенную, которая своим явлением показала бы нашу ошибку.

Наши критики сейчас работают как пауки: свои тезисы политические они пускают на тексты, чтобы художество

через них проливалось, как вода в паутину, и оставался в текстах один только сам автор. — А, вот ты какой! — говорит критик, разглядывая автора, обвитого политическими текстами — и пишет о нем... Между прочим, пауки в природе, уничтожающие мух и всякую вредную дрянь, вопреки предрассудкам, являются человеку очень полезными. Возможно, и критики, как пауки.

Все детали машины имеют названия шоферские и заводские, надо все узнать: сережки, барашки, стремянки, грибок, пальчики и тяги.

Швейная машина давно вошла в жизнь, и нам теперь невозможно описать душевное состояние людей, взволнованных ее появлением. Но автомобиль только-только начинает вносить в нашу жизнь необыкновенные перемены, и пока он не успел стать как швейная машина, надо успеть его описать.

Из Машкиной эпопеи: искал нового человека, а встречались все старые, а под конец оказалось, что новый человек рядом со мной живет, и учит меня, и ездит со мной (любит машину, владеет ей).

— Очень стыдно, а все-таки надо сказать: без стыда лица не сносишь.

Машка.

Стыдно мне сейчас, что я на самое главное у нас долго не обращал внимания: это главное, конечно, — что машина является в нашу страну и быстро изменяет и труд наш, и досуг: не так работаем, не о том поем, не так начинаем смотреть на месяц, звезды. Некоторые перемену эту считают к лучшему, другие, напротив, понимают черта в машине. Раз я думал о черте, и мне вспомнился знаменитый рассказ о кузнеце Вакуле, который оседлал черта, добыл на нем царицыны черевички для своей возлюбленной, женился, стал при помощи черта счастливейшим из смертных, не уступив искусителю рода человеческого из себя ничего.

Думал я о черте и о себе, что вот бы машину какую-нибудь, как черта, оседлать и свою жизнь, свои будни и празд-

ники переменить к лучшему, не уступив ничего своего. Но какую бы выбрать машину по силам себе. Несколько раз я ходил на большие заводы и каждый раз уходил оттуда подавленный: я смотрел на машины и людей при них без понимания, мне казалось, сущность их находится в управлении, и поднимался наверх к инженерам, а там, погружаясь в расчеты, отрывался от видимого, осязаемого, необходимого мне для понимания вещей. Хорошо политику действовать, разбивая людей на классы и внутри классов ставя расчет свой на среднего человека. Хорошо математику строить, пользуясь даже бесконечностью как знаком. Но я, художник, не только бесконечность, а даже таракана в своем изображении не могу обойти и в тараканьем существе должен открыть тараканью личность.

Недавно перечитывал на ночь рассказ Гоголя о том, как кузнец Вакула на черте съездил к царице за башмачками для своей возлюбленной и достиг своего счастья, ничего не уступив из себя черту, я вздумал достать себе автомобиль, изучить его, приучить к себе, как собаку, ввести в свои будни и добыть при помощи его ценности новое, не поступаясь собой, как Вакула, — ведь какой шельмец! съездил на черте и прямо, не отряхнув с себя даже чертовой шерсти, вошел в церковь и перевенчался. Эта мысль поутру у меня превратилась в действие, — вспомнив, что автомобильный завод легковых машин упоминается всегда с именем Молотова, я написал шефу короткое письмо о желании моем сделать один опыт с автомобилем, не раскрывая, конечно, государственному человеку свой основной замысел приручения черта к строительству моего личного счастья.

Теперь я легко бы мог написать рассказ, и очень занятный, с таким сюжетом: некий простецкий гражданин выиграл себе в лотерею автомобиль и при помощи его, подобно кузнецу Вакуле, завоевал себе счастье. Но мне это до того легко написать, что даже и неинтересно. А что мне хочется и что так трудно сделать, это, описывая свой личный опыт с Машкой, сохранить в целости рожденную в опыте и, как мне представляется, присущую жизни сказ-

ку. Ведь было же это в действительности, что я, не понимая, в какой степени нуждается сейчас государство в автомобилях, дерзнул просить себе машину для опыта, навеянного чтением гоголевской сказки! Фантастика была в самом зародыше моего действия и немудрено, что дальше стало все развиваться как сказка.

Написав Молотову, я решил сам отнести письмо на почту, чтобы отправить заказным. По пути своем на почту впервые в жизни стал я приглядываться к машинам с интересом, а когда отправил письмо, и со стыдом: мне стало понятно как-то вдруг, что машина для дела нужна до крайности, а я прошу для сказки. Каждая грузовая машина теперь вызывала во мне чувство стыда, и если бы это возможно было, я разорвал бы это свое письмо на клочки. К моей беде, грузовики так и шныряли, а когда я вернулся к своему дому, то на улице против моего жилья застал целую кутерьму: штук пять огромных грузовых машин сгрудились тут, и на одну из них поднимали небольшую самодельную машину.

Гёте — распад.

Что обеспечивает в искусстве долгую жизнь (Шекспир).

Историки — это заслуженные хранители мощей.

11-го Иван Постный — Мергусова бель: пять дупелей.
12-го Чирково — 13 дупелей и двух тетеревей: 15.
13-го Ясниково — 13 дупелей.
+ два раньше того

Все это время золотые дни. Утренние мысли и желания смешиваются со звездами. Ударом сапога выбиваю полено из-под заднего колеса, и Машка сама выкатывается из гаража.

Звезды скрываются. Остается почти до самого восхода утренняя бледная звезда. Восход в 6 у. Туман в долине. Круглая полянка: красные осинки, березки — все по-разному: на то же осень, чтобы каждое дерево под конец показалось по-своему; так хорошо, подкрался туман и белый свернулся тут. Неслышно на резиновых шинах мы подка-

тили и все тут застали. Тени от стогов в Чиркове. Тени от кочек и в тени белый мороз: дупель солнце встречал, согрелся на солнце, разленился, послышался шорох — он поднялся и перешел в тень: там в тени кочка была еще белая от мороза; кочка эта была огромная как стол; Лада причуяла дупеля, еще когда он был на солнце, и когда он ушел, подошла к самой кочке и сразу поняла, что дупель пошел дальше и, может быть, далеко ушел, но, может быть, и тут же за кочкой сидит; что делать? с этой стороны кочки, с левой, пахнет след, но сам дупель из-за кочки не пахнет — что делать? и вот мысль: с правой стороны следа нет, и если туда немного просунуться и оттуда запахнет дупелем, значит, он тут; она зашла чуть-чуть направо, ей оттуда резко пахнуло — он тут! и Лада вдруг легла и сама, как дупель, исчезла между кочками. Мы это все видели очень издалека и, зная работу Лады, не торопясь, медленно приближались. Про себя я какому-то другу читателю сочинял о Ладе рассказ, что вот была собака Лада, делала стойки и ложилась почти за версту. Я немного прибавил: за версту ведь и собаку-то не увидишь. Но ничего! мой читатель не заметил. — Честное слово, говорю, за версту, не верите? — Нет, отчего же, я верю. — А веришь ли, что я иду не спеша целую версту, и она все лежит, лежит и ждет меня. — Конечно, верю, замечательная собака! — А как ей трудно лежать на животе в грязи с подогнутыми задними ногами. Она наконец подбирает [ноги] и просто ложится и ждет. Но хозяина нет и нет. Она приспособилась, потянулась, свернулась клубочком... — Стой! — говорит читатель, — я верю, что Лада за версту стала, что она улеглась, что она тебя ждала, и если бы ты сказал, час ждала, два ждала — я бы поверил, но что Лада на стойке клубочком свернулась — нет! не могу, извини: не верю.

<*На полях:*> *Я говорю часто Ладе дома: под лежачий камень и вода не побежит, а теперь она лежит, и под ней вода...*

Подходишь к ней — она смотрит на тебя, обходишь — глазами следит, [повертывая] к заду, и вот на каком-то градусе вдруг, как пружина, откинула голову и глазами на дупеля, а ты сзади.

Лада обезлапела.

Сюда же, к дупелиной высыпке: две маленькие пожелтевшие болотные березки, трава болотная шоколадного цвета — ступишь в ней — между пучками зеленый плюш, и как ступишь на плюш, получается колодезь с черной водой. Три стога — видно, косили, пока можно было, и теперь тут зелененькая отава, на границе зеленого и шоколадного дупель... Он взлетел и тут же опустился. И в этом шоколаде сплошь начинки дупелей. Старая остожина... Дупель с бекасами поднялся, как цеппелин среди самолетов. Высокие задники — подкладка — как на франц. каблуке.

Мергусова бель: трава вся запаученная и паутина колесами — в росе каждое колесо и против солнца считать не пересчитать: среди этой травы старой чуть заметна теперь клюква, и на ней дупель большой, и еще дупель, и больше всего по самому закрайку болота...

После дупелиной охоты дома тело отдыхает, и от этого радость, вся радость, на какую только способно обыкновенное живое существо; я посмотрел вниз на Ладу, и она тоже наслаждается и даже ноги вверх задрала.

<*На полях:*> *Суд истории*

Александровка — какая жизнь моя в ней, как я мог! и в таких условиях можно было радоваться, и как! Бывало, необходимость в ночлеге или достать чего-нибудь поесть заставляет выслушивать людей и судить, распределяя на хороших и плохих. Теперь я в машине везу все для себя, и отдых обеспечен, и ночлег даже. Я теперь не вижу этих людей и если встречаю, то я для них человек другой породы. Всех не подсадишь на машину и оттого никого. Деревни мелькают без названий, без характеристик, только помнишь, что вот в этой задавил две курицы, в той гуся (нигде нельзя не задавить, потому что объехать некуда, <*2 нрзб.*> всего организма машины тормозом из-за курицы неразумно...)

Как туман закрыл стекло, дворник расчистил дырочку, и вдруг мы в другой атмосфере, и стекла сами очистились...

Что же мне теперь жалеть о том времени, когда я ходил пешком и спал на клопах и вынужден был выслушивать жизнь бедных людей, распределяя их на плохих и хороших? Нет, нисколько. Я удивляюсь тому запасу радости, которая у меня, но не желаю возвращения и не раскаиваюсь в легкости жизни моей нынешней, потому что же я ее теперь заслужил. В состав моей нынешней радости [входит] весь понесенный за нее труд. Мало того! большинство понимает, что я заслужил. Но кто не походил по народу, а прямо сел на машину, тот не увидит людей и машину не оценит (это как швейная машина). Не то меня задевает, что я потерял чутье к людям через машину: я не могу его потерять; а то, что другой едет за так, и ему кажется, будто так и надо: люди ему — это цифры, машина — способ необходимого передвижения.

Итак, машина и Журавлиная родина...

<*На полях:*> *Петя говорит сегодня: — Знаешь, Миша, я вот думаю, — сколько мы трудов положили, сколько истратили всего, чтобы ехать, а ведь другого везут, и он едет за так — даже противно, а как тебе? — Да ведь...*

Прочитал повести Гёте, от бунта («Вертер») до порядка («Избир. сродство») и понимаю это не как произведения искусства: эти повести распались на кусочки; все равно ведь и «Фауст» Гёте распался: золотой памятник распался, но все равно это золото. И так все распадается, будучи усвоено. Вопрос, кто дольше... Почему Шекспир и сейчас читается как современная вещь? Есть ритм жизни, и кто в нем — тот долговечен, а то от себя, и это на срок («Фауст» от себя).

<*Зачеркнуто:* Историки> Критики с авторами-классиками делают то же самое, что раньше делали монахи с мощами: мертвые косточки они облачают и объявляют тело усопшего нетленным, убеждая ему поклоняться. <*Приписка:* Но и всякому обману есть срок: время всех святых раздевает, и мертвые тела обнажаются. Есть большое удовлетворение уму, когда придет срок раздевать — заняться этим. Так вот пришел срок мне раздеть всех святых, и я приступаю.>

Всему живому хочется жить дольше, и так автору в книгах своих хочется жить, и тем из них, кому этого более страстно хочется, удается жить долго, и когда кончится долгий естественный срок, приходят историки и мертвые косточки усопшей вещи объявляют нетленными, облачают, как монахи, создают поклонение. И потом, когда окончится культ, миллион раз повторенное имя классика само собой без посторонней помощи продолжает все повторяться...

Новый человек от старого ничем, кроме аппетита к жизни, не отличается.

Совершаются великие события, значение которых учесть никому нельзя, и если это чувствовать и понимать без себя, как необходимость, как закон, то право же, свой личный голос в этом хоре необходимости неминуемо должен всем представиться как личное домогательство, как претензия на личное бытие. И самое главное, что действительно среди бесчисленных градаций между личным и общественным невозможно самому рассудочно определить именно ту, которая является звеном в творчестве единства личного и общественного. Единственный выход из этого тупика для меня — это salto mortale[1], в котором парашютом является доверие к тому, что истинное «я» как творческий агент не может разбиться о камень. К числу таких вопросов, которые я рассудочно не имею права решать, всегда был для меня вопрос нации и войны: я не могу сказать со всеми, что я — русский, хотя я русский больше всех: мне всегда казалось, что в тот момент, когда я скажу о себе «я — русский», я гублю в себе самое мне дорогое; и потому лучше, если скажу, что я — не русский. Точно так же я не мог в свое время определить себя «пораженцем» или «оборонцем».

14–15 Сентября. 14 днем ездил за бензином. Встреча с козьим пастухом: мальчик в одежде с большими рукавами, и он ими махал, как крыльями, и вдруг появлялся то с того, то с другого конца машины: острое, сухое, козье

[1] salto mortale (*итал.*) — смертельный прыжок.

лицо с тусклыми и дикими глазами... Вечером при фонарях прикатили в Федорцово: там «дупеля», и покатили в Полубарское. Целый вечер песня о сапогах и керосине. Прикрывает лампу: керосину нет. — Вы, колхозники, должны быть зажиточными. — Зажиточными! а есть такая среди зажиточных пролетария: всех зажиточных к себе в карман уберет со всем их имуществом. — Какая же это такая пролетария? — А Пришвин, Михаил Михайлович. — Я был поражен таким оборотом, растерялся, вслух подсчитал все свое, перевел на деньги, на валюту: вышло всего очень мало. А «перевозчик» смеялся и только в шалаше понял про себя, что он подсчету моему не верил и полагал, что у меня золото, что у меня неистощимый запас скрытого где-нибудь в обыкновенной земле обыкновенного золота. И только уж тут, поняв «золото», понял я и смысл «пролетарии», способной закупить весь колхоз: а именно, что это и хорошо, что он эту «пролетарию» мне на радость, мне на лесть сказал. Вот оно что!

«Перевозчик»: езда по грязи — вода спала — страшная опасность: нельзя даже на ящик от патрон сесть, нельзя на коленках стоять: дрожат колени от непривычной позы, в туго затянутых ремешках; сантиметр до грязи? боюсь, меньше... невозможно плыть: на волосок (и пример: профессор и учитель А.). Страшный плес. (Середняя кочь). Сюда же и Петю: он за уткой поплыл... А он: я не стреляю, утка над шалашом: а у меня экстрактор, и не могу открыть: пулевой патрон через экстрактор. Табунятся журавли. Тучи с ледяными, светящимися серебром краями. Болотные овсянки и трясогузки. Курочки. Жители Демидова плеса, и там трудится перевозчик: уток загоняет, старается...

Цикл мыслей: пораженец старого времени нашел бы в этом перевозчике общее, т. е. от своего отщепенства по этому мосту недовольства и зависти он перешел бы к пролетарию и объективировал бы желанный свой мир в этом образе, и когда он осуществил свое тайное, стал властелином — ему тот «перевозчик» предъявляет счет: путь от бунта к порядку. Кузьмич, на которого все обижаются и его фамилия Фролов, а зовут Волков: на волка похож... Все свои неудачи на Кузьмича.

<*Приписка:*> *Фамилия завод[ского] охотника Фролов, но все [называют], вспоминая его потом как Волкова: до того, значит, этот Фролов лицом на волка похож.*

Действие, рожденное в пустыне мировой скорби, личные желания через мировую скорбь к человеку... <*Приписка:* и то же через политику...>

Шекспировский народ — это...

Часто встречается человек, сохранивший облик умершего быта, причем сам человек живет, как и все, в новом быту. Таких людей я собрал целый музей <*приписка:* и начинаю показывать с Ивана Петровича>.

16 Сентября. Белый мороз. Мергусова бель. Два дупеля, два бекаса, тетерев. Встречались отдельные витютни (пролетные?).

17 Сентября. С утра серо и моросило, потом солнце между тучами, ветер. Пробовали Османа и убили зайца.

Согласно с Павловной решили, что елецкая-смоленская родина умерла и создана вторая, здесь: Переславль—Заболотье—Троица. Завтра едем в Переславль, и как домой.

— Вы говорите, что нет свободы или что свобода есть осознанная необходимость. Пусть же и нет вовсе свободы, но писатель должен чувствовать себя свободным. Так вот о земле известно, что она круглая, но для живущих на ней она плоская: мы живем так, будто земля плоская, и художник, работая, тоже чувствует себя свободным и, когда творит, не думает вовсе о том, что свобода его обусловлена необходимостью.

18—19 Сентября. Все дни, весь сентябрь сухо, светло, и теперь уже по утрам лежат морозы. 18-го ездили в Переславль с Колей Дедковым. 19-го в Москву: Машку чинить и к Цыпину.

Из разговоров с Дедковым, что семья и нация требуют от нового человека особенной заботы (жену, напр., теперь нельзя просто для дома держать и детей растить, необходимо в обществе и т. п.), что «новый человек» является не

в личностях целиком, а распределен понемногу, что рабочие теперь ищут семьи, что такого писателя, как Пришвин, пишущий о природе, нет среди писателей о людях.

Почему в партию? — Книга (роман) и смерть Ленина — то же в рассказе Безродного: т. е. он обрадовался нэпу и вообще, что Россия оживет.

В ближайшее время вступить в постоянную связь с Цаги и начать изучение авиации (воздушных путей наряду с земными).

Берендеево царство (Ботик) в упадке: мертвая биостанция, вот-вот развалится бельведер, и все продолжают двугривенные за Ботик (Дуня научилась показывать). Что-то пережитое.

В Москве — мастер Степан Коваленко рекомендует Венеру на базаре купить, и в лапу ей он лампу впаяет и с флажком.

Смерть Ильича.

Поступление в партию т. Безродного определила смерть Ильича: тогда наладилась торговля, началась жизнь, мало-мальски похожая на «жизнь» в привычном ее понимании, в партию легко принимали, и Безродный решил поступить; поворот политики на колхозы отнял у Безродного надежды на порядочную жизнь, и как мастер, имеющий всегда возможность хорошо заработать, он потерял всякий смысл пребывания в партии и вышел. Коля Дедков, как человек деревенский, потерявший, однако, корни в деревне, тоже в смерти Ильича увидел закрепление порядка, желанного ему, но кроме того, перед этим он прочитал один (американский?) роман с коммунистическими идеалами (Коля все-таки идеалист). И когда колхозная политика началась, выйти из партии Коле было некуда: не деревенский он и не мастер. В это время идеи прекрасного романа поддержали его, и он стал сживаться с партией. Мало-помалу жизнь стала улучшаться, рабочие стали дорожить семьей, детьми, всюду началось стремление к порядку, СССР был приглашен в Лигу Наций.

Гараж 3-й колонны таксомоторного парка.

Петя пошел к старшему механику Коваленко, но сторож его не пустил без пропуска и передать записку Коваленко отказался: не может сойти с поста. После долгого ожидания удалось передать записку с каким-то входившим рабочим, и Коваленко вышел. Он был сильно выпивши, не вдумываясь, не слушая нас, начал сразу с того, что хотел оторвать бронепровод и «припаять свое зажигание». Наша растерянность, ужас! Наконец я отказал. Он вырвал с корнем дистрибутор и вдруг сказал: можно и тут припаять, и унес всю деталь с собой; вдруг вернулся, бросил деталь, схватил замок развинчивать (как сыпались болты, гайки, прокладки!). Убежал с замком и скоро вернулся: все дело в замке. А мы же это и знали. (История с замком долгая: все возились, и часа через три вдруг заводилась машина сама — 1-й раз обнаружилось против кино и пошли на буксире, на другой день с Колей Куликовым соединили молоточек с бабиной — это в опыте шоферов.) Пока устанавливал, все мастера, все шоферы из гаража пришли, и сам сторож пришел, и рассказы всякие.

Механик — это все равно что колдун или знахарь среди шоферов.

<*На полях:*> *польза грузовика — машина открыла глаза на старую дорогу.*

Маша пишет: не знаю, как было до революции, сама-то я не видела, но по рассказам отца поняла, что в старое время вовсе дороги не казались плохими, а будто так и надо... и пр.

До революции, — теперь уже в старое время, — нам и в голову не приходило, бывало, — нам, обывателям земли русской, — что у нас плохие дороги. Больше, я вам скажу, на телегу ссылались, что телега — глупый и нелепый экипаж. Теперь на место телеги явилась машина, автомобиль, и вдруг открылось, что старые дороги никуда не годны. И то же самое, я думаю, и с людьми, обслуживающими транспорт: раньше, казалось, люди не были так плохи, но теперь машина показала нам русского человека, недавнего земледельца и кустаря, никуда не годным механиком и шофером. Так вот, сел я на машину, чтобы увидеть но-

вую жизнь, а мне открылась старая жизнь дороги и мира с необычайной стороны: никогда, никогда я не думал, что так плохо все наше старое.

Нам, шоферам легковых машин, грузовики тем полезны, что пугают людей на дороге и усеивают эти дороги жертвами. Не будь этих бесчисленных жертв грузовиков, наши колхозники вовсе бы не боялись наших легковых машин: они бы мало-помалу присмотрелись и поняли, какая слабая легковая машина, как боится она столкнуться даже с телегой. Но грузовики, для которых не только телега, а даже и легковой автомобиль не представляет никакой опасности, до того всех напугали, что даже от гудка легковой машины все в ужасе сторонятся, бегут к лошадям.

Шоферская ругань: — Жопа с ручкой!

20 Сентября. Какой день! а мы весь день готовили машину на завтра.

Какой чудесный день сегодня, а мы готовили весь день машину на завтра: чистили мотор, меняли масло, просматривали карбюратор, исправляли зажигание, наливали бензин.

Вечер. Оранжевая чистая заря. Месяц почти полный и на свету светит. Мальчишки кричат, собаки лают, ведра звенят — чего-чего не слышно в городе, и в глубине хаоса чуть слышный ритм похоронного марша: дерева желтые — год умирает, сумрак — день умирает, и так это редко, так почти чудесно сошлось, что человека хоронят под вечер. Так вмешался этот музыкальный ритм в хаос жизни, в распад ее, в самую смерть и убеждает нас в единстве и цельности мира. Между тем все вышло потому, что музыканты днем все на службе и свободны стали только к вечеру. Вот бы так и всегда хоронить людей вечером. <*Приписка:* (Нельзя)>

Наша новая молодежь не знает вовсе истории и оттого ничем не интересуется и сама неинтересна. Так вот ездили с Дедковым в Переславль, и у него ничего!

След машины на песке, возле Мергусовой бели, какой ужас: легковая машина!

21 Сентября. Рассказ об одной перепелке. 1. Решение испробовать охоту с лайкой на глухарей: где их много? Прихватить Ладу. Подготовка машины: регулировка зажигания и карбюратора, смена масла, промыли мотор, кстати вычистили, прошел весь день 20-го. Ночью в 3 ч. завел машину, самовар поставили: звезды, а луна садилась. Чай, сборы. Выехали в 4 у.: одни звезды да наш свет. Мужики картошку везут, огромный воз сена (всегда огромный в электрич.). Встреча с колонной транзита пятитонок из Ярославля. С боковой дороги на шоссе вышли люди: собака, лай из машины, и вдруг машина взвилась: люди ли это? Звезды повышли, осталась звезда утренняя: — И дам я звезду утреннюю. — Это кто сказал? — Бог. — Повтори, что ты сказал? — Ббб-о-ох! Моря туманов и в них острова.

(Мысль написать серию исторических или смешных рассказов: 1) След машины; 2) Кадет; 3) С ножом к фонарю; 4) Товарищ покойник и проч.)

Село Новое и старушки княжны где-то в деревне доживают век. Павел Михайлов. Ошанин и Фед. Л. Кумашенский + Курчевский.

Поездка в Горки. Ужас дороги. Поиски сарая в Горках, дети и наши собаки. Поиски глухарей. Не садятся. Белки. Возвращение в Горки и рассказы о том, как в 29 году здесь медведя убили мужики. Медведь пришел и лег в муравейник. Иван шел с ружьем на белок. «Это ружье 12 кал[ибров] центральное, я раз из него бил, мне сказали: бьет сильно зарядом и отдает, я — ударил, и не поверите и не догадаетесь — нет? — Нет! — Это ружье меня оборотило». А бьет — дробь... бьет больше в зад. Вдруг из кочки голова: тонкое рыльце — медвежонок. — Вложил пулю. — Медведь огромный, бежит Иван от медведя. Созвал мужиков, пришли: кровь. Три дня шли по крови. Описание ружей. Тут узнал Кумашенский и обложил раз. Мужик выгнал. Другой раз — и третий — три раза. — Убьете, Ф. Л., а они ведь нас

убьют: они привыкли к медведю, идут голодные, холодные. — Меня! — и засмеялся. — А у них правда ружье-тройник и наган и стрелок: птицу на лету из нагана. Когда в 3-й раз ушел, Ф. Л. хочет дальше, а я понял: убьют. — Вот слушайте, сейчас стрелять будут. — И правда: раз, раз, раз — все шесть, и сразу галдеж. Все кончено: убили, большой: 15 пудов. И я на том медведе сидел.

Пришла хозяйка с картошки (все колхозы убирают картошку) и водки выдала [всем]. Поехали на выводок куропаток. Колхозники перегнали. Нашли перепелку. Стойка Лады (взять с дупелей) и кончить: «...всему верю, а чтобы кружком свернулась на стойке, нет! это ты врешь!» Я убил эту перепелку и это все, мы привезли домой одну перепелку и...

Есть люди, которые из бедности своей глядят на богатство и восхищаются: как хорошо! как хорошо быть богатым. Другие не могут забыть своей бедности, богатство открывает им глаза на свое убожество, и отравляющая душу горечь изрыгается злостью. Вот был и я в бедности и хотел избыть свою злость в пролетарском движении, но почему-то не мог в этом тоже ничего достигнуть. Мне пришлось работать долго над самим собой, чтобы отделаться от зависти богатым и покончить со своей злостью. И когда я этого ценою великой достиг и увидел, что все вокруг свою бедность и злость хотят растворить в пролетарском движении, то как я мог вернуться к тому, от чего ушел в юности? И вот теперь, когда перед каждым вновь ставится вопрос, чтобы сделаться богатым и счастливым, то это ведь опять-таки мое прошлое: я был богат и счастлив в то время еще, когда все избывали свою неудачу в революции: у меня к этому простому нет аппетита...

К Долгому плесу: начало: Есть романтика отъединения в природе: человек уходит от обыденщины и воплощает свое лучшее в звездах, травах, животных. — «И звезда с звездою говорит». — Так пел об этом Лермонтов, рассказывал Кнут Гамсун. Теперь как-то эта нить оборвалась и как будто некому и незачем открывать эти заповедные миры. Я думаю, во-первых, что людям теперь «не до то-

го» — это главное, потом ведь многие тоже и вкусили от «природы»: так рассказывали мне, что Бальмонта видели с мешком картошки и блестящая капля висела у него на носу.

23 Сентября. Утром Лева приехал. Мы трое отправились на охоту в Ясниково и взяли там более 20 дупелей (всего на этом месте взято более 60, а всего дупелей взято не менее 70).

Даже Рафаэль, даже Леонардо и Гёте не то теперь совсем, что продолжают говорить учителя о них для нас: их вторая смерть уже давно совершилась, и как при первой смерти, бывало, попы поют, так при второй и долго-долго спустя читают лекции учителя. Да, надо сказать, что бессмертия нет на земле, но есть стремление к долгой жизни, и эта жажда жить больше, чем все живут, больше, чем возможно, дает нам творения, в которых личность в нашем сознании долго живет после своей естественной смерти. Однако и это «сверхъестественное» бытие имеет тоже свой естественный конец и помещается в склепы, называемые в этом случае музеями. Да, нет бессмертия, но в наших руках прожить много больше, чем «все», и останки свои сохранить в полезных для культурной связи людей музеях. Если же говорить о бессмертии в том смысле, что все мы движемся бесконечно, переходя один в другого, то это безликое бессмертие для всех одинаково <*приписка:* (бессмертие — в бесконечной борьбе людей за лицо человека на земле)>.

По пути сегодня мы встретили автомобиль в неподвижном состоянии, водитель его остановил нас и просил помочь: карбюратор рассыпался, а шофер забыл положить инструменты. Незнакомец назвался главным инженером Сорокопустского химич. завода. В грузовике не было вовсе фар, аккумулятор не действовал, и машина заводилась раскатом от динамо. На обратном пути в темноте мы опять с ним встретились... Лева сказал инженеру: — И так, вероятно, всё на вашем заводе. — Да, так у нас всё, — ответил инженер.

24 Сентября. Первый раз за весь месяц чуть-чуть покрапил дождик, а очень тепло, очень хорошо. Лева, Галина и Петя поехали в Москву.

25 Сентября. С утра пасмурно, после 12 наконец-то за весь месяц дождь и то так себе, тепленький и реденький. Полный осенний расцвет деревьев, когда почти каждое дерево имеет свое лицо. Ездил с Павловной (с 6 у.—2 д.) в Чирково. Убил 5 дупелей. Накопляю в себе ярь для чего-то крепкого и удерживаюсь от расхода на мелочи. Вот ведь никто из писателей в свое время не... Возможное начало романа: Кроме старинного романа Мельникова-Печерского «В лесах и на горах» нигде у прежних писателей я не вижу изображения земледельческой и кустарной России в свете новой индустрии. Нет! и тот единственный роман тоже ничего не говорит, потому что он провинциален и нет в нем универсального образа, который для всего мира был бы зеркалом. Или, может быть, мы напрасно жили, и в нашей напрасной жизни в хвосте цивилизации для всего света нет никакого примера? Но почему же тогда нас пригласили в Лигу Наций... Разное такое приходит в голову, когда собираешься пересмотреть старое, пережитое в свете новой необыкновенной перемены всего.

26 Сентября. Дождь с утра с перерывами до вечера. Прогулка с Османом.

Охота сменяется отдыхом и опять, как отдохнешь, без промежутка начинаешь охотиться. Так мало-помалу доходишь до полного самоудовлетворения и всякая тревога, всякая забота о лучшем отпадают. Только изредка, искорками показывается скрытый, бессознательный процесс накопления. И вот эта способность отдаваться всецело мускульной жизни дает мне понимание того, что называют «природой». Я очень боялся, что в этом году способность забываться от всего в свете на охоте изменит мне, но, к счастью моему, прилетели в избытке дупеля, и после наших великолепных охот мне снова приятно чувствовать на себе свое здоровое, проветренное насквозь тело.

27 Сентября. До трех дня мы охотились возле Алмазова, убили около 20 дупелей (в том числе 1 коростеля и 4 бекаса). <*Приписка:* Всего убито их без бекасов 85.> Погода была — вот-вот дождь, и когда мы пришли в 3 д. к машине, начался дождь и лил до вечера. Был вечером Бострем, говорил о Симеоне Богослове и больше все мне известное.

Мне пришло в голову написать о Машке, что-то вроде «Родников» или «Журавлиной родины» — итак: «Десять тысяч километров»: первая тысяча, вторая тысяча и т. д. Отдельные моменты: напр., Павловна, сидя на приступке машины, щиплет дупелей, а вокруг нее народ: женщины, дети...

<*Приписка:*> *О выходе из себя, о вере и переходе.*

Новая дорога <*приписка:* и это ландшафт> (идея: новое открывает понимание старого: машина открыла, Машка открыла Александровку или встреча во время метели с мужиками («пора бы бросить на машинках ездить»). Против «Жур. родины» эта вещь должна освободиться от «обнажения приема» и т. п. и быть проста, понятна шоферу и приемлема как чтение эстетами и еще переводима...

Новая дорога. <*Приписка:* экспансия>

1. Из рассказа о Машке, путем включения личной жизни в рассказ, надо вмешать в рассказ сюжет Новой дороги (для кино). 2. Новый человек — Генрихсон, новая жизнь — это мое лучшее: народ возле машины: щипка дупелей. 3. Кащей, сущность Кащея: борьба с Кащеем — со злом; зло: неверие и проч.: борьба с отриц. моментами в творчестве; напр., говорится «вера», и нам представляется, что вера (или любовь) как постоянный процесс, свойственный особым «верующим» людям; на деле вера всех покидает временами, даже и целого дня нельзя прожить в вере и любви, и вот эти промежутки скрывают, заделывают, таят в пустынях, избегая людей — свидетелей <*приписка:* значит, надо открыть тайну и сказать, что ни веры, ни надежды, ни любви, ни [мудрости] нет в постоянстве, а есть борьба за лицо.>

Историю великорусского племени я содержу лично в себе как типичный и кровный его представитель и самую главную особенность его чувствую в своей собственной жизни, на своем пути, как и на пути всего народа, — это сжиматься до крайности в узких местах и валить валом по широкой дороге.

Старая дорога народов нашей страны то сужается до тропинки, то расширяется до горизонта, и человек тоже, — это очень верно сказано еще у Ключевского, — то сходит почти что на нет в узких местах, то валом валит с гиком и гамом по широкой дороге. И я, ненавидя все это как интеллигент, в сокровенной глубине своей тоже такой точно, сокращаюсь с ругательством и, как получшеет, расширяюсь с песней и не помню зла. Задумываясь, иногда в беде даже ставлю точку на память, чтобы потом, как все порядочные люди, не забыть и не простить врагам обиды, но <*приписка:* зарубка эта> ничего не помогает, время придет, получшеет и <*приписка:* переменит все [заключения]> все точки и зарубки пропали, точь-в-точь как весной при разливе вода все старое уносит в неизвестность морей.

Старая дорога в узком смысле — это большак, по которому деды мои двигались с гуртами скота: впереди — я слышал их рассказы — всегда, бывало, идет козел, за ним быки, по сторонам гуртоводы с длинными палками, а назади хозяин в тележке, и с ним едет петух непременно для счета времени: петух задремлет вечером, и козел останавливается, скот сбивается на ночлег, хозяин разводит большой степной самовар с тремя отделениями, в одном жидкий кулеш, в другом каша, в третьем кипяток. Когда петух закричит, гурт идет с козлом впереди. Слушая в детстве эти рассказы, с интересом смотрел я на большак и с уважением до самого последнего времени. Мне казалось, все это «надо», и телега и дорога приспособлены друг для друга, и человек тоже едет, свесив ноги, подхлестывая одной вожжой лошаденку и покрикивая: «ну, толоки, толоки, бестолошная!»

Теперь вот я именно сюда-то и хочу приплести свойство русского человека сжиматься в узких местах. До того

ведь, бывало, дойдешь в этом сжатии, до того привыкнешь к стеснению, что кажется, будто так это и надо и что так везде, повсюду на свете, царство необходимости, зла, но ничего не поделаешь с этим, как-нибудь доеду и доживу <*приписка:* и доеду по вечной дороге>. Но приходит машина, автомобиль, вдруг как молния прорезает тьму, и является чудовищная нелепость гуртовых дорог, телеги, извозчика и всего связанного со старой дорогой, вся кустарная Русь «одноличников». Только очень немногие люди, сомнительного происхождения интеллигенты да остатки староверов приняли машину как зло, но огромное большинство русского народа почти безропотно стали ей подчиняться. Мне лично захотелось перехитрить все, подчиниться машине, а потом, все поняв в ней, вскочить на нее, как у Гоголя кузнец Вакула на черта вскочил, и достать золотые черевички для своей невесты. С одним моим приятелем, развитым старовером, я долго спорил об этом, ссылаясь на кузнеца Вакулу, говорил, что ведь незаметно прошло: Вакула достал черевички и даже прощения у Бога не просил, что достал их при помощи черта. — Пусть машина черт, — говорил я, — но если черт подчиняется, добросовестно служит, не вмешивается в дела совести, то почему же мне отказываться, если договор у нас односторонний. — Это ваше личное дело, чисто поэтическое, — говорил мне враг машины, — но для общины машина... — Что же делать? — спрашиваю я. — Ничего не надо делать, — отвечал он, — машины приведут к страшной войне, после чего люди одумаются и вернутся к натуральному хозяйству...

Мы с приятелем совершенно разные люди: у меня огород большой, хороший, жена собирает с него капусту, картошку, свеклу, лук на весь год, посреди огорода сарай и в нем корова; я очень хорошо знаю этот труд и ценю его до известного предела, пока он не отшибает мысль в голове... Я сам люблю крепкие от мороза кочны, люблю запах моркови, даже картошки, даже земли и горячего парникового навоза. Я долго думал, что эта прелесть исключительная, но, увлекаясь фотографией, я полюбил [химический] за-

пах реактивов, увлекаясь автомобилем, полюбил бензин. Теперь этот мираж совсем оставил меня, я знаю, из чего все это складывается, — из жизни ребенка в деревне, когда я сам ничего не делал, а только бегал и нюхал, потом из чтения Толстого, который тоже всего такого нанюхался в детстве, а потом этим заманивал нас, обещая личную свободу <*приписка:* в пахоте сохой>. Но я стал агрономом и понял земледельческий труд без прикрас, а чувство личной свободы понял в творчестве: <*приписка:* попадет в личное творчество земля — прекрасно, бензин —> Так вот, моя жена занимается огородом, я искусством — пишу, ей огород на здоровье, мне он не без пользы... птицы поют: я все такое живое очень люблю. У моего приятеля жизнь идет по-другому, он живописец, большой эстет, но у него ужасная теща и больная жена, чтобы содержать семью, он должен с утра до ночи писать портреты вождей. Ни малейшего [желания], ни малейшей прикосновенности он не имеет к земледельческому труду, но, чувствуя себя рабом своей тещи, он из гордости не хочет сознаться и это рабство относит к машине и держит мечту о натуральном хозяйстве...

Среди нас, пожилых людей, в СССР есть немало таких еще, кто не вполне понял учение Маркса и старается посвоему разбить Кащееву цепь капиталистического рабства. У меня есть один такой приятель, с которым я веду бесконечные споры: я стою за машину, которой человек наконец-то должен овладеть и стать хозяином на земле. Он видит в машине злейшего врага человечества и призывает вернуться к натуральному хозяйству. Мы с этим приятелем совершенно разные люди (см. выше).

30 Сентября. С половины дня 27-го после целого золотого Сентября начались сплошные дожди, Петя уехал учиться, и дупелиная охота наша кончилась. По-видимому, еще бы можно было несколько дней собирать по пятку́. В след. году надо охоту на дупелей гнездовых начинать в первых числах Сентября, рассчитывая на валовой пролет 11—12 Сент., и охотиться после того недели две. Начи-

нать охоту надо с д. Алмазово, где у болотца и ставить машину.

Надо ни в каком случае не показываться на глаза тем дамам, которые влюблены в мои рассказы: это самые противоестественные встречи.

<Приписка:> Сомневаться необходимо во всем, но нужна известная степень культуры, чтобы эта критика основ была с пользой для дела и проходила без вреда для людей: так вот, если земледелец, вчера бросивший землю, сегодня стал механиком и настроен критически относительно высшего знания, — тут беда!

2 Октября. Хватил мороз в – 6°.

Когда на рассвете, усиливаясь к восходу, садится мороз, лист все еще кое-как терпит и держится, но когда солнце поднимется и мороз обратится в росу, а роса сливается в тяжелые капли, то падают капли, сшибая нижележащие, тоже нагруженные водою листы, и чем больше греет солнце, тем сильней листопад. Хорошо присесть в такое утро на пень под лиственное дерево и слушать тихий разговор, и все одно словом всех: ма-ша, ма-ша... Мне вспомнилась из далекого прошлого почему-то под этот шелест «ма-ша» сестренка Маша: что-то чуть-чуть от нее, беленькое что-то осталось в памяти. Сколько было ей лет, когда она умерла? Я не могу теперь сказать. А старше она была меня или моложе, или, может быть, она была еще моложе моего младшего брата? Я сейчас не могу сказать и не у кого справиться, из всех в роду я остался один, и нет могил, нет церкви, возле которой были эти могилы, нет в живых священника. Все прошло, я один, и листик за листиком падают с меня и шелестят свое: маша, маша!

Николай Дедков сказал: — И я должен сказать это, что писателя нашей жизни, нашего человека такого, как ты пишешь о природе, нет.

Опыт дробью стрельбы (для зимн. зверя).

В последние три дня обнаружен пролет вальдшнепов, т. е. выходит так, что с первых чисел нов. сентября следует

искать жировых дупелей (при основной охоте за тетеревами); 11-го—12-го валовой пролет дупелей и охота за ними две недели, после чего вальдшнепы — куропатки — бекасы, затем охота по чернотропу на зайца, по белой тропе на лисиц и зайцев до Рождества и с января на лисиц (и волков) с флагами.

Страница Машки.

Метель, встреча с мужиками.

Как Леву переехал.

Достижение: дупеля — Павловна.

Родина Машки: Парышев, конвейер
сгорела Маша

Дорога:

Желтая опасность.

Росу собирают.

Спички.

Приехал ко мне один читатель и, между прочим, сказал: — Вы пишете о животных и растениях, мне кажется, потому что плохо думаете о человеке. — Гость остался у меня ночевать, и, укладываясь спать рядом с ним, я подумал: — Вероятно, это какой-то мизантроп и хотел мне сказать комплимент. — Рано утром я сходил в лес и принес добычу: двух жирных осенних вальдшнепов. За чаем я рассказал гостю сегодняшний случай со мной в лесу: раздвинул кусты — и вдруг передо мной у дерева в овраге стоит человек в изорванной красноармейской форме и просит у меня спичек; это известно всем, что бродяги приближаются под предлогом закурить и все охотники близко к себе таких не подпускают; но лицо у бродяги было неплохое, а спичек у меня с собой было даже два коробка; я левой рукой подаю ему коробок, а в правой держу свое коротенькое ружье со взведенным курком, чтобы при малейшей его попытке схватить меня за руку дать ему в голову стволом.

— Большая ошибка! — воскликнул гость, перебив мой рассказ, — он мог бы вас убить из револьвера.

— Пожалуй, да, — согласился я, — но мне это не пришло в голову: лицо у него неплохое, и, верно, правда очень хотел покурить.

— Все равно, — сказал строго гость, — в лесу так нельзя, в лесу я крепко держусь за правило, никакому встречному человеку спичек не давать.

На это я ответил своему читателю теми же словами, какими он приветствовал меня при первой встрече:

— Вы слишком плохо думаете о человеке.

Мои вечные спутники <*приписка:* поэты>: Лермонтов, Блок, Есенин; Пушкин тоже бы, но тут начинается вопрос, который, усиливаясь, делает мне совсем недоступными: Брюсова, Маяковского и других подобных больших, в том числе и Гёте. Этот вопрос о рукотворности вещи, мне поэзия должна быть как молитва. Из прозаиков у меня живут: Шекспир, Толстой, Достоевский, Гамсун.

5 Октября. Опять вернулось тепло. Вчера у нас в овраге убил двух вальдшнепов. Сегодня в Алмазове двух дупелей и двух бекасов.

Машина спящая: загородила путь — рядом тлеют угли, можно понять, что ночью остановилась машина, люди грелись у костра и полегли спать (вероятнее всего, выпили). После многих гудков из машины поднялись 6 человек и откатили ее.

6 Октября. Вчера вечером приехали Каратаевы. Сегодня дождь, но мы бродили возле города, убили вдвоем гаршнепа.

7 Октября. Бродил с Османом и Ладой. Рассказы в куриный носок: 1) Мой портрет; 2) Спички; 3) Счастливец; 4) Кадет (Начало: В то время, когда это было, — было не до рассказов, а теперь вспомнишь и, бывает, даже улыбнешься. Так вот было во время наступления Мамонтова в Ельце, когда наши войска, пропустив неприятеля через Елец, ринулись за ним в Тулу. Мы стояли на углу Рождественской улицы и Манежной (не знаю, как они там теперь называются) и глазели. А войска наши все шли, шли мимо

нас в Тулу. Вот видим мы, Иван Парамоныч, известный у нас каждому огородник, возвращается к себе за Сосну из города; нужно думать было, продал капусту — дело-то ведь какое! — и возвращается к своему очагу. Другой бы, увидев войска, обождал бы какой-нибудь час, а Иван Парамоныч, наверно, думает, что войска войсками, а ведь капуста тоже дело. И правильно по-своему думает, но ведь время-то какое! Вот один из красноармейцев берет его лошадь под уздцы и хочет завернуть ее в поток. Иван Парамоныч в драку и ведь как, прямо кнутом по человеку и даже смутил его, но другой красноармеец взял лошадь с другой стороны. Иван Парамоныч и другого огрел. — Вот орел! — сказали возле меня наблюдатели. Между тем мгновенная заминка произвела в потоке целый водоворот и вызвала крупные ругательства со всех сторон. — Орел, орел! — повторяли наблюдатели, видя, как Иван Парамоныч один с единственным кнутом бьет войско направо и налево. Вдруг один острый и быстрый молодой человек, вероятно, командир отделения, всмотрелся, понял, вынул наган, пробил себе путь к телеге, стал на колесо и в упор, лицом прямо к лицу огородника не наганом, а словом, одним-единственным словом...

— Кадет? — спросил он Ивана Парамоныча.

И тот стоял на коленках, а тут вдруг от одного этого слова как подкошенный сел и весь сжался в ничто, будто сразу умер <*зачеркнуто*: и согласился>, и как бы с собственного своего согласия умер. Кнут выпал у него из руки. Командир взял кнут, хлестнул лошадь, поток охватил подводу со всех сторон и повлек. Так вот, какая была кутерьма, а пришел человек, сказал одно слово и этим единственным словом «кадет» привел все расстроенное движение в порядок. Один из наблюдателей возле меня сказал: — А между прочим, какой же он кадет! — Другой вслед за ним: — И пошел кадет в Тулу).

Еще рассказ «Товарищ покойник» (Начало: Другой раз случится, сойдемся и начнем вспоминать...)

Шедевры фото: 1) Весна, 50—60; 2) Нерль, 18—24; 3) Сова, 50—60; 4) Облака, 50—60; 5) Паутина, 18—24; 6) Апатиты, 18—24.

Как сохраняются песни.

На родине у себя старые песни больше не поют: молодые другое поют, а старым не до песен, быт разрушился, и так все это кончилось. Но одна женщина на чужбине тоскует по родине, ей кажется, будто там все по-старому, и на чужбине она, вспоминая, постоянно поет старые прекрасные песни. Мы их очень любим и записываем. Я сам тоже давно покончил со своей родиной, а песни тихонько пою... и дети мои и друзья будут тоже их петь.

Электричество.

В нашем старинном городке нынче все лампады потухли, но электричество наше провинциальное, бедное! — наши электрические лампочки как лампады горят.

Осень.

В ольховом милятнике все листья облетели, но один бледно-зеленый остался, большой висит на уровне моего глаза, и это я иду один по серой массе ольшаника, а единственный лист, кажется мне, идет рядом со мной. Вдруг вальдшнеп свечой над осинником...

Рассказ «Товарищ покойник» (интересен: возможность шекспировского штриха в изображении народа).

Новый <*зачеркнуто:* писатель> человек.

Коля Дедков сказал: — Вот это надо правду сказать, да надо: что нет такого писателя теперь, чтобы так написал бы он, как ты о природе пишешь. — Так написал о ком? — спросил я. — О нас, — ответил он. — А кто это мы? — Новый человек. — А есть у вас в ЦАГИ новый человек, чтобы с него можно было списать? — Нет, такого нового человека нет, но он понемногу распределен между всеми.

Когда мы остались вдвоем с глазу на глаз, Коля Дедков, секретарь парткома, наконец, приступил к чему-то важному, самому главному, что он хотел бы мне открыть после почти 15-ти лет. И он, заминаясь, сказал: — Я тебе это скажу по <*зачеркнуто:* совести> правду, как я твой ученик

и тебя уважаю, я скажу тебе, что партии служу я не как-нибудь, я служу по чистой совести.

Колесо шепчет.

Тормозной барабан задевает за [колодки] и колесо начинает шептать (выписать все детали, очеловеченные «лапки», «зубки» и проч., присоединив сюда и самый процесс очеловечивания: всегда о машине говорят трепня с человеком, будто это человек.

Гвоздик пробил шину. Камеру залепили, а дырка в покрышке осталась, и этой дыркой покрышка постоянно жует камеру.

На соплях.

Весь месяц не поступало материалов, конвейер стоял, а под конец месяца материалы пришли, норму месячную в несколько дней взяли штурмом, но машины поставили на соплях.

Пожар.

Наливал бензин в машину, а фонарь «Летучая мышь» на другом конце капота, у воды, стоял, и все-таки бензин притянул огонь, и бензин вспыхнул и в бидоне, и в баке. Так вот я бидон шапкой накрыл и отшвырнул далеко, а бак шубой и под шубой рукою протянул к отверстию крышку и завернул. И ничего не было, даже не обжегся, только уж, конечно, шапка сгорела.

7 Октября. С утра чистил карбюратор, потом пришел Коля, и с ним возились до 6 веч.

Карбюратор слезит в двух местах — кажется, все словообразование в отношении машины исходит от перенесения на нее человеческих свойств.

Хороша концовка рассказа:

— И никаких гвоздей!

Коля показал мне соединение «по прямому проводу», как сделано почти у всех машин их таксомоторного парка: молоточек прерывателя соединяется проволокой с правым проводом бабины (красным), а бронированный про-

вод от замка к прерывателю отвертывается от прерывателя и колечком как ненужная вещь закладывается за бабину. — Замок в таком случае, — сказал Коля, — тоже, конечно, бездействует и действительно совершенно не нужен — но если бронепровод не отделять от прерывателя и в то же время соединить напрямую, то без включения замка машина не заведется, тогда нужно и напрямую, и замком. — Почему же это так? — спросил я. — Хоть убей, не скажу, — ответил Коля.

Случай с Колей.

Два «симпатичных» молодых человека сели в машину, и в Люберцах один попросился «до ветру». Отворив кабинку шофера, он приставил к животу Коли наган, потом ударил его по голове раз, два, взял за шиворот и швырнул в канаву. Машину же завели и поехали. Очевидно, для их мокрых дел нужна была машина. Но не проехали они и километра, засорился бензинопровод, и машина стала.

Странствующая машина.

На рассвете путь наш оказался загражденным спящей грузовой машиной, на обочине дотлевал костер. Мы дали гудок, другой, третий. Поднялся один человек со всклокоченными волосами, потом другой, третий... шесть человек. Трое стали впереди, трое сзади налегли, откатили машину к обочине. Я дал сигнал, что проезжаю, один из шести стал, как милиционер, сделал фигурный жест пропуска, другие полезли спать в машину.

Полумеханик Скоропустовского завода.

Карбюратор рассыпался — помогите! Фары как выеденные глаза, аккумулятор без проводов. Ругает шофера, что не дал инструментов. Мы помогли, и, работая, один из нас сказал: — Вот так и всё у нас. — Да, да... — живо согласился инженер, и по тону понятно было, что он рад бы продолжить на эту тему: т. е. что у нас во всем государстве... Но я понял и сказал: — Я хочу сказать, что не в государстве, а у вас на заводе всё так, как на этой машине. — Инженер спохватился и стал <*приписка:* ругать шофера> нести о машине какую-то нелепицу. Вечером мы возвра-

щались во тьме, впереди вспышки какие-то и <*зачеркнуто:* выстрелы>. Мы приглушили мотор, и стало нам совершенно так, будто с той горки нас обстреливают: вспыхнет и бах! вспыхнет и бах! Мы некоторое время были в замешательстве и вдруг догадались: это машина идет такая! Мы догнали машину и сразу узнали: это наша утренняя машина без фар, без сигнала, без аккумулятора медленно шла, гремя мотором, стреляя из карбюратора. Но инженера не было в машине. И стало понятно: инженер вернулся на завод пешком, шофер проспался, и вот теперь машина возвращается. Мы спросили шофера, кто был этот человек, назвавший себя главным инженером С. завода. — Завод наш маленький, — отв. шофер, — большого начальства нет у нас, а это полумеханик. — Что это значит? — спросили мы. — Это значит помощник механика, а как у нас нет механика, то и зовут: полумехаником.

<*Зачеркнуто:* Журавлиная родина> Убитый народ.

Я думал, что машина открыла мне глаза на убожество Жур. родины, но Е. П. сказала, что нет, не машина, а колхозы отняли душу у крестьян, и когда без души жизнь, то и кажется теперь удивительным и странным, что мог жить в таких условиях и радоваться жизни, что теперь «убитый народ».

Старая машина.

Учиться ездить надо на самой старой, никуда не годной машине, чтобы на каждом километре нужно было прочищать карбюратор, проверять дистрибутор, снимать и чинить камеры и покрышки, подвертывать болтики, тяги, регулировать тормоза. Поездив на такой машине, каждый будет дорожить новой машиной и поддерживать ее в порядке.

<Приписка:> На свою машину смотрю я как на торф: там растительная масса наслаивалась.

Происхождение антропоморфизма.

Очеловечивание машины происходит по другим причинам, чем антропоморфизм растений и животных, там

исходят из веры в единство души в плане мироздания, тут единство человека в труде: что машину делал сам человек, глядя сам на себя, что машину действительно взял с самого себя, и в ней откладывался человек обезличенно, как трава в торфе, и так напластование человечины, всегда могущее перейти в действие: что это конденсатор человечины, сохраненный труд... (Зимой ледяная и вдруг 2000°.) Это и есть «будущее» (будете летать, будете... и пр.): отнятое настоящее? Упование на легкую жизнь, между тем как легкость определяется личной заинтересованностью...: «интересно» и трудится Петр с утра до ночи. Теперь кулаки...

Новые кулаки.

Петр Мих. с утра до ночи работает, и все у него есть: и по две пары сапог, и валенки, и одежда всякая, и ест хорошо. И этих новых людей Екат. Мих., старая чиновница, называет «кулаками»: Так сложилось и теперь: кулаки, лодыри и рабы. Надо сделать так, чтобы человеку было «интересно» работать, но он не превращался бы в кулака. А где границы законной и незаконной спекуляции? Общественный человек превратился в чиновника.

Анализ жалости к машине.

Это, во-первых, гражданско-хозяйское чувство (вспом. негодование на людей, когда рыбы задохнулись подо льдом): «машина неповинна»: все лодыри сваливают на машину. Это «естественное» хорошее, присущее коренному общественному человеку чувство сбережения общественного добра. И жалость к машине особенно остра, потому что машина не изгородь, даже и не поле, в ней человечина гуще, чем на поле, где <*зачеркнуто:* человеку сама земля помогает> человек ковырнет, бросит семя, и все само растет.

Чувство личной ответственности.

Почему это именно я распоряжаюсь человечиной (мотив из «Жур. родины» «заслужил»).

Это еще и власть.

Всякая власть есть сила общества, осуществляемая личностью. Таким образом, «человечина» в машине и есть об-

щество, водитель — часть машины, а хозяин и есть властелин... «во власти маленький обыкновенный ум, являющий носителя власти, благодаря соединению с человечиной увеличивается в тысячи раз, как элемент А, последовательно соединенный с элементами а, $а^2$, $а^3$ и т. д. Умный во власти это сознает и говорит не «я», а «мы»; дурак воображает, будто все это он сам.

Два человека.

Води-тель и хозяин: спец-человек и парт-человек. Спец-человек — это среднее между человечиной и живым человеком, идеал живого человека, чтобы спец-человек (водитель) был как руль, сливался с машиной как ее составная часть. Все живое боится мертвого, и вот отчего наши шоферы все безобразники. Надо включиться в организацию живых и мертвых как спец-часть машины, причем ты сам не знаешь, куда попадешь, к живым или мертвым. Начало:

Этот анализ — должен привести к анализу современного соц. требования, чтобы человек сделался хозяином машины... Вот и выходит: идеал шофера — часть машины, он делает, что велят ему живые и мертвые, он ничем не отличается от карбюратора; чтобы сохранить в себе «я», он должен отдать часть его машине и свободную использовать для себя — разделиться надвое, или, как кустарь, машину употребить для себя; социалист загадывает в будущем меньше и меньше отдавать из себя машине, а в остальном быть свободным все более и более, а «быть свободным» — это значит властвовать над машинами, но ведь машина есть человечина, как торф, откуда же браться этому торфу, добровольно никто в торф не пойдет.

Машина и торф (см. дорога в Купань).

На свою машину смотрю я как на торф: там растения, теряя свою форму и жизнь как отдельных существ, сохранялись в растительной массе пласт на пласте на пользу будущих веков; тут в машине человек, не прожив себя до конца, отдавал свое личное в человечине на пользу будущих поколений.

За время революции, я по себе это знаю, мы шли от личной собственности к общественной, мелкий собственник становился служащим, и действительно, некоторые из прежних даже самых закоренелых собственников сумели найти личный интерес в делах общественных... На этом пути совершилась прежде всего утрата вечного и заключился волей-неволей мир с временным, проще сказать, раньше человек такой мечтал о собственном каменном доме, теперь он помирился с квартирой в каком-нибудь коммунальном доме. <*Приписка:* Собственность и вечность как-то связаны. Новый человек: собственник своих способностей (с вещей собственность переходит на способности <*приписка:* создающие вещи>).>

<На полях:> Коварное лицо времени

Прибавочная стоимость.

Итак, чужие люди, буржуазия, брали с нас прибавочную стоимость и обращали ее на пользу своего класса, теперь свои берут еще больше и обращают на пользу своего класса. Итак, чтобы мириться с таким личным опустошением в пользу своего класса, надо чувствовать себя в глубокой солидарности с этим классом и жертвовать собой. <*Зачеркнуто:* Огромному большинству> Множеству русских людей поступаться-то особенно нечем было, и они, не теряя ничего, прямо и утверждались в общественном и этому служили как себе лично (не испытав даже личной жизни). Совершив дело, перегорев в этой вспышке, они потом доживали ветеранами...

<Коварное лицо... Коварная личина времени>

<*Зачеркнуто:* Сколько было таких людей, как поэт Луговской, который в «Известиях» напечатал поэму «Мой путь в РАПП», а на другой же день в этих же «Известиях» помещено было правительственное распоряжение о роспуске РАППа.>

Сколько всего прошло, а моя фирма Михаил Пришвин продолжает неизменно с 1905 года оставаться на своем пути и выпускать теперь книги даже и того далекого вре-

мени. Скрытый враг постоянно отстраняет меня от успеха и признания в данном отрезке времени, но когда этот отрезок проходит и наступает другой, то мне начинает казаться, что тот скрытый враг на самом деле был мудрым другом моим и охранял меня от успеха в том отрезке времени. Так вот один поэт напечатал в «Известиях» поэму «Мой путь в РАПП», а на другой день эти же «Известия» напечатали распоряжение правительства о роспуске РАППа. Благодаря сокровеннейшим друзьям моим, в данном отрезке времени принимающим облик врагов, я в естественном своем приспособлении ко времени не пережил унижения и существую в медленном росте с 1905 года.

Кто этот сокровенный друг? Я не думаю, что это Горький и даже вообще кто-нибудь лично. Скорей всего, это сила, исходящая из совокупного действия живых и мертвых, поддерживающая своих любимцев, и это уже мы, ее любимцы, невольно по своей привычке представляем ее в форме лица.

9 Октября. Желтые остатки на дереве. Золотистый ковер на низу по грязи. Туманно, тепло, иногда моросит чуть-чуть. Мне хочется писать не то, что надо бы, а что пишется. И так это хорошо! Попались в руки фотографии, изображающие позы совокупления, ничего они лично мне не сказали, но я подумал вообще о счастье того множества, которое в данный момент совокупляется: как это хорошо!

Игрушка.

Мальчишки на улице меня совершенно замучили: мочишь, сушишь, трешь замшей, фланелью, полируешь, а они подходят к машине прямо как хозяева и грязными руками себе полируют. Кричу одному сорванцу: — Брось, это тебе не игрушка! — А он мне в упор: — Как же не игрушка? — Я задумался над решительным его утверждением и решил так: машина, конечно, вещь деловая, но в то же время она и самая интересная игрушка. Дальше я думал о том, что в машине значительней: что она есть деловая вещь, или что она игрушка? Вопрос не так просто ре-

шается, потому что ведь детей на свете больше, чем взрослых, и взрослые живут ведь для будущего, а дети живут для себя и в настоящем. Детей больше еще и потому, что всякий живой, незабитый взрослый человек, сохраняет в себе ребенка и тоже, как дети, играет чем-нибудь, а еще деятели искусства, художники всякого рода — все как дети, и дело у них подчинено творчеству игрушек для взрослых. А какой хозяйской походкой приближается мальчишка к машине. Да не в этом ли секрет и смысл и реализация всего нашего: мы рабы наших детей.

10 Октября. Вчера вечером Лева приехал. Пойдем с ним сегодня.

Как у Бухарина все умно, складно и правильно, — даже завидно.

А это, что все для детей, — это моя самая старинная мысль, и не она ли изнутри меня руководила моими действиями и сохранила до сих пор в ценности для людей и мою жизнь.

Характер Османа — дома нельзя было надеть на него ошейник, а когда лез сегодня в нору, дался и все время охоты был добр и ласкался, но когда в норе изорвал себе лапы и ему стало плохо, он и на нас стал рычать, и так всегда: сыт, здоров, ему хорошо — он и нам пальцы лижет, а чуть ему плохо — и мы ему плохи, рычит, и не подходи, укусит.

Письмо из колхоза нашей Пане от двоюродной сестры: «...нам все уже говорят родные учиться быстрей и лучше, чтобы не пахать землю плугом и не чистить лошадей». Я бы хотел: «чтобы землю пахать с пониманием и чистить лошадей со старанием, колхозу нашему на славу» и пр. Ефр. Павл. говорит, однако, что это ничего: тех, кому землю пахать и детей рожать, слишком довольно останется, хватит.

Богатая смесь.

Лева сегодня после охоты рассказал матери, что от моего костюма на воздухе шагов на десять даже как-то осо-

бенно пахнет. — Это я знаю, — ответила Павловна, — тут много всего, бензин, тавот, дупелиный жир, заячья кровь, собачья ласка и много, много всего, это богатая смесь.

Свобода: идея свободы возникает у взрослых людей на материале пережитого детства, и из этого возникает искусство, которое есть сохраненное детство.

Итак, «лучшее» человечества, его золотой век от каждого человека находится недалеко, золотой век находится в его детстве, и если даже детство не удалось, все равно представление о золотом веке, быть может, еще ярче является из горечи сравнения себя с другими детьми.

Золотой век у людей вышел из золотого детства личности, но и этого золотого детства тоже, может быть, не было, а нет — вот и хочется, так и золотого века не было, а хочется...

<*На полях:*> *Осман: лай, простота. Сборы.*

Машка: Новая дорога.

1. Жалость к машине
2. Тема: обратно к золотому веку

(Кто-то сказал, что люди, сохранившие в себе детство, являются украшением мира)

Тяга к «природе» и есть этот путь (к детству).

Вопрос: а «золотое детство» не есть ли создание тех, кто лишен был (праздника, подарков, игрушек).

«Детство». Детские переживания — это исходный основной материал создающейся личности, на этой основе многие сходятся, и так является «детство».

<*На полях:*> *<Зачеркнуто: О воронах.> Прошло много веков лабораторного естествознания, пока ученый одумался и, посмотрев на окружающее глазами обыкновенного человека, стал делать такие простые открытия, что, напр., ворона тоже улетает в теплые края. А галка?*

Будьте как дети!

Мы будем: и это путь художника, который создает игрушки для взрослых тем, что пробуждает в них ребенка.

«Чудесное»: в детстве все чудесно: т. е. то, что я как художник чувствую и в чем убеждаю людей без мистики, без сказок: просто, как ребенок, чувствую чудесное в самой жизни и всеми доступными мне средствами языка, стиля, мышления стремлюсь убедить людей, уничтожая в них отраву привычки.

Что же это, «привычка»? Не сам ли это Кащей? Не в том ли дело художника (творца), чтобы разбить Кащееву цепь и освободить заключенного ею ребенка?

Способность глазами ребенка, как будто «в первый раз» посмотреть на привычное всем.

Все-таки, что же это, привычка? Что-то вроде инерции, автоматизма: навык (вековечные навыки, привычки, свычки, вроде жвачки вечножующих).

Привычка меня часто обманывает, схватив в чем-нибудь навык, я начинаю действовать автоматически, и долго выходит, как вдруг проявится поверхностно заключенное навыком своеволие, и весь навык летит (опасно с огнем и порохом)...

От человека требуется автоматизм (взрослые — рабы) и в то же время свобода инициативы (детство — гении).

Золотое детство — это есть тайный замысел разбить необходимость привычного...

Итак, что же это привычное? Навыки отцов, школа, государство, рабство, труд, общество: инерция всей громады человечества, идущей по пути усвоения — открытия личности (напр., открытие Америки). Вечножующий организм времени требует возобновления жвачки, и тогда является гениальный Колумб и открывает для жвачки Америку, и так вплоть до повседневной, комнатной жизни каждого человека: что в буднях изменяет привычка? За-стой?

Вот прошли годы бунта с их реквизицией и наступили годы порядка с их блатом (с точки зрения бунтаря Литер А города есть блат).

NB: анализируя повседневную жизнь, находить в ней моменты необходимости образования привычек и навы-

ков и моменты необходимости разрыва и обращения к логике «золотого детства».

Эпоха блата: ОТС СССР
Рассказы в куриный носок: не-обходимость

<*На полях*:> *Я пришел в ОГПУ просить себе разрешение на Коровинский браунинг № 1. Начальник ОГПУ улыбнулся:*

— Чего вы улыбаетесь, товарищ?

— Коровинский браунинг, — сказал он, — это не оружие.

Хорошее произведение искусства при первом взгляде на него заставляет человека молчать, и самые лучшие ценители долго ничего не говорят, а предоставляют все времени: когда сживешься с вещью, то все о ней само скажется. Мы сейчас в отношении критики словесного искусства живем как самые умные люди, предоставляем [это] непосредственно самому читателю. Придет время, и явится из читателя критик. Вот этого критика я жду с большим волнением, уверенный в том, что он оценит мой труд.

Вчера смотрел на густую зелень стены елок, осыпанных желтыми листьями осин и берез, и задал себе вопрос: эта сказка елей происходит у меня от Рождества, или же сама моя рождественская сказка явилась от осыпанной снегом елочки и, значит, эта же елочка долго спустя после смерти моего «Рождества» создаст в новом поколении новое и тоже прекрасное Рождество?

Иного человека коренная обида заставляет взяться за перо, другого за браунинг, и это люди совершенно разной природы. Чтобы взяться за перо, надо пережить стыд про себя, от чего-то отказаться, смириться, что-то необходимейшее для всех обойти и, затаив горе, оттуда начать свой путь, как будто ничего и не было себе самому. Революционер непосредственно не находит лично для себя в жизни выхода и мстит...

<*Приписка*:> *быть можно тоже [и] революционером, но исходящим не прямо от личного... и вот это и есть Бог, самый-самый тот Бог. Этому не надо давать имя:*

это сущность творчества, и учить людей слушаться Бога надо только примером собственного творчества жизни.

<На полях:> *Коровинский браунинг: капитан Коровин создал себе имя, испортив браунинг.*
Диамат. Не-обходимость
(к серии рассказов «Куриный носок»)
Трамвай — коллектив
«Гайка полетела».

Какой-то Коровин... Верно не знаю, но мне кажется, что браунинг первоначально было имя человека, изобретателя автоматического пистолета, а потом это имя человека стало именем созданного им пистолета, как все равно был физик Реомюр и превратился в термометр. Я вижу в этом отмирании личного в вещах глубочайший смысл органического творчества в человечестве, подобный накоплению солнечной энергии в торфе: были растения, каждое со своей индивидуальностью, и стал из них торф, резерв солнечной энергии, так был человек Реомюр и превратился в термометр, был Браунинг и умер в изобретенном им пистолете. <*Зачеркнуто:* Если подумать хорошенько, в этом есть великое утешение смертным: не даром умирать.> Однако бывают случаи, обратные этому естественному творческому процессу. Так вот какой-то Коровин, никому неизвестное имя, стал всем известен тем, что испортил автоматический пистолет, получивший название Коровинского браунинга.

12 Октября. Небольшой мороз. Ездили к Торбееву озеру с Петей и Юрой. Убили двух зайцев. (Всего теперь три).

Осман прост: если ему плохо, напр., раскапывая лисью нору, изранил себе ноги и лежит, стоная, то не подходи: зарычит и укусит; если ему хорошо и хочется на охоту, — лижет кончики пальцев, стремится завалить человека, прыгнув ему на грудь, и проч. В автомобиле с началом движения начинает лаять, совершенно как на гону, и чем скорей едешь, тем чаще лает. Петя сделал предположение, что быстрое движение автомобиля для него является как

бы гоном, который у него автоматически соединен со способностью лаять. К недостаткам Османа относится его перемолчка в то время, когда он надеется зверя поймать, это очень сбивает охотника. Для устранения этого недостатка Юра предлагает сделать лающий прибор, который включается, как только Осман закрывает рот, и выключается, когда он сам начинает лаять.

Утро современного охотника. Подробности мойки, заводки автомобиля, усаживания собак и проч. и проч. вплоть до поездки с лаем...

Начальник Юра (Юр. Ив. Тимофеев, Рождеств. Бульв. 15, кв. 8, между Трубной и Сретенкой). Краснощекий парень, начальник + начальник еще чего-то + инструктор стрельбы и т. д., а 21 год от роду. Я ему стал говорить о том, что при помощи большого мастерства в стрельбе можно сделаться как бы художником военного дела и преодолеть военщину, уничтожающую личность. Пожалуй, при этом я скорее имел [в виду] рядового, в положении которого спасти свою личность не то что труднее, а как-то пример освобождения убедительней. Но он понял меня по-своему и на слова мои «посредством отличной стрельбы можно освободиться...» живо подсказал: «и не быть рядовым».

Теперь я начинаю понимать это нечто отталкивающее меня у пионеров, комсомольцев: это что они не дети и как бы прямо и родятся начальниками. Но это именно и нужно для нашего времени, для нашего народа. (Мелкие черты: ложась на ночь, потребовал щетку, чтобы утром встать и все готово; вежливость; собранность, умение быть внешним и оставаться самому при себе.)

14 Октября. Барометр на буре. Дождь. Небо как матовое стекло камеры.

И вот как ясно теперь представляется сущность революции с точки зрения жизни русского народа: был пассивный народ и стал активным: родился новый человек, начальник, октябренок, пионер, комсомолец, — все это рост начальника, и не варяга, не барина, а...

Начальник. (Рождение начальника).

В крике ребенка есть властное требование, и нет сомнения, что у всех народов дети одинаково по-детски властно требуют от старших внимания к себе. Был этот властный крик детей и у нашего народа, которого старшие учили нас понимать как народ, выполняющий обет православного смирения. Пусть это правда, народ волей или неволей смирялся, но дети-то ведь, наверно, кричали и требовали свое и тогда. И вот они дождались, наступило время, когда голос детей был услышан, и по всей стране в несметном числе явились дети-начальники, октябрята, пионеры, комсомольцы.

19 [Октября] – пишу. 16-го Сплошной дождь, ездил в Москву дергать зубы, вернулся; 17-го, а 18-го с Петей и Юркой гоняли зайца.

Вчера утром был мороз, в лесу большом ничего, а поляны в мелколесье на рассвете белые. Среди звуков сирен, моторов, железнодорожных гудков, грохота поездов стараемся уловить лай по зайцу нашего гонца. Птицы и звери наши очень легко привыкают к звукам механизмов, обслуживающих человеческие потребности, и преспокойно живут возле рельс, по которым через каждые полчаса с грохотом и свистом проносятся поезда. Но мы, люди, никак не можем связать в одно целое при наступлении утра звуки природы: кукушку, перепела, соловья, шелест листьев со звуками нашей собственной жизни, которую мы сами устраиваем. Даже ошибки, расстройства в природе легко прощаешь и считаешь «естественными»: петушок у соседа и сейчас неверно кричит, заикается и ничего, утру не мешает, а есть один в городе моторчик, он день и ночь пыкает на каждом четвертом такте с подсвистом, и это человека, внимающего звукам природы, и сводит с ума. Выйдешь послушать утро и плюнешь, а потом живешь, работаешь как бы на зло кому-то, вроде как бы мстишь... Со временем люди раскаются в этом и будут для молитвы подниматься куда-нибудь высоко в стратосферу или научатся обслуживать свои потребности беззвучно.

Сейчас в октябре на березках остались редкие, но зато самые золотые листики, а может быть, они и не так ярки, как облетевшие, но теперь, когда все стало так серо, так тускло, они как из настоящего чистого золота и даже как будто светят немного. Еще только чуть-чуть продвинемся дальше в нашей жизни вместе с поворотом планеты, и ветер сорвет и рассеет это последнее украшение и провоет в трубу: «нет утешения!» Вот тогда-то я наконец отрываю от себя от жизни природы и начинаю работать, перемогая напором собственной жизни умершее...

Смотрю на рабочих людей при станках, отдающих все свое внимание ходу машины, погруженных в свое дело, и думаю о животных, — что животное очень легко обмануть, когда оно наестся и ляжет, а человека обмануть легче всего, когда он погрузился всем своим существом в работу. Вот почему рабочих издавна во всем свете обманывали люди другой породы, которые по секрету шепчут друг другу: «дураков работа любит». (Хитрость — оружие глупых, и вот умному не мешает пользоваться и этим оружием.)

Ржавое утро, все ржавое в тумане, и вальдшнеп вылетел ржавый, как все. Я вскинул ружье и промахнулся, и больше этого вальдшнепа я не нашел, он исчез, и других не было: он был последний в этом перелете. Так бывает утром, когда встаешь и собираешься жить одно какое-то мгновенье единственное, как этого вальдшнепа, упустишь его, не соберешь себя вокруг него — и весь день прошел рывками, случайно, кое-как (см. раньше о листике).

Валик заело.
Свет моргает.

Повесили на окнах нарядные занавески, в простенках зеркала и портреты вождей, и непременно в каждом вагоне проводник, а в буфеты на станциях люди идут, не толкая друг друга, если вход, то во вход, и если написано «выход», то не пользуются этим, как раньше, для входа. И в самом буфете чистота и даже неплохо стали кормить, но только по-прежнему нет чайных блюдечек и бледно-жел-

тый крутой кипяток, заменяющий чай, люди несут из буфета в стаканах пальцами часто с искаженными лицами от боли и страха, что не донесешь и упустишь стакан.

В чистом поезде главное хорошо из-за проводника, — что чувствуешь себя защищенным от всякого безобразного случая, столь естественного в условиях пути. На первых порах такие проводники сознают важность своего положения и смотрят за всем в вагоне очень внимательно. Вот одна женщина повесила на крючок у окна возле нарядной занавески свою базарную сумку, и проводник вежливо просит ее снять.

— Для чего же крючки? — спрашивает женщина.

—Для чистой одежды, — отвечает проводник.

Увидев мой хороший чемодан, лежащий на полке вверху, проводник осторожно подвинул его вперед так, чтобы он был у меня постоянно в поле зрения...

— С этого бы и начинать, — сердито сказала потревоженная женщина, — изведите воров да нищих, а потом и лоск наводите, а то кружева развесили, а деловую сумку держи на руках... и чемоданчик из глаз не выпускай...

Многие сочувственно поддакнули, но делегатка в красном платочке своими служебными глазами впилась в бунтующую женщину и сказала ей строго:

— Повесили кружева, зеркала, а потом и за воров примемся.

После того и поднялся всеобщий спор в вагоне о том, с чего начинать, с чистоты или с воров.

<*Зачеркнуто:* Волчья жизнь> Волк.

<*На полях:*> *Из серии «Богатая смесь»*

Раз пришел ко мне пожилой человек, в гетрах, в плаще очень поношенном, в шляпе измятой, борода нечесаная, палка огромная, — бандит или уцелевший народник семидесятых годов прошлого столетия. Ночлега и приюта он от меня потребовал, потому что я писатель, а он поэт. Я сам открыл ему калитку, и мне было неудобно закрыть ее у него под носом, пришлось впустить и затем принять все меры предосторожности. Поэт мучил меня три дня рассказами из своей жизни и стихами. Началась у него эта

бродячая жизнь будто бы с того, что он собрался лишить себя жизни <*приписка:* повеситься>, но в последний момент вдруг передумал и так решил жить как уже как бы после себя, считая, что с собой он покончил, а жить просто свидетелем. Не возвращаясь домой, он <*приписка:* отломил сук, на котором хотел повеситься, сделал его своей палкой> взял с собой вот эту палку и пошел прочь <*приписка:* в пространство, обходя войну: как услышит крики, так в сторону, и обходит войну>, и вот уже скоро будет 20 лет, как он идет, ночуя летом под кустом, зимой у добрых людей, читая им за хлеб и соль свои стихи... Мне он тоже много читал. Все это были жалкие перепевы чужого, и оно ничего бы: ведь так же, перепевая настоящих <*зачеркнуто:* поэтов и писателей>, живет огромное большинство артистов! но так было невыносимо думать, что этот человек, из-за этого ложного остатка <*приписка:* из-за этой лжи> в себе согласился жить, ночевать в кустах... обманывать добрых людей и брать ни за что у них для себя кусок хлеба. <*Приписка:* Первый день пребывания поэта я негодовал, второй раздумывал, в третий пришел к заключению:> «Не стоило! — думал я, — он ошибся, что отломил сук, надо было повеситься».

И с какой стати мне с ним церемониться! Мне особенно неприятно было слышать его цинические рассказы о добрых женщинах, которые обмывали его <*приписка:* как Христа>, чинили его рубашки, кормили, веря, что он пострадавший от советской власти священник. Так он обманывал этим добрых женщин, и, наверно, стихами своими тоже многих обманывал добрых учителей каких-нибудь, учительниц в захолустьях. Но меня? Нет, я не дамся.

— Стихи ваши, — сказал я, — плохие перепевы чужого. Из-за этого я не стал бы ломать сук...

Я все резко сказал. А он, как соструненный волк, метнул на меня тот свой волчий взгляд.

Я же, начав, хотел все продолжать и еще прибавил ему, и взгляд его из серого волчьего становился изжелта-пронзительным, и чем-то уже страшнее волчьего, вроде как чертом. Мне вспомнилось, что волк, черт и голодный мужик в родстве.

И это мне прибавляло, и я этого волка в одежде соловецкого попа и поэта все колол и колол за всех обманутых им добрых людей.

Вдруг он перестал злиться и, как с волками тоже бывает, вдруг сдался.

— Будет, — сказал он, — я вам прочту те стихи, которые никому никогда не читал, а пишу для себя. И не печатаю!

И прочитал о волках и метелях, все это волчье наше старинное русское, в кустах и дорогах шоссейных и проселочных, вой этот...

Все это я знал по себе. Меня схватило за сердце. Но я не переменил своего: все равно это был волк. Только я не мог держать его больше. <*Приписка:* Нет, конечно, в совести своей я его презирал, но сердцем сдался: я не мог больше держать этого волка и отпустил.> Я отпустил его и сказал: <*приписка:* взял его палку, внимательно посмотрел на нее и, передавая хозяину, сказал: Виноват, я>

— Я ошибся, — сказал я. — Из-за этих стихов стоило жить.

— То-то! — ответил он.

И ушел.

— И черт с тобой! — сказала вслед ему моя женщина, принужденная убирать за ним, насекомых парить...

Волк.

К этому начало: — Бывает, когда среди мирной птичьей жизни появляется в небе хищник — ворон, галка или еще проще, и голубь летит, так вот хочется почему-то, чтобы ястреб поймал того голубя: интересно. Мне случилось самому видеть, как голодный волк выскочил из куста и прямо с подводы вырвал из рук у мужика собаку. Нет у меня, конечно, жалости к этим хищникам, и я бью их беспощадно, но интересные они. Тоже ведь и у нас, у людей, живет это волчье вечно голодное существо. Раз пришел ко мне...

Необходимость. Диамат.

Мы шли с одним студентом весной на тягу. Он готовился сдавать зачет по диамату (диалектический матери-

ализм), и мы болтали с ним, разрешая с ним разные чудные вопросы, которые любят иногда ставить экзаменаторы, вроде того: «почему нельзя едущих в трамвае людей назвать коллективом?» Часто беседу нам приходилось обрывать из-за невозможной грязной дороги, которую местами нужно нам обходить лесом. И случилось, пришли мы к целому омуту грязи на дороге. Попробовали обойти лесом налево, — там было болото, попробовали направо — и там еще хуже. Что же нам делать, у обоих у нас сапоги были для этой грязи слишком коротки. Тогда студент, не выпускающий мысль свою от диамата, сказал:

— Ни прямо нельзя, и направо, и налево нельзя обойти, это не-обходимость.

Мы посмеялись.

— И вот этого, — сказал студент, — хоть убей, не пойму в диамате, что будто бы свобода есть сознанная необходимость. Вот пример: оба мы сознаем не-обходимость, а между тем свободы никакой не получаем...

Опять было нам смешно.

В самом деле, получалась какая-то полная не-обходимость и на земле, и в мыслях... Между тем глаза наши искали выхода и заметили на елках у нижнего сука грязь: это по тесно стоящим елкам люди перелезли.

Мы посмеялись вместе и крепко задумались. К счастью нашему, несколько елок у дороги возле омута грязи так тесно сошлись суками, что мы по ним, от сука на сук, сравнительно легко перелезли.

Радостно ступив на твердое место на той стороне омута, я сказал студенту:

— А ты говорил: не-обходимость.

— Свобода! — ответил студент, тоже перебираясь ко мне с сука на сук.

Вот наконец-то я понял эту труднейшую мысль диамата: вот уж действительно, что свобода есть сознанная необходимость: увидели, осознали и переползли над самой не-обходимостью.

Начальник.

Он был очень прост от природы и оттого именно стал начальником, и от этого, что стал во главе, сделался уже

не так прост, как был, и когда люди сложные, желая угодить ему, принимали вид таких же простых, каким он был сам от природы, то он это сразу угадывал и гнал их от себя беспощадно. Передвигаясь все выше и выше, он, естественно, усложнялся через огромный свой опыт. В конце концов, сила его возрастала, как в батарее последовательно соединяемых элементов: один элемент — одна сила, два элемента — две, три — три, и так без конца.

И такие все начальники, потому что это есть свойство власти, что в ней простейшее растет умножением себе подобных, у животных, напр., собак, этого нет, там для силы в тысячу собак нужна их тысяча, а у нас, людей, так устроено, что одна собака может распоряжаться как тысяча, оставаясь в природном существе своем обыкновенной, простейшей собакой.

Мысль эта о природе власти мне пришла в голову через начальника Юрку (21 года) вчера:

Бьюшка заметила белку на земле, помчалась за ней с огромной быстротой и через это заставила белку взобраться на первое дерево, и случилось, что этим деревом была совсем обнаженная теперь осина. Можно было только рассмотреть белку снизу, но даже что шкурка ее была вовсе серая и уже не было на ней ни единого желтого пятнышка. Убить Пете такую белку из дробовика ползарядом ничего не стоило, но он хотел доставить удовольствие Юрке, чтоб он стрельнул в нее из своего пистолетика. Стал его звать, он пришел. Петя ему показал, и он убил. После того он поднял белку и попросил у нас зачем-то кусок газеты. Мы ему дали, он завернул белку в газету и положил себе в сумку. Петя улыбнулся, а Юрка ничего не заметил, понимая так, что раз он убил, белка — его.

Петя же мне говорил потом, что эта простота Юркина объясняет ему множество странностей в вузовском обиходе. Бывает, судят за что-нибудь товарища, кажется, так сложны обстоятельства проступка и невозможно решить, виноват товарищ или нет. Но у ребят невероятно просто и скоро решение, скажет один исключить, и вдруг все поднимают руки за исключение. И вот через ту белку все стало понятно: чрезвычайная упрощенность этих судей, не

допускающих никакого колебания, раз — и готово, и один как все.

<На полях:> сердце и совесть

Мечта о порядке.

Бывает со мной, что я вдруг увижу, как запустил я свой письменный стол, книжный шкаф, оружие, сразу схвачусь, начну чистить, прибирать. И тогда в процессе этой работы является у меня доверие к мечте о возможности какого-то высшего, внутреннего порядка, из которого бы сам собой являлся бы и внешний порядок. Иногда мне кажется, что этот высший порядок должен являться из какого-то момента собранности, что можно заставить себя в определенное время дня, в какой-нибудь предрассветный час собираться в себе и потом весь день уже работать радостно и верно. А то бывает, наоборот, кажется, что высший порядок должен начаться от внешнего, прибрать, например, у себя кровать самому поутру, взять за правило сметать пыль, всегда напоминающую о своей отсталости, и начнется порядок в работе. Первый путь, похожий на утреннюю молитву, ощутимых результатов, мне кажется, не давал и являлся у меня просто взамен творчества, или, вернее, «вдохновения». Но порядок внешний каждый раз давал ощутимые результаты и влиял на внутренний, но только, к сожалению, ненадолго, и я даже не знаю, быть может, наличие этого самого «вдохновения» вызывало желание заняться внешним порядком, чтобы, цепляясь за него, реализоваться в творчестве. И так вот всю жизнь — до 61 года я дожил! — и все мне кажется, что вот как-нибудь сразу соберусь в себе и начну какую хорошую, славную жизнь, из которой ни одного дня, ни одного часа даром не выпадет.

Порядок:

I. Два подвала в «Известия»: 1) Маленькие рассказы; 2) Шоферские рассказы.

Богатая смесь.

Маленькие рассказы: 1) Спички; 2) Счастливец; 3) Волк; 4) Диамат. Шоферские рассказы: 1) Полумеханик; 2) Желтая опасность.

II. Однотомник у Волина.
III. Птушко.

20 Октября. Начало опыта.

Дождь. Лева пишет, что в охотничьем журнале собираются мне дать собачий отдел или, может быть, даже и сучий. Так глупо, что почти даже и не укололо. В авторемснабе, к великой радости, дали мне запасные части. Работа в области самособирания.

Распутье: писать большую вещь или рассыпаться по всем газетам миниатюрами?

21 Октября. Люди у машины все равно как неверующие попы в алтаре налаживают богослужение, тоже как и знахари разные, колдуны и еще хуже: там в церкви делают не так, но большинство сознает в глубине себя, что есть где-то и «так», но не было еще учителя такого, кто бы властно сказал нам, что машина — это священная вещь, что в ней сложены ум, сердце, воля множества людей на благо нам, идущим вслед за ними. Разве подходят к машине благоговейно, разве ведут себя возле нее <*приписка:* мало-мальски> пристойно? Неверующие, пьяницы дьячки, совершая какую-нибудь гнусность возле священных предметов, озираются по углам, не хватит ли их за это неведомая сила. Но тут вот собраны в организм усилия живых и мертвых, тут вот они шейки, щечки, пальчики... <*Приписка:* и человек возле машины ведет себя как возле камней и думает, она его не видит. Нет, граждане, видит, и если не скажет — я скажу, глядя на нее, что вы в тысячу раз гнуснее дьячков.>

Торф и машина: торф делается в природе без всякого вмешательства человека, и множество такого прямо чудесного и драгоценного в природе люди относят к делу Творца и благодарят Его сотни тысяч лет. Но почему когда явно видно, что «чудо» сотворено насквозь человеком, то чудесная вещь рассматривается только как полезная и самое слово «машина» закрывает воображению все выходы из только полезного?

Робот.

Механический человек, Робот, чем-то пугает нас — чем же? Я думаю, тем же, чем лошади пугаются, видя машину: «тоже бежит, а не лошадь!» И тут Робот, «тоже живет, а не человек!» Но в каждой машине есть скрытый Робот, и вот это именно есть самая суть машины, и это именно надо изобразить: то, что заменяет человека, и заменяет, потому что да — это человек.

Шофер Коля Куликов
живет только глазами и руками, смотрит и щупает, выражается поговорками:

— Пик, мик, портной, сапожник и сам в кусты.

— Видали мы ваши медали, и кресты на́шивали.

У шофера должен быть слух кошачий, а нюх собачий (напр., если пробка в картере пропустила масло и оно теряется, когда оно вытечет, то будет гореть, потому что баббит плавится только при 2000° и перед этим запах гари — нюх кошачий, затем начинается стук в моторе — <*зачеркнуто:* слух> нюх собачий...).

С самоваром ехали
(радиатор кипит)

Сильнее смерти. Мопассан: вероятно, герой повести, художник, очень близок автору, и потому его близость к нам необычайная, кажется, вот он тут где-то, рядом, свой и как бы даже родной. И вот еще что: раньше светское безделье, в обстановке которого развивается роман, не так бросалось в глаза, как теперь.

22 Октября. Как будто с боку на бок переворачиваясь, где-то во тьме пыхнул: «пых-пых!» на всю округу паровоз и свистнул. Вслед за тем петух прокричал, и я, понимающий себя в этот заутренний час как ребенка... Да, я это не легко, не для красного слова говорю, а с усилием и с твердостью, что встаю до света, чтобы застать в себе еще сохраненного ребенка, исчезающего на восходе, когда я принимаюсь за дело как взрослый человек. Вот петух прокричал, и мой ребенок стал спрашивать и думать. Пе-

тух ведь сам прокричал, и никто не понимает, зачем ему это надо и как это у него выходит: тут неизвестное. А в крике паровоза, напротив, — паровоз пыхнул от машиниста Мартыныча, у которого козы: тети Панина порода, от нее и у Мартыныча козы; и живет Мартыныч с тетей Паней, нашей соседкой, а когда напьется, за ним приходит жена, и наша соседка провожает, впереди идет соседка, а <*приписка:* [жена]> позади Мартыныча и прислуживает, когда у канавы он покачнется. Правда, и петух известно чей прокричал: это петух Рыжего, который потихоньку дерет лошадей и этим живет; но все-таки петух сам, а Мартыныч завел паровоз. Вот именно теперь к этому и направлены усилия, чтобы покончить со всем неизвестным петушиным и все заводить самим, как машину. Я же вроде того, что в машине хочу открыть «петушиное» начало, то неизвестное, что скрыто в машине. Нам действительно еще неизвестен человек как личность, кто овладеет машиной и будет она ему не как порабощающая сила, а своя, как Петух у Рыжего.

Усилие теперь поглощает поэзию, нужно сделать, закончить план, чтобы освободилась из всех этих полезностей поэзия, как ребенок: мы ведь не думаем о своих детях как только полезностях в будущем, и не все дети станут потом полезны, но всех их мы бережем. Точно так должна быть и поэзия, и, может быть, вступая в борьбу за освобождение машины, я вступаюсь за поэзию?

Бывает, идешь в лесу долго, устанешь и так обрадуешься, если увидишь впереди телеграфный столб. Но ближе подойдешь, и окажется это не столб, а дерево такое старое на болоте, давно умерло, само собой ошкурилось, обломалось наверху и стало издали совершенно похоже на телеграфный столб. Подойдешь к такому столбу, тряхнешь — и он весь летит вниз, распадаясь кусками. Снимется, и нет ничего, остается только мечта о дороге с телеграфными столбами. Так странно человек устроен: живет в лесу, и чудятся улицы с электричеством, а если долго ходить по улицам с телеграфными и всякими столбами, до чего же хочется уйти в дикий лес! Мне снилось сегодня...

Снилось мне, будто я в лес вошел, в большой, густой, темный, и мне было чудесно дышать в нем и слушать пение птиц, но в лесу этом каждое дерево было помечено топором. Мне стало тяжело наслаждаться жизнью в лесу, где каждое дерево было предназначено к срубке, я пошел дальше в глубину, но и там деревья были помечены, и я шел дальше, и там тоже все отмечено, и так я все шел и шел, и конца не было: везде так чудесно пели птицы, купаясь в зеленом свете, но деревья везде были помечены.

23–24 Октября. Возле Наугольного охота с Османом и Бьюшкой 23-го, убили 5 белок. Бьюшка, зажмурясь, впилась в [барана] и плыла с ним (в речке возле Сваткова). Осман погнал возле Сорокопустского завода только вечером. Сегодня возле Смены убили вальдшнепа и белку. Погода очень теплая, самая-самая последняя жизнь...

Говорили с Б. о том, что все на свете можно включить в систему мира как органического целого, но только нельзя включить машину, даже такую, как Робот. Мы можем говорить о жизни дерева как низшей жизни, сравнительно с нами, но все-таки в основе такой же, как наша, но мы не можем говорить так о жизни машины: Б. говорил, что в ней сознания нет, но ведь и в дереве сознания нет; я думаю, потому нельзя говорить о жизни машины, в смысле нашей жизни, что нет в ней индивидуальности, как во всяком органическом существе, той индивидуальности, благодаря которой дерево само растет, а самолет не сам летит: в машине все мертвое, и сам только человек, пускающий ее в ход, в машине сила природы получается от солнца (нефть) и силы человечины, сохраненной для нас в труде (тоже часто без доступа воздуха).

Как ни полезны еще теперь лошади, но все-таки можно уверенно сказать, что скоро-скоро автомобиль освободит человечество от позора унижения прекрасного животного и для лошадей начнется сравнительно с кошмарным прошлым чудесная жизнь. Мы это уверенно можем сказать <*приписка:* Но посмотрите на кляч, какие они унылые,

пойдите убедите их>, и, глядя на лошадей, почему же не подумать и о возможности лучшей жизни для человечества, когда машина возьмет на себя самый тяжелый труд человека. <*Приписка:* Но люди, как унылые лошади, никак не могут забыть о себе...> размышляя о человеке, надо прежде всего забыть лично о себе, чтобы не получался эгоморфизм в отношении человека, подобный антропоморфизму, когда мы думаем о животных; как же это можно забыть о себе? Это возможно только в самозабвении творчества, когда при страшной напряженности жизни «я» переходит в «мы» и сохраняется в нем, подобно тому, как сохраняется, например, имя физика Реомюра в термометре, который просто и зовут <*зачеркнуто:* наш реомюр> Реомюр. Наше будущее прекрасно, как и у лошадей, все водовозные клячи исчезнут, а мы все оставшиеся будем заниматься только творчеством.

Почему говорят, что машина освобождает от работы, между тем как никто этой свободы не чувствует, и даже напротив, человек делается рабом машины? быть может, освобождает кого-то? Кто же это, кого машина освобождает? (Меня, напр.: я не хожу на охоту теперь, а езжу, не пишу сам пальцем, а пишет мне машинка)... но людей рождается все больше и больше, и часть их должна делаться частью машины... часть эта увеличивается от размножения людей и размножения машин и уменьшается с «освобождающей» силой машины (напр., возможно управление автомобилем и по радио: один радист освобождает, положим, 99 шоферов, хотя этот радист более порабощен, чем шофер); итак — формула прогресса: размножение людей + размножение машин < освобождающая сила машины + наращение силы рабства для обслуживающих людей: конец этому: все свободны и счастливы, кроме одного самого несчастного во всей истории человечества раба, управляющего всем рабочим механизмом человечества. Дать образ этого раба: это инженер: «ни минуты свободного времени» — в социализме эта обязанность разделяется между всеми: итак, мы разделим «грех мира» (рабский труд) между собой поровну.

25 Октября. Тепло продолжается.

Машина — это рабочая система, заменяющая труд людей и животных. С понятием машины мы соединяем представление о чем-то неживом и даже прямо противоположном живому: ма-ши-на! Главный признак живого — это явление случайного как следствие индивидуального. Механизатор борется с индивидуальностью, художник во всем ищет индивидуального. И тем не менее художник не является творцом жизни, а только ее качества: на пути к творчеству жизни художник сознает свое бессилие, и если смиряется, то делается слугою Творца, если бунтует, создает демонические образы, имеющие претензию жизни...

Все это надо обдумать и как бы поставить вехи на том пути, по которому пойдет моя Машка.

Партийные.

Детский доктор Софья Моисеевна рассказывала нам об одной семье, где она теперь лечит детей. — Партийные они? — спросил ее муж. — Нет, кажется, нет, — ответила Софья Моисеевна. Через несколько секунд она вдруг что-то вспомнила и поправилась: — Ах, нет, конечно, партийные. — А ты что это вспомнила? — спросил муж. — Да вот вспомнила, — сказала Соф. Моис., — у них прислуга живет, им «ты» говорит, и они ее сажают вместе за стол: у партийных ведь прислуга наравне поставлена с хозяевами. Конечно, партийные... а что? — Да ничего, я так, а это верно: если прислуга с ними на «ты», значит, партийные.

27 Октября. Москва.

Кино (Птушко). Книжная лавка. Лента. Бритва. Фото. Рассказ «Лада».

Переговоры с Левиным. Знакомство с Леной Погосянц. Расширение Берендеева царства (орнитолог).

28 Октября. Москва.

Религия жертвы (христианство): тело в жертву добровольно как несущественное и через это свобода и спасение духа и собор (жертв). А там индивид-хищник (хищники расклевали церковь, ничего не осталось).

Социализм показал всем закулисную жизнь, и вера исчезла, все идеалы христианства упали с высоты своей и глубоко зарылись в земле. Но мало-помалу отдохнули, и произросли из этого новые цветы. Надо ждать, что земля осилит и поднимет...

Рассказ «Лада» <*приписка:* Кащей> для колхозного журнала.

Плохо, что друг человека, собака, мало живет и нельзя никак сохранить любимую собаку на всю жизнь одну. Сколько их у меня было! и ведь с каждой расставаться было не легко, и рассказывать об этом не хочется и незачем. Я рассчитывал, что моих немецких легавых хватит мне на всю мою жизнь, умерла знаменитая Кента, от нее остались красавица Нерль и добросовестный Дубец. От Нерли я рассчитывал получить потомство, как вдруг и Нерль, и Дубец погибли, и я остался один, без собак. Это было весной. Кликнул клич по Москве, и один охотник дал мне знать, что у его брата под Коломной два года сидит на цепи кобель, немецкий легавый, вполне породистый, но совсем дикий. Охотник спрашивал меня, возможно ли после двух пустых полей в третье натаскать легаша. — А моя Кента! — сказал я, — она ко мне поступила на третий год, и какая собака вышла! — Если возьметесь, — сказал охотник, — брат вам даром отдаст. — Почему же даром? — спросил я. Охотник помялся и ничего не сказал. Послал я за собакой, и мне ее привели, — кожа да кости, Кащей, настоящий Кащей, а породой вполне собака классовая. Натаскивать собаку мне разрешили в заказнике Военного охотничьего общества в Завидове: «Буду натаскивать, — думал я, — и ознакомлюсь с интересным заказником». На месте мне в охотничьем домике дали отдельную комнату, и устроился очень хорошо, разложил вещи по местам и, между прочим, ветчину положил на стол...

Одноличники: 1) Рубашка (из-за чего девица жизнь свою загубила); 2) Еловые шишки (ткачиха бросила фабрику: в Москве был спрос на шишки, мода на шишки: самовар ставить) она занялась, а по осени — ее не взяли.

Кащей: Брат хозяина собаки мне так объяснил, что мать Кащея была знаменитая Норма, и она была так дрессирована, что если на скамье положить ружье и ее, а самому уйти за билетом, то никто не сумеет взять ружье. У сына же ее это осталось как чувство собственности, его не дрессировали, а чуть [провинился], посадили на цепь, и мальчишки дразнили. — Некоторые черты... собственника, и Кащей-то тихий, а...

29 Октября. Москва.

Старики.

Стареющему человеку часто неприятно встретить на улице такого же, как сам, стареющего и понимающего в другом по себе приближение неизбежного часа. Нередко на улице можно подметить эти <*зачеркнуто:* злобно> неприязненно скрещенные взгляды. Раз было один такой молодящийся старик направился через гущу экипажей к Большому театру, и другой шел ему навстречу. Они заметили друг друга и шли как в зеркале, и одному казалось, что на него идет его обезьяна, а другому — его: у каждого из нас ведь есть своя страшная обезьяна. Их разделил на секунду трамвай и несколько автомобилей. Один, выждав момент просвета, прыгнул вперед, и другой тоже прыгнул в тот же просвет, и они встретились, как, бывает, изредка встречаются на прыжке два человека среди экипажей: можно обоим успеть, если бы строго держаться своего права и лева, но так приходится, что направо совсем безопасно, а налево надо успеть. Есть ведь в толпе и такие два прекрасные <*зачеркнуто:* существа>, что один, не колеблясь, умрет, уступая место другому. Но старики, утеряв на секунду друг друга, вдруг неожиданно на прыжках встретились... Можно, можно было вполне спастись, если бы одному направо, а другому налево, но налево было чуть-чуть безопасней, и оба прыгнули налево, и оба вцепились друг [в] друга, чтобы спихнуть и самому проскочить.

Мы, свидетели, дали потом показания, что водитель грузовика неповинен: затормозить? — он так тормознул, что все слышали визг, но машина по скользкому асфальту юзом прошла. Нет, они погибли только потому, что сами себя ненавидели...

<*На полях:*> *Озолопин: Полумеханики.*
Во Христе и во власти...

30 Октября. Так было поздно по осени, так водливо (в болотистых лесах), так сыро-туманно, что в лесу пахло рыбой и сырыми черными раками. Но, я замечал, когда вода или мороз — да мороз еще больше! — все равно, вода ли поздней осенью или мороз зимой, убивающие распространение различных запахов зверей, насекомых, птиц и растений, создадут однородную среду в отношении запаха, из каких-нибудь ничтожных пустяков наше собственное личное воображение создаст свои особенные. Трудно сказать мне, в какой степени эта особенность свойственна всем, но поздней осенью или зимой у меня обоняние работает так же, как музыкальный слух у глухого Бетховена. Мне что покажется тогда или вспомнится, тем и запахнет...

<*На полях:*> *Радек (начало)*

<*На полях:*> *Обязанности: Мурзилка, Алексеева*
Неуловимость Юрки
Осенью не пахнет
Казенная выборка картофеля

В Москве у Накорякова и в Тараберках одно и то же чувство, одна тема чувства: во Христе и во власти. Писатели, середняк и молодняк, просили меня поднять за них голос (уничтожение МТП и ЛТП — отдало их во власть ГИХЛа и СП). Но Накоряков мне рассказал, что это хирургия: бумаги нет, дурной писатель искусней хорошего пользуется условиями издания — он издается, а хороший до масс не доходит, так лучше же отрежем тех и будем большим тиражом издавать и доводить до масс только хороших. — А неопределившийся молодняк? — Вы молодой где начинали работу? — В газете. — И их тоже в газету...

В результате беседы я нахожу себе остаток интеллигентского... как это назвать? В Тараберках я это испытал по-другому, там нас «народ» обвинял как профессоров, которые «поели их хлеб»: эти бледные дети, камнями и палками швыряющие в машину, эти матери... они бы

в клочки растерзали меня теперь с большевиками, как растерзали бы с помещиками, если бы я не убежал от них в литературу и не скрылся бы в ней.

К этому всему зверью, именуемому народом, мы подходили с Христом (не называя Его) и находили, конечно, там и Христа и кого угодно и, сами глупенькие, играли в дудку ловких политиков, ссылаясь на это хорошее, живущее в народе требование крушения настоящего государства и создания нового, прекрасного. Между тем этот же земледельческий народ, в массе своей народ совсем не любящий своего дела и связанный с землей только своим рождением, значит, просто сказать, некультурный народ, ленивый, ничего общего не имел с «богоносцем» (какой-то исторический размол); тут двойная ошибка интеллигента: первая, это в Христе: подмена своего тайного властолюбия; вторая, в народе: навязывание ему чего-то вовсе несвойственного роду-племени.

В результате Машка на Журавлиной родине — это не то, что Берендей на своих на двоих. Из машины виден иной народ, чем в скитаниях: раньше я видел в нем себе подобных личностей, теперь я смотрю из кабинки на их дело и вижу достоинства и недостатки труда земледельческого народа: раньше бывало, в это время, поздней осенью, сидел разве кто-нибудь на картошке — теперь сидят; раньше спешили повыбрать картошку и забраться на печь; теперь трактор работает и ложатся [раньше], но видно по картошке, что все-таки работа казенная: слишком что-то много плода на борозде, и ясно, выбирают не так тщательно, как раньше. И еще про себя рабсила жужжит: это как пчела крылышками, так человек про себя потихоньку. Бабочка чем хороша и особенно прекрасна и <*зачеркнуто:* осмелюсь сказать> свята, что, летая с цветка на цветок, собирая пыльцу, оплодотворяя растения, работая, как все, совершенно молчит, а пчела, работая, жужжит: если бабочка «святая», то пчела, по-моему, просто труженица, и я не назову ее святой до тех пор, пока не узнаю до точности, о чем же именно она жужжит. Так вот и колхозники на полях работают хорошо, а прислушаешься к каждому отдельному работнику — и он жужжит, как пчела.

Начало в «Известиях»: В одной из своих литературных статей, здесь, в «Известиях», т. Радек, узнав где-то, что я, известный природолюб, наследник Аксакова и Тургенева, занялся машиной и сижу на автомобильном заводе, сурово определил: «это — не путь».

Он ошибся, применив общее современное требование к личности, — чтобы каждый имел место свое в общем деле, а не заменял другого — ко мне, будучи незнакомым с моей индивидуальностью. И вот я вынужден начать свой рассказ о машине с себя, объяснить, почему же это я, природник, вынужден заниматься машиной.

А вот было в старое время, в 1914 г., когда только что началась война, один старый священник в Новгороде как величайшую свою тайну открыл мне, что он сегодня молился за императора Вильгельма... В то время я был немного патриотом <*приписка:* как многие интеллигенты>, немцы на первых порах мне представлялись приблизительно как теперь нам фашисты, я священнику так сказал: — Если вы, отец, за Вильгельма молитесь, то почему бы не помолиться за черта? — Отец широко открыл глаза и ответил мне так: — <*приписка:* Я думаю, всем это без того понятно:> За это существо я уже давно молюсь.

Был же вот такой путь у человека! и я тоже теперь, имея в своих сочинениях мир чудесных зверушек, дерзнул присоединить к нему машину. Я не знаю, возможно ли это, приучить машину к себе, к личности своей, к самости, как живую собачку Нерль. Дрессируя породистую Нерль, я ведь ничего не нарушаю, я только искусно напоминаю ей о ее предках: собака через меня вспоминает заложенные в ее крови культурные навыки ее предков. Под моим руководством собака как бы вспоминает (своего рода платонизм).

Точно так же мне хочется прикоснуться к машине так, чтобы сознание, труд, связанные с этим горе [и] радость моих предков сложились в будто бы мертвые детали моей машины, [чтобы] пробудилась [воля в моей власти] и я вошел бы в связь с моими предками, и те мне бы помогли быть на Журавлиной родине.

Все вокруг меня теперь и на всем свете, пользуясь машиной, подпадают под ее власть и не в шутку называют ее явлением черта. А я хочу согласно с новым нашим временем, идеалами нового соц. строит-ва сделаться хозяином машины, [овладеть ею]... и уничтожить ее нынешнего хозяина черта, или, как я называю, Кащея... В крайнем случае, если я ошибся, если я затеял непомерное и машина есть действительно зло (черт), то я могу сесть на черта и, как у Гоголя, добыть черевички...

Меня сейчас уже предупреждают враги машины: — Смотри, как бы... — Суеверие, — отвечаю, — никакого нет черта в машине, это мы сами, наше воображение... мы создали строй, в котором через машину [создаем] другого человека. — Нет, нет, это не путь, если вы ошибаетесь, если есть то существо? — Черт? пусть! Тогда я, как Вакула-кузнец у Гоголя, сяду на черта верхом и достану своей возлюбленной царицыны черевички.

Вот какие мысли я имею, принимаясь за изучение машины, я об этом думал, когда, не считаясь со временем, не зная совсем, нужна ли человеку машина, я написал Молотову как шефу машин просьбу дать мне машину.... Ведь мне хочется как-то на новый путь [выйти] в своем творчестве...

А т. Радек пишет, что это не путь...

<На полях:> Мемуары

31 [Октября] — 1 Ноября. Последние дни.

Поехали в 2 ч. 31-го в Переславище и вернулись домой в 3 ч. 1-го Ноября. Тепло, чудесно. Красота последних дней осени, когда на севере уже и реки стали, и у нас кое-где на реках шуга и сало. В теплую осень [хороши] густо-зеленые озими и на них ярко-желтая сурепица, а дальше внизу между елочками дубки и все в синем и фиолетовом и таком тонком сумраке, цветистом из синего в фиолетовое сумраке...

Гуси.

Встреча с гусями: бледный человек и две женщины с ветками и с охромелыми гусями под мышкой: тысячи гусей.

Сколько усилий автомобилю, чтобы не задавить, и сколько усилий гусям, чтобы их шажками дойти до Загорска несколько десятков верст, и сколько путается в огромном тысячном стаде автомобилей, а вот почему-то нельзя взять один-два и в полчаса все покончить... 31-го мы встретились с ними в 2 часа дня за Иудиным и на другой день в 3 часа догнали возле Деулина: за сутки отошли на десять километров!

Зверь и среда.

Ястреб-тетеревятник сидит на скóле разбитого молнией высокого [ствола], вырубка в пнях, закрытых малинником. Тетерева знают, что ястреб следит, и высунуться из малинника не смеют. Одна тетерка с выводком вышла на прогалинку, к свету: ей с цыплятами нельзя долго быть в сырости. Она тоже помнила ястреба и пряталась, но ее соблазнила одна ягодка малины, висящая над пнем. Она прыгнула на пень, схватила ягодку, и в это мгновенье ястреб заметил и бросился. Выводок остался без матки.

И так все в природе: герои действуют в широкой, чрезвычайно разнообразной среде; если же взять этих героев, напр., ястреба, тетерку в зоопарк и там смотреть на них в упор, интереса к ним никакого не будет. И мало того, среда, в самом человеке начинается особенная жизнь, слитая вместе с этой средой, если он знает, что в ней таится какой-нибудь тигр. Всю жизнь не встретит, но только знает, что может быть, — и глаза на все глядят по-иному и ушки рóжками стоят.

Бабочка вовсе неслышно летает с цветка на цветок, но ведь она тоже, как и все, работает, а пчела работает и жужжит, напоминая всем, что она работает. Конечно, улей растет, но о чем жужжит каждая отдельная пчела, собирая мед для улья, никогда не узнаем мы, кушая мед. Так вот и наши колхозники работают не как бабочки, а тоже как пчелы жужжат.

С малолетства мне привили чувство жалостливого внимания к этому жужжанию, как будто этот труд у земли не как наш всякий другой труд, а вот именно труд,

<*приписка:* «туга»> в собственном смысле слова <*приписка:* «туга»>, остальные же виды труда есть хитрость, придумка, смекалка, позволяющие пользоваться хлебом, добытым крестьянами. В этом жалостливом внимании к крестьянскому труду воспитывались поколения русских интеллигентов, доходившие до такого самоуничижения, что они бросали свой «умственный» труд и тоже начинали пахать. Никогда я не был с этими людьми, но от жалостливого участия до сих пор не могу себя отучить и ловлю себя: вот Домна Ивановна...

А может быть... Сам народ, крестьяне, земледельцы по рождению своему на земле, но не по любви к делу, издавна смотрели на свой труд как на необходимость, на судьбу, обрекающую человека на вечное рабство. Вот почему великорусский народ, занимавшийся с незапамятных времен земледелием, оказался самым неземледельческим в мире народом, питающим ненависть и презрение к своему труду. Так своеобразно и совершенно неверно понимаемый труд приводит к неверному пониманию ученья, культуры и тому подобного. Мы взяли себе в домашние работницы из «Смены» девушку Паню, подучили, и вот отрывок из ее письма к своей подруге на родину: на совет Пани учиться, подруга ей отвечает...

<*На полях:*> *Где-то есть колхозы образцовые, у нас подмосковные колхозы в борьбе... Бабочки...*

<*Зачеркнуто:* Отвращение> Презрение к такому труду помимо неправильного понимания ученья привело к неправильному пониманию власти, даже какой-нибудь бригадир — это уже «начальник», значит, скрытый или откровенный враг того, что называется трудом и работой. Вот обыкновенный роман Одноличника и Любы. Бригадир...

<*Зачеркнуто:* Такова предварительная история, а вот ее заключительный конец>

Мать, у которой осталась одна дочь, озлилась: дочь не дам в колхоз: там у них работа... Все это нам рассказала Домна Ивановна в числе других новостей, собираясь ночью стеречь овин: <*1 нрзб.*> [платят] ей за 4 часа, и рабо-

той этой она дорожит. Мы провожали Домну Ивановну, чтобы ей не страшно. И вдруг ночью говорит: — Век не работала, и ей работать не дам.

1) Осень: трактор: пахота ярового — достижение. Картошку убирают, подозрительно мало. Пчела и бабочка. 2) Домна Ивановна и курица. 3) Ученье (дети Домны Ивановны): письмо. 4) Начальник.

Где-то, конечно, есть чудесные колхозы, и там, наверно, все хорошо, но у нас в подмосковной тайге, описанной мною в книге «Журавлиная родина», колхозный народ еще далеко не отошел от предрассудков даже в самом понимании земледельческого труда. <*Зачеркнуто:* Раньше я не особенно обращал на это внимание, потому что по Журавлиной Родине пешком ходил и разговаривал по душам с людьми себе подобными: в самом деле> В большом народе всякие люди есть и всякие дремлют таланты. Идешь, бывало, <*зачеркнуто:* пешком> по Журавлиной родине, находишь человека по себе и думаешь: вот он народ! Теперь я еду на машине по той же самой Журавлиной родине...

Глаз не видит и сердце не болит!

Пришел описывать. Пиши! Стал писать, то-се и нет ничего. А дом? Не могу же я тебе кусок дома отломить. Нет ничего, режь — кровь не пойдет. — А куры? — говорит. — Право искал на месть. — Какие куры? я тебе говорю: режь — и кровь не пойдет...

Бедная Домна Ивановна! Сколько раз давал я себе слово не обращать внимания на жужжание крестьянина, и вот опять жалко: даже курицы нет! Разве достать ей в птицетресте? Поутру иду машину заводить в сарай, гляжу — на машине рядком штук пятнадцать сидят, да еще и породистые, а сама Дарья Ивановна с фонарем в руке кормит маленьких цыплят <*приписка:* это цыплята от самоседки несвоевременные: раз — что удивительно, второе — что она их приучила к фонарю, и третье — что ведь она же вчера говорила>...

— Дарья Ивановна! — говорю, — а как же вы говорили вчера, что режь и кровь не пойдет и что нет у вас курицы.

— Так ведь это же я ему говорила.

— А где же куры были, когда он был, и где его глаза?

— Он же днем был, а куры днем ходят по улице.

Чугун.

Есть ли ископаемые, нет ли их вовсе на Журавлиной родине, трудно сказать, и не в этом дело: главное, что их ищут и тем дают направление мыслям и чувствам и определяют разговор людей на досуге: все бабы на Журавлиной родине говорят теперь, что будто бы в лесах и по болотам прошла девица в синих штанах, с молоточком на плече и открыла чугун и что теперь леса вырубят, болота осушат и будут чугун добывать...

Машина.

Описание по тысячам и по деталям, напр., замок (однако, проверить надо, — замок или шоферы, которые не хотят возиться и валят напрямую).

Блат.

Есть одна тема, которая имеет всесоюзное значение, и если бы какому-нибудь журналисту удалось бы эту тему ясно раскрыть в ее истоках, то он заслужил бы себе надолго славу. Я говорю о том, что теперь называется «блат». Происхождение блата всем понятно, он рождается в условиях распределения продуктов при недостаточном их производстве. Раньше, бывало, распределитель товаров, свободная торговля собирали специально людей с совестью «не обманешь, не продашь». Теперь этот грех торговли как бы распределяется на всех людей, и каждый в большей или меньшей степени пользуется блатом. Рождение блата в производстве: крупные начальники планируют и назначают впустую, а тот, кто стоит у производства, решает (похоже на «грех», разделяющий дух и плоть). Еще вот что: никто не может рассердиться на блат: всякий им занимается — раз; второе — никто в этом блате персонально не виноват и блат есть то, на что все должны смотреть сквозь пальцы, блат есть временно допускаемый <*приписка:* но по существу незаконный> обход закона. Пример на заводе: Хромированные детали: начальники ссори-

лись — их нет! Явился блат с читателем, тем, кто их делает — и я получил.

3 Ноября. Весь день дождь. Горло не в порядке. Сижу и пишу «Богатая смесь».

4 Ноября. 1-й Зазимок.

Богатая смесь.

Если время прошло, то людям того времени, кажется, не следовало бы вовсе показываться на глаза <*зачеркнуто:* вновь пришедшим>: <*зачеркнуто:* у нового времени более быстрые ноги, это всем известно> сиди на пенсии или на печке и жуй мемуары. Сколько я исходил пешком троп и дорог в родной стране, сколько тихо беседовал с невидимым попутчиком — есть о чем рассказать!

Все это вздор, между прочим, что теперь говорят, будто наши старые дороги были никуда не годными. Неправда! Наши старые дороги достаточно хороши были для езды на телеге, и во всяком случае они были лучше, чем нынешние для езды на автомобиле. Вот именно в этом-то и дело, что новое время приходит на бóльшей скорости <*приписка:* с бóльшими требованиями> и открывает глаза нам на безобразие старого <*приписка:* а не то, что как теперь думают, будто все старое само по себе безобразно>.

Я это живо почувствовал, когда стал не пешком ходить по стране, как раньше, и не на телеге, а на машине: вот тут и мне открылись глаза на старое, и я увидел это старое в современной дороге, в современном человеке. Брюзжать можно, конечно, и сидя в машине, и даже я заметил как общее правило, что человек, садясь в мягкие подушки и пассивно отдаваясь необычайной скорости, как будто чуть-чуть глупеет. Но если сам шофер, сам механик, сам, если чего-нибудь не хватает — бензину или детали — вынужден бывает прибегнуть к какому-нибудь «блату», тут хандрить некогда. И ничего, поездив так год, мне кажется, я уехал далеко от старого времени. <*Приписка:* и потому я называю свои шоферские рассказы не бедная, а богатая смесь. Технически же «Богатая смесь» означает некоторый перерасход горючего, впрочем, вполне соответствую-

щий напряженному строительству нашего времени.> Я свои новые шоферские рассказы <*загеркнуто:* потому> называю «Богатая смесь», а не «Бедная смесь», что, во-первых, «богатая смесь» созвучно со временем, и во-вторых, технически «богатая смесь» означает некоторую ненормальность в расходе бензина, перерасход горючего, вполне понятный в связи с колоссальным напряжением всех при новом строительстве.

Машина так стонет на плохой дороге, такие поют «соловьи», что жалко (машину) становится, совсем как хорошего человека в скверных условиях, и тогда мне кажется, будто в старое время разлад между телегой и большаком был меньше, чем теперь между автомобилем и шоссе. Брюзжать, конечно, можно и сидя в машине, и даже я заметил как правило, что человек, садясь в машину и пассивно отдаваясь необычайной скорости, как будто чуть-чуть глупеет. Но если сам себе шофер и механик и сам вынужден доставать «по блату», если чего-нибудь не хватает, то брюзжать некогда, и жалко становится машину и с ней людей, убивающих силы в ее создании. Я свои новые шоферские рассказы назвал «богатая смесь», а не бедная, потому что «богатая смесь» технически означает некоторый избыток в расходе горючего, соответствующий нашему бурному времени.

5 Ноября. Нечистая сила (тема и название). Кончен рассказ для «Известий» — «Богатая смесь» (титул книги).

Мужики всегда бывают довольны, веселы и уважают того человека, кто их выведет на свежую воду, как будто не сами собой плутуют, а находятся под влиянием, или даже в плену нечистой силы.

7—8 [Ноября]. Горболысая белка и синеручка.

7-го ходили с Каратаевым за городом, 8-го с Федосовым (Алексей Владим.) охотились на «Красной Коммуне» (<*приписка:* колхоз> Муханово) на зайцев и лисиц.

Новая жизнь — это молодая жена или самое меньшее новый дом в неизвестном краю, а лучше всего молодая жена, но в новом доме.

Новая жизнь как невеста: кому как… и что в будущем — неизвестно. Есть не только в сказках, а в действительной жизни для всякого живого человека путь в небывалое. Дайте руку, читатель, помогите подняться.

Есть не только в сказке, а в действительной жизни путь в небывалое. Новая жизнь как невеста: кому как придется.

Конец рассказа: Богатая смесь:

Зиночка садится со мной в машину, и я везу ее в школу.

Машина стонет на старой дороге. Я везу Зиночку в школу. Ей бы шесть верст идти по старой дороге полтора часа, но хотя и стонет машина, я могу доставить девочку туда всего в <*зачеркнуто:* десять минут>. Времени у нас довольно. Возле богатой озими я заглушаю мотор.

— Зиночка, — говорю я, — посмотри, какая прелесть вокруг, неужели же и ты учишься, чтобы только уйти отсюда и где-то сделаться начальником?

— Нет! — ответила решительно девочка.

Ей было очень трудно мне всю себя объяснить, но я помог ей и подсказал. Потом я показал девочке огни, сигналы, позволил нажать ногой на пуговку, держаться вместе со мной за баранку. Тогда мотор запел свою чудесную песню, и дорога в школу на ковре-самолете явилась нам как путь в небывалое.

Блат на земле (начало блата у шоферов), на небе (самолет) меньше.

10 Ноября. Рассказ о собаке: Осман прост: ему плохо — рычит на людей, ему хорошо, есть хочется, на охоту — пальцы лижет. Раскулачили барского егеря (Комолова), Османа взяли в стаю. Там он перекусал собак и егерей. Убили (хорош как одинец и на службе одному, а в стаю таких не принимают и их нужно убивать: это убеждение Федосова изобразить так же просто, как прост Осман: плохо — рычит, хорошо ему — лижет; так же точно просты и требования стаи: и это понимают лучше всего немцы). Злобность у русских гончих от мидилянов (из Мидии — восток).

Не знаю, чем это Федосов мне как-то не понравился. Вот, напр., он говорит, что охота — это счастье, что охотник самый счастливый человек; — но ведь это я так всегда говорю, а если Ф. скажет то же самое, мне кажется, будто мою мысль взяли и показали ошибку мою на примере самого Федосова: вот он говорит то же, а какой же он счастливый человек... Очень неприятно, вслушиваясь, вглядываясь, вдумываясь в другого человека, догадываться о себе: многое есть в себе такое, как будто в интимном состоянии очень значительное, а если то же самое увидишь в другом, оно же и отталкивает. Вот, кажется, если бы это не ушло в другого напоказ всем в каком-то неприятно-недоделанном виде, а осталось бы только при мне и я бы это додержал в себе до срока, то оно бы хорошо было и красиво.

Отдал «Богатую смесь» Бухарину. Очень интересно узнать его мнение, если не напечатают: почему? Я даю в этом рассказе пример правдивости и жизненности.

Все эти Зоричи и Эренбурги, непосредственно соприкасаясь с вождями, всасывают в себя генеральность линии партии и пишут по этой канве, между тем как сама генеральная линия, эта кривая ожидает от писателя вехи...

Петя в своем вузе голодает: месяц ежедневно капуста; а снабжение тоже московское, как и в Москве в университете; явно воруют. Протест нормальным порядком, через бригаду, невозможен: бригада сама в воровской цепи; индивидуальный выкрик влечет исключение. И все молчат одинцы́, подчиняясь необходимости стайной обработки.

<Приписка:> *Одинец, который, прогнав круга два, начинает зайца ловить — конечно, умней всех других собак, но по закону стаи он должен погибнуть: в стае гонцы не должны быть умнее известной нормы.*

Вот это и есть современная тема: найти и оправдать законы стайной необходимости.

(Кулак, осознавший необходимость работы для общества, становится мастером. Слово «мастер» нашло теперь себе особенное применение, и в последнее время даже уче-

ных стали называть мастерами науки. Так вот и в собачьем деле гениальных индивидуумов называют одинцами, а индивидуальных способностей собак, нашедших применение в стайной работе, называют мастерами.)

Примеры стайной обработки на Беломорском канале (заметили, что кулаки мясо любят, и стали лучших из них мясом кормить). Официально — стайная жизнь, неофиц. — блат: и даже полуофициально — блат. (Зазубрин: хорошее имя для Одинца.)

Класс или стая: классовая собака. Одинец и мастер: пережил в себе одинца и сделался мастером в стае. Вопрос был не в противопоставлении себя стае как одинца, а в стайном положении. Иной вовсе не одинец, но, не имея положения в стае, ведет себя как злобный одинец — дайте же ему положение мастера. Есть ли такой одинец, которого нельзя соблазнить никаким положением в стае. Есть одинцы, которых нельзя соблазнить никаким положением в стае, и это действительно одинцы, а не стайные работники (а то бывает, не одинец он и не лишенный положения мастер, а просто зазубрина в нем, и он этой зазубриной за все цепляется...) Одинец (восточная злобность для борьбы один на один с медведем, а не как лайка: борьба с подковыркой: из мидилян).

На пути от одинца к мастеру целый рой существ, которые обгладывают: их роль — обгладывать одинца до тех пор, пока не покажется в нем мастер: они бы и мастера съели, но не могут: мастер находит поддержку в высших законах. Коварство «высшего», допускающего «проглотов» и вдруг их же уничтожающего («тех, кто вам это обещал, уже нет...»: и вдруг тот же самый «высший» говорит: «товарищи, человека пролетарского класса у нас теперь нет, мы думаем теперь о классовом человеке, мы создаем класс человека»). Низшему это высшее существо кажется коварным, а высший допускает: «вы, маленькие люди, поживите сколько-то времени своей маленькой партийной жизнью всласть и сослужите нам службу». Стая: война и производство: очень древнее: (и нечто вовсе против: «не единым хлебом жив человек», на этом прекращается ана-

логия стаи и общества). Если общество оставить одно... если личность оставить в обществе как мастера, Общество выродится в стаю, где мастером будет тот, кто раньше был личностью. Итак, двойной протест: 1) со стороны одинцов, 2) со стороны личностей; обработка одинцов в мастеров, но личность не поддается такой обработке. Одинец, поняв себя мастером, вдруг понимает и глупость свою: мастером жить спокойней, еда не плоха и т. д., личность, сделавшись мастером, остается неудовлетворенной, стремится за пределы стаи: мастер ограничен законами стаи. Стая боится личности, потому что она открывает путь одинцам. Законы личности вырождаются, создавая одинцов, законы стаи дают существа, подобных одинцам эгоистов, но слабых, защищенных законами: это проглоты. Итак, наверху: личность и общество, а внизу одинец и проглоты. Для стайного человека личность — идеологическая надстройка над одинцом.

Читая газеты, постоянно думаю, что это написано для какой-то цели и автор вовсе не думает того, о чем говорит, вовсе не знает правдивое слово дельного человека, и живет слово парадное.

Осман осенист.

Блок-нот натуралиста.

11 Ноября. Опять тепло и тихо. Иду один на охоту...

Индивидуальность есть у каждого животного, но личность — это чисто человеческое свойство.

Мы происходим от... это несомненно и по всему видно, только уже давно и с каждым веком все дальше и дальше мы уходим от своих прародителей. Пора, наконец, бросить чересчур усердно заниматься счетом этого родства, тем более что ведь все равно мы теперь уже не сядем рядом с обезьяной за стол, а только так говорим, вспоминая далекое прошлое.

В этом ударении на родстве скрывается замысел против личности человека, в существе своем опасной для...

для кого? Теория Дарвина есть оружие социальности (факты, как ядра атомов, скрыты в оболочке, создаваемой людьми. Борются не с фактами, а с их оболочками).

Вопрос: <*зачеркнуто:* где же зазубрина?> Самое неприятное — это, конечно, ложь и самохвальство: нарушение основ среднего человека: «просто неловко» — сказал «король».

— И еще вот что я вам скажу: все же это признают, что новое, хорошее рождается в муках, так почему же все пишущие в отношении этого хорошего ведут себя, будто оно явилось без мук и представляет из себя какое-то для всего мира вкусное блюдо. Втайне, не давая себе отчета, они думают, будто «муки» принимают какие-то другие люди, а не мы, что мы — это сами новорожденные, для которых другие приняли муки. Писатели не рождают в муках слова, а как бы подлаивают мастерам, ведущим стаю: это, конечно, очень легко и очень противно тем, которые мучатся, не смея сказать...

Чтобы снять так хорошо вот эту головку вальдшнепа, я подстрелил его в крыло, долго мучил, снимая, после добил, ощипал, изжарил и съел: от вальдшнепа ничего не осталось, но головка, снятая мной, висит и сейчас над моим письменным столом, напоминая постоянно мне, что я буду замучен <*приписка:* как вальдшнеп, а снятая голова моя останется> прежде чем явится моя снятая голова.

На ногах мои мускулы при ходьбе работают как поршни и возбуждают в теле моем нечто похожее на электрический ток, а в голове как будто от этого является мысль или ток высокого напряжения. И это я не один, а повторяются такие люди, что при движении у них возбуждаются новые мысли <*приписка:* мускульная сила как бы в мысль переходит>, среди этих людей были великие: Толстой, Гёте, Мопассан...

Задача: 1) понять до полной ясности машину 2) провести через себя.

Мурзилка.

<*Зачеркнуто:* Сейчас у нас дети играют в милиционеров.> Есть такие артисты милиционеры... <*приписка:* в Мос-

кве. Шоферы переняли. И от них дети.> А прошлый год играли в разбойников. Ехать на машине через деревню было очень опасно. Мурзилка ударил и свалился. Я бы мог его взять, но я знал, что он побежал в дом. Так и курица гибнет: в дом. Разговор: моргнул родителям: в милицию или волки. На другой год этот же Мурзилка в милицию играет. Я узнал его... — Ты? — Я. — Кто ты теперь? — Я милиция. — И прижав одну руку к сердцу, другой... успел отдать честь.

Машина в двух лицах: 1) Робот (страшный; самостоятельно действующий, порабощающий, то же, что «марсиане»). 2) Я — ее хозяин: я личность...

Чем глубже задумываешься, чем ближе стоишь к пониманию темы мыслью, тем надо проще писать.

Сколько приходилось читать о каких-то американских дикарях, падающих ниц, как перед Богом, от выстрела из ружья, или вот тоже, помню, один путешественник спирт на блюдце зажег, а дикари подумали, что это он воду, и если захочет, море сожжет. На моей памяти, однако, больше чем воду жгли, летать стали и говорить по радио, но современный дикарь не принял это как чудо, я ничего тоже, как и дикарь, не понимая по существу, принял это за обыкновенное дело, что так это и надо, и стал пользоваться. А чем дальше делают открытия, тем все меньше и меньше удивляются.

В еловом лесу, в ноябре: тихо-тихо! небо низкое и ровное садится на елки. Вот и кажется, будто все мертвое в этом мрачном лесу, и отдаешься себе, и там в себе вольно проносится прошлое, являются внезапные догадки и разгадки тому, что было загадано десятки лет тому назад. Случилось, упала соринка с высоты ели, другая... Я остановился, внизу были погрызи. Белка услыхала меня и затаилась, и я затаился, и мало-помалу стала мне открываться потаенная жизнь: белка спустилась и другая за ней, они, гоняясь друг за другом, кольцом обвили весь

ствол. Еще играл на струнах вóрон, как очень редко бывает это, чмокала где-то еще белка, шелестел белый заяц, и ронжа гримасничала безобразно... Я, замерев, неслышно шел и видел особенную жизнь, оставляя далеко за собой своеволие. Бесшумно на перекате я перешел по песку ручей и, цепляясь, карабкался на яр, оставляя на мокром песке свою пятерню рядом с барсучьей. У норы за деревом я замер и так остался надолго. Мог выйти барсук, но мог и переспать целые сутки: время такое [странное] и желание неясное: идти или не стоит. Он решился и показался носик. Листик оторвался на дереве, и носик скрылся. Я сидел еще час, ноги мои онемели. Носик опять показался и опять скрылся, и опять, и больше... Странно, как я глубоко вошел... мне везде слышны шорох, стук, шелест...

Жизнь Машки

12 Ноября, вечер. Стайный ум: это мастер (гонец). Но бывает выжлец слишком умен, чтобы гнаться вместе со стаей, и понимает, что легче и проще взять и поймать зайца; и он начинает молча ловить. Таких выжлецов удаляют.

Читаю «Океан» Низового. Хочет как Гамсун. Часто неосвоенный материал дает как голое «знание» (мне надо проглотить автомобиль! Машка и Робот).

Гепеусиха. Думаешь о ней и начинаешь любить человека и становится стыдно за свой покой.

Собирали машинами, а мы руками эту работу: школа терпения: три часа, чтобы винт аккумулятора отвинтить.

14–15 Ноября. Вчера (14) в Москву за деньгами (собаку покупать). Дождь. Сегодня мороз (6°). Ездил с Илюшей в Шеметово: собака пропала.

Евг. Ивановна, женщина, которая жизнь свою отдала другим, а себе не осталось жизни, и с ней не только жить, но и часу остаться наедине трудно. Так и Машка моя: служит всем и каждому, а для себя нет ничего, сама для себя мертвая.

В конце концов от сложности машинной приходишь к простоте, — что очень уж просто все! — а это что? —

и чтобы ответить на вопрос о самой ничтожной детали, надо рассказать о всей машине, и вот как трудно! Взять, напр., пружинку между дощечками в дистрибуторе: «а что это?» и надо все...

Какая бы ни была статья интересная, о звездном небе, о музыке; об атомном ядре, о достижениях в радио и авиации, все равно — как только N. при чтении доходил до «Маркс сказал», он бросал статью, и вовсе не потому, что Маркс <*зачеркнуто:* в этом виноват> надоел, а что автор кланялся в сторону Маркса и тем самым апеллировал к той массе, для которой Маркс был не ученым, а первосвященником.

Серые телеграфные столбы и рельсы прижались уже к лесу...

Есть ли или нет в краю какие-нибудь дорогие ископаемые, это не важно, главное в том, что их ищут везде <*приписка:* методически, будешь ты лично искать или нет — все равно>, и тем намечается будущее и объясняется охота к личным поискам чего-нибудь необычайного. На Журавлиной родине говорят, будто где-то в Сославине найден чугун...

<*На полях:*> *Рыбка плавает*

Однажды, бросая гончую в язык леса между зеленями, я сказал: — Ну, добывай скорей, товарищ Осман! — Мой спутник через некоторое время спросил меня: — А можно ли собаку называть товарищем? — Это друг человека! — ответил я, — значит, тем самым и товарищ. — Я это понимаю, — сказал мой спутник, — но ведь среди товарищей есть имена, вот хотя бы <*зачеркнуто:* ваше имя... — Я не понимал моего спутника, не мог ни по голосу, ни по глазам догадаться, искренно он недоволен объединению в слове «товарищ» известных людей с собаками или так осторожно он хочет поиздеваться над чем-то. А он продолжал и продолжал называть имена известных «товарищей»>... —

И он стал одно за другим называть имена известных «товарищей». И заключил:

— А вы свою собаку называете тоже товарищем.

Тут я понял своего спутника.

На Козьей горке раньше пустырь был, осенью свалка, весной зеленело, и молодежь приходила с гитарами. Теперь трактор все распахал, и на Козьей горке капуста. Вот когда осенью капусту убрали, и потом кочерыжки потрусило снежком, открыли мы на этой капусте след русака...

Лайка, добытчица пушнины, в большой моде теперь, но наши ребята в подмосковной тайге скоро поняли, что лайка берет белку больше всего на слух и глазом, поняли ребята и стали так хорошо мастерить под лайку, что в день иногда по двадцать белок приносят.

Урожай шишек на елках большой в этом году, значит, и белок много. Очень много белок: мальчик, случается, в день принесет штук двадцать, а десять всякий убьет без собаки. Одно время все бросились доставать лаек, но мальчики скоро поняли работу этих собак на слух и на глаз и сами стали мастерить, как собаки. Нехитрая охота, но требует большого терпения. <*Приписка:* Мы ходим на белок с 8 до 11 утра, в это время белка перебегает с дерева на дерево, шелуша шишки. С 11 до 2-х белка сидит и умывается. После двух она опять на работе, и мы тоже за ней.>

Выхожу на рассвете в ельник с полузарядами. Небо тяжелое и такое низкое, что кажется, вот только на елках и держится. Многие верхушки зеленых елок рыжие от множества шишек. Тишина мертвая, — самый лучший день для охоты. Вот как будто чуть-чуть дрогнула одна веточка. Я заметил это дерево, подошел к нему и замер. Так надо долго стоять, до тех пор, пока напуганная сейчас белка снова не заработает. Дерево, возле которого я дожидаюсь, с одной стороны обожженное и как в блюде стоит, засыпанном хвоями и листьями соседних берез. Под листьями

горелая земля, пепел. Разгадываю: в прошлом году в этом лесу охотник шел за куницей, и на этом месте застал его вечер. Он увидел возле дерева громадный муравейник и решил тут переночевать, а завтра идти дальше по следам за куницей. Он очищает муравейник от снега и снизу поджигает его. Все государство муравьев скоро сгорает и остается очень много золы. Человек разгребает себе логово, устраивается, закрывается курткой, сверх куртки нагребает еще много золы. Теперь никакой мороз не возьмет его до свету. На рассвете человек уходит. Весной в это блюдо, где был муравейник, наливается вода. Осенью лист завалил и хвоя, белка тоже много насыпала шелухи от еловых шишек. И вот наконец я пришел за белкой.

Совершенно тихо, очень медленным движением руки я вынимаю из сумки записную книжку, карандаш и пишу себе, используя время, на память об одном огромном государстве муравьев. Пишу, что муравейник этот в муравьином мире был как у нас целый Китай. И вот, пишу я, приходит великан, и все это великое государство, созданное муравьиным трудом, сгорает, чтобы ему переночевать. Пишу я, а белка давно уже мордочку свою сверху уставила на мою спину, и ее начало разбирать любопытство, живой я, или тоже стал <*приписка:* остановился навсегда> вроде дерева. Она ползет по сучку до ствола, и по стволу вниз до сука, и по нем, и на нем замирает. Истукан и с этого сука кажется ей неподвижным. Она ползет опять к стволу и дальше вниз винтом по дереву, ближе, ближе... Я наконец слышу сзади себя шелест, я догадываюсь и, не отрывая карандаша от бумаги, медленно повертываю голову. Мысль о великане, истратившем целое государство, чтобы только переночевать, очень заняла меня, очень хотелось писать. И я, увидев за спиной своей ушки, медленно повертываю назад голову, пишу и знаю, что за спиной моей из-за ствола дерева белка глядит...

[Вставить: белка, работая над шишкой, замерла: дождалась: неподвижен; заработала: шелуха упала, я поднял голову и увидел, но продолжал писать; она швырнула шишкой мне в спину; сползла — щелкнула; еще сползла: чмокнула: я пишу.]

<*На полях:*> *Вальдшнеп. Пуночка.*

Барсук.

Тепло, но так близко к зиме, что барсук уже задумывается, — стоит ли ему сегодня выходить за пищей и не остаться ли ему на своем сале (см. запись в предшествующей книжке: описание наших нор).

Гаечки.

Серая ольха по ручью, а воду морозик уже схватил своими лапками. И тут прутьями и на прутья кругленькие, будто маковые головки сорвались и задвигались: гаечки прилетели...

Ключ.

Ключ к тайнам природы у каждого свой, все равно как даже и к автомобилю ключ у каждого свой, и ни к какой другой машине он не подходит. Я даже больше скажу, не только свой ключ, но у каждого их несколько, и каждый раз надо знать, какую дверь и каким ключом отпирать. Иногда лай гончей стаи откроет, иногда неслышный шаг, когда кажется, что даже сердце слишком громко стучит.

Ничего нет.

«Чудно это бывает, знаешь, — ничего нет! а страшно, или тоже ничего нет! а весело. И напротив, бывает, все есть, а скучно» (начало рассказа). В лесу летом, когда вокруг буйно кипучая жизнь, сколько видишь на траве людей без мысли в голове. А то бывает в ноябре, когда все летнее замерло или погибло и снега еще нет, — нет, кажется, ничего, а войдешь как-то внутрь природы — и отовсюду станет показываться жизнь...

Елки.

Бывает ель, кажется, ее всю сверху донизу причесали и расчесали тоже все вниз каждый сучок. А то бывает, елка вся кудрявится. Есть молоденькие со смолкой на ветках, а есть старые с серо-зелеными бородками на нижних ветвях и на средних и только наверху живые.

Черная вода.

В это время вода в лесу ведь такая бы чистая: эта вода дождевая на опавших листьях, — а кажется как чернила и все отражения в ней черные.

Ронжа.

Ронжа кричит, как будто она очень большая, а какая-то маленькая хищная зверушка схватила ее за голый живот и жмет зубами, а она кричит в ужасе.

Баба.

Осман нажимал, и мы с замиранием сердца ждали все, вот-вот выскочит заяц. Вдруг выстрел раздался не наш. Юра на выстрел... Стоит неизвестная женщина с дымящимся ружьем. — Во что вы стреляли? — спрашивает Юра. — В зайца, — отвечает женщина, — вон он туда побежал! — Юра туда бежит и накликает Османа: «вот-вот-вот!» Летит Осман по следу зайца и прямо к тому месту, где стреляла женщина, и вдруг останавливается, нюхает долго куст и роется в кусту, и нам все понятно: женщина зайца убила и бросила в куст, а когда Юра ушел и стал накликать, взяла зайца и ушла. Мы это все рассказали Юре и показали: Осман дальше не идет. Юра, поняв, даже зубами заскрежетал и на глазу слезы. — Неужели тебе так зайца жалко? — спросили мы. — Не зайца, — ответил он, — а что баба. — Мы ему на это смеясь: — Какое неуважение к женщине!

Стрелок.

На охоте не в одной стрельбе дело: хороший охотник, не стреляя, поймает живого зайца за ногу и наступит лисице на хвост, но если отлично стрелять, то много можно сделать и одною стрельбой.

Движение.

Изображая природу, прежде всего надо думать, что она живая и движется, надо движение давать, смену, и тогда будет интересно всем без анекдота и пейзажа. В прежнее время один натуралист из Лесного давал в газетах изред-

ка бюллетени, и, бывало, все мы с восхищением читали, напр., что такого-то числа в Лесном впервые в этом году большая синица запела брачным голосом. Воображаю, как бы это было для всех интересно, если бы жизнь Зоопарка [проходила] в движении из сообщений сотрудников.

Знание. В худ. произведении неосвоенный материал часто вырывается под предлогом «знания».

Любитель. Другой и совсем бедный охотник, но хранит вместе со своей жизнью такое ружьецо...

Кроты и белки. Подумываю к старости заняться кротами да белками, а мне хотят задание...

Жизнь для других. С теми людьми, кто любит людей и отдал им свою жизнь, нельзя жить, и это понятно: то, чем живут, у них отдано всем. Такая вот Евг. Ив. Гиппиус, и то же моя Машка: она всем принадлежит, и каждый может ее завести, но для себя у нее жизни нет, и как ни бейся — живого существа в ней не найдешь.

Жареный комар. Коля сказал: с бабой своей ничего живу и буду жить, пока ее жареный комар в это место не тронет.

16 Ноября. Стрелял в вальдшнепа. С зеленей слетали пуночки (белые).

Гепеусиха. С отчаяния можно людей полюбить, в особенности женщине, стареющей...

17 Ноября. Тяжелое серое небо как будто опустилось совсем и село на нас: туманно и чуть-чуть моросливо.

Утром написал для детей «Белка».

План рассказа для «Колхозника»:

Фенология машины. Температура, если и мороза нет, не выше + 2°, и масло летнее надо сменять на более легкое зимнее. Вот тоже всасывающая труба стала быстро осты-

вать, и от этого распыленный бензин сгущается и остается в капельках на стенках трубы, а смесь обедняется и в карбюраторе стрельба.

Клапаны. Обыкновенно выхлопной клапан прогорает раньше всасывающего, а при нашем бензине 2-го сорта раньше портится всасывающий.

Головка мотора, ступица, капот.

Машка. Машина для себя совсем не живет и лежит мертвой грудой металла, как зимой примороженная и занесенная снегом земля.

18 Ноября. Ездили с Левой и Петей на зайцев, и на редкость все хорошо сошлось. Зайцы больше держатся возле Коммуны 1-го Мая (зайцы-коммунисты). Осень глубоко врезалась в зиму, и зайцы на черной земле ложатся вовсе белые и среди черных стволов и через самые густые заросли далеко видны. Ровняясь с чащей, теперь не боишься подшуметь зайца, потому что замечаешь его гораздо раньше, чем он может расслышать треск сучьев от шагов. Один выскочил белый из-под земли. Лежка его была глубоко в земле под корнями березы, дырка эта была вся покрыта зеленым мохом, лежать бы [да] лежать, но именно благодаря несоответствию среды с их зимней одеждой зайцы нервно настроены и выпрыгивают.

«Аввакум» воистину пастырь без стада: все молча согласились в том, что надо как-нибудь жить. Раньше интеллигенция, крестьяне и множество разных промежуточных людей или принципиально отказывались от «жизни», возлагая упование на будущее, или жертвовали этой жизнью ради достижения власти в своих организациях (это понималось как жизнь), или жили кое-как, лишь бы просуществовать. В этой среде воспитывалось самолюбие, прикрытое интеллигентной рясой людей не от мира сего.

20 Ноября. Дождь. Еду в Москву к Левину («Советский писатель»).

Ключ. Машина всем готова служить, но ключ к ней один...

Литература стала как машина, и у каждого писателя к ней свой отдельный ключ.

Старое? там теперь гладкое место, асфальт, как на Лубянской площади. Пешком идешь — и то не вздохнешь, а только почешешься, на машине же едешь — радуешься, — как просторно стало.

Кому, кому, а мне-то никак обижаться нельзя: ведь я же каждой строчкой заявил о своей отдельности. Мне предлагать свой юбилей? Невозможно. Другие не предложат... а между тем 1905—1935 — 30 лет!

22 [Ноября] вечером в 7 вернулся в Москву. Заключен договор на однотомник «Охота» (20—25 листов). Необходимость письма к Горькому о собраниях сочинений. Свидание с Бухариным. Чуть не попал в Кабарду. Куплено ружье тульское системы Лейденера (начало осуществления путешествия на Кавказ). Узнал о беременности Галины (тут Левин гений...). Биллиард в Доме писателей и Орешин. Устанавливается форма высшей близости, гарантирующая недоступность личности. Союз писателей — это именно и есть управление по литер. делам, тут морг, а настоящий живой писатель когда-нибудь вырвется из неведомой большой жизни...

24 Ноября. Прошлый год в это время лежал уже прочный снег, а теперь зайцы давно уже белые как снег, а в лесу и на полях везде черно. Наконец-то вот, кажется, и зайцы, и мы, охотники, дождались пороши. Далеко до света пошел снег мокроватый прямой. Шорох мокрого снега выгнал зайца из леса, и давно уже он смекнул, что поле от снега к свету станет белым и следы его занесет. Так и было на рассвете: чисто-белое поле и на нем где-то в безызвестности без следов лежал белый заяц. Но вскоре после рассвета стало теплеть, а взметанный пар чернеть и чернеть до тех пор, пока на черном не остались два ярко-белых пятна: череп лошади и заяц-беляк. Мы заметили череп и на зайца подумали сначала, что это тоже череп лежит. Однако следы все, даже мало-мальски заметные на

снегу, теперь растеклись, найти зайца не было никакой надежды и, хватаясь за каждое белое пятнышко мечтой своей погонять в это утро, Петя достал бинокль, чтобы проверить белое пятно, второй череп, лежащий неподалеку от явной лошадиной головы... В бинокль были видны даже черные глаза. Такое трудное создалось положение по этой обманчивой пороше, — лежать белому на черном поле — ведь это ужасно! но и бежать по мягкому, оставляя печатные следы, тоже ужасно! Что делать?

<На полях:> березки — капли

В лесу, когда растаяла пороша, каждое дерево стало, как холодный душ, окатывать сверху донизу. Одна маленькая березка была вся покрыта крупными светлыми бусинами, и я очень обрадовался, вспомнив такую березку весной на тяге, когда и теплый дождь [пойдет], и собственный внутренний сок дерева тоже капает дождем из поломанного сучка. Радость жизни охватила меня безмерная, радость всей жизни, при одном воспоминании о поломанном сучке березы весной.

<Приписка:> Запах бензина мало-помалу мне становится не менее приятным, чем деревенский запах дегтя, а ключик от Форда воистину является ключом к моей личной свободе, с властью над старым временем и пространством.

Так вот, конечно, то же самое при художественном восприятии механизмов нужно, чтобы каждое отдельное восприятие уводило бы в область безмерно большего. Я знаю, в природе все сводится к эросу, но что в механизмах? — Может быть, это чувство власти человека над природным временем, пространством: это удовлетворенность самим собой, как в почетные годы всеобщее признание. Эта область мне мало знакома, но можно понять по Шекспиру хотя бы, другая же область — это Робот, жуть от механизма, поглощающего личность.

26 Ноября. Первая настоящая пороша, глубокая. Осман понорил двух лисиц, убили из-под него русака, Илюша убил шумового беляка.

П. А. Сергеев — помесь Молявского с Лезихиным (у городского охотника в голове непременно есть идейка...)

Переход с черного на белое...

24-го пороша [днем] растаяла, и белый заяц лежал среди поля. 24-го же с вечера повалил снег и валил 25-го весь день, и в ночь до утра порошило мельчайшею пылью. 26-го лежала глубокая пороша в тишине, мягкости. Встали только одни глупые зайцы... На второй день по той же пороше встали молодые зайцы и провертелись возле себя на пятаке. В третий день встали старые зайцы, молодые и глупые и старые ушли дальше следа, и началась многоследица.

На 27-е вырвался Петя из вуза, и мы с ним на 2-й день пороши убили четырех зайцев. П. А. не взяли (обидели). Петр Акимыч Сергеев с двумя женами: актриса и батрачка (батрачка сочла за умного, и тем он спасся).

28 [Ноября] — ветер юг.-зап. сильный, снег-метель (мороз – 6°), вечером дождь (барометр на буре), ночью на 29 дождь перешел в снег, к утру четвертак луны, мороз – 3°, снежные сугробы, ветер. Так не легко дается переход к зиме.

Издания «Сочинения»: I. Север (Непуг. птицы + Колобок + Ник. Старокол.). II. Кащеева цепь + Жур. родина. III. Рассказы и повести (Жень-Шень и все пр.).

Избранное (охотн.): 25 лист.

29 [Ноября]. Ветер, мороз, свежая пороша.

Выявляется определенная сила (то самое, что я напрасно силюсь представить себе как лицо): это чиновники, бюрократизм. Всякую творческую личность сопровождают подражатели, конкуренты, критики, завистники, писаря, охранники, в их руках, их дело «жизнь всех»... и в этом образуется линия. Высота человека измеряется расстоянием его от низу до верху.

30 Ноября. <*Приписка:* Молоденький месяц немного помогал рассвету.> После тяжкой метели ясно, хотя очень ветрено, вдруг сыпанет и солнце: ландшафт возле карпо-

вых прудов: солнце — снег и от снега тускло-голубые тяжелые тучи и все светлее, лазурнее, нежнее, почти до белого, и проносятся облака, и [вдруг] сыпет. Рассказать невозможно.

Материалы для «однотомника»

Черный араб — 2 листа.
Родники Берендея — 5 листов.
Соболь
Олень-цветок 10 листов.
Голубые песцы
Собаки 2 листа.

Ночь: видел Сталина. Схватка с Ципиным. Люди (чиновники) попадают в круговую поруку неволи, и отсюда рождение все разрешающей личности: вот почему и для нас Сталин друг. Писатель пишет для друзей (личности), они хотят, чтобы он был, как они, для масс (скрытое закрепощение: писатель-шофер): выход для писателя: к Сталину.

<u>Зеленый шум</u>.
<u>Охотничьи были и сказ</u>.

Соболь Олень-цветок Голубые песцы		10 лист.
Родники	—	5
Черный араб	—	2
Собаки	—	2
Славны бубны	—	2
На охоте	—	2
Жур. родина	—	4
Рассказы егеря	—	2
		29 листов.

1. Счастливое ружье (Рассказ из моей жизни).
2. Календарь природы.

1. <u>Зима</u>. 1) Календарь природы; 2) Гон; 3) Смертный пробег; 4) Волки-отцы; 5) Медведи; 6) Сердце зимы; 8) Солнцеворот; 9) Лиловое небо; 10) Аромат фиалок; 11) Тайна.

II. Весна. Ток (из «Кащеевой цепи»), Ленин на охоте, Одинокий журавль, Скорая любовь, Прилет зябликов, Появление сморчков, Девушка в березах, Майский мороз, Поток, Заутреня, Крутоярский зверь.

III. Лето. Старухина тропа, Белая собака, Теплые места, Змея, Лесные загадки, Охота с колокольчиками, Жалейка, Совесть, Ярик, Верный, Кента, Любовь Ярика, Служба пана, Сочинитель, Болото.

IV. Осень. Птичий сон, Иван-да-Марья, Птичье кладбище, Анчар, Сидень.

2-й отдел.

Родники, Север, Центр, Пустыня, Приморье.

Лето — <*приписка:* Ночная красавица>.

Ритмика.

1 Декабря. <*Приписка:* Я вынул из сундука зимнюю шапку и валенки, выпустил из машины летнее густое масло и налил жидкого зимнего автола. Набил патроны в двадцатку не 1,2, а 1,5 ср./ф., зимний заряд> Снежная вьюга. Старухи говорят: «Началась вьюгой, — зима будет лютая». Но в газетах кто-то вычитал и распространяет: «Это не зима, а только зазимок, все растает, и зима начнется только с 1-го Января. — Что зазимок, об этом и я читал, — отвечают ему, — а что с 1-го Января, то это ты переврал: это с 1-го Января отменяются хлебные карточки.

Молодой месяц подсвечивал рассвету, и мы увидели на снегу лисий след.

Небо вышло над елками. Рассветало медленно, дряхло, но молоденький месяц немного пробил себе высоко наверху голубую пролысинку, помогал рассвету, подсвечивал, и мы разобрали след лисицы...

<*Приписка*:>

Лето. *1) Ночная красавица*
2) Белая радуга
3) Первая стойка
4) Школа в кустах
5) Ярик
6) Верный

7) Кента
8) Любовь Ярика.

Небо тяжелое висело на елках, рассветало медленно, дряхло, но вдруг молодой, бойкий месяц высоко наверху пробил себе голубую пролысинку, стал подсвечивать, помогать рассвету, и в этом соединенном свете мы на снегу разобрали заячий след.

2 Декабря. Вьюга.

Почти кончил «Зеленый шум». Счастливое ружье. Счастливое ружье. Вопрос ружья.

Хорошее ружье.

Богатое ружье. Охотничьи были и сказ.

Ни «Зеленый шум», ни «Счастливое ружье», а назвать «Рассказы охотника».

Рассказ «Счастливое ружье» вовсе выбросить как подчеркнуто аполитический.

3 Декабря. – 10°. Гонял зайца. Осман догнал и съел: раздулся.

Кто выше? положение хозяина выше, чем кучера... а если высокий спец и над ним комсомолец Венька... или вот как теперь механизованный писатель и над ним какой-нибудь Левин. Два человека были, один приказывал, другой исполнял: вот я хочу уравнять их и даже наоборот сделать: чтобы исполняющий во всех отношениях был выше, чем «приказчик».

4 Декабря. – 7°. Тихо. Осман опять съел зайца, но оказалось, и с раздутым животом он может гонять с утра до вечера. Одного зайца я убил, третьего до тех пор гонял, пока весь снег смешался, четвертого к вечеру поднял возле Каляевки.

Одно время, когда я был на просеке, явилось солнце, и в оснеженном еловом лесу на просеке было до того прекрасно... (Вот бывает красиво так, что хочется из этого что-нибудь делать и тут же записывать в книжечку, но

бывает до того красиво, что и в голову не приходит записывать, а только жить хочется, и вот это именно и есть настоящее счастье!)

Писателям дали самую широкую возможность путешествовать, и многие до того доездились, до того привыкли питаться чужим, что вовсе потеряли себя и сделались «очеркистами». Между тем настоящий писатель эту возможность ездить по свету понял как скупой рыцарь свой подвал с золотом, и, дорожа своим подвалом возможностей, писатель сел на место и стал, сидя на месте, весь мир облетать... Есть ли такой писатель? Есть, но еще в утробе матери-жизни. Ему скоро надо будет пуповину отрезать, и он полетит, и его писания будут для всего света, это будет универсальная литература, а не как теперь, советско-провинциальная.

<*Зачеркнуто:* Вот точно то же происходит и с чувством собственности:> Сейчас при новой политике можно очень надеяться на быстрый подъем покупательной силы рубля. И так бы просто в моем положении завести особую книжку в Сберкассе для сбережения денег и так бы много накопить. Но я, имея возможность зарабатывать массу денег, предпочитаю питаться счастьем этой возможности, и до того довел свои финансы, что не знаю, сколько их у меня в столе, сколько на книжке... Вероятно, в этом и есть сокровенный смысл собственности... это верно! Теперь надо и, судя по себе, это теперь именно и совершается: материя собственности уничтожается (сундук с золотом), и обладатель получает непосредственно личные возможности...

<*На полях:*> *реалист*

Вот у меня есть замечательный круглый дубовый стол, и по-прежнему я бы страстно чувствовал свой брак с этой вещью (собственность — это своего рода брак человека с вещью). Но теперь, вот как и дом мой — стол, дом, машина, ружья — все это как будто не совсем мое, а находится

лишь в моем бесспорном пользовании. Я ухаживаю за этими вещами старательно, как они того требуют, но как-то холодно. Мне кажется, я ценю теперь больше свое уменье ездить и ходить за машиной, чем самую машину, тоже и стрелять — чем ружье, снимать — чем лейку. Мне кажется, при обладании уменьем все эти вещи я так получу. И вот в этом и состоит новый брак с вещами: раньше их держали как жен под чадрой и на замке, теперь вместе с ними работают, и отношение к этим вещам является в процессе самой работы.

В молодости, чтобы сделаться настоящим писателем, а не поденщиком литературы, я терпел большую нужду, и когда после смерти матери получил 30 десятин земли, вся личность моя соединилась с этой землей, и я чувствовал себя не только собственником почвы, но и всей земли, всего сектора в 30 дес. ширины и в земной радиус глубины. Я сеял, пахал, косил все сам и чувствовал под собой глубину до самого центра земли. Я хотел изобразить это чувство, <*зачеркнуто:* вложив его> подобрав к нему соответствующую личность, но у меня получился какой-то чертов сын, а не поэт, понявший собственность как священный брак с землей.

Сегодня: 1) Послать деньги Разумнику 2) Достать паяльную лампу 3) Налить бензину (надеть капот) 4) Протавотить.

6 Декабря. Тихо. Солнце. Утром – 15, вечером – 20. Охота возле коммуны: 4 зайца, раненая лиса. «Вижу зайца!» Сюжет рассказа о двух охотниках: один украл у другого зайца, а тот у того лису.

<*Приписка:* Чувиляев. «Родники Берендея»> 1) Ларскому: «Гуси-Лебеди»; 2) Горькому; 3) В Сов. писатель: заявление: перевести деньги в Сберкассу; 4) Мурзилка; 5) Деньги [за] переписку (1 экз. или два, плата).

Счет: В Сберкассе 56744 – 3925 р.

За «Колобка», «Непуг. птицы.» — 5000?

За «Рассказы охотника» 60%	8500
За Ленингр. изд-во —	7000
	26425 р.

Порох, дробь.
Групповое сознание.

8–9 [Декабря] в Москве. 8-го вдруг среди дня мороз сломило. Человек, которого я вижу в «Савое» за вкусной едой: кругом едят те же блюда, и через это он получает уверенность в праве своем тоже есть хорошо: так вот и начинается групповое сознание.

Привычка (Лишний кусок).

Новый вокзал у нас поставили чуть-чуть поближе к Москве, и так шагов на 500 увеличился мой пешеходный путь на вокзал. И вот уже два года прошло с тех пор, как старый вокзал разобрали, а я постоянно, когда равняюсь с тем местом, где стоял старый вокзал, считаю про себя бессознательно, что от этого места мне остается еще пройти как бы лишний кусок до нового. Сегодня, ровно через два года, я собрался в Москву и по раннему утру на рассвете шел, отлично раздумывая. И вот вдруг посмотрел я на старое место, где был вокзал, и оно мне в этот раз ничего не дало: лишнего куска никакого не было, и новый вокзал теперь для меня, как раньше и старый, стоял на своем месте. Так вот оказалось, какая у меня тяжелая природа в привычке: нужно было два года времени, чтобы вокзал стал на свое место!

В Москве же, где постоянно все переменяется, наоборот, я так привык к переменам, что ничего не чувствую этого, напротив, если вижу какие-нибудь неподвижные остатки прошлого, то в глубине души как бы вяну... Такое свойство инерции... что стоит — тому стоять, что сдвинулось — должно двигаться.

10 Декабря. С вечера припорошило, или это со вчерашнего дня остался припорошенный след. Я думаю, что с вечера, потому что очень мало свежих следов, и Осман по припорошенным следам живо разыскивает. Нарвался на лису и затурил ее в нору.

<*На полях:*> *Нипочем бы не выгнать нам зайца в слепую порошу, и мы этому радовались: значит, лисица... Но вот что случилось в лесу...*

В лесу зимой в ожидании, когда гонец поднимет лисицу или зайца, я от нечего делать представляю себе какого-нибудь зверька или птичку, и тогда надолго можно заняться, продвигая эти существа среди самых затейливых снежных фигурок. Интересней всего для зверька, разумеется, нижние ветви елей: снег, падая на них, мало-помалу склоняет эти снежные крыши к самой земле, и внутри кругом елки образуется таинственная пустота. Мой воображаемый заяц делает громадный скачок, входит в свой снежный дворец и ложится. И лежать бы ему тут, лежать спокойно до вечера, но эта елка росла не одна, рядом вплотную с ней росла береза много выше ее. Летом береза своей густой листвой закрывала елку и не давала ей свету для жизни <*приписка:* береза летом росла, елка зимой — береза обогнала>, и только зимой, когда береза раздевалась и засыпала, открывалась для елочки жизнь. От последней метели снег большими куклами и зайчиками навис на ветках березы. <*Приписка:* До свету в предрассветный час заяц прыгнул под ель... пороша>

Когда солнце взошло, прилетел тетерев-косач клевать березовые почки и, когда сел, обрушил большого зайчика, и он по березе на ель и по ели с ветки на ветку, сшибая куколки, полетел на нижнюю ветку, и настоящий живой заяц вылетел из-под своего укрытия и понесся скачками, оставляя губительный след. Осман, пересекая поляну, увидел след, бросился к нему, почуял, сразу все понял и, задыхаясь от волнения, зашипел, застонал и, <*зачеркнуто:* освободив> добыв наконец из себя полет гонять, ринулся, погнал, и я больше уже не мог сочинять снежные сказки, продвигая воображаемых зверушек и птиц в таинственные шатры — я тоже бросился скорее к просеке, чтобы там перехватить бегущего зайца.

На просеке зимой вдали всегда кажется, будто кто-то там далеко, далеко стоит... В этот раз это был не засыпанный снегом обгорелый остаток разбитого молнией дере-

ва, это был охотник Бывшев со своей никуда не годной тявкалкой <*приписка:* Бывшев в предисловии: у него была собака>. Увидев меня, он исчез, и вскоре просеку перелетела лисица. Я осторожно свистнул один раз — это условлено между нами: это значит, я перевидел лисицу, и ребята должны вести себя, как полагается на охоте по красному зверю...

<*На полях:*> *Елка росла и береза рядом вплотную. Летом одетая береза вовсе закрывала собой елочку и не давала ей ходу. Елка [на свету] росла свободно только зимой, когда листья березы опадали. Но разве рост зимой! Вот почему береза обогнала, а елка [отстала]... Лето сильнее — береза [летом растет].*

Речка Дубна в истоках шириной в два человеческих прыжка, — не перепрыгнешь в один! но зато очень много везде упавших деревьев так, что вывернутый корень на одном берегу, а по стволу переходят люди, лисицы, собаки. Зайцы, однако, предпочитают самые рискованные переходы по тончайшему льду, возле самых черных промоин, чем скакать по таким заваленным елям. Много, много почему-то натоптано зайцем на тонком льду возле промоин, откуда во всякие морозы неустанно разносились эти звуки, похожие на тетеревиное токование. Так подозрительно много и густо [на льду] было следов, что мы стали подозревать какую-то затею и, увидев отсюда, что на той стороне не было выходных следов, а здесь был только входной, стали внимательно оглядывать берег, и вдруг Петя сказал: «вижу!» и показал мне. Ничего я не мог разобрать сначала, но Петя сказал: «Смотри между ольшаником раз... два... третья [олешина] толстая, между третьей толстой и четвертой тонкой смотри, — вон глаз». И я увидел сначала черненький глаз, а потом и всего белого зайца на белом снегу. Когда глаз мой привык, мне стало казаться, что заяц был чуть-чуть желтее снега.

Бывает, в болотистом лесу часто корни березы не глубоко в земле расходятся, и вход в развилку закрыт моховой кочкой. Случается, лисица ли или другая какая зве-

рушка обомнет кочку, залезет туда под дерево, понюхает, поищет чего-то, уйдет, а после заяц залезет. Раз было, мы с Петей шли по следу, и вдруг он оборвался. Мы поняли, что заяц сделал большой скачок, называемый у охотников скидкой: заяц скинулся. Мы сделали круг, нигде выходных следов не было. Сделали круг потеснее и еще потеснее, наконец оставалась в кругу только береза и, приглядываясь, мы заметили под ней нору...

Чудесно то, чего нет, а когда оно, это самое, есть, то оно обыкновенное. Значит...

11 Декабря. Почему так часто разлетается у меня план поездки куда-нибудь подальше, и только случай какой-нибудь вдруг бросает в путешествие? Я до того этим напуган, что вот и не решаюсь теперь на Кабарду: придет весна, — зачем, покажется, куда-то ехать, если возле себя так хорошо. Всякий план приятен вначале и тяжким становится, когда приступать надо. Еще вот что: если план, то он жизнь загородит: с планом жить (в Кабарде) — значит здесь не жить, выход: рвануться. И еще выход: всесторонне обдумать, подготовить удобства. Итак, я начинаю готовиться...

<На полях:> болезненное искусство

Чудесно то, чего нет возле себя, и так странно, что если «то, чего нет» явится, то оно уже не чудесно, это свойственно человеку вообще, посредством этого он расселился на земле и покоряет небо — и до чего это во мне: вчера «она» в мечте, сегодня «она» рядом со мной — этот жалкий повод: в этом плюс и минус творческого тока: начинается бегством от [чудесного] и возвращением в [обыкновенное], воплощенное. Возможно, что это есть в истории каждой любви: любовь — это пробег: поэзия — это и есть то самое...

Возможно и по всей вероятности да, что Белый есть в какой-то области творчества на границе искусства и на-

уки гений. Но в искусстве слова, как художник, он прежде всего больной человек, осужденный зачем-то нанизывать словечки в бесконечных сочетаниях на бесконечную нить. Думая о нем, я начинаю понимать, что искусство настоящее есть здоровье человечества, и лучшие представители искусства все здоровые люди: Шекспир, Толстой, Леонардо...

12 Декабря. Небо цвета снятого молока, земля как сливки, и множество за эти три дня без пороши накопилось на белом следов. Петя опять стрелял и ранил лисицу. Забралась в нору. Зайца убили, двух стреляли. Удивительно было в три часа дня: небо серое, как будто нависшее, а на сером месяц молодой. Серое — это туман, это иней садится. И высоко на белом движутся черные силуэты саней, лошадей, людей.

Дубовый лист с осени упал на еловую лапу, свернулся блюдечком и наполнился до краев водой, и потом вода эта замерзла, и в этом самом маленьком озере все стало совершаться как в настоящих озерах, лед покрылся снегом, и синички оставили однажды свой след на снегу. Весною, когда стало тепло и зашумели реки, вскрылось маленькое озеро дубового листика, и капли весеннего дождя стали капать. Вечером в тишине на тяге я стоял и слушал возле себя эти удары: рядом береза была вся в каплях, и одна веточка березы была поломана, и сок из нее падал на елку, и по сучку сок бежал и падал на дубовый лист, и скоро вся вода в маленьком озере стала из березового сока и текла через края.

И я думал, глядя на листик: так и жизнь, и поэзия.

Вся ли поэзия — это я не могу сказать — но, может быть, ее большая часть зарождается в избытке жизни, из капель ее, в переполнении и распространяется, как живая вода, и в мертвом показывается жизнь... Так рождается потребность все оживлять... И мы в этой потребности все оживлять иногда заходим так далеко, что вызываем сомнение, является некто и говорит: нет! и начинает обратное: все оживленное он расчленяет и доказывает нам, что

нет там ничего, нет и нет, и все качества вышли из нашего суеверия. В этом и есть спор добра и зла, Бога и дьявола, света и тьмы, чувства и разума. Я разум беру, чтобы сжечь хлам суеверия и открыть ясный путь творчеству, которое понимаю как оживление.

Я чувствую даже себя как бы чуть-чуть виноватым, если пользуюсь вещью и не могу ее оживить. Вот я заметил в бессознательных поисках самостоятельной жизни у машины, что очень часто вдвигаешь ее в гараж в полном порядке, а ночью с ней что-то случилось, машина не заводится. Доискиваешься и находишь, что ночью, когда машина оставалась одна, у нее лопнул фарфор на свече или прерыватель стал заплетаться на маху или в бензинопроводе прекратилась подача. Так очень часто и уже в моей практике большинство в машине я обнаруживал за то время, когда она оставалась одна: казалось, в одиночестве она [жила] своей собственной личной жизнью. И я через это сам себя понимал, что именно так вот и я. Но это неправда. Механик расскажет, что фарфор лопнул при охлаждении машины, и все другое явилось при охлаждении, и своей собственной жизни в машине нет никакой, а это я сам из потребности оживления перенес себя самого на машину. И я это сознаю, я сжигаю своим разумом все попытки одушевить свою Машку как суеверие, но зато если я из машины, вдвинутой в лес, вижу синичку или белку на елке, я верю в какую-то настоящую жизнь и чувствую [бесконечную] силу свою в борьбе с ужасным Механиком. Я улыбаюсь воронам, обживающим антенны, ласточкам на телеграфной проволоке, лесным деревьям, обнимающим телеграфные столбы, и утверждаю первенство жизни над механизмами, создаваемыми человеком в помощь жизни, а не во вред (борьба на смерть с бюрократами за жизнь; оживить механизмы нельзя, но можно механизмы сделать полезными для жизни).

N сказал: — Мы не отвергаем государство, но мы требуем, чтобы ради государственного аппарата, существующего на пользу жизни, не губилась сама жизнь, и для это-

го мы требуем в государстве такого порядка, при котором открывалась бы возможность личному разнообразию, свойственному творческому потоку жизни...

Сюжет рассказа: Осман и Лада.

У дедушки были собаки, гончий, выжлец Осман и пойнтер Лада... Осман — это мастер... Лада...

До самого последнего года своей жизни дедушка наш был на ногах и всем на удивление охотился зимой с Османом, случалось, от утреннего света и до ночной тьмы и с Ладой ходил по болотам. В последний свой год летом, когда не бывало охоты, пошел он однажды за грибами и взял с собой обеих собак, пусть, мол, побегают, промнутся. Вот как мы знали и понимали собак дедушки, я прямо как своими глазами вижу и Османа, и Ладу в эту последнюю прогулку дедушки... Целое большое лукошко — и молодому-то с трудом нести — набрал дедушка красных, черных и белых грибов, сел на пень отдохнуть, да так больше и не встал: умер, как будто уснул и остался на пне — нипочем не поверишь, что мертвый: сидит старик и отдыхает. Осман набегался, наверно, словил и съел зайчика, нашел дедушку по следам и, как всегда, подошел лизнуть пальцы, дать этим понять, что пора бы домой. Лизнув холодные пальцы, он поднял голову высоко, как, бывало, зимой на дороге, когда хочет глазами с дороги увидеть след. Странно взглянул он на дедушку, медленно приблизился, вытянул шею, понюхал, лизнул и все... Он понял и, покончив с дедушкой как с охотником, побежал домой, умно соображая свой каждый шаг на пути. Увидев Османа одного, конечно, мы встревожились, отправились в лес и стали кричать — нам бы Ладу надо кричать, а мы дедушку. И на другой день мы все ходили и звали дедушку. На третий день пришел к нам один неизвестный грибник и сказал нам, что дедушку видел в груздевом овраге, он сидит на пне с корзиной грибной, а у ног собачка лежит. Мы побежали туда, и вот Лада: так и нашли ее у ног дедушки, колечком лежит, нас увидела — едва встала: такая голодная. И умерла бы так, наверно, дурочка...

Пристрелка ружья системы Лейденера

К рассказу «Осман и Лада»: Мы говорили дедушке: — Когда Осману хорошо, то и он хорош: пальцы лижет; а когда Осману плохо, то и все плохо: рычит; разве так можно, дедушка? — А почему же нельзя, — отвечал он, — так ведь все живут, только Осман не притворяется, я вас за то и люблю: вы ведь тоже османы. — Мы-то мы, но как же все, а вот Лада? — Ну, Лада, — смеялся дедушка, — Ладушка сучка.

Еще: Когда дедушка остарел и ему трудно стало ходить, Ладушка ляжет и лежит.

Пристрелка 24 калибр Лейденер

15 Декабря. Можно быть царем и неграмотному: был же среди яицких казаков Емельян Пугачев. Но если явится такой Емельян теперь и объявит себя, например, редактором «Нового мира»...

Давным-давно...

Язык не успевает за жизнью и даже как будто не очень стремится к этому: так вот давным-давно бьют на войне людей <*приписка:* не стрелами, а> пулями, а язык говорит не «бьют», а стреляют, и тоже очень редко скажут «летит, как пуля», большей частью говорят: летит, как стрела. И по правде-то говоря, если мы по стреле чувствуем скорость больше, чем по пуле, то зачем так-то уж очень требовать от языка полного соответствия с номенклатурой эпохи?

Властелин и муравьи: стану я думать о каждом отдельном муравье! мне нужно всех муравьев накормить, и я беру муравья вообще, взвешиваю его, нахожу средний вес и процент необходимой пищи в отношении к весу. Если я говорю, напр., сколько ест муравей, то это значит, сколько ест весь муравейник хотя бы икры паюсной или свежей, и согласно с этой потребностью всего муравья организую лов осетров. Так называемая частная жизнь для меня есть нечто вроде забавного спектакля марионеток:

мне очень забавно смотреть на куколку, которую дергают, а кажется, будто это она сама ходит, прыгает, говорит.

Детские рассказы: 1) Осман и Лада; 2) Беляк (белый — все черное); 3) Слепая пороша; 4) Нора.

<На полях:> Ложь

Тайна келейника: подвиг и женщина: сладость, перемещенная к Богу ценою... вот этот остаток нерастворимый в подвиге: дьявол; наши ребятишки над попом как бесенята, и ведь Ан. Франс и весь либеральный мир прыгал, издеваясь над подвижником (а вот нате вам за то фашизм и большевизм: не попрыгаешь).

Сильно талантливый человек и не может быть очень умным, потому что при уме должна быть злость и холод, а талант греет, и ум на таланте как бы на теплой лежанке.

16 Декабря. Начало века.

Неправда, что есть какая-то «ложь во спасение»: ложь всегда яд. Но бывает такая сладчайшая ложь, что сам хозяин ее почти что принимает за правду и когда, уже отравленный, начинает видеть ложь, говорит: это ложь во спасение. Неправда! нет лжи во спасение: ложь — это яд.

А небо, а солнце, а земля и вся жизнь с птичками, с прелестью детской и женской, неужели же и это все во лжи, как учили аскеты Синайской горы — все тонкий яд лжи?

— Нет! — воскликнул вслух Алпатов, — нет!

И затаился.

Так бывает, когда человек доходит в мыслях до своего собственного сердца, то сказать больше уже ничего нельзя почему-то. (Это есть у людей, и это они чувствуют, а сказать нельзя. Но если нельзя сказать самому, то, чувствуя это в себе, так влечет слушать другого и догадываться, и другой всегда это знает и охотнее всего говорит о себе такому.)

И еще это бывает на посеве: ляжет зерно и затаится, а после из этого вырастет. Но вырастет ли что-нибудь из

сердца, возмущенного ложью, — как знать? Вон едет по шоссе один полновесный на блестящей машине, а вон идет обделенный, несет обиду, — с обидой идет в Царство Небесное? Нет, ему не дойти. А вон расстался сам с обидой и так идет: этот не от мира сего. Кто из них в правде, кто во лжи?

(Алпатов на Светлом озере встречается с учителями «Начала века» и немоляками Мережковского. И потом в Петербурге...)

Итак, одна (большая) часть моих писаний возникала из встречи моей с природой нового неизвестного мне края. Я пользовался той силой, которую содержат в себе существа и вещи нетронутые, как невесты, ожидающие брака («Непуганые птицы», «Колобок», «Охотничьи рассказы», «Никон» (Новгород), «Жень-Шень»): край земли неведомой — вот мое; но есть и брачного происхождения вещи, я и тут могу: это «Кащеева цепь»: тут сила берется не из встречи с неизвестным, а из личного опыта. Я сейчас могу отправиться в маленькую страну на Кавказе и дать в ней весь Кавказ, как никто не давал; но я же могу взяться за «Начало века», 3-ю часть «Кащеевой цепи». Решать могу только я сам.

18 Декабря. Корка. Третьего дня ночью садилась мельчайшая влага, на другой день от этого такая гололедица вышла, что все падали, а на снегу корка: чуть тронешь ногой — и полетят со звоном по глади обломки почти что стекла. Зайцы, наверно, не отважатся стронуться, но лисицу ночью, говорят, слышали, как она ломала корку...

Вчера припорошило, но не исправило корку, и трудно сказать, когда и как наладится охота, разве что дождь осадит, или столько навалит снегу, что, проваливаясь, нога не дойдет до корки?

Червяк. Точит червяк: ведь три года, каждую зиму пытаюсь попасть к Горькому, и не пускают, писал Сталину — не ответил, в президиум на съезде не выбрали, юбилей

отвергли, в газетах не печатают, отзывов о книгах не дают, — весь как замаринованный живу и никаких стимулов к писанию не чувствую, даже денежных (деньги дают). Это политическая система выжимки из таланта: выжал простейшим способом, сколько выжмется, и бросил. Так вот чувствую, как я замираю...

Сила подлости.

Сила подлости главным образом на том основана, что в скрытом состоянии она таится в сердце даже благороднейшего человека, и всякий, если слышит подлые слова о другом человеке и не видит возражений, про себя соглашается, думая: без огня дыму не бывает...

Скрытая жизнь.

В нормальной жизни общества, когда складывается быт для множества людей (почти для всех), тем же путем вырабатывается необходимость часть своей жизни отдавать обществу на хранение, и жизнь своя лежит, нарастая, как деньги в банке <*зачеркнуто:* или, может быть, скрывается, как теплота в воде: скрытая теплота>. И вот когда лопнул банк и началась революция, то каждый спешил возвратить к себе назад свой капитал и пользоваться им для себя. Иначе я не могу объяснить себе это странное явление, что такие почтенные люди, как Керенский и подобные, и даже старые, выросшие на семейной этике, как Семашко, — все решительно побросали своих старых жен и сошлись с актрисами и балеринами. Так скрытая жизнь, замороженная естественным аскетизмом нормальной жизни, освобождалась в личностях при разрыве всех общественных норм (устоев).

Мне кажется, что сейчас все живут, усваивая старый опыт, и тоже мало-помалу начинают скрывать жизненную теплоту (Рассказ Коли Дедкова о жизни рабочих: стремятся к семейной жизни).

Надо понырять немного возле Дома писателя с целью выяснить себе, стоит ли поднимать свой вопрос, напр., че-

рез Ставского, или Динамова (Хорошо бы тоже покончить все Кабардой).

Мишка.

Фоторассказ.

В Загорске, где я живу, делаются игрушки для детей. Я тоже занялся и сделал себе Мишку. Мы все очень его полюбили, и я решил написать о нем рассказ для детей так, что будто бы Мишка был заводной и электрический; ну, вот раз будто бы его завели, а дверь забыли закрыть, и он убежал в лес. Вот и все, а дальше уже легко придумывать, и мы дома рассказывали о Мишке разное, кто во что горазд.

Бывало, я больше по своим фотографиям врал: возьму с собой Мишку в лес, намну следы на снегу, поставлю Мишку, сниму и рассказываю потом, будто Мишка в лесу увидел след настоящей медведицы и пустился по следам. <*Зачеркнуто:* Много, много я врал> но часто дети меня ловили: то не так, то не бывает. Но я показывал фото, и мне опять верили. Трудней всего мне было рассказывать, когда наконец происходила в лесу встреча с настоящей медведицей. Дети требовали доказательства, карточку, но у нас под Загорском теперь нет медведей. — Врешь! — говорили дети.

И вот раз иду я в лес, навстречу мне по дороге идет цыган с медведем, бубен у него, длинная палка и белая собачка впереди. Цыган рассказал, что Медведица эта называется Марья Ивановна, что он раньше с ней в цирке служил, а теперь ходит по городам и деревням, показывает. — Показываю, как она меня любит, а собачка пляшет. — Покажи! — попросил я и дал денег. Цыган ударил в бубен, собачка заплясала, Марья Ивановна поднялась на задние ноги, заключила цыгана в объятия и поцеловала прямо в губы. — Хочешь, и тебя поцелует? — предложил хозяин. — Нет, — ответил я, — пойдем лучше в лес снимать встречу моего Мишки с дикой медведицей. — И, вынув из рюкзака своего Мишку, показал ему.

Сделав снимки, я, конечно, детям не сказал, что это мне цыган помог, показал только встречу и как мой Миш-

ка пошел: большая впереди, маленький позади. Я много мог врать, и мне все верили. — Чем же все кончилось? — спросили меня дети. — Очень просто кончилось, — ответил я, — ведь Мишка-то заводной, электрический, батарея кончилась, и пружина перестала работать. — Конечно, дети были разочарованы таким концом, но я их успокоил: батарею можно сменить, и приключения Мишки начнутся снова.

Солнцеворот.

25 Декабря. Христианские идеи в эпоху расцвета капитала осветили нам повседневность единоличника зарей грядущей соборности (туда, далекому другу из этого серого жестокого мира были направлены наши письма с сокровенной мечтой соединиться там; и с этим критерием чего-то истинного, прекрасного мы подходили к действительности: «верь, настанет пора и погибнет Ваал...»). Революция сбила эту позицию писателя (К. Гамсун и все мы такие). Официально мы живем в эпоху соборности и от нас требуется, чтобы мы эту нашу достигнутую повседневность соборности относили к территориально далеким друзьям, томящимся в оковах буржуазного мира: это вот и есть социалистический реализм. (Искать случаи в повседневной жизни трогательной убедительности.)

В сокровенности жизни все происходит иначе: похоже, как если бы в физике разбили атомы, взяли у них внутреннюю силу и бросили их, а эти атомы, собрав остатки силы, стали бы снова заключаться в оболочки. И нет никому никакого дела до этого: каждый знает, как это делается, и таит про себя...

<На полях:> Алчник. Страшный алчник.

А. М. Коноплянцев — реликт той эпохи, когда устраивались на службу в мечте: службе отдавать необходимое, а остальным временем обладать сладостно для себя. Достигали этого только циники, недалекие люди, но честные и сильные постепенно на службе забывали о сладостном «для себя» и становились служаками и, выслуживаясь,

достигали значительных чинов. Честные и слабые, разделяясь, не могли отдаться ни себе, ни службе, и так оставались <*зачеркнуто:* нытиками> какими-то чудаками. А. М. в таком виде сохранился до нашего времени.

Радек в своей речи в Союзе писателей сказал о расстрелянных, что они еще не убили, но могли убить... Ему аплодировали. Радек не умный и небольшой по природе своей человечек, но он стоит возле такого умного дела, что всем нам кажется, будто он очень умен.

Фадеев изобрел такую приставку к лейке, что вся громадная работа немцев пропадает: и, наверно, много-много такого есть у русских высшей находчивости, делающей ненужным ослиный труд. Но и без ослиного труда жить невозможно, и вот почему. Трудись, мальчик, считай: и благо ти будет, и попадешь ты в Царство Небесное; но мальчик нечто выдумал, и оказалось, в этом случае не надо было считать; вот в этом-то и дело, что трудись-то трудись — это верно! только будь всегда начеку, что если можно выдумать короткий путь головой, то брось заповедь «в поте лица» и выдумывай, чтобы и себе махнуть без труда в Царство Небесное, и других с собой туда увести.

30 Декабря. На корку снегу легло на четверть аршина, и все равно проваливается не только человек, собака, но на хороших прыжках и заяц. Осман невозможно крепок на лапу и гонял весь день беляка. Мы целый день не могли его подстоять из-за хруста, под конец он пустился наутек, и мы не только зайца убить, но самого Османа едва выручили в районе д. Дубна.

А какой иней, как [великолепно] засыпал снег, и все в нем стало округлое, так что беляка просмотреть — это как пить дать. Часто ветки оледенелые и потом опушенные бывают как оленьи рога. Лежит среди елей большая осина — не осина, а целый сказочный городок Путивль с башнями, и на одной даже как будто белая Ярославна стояла и глядела в половецкую даль; не узнать бы никому, что это просто осина лежала, но множество веток, сучков,

которыми упавшее дерево упиралось в землю, были очищены от коры зайцами, любителями осины, и тут до того было притоптано зайцами, осыпано их [орешками], что казалось, их тут сто было за ночь...

Но все великолепие было только до тех пор, пока не погнал Осман, как только погнал и до вечера, пока мы его не привязали, сказочный лес сделался не близким лицом, а посторонним свидетелем нашего удивительного дела: мы, взрослые люди, все свои физические силы, ум, таланты полагали на то, как бы только увидеть гонимого собакой зайца. Только видел я иногда, что на небе силилось показаться солнце и не могло: ветви деревьев, как белые рога оленей, я встречал иногда почти на голубом небе и после чего-то радостного ждал.

Петя рассказывал о том, как на огромном пространстве звери ведут себя одинаково: в тот раз мы в слепую порошу искали и не могли найти почему-то следы лисиц. И в Салтыковке тоже не могли до часу найти ни одного следа. Лисицы вышли только в час дня и шли не останавливаясь, отчего обложить их было невозможно.

<На полях:> *Люди: Волков (брак).*
Петин брак. Павловна (почему через 30 лет жен бросают).

Движение.

Было раньше время, и нам казалось оно как вечное время: вечно ровное течение, а мы сами меняемся. Во время революции стали стрелки вертеть, — прикажут, и по советскому времени на час или на два раньше против вечного, астрономического. И то же самое случилось с ценами, знаменитым рублем, обращенным в миллионы рублей, в «лимоны». Все это менялось, двигалось, вызывая у пожилых людей вечное ворчание. Мало-помалу это смещение устойчивых норм захватило отдаленнейшие зоны нашего сознания, подбираясь к ним незаметно в ночной тишине. Так вот однажды эта лавина подобралась во мне к Шекспиру, вернее, к этому непререкаемому человеку, изображенному Шекспиром. И все его претенденты на

престол, короли, гамлеты предстали преступниками, одержимыми страстью властвовать. И, раздумывая о происхождении этой власти, я пришел к тому, что родится она в абстракции: все, что делается не для... везде, где обходятся с человеком заочно, создают властелина... если в движении, то это надо, если движение остановилось — бюрократия...

<*На полях:*> *Благодарность в коммуне.*
Чапаев — идеализация.

Движение.

Сколько раз я замечал, что машина расстраивается ночью. Приедешь в гараж, поставишь на ночь машину в полном порядке, а утром она не заводится. Я знаю, конечно, что все это просто объясняется, например, что на изношенной свече при охлаждении ее во время стоянки лопает фарфор. Но и так будет верно, если подумать об этом как о нарушении движения: двигался и двигайся, а остановился — и тебе будет плохо.

Раз один грузовик у нас в большом гараже потерпел аварию и до ремонта стоял, всем мешая. Кому-то понадобилось колесо, и он снял его с неподвижного автомобиля, а под ось его вместо колеса плашку поставил. Не помню, через сколько-то недель я обратил внимание на этот автомобиль и увидел, что ни одного колеса на нем уже не было, и все оси опирались на плашки. Я сам тут воспользовался случаем, взял на свою машину с этой отстойник и две лампочки и заменил свой прерыватель. Потихоньку все шоферы тащили с этого автомобиля себе, и на моих глазах машина растаяла: однажды я больно ударился обо что-то колкое в темноте, включил свет, и оказалось, я наткнулся на прислоненный к стене деревянный ящик грузовой машины — это все, что осталось от неподвижного автомобиля.

И тут мне вспомнилось, как мы ловили переметом в Тихом океане акул. Поставим и в определенный час спешим вынимать, чуть опоздал — и на остановленную в своем движении громадную рыбу нападают морские крошеч-

ные [желтенькие] рачки и пожирают: тоже рыба, тоже сила, и пока движется — к ней страх и уважение всех существ, попала на крючок — и кончено, бейся сколько угодно хвостом, а глаза неподвижны, и рачки начинают с того, что выедают глаза, и тоже вот, как шоферы неподвижный автомобиль, всю рыбу растащат.

Московский снег.

Неприютно стало в Москве без снега, и все это автомобили наделали. Скучно без санок, и вот [навалил] снег, и какой, не успевают убирать его, снег все завалил, и Москва стала прежняя. Плохое утешение! что было, того нет: снег лежит, а саней уже нет, и не сегодня-завтра, на завтра после завтрего дворник снег одолеет, и опять беда — чистый асфальт и на нем не сани, а только машины.

Мы подвезли женщин из Коммуны 1-го Мая, и коммунары, желая сердечно поблагодарить нас, сказали: — Пошли вам Господь доброго здоровья.

Зоя разрушила семейную жизнь своей ревностью, Петя не выдержал. Виноват и Петя: надо было держаться. В семейной жизни мы все держимся, что-то терпим, претерпеваем. А то чем же объяснить, что в начале революции старики, прожившие по тридцать лет с женами, идейные люди разошлись и поженились на молодых. Очевидно, тоже претерпевали, подчиняясь традиции, а когда рушилась традиция, они разошлись. Сейчас традиция снова налаживается, и вот хорошо бы разобрать, из каких элементов складывается необходимость отречения в браке (начнется с любителей, которые не чувствуют тяжести этой необходимости, а ляжет потом и на всякого: «так надо»).

(31 Декабря.) Эти дни от 25—31-е: 25-го Лева уехал, а я остался в Москве: запустил машинистку и Замошкина делать книгу «Рассказы охотника». 26-го приехал и А. М. Коноплянцев подъехал 27-го.

...но я Семашку выручил. Вечер с вожатыми пионеров, [потом] октябренок. 28-го Чапаев, 29-го приезд в Москву Павловны и мое возвращение в Загорск.

Цены, время и Шекспир.

Движение (авто-акулы).

Снег в Москве (Не по-нашему делается, — а как я любил санки в Москве, тепло и уют снежный и санки).

М. М. ПРИШВИН
ДНЕВНИКИ

1932

1933

1934

1935

1 Января. Встречали с ожиданием приезда из Свердловска Левы, но он не приехал.

Мороз. Молоденький месяц и звезды.

Человек не в разуме — это что! человек тем отличается от животного, что о самке своей создает легенду и согласно ей живет и творит небывалое...

Вилков повернул было к предкам попам и женился на дочери Берлинского протопопа, студентке медицинского факультета. В Петербурге молодожены занялись, она — медициной, он — по финансам, и вскоре оказалось, что она работает сама по себе, он тоже, а встречи за столом... так, не ссорясь, они разъехались: она поближе к своим клиникам, он к министерству. Некоторое время ездили друг к другу в гости, а потом и перестали.

Брак — это, как земля, требует силы от человека, и зачем и кто станет напрягать свои силы, если можно легче жить. Не сгори дом у тещи, Петя жил бы с Зоей, потому что там им помогала бы и сама теща, и стены, ею созданные, и вещи, ею собранные. В особенности великолепны были у нее иконы и среди них Владимирская с неугасимой лампадой. Так вот и жили бы под покровительством древних богов. Но дом сгорел, иконы попали к нам. С разрешения старухи Зоя ободрала оклады, снесла в торгсин. Петя с ней разошелся. Она вышла за другого. И от всего этого романа остались ободранные боги без призора на чердаке, в сараях. Зоя, однако, говорила, что в Бога верует и только не верит в загробную жизнь, и тоже вот к сыну Мишутке у ней уже пополам: родить могла, а дальше нет: предпочитает учиться — ей это легче. После всего этого разгрома старухе досталось ухаживать за Мишуткой, и ока-

залось, жить можно, и ведь как: в деревенской избе, без богов, без всяких средств, без ничего, только Мишутка — и вот тут вопрос: не тут ли, в этой силе рода-земли, находится бог-сам и не потому ли Зоя не верит в будущую жизнь и не хочет ходить за ребенком, что силы этой нет в ней. А «ученье»! Лишь бы только под этим предлогом уйти от трудных обязанностей женщины...

И вот почему диктатура, почему колхоз и вся «принудиловка» новой жизни... все это было внутри человека как обязанность к земле (роду-племени); теперь это должно стать извне как палка или «необходимость» (не-обходимость); (какой у Христа пессимизм: вся жизнь такая и преодолевается лишь смертью; смертию смерть поправ: свободным решением не жить уничтожается смертная необходимость жить). Долгой привычкой к не-обходимому обретается свобода: привыкнув к необходимости, человек начинает выкраивать себе свободу: итак, свобода есть сознанная необходимость — по диамату — а я говорю вам: свобода — это привычка к необходимости.

Есть такая игра во мне, я это чувствую в минуты смертельной обиды и злости в борьбе, — что вот жизнь моя в моих руках, возьму я в свои руки эту жизнь и, если уже совсем невмоготу, швырну я ее вам, как собакам: нате, жрите. И почему-то от одной только воображаемой возможности этого является смелость и часто выход.

Бывает, жизнь как бы вскипает, и вот тут в личном сознании является решимость что-то сбросить с себя такое, из-за чего между людьми и бывает весь спор: самую жизнь готов бываешь отдать. Тут вот и рождается герой, и этому героическому действию, преодолевающему всеобщее родовое стремление жить, и посвящено учение Христа.

Но, бывает, иному человеку надобно жить, как всякой твари, и жизнь эта его очень далека еще до точки вскипания, а от него со стороны требуют подвига. Он не может... и он будет отстаивать обыкновенную жизнь и против героического подвига будет стоять как против чумы и всякого рода смертельной опасности.

Так, история борьбы Розанова с Христом мало чем отличается от маленькой истории рядового солдата с Керенским: «Зачем, — сказал он, — я пойду в наступление, если за это мне впереди будет только могила?» Так что если нет внутреннего согласия на героический подвиг и он ему навязывается, то, конечно, «жизнь» надо отстаивать, и эта жизнь паршивенького человечишки в ее голой животности перевесит из-за своей правдивости пустой раздутый баллон героического подвига и победит. Так вот и шла революция до всеобщего насыщения «жизнью».

Фильм «Чапаев» есть уже попытка восстановления старого военного героизма, новая идеализация войны. Смотришь и чувствуешь «суд Божий» войны и кажется, что только тут на войне весь человек как бог...

Надо с этим свыкнуться, что нигде на стороне больше мне уже и невозможно устроиться лучше, чем здесь: что это есть моя необходимость и с этим ничего не поделаешь! Нужно об этом помнить всегда-всегда и в спор никогда не вступать с не-обходимостью.

2 Января. Немного погоняли лисицу, и Осман вернулся домой. Читал в 3-й школе свои рассказы детям. Выступление Бориса Аникина. Семейный гусь.

3-го еду в Москву, дела: вечером 3-го выручить «лейку», а днем купить фотоматериалы, побывать у Замошкина (до 8 часов), 4-го заняться выправкой «Рассказы Охотника». На очереди: Детские книги, Шоферские рассказы, поездка на канал. Достать рукопись: где барсук, беляк и проч.

3 Января. По дороге в Москву Яловецкий рассказывает о каком-то охотнике, стрелявшем с успехом зимой из-под легавой тетеревов. Закупил фото, виделся с А. М. (кумом), вечером у Чувиляевых и получил «брачный пробег» чувилей.

Продолжаю думать о «голубом свете продолжения животной любви в человеке» (вот бы дать это в «Кабарде» начало всего, т.е. что и есть центр отличия человека: что

человеческий самец творит о своей самке легенду (вроде «непорочного зачатия»); и тут поэт есть действительно творец новой жизни (это близко только сделано в «Корне жизни»). Все же остальное (машины, наука и проч.) относится к добыванию средств существования на свой лад и по существу ничем не отличается от звериного «прозябания».

Еще и так можно понять, что если и есть нечто другое, то оно как революция, пафос его есть пафос революции, т. е. отрицания, отталкивания при скрытом притяжении, «фобства» ради недоступного «фильства» (напр., побег Петра из Москвы на Неву).

Вот, напр., всем смешно это развешанное всюду напечатанное объявление: «встреча нового хозяйственного года на катке», так точно и везде, хозяйственный мотив претендует на первенство перед эротическим; с другой стороны, происходит также и маскировка эротики хозяйством, наукой, политикой... Итак, в «Кабарде» надо показать легенду (эрос) как единственный источник культуры (ведь в эросе часто бывает и отрицание пола; «счастье» исходит из сохранности эроса: быт как кладовая эроса; и вот отличие от животных: только время: в человеческом быстром времени яснее видна роль личности в творчестве легенды (быта, украшений, перьев, сохраняющих эрос).

Групповое сознание нашей квартиры: Петровна и другие в разделенности чуть ли не биологической, а христианство пробует всех соединить: «и Петровна человек!» То же и коммунизм, но христианство воспитывает, а коммунизм стаскивает всех в одну квартиру.

Привык русский человек молчать, болтовня кончилась.

4 Января. У Замошкина был Парфенов (писатель?), рассказывал про Бетала Калмыкова, что у него семь жен и проч. Всенародное сочувствие моей поездке в Кабарду (все говорят — писать не роман, а Кабарду, «роман написать еще успеете»). Я лично думаю, что народ прав: ведь чтобы о прошлом писать, надо очень твердо стоять в на-

стоящем, а мы на ветру стоим, как яблоньки, с подпорками: вот-вот налетит вихрь и отрясет все яблоки.

Вечером был у Ефимовых (Иван Семеныч и Нина Яковлевна): скучновато было. Я говорил страдающему Замошкину о страданиях, что очищают душу страдания, поднимают дух, но все-таки если видишь, что человек достигает высоты жизни и без страданий, то к черту страдания... И у Ефимовых, представляющих Шекспира, что Шекспир занимался преступными властелинами, и нас приучил думать, что в этих страстях и есть человек (homo sum et nihil[1] и проч.), а это неправда: это преступный человек и незачем бы его показывать (вспоминаю, как в 19-м году один семинарист доказывал, что с отменой денежной системы Отелло потеряет значение: что чувство ревности будто бы связано в происхождении своем с денежной системой, что как только женщина перестанет быть товаром, прекратится и претензия на нее властелинов и ревность их). Я тоже прихожу к тому, что искусство может обойтись без таких и что homo sum — это не значит, что непременно я не Отелло, или...

В Москве можно быть только с делом и по делу, — побыть и уходить куда-то к себе, далекому и спрятанному в складках завес. Совсем нельзя ходить «в гости» и беседовать: это совсем ни к чему и приводит непременно к разочарованию, усталости, скуке...

Вчера из газет узнали о смерти Ефимова. Парфенов сказал, что будто бы Толстого разбил паралич. Стараюсь не быть равнодушным к этому известию.

6 Января. Беседа в библиотечном коллекторе с «несовершеннолетними». Ответ Горького. Появление Калика.

<*Зачеркнуто:* В творческой борьбе нельзя жалеть своих сил, потому что все затраченное с избытком возвращает победа.>

---

[1] Homo sum et nihil <humani a me alienum puto> (*лат.*) — Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо.

В борьбе сил не жалей: победа все назад отдает. <*Зачеркнуто:* Победа возвращает все истраченные силы обратно, да еще к этому отдает и силы противника.>

7 Января. Написал ответ Горькому.

Все яснее и яснее становится, что из двух тем верная — Кабарда. Можно, конечно, устраиваться хорошо, но написать роман сейчас мне невозможно (нет устойчивости).

Известия: Леандерс.

Глубокоуважаемый т. Калмыков,
посылаю, во-первых, две своих книги 1) «В краю непуг. птиц»; 2) «Золотой Рог». Вы увидите из этих книг, умею ли я исследовать и описывать неизвестные мне края. Во-вторых, прилагаю в копии (подлинник надеюсь вручить Вам лично) рекомендацию Н. И. Бухарина.

Теперь вот мое дело. Желаю изучить и описать всю Вашу маленькую, но, как все говорят, хорошо устроенную страну: природу, хозяйство, управление, людей. Мне нужна для этого Ваша помощь во всех отношениях, потому что я человек уже сильно пожилой и силы свои принужден экономить.

Я могу писать, только если хорошо усвою материалы, привыкну к ним. Для этого нужно время. Прежде чем решиться отдать это время, я хочу приехать к Вам недели на две для переговоров с Вами и разведки.

8 Января. Рождество.

Вчера вечером в Загорске после Москвы радостно увидел звезды на небе и вдруг почувствовал праздник. Открылась дверь домика, и женщина, прощаясь с другой, сказала: — Помолитесь и за меня, Александра Гавриловна!

Только очень недавно у нас сняли с церквей последние колокола, и звон совсем, как в Москве, прекратился («беспокоит рабочих» — и правда!) Но говорят, что в Подсоснине, в Шарапове еще звонят.

Вспоминаю из беседы с библиотекарями, что кто-то благодарил меня за «мужество оставаться самим собой»

и другие это горячо поддержали. С другой стороны, мне кажется, народился и воспитался тип полуинтеллигента, преданного без всякой одумки правительству, как, бывало, крепостные были преданы господам. Собравшимся библиотекарям я сказал, что «очень приятно это собрание тем, что я встретил тут много друзей». На это какая-то дама ответила: — А если кто до сих пор вас не знал или сомневался, то с этого разу и тот полюбил.

NB. В Москве достать Маркова и Шекспира.

Очень трудно мне встретиться с Горьким, очень! Это потому, что я много думал о нем нехорошего. И он тоже, наверно, чувствует во мне недоброго свидетеля и оттого избегает встречи... Чем я особенно не политик и не дипломат, это что если к кому-нибудь почувствую неприязнь, то не могу с улыбкой, не подавая виду, встретиться и ему для всех как будто дружески пожать руку. Если же мне это и приходилось когда-нибудь делать, то потом всегда премерзко было и что-то я из себя терял.

<На полях:> Читатели и почитатели.

Из людей обыкновенных таких простаков много, и они вот, наверно, и являются моими главными читателями и почитателями. Но из людей, наживших себе крупное имя, людей таких мало. Если мне удастся «перевидеть» в Кабарде борьбу за власть, то хорошо бы отдать эту свою черту святого обывателя победителю; возможно изображать его так, что в борьбе он это теряет, но победа каждый раз возвращает ему эту силу обратно. А между прочим возможно, что в большом плане творчества культуры («новой лучшей жизни людей на земле») эта черта именно и определяет победу. Возможно представить себе властелина со всеми пороками, но одна вот эта черта, для всех скрытая, в своем редком проявлении и определяет место этого властелина. И эта черта делает его «нашим». Эта черта, конечно, сделала Ленина и, надеюсь, есть у Сталина (хоть иногда эту веру трудно бывает держать среди всеобщей лжи, его окружающей). Между прочим, конечно, «мы»

(народ) до последнего краха втайне лелеем мечту воплощения этой нашей черты в лице нашего героя.

Итак, моя тема при поездке в Кабарду будет победа (это значит анализ борьбы, раскрытие ее тайны как-нибудь в патриархальной простоте кавказских народностей). Наш простолюдин в своем движении к власти эту основную черту теряет ступенями, и часто уже на самой низкой ступени плутовства эта черта остается во внешнем для всех простом, веселом и дружеском обращении.

10 Января. И снег, и заяц совсем белые, но снег синеватый, как рафинад, а заяц желтоватый, как обыкновенная вата. Вот только что там иссиня, а тут изжелта, и что одно мелькнет на другом в черных прутиках и возможно бывает не прозевать появление.

Корка и под снегом в четверть аршина хрустит, верно, раз такая появится, то и на всю охоту беда.

Экономисты на нас, человеков, смотрят приблизительно как биологи на род млекопитающих...

Б. замечательно верно сказал, что моя способность чувствовать факты дается людям, близким к совершенному отрыву от земли. Именно вот это ко мне относится, и это ключ ко всему пониманию моего дела. У Толстого про это сказано так, что «нужно заблудиться», и вот именно что я постоянно блуждаю и мне как блуждающему показываются факты как сигналы органического целого... Эта встреча с фактами имеет еще свойство девственности... Бывает два восприятия, одно через новизну: никогда не видел и спешу, пока не привык, вобрать все в себя жадно, и об этой первой встрече можно писать и всем это будет интересно и останется навсегда как открытие личности, качества... Другое восприятие дается посредством катастрофы в привычном: разбилась вещь, а как она служила и как я ее не замечал!

13 Января. Вчера охотились семьей в княжеских местах, целый день зайца гоняли... Охотились, или стреми-

лись превратить зайца в кусок мяса... Лес был завален снегом, и в округлых формах насевших на сучки фигур трудно было заметить округлые формы зайца: весь снежный лес был как заяц и давал нам понять, как сложен вообще заяц и как прост и ничтожен кусок мяса, в который он обращается после выстрела... Мысль о возможности появления зайца заставила всматриваться в снежные округлости, и всюду благодаря этому показывались снежные существа и благодаря зайчонку оживали, и весь лес жил.

Здоровый эгоизм Левы...

<Приписка:> Притягательная сила «света» (Чапаев — обнял... Пушкина, Лермонтова)
Соц. консерватизм: и хорошо, и плохо.
Необходимость «тайны» для творч. личности, или же...

14 [Января]. Тепло. Снег. По пути в Москву: «сорвалось».

В Москве. Замошкин, изрезанный человек. «Рассказы Охотника» несу к Фадееву. Заказал Фадееву объектив 105. В трамвае кошмарное столкновение с контролершей: в отделении милиции находят мои «Записки охотника».

15 [Января]. До обеда выправлял рукопись и сдал ее. Готовлю сдавать детскую книжку «Бурундук».

Бывает, все как будто отлично идет и нет никаких оснований тужить, но вдруг ни с того ни с сего заберется в тебя такая тоска, что вот прямо чувствуешь, как у тебя в груди тысячи рачьих клешней разрывают мясо твое. Отчего это?

Если это болезнь... да нет же, я вполне здоров. Думаю... и вот попадается мне на глаза одна вещь. Недавно это был большой хороший грузовой автомобиль. Пришел он к нам в гараж вечером в полном порядке, вдвинули мы его, а ночь простоял и не завелся. С машинами это очень часто бывает, ездишь на ней весь день, и все ничего, а ночью во время стоянки сама собою разладится.

Крутили мы эту машину, крутили и бросили. Мы возили камень на большой новый путь, машин в гараже было

много, — не заводится и не надо, взяли другую. Не раз мы еще пробовали, но когда наш механик приехал, посмотрел и покачал головой... раз уж сам механик покачал головой, то мы, обыкновенные водители, и не смотрим на эту машину, и так стоит она и стоит. Раз как-то глянул, а колеса одного нет, в другой раз — другого нет, а там гляжу — и весь автомобиль без колес и оси на плашках лежат. <*Приписка:* Раз лампочка понадобилась, открыл я фару в неподвижной машине, и уже нет лампочки: другие взяли. А то колесо смотрю — нет колеса, и когда самому понадобилось, гляжу — нет колес в неподвижной машине и все четыре конца осей на плашках лежат.> Да так и пошло, и пошло, кто лампочку отвернет, кто жиклер из карбюратора вынет, кто молоточек из дистрибутора, кто сережку, кто пальчик <*приписка:* коленце>, шестеренку. Однажды глянул я на это место и вот вижу, у стены прислоненный деревянный ящик стоит, — это все, что осталось от большой машины.

И теперь смотрю я на эту вещь и вспоминается мне, как мы в Тихом океане ловили переметом акул. Бывало, чуть запоздаешь — и акула, пойманная на крючок, еще живая, а уже без глаз: это бесчисленные морские [желтенькие] крохотные рачки, как только животное перестало двигаться, нападают на него и начинают с глаз разбирать, как с лампочек начали разбирать шоферы машину. Нельзя останавливаться живому существу в море — и я это с машины и с акулы на себя перевожу, что если тоска, то, значит, ты застрял, или кажется тебе, что грудь твою разрывают тысячи клешней — это значит, рачки уже нападают, и надо набраться всем остатком силы и рвануться вперед.

16 Января. Почему, почему это стало все проходить мимо, не оставляя следов для глубокого раздумья? Если имена, числа, мысли плохо держатся в памяти, с этим просто бороться: надо записывать. А если жизнь начинает проходить без следов, надо сильней-сильней собираться в себе просто сказать: надо Богу молиться — и так это верно: у молодого сама по себе непременно остается, как в губке вода, а пожилой должен делать усилия...

Чем больше резали в животе у Замошкина, тем больше ему жить хотелось.

21-го — радио, Ленин, 100 р.
21-го 6 веч. клуб: 100 р. — машину
Возвращается 10-го Марта Лева.

22 [Января] день Ленина (вчера смерть). Петя приезжал. С вечера чудесная погода. Ночью ветер. На охоте застала буря, метель. Потеряли зайца, лисицу.

Мрамор или дерево, если падает на них вода, кажутся телом живым: это не сама вода живит, а движение. Так тоже, бывает, зимой в лесу в темноте и тишине темных елей начинает ровно падать крупными хлопьями снег, и как же тут весело, как очаровательно это движение в полном молчании. Идет, идет! а ели живые все думают, думают. Идет. Не то это их думы идут, не то это люди идут, мои милые, дорогие люди, которых в жизни так трудно найти, так трудно встретиться! И вот совершилось: мы все тут вместе идем и проходим.

23 Января. Вот уже 3-й раз повторяется: яркое солнце, морозит, вдруг падает барометр до бури — ветер, метель, тепло. На завтра в 6 в. — ремонт машины, Молодцов — фото. Читаю Франка: Личность и вещь (Штерн): мне очень приходится.

Опыты с фото: Сосулька 15 снимков: 6 снимков загублены и 6: 1/60 при всех диафрагмах.

24 Января. Главная мудрость нажитая выражается тем, что человек, имея какой-нибудь загад, не торопится с его выполнением, а выжидает, поручая в этот промежуток нечувствительно для себя «задаром» работать тем же самым естественным силам, которые выращивают, например, посеянную <*зачеркнуто:* в земле> рожь.

Я это заметил в себе только в этом году. Я начал расставаться с задуманным планом, совершенно спокойно поручая его времени. На первых порах это казалось опасным, — расстанешься, и оно не вернется, — но после не-

скольких опытов убедился, что все возвращается, что я вступил в более спокойную, уверенную фазу своей жизни.

Понимаю философию как схему творчества, как леса на постройке: очень помогает, очень облегчает, если только... что? нужно все-таки наличие внутреннего опыта, над которым и думаешь во время чтения. Читаешь и говоришь: верно, верно! читаешь и как будто сличаешь с подлинником в себе и повторяешь: верно, верно!

<*Приписка:* Франк. Этика нигилизма (1909 г.) 26 лет тому назад Франк не мог предвидеть Литвинова, речи которого теперь являются мостом, на котором встречаются вместе те разнородные... Франк ошибался в оценке интеллигенции, то брал ее обособленно, понимал ее как секту и отказывал ей в доле участия универсального строительства...

Оглянешься на прошлое — что пережито! — и страшно подумать о себе теперь: как я могу после всего жить так обыкновенно и как будто без отношения к страшному опыту...

Когда интеллигенция от меня отошла, я припал к народу и пил из него слово, как ребенок пьет молоко у кормилицы, и это дало мне жизнь какую-то... живую, хотя иной раз и страшно думать, что после всего я живу...

1905-й год разрушил интеллигенцию (в смысле секты). Но за границей сущность ее сохранилась в Ленине. И Франк рано простился с ней в 1909 году. В лице Литвинова дело ее перестало быть делом секты, а стало универсальным(?)

25-го поехал утром в Москву. (С Накоряковым почти договор — через 2 недели, после отпуска справиться; вечером у Чувиляевых люди-маски.

26-го с «Вечеркой» переговоры о «Рассказах шофера», вечером замечательный фильм «Киров» на траурном митинге и 27-го днем (похороны) в валенках по воде прошлепал на вокзал и вернулся домой (трамваи не ходили).

Есть общий ум, который состоит не из одного ума в смысле разума, и даже скорее тут очень даже мало разума

и гораздо бо́льшая доля чутья, которое главным образом и составляет этот «ум» народный и всюдный, благодаря которому между всеми ступенями образования и развития все-таки существует общение. У нас на Руси этот ум и лег в основу литературы...

Благодаря этому получается тот язык намеков, как у Гоголя, Достоевского: читаешь и все время чувствуешь нечто большое, стоящее за словами, тогда как у Тургенева, например, читается без просвета в этот мир общего ума: хорошо очень, ясно, легко, но слишком словесно и нет ничего сзади слова. А у тех, кто Гоголю подражает, у Ремизова, Белого, кто хочет сделать, как у тех выходило, получается какое-то неприятное для нас, привыкших к языку общего ума, подчинение высшего низшему, вроде того, что литература как бы служит живописи...

Читаю одновременно романы Тургенева «Отцы и дети», Достоевского «Бесы», Гоголя «Мертвые души».

28 Янв[аря]. Гонял беляка возле моста, много раз его перевидел, но подстоять не мог, и Осман поймал его сам и съел. Очень тепло, почти тает...

Разговор в Детгизе: «Вы, Аннушка, пойдете сегодня Куйбышева хоронить? — Нас поведут, — ответила Аннушка, — вот спросите Марью Петровну». И это верно: их всех ведут, часто по непогоде, и они ужасно скучают на улицах. Они все актеры похорон вождя, каждый из них участвует частично, как в современной войне окопный солдат. Но в кино получатся похороны вождя: реальность из ничего... На траурном митинге Куйбышева показывали такой фильм «Киров». Все было кончилось, похоронили, урну замуровали — и вдруг живой Киров вскочил на трибуну и опять ораторствует: «Да здравствует и проч!»

В кино так тоже сделали с разбитым колоколом: колокол упал и разбился в куски, после того ленту пустили обратно, куски собрались, сложились, колокол целый полетел вверх и повис на прежнем месте. Вторая неприятность этого фильма, что Киров говорит, напр., так: «Тут представители точных наук, а я вам скажу, одна у нас и самая

точная наука — это марксизм». И это сразу открывает, что не поп, а дьякон, что и все такие честные люди, Чапаев, Киров, Куйбышев — все они дьяконы, а над ними где-то невидимый тщедушного вида какой-нибудь Стецкий — попиком сидит... Кино дает лишь видимость, лишь дьяконов, а поп остается скрытым... Античный герой и кино.

31 Января. Вчера заключительная неудачная охота на княжеск. местах: Осман бросил гон и вернулся (глубок снег, тяжело). Сегодня еду в Москву. Слышал о статье Панферова против Горького. Конец Максима, это чуется — висит в воздухе.

Дела мои: Детгиз — сдать рукопись и гонорар получить. Видеться с киношниками (Мершин — пленку). Найти Ставского: свидание с Калмыковым. Понять время: Силыч и Замошкин. Разумнику деньги. Бонч-Бруевич. Фадеев — лейка. (Проявитель). Дуничка — Игнатовы. Проверить «Рассказы охотника». Авторемснаб: подшипники. Купить Л. Толстого. Проверить Воен. общ-во. «Вечерняя Москва».

«Административный восторг» (как контролерша увела меня в милицию). Лампочки. Запасн. части у Авербуха. Распределитель: материал.

В Москве: отказ «Вечерки» за «идеализм» (следствие письма Панферова). Тот страх. Ставский и в «Правду» (Эрлих). Унижение от себя. Явка пайщиков в «Сов. Писат.» (одесситы и венгры даже появились). Не пошел в «Правду».

Самолюбие, конечно, является движущей силой в литературе, но эта сила, как электричество, не должна обнажаться, и если обнажится, то это свидетельствует о каком-то распаде. (Письмо Панферова к Горькому.)

Разговор с Ставским о Горьком и «Правде». Как стыдно, бывало, смотреть на седую мать, когда она во время игры в крокет ногою подставляла свои шары к воротам: так неловко и так странно для почтенной старухи. И вот это самое я узнаю в себе, когда начинаю свою «политику».

Очень ущемлен, большая тоска... и все от самого себя: собой недоволен, и это хуже всего... не умею кадить...

1 Февраля. Серг.-Ценский каждый раз удивляет меня сходством своим с Григорьевым: рационалисты с отчаяния, страшно жить тем, что изнутри поднимается, и хватаются за ум, а люди неглупые и способные. Писать могут, сколько угодно и сразу набело, или диктуют. По дому, возле себя хорошие хозяева... Со своей ленью, игрушками, смятенностью я сплющиваюсь перед ними...

Заказал свидание с Калмыковым.

Сегодня: 7 веч. на Шкловского.

Возник вопрос о работе для детей.

<u>12 новелл для Календаря</u>:

Иван да Марья — октябрь
Волки-отцы — декабрь-январь
Лиловое небо — дек.-янв.
Весна света — февраль
Майские жуки — май
Птичий сон — сентябрь

Договор на 12 новелл в 100—1400 знаков за 2000 р. подписал. 3-го в 2 ч. получить деньги с Детгиза за «Бурундука». Скандал с благородном семействе (телефон).

3 Февраля. — Вы помните, какой сейчас день недели — нет? ну, вот об чем же нам говорить, значит, нельзя...

Глубокоув. Лазарь Моисеевич,
после [большой] продолжительной борьбы с собой вынужден и я тоже обратиться к Вашей помощи, необходимой мне для успеха в своей работе («творчестве»). Три года тому назад я просил И. В. Сталина о жилище в Москве, и по его предложению Моссовет дал мне квартиру за Бутырской заставой на Песцовой улице в новом доме. Дом был плохой. Вскоре оказалось, что зимовать в этом доме нельзя. При отказе Моссовета дать другое помещение, теплое и ближе к центру, я при наступлении зимы вынуж-

ден был обменять квартиру свою на одну комнату в Леонт. пер. К сожалению, комната оказалась сырой (наружная стена вся в плесени). Расположенная в огромной [коммунальной] квартире, эта комната открыта проникновению с утра до ночи музыки и других звуков. Прибавить к этому, что я не один: в той же комнате сын, его жена и скоро будет младенец. Тем не менее, как Вам известно и по моим книгам, я работал, уединяясь для сложной работы в Загорске, в Москве же [нахожусь] для сбора книжн. литературы, выступлений и лечения ревматизма, полученного, несомненно, благодаря сырой комнате...

Все, кто видел условия моей жизни в Москве, в один голос убеждали меня настаивать на получении жилища, соответствующего моему [способу] творч. работы и в [осуществление предложения] И. В. Сталина дать мне квартиру. Но я не решался поднимать этот вопрос и не решился бы, если бы в последнее время жильцы этой большой квартиры не возбудили бы вопрос о перенесении в общее пользование моего личного телефона. Для меня телефон на столе так же необходим, как перо, но жильцы не получают телефона, потому что, с точки зрения начальника <*приписка:* [узла]> тел. сети, в квартире уже есть телефон. Этот спор о телефоне, ожесточенный в высшей степени, открыл мне глаза на всю огромную потерю моего труда при унизительных и жалких условиях существования (жизни моей) в Москве.

Повторяю, мне до крайности тяжело в просьбе своей жилища исходить из особенной важности своего дела, имеющего почему-то преимущество перед другими делами других людей. Но сейчас мне до крайности хочется создать замечательную книгу для маленьких детей. Многие знатоки говорят, что я могу сделать это превосходно.

Лазарь Моисеевич! три года тому назад я просил о том же И. В. Сталина, обещая дать книгу о зверях. Я выполнил обещание. Вам известно, что книга моя «Золотой рог», по которой сейчас делают дальневосточный фильм «Корень Жизни» — во всяком случае стоит моей сырой комнаты. Но я обещаюсь через год, если Вы мне устроите, дать книгу детям во много раз лучшую.

Мне нужно:

1) Дать разрешение жильцам квартиры получить свой общий коридорный телефон, независимый от моего.

2) Дать мне жилище отдельное для моей семьи с кабинетом для работы и своим личным телефоном.

Вторую просьбу, сознаю, нельзя выполнить в несколько дней, но первая возможна для немедленного осуществления.

После переработки получилось отличнейшее письмо, настоящее художественное произведение, столь совершенное, что не осталось никакой тревоги после его отправления. А ведь и всякое письмо как отношение одной личности к другой должно быть непременно художественным, иначе же ведь и невозможно посредством одних голых слов объясниться.

4 Февраля. А вы помните разве, какой теперь день — ведь не помните! Завтракал опять возле Венеры и опять явилась тема...

Клятва (или как я бросил курить).

Опыт борьбы с курением табака и Льва Толстого, и знаменитых медиков, и в свое время нашего наркомздрава Н. А. Семашко не только не дал каких-нибудь положительных результатов, но даже, по-моему, в конце концов прибавил курильщиков. <*Зачеркнуто:* Правда, есть такие запретные плоды, которые чем больше будут запрещать, тем они больше соблазняют. И чем больше будут говорить о вреде, тем> И все потому, по-моему, что борьба неправильна в основе своей. Скажете ребенку: ходи по всем комнатам, а в одну нельзя — и он не пойдет ни в одну комнату, кроме запрещенной. Скажете — это полезно, это вредно — бери полезное, и он непременно выберет вредное. Вот почему...

И потом, если табак сейчас мне полезен и вред скажется только к старости, то зачем я буду бросать и портить молодость из-за счастливой старости... Мне лично табак в 30-летнем опыте жизни кроме пользы и радости ничего не давал, и бросил я курить совсем по другим причинам.

Было это утром, я встал с левой ноги и обидел жену. Я был неправ и сумрачный вышел из дома. И тут вдруг я увидел в то утро, что жизнь везде хороша: солнце, воздух ароматный, птицы поют. Все чудесно вокруг, а у меня сумрачно, и я виноват. «Разве, — подумал я, — вернуться домой и попросить у жены прощения?» Нельзя: в сущности, я же не так перед ней, как перед собой виноват. И надо не замазывать вину просьбой прощения, а в себе самом исправить навсегда обещанием. Но ведь забудешь обещание, а как бы сделать, чтобы не забыть. И тут мне пришло в голову оторвать от себя вдруг тридцатилетнюю привычку курить: тогда ведь никогда не забудешься... А могу ли? Ну вот еще, конечно же, я могу! Швырнуть папиросы недолго и потом очень нетрудно опять их купить. Нужен договор, нужна клятва: с кем же договор, кому клясться? Людям сказать — посмеются и не поверят, скажут: опять закурит, знаем... И вдруг мне пришло в голову с самим табаком заключить договор. Я вернулся домой и написал

<u>Договор с табаком</u>

193... года месяца числа Табак освобождает меня от курения навсегда. Я обещаюсь и клянусь никогда никому не говорить о вреде табака и никогда ни при ком...

Немедленно после подписания этого договора радость жизни вернулась ко мне, и я в восторге от всего, как маленький, отправился по своему делу.

И первый день я не могу сказать, чтобы мне было особенно трудно. На другой день вечером по возвращении домой вдруг грусть, что ведь никогда! Третий день я страдал и ночь всю не спал... Следующий день жить было почти невыносимо, ночью бредил. Жена почувствовала глубину моего страдания и упрашивала сказать, объяснить. Я ей ответил, что могу открыться ей только в конце недели, в субботу вечером. Она совсем испугалась и с этого часу начала переживать муку не меньше моей. Интересно, что я ведь сидел [днями] в обычном доме, ведь я не меньше 50 штук в день уничтожал... А теперь чисто, и она не замечала... К концу недели казалось, что думы через неде-

лю открыться проходят и я буду уверен, что выдержу, что будет вообще с чем и открыться. Но и через неделю было трудно, и через две...

И прошло уже пять лет, а в душе я все так же люблю табак и часто радостно гляжу на хорошенькие табачные коробочки. Иногда в хорошем ресторане за столом я вижу, на полочке лежит шоколад, на другой полочке апельсины, а пониже полочка с чем-то апельсинного цвета. — Что это? — спросил я, — на третьей полке? — И мне ответили: это папиросы «Сафо». Какие милые коробочки! Какая прелесть.<*Приписка:* О, Табак, какая ты прелесть>

Курите же, граждане дорогие, милые юноши и даже девушки... ничего! курите, курите себе на здоровье и радость. Но только если придет время и заставит жизнь дать клятву — держите слово свое твердо, благодарите табак за принесенную радость и не говорите никому о вреде... И не стоит убеждать <*приписка:* исправлять> людей пустыми [хитрыми] рассуждениями о вреде табака.

7 Февраля. В Москве. Обида в Детгизе. Вечер Андроникова (Толстой с собакой, Толстой и бабушка). Еврейская интеллигенция.

Я опять такой же больной, как в 1904—5 году (повторение через 30 лет!) Признаки этой болезни: крайняя обидчивость: все задевает, переменчивость планов: сегодня одно, завтра другое, неработоспособность, тоска, сопровождаемая физическая болью, везде и всюду явление пошлости. Причина болезни малая: это что я, пробегав целый день на лыжах, еще не отдохнув, появляюсь в Москве и тоже бегаю. Причина большая: застопорка в работе. Вот пример неуравновешенности: обдумал «Кабарду», добился возможности видеться с Калмыковым и не пошел; в Детгизе убедили писать детскую книгу. Стал писать. Приезжаю в Москву с планом, прихожу в Детгиз — там что-то показалось не так, и вдруг бросаю... Неладно. Как быть?

Самолечение: оно понятно... Взяться за что-то и создать режим в работе. Вернуться к себе и быть в себе: это

значит, опять-таки отъединиться, понимая себя как больного; Бострем делает еще и так: он берет пошлый образец делового человека и подражает ему во всей точности: этим создает себе броню извне, а сам внутри отдыхает. Не знаю, могу ли, но надо попробовать и этот способ.

«Неприступная» (Марьянка в «Казаках»)... вот вспомнилась тоже история с N.: входя в номер, она хлопнула его ладонью по заднице — чего же больше? она нисколько не сомневалась, что в этом же и дело; а между тем он готовился просить ее об этом «ознаменовать их долголетнюю дружбу», и он не посмел ей это сказать и отправил. Что это? ведь он отлично бы мог как все и делал это не раз с другими; но тут вот что: эта «неприступная» связана как-то с основной Неприступной, хотя в свое время и та была готова, но ему нужна была неприступность, и он создавал ее из ничего.

Разобрать когда-нибудь до конца происхождение «Неприступной». Вероятней всего, она и есть именно та самая «Муза», без которой невозможно творчество: она есть трансформатор половой энергии в эротическую («Марьянка» у Толстого и есть его «муза»): «недоступность» — это же ведь и есть пафос всей культуры: «доступна» как короткое замыкание, и тут род, а культура — высокое напряжение (создаваемое недоступностью).

<На полях:> У Достоевского бедная жизнь. Подпорки славы.

Большой писатель неизбежно принужден строить подпорки для своей тяжелой славы. Вот надо найти в раннем Толстом зародыши его проповедничества и просмотреть, как зародыши дали болезнь толстовства (и у Достоевского, и у Толстого нити этого грибка пронизывают с самого начала худож. творчество, а у Гоголя, кажется, нет, художество отдельно, а «Письма к друзьям» отдельно: и потом сразу как явление черта).

Я мечтаю и загадываю оставаться «скромным» в художестве: это значит, я хочу писать без претензий. Правильно. А если вдруг да не пишется, как теперь, а положение занято, и оно требует, и вся жизнь гонит (заостренное самолюбие — чуть по нем... и я не я). Вот почему «Кабарда»

необходима, какое-то дело, чтобы уйти в него «с головой»: уйти с головой — ушел с головой в дело, а сердце осталось свободным и, накопляя [постепенно] утраченную силу, ждет... <*зачеркнуто:* возвращения головы>

<На полях:> Чистота и природа.

Происхождение толстовской «пахоты».

Жить как «Я» всегда и везде невозможно, необходимо жить и как все; иной делает это холодно, вполне отдавая себе отчет, другой отдается этому с благоговением. Мещанин далеко не отходит, удовлетворяется мебелью и т. п. Другие в поисках удаляются от прямой пошлости: отдаются эстетизму и проч. Третьи уходят на такую грань, где, как им кажется, их «я» ритмически соединяется с «Я» должным всего мира (в природе, в Боге), «быть как все» тогда совпадает с ритмом природы, и человек («как все») вдвигается в природу, и отсюда уже является требование уйти из города в деревню (косить, пахать и проч.).

Происхождение этики Толстого.

Поэтическая прелесть природы есть выражение душевного мира (согласия): почему-то если в чем-нибудь у себя неладно, то при созерцании природы начинает царапать, и так получается, что там вон, куда глаз смотрит, чудесный мир, а в себе лично дурной, и это дурное прикрыто в городе. Значит, чтобы найти равновесие сил и счастье, надо уйти из города в природу.

Характер поэзии Л. Толстого — мужество, правдивость и чистота...

Чёрт Толстого является в требовании обязательного поведения для всех, от присоединения к художнику милиционера нравственности. Художник: «я вот так увидал это и там, а ты у себя в своем кругу погляди, не увидишь ли то же». Милиционер: «гляди, куда я гляжу».

Конец Горького есть продолжение конца Л. Толстого.

9 Февраля. Вечером пришел Трофим Михайлович Борисов, человек какой-то нейтральный, и я, рассказывая ему много о себе, почти успокоился.

Итак, три работы:

1) «Кабарда» (т. е. нечто подобное «Колобку» и «Жень-Шеню»).

2) «Начало века» (беседа с Бончем — на очереди и с Лундбергом: в след. приезд, т. е. 14-го «Серп и Молот», 15-го Бонч, 16-го Лундберг).

3) Детская книга «Машка». (Написать залпом всю очень скоро).

10 Февраля. В Загорске.

Читаю «Бесы». Способность Достоевского схватывать читателя. У Толстого, наоборот, не он, искусник, схватывает, а то, что он показывает: читатель, любуясь богатством показанного, переходит от странички к страничке. У Дост., ужасаясь, охая, ненавидя... Дост. намеками... загадками... Толстой силой вещей самих по себе...

Последние «бесы» — это Зиновьевцы, претенденты на престол. По ним-то уж явно видна «миссия» интеллигенции создать новую государственность, и каждый интеллигент скрытый властитель...

12 Февраля. Неделями валит снег, но мы все-таки пробовали пустить Османа, ничего не вышло. С 16/II (отпуск Пети) начнем с флагами.

Кажется, всерьез взялся за детскую книгу.

Достоевский и Толстой. Искусство Достоевского и Свежесть Толстого (Толстой как очеркист).

Если серьезно подумать о «полунауке» (Достоевск.) и роли машины и создаваемой ею необходимости, то как смешон замысел мой овладеть механизмом (между тем овладел же кузнец Вакула чертом).

От 30/I 1934 записано у меня, что изобретатель похищает мысль у людей: после того как мысль ушла в механизм, человеку не нужно уже думать: кажется, будто так и надо.

<Приписка:> 14-го выступление в «Серп и Молот» «Интеллигенция» и «Жестокость» — не надо жалеть.
По земле и по вокзалу.

14 [Февраля]. Выступление на заводе «Серп и молот». Привычная моя болтовня, при которой не только рабочим, но и мне самому кажется, будто в «творчестве» моем нет никаких «тайн» и никаких нет преград теперь между мною и ими. Происхождение этого «нет тайн» двойное: 1) это моя уверенность, что никто из них не может поставить мне большого вопроса; 2) что я сам в своем творчестве для себя же представляю тайну, которую сам не могу разгадать, и потому не только не боюсь, но даже и жажду, чтобы кто-нибудь занялся этой «тайной» (я говорю о неведомом только то, что я, малосведущий человек, мало отличающийся от рабочих, познал в нем в своем опыте).

Между прочим, я говорил о моральном равновесии художника: один человек работает в литейном цехе восемь часов, другой, художник, порхает, претендуя на исключительное положение. «Художник должен завоевать себе право быть художником, и потому молодежь не надо жалеть». — Да, это верно: не надо жалеть! — раздался голос какого-то железного человека.

23 Февраля. Погода. Зима рано началась страшным нажимом морозов до 40° и больше. Но потом проходила ровно на малых градусах и с малым снегом и без осадков (раз была гололедица, и на всю зиму [корка] резала ногу собаке). В Феврале же тепло и ежедневно снег и навалило. Теперь уже несколько дней льет с крыши, осадки великие. Вчера вечером хлестал дождь с ветром.

В Москве (21) пошел в ожидании бани в церковь и там нечто услыхал, и как мне после показалось на Тверской и в бане...

24 Февраля. Теплынь продолжается. Вечером и ночью на 25-е дождь льет. Генрихсон регулировал подшипники в шатунах и протирал клапаны. Ремонт оставили до 1-го Марта. Набираю из тетрадок материал для рассказа об автомобиле. Кончаю 12 Заметок для календаря.

25 Февраля. «Отцы и дети» Тургенева: ...«или предавались тому ощущению полной тишины, которое, вероят-

но, знакомо каждому и прелесть которого состоит в едва сознательном немотствующем подкарауливании широкой жизненной волны, непрерывно катящейся и кругом нас, и в нас самих». Это замечательное место вызывает пересмотреть лучшее у Тургенева и понять из этого... А Базаров вовсе устарел и в нашей современности почти непонятен: до того слаб этот «тип»: это большевик под пером Тургенева... теперь, когда все сбылось, Базаров не человек, а бледное пятно... и потом при слабости выражения Тург. обошелся без «греха» нигилиста. Эти поздние повести являются отступлением автора от себя-художника, как у Гоголя письма к друзьям, у Толстого — проповедь и т. д.

«Бесы» же еще остаются, хотя местами чувствуется «потолок» истории в связи с достижением потолка — самой миссии интеллигенции.

На лице человека «написано все», потому что жизнь и есть борьба за лицо.

О критике Разумнику (из 10/X 34 г.).

Генрихсон может три дня работать без сна, а потом пять дней спать.

Когда разобрали машину, жутко — нет лица, все исчезло: где же лицо? И вот старый кузов, там следы... И потом из ничего видимость машины и начало ее жизни — творчество лица.

Достоевский глумится над «поросячьими» идеалами социалистов, и это имеет свою остроту в сфере интеллигентных людей, но ведь стремление к естественному счастью совершенно необходимо, и если такому животно-несчастному его надежды назвать «поросячьими», то... стыдно же...

И если Сталин заявит рабочим о счастье — это хорошо, а Горький — фальшиво (от Сталина одно, а от Горького ждем другого, и оттого Сталин становится все лучше и лучше, а Горький все хуже и хуже...)

Два класса людей и две их миссии: одни должны принуждать, другие убеждать — отсюда государство и общество.

Машку разобрали и нет ничего, где же она? и вот на кузове следы ученья — все испытала как я (повторение всего пережитого).

Природа создает жизнь, а человек — средства (машины) использовать жизнь (силу) для себя под тем предлогом, что человек выше всего и жизнь всех существует для него.

***25 Февраля** (2).* Весь день солнце и тепло.

1 Марта. Продолжается весна. Речки обозначили свои извилины на белом в нежнейшем аквамаринном тоне. Надо только бы грачей, вальдшнепов ждать, а до вальдшнепов еще полтора месяца! Небывалая оттепель и нерадостная, — чувствуешь, что непременно за это незаконное тепло в хорошее время, которого ждешь весь год, хватит ненастье.

Мы с Петей 27-го утром ездили в Москву и вернулись вечером 28.

Дела: 1) Определен том I «Север». 2) Сдал рукопись календаря. 3) Сдал ответ по поводу шефства. 4) Определилось «На Стройке». 5) Был на кинофестив. и заказал пленку. 6) у Чувилей: на 5-е вечер — беседа с инж. Лаптевым.

Беседа с Накоряковым о самолете и галке, что нам, старикам, представляется полет галки лучше, чем самолета, а молодой на самолет смотрит «динамически»: сейчас он хуже, но мы достигнем и будем лучше птицы летать, и что если пешеход как будто и подробнее видит, но в целом благодаря движению автомобилист видит больше.

В этом самообольщении молодости таится обожествление человека (я — бог), вполне соответствующее молодости (Накоряков же считает это передовым, а старость — отсталостью). Но мы будем смотреть на это снисходительно и доставать из этого молодого чувства жизни зерно правды — а именно: человек действительно и видеть будет больше, и летать лучше галки, но ведь это есть лишь радость жизни, а не сама жизнь, и полет более совершенный даже, чем птица, не есть птица (машина — средство), а что во мне есть птица, то это не ново: птица остается на своем месте в органическом целом...

Несколько дней занимает меня мысль о том, что всякая мораль имеет внутреннее стремление превратиться в учреждение. Замечательный пример — конец Горького: превратился в учреждение (то же личность Ленина). Так все движение интеллигенции, даже и анархическое, таило в себе государство, и умерла интеллигенция, и государство стало могилой интеллигенции, учреждением, которого она достигла.

2 Марта. На полях проталины. По утрам около нуля, и даже по-весеннему чуть-чуть припорошит, потом льет весь день.

Вычитал у Вернадского о радиологии: что земля в своем составе постепенно переменяется, что перемена атомного состава сопровождается вулканическими явлениями и что стало возможным точное измерение времени жизни горных пород и, значит, самой планеты.

Вчера второй раз приезжал Генрихсон, закончен ремонт (подтяжка шатунных подшипников и проточка клапанов), потеряли болт от мотора, свернули гайку на выхлопной трубе. Достать в Москве справку о стоянке, о налоге...

Анализ чувства природы и определение тому, что ей противопоставляют... Машины как живого существа нет: машина — это человек в своем действии... Если мы противопоставляем природе машину, то это значит, мы противопоставляем «естественному ходу вещей» чисто человеческое действие, изменяющее этот естественный ход. Человек борется с природой за свою человеческую самовольную жизнь.

Будущая беседа с Лапиным, темы: Фордизм и лаптизм, т. е., по другому: «негр», т. е. обезличенная человеческая масса, или же обязательно личность, и если обязательно личность, то может быть и национ. особенность ее: даст ли, привнесет ли русский человек в фордизм что-либо свое, или это все, как лапоть, должно быть выброшено.

3 Марта. Читаю «Жень-Шень», удивляюсь себе и думаю: нет, никто у нас не запрещает человеку оставаться

самим собой, а это люди сами по своей подлости не хотят стоять за себя и отдаются чужой воле, как женщины моде; но я понять одного не могу, почему же эта несомненная подлость может идти на пользу государства. Впрочем, почему же и нет: именно вот в том-то и заслуга государственных деятелей, что они умеют даже подлость использовать...

5 Марта. На пленуме: Рыжов, критик: есть и среди критиков неведомые нам, но интересные люди, и вообще в глубине происходит невесть что и ничего нельзя говорить по видимому.

Встреча с Зарудным и предложение темы «Лес».

Вечером от 7—4 у. у Лапина, Виктор Герасимович и жена его Мария Петровна В.1.94.35. Инженерам вру, обманываю, но наркома никогда — в этом секрет моего успеха, а они и наркому подоврут, и это нерасчетливо. Макароны.

6 Марта. Великое солнце! ехал с утра домой (читал «Княжну Мери» — какое начало-то!)

Генрихсон кончил ремонт Машки — 150 р... Вечером приехал А. М. Коноплянцев: Вопрос о Пете.

Пробовали среди дня машину, и вот как было: на дороге от солнца натаяло, вода из-под колес летит под машину, а там солнца-то ведь нет, и [где] нет солнца, там мороз, и вот мы едем по воде, а под машиной нарастают сосульки.

Узнавая человека, смотрю на вещи, им создаваемые, и по ним сужу о человеке, а то ведь если в самого человека смотреть, то ничего о нем нельзя сказать: хороший сам по себе плох на деле, плохой прекрасно делает. Так вот, есть вещи, которые как будто больше, чем сам человек, и по этим необыкновенным вещам я <*зачеркнуто:* сужу> догадываюсь и о самом человеке. Разве я знал, что я, такой-сякой, могу написать «Жень-Шень»! а когда написал, то уважать себя стал.

7 Марта. Великое Солнце, утром очень холодно, а в полдень тает, и в валенках трудно, жарко.

Снимал верхушки малюсеньких елок с их тенями на снегу, снимал следы — так много следов! и есть места, где все истоптано и белая заячья шерсть клоками лежит...

Стражник Бутов (Елец), Л. Толстой, Горький, вся интеллигенция — все моралисты [превращаются] в учреждение.

8 Марта. И еще один золотой день... 21 снимок в лесу.

Помнить, что приблизительно до 5-го три недели с 2—3-ей февральских была оттепель с дождем. Вот отчего теперь можно в лесу и в поле идти, как по полу. И еще вот что: оттепель ведь была совсем как весна, так что и проталины появились кое-где в полях, и в опушках лесов на угревных местах обнажились брусничники. Но и теперь при –20 по утрам среди дня на солнце продолжается жизнь, начатая февральской теплынью: сегодня снимал полуобнаженные пушицы на вербе.

Фильм начинается опытом съемки веточки вербы с приставкой через [фильтр] без штатива и кончается пробой на бесконечность с приставкой; еще снимал фигуру зверя из пня с Бьюшкой, загадочное царство в лесу (тема), лесной мост через реку, солнечные снега, как зайчик шел мимо прутика, как вышли из-под снега две сестры елочки, фигуру женщины с вазой из пня (под конец — предпоследний)... волнистый снег в голубых полосах... Чем пахнет это свежим как снег и... пахнет тающим снегом на солнце... пахнет чем-то прекрасно-свежим из снега на солнце, в глазах всюду голубые тени и за черным стволом золотые открытия, и вот след белочки: это она все ошелушила наверху ели, но ей помогал клест и ронял всю зиму шишки, еле начатые, а теперь они вытаяли и белочка бегала за этими шишками. А зайцы натоптали целую поляну, и тут клочьями лежит их белая шерсть...

Вот радость! (не хлыстовская искусственная болезненная, а каждый войдет в лес и каждый изумится, потому что здоровье: как выздоравливаешь...) По насту тонкий слой снега, по насту, твердому, как лед, большой лис прошел, растопырив пальцы, и кажется, самое меньшее, это волк...

<*На полях:*> *Человек отходит живой, а долг остается, и так он мучит, и какой долг-то пустяковый: письмо не послал, не поздравил в день ангела...*

Пешеход или автомобилист, самолет или галка — неправильная постановка, неверное «или»: у автомобилиста свое, у пешехода свое, и то человек на самолете, а то галка — какое тут или. Но человек с самолета сойдет... и такой человек, летавший по воздуху, если пойдет пешком, больше увидит, чем постоянно идущий пешком.

На торф. болоте, когда Машка утопала, учитель сказал: — Торф или бензин — это все равно: это солнечные лучи, энергия солнца. А машина — это от человека: труд его, там труд солнца, тут труд человека. И похоже на электричество, плюс и минус: один электрод — труд солнца, другой — труд человека...

Портрет хорош, оригинал-то скверен. («Маскарад»)

Машина и мысль.

9 Марта. Раннее утро. Видел время во сне накануне решения в связи с тем, что тут прошлое лето провела В[арвара] П[етровна] и училась чему-то. Я говорю Филимонову о ее достоинствах. — Но чему же она училась-то? — возражает он. — Да, это верно, — отвечаю я, — она все вертится в ограниченном кругу практики... — Сам говорю, а сам думаю о возможности встретить ее здесь...

Это сон весной света, обычный мой сон в это время (именно же ведь в эту пору весны света и произошло: ей было 21, мне 29, т. е. ей теперь 54 года!) <*Зачеркнуто:* 62 – 29 = 33> И все снится и снится, и тут весь ключ к моему искусству: она тут повод... Лермонтов мстит живой за нее: мстит, значит, жизни... Похоже, что Вася Каменский мстит за нее своим женам... И Гамсун... И самому очень бы хотелось... Я тогда ей так и сказал: — Буду мстить! — Как? — Любовью, — ответил я.

Есть это нечто у меня в отношении к славе, к обществу, есть что-то презрительное «наплевать», и это похоже на месть этих печориных-лермонтовых живому за свою меч-

ту. Но, вероятно, Павловна спасла меня от печоринства и ввела меня в жизнь природы... Есть в этом случае (в Париже) и, главное, в его разрешении нечто очень простое и верное — как нужно: и за это и на этом вырос «Жень-Шень»: гениально по цельности, правдивости, искренности, полному согласию поэзии и жизни...

Что такое поэзия? это наша любовь: дана нам всем людям, как и животным, любовь, и каждый по-своему на этом строит свою жизнь, и вот это «как лично каждый решит» и составляет поэзию: и тут есть много общего: каждый из нас стоит перед одним и тем же, и в этом мы равны...

Так устроено, что каждый из нас в работе своей безлично отлагается для жизни будущих поколений, совершенно так же слагаясь в человечине, как в торфе слагаются растения. И в этой покорности необходимости жертвы будущему и, напротив, в самосгорании, в личном свечении (самоцветы) проходит жизнь людей. Вся мораль есть не что иное, как план заготовки человечины... Если же личность и счастье в морали, то человечество истребит <*1 нрзб.*> В этом противоречие нашего коммунизма: с одной стороны, заготовка продолжается, с другой, личность и счастье в настоящем — цель...

Письма из леса.

Ко мне обратились читатели с просьбой написать о том, как я наблюдаю жизнь в лесу. Охотно отвечаю на этот вопрос. Я вот как наблюдаю: встаю пораньше, иногда и до рассвета, иду в лес и, где мне надо быть, по-звериному затаиваюсь. Когда я иду и шумлю, то все живое возле меня затаивается, а когда я затаюсь, то все выходит: видишь, как змея прошла и тюкнула ядовитым жалом мышонка, видишь, как еж эту самую змею одолел <*приписка:* или зайцы друг друга тузят весной, или лисица у норы...>

А то раз было, я затаился и слышу, по тропе пионеры идут, <*приписка:* с [песнями] в барабан бьют, песни поют.> Ну, на что это похоже! а ведь зачем пришли? пришли пионеры природу наблюдать. <*Приписка:* идут по-военному, а цель имеют наблюдать природу.> Стали лагерем и нача-

ли свою шумную жизнь, и тоже книжки у них, в книжки смотрят, а что вокруг них, не видят, все вокруг от них разбегается, только трава, цветы не умеют ходить, остаются после них измятые.

А то раз я затаился и смотрю, из-за дерева на меня человек глядит, а дальше другой и третий, и оказалось, в лесу множество было людей <*приписка:* [я затаился] и вошел в их среду и ничего не знал о них>. Это были военные люди, в их учения входила задача быть совершенно тихими и незаметными в лесу. Я к тому веду речь, что если те шумные пионеры ставили себе задачи не наблюдения, а военных, то оказывается, что настоящие-то военные тоже в лесу ведут себя тихо... Я же лично, даже не почему-нибудь, а просто из приличия веду себя в лесу тихо: общество вокруг незнакомое, со своими привычками, нужно же ведь хоть сколько-нибудь уважать и труд муравья, и заботу матери, охраняющей жизнь своих птенцов, и неустанного опылителя шмеля, без работы которого не могли бы возрождаться многие драгоценные для жизни человека растения. И вот это самое уважение привело меня к 2-му правилу наблюдения.

Так что первое условие моих наблюдений в лесу — это тишина, второе условие назову родственным вниманием. А как же иначе? ведь мы, люди, на той же планете живем, как и все эти существа в лесу, на той же земле, под тем же солнцем. Мы только старшие в лестнице развития жизни, и потому должны как старшие, как более сильные и знающие относиться к мелким существам с особенным вниманием. <*Приписка:* И опять, как необходимость тишины приводила меня к родственному вниманию, так и это к [действию].>

А третье, что надо в лесу мне, — это цель и действие для ее достижения. Я вот поставлю себе какую-нибудь цель, добыть себе такую-то птицу или такого-то зверя или сфотографировать какой-нибудь трудноуловимый момент в жизни животных, и достигаю. Чем труднее достигнуть цели, тем сильней разгорается моя охота. Часто эта охота у меня бывает как бы сверх сил: я не чувствую никакого утомления весь день <*приписка:* в труде [достижения]>,

но как только достиг цели и вышел на шоссе, то едва-едва плетусь по нем...

Так я вот и добываю себе в природе материал и дома записываю. <*Приписка:* Пишу же я всегда об одном и том же и всегда по-разному, совершенно так же, как и жизнь природы: весна приходит всегда одна и та же весна, но никогда она не бывает такой, как всегда. И я тоже отмечаю все особенное>

<*На полях:*> *Лапин наводит на мысль, что герой нашего времени — человек действенный прежде всего, и это очень сопоставляется с героем недавнего прошлого.*

14 Марта (1). Ночью барометр пошел вверх и заморозило, а ветер остался. Начался морозно-солнечно-ветреный день.

Рассказ о Сталине и Косыреве. Будто бы секретарь комсомола Милюков пошел жаловаться на комсомольца Косырева, что тот не дает ему говорить, забивает. — Хорошо, — сказал Сталин, — если он забивает, то пусть он и будет секретарем. — И так вот сразу рядовой мальчишка сделался секретарем комсомола.

Викт. Герас. Лапин, главн. инжен. станкостроя, говорил мне, что он, беспартийный, любитель кутнуть и т. п., держится на своем месте исключительно только благодаря своей простейшей тактике. Дело в том, что все инженеры врут, и он, Лапин, тоже не исключение, и только в одном он не похож на других: всем он будет врать, но наркому никогда не соврет. Этика такая основана на простом соображении, что сведения наркому стекаются со всех сторон и ложь может быть обнаружена самым неожиданным образом. Однажды какой-то конкурент донес наркому (Орджоникидзе), что Лапин пьянствует и даже пьяный лежал на виду рабочих в канаве. Ордж. потребовал Лапина и, когда убедился, что делу это нисколько не помешало, велел принести вина и две рюмки: — Садись, пей, — сказал он Лапину, — мне пить нельзя, почку вырезали, но рюмку одну выпью. А ты трезвый, — сказал он доносчику, — тебе ничего не будет, пошел вон.

<*На полях:*> *Всякий, даже огромный участок строительства сам по себе не дает нам суждения о целом, и, все изучив, ты не можешь заключить на целое — почему это? Если же взять организм, то там по части всегда... Где бы найти участок такой, что в нем как в капле воды — океан.*

Завернулось дело с лесом... Если Петю освободят, еду с ним немедленно в Карелию и в Лапландию к Крепсу, а осенью на Кавказ... Если нет — один таскаться не буду, а займусь на месте хотя бы Журавлиной родиной с точки зрения жизни леса. Одновременно же соберу хрестоматию леса (Арсеньев: Уссурийская тайга, Шишков: Сибирская тайга, Мельников-Печерский: Поволжье и др.) и еще 10 очерков «Лесные письма» в «Колхозные ребята»...

Видеть лес от севера до юга и тот же лес на юге по горе.

Сборы в Лапландию.
Купить ножницы.
Достать пленку.

***15 Марта** (2).* Хватил мороз 20. Солнце. В полдень чуть протаивало, а в тени – 5.

Утром в лесу снимал. Наст насквозь: хоть топор[ом] бей, а [поверху] пороша [паводка на] два.

Загадочный след человека.

Заяц перешел линию ж. д. по своему делу, и человек тоже перешел по своему (снимок следа человека). Я пошел этим следом из любопытства к заячьей жизни и вскоре все, что у зайца было на «душе», узнал по его следам.

Вероятно, в прошлую ночь — это я узнал по запорошенному вчерашнему следу — он приходил сюда в «клуб заячий»: <*приписка:* Во время зимней охоты> это большая осина, срезанная по осени, осталась лежать, опираясь на свои сучья, и такие были сучья большие, что снег за всю зиму не мог схоронить дерево, и такое множество сучьев было на громадной осине, что зайцам хватило их на всю зиму глодать.

Я знал, что след зайца непременно пойдет сюда, и шел уверенно. Только вдруг почему-то след зайца резко свернул в сторону, а след человека пошел прямо. Ну, вот я ско-

ро разгадал, почему заяц свернул: ведь сучья осины, как ни были они велики, от зайцев все побелели, и только с трудом можно было найти какой-нибудь в коре, и заяц по пути в «клуб» решил попробовать, нет ли где еще осины. И он скоро увидел куст впереди, ветки, погруженные в снег, тихонечко, очень осторожно — прыг! прыг! — он подобрался к сучьям, посидел и не стал грызть: это была не осина. (Снимок) Он ошибся и продолжал свой путь дальше прямо в клуб. И тут в клубе я встретил опять пересекающий всю жировку след того же самого человека.

Невольно я подумал тут, зачем приходил сюда человек и что ему тут надо было? Если он шел следом зайца, то конечно, он мог сообразить, что заяц непременно придет к осине, и, сообразив это, пришел сюда прямо. Но ему незачем было идти по заячьему следу, теперь март и зайцев уже не стреляют. И никакого дела сейчас в лесу не могло быть человеку-пешеходу: лес в это время не рубят и накануне половодья в лесу ничего нет для дела.

Вдруг я увидел в стороне от клуба между кустами можжевельника след моего зайца и след другого с более широкой лапой, и тут на этой площадке все было истоптано двумя зайцами, и клочьями лежала на следах белая шерсть: это встретились два [лесные] соперника и тузили друг друга до утра, так, что всю площадку устлали своим линяющим белым заячьим пухом... Я обошел всю площадку и нашел из нее два выхода: заяц с широкой лапой уходил в противоположную сторону от железной дороги, а мой заяц направился прямо к линии. Я понял, что время было уже близко к рассвету и заяц задумал к утру вернуться в свои постоянные владения за линией ж. д. Он шел очень медленно и прямо, возле канавы сел, прислушался и насидел порядочную лепешку следов на пороше и оставил несколько орешков. После того он медленно спустился в канаву, я спустился за ним и почти испугался: в глубокой канаве вдоль линии шел след того самого человека, я нарочно поставил свою ступню, сличил: он самый! но зачем же он шел по канаве, какая нужда была ему идти в ней, если можно было рядом так удобно и просто идти по линии? Вот удивление!

Я перелез канаву вслед за моим зайцем. И мне очень забавно было видеть, что заяц не спешил перескочить в родные места, а прямо пошел вдоль рельс. Я так понял хорошо его заячий расчет: правда, ведь вокруг все тихо, никто не гонится, зачем же рисковать и бросаться опрометью через опасные места, гораздо вернее осторожно пройти по ним, освоить и потом обыкновенным порядком перебраться в родные края. Кто ходил по линии ж. д., знает, как это бывает: совсем еще не слышно поезда — так он далеко! — и вдруг особенным звуком скажет сама рельса об этом: хруп! Так, наверно, и зайцу хрупнуло, и он громадным скачком с рельс через всю канаву на ту сторону, где только что был. Когда поезд прошел и все стихло, заяц вернулся к линии шагов через двести, вышел на линию и спокойно перешел в родные края. И тут именно из канавы вышел след человека и потерялся на шпалах, с которых легко ветер сдул совершенно порошу.

И так я по следу зайца узнал всю заячью душу: заячья мысль вся видна на следах. Но мысль человека по следу невозможно узнать. Завтра, может быть, кто-нибудь пойдет по моему следу и ничего не узнал бы, если бы я сам о том не сказал, дорогие читатели.

<*Приписка:*> *Так я себя записал, а вот теперь очень к разговору приходится: человека по следу нельзя, как зайца, понять, и вот почему надо писателю следить за собой. Я-то мысль свою знаю, как я ходил за зайцем, и могу теперь догадаться по себе и о другом человеке.*

Родина моего таланта.

Проносились тяжелые поезда с большой скоростью, и я понимал их как вторую природу: одна природа слагалась от действия солнца, другая природа — от человека, в его труде, оставленном на благо грядущих поколений. Какая же природа, солнечная или сотворенная человеком, была родиной моего таланта? Я думал, что та и другая в точке своего схождения, где совершенно ясно, что сам человек со всем своим разумом является солнечным сыном.

Итак, три природы: солнечная, человеческая и лично моя, как родина моего таланта...

И еще я думал, что в этой второй природе, созданной человеком для обеспечения своего потомства, нельзя искать признания за свой труд, напротив, распятый, замученный, ты умрешь, и твое имя станет названием созданной тобой вещи, и только очень редкие, пользуясь вещью твоего имени, будут относить иногда, очень редко, это имя к тебе: ты сделаешься тут вещью или учреждением. Но это не все.

Вот из человека выходит новое существо, которое будет использовать для себя вторую природу так же, как человек для своего потомства использовал первую. И это существо, эта личность не будет уже больше кончаться вещью и учреждением второй природы. Есть это теперь или когда-нибудь будет? И есть, и будет.

Возьмите лес на больших горах от роскошных буков внизу до маленьких елок наверху — это лес снизу вверх по вертикали. И так оно есть в том, о чем я сейчас говорил. И есть лес такой же не на горах, а широко по земле от юга до севера. Такое же должны иметь широкое распространение личности в будущем, а теперь они в вертикали...

И так понятны становятся наивные попытки дикарей создать себе богов, и так естественно, что эти боги все умирают вместе с поколением создавших их людей. Но в третьей природе... этот вопрос о боге и человеке с его творчеством определенно решается.

16 Марта (3). Хотя барометр еще ночью падал, но день весь оставался солнечным, утром мороз – 10 °C, днем + 10 °C. Снимал в лесу остатки пережитых метелей, когда весь лес был глухой от снега, теперь в оттепель и бурю деревья очистились, и только редко в густели на малых елях под защитой больших уцелели кое-где глыбы, обтаявшие шарами. Еще я снимал обтаявший местами снег на пне, и его подпирала [маленькая] елочка.

Еще снимал много согнутых арками веток: через несколько дней они освободятся из-под снега и прыгнут. Еще пробовал сверху, чуть покосив на даль аппарат, снимать следы зайцев, лисиц и белок. К полудню кое-где в ле-

су на припеке снег начинал под ногою проваливаться. И так я думал, что это все любовь, честное слово! та же самая единая любовь, о которой все говорят по-разному. А если скажут «эстетизм», а не любовь, то я понимаю этот «эстетизм» как слабую любовь: эстет любит, но не может...

Лесные письма. Загадочный след. Конец: лежка зайца за речкой: глаз черненький, а сам чуть рыжее снега. <*Приписка:* Сюда же: цвет зайца белый и цвет снега тоже белый, но снег как рафинад с синеватым отливом, а заяц белый как дешевая вата желтая.>

Многие спрашивают меня, как надо записывать свои наблюдения в природе. Я себе записываю в книжку так, будто еду я и вокруг все меняется: оно же и правда так, земля движется... Так вот я и отмечаю у себя, в чем вышла эта перемена, и не обращаю внимания, как это написалось, лишь бы только удалось верно передать перемену вблизи себя при движении нашей планеты. Я давным-давно это записываю и так в этом наторел за десятки лет, что часто сядешь записать перемену в природе, а выйдет рассказ. Вот вместо того, чтобы рассуждать об этом, беру запись свою от нынешнего пятнадцатого марта в точности, как она у меня в дневнике.

Барометр прет вверх скачками. На рассвете мороз – 22°. Солнце взошло чистое. Весна света в полном разгаре. Иду фотографировать следы животных в лесу.

17 Марта. Весна пошла уверенно, теперь уже нет возврата: весна! утренник держит в лесу почти до полудня, и только тут иногда начинает проваливаться нога. Сколько свету в лесу! Я забрался сегодня в самый большой лес и тут находил изредка освещенные солнцем, но всегда замечательные предметы.

В последнюю большую оттепель, совсем похожую на весну — совсем весна, только без птиц! — чистая вода, вероятно, уходила под снег, а грязь, которую увлекал с собой снег при падении, оставалась в смерзшемся снеге, и к этому еще хвоинки, которые падали постепенно зимой и ложились одна над одной, теперь сошлись частой сет-

кой, и еще множество шишек, шелушенных белками, клестами и всякого шелушения — снег весь грязный. Издали, конечно, он все еще белый, но сколько в нем грязи, видно по белым местам моей собаки: белые пятна ее теперь от грязи стали темными.

Еще в лесу я видел, на больших пнях снег подтаивал и, опять подмерзая, сложился совершенно в форме шляпок грибов, и много их очень, где пень, там и белый гриб. Один стоял на солнечном припеке, и, вероятно, лисички избрали его себе временной лежкой: они любят иногда так улечься где-нибудь на солнышке и повыше, чтобы слышно было и видно получше. И Бьюшка, и Осман забирались туда, и я их снимал.

Остатки снежных завалов, обтаявшие шарами, смерзшиеся вместе с ветвями глыбы белого льда остались кое-где на небольших елках под защитой обступающих их высоченных елей. Смотришь туда наверх, стараясь удержать шапку на голове, и даже вот в такую погоду видишь, как там наверху эти вершины с ветром играют и чуть-чуть покачиваются. И с таким уважением смотришь: ведь сто лет росла ель, чтобы в тихое время внутри леса с верхним ветром играть. Часто бывало летом, придешь на светлую поляну, окруженную частым высоким лесом, и видишь на этой поляне хилое деревце с уродливой вершиной, с ветками, покрытыми лишаями. Думаешь, думаешь, почему бы ему под защитой от ветров не расти на теплой и светлой поляне? и ни до чего не додумаешься, а теперь я стою, на баловницу такую [смотрю] и все понимаю: великаны, играя с ветром, легко сбрасывали с себя снег, а на теплой и светлой поляне в тишине под защитой старших баловница собрала снег на себя и, не в силах [сбросить] его, осталась охваченная ледяной глыбой...

Барабанная трель дятла. Желна.

Встретил старого человека на дороге, бледный, больной, старый, он шел за возом, несмотря ни на болезнь и старость. И я его про себя пожалел. Да вот только так я и могу жалеть человека, по себе, что он ведь тоже Я. И так вот постоянно, чем печальней, чем ничтожней кто-нибудь

в борьбе просто за кусок хлеба, тем обыкновеннее эта мысль о том, что и он тоже Я, и ему свое Я, как и мне собственно ближе всего на свете. Так я всегда понимаю человека через Я и часто сочувствую, а если просто на человека смотреть, на сторону, то гораздо больше видишь плохого, чем хорошего.

Рисовать в лесу. Жаль, никак не могу я овладеть и пользоваться всегда по своему желанию тем особенным вниманием к тем подробностям в жизни, которые как самые верные слова говорят через ничтожество о ходе всей жизни (Гоголь умел так внимать, и писал он всегда только такими словами: живописал). Мне кажется, я все-таки мало использую свою способность живописать из страха оторваться от действия и сделаться просто описателем: это своя гигиена, с одной стороны, — очень хорошо! и копилка, с другой стороны: можно до того дойти, что и останешься скупым рыцарем. Вот теперь я попал на любимую свою тему — «лес», и можно будет эту копилку пустить в ход. Меня это очень волнует, и к этому надо вернуться и делать опыты.

В отношении этики в обществе к художникам относятся снисходительно, предполагая доверчиво в каждом назвавшемся настоящего художника, который все свое лучшее вместе и с этикой отдает своим вещам. Из уважения к делу такого большого художника, ценность работы которого складывается и выясняется иногда очень нескоро во времени, общество относится снисходительно ко всем взявшимся за дело художника, и прямо даже трогательно, как оно, дав большие авансы тому или другому, совсем незаметно потихоньку за спиной своего протеже рвет векселя его и все забывает.

Когда я вступил на этот обманчивый путь, вокруг меня литераторы не только брали авансы, но прямо ими спекулировали и, занимаясь в сущности самовыказыванием, называли сами себя даже «богами», и в этих кругах выражение «я — бог» было даже и ходовым. Я вступил на свой путь с глубокой ненавистью к этому самовыказыванию, и при начале своего пути заметил и прямо зарубил себе на

носу, что, называясь писателем, я тем самым беру векселя, по которым когда-то придется расплачиваться. Вот почему я с самого начала и до сих пор, как всякий смертный, конечно, любил похвалы и славу, но никогда им не доверялся, не отдавши вполне...

Мне РАПП ненавистен был именно наглостью своей в отношении общественных авансов, никогда еще в русской литературе не было столько пустых людей с такой претензией, потому что при мальчишках-декадентах были все-таки и старшие, а тут всем старшим зажали рот, и остались одни только «пролетарские писатели». Письмо к Горькому Панферова не больше как отрыжка того бедного времени: и все эти Панферовы, Фадеевы, Ставские — бедные люди, и никакими письмами они себя не спасут.

Наше время плохо тем, что векселя дают слишком легко, но и хорошо, что в векселях этих на валюту очень мало: не миллионы, а «лимоны», как их называли по-прежнему.

18 [Марта]. Продолжается солнечная весна, — очень светло, но ветер холодный, и до полудня вовсе не таяло. Мы с Петей отлично утром проехали к Кумашенскому в Переславль, оттуда попали в Усолье, и только после полудня на обратном пути вся дорога растаяла, и машина шипела на воде. При объезде грузовика, он сзади нашлепнул Машку, и крыло было совсем измято. Вечером пришел Б[елкин] с мастерами и выправил за 50 р.

Пришел Генрихсон. Я показал крыло. — Ничего, — сказал он, — это пустяки. — Да как же пустяки! ведь ездили учились, и ни разу ничего не случилось, и еще полтора года проездили, и все ничего, и на вот, когда научились — пожалуйте! — А вы думали, что так никогда и не случится? у меня один шофер 13 лет ездил, ничего не случилось, а на 14-м сжег машину и сам чуть не сгорел. — Как же это могло быть? — Наливал бензин в темноте, захотелось посмотреть, много ли, и вдруг — как это бывает, что вдруг на одну секунду человек помешался: захотел посмотреть, а рука подумала, что покурить, чиркнул спичкой и сгорел (бак у грузовика под сиденьем...)

Есть из старых специалистов такие замечательные артисты, так они вросли в свое мастерство, так укоренились в повсюдном уважении к себе за это тех, кто соприкасается с ними по их делу, что стали представлять собою как бы целое учреждение. И вот таким учреждением я мог бы назвать одного замечательного инженера, в лесном деле у меня есть такой Антипыч, а в охотничьем — это известный во всей Ивановской области истребитель хищников Федор Андреевич Кумашенский.

Фокстерьер учится на кошках, в искусственной норе, и у кошки на первых порах надо коготки обрезать; сани Кумашенского: лисица в поле, он едет в 200 шагах и возвращается, проезжая в 150: лисица думает — это другой едет, он опять возвращается к ней и едет в 100 шагах, она думает — это опять не он, и не другой, а третий <*приписка:* (под сиденьем ружье)> и мышкует. Если же она догадается и в лес — он выдергивает лыжи, окладывает лисицу, зафлаживает, если же она в нору ушла — в передке в санях сидит фокстерьер.

Усолье — лесничий Никитин Константин Сергеевич, лесозаготовки. Лесовод Румянцев Константин Васильевич — охрана леса... [два «врага»]...

Молевой сплав (т. е. моль = мель = мелкий = молевой = россыпью).

140 верст до Князева по Волге... и лес на Канале: вот и Журавл. родина: защита Клавдофоры (военное общ.) и Канал. Какая сила земля и солнце, какое чудо сосна, росшая сто лет.

Шершунович и отличный знаток лесного дела и любящий, понимающий лес как редкий специалист, при том еще замечательный охотник, и в то же время он как-то не весь в деле, не энтузиаст его, а таит в себе какую-то другую жизнь, пропускающую, как матовое стекло, к нам не весь свет его личности. Долго мы не могли разобрать, в чем тут дело, как вдруг открылось, что он величайший плут, и вечная плутовская интрига, играющая в его голове, именно и дает нам только в очень тусклом свете его блестящие способности.

Он подозревал во мне птичку высокого полета, недоступную вполне его пониманию, и, применяя все свои удивительные способности к охоте и замечательное знание леса, старался разгадать меня с полезной для себя стороны. Я это хорошо видел и, зная, что при всем желании не могу ни в чем быть ему полезным, скрывал это своей детской искренностью и откровенностью: так выходило удобно для меня, что чем больше я открывался ему в своей простоте, тем больше подозревал он во мне политическую или какую-то иную полезную для себя самую высокую птичку.

Если бы он только мог проникнуть внутрь меня и увидеть, что я по всей правде занимаюсь игрой в лесу, как ребенок, восхищаясь красивыми игрушками, удивляясь им, как чудесам мира, с каким бы презрением отвернулся он от меня малоумного! К счастью, так устроено в нашей человеческой природе, что чем плутоватей человек, тем труднее понять ему простейшее. И тоже так очень часто бывает, что ребенок превосходно понимает плута...

Продолжение: Случилось однажды, к нам принесла из его дома от его коровы молока женщина, немолодая с измученным лицом, глубоко затаенным страданием. В этот раз она нам ничего не открыла (ждать к этому сюжетного продолжения; мне известно сейчас, что он был управляющим у одной барыни-вдовы, жил с ней и женился; у вдовы росла девочка от покойного мужа; в революцию их выгнали: девочка все росла, а он поступил объездчиком в лес; в борьбе с лесничим К. ухитрился натравить на него как на интеллигента темные силы, свалил его и сам сделался лесничим; а девочка все росла. И однажды, всегда крепко выпивая и не пьянея, сошелся он с девочкой, и она стала его женой, а мать стала прислугой, готовила на кухне и нянчила его детей. Мы случайно сошлись с «барыней», она открыла жене моей жизнь свою во всей неизбывности горя, и мне потом насквозь всю его плутовскую душу. И так мы разошлись, я все понял, а он обо мне так ничего и не узнал.)

23 Марта. Эти дни вернулась зима: морозные метели, все опять белое, и не узнать весны. 19-го поехал вечером в Москву и вернулся 22-го утром. Подписал договор на «Север». Напомнить Гусиной, чтобы она напомнила Беспалому о письме: что о 2-х томах в июле заключить договор на издание их в 1936-м году и на 4-й том в 37-м. Подписал договор на «Лесные письма» и дослал рассказы в «Календарь». Пригласили в «Красную Новь», и дал туда беседу с рабочими. Виделся с Крепсом и утвердился, что ехать в третий раз в Лапландию незачем, а лучше отдаться весне в Усолье.

Лес. На сплаве действуют самые способные люди, и горячка тут бывает такая, что нет отца и сына: отец вгорячах сына утопит, и сын отца, и над всем сплавом стоном стоит «мать», одна «мать».

Всю зиму возят, возят, возят, возят, возят и навезут к реке лес. Лежит на берегу весь лес...

День был красный, ночью мороз, и к утру наст был твердый, — бык не провалится. И был какой-то час ночью, потрусило снежком — и следов в лесу множество.

Все говорили о счастье молодых и что более подходящей пары трудно сыскать, но мать не доверяла невестке, повторяла: «поживем, увидим!» Так прошел и год, и два, только на третьем году молодая забеременела, и когда пришло время рожать, мать сказала: вот теперь все будет видно, какая это женщина, сумеет ли она справиться с ребенком и удержать при себе мужа...

25 Апреля. Производств. совещание: I. Достать запасн. части машины: а) электр. лампочки, б) «цапфы», в) «траверсы» и т. д. II. Достать жох: не забыть свой. III. Поездка на север: а) Разговор с отв. редактором и новое оформление. б) Время отъезда и что надо: <*приписка:* маршрут, литература. Палатка.>

29 Апреля. 28-го Лева приехал из Л.

После метелей, дождей, холодных ветров сегодня вернулась весна света: мороз, солнце, тишина. Прислали «Ginseng» [1].

За эти дни: вчера приехал Лева. В Москве борьба за Петю. Беседа с охотоведом Фединым (Иван Влад.) из Максатихи — Фабрика охотохозяйства, и в связи с этим план поездки по Двине: три весны — в Усолье — апрель, на Двине — май, Печора — июнь.

«Идиот»: ни с чем не сравнимо захватывает — почему? Нечто личное. Вопрос: у А[лпатова] природное ли сходство с Мышкиным, или такое впечатление в юности, что переделался в Мышкина и так жил «по герою», не зная сам, что произошел от Достоевского. И чувство «я сам», и линия поведения от этого «я сам» было в «конце концов» от Достоевского... «Домик в тумане»: «Я так и знала!» — и она показала на лоб. И в Лейпциге: Аглая: «Вы похожи на Мышкина» — поразительно! и все-таки все возможно, как бред: И вот герой моего романа как действующая тень оригинала: и что мог этот герой дать нам нового в новой среде.

— Что ты хочешь меня судить как молодого, я же старик: меня ты для суда должен искать в делах моих. Прибавь дела и тогда всего меня суди как молодого.

Начинается жизнь (в конце концов половая) идейно — юноша всегда идеалист, а кончается материально: идея «реализуется» (материализуется) в чувственности («истинная жизнь»).

Почему отступления в биографию героя у Достоевского проходят незаметно, а у Тургенева это теперь читать нельзя?

Косорбга — орудие сплава на малых реках: лошадь вертит ворот на берегу (или человек?), и переносят ворот дальше.

Рубка леса зимой: узнаете, что платят за фунт лиха.

---

[1] Жень-шень.

Анекдот. Один сотрудник «Нового Мира» был прогнан из редакции за то, что Гронского назвал Емелькой Пугачевым. Говорят, Гронский, требуя снятия этого сотрудника, говорил, что чувствует не себя оскорбленным, а что он великого Пугачева Емелькой назвал.

В городе на улице женщина возле своего жилья топором во льду для спуска воды прорубает канавку, а дети ее по этой канавке вслед за топором пускают кораблики. Дело идет! Грачи после первого прилета на <*зачеркнуто:* поля> проталины в оврагах теперь собираются на деревьях к старым гнездам.

Вечером Петя приехал и возвестил, что его мне отдают.

Вчера Лева читал свою вещь, историю восстания на заводе, где решает неразрешимое: отстоять правду, т. е. показать стихийность в этом восстании и в то же время доказать руководство партии. Положение хуже губернаторского!

Призрак. И вот, я думаю, это возможно: мой герой в юности воспринял в себя идеалом персонаж Достоевского князя Мышкина и жил, бессознательно подражая ему и перевоплощаясь в него (при своих природных некоторых маленьких данных). Революция освобождает его от Мышкина, возвращает его к своей собственной природе: делается жестоким правды ради. И, утратив лучший образ человека, он находит оправдание в нахождении себя самого.

Лесные письма.

<*Зачеркнуто:* О том, как я наблюдаю жизнь в лесу, я вам недавно писал и буду много еще об этом писать. А вот сейчас мне захотелось поговорить о том, как из этих наблюдений выходят у меня рассказы, многим из вас хорошо известные. Видите ли, я хочу вам сказать об этом сейчас самое главное.> Для того чтобы зверя узнать в лесу, я говорил уже в прошлом письме: надо научиться в лесу тихо ходить и следить за зверем. А чтобы рассказ о звере написать, непременно надо следить за самим собой.

Для этого я давным-давно приучил себя все записывать. И так у меня выходит надвое: в лесу я за лесом, за животными наблюдаю, а в дневнике за собой.

Возьмем для примера зайца: мы же все видим, что от него остаются на снегу четыре следа, что у него, значит, четыре ноги. А вот я видел однажды, когда он прыгнул, только две ноги. И так я как наблюдатель знаю, что у зайца четыре ноги, а как писатель отмечаю, кроме того, у себя в дневнике, например, так: «Заяц прыгнул с лежки, и в моих глазах мелькнули две его длинных задних ноги». Если я бы остался с одним наблюдением, что у зайца четыре ноги, то это осталось бы как факт верный, но картины из этого не выходит. А если я к этому факту присоединю, как выше сказал, как я сам лично увидел на прыжке две ноги, то получится картина, изображение прыжка зайца. Но вот тут-то и надо следить за собой. Это известно, что охотники сильно врут, и это правда: врут они, потому что мало следят за собой и рассказывают не как есть, а как им показалось. <*Приписка:* «Да ты сам-то видел? — Видел сам». И верно, он не врет: видел сам.> Лучшим средством следить за собой я считаю, это вести дневник, записывать в нем и что наблюдал, и как показалось. Много лет я так работаю и всегда замечал так: если выйдет, что и мое наблюдение (научное), и запись о том, как мне показалось (художественное впечатление), совпадают, одно усиливая другое, то и запись моя становится ценной не для меня одного, а и для всех. Тогда я бросаю перо, достаю пишущую машинку и отстукиваю свой рассказ для печати.

Сейчас, когда я пишу это, в природе мое любимейшее время года, весна света, когда ночью бывает еще довольно сильный мороз, а утром по насту можно идти без лыж, не проваливаясь. Часам к одиннадцати, однако, надо спешить выбираться на дорогу, а то не вылезешь. Свет солнца при снеге такой сильный, что приходится надевать задымленные очки. В это время у многих зверей гон, и следов везде множество. Охота запрещается именно потому, что у зверей начинается семик. Но какое это чудное время для охоты с фотографической камерой. Один из таких дней охоты с фотокамерой я записал и привожу здесь как

пример, вы должны из этого увидеть ясно, как выходят мои рассказы.

Дорогие колхозные ребята, хотите, я сейчас вам покажу обезьянку <*зачеркнуто:* или петухом закричу>? Вы все будете смеяться, и тут я расскажу что-нибудь серьезное, и вы будете <*зачеркнуто:* внимательно> слушать <*приписка:* тихо> в надежде, что я опять покажу обезьянку. Так у нас пишут для детей. Но я вас уважаю и хочу писать вам так же серьезно, как я пишу для взрослых.>

<*На полях:*> *На белом снегу от солнечного света все тени, все следы зверей делаются голубыми...*

<*Зачеркнуто:* Заяц-беляк*:* Загадочный след>

<*На полях:*> *Доверенность.*

Литература
<*Приписка:*> *15/XI в Посеваево и Чирково собаку покупать*
18/XI в «Дворики» (Коммуна 1-го Мая) на охоту с Левой и Петей.
7/V 1935. – спидометр показывает 3716.

3 Мая. На рассвете – 8, но зато тихо и яркое солнце: сегодня будут уничтожены все следы майского снега и опять начнут раскрываться березовые почки. Можно будет вечером сходить и на вальдшнепов.

Родная племянница лесника Николая Серова вышла за Сергея, сына старинного лесника Антипа. Сторожки Серова и Антипова всего в $3^1/_2$ килом. друг от друга, и если утренняя заря совсем тихая, то Антип слышит серовского петуха, а Серов слышит Антипова. Голоса петухов до того похожи, что только сами хозяева могут понять, — какой закричал петух. А люди, охотники, грибники, ягодницы, очень часто, направляясь из моховых болот по крику петуха к Антипу, обманываются и попадают к Серову. Раз было даже, что Наташа, сестра Николая Серова, всех насмешила: не узнала своего петуха и пришла в сторожку Антипа.

Я к тому это начал о петухах, что среди великого хора болотных птиц этой весной слышал голоса этих петухов,

и больше от человека тут не было никаких вестей, — вот какие места есть у нас в нескольких часах езды от Москвы. (<*Приписка:* выбросить из начала от... и сделать началом 2-й главы.> И я вам скажу решительно, и это будет очень верно: никакие джунгли не могут сравниться с пустынностью моховых болот, если думать о человеке: и в то же время я не знаю, где бы еще можно слышать весенней порой столько необыкновенных и мало кому знакомых птичьих голосов. До того голоса эти странны и далеки от всего человеческого, что если петух закричит, то это кажется, будто близкий хороший человек пришел. И люди в этих болотах живущие очень редкими деревнями, различают голоса петухов, как мы голоса знакомых людей, и очень дивятся тому и об этом рассказывают, что петухи Серова и Антипова похожи, и предупреждают: — Не спутайте голоса, не заблудитесь!)

<*Приписка:* Прибыл я в этот край> В самом начале этого Апреля, в самую-самую распутицу с великим трудом я дотащился <*приписка:* в этот край> до Леспромхоза, и только я высказал тут свое желание поохотиться на глухарей и попасть в сторожку Антипыча, как высокий человек, на длинных тонких ногах, в триковых гетрах и простых башмаках вызвался сам меня проводить. — Вы не охотник? — спросил я, глядя на его башмаки. — Нет, — ответил он, — но я собираюсь сделаться охотником. — Вот хорошо, — сказал я, — в старое время я не верил лесничим, не любившим охоту: такие лесничие не умеют и по лесу ходить. — Тонконогий, мило улыбаясь, согласился со мной, встал и сказал: — Идемте! — А стоит? — спросил я. — Еще не [знаю], но ничего: я буду прыгать, через два часа мы придем, дорога мне известная: <*приписка:* За бугром дом лесничего Серова.> на ходу не холодно, приду — обсушусь, я буду прыгать. (Заблудились. Петух. — Конец I-й части. II. Моя охота на глухарей в мох. болоте. III. Тонкий убил глухаря и уходит, а Николай рассказывает, как, он хотел запрыгнуть и лежал в луже.)

Начало 3-й главы: Дома я изумился: Тонконогий убил глухаря и уже с глухарем ушел, чтобы поспеть к началу занятий в своем леспромхозе. — Неужели он сам убил? —

Убил сам, — сказал П. К. серьезно, и вдруг не выдержал и стал хохотать и умирать от смеха. Мы пристали к нему, и он вынужден был рассказать о своем начальнике, как он убил глухаря.

Все шло хорошо. Пришли на просеку до свету, сели на пеньки, стали ждать. Светло от снегу, потом вдруг перед светом потемнело и запел глухарь. Слух у него очень хороший, не сразу, но услыхал. Подошли и начали скакать.

Лес рубят — щепки летят.

«Государственная необходимость приходит как смерть: нужна древесина, и лес надо рубить, какой бы он ни был прекрасный». Так подумал я, когда узнал, что погибло красивейшее место в окрестностях Переславля-Залесского, знаменитые сосновые «кручи» на берегу р. Вексы. Узнав об этом, я все-таки не мог удержаться и выразил свое глубокое огорчение Петру Ивановичу Чернову, заведующему этим эксплуатационным участком: — Петр Иванович! — говорил я, — десять лет тому назад, когда я жил возле Переславля, мы несколько раз при содействии Главнауки спасали «Кручи» как памятник природы, как защитный лес водоема, как любимейшее место отдыха трудящихся Переславля. Почему вы об этом не подумали?

— Лес рубят — щепки летят! — ответил П. И.

И стал мне горячо говорить о том, какая великая нужда в древесине, как со всех сторон ее требуют и как в самом деле это нужно...

У меня осталось прекрасное впечатление от личности П. И. как молодого человека, сумевшего государственное дело сделать делом своей личности, своей совести. Мне захотелось только поглубже заглянуть в его личность, проверить с другой стороны стойкость его убеждений.

— Не боитесь вы, — сказал я, — что в этой горячке мы врубимся в основной капитал леса и затронем...

— Нет! — воскликнул он, — мы вырубаем ничтожную часть: леса прирастает в много раз больше, чем мы берем его.

— Понимаю, — ответил я, в то же время обдумывая, как бы этого честного, прямого и простого человека под-

вести к драме лесной: нужна древесина, а все-таки иной раз и жалко лес.

И рассказал ему, как, бывало, на севере, где лесу так много, мы на охоте за белками рубили дерево, белка спрыгнет на другое и в нем спрячется, и опять не видно. И опять мы рубим, и еще: до десяти деревьев срубали, а белка 20 копеек!

Петр Иванович был возмущен. А я вернулся к нашему разговору.

— Вы говорите, древесина нужна теперь, а нам нужна была белка. Мы рубили деревья, выполняя нашу цель — белку добыть: деревьев же много! А вы вот «Кручи» срубили и отняли у трудящихся место отдыха и берег реки погубили, нужной для всех реки.

После того мне даже немного жалко стало П. И-а: так он смутился и растерялся. И я понял, что П. И. превосходный работник, но молодой и смотрит на дело свое упрощенно, ему бы рубить и рубить...

<На полях:> Фотопроба: солнце — 9 утра; лучшее d 9/V20 = d 6,3/40 = в 12 ч. d 6,3/$V^1/_{100}$
В сомнительных случаях снимать вдвое: нормально и в два раза сильнее.]

Помню, какой-то иностранец, молодой человек в морском плаще пришел к берегу Плещеева озера и, обойдя все озеро за день кругом, вернулся, сел на своего извозчика и уехал. Мне передавали, будто он кому-то в городе сказал, что в Европе такой речки, как Векса с ее кручами, уже не осталось в Европе. И, вспомнив европ. речки, я понял иностранца и полюбил кручи особенно. Кручи эти погибли, и пусть! я и о себе самом, а не только о кручах, готов во всякую минуту сказать, если дойдет: «пусть!»

Так я об этом и сказал директору Леспромхоза, человеку здесь еще новому:

— Этот лес, — сказал я, — пойдет на канал, и как раз это моя тема: я хотел бы изобразить государственную необходимость неизбежной, как смерть: надо, и пусть!

— Канал тут не причем, — ответил директор, — вот как было...

За этими кручами, за лесом — вон там подальше — стали в [карьере] торф разрабатывать, и весь берег должен был перейти к торфяникам и те бы непременно срубили. Так вот, чтобы не дать тем, здесь успели лесорубы и торфяникам отдали местечко чистеньким.

— Но ведь это же преступление: есть закон, охраняющий лес на берегах рек: это защитный лес.

— Об этом должны думать общественные организации, если бы в Рике постановили...

Подрумяненные деревья: сон: везде-везде румяные.

Так на рассвете было – 8, а после обеда окладной теплый дождь, очень мелкий. Стоял на крыльце, раздумывая, — идти на тягу или пожалеть ружье: измочишь его. Такая тишина! и такой мелкий дождь: из одного домика долго боролся синий дымок и поднимался немного. А по крыше мерно барабанило, и под дождь, как всегда, хотелось бы куда-то уйти в уютный угол и там сидеть с кем-нибудь и молча слушать дождик. И ведь есть люди такие, тоже где-то сидят, как птицы под елочкой, нахохлились.

Когда стемнело и похолоднело, то не дождь, а мокрый снег большими хлопьями стал валить тяжело напрямую, и скоро крыши в темноте побелели.

4 Мая. Зима при майском солнце. Пешеходы посередине шоссе пробили на белом черную тропу, и на черное-теплое слетелись из неприятного-заснеженного леса зяблики: радуются и тут же спариваются.

Случись что-нибудь, и всё кажется, — ничего, объяснить — и все поймут и не дадут пропасть. Но бывает, такое случится, что люди отступаются, и не верят, и слушать не хотят. Тогда приходят к суду, на который вызываются свидетели, и тебя тоже выслушивают, но уже не верят: тебя разбирают без жалости, как мертвого. Так вот до революции было положение писателя, а теперь много стало писателей, и всяких, нельзя к писателю относиться как к личности, и ты становись в очередь, и некто совсем ничтожный и посторонний твоему писательскому интересу будет распоряжаться тобой. Стоит сто пар калош, ты зна-

ешь свои, но потерял номер, и швейцар тебе не поверит, и ты будешь дожидаться, пока все 99 человек не уйдут. Швейцару ведь нет никакого дела до того, что ты один-единственный мог «Войну и Мир» написать. Или взять деревню и для сравнения дом в Москве, один дом, вмещающий в себя всю эту деревню: тут не дом за домом следит, а управдом.

<*На полях:*> *Так в городе создаются трудные условия, чтобы сделаться известным. В деревне все известны, и каждый человек в то же самое время есть известный человек, а в городе надо много всего, чтобы стать известным.*

Незабудки. Сонечка. Невеста — это загадка, а у жены ответ, и когда ответ хороший: это награда. Сонечка своими голубыми глазками-незабудками всем раздавала загадки. А когда пришлось отвечать, то... Винить ее было не в чем, но... Да у нее ничего никогда и не было, только милые глазки, и все лучшее, что имела, раздала незабудками всем. Муж награды у ней не нашел.

О лесе известно, что летом в нем хорошо: можно ягоды и грибы собирать. Самый же лес понимают приблизительно как облака: вот была поляна с березами — только сейчас! и уже елки, а вот опять сошлись и разошлись группы каких-то деревьев, как облака. Если заяц покажется — о! тут есть на что посмотреть, а деревья, как облака, существуют где-то на заднем плане сознания.

Срезать любое дерево, и можно по годовым слоям всю его жизнь разобрать и понять жизнь природы иногда за сто и больше лет. А человек должен записывать за собой, и множество других людей его записки сличать, проверять и, несмотря ни на что, сомневаться, — есть у нас история, подобная рассказу дерева, или же только сказка...

<*Приписка:*> *Почему это? разве нет в человеч. обществе вещества, подобного древесине: все эти предметы материальной культуры. Есть и нет. Есть в истории свидетельства о человеке, как в древесине, но о личности человека нет, и если мы хотим верной истории, не надо личности. И все-таки без личности —*

это не история. Попытка удостоверить личность человека — вот все, что отличает историю человека от истории дерева.

Опушка вся на свету, как лицо у человека: лес опушкой движется вперед и так занимает новое пространство. И, глядя на светлую опушку, думается, — хорошо в лесу! Но стоит войти в самый лес, где кругом борьба за свет...

<*Приписка:*> *Лицо дерева — [на свету], а корни то в воде киснут, то в песке сохнут.*

Вечер был очень тихий. Вечерний свет солнца на деревьях у тихой воды. Потом новорожденный месяц с большою звездой и тоже чудесные барашки и все в воде. На этом фоне прошел человек согнутый с двумя огромными мешками, за ним маленький мальчик бежал... И стало морозить.

Петя приехал из Москвы, решено: едем в Вологду, а потом на Пинегу. Сейчас Пинега еще не трогалась. Там люди только лесом живут.

Катынский говорил Пете, что яйца от этого снегу пропадут, значит, тока затягиваются: еще долго будут токовать глухари.

Кажется, зеленеет в кустах, но это нет: это сквозь серые кусты зеленеют лужайки.

Березка-кормилица. Сквозь березовый лес виднелась заря, и в тишине этой березы были такие напряженно живые. Вспоминаю нашу кормилицу, от которой одной всю весну я ставил себе самовар. И так ведь каждая из этих сейчас...

Живой человек. «Партия и правительство сейчас уделяют огромное внимание заботе о Живом человеке» («Изв.» 5-го Апр. передовая, подчеркнуто в тексте). Несколькими днями раньше напечатано, 2—3 дня как в сумасш. доме замучили здоровую женщину.

Теплый вечер, в большой тишине четко высвистывали певчие дрозды, и их короткие песни значили как слова управления событиями в этом ходе зари.

Кое-где еще белелись остатки майского снега, и в то же время сегодня начала кукушка: значит, кукушка прилетела на неодетый лес — не к добру!

Такая тишина, что рост этих березок, наполненных соком, был понятен и близок нам, людям. Вот эта сосновая роща... (по мутовкам — монахи сажали: вот прудик, полянка, остатки изгороди: жил монах)... ели начали разбивать порядок насаженных сосен, березки пробились... подошли елки к ручью, и в нем дикий лес... Никогда эти деревья не бывают так расположены к человеку, как в тихий вечер, почти человеческие слова высвистывают певчие дрозды — нет у них своего сознания, но они рады и отвечают сознанию, если появляется со стороны.

Я думал о «живом человеке», о котором соскучилось теперь наше государство. Петя сказал, что он так же скучает о живом вальдшнепе... Живой человек — это прежде всего Я, которого государство хочет приспособить себе на пользу («Ты дашь мне Пришвина, а я тебе переброшу Толстого») и превратить в учреждение (Горький: не поймешь, — человек это, город, улица, ведомство). Живой человек — это личность, из личностей складывается общественное мнение и родится качество, имя, а не количество и нумер (имя и номер — в звероводстве).

«Механизация» как обезличение и механизация как избавление от застоя и тем самым как условие развития личности. Так вот где-нибудь на Пинеге... Начало: Понятие механизации глубоко проникло как обезличение, между тем в практическом деле механизация складывается из необходимости изменить жизненные условия к лучшему: вот хотя бы проложить дорогу к водосплавной реке, чтобы не рубить лес возле реки и тем не губить ее.

6 Мая. Ночь простояла теплая и утром дождь. Вот теперь пойдет зеленеть безотменно.

Петя сегодня едет в Институт: завтра сдает кормление, 8-го достает палатку, все закупает и вечером к нам, а 9-го вечером в 10 в Вологду и 10-го в полдень там. Взять с собой 3000 руб. Павловне оставить на устройство ворот

1000 р., на жизнь 200 р. (пенсию). На текущее: 500 р., итого 4.500 р. = 3 тыс. здесь и 1500 в Москве (7-го Лева предупредит).

<На полях:> Карасеву дано 160 р. — получено бензина 150

7 Мая. Ночь светлая, рано утром легкий мороз и *<зачеркнуто:* потом> сошел. Солнце.

Глухарь (Ночь на севере: запевка).

Из рассказа Катынского о глухарях. Есть на току глухарь злобный, услышит, где запоет другой, прекращает пение, летит туда, отдерет — и тот замолчит, потом возвращается на место и поет до тех пор, пока не запоет другой. Он поет, а другие должны молчать. Раз К. убил такого драчуна, а на другой день два новых запело. Сам К. превратился в услужающего по глухариной части. Вот запело два глухаря новых, и он думает: того, получше, Семену Ивановичу, а того... Кстати, и глухарь такой необыкновенный: можно в туфлях идти (князья Меньшиковы два раза лес свели, мелочи, а глухари все держатся): трудность кончилась, и, конечно, интерес пропал.

Кадры решают все (Веселкин).

Речь Сталина переносит центр внимания с производства на кадры («живого человека»), и последствия, конечно, большие, даже немного и странновато: вроде как бы даже и стоять-то не за что, раз вернулись к нормальной культуре труда.

Взято 3000 здесь + 2000 Петя в Москве = 5000 р., из них 3000 с собой – 1000 р. Павловне на постройку — остается 1000 р., из которой: 150 Павл. на жизнь + Петя купит на дорогу: руб. 300, остается 550 р.

Написать перевод Разум. и 200 р. за июнь.

Основная причина величайшей некультурности людей в Риках: вот сегодня на складе хозяин ворчит: «бензин на пахоту надо, а им на легковую машину» — это бывш. крестьянин, у которого «пахота» была долгом и как бы ничего нет важнее пахоты; простейшая работа на сохе (!), и если отнять от человека и это, то остается в нем лишь место

для какого-то неопределенного мрачного обществ. долга; некультурный человек такого типа появился в Рике в лучшем случае как погоняльщик... (Григорьев: «брось яблоко!») Взяв идею леса, пройти по всем в Рике здесь, в Переславле, и зарисовать их вместе с деревьями (не мешает наблюдать эти типы и в пути).

Гром. Дождь. Настоящая гроза (в 5 веч.), и через час прямо из-под грозы как бы брызнуло зеленью и запахло теплой землей. Весна от февральской оттепели, придавшей особый характер всей весне, и дальше как труднейшая борьба и наконец победа солнца в этой грозе.

Статья Бухарина: фашизм и коммунизм: обе системы включают все идеи друг друга, но фашизм исходит от нации, коммунизм — от человечества... И все сводится к войне.

После приезда взять «Лесн. Газету» за Апрель и Май и собрать картину по возможности всего сплава (напр., лоцман-ударник обещается привести из Усть-Сысольска плот в Архангельск в 12 дней).

Библиотека Наркомлеса переехала на Тверскую (по приезде узнать).

8 Мая. До полудня все было так, что брызнет дождь и солнце выглянет, а потом пошел дождь. До 2-х был в лесу.

Весна капризничала, обманывала и убегала, но я догнал ее... Как это можно? А вот как надо делать, чтобы овладеть весной. Надо не обращать никакого внимания на погоду и действовать.

Бывает весна такая, что ни одного дня хорошего, только час какой-нибудь, и вот этот час надо, чтобы пришелся с твоим великим желанием, и если это выйдет, то этой погоды хватит на всю весну и самая плохая весна тебе будет самой хорошей: весна будет твоя, и не она, а ты будешь ею распоряжаться. <*Приписка:* Такая весна была в этом году.>

На Красюковке в ранний час пастух стал на высоком месте и заиграл нынче в первый раз. Пастух был молодой,

в шоферской кепи, в ботинках и пиджаке, а труба очень длинная, из дерева, самодельная, и только на конце широкий раструб не то от старого граммофона, не то от радио. Играл же пастух народную песню: «Выйду я на реченьку». Так это верно, должно быть, что песня в народе дольше всего сохраняется...

Идею народности и человечества (фашизм и большевизм) должно теперь писателю вынашивать, искать везде и во всем, в кровь вогнать свою...

<*Зачеркнуто:* Сталин и Бухарин: один действует, другой говорит: — Заткни фонтан перстом!..>

Выдающемуся, даровитому человеку от еврея плохо никогда не бывает, страдает от него человек в очереди: тут еврей нахален и невыносим: тут база еврейских погромов.

Сила варварства, между прочим, происходит и от незнания и даже прямо от невежества <*приписка:* и бывает человек слаб оттого, что много узнал>.

Лес открывает лицо. В лесу идет приборка. Только вникнуть, с чем борется зеленый лист земляники: тут и слой осиновых листьев и березовых, и хвоя, и шелуха шишек от белок, клестов и дятлов, и всякого рода хлам, набросанный ветром — великий хаос! и так удивительно, что в конце концов все придет к единству и лес получит свое лицо <*приписка:* открывает лицо>. <*Приписка:* ...а было так, что ранней весной билась, билась зеленая трава из-под листьев и хвои, — не выбилась! и закисла, запрела листва, покрылась мошком, и по моху брусника взялась под елками, черника...>

Человек прошел. Человеку довольно в лесу пройти несколько раз по одному месту, чтобы от этого многое переменилось. Вот теперь всюду, где прошлый год ходил человек, зеленеет: довольно было, чтобы он осенью сбросил ногой падающий лист, чтобы теперь тут раньше зазеленело, а в природе если раньше начнется где, раньше силу наберет, там и все будет по-другому.

Зябличиха пела синицей.

Помню, один земской доктор с пренебрежением сказал о Толстом с усмешкой: «эстетизм!». В том дело, что тут этика выросла на эстетике (пахота!), и от этого погибли и этика, и эстетика. Но если жить красотой и строить мир красоты, то какая-то этика должна сама попутно явиться <*приписка:* (поведение художника)>. И наоборот, если человека любить и поступать по любви, то, наверно, это будет красиво, и будет красивая жизнь, и красота будет живой.

Туча (Дети в лесу).

Туча сзади нас догоняет, прилетел певчий дрозд, сел на пальчик высокой ели и объявил: туча идет! Кукушка смолкла и только хвостом дрыгает.

Белки. На поляне с редкими березами прыгала белка, рыжая с серым зимним пятном на боку, она что-то находила на земле и быстро хватала.

Кроты. Кроты целую поляну распахали — вот, правда, пахари!

Дождь как сок. Вокруг везде пахнет березовым соком, и когда дождик пошел теплый, то будто это <*приписка:* полился> березовый сок.

Старый доктор — 80 лет! подпрыгнул и сказал: «Вот теперь новую водку в 56% хорошо бы настоять на березовых почках!»

Черепок. «Черепок» превратился в зеленую дорожку.

Осина. Змеей проползла осинка между елками и выбилась к свету.

На неодетый лес в этом году прилетела кукушка — плохая примета! но я правым глазом молодой месяц увидел, и все пошло хорошо.

Можжевельник и елка. В кусту можжевельника, спасаясь от морозов, таилась елочка, и когда вышла в свет, то

можжевельник, будто почка, раскрылся... И такая стройная вышла елочка, такая удачливая.

А можжевельник засох.

В науке нет границ <*зачеркнуто:* широки границы> познания, и там великое диво может получаться без всяких чувств и даже против чувств, как логический вывод или как результат вычислений: <*приписка:* просто сидел человек, вычислял и «пришел к выводу» (Верно ли?)>. В искусстве узнавать с пользой для своего дела можно только то, что ты чувствуешь, с чем ты в родстве <*приписка:* тут за тебя не страдал Прометей>... Этот род познания не широк, но в глубину ему нет границ <*приписка:* никаких. Прометей раз уж похитил огонь, перестрадал за него, то после у готового огня <*приписка:* костра>, у готового разума может спокойно... >

Цветы ольхи погибли от мороза.

Раскрылись анемоны, а лютики еще в бутонах.

Дорожка. Какая прелесть в весеннем еще неубранном лесу первая зелень на дорожке, проложенной прошлый год человеком: дорожка эта раньше всего зеленеет, и это нравится даже зверушкам: вышла белка.

Однобокие. В лесах бывает чаща, и у людей на земле есть города, люди тут, как в чаще деревья, если выставить на свет поодиночке, то все однобокие.

Вспомнилось: редактор «Лесной газеты» говорил, что им, ведомственным людям, приходится бороться с коренным языком.

Ели на поляне. На поляне обласканные светом ели до того раскудрявились, до того плотно сошлись, что, если бы рука длинная, взял бы и погладил их сверху до низу.

9 Мая. Ветер, холод и снег летит.

Приходит в голову многим, и многое почти даже и всем приходит, замечается и почти что само дается: только возьми, скажи всем или сделай <*приписка:* и все будут уважать тебя, ценить, давать деньги>. Но только редчай-

ший понимает ценности жизни и достаточно уважает себя, чтобы взяться.

Вечером взяли такси, навязались дамы. Жаловались на весну. Я возражал: — Есть час в весне хороший, за который надо взяться и взять в свои руки весну: этот час ответит за все, и самая дурная весна для тебя будет самой прекрасной! — Да вот был такой час! — вздохнула одна, — а у вас? — У нас, — говорю я, — был, и как раз даже этой весной.

Дама вздохнула о своем возлюбленном, мы же с Петей о глухарях, которых нам так счастливо удалось убить этой весной. — Все кончается крематорием, — сказала дама, — и до самого вокзала продолжала говорить о безвкусии крематорных похорон.

Сдал в «Известия» «Переславские кручи».

10 Мая. Светлое утро. Проснулся я возле Данилова в поезде, окруженном бревнами.

Фотокорреспондент «Правды» Кулешов. <*Приписка:* ([лента в бачок] — и все!)>

В 12 д. Вологда. Извозчик цыган. Золотой якорь. Леспромхоз. Архангельские инспектора Андреев и Крюков. Архангельск. трест «Севлес». Тип общественника Андреева складывается с Черновым — там древесина, здесь человечина: коллектив никогда человека не испортит: эта вера в древесину, в коллектив подобна вере в иконы, т. е. так же далека от истины, как вера в икону от веры в Бога. Все эти люди подвирают согласно программе.

Александр Семенович Назаров: завед. производственно-плановым отделом. Уговорились завтра ехать на Лежу по ж. д.

Вечером гуляли по берегу Вологды: молевой сплав, отражение церквей, зорька... Архиерейский сад <*исправлено:* парк>, погибающий со всеми своими монплезирами. Холодно. Вторая смерть. <*Приписка:* Провода>. Моль плывет.

11 Мая. Утро светлое и холодное, потом тучи, и то солнце, то вот-вот дождь или снег. — У нас под Москвой, —

сказал я, — почки на березах уже раскрылись: зеленые хвостики. — У нас тоже были, — ответил Назаров, — только вот холодно, морозы явились, они и опять спрятались». Не знаю, возможно ли <*приписка:* есть ли> это, бывает ли, чтобы зеленые листики, выйдя из почки, опять убирались в нее... Но яйца, вероятно, подстыли, и выводки будут малые: середние яйца, а крайние подстынут.

Выгор.

Световой прирост.

В $5^1/_2$ выехали на Лежу и вернулись в 10 веч.

Ледянка на снежном и на земляном основании. Возили 13 машин. Хаос на барже. Почему торчком?

Окорка, корить, недокор, перекор.

Подсочка на смерть (600—700 гр. живицы с дерева).

Окорка и пролыска.

Смола — это пластырь. Осеннее кольцо, темное, заделка на зиму смолой. [При подсчете лет — 5 лет на пень]

Шкурить надо к вершине: сук в поход сдирать; а они к комлю шкурят, потому что десятники (кадры) отвлечены на постороннюю работу: 75% времени десятники употребляют по выводу рабсилы.

Мутовочный сук, серянка — удар или ошмыг: серянка выступила и забусело.

Станок Сазонова: середина механизована, а концы смазывают...

Пахнет апельсинной коркой (бывает такая смола).

Шпальные и двухшпальные тюльки.

Архангельские мастера на станке Сазонова.

Пятна на <*1 нрзб.*>, ручная доделка: механическая окорка вдвое дороже ручной, но вернуться к ручной нельзя, раз началась механизация: для ручного труда нужно возвращение к ручной культуре, уже расстроенной.

Справочник Селибера.

Береза без пролыси трухнет, а влаголюбивая осина даже спящую почку пускает в ход.

Лесовод разбирается в срезе, похоже, как цыганка гадает по линиям руки, догадывается: что-то угнетало, что?

и вот нога нащупала под мохом дерево: это дерево угнетало, а когда упало... Угнетенное своим материнским пологом дерево выбралось в верхний ярус.

<*На полях:*> *А то бывает под ногой подстил очень тонок, и догадываешься, что причина угнетения: беглый пожар.*

Трелевка. Лежневка. Волокуша. Пруух.

Подвесная дорога.

Отзимок. <*Приписка:* (зазимок осенью, а отзимок — весной?)>

Повреждения деревьев от охотников: стук топором по дереву, котомку повесит (на ели суки покатые), вгонит клин — и дерево гибнет.

Ель — самое нежное дерево.

Бухгалтер на бревне (когда сбило: не смотрит ли)

Развалочная пила, и сталинец ее одну вертит, а мог бы...

Бывало, подрежут корни и засыплют землей, не узнаешь: а дерево засохнет, и разбойник получает его дешево как сухостой.

На Пинске есть рогатина без железа, обожженная.

Лось, загнанный, спасаясь, попал на ледянку и прибежал прямо в руки: между штабелями на барже.

Все бегут с Лежи: рабочим хорошо, а служащие: комнаты нет, жениться нельзя.

12 Мая. Раннее утро светлое, потом дождь, крупа, холод. Ходили в Музей. Нет сплава (виноват леспромхоз: сомкнуть с обучением лесников). <*Приписка:* Почему местное не интересует местных.>

Старые агрегаты (окорочный станок на 50% изношен, элеваторы без двигателя 3-й год на дожде). Ни начала — поднос, ни конца — откат: концы смазывают, механиз. середину. Частичная механизация (не дал Севлес): начало и конец под дубинушку. Вместо 40 куб. мет. в смену даст 20—25: рабочая сила не выигрывается и деньги пропадают (Рудаков сказал: «что нам деньги! вот рабсила»).

Тип Назарова: вполне предан строительству и в то же время радуется, если на стенах кинотеатра, переделанного из чтимого храма, из-под новых слабых красок показываются лики святых.

— С каждым годом заметно власть слабеет: все трудней и трудней справляться с крестьянином; и правда: он ведь все понимает: раз человек свободен в государстве, не раб, то и «хочу — работаю, хочу — нет». «“Кр[естьянский] вопрос” еще острее становится после того, как объявлен гуманизм (“кадры”)».

Подвесная дорога (Семигородняя) (Харовский леспомхоз) 2000 р. километр, на амортизации 5 лет: дешево; корчевки не надо, материал свой, из старых тракторов сделаны мотовозы (инж. Болон).

Согласно постановлению правительства, техников, кадры занимать надо на прямой его работе, а у нас кадры заняты на 75% по вербовке и выводу рабсилы: это должны делать РИКи, сельсоветы, а у нас десятники. От этого десятники бегут. Надо для этого ставить специальных людей, тем более что на выезд ведь дается командировка: денег довольно.

Канитель по вербовке и выводу рабсилы тянется, пока не нажмет центр на край, край на район, район на сельсовет и сельсоветы на колхозы и единоличный сектор.

А договоры как будто и хорошие, но обеспечены каким-то придатком, выходит, положим 60 р., и он говорит: «на 60 р., а я не поеду». Тогда-то вот и нажим.

А если десятник присутствует — рабочий покрепче работает: вот за заготовку пиловочника в три раза больше платят, чем за дрова, и все-таки он режет пиловочник в дрова, потому что это привычно: две пилы отмахнул и кончено, две пилы еще и еще; ему дана норма в 100 дней, а он ее кончит в 40, потому что думать нечего, а что дешево, то за этим не стоит, лишь бы вернуться домой. Три причины: 1) слабость пок[упательной] силы рубля; 2) маленькие расценки жизни; 3) кооперативы плохо обеспечены товарами.

1) В 35 году задано Севлесом: 400 т. кубом. 2) Лесосечный фонд. 3) Разбивается на участки: здесь 8 лесопунктов от 25 т. — 100 тыс. к. м. 4) РИКу заявили: закрепить столько-то рабсилы. 5) Наметка... 6) Наряд РИКа. 7) Разбиваем на сельсоветы и колхозы.

Из года в год все трудней и трудней с рабсилой или все слабей и слабей сила власти. И это понятно: мужик не пень и хорошо понимает, что советские законы минуют его.

<На полях:> Верховья рек.

13 Мая. С рассветом дождь и до 9 у. все дождь. Потом буря холодная, несущиеся тучи с внезапными просветами солнца, а вечером стихло, оранжевый свет зари соединился с лунным, и так все стекленело и мерзло в ночь.

В $^1/_2$ 11-го с Алексд. Семеновичем Назаровым мы выехали на катере в Лобково смотреть «Пыж» и вернулись в 11 веч.

Присэхонская низина — пространство от р. Лежи до «Сокола» (фабрика) и в другую сторону от Лежи до вятской ж. д. Наверно, тут когда-то был лес, но его срубили, и почва покрылась мохом (сфагнум), на котором выросла черная ольха и покончила в свою очередь с мохом. Черная ольха живет до 100 с лишним лет, достигает размера строевых деревьев, из нее делают фанеру для упаковочных ящиков. Среди ольхи растет много черемухи, из которой у нас делается венская мебель. По бесчисленным озеркам в этих непроходимых трясинах множество уток, по закрайкам зарослей черной ольхи на сенокосных мокрых лугах высыпает осенью великое множество дупелей. Охотники на уток ездят в особых легких лодках (узнать, кто делает), употребляя, однако, на переезд из Вологды до 12 часов. Шалаши для ночлега делают просто и хорошо: ставят жерди в кóзлы и накрывают их плотно луговым сеном.

Реки Сухона (по выходе из Кубенского озера и до слияния с Вологдой и Лежей Сухона называется Райбола?), Вологда и Лежа сходятся почти в одной точке, во всяком

случае, отсюда видны и Сухона, и Лежа, и Вологда. Здесь, по обещанию Алек. Сем., мы должны были есть уху у десятника. Но проводник наш дал маху: десятника не было дома, и мы остались без ухи на бобах. Этот Назаров очень робкий человек, измятый революцией: его тихость и робкая обходительность с людьми — следствие былой слабости к вину, которое он пить теперь больше не может: по болезни (язва в 12-типерстной кишке). Для торжеств. случая он все-таки взял полбутылочки, выпив чуть-чуть, опьянел и, обманутый на ухе, стал нам рассказывать, что если раскорчевать заросли черной ольхи, то почва будет роскошная, черноземная и хотя и кислая, но на ней отлично можно будет выращивать клубнику «Викторию». Так мы еще не забыли уху, а он уже под влиянием вина говорил о «Виктории». Не удержался этот хороший человек, очень знающий лесовод сосчитаться с обидевшими его большевиками, грубыми людьми, особенно обидел его некий Набатов (теперь в Архангельске). Бедный больной старик даже кулаком стукнул... (Храбрый заяц. Вспомнился рассказ одного охотника: что будто бы один измученный гоном заяц вышел из терпения, обернулся и ужасно этим испугал гончую; охотник сам чуть в обморок не упал, когда увидал, что заяц гонит его кобеля.)

Рассказывал нам Назаров как о чуде, что один лесовод в старое время не захотел служить и поселился без определенных занятий на р. Вологде близ Сухоны (дом его нам показали, и старик еще жив): уток бил, рыбу ловил, работал на сплотке и так всю жизнь провел кое-как. И еще другой такой есть в Вологде, не служит и живет кое-как, и есть еще один, тот юрист и вовсе спился, а жизнью этой вольной очень доволен. Невольно сравниваешь, кто же выгадал — этот заезженный плановик или эти «индивидуальности».

— Щуку ведут! — сказал Назаров. И показал нам в окно: буксир тащил лес, сплоченный «щукой». (При сплотке щукой буксир может тащить в $1^1/_2$ раза большую кубатуру.)

Потом одна из щук вовсе перегородила нам путь, и мы, пока нам освобождали путь, по щуке же ходили на берег:

это мученье — по щуке ходить, то спускаясь к ее мокрому хвосту, то взбираясь и перебираясь через ее голову.

Интересная задача для курсантов лесосплава: сколько требуется кубометров дерева, чтобы шесть человек могли на плоту переправиться на ту сторону реки (закон Паскаля).

И еще задача: вопрос: — Если вдали видишь плывущее вниз по реке бревно, зная, что выше есть запань, то спрашивается, каким образом бревно могло вырваться из запани? — Ответ: — Оно одним концом было погружено в воду, а по другому свободному концу его сильно толкнуло, отчего бревно нырнуло и вышло под запанью. — Вопрос: — Какой породы вероятней всего это дерево? — Ответ: — Вероятней всего, сосна, очень суковатая к вершине: суковатая вершина сосны особенно влагоемкая и потому тонет. (Бревно-жулик: или бревно-индивидуалист: судьба его: пробилось в море <*приписка:* в Белое море...>

Лобково: «пыж» — до 20 километ. толщиной. Сначала ничего невозможно понять: бревна и на бревнах люди. Разберешься, и очень просто, как все чрезвычайно просто на всех лесных работах. Лежа дает очень слабое течение, поэтому опасность, что ветер бросит моль обратно. Для устранения этого пыж разделен и схвачен поперек «перекидками». Вся моль ждет очереди в головных воротах, здесь ей помогают идти баграми. За головными воротами 18 кошелей, против каждого стоит человек с багром и ловит предназначенный для данного кошеля сортимент: 1) Баланс коренный <*приписка:* корённый> — 2 кошеля. 2) Рудстойка — 2. 3) Пиловочник еловый 3 кош. 4) Сосновый пиловочник 3 к. 5) Шпальные тюльки 1 к. 6) Некоренный баланс 1 к. 7) Дрова короткие 2 к. 8) Некоренный баланс 1 к. 9) Разное 2 к.

В кошелях сортименты сплачиваются щукой и пускаются самоплавом до Сухоны: идти самоплавом помогают «перехватчики». На Сухоне щуки берут буксиры и тащат на местные фабрики.

Медведка.

Отрядные работы (сдельные).

Завед. Васил. Ив. Дитёв (живет на дворе лесоспл. конторы в Вологде): полагается пропускать ежедневно 3000 куб. м. Нет рабсилы. Собирается прижать неустойкой. Четыре «руки»: 1-я рука получает... 2-я... 3-я, 4-я... <*приписка:* [такая древесная четверка]>

Кроме щукой — зимняя сплотка «ведило» — вроде как дрова выкладываются.

Телеграмма: — Захлестните запань, голова идет.

График движения хвостов: т. е. хвостов моля, потому что движение головы моли не все говорит, а если хвост зачищен, значит, сплав закончен.

В[ысшие] курсы эксплуататоров.

Ужасно холодно. Осина и тополь скрывают почки своими смолистыми окололистниками: прячут почку (см. выше слова Назарова).

14 Мая. Билет в Котлас можно достать только на 15-е в 10 веч. Телеграмма директору Леспромхоза:

Котлас Лесопромхоз Директору. Еду Наркомлеса ознакомиться двинским сплавом Выезжаю Вологды пароходом 15 Мая Бронируйте номер гостинице Писатель Михаил Пришвин.

В Вологде я пересидел: началась встреча с мелочами: сегодня, напр., все утро искал в магазинах щипчики для сахара и попал наконец на барахолку, где и купил эту драгоценность. А еще было, после обеда вломился сотрудник местной газеты и долго мучил меня и завтра обещался мучить.

Погода изо дня в день одинаковая, только, бывает, один день начнется дождем, другой морозом (но потом все равняется), на дню сто перемен, и забываешь, какое было утро сегодня. Только к самому вечеру, когда уже темнеет, становится совсем тихо, окружается оранжевой зарей, светит луна и морозит. Если бы не такой сильный свет солнца, когда расходятся тучи, то очень похоже все на позднюю осень. Да, это совершенно похоже на позднюю осень в Уссурийском краю, где солнце и осенью светит сильней, чем нашей весной.

15 Мая. Утро необычайно светлое, с крыш стекает растаявшая намерзь. Но уже в 8 у. собираются облака, сначала еще кучевые...

С билетом в Котлас, вероятно, кончено, вчера Назаров по телефону сказал: «несу броню»; остается сомнение в том, не в общей ли нам каюте достанется: тогда и прокурят тебя, и оберут, если зазеваешься. Крайне своеобразно путешествие в наше советское время: ведь только что едешь на положении знатной особы, предваряешь приезд свой телеграммами, и учреждения бронируют тебе номера в гостинице, бронируют билет на пароход (как экспедиция).

Сегодня на рассвете слышал сквозь сон в коридоре громовую митинговую речь, догадываюсь, что это какой-нибудь приезжий вломился и доказывал свои права на номер. И ведь строимся-то как, и все-таки размножение обгоняет и такие темпы. Один лесовод об этом размножении сказал так: — Это не от семян, это порослевое размножение от старых пней. <*Приписка:* (Порослевой человек и семянной <*На полях:* (В Архангельске два ярких типа на улицах: человек от семян и порослевой.)>

Дела: Петя в 9 у.: билеты, отправить телеграмму и книги; в 9 придет корреспондент. В 10 у. — баня.

В 9 у.—10 у. беседовал с корреспондентом местн. газеты, дополнил его неплохую статью о себе.

В 11 д. ходили с Петей в баню — роскошное каменное здание с колоннами на Золотухе — канаве, вырытой будто бы еще при Иване Грозном. Не доходя до бани, на откосе Золотухи лежал человек с костылем. Он лежал к нам задом. — Не умер ли он? — спросил я Петю. — Нет, — ответил он, — смотри, на локте у него белое пятно, приглядись: оно движется, он дышит. — Но может быть, кончается? — Это да... нет, едва ли! посмотри, он лежит на куче гравия и на припеке, слишком обдуманно лег для умирающего. — А если, — ответил я, — он успел обдумать и так просто лег умирать, положив костыль возле себя, есть что-то хорошее в такой смерти: рядом друг-костыль, и никого больше не обеспокоил: костыль, гравий, песок, солнце. — Петя по-

смотрел, вдумался и сказал: — Да, это правда, смерть ничего себе.

Через час, вымытые, мы возвращались этим местом. Человек с костылем лежал. Мы присмотрелись к белому пятну на локте. Между нами была решетка. — Разве посмотреть? — сказал я. — Не надо, — отв. П., — посмотри, вон там на откосе еще лежит, а там вон еще… — Мы пошли.

А если он умер, скоро ли обратят внимание? Едва ли скоро. Разве кто-нибудь раз заметит и подумает, вроде нас, а потом, опять проходя тем же местом, взглянет на то же самое неподвижное белое пятнышко на локте. Но женщины могут и сразу же заметить, сойдутся две, взглянут, зайдут с другой стороны, окликнут. Мужчины нескоро, а женщины да, они могут скоро. Почему это?

Из Москвы от Страхова телеграмма: — Прошу передать Пришвину Пинеге начался ледоход Сплав идет по десяти речкам из семидесяти двух.

Ехать, ехать скорее, чтобы войти непосредственно в лесную среду! но с пароходом, кажется, плохо: кажется, сегодня не пойдет. Получился «пыж»…

Сведения с пристани противоречивые. Петя в бегах, кажется, едем завтра в 8 у., если найдем какую-то Медведеву, у которой наша броня.

Опубликованы предсказания погоды на севере: с 22 Мая резкая перемена к теплу, а сейчас должно все холоднеть. И сейчас же после чтения стало теплеть. День весь был солнечный, и к вечеру все теплей и теплей. У реки встретил женщину с тремя немецкими легавыми, она сказала, что дупелей бьют ст. Сухона, Большие Дворы.

Сергенев Алекс. Ксенофонт.: Ленингр., 7. Лодочник.
Орлов Николай Иванович: Ленингр., 9. Фотограф.
Алексей Голубцов — три немецк. легавых.

<На полях:> *Глухари наиграли шею.*
Нина Пославская

16 Мая. Солнечно и холодно. Рано сбираемся, чтобы утром в 8 ч. выехать, и вдруг на пристани оказывается: стерли мелом написанное «в 8 утра» и написали «в 8 вече-

ра». Берем на пристани номер, маленькую комнатку из фанеры, вокруг все слышно, как будто попали в центр тока. <*Приписка:* (Разговор о человеке, ищущем себе хороший обед, собака о трех ногах.)>

Вчера явился охотник Н. И. Орлов, великан и с университетским образованием, произвел впечатление талантливого человека. Рассказывал много интересного об утиных, глухариных и дупелиных охотах. «Как найти глухариный ток? Случалось ли вам, наблюдая ток, удивиться: было много глухарей, и вдруг нет ни одного, и ни один не взлетал, куда они делись? А вот как бывает...» Орлов, растопырив пальцы на ладони, показал движение крыла сверху вниз: это означало, что глухари спустились бесшумно вниз и пошли пешком. Значит, на ток глухари прилетают, а с тока уходят. Вот и надо искать глухариные тока еще в марте: «вы находите глухариный след, идите ему в пяту и придете к певчему гавку». Вначале глухари не поют, а только дерутся внизу, и два охотника могут их нагонять друг на друга. Позднее, когда глухари наиграют шею, надо приходить на ток с вечера и выслушивать прилет. <*На полях:* (Глухари кончают петь, когда распустится осиновый лист.)> Глухарь будто бы прилетает токовать всегда на свою сосну, и если ее срубят, токует на ее пеньке. Когда глухари слетелись, прилетает токовик и облетает весь ток.

Орлов рассказывал об утиных охотах на челноке Сергенева, об охоте на лосей: «сотнями бьют, 2 р. килогр. мясо, сколько хотите».

И вот раз уже не приходится ехать, мы решили с утра отправиться к Орлову и продолжить разговор. Около десяти у. мы вторглись в дом Орлова, и разговор наш продолжался до 4 дня. С головной болью и при полном равнодушии хозяек (жена и дочь: похоже на Яловецкого) это было нелегко выдержать. Под конец к нам присоединился «северный король охоты» Сергенев, которому я заказал себе к осени челнок (задаток 100 р. — всё 350 р.). Лучшая утка Сергенева «Красавка» живет у него 18-ю весну (было, жили до 12 и до 15 лет, но кончались насильств. смертью).

Сергенев уже лет 30 как работает над своим челноком, делая ежегодно по одному. А конечно, многие копировали.

Молодые сидят по закрайкам на сухом месте, а старики токуют на мокром, но глухарки держатся сухих мест, и потому молодые нахаживают глухарок...

Тока глухариные от Егорья (23 Апреля—6 Мая) по Николу (9—22 Мая), пока не развернется осиновый лист.

Дупелиные высыпки от 24 Августа по 27 Сентября.

В семь вечера мы перешли на пароход и в 8 наконец-то выехали. В каюте очень хорошо и в рубке тоже, только в общей комнате стульев мало. Во главе с каким-то развязным молодым человеком с морск. знаками компания играла в карты, а мы стояли и не могли поужинать. И только уже когда я стал сильно нажимать на прислугу, главный картежник поднялся и сказал мне: — Садись, папаша!

К вечеру холодно, тихо, закат строгий, красный, реку перелетали утки парами.

17 Мая. Ясное и холодное утро. Наконец-то я выспался. Берега низкие с растрепанным лесом, как и у нас в Загорске. Буксиры ведут плоты уже не в Вологду на фабрики, а в Сев. Двину. Наш пароход очень медленный, и только 18-го мы приедем в Устюг, а в Котлас, вероятно, рано утром 19-го.

Молодой человек сидел на лавочке весь день и, казалось, чем-то вполне удовлетворенный в себе, с блаженством смотрел на воду, на лес. Месяц огромный показался в лесу и медленно вышел из чащи, и мягкие волны парохода стали колыхать и дробить его отражение. Молодой человек не выдержал и, завернув штанину свою, показал ногу-протез, новенькую, хорошо отполированную, с великолепными никелированными пряжками. Увидев такую ногу издали, пассажиры стали сходиться и толпой окружили молодого парня, удивляясь чистой работе: многие трогали отполированную ногу и поглаживали, а он, довольный, завернул вторую штанину, и там тоже оказалась точно такая же новая блестящая нога в хороших но-

вых чищеных башмаках и даже с калошами. — А ну-ка пройдись! — сказал кто-то из толпы. И калека, спустив брюки, встал и быстро пошел, так быстро и верно, что казалось, будто он заводной. И, как заводной, он, дойдя до борта, завернул кругло, достиг своего места и сел.

Месяц почти не уменьшился, когда вышел из леса, и нам стало при месяце на большой лесной реке Сухоне так понятно счастье калеки: жизнь вблизи так хороша! <*приписка:* а мы на стороне> и мы так мало понимаем, что она хороша: нужно, чтобы ноги отрезало, и тогда обрадуешься даже и деревянным ногам <*приписка:* заменяющим природные свои>.

Кто-то говорил в толпе:

— А в деревню приедет, станет, наверно, сразу же девкам показывать...

<*Приписка*: Так редко бывает:> Месяц <*приписка*: поднимаясь> не уменьшался. Капитан и тот удивился ему, положил мне руку на плечо, показал на месяц и сказал: — Вот бы сфотографировать!

<*На полях:*> *Мысль о жизни хорошей без ноги соединилась с законом сузема.*

<*На полях:*> *На чужой сторонке и старушка Божий дар.*

В Тотьме лесопильный завод, много ссыльных. Ссыльный из Воронежа рассказывал, что им теперь ничего живется и он лично зарабатывает иногда до 18 р. в день, но больше 5—6 р., и жить можно...

<*На полях:*> *Деревни без деревьев.*

18 Мая. Продолжается холод при солнце. Морской хозяин с К° ухитрились всю ночь просидеть за картами, они были так заняты, что в уборной не успевали воду за собой спускать, и утром от этого и от табаку в рубке ужасная вонь. <*Приписка:* До того было мерзко, что я остановился у стены и стал пристально упорно глядеть на морского хозяина. — Ты что, папаша, глядишь на меня? — спросил он. — Любуюсь тобой, — ответил я. — А кто ты и зачем едешь? — Я — инспектор качества, — ответил я.> И еще

потом ссора с прислугой за то, что она вовсе не пользуется вентиляторами, а еще капитан, и еще, и еще, и так везде всюду во всем некультурный человек не хочет, не может, не умеет пользоваться техническими достижениями, создающими возможность лучшей жизни. Между тем где-то и у них дремлет какой-то эстетический запрос. Вот когда мы приехали в Устюг и капитан и другие побывали на базаре, всюду начался разговор о каком-то розане, и через некоторое время матрос весь в поту обнимал тяжелый горшок с довольно высоким деревцем, <*приписка:* (морской хозяин)> принес его и поставил посередине стола в рубке, и весь экипаж, восхищаясь, собрался тут и смотрел на деревце. <*Приписка:* Инспектор по качеству думал: красота в добро переходит, и добрая вещь сама собой и красивая.> — Розан, розан, прекрасный розан! — говорили женщины. — Если роза, — спрашивал я, — то почему же она без шипов! — Не роза, — отвечали они, — то роза, а то розан: это другое, роза с шипами, а у розана цветы поменьше, но зато без шипов.

Незадолго перед Устюгом высоки живописные берега Сухоны перешли в знаменитые опоки. В Устюге Сухона слилась с Югом, и началась широкая «малая» Двина. Месяц красный огромный над водами. И капитан почувствовал и сказал: — Вот бы снять!

19 Мая. Вчера с вечера без всякой катастрофы стало теплеть. Мы приехали в Котлас в 2.35 ночи, сдали вещи на хранение и пошли светлой ночью искать жилище. В гостиницу не пустили, в доме колхозника тоже ничего не нашлось, попали в комнату для приезжающих леспромхоза, где на двух койках спали два лесничих, между ними на столике стояли два стаканчика для водки и тарелка с селедочными хвостами. В полудреме на столах провели время до утра, и, когда начались занятия, в Леспромхозе нам устроили номер <*приписка:* Красный угол> и прислали сюда человека для ознакомления с производством.

Забитый жизнью человек сказал, что у них тут в деле одна напряженность и никакой личной жизни. Зато на

окраинах ежедневно воровство и резня: это единственный протест личности против «напряженности». <*На полях:* личность есть равновесие на канате>

Какая ужасная грязь! в первый раз я понял тут происхождение деревянных тротуаров. Это роют глубокие канавы для осушения и по ним для ходьбы настилают доски. В Котласе из-под таких тротуаров вонь, везде, всюду вонь... После обеда, к вечеру, когда мы шли на пароход. пристань брать билеты в Верхнюю Тойму, нам встретилась опять собака с ампутированной лапой, которую видели мы утром, и еще люди, с которыми мы спали в Леспромхозе, и еще... Это доказывало, что мы уже все видели и все стало нам повторяться.

Двина после ужасного Котласа явилась нам как вторая, какая-то небесная прекрасная жизнь.

В 6.35 в. мы сели на пароход «Иван Каляев» и поехали по тихой великой Двине, к которой теперь прибавилась Вычегда.

С берега до берега так далеко, что светлою ночью невозможно разобрать, что там на другой стороне. На реке паутинки — это боны, направляющие моль, которая время от времени довольно сильно бьет в пароход. Совсем удивительно, что по этой паутинке человек идет. И мало того, у него есть тут на этой паутинке избушка вроде собачьей конуры, на стене ее нарисована фигура человека, <*зачеркнуто:* показывающего> делающая пароходу хуже, чем мефистофельский жест. Петя оказался философом: говорит, что раз это было священным в Египте и выражается видом нашей христианской колокольни, то почему бы и тут не быть на избушке сторожа, охраняющего боны. «Во всяком случае, — сказал он, — это все не так просто, иначе такое неприличие отменили бы декретами». Мы догнали буксир, ведущий плот к Архангельску; уступая нам дорогу, буксир плотом своим захватил бон вместе с избушкой, повлек за собой, живой человек выскочил и сел в челнок, нарисованный человек закружился, показывая себя во все стороны.

20 Мая. Мы приехали в 5 у. Совершенно тепло. Вчерашний день надо считать переломом. Снег, медленно таявший до сих пор в лесах, дал воду. Внезапно сплав, проходивший до сих пор на низких горизонтах, пошел на высокой воде, и затрещали запани, выдерживая давление своих нагроможденных «пыжей».

Почтарь согласился увезти наши вещи на высокий берег Двины, вслед за подводой вскарабкались мы и попали в Верхнюю Тойму — районный центр, ныне проглотивший совершенно когда-то небольшую деревеньку. <*Приписка:* Обыкновенно учреждения теряются в массе домов, и сколько их всех, можно знать только отвлеченно, по книгам; здесь же все на глазах, как рыба, вынутая из воды и продолжающая жить в стеклянном сосуде.> (Надо сделать список учреждений.)

После обычных хлопот (очень утомляющих, делающих путешествие трудным) нас внедрили в дом колхозника, выселив из номера трех несчастных. Грязно, клопы, но отношение начальства прекрасное, и вера, что мы доберемся до Пинеги и сохраним восприимчивость к лесной жизни, вернулась.

Попив чаю из заготовленных на пароходе термосов, мы пошли смотреть запань на Верхн. Тойме и с высоты берега увидели, как Тойма, змеясь по низине, подбиралась к высокому берегу Двины, и поняли, как она его размыла (я вспомнил ручеек, стекающий по высокому берегу Сухоны вниз). Сейчас очень красива эта дверь, через которую вливается Тойма в Двину. Издали бревнушко за бревнушком плывут по Тойме, накопляясь у запани, замыкающей выход в Двину. Обыкновенно мокрое бревно, скользя, нажимая на другое, ныряет под него, и следующее, ныряя под это, давит на верх, и верхние бревна, поднимаясь, щетинят «пыж». Я сделал два смежные снимка (не забыть!).

<На полях:> NB. Пыж есть содержимое запани.

Пришел уполномоченный Крайкома (Лаврентьев) и дал мне много ценных сведений о лесе. Он говорил, указывая

на пыж, что тут всего лишь 20% взято с площади, на которой росли эти «хлысты». Остальные хлысты как маломерные оставляются на месте и предоставляются, выходя лет на 300 из сферы хозяйственного пользования, естественному возобновлению. Кроме того, эти оставшиеся 80% деревьев не дают возможности применять механизацию (машины). Между тем маломерный и всякий лес можно химическим путем использовать дочиста и освобождать место для правильного возобновления. (В Архангельске ознакомиться с делом химизации лесной промышленности.) Если посмотреть на северный лес сверху, то представится сплошная зеленая масса, прорезанная сетью вен — речками. На самом деле масса этих зеленых лесов подрезана и выведена из хозяйственного пользования на сотни лет! К этому вопросу, решаемому сплошными рубками, химизацией и механизацией, примыкает вопрос обсеменения и об использовании рабочей силы. Механизация должна уменьшить потребность в рабсиле — это раз, и второе, средство повысить интенсивность труда — это дать колхознику «свой интерес» (заняться надо лицевыми счетами, некоторые откроют, что колхозник работает даром).

Среди дня было вовсе жарко, пробовали тучи насесть, но разошлись, и вечер опять был тихий, теплый и солнечный. Ходили на запань, — вода прибывает, моль нажимает.

К самому вечеру в номере духота. Мы вышли за околицу к ручью в овраге, возле которого лежал еще снег, и стали записывать. К нам подошел мужчина с лопатой в руке и сказал нам, что в лесу, в ельнике, везде еще снегу очень много (что делают леса!) и что он сейчас не видит особенного запаздывания весны: здесь случается, что и на Николу 9-го (22) Мая везде санный путь. Сам он, охотник из Выи (на Пинеге), теперь отбывает принудиловку за то, что раньше «много работал». Он ловил глухарей и косачей петлями. Говорил, что и сейчас и здесь недалеко глухари еще дерутся на снегу и их легко ловят петлями на току, а косачей так штук по сотне. На Пинеге же всего много,

сейчас там рыбы много и медведи ходят по проталинам возле речек.

И человек этот, и рассказ его о зверях и птицах, и эти хлопоты и неурядицы в пути при скитаниях, — все это до точности сложилось с тем, что я испытывал 30 лет тому назад в поисках на севере страны непуганых птиц. И так теперь понятна мечта о такой стране, возникающая среди трудностей самого путешествия: удирая от клопов и прочих удовольствий на одном месте, надеешься на другом месте найти себе место получше и, не находя, движешься все дальше и дальше, незаметно скопляя у себя в уме и сердце запасы для создания страны непуганых птиц. <*Приписка:* И в самом деле, как только увидишь птиц — так и обрадуешься и хорошему человеку.> И сейчас у меня сохраняется полная уверенность, что страна эта существует и только мы не умеем, не хотим даже сделать личное усилие для ее достижения (нужно по крайней мере ноги отрезать человеку, чтобы он начал чувствовать бесконечную ценность жизни).

21 Мая. Спокойно ни одна ночь не пройдет. В 3 ночи дежурная настойчиво требовала впустить приезжих, повторяя на все мои аргументы спокойно и настойчиво: «у вас четыре койки, а вы занимаете две». Не пустил, но и сам не заснул и валялся до 4-х утра, стряхивая время от времени клопов с кровати на пол.

А вода между тем из заваленных снегом лесов натекала, поднимая горизонт Тоймы выше Двины: на Двине поднялась на 20 см, а тут на 60, моль давила на запонь и прорвала ее на Нижней Тойме. Директор не приехал, заместитель бросил нас и ускакал, и все учреждения, и ВКП и даже прокурор занимались сплавом. На Верхней Тойме, у нас, бревна, проплывая, ныряли под «пыж» и так набивались до самого дна, и от давления снизу там и тут из серой массы моли отдельные бревна вдруг вскакивали, как мертвецы из могил у Гоголя, и так оставались, и так больше, больше, и к утру весь пыж стоял как ежик: <*приписка:* там, тут стоящие бревна>. Порвало почти все канаты, вывернуло многие мертвяки, и рабочие вновь копали и, схва-

тывая канатами и тросами запань, утверждали концы в новых мертвяках. Мы ходили по запани, набитой бревнами до самого дна, в штиблетах, а инженер даже в белых башмаках. Он говорил, что давление на 1 кв. метр такой запани 30—35 тонн, что в запани сейчас до 40 тыс. куб. метров (на пространстве <*1 нрзб.*> километра): это глубинный залом.

Затайка рано началась, а потом пошли заморозки: большие реки прошли, а малые остались, и их пришлось взрывать. Двина вышла 22-го (? — узнать и развить этот мотив).

Хвостовой караван (зачистка хвостов).

Река вошла в урез.

Зашли в ВКП: секретарь переговаривается с Горкой: «На Нижней Тойме порвана запань: некуда навешивать сортировочную систему. А?» Какой-то ответ, секретарь смеется. Уполномоченный крайкома спрашивает: — Что он сказал? — Он сказал, — ответил секретарь, — «веселое дело!»

Двина прибыла на 20 см (благодаря Вычегде, а на Сухоне и Юге вода вовсе пала) — на 22 см. Двина, а в Тойме в одни сутки прибывает полметра: какой скат! Река Тойма сейчас — поезжай хоть на пароходе, а пройдут из леса снега, и реку переедешь на телеге: сбежистая река.

Чащи <*приписка:* сюда психология непуг. птиц> — в районе Горок, частый переспелый бор-беломошник: такой частый, что дерево срубишь, а взять невозможно: дереву некуда падать. Лес ровный и спелый, тут стяга не вырубишь.

Секретарь Райкома не только лошадей — подводу и верховых, но даже и масло, и сахар, и хлеб устроил в один миг. А бывший тут редактор «За новый Север» взялся все прислать и от себя догадался и прибавил килограмм печенья. В Райкоме даже и о сплаве больше бы сказали, чем в Леспромхозе: там уткнутся в деталь и не видят целого.

Люди, живущие у северных рек, дровами не запасаются: дрова к ним сами плывут.

Хвостовой караван.

Вечером девушка, похожая на клюкву, все нам принесла. Пришел конный человек и обещал лошадей представить утром в пять.

Из Верхн. Тоймы утром в 6 у. 22-го Мая; Гора Вершинная 24 килом. в $^1/_2$ 12-го дня; выехали в 4 веч.; прибыли на «Половинку» (половина волока) в $^1/_2$ 10-го = 22 килом., 23 утром: в 4 утра выехали в Извоз «на струне»: приехали в 8 ч. = 22 км; выехали с Извоза в 4.15, приехали в Керге на Пинеге в 7 веч.

22 Мая. Лошадей подали в $^1/_2$ 6-го. (Что значит секретарь Райкома!) На прощанье записал о доме колхозника: кровать деревянная, набитая клопами, и рама ее на ножках движется, как гармонья; на раме две палочки, и на палочках три тонких неровных, неструганых дощечки, и на дощечках матрац шириной как раз в человека, набит соломой и почему-то выходит горбом, с этого горба непременно скатываешься и всю ночь пытаешься удержаться на высоте, и стоит ногой упереться в дощечку, скрепляющую станки гармоньи, как рама едет, палочки выкатываются, и падаешь внутрь со всем содержимым кровати. На стенах висят лохматы обоев неопределенного цвета, из под них вторые лохматы газет: это все великие полчища клопов; и так всякая вещь сделана так ужасно плохо, как будто делал человек, задавшийся целью методически мучить множество людей, посещающих дом. Даже стол с поведенными досками: ничего поставить нельзя, все съезжает и скатывается на пол, а из тарелки выливается. И какая рационализация! в умывальнике оторвана крышка — воду можно наливать без задержки, форточка просто вынимается и прислоняется внизу к стене; в уборной на деревянному полу просто топором вырублен желобок для стока. И возможность жить в таком-то жилище мы получили через начальство и с трудом удержались в нем: дежурная разбудила ночью в 2 ч. и долго не отставала, требуя впустить незнакомых людей, отвечая на все аргументы: «вас двое, а коек четыре!»

В 4 верстах надо переезжать Верхн. Тойму: река сбежистая, выносит медленно тающий в ельниках снег и потом мелеет. Сейчас это большая река, лошадей нам дали до реки, а на другой стороне в дер. Сухой нос ждут лошади из обоза Леспромхоза, присланные из Вершинной Горы.

Так мы выехали в 6 утра. Погода вернулась холодная. На ржаном поле заметили стайки ржанок, их зовут здесь серули. Перевозчик старик переправил нас на ту сторону бурной лесной Тоймы. Там, в Сухом носу, нас ждали «ледяночки», лучшие лошади обоза, работающего на ледяной дороге, моя, напр., каряя по 4 комплекта таскала. Снимал старика на Тойме.

<На полях:> узкое место: вокруг лес, медведи

Ехали по правому высокому берегу Тоймы, и на другой стороне был высокий берег. Было за Сухим Носом красивое озеро, пересекали лесные ручьи. Сморчок у дороги много помог нам определиться во времени года: когда-то давно, кажется, мы видели сморчки под Москвой. Там и тут в лесу еловом белел снег, а между тем лягушки только что икру выметали, но еще более удивительно было для нас, что в то время, когда снег еще не вышел, наклюнулись березовые почки: это показывает, насколько лесистость влияет на задержку <*зачеркнуто:* снега> на таяние снега. Слышен шум весенней реки, сквозь неодетые ветви берез, покрытые зелеными почками, виднеется внизу голубая река.

Не везде ли тут именно ельники охраняют истоки рек? Мне кажется, это множество весенних речек, текущих по огромным пространствам лесных массивов, только и отличают этот лес от подмосковных.

Мы ехали шагом, стараясь не уезжать далеко от подводы, следующей за нами, <*приписка:* В глухом лесу мы обогнали женщину в голубой новой юбке, в ярко-желтом платке, шла она босая очень быстро> и в $^1/_2$ 12-го приехали в д. Горку, сняли тут старинную церковь и потом отправились в рядом с этой деревней на р. Тойме Вершину (тут сельсовет). Пока выкармливали лошадей, мы отдох-

нули, беседовали с зав. лесопунктом о Пинеге. В 4 в. выехали и километров через 10 переехали Тойму <*приписка:* где стоял трактор «Сталинец»: стоял, или не решаясь через мост, или не хватило горючего?> и поехали по другой, тоже высокой стороне.

Дорога наша разделилась надвое: резко вправо шла тоже трактовая дорога и тоже с телефонными столбами, обрытая канавами. Стали думать: лошади почему-то вправо завернули; мы еще раз вернулись назад, вольно пустили, и опять они вправо. Но вправо дорога поновее, и, главное, влево шел след трактора, значит, и нам влево. Так мы и поехали. До сих пор долина Тоймы была оживленная, виднелись деревни, теперь мы ехали до последней деревни, и на дороге везде у нас был теперь след трактора, и часто видели мы тоже на белых клочках снега грязные следы зайцев, и тоже мы раз [видели] след босой человеческой ноги на снегу. «Не медведь ли?» — подумали мы, но вспомнили расфранченную женщину и решили, что это она обогнала нас, когда мы отдыхали... и шла теперь где-то впереди нас.

Прошло немного времени, мы с удивлением увидели, что женщина эта стоит лицом к нам и машет рукой, а дальше далеко впереди заяц сидит. Скоро заяц прыгнул в кусты, а женщина, дождавшись нас, сказала: — Нехорошо, заяц дорогу перебежал. — Так он же тебе, а не нам перебежал, — смеясь, ответили мы. — Нет, — серьезно сказала она, — я же вам махала рукой, и мне, и вам, мне-то что — я здешняя, а вот вам... — Не успела женщина это сказать, белка перебежала. — А вот успокойтесь, — сказал я, — по нашим приметам, белка всегда к добру. — Ой ли! — обрадовалась женщина и рассказала нам, что спешит в последнюю деревню, в Милу, где сегодня годовой праздник Никола Вешний. <*Приписка:* — Что же ты босая по снегу? — Колхоз, — ответила она, — не свои лошади, так виш: переходное время. (Мы долго смеялись: переходное время.), колхозы: тракторы.>

Мы все время поднимались на гору, а Мила, казалось, была у самого неба. Отсюда далеко мы видели наш путь,

исчезающий где-то за черной завесой леса, потом за синей и за голубой. В деревне разноцветные девушки танцевали кадриль, парни раздирали гармонь, и дедушка седой и красный, опираясь на молодку, вылезал из двери своей избы и не мог вылезти; и все пел частушки и топотал. В $^1/_2$10 в. мы приехали на «Половинку» (половина волока), тут была изба для корма обоза. Хозяйкой была спец-переселенка из Белоруссии, старуха, одна из мучениц колонизации севера. Легли мы в комнатушке очень усталые: ноги болели от непривычной езды, хотели спать сколько хочется. Но скоро грянул петух, ночующий зачем-то в комнате рядом с нами, и открылась слуху масса людей, без всякого стеснения беседующих иногда во все горло. Петух грянул и второй, и третий раз. В 3 у. я решил ехать. Хозяйка про петуха рассказала: девать некуда, еще холодно, что дело куриное дело здесь новое, а на Пинеге кур вовсе нет, что люди, ночующие у нее пешеходы, идущие далеко (как теперь лошадь достать? Кто теперь ездит? Дети по 200 верст проходят из Котласа). <*Приписка:* × Переходное время между лошадью и машиной — пешком.>

Узнали, что трактор, который мы видели, хлеб возил на Пинегу: 50 мешков; что это первый трактор пришел, и на Пинеге впервые увидели трактор; но очень он много мостов наломал.

<*На полях:*> ***В переходное время между лошадью и автомобилем людям приходится переходить пешком.***

23 Мая. Суровая погода, вот-вот снег или дождь. Выехали в 4 у., твердо решив держать коней все время на веселом шаге и, не заботясь о подводе, прибыть в «Извоз» (22 км) в 8 утра. Дорога очень плохая, много снегу, но того, что говорили «снега по жопу хватите», не было. Лес очень утомил, все ждешь и ждешь просвета и понимаешь славянина, понимающего лес как беса. Приехали к полям спец-переселенцев, «Талицы»: это корчевка... мысли о «падающих» <*приписка:* Как бы тот свет революции: грешники>, тех, кто был прям и держался «труда», и вообще о хороших <*зачеркнуто:* людях> куропатках, попадающих в когти ястреба они верили, что вернутся, не допус-

кали возможности... <*приписка:* до чего живучи: [дом] — отняли, другой дали — другой отняли> а маленькие дети, погибшие тут? (уполномоч. сказал: «лес рубят — щепки летят»). <*приписка:* Сюда можно о двух: казак и белорус: 1-й мотив казака и белоруса. Казак и ясли. К Калинину.>

<*На полях:*> *Революция загнала в сузем разных людей и, конечно, попадали и по наговору... с царем-то легче оказалось расстаться, чем с рублем: мужик — вечность земли, купец — рубля, а личность — свободы. Ладится сплавить. В какой сузем загнали (50% погибло).*

Мы все ждали, что Тойма еще раз перебежит нам дорогу ручьем, но вдруг явилась большая река Охтома, бурно бегущая в Пинегу. На берегу стоял ужасного вида горевший когда-то и поваленный ветрами лес. Дождь начинался. Тут на берегу стояла избушка фуражиста. И мы тут дожидались с 8 у. до 12 нашего Андрея, у которого сломалась ось. <*Приписка:* Дождь — гость.> Приходили спец-переселенцы и разные люди прохожие. Я старался на лавке соснуть. Стал расчесывать волосы. Хозяйка грустными глазами, с тоской смертельной, как обезьяна смотрела на меня, как я расчесывал волосы. — Делаешь? — спросила, — или такие? — Не родись богатым, — отв. я, — а родись кудрявым. — Хорошие волосы были! — А они же и теперь вьются. — Сивый! — сказала она и с прежней смертельной тоской смотрела дальше, как я. — Куда же тебя он везет, в какой сузем тебя загоняют? — опять спросила она с той же смертельной тоской. И показала на Петю и на его коня в окно: оказалось, что на этой лошади ездил агент НКВД, и что Петя с ружьем и в кожаной куртке, так это... Я расхохотался и сказал «обезьяне», первое, что Петя мой сын, а про себя, что добрый молодец поневоле не ходит. — Мóлодец! Сивый! — опять грустно сказала она, а река и дождь [и тишина] и так страшно быть робинзоном, и так мало, так вовсе нет времени, чтобы для себя подумать... (конец всяким обманам), а сколько птицы вокруг, сколько рыбы в реке, сколько лесу, ягод, грибов... <*Приписка:* Обезьяну соединить с казаком и белорусом.>

<На полях:> *р. Лохома в Пинегу, 6 в. ниже Керге, р. Куглюга возле Керге впадает в Пинегу*

Рассказы фуражиста, что косач у них — польник, а глухарь — тетеря, что ток польников по 100 шт. Ели польника.

Неудачные опыты сна на лавке. Деревянные девицы с лесосплава шли в свой спец-поселок Охтому: молчаливые, без улыбок и всякой живости. Слухи о том, что в Горку надо переплывать через четыре реки... Решение: ехать в ближайшую деревню на Пинеге Керге и оттуда созвониться с Согрой (Горка) (14 кил.) и ночевать в Керге. Отправили вперед Андрея по дождю. Местная примета: дождь как гость: утром пришел и уйдет, а после обеда принесет — ночевать останется. Но гость наш вдруг ушел, и в 4.15 мы выехали.

<На полях:> *Лес, который 200 лет копил в себе солнечную силу и сгорел: жил для себя — чтобы [отжить] — какая бессмыслица. Вероятно, так и бывает без человека всегда...*

Возмущение мое нелепицей вдруг исчезло: улыбка была мостом от...

Вся красота, вся прелесть севера в этих нечаянных улыбках природы, когда вдруг с тебя как бы сваливается все бремя, и ты все прощаешь... Так вот тут, в этом бору, бессмысленный пожар погубил лес: на десятки верст он лежал обгорелый, черный. Но теперь, после дождя, в сверкающих каплях везде, почти закрывая черные стволы умершего леса, поднимался молодой сосняк.

Соединяется с белорусом, человеком труда и долга, в противоположность казаку — человеку войны и воли, а долг — личная жизнь. Ширина — казак, глубина — монах.

24 Мая. Дождь и холодно. А нам очень хорошо: «пинжаки» оказались тем самым народом, который 30 лет тому назад очаровал меня в Карелии. Ни малейшего сомнения в том, что у меня кто-нибудь возьмет что-нибудь,

и тысячу рублей я спокойно оставляю в куртке висеть... <*Приписка:* В прежнее время в нашем [народе] меня это трогало, теперь, [после] революции, я знаю, что <*3 нрзб.*> — финское начало.> Тут гордость, чувство собственного достоинства: «мне чужого не надо, хоть и нет своего, да как-нибудь лучше обойдусь, чем воспользуюсь чужим».

«А что вы сделаете, если необходимость (сила) как смерть подойдет? остается или стать против и жизни решиться... но ведь спец-поселенцы, их судьба у всех на глазах: половина из них погибла в лесах, другая половина согласилась жить. И если жить, то надо выполнять то, что требуют, и еще больше, чтобы тобой дорожили и так внутри дела оказался бы ты первым лицом, а не тот, кто тобою распоряжается». Это борьба за личность, за собственное достоинство. <*Приписка:* Думая о «загнанных в сузем» и погибших, втайне радуюсь, что сам остался в живых: улыбкой тайною природа... Это как после пожара и бури в лесу первая поросль между лежащими черными стволами, когда каждая мутовочка говорит: «втайне радуясь сердцем, что сама осталась в живых». Следующий этап — это когда побежденный перерастает своего победителя и тот исчезает, расходится, как туман <*приписка:* в думы о сгоревшем лесе>>.

Наша поездка долиной Охтомы была похожа на поездку берегом Верхн. Тоймы, только дорога здесь бором прекрасная. Вблизи Керге вместо Охтомы явилась Пинега, сейчас очень большая река, летом — вброд переходи: сбежистая. В 7 ч. приехали в деревню Керге и остановились у председателя Василия Павловича Чередова.

Колхоз «Бедняк».

Пинжаки — это люди, отразившие в себе последнюю простоту леса. У них не было кур (потому что, во-первых, не было для них зерна, во вторых, охотн. собаки). Не было вовсе свиней. Они охотились, работали на сплаве леса и на деньги покупали хлеб. Все из леса: бадья в колодце, канат из березовой вицы, коньки, олени и подохлупники <*испр.:* охлупь> (чтобы князь не гнил и ветер крышу не снес). Набрать материалу.

Доверие к науке и ученому человеку. Мой термос, бинокль, фотоаппарат, ружье. Приход парохода — это народный праздник, все одеваются в лучшую одежду (раз в год). Полнейшая уверенность, что наука — это великое благо. Я сказал о сыне: «это тоже ученый человек», и хозяин ответил, что: «а как же иначе?» Просится в голову как традиционное продолжение: разочарование их в цивилизации (но ведь у нас коммунизм, у нас доверие к науке должно быть оправдано; и отсюда: если ты и не веришь, то все равно не имеешь права прибегать к традиционному заключению).

Председатель колхоза человек неграмотный, за это против него большая часть, но начальство поддерживает, и Василь Палыч Чередов уже третий год председателем. — А нам что? нам все равно, кто бы ни был, наша работа не переменится от председателя: работал и буду работать! Наш председатель Палыч ничего, как мир, так и он: самостоятельный.

<*На полях:*> *по речкам в хвойных лесах трава. Есть ли кошки? Охотник и медведь... везут Дмитрий Матвеич, Председатель РИКа*

Река Пинега от Керги идет сверху из-за ста верст и туда приходит двумя реками: Белая река и Черная река, с Белой реки лес уже сплавлен, а Черная река рождается в темной раде (болотный ельник = темная рада; светлая рада: сосна по болоту). Там, в темной раде, есть родник, из него и начинается Черная река. Отсюда же недалеко начинается р. Лоха, но бежит она не в Пинегу, а в Двину. Верховья рек чаще всего, наверно, таятся в темных радах: ельник задерживает таянье снега. Верховья рек, их истоки вообще интересны, и об этом надо расспрашивать. Так вот, р. Лохома вытекает из Чуровского болота <*испр.:* рады> ручейком. Ветровой на все верховье лес навалил, и сквозь этот большой лом новый лес пробился, вырос большой, а под лесом внизу, под Ломом, как под землей, бежит река Лохома.

Керга раньше имела охоту на Белой реке, и в сентябре вся деревня на стружках поднималась вверх на промысел.

Теперь колхоз выделил 5 охотников, которые работают для Союзпушнины и добывают <*зачеркнуто:* пушнины больше, чем раньше>. Птицы же много не требуется, и она теперь сильно множится: «в лесу теперь птица гремит».

<*На полях:*> *Женщина и ребенок.*
Согра. Керас. Керга.
Как не лучше? Неужели хуже?

Несмотря на дождь, охотник Романов <*приписка:* партизан Быстров> повел нас в лес показывать силовой путик. На муравейнике ставится сило на тетерю: бьется, бьется с веткой, обмотается вокруг дерева и помрет. Близко к опушке ставится сило на польника: возле дерева из ямки набирается песок, и насыпается тут же у дерева гуменица (или печка), непременно чтобы «на освете», т. е. чтобы хорошо было видно птице. Сило из волоса, а то бывает для тетери сутужное сило из медной проволоки. Затески на деревьях: путик: кончается избушкой или же возвращается к исходу. Так: Соха на поле — тетеря на землю. «Сделал гуменицы, птица прижилась, ставлю силишки». «Притешу новые дорожки».

— Как живете? — Не очень. — Почему не очень хорошо? — Потому что сознательность. — Чем же мешает сознательность? — А как же, надо ведь государство поднять. — А единоличники живут лучше? — Неужли хуже для себя одного работать?

Появляется мысль о том, что единоличники, оставаясь в сильном меньшинстве, должны чураться колхозников, поднимающих в общей беде государство; и колхозники тоже должны же чувствовать неприязнь к тем, кто живет для себя; предрика на это заметил: все это верно, только в основе своей колхозники побеждают тем, что их работа производительнее и живется им лучше; к последнему поправка: предрика смотрит на то, как должно быть, в каком направлении ведется политика и как будет, а колхозник говорит о том, как есть в настоящее время.

Польник —польнюха, тетеря — пеструха.

Слуды — крутые берега.

После обеда к вечеру, как и вчера, превосходная погода, но, конечно, тепло не [весеннее]. Говорят, что весна здесь запоздала на две недели.

За день мы сходили в лес, вымылись в бане, хорошо после бани отдохнули, записали...

25 Мая. Возле самого дома токует польник. Светлое росистое утро. Снимаю коньки на князях. В 7 у. выезжаем в Согру на лодке. Везет молодой парень, не очень довольный временем. Вот в Согре церковь на клуб переделали, будто бы по согласию, а какое согласие: «ведь мы-то ничего не понимаем: и кто понимает, тот хочет нарушить, а кто не понимает — боится». — Что же, — спросил я, — разве оттого, что церковь закрыли, люди молиться перестали? — Перестали, — ответил он. — Деревянную церковь закрыли, и вера кончилась? — Кончилась.

Бережину всю сплавили, и то, что видно на берегах как лес — это не лес! И скучно так ехать. Устье Лохомы проехали, несколько деревень, последняя деревня Противная и потом Согра. К счастью, застали здесь председателя РИКа (из В. Тоймы) и с ним вели большой разговор.

Как трудно найти массив для выполнения плана лесозаготовки, цельный и невозможно: прошлый год 590 тыс. кубометров заготовлено в 78 лесобазах; нынче 600 т. к. м. в 90 лесобазах, и то местами приходится производить 3-ю выборочную рубку.

Гибель лесов. В помощь химизация: смолокурение и жечь уголь (брикеты).

Выборочная рубка еще и тем губительна, что бьет и губит, падая, другие деревья, и если это елки, бьет насмерть: они живут, болея.

— Хоть реви!

Рабочий живет и питается неплохо на сплаве, во всяком случае лучше, чем служащий в городе: «в лес поедешь и поешь, и веселей» (сказал Савин).

Плакаты, над которыми все смеются, напр., показан пример рубки: так надо, не надо, черное — снег — что это за лесоруб, если снег не оттоптал.

<На полях:> Катя — из Сельсовета, Нюра — Завед., Дуня, Маша — Леспромхоз.

Медведь на пыжу: с одной стороны на другую по пыжу перебежал медведь.

Медведь (годовой) лег в стогу и был подпором убит. Брали сено, а он взревел, если бы промолчал, долго бы еще полежал.

Пароход шел вверх по Пинеге, вдруг белка вздумала переплыть на ту сторону. При приближении парохода бросилась вперед и опять хотела в воду, и опять пароход остановил ее...

Лиственница на берегу. Сидят глухари. Один пассажир стреляет. Пароход привертывает. Берет глухаря, а предрика Дмитр. Матвеевич шутя говорит: штраф 100 р. Охотник испугался, а тот шутя сказал. И опять лиственница и глухари, пароход под самым деревом. Предрик смотрит на глухаря и ждет, но пароход проходит — птица не падает. Тут председатель понял, что охотник шутку не понял, боится. А глухари парохода совсем не боятся.

В. Тоймские пильщики ходили с продольной пилой по всей стране, но пинжаки из Керги, Кераса, Согры никуда не ходили на сторону: лес сплавляли и охотились, а женщины сидели дома возле ребят, возле хозяйства. Теперь и мужчины и женщины все на работе, и женщины работают еще старательнее.

Пароход забрасывает 2000 тонн муки и овса.

Сеятель из лукошка, он же инспектор по качеству.

Сезонные строения охотников на Вые.

— Хорошо работать с пинжаками, надо только обходиться, не обижая, и все, а вот Двина и уж другое дело!

д. Василево по Вые — самое глухое место, все охотники.

Трудпереселенцы 29—30 г.г.: донцы и белорусы; донцы разбегаются, белорусы работают.

— Наша вина, что до сих пор игнорировали личный интерес колхозника в лесе.

— Наша вина, — сказал предрика, — что раньше мы игнорировали личность колхозника, бывало, праздник, и мы тут с плакатами за лишний кубометр; теперь же пиво наварили и плясать.

Колхоз «Красная Выя» дал 22 охотника.
5 кг рыбы за трудодень.

<*На полях:*> *финны; медведи — вывернутый кокорь*

Отличие сплава на Пинеге: в первую очередь пускают вольницей двухрядные плитки зимней сплотки, а когда вода сбудет — молем: тогда моль идет спокойно. Спецзаказы — несколько плиток сведены штук по 6, с людьми.

Двина под Тоймой тронулась 17-го Апреля.
В хвойном лесу лежит на земле хвоя, и на хвое растет мох, брусника, — оленю дикому или домашней корове тут нечего взять. Но рек в этих лесах очень много, и в их долинках всегда зеленеет трава, сюда идет скотина, и тоже сюда, как только встал из берлоги, идет на светлянку на солнышко погреться и поохотиться у берега медведь. Много, много в северном лесу медведей. Так вот на р. Илеше несколько дней тому назад собрался <*зачеркнуто:* повар> пекарь лесопункта пойти убить тетерю, идет опушкой вдоль речки и видит, олени пасутся, штук пятьдесят. Подкрался к ним, — что делать? запрещено бить дикого оленя, нельзя стрелять, но, конечно, стрельнул бы, если бы ружье не дробью заряжено было. В это самое время и медведь тоже, наверно, подкрадывался к оленям, но повар не видел его и с досады, что стрелять нельзя, вдруг прыгнул к оленям и рехнул медведем. Вмиг олени рассеялись, и вдруг повар видит, недалеко от него вроде как бы медведь. И только шевельнул повар ружьем, в один миг медведь возле него, и так близко, что ствол ружья с мушкой уже далеко сзади медведя торчит. В такой <*зачеркнуто:* момент> раз в страхе человек замирает, да и нечего же делать-то больше: чуть шевельнись, и он на тебя. Так сколь-

ко-то человек и зверь побыли друг против друга, и человек начал материть. Медведь повернул, и тут от страха у повара как хватит ружье, и медведь тоже ужасно испугался и в один миг исчез...

Много, много в северном лесу медведей, и мох на выворотнях от времени буреет, и до того похожи эти выворотни иногда на медведя, что прямо вздрогнешь, а таких, что вот поглядишь-покосишься или внимательно всмотришься — это постоянно даже днем бывает у всякого...

<*На полях:*> *бревна подпыжились*
Запыжили

<*Приписка:*> *Сура, Ловела и Явзора, — нет простых красивых имен, особенно Явзора, а река Поганец и притоки Поганца — Сура, Ловела, Выя, Противная*

Согра — Керас — Керга и среди них Противная, Поганец или Явзора. И так же точно население и в своих внешних чертах, и по характеру особенно явно видно, что тут основа финская. Поначалу я давно это хорошее впечатление с честным, трудящимся, правдивым человеком на севере понимал как радость от встречи с первобытным, неиспорченным человеком. Но теперь, думаю, верно разглядел в этом хорошем финскую природу. Между прочим великороссу, выросшему среди не так, может быть, угнетенных, как разбалованных барством великороссов, люди почти всякой народности представляются лучшими людьми.

Наша квартира в ОРСе: две комнаты, пустовавшие зимой, потому что печка в неисправности. На другой половине дома столовая ОРСа. Время обеда прошло, но для нас велено было готовить обед. Тут оказывается, что в кухне перемена: заведующая уходит, а на смену ее девочка Нюра, лет 15, на тоненьких ножках, ничего не понимает. Между тем для нас была оставлена свинина, но кто-то ее распорядился куда-то отправить. В ОРСе нет масла, мяса. Нам отпустили горсточку мелкой рыбешки и глухаря: из глухаря велели делать суп, рыбешек зажарить на постном масле. Варили обед часа два, дали уху, а глухаря обещали дать к вечеру. Есть уху из нескольких маленьких рыбок

невозможно: это вода с подсолнечным маслом. Чуть не вырвало.

Пришел предрика и предсельсовета. Я отчетливо объяснил, что так работать нельзя: то жилище клопиное и невозможное, то пища голодная, никто не хочет помогать, и денег полный карман, а девать некуда; нет масла — пусть купят хоть за 500 р. килограмм! и т. д., — все высказал. Предрика выслушал, опустив глаза, потом встал, взял с собой предсельсовета, сказал: «надо устроить!» и вышел. Вот, наверно, пошла кутерьма! Начальники вернулись не очень скоро, но веселые с резолюцией: ОРС зарежет для нас поросенка, за маслом пошлют в колхозы, принесут самовар, женщина будет служить.

<*Приписка:*> *(Сюда: перемена в женщине, колхоз — пионер земледелия).*

Мы отправились смотреть посевную колхоза «Красный боец». Хозяйский глаз предрика: «спустить лужи». И на детей: «сколько их сеют и какие крепыши!» (а мы не видим, что крепыши, вероятно, это тоже «идея»). Разговор с инспектором по качеству («десять таких старичков подобрал, не работают, а рвут!»), инспектор вежливо беседует, а на лошадь косится и матюкает тихонько: сам хочет работать, а лошадь не берет больше. Особенно работают усердно, выбивая норму, женщины. Вокруг на лужах, озерках разлива, на бережках их утки, большие нарядные турухтаны (один как фазан), кулики. Если очень близко подойдешь, утки поднимаются, делают маленький кружок и садятся, плюхаются почти на то же самое место. Наша любительская охота вообще в этих условиях теряет всякий смысл. <*Зачеркнуто:* Предсельсовета рассказывал, что в выходной день он идет в лес, не считаясь со временем дня, убивает несколько глухарей пульками из мелкокалиберной винтовки, и хватает мяса до след. выходного дня.>

Остается впечатление от колхоза, что работают очень здорово и поле выходит отличное. Говорят, что в последнее время не было случаев, чтобы, как раньше, хлеб вымерзал... Возможно, что есть и недочеты в таком колхозе,

но явно все такое будет исправлено... (влияние рубки лесов на Скандинав. полуостров: Гольфстрим).

Вечером пришла уборщица Леспромхоза Маша и помогала нам убирать, мыть посуду, пришла из Сельсовета Катя и отправилась за яйцами и маслом, пришла, наконец, Катя, продавец ОРСа, бойкая, которая все может изготовить, но только боится не угодить. Ей уже завстоловой Нюра рассказала, что мы ей о котлетах говорили, но она не знает, как делают котлеты. Катя тоже не особенно знала и осторожно выспрашивала: — Сухари класть? лук класть? перец класть? и лавровый лист? — Нет, лавровый лист к котлетам нейдет. — Так мы разговорились, и Катя нам сказала, что дня уже три, как только получилась телеграмма, все говорили о приезде писателя. А старуха одна объясняла, что при конце так и быть должно: писатель приедет с печатью антихриста и будет приписывать всех к новой вере, и что пусть все пойдут, но она не признает антихриста и останется при старой вере. Возможно, она же, как староверка, еще теплилась верой отцов, боровшихся с православием, но перешла незаметно для себя, а теперь эта искорка вспыхнула, и старуха перенесла свой теплый огонь на коммунизм как на веру. Во всяком случае десяток маленьких, голубино-куриных яиц она продала и взяла по рублю за яйцо из денег антихриста. <*Приписка:* Да и как-то современность не та: очень далеко...>

По всем признакам охотники побоялись открыть тока председателю, и он предлагает сам вести нас: — Ток, — говорит он, — сразу найдем.

Вечер светлый, довольно теплый и тихий. Наслаждался глубокими отражениями облаков в луже воды, хотя вокруг невероятная грязь, ни деревца, ни кустика, чтобы хоть до ветру сходить: Согра и значит грязь. Далеко, из-за километра виднеются маленькие сосны при болоте, и откуда-то доносится чуть слышное ку-ку. Более непривлекательного места трудно представить, но очень уже мы рады квартире, поросенку — что можно хорошо собраться с силами, чтобы пробиться в Чащу, девственный лес. Все говорят о нем, и никто не знает, как он велик. — Что если

хватит лет на десять, — сказал предрика, — мы ведь тогда узкоколейку в 25 килом. проложим до Пинеги!

<На полях:> Боровая горелица.

26 Мая. И опять с утра холодный ветер, и на весь день страшные хмурые тучи. Кустики зеленеют как-то вопреки всему ходу в природе, без связи с целым, и мало говорят о весне. Одни местные люди говорят, что весна эта небывало холодная и задержалась недели на две, другие понимают, что и все так на севере: в мае всегда холодно, и только в конце июня да в июле тепло, а в августе опять начинает свежеть. Верней всего, что, правда, весна небывалая — холодная, но что на севере вообще нет той нашей постоянной ласки в природе, а радость природы нам здесь раздается в улыбках: улыбнется на час, на день, и довольно, и хватит с тебя. Так никогда не забыть мне вечера после дождя, когда мы ехали с Извоза в Кергу несколько часов по боровой горелице.

Сегодня болит поясница кругом, — плохо, если это люмбаго, но может быть, все это следствие сухоядения или верховой езды. Надо и хочется пробиться в Чащи, посмотреть лес, не видавший топора, и боязно. Верно, придется здесь посидеть и подождать более теплой погоды.

Серьезный лес — это, конечно, чистое насаждение, а если береза и осина примешивается, то, конечно, веселей: внизу много цветов, вверху певчие птицы; но такой «подмосковный» лес существует как бы не сам для себя, а для утешения человека, желающего отдохнуть на лоне природы.

Хвалился Романов своей собакой: сто рублей давали — не взял и правильно сделал: в ту же осень с этой собакой две выдры убил по 150 р. каждая. — Не взял сто рублей, — сказал я, — а если бы 200 дали. — Двести? — переспросил он, — если двести, то подумал бы. — Так вот она какая, промысловая охота: из всего колхоза их выбрано только 5, кто может заниматься «своим» делом, и за 200 р. он готов расстаться с делом. Был, однако — рассказывают —

один охотник, старик, он в лесу и жил и без ружья белок ловил больше других. Он с ума сошел <*приписка:* одичал и людей перестал узнавать и нашли его на дереве: сидит... (с сучком и язык показывает)>.

Наша любительская охота возможна лишь при ограниченном количестве дичи.

Пришел зав. пушниной, отлично знакомый с верх[овьев] Коды и Порбыша (впад. в Вашку), где находятся Чащи. Вероятно, он с нами отправится, и еще возьмем одного охотника (Харитонова).

27 Мая. Ночью, верно, был мороз, с утра при солнечном свете холодный, резкий ветер, спина моя больше и больше болит: хоть реви, а ехать надо в Чащи, иначе выйдет, что весь север объехал и леса не видал.

На севере служащие Севлеса о выходных днях и не помнят: одна «напряженность».

Воевать за свое относительное благополучие в пути бывает иногда не совсем удобно: нехорошо, если потом, обсуждая приезд высокого лица из Москвы, люди, не имеющие возможности есть сливочное масло, станут перебирать косточки с точки зрения потребности подобных лиц в сливочном масле... И тем не менее.

После революции мало-помалу зачахла и вовсе скрылась женщина увлекательная: во множестве явились женщины рабочие, служащие, ученые, спортсменки — все серые. Слишком много дела, нет игры, а без игры нет и женщины увлекательной.

Уполномоченный Крайкома, узнав, что я на Пинегу еду, сказал: — Невинная река, знают, куда послать. — Значит, неблагополучно. Если же бы все было благополучно, то, конечно, уполномоченный обрадовался бы, что я выбрал себе столь удаленное, дикое и красивое место. И так все ответственные работники на местах стараются обратить внимание на непорядки в лесу, а не на достижения.

Помню одного только, и то охотника, кто понял мое стремление попасть на Пинегу: — Посмотрите, — сказал он, — какой лес был, и потом посмотрите у нас на Двине, каким его сделали.

Маша сказала, что раньше у них женщины занимались домашним хозяйством, а работали только мужчины, теперь женщины работают больше мужчин даже. — Зато, — сказали мы, — теперь женщина свободна, захочет и уйдет из дому от мужа. — Да, — ответила она, — только ведь и он тоже: захочет и уйдет.

Есть места, — волосы на голове шевелятся, если на мгновение вообразить себе, что тебя сюда по неволе пришлют; и как чудесно вдруг все процветет и таким все прекрасным представится, когда опомнишься и поймешь, что ты сюда ведь охотой пришел и скоро расстаешься. Бор, не тронутый рукой человека, в окошке наверху небо и облака, а внизу мох белый, и на сплошном белом пасется стадо диких оленей.

Пришел охотник Осип Александрович Романов (51 г., из дер. Волыново), который будет нашим проводником в Чащи. Этот следопыт совсем как Дерсу. Как и у многих здешних людей, у него тоже есть особенная интеллигентность, свидетельство внутреннего благородства, в речи его почти всегда есть скрытое значение, как у героев Ибсена. Говорю, напр., о том, что найти бы надо человека сильного, способного выгрести против бурного весеннего течения Коды, и по возможности был бы человеком хорошим. — Что могутного человека взять, — говорит он, — это верно надо, а о хорошем не заботись: на короткое время мы все хороши. <*Приписка:* Подумав, он назвал Александра Губина: сильнее его нет.> Наметили план путешествия:

1-й день. От Согры до Илеши: с 6 у. до 12 д. Осмотр за́пани, сборы и проч.

2-й день. 15 километров вверх по Коде. Ночевка «У малой» (в конторке).

3-й день. Кода-Рассоха. Ночевка в бараке.

4-й день. Пешком до р. Каргова, впад. в Коду: всего 22 кил., отдых после 10 кил. Чащи. Ночевка у Кислой речки.

5) Осмотр Массива.

6) Обратно по другой дороге. Увидите, как рубили лес: заболит ваше сердце. Переход от Чащи до Коды-Рассохи.

7-й день. Обратно вниз по Коде до Усть-Илеши.

Чащи — это бор-зеленомошник, а вокруг есть беломошники: «увидим, как олени мох унесли на ногах».

Пришел директор леспромхоза Татарский, живой, разговорчивый человек (полупольск. происх.), и тоже, как все деятели, изливал сердце, переполненное горечью о гибели леса. Узнать, как кончается лес, если его не рубят и не трогает пожар. В 1935 г. Горковский леспромхоз заготовил 168 т. 061 кубом. (1400 рабочих).

Фаутные кусты, на которых живет грибок Гэба. Когда рубят лес, дерево, падая, сшибает сучья остающихся деревьев, на месте излома является сера, к сере пристают споры грибка, и дерево болеет. А ель боится всякого прикосновения, толчка, света, мороза. В Горковском леспромхозе 2 бол. запони: Илеша 73 куб. м, Керга — 66–73. Когда пароход привезет хлеб — из запаней пустят моль.

Лушин Платон Матвеевич, рабочий, который повезет нас по Коде, он понимает в лесном деле.

«Пучки» — корешки травы, которые медведь ест.

Верховья рек все в болотах, и лес там маломощный. Часто, когда вода вверху убывает, внизу она только прибывает и наоборот. Чтобы выполнить план, нужно было в 17 пунктах выбирать лес. И это ответ на вопрос: «можно ли найти нетронутый лес?» Нельзя...

28 Мая. Сегодня довольно тепло. Пришли два парохода, один среди дня, другой вечером. Охотник обещал зайти за нами, показать ток, но не зашел. Дети. — Что видели в кино? — Буржуя. — А раньше видели? — Видели в книжке. — Нет, в жизни: видели буржуя? — Дети были в недоумении, наконец один сказал: — Это было до нас. — А секретарь сельсовета разъяснил мне, что остатки враждебного

класса до сих пор еще скрываются. Стало очень скучно, «передержка». Бок немного меньше болит. Завтра соберемся и после завтрего, т. е. 30-го Мая, непременно поедем. Будем надеяться на встречу с медведем, лосем и оленем.

29 Мая. Дождь с утра. Что надо сделать сегодня для поездки завтра.

1) Найти карбас <*приписка:* леспромхоза>. <*Приписка:* стружок> 2) Известить Осипа. 3) Белье. 4) Сахар. 5) Расплатиться. 6) Взять мясо-масло. 7) Хлеб. 8) Фото.

Раз люди обществом что-нибудь делают, то непременно вскоре же является их сознанию и ценность и смысл сделанного. Так явилось в колхозах сознание, что работают они для государства: да так и называется вообще эта работа для государства = «сознательность». И мало-помалу согласно этому образуется если не быт еще, то уклад с выходными днями и советскими праздниками. Но человек, работающий единоличником, живущий одним своим личным интересом, неминуемо должен...

<*На полях:*> *Коллективная работа тем хороша, что люди, поработав вместе, непременно обретут некоторое понимание.*

В Согре три женщины, акушерка, учительница и счетовод, последняя из ссыльных, — они одеваются прилично, читают романы: между ними и местными бабами и парнями пропасть...<*Приписка:* Три феи.>

Думаю, что боль в боку не люмбаго, а натрудил мускулы на седле, проехав 100 верст. Нам теперь только и наступает наконец возможность приблизиться к лесу, и успех поездки зависит от того, сумеем ли мы в курной избушке сохранить силы для набирания в себя лесной силы. «Чащи» должны исчезнуть, наша задача их сохранить.

Трудности достижения «Чащ» выходили из недоразумений: то не доставили телеграмму и за отсутствием места в гостинице мы ночуем черт знает где, то в доме колхозника где-нибудь временный непорядок: закусали, изъели

клопы, то с продовольствием неполадки и лечиться пришлось. И еще самое главное, что все очень заняты, не до тебя, и оттого трудно объясниться: тебе не то показывают... и не с чем встретиться и нечему обрадоваться, а это же и утомляет.

Полны деревни собак, но лая нет...

30-е Мая — поездка в Устье Илеши, 31-го по Коде до Малой, 1-го Июня по Коде до Рассохи.

Живая, грациозная чудесная птичка трясогузка нынче была птичкой моего путешествия. Я видел ее на ледяном обрезе тающего снежного берега, и... и вот наконец вижу ее на северной реке, покрытой девственным лесом на песке. И узнаю строчки ее лапок на песке у реки: она бегала у самого края воды каждый день и оставляла за собой строчку следа, а вода каждый день сбегала, и строчка оставалась, и новая. На песке была целая книга исписана лапками чудесной птички, и я мог читать по этим строчкам о жизни реки Коды этой весной.

Трясогузка и речной кулик — две птички, вечно мелькали, пока я два дня на стружке поднимался по реке Коде в поисках леса, которого не касалась еще рука человека.

<На полях:> «Он пишет» Они: не могли понять, зачем Осип [только что вошел] в колхоз

Не доезжая двух километров до Коды-Рассохи, мы вышли на берег и поднялись на крутую и высокую слуду. Все распускалось вокруг нас на берегу: березка маленькая, куст смородины, для всех взрослых пахнущей золотой порой детства — все равно, была она или не была — и лиственница. Впервые в тепле после дождя я почуял наконец-то и тут общий аромат земли и весенней жизни. В этом так хорошо знакомом мне аромате тут был еще особенный теплый запах — «не навоза ли?» подумалось, но нет, навоз — это грубо, разве грибы? И нет, не грибы. Невиданное зрелище открылось, когда мы достигли верха слуды: довольно редкие сосны среднего возраста стояли на скатерти белого моха, чуть разве зеленоватого. Этот белый мох был как

облака в переходящих формах, самый нежный, когда в руку возьмешь, понюхаешь, пахнет чуть-чуть грибами, а весь мох, вероятно, вместе с корой деревьев и начинающимися береговыми травами и давал тот особенный запах не то свежего навоза, не то грибов.

И вот на белом зеленая полоска: это когда-то дерево упало и долго спустя дало жизнь на белом зеленом мху.

На белой скатерти оленьего моха лежали в одиночку и парами и крестами темные трупы деревьев: брошенные вершины, забракованные и отмеченные на срезе крестами комли. Их было так много, что даже и ходить трудно стало, и белый мох, выглядывающий из под рам и крестов, не привлекал к себе глаза. Так показалась нам Кода-Рассоха на слиянии рек Коды с Мелетиной. Тут в бараках жил сторож с кремневым ружьем «к р ы н к о й» (крымское). Петя пошел убить утку, а я сел у реки, расстроенный страшной картиной разрушения. — Ты не очень-то сиди тут, отец, — сказал Петя, — а то старик еще тебя примет за медведя и ляпнет из “крынки”».

Так мы перешли черту, по одну сторону которой оставалось «представление» и по другую, за кулисами, открывалась изнанка.

Погода. Сколько раз я обманывался на севере, принимая улыбку природы за переворот и начало нового этапа весны. А на севере весна идет не этапами, а улыбками: обрадует тепло, и опять холодно, и в холоде все движется вперед холодно и деловито: зеленеют наволоки, раскрываются почки смородины, и лиственница, на вид засохшее хвойное дерево, начинает зеленеть.

Выше Коды-Рассохи ехать нельзя: нечищенная река. Нечищенная река. Реку Мелетину чистили два года. И так каждая лесная река: предел падания на Коде.

Пороги на Коде. Берега. «Усекомые». Песчаные слуды и сверху губами зеленый слой, насаженный лесом.

<На полях:> *Кагули*
Клопы стены укрыли.

На высоте стоит монастырь
Пятнадцать верст не доедешь видко
И пятнадцать верст переедешь всё видко
А под высоким берегом река
И под землей едут на карбасах
А наверху пожни
И люди сено косят
До чего высокий берег!
Обрывы и скалы
Красные и белые горы
Из белого камня жгут известь
А в воде много рыбы
И есть рыба лох
И у лоха икра крупная
Как горох икра у лоха
Ночью вода светлеется
Вода бежит к берегу
Падают деревья
Вода бежит к другому берегу
Падают деревья
И на деревьях мох растет
И по моху частый <*1 нрзб.*>
И под мохом вода бежит

<*На полях:*>

До чего высокие горы
Обрывы и скалы
Красные и белые
Белый камень и известь жгут

2-го Июня до Исагиза с роздыхом в Каргове.
3-го Июня от Исагиза до «Чащи».
4-го Июня от «Чащ» до Карговы.
5-го Июня в Каргове.

6-го Июня вечером переход в Коду-Рассоху.
7-го И[юня] в 7.20 у. выехали в Усть-Илешу.
8-го [Июня] переезд из Усть-Илеши до Хорнемских избушек возле Выи.
9-го [Июня] утром остановились против Демьянова и пешком в Окулово на Вые.

30 Мая. Переезд из Согры в Усть-Илешу. Адрес «Канарейки»: Евдокия Егоровна Грязнова, Горковск. [сельсовет] дер. Согры (Послать карточку ребенка). Председсельсовета Доставалов (достал масло и мясо). Одни охотники говорят, что тока кончились, другие: «самый прыск». Выехали в 7 у. (поиски своего карбаса) вдвоем. Опасная встреча с пароходами: 4 парохода завозили продовольствие наверх. В д. Волыново к нам присоединился проводник Осип Александрович Романов (Верхнетоймский Рик, Горковск. сельсов. дер. Волыново, рядом дер. Ручей: охотник Кирилл Ягушкин). Осек. Перебористые места: никто не живет, ничего нет, одни журавли клюкву собирают. Земляные воротяшки. Осип Пете: — Поезжайте, где пузыри, хотя вы, конечно, сами знаете, а где пузыри, там и (фарватер) прилук.

От вчерашней щуки расстройство желудка. Утки гоголя.

Разговор об одной избушке: что если уйти в Едому, там от всего можно укрыться...

10 Июня. Перемена погоды. Чаще и чаще начали перепадать теплые часы: вдруг как будто улыбнулось и стало тепло, и деревце ярко зеленеющее явилось как видение. 8-го Июня в 2 ч. ночи пошел дождь ни холодный, ни теплый и моросил весь день с небольшими перерывами. 9-го утром суровая борьба с тучами и холодно, а вскоре явилось солнце, стало жарко и парило, после обеда гроза и на один час сильный теплый дождь. Сегодня с утра теплый дождь, очень тепло и переменно. Совсем тепло и хорошо. Из своей серой рубашки мы заказали два кукуля от комаров (в Санрах: кулйк).

...и что один убежал в грозное время в Чащу и оттуда на Уфтюгу и оттуда на Вычегду и работал там до тех пор, пока прошло время, после того вернулся к семье, все у него было цело. Другой бежал в Москву к Калинину, достал бумагу и все вернул, третий не посмел бежать и был убит. Вот и вопрос: кто из двух поступил более правильно: один (донской казак) бежал и спасся, другой (белорус) был взят,

попал в трудколонию, заслужил работой уважение и спасся в своем мастерстве и стал незаменимым работником?

<*На полях:*> *Годы давние*
и глаз охудал — не вижу и не слышу — где она лает.

На дне сто перемен: то хлещет крупа, то солнце выглянет. Приехал в клоповник пекаря на высоте против слияния Пинеги с Илешей. Снимали запонь: бревна все стояли как шерсть еще недавно, а теперь легли, потому что спала вода. Завед. зáпанью Васил. Андреев. Ягушкин был в бане (см. ниже характеристику Осипа: мужик дешевый: в случае хорошо сделает — награда дешевая, в случае сорвет — наказать не жалко). Фото зáпани: желтая река бревен на несколько километров. По бревнам бежит человек, пар валит: это Ягушкин из бани сокращает к нам путь по бревнам. Рассказ о медведе: что приходил и почему-то хотел тоже по бревнам перейти; еще рассказ о медведе, который напугал пекаря: оба к оленям подкрадывались, и медведь вмиг к пекарю... Рассказ этот вмиг облетел край, и все его повторяют.

<*На полях:*> *Пожелтела хвоя на лиственнице, прилетели чухари. — Глухари? — Нет. Чухари.*

Везде тут характерны лиственницы, громадные деревья. Когда на лиственнице желтеет хвоя, на нее во множестве [слетаются] чухари, штук по 20 на дереве, как глупые, одного убьешь, упадет, все глядят на него вниз. Сейчас лиственница зеленеет, как и береза, бузина, смородина. Вода быстро спадает. Зáпань не спускается в ожидании пароходов: чтобы им можно было уйти. Зáпань 80 тыс. куб. м (Илеша, Кода, Ентала, Пурос). Холодный вечер, сверху ужасно смотреть, как босая женщина, стоя в воде, переезжает реку из бараков сюда за хлебом. Редкие всплески быстро бегущей воды: это просто снег сбегает водой, это весенняя вода. После эти реки узко живут. Лось узко живет.

Разговор о человеке, который непременно скажет то, о чем бы умные и честные люди хотели помолчать и обойти, а если кто скажет, — надо делать, напр., если самолет

«М. Горький» разбился, то кто-то сказал: «сделаем три». Такого все боятся, и он этим живет: такого, наверно, и Сталин боится: это тип.

<На полях:> желтый от смолы

31 Мая. Рабочие унесли вещи по-за лес. Мы с Ягушкиным коротким путем. Скорый говорок Ягушкина (неожиданный для сов. человека). О ш а п у р и л и с ь. «Туман, мукосейка держит». «Голова шла». В беломошнике растут желтенькие грибочки, хорошенькие губки, тоненькие, набрал я раз, и с парохода человек: где ты набрал грибы такие хорошенькие, желтенькие («Желтые губы». «Бывало раньше 50 л. на день и [зажаривал]»).

В ожидании лодки смотрели на окатку леса женщинами, разговаривали с десятником, фотографировали. Было это возле избушки при слиянии Коды с Илешей. Хонговое дерево = хонга = сухостой. Из 40 в бригаде один мужчина (бесштанная команда хорошо работает). Нач. зáпани Ягушкин взял бинокль и стал учиться глядеть и когда понял и вдруг увидел окатку, то не успел удивиться, как увидел неверное дело, и, не отнимая бинокля, пустил матом. Нач. долго вертел бинокль, стараясь понять, и вдруг пустил на всю запань матерным словом. Это значит, он понял...

<На полях:> Ляга = лужа

Приехали на двух стружках Александр Осипович Губин и Осип Алекс. Мы поехали с Александром, вещи взял Осип. На глазах наших плыла впереди упавшая лиственница и отчего-то стала поперек реки, и сейчас же от этого образовался залом.

На песчаном высоком берегу ясно видно, сколько лес насидел себе почвы: песок осыпается, а «почва» зеленой губой свисает.

В беломошнике и «медведь» в белом мху.

Вода, спадая, на песке оставляла параллельные полосы, а на этих широких полосах, как строчки на бумаге, следы куликов и трясогузок: трясогузка всегда у самой во-

ды бежит, и если хоть на сантиметр спадет вода, следы трясогузки и кулика это отметят.

Над рекой, наклонясь чуть-чуть, стоит такая высокая лиственница, что белку из ружья на верхушке ее не убьешь.

Рассказ Ягушкина о том, как они загоняли волков по насту, волки так близко шли от них, что веточки, раскачиваясь, не успевали остановиться.

18 килом. от Усть-Илеши полдороги до Коды-Рассохи: «у Малой» (Ивановщина). Тут мы отдыхаем и ночуем. Тут контора от прежней заготовки. За берегом, сухим боровым местом обыкновенно болота.

Наволок — это берег, намытый водой, тут трава вырастает (пожни), на зелень выходит медведь. «Слуда» — высокий берег, который подмывает вода.

Вечер у Малой: на пне у промоины: внутренность леса ужасная, на реке постоянно валятся деревья: такая лесная река. Оставить одну, и ее всю завалит. Расчистка рек. Я свалил березу. Кода самая быстрая из здешних рек: беспрерывные пузыри (на прилуке) как яйца плывут, пороги, порог Сатана <*приписка:* — источн. пузырей>. Петя ставит дорожку. Вечер довольно теплый.

1 Июня. На старых палах полугрудники. Вид спелого дерева. Тронутый выборочной рубкой лес иногда сам собой изводится от закорышей и от ветра. Расщепило хонгу громовой стрелой. Лето короткое, но жаркое, песок нагорает, ходить нельзя. Губин великан, а речь его как у первобытных людей: короткие фразы (стихи) изображают. Напр.: рыба Лох (см. выше).

След оленя к воде и на той стороне: переплыл.

Петя ходил на озера, ужасается: идешь в воздухе: столько навалено деревьев.

Губин продолжает говорить стихами: — Придет человек неведомый. Приедет на белом коне. И будет списывать. Кто за новую веру подпишется — тому конец.

<*На полях:*> *следы выдры*
Слуда: Глубокие воды.
Ратна слуда. Сучий порог.

Сучий порог. Ратна слуда. Избушка, варило, клети на гребнях (описание в стихах): от мыши и т. п. и каменки. И так стихами: — На верхней Пинеге много медведей. И много случаев живет. Медведь снимает крышу клети. Вынимает мешок с мукой. И ставит мешок на землю. Лезет за другим мешком. И тоже ставит на землю. Все мешки достает и уносит один в лес. И в лесу зарывает и закладывает мохом. Приходит за другим. И все мешки прячет в лесу. А хозяин приходит и плачет. Хозяин говорит: — Я тебя не трогал и не хотел трогать. Зачем мне тебя трогать: шкура дешевая и ты опасен. Я бы никогда тебя не тронул (ставит петлю).

<*Приписка:* Олени. Если идет много домашних — прибивается дикий, а если много диких идет — к ним домашний.> Рассказ в стихах про оленей: домашние к диким и обратно.

Слуда Высокий Керас (берег). Идет человек, охотник Яков Губин. — Тетери падают?

Начало рассказа: «Шли на хвосте». Ручей Межник. Мы вышли на слуду и пошли короткой тропой. Пришли на малую речку К о д а в а, тут много избушек охотников. Дальше пошли, впервые увидели белый мох, обрадовались, снимали. Но скоро попали на осек: всюду на белом лежали верхушки, лежали закрещенные комли. Безобразие нарастало и на рассошине Кода-Мелетина (тоже сплавная, в том и дело, что весной каждый ручей в северном лесу превращается в сплавную реку) наросло до полного безобразия: пузырились обнаженные реки, текущие среди брошенных грудами и крестами деревьев, бараки, переполненные клопами. Петя пошел за чирком, я сидел под уцелевшей лиственницей, разминал пальцами зеленые почки листика смородины и смутно думал о том: почему переход культуры от маленького окошка к более светлому непременно сопровождается таким злом, что у некоторых возникает вопрос: да стоило ли из-за более светлого окошка столько губить. Тут в строительстве где-то живет брат Осипа, старик, сторожем. Петя поопасался: — Как бы тебя старик за медведя не принял и не хлопнул из «крынки».

<*На полях:*> *Пророк: вспомнилось, сколько раз ошибались: большевики.*

Удался теплый вечер: запахло весной. И я, <*приписка:* «пророк»> не уставая от обмана, возмечтал перемену к теплу. Масса мокрого белого моха в тепле, нам показалось, особенно пахнет, чем-то средним между навозом и грибами. Спать легли в комнате медпункта, укрыв лавки густо лапником от клопов. Борьба против дворового мха: весь север в клопах. Осип лег с братом в своей становой <*приписка:* (в отличие от едомной)> избушке («берег»), где все останавливаются и тоже много клопов. Братья легли на «качули» (от клопов).

2 Июня. Часть вещей и продовольствия оставляем в клети при маленьком замочке (для виду). Все кругом с гордостью говорят, что у нас никто ничего не возьмет (какою ценою далось это? Наверно, тоже был террор). Рассказ о каком-то Андронике, лазившем по чужим клетям. Его убили, и суд затягивается. Вещи несет Губин до Карговы. Дорога бором-беломошником. Вначале «общая» тропа идет по осеку с брошенными деревьями. Те деревья, которые падали раньше сами, перерезаны на тропе, теперешние нет: падает дело. Осип оделся в лузан (порох сухой, пистоны, а руки свободны). Сыряки оленьи и лосевые для лыж. Нешкуренное дерево заготовки сего года: осмотрели и нашли закорыш: «к этому закорышу прилетают дятел и желна». Снимок дерева, пронизанного клювом желны. Оленю мох и трава круглая «волосец», растет на кочках в [болоте] (еловая сырость).

Избушка нового типа (ввели заготовщика леса до революции): окна побольше. Губин говорит: Махонькая речка. Это Кодава. Махонькое болотце: исток Кодавы.

<*На полях:*> *Затуран = Забияка*

Порбышское болото позатянулось к Илеше.
Губа и вдоль сердца гниль
Табачный сук
Старая заваленная избушка
Полугрудник

Ржавец — незамерзающее болотце.

Окорил до половины, вдруг губа, и бросил.

Скрыть губу: за это 6 месяцев.

Дерево залечивает рану серой.

Заломная рада. Привал на Заломской гриве. 1-я «беседка» на общей тропе.

Лабаз для мяса убитых оленей (от росомахи)

Перегарочная ложина <*приписка:* ляга >

Затески для малых охотников («ведь мы с детьми ходим»).

У каждого свои рубыши («знамя»).

Ночевка на сендухе (т. е. не в избе, под елкой), елка на сендухе.

— Старик прогнал меня с Коды: «довольно ты тут посидел!», мне отдал свою избу на Каргове, и я тут сел и с тех пор я не сижу на том путике.

Кижа — пороша, которая растает: бывают около Троицы кижи: когда черемухе расцветать. Частенько шубу наденешь, когда север подует: до Троицы.

Полугрудина кособолонная. Порочистый лес.

Гриб, губа: гниль, яма до сердца.

Подкожные губы.

Сумки <*приписка:* — место,>: беломошник, блики, волны.

Малый Клык (52 квартал)

Ржавец — незамерз. болотце между М. и Б. Клыком.

Беседка на Большом Клыку. Довольно даже беседку срубить, чтобы две-три березы... И так везде в хвойных лесах лиственные деревья как украшение, как цветы.

Исапов переход.

Рашмак с рассошинкой на конце не обманет.

Пасынок — рассоха отвалилась.

«Мороз» — трещина, дерево никуда не годится.

Река и наволок, а за наволоком непроходимо.

Отдыхали на «Каргове» в избушке Осипа на Коде. Отпустили Губина. Заперли в клеть продукты и налегке отправились в Чащу с ночевкой в Исачихе. <*Приписка:* Дерсу превратился в Мергеня.>

Переход через Каргову (прит. Коды): пример: во что превращается речка в лесу, если ей дать полную волю. Лес навалило и он сопрел, позеленел, и выросли по зеленому новые маленькие деревца, а под ними вода.

Перешли «ламу».

Под выскорем <*приписка:* (кокора)> муравейник устроился, и тут медведь рыл.

Порочистый лес: тут до революции стояла изба, и за 7 в. отсюда сводили лес, но здесь он не тронут: иногда гиганты стояли сосны, чаще ели: «ель на дворовом мху»: косой мороз, старая хонга.

Пошли пропащие места: ельники долгомошники.

Возле одной избушки три клети разных охотников.

Избяной ручей из-под лета на север бежит.

Возле избушек всегда есть дерево с глубоким вырубом, тут в воскресенье охотники стреляли в цель и пули вырезали: свинец хоть и не дорого стоил, да тогда дорожили.

Мука в клети три года лежала, никто не брал: медведь разломал.

В огромном порочистом, но девственном лесу одна кукушка неустанно звала людей к дружному севу, и мы шли уже давно ночью, а верхушки гигантов сияли в солнечных лучах.

<*На полях:*> *добродетели первобытного человека слагаются под палкой*

Последняя рассошина Коды заворотилась на север (в начале 54 кварт.).

Водораздел возле Исачихи: М. Порбыш бежит в Вашку (Мезень).

Узнали Николая Матушкина рубыши: воронья лапа \|/

Сосновое суродье.

10.15 в. пришли в Исачиху.

В 11 ч. 45 токовал тетерев.

На Исачихе в избушке нашлось «ушкало» (палочка, на которой подвешивают шкурки белок), это ушкало было длинное, значит, зырянское: у них лучше промышляют. И еще, что колодец в болоте был закрыт доской: значит, этой весной люди жили.

Погода за день 2-го Июня: строго холодное солнечное утро, днем и дождь, и крупа. Под вечер солнце, потом сырость и холод <*приписка:* огненная печь и дымная изба, [тепло]: причина необходимости курной избы>.

3 Июня. Из-под солнца дождь, сравнительно тепло возле жилья. Под щепой оказался снег.

Зверовые ямы: для лисицы и медведя.

Шаста — бородки на ели показывают юг, шаста — олений корм.

В километре от Исачихи просека («побеседуем»!), разделяющая Коми — область. Боровые места. — Эти леса все оправдают! (Лес в своем понятии содержит столько поэзии, что только самый простой человек может восхищаться, подсчитывая кубометры: этот лесок все оправдает).

Зырянские рубыши с просеки на Исачиху. На юг виден М. Порбыш.

Не только лес рубить надо, если он поспел и если правильно рубить, а если время пришло, оправдалась жизнь, то и самому умереть ничего...

Обласкал зеленомошный бор, и пошли бесконечные долгомошники. Просек как железная дорога. То солнце и жара, то закроется облаком солнце, и хлещет крупа, и руки стынут.

То бывает от лет людей, и люди говорят об одном: молод! о другом говорят: стар! А то бывает не от лет, а от себя, живущего независимо от лет, от того, как устанавливает сам человек. Я в том возрасте, когда одобрения и поощрения от людей ожидать нечего и все зависит от себя самого.

Переходили еловый холм: ель на дворовом мху. На зырянской стороне в лесу нет просек, тут еще не была цепь антихриста.

Слева вывернулась на просеку ледянка. Тут вблизи р. Кислой убили рябчика: «ну, Кислая посвежила!»

По такую-то речку, под такой-то ветер выбираю себе место, затесываю дерево, ставлю свои рубыши и говорю: этот путик наш. Если же человек какой перейдет мой пу-

тик, я опять затесываю дерево и ставлю крест, это значит: не ходи на мой топор.

Перешли через р. Кислую и вошли в бор, похожий на Сокольники или на Лосиноостровский. После всех трудностей нам, конечно, такой чудесный бор был как рай, но в то же время мы были и смущены: зачем было так далеко ходить, если почти такой же рай есть под Москвой. Так вот мы живем и не знаем и не хотим понять, что живем в раю...

<*На полях:*> *Тут вся тема: Нет на свете более мрачной силы, чем та, от которой люди стремятся уйти за леса и долы и горы — это сила привычки. Привычка лишает выбора. Привычка — это паутина: ее выпускаем мы из себя, ею окутываемся и ничего не видим даже рядом с собой из своего кокона.*

Мы отдыхали в избе без печи, обозной стоянке, а Осип за это время искал охотничью избушку. Она оказалась совсем близко. «Мергень» истопил ее, вычистил, нарубил лапнику. Мы перенесли туда вещи.

Вечером пришлось поругаться с Петей, и я, расстроенный, ушел в «Чащу» и сидел в ней далеко за полночь, слушал стон деревьев. Утомление, холод, ветер сковали мою мысль, и я чувствовал не мир, а себя, свою древесину. Лежало гигантское дерево, упавшее между двумя тесно стоящими, из него был вырезан кусок, по которому лесоруб высчитывал годы, я сосчитал: двести лет. Тут же рядом лежали куски авиацион. бруска. Там и тут на подрумяненных волокнах стояли знаки самых высоких сортиментов: все было, но деревья [погибли], и я шел дальше, замечая...

Вопрос: чей путь вернее? донской казак бежит, а белорус приживается.

Кукушка, одна кукушка!

<*На полях:*> *Медведь идет и не торопится: изба с ним* <*зачеркнуто: и с ним весь дом его*>

4 Июня.

— Погода все какая-то...

— Погода хворая.

— Холодно!

Разговор о зырянах: какой это хороший народ, и охотники лучше нас.

Раньше о хлебе не думали, охотились и сплавляли лес, а хлеб покупали на деньги: теперь дома есть нечего, и все никуда не ходят и работают прямо за хлеб.

Пинжаки попались, потому что хлеба не сеяли.

Медведь как выпрыгнет из берлоги весной, то голодный куда хошь сползает (начало рассказа о воре в клети).

Затесь и рубыши для сына.

Раз у меня хлеб за спиной, то я уж пройду. Виноват, беру свои слова назад: нельзя сказать в лесу, что я прямо наверно пройду, куда бы ни задумал. Мало ли что может случиться: в лесу темно! в лесу близко видно: ломи, ляги. Иной раз речку станешь переходить, и туда!

<*Приписка:*> *Под колодиной оказался снег, и мы достали и ели на жаре этот подколодный снег, как мороженое.*

Под колодиной снег. (Подколодный снег.)

Из Чащи ледянка идет на изво́лок, и этот великий изволок является огромным препятствием для вывоза леса. (NB. Под изво́лок ледянка: Лесная Повесть).

Две линии: одна линия кубометровая (сплав, рубка, характер древесины и проч.), другая линия культуры: и вот эта линия на севере обрывается: трудно чувствовать поэзию леса, если видел конец... <*Приписка:* Между тем обе линии могут сойтись: см. выше.>

Колхозы являются зачинателями земледелия на севере.

Мы идем обратно к Кодаве по ледянке, с которой возле верховья Коды мы должны свернуть на путик Осипа.

Осип забыл шомпола и вернулся за ними. Мы шли до Коды, перешагнули ее (снимок) и нашли путик. Осип пришел, мы спросили его: — Почему это путик его вышел на дорогу. — Не путик вышел, а дорога вышла на мой пу-

тик! — ответил Осип и объяснил, что он именно и показывал, как и куда надо вести дорогу.

Рассказы о стариках, исчезнувших в лесу: только один! а вот я забыл: другой, третий. А вот это даже интересно, это чудо: Андроник, 60 лет, крепкий человек, и с ним товарищ: и тот сказал: Андроник ушел на Уфтюгу. А весной нашли в реке. Молодые, молодая боялась покойников: похоронили в лесу. Рубашка прострелена. Скоро суд. А есть такое: лазил Андроник по чужим клетям. Так не за это ли?

Медведь на путике. Ему торопиться некуда, изба-то с собой.

Как будто два человека остановились по сторонам, уступая друг другу тропинку: так близко рядом стояли две большие ели по сторонам путика, и между ними висела едва заметная цинковая петля (ель пробита насквозь, через нее веревка и на веревке чурбан) для медведя.

<*На полях:*> *На Вые глухарь — гухарь.*

Плутово: веревочка на силе.

Высота сила на рябчика — кулак, на глухаря — сверх кулака большой палец.

«Чащина» — тяжелая, с сухой чащины улетает.

Лапочки еловые под сило. <*Приписка:* Как птица вошла и на этом показать все части ловушки.>

Вечер, белое солнце, значит, завтра будет холод. И правда, вечером стало морозить.

Так мы идем путиком Осипа: белка попалась в сило (брюшком), билась долго, изрумянила когтями сосну и оборвала.

Горностай съел рябчика на путике.

Если бы медведь не ходил по путику, его бы и не тревожили.

Куница сидит на дереве, толстушечка.

«Осип Александрович, скажи, как ты понимаешь коммунизм?» и проч. (см. зап. книжку).

Вечер: белое солнце, значит, завтра холодно.

Пришли в Каргову к своим запасам, и эта Каргова, избушка с клетью в лесу, как город какой, у всех на языке «Каргова», и каждый может зайти и переночевать.

5 Июня. Каргова. День моих именин (23 Мая). Давным-давно распускаются и все не могут распуститься березы. Сегодня утром свежо, днем очень жарко, потом теплый дождь и один час после дождя тепло-парной, а после до ночи холод и ветер такой, что даже кукушка умолкла. Это у нас день отдыха и вечером ради именин ели рисовую кашу.

Нам где-то в походе встретился след человека, и Осип не раз его видел и говорил, что человек этот неизвестный: охотнику сейчас незачем, если же по лесному делу, слыхали бы (местность наша чуткая). Теперь Осип окончательно уверился: человек этот осину через ручей повалил.

Лесная река на севере занята угрюмой работой подмывания корней деревьев, собирания черной болотной воды: черная вода в лучах солнца оказывается прозрачной, и на дне Коды виднеются гниющие стволы деревьев почти красного цвета. На берегу пни с высокими боярскими шапками из моха и сморщенные бородатые елочки. Очень удался реке песчаный наволок, и на нем раскрывает зеленые-зеленые листики душистая черная смородина.

На лесной реке не нужно строить мостов, их в избытке набросала река.

В большом лесу крик человека — это пустяк. Крикнешь, и твой же крик деревья в шуме своем возвращают как неясный разговор множества людей, и среди них, бывает, различаешь голос давно умершего близкого человека.

Кода журчит по разлому, а если бор зашумит, ее и вовсе не слышно.

Вечером Осипа услали в Рассоху, чтобы отнести часть вещей и принести масла.

6 Июня. В два часа ночи река передала свой голос лесу (тема песенки).

Если замкнешь избушку, то замок собьют, но если есть другая избушка переночевать — оставят.

Едома <*приписка:* Сузем> пугает, и поначалу боишься сойти с тропы.

Бор красив сам по себе, но к человеку совсем равнодушен, а еловые долгомошники прямо даже и враждебны человеку. Когда же человек в этом равнодушном лесу срубит себе жилище, то на месте срубленных вырастают близкие к человеку деревья: березы.

<*Приписка:*> *Елка красивейшее дерево, если растет на свободе, но ельник ([скряга] держит жизнь)*

<*Приписка:*> *Весна в клетке.*

Удержали весну.

Так и не могут развернуться листья березы, а весна именно тем и хороша, что быстро движется и все в ней меняется. А мы хотим удержать весну! И удержали...

<*Приписка:*> *Удержали, а что в этом хорошего? Раз она весна, то должна и двигаться: дружно.*

Искусство топора.

Искусство топора <*приписка:* изба>. Как Осип делит сушку. Как он разводит костер (гораздо скорей <*1 нрзб.*>). Одним топором, без пилы и единого гвоздя рубит избу. Выбирает место, где лес погуще. Деревья не надо носить: они на месте, и один человек из них сделает избу в 5—7 дней. На стены 10 хлыстов (6 арш.), на потолок 5 хлыстов, на пол и пр. 6 = 21 дерево. Вот бы научиться пионеру... (партизан: роль избы). <*Приписка:* Прогулка в жару. Пионеры...>

Ходовая белка.

Петя ушел за рябчиками, я пошел встречать его и встретил Осипа: из Рассохи. Нам встретилась белка: это ходовая; нынешней весной белка идет; обыкновенно [если] идет белка «под суслон», то останется, если же ранняя идет, то говорят, что мимо пройдет.

Хариусы.

Поймали в вершу двух хариусов: рыба начала сверху спускаться.

<*На полях:*> *«Через меру находит охоту в себе» (Мануйло).*

<*На полях:*> *Боролись с клопами, но отступились.*

Партизаны.

Рассказ о купце, который спрятался в избушке и захотел вызвать дочь, но мужики изменили: пришли и... (Роль избушки в гражд. войне.)

Поспав после обеда, вышли в Рассоху. Разговор о том, что в этом году будет снесен путик Осипа, что ястреб упал и «[встало]- крыло», что медведь, ложась в берлогу, «меряется» — делает закус на задних лапах (Осип показал это на елке).

Беседка.

По общей тропе идут люди разных лет и разных сил, один впереди, другой далеко назади. Но когда приходит час отдыха, то собираются вместе и тут вместе, конечно, беседуют. Тут на местах роздыха, закрепляя деревья на пнях...

В 9 в. пришли в Рассоху. За этот теплый день распустились березы так, что, как это бывает, маленькие листики как будто сами держатся в воздухе, и все они удивленные. Ночевали на старом месте, старик, брат Осипа, пострадавший за религию (был ц[ерковным] старостой), всю ночь парил лодку и ставил распорки .

7 Июня. В 7.20 у. выезжаем в Усть-Илешу.

Ель — красивейшее дерево на севере, если свободно растет, но ельник...

<*На полях:*> *р. Ентала*

Перемоек — старое русло, старица: «новый перемоек».

Слуда и наволок: слуда — это высокий берег, как бы данный природой, а наволок — берег, намытый рекой, на нем пожни зеленеют, березы растут, медведи копаются. Занаволока (болото за наволоком).

Сверху до низу нет песчаного наволока, где бы не виднелись следы выдры (широкая жизнь и проч. о выдре).

Утром же было так холодно, и вдруг стало жарко. Березы убираются, растет зеленая ярко трава на глазах.

Заехали и зашли на берег к охотнику Кириллу Ягушкину, медвежатнику, узнали, что пять медведей вместе ходят.

Чунки — это санки для ручного завоза провизии.

Кережи — то же, но делается, как осиновая лодка, трубой.

Осип спросил меня (на прощанье): «от ворона-то как?»

В силышко ястреб попался, живой, красивый, глаза красные, сам пощелкивает, жалко было его убивать. <*Приписка:* (Снимок)>

Илеша и Кода рядом бегут, но на Илеше раньше спала вода, и оттого теперь Кода спешит и быстро несет наш стружок.

<*На полях:*> *пустили моль.*

За́пань пробили на Илеше. Моль ушла. Теперь окатывают осохшие бревна и сделали маленькую новую за́пань. Работают женщины, дети, большая работа. Много снимал.

Встреча с Исаковым, зав. лесопунктом. Зазвал «отдохнуть» в контору, где битком сидят. Возвращение к пекарю: смена пекаря, новый пекарь. Работа Осипа над улучшением клоповника. Разговор со спецпереселенцами («убежать легко, недаром же казаки раньше назывались «воры», а жить трудно: гиблое место на севере»). «Восхитительный вид»: пустили всю собранную моль: «густо, как ледоход идет». Пережидаю суету в лодке на берегу: провожаю глазами плывущие бревна: какой дешевый труд! Осматривали вечером бараки: 250 рабочих в двух домиках на 7 × 9 мет., тут же столовая и медпункт. Причина: Край не разрешает строить из леса, а из досок. Обувь 350 пар на 8000 людей.

Ужас тесноты: свалка: женщины и подростки, на нарах и под нарами. Духота. Возможно, что им и ничего, но что если кто-нибудь среди них, как я... (ужас!)

8 Июня. С утра самого раннего, с 2-х часов дождь окладной, и до самой ночи все дождь.

Прощание с Осипом (Осип Алекс. Романов, дер. Волыново): — Мих. Мих.! вы обещали мне. — Да что я вам обещал-то? — Да от ворона-то. Заместитель Осипа бородач (см. портрет) Василий Иванович Антипин из дер. Ручей.

Вчера разговор с Исаковым: как он, партизан, с другими партизанами, пользуясь избушками, боролся с белыми. Роль избушки и охотника в партиз. борьбе. Эту тему...

Выехали на карбасе вниз по Пинеге, оба пекаря нас сверху провожали, и Осип.

Клесты осенью шишки еловые вниз спускают в мох, и там, во мху, они по три года лежат не портятся, и белки их там находят.

Утка Клей черная, нос желтый (турпан?).

Утки Соксуны с носами, вот какие смелые.

<*Приписка*: Песня> Утки Крохаль и Гоголь в дуплах живут, вылет из дупла маленького, на воду, окунется с ним — и за другим.

Облака скоро идут — дождя не будет. А между тем все дождь и дождь.

Осяткино.

Слуда Глубокие воды (25 кил. от «Чащи» — сюда узкоколейку).

Олений гон около Покрова (старик слепой наконец-то сказал, а то охотники говорят, что весной), родятся олени около Благовещенья.

Пожелание охотника: если отпускать из колхоза, то на 2—3 года, чтобы окупить трату на материалы. Месяц июнь надо отпускать для подготовки охоты (приучить птицу к гуменцам), и с 1-го сентября...

Топор и пила.

Все на топор, и только в 27 году началась пила. Пилой на пару берут 100 хлыстов, а на топор один берет 75; 20 дерев (10 куб. м.) за день топор, а теперь средняя 3 куб. в день (причина: тогда мастер топора, а пилой могут все, и женщины): силы не так много, а натуральность нужна.

Полщук (бурундук) если повадится в клеть — все пожрет, к дождю покашливает.

Шилега — второй поселок (изб. охотники, а нет земледельцев).

Далеко ли хвост?

Поселок Прась (земледельцы — колония: пожни: [пасут] лошадей).

О реке: — Раньше туда шла матерая, а теперь она переделана.

Прилук — (стрежень, основн. течение).

Ночевка в избушках Хорнемы. Переход к земледелию сопровождается грязью: совсем не то, что у охотников. Вечером охота на уток.

9 Июня и **10.** Солнечно-жаркое утро. Долина создана капризом реки. Прогулка по высокому берегу. Снимал сопревшую и поросшую деревьями...

Возвратились к Керге. К дер. Керге: колхоз «Бедняк»: только назвались бедняками, и вдруг сверху грянуло: колхозник должен быть зажиточным.

Трясогузка плывет на бревне и поет.

Во многих колхозах для самоснабжения есть рыбак и охотник: у них Кирилл Ягушкин (из Ручья) по 15-е утро ловил на току.

Глухари весной «жирные да могутные»... станешь [коленкой] (душить), вздымает.

Куница по гуменцам ходила и попалась в силок: задушилась на тычке. Плутовка!

Утром приехали и остановились против Демьяновки. Отсюда пошли пешком в Окуловку через деревню Матигора. Кладбище: памятники — просто палки, сухие сучья, поднятые возле, от сломанных вил, и уже культура, если палка новая и на ней знамя (рубыши, напр., воронья пята). Просека... церковь, сумасшедший с топором. Переправа через Выю. Долина Выи широкая, распаханная, веселая, все привыйские деревни как на ладони, песочек, и радуешься, что страшные согры отошли.

Устинов зав. лесопунктом. Уборщица Агния Ивановна. Наша квартира — хорошая, но опять клопы. Хозяин быв.

в германском плену (нужник хороший). Огород, окруженный высоким забором. Внутри огорода колодец, и женщины с ведрами (одна беременная) через забор — почему?

Пила и женщина.

Привезли вещи. Прощание с Василием Ивановичем Антипиным. Его рассказ о валке леса зимой: пила, топор и женщина. Сквозная бригада (с разделением труда): подрубают, другие валят, третьи — раскряжевывают, четвертые — окорка. И так выходит хуже, чем «своя пара» — «все, что нажмешь — тебе и придет».

Валка — Навалка — Свалка. Навалка — самая тяжелая.

Валка — Навалка и Свалка.

Бывает, штук десять свалишь и все бросишь: под каждой губа.

«Номера».

Зимняя сплотка спецсортиментов и пиловочника не ниже 24 см, «номера» — 8,5 м длины в два-три ряда. На три номера 1 человек, соединятся в 6 = 2 человека.

Борьба за большое окно.

Радость большим окнам — бесспорное достижение, и, несомненно, так надо, но маленькое окно в прошлом, за которое нечего бороться <*приписка:* — тоже прекрасная вещь>: оно дается каждому даром; а за большое окно, за светлую и удобную жилплощадь очень надо бороться — надо доказывать свое достоинство, надо лезть на человека, очень утомительно это, и начинает соблазнять маленькое окошко прошлого. Для меня в этом нет ни малейшего сомнения, и чтобы взять больше от жизни, я живу надвое: <*приписка:* я, лично я, в себе отдыхающий, за своим окном> живу отдыхая, собираясь с духом за маленьким окошком — и восхищаюсь, а отдохнув, иду воевать за большое окно... Из этого явно, что не сродни мне люди, стоящие за маленькое окно, и те, кто никакой жизни не знает, кроме войны за большое окно.

Германский пленник.

Наш хозяин гордится пленом в Германии. Хороший нужник. Огородик обнес высоким забором, в огороде ко-

лодец. Целый день мы видим, как женщины с ведрами перелезают через забор, и среди них одна была сильно беременная. Вопрос: почему не сделают калитку?

Лосенок с телятами.

Патриоты.

Когда спросят: — Ну, как вам показалось в здешнем краю? — я высказываю свою радость и удивление перед честностью местных людей: оставляешь двери незакрытыми, и никто ничего не берет. — Вот это верно! — с большой радостью и гордостью говорит туземец. И в то же мгновенье, омрачаясь, прибавляет: — Завелись такие элементы и у нас: из переселенцев. А что раньше-то было!

«Зеленые годы» — когда хлеб вымерзает. Вот уже десять лет не было зеленых лет. (Может быть, потому только, что раньше сеять начали <*приписка:* влияние рубки лесов в Норвегии>.)

Среди охотников Выи: Замятин и др. (фото).

«Собака ряд правит». Охотники по натуре и охотники по нужде. Вопрос: — Когда бывает гон северных оленей и лосей. Старый охотник, ослеп, а всю жизнь не встречался с медведем.

Собаки в деревне не лают и только в лесу лают и защищают хозяина: только в лесу у настоящей лайки дом: в едоме. В этих деревнях тоже нет петухов: все тихо в деревне, и слышится только ветер, долетающие по ветру голоса людей, а если тихо, то вечное ку-ку из леса.

Затуран.

Собаки летом голодают, они очень флегматичны и умно делают, что больше лежат. Старику Андрею тяжело молодая собака: далеко ходит, ему не поспеть. Приручение «Пуделя», переименование: «Затуран». Проба возле Окулова. Согра со струящейся водой. Роковая ошибка Затурана (молод, накипело, хотел себя показать и по клестовым заедям). И второй раз. В третий раз мы не дошли: замолчал. Дождик. Укрылись в кузнице. Хозяин. Колебание Затурана: долго сидел, то туда, то сюда и к нам. И я уверен,

что собака хорошая, но при его ошибке я вообще раздумал собаку покупать: много возни. Так девушка, хорошенько раздумав и подсчитав ясно за и против, отказывается от жениха, да и вся наша жизнь, если только не увлекаться, а подсчитывать за и против... Баня: Что одно хорошо на севере, это баня!

<*На полях:*> *Забор: короткие юбки.*

11 Июня. Разгадка герм. пленника.

Теплый дождь, гроза. За три дня трава выросла, ягнята соседей нашего хозяина просунули носы и ловят языком сочную густую траву. Тут-то вот и явилась разгадка, почему не делают калитку: довольно ведь, чтобы раз кто-нибудь забыл закрыть, ягнята все ворвутся и зараз все уничтожат. <*Приписка:* Германский пленник был прав. Пусть колхоз себе делает калитку.>

Агния Ивановна, уборщица (тоже разводка, как и в Согре Маша): если с женщинами хорошо обходиться, то они еще лучше работают, а мужчины от хорошего все портятся.

Проба Затурана и его драма.

Вечером прошел по Пинеге хвост. Все кругом говорят о хвосте. С хвоста вернулся завпунктом Устинов, сказал нам, что для нас снял с хвоста комсомольца, окончившего курсы десятников.

Колесо. См. конец 5 июня.

Борьба в этом краю за колесо. Это было при переходе нашем с Матигоры к Вые: тут у реки стояли на ужасной дороге дроги на колесах, и мне вдруг что-то мелькнуло в памяти: так бывает, когда долго не встречаешься с чем-нибудь обычным в жизни и вдруг его увидишь. Да, так и есть: я давно не видал колес. И только подумал об этом, гляжу, по грязи катит молодой парень рысью на санях... Механизация: колесо-пионер. Как делать надо лучше: дороги делать, а потом пускать экипаж на колесах, или вводить колесо, а оно уже будет понуждать делать дороги (так у нас с автомобилями; далеко-далеко от московской промышленной области уже внедрили автомобиль и давят

на жителей края, заставляя их для себя делать дороги, а в Верхнетоймском районе близ Пинеги борется с бездорожьем просто колесо). Однажды у Выи я увидел повозку на колесах... И тут же рядовая сеялка и плуг (земледелие начинается рядовой сеялкой).

Пила и женщина.

Механизация. Будь все по-старому, то и правда, зачем пила, если мастер лесоруб топором лучше работает, чем средний человек пилой. (До 27 года было все на топор. Пилой на пару 100 хлыстов, а на топор один 75. Бывало, брат Вас. Ив. брал за день 20 хлыстов (10 кубомет.) на топор, а теперь пилой средний лесоруб берет 3 кубомет.) Но ведь новое время требует большой рубки, мастеров-лесорубов не хватает: являются необученные рабочие, женщины в особенности: тогда им на помощь [приходит] пила, и две женщины с пилой сделают больше, чем один великан лесоруб с топором (он 75, а две женщины с пилой 100).

Пропущено в Каргова (горе с Осипом: Мергень).

На Пинеге еще носят короткие юбки, и в них неловко перелезать через заборы.

Кто-то сказал в этой деревне женщинам, что в бинокль можно видеть насквозь, и вот как наведешь на какую, она непременно: ах! и застыдится...

Пропущено впечатление в Исачихе: когда пролезаешь в дверку, опасаясь шевельнуть над собой небо.

Еще пропуск: путик — это легкий след человека, и вот счет времени: пожар в лесу и поколения (спросить Петю).

Еще: как боятся огня в беломошнике.

В Окулове: Выя — простор полей, все деревни видно. В небольшом расстоянии друг от друга по ту сторону Выи две церкви: одна переделана в кино, другая, эпохи Грозного, деревянная нетронута, и, говорят, в ней есть дырка, через которую лазят старухи прикладываться к старине. (Соединить с этим ягнят — изгородь, борьбу за колесо, пилу и проч. <*приписка:* кладбище, кино: водица>.)

Пропущено описание болезни в Усть-Илеше (объелся свежей щукой) и фельдшер: пинежские сухарики — «филипповские, старого запаса». (Колхоз Пионер дер. Вадыга (Горск. с. с) в 33 г. еще была только одна телега.)

12 Июня. Солнечное теплое утро, вскоре веселый дождь «из облака». Собираемся в Суру. «Комсомолец» Васька: долго не понимали. Воз с вещами. Сами пешком влеве от Выи и так до Усть-Выи на Пинеге. Встреча с нашим карбасом и отъезд в Суру в $10\,^{1}/_{2}$ у.

Дерево-пионер.

Лес на берегах 30—40 лет, еще далеко не спелый, и это счастье: наконец-то на берегу реки не лесные оборухи, а молодой лес, и река от этого стала неузнаваемой. На правой стороне растет сосняк, на левой ельник: это, вероятно, потому, что на правой стороне лес сгорел, и на пожарище, как это постоянно бывает, взялось расти дерево-пионер.

Речка Выспола в 10 кил. от Окулова, на ней много избушек земледельческих пионеров. Эти избушки совсем несравнимы с охотничьими: возле них грязь — толчея от скота.

Р. Шога: спирто-порошковый завод.

Фиксированный десятник.

Р. Хорнема: лесобаза. Тут пришлось нам самим без топора добывать себе лапник. У нашего комсомольца даже нет и топора, и теперь уже явно становится, что это продукт разложения, оголения человека, подобно памятнику на могиле, замененному неоструганным колом.

Р. Ленивая (30 к. от Усть- Выи + 30 до Кучкоса + 60 до Суры).

Р. Кучкос и после нее час. В 8 вдруг нагнали хвостовой караван. <*На полях:* Хвостовой караван.> Осмотр: 6 домиков на плоту, передний уборная, потом кухня, контора, бараки. Купили налима, сварили уху. Ночевать, оказалось, и у них холодно. Решили ехать дальше. Тут на границе Карпогорск. р. смена рабочих, наши вернулись в Выю, сели допризывники. <*Приписка:* (Можно вставить встречу с Губиным и поэму).>

Малиновое пятно.

Так мы решаем двигаться дальше. Через некоторое время беру управление, Петя ложится спать. Васька оказывается никуда не годным, и едет он в Суру за водкой.

Засыпает, а весла тормозят. Предлагаю ему спать и один плыву.

Какое это счастье совсем одному в такой невероятной глуши.

Вот на короткое время даже кукушка смолкает, и красная вечерняя заря из-за леса ложится впереди меня в воду. Это малиновое пятно в воде между лесными берегами так и остается, и пока оно побыло немного — это и была ночь, а потом вокруг, не светлея, — куда же больше светлеть! — стало белеть, здороветь, я сам в себе почувствовал бодрое радостное утро, и со всей силой во всех сторонах забили кукушки. Восторг, безмерная радость...

Проехали Нюхчу. Васька проснулся и начал трепать веслами бесполезно, спрашивая меня: как твоя фамилия? а жена есть? а сыновья есть, а дочки? Если бы не сказали, что он комсомолец, я давно бы понял его как идиота... Стало невыносимо: это сволочь, явно пользуется моей мягкостью. Бужу Петю, и все меняется: Петю он боится. А тот его [спрашивает] о шести условиях Сталина, и оказывается: он об этом и не слыхал и в комсомол попал, чтобы попасть в учебу на десятника. Так с трудом открывается суть человек из-за эпитета «комсомолец». И Устинов, наверно, тоже хотел нам угодить: для него лично, наверно, комсомолец — существо совершенно непонятное и как бы ненужное, но он подчиняется закону, и раз говорят «комсомолец», то и он это уважает.

<На полях:> *В Англии столько лет прошло и столько было всего, а вот все-таки сохранились свои дюймы, у нас же [аршины прошли, версты] система мер, и вот тут, где... все ведут счет на кило и метры.*

К Малиновой ночи: только звук бревна, оно ведь звонкое, и звук далеко — редкий и глухой — но далеко! Да разве вопрос бурлаков, [спускающих вниз] бревна: — Куда плы-ве-те! — Кого плавишь? — И: — Далеко ли хвост?

Настоящее утро, когда солнце всходило, было очень холодно, был мороз, но солнце скоро разожгло: весна наконец-то «вступила в свои права» совершенно. Слышно, кричат воронята: значит, несмотря ни на что, вывелись.

Утка «гагарка» с утятами плыла, мы на нее: все испытала, все приемы и наконец «спасайся кто может!» — утята нырнули и все показались далеко в разных местах и спаслись.

13 Июня. В 11 у. дер. Поганец на речке того же имени, а напротив в двух килом. от берега родина Иоанна Кронштадтского Сура. Мы подъехали к пристани, две девчонки тут на грязи варили чай, собака на трех ногах (такую же видели в Котласе перед бедой). Смущенные видением собаки, пришли в Суру, отыскали заместителя нач. лесопункта, и с первых слов о продовольствии, об отдыхе он сказал: — Такое несчастье, у нас в ОРСе, продавец случайно родила, и сами сидим без продовольствия. — Случайно? — удивился я. — Да, — махнул он рукой, — случайно вышло. — Через некоторое время этот совсем безликий человечек спросил: — Много материалов набрали? — Мы убедились, что с таким каши не сваришь, и, хотя это как будто было сверх сил, решились... Дали нам рабочего. Мы ушли и в ожидании его там же на берегу возле пристани на прилуке варили кулеш. Женщина просится, обещается грести. Соглашаемся, если рабочий не придет. Нет рабочего — согласны! несет багаж: пуд, два! колеблемся, но соглашаемся: боимся за свои силы. Васька узнал, что будет пароход. Она вдруг нам, имея в виду пароход, что грести не умеет: «разве научите <*приписка:* ребенка>» (в заключении ребеночка). Нет! и едем вдвоем в $3^{1}/_{2}$ ч. на 20 кил. в Карпогоры.

Сменяясь, едем вечер и ночь. Паук нас ждет на воде и бежит к лодке по воде очень быстро. Расселение пауков. Трясогузка на бревне <*приписка:* поет>. Трясогузка по краешку всю лодку обежала. Кулик на бревне. Крик [бурлаков]: — Кого плавишь? — Девка по-матерному: — Ебут вашу мать. — Петя спрашивает: — А чем? — И ему она: — Хуем! — Это прямое следствие тесной жизни в бараках: озорство. Кукушки. Звук на воде. Какая-то церковь ночью (все видно). Вопросы о хвосте. Жизнь плывущих бревен: бревно пестрое со змеиной чешуей, длинное — пристает, пробует нырнуть <*приписка:* подпыжиться> под карбас.

Населенная местность. Большое село у самой воды, посередине церковь — «клуб имени 1-го Мая». Снимал и спросил: оказалось, Ловела. Из леса на той стороне против какой-то другой деревни голоса: — Сплавьте до Явзоры. — Некогда, — ответили мы и тут же крикнули в деревню: как называется. И сейчас же обиженные отказом кричат: — Не говорите, не говорите! — И старуха перевозчица: — Не говорите!

Девушка и старуха удят рыбу. <*Приписка:* Колдунья рыбу ловит.>

Явзора...

Ночью монастырь (видко).

В 6 у. сменил Петю: холод меньше вчерашнего.

14 Июня. Пинега расширяется, очень большая, плывет редкая моль. Никола на щельях (снимки). Пинега разбивается на рукава. Куда плыть? Держимся красной щельи и попадаем в щель (как боны затягивают). Петя взбирается на берег и [полем] идет в Карпогоры. Я же развожу примус, не ожидая ничего особенного хорошего. В этом и трудность нынешнего путешествия, что отдыха нет. Скоро появляется Петя и говорит: — Туши примус!

Через какой-нибудь час мы в раю (в квартире несчастного быв. директора). Сидели как пьяные в ожидании матрацев. Улеглись по углам на полу, перебрались на кровати. Поужинали в 7 и опять спать.

15 Июня. Роскошный день. Встал в 9 утра. Прошел по Карпогорам и в один час устал, спать захотелось. После обеда опять спать. Вечером на щельях: красная дорожка. Секретарь райкома и др. в ожидании хвоста. Проходит хвост. Разговор о семужном заводе: мальков пускают, а ловят в море (лишь отчасти здесь): лов семги в Карпогорском районе запрещен. Лосей много развелось. Чуть попугали, и слушаются, не стреляют (а под Вологдой ничего с народом не сделаешь. Почему? Догадываюсь, что такое послушание — результат общественной культуры, созданной особенностями охотничьего промысла: необходимость сохранять запасы в лесных избушках...) — Баня,

шайка. С легким паром! Гражданин, вы не здешние? и пр. Зацветание черемухи.

16 Июня. Пока верное солнце (6 у.), спешу снять ветродуйные лиственницы на щельях и обхожу весь берег с необыкновенными деревьями и красной дорожкой глубоко внизу у самой воды.

Были в телятнике, смотрели маленького месячного лосенка, веселый, поедает $3^1/_2$ л. молока, как и все телята. Дитя Рика: положено вырастить и приучить. Старый охотник сказал: «убежит!»

Противоречивые слухи о пароходе. Встречаем Алексея Ивановича Шевелева (тех. директора) с барышней завед. семужным заводом.

После заката солнца поднялись на вышку. Река и леса: туда и сюда все нет селения ближе 200 килом. Там, вон там на краю горизонта, где кончается зелено-кудрявая масса лесов и за ними все те же леса, но как ровно синяя полоска, и над полоской плотной ваткой висит закругленное [сыто] облачко — там Печора. Много вовсе непроходимых пространств, много болот с едва заметными тропинками. Есть болота грядками, каждая грядка осыпана морошкой, на одной соберешь, но на другую перейти невозможно, и видишь, да не возьмешь.

Гражданская война в Карпогорах была подготовлена ссыльными и вернувшимися с фронта солдатами. Лесная избушка служила одинаково и красным, и белым, руководил белыми дьячок из Карпогор (под конец взорвал себя ручной гранатой). Кулаков (несколько человек) побросали в пролубь (семьи и теперь живы).

Вот церковь-склад <*приписка:* скворечник вместо креста>, вокруг разрушенное кладбище с единственным понятным обломком среди хлама: «последний дар от мужа и детей», и среди этого хлама целехонький мраморный памятник с решеткой в высокой степени буржуазного вида. Написано: Григорий Степанович Щекотаев. — Это революционер, — сказала нам работница. — Но почему же такой памятник, крест? — Лесопромышленник, — ответил

сторож, — умер от себя: опился пивом, а семья за границей. А не разрушают, потому что красивая вещь и есть лига наций, и кто ее знает, как на это посмотрят: так уж лучше пусть стоит и стоит.

<На полях:> Кладбище... соединилось с «лигой» комсомольской и скворечником

Земледелие в Карпогорах от колхозов мало расширилось (хватало и раньше, и теперь до Рождества). Зеленых годов давно нет, очень возможно, от более раннего сева. Недовольства колхозами нет: старики, конечно, ворчат. На верхней Пинеге по-иному: там почти вовсе не занимались земледелием. Теперь колхозы там, собирая возле себя людей, являются пионерами земледелия.

Тех. дир. Шевелев твердо сказал, что пассаж. пароход из Архангельска придет в Карпогоры завтра в 7 у. и уйдет через несколько часов. А «Курьер», вернувшись сверху, будет послан обратно наверх.

17 Июня. Вспомнились мне религиозно-философские схемы Горького: напишет схему и такой план головной принимает за жизнь и открывает... Это очень похоже на письма Алпатова, в которых видел он свое спасение, посылал, и вдруг после того ему открывался обман («любовь по воздуху»). Как далеко это время и как проста эта палочка на могиле, поставленная вместо памятника! Новых крестов нет ни одного, старые частью упали, частью покосились, но главное, что они стоят очевидно брошенные, сами по себе, без отношения к носителю и создателю креста, человеку. И вот среди мертвых остатков христианской культуры, среди неструганных, сухих сучков, поднятых рядом в лесу и воткнутых в могилу, среди зачищенных сосновых колов с пометками на них топором, рубышами: воронья пята и другие, мы читаем: «Здесь лежит комсомолка Наташа, убитая на полевой работе громовой стрелой в 1934 году Июля 20. Она была образцовой работницей и оставляет свою книжку ударницы на память вам, дорогие товарищи!»

В нише малюсенького окошка висел складень и лежал псалтирь, маленький, сокращенный, школьный. Маленькая книжка сама собой раскрылась на псалме: «Живые помощи» — очевидно, этот псалом и читался хозяином книжечки постоянно. — Живые помощи, — сказал он, — я постоянно читаю, когда иду на путик: помогает от вóрона.

Отлежался, отоспался, отъелся, и опять все заиграло вокруг, и так ясно-ясно чувствуешь границу возможности творчества...

К «малиновой воде»: когда замолчала кукушка и время остановилось, я положил весло. Несколько бревен, которые я хотел обогнать... Я совсем неслышно опускаю весло и двигаю лодку, обгоняя плывущую моль. Мне бы надо положить весло и отдохнуть, но какое-то внутреннее сопротивление тому, что древесина, бревна, какая-то моль будет плыть с тобой на равных правах, не дает мне возможности передохнуть, <приписка: непременно надо обогнать> и кукушка неустанно отсчитывает время, как будто подгоняет тебя.

Но вот что-то случилось, куда-то мы пришли, и кукушка перестала отсчитывать время, и я тоже положил весло, лодка поплыла боком, моль, плывущая сзади, обступила ее, и я, и лодка, и бревна поплыли все без личных усилий, влекомые вперед на равном положении. И тут очень скоро случилось, как это бывает после сильной усталости: на несколько минут вздремнешь, перекусишь чего-нибудь, и силы к тебе возвращаются, и тебе кажется, что ты начинаешь снова: начинать свою жизнь игрой. Мне кажется, и было всего десяток или два минут, когда все стало меняться: малиновая вода побелела, заблестела, кукушка снова пошла, и я, подчиняясь ходу событий, веслом распихиваю вокруг себя моль, нажимаю, отстраняю, обгоняю сонные бревна и в ознобе восторга плыву. А солнце, в несколько минут переодетое в утренние одежды...

<Приписка:> Послать перед отъездом в Архангельск.

Архангельск Севлес Секретариат. Поручению Наркомлеса приеду Архангельск. Забронируйте номер Центральной гостинице на Июня. Писатель Михаил Пришвин. 2-ая тел. Арх. Центр. гостиница. Забронируйте номер на Июня, Писателю Пришвину. Секретарь Пришвина.

Ждем парохода. Пришел «Курьер» сверху и отправился снова наверх. Снизу пароход прямого сообщения в Архангельск (из Карпогоры) обещают вот уже два дня. Томительно ждем. Начали страдать от жары. И по всему теперь, по траве, цветам уже лето. Быстро спадает вода. Там, где мы 3 дня тому назад проливом подъехали к «щельям», белым песком коровы переходят.

<*На полях:*> *реки-завалы*

В лесах кое-где встречаются «пустыни» — остатки строений, обросшие лесом березки, смородина. Это жили «беглые» (фото: «пустыня»).

Черторый. Название Ч. объяснялось еще в XIX в. как быстрый поток, прорывший себе ложе («как будто черт рыл»). Существует русский географический апеллятив черторой — «овраг, рытвина от воды». В Москве.

Причины заболачивания: река роняет деревья, образуется запруда, вода образует «занаволоку» со стоячей водой, вырастает согра, — ельник по болоту. В этих болотистых верховьях рек, в елках залеживается снег и весною сбегает, обращая каждый ручеек в большую сбежистую реку, по которой весной сплавляются массы леса, а летом курица вброд перейдет. <*Приписка:* Так себе родничок, а тоже роет землю и валит дерево.>

Необычайная жара, и так парит, так складывается на небе, что будь это у нас — безошибочно скажешь, что дождь через час, а здесь из этого только еще большая жара.

В 5 в. пришел пароход «Судорабочий». Перебрались туда. Разочарование: вместо двухместной каюты дали каюту в 5 человек, причем 3 человека — гепеушники (Шубин с женой и другом). Перешел в общую и обидел Алексея Ивановича.

<*На полях:*> *Радистка. Вечер — Утро.*

В 12 н. пароход отошел. Около этого времени совершилась точно такая перемена в природе, как было на верхней Пинеге. Солнце давно село, и место, где оно село, давно и очень широко закрылось безразличными дымчатыми облаками. Довольно странно для нас было, что как будто совсем независимо от заката оставалось и горело одно большое облако, и в тихой воде на всю Пинегу чуть ли не в километр шириной отражается его малиновый свет. Мало-помалу постепенно в течение каких-нибудь двух десятков минут красное на небе начало сильно смягчаться вокруг него белеющим и светлеющим небом, и когда от всего красного осталось чуть заметное пятнышко, — везде вокруг было по-утреннему, хотя до восхода солнца оставалось еще очень много времени.

18 Июня. В 7 у. проснулся. Проезжали Чокалу и тут около обогнали хвост и, сбавив ходу, пошли вперед между бревнами. <*Приписка:* (1-й хвост: 1-я весть о нем в Усть-Илеше от пьяного Зава, 1-я встреча: мы в Окулове — он обогнал; 2-я — встретились — 3 — увидели в Карпогорах, 4-я Чокала)>

Берега высокие стали, красивые, и часто села с веселыми полями: угрюмая Пинега, как северный человек, постепенно «оттаяла» и стала хорошей.

<*Приписка:*> *Пинега оттаяла.*

Радистка-красавица в Карпогорах: встречи.

«Рыбница».

Встреча на пароходе с женщиной, которая в Суре удила рыбу: она потеряла девочку и теперь, туберкулезная, едет в санаторий. Разговор о вырождении «русской женщины» на севере, пьянстве, разврате, матерщине девушек: человек переживает судьбу леса: тоже молью проходит.

Брызговой судак: секретарь партячейки, на висках сдавленный череп, глаза тускло рыбьи, выпученные, живет партбилетом.

Пропущено из плавания на лодке: сокращение на поворотах реки и по ходу моли угадывать «прилук».

В 4 д. приехали в Пинегу, которую нечего было смотреть: один из самых захолустных городков старой Руси остался в своем виде, хотя сломали собор (наполовину) и устроили кино. Продается только черный хлеб и водка.

Так сильно и неожиданно дал гудок наш пароход, что старуха с пальцем в носу оборвала ноздрю, и у нее от этого кровь по лицу, а вокруг хохот.

Проехали красные горы и белые горы (до Пинеги). Разговаривали с партизанами, командирами и учителями о сражении в Почи, и все указывали на Штенникова, героя партиз. войны, пребывающего ныне в пьяном виде в Архангельске.

Кладбище. Дошло до того, что на церкви вместо креста скворечник поставили, а о кладбище и говорить нечего: от всех памятников остались три высоких груды камней. Тем удивительнее, что один памятник, огороженный железной решеткой, не только цел как-нибудь, а прекрасно выглядит, как будто и вовсе не было революции...

Должен сказать, что я не только не чекист, а уже со страхом думаю об этом, и тем не менее мне приходится рассказать... [Шубин]

Всякий зверь, и самый последний, как самый высший из всех человек, обходится с самкой, и каждый при этом мурчит, сопит, рычит, щебечет, но песня человека совсем другая, чем у животных, и тут в песнях надо понимать любовь человека, а не в законах обыкновенного для всех живых существ на земле размножения; и в действии, пренебрегающем личной опасностью смерти, а не в законе питания и пищеварения надо находить творческую личность человека (Судорабочий).

19 Июня. В 4 у. достигли Усть-Пинеги и своей молью влились в общее русло Двинского леса. Судорабочий плыл как «Фрам» во льдах и впереди себя влек целую запонь, и новые бревна все ныряли под эту запонь, под пароход...

«Иван Каляев» тоже пошел так вверх по Двине. Все кончилось возле Бобровского заостровья, откуда два парохода тащили обоновку и захватывали моль в громадный кошель.

Через 10—12 километров с другого конца заостровья показалась сама Бобровская за́пань: несколько больших деревянных бараков.

Мы обогнали два буксира, влекущих за собой трехрядные плоты приблиз. по 6 тыс. куб. Капитан говорил, что самый большой плот из Боброва и заводы он помнит в 36 тыс. куб. мет.

Мало-помалу Двина перестала походить на реку, а скорее на море. И говорят, что «спорная вода» в Двине бывает до самой Усть-Пинеги, отчего и течение после Усть-Пинеги в Двине очень слабое.

Прибыли около 1 ч. дня на ту самую пристань, где я был в 1906 году (29 лет тому назад), и я вспомнил это место исключительно по отсутствию на нем большого парусного флота.

Архангельск, как и прежде, не содержит в себе ничего терпко-провинциального (как Вологда и особенно Пинега), особенно неприятного теперь своей как бы двойной смертью: и прежней, и нынешней... Архангельск, как Петербург, — окно в Европу.

Обычное переживание: нет номера в Центральной гостинице, который, если нажать через высшие органы, и есть непременно.

Пока Петя ходил в «Северолес», я пообедал, и скоро мы устроились очень хорошо в Гостинице «Северолеса».

<На полях:>

Петя уснул в 7 ч. вечера 19-го.
в 7 у. 20-го все спит.
в 9 утра 20-го разбудил.
Лег опять 20-го в $4^1/_4$ в.
Проснулся в $6^1/_2$ веч.
21-го лег в 2 ночи.
Разбудил 21-го в $8^1/_2$.

Все время, пока мы ходили, был теплый дождь при жаре: настоящий парник. Давно ли, ведь еще только на Вые березки определенно начали зеленеть, а теперь они в полном листе, и то же тополя.

Мы видели иностранный пароход, нагруженный нашим лесом, видели другой, скучно ожидающий погрузки... И в сущности, это же конец нашему путешествию. Всякий, кто верит в будущее нашей страны, согласится и на жертву когда-то великими северными запасами леса.

19 Июня – 9 Мая = 41 день путешествия в «Чащи», чтобы увидеть лес, незнакомый с топором. Лес мы увидели не лучший Лосиноостровского. Мы увидели то, что было возле нас и что мы знали хорошо, но мы, пройдя великие согры и рады с суродьями и долгомошниками, поняли, сколько надо природе истратить всего напрасно, чтобы создать прекрасный девственный лес. Но может быть, и не совсем напрасно? И разве наша человеческая жизнь, наше движение в обществе к лучшему не оставляет за собой таких же суродий и долгомошников?

20 Июня. Архангельск.

Чем-то похоже немного и на Владивосток: каким-то образом море дает знать о себе: что-то большое живет здесь близко, огромное... С морем еще нельзя так распорядиться, как с лесом, и на море человека нельзя так унизить, как в лесу и на пашне. И вот это именно, — что нельзя так унизиться при свидетеле — море и накладывает отпечаток на приморские города: в крайнем случае тут как будто всегда есть выход: взять да и уехать в море, омывающее все страны, все берега, соединяющее все земли, все народности.

Радистка <*зачеркнуто:* в Карпогорах> на Карповой горе в красоте своей так неожиданна, что не веришь себе, глаза протираешь: как будто видение. Северная женщина. Морошка сказала о ней так, что пары ей здесь нет, а случай может быть, и так она может жизнь свою загубить.

Шолупы — горы из алебастра: снежные горы, и на них березки развертываются.

Штенников — вождь партизан на Пинеге, ныне пьяненький гражданин, которому прощаются выходки, не подобающие современному большевику-дипломату. Фронт на Пинеге отвлекал массы белых. Рассказывают геройские подвиги вначале, а потом как белые гнали красных... [Узнать историю борьбы на севере.] Подготовительная роль ссыльных, а в дальнейшем все делали солдаты, прибежавшие с германского фронта. Население на Пинеге, естественно, сочувствовало «своим» солдатам, а не лесопромышленникам. Сторож в Карпогорах изобразил одного дьячка со стороны белых настоящим героем, а когда я просил обрисовать красного героя, то он назвал одного командира, который всех их, в том числе и рассказчика, перехлестал плетью и заставил броситься в наступление: герой! [Конец дьячка: забрался в печку и отстреливался, а когда кончились патроны, взорвал себя ручною гранатой.]

«Чтобы не обнатужить обоновку». Обоновка в одно бревно. Обоновка на якорях и на реях.

В Карпогорах все неудачники, и у них нет ничего нового (механизации в заготовках никакой). Специалисты — перебежчики (временные люди). Учителя тоже временные: бегут, ссылаясь на то, что их не кормят колхозы (на колхозы нажимают сельсоветы).

Земля на севере — что ни выдумывай, как ни бейся, — плохая земля: мало родит, и жить на ней неуютно <*зачеркнуто:* нехорошо> и неутешно. Это земля как будто подсказывает человеку, что надо садиться на корабль и начинать иную жизнь и сделаться на воде другим человеком, независимым от болот и зябели зеленых годов скудной северной земли.

<Приписка:> Другой человек оставался на земле... дождался: два типа с Архангельска

Центр войны на Пинеге — это Высокая гора, (см. на карте) и Труфанова гора. Каждый местный человек это знает, каждая деревенька имеет своего героя, обычно уже признанного и награжденного.

Телеграмма:

Приплыли Архангельск. Скоро приедем Загорск. Пришвины.

Петя все утро возился с вещами. Я был у редактора «Лесной газеты», и он обещался завтра ехать с нами на Бобровскую за́пань и потом на завод им Молотова. Если с кем говорить, то, кажется, лучше всех с Гороховым, директ. Лесопроминститута.

Кажется, будто ехал только чтобы ехать и что все ушло на трудное продвижение.

Точка зрения.

Человек сберег своих животных, и дом у него был полной чашей, но пришло время ему переменить образ своей жизни к лучшему, и он зарезал некоторых животных, остальное все распродал. Никто ему не возразит и не поставит в вину разрушение прекрасно устроенного хозяйства: он поступает вполне целесообразно и правильно, имея в виду при помощи добытых средств создать себе еще более хорошую жизнь.

Так и приходится нам смотреть на лес, когда видишь сотни тысяч деревьев, молью (россыпью) плывущими по Северной Двине для экспорта. И еще более приходится помнить о человеке, изменяющем к лучшему свою жизнь, когда узнаешь, какое ужасное разрушение в лесу производит выбор лучших деревьев для сплава, сколько даром напрасно пропадает добра при отсутствии механизированных методов лесозаготовки.

Лес! да разве это весь лес, если я назову в кубометрах заключенную в нем древесину? Лес как море — прекрасен! и что бы это было, если бы целое море спустили? Сплавить весь северный лес! И, однако, надо приготовиться ко всему и надо сказать «пусть!», если это необходимо для создания лучшего. Но если, расставаясь с лесом, я говорю это «пусть!», то этим самым я приобретаю право беспощадно судить тех, кто явно губит добро бесполезно. Не правда ли? Такая моя точка зрения.

Такая моя точка зрения на лесную промышленность, когда я связал себя этой темой, и с этой точки зрения я смотрю сейчас на материалы, добытые мною в путешествии на месте северных лесных заготовок.

Сегодня опять такая жара! и ходишь в суконном и на голове зимний убор, потому что в магазинах нет ничего. Есть счастливцы, ходят в белых штанах.

Встретилась Морошка... Я [навязался] ей карточкой. Она отклонила: неудобно. — Понимаю! — сказал я. — Понимаете? — сказала она довольная. Дома я Пете сказал, что это, с моей точки зрения, не отношения, если такую мелочь приходится скрывать от мужа. — Какой муж... — сказал Петя.

Думал о К-е и ее счастливце: что она попалась, так ей и надо! и что на такую нашелся и такой человек — «все в порядке». Но я сделался героем, кто пропущенное мгновенье не мог искупить ценою всей жизни. Не мог? Но почему нельзя такого сделать героем, кто взял это мгновенье: взял и сел на жизнь как на коня и смотрит на все совершенно просто, как просты самые вещи в своей материальной сущности. К таким людям причисляю Кондракова. И такой человек тоже Михаил Седов и тот «подразумеваемый» человек нашего времени, с точки зрения которого постоянно у нас судят непорядки, этот идеальный «большевик». (Последнее требует особого раздумья, потому что этот критерий тоже двоится.)

Вечером второй раз встретили Морошку, и я дал Пете волю.

Еще мы глядели в саду на парашют и были в кино на «Гулливере». Неудача фильма вполне понятна: творчески сделаны только детали, а в целом все не сотворено, а примазана одна деталь к другой: деталь должна рождаться в огне общего плана, а здесь... <*Приписка:* Гениальные детали картины одна к одной бездарно примазанные, начиная с того, что мальчик все видит во сне.>

Петя пришел, когда минарет мечети против нашего окна уже был в солнечных лучах, а на часах было два, и Петя

сказал, что лучи солнца он видел где-то уже давно... Жара! и архангельцы говорят, что и жара-то такая у них несвоевременна. Листья деревьев не только уже давно вполне листья, а даже, как летом, стали густозелеными. Дали телеграмму домой о себе.

21 Июня. Начало.

Пришлось <*приписка:* привелось> побывать в лесах, где еще не нанесена квартальная сеть, где летом ездят на санях и колесо только-только начинает вводиться через колхозы; где только что <*приписка:* очень недавно> появилась пила на лесозаготовках; где охотники и пастухи составляют заговоры от медведя по псалму «Живые помощи»; и все-таки даже в таких глухих местах вам эти же лица будут считать путь не в верстах, а в километрах, и в районном местечке имеется своя районная газета, в которой напечатаны сообщения о творческой поездке писателя Михаила Пришвина по сплавным рекам и дальше в глубь массивов, еще не знавших топора человека.

Часов в 12 д. пришел Панкратов, редактор лесной газеты, и мы поехали смотреть Сульфатстрой, предназначенный использовать отбросы завода им. Молотова (такой же целлюлозный завод, но сульфитный для отбросов лесозаготовок строится на р. Мечке). С нами в машине ехали Маршак, директор Сульфатстроя, и заместитель его Дашевский, только что <*зачеркнуто:* разжалованный> спущенный с места главного инженера (все построил, а перед пуском — долой).

Ехали по деревянным мостовым с прыгающими бревнами, все опасаешься, что колесо машины нырнет под бревно, а оно влезет в автомобиль. Строительство Сульфатстроя интересно особенно тем, что видишь, как на мокром болоте строятся города (в Архангельске из-под мостовой крапива лезет, а по мостовой бежит, перебирая доски, автомобиль). Постройки делаются на сваях, болото засыпается опилками и сверху землей. История колонки Маршака: будто бы он — а может быть, это Дашевский: можно сделать так, что инженер, включивший колонку

в эскиз рабочего поселка, пострадал за нее: дворянская колонка открыла дворянское происхождение инженера, а еврей, с малолетства глядевший на дворян и их колонки как на высшее достижение культуры, схватился за нее и настойчиво стал проводить: все были против, потому что будто бы из дерева колонки не делают; но когда секретарь крайкома утвердил, то все ахнули – как хорошо! и начались паломничества секретарей райкомов, с тем чтобы и у себя на бараках их заброшенных в невероятной глуши за́поней ввести знаменитую колонку.

Нам показали замечательного по подъему тяжестей мастера: ходит с волшебной палочкой и всякую тяжесть поднимает без всяких видимых расчетов, посмотрел и поднял. (Маршак взял у него из рук волш. палочку, начертил на песке план и учил: так сделайте, и так... А тот почтительно слушал и не смеялся.) Рядом работали шведы, чрезвычайно хорошо организованные в работе, с пневматическими сверлами и др. инструментами. Рядом с культурной работой шведов шла наша работа, и в ней налицо были все элементы нашего труда: гениальный мастер-самоучка, которому показывает, куда поднимать, еврей Маршак, и человеческая «моль», своим числом заменяющая культурную единицу: количество в качество. Завод предполагают пустить уже осенью: сейчас уже все готово, поднимают котлы...

<На полях:> Механизация – пароходы и станки вместо моли.

Завод им. Молотова самый большой в мире, но может быть, в этом мало хорошего, что завод такой большой: огромная баржа, вмещающая ценность в 5 мил. р. золотом, находится в постоянной опасности от огня (и чуть ли не вчера еще загорелась). Завод так же прост, как и все в лесном деле: бревно, мое знакомое бревно, с которым я боролся на Пинеге, за это время приплыло сюда (миновало Бобровскую запань) и было изловлено особыми дозорниками. Это бревно вошло из Двины в лоточек, здесь багром его направили в дворок, где листва, подтоварник и др., из дворка оно стало в очередь, багорщица дала ему крючком направление к транспортеру, и оно пошло, еще

мокрое (вода в лоточках всегда теплая зимой). На заводе в двух корпусах по 12 рам, пройдя через которые, бревно распадается на доски. В зале средней величины, чистой, с вольным сосновым воздухом девушки, которым, очевидно, живется недурно, судя по внешнему виду, по неторопливым движениям, обрезают доски и приводят их легкими движениями в окончательный вид...

На машине въехали на баржу (в 2 × 1 кил.; а баржа всех заводов тянется по Двине на 20 кил.): это город штабелей (одна, самая хорошая доска, без сучков, стоит 3 р. золотом). На берегу против баржи стояли иностранные суда и шла погрузка.

Пришел некий Яков Львович Колтунов, «проф. лесопиления». — Неужели есть такая кафедра! — воскликнул я, — ведь все процессы лесопромышленности так просты...

Он мне начал доказывать сложность «топорной» работы и необходимость ее (пила отчасти губит дерево). Еще он говорил о сложности работы рамщика, от которого зависит иногда сделать одно и то же дерево во много раз дороже или дешевле. Так он возражал против моей «простоты» и в то же время ее доказывал: раз не в машинах дело, а в человеческом мастерстве, то тем самым механизация и примитивна.

На мои слова о хищнической рубке он стал говорить: «А чего лес жалеть? Это народы первобытные жили лесом, а теперь живут кам. углем и нефтью. Но и уголь скоро кончится, и нефть: через 50 лет ничего этого не будет. И тоже не надо жалеть: что-нибудь выдумают другое» и проч. Я хотел ему возразить на это тем, что при автомобиле и друг. механических способах передвижения человеку ведь и ноги-то не особенно нужны, между тем почему-то их берегут, и в особенности странно с зубами: с каким упорством врачи стремятся спасти коронками и мостиками последние погибающие зубы, а между тем в их же руках искусственные зубы. Я только собрался возражать профессору пиления, как... взвился на другую высоту: и топор, и пила скоро вовсе не будут нужны: скоро будут лес штамповать из отбросов, придавая доскам небывалую

прочность и желаемый рисунок. Не надо особенно бояться ломки, жалеть остающиеся деревья в лесу: в Калифорнии вытаскивают из глубин леса гиганты в 1500 лет, и десятки таких же по пути сами валятся... Один из самых ярких типов (весьма полезных для понимания «Чащи» или «Синей птицы»).

<На полях:> Дал тему Панкратову: топор и пила.

22 Июня. Все по-прежнему ясно, только ветер завернул несколько с севера, и стало прохладней вчерашнего. В 7.20 у. мы выехали на катере в Бобровскую за́пань.

Один из студентов, приехавших на за́пань, узнав, что я — Пришвин, писатель, сказал: — Надо взять пропуск, а документы в порядке? — Личное письмо самого наркома. — Здесь не нарком хозяин, — ответил студент, — а завед. за́панью. — Если бы такому студенту сказали, что Пушкин приехал, то он смешался бы только на одно мгновенье и сказал бы: «А разве он еще жив?» Драма не в том, что он это не знает, а что он студент: простого лесоруба никто не спросит о Пушкине, а студенту всегда это грозит. И если он не знает Пушкина, будучи студентом, то он как человеческая единица гораздо ниже лесоруба-колхозника и в общем напрасно учился: небольшие задатки в себе быть человеком, сознать себя, творить жизнь хоть как-нибудь по-своему он убил, заполнив свободные промежутки в себе знанием механизированных за́паней.

Сортировочный аппарат на за́пани хотя и в увеличенном виде, но такой же, каким видели мы его на Леже. Ходили по бонам и станкам, и в местах разрывов было трудновато: глядящие со всех сторон обезьяны хохочут заранее. (Рассказ о бухгалтере, который при этом обезьяньем смехе «погиб и со всем своим образованием».)

Видели три рода станков: 1) В. К. Л. (Волжско-Касп. лес) переваливает через себя лес в пучки.

2) Лан 3 (Лебед. Александ. Никол.) собирает пучок цепями.

3) Блокстад: наезжает, счетчица шевелит губами (170 бревен), берет и метит пучок проволокой.

Очень просто, сокращает работу на $^{2}/_{3}$, но главное, люди работают с сухими ногами.

И опять необыкновенная простота.

«Тело за́пани» дедовское, но хорошее (а то есть за границей по-новому). Борьба с наркомводом за моль. Между тем ведь дело все в буксирах: буксиры как средство механизации сплава.

Четвертый год действует Бобровская за́пань, и четвертый год сидит, заведует ей хороший человек, партизан Жилин Василий Дмитрич.

На за́пани сейчас около миллиона кубом. леса с Пинеги + Выга + аварийный... всего пропустит около 3 миллионов.

По пути заезжали на р. Мечку посмотреть С у л ь ф и т-строительство (Мечкастрой). Но завед. не застали, а строить собираются только еще жилые дома для служащих.

<*На полях:*> *Моль — это бревна сами плывут.*

23 Июня. В пользу охраны Чащи.

Погода продолжается летняя, но жар спал. И так всегда на севере: при всякой жаре чувствуется некоторая угроза. Нам достали билеты на 24 вечер $9^{1}/_{2}$. Значит, 26-го утром мы будем в Загорске, и всего путешествия с 9-го Мая по 26 [Июня] = 48 дней <*приписка:* 7 × 7 = 49> = шесть с половиной недель, т. е. трех дней не хватает до Великого поста.

Двести-триста лет, и северному лесу конец: он умирает, гниет; а на юге и полторы тысячи — все еще здоровый лес. А сколько нетронутых лесов на Кавказе (не дают). Вот хорошо бы после севера посмотреть лес на Кавказе и, может быть, какой-нибудь холеный лес в лесокультурной базе.

<*На полях:*> *солнце одевается.*

Были в местном музее. Там Заведующий, вероятно, из бывших людей кокетничал английским языком и всякими познаниями, адресуясь к пожилой, когда-то очень красивой даме, тоже, вероятно, сотруднице музея, и оба они, интеллигентные люди старого умершего мира, были са-

мыми яркими экспонатами в этом музее. Чисто и аккуратно в музее, но это скорее музей для средней школы, чем краевой музей: от всего взято по диковинке и схематизировано, и все; но ни один отдел не охватывает местного материала и не живет, переменяясь вместе с жизнью и пополняясь.

Солнце переодевается.

К ночи на р. Пинеге: <*зачеркнуто:* солнце на небе и на воде между темными лесами оставило вместо себя большое малиновое пятно;> Солнце, как актеры в театре, на самые короткие минуты ушло в глубину сцены за кулисы, чтобы переодеться к новому выходу, и вместо себя на небе и на воде оставило <*приписка:* бросило> большое малиновое пятно...

<*Приписка:*> *Роль численно малых величин в ландшафте — лиственница ближе к солнцу, на солнце указывает, а береза на человека.*

Лиственница = «листва». Если подсчитать, какой процент лиственницы в отношении ели и сосны, то он будет ничтожен, но если ехать по рекам и смотреть на леса, то везде будет лиственница: это потому, что она везде выделяется и очень высокая и любит опушки и берега, высоты, часто определяющие характер ландшафта. И по-другому несколько, но в смысле художественного значения малых в проценте величин то же самое и береза: ничтожная примесь березы, но ее появление обыкновенно свидетельствует о человеке: побывал человек, повозился с лесом, и после него вырастает береза... Всегда, встречая березу, чувствуешь, что жизнь стала как-то полегче.

К рассказу о том, как при смехе обезьян утонул бухгалтер «со всем своим образованием». Рассказчик, объясняя станки, повторяет излюбленную фразу: «так вот, значит, Лан 3, станок с таким содержанием». При переходе через разрыв бона дает <*зачеркнуто:* шест> багор: «бревно будет утопать, но вы не бойтесь и [не] спешите, соблюдайте багром равновесие и с таким содержанием переходите». На всех высотах смеются, только предвосхищая возмож-

ность какой-нибудь ошибки, но если действительно ошибиться и погрузить одну только ногу в воду, то смех будет оглушительный. Не смеется только одна женщина, отсчитывающая 170 бревен, собираемых блокштадом: ей нельзя смеяться, потому что она не может считать, не шевеля постоянно губами.

Официант привел своего мальчика пообедать и подавал ему блюдо за блюдом, как всем. Мальчик ел, сидя на стуле, с висящими в воздухе ногами. Но когда подали кисель, <*приписка:* — серьезная пища!> он соскочил со стула и ел стоя.

Не нравится мне Петин роман с «Морошкой», первое, тем, что первичная основа его есть желание «нужду поточить», и на этом базисе он подходит к солидной замужней женщине, навертывая «идеализм»: разговоры о книгах... В этом случае хороший крепкий муж с успехом бьет морду. Я бы и сам побил. Главное, плохо, что простая цель требует короткого времени и правды: иду к женщине — знаю, зачем иду. А тут мление, мудьюга. Красивый, интересный парень, а вот... брат Сергей был вроде этого...

Нет больше никакого сомнения, что в Архангельске люди чувствуют себя гораздо свободнее, чем в других городах, и много гуляют на улице. И еще, что здоровых, высоких людей, даже гигантов здесь много. И это все, я думаю, делает море. Люди гуляют, потому что дорожат солнечными днями.

На Бобровской зáпани часами стоят люди за пропуском, а никто потом — ходи по всей зáпани! — не спросит этого пропуска.

На Бобровской зáпани с едой так поставлено дело, что инженерно-техническая часть не выделяется, хотя в общей столовой впереди для инженеров поставлены четыре столика с синей, а не с рыжей, как для рабочих, клеенкой. Кроме того, рабочие покупают марки, а на этих столиках прямо дают. За два рубля нам дали обед из четырех блюд: рисовый суп, треску, гуляш и манную кашу. — Обед под-

ходящий! — в один голос сказали рабочие, а между тем и эта устроенная зáпань обходится только с 70% рабочих.

24 Июня. Сильный западный ветер, буря... Переберемся ли на другой берег Двины? Встреча со Щукиным и Поповым — два пьяненьких коммуниста, Щукин Александ. Николаевич, директор кинотреста, Попов — предс. Союза писателей (Арх. Северное краевое издательство). В вагоне знакомство: Матвеев, начальн. политотдела под Вологдой. Разговор о Пинеге, что она раньше текла в Мезень (остался канал, которым можно пользоваться весной).

25 Июня. От Архангельска на 200—300 километров все болота, а с Нёнаксы быстро начинается перемена в климате, и весь день до вечера — до звезд! — мы спускаемся к чудесно украшенной земле. Прекрасны казались речки в твердых берегах, на которых луга цвели и рожь волновалась. И какое торжество березы, этого человеческого дерева: высокие березы, пышные, белые. Там и тут между березами и елочка, но какая нарядная, широкая, сытая. Как чудесно думать, что в таком лесу можно идти в любом направлении сухой ногой, и если даже встретится болото, можно легко обойти его. Сколько труда, сколько жизни положено только на то, чтобы обжить это место, и лес ужасный, непроходимый стал таким доступным и радостным.

Есть в этом чувстве к лесу и полям культурным общее с тем, что чувствует голодный человек, достигающий кусочка черного хлеба: это чувство открывает в вещах первоначальную ценность их, утраченную, стертую ежедневным довольством. Так путешествие оказывается, главное, не тем так ценно, что дает знание другого края, а тем, что открывает завесу для понимания близ тебя самого лежащих вещей. (В этом и есть сущность творчества, и если мы требуем от учеников школ данного края знания своего края — мы требуем слишком многого...)

Представитель Северного края в Москве т. С и л и н, Мясницкая, 13, 2-й этаж (рядом с Книжн.) Он может дать

сведения о московс. партизанах, литературе и т. п. Литературу может подобрать и Попов.

Беседа с Матвеевым. Вопрос о зарплате в лесу: вопрос решается умелой организацией труда в лесу: подбором хороших десятников: хорошие десятники — народ переходящий. Вопрос о тесноте в бараках и пр. житья рабочих решается механизацией: в Бобровской за́пани работают с сухими ногами, едят хорошо, одеты, живут мужчины и женщины отдельно. Еще объясняется теснота скученностью труда: собрать на лесозаготовки удается только после января.

Борьба белых и красных: весь север от Урала до Финляндии. Если этим заняться, то начать в Москве, и потом в Архангельске. Почему красные победили? Два типа партизан: из интеллиг[енции] Павлик Виноградов и Хаджи Мурат.

26 Июня. В три ночи сошли в Александрове (наш поезд в Загорске не останавливается) и ждали местного поезда до 5.55 ут.

Райский день. В Архангельске зацветает черемуха, у нас под Москвой доцветает сирень и начинается сенокос.

По всему видно, по широким листьям, по густоте и силе зелени, по высоте цветущих трав, что жили они тут без нас очень хорошо.

Пока мы ждали на Пинеге, когда распустится береза и зацветет черемуха, у нас отцвели сады, и мы, увидев цветущую черемуху в Архангельске, приехали домой к отцветшим садам. Но зато мы поняли... (Вот это и есть главная тема всего моего путешествия: Чащи = Лосиноостровский заповедник.)

27 Июня. Утром при солнце гремел гром. Здесь середина лета, расцвет трав, самое счастье.

Наши дела: 1) Ремонт машины. 2) Отчет. 3) Палатка. 4) Фото.

Лева пишет свой очерк, как самая медленная черепаха ползет, и кончится тем, что никуда не приползет: не напе-

чатают. Удивительно, что такой извне как будто необыкновенно энергичный человек изнутри оказался до крайности ленивым.

Петя или переутомленный, или от природы вечерний человек: утренний человек встает бодрым, рвется к работе, а вечером клюет носом; наоборот, вечерний человек встает сонным и разгуливается только к вечеру.

Щукин, дир. кинотреста, пьяненький коммунист, хотел сказать мне комплимент: — А сын — Петя, — пожалуй, еще умнее тебя. — Хороший сын, — ответил я, — так и должен быть умнее отца. — А чего же ты смеешься? — Очень доволен. — Нет, ты недоволен. — На этом разговор оборвался. Мы переправились через Двину, дождались поезда: прошло часа два. За это время он еще выпил и надумал поправиться: — Нет, я ошибся, — сказал он, глядя на Петю, — сын твой не умней тебя, он только более в ы д е р ж а н н ы й. (Я-то с ним пил немного, а Петя не пил: выдержанный.)

Приехали Чувиляевы. Бывш. губернаторша из шаровар своего персидского костюма, шелкового ярко-малинового, сделала теперь себе платье: последний ресурс! — все хорошо, если бы только она была бы хоть лет на десять помоложе...

28 Июня. С утра «из облака» теплый крупный летний дождик брызнул и перестал. Из этого рая теперь видится страшный северный лес...

В Архангельске много еще сохранилось семенных людей, потомков морских зверей, великанов, и мелкий, порослевой человек еще не так бросается в глаза.

В нашем маленьком купе мы, четверо, сжились за ночь от Архангельска, в Вологде один из нас выбыл, и мы со страхом думали о возможности неприятного четвертого пассажира. Вошла необычайной толщины старая седая <еврейка *испр. на:* женщина>. Села важно, и все мы молчали, не зная, с чего бы начать. <*Приписка:* Такая полная женщина — важная> Вдруг <*зачеркнуто:* еврейка> моментально бросила глаза, что-то заметила в окне и быстро

выбежала. Мы увидели, как она там быстро сторговала известные дешевизной вологодские яйца и купила вместе с плетеной корзиночкой и вернулась к нам. — Почем яйца? — спросил один из нас. — Три рубля, — ответила она очень охотно. — Это недорого! — сказали мы все. Она вся просияла и ответила: — В Вологде яички всегда дешевые, два десятка яичек — и в Москву приехать уже хорошо!

<*Приписка:*> *Не от важности места, а от пищи толстая.*

После этого стена неизвестности между нами рушилась, мы купили себе все по десятку яиц, каждый раз повторяя: 10 яичек — и уже хорошо.

29 Июня. Дождь с ночи, теплый... Уехали Чувиляевы. Кончено проявление.

Тропа: Человек шел — тропа, по бревнам следная трава вырастала. Медведь шел по путику — трава вырастала. Олень пришел и три медведя съели оленя. — И ничего!

30 Июня. Ходил гулять с Ладой. Много было цветов на лесных полянах. А на тропинке люди редко ходили. Не успевали люди замять траву. Поднималась трава, но не так высоко росла, как рядом. Зато густо росла трава на тропе, и все клевер. И так было в лесу, что где ступала тяжелая нога человека, там гуще росла трава и слаще...

<*Приписка:*> Тропа:
Человек шел — тропа по бревнам
сладкая трава вырастала
Медведь шел по путику —
трава вырастала
Олень пришел к траве
Медведь съел оленя
— И ничего!

Путик.
Весною выхожу на свой путик
Мой путик достался мне от отца
Моему отцу Осипу он достался от деда Александра

Деду Александру достался от прадеда Осипа
Прадед Осип говорил деду о пожаре в этом лесу
Большой пожар. И вот теперь видко!
Весною на путике очищаю гуменца
Посыпаю гуменца желтым песочком
Оглаживаю маленькой лопаточкой...
Показал нам на гуменце
...Заметил возле ручья на зелени след медведя.
И я выбираю гуменце светлое
Чтобы птице было видко
И сядет на верхушку дерева —
Видко
И полетит на землю, и здесь
Все видко
И когда пролетает мимо, на всем лету
Все видко
И солнышко сверху смотрит на гуменце
И от солнышка всем видко
Сядет птица на верхушку дерева
Видко
И падает птица на землю
Все видко
И по тропе идет
Все видко
И пролетает мимо, на всем лету
Все видко
Птица любит гуменце и проч.

<На полях:> Рассказ поэтический о медведе прерывается хором охотников, вроде толкования (проза).

Я хожу по своему путику
И медведь ходит по моему путику
Весной еще на снегу мне было видно:
Медведь вышел из берлоги и идет по путику
Возле маленького ручья поднялась трава
И на травке [зеленой] я увидел след медведя,
А там, где ступал человек и медведь, сильней зеленело
И далеко было видко
Когда возле маленького ручья поднялась трава

Много было цветов по сторонам путика
А на путике трава была много ниже
Зато густо росла трава на путике и была сладкой
Так было в лесу, что где ступала тяжелая нога медведя и человека
Там гуще росла трава и была слаще.

<Приписка:> Сюда же в хоре: как медведь меряется. — Это бывает!

Медведь.

Рассказ поэтический прерывается прозой Осипа, рассказами о лесе, но он возобновляется по сюжету: медведь взял на траве оленя — ничего! Медведь на путике брал птицу — ничего! А вот когда медведь сломал клеть и вынес муку — тут он — петлю (две елки уступали тропинку, одна елочка говорит: тебе идти, другая: тебе).

Березовый лес.

Ничего не могу сказать вам о том, как мне после севера показалось в нашем березовом лесу с высокой цветущей травой: это счастье пришло. А когда счастье приходит — уходят слова.

К Чаще.

Довольно елкам потеснее сойтись, чтобы между ними началась ссора и другим, засыхающим в тесноте нижним веткам становилось сыро, темно, неуютно. А у сосен чем чаще, тем радости больше: и суха, и модна, и румяна: дерево приветливей.

1 Июля. Люблю лес, но лес, особенно северный, любить невозможно: наш любимый лес и настоящий лес — это все равно как пойнтер и волк, — можно ли дикого волка любить.

И так вот в понятии «лес» ютятся два разные существа: один старинный славянский лес-бес, с которым у земледельца идет вековечная борьба, другой лес — наша радость, счастье, средство восстановления истраченных в городе сил.

И еще есть третий лес <*приписка:* круглый>, исчисляемый на кубометры, источник нашей валюты. Обе проти-

воположности, и дикий лес-бес, и поэтический, как бы там ни было, имеют какое-то общее основание, но ничего общего не имеют между собой у нас лес поэтический, это рай нашего счастья, и лес, исчисляемый на кубометры.

И вот все-таки случилось так, что хозяйственники позвали поэтов описать лес, и я, приглашенный в числе других писателей включить лесную тематику в план работы 1935 года, задумался крепко над этим двойственным понятием «лес».

Если в моем опыте скопляется много такого, о чем необходимо рассказать, то прежде всего мне хочется рассказать точно, как это было. Я бываю так уверен в присутствии поэзии как силы, или еще лучше, как субстанции в моем опыте, что — представляется мне — если вернее, точнее описывать свой опыт, то и моя поэзия будет действительней. Вот почему любимейшая моя форма — это дневник, записки. Не раз, однако, мне случалось переходить через эту форму, писать повесть от третьего лица, и тогда оказывалось, что это ложно и что я обманываюсь в чем-то, когда ревниво держусь рамок моего непосредственного художественного восприятия.

2 Июля. Знаешь ли ты ту любовь, когда тебе самому от нее нет ничего ни теперь и не будет, а ты все-таки любишь через это все вокруг себя и ходишь по полю и лугу и подбираешь красочно, одно к одному, синий василек, пахнущий медом, к голубой незабудке.

Качаются высоко стебли ржи в облаках
Облака маленькие и [легкие], но плотные
Густеет рожь светло-зеленого цвета
В густоте васильки и незабудки
Синие и голубые, и есть еще колокольчики
И ромашки, колокольчики фиолетовые
Ромашки белые
Летают пчелы, поет летняя птица
Летняя птица дергач-подкрапивник
Есть еще стрекоза возле ржи, разные бабочки
Есть бабочки желтые, и есть бабочки красные

Есть черные. И есть еще кузнечики большие
Серые с треском летят и раскрываются красным
Другие раскрываются синим
А есть большие зеленые усатые
Муху дашь — съест.

Есть молодые люди, которым надо сказать: не учитесь, хорошие строки сами приходят, а есть другие люди, которым надо сказать: не марайте бумагу, — учитесь!

Борис Иванович Беляев, — учитель: Калуга. Мой читатель. Называет мысль мою о прочности вещей и вечности гениальной. Правда ли? Не знаю и неважно: важно сохранять в себе вечно вопрос...

3 Июля. В те годы, когда рушились «незыблемые» права собственности, вопрос часто бывал не в самой собственности, а в силе личности: сумей отстоять свое право, и ты по-прежнему будешь хозяином своего добра. Так вот пришли одного раскулачивать, а он в лес, да с Пинеги тропами-путиками пробрался на Уфтюгу и спустился на струже к Вычегде, и оттуда на Котлас и в Москву. Назад явился с правами, вернул себе все отнятое и посейчас живет хорошо, в колхозе. Другой оробел и пропал, вон там в зарослях догнивает его домишко. Время переходило, и люди отбирались по силе беспощадно, как на войне.

А в лесах Белоруссии, в садах Украины, в степях Дона, Кубани разве не то же самое было, разве тоже не могло быть так, что человек чуть не сумел и пропал. Что значит пропал? Ну, скажу, потерял свою родину, и вот в северном лесу где-нибудь, в том страшном лесу у полярного круга, где медведи, олени да журавли клюкву собирают, — появились в числе других: казак с Дона и белорус, чтобы вместе с другими колонизовать пустынный край. Пусть оба чувствуют себя невинными и действительно попали случайно... Перед каждым стоит не-обходимость, которую каждый по-своему должен обойти. И пусть казак, степной человек, решится бежать из леса и убежит, а белорус, лесной человек, станет на место... Мало-помалу лесной человек не лес отдаляет от себя, а людей, следящих за ним: лю-

ди уважают его, люди больше не глядят, издали кланяются ему. И так человек создал себе новую родину. Кто же выше из этих двух людей: степной казак, оборовший «судьбу» побегом, или этот лесной человек, не ногами, а внутренней силой оборовший этот страшный северный «лес-бес»? Так ведь было с испокон веков в русской истории: казак в степи воевал с басурманом, а на севере стоял человек на месте и строил. (К пекарю пришли белорусы, я спросил: — Казаки воры и так легко и проч.... Так, очевидно, я верно понял. — Но... Вот еще пример: — А что убежали... всякий ли достиг... Один убежал и не мог не заглянуть домой, а дом свой: «Детские ясли» — и в [бега] и опять...)

В 9 у. вышел на свой круг и вернулся в 1 ч. д. — Забыл книжку и мысли какие-то не мог записать и забыл по возвращении. Не почувствовал, но вспомнил тоску и что около двух месяцев путешествия ее не было: значит, в пути ее не бывает, и вот почему Онегин так много странствовал.

<*На полях:*> *синие реки*
тонкие тропинки
охота

4 Июля. Машина в ремонте. Петя в Москве достает для палатки палки, ружье в мастерской. Ягода спеет, когда Павловна сварит варенье, уедем на Шариков пал.

До тех пор, пока висит угроза войны, нельзя надеяться ни на какие удобства жизни культурной: канализацию, электричество, радио. Надо всегда быть готовым не на день или два, а на годы вернуться к жизни наших далеких предков в леса и с помощью одного топора строить себе жилище, добывать огонь и убивать врагов...

Служил я в армии и летал на самолете
И видел с высоты северные леса
Темные леса видел и множество речек
Речки были как на теле синие жилки
Только я не видел с высоты самолета
Тонкие путики, пробитые ногами наших охотников
Речки как синие жилки

И путики тоже как жилки
Много речек и еще больше путиков
Синие речки с высоты самолета все видко
А тонкие путики вовсе не видко.

Из разговора с редактором: гидролизные и целлюлозные заводы — это не решения; решение: перенести эксплуатацию леса в Сибирь и натворить там такое же безобразие.

Не народ страшен для власти: нет! пока властелин не обманывается — он всегда может скрутить народ. Но рано или поздно властелин успокаивается, со всех сторон уверяют его, что народ его уже любит. Пример такого самообмана — это поведение царя Николая и царицы Александры, уверенных в том, что их любит народ.

Не вдали, а возле тебя самого, под самыми твоими руками вся жизнь, и только это ты слеп, не можешь на это, как на солнце, смотреть, отводишь глаза свои на далекое прекрасное... И ты уходишь туда только затем, чтобы понять оттуда силу, красоту и добро окружающей тебя близкой жизни. Можно всю жизнь отдать на пропаганду этой мысли (и не к тому ли она: «любите ближнего»).

Много лет тому назад мы срубили тополь несколько метров от земли, в надежде, что оставшийся ствол даст отпрыски. Но вода дождевая, падая сверху на широкую площадь ствола, проникая вглубь древесины, замерзая и оттаивая, дробила ткань, и дерево засохло и загнило. Из года в год я привык к этой печальной колонне и не обращал на нее никакого внимания. Но я не один был, и все наши, каждый день занимаясь в саду, не обращали внимания на засохшее дерево. Мы все, привыкнув, пропустили чудесную жизнь возле себя, возле этой самой печальной сухой колонны: возле нее росла меленькая липа, из года в год поднимаясь все выше и выше до нынешней весны, когда она стала выше сухой колонны и [закрыла] ее зелеными листьями, и все мы вдруг ее заметили. Мы принесли лестницу, намотали веревку на верхушку гнилой колонны, повергли ее; освобожденная, со всех сторон освещен-

ная липа засветилась густым зеленым внутренним светом, засияла необычайной красотой. И все мы смотрели на нее и озирались вокруг себя: нет ли и еще вокруг нас такого прекрасного, что мы, не замечая, обходили ежедневно.

Ни одного партийца, занятого на севере лесосплавом, я не встретил такого, кто не разделял бы мою поэтическую жалость к лесу, который не столько берут, сколько бросают в лесу на сгнивание и на заражение короедом здорового леса. Один из крупных деятелей <*зачеркнуто:* председатель РИКа> даже признался мне, что он, один в лесу, увидев такую картину, «ревел». Уполномоченные Крайкома, секретари Райкома, начальники политотделов, беседуя со мной с глазу на глаз, все до одного, как хозяйственники, старались заразить меня жалостью к погибающему лесу, возмущаясь газетными писаками, уверяющими читателей, что лес рубят, а древесина за это время в десять раз прибывает. Месяцы наблюдая лес, беседуя с хозяйственниками на местах, я наконец доехал до Архангельска и там нашел человека — оптимиста, притом беспартийного.

— Нечего жалеть лес, — сказал он, — лес этот вырастет.

— Вы оптимист, — сказал я, — не вы ли это писали, что лес рубят, а он в десять раз прибывает?

— И верно, — ответил мне «профессор».

— Как же верно, если я полтора месяца истратил только на то, чтобы найти нетронутый топором [массивчик] в 66 т. куб. м.?

— Это у нас на севере, — был ответ профессора, — а возьмите Сибирь — пока мы здесь рубим, сколько там нарастает!

А когда я сказал, что если так будем в Сибири хозяйствовать, как на севере, то и там скоро будет конец:

— И хорошо! (Лес отсталость, перейдем на нефть, на уголь и потом [возьмем] из воздуха... Лес — это отсталость, — чем скорее, тем лучше.)

Не забыть объяснение конца «зеленым годам» (в Норвегии срубили леса, открыли всякие Гольфстримы).

Пусть величают меня за мои прошлые труды художником слова, но когда я затеваю изучение какого-нибудь вопроса, явления или среды, я не считаю себя художником и тему свою изучаю, как все, с жизненной стороны, или что значит — со всех сторон, в том числе и с художественной. И я умею до того просто ставить вопросы людям, до того обыкновенно умею обходиться с людьми, что они забывают меня как писателя и спрашивают, чем именно я занимаюсь, что делаю, где служу. Тогда, если хорошие и умные люди спрашивают, я, робея, называю себя человеком, подобным инспектору качества, а если какие-нибудь глупенькие, то попросту:

— Я инспектор качества, приехал проверять и судить вас дураков.

Вода бежит и слуда стоит
Вода моет слуду и делает наволок
А слуда воду держит
И если бы слуда не держала
Вода бы рыла деревья
И падали бы деревья друг на друга
И закрыли бы выход воде
И вышла бы вода в занаволоку
Стало болото
<*зачеркнуто:* Вода бы сама ее вырыла
Или бы стало болото
Так воде бежать и слуде стоять
И вода и слуда живут вместе>

А лес где [будет]
То вокруг будет лес
Нельзя отрывать воду
Вода и Слуда вместе живут.

Если хорошее, очень-очень хорошее, небывалое, прекрасное, как небесное видение, ружье, и охотник безумно-страстный влюбился в это ружье и сказал себе: или

я не буду вовсе жить: надену камень на шею и брошусь, или же я убью того человека и завладею его ружьем... Так если понять, что в увлечении вещью человек забывается... до убийства, кажется, какой он прекрасный! Но если ты можешь так увлекаться вещами, что сам даже и не видишь последствия своей игры, и никто тебе не перечит, и ты «ребенком» живешь... (Вот не так ли надо понимать Петра I.)

Самец достиг своего и ушел с некоторой досадой: слишком ему это трудно досталось, она же начала эти минуты хранить как счастливейшие в жизни.

Чтобы возможно стало ближнего к сердцу принять и понять, надо сначала полюбить дальнего: и оттуда сквозь призрак дальнего увидеть ближнего и ему обрадоваться.

5 Июля. Вот вопрос: бывает, вначале механизация много дороже обходится, чем «ручной способ», но вернуться к старому невозможно: организация ручного разрушена, и собрать невозможно; это критическое время, и новшества являются за счет самого человека, и неудачи всюду колют глаза (см. Баржа на Леже: люди бегут). Сюда же и колесо-пионер раньше дороги, автомобиль без шоссе...

6 Июля. Со вчерашнего дня барометр в самом низу, глухой дождь.

Если бы человек не рождался

Если бы человек в утробе рождающей матери не носил в себе единство всего рожденного и общей цели, то смерть означала бы полную бессмысленность жизни, и мы бы давно уничтожили друг друга, как уничтожают себя прирожденные преступники или пауки, заключенные в одном стакане.

Почему на севере лесные люди, как будто бы самые независимые, проще всех других теперь отдаются во власть государства? Не потому ли, что, не вкусив через рабство сладости побега от необходимости, человек доверчиво сносит и государственное бремя, как сносит неумолимые

<*зачеркнуто:* таежные> законы своей едомы? Такой человек имеет в себе как бы особый запас, расходуя который, можно долго терпеть.

От Павловны и Левы: кто что́ хранит, тот и делается собственником этого: вещь у меня — моя!

Все мое путешествие похоже на северную сбежистую реку: какая река! пароходы идут и один раз в год завозят муку: на весь год навезли, а сбежит весна, и кончено: там, где была река судоходная, курица вброд перейдет. И в этом, только в этом я узнаю себя, сына своего народа: тоже и народ наш сбежистый...

Кладу весло, присоединяясь к миру самых обыкновенных вещей и наслаждаясь их великой ценностью (в этом и есть возвращение домой; в этих бревнах солнце и сила солнца на кубометр; эти бревна есть «чаща»). Сюда же и «точку зрения» (от 19/VII). И сюда же героя, который взял мгновенье...

Сущность леса проста, и вот это и вводит в мир обыкновенных вещей.

Охотничье: напр., слет глухарей и проч. (все припомнить).

Пила и женщина. Лес, в котором живут с одним топором, не тот лес, если к топору присоединяется пила. Топором ведь владел только мужчина, а пилить может всякий, и женщина, и пила привела женщину в лес.

Если сам моешь и смазываешь машину, если сам проявляешь и печатаешь фотоснимки, сам положишь заплату, если на локте прорвется кафтан, то все постоянно спрашивают: — Почему непременно вам это надо делать самому? — И надо найти ясный ответ, чтобы не остаться «чудаком» <*приписка:* вроде Льва Толстого, который почему-то сам пашет>. Так вот под давлением общества от себя самого отделяется такое, что ты не сам делаешь и без чего сам не можешь обойтись. Мало-помалу так и все откалывается от тебя самого, так что если ты, напр., шофер, то ты

тут тоже никак не сам, а часть механизма машины, исследованный в своей пригодности психотехническим анализом.

— Почему вы это сами делаете? — в этом вопросе есть намек на лучшее определение силы вашей, на какую-то соответствующую вашему достоинству большую свободу на пути самоопределения в геройстве каком-нибудь, ученом открытии, художественной ценности.

В этом процессе ты делаешься повелителем бесчисленных не-сам.

7 июля. Путешествие дает ряд тем, на которые потом и пишешь, как я сейчас пишу о лесе: о рабсиле при заготовках, механизации и т. п. Но сколько бы ни написал на темы, все остается промежуток между темами, та живая жизнь, которую лучше всего схватишь, если правдиво описывать изо дня в день свое путешествие. Так я и сказал <*зачеркнуто:* редактору> одному литератору, ведающему в газете отделом путешествий, и он сразу понял меня и ответил:

— Не нам вас учить, пишите между темами и о клопах.

Из этого разговора я понял, что огромное большинство пишущих занято клопами...

<Зачеркнуто:> Бострем. Редактор отдела

С полпути между Вологдой и Котласом

Сотни молевых рек, влекущих в Вологду моль... На половине плоты снизу... [идут] в Двину. Ехал я туда в июне — так что теперь ничего не могу узнать.

Можно начать с баржи и полумеханизации, а потом перейти к клопам и мечте о стране непуганых птиц + и потом мечта [о] лесе, который еще не рубили и [который] не знал топора.

Слово «механизация» в наше время стало иметь много смыслов и само по себе безотносительно перестало нам что-нибудь говорить. Так вот и о лесе, когда нам сказать, что главный вопрос — механизация, то непонятно, и вот «баржа»...

Клопы: оттого что человек на месте не живет.

Чаща.

Ландшафт леса как творчество Чащи

Слова Мануйлы: С женщиной хорошо обходишься — она больше работает, а мужчина от хорошего обращения портится.

Продолжение Архангельской тетради.

...Отношения между «сам» и «не сам» у Бострема решаются лично: «сам», принимая услуги от «не сам», обязуется в той же мере быть «не сам», положим, не для этого именно человека, а для кого-нибудь. И эти безлико сложенные не-сам образуют на совести чувство долга. Такая совесть, такой долг сложились в натуральном хозяйстве, теперь же разделение на сам и не-сам происходит без совести и долга... <*приписка:* машинно, и оттого вражда к машине>

Вести из мира неясного и переменного: весь интерес к человеку с топором в руке (народ и лес), к старчеству. Мое замечание: если есть в этой мечте реальность, то современность должна носить в себе следы своего происхождения.

Нет ни малейшего сомнения в том, что человек живет не о едином хлебе, но если <*зачеркнуто:* доведен человек до того, что> кто-нибудь из последних сил добывает хлеб, то как сказать ему это «не о едином хлебе»... Напротив, каждый из нас, испытавших крайнюю нужду, знает момент, когда сильное желание хлеба раскрывает его солнечную природу, в которой исчезает разделение жизни сытых людей на заботу о хлебе и еще о чем-то «высшем». <*На полях:* Это момент рождения всех пролет. революций. Самое ненавистное существо в это время — кто говорит, что «не о едином хлебе»... (Матрос при слове «Христос» стрельнул в актера). Слова «не о едином хлебе» относятся к сытому человеку, голодному почему-то это сказать нельзя, напротив, голодному надо сказать именно, что в хлебе единство солнца, земли и труда человека.> И вот искушение сатаны... утверждение существа, независимого

от хлеба... Вот современная тема, если взять во весь рост: хлеб — это жизнь, это солнце, и ты против (об этом рассказано в Евангелии). Но что может сказать в свою защиту современный человек, положивший свое счастье в дело добывания хлеба?

Флюиды худ. Беляева (Левино дело). В Леве есть мать целиком... тоже и ее срывы.

Жизнь повертывается, с избытком... чего же больше: родители отвечают за детей, а ведь это значит: что отца... К чему же мы придем?

Дальний (призрак) — это Бог, ближний — это человек. Любовь к Дальнему (к Богу), любовь к ближнему (человеку).

Закон об ответственности родителей за детей: это есть возвращение революции к опыту Старого Завета. В конце концов окажется то же, что было с нами этой весной: $1\,{}^1/_2$ месяца искали нетронутый лес и пришли в Лосиноостровское.

10 Июля. Любовь к врагу и вообще к «ближнему», и не только любовь, а просто внимание к ежедневному достигается только удалением от него и последующим возвращением.

Путешествие ценно не так тем, что оно обогащает человека новым знанием, как тем, что открывает глаза на близкое. И есть путешествие в такую отдаленную страну, возвратясь откуда, люди могут понимать даже любовь к ближнему и даже к врагу, — только надо очень далеко уехать: я там не бывал.

<На полях:> *Запевка в роман «Начало века»*

Я не читал Ницше, а только жил в ту эпоху, когда все Ницше читали, и оттого, сам не читав Ницше, я жил бессознательно его идеями. И теперь когда читаю Ницше, то мне кажется, будто я тоже, как и он, думал и о ближнем, и дальнем, и о сверхчеловеке. Слышал от Мережковского не раз, что Ницше будто бы под конец свой узнал в Сверх-

человеке Христа, и вместе с тем, значит, — сейчас думаю — он, наверно, принял и любовь к ближнему, и к врагу. Я, вероятно, этого никогда не пойму и проживу так.

<*На полях:*> *Это одна из тем «Начала века» или «Чан»: преодоление ницшеанского эстетизма.*

Еще я слышал от Мережковского, что Ницше ошибался, потому что оставался в магическом кругу эстетического творчества, как неудачник жизни. Его законы верны для худож. творчества, а не для творчества самой жизни. Я лично понимаю творчество единым, как это, вероятно, у Гете, но сознаю, что в самой далекой стране еще не бывал. Моя мать тоже так могла волноваться глубиной своей, но мысли собрать не могла. Что-то детское и привлекательное, обратно тому, как бывает: в мыслях все верно и ясно складывается, а за ними нет ничего.

Трудно еще прибавить к тому великому, что сказал Ницше о творчестве. Только вот в чем возникает вопрос: каждая творческая личность, хотя бы писатель, по сотворении немедленно должна войти в какие-то отношения с личностями нетворческого порядка, писателя берет, напр., издатель, потом критик, театр и т. д. И все эти нетворческие элементы так облепляют со всех сторон сверхчеловека, что ему и не дохнуть, если он не войдет с ними в отношение подобно тому, какое имеет христианская церковь к Христу. (Вопрос решается тем, что сверхчеловек должен быть распят и после уже его крестной смерти должна возникнуть соответств. ему общественная организация: путь воинствующего неудачника, воскресающего после собств. смерти...) (Слышал я, что под конец жизни Ницше узнал в сверхчеловеке Христа. Не так ли произошел Ницше: в борьбе с церковным Христом пришел к первоначальному <*приписка:* т. е. узнанному в своем личном опыте>.)

15 Июля. Все эти дни прохладные и дождливые.

Заварили кашу: спасти Семашко. 16-го в день Левина рождения должен он, старый друг, приехать сюда.

Сегодня вечером у Григ. распределение ролей. На дворе у него «отравили» машину: как она пошла рывками, пропуская силу и опять схватываясь за нее.

Кто такой Кронгауз, или Мачедович, или числа им нет.

Пушной номер «На Стройке».

16 Июля. Ночью покончили починку Машки. Прием переливания крови одной машины в другую. Работа мастеров наудачу. Слова: — И не начинайте (учиться электричеству): все равно не поймете» (нельзя понять).

С утра окладной дождь. Ждем Семашку.

На завтра в Москве:

1) Пушной номер. 2) ГИХЛ. 3) Лес.

Встреча Семашки. Шофер — мостик — оргвыводы.

17 Июля. В Москве. В Августе для ГИХЛа: «Кащеева цепь» и «Жень-Шень». Пушной номер. Встреча с Фаворским. Конец Кронгаузу. Сдача «Леса».

Пушной номер. Наша Канада.

Соболь	— 5 тыс.
Ленин на тяге	— 2 тыс.
Белка	— 3 тыс.
Барсук	— 1/2 тыс.
Лиловое небо	— 1/2 тыс.
Песцы	— 1.250
Орел	— 3.500
Куница-медовница	— 1.856
Волк и овцы (Скорая Любовь)	— 2.350

<Приписка:> 1-й разворот Ленин.

Смотришь на лес, и трудно забыть свое время скорое жизни и не сравнивать жизнь дерева с собой как более долгую. Но если писать и читать, не видя леса, то легко можно и жизнь леса понять как скорую жизнь. И в особенности жизнь северного леса: что значит 200—300 лет век сосны в сравнении с веком тиса в 1500 лет! Итак, вооб-

ражая себя старым тисом, смотрю на северный лес, и мне видно, как в этом лесу, подобно скоплению людей на улице, теснятся деревья, бегут... и так идут деревья по земле, как люди.

<*Приписка:* ***19 Июля.***> Взглянул, взял в себя, и то, что взял, осталось, а на что не посмотрел, то все проходит. Впрочем, можно смотреть и не брать себе, а только чувствовать движение. Так вчера 18-го июля стояли мы возле ржи с Фаворским: кажется, он этого не знает... Я не забочусь о форме, я вникаю в жизнь и самому материалу предоставляю заботиться о форме.

Объясачили.

Язык до того консервативен, что, если хочешь вперед двигаться, лучше и не говори, так вот до сих пор говорили «лес», думая о его непроходимости, и особенно «тайга сибирская» если сказать — это как море, со дна которого захотелось бы копейку достать. Между тем после самолета лес и тайга совсем уже не так страшны, и достают из тайги пушнину на самолете регулярно, и отовсюду и фотографы, молодые ребята с ремешком на животе и лейкой, летают в недра тайги просто за картинками для своего журнала.

Сосна выводила к свету зяблую елочку
На разлив заболоченного ручья
Сосна не могла вывести ель и погибла
Ель открылась и ей помогать вышла березка
Не успела дорасти березка: ель погибла
А березка пошла. Маленькая березка чуть повыше тростника
Пошла маленькая березка вместе с тростником
И во множестве перебрались на ту сторону
И там, на той стороне, опять синеют леса в облаках
А здесь осталась в неравной борьбе погибшая ель
Поросли мертвые сучья этой ели длинными серыми бородками
Ветер играет бородками мертвых деревьев у болот

И я тут стою всем сочувствую на берегу заболоченного луга
Смотрю, как березка маленькая перешла на ту сторону
На той стороне синий лес в облаках.

Конец Архангельской тетради.
Материалы к роману «Начало века».

21 Июля. <*Зачеркнуто:* Лес рубить — это необходимость. Не срубишь для себя, лес сам погибнет от червя и пожара. И как ни люби леса, все равно рубить когда-нибудь надо. Весь вопрос сводится к тому, чтобы рубить лес хозяйственно. И если хозяйственным глазом смотреть на спелый лес, то это как на все, что поспело и очень хорошо, очень приятно, если впереди предстоит хороший урожай.>

Лес рубить — это необходимость, и если для себя не срубишь, лес погибнет от червя и пожара. Хозяйственным глазом надо смотреть на рубку леса, и тогда спелый лес, как все, что поспело и обещает хороший урожай, — законченно прекрасная вещь: и посмотреть хорошо, и есть, что взять.

Вечером поехал в Переславище, Лада нашла выводок совершенно черных тетеревей: 4 штуки; говорят так все: сохранились яйца, до морозов положенные, а после морозов, по краешкам гнезда — те погибли: по 2, по 3, по 4 птенца, но много и спелые. Утка вся на крыле.

Липа цветет. Клубника «Виктория» поспела. Дожди задержали покос, и луга или во всем богатстве, или пахнет сеном. Вся сила насекомых. Комар. Рожь бурлит.

Много болячек залечила свободная продажа хлеба. Домна Ивановна стала совсем другая.

Иван Федорович Дубакин — егерь.

Влад. Иван. Егоров, учитель, предлагает свой дом для житья.

Один художник прежде чем вникнуть глубоко в материал готовит форму, другой погружается умом и сердцем в материал, который по усвоении как бы сам собой вызывает для себя нужную форму.

Один художник, прежде чем серьезно заняться материалом, готовит для него форму, и эта глубоко продуманная форма вбирает в себя материал: это художники формалисты. Другой художник погружается умом и сердцем в материал, который после личного усвоения как бы сам собой вызывает для себя нужную форму. (Первый художник — Фаворский, второй — я.)

<*На полях:*> *стандарт*

Много проходит в голове разных догадок, но только те из них остаются, которые когда-нибудь во время борьбы за решение: так поступить, или так? вдруг приходят на помощь, являются внезапно из склада неясных основных запасов и после уже навсегда переходят в сознание как правила жизни, как «мудрость».

Свертывать принято вправо, и так хочется всегда свертывать вправо. Но если обгоняешь другой автомобиль, то надо свертывать влево. И это усвоишь себе верно, делаешь не думая, как автомат, и все проходит так долго и благополучно. Бывает, однако, особенная забывчивость, очень глубокая, и когда что-нибудь со стороны вызывает тебя к внезапному резкому действию, вроде поворота руля, то вдруг ты поступаешь не по <*зачеркнуто:* наученному> личному навыку, а по общему, заложенному в тебя как бы природой: свертываешь вправо, и машина, сталкиваясь с другой, разбивается вдребезги. В народе об этих случаях говорят: природа науку одолевает; «наука» — это вторая природа. И когда первая природа побеждает, то это есть катастрофа.

Неосторожно выпитая рюмка может в моей природе натворить много беды, одна только рюмка, и довольно! а при благоприятных условиях среди друзей могу выпить много и как будто с пользой. Неудачная рюмка... Подозреваю, что именно это лишнее вино и вызывает у меня тоску (смертельную): $1^1/_2$ месяца на Пинеге ни рюмки и ни одной минуты тоски.

Рассказ Павловны. Умирал хозяин, захотел курятины. Хозяйка сварила последнего петуха. Не стал есть: «яичек

свари». Пока яйца варили, хозяин помер. Вот положили его на стол, а хозяйка причитывает: — Встань, дружочек мой милый, — встань! вот и петушок твой стоит, и яички лежат...

22 Июля. Соблазняет решиться устроить окончательно свою старость на Журавлиной родине, чтобы там жить до конца (редко появляться в Москве). Пустынник при помощи машины и веселого общества).

Самая опасная охота на диких зверей является лишь забавой детей старого возраста. Единственно опасный для всех зверь, на которого нет охоты и выходишь на которого лишь поневоле — это зверь, обитающий в человеке. Множество людей, сами того не зная, живут только страхом этого зверя, ненавистью к нему, презрением, но еще большее множество при каждом удобном случае сами обращаются в такого же зверя. Конечно, есть и настоящие люди, охотники на этого зверя: ими жизнь продолжается. Но нерадостная эта <*зачеркнуто:* охота>... что-то вроде охоты на смерть. <*Приписка:* Этим занимался у нас Гоголь.>

Когда входишь в высокий лес, то солнце становится у самых вершин деревьев, и с этой солнечной высоты в лесной сырости падают косые лучи и часто песня зяблика...

Подленькие люди тоже часто занимаются красотой, но сама красота на них не обращает внимания. Вот почему часто очень красивая женщина как-то сравнительно бывает милостивой к окружающим ее негодяям.

Весной видел лесную речку с черной водой, и возле воды выросли потом желтые цветы. В эту речку сбегала малая речка со светлой водой, и я запомнил себе: есть речка в лесу с черной водой и желтыми цветами, и есть светлая. Теперь черная речка вовсе закрылась широкими листьями мать-мачех, а светлая снежная вода сбежала совсем, но ложбинка, по которой весной неслась светлая речка, теперь вся покрылась незабудками, голубая река незабудок.

Пахло липовым цветом, и глаз отдыхал на чудесной сочной светящейся в солнечных лучах зелени. Но мы не могли ничего друг другу сказать: возле этого бульвара с липами неустанно неслись, гремели, гудели трамваи и машины. Петя успокоил меня и сказал, что в будущем поезда спрячут под землю и в городе будет совершенная тишина. Вероятно, именно так и надо подходить к городу, т. е. так же, как и к природе: участвуя лично в творчестве лучшей жизни, и самого города. Так, если город глушит, надо броситься в работу над заглушением ненужных звуков.

23 Июля. Секретарю Райкома т. №

Вчера 22/VII пришел ко мне какой-то агент с понятым, произвел обыск и составил акт относительно лежащих у меня на дворе нескольких бревен строевого леса, обмерив и описав каждое бревно. Агент объяснил мне, что действует на основании от местного комсомольца донесения о том, что лес у меня ворованный. Этот лес отпущен мне по распоряжению из Москвы местной конторой Леспромхоза для ремонта дома. Привезли пока мне только часть предназначенного мне леса, и потому я еще не уплатил денег и не получил документ об уплате. Я объяснил агенту, кто я, дал ему справку с личной печатью и обещал на другой же день доставить ему справку от Леспромхоза. Ничего не помогло, и агент составил акт, обмерив каждое бревно, объяснив мне, что относительно моего леса, как ворованного, имеется три доноса от местного комсомольца.

<*Зачеркнуто:* Сообщаю Вам, что, имея квартиру в Москве, данную мне по распоряжению т. Сталина, живу в Загорске, только чтобы лучше работать.> Здесь приходится отказывать в приеме многим желающим со мной разговаривать. На днях принужден был отказать по недостатку времени в очерке представителям от ЦК Комсомола. <*Зачеркнуто:* Здесь в Загорске я вынужден часами тратить время в удовлетворении доноса.> <*Приписка:* Я не имею возможности удовлетворить просьбу представителей ЦК комсомола, и в то же время должен тратить время для удовлетворения неясных обвинений меня в воровстве.>

Мыслимо ли мне, советскому писателю, часами возиться с невежественными людьми вследствие доноса о воровстве бревен.

<*Зачеркнуто:* Прошу Вас> Мне кажется <*недопис.*> <*Зачеркнуто:* Прошу Вас>

24 Июля. Вчера повторились прошлогодние похороны на закате солнца, и как же хорошо! А вышло это случайно: каляевским музыкантам играть можно лишь по вечерам. Нехорошо только, что эти же музыканты, похоронив человека, затпрундыкали на тех же инструментах гуляние в саду.

Я бы так себе устроил похороны. Кроме нескольких самых близких людей доступ к покойнику воспрещается. Перевезти на кладбище секретно в закрытой машине. Напечатать в газете о времени похорон. На каком-нибудь высоком месте, чтобы всем в городе было слышно, поместить музыку или хор (в Москве включить все радио). Или даже просто на площади. На закате солнца оркестр или хор, и при последнем аккорде на кладбище тело опустят в могилу: никто этого видеть не будет.

Самые похороны и все дело с трупом поручить только тем близким, у кого нет даже брезгливости к трупу. И они так же стыдливо оберегают тело от постороннего взгляда, как супруги зачатие.

Человек, приготовляясь к концу, и даже гораздо раньше, просто чувствуя приближение старости, должен постепенно отходить от людей (к Богу, к делу) и показываться пореже. Уединение, кстати, очень сохраняет свежесть хорошего чувства к людям.

<*Приписка:*> *Ночь — дождь лил.*

Уважаемый т. Канторович,
относительно предлагаемой Вами темы очерка я должен Вам сказать, что, на мое суждение, — песенка эта уже спета. Мы все высказались ясно на эту тему до конца. Вам остается только вывести заключение из сказанного и через журнал «Наши Достижения» проводить в массы.

Мое заключение приблизительно частное. Есть художники, прежде всего занятые формой, которая при углублении мастера приводит сама собой к какому-то материалу, если только сам автор не идет. Наоборот, есть люди, подобные мне, тяготеющие к материалу. Близкое общение с материалом, в свою очередь, приводит мастера к соответствующей форме, если, конечно, творящий обладает чувством меры, ритмом, вообще талантом. И тот, кто, будучи художником, начинает с материала, часто даже вовсе не сознавая себя художником (самое лучшее!), делается обыкновенно очеркистом-художником.

Отсюда я заключаю, что для культуры очерка не надо сложных рассуждений о форме, по справедливому Вашему заключению, приводящих к схоластике, а по-моему — к переливанию из пустого в порожнее. Для культуры очерка нужна этическая культура, нужно сделать, чтобы в обществе заговорила совесть. В противном случае очерк будет вырождаться или в бессильный и глупый эстетизм, в претензию, и в лучшем случае в ловкую или деловую статью.

Мне кажется, жизнь мало-помалу подведет нас к тонким вопросам этики, когда мы перестанем говорить: «не до жиру — быть бы живу». После того как хлеб поступил в свободную продажу, я заметил, уже в народе стало обо всем говорить много легче, много свободней. Параллельно освобождению от физически-материальной зависимости должна вырасти и охота к этическим тонкостям, нечувствительно eo ipso[1] приводящим даровитых людей к культуре очерка. Все это я говорю на основании своего личного опыта. При больших литературных разговорах, если я сам в них принимаю участие, подобно докладу, о котором Вы [помните], мне в конце концов бывает немного стыдно. Я объясняю себе этот стыд тем, что в словах этих есть некоторая доза лжи, придумки, что учитель в тысячу раз больше сделает, если даст не слова, а образец своего творчества.

Итак, повторяю окончательно: вступите с читателями на страницах в жгучий обмен мыслями о переживаниях

[1] eo ipso (*лат.*) — тем самым.

современных, сумейте это сделать как публицист, это сделает журнал современно живым, и очерки самые блестящие рекой польются в Ваш журнал.

Если в городе от рева моторов нельзя говорить друг с другом, я не проклинаю города, а живу мыслью убрать городской транспорт под землю. Так и современные журналы трещат о советских добродетелях и не дают нам возможности перекинуться друг с другом глубокими, нежными и умными словами. Но я верю, что все будет иначе, и хочу видеть Вас в числе пионеров этого рода творчества интимного, которое, собираясь из множества ручьев, соберется в море.

На вопросы Вашей анкеты отвечаю, извините, кратко, по пунктам.

1) Форма перестановки во времени и пространстве. В очерках не делаю, избегаю делать, потому что от этого сила убедительности очерка уменьшается. Борьба с желанием переставить и является главной трудностью очерка. Но если переждать подольше, когда время и место свободно переставятся, – то будет не очерк (напр., у меня «Жень-Шень»). Точно так же вымышленные персонажи не беру, а углубляюсь в найденные черты живых персонажей. Отступления только по необходимости... Впрочем если углубиться в человека...

Факт <*Испр:* Документ> и вымысел в очерке я понимаю <*зачеркнуто:* как объект и субъект: не вымысел, собственно говоря, а личность, и все сводится к тому,> я понимаю так: как данный писатель переживает воспринимаемый факт, пока он не сделается вещью (предметом искусства). В своих книгах, особенно «Журавлиной Родине», я очень обстоятельно об этом рассказал, и мне прибавить теперь больше нечего. И даже если бы я не рассказывал, то внимательный читатель, в особенности критик, должен это сам понять по сделанной вещи.

25 Июля. И эту ночь лил дождь. Все насыщено влагой, как в субтропиках на море. Вчера написал статью Канторовичу в «Наши Достижения», – крепко. И вчера же в «Из-

вестиях» напечатали «Лес». Завтра 26-го в Москву на совещание о пушном номере. Сегодня подготовить текст, темы для иллюстраций, отобрать фото. 26-го все сдать художнику. Отобрать негативы. В Москве сговориться с «Известиями». Надрать томы: 1) «Кащеева цепь» 2) «Жень-Шень». Рассказ «Лада» для детей: 1) как я нашел ее — т. е. как она спряталась от стар. хозяина; 2) как: «верю, что ляжет, что за версту идешь, а на лежке перед птицей колечком свернется и храпит — не поверю!» Выписки из дн. прошлого года: Начинать дупелей с 1-х чисел Сентября, расчитывая на валовой прол<ёт> 11—12 С., и охотиться недели две.

26 Июля в Москве.

Всю ночь ливень и в Москве ливанул.

По пути в Москву спор между супругами Б. Он «интуит», ему не нужно музыки в концертах и ресторанах (ресторанах!) — довольно музыки леса, и книги не нужно — без книг все знает; ему природа и натуральное хозяйство. — А разве гений (Моцарт) не природа? И если я не могу без книги и концерта? И если ты сам пишешь картины и книги и тем размножаешь, по твоему убеждению, класс ненужных людей, сам паразитируя на его существовании? Если ты считаешь существование такого класса людей необходимым для твоего подвига (только не сказала: «меня»), то эта мораль паразиторная (Метерлинк) (возвращаясь ко 2-му Адаму). Тонкий паразит (Корни: он аскет, она женщина). Сюда же Толстой и <*зачеркнуто:* Женщина:> Соф. Андр. и Павловна: так сходятся вместе Моцарт как явление природы с отрубями графини Толстой.

Рассказы о женщинах:

1) Из путешествия в Вологду: спасли умирающего вместе с воронами.

2) Assortie: Мы заказали себе завтрак в ресторане, на первое салат оливье — две порции, и со вторым вышла путаница: Assortie был вариант 1-го блюда, а мы приняли его за второе горячее и заказали тоже две порции. Так принесли нам после холодного еще два громадных холод-

ных. Мы еще были способны съесть одну порцию вдвоем этого assortie, но съесть две было невозможно, и повар отказался принять. Человек с маленькой сияющей бликами красной пуговкой вместо носа, улыбаясь, указал на рюмку выпитого вина, сказал: — Вам остается спросить побольше водки, и закуска вот как славно пройдет! — Женщина, бывшая тут, гневно посмотрела на пьяницу и, крайне ласково, как бы извиняясь за дурака, сказала: — У нас есть прекрасная пергаментная бумага, разрешите завернуть, и, может быть, вам это дома пригодится к ужину». А оно как раз так и нужно было: к ужину! Так мы блестяще вышли из затруднительного положения.

28 Июля. Именины Фаворского. — Есть ли Бог, нет ли — не решить никогда, но во внутреннем, непринужденном сознании единства мира все живем, все ждем, подчиняясь Богу.

Павел Давидович Эттингер. Москва (66), Ново-Басманная, д. 10, кв. 92, критик по искусству.

Художница Рублева.

Спец. по игрушке Ламакина.

29 Июля. Всю ночь дождь. Наверно, сено вовсе сгноили. Закончен очерк «Запонь» и отправлен Живову. Посланы деньги Разумнику за Август. В Лондон — посланы права, книга.

Сегодня совещание о пушном номере с художником Крюковым (Николай Васильев., Пионерская, 15).

Разбить факт — как атом: освобождается сила, а то фактом можно пользоваться.

Марксизм для нас интересен утверждением факта.

Фаворский мне сказал: — Вот вы, марксист, и даже иногда в писании жестоковатый... — А какой я марксист! Этого «марксиста» в устах Фаворского надо понимать как «экономиста» и еще дальше: как человека, связанного фактом («мы в семье все ротозеи!» — сказала Марья Владим.). Парит, опасливо поглядывая с высоты на факты, а другой вниз и не глядит.

День прошел с трудом без дождя, но барометр из-под низу не движется. Решили на завтра сборы, а после завтрего ехать на охот. разведку: узнаем, поохотимся, снимем квартиру, съездим назад за вещами.

Есть люди, у которых не жизнь, а монтаж, но все-таки внутри сознание...

Есть люди, у которых жизнь не проходит, а монтируется, и остается перед людьми неведомый человек, истративший все природные средства свои на монтаж (Илья Никол.).

Пробиться к факту близко, чтобы чувствовать его — это значит сделаться современным человеком. Чем сложнее человек, тем труднее ему пробиться к факту. Иногда кажется, что для этого надо в жизни своей упроститься, но и это не то (Лев Толстой доходил до того, что сам пахал, но тем самым, конечно, не приближался, а удалялся от факта).

30 Июля. Весь день дождь. Дожди целый месяц. Сено погноили. Ягода от воды несладкая, невкусная. Набиваем патроны. Собираемся.

31 Июля. Дождь и солнце. Выезжаем 10 у. Америк. вентиль: все насосы испортили. В Переславле додули. И приехали в Усолье. Разгром Ботика (последствие удаления Смирнова). В Усолье. Убили крякву.

1 Августа. Неизвестные причины холодной встречи лесника Иван Васил. Поиски тропы на Шариков пал. Глухариный выводок (подняли коровы). Глухари на деревьях. Плохая Петина стрельба. Выводок тетеревей. Охота на уток. Дождя почти не было. До охоты поездка в Копнино, мальчишки как слепни. Николай Иванович... не Крыленко ли? — А кто это Ник. Ив.? — Кузнец наш. А еще охотник Макарихин из Федосова. Не дошли до него и узнали от пастуха, что выводки за Селезневым.

2 Августа. Поездка с Павловной за Селезнево. Десять возможностей и один петух. Жаркий день. А Павлов-

на сидела в машине, девочка подходит: — Ты бы малинки принесла. — У меня родной матери нет: сирота — и проч.: утонула девочка у богат. родителей, ходила за платьем утопленницы: поминать нельзя утопленницу (?), а платье раздать, бедные радоваться будут и помянут. Встреча с машиной Курчевского: 48 штук — И с грачами? Как Курчевский стрелял грачей — еще Юрка: только бы убивать.

Корова зашлепала, и на этот шум пойнтер залаял, потом петух над моей головой ударил... и бархатная лапка.

Появление охотников с тремя пойнтерами. Утиный шалаш: закат и дума: с тех пор как самолет прилетел в тайгу за пушниной — тайга стала не та, какой мы ее знали; и с тех пор как челюскинцы, сидя на льдине, стали героями, то море опять стало нам не как прежнее море; и в особенности небо, с тех пор когда стало возможно через осеннее нависшее небо пробиться наверх и под солнечными лучами думать о том, какая ничтожная пленка создает настроение людей. И вот это [заключение], этот трон с золотыми лучами... как я [могу] представить этот трон, если моей работе предшествует мысль, что все небо только пар. И так вот к этим привычным для нас знамениям бесконечности, необъятности, вездесущности — океану, небу, тайге: это открыто: и можно подчинить... все эти знамения как красные флаги, провисели несколько лет и стали белыми, эти знамения — тайга, море, небо — стали просто тряпками. Но разве облака небо? это видимое небо, а за ним действительно безопасная и лиловая стратосфера уже становится для нас вторым небом, а там лучи, третье — беспредельный простор! Беспредельная область личного. Почему я стал тосковать об открытых небесах — что когда-нибудь и все небо откроют. Поднявшись над тучами к солнечным лучам, человек уже открыл первое небо, и это открытое небо перестало питать нас образом небесным и быть знамением бесконечного... И так вот охота на моем участке, когда на грузовиках стали всюду ездить охотники.

С чем мы расстаемся, когда на том же самом участке, где сама разводилась дичь, стали ее искусственно разводить: птицы много больше, а между тем явно, что мы нечто утратили... не есть ли это открытие 1-го неба: откры-

вать нечего и скучно, а к другому, новому еще не лежит душа: этот пустой промежуток между прошлым и будущим. А еще: появление другого охотника с пойнтером с полным правом охотиться на облюбованном тобой болоте есть все равно как если, когда я пишу на своем письменном столе, если бы рядом [сел] другой человек и стал бы макать перо в мою же чернильницу — все это сделало шоссе; и после того как все индивидуалисты поломали себе головы — сложилось охотничье общество: дичи стало больше, и люди стали меньше индивидуалистами, но правилам подчинились, и на этом основании охотиться стало возможно не одному, а ста охотникам. А пока нет общества — индивидуалист обзаводится машиной, и вот Курчевский.

Когда молоко еще не прокисло и тоже не свежее и попахивает кислотой, говорят — молоко задумалось.

3–4–5 Августа. 3-го всю ночь и весь день дождь — 4-го — охота — 5-го мы убили в цветах...

Инерция революции: разрушение, когда не надо уже разрушать, а напротив, поставлен вопрос о кадрах, о зажиточном колхознике и пр.

Результат моей статьи «Переславские кручи»: бор от озера до Усолья объявлен запретной зоной. Я видел, как в этом лесу, мною, только мною спасенном, гуляли дачники: молодой человек с сеттером, молодая женщина в одних трусиках и с младенцем на руках. И в первый раз в жизни я к этим дачникам чувствовал симпатию и, лично никогда и не живший на дачах (все живешь на охоте, с клопами, да что-нибудь делаешь...), радовался, что они живут. Так, вероятно, радуются большие государственные деятели: делают и, сами не пользуясь, радуются, что другие в этом живут.

6 Августа. После вчерашнего яркого дня сегодня утро полусерое, и барометр снова падает.

Мне кажется, я угадываю теперь уже верно характер исторического момента нашего государства: и только те-

перь я понял! а между тем давно уже видно было, что разрушительная миссия интеллигенции, идеалы высшей свободы и пр. кончились и начинается время культуры верных государству людей («кадры решают»).

Маркс, Энгельс, Ленин — это люди деловые, это «практики», а мы привыкли питаться от мыслителей... Но время подошло к практикам и действию. Мы ждали пророков, а пришли экономисты (все равно как война, о которой мечтают и которая бывает на деле).

Теперь, кончено, и слепому видно, что люди на земном шаре живут весьма непрочно, и мы здесь, люди, стерегущие время, конечно, счастливей обеспеченных людей на Западе.

Как я раньше ненавидел дачников, пользующихся лично всеми благами природы и не чувствующих в отношении их личных обязательств! Но однажды мне случилось небольшой заметкой в газете спасти от рубки небольшой участок бора. В роскошный солнечный день я приехал в спасенный мной бор, наполнившийся самыми обыкновенными дачниками, в трусиках. И я, никогда не живший на даче в безделье, вдруг почувствовал великую прелесть жизни этих отдыхающих людей и великую награду себе в этом за дело спасения леса для отдыхающих людей. Мало того! я вдруг понял, что своими бесчисленными рассказами о птицах, собаках, речках с черной и светлой водой, болотцах, вереске, цветах я работаю для людей, для их отдыха. Так я обрадовался, что в один миг простил всем дачникам и расстался навсегда с неприязнью к ним. Мне остаются врагами только те, кто всю природу в целом считает как бы предназначенной для отдыха человека. Нет, природа в моем понимании предназначена для творческого труда.

Возвращаюсь к своей старинной теме — описать жизнь дерева с тончайшими намеками на жизнь человека. Быть может, сделать сближение человека и леса в их родовом движении: в расселении: дерево тоже «ходит», и человек: это очень важно, что человек прошел с каким-то замыс-

лом и следа от мысли его на земле не остается, а зверь оставляет следы.

8 [Августа] вернулись в Копнино, а с 6-го на 7-е сутки лил дождь.

9 [Августа] день несмелый. Ездили к Нагорью (по правую сторону шоссе), неважно охотились (выводок в овсе). Застряли, поднимали машину домкратом. Видел в овсе следы машины Курчевского.

10 Августа. Солнечный день и почти весь так выстоял. Блуждали в лесу возле Нерли. 1) Нерль. 2) Остожники в цветах. 3) Тропы старого чудесные, если забыть, что они выбиты босыми ногами. Теперь тропа заросла по сторонам и закрылась травой, а между травой муравьи использовали ее для себя. Тропа расходится по S и SW. Спор. Друзья охотники поссорились и сошлись: вторая тропа обходила сырое место.

3) Ель росла, как все ели, опуская сучки вниз, человек пришел под эту ель и, чтобы повесить свою охотничью торбу, вынужден был отрубить спущенный сучок, заострить его, ударить в ствол дерева острием топора и в эту щель вставить сучок так, чтобы на него можно было торбу привесить. Охотник ночует под деревом, а утром берет торбу и уходит далеко в лес за белками. После этого случая дерево растет еще сто лет. Приходит лесоруб и, выбрав отличное дерево, спиливает его. А когда, разрезая на куски, хочет выкроить из него материал строительный, видит, что дерево изнутри никуда не годится, и, сосчитав кружки, узнает, что сто лет тому назад в этот лес пришел охотник, вставил сучок для торбы и навсегда этим погубил дерево... Лесоруб, приглашенный из Канады, чтобы показать нашим лесорубам культурные приемы хозяйств. обхождения с лесом, глубоко возмущен некультурностью охотника, погубившего дерево, а между тем уменье найтись в лесу при ночевке и, в частности, прием привесить свою торбу на дерево со спущен. сучьями — сто лет тому назад было культурным приемом.

<Зачеркнуто:> Хорошенькие тропинки остались нам от старого времени.

Всюду теперь начинают кожаную обувь носить, а раньше все больше босиком ходили и везде по краям дорог, на полях и в лесах босыми ногами пробивали тропинки. Любил я эти бархатные тропинки, по которым днем люди ходят, а ночью зайцы, лисицы *<зачеркнуто:* и мышки. И все хорошо, только ведь все-таки босыми же ногами пробиты эти тропинки, и так уж и быть, лучше уже вовсе не будет этих тропинок в лесах> все хорошо, если не думать, что пробиты эти бархатные тропинки босыми ногами.

Однажды в лесу два охотника заблудились и заспорили между собой сначала о том, куда им идти: один говорил на юг, другой на юго-запад. И, не решив это, заспорили они о другом. Так эти два охотника постоянно между собой спорили, бранились, доходили даже и до того, что расходились, но всегда потом опять сходились и жили множество лет вместе и делили между собою, не обижая друг друга, все горе и всю радость. И теперь они, споря и ругаясь, согласились идти по линии, средней между югом и юго-западом. На пути у них были глухие болота, которые надо было обходить и постоянно уклоняться от намеченной линии. И каждый раз, восстанавливая путь на прямую между югом и юго-западом, они спорили так, что, глядя со стороны, можно бы было принять их за двух врагов, соединенных в лесу общей несчастной участью блуждания. У них не было даже корки хлеба в запасе, усталость и голод мучили их, как вдруг им встретилась прекрасная человеческая тропа. Какая радость! Это была одна из тех самых тропинок, которые раньше пробивались босыми ногами по краям дорог, по полям и по лесам *<приписка:* днем люди, а ночью — лисицы, зайцы, [мышки]>. Чудесная это была когда-то бархатная тропинка, но, видно, брошенная. А это известно, что, когда люди по тропе перестанут ходить, травинки у края, лучше других освещенные солнцем, выше других вырастают, склоняются с одной стороны на другую и так закрывают тропу. Тогда догадливые и трудолюбивые муравьи, поняв, что люди тут больше не ходят, превращают ее в свой великий транс-

портный путь и влекут по ней во множестве всякий материал для своего постоянного строительства.

Никакое шоссе, никакой асфальт и гудрон не могут дать такой радости, как если человек, лазая целый день по кочкам в густейшем березняке или утопая в грязи черной, обвитой хмелем ольхи, вдруг пойдет по старой, пробитой босыми ногами тропе. Оба охотника весело пошли, один совершенно довольный, потому что тропа вела прямо на юг, другой немного этим смущенный: он думал, что надо идти непременно на юго-запад.

И вдруг тропа раздвоилась, одна вела по-прежнему на юг, другая на юго-запад.

— Что тебе дался юго-запад, — сказал охотник Юг, — неужели же ты не поймешь того, что за целый день ходьбы юг и юго-запад потеряли свое значение, был бы хоть сколько-нибудь юг, или запад, и нам все равно, а юго-запад для нас потерял значение.

— Как потерял значение! — воскликнул Юго-Запад, — я могу тогда с таким же правом сказать, что именно юг потерял свое значение, раз есть тропа, ведущая на юго-запад. Мы должны идти по этой тропе.

— Согласен, — ответил Юг, — но твоя тропа значительно слабее, чем моя.

— Зато моя более свежая, а по твоей бегут уже муравьи...

— Не свежая, а слабая: потому муравьи и работают на моей твердой тропе.

Слово за слово спор с тропы лесной перешел на жизненную тропу, каждый из спорящих старался уколоть другого, перебрали все прошлое и дошли до того, что надо им расходиться.

— Пора! — сказал Юг. — И вот кстати тропа указывает: ты иди по своей тропе, а я по своей.

— Очень рад, — ответил Юго-Запад, — и давно бы надо нам так.

И они разошлись: один пошел на юг, другой на юго-запад.

Не успели оба старых друга разойтись, как обоим им стало совестно: из-за каких пустяков кончилась их долголетняя совместная жизнь!

Между тем тропа на юго-запад была не тропой, а, как часто бывает, обходом мокрого вязкого места: у кого обувь хорошая, идет по основной прямой тропе, а у кого сапоги текут — обходит стороной.

Не успели друзья разойтись, как опять сходятся и оба очень рады и весело вместе идут по общей тропе.

Так многие люди между собою живут: вечно спорят, расходятся и сходятся.

14 Августа. Памяти худ. Бориса Ивановича Покровского. Чтобы вести дело и нести славу большого артиста, часто приходится расстаться с тем, что называют просто «человеком», и у больших людей это расставание всегда мучительно. У людей маленьких, просто стремящихся к славе, никакого страдания в этом нет, и человечка своего они растворяют в славе, как сахар в горячем чаю. Борис Иванович, художник довольно даровитый и, не будь в глазу его «человечка», возможно, сделался бы известным художником. Но «человечек» ему помешал, и Борис Иванович, сохраняя человечка, остановился на пороге артистических возможностей и так застыл учителем рисования. Некоторые обвиняли его за то, что он «загубил» свой талант, другие, восхищаясь его «человечком», обрушивались на славу вообще и тем самым выходили на мгновение из состояния своего убожества. Любили его все, но мало кто понимал.

Люди, вероятно, рождаются с чувством высоты, и может случиться, что этой внутренней высоте в жизни их будет отвечать их высокое положение в обществе. Но есть люди: не имеют в себе чувства высоты, а занимают в обществе высокое положение.

Вчера в 12 ночи приехали из Копнина. Четвертый день обходится без дождя. Везде жнут рожь.

<*На полях:*> *сомнение*
«отдых»
смерть и государство

На такой охоте как будто спускаешься, погружаешься в особенный мир, где жалят тебя беспрерывно комары,

слепни, мошки, клопы, блохи, и тело в постоянном мучении от избытка движения, и ни поспать, ни поесть хорошо. Ничего не читаешь, и если мысль какая-нибудь приходит в голову, то с ней всегда приходит сомнение в этой мысли. И вот это то состояние, в котором как бы имеешь возможность и жить, и в то же время смотреть со стороны на всего себя с точки зрения всего живущего — раз, и <*зачеркнуто:* второе> как бы тем фильтровать себя, обычно живущего в спокойном сознании, что, может быть, и все свое «я», которое в обычной жизни нельзя даже чуть-чуть задеть, здесь допускаешь возможность, что оно совсем отфильтруется. Нет, конечно, ты останешься, но выйдешь из этого омута болотной грязи, укусов насекомых и всего как-то чище.

Понимание природы как места отдыха для человека (Энгельс) ограниченно и до цинизма мещанственно. Оно сродни тому пониманию личного человеческого начала, которое можно соединять посредством тире. Мы так все ищем, так трепещем в поисках особенно чувствительного места в личности человека, в соприкосновении с которым всякая отдельная личность человека сливается с другой личностью в большую личность... А у них так просто — тире и все кончено: Маркс тире Ленин и т. д.

Государство необходимо, как смерть, и средства борьбы с поглощением тебя одни и те же: надо успевать жить, имея идеалом вырвать мгновенье жизни от смерти. И первым шагом для этого — <*зачеркнуто:* дерзание> не бояться смерти (разработать).

Мысль: казак и белорус: нет! и тот, кто решился подчиниться и отстоять себя от поглощения государством трудом, а не бéгом — тоже скрытый супротивник. По всей вероятности, Петино чувство о них «рабочих» и нас «интеллигентах» вытекает из этого: мы, как личности, всегда супротивники государства, они же, напротив, — это именно кирпичи для государства, и в этом противоречие. У них готовность «складываться» (кирпичи) безрассудно, безлично, а тут: нет! — это я, и я подумаю еще...

Какое бы ни было общество, социалистическое, капиталистическое и какое хотите — личность всегда должна противопоставляться массе, скажем, диалектически. Какое же ужасное состояние общества должно быть, если всякую попытку личности противопоставить себя «массе» принимают как контрреволюцию? А так было и так сейчас есть на практике, хотя директивы другие.

Эту охоту, которой мы занимаемся, можно сравнить только с делом секты самоистязателей; сотворив с собой эксперимент полнейшего истязания тела, мы возвращаемся в привычную обстановку, как в рай, и удивляемся, как другие не понимают прелести жизни, в которой они обычно живут.

17 Августа. Сегодня вечером последнее собрание по поводу журнала «СССР на стройке». В Москве понял, что приглашение в бюро краеведения сделано неспроста: надо там поработать. Андрюша приехал: аккуратный человечек с затаенными взрывами. 18-го утром приедет П. с белками. 19-го в 3 ч. д. в Москве заседание в «Стройке», а перед этим переговоры с Ермиловым в «Кр<асной> Нови».

Есть человек — весь в деле своем помещается со всем умишком своим: такой старательный человек! а возьми его без дела — слова сказать не сумеет. Таких старательных людей сколько хотите, и вот им-то необходимо кино, и другие...

Уважаемый т. Новиков,
<*зачеркнуто:* из того приятного мне факта, что ребятам в Вашем колхозе понравились мои рассказы, не надо думать>, по-моему, рассказ автора больше значит, чем сам автор, во всяком случае, если рассказ хорош, то автору незачем лично его комментировать: автор в нем дал свое самое лучшее. Конечно, возможно, что обаяние живой личности окажется сильнее самого рассказа, но рассчитывать на это нельзя, и какой это писатель, если устно лучше рассказывает, чем письменно. И потому я думаю, что ехать мне в Ваш колхоз не следует.

Другое дело Ваша просьба «хотя бы коротко написать советы и указания для людей, начинающих любить, понимать и изучать природу». В этом отношении я считаю себя обязанным ответить Вам, хотя вообще дал себе слово никогда никого не учить иначе, как только достоинством своих литературно-художественных вещей.

Вот Вы пишете, что ребята Ваши «привыкли понимать лес как источник стройматериалов, место дроволесозаготовок, сбора грибов и т. д. А вы вдруг нам раскрыли жизнь леса... Мне бы хотелось, чтобы этот томик у ребят превратился в начало систематического изучения природы».

Очень и очень понимаю Ваше желание, но представьте себе, что я, натуралист по образованию, агроном по практике, именно в тот момент стал понимать природу, когда перестал ее изучать!

В один прекрасный, действительно самый прекрасный для меня день я пришел домой до крайности огорченный одним несчастием, сел к столу и с отчаяния, от того, что трудно было оставаться самому с собой, начал писать, и вдруг от этого мне стало очень хорошо. Разобрав, в чем тут дело, я понял, что хорошо мне стало, потому что в этом писании я сам живу, а в агрономии я выполняю обязанности. Тогда я решительно отбросил от себя изучение природы и агрономию и решил писать о том, что я больше всего люблю. С тех пор я изучаю только то, что я люблю, и об этом пишу, а также, конечно, иногда и о том, что мешает мне с успехом выполнять верное свое дело.

Теперь я понимаю этот опыт так, что научное изучение природы было несвойственно моей личности и таившийся во мне художник в тот прекрасный день разбил заключающую его скорлупу и вырвался на волю. Но Вы сами знаете, что у нас существуют методы изучения умом и никто еще не дал нам методов изучения «любовью» <*приписка:* (родственным вниманием, как я называю)>, как я называю это свое чувство <*приписка:* личной привязанности, такое сильное, что открывается мне во всяком существе его личность, и если это край, то люди края.

Какой же путь к изучению природы Вам посоветовать? Как партийный организатор, Вы, конечно, и педагог. И мне

кажется, Ваш путь изучения природы есть путь изучения природы личностей Ваших ребят: это и будет желанная Вами природа. Надо научиться понимать «природу» не как отдых от «истории», а как единство с историей <*приписка:* природа не безлична, надо открывать ее [лицо]>: в природе рождается талант, в истории он процветает. Природа в этом смысле, по-моему, везде, и в городе и в деревне.

Но допустим, что Вы не педагог, а краевед и Ваш вопрос будет такой: — Как изучить край, чтобы он показался нам в своем личном единстве, а не как механически составленный «свод законов» этого края. Надо, по-моему, и тут изучать элементы края «любовно», т. е. каждую деталь как деталь органически целого края, в который и сам изучающий входит своей собственной личностью.

<*Приписка:*> *Но как же взяться?*

Так вот и приходится мне ответить Вам только общими мыслями, что же касается практики, то я уже намекнул ее в моем вступлении. Как писатель я не могу рекомендовать ничего лучшего, как запись в дневник перемен, происходящих в природе, и вот именно как это делаю я: не показания термометра и [данные] записывать, а то, что сам видишь и замечаешь. А кто совсем не любит писать, то надо открыть в нем другие дарования и выражать движение в природе. <*Приписка:* Спорт — напр., охота. Коллекции — напр., осенние листья.>

1-й главный совет желающим воспитать в себе чувство природы — это вставать рано <*зачеркнуто:* и начинать свою жизнь, не дожидаясь, пока встанут все>, лучше на рассвете.

20 Августа. Два дня болел ангиной. Ак[адемик] Павлов сказал, что ему тяжело думать о том, сумеет ли он своим трудом возместить средства, истраченные правительством на его дело, и еще тяжелее знать, что об этом мало кто из его товарищей заботится.

Анекдот: Ак[адемик]. Павлов шел по улице и раз по старой привычке перекрестился. Комсомолец какой-то, посмотрев на старого человека, сказал: «какая темнота!»

Дневник. Если ты записал в свой дневник о чем-нибудь <*приписка:* напр., как это сделал я в 1914 г. накануне войны: о необыкновенной стрекотне кузнечиков во ржи>, то, с одной стороны, ты своей записью как бы присвоил явление, с другой, напротив, ты отдал себя, как я в 1914 году, отдал себя и теперь навсегда в стрекотнях кузнечиков, вспоминая, узнаю, каким я был накануне войны.

И так, если записывать в дневник, напр., о перемене в природе (фенология) постоянно, сделать это своей привычкой, то можно добиться в конце концов в себе самом чувства общего движения мира, и тогда всякая отмеченная мелочь — красный паучок на коре старой липы, синицы, запах гриба — будут говорить о движении жизни во всем мире. У меня есть книжечка «Родники Берендея», сделанная по записям перемен в природе и даже с объяснением, как я это делал. Таким образом «присваивать» внешний мир и отдавать ему себя самого для достижения чувства целого можно не только в отношении природы, но и людей, истории, в совокупности составляющих лицо края. В другой своей книжечке «Башмаки» я старался показать пригодность моего метода для краеведения, если оно хочет дать нам лицо края.

21 Августа. Один человек нашел золото и сам его выкопал, другой нашел только место золотоносных залежей и указал его. Если взять пример с первого человека и его методом копать, то ничего не найдешь: он все выкопал. А если копать, как указал второй, то для многих хватит полезной работы. Писатели разделяются на эти две категории: одному нельзя подражать, он все сделал сам. Другие являются вождями...

Замечательный дневник Альбанова дал мне возможность понять Робинзона как вождя: Альбанов, герои-летчики — все это вожди.

Ездили в Переславище к Егоровым (Александр Георг. и Влад. Ив.). Подумываю купить у них дом, чтобы иметь возможность жить в лесу. В Селкове гоняли белку: Бьюшка правила ряд, а белка неслась с дерева на дерево по сукам, как по дорожкам.

22 Августа. Ночью был ливень. Утром туман, и солнце светит в лесу, пробивая лучами туман. Так парно и парко (и влажно), что пар валит от коры дерева...

Можно подходить к природе с тем, чтобы законы открывать, но можно открывать и (беззакония) что случится единственный раз и больше уже никогда не повторится. В этом, прежде всего это — чем отличается один человек от другого и носит название «Я». Единственный раз это «Я» пришло в мир и больше никогда не придет. Но точно так же и день придет и уйдет: другого точно такого дня не повторится, и «пара» дней — это бессмыслица. И в тот момент, когда я беру перо и хочу отметить какой-нибудь день как личность неповторимую, я своей личностью соприкасаюсь с личностью дня. Если так постоянно записывать, то живые дни проходят не без вашего живого участия, и в этих днях проходящих вы узнаете себя и в себе самом находите единство со всем миром, в котором люди делают свою историю.

Писатель лучше всего учит своей повестью, а не рассуждением о том, как он ее делал. Правда, если я нашел золото, зачем я буду учить вас искать золото на этом месте, если я сам его выкопал всё и оно лежит перед вами: нагнись и возьми! Мне только сомнительно, всё ли я выкопал, и потому мне приходится на всякий случай указать, где я копал и как в этом месте надо копать, или, как вы говорите, «изучать природу».

23 Авг[уста]. Точно так же, как и вчера, и дождь ночью, и теплое утро — парко и парно, а почему-то пар не валит от коры деревьев и в лесу нет солнечных лучей сквозь туман, как вчера. Никогда не вернется уже больше такой день, но ничего, он не так прошел, я отметил его.

Я обошел сегодня княжеские места, с Ильиной дороги вышел на Александровский тракт. Тут старик из Дерюзина встретился. — А Санька, — спросил я, — все у вас председателем? — Вона! Саньку давно из колхоза выгнали. — Чем же он теперь занимается? — А по лесу ходит, как и ты, этим только и занимается. — От Черного моста я свернул вправо по берегу речки и, поблуждав, вышел на «загадочную» просеку, выходящую за 51/32 телеграфн. столбом против большого пня на Алекс. тракт. Убил рябчика, но главное, видел одну росинку-солнце, при малейшем отклонении головы менявшую свет: синий, голубой, оранжевый. Рассказать невозможно, как прекрасна была эта росинка-солнце. Я не мог удержаться и очень осторожно, не спуская с глазу, подкрался к ней и рассмотрел ее, приставшую к ворсинкам лепестка заячьей капусты.

У меня сегодня, как это бывает иногда у меня, без боли болела голова, и я только телом чувствовал, что очень хорошо, а глубже лучи радости жизни в меня не проникали.

Покупка домика Егоровых в Переславище очень занимает меня и со всех сторон, что-то вроде пустынножительства при содействии машины. В то же время при необходимости сужения расходов на жизнь это замечательный уголок для minimum'а расходов.

<На полях:> капля росы

Природа есть родина всех талантов, начиная от росинки-солнца, сверкающего всеми огнями, кончая талантами, переходящими в историю культуры. Там вечное движение всех существ на одном пути... Бывает, ступил на этот путь, кинешь взгляд, и вдруг тебя по сердцу как бы холодной мертвой рукой провели. Это значит, глаз твой попал на что-нибудь отстающее в природе или, может быть, на предмет, напоминающий тебе твой давно пройденный путь.

Так сегодня я заметил — это был отпечаток босой ноги человека, а я когда-то описал дорогу с отпечатками лап лисиц, зайцев, волков и босых человеческих ног. Вот теперь отпечаток ноги и говорит мне: это я, та самая нога,

которую ты описал в далекой юности, я теперь для тебя, нашего художника, мертвая нога, но ты устал, тебе тяжело открывать новое и так двигаться со всем вперед, и ты хватаешься за мертвое <*приписка:* и мы [мертвые] тебя хватаем живого>.

В этом непременном отталкивании от себя всем пройденным таится некоторая жестокость моя ко всему отстающему, а вместе с тем эта же самая жестокость толкает меня все вперед, подгоняет, нашептывает: «отстанешь — и с тобою другой поступит тоже сурово: смерть ловит таких». Чувствую, что есть более глубокое, более человеческое понимание природы, чем мое, но все-таки мое понимание является ступенью к высшему, и я должен расходовать себя в борьбе за эту ступень, чтобы не дать вымереть творчеству жизни на стройках в городе и в лабораториях: творчество должно быть органически цельным от низа природы до верха истории, путь наш, всех живущих на земле, един.

Секрет долгого влияния на умы большого худож. произведения состоит в том, что художник в нем современный человек и в то же время это современное, всеми чувствуемое начало возводит к вечности.

27 Августа. Прошла половина четвертых суток непрерывного дождя, и барометр все не хочет двигаться вверх.

За это время дождя кончил текст к «пушному» номеру («Звери тайги» или «Тайга»), написал в «Краеведение», набил 100 шт. дупелиных патрон и 60 утиных.

Поставлен вопрос о покупке охотничьего домика в Переславищах (совершенное уединение).

Разумник Васильевич Иванов страдает, в конце концов, как неудавшийся претендент на престол. Очень трудно ведь и зализать такую рану. В этом случае нужна «милость».

Слышал от Пети, будто Союзпушнину «раскассировали». Так, наверно, скоро будет и с Лесной промышленнос-

тью, потому что и лес и зверь для учреждений существуют только чтобы их ободрать и сплавить.

Если дождь сегодня прекратится, то 30—31-го можно бы поехать в Заболотье недели на две с тем, чтобы сговориться о доме, поохотиться на уток, обойти кругом дачу, побывать на лесопункте.

Разбираясь в поэтических произведениях, критик ищет в обществе того времени и психике автора их современности, или момента, который именно и «вызвал» на свет соответствующее произведение. Что же касается образов, то они, конечно, всегда состоят на службе, и их надо судить как служащих.

Современный человек — это не тот, кто действует (активист), но кто действует и при том доводит до своего сознания больше других мотивы своего действия. Кажется, одно противоречит другому: человек, чтобы довести до своего сознания мотивы действия, как будто должен иметь некоторое время, свободу от действия.

28 Августа. Вчера, 4-е сутки дождя непрерывного часами, был перерыв, и мы им воспользовались, чтобы побывать на Ясниковских болотах. Осмотрели их все, нашли одного дупеля и двух бекасов, которых и взяли. Отсутствие бекасов объясняем изобилием влаги на болотах.

Снилось мне, что я будто бы и с Ефр. Павл. и Петей сняли комнату внутри квартиры, где живет и *она*. И мне очень хорошо, потому что я не такой, как был тогда, беспомощный, а сильный, известный всем, славный... ее отец — среднее между Рязановским и Этингером: болтун; сестра почему-то Надежда Васильевна Розанова. Она живет как бы невидимо, и мне предстоит встреча, только встреча и больше ничего, потому что вся жизнь отдана этой встрече.

Давно я не видал таких снов — откликов моей личности на встречу с ней почти 40 лет тому назад: ведь сорок лет из года в год непременно снилась. После этого разве я не поэт? А фацелия с пчелами и рыдающий агроном Зуб-

рилин? (слова его: — И ведь больше никогда, никогда не придет!)

Неведомый друг! Как глубоко он скрывается, как невозможно трудна наша встреча! Писать именно и надо об этом...

В этом весь поэт, и отзвук в других именно то, что вдруг вскрылось в агрономе З.: писать о том, что люди скрывают (и должны скрывать), таят... некоторые вещи все-таки людям нельзя открывать: вот почему непременно писатель должен быть хозяином своего таланта.

Письмо Новикову: <*Приписка:* Только не поймите меня неверно, что я как бы против научной системы — и т. п.> Я вовсе не хочу Вас отвлечь от того краеведения, которое открывает нам естественное золото, каменный уголь, руды и т. п. Я только хочу сказать, что все эти богатства еще не составляют лицо края или ландшафт, который может открыть только краевед-художник. И второе хочу я сказать, что <*приписка:* неоткрытые руды просто лежат и никому не мешают, а несознаваемые> таланты людей, скрытые в людях, обыкновенно мешают им жить, отвлекая от ясных целей в неясность и даже беспутство. Между тем эти таланты, если овладеть ими и сделаться их хозяевами, представляют из себя сокровища более ценные, чем залежи руд в земле. Я один из тех, кто овладел в значительной степени своим талантом и тем самым открыл возможность открывать это другим. Ваше письмо служит мне доказательством, и Вы можете себе теперь представить, как я ему рад. <*Приписка:* Тут предвижу возражение уже со стороны некоторых друзей, которые упрекнут меня в том, что я, отдавая свой метод в общее пользование, тем самым обрекаю таланты на такую же заготовку, как лес. Но это неверно: таланты будут счастьем, если их будут эксплуатировать. К сожалению, уверенность в этом постоянно колеблется во мне, как в ребенке, который то смеется, то плачет.>

<*На полях:*> *талант ищет эксплуататора*
о языке
как ответ Бострему

Лада.

Есть поверье у старых охотников, — что будто бы настоящая <*зачеркнуто:* вполне удовлетворяющая его> собака у каждого охотника в жизни бывает одна. Да, конечно, если я вспомню своих всех собак, то среди них всех одна будет лучшая, и я назову ее, это была у меня немецкая [легавая] Кента, а среди гонцов старо-русская гончая Соловей.

Однако если бы не было у меня ни Кенты, ни Соловья, то я назвал бы следующих по качеству собак, и те тогда в свою очередь были бы тоже единственными. А еще ведь важно и то, что сам переживаешь с такой-то собакой: единственное в своем роде переживание и делает участницу его любимейшей и единственной собакой. Такой была у меня Кента, и через нее я считал курцхаров единственной подходящей к нашим русским условиям породой собак.

После Кенты у меня оставались Нерль и Дубец, которые одна за другой погибли от неизвестной болезни, а скорее всего от яду, подброшенного в мой сад одним негодяем. Это случилось весной, и так на лето я оставался без легавой собаки. Что делать? Я обратился к М. Д. Менделеевой, известной охотнице (дочери знаменитого химика), культивирующей у нас в СССР породу курцхаров. Она мне ответила, что ее сука Ласка теперь пустовку свою прогуляла, потому что не с кем было вязать: в Москве у нас все немцы ведут свой род от Чебыкина и что Ласка тоже этой же крови, а щенки теперь носят явные следы вырождения. «Вывозных производителей у нас больше нет, — писала Менделеева, — немецкие легавые наши выродились, советую переходить на пойнтера».

После того я пошел на бывшую в то время собачью биржу <*приписка:* (в 1931 году)> при кооперативе «Московский охотник», встретил там охотника Иванова, служащего где-то в бухгалтерии. Узнав о моей беде, Иванов спросил меня: — А как вы относитесь к <*зачеркнуто:* собакам до двух лет> двухпольным собакам, еще не натасканным? — Для натаски, — ответил я, — если собаку не портили, — это не имеет никакого значения, ведь моей

Кенте было уже два поля, когда я взял ее в натаску. — Узнав такое мое отношение к перезрелым собакам, Иванов мне предложил немецкую легавую от тех же московских производителей, как и Кента. Эта собака находится в деревне, у его брата, не охотника, старого больного человека, собака на цепи сидит, всегда голодная, брат очень рад будет от нее освободиться. А деньги за нее смотря по тому, как собака пойдет и сколько захочется дать, если же собака не пойдет, то ничего не надо, но и собаку уже больше не возвращать. Что может быть лучше таких условий.

Я послал за собакой, и мне привезли из деревни в Москву кобеля, двух полей, вполне породистого и по экстерьеру совершенно моя любимица Кента. Но только в жизни своей я не видал таких исхудалых собак, кожа да кости в полном смысле этих слов, мешок, набитый костями. Кличка кобеля, Арож, мне очень не понравилась, и, согласно худому виду собаки, я тут же переименовал ее в Кащея, и это название, как вскоре оказалось, близко подошло и к внутренним свойствам собаки. Хозяин с посланным передал мне только одно об особенностях этого Кащея: мать его, отличная охотничья собака, была приучена охранять вещи, положенные хозяином, и Арож к этому имеет склонность, хотя никто с ним этим не занимался. — А просится? — спросил я. — Об этом ничего мне не сказали, — ответил посланный, — но едва ли: просили передать, что ничему не учили, сидел на цепи и только по природе охраняет все, что лежит около него.

В то время я жил в Москве в доме за Бутырской заставой на четвертом этаже. Вопрос о том, просится ли собака, был в этих условиях для меня немаловажный вопрос. На всякий случай я расстелил какое-то тряпье на полу возле радиатора, уложил на него Кащея и привязал конец его цепочки, колечко за оконный шпингалет. Конечно, я хорошо накормил голодную собаку, много ласкал, повторял кличку «Кащей» и даже «Кащеюшка». Через несколько часов, когда переварилась пища, Кащей не только не стал проситься, но даже, когда я хотел убрать из-под него загаженную тряпку с колбаской, он яростно бросился на меня и успел укусить за плечо. После многих неудач-

ных попыток моих, уговаривая, с лаской подойти к нему, я вспомнил одновременно и привел в связь и слова хозяина о матери собаки, что она охраняла вещи, положенные хозяином, и что немецкие легавые у нас вырождаются. Так я это сочетал и вывел: культурная мать, по родословной родная сестра моей Кенты, приучена была охранять вещи, положенные ее хозяином, а вырождающийся некультурный сын ее усвоил от матери по крови ее навык, охраняет не то, что ему положили, а что сам положил. Сообразив это, я отправился в мясную лавку, купил кость и положил ее подальше от радиатора. Кащей завидел кость, принялся ее грызть, а я в это время вытащил тряпку, вынес, подтер и опять подстелил. Когда Кащей справился с костью и убедился, что на подстилке ничего не было, он приветливо повилял обрубком своего хвоста и опять позволил мне себя <*зачеркнуто:* гладить> и разговаривать и гладить. Узнав этот порок, я стал пользоваться профилактическими мерами, выводил гулять и на прогулке, посвистывая, добивался своего. Очень скоро прогулки эти вошли в привычку, и Кащей до того привык ко мне, что я не стал его в комнате держать на цепочке. С удовольствием я скоро убедился, что он умный и мои желания понимает. Так вот я приучил его очень скоро не трогать пищу без моего разрешения. Но вот однажды на ужин купил я ветчину, и, когда принес, захотелось мне огурца. Я положил ветчину на стол, Кащей, почуяв ее, лег возле стола. Возвратившись через несколько минут с огурцом, я только взялся за дверь, как вдруг с ужасным рыком Кащей ринулся на меня. Я едва-едва успел захлопнуть дверь и, стоя в коридоре, стал уговаривать Кащея очень ласково. Напрасно! Он охранял верно порученную ему ветчину и не пускал меня. Что было делать? Встревоженные ужасным рыком жильцы квартиры собрались все к моей комнате и, поняв, что собственная собака, охраняя ветчину, не пускает хозяина, принялись хохотать. В этом безвыходном положении мне вдруг пришла в голову одна мысль. Я спустился вниз, купил немного ветчины точно такой, как моя, вернулся и чуть приоткрыл дверь. Кащей с остервенением бросился, но в щелку я просунул ветчину, и он

сразу успокоился: ведь это же ветчина та самая, которую он охраняет, так он опять соединился с хозяином и ему остается покориться. Дав ему съесть небольшой кусочек, я открыл дверь и в коридоре уложил охранять его всю новокупленную ветчину, сам же вошел в комнату, взял в руки прежнюю ветчину и ею переманил Кащея сюда. После того, задержав Кащея в комнате, я вышел в коридор, соединил со второй ветчиной и смело вошел в свою комнату. Трудно было мне приспособляться, но что не перенесешь, и, рассчитывая в лице Кащея вернуть себе Кенту, я готов был переносить что угодно.

Когда пришло время, я выпросил себе разрешение в МВО — натаскивать собаку у них в хозяйстве — и поехал в Завидово. При первой ошибке Кащея в лесу я только легонько тронул его плеткой, как вдруг он прыгнул на меня и укусил меня в ногу. Но я к этому приспособился. Вместо наказания плеткой я стал привязывать его к дереву и уходить: он выл и стонал, а я, выждав где-нибудь за кустом, возвращался и продолжал натаску. Вскоре я убедился, что у Кащея нет совершенно чутья, и стал думать, как мне от него освободиться. Застрелить — предложили мне егеря всем обществом, но среди мучений своих я успел как-то сжиться с мрачной душой Кащея, переносившего, очевидно, сидя на цепи, и голод, и всякие обиды от мальчишек. Не хотелось мне быть последним звеном в цепи несправедливостей, перенесенных несчастной собакой.

29 Августа. Петя в Москву, в 7.49 приедет. Завтра, если сегодня не будет дождя и достанем усиленный баллон, выедем в Заболотье покупать дом.

Стыдно смотреть в лицо человека, когда он орехи грызет, но зато какая прелесть, какой ум, перебегающий блеск и живость в черных овальных глазах белочки, когда, сидя на задних лапках, она держит в ручках орех и сосредоточенно его прогрызает.

Сапожник Иван Ксенофонт. Иванов, Рабочая ул., д. 17, собственный дом.

<На полях:> очерк — Горький

30 Августа. Дожди пошли не сплошные. Барометр медленно повышается. Завтра надеюсь выехать в Заболотье. Сегодня послать 1) деньги Разумнику; 2) послать долг 125 = 325 + 500 р. себе = взять из кассы 825 = 800 р. Послать складных кроватей. Заехать к Сычову. Вымыть машину. — Зарядить фото и взять все объективы.

Слава пересилила и доехала [до] живого Горького. Слава, всегда молодая и страстная, часто любит пошутить над стариками: <*зачеркнуто:* так прославит>

Очерк и поэма — это все равно что фото и живопись (зверей может давать только фото).

Никакие рассудительные убеждения не убедят, если под ними нет исходного чувства, вот почему, когда меня убеждают словами, я ищу понимания в чувстве, и если нет его, я отказываюсь принять убеждение как чужое. Так было у меня с евангельским «любите врагов»... (Понял, когда увидел дачников в Берендеевом царстве.)

31 Августа. 1-й определенно прекрасный день. Сильная роса. Очень прохладно. Слегка желтеет листва на березах, изредка ярко-желтое дерево. Табунки ласточек на проволоках.

До Петрушина ехали хорошо, но тут сели на дифференциал и долго выкапывали. И еще раза два сели, и раз в самом Переславище. Сколько прекрасных машин мучат. Выехали в 7 у., приехали в 11 д.

Вечером проверяли тетеревов. Лада после болотной охоты в лесу невозможна (построить на этом рассказ «Последний из Чебыкиных»: курцхары и пойнтеры). Попов рог. Белка в ольшанике. <Трестница *испр. на:* Треста>: много журавлей, постоишь — видно грудь, шея, еще постоишь — скроется, услыхали нас и снялись. Кряквы перелетают и тут же садятся: с места на место; слышно, чвякают селезни, самки орут, щелкают носами. Я стою за копной на болоте, буквально кочки и копны ржи, и нога на ржанище до колена тонет, как и на болоте. Кстати, говорят, начали распахивать и знаменитые «пали», описанные в «Жур. родине», т. е. делать именно то, что я указывал.

Днем, перебегая за собакой, согрелся, вечер, очень прохладный, стоял на болоте и, отбиваясь пучком колосьев ржи, старался греться...

1 Сентября. Еще один светлый росисто-прекрасный день. Утром беседовал с хозяином Влад. Ив. Егоровым об учительском деле. Хотим созвать районное совещание учителей (100 человек, из них 20 вполне надежных), и я сделаю доклад о краеведении. Такого рода деятельность — естественное продолжение «Жур. родины» и новое свидетельство за удивительную цельность натуры Курымушки (читаю «Кащееву цепь» для нового издания: десять лет не читал).

В 10 у. пошел с Ладой по тетеревам, самому жарко, а ноги в поршнях, погружаясь, стыли. Лада скверно работала, я безмерно раздражался и домой вернулся больным.

Вечером меня трепала лихорадка: я заболел.

<*На полях:*> *Комарики — не для меня,* <*зачеркнуто: но и я*> *вернее, с точки зрения комариков, ты не для нас: ты прошел, мы для другого танцуем.*

2 Сент[ября]. Лежу в жару. Пробуем добыть доктора Халуева из Пустого Рождества (там же Вонятино, Трестница). Но вдруг оказалось, наш аккумулятор разбился и за двое суток разрядился совсем. Шофер Иван Степанович (узнать его адрес в Загорске) взял его на «переборку». Так я и остался без доктора. Даже Ефр. Павл. <*зачеркнуто:* признала> склонна признать болезнь настоящей. А тут умер Барбюс от воспаления легких. Могу умереть и, конечно, не хочется, но сказать, что очень мне это страшно... нет! не очень как-то: придется же когда-нибудь умирать, а между тем, кажется, я по своим способностям достаточно сделал, таланта не зарыл.

3 Сент[ября]. Температура не увеличивается, я к ней привык, читаю, хожу немного по комнате: еще поживем!

Мне лучше, опасность прошла. Вечером в косых лучах солнца комарики мак толкли: это дивное зрелище, но я еще

слаб и еще смотрю как чужой, не для меня играют комарики, для другого, но это ничего: пусть и другой поживет.

Вечером Петя пришел с утиной охоты, говорит, что утки при свете вовсе не летели, а когда стемнело, разом везде зашлепали. Это значит, должна быть какая-то перемена в погоде. Ночью нас разбудили сильнейшие удары грома. Петя проснулся и говорит: — Утки-то, а? — Как это они могли узнать, — отв. я. — Вероятно, чувствуют перемену в давлении.

Прочитал 1-ю Книгу «Кащеевой цепи»: очень упрямая книга, строго личная и в то же время эпическая: какой-то лирический эпос и попытка отстоять романтизм в марксизме. Местами несколько перегружена излишней отделкой деталей: читатель должен от этого уставать, а рядовой читатель бросить книгу. Но это ничего: книга эта, как хорошо засоленное мясо, изготовлена впрок, не сразу взрывом захватит всеобщее внимание, но постепенно годами от лучшего читателя к лучшему и соберет в длинном времени лучших не меньше числом, чем другая, сразу удачная и ходкая: в короткое время займет всех, а потом и забудется.

Надеюсь, 2-я книга [сможет] найти бóльшую стройность композиции и потому более легкую [читаемость]. А «Журавлиная родина» [станет] философским венцом этой вещи, и можно надеяться, что в этом венце «Кащеева цепь» наконец-то откроет свой смысл, о котором еще никто ничего не сказал. И если «Колобок» только за 30 лет утвердился, то «Кащеева цепь», наверно, сократит этот путь, хотя бы лет на 10 (десять уже прошло).

<На полях:>

Спас-Закубежье
Шавыкино
Невид. град
В Шавыкине: кочка
Предс. сельсовета Мореева
Заболот. приход
о. Симеон
Кистеневка
Егор Вас. Савин
Углицкий тракт

В. И. Егоров рассказал, что Заболотье раньше называлось Дубровское, именем владельца его Дубровского, который, по народным сказаниям, ушел в разбойники, потом был пойман и казнен. Разбойник этот в народе пользуется доброй славой, так будто бы когда мертвому ему дали в руку свечку и она сгорела, то палец покойника горел, как свеча. Село Заболотье в метрич. книгах значится как Покровское. В Скорынине старик Егор Васил. Савин, как раньше многие, сказывает о Дубровском былину: как сожжена была Кистеневка и проч. Не эта ли былина легла в основу «Дубровского»? В Заболотье в церкви сейчас будто бы есть Евангелие — дар Троекурова (о. Симеон).

Шавыкино — остров в болоте, на нем часовня, теперь сожжена. Начинал жить Сергий Радонежский, — не понравилось, после него монастырь, сжег Сапега. На сучке возле часовни икона Божьей Матери, ее взяли в Спас-Закубежье, но вернулась, наконец с крестн. ходом взяли и обещались ежегодно носить в Шавыкино. И так до последнего времени существ. крестный ход. Если ухо к болотной кочке приложить, то — кто праведный — слышит звон колоколов (того монастыря).

Зайцев — корявый мужичонка, пьяница, ни в чох ни в сон не верит, но всякое начальство, какой бы оно ни было высоты, для него ничем не отличается от обыкновенных людей, и он, говорят, с самим Лениным обращался на «ты». Кто бы ни приехал из таких больших начальников, непременно посылает машину за Зайцевым. Явится он, ему предлагают вина. Ни-ни! А когда сработает: высокое лицо в полной мере насладилось охотой, тут-то вот и он в полной мере удовлетворяет себя, и его в мертвенном состоянии выносят на машину и увозят домой. Многие самые почтенные люди и тоже отличные охотники отлично бы послужили начальству, но поди вот рассуди: этого пьяного матершинника все охотники, начиная, кажется, от самого Ленина, предпочитали почтеннейшим людям. И вот в один их тех наших советских годов, когда еще и Ленин охотился, случилось, по тогдашнему времени самый большой после Ленина человек забыл у Зайцева свой ре-

вольвер и прислал потом за ним своего человека. Зайцев протурил от себя этого человека и велел передать начальнику: револьвер никому не доверит и доставит сам лично. В ту же пору снаряжается, напивается мертвенно и в таком виде едет в Москву по железной дороге. Вскоре охрана обращает на него внимание и уводит пьяного. Но он там никого слушать не хочет, ведет себя до крайности вызывающе и отвечает, что везет начальнику револьвер и никому не позволит его от себя взять. Такие слова пьяного человека охранникам показались необычными, и на всякий случай они спросили там по телефону. — Немедленно высылается машина, — ответили оттуда. И вскоре действительно пришла машина, и охрана Зайцеву помогла выйти, и Зайцев их с высоты своей благодарил своим обыкновенным зайцевским словом.

5 Сент[ября]. Шофер Лебедев Иван Степанович.

Темп. нормальная, только сам еще непрочен и слаб. Петю с Ив. Степан. (шофер) отправляю в Загорск и Москву. Дела: 1) Дела с «СССР на Ст[ройке]». 2) По экземп. всех книг (и «Зап. охот.» прежние). 3) Спрыск захватить. 4) Аккумулятор. 5) С Левой о журнале. 6) Деньги.

Выздоровел. Гулял, но очень слаб. Прочитал вторую книгу «Кащеевой цепи». Из 256 стр. ее 115 написаны в полном единстве действия ничем не хуже «Жень-Шеня», но дальше картины сшиты, хотя и гораздо искуснее, чем в первой части. Новостью для меня было увидеть, что весь «Жень-Шень» содержится в этой книге. Моя личная жизнь в своей сокровенной сущности представлена здесь до того обнаженно, что обычно присущая мне ясность зрения на вещь со стороны утрачивается. Мне кажется, что со стороны могут пожалеть Ину Ростовцеву, обыкновенную девушку, возведенную женихом в недоступную Прекрасную Даму. И в этом, и в некоторых поступках Алпатова не хватает той законченности анализа, после которой наступает ясное понимание у читателя неизбежности случившегося и необходимости его изображения. Мелькнет иногда, не в том ли дело, не в том ли смысл вещи и цель автора, что-

бы представить нам в жизни две правды, большую и коротенькую; причем в Германии между правдами существует некоторая гармония: благодаря этому малая правда роскошно и прочно устраивает повседневную жизнь людей; а в Петербурге обе правды враждебно распадаются, и человек становится двойным: на службе один, дома другой. Ина является как бы душой этого смертельного <*приписка:* распада> для всякого цельного действия раздвоения. Алпатов, предназначенный автором к цельному героическому действию (разбить Кащееву цепь), при встрече с Иной как бы распадается и готов уже окончательно исчезнуть под поездом, но уцелевшие в нем капли здоровой крови матери спасают его. Покончив с Иной навсегда, он тем самым кончает с тем раздвоением, которое было во всей стране: Петербург и <*зачеркнуто:* «природа»> народ. Алпатов уходит в ту первично творческую среду, <*зачеркнуто:* в которой рождаются таланты> которая называется природой, и от одного только соприкосновения с ней возрождается.

Есть и в первой книге и во второй незн[ачительная] фигура: это художник, который с коврижкой черного хлеба ушел в Германию... В поворотный момент жизни Алпатова художник этот, управляющий в мире переменой цветов, появляется и заявляет о назначении художника: так украсить землю, чтобы неизбежно страдающий человек забыл тяжесть своего креста... Противопоставлен Ефиму (крест революц.).

<u>Послесловие</u>

(через 10 лет).

Уличная фамилия Пришвиных в Ельце была Алпатовы, и в себе [я] это так разделил: Пришвин — это я как автор, а как человек я — Алпатов. И в этом романе я, писатель Пришвин, старался изобразить Алпатова, значит, себя же, но не как писателя, а как человека. Прошло десять лет, как я — Пришвин написал этот роман об Алпатове, и вот через десять лет я как человек, как Алпатов <*приписка:* (уличная кличка в Ельце Пришвиных — Алпатовы)> хочу написать, <*приписка:* хорошо ли> верно ли написал

писатель Пришвин обо мне как человеке... Есть один документ...

6 Сент[ября]. Утром еще был слаб, ружье в руках было нетвердо, промазал дважды по тетеревам, раз по вальдшнепу и раз даже по коростелю. Вечером окреп и убил двух петухов.

Читаю «Журавлиную родину» и думаю, что она превосходно завершит «Кащееву цепь».

«Лучше всех на свете Аннушка», —
Говорила ее мать и бабушка.

Молодец кует,
А лягушка ногу дерет:
«И мне давай немецкую
подкову».

7 Сентября. Солнце за облачной дымкой, а напротив, на северной стороне, нежнейшая бирюза с прозрачными разноцветными облачками. Это прекрасное, разнообразное небо можно с наслаждением долго разглядывать, а когда наполнишься и опустишь глаза, то на земле внизу внимание открывает мелочи, столь выразительные, что начинаешь понимать, чем сильна земля...

Прошел Селковские пали и просеки, принес глухаря и косача, убитых № 6 из мал. ружья.

В колхозах люди брошены на лен (экспорт), а рожь не убрана (дела!).

В Переслав. раньше жили красильщики, в Москве работали, здесь пировали. Они открыли семьям своим путь в Москву, и более сильные уезжали, а здесь отсевался отброс. Кончилось тем, что остались старухи и пьяницы, бездельники. Эти пьяницы забрали в руки старух: сами пьют, а старухи работают. Это заключение прошлого, в котором мужья-москвичи эксплуатировали свои семьи для своего удовольствия: работали бабы...

Думал о теле Чичикова, Савинского, Кронгауза и того марксиста, который всплыл прямо вслед революции: я видел такого «комиссара» с телом, когда еще в Питере, в Гор. Думе кипятился Шингарев: государственное тело, клеточка-ячейка госуд. тела...

Когда у меня довольно собрано материалов, чтобы написать что-нибудь, я не пишу, а дожидаюсь чего-то. И действительно, по мере того как материал отдаляется, вокруг него образуется как бы своя волшебная атмосфера, и все лучше и лучше. А писать все не хочется. Начинается тревога — как бы материал в этой приятной дымке совсем не ушел. И мало-помалу он правда уходит, пока наконец [не] является вопрос: да и было ли что-нибудь? Вот тогда, пересмотрев записанное, открываешь в нем горючее и сам загораешься. Это значит овладеть своим материалом. Впрочем, может и так все пройти. И вот именно эта опасность и создает чудеса поэзии, а то что бы это было, если бы можно было безошибочно все делать из всего. В таком критическом состоянии находится у меня «Лес».

Начиная с Верхн. Тоймы перечитать с Петей дневник: ближайшая задача.

7 Сентября. Солнце еще глубже сидит в облаках, и весь день углубленней вчерашнего: тишина полнейшая, и все время в лесу пахнет <*зачеркнуто:* яблоками> медовыми пряниками.

Ходил в Скорынино болотами, уставая, садился в стога и погружался в сладкий отдых, не отмечая ничего нового в этом столь знакомом пейзаже.

Узнал, что муравьи уничтожают клопов и если принести из лесу муравьев и приучить сахаром, то клопов не будет в доме.

На Ивана Постного по чудесному совпадению прилетают искушать постников дупеля, самая жирная птица. Так много в них жиру, что, падая, часто они лопаются и в сумке растекаются. Дупеля появляются всегда неизменно, как белые грибы, на тех же самых местах. Консерватизм их так велик и так они жирны, что птичьего охотник в них вовсе ничего не чувствует и собирает их как грибы.

В Скорынине дедушка Егор Савин должен был мне рассказать о Дубровском...

Обрывки былины о Дубровском, как после грозы последняя ватка поднебесная, клочками бродят в темном

сознании людей, обитающих в этом заболоченном краю. Все знают, что был здесь некогда граф Дубровский, не то праведный разбойник, не то по ложному доносу казненный помещик. — Зарастай же, все мои озера, все плеса! — были его последние слова. Все забыто: при каком царе, по какой вине и в чем дело, но это проклятие: «Зарастай же!» — все помнят. Указывают на совпадение имен: что храм в Заболотье посвящен Покрову и раньше село называлось, как у Пушкина в «Дубровском», Покровское, что некогда была на берегу нынешнего болота «Трестница» дер. Кистеневка и полосы ее, уходящие в болото, и посейчас видны, что будто бы на Евангелии, сохраняющемся в церкви села Заболотья, написано: «дар Троекурова». Обо всем этом и, возможно, даже самую былину должен был сказать Егор Савин, из Скорынина, старик за 90 лет, но свежий.

Нашел я старика, а он уперся: как он может знать, если не при нем это было, не при отцах, дедах и прадедах... Как я ни бился, старик затвердил одно это и на все мои вопросы повторяет, что не может ничего помнить. — Но был же граф Дубровский? — спросил я. — <*Зачеркнуто:* Был-то был> Был ли, не был — как я могу знать, — ответил старик. — И что же, был он казнен? — спросил я. — Как я это могу знать? — А как же, я слышал, говорят:

— Зарастай вы, мои плеса!

— Родные плеса! — отозвался старик.

— Зарастайте вы, мои родные плеса, — продолжал я.

— Зарастайте, озера и ручейки!

— Живые ручейки! — отозвался старик.

Сочиняя дальше былину, сказал я: — Зарастай, живые ручейки.

— На родном веселом моем месте

— Пусть останется глухое болото.

<*Зачеркнуто:* Я смолк.> А старик вздохнул и тихонько прошептал:

— Сказала голова.

— Отрубленная? — догадался я.

— Графа Дубровского голова.

— Праведника?

— Ну да: свечку дали в руку покойному, сгорела, и пальчик стал гореть, как свеча. Ну да ладно, а ты вот скажи про себя, зачем ты тут ходишь, от кого прислан?

Больше я ничего не мог добиться у старика о Дубровском.

9 Сентября. Петя пропал. Начинается тревога, если 10-го не приедет, 11-го поеду в Загорск. Хорошая охота по тетеревам. Подумываем купить дом Сафоновых: большой вопрос: тянет уединение, с другой стороны, все это пройденный путь и большой вопрос, способен ли я жить в настоящем уединении (разве только смотреть как на охот[ничью] дачу).

Начал «Войну и Мир». Как неестественны вначале Андр. Болконский и Пьер и как скоро привыкаешь, вовлекаешься и кажется, так это и надо. В рассказе главное — это особый, свойственный только художникам порядок раскрытия мысли. И главный признак бездарности и непонимания — это логический порядок. Именно вот и трудно это, и надо, и редко выходит, чтобы мысль раскрывалась не логически, а как бы волшебно: так, бывает, заблудишься в лесу, и те же самые знакомые полянки, перелески, деревья представляются невиданными. Сила толстовского рассказа и заключается в необычайном порядке раскрытия мысли. А еще важно в рассказе освещение, начальная широта сходящихся на предмете лучей: от Рамзеса до Ленина, как сказано в «Жур. Родине».

2-я часть «Кащ. Ц.» и в особенности «Ж. Род.» меня самого удивляют густотой и смелостью мысли, в особенности если принять во внимание то время.

«Кащееву цепь» осудить могла бы как паразитную романтику только одна Ина Ростовцева: если только можно понять женскую эмансипацию как этап борьбы за святое зачатие, непорочность которого не в самоотрицании, как у христиан, а в восстановлении святости. (Очень близок к этому спор супругов Бострем: «Ты, конечно, интуит»). Словом, то колебание Ины, которое Алпатову кажется позорным, недопустимым раздвоением личности «институтки».

11 Сентября. Иван Постный.

Далеко до света зашумел дождь и, когда стало светать, еще усилился. Я и самовар поставил, и оделся, и чаю напился, а он все шел. И так было мне покойно, как будто за все, что не ладно, теперь уже не я, а дождь отвечал. Вышел на крыльцо и прогнал под дождь Ладу. Дождь теплый, и на горизонте уже показываются голубые просветы и кремовые полосы. Курица повела цыплят. Хозяйка вышла с ведром и отливает из кадки телятам капельной воды. — Хорошо! — сказал ей я, — а мои-то все спят. — Пусть спят, — твердо сказала хозяйка, — за вашей спиной хорошо и поспать, вон цыплятки мои есть захотели и отправляются.

Хорошо! Я почему-то думаю о счастливом неграмотном, которого внезапно «ликвидировали» и он теперь может написать все что хочется. И так стоит он под капелью в живительном сознании своего всемогущества, приходит к столу, берет перо, лист бумаги, разгоряченный наклоняется и пишет:

— В первых строках моего письма кланяюсь

— Еще кланяюсь

И еще кланяюсь

И еще, и еще, и еще...

Итак, работа моя «Женщина» (сокровенная Ина Ростовцева): как спасти тот свой романтизм? (30 лет верности чувству); только тем, что я понимаю его как стремление создать новый (желанный) мир или как перспективу: поверх действительности чувство предвосхищает будущее. Бостремы, Блоки как хлысты. (заворошка: конец интеллигенции, и на фоне <*1 нрзб.*> роман. Среди <*1 нрзб.*> Розанов, который «открывает» сверх своего сознания, отдает «тайны» семьи и рода.)

Подойти к этому так: обработка дневников моих: правильная методическая работа, а нить в голове: женщина будущего...

12 Сентября. Не решились вчера податься к дупелиным местам: боимся за машину, грязно.

В «Наши Достижения». На Ваше письмо от ... с. г. относительно моих материалов о лесе сообщаю Вам, что предоставить Вам описание своего путешествия по р. Пинеге для меня затруднительно по след. причинам.

Во-первых, наблюдения мои над эксплуатацией леса на севере привели меня к убеждению, что в лесной промышленности дело у нас обстоит до последней степени плохо, что от честного писателя требуется <*приписка:* или> мужество открыто высказаться о недостатках, <*приписка:* или, если это почему-либо нельзя, <*зачеркнуто:* лучше пром[олчать]>> но никак не о «достижениях», которым посвящен Ваш журнал.

Во-вторых, весною этого года редакция «Наши достижения» пригласила меня организовать лесной номер, и я согласился на это одновременно с предложением «СССР на стройке» организовать номер пушной. В дальнейшем, однако, это устное приглашение не подтвердилось ничем, и, как я узнал, моя кандидатура была замещена другим лицом. <*Приписка:* Такого рода колеблющееся отношение не вызывает у меня охоты работать в Вашем журнале.> В настоящее время уже сдан в печать организованный мной пушной номер «СССР на стройке». Представьте же себе, как бы я ответил редакции журнала «СССР», если бы она, не уведомив меня о моем смещении как редактора, предложила бы мне дать фотографии или рассказ.

13 Сентября. После целого дня дождя (хорошо, выбрались из Переславища вчера!) вчера вечером взошел чистый полный месяц, ровно просветил всю ночь и к утру подготовил мороз. Солнце взошло в 6 у. на половине нашего пути в Константиново. Все было в Ясниковских болотах как и прошлый год: те же кочки в солнечный день давали восхитительные тени по белому морозу, и потом осока у речки была то зеленая — где обтаяло, то белая — где сохранился мороз, а след наш по этой осенней пороше далеко оставался зеленой дорогой. Но не только дупелей, а и бекасов вовсе не было: обойдя все болота, нашли одного гаршнепа и одного очень [странного] бекаса. Причина, думаем, очень водливая осень; наоборот, прошлый год

было чрезвычайно сухо и дупелей было необычайно много. Но все-таки чтобы и бекасов вовсе не было — это так же исключительно, как исключительно водливая осень в этом году.

<*На полях:*> *Настало время, когда роска с утра до вечера остается и блестит в пазухе листика травы.*

Время было, когда от самовара в комнате потеет холодное стекло, когда по утрам по легкому морозцу бормочет тетерев, болотные кочки в солнечное утро дают восхитительные тени по бело-морозным холстам и роска, с утра после мороза, остается и сверкает весь день в пазухе листика.

Время было, когда утренняя роска в пазухе листика перестает высыхать и весь день сверкает оттуда...

На обратном пути из Константинова мы попали в ловушку. В лесу чинили шоссе, устроив чрезвычайно скверный объезд. Одна грузовая машина, объезжая, крепко засела и сделала для других машин проезд невозможным. Дорожный мастер с помощником воспользовались этим и, обложив каждую проходящую машину данью, нахлестались вдребезги. Полчаса мы провели в дипломатических переговорах и ругани. Наконец, убедив рабочих, мы пустили машину на пьяницу, вежливо, как корову, таранули, отстранив, радиатором и кое-как перебрались. А помощник мастера, совершенно опьянев, еще раньше рухнул на камни. Счастливо обошлось без драки. Случай этот показывает, как мало осталось рабочих для обслуживания районных нужд. Нет людей, и наглец ничего не боится. Что же делать? Можно, конечно, поднять историю и отправить его на канал, но... там-то прибавится, а у нас убавится. И так дорога все хуже и хуже. Машин все больше, и чем больше машин, тем все хуже и хуже дорога...

Думаю о покупке домика в Переславище. На местах хороших, у рыбных рек и красивых озер вроде Плещеева, едва ли теперь можно уединиться: везде строительство; а здесь пустыня настоящая...

14 Сентября. Ездили с Петей в Москву. (Дождь весь день, охота безнадежная.) Определена «Кащеева цепь», видел сигнальный экземп. «Севера». Купили самовар и сапоги на пузырях.

Помните ли вы в себе из юности отчаянную готовность в случае необходимости в один миг бросить все, что за спиной, и начать жизнь совсем другую, какую-то свою собственную и с самого начала, как на необитаемом острове начинал Робинзон. Очень много этого было, и даже сказать можно, что прямо на этом стоял Лев Толстой. И первые годы революции со своими пролеткультами именно и были массовым опытом применения этого стремления, назовем, к самовозобновлению и перерождению. В основе этого чувства, если разглядывать его тень на земле, мне думается, лежит стремление к реализации, материализации, [начиная] от обладания вещами кончая властью вождя... (Робинзон живет на острове и Толстой пашет, конечно, только потому, что они вожди.)

Вчера в Савое, обедая, обратил внимание на прислуживающих девушек, в короткое время вытеснивших замечательных мастеров ресторанного обслуживания. Большинство девиц пришли прямо от сохи в ресторан, подчиняясь всеобщему женскому стремлению к расширению пределов своего женского владычества. А оно, конечно, так и есть и быть должно: женщина стремится восстановить утраченное господство от обладания кухней (ресторан) до рыцаря, скрывающего в романтическом обожествлении женщины свое господство над нею.

Все яснее и яснее раскрывается сокровенная борьба сил современности, на одной стороне сила рода, на другой та противостоящая этой силе рода сила личности (индивидуальности), с явлением которой связано сознание и творчество (как ярко это у Толстого: убил жену! прекратить род!) (а как тоже характерны слова <*1 нрзб.*> сектанта, оглядывающего строительство деревенской улицы: «когда-нибудь должно же это прекратиться!») (а Розанов, бросающий гения через воронку в ад) (а еще: личные отноше-

ния с Павловной: ее сила) даже Алекс. Георгиев. и Влад. Ив.! и в особенности у Бостремов.

Мадонну сотворил мужчина, а государство вышло из женщины. (Так это мужчина творит женщину, а женщина творит мужчину.)

Творчество присуще мужчине: это его личное свойство, или сказать: это свойство личности...

Творчество есть свойство личности.

Личность есть свойство мужчины (Пик Сталина).

У Розанова жена поглощает мужа, у Толстого муж убивает жену. Таковы границы мировой катастрофы. А я хочу направить силу творчества на рождающую женщину (то же, что овладеть машиной и сделать ее «Машкой»), сделать, чтобы рождающая женщина стала Мадонной, чтобы зачатие было «беспорочным», «непорочным», а человек рождался во плоти. А ведь так же оно и есть у Христа (а сделала порочным церковь).

В любви, большой, настоящей, творческой, исчезает грех первородный.

По надписям.

Подавляющее множество надписей малограмотных людей на заборах, на деревьях, камнях и просто палочкой на снегу свидетельствуют, что на первых порах массовый, стихийный человек стремится воспользоваться словом, чтобы снять покрывало Майи. Но на следующих ступенях своего развития тот же самый человек быстро переменяется. Прогуливаясь через снежное поле по той самой дорожке, где ходят в нашу школу ребята, я замечал, что начинающие русскую грамоту пишут на снегу по-русски все крайне грубое и простое, как бы вскрывая запрещенное, а те кто начал уже учиться иностранным языкам, то латинским алфавитом пишут на снегу обыкновенно имена девочек Mascha «Маша», Lisa «Лиза», очевидно, уже понимая, что не только нельзя снимать покрывало Майи, а даже по возможности покрывало это надо получше подвертывать: и так очень часто видишь, как иной тут же выводит на снегу палочкой «milaja Mascha». (К Двинскому плакату.)

Календарь природы:

16 Сентября. Непрерывные идут дожди... и так вся весна, все лето и осень: небывалый год. О дупелях уже и не думаем: все залило. Весной можно было бороться с природой, и мы ее победили, но трудно бороться с осенью: если пасмурен день, если ночь не светла, если ветер осенний бушует.

Читаю «Войну и Мир». И, к счастью, нахожу, что Толстой жив и близок и что некоторые слова его еще в юности запали в меня и дали возможность самоопределиться. В особенности близко мне: «Пьер был один из тех людей, которые чувствуют себя сильными, только если они чисты». А у меня так даже малейшее сомнение в себе в отношении жены или сына делает невозможным писание...

Сила Толстого в способности приблизить...

Обыкновенно я доверяю себе и, когда приходит лень, отдаюсь ей так же, как сну, уверенный, что рано или поздно соберусь с силами и за дело возьмусь. Но вот много, много прошло времени с тех пор, как я доверился лени, и начинает тревожить мысль, что так вот и останешься...

Отправили деньги по телеграфу (250 р.) за лодку, всего: 350.

С женой Б. говорил о женщине и ничего как-то не узнал. Остается: оценка массового женского движения и второе: конец Ины, вернее, тот конец ее, который торчит в «Кащеевой цепи».

Природа — родина моего таланта: моя родина там, где рожден мой талант.

Соберите условия рождения творческой личности, соедините их вместе в творческую плазму, и это будет природа, или родина талантов.

17 Сентября. 1. Не оспаривай глупца.

Ночь светлая, луна в зените высоко-высоко. На рассвете мороза не было. Утром ходили промять Османа и нарвались на неприятность. (Заруби, заруби, Михаил, себе на носу заповедь: не заноситься перед невеждами и не оспа-

ривать глупца. Для этого и в наказание себе, и для самовоспитания сделать ежедневно 30 записей в дневнике «Не оспаривай глупца», по возможности углубляя эту тему.)

После обеда опять наглухо все в природе забило дождем и так осталось в ночь.

Приехал вечером Лева. Статью мою в «Краеведении», конечно, не напечатали и тем обнаружили, по-моему, чудовищную свою ошибку в выборе меня в президиум. Расхождение мое с ними в том: первое, что я природу понимаю как родину моего таланта, второе — что, изучая внешнюю «природу», никогда всей в совокупности природы не поймешь, третье, значит, изучать надо сначала природу своего таланта, а потом, поняв себя самого, надо изучать природу внешнюю, поскольку она находится в родстве с собой.

18 Сентября. 2. Не оспаривай глупца, или не мечи бисер перед свиньями, потому что это разрушает организацию спокойствия в любовном внимании. Не оспаривай глупца, или береги занятую высоту.

Сегодня отдых после дождя, солнце в дымке. В Карбушинской аллее было прекрасно. То бывает осенью, когда валом <*зачеркнуто:* валят> падают листья, так что слышится даже: мыши, мыши... А то ранней осенью в совершенной тишине изредка, отделяясь, бездумно слетают отдельные листья, будто это мысли спускаются с высоты заслуженного спокойствия.

Свиньи в норы пришли. [Умное] животное и даже чистоплотное, но неприятное своей крайней настойчивостью в добывании пищи.

19 Сентября. Ночью дождь. Потоп! 3. Не оспаривай глупца! сохраняй всюду, на каждом месте внутреннее равновесие. Как в дождик надо взять зонтик, так надо человеку в обществе надевать маску и строить личину. Или двигаться все глубже и глубже в пустыню, или строить личину. Если же строить личину, то лучше всего английскую (искренности, простоты).

20 [Сентября]. 4. Не оспаривай глупца! можно в этом неоспаривании дойти до полного отказа от встреч с жизнью, похожем на смерть. Вот этот страх перед белым спокойствием обыкновенно и останавливает... Не смерть ли это подходит?

Вчера был Острый, заказал ему дух[овой] шкап за 400 р. (Острый — изобретатель помешанный, явный тип этого рода людей). Одновременно прибыл из Вологды охотник Алекс. Ксеноф. Сергенев.

21 Сентября. 5. Не оспаривай глупца. Применил в Москве при запрещении «Соболя» цензором: с ним спорить не стал, а обратился к главному начальнику с просьбой выгнать такого дурака, и, думаю, выгонят.

Дожди бесконечные!

«Кащеева цепь» в трех книгах $33\,^1/_2$ листа пошла в производство...

Люди в инкубаторе. Белые куры из инкубатора вялые, явилась простая курица «Колхозница» и прогнала их десяток.

Сколько в день абортов в Москве и куда девают мясо? (Павловна: ведрами свиньям.) Любовь — ценою рода.

23 Сентября. 6. Не оспаривай глупца: это решение мое записать и через то <*зачеркнуто:* сделаться лучше> собраться в единство и найти власть над всякой мелкотой жизни происходит из большой тревоги, общей многим людям и приводящей к разным выходам от смешного до смерти.

24 Сентября. 7. Не оспаривай глупца — это косвенно относится к борьбе за свою личность: ты должен обладать собственной инициативой в жизнь, иметь в основе собственный почин, если же ты это упустишь, то тебя возьмут и заставят делать не то, что ты хочешь. И надо полагать, что основное разделение людей в этом и есть: одни сами живут, другие невольники. И мы хотим сделать не так,

чтобы все были свободными, а чтобы свободные от природы люди не попадали в неволю и наоборот: невольники природные не брали на себя дело свободных (так, вероятно, анархисты именно и считают людей государственных). Природный невольник на положении свободного является непременно деспотом.

25 Сентября. 8. Не оспаривай глупца: в «Известиях» не стали меня печатать, я много раз порывался вступить в драку, но удержался, а между тем где-то одумались и позвали теперь меня в «Правду»: то-то теперь утру нос «Известиям»: не оспаривал и утру!

Зоя вчера рассказывала о борьбе за жилплощадь в Институте. После длительных интриг и всевозможных дрянных проделок студентов в борьбе за отдельную комнату сделали постановление: давать отдельную комнату исключительно только тем семейным, у кого есть маленькие дети. Силы этого разумного решения, однако, хватило ненадолго, через несколько месяцев все замужние и незамужние женщины в Институте забеременели.

Приглашение «Правды» может отклонить меня от решения отдаться роману, потому что мне интересно создать газетный рассказ и победить всех... (мне кажется, я это могу: победить, значит, спасти русский язык — великое дело!)

27 Сентября. Москва.

Вчера передал в «Правду» «Лесные рассказы». Соблазняюсь писать рассказы на 5 мил. человек самых различных ступеней развития. Приглашение исходит, по-видимому, от той группы (Ставский и др.) писателей, которые выступали против Горького.

Вышел 1-й т. моего собрания «Север». Второй том «Кащеева цепь» сдана в работу. Третий том «планирую».

Читал из «Севера» себя, и ясно показался путь моего искания: с высоты ясно увидел я, что трепет во мне, похожий на веру, был именно тем трепетом жизни, который

вел к «творчеству», и я верно пришел по этому зову к творчеству и выразил это в романе об Алпатове и показал примерами, что к этому можно прийти и другим. Но все ли это?

Вот на севере в лесах, где не знали пилы, жил мастер топора, и он все одним топором делал, и валил гигантские деревья на лесозаготовках, и строил избушки лесные для охоты все одним топором, не употребляя ни одного гвоздя, мало того! великий мастер топора делал чудесные игрушки,коньков, оленей, птиц, и устраивал их на крышах в деревнях, и для красы, и чтобы «князь» не гнил. Подобно этому мастеру жили все, дети с малолетства проходили тяжелую школу топора на лесозаготовках, а женщины сидели дома и занимались хозяйством.

Но случилась перемена во всем и везде: государство вступило на широкий труд строительства, потребовались миллионы рабочих. Тогда женщины освободились от домашнего хозяйства и бросились в ряды рабочих... В лесу мастер топора <*зачеркнуто:* сызмальства> считал себя, наверное, тоже, как и Алпатов, может быть, «творцом», единственным мастером и так понимал свое дело, что без него и подобных ему не обойтись в лесу. Но вот пришли две женщины с пилой и дерево спилили вдвоем, как один мастер рубил его топором. Но мастерству надо было учиться сызмальства, а женщины пилой работали без всякого ученья, и их вышло с пилами на лесозаготовки великое множество, и с ними стали понемногу выходить и ребята, тоже неученые, с пилами, да так и пошло...

Мало-помалу где-то в больших, сложных производствах открылось, что плоскость дерева, сделанная пилой, не годится для высших работ по дереву, что плоскость эта должна быть сделана именно топором. Тогда стали искать мастеров топора, и эти отживающие свой век «творцы» нашли себе уголок в лесной промышленности, примыкающий к искусству.

И если я теперь в борьбе М[ужчины] и Ж[енщины] делаю М[ужчину] победителем, оправдывая такую победу силой творчества, то ведь это же неправда! Какая это победа, если «творцы» направляются жизнью в какие-то

богадельни для украшения жизни. Пусть даже эти творцы являются единственными представителями личного начала, образующего качество, все равно этим не устраняется сила безличного... <*приписка:* Ж[енщина.> Не есть ли это распад жизненного процесса, составляющего брачное единство Ж[енщины] и М[ужчины], на М[ужчину] — только силу личного начала и Ж[енщину] — силу рода... (Когда это видано было у нас раньше, чтобы мужчина в военной шинели нес в одеяльце ребенка, а рядом шла его маленькая жена свободно и уверенно, отмахивая комаров и мух от лица? Но больше! однажды я видел мужа под коровой на скамеечке, а жена его в это время поправляла тетрадки. И раз я застал мужа стирающим белье...)

т. Кольцов! Я получил Вашу телеграмму с напоминанием о дне мира в тот час, когда я приступил было к сбору на утиную охоту. <*Зачеркнуто:* Признаюсь> Ваша телеграмма заставила меня очень задуматься о моем этом совсем пустом дне (вчера ночью скверно спалось, утром ехал из Москвы и дремал в поезде, а теперь вот в ожидании обеда из пустых патрон для переснаряжения выбиваю пистоны). Если бы отдых, забава, что-нибудь, но ведь совсем ничего, вполне пустота в себе, как в той воздушной яме, где, говорят, кувыркаются самолеты. У всех людей есть такие пустые часы, пустые дни, но все это тщательно скрывают. Телеграмма Ваша меня расстроила: <*приписка:* что мне делать, врать или открывать свою пустоту?> я даже бросил переснаряжать патроны и, пообедав, лег спать.

Однако за несколько десятков лет литературной работы я заметил у себя, что пустые часы или дни всегда предшествуют рабочим. Мне удалось в этот день написать маленький, но славный рассказ для детей о моей собаке Ладе и когда я теперь, 27-го поздно вечером, пишу отчет о сегодняшнем дне, то мне теперь уже есть кое-что и сказать. <*Зачеркнуто:* То состояние пустоты, которое чувствовал я в себе перед работой, очень похоже>

Я хочу Вам сказать сейчас, что те вещи, которые выходят из-под пера, чтобы оставаться на много <*приписка:* и в течение многих> десят[ков] лет и действовать на людей

благотворно в родной стороне, потом переходить границы и там еще и в других странах тоже действовать десятки лет — эти вещи создаются той силой, которая действует против <*зачеркнуто:* войны> физических, территориальных, географических и всех внешних границ между людьми, и настоящее творчество есть именно творчество мира. <*Зачеркнуто:* Если у Вас в руке цветы, покрытые росой, сорванные где-то на поле сражения в уцелевшей роще, и вокруг себя Вы видите навоз от людей и животных, то ведь не будете же Вы бросать эти цветы в навоз и обращать их тоже в навоз, Вы тоже не будете отставать из-за цветов, нет!>

<*На полях, зачеркнуто:*> *Так я понимаю себя в моем деле и готов за это свое счастье стоять: собирать цветы и с цветами в бой за цветы.*

Помню, в далекое время, когда в русской грамоте было два мира, один в смысле вселенной писался через десятиричное «i», другой мир писался через «и» восьмиричное, и учителя, в отличие [от] мира-вселенной, этот мир предлагали нам понимать в смысле тишины и спокойствия. <*Приписка:* И так мы, раскачиваясь дома за тетрадкой, заучивали назубок: мир, или тишина и спокойствие.> Ученик приготовительного класса, приготовишка, бывало, стоит у доски, учитель на кафедре в синем фраке с золотыми пуговицами приказывает:

— Напиши мне мир через «и» восьмиричное.

Приготовишка пишет мелом на доске:

— М и р.

Учитель: — Как надо понимать этот мир?

Приготовиш[ка]: — В смысле тишины и спокойствия.

Не знаю точно, как теперь определяется этот «мир» в школах, но думаю, умный мальчик и сам теперь догадается ответить, что мир у нас — это время, когда мы собираем <*зачеркнуто:* все <*приписка:* и всякие> творческие> свои силы, чтобы направить их против войны.

28 Сентября. 9. Не оспаривай глупца означает тоже и призыв к миру, в котором действуют через головы глупцов: глупцы, удивленные, остаются с разинутыми ртами.

Всю ночь с вечера и до рассвета проливной дождь.

Начинаю думать, что «Лес» надо написать для детей — вот бы книга-то была!

7 у. Очень тепло после дождя, как ранней весной. Полная тишина, небо спускается. 26-го утром, когда я шел на вокзал, небо спустилось еще в предрассветный час и лежало у нас туманом, и когда солнце взошло, то нам это было чуть-чуть видно через это севшее к нам небо. Мало-помалу солнце пробилось, и то, что село к нам как небо, теперь свернулось в белую трубу и легло белой радугой и распалось на облака.

Итак, производственный план на неопределенное время:

1) Машка и Лес: книга для детей.

2) Роман «Начало века».

3) Маленькие рассказы (для «Правды» <*приписка:* начнется>).

28 Сентября. 10. Не оспаривай глупца, значит, будь готов на каждую минуту, чтобы сдержаться и не «выйти из себя».

Доехали вдвоем с Петей до Селкова, заперли машину в сарай кооператива и пошли в Переславище. Дождь. Промокли. Ночью все дождь, и на уток не захотелось.

О колхозах.

29 Сентября. 11. Не оспаривай глупца: что же поделаешь, возраст пришел, и необходимы становятся правила нравственной гигиены. У ак. Павлова, говорят, чуть ли не каждый час жизни проходит по расписанию. И это хорошо, опасно лишь свои правила предлагать другим, как Толстой. А чтобы сдержать себя и не оспаривать — надо опомниться. Началась эта работа у меня на 20—21 году во время марксизма: вдруг понялось, что нельзя бросаться в спор опрометью. С тех пор я мало работал и, по счастью своему, жил просто. К этому воспоминанию: перестав оспаривать, я нечто и утратил. И так, может быть, всегда хорошие правила морали достигаются за счет натуры.

Правила морали достигаются за счет натуры. Личина человека складывается за счет лица (?).

Лицо на Кузнецком: вероятно, и конечно, это был иностранец: сознание своего личного достоинства у него поддерживалось чрезвычайно строгим вниманием к соблюдению правил в отношении проходящих возле него людей. Казалось, он заботится только о том, чтобы не толкнуть кого-нибудь, вовремя посторониться, даже не попасть в другого прямым наблюдающим глазом. А это все он делал только, чтобы отстоять в толпе и не подвергнуть случайности свое собственное достоинство. Это была как бы дисциплина одновременного строгого мышления о своем и напряженного внимания в тот же самый момент к другим, чтобы охранить свои мысли. Лицо человека без промежуточного слоя животно-живой хитрости.

Хорошо становится в отношении продовольствия в городах и стройках за счет жизни деревенского человека. Все молодое, способное бежит из колхозов. Города-сады скупают деревенские дома. Но в то же время всюду видишь, как расширяются запашки (трактор делает?). С одной стороны, машина помогает непосредственно, с другой стороны, машина налегает на человека. Происходит утрата родства с людьми и землей. Это должно вызывать чувство природы, о котором я пишу, и оно должно вызвать желание возвратиться к земле.

I. Путешествие в лес на машине: тема машины: машина — дело рук человека: конец: на заводе. Вопрос, как влить сюда пинежский лес?

II. Делать работу, начиная с выборки из дневников. Завести особую папку и определить из недели определенное время.

III. Определить время для бывания везде с наблюдением свободным...

30 Сентября. 12. Не оспаривай глупца: из Толстого: «русский ум» не признает grand-homme[1]: Кутузов ни с кем

[1] grand-homme (*фр.*) — великий человек.

не спорил (не верил в слова и мысли отдельных людей, стремящихся к grand-homme).

Наконец-то день с солнышком. Я ходил в Попов Рог и убил вальдшнепа. Петя чуть не утонул на утиной охоте.

Птица узко живет...

Издалека прилетает к нам вальдшнеп, а узко живет, как и всякая птица: найдешь — улетит, а завтра опять тут где-нибудь в ольховом кусту у полянки или в опушке у зеленей. Так узко живет, но разгуливает по своей полянке настолько широко, что собаку я держу у ноги и она...

I. Если писать лес, то надо описать жизнь каждой птички в лесу, каждой зверушки. Зверя же и птицу надо описывать как окружность, увеличивая число углов многоугольника до бесконечности: птица — это многоугольник, а среда — это окружность. Надо, описывая жизнь птицы, стремиться к полному и невозможному совпадению ее со средой. Есть кочки на болотах низенькие и прелые в холодной росе и возле засохшая коровья лепешка с дырочками: это дупель нос запускал, если я это увижу — то мне пахнет дупелем, но я встречал хороших охотников, уверявших меня, что они действительно могут чуять дупеля. А то в лесу на [поляне], бывает, лежит куча хвороста, а вокруг него засел уже очень густо осинник с большими, как уши у пойнтера, листьями: в этой куче хвороста самая маленькая птичка живет, и как увидишь такую кучу, так и птичку вспомнишь. (Полезно в таком роде, имея идеалом из среды вызвать образ ее жильца, упражняться в описаниях.)

В литературе все еще стараются говорить о хорошем раньше, чем оно сделалось, и тем, с одной стороны, давать идейное руководство жизнью, с другой — этим самым давать возможность укрываться всякой мерзости.

1 Октября. 13. Не оспаривай глупца: помни образ Кутузова...

С полудня солнце, в лесу лучи солнечные открыли волшебные перестановки осени: там только одно дерево раскрылось, и через это две соседние поляны соединились, —

совсем стало иначе, если заблудишься, то и не поймешь, как раньше было. Но самое главное, что каждое дерево, расставаясь на всю зиму с другими деревьями, говорило само за себя, а не за весь лес, и оттого казалось, будто не было так, а те или другие деревья пришли: вот пришли две березки к самой опушке поляны и золотыми листьями вовсе засыпали зеленую елочку...

Яма, полная водой, и вода такая светлая, через воду на дне мох зеленый виден, и на нем золотые монетки лежат.

Показались в сухом бору под соснами рыжики.

Кажется, нет ничего на свете красней, как ягода калина осенью, и красна, и красива калина, такая ясная, такая свежая осенью в пучках на тонких раздетых веточках с одинокими последними золотыми язычками. Все так серо в кустах, и вдруг такая красота!

Все в лесу к чему-нибудь — к чему черные ягодки, уцелевшие среди желтых немногих листьев, и почему они называются волчьи?

Птички зарянки в серых кустах как будто из бора, светящегося от вечерней зари, оторвался завиток тонкой оранжевой пленки с коры, прилетел по ветру сюда и повис в серых кустах.

На вырубке густо засел осинник, и, как бывает на молодых осинках, листья были широкие, как [уши] у пойнтера. Куча забытого хворосту обросла тонким осинником, и тут в хворосте всегда живет птичка — не знаю, как называется — маленькая-маленькая, и там бегает, как мышь, с хворостинки на хворостинку, редко выберется на крышу своего жилища...

<На полях:> очень тепло

Еще на пойме кричат журавли. Еще удалось видеть стаю запоздалых лесных голубей. На телеграфной проволоке сидела трясогузка. Очень тепло, вечером сам видел, как наша курица стрекозу проглотила.

Так день прошел, и так для всех существ лесных был день почему-нибудь непременно один-единственный такой и неповторимый: калина будет калиной, зарянка — зарянкой, и трясогузка в будущем году сядет на проволоку

в такой день, и курица стрекозу проглотит, да ведь не именно так, и день будет другой, а не этот самый, этот день не был никогда на свете и не будет, и каждое лесное существо в чем-нибудь получило свой день: курица стрекозу проглотила, а я, человек, в этот же день мысль нажил, ясную, как ягода калина в серых кустах осенью, красная мысль и красивая.

Я себе нажил мысль о счастье, как надо, чтобы оставаться всегда так, чтобы свой день выходил каждый день, как непременно птичка выходит, если хворост забудут в лесу и он зарастет молодым лопоухим осинником. Чтобы день выходил свой собственный, надо, милые мои, все делать как надо, не больше и не меньше чем можешь, надо людей приближать к себе, сколько можешь обнять, собирать вещи возле себя, чтобы, сколько только ты можешь, сам ухаживать за ними, чтобы они с тобой жили и тебе служили, а не забывались тобой, не покрывались пылью. Не надо жить как Максим Горький: людей набрал миллионы, а возле себя нет никого, вещей — дворцы, славы — города, и вещи эти не нужны, и слава такая пустая, что и у других отбивает охоту за славой гоняться. (Молитва с пером).

Покров на земле из-под бора: там и тут на зеленом пятна белого моха, и редкие елочки растут под березками. Край этой боровой земли — заболоченное место Трестница, обширное журавлиное болото. Между Трестницей и боровой землей извивается ручей Попов Рог, — не ручей, а ужасная грязь, поросшая густо черной ольхой. Вот в этой чаще и бывают постоянно с первых чисел октября вальдшнепы. Они довольно широко разгуливают между белыми кочками и зелеными кустами можжевельника, а живут очень узко в чаще и, как белые грибы, встречаются каждый год на одном и том же месте. От прогулок вальдшнепа остается все-таки достаточно широкий след, чтобы можно было держать собаку у ноги. Ладу свою я всегда стараюсь держать у ноги, а то, бегая, станет где-нибудь в можжевельниках, или белая между белыми кочками, или в чаще Попова Рога — и вот мечешься в поисках собаки до тех пор, пока где-нибудь за спиной не слетит птица.

Так иду я у опушки черной ольхи и время от времени повторяю Ладе: «Что сказано!» — «К ноге!» — «Назад!» Раз я так сказал «назад» — она подвинулась назад. Мне мелькнуло в голове при виде черных ягодок, что надо же наконец справиться мне у знатоков, для чего в лесу эти ягоды, кто их ест и почему они называются волчьи. Так я всегда делаю, — что меня интересует в лесу, я записываю и после узнаю или догадываюсь сам. Сказав «назад», я увидел куст волчьих ягод и записал себе в книжечку быстро всего только два слова: «волчьи ягоды», потом оглянулся — хвать! а Лады нет сзади. Значит, пока я записал, она схватила свежий след и по нем шмыгнула за куст, за кочку или куда-нибудь в чащу. И вот я за куст — нет ее! — за кочкой ищу — нет! дальше больше, кругами, шире, шире — нет и нет! «Значит, — решил я, — она ушла в чащу, в Попов Рог, там она!» — и сам лезу в чащу, в глубокую грязь, шагну и прислушаюсь, шагну и прислушаюсь. Вдруг слышу, где-то бух! в воду кто-то: конечно, это Лада ошиблась и бухнула, но где именно, с какой стороны послышалось, сам шумя, продираясь в чаще, разобрать я не мог. Выбрался я на более сухое местечко с более редкими деревьями и замер, прислушиваясь. Порядочно времени прошло, и слышу я, совсем недалеко от меня не то котенок тонко мяучит, не то ребеночек стонет жалобно-прежалобно. Подвинулся я туда немного и вижу, это Лада стоит, вся-то в грязи и с ее каждого сосочка каплями висит ледяная осенняя вода. На бегу Лада не боится никакой холодной воды, но теперь где-то под носом у нее вальдшнеп, ей шевельнуться нельзя, и хозяина нет, и так долго, так холодно, она вся дрожит, и от дрожи капли одни с сосцов сваливают, а другие опять натекают. В этом безвыходном положении, чтобы хозяину как-нибудь дать весть о себе, нельзя же прямо брехнуть по-собачьему, и она подала весть о себе не то по-ребячьему, не то по-кошачьему. Если выйдет фото — прибавить, как я ее снимал и как с прилету жирный вальдшнеп [покойно] сидит, словом, по фото сделать описание, и еще она закрыла глаза, я хотел снять ее с закрытыми глазами, но вальдшнепу [придется] ждать. Зевнула: снять бы зевок на стойке. Стал я ждать. Лада уложила го-

лову в рогатку и стала было, зевая, засыпать. Вальдшнеп, напротив, оживать-оживать — глаза его сверкнули черным огнем, и вдруг он улетел...

О хорошем впереди.

Бывает, надо говорить и указывать на плохое, а хорошее — раз взялись изводить скверное — само собой складывается. Да и правда, раз уж люди взялись изводить дурное, значит, очень желают хорошего, и оно в молчании складывается безмысленно из желаний людей. Но бывает, люди до того дойдут, что и не верят в хорошее, вот тогда о плохом нечего говорить: все плохо! и чуть только мало-мальски где станет получше, то все говорят о хорошем. Так сейчас у нас, стараются все говорить о хорошем.

2 Октября. 14. Не оспаривай глупца. (В Селкове заперли машину и ключ унесли: целый день в глупом положении, но, помня «не оспаривай!», я не и все прошло хорошо, в ожидании машины мы мешок с дичью оставили в чайной, а сами слонялись по деревне с ружьями и собакой; мужики с возов со злобной насмешкой говорят: — Ничего не убили, только ноги натрудили! — Вспомнив, что глупца не надо оспаривать, я продолжил: — Да, мои милые, верно, ноги натрудили и вас, дураков, насмешили. — Другие мужики, желавшие продолжить насмешку над нами, услыхав «дураков», стали смеяться над дураками...)

Очень тихо, очень тепло и, когда солнце осилило мглу, было жарко. Прошли все Селково. Темно-красная (бордо) брусника, очень вкусная. Бесконечные поля овса (на палях) под соснами (корм для птиц военного об-ва, не моя ли мысль из «Жур. Родины»?). Рожь жнут в Октябре, потому что дожди времени не дали и что лен рано посеяли: лен вместе с рожью (обычно после), и велели брать лен, потому что лен — валюта, а ржи хватит. Возле Селкова взяли трех вальдшнепов. Алек. Георг. и ее реплики (ясно — определенно — действительно — факт). Фото вальдшнепа. Машина в плену. Чайная и люди с портфелями. Машина с товаром (вино). Сельсовет.

Маленькие рассказы у писателя — это знаки его личной живости и непосредственного участия в жизни. В кабинете, как роман, их нельзя написать, если так их будешь писать, выдумывая — они будут вялыми, как вялы все решительно бесчисленные подражания итальянским новеллам. Хороши эти рассказики, когда, кажется, сама искрящаяся жизнь их дает и автор на ходу схватывает эти искорки (разумеется, потом тоже в кабинете превращая их в рассказы).

London, Cent Literarius, Cent

Предоставляю Вам все права издания английском языке моей книги Корень жизни Принимаю все условия какие Вы назначите Прошу ответить согласие и приступить к делу

3 Октября. 15. Не оспаривай глупца. Была Т. Розанова, и с ней разговор на эту тему: как охранить себя от «глупцов» и необходимо ли для этого создать личину, и что если оставаться без личины, то надобно юродство, но юродство церковью допускалось неохотно, и правильно: с ним легко попасть на путь своеволия, демонизма (хороший пример сам Розанов).

Барометр.

День солнечный и теплый, но барометр падает, и мы так привыкли верить барометру, что и чувства наши, раз он падает, складываются уныло. И в солнечный день мы ждем дождя, сидим дома и не радуемся солнцу и думаем осень. А у кого нет барометра, тот берет корзинку и отправляется в лес за рыжиками.

К дню 2-го/X о зеленях: рожь осенью всходит сначала красными стрелками, потом зеленеет снизу. В эти дни похоже бывает, что по черному полю идет зеленое войско с красными ружьями, и на каждом кончике блестит роса-капля. На такие всходы из леса рано утром всякие птицы собираются, и зайцы тоже ночью приходят пощипать, и лисица мышку поймать. Зеленя осенью — это птичий и звериный клуб.

Мы, охотники, в это время идем с собакой по опушке возле зеленей, ищем дорогую редкую дичь вальдшнепов. Это носатые ночные птицы с большими красивыми черными глазами. Ночью широко гуляют, а со светом прячутся в густые кусты. Если я держу Ладу у ног, то она почует след на поле, и я по следу иду за ней в чащу до самого вальдшнепа. А если пустить ее бегать, то она без меня уйдет в чащу по следу, подберется к птице, станет там, а я буду искать, спешить, мучиться поскорее Ладу найти. И часто бывает, птица за это время не выдержит стойки собаки и улетит. Я держу постоянно Ладу у ноги, и если только она, бывает, увильнется, я возвращаю ее словами: — «Что сказано Ладе?». (Остальное 1/X).

Читал материал «Машка».

4 Октября. 16. Не осп[аривай].

Это касается и тех домашних сцен по пустякам, в которых надо поймать сознание и перевести на спокойствие совершенно ничтожный предлог раздражения. Это епитимья в 30 записей должна быть примером самодисциплины и привести к строгому распределению дня. Надо создать такой день, чтобы он был рабочий и в то же время, чтобы не было отговорки «никогда», если что-нибудь надо.

Трясогузка. (Книга трясогузки) .

<На полях:> Яркий день, яркий сюжет: рвет с листа и кидает от радости.

5 Октября. 17. Не оспаривай глупца, и отсюда: «не должно быть некогда, если что-нибудь надо».

Эти записи надо перевести на писание рассказов и особенно книг: ведь если не отрываясь ежедневно хотя бы на 15 минут возвращаться к теме, то можно одолеть всякое «хочу-не хочу».

Сегодня продолжается чудесная погода. Закупорка моего «Леса» «круглым» вдруг кончилась и явился сюжет, объединяющий все моменты моего опыта с лесом. Я опишу одно только дерево как личность, как живое существо:

родилось, росло, и человек тут: охотники = переплести судьбу дерева с человеком: и как добрались до дерева (ледянка) и до путика (человек) (<*зачеркнуто:* мой путик через дорогу! а не до[рога]> через мой путик) и как дерево открыло новую землю.

Вспомнил сюжет: как в лесу разошлись два друга и сошлись: пути их свели.

Хорошо описать Ягушкина (пар валит: человек дешевый: дешевый заведующий).

Анатоль («В[ойна] и М[ир]») и извозчик: так и женщина на большом полете смотрит на «трудящегося»...

Воронц. поле 6, проф. Влад. Никол. Лебедев, 1-74-82 канцелярия (вызвать) или 1-76-67 (лаборатория).

Николай Константинович Кольцов (от 11—3), Институт экспериментальной биологии.

6 Октября. 18-й раз. Около чего все вертится в этом «не оспаривай» — это моменты ненависти к ближнему в повседневной жизни. Она может прийти от себя: ты ненавидишь моментом, положим, жену или сына; а может явиться от них и в тебе возбудить ответную ненависть. Когда вместе живут долго, то научаются друг в друге замечать эти приступы и обходить их, привыкают, обвыкаются, приспособляются. Но главное, это «надо» жить; которое бывает у людей от веры, от совести, от большой любви к жизни. Я лично спасался от причуд характера Е. П. и от своей неприязни в «творчестве»: обрадуешься чему-то извне себя, — то ли островку на реке весной, то ли пролетающей паутинке осенью...

По методу «епитимьи» продолжаю сидеть над лесом. Удивляюсь, как передуманное все собралось и все наблюдения в охоте возвратились к основной мысли: описать жизнь индивидуального дерева и дать человека при нем наравне с другими экономическими факторами.

Если в «Правде» не напечатают, то возьму отрывок «Запонь», приделаю к ней медведя (легенда об оленях, к ко-

торым пришел искать и медведь) и наконец: мы приехали: каков-то начальник? А он на Запони, пар валит. — Самый хороший, дешевый: ежели запонь сохранит — награждать не надо; а ежели упустит лес — не жалко и наказать.

В замысле каждой моей книги было сделать ее для детей, но потом сказывалось, что «детскость» эта относилась не к читателю, а к форме, или к манере: чтобы брать в книгу те вещи, на которые удалось бы просто, по-детски и как бы впервые взглянуть. Упражняясь в этом, я достиг того, что некоторые мои маленькие вещи удались и как детские и для всех. Вот теперь и при создании леса надо сделать не «Жень-Шень», не «Соки земли», а «Колобок» в простоте, доведенной до «Гаечек».

7 Октября. 19 раз. Сказываются результаты «епитимьи» на моем общем самочувствии. Надо будет применить это в городе и потом, может быть, решиться навсегда каждое утро, вставая, определять лицо прошедшего дня и распределять деятельность в грядущем.

К примеру, вчера, 7-го.

Солнечный теплый золотой день. Уже неделя без дождя. Поутру занимался «лесом».Поручил Леве к 12/X приготовить квартиру, отправить в Арх. издательство «Колобок». В 10 у. выехали в «пустыню», чтобы в лесу получше заняться лесом. Золотятся только верхушки берез, снизу уже все облетело. Нежный цвет неба, леса — все ласкает, и совсем спокойно на душе, хорошо. Ехали благополучно осторожно, но у последней лужи рискнули и сели часа на три. Вечер очень теплый и желтый, чуть-чуть тревожно, то ли перед ветром, то ли, что эта теплость в такое позднее время неестественна. Всего неделя без дождя, и уже некоторые говорят: — «Какая чудесная стоит осень!». Читал «Войну и Мир»: старик Болконский — неудачник, чудовищное существо («горе от ума»: горбун-гном, экзаменующий людей в пивной), два выходных (показных) в день часа и 22 часа ада. Возможность войны и голода. Возможно, только не страшно: это уже будет смерть.

8 Октября. 20-й раз (напишу позже). Сергиев день.

Ночь звездно-теплая, но ветреная, и к утру остался ветер, но меньше (желтое небо с вечера перед ветром). Сходить в Попов Рог за вальдшнепами. Съездить в Ив. Фед. и <*1 нрзб.*> узнать, где высыпки. Утром пересмотреть «лес», вечером читать «лес». На охоте наблюдать эпилог. Факторы леса.

Убили вальдшнепа и двух тетеревов. Петухи стаями разгуливают по зеленям. Грачи еще здесь и сидят по заборам. Некоторые засыхающие травы пахнут казанским мылом. История с поросенком, или жена в поисках мужа с лекарством для поросенка. Поездка вечерняя в сторону Михайловского, встреча митлаговцев, среди которых та женщина. Утки на Федорц. Мосту и аромат болот (умирающих). Вечер с песенками.

Рассказ. Егоровы решились дом продавать. Правда, зачем им дом? Он учитель переводится из школы в школу и дома жить не может. Она, счетовод, живет одна дома, ухаживает за своим мальчиком, коровой, поросенком. Ей в тысячу раз лучше жить с мужем и служить счетоводом, чем до свету вставать и возиться в грязи. Деревенский дом без хозяйства, связи в деревне превратился в наследственный предрассудок и все падает: яблоки — как старик сидел, сарай — и дрова и дрова-сама, тогда само делалось, а теперь все сама. Определили дом в зеленый город и сговорились в цене за 6 тысяч: деньги-то вернее будут лежать в кассе: и хлопот нет, как за домом, и проценты дают, и, главное, рубль-то наш все растет и растет. И какая свободная жизнь представлялась ей, кассиршей сначала в районе, а потом, может быть, и в большом городе, может быть, даже в Москве, почему не в Москве! А там и одеться можно, и театры, и люди интересные. Что за чудесный, чистый, спокойный труд кассирши! И вот только бы завтра продать, вдруг сегодня...

Мы теперь живем, право, как букашки на солнце, светит солнце — одна жизнь, закроется — другая. Так и у Егоровых: открывалась Александре Георгиевне такая чудесная жизнь свободной кассирши, и вдруг война в Абиссинии,

какая бы война ни была, хоть в Абиссинии, все равно — раз война, дом нельзя продавать. Все зависит, однако, будет ли перемена солнца.

9 Окт. 20 раз. А что, если «глупец» явится для меня вроде как для Егоровых война в Абиссинии, если «глупец» — война и с него «сума»? Самое худшее от этого ослабление деятельности и то, не знаю. Во всем мире мы самые счастливые тем, что теряем — то малое, и если кому и хорошо теперь, то он тоже хорошо и помнит о суме и тюрьме.

Рано утром барометр стал падать и после раннего чудесного утра, небо закрылось... в 8 у. пошел дождь.

Раздраженный человек: Положим, кто-нибудь догадался о том, как надо и с этой точки зрения догадавшегося человека критикует действительность: не так и не так... Между тем раздраженный человек был не один: мысль дошла до директивного органа, и в одно прекрасное утро в газетах печатают постановление точно в том смысле, как догадывался раздраженный человек. Что же он, прочитав, обрадовался. Если обрадовался, то это, значит, был настоящий государственный человек и мудрец. Но есть много таких раздраженных людей, которые не обрадуются, напротив, увидав, что дело без них обошлось, еще больше обедняются и становятся еще более раздражительными. Может, там, среди таких обойденных, есть умнейшие люди, и был один такой горбун, мой знакомый по пивной, на углу Леонтьевского переулка.

Дождь определил и мой день... Принимаюсь за «лес».

Дождь перестал, я пошел в Селково и там записал.

При вступлении человека в лес одни существа как бы рады человеку, другие отходят. Перечислить.

Козодой (жвыкалка, трещит) Желка.

Мох разный: есть зеленые кочки, есть белые, есть красивые.

Иная сосна остается до верху почти без сучка, другая — почти от низу начинай муточки считать.

Гусли: если верхушку срежет глухарь, то мутовка складывается в гусли.

Стоят часто сосны, и все роняют семена, и ничего не вырастает под ними, но чуть полянка — и вся она бывает покрыта часто, густо: это значит дерево сосна — светлолюбивое дерево.

Что написано пером, того не вырубишь топором, а между тем в северном лесу наоборот, понимаешь: что вырублено топором, того не напишешь пером. В этой «топорной» работе есть много общего с литературной. Часто, бывает, кажется, не хватает тебе слов, хочется красок, лепки, музыки, но что делать, необходимость заставляет пользоваться словами за все — и за живопись, и за скульптуру, и за музыку. Так точно работает северный человек топором: нет больше никакого инструмента, даже гвоздя железного, и топор за все, и за пилу, и за рубанок, и за гвоздь, в особенности необходимость обойтись без гвоздя много дает простора.

Что это? Веселые живые корни сосны покрылись лишайниками, как шерстью...

Почему иногда с самого низу идет двойная сосна?

Осенний рыжик оранжевый, как сосновая кора, душистый, свежий.

Человек шел, выгнетая ногами из моха воду, и на тропе стала вода, а из воды выросли кустиками зеленые круглые стрелки, волосатник — любимый корм оленей. И оттого на человечью тропу пришли олени. А еще человек стал для птиц — глухаря, — ястреба — вороны — медведь (например, как связывать факторы).

С березкой-покровительницей елка просто расправляется, но сосна нелегко дается, и часто видишь, как сомкнулись ели под нею, и нет — сосна все живет и под елками долго.

Пень у хвойных — это пища червю, а у березы пень покрыт берестой негниющей, и так березовый пень обрастает ягодками.

Сосна непобедимая: все победила и весело, как увидишь ее: расшвыряла вокруг и живет.

Теснота в лесу, смертельные враги в обнимку растут, гонят наверх... каждое, рассчитывая взять верх и задушить другое.

От погоды выросли частые сосны, и такие тонкие, что от самого легкого ветра качаются.

Такая чаща! Птице вверх никак не подняться, но зато внизу и птице и зверю хорошо удирать.

Брусника стала темная, перебродила, как моченая, вкусная, а все держится.

Под большими соснами мох зеленый, а на нем брусничник, а на вырубке, где сосны маленькие, вереск.

Сосны спустились с песчаного холма на такую землю, и ель могла бы расти, но теперь ель еще не могла: не было тени. А когда сосны выросли и дали тень, елки засели под соснами, быстро пошли, обогнали сосны и сомкнулись над ними. Так ель одолела, выросла и попала под топор. Но после того, не уставая, опять взялся частный сосняк.

Чаща 20-летняя: как будто все кругом тебя проклясть хотят: до того обозлились в борьбе.

Нет, не простая случайность дерево, не так оно вышло из солнца, земли, ветра, а и у дерева тоже есть свое сам: у дерева его «сам» — это сила его роста вверх, к солнцу. Этой силе навстречу тень, теснота... А если бы все деревья могли быть сами собой, то они все бы выросли одинаково прекрасные (личность — сам, индивидуалист — сам + ...).

В этом бору можжевельник обнимал каждую сосну, но сосна росла, не обращая на него никакого внимания.

10 Окт. 21 раз. Не выношу даже маленькой ссоры, как вчера была необходимая ссора с Петей — состояние войны в молчании лишает меня всецело отдаваться (вселенскому) чувству (чувству мира; «и на земле мир»). Эти необходимые ссоры невозможно отнести к «не оспаривай». В природе человек есть необходимость вроде отхожего места, и тоже ответственно в психике это же есть и тут война (как отхожее место) необходимо, и все, с чем мы говорим и чего хотим и что можем выступая против войны — это расширить границы мира и сузить границы войны и ее характер (я не против войны, но я хочу ясно понимать, за что и как воевать).

(Рассказ «Война и Мир»: два охотника в лесу поссорились из-за направления и разошлись, воюя, но обе тропы сошлись в одну, и враги помирились).

До свету вышел стеречь на зеленях косачей, но ничего не видел, только самые маленькие птички, будто бисер, связанный невидимой нитью, то тесно сжимаясь, то колечком расходились и неслись, и неслись.

Без мороза в тепле поздней осенью хорошо пахнет от тлеющих листьев, но звуков нет: все мертво. Тут надо с гончими будить и будить... как мороз: тогда слышно, бормочут тетерева.

У Пети вчера еще болела спина и все больше и больше болит. Необходимо завтра ехать. В Лосиноостровском найти Ивана Григорьевича Шершуновича. Вернувшись сюда, захватить бумаги и побеседовать с завед. Лесопунктом Абрамовым (по сплаву)... узнать приемы рубки.

Ночью полная луна. Колхозники под гармонь с пением собрались в дом Сафоновых на вечеринку (третий день гуляют, празднуя Сергия). Стволы гигантских лозинок с облетевшими листьями, черные, резные, выразительные, распространяли свои ветви над домиками, слившими в лунном свете свой милый, ярко зеленый мох с тенями. В одной только избе нет окон, и оттуда какие-то доски торчат. Кончилась жизнь человеческая, отслужила изба. Но деревья... как высоко они поднимаются! Я не знал этих людей. Мне кажется, жили эти деревья, а люди были и прошли возле них. Деревья добились своего, им ведь надо было стать выше, как только можно стать ближе к солнцу и раскинуться во все стороны, как можно шире. Они в этом сделали все, что только могли, раскрыли все возможности, заложенные в их семена, и оттого при лунном свете они так выразительно определяются в своем достоинстве. А кто эти люди?

Кончились люди. Луна, звезды, огромные деревья и я, томящийся по другу, которому надо о всем этом сказать.

В деревне всегда есть дом-два, где дети растут под надзором родителей, их на улицу ночью не пускают и вече-

ринки у них бывают свои... Мне эта улица всегда была страшная. И теперь она еще более дикая.

Уверенность князя Андрея в том, что надо быть не в штабе, а что война там (в народе) (3-я книга? Встреча Андрея с Кутузовым перед Бородиным).

Как «улица» выпала из народности в хулиганство, так интеллигенция, определив себя в политику (политик, «народ» — превыше всего), выпала из народности. Современный народ — это служащий, человек с портфелем («штаб»), а где же те, кто (как у князя Андрея) создает, творит бессознательно (где творят, а там, в «штабе», пользуются для себя лично, добиться в своем интересе и получить крестики. Где та сила народа, изображенная Толстым, кто нас теперь поднимает?

Развенчивая гения, Толстой неправ: гений, как шофер, управляет госуд. механизмом. (Утопия гения в брюхе России...).

У Александры Егоровой муж коммунист, и чтобы это загладить перед народом, она, во-первых, потихоньку говорит: «ну, какой В. П. коммунист!» и, во-вторых, когда муж, погуляв первый день на годовом празднике, уходит из дому на занятия, принимает попа. Так этим дом и держится.

11 Окт. Тепло и полуясно, как вчера. Мысль при отъезде: это мое чувство к дереву не есть ли другое выражение чувства народности, «соков земли»?

(К рассказу «Война и Мир» (Абиссиния) Алекс. Георгиевна — политик — дом сохраняя, и попа звала — в угоду народу — поверила в мир — и дом продавать: попа не звала, но узнав, что война в Абиссинии и дом не продавать: попа позвала (это и будет мир).

В 10 у. выехали и часа в два только приехали в Загорск. Пришлось по болезни Пети самому править: ужасная дорога! Мысль явилась перейти на мотоцикл. Летел большой караван журавлей. Вечером Лева приехал. Рассказы мои в «Правде» не напечатали — увы!

12 Окт. Сильный утренний туман, через который солнце пробилось только в 9 у.

22-й раз. Помня заповедь, весело отнесусь к отказу «Правды» и в виде опыта в это пребывание в Москве непременно буду шутить и помнить.

По-настоящему, не следовало бы судить и говорить с человеком о человеке без чувства, а то ведь какое неравенство: они одним разумом судят, а он чувствует и в себе переживает тяжело, о чем другие щебечут легко, как ласточки. (К рассказу «Судья»: был чудесным судьей, но его послали на 6-тимесячные курсы, и он вернулся дураком.). Судья этот раньше судил по себе, так мог на себе перевести человека, будто это сам, и потом уже судил самого себя; на курсах ему открылось, что можно судить по уму: рассудки по закону.

Вечером барометр стал падать, но по-прежнему ночь была лунная, теплая.

13 Окт. Утром теплый дождь.

23 раз. — Если удастся справиться с собой, то надо помнить свое при опоре двух глупцов и стараться так себя вести, чтобы и на них повлиять (в этом случае опасно вмешаться прямо, но как-то надо умеючи молчать, что ли...).

<u>Домкрат и Машка.</u>

Рассказ для детей «Домкрат» (Машина села в торфе весной и Домкрат-спаситель). (Спасаясь от нужды в трудное время, мы купили корову Машку и на огороде для нее сажали кормовую свеклу. Когда беда кончилась, мы продали Машку, а в сарай, где она была, поставили автомобиль и тоже назвали его в память доброй коровы Машкой. После все легковые автомобили нашего газовского производства мы стали называть машками. Мало-помалу мы с сыном Петей сами научились ухаживать за Машкой и ездить на ней на охоту. Оказалось, по хорошей дороге ездить на машинах очень легко, но трудно за ними ухаживать, и особенно трудно ездить в лесах, где бывает охота.

Мы часто проваливались на мостиках, застревали в ямах, и во всех этих случаях нам неоценимую услугу

оказывал Домкрат, этакий казалось богатырь, величиною в 30 ст., поднимающий легко нашу стопудовую красавицу Машку...

Однажды ранней весной, когда в лесах еще белел снег, мы выехали с Петей в Купань на глухарей (район Переславля-Залесского). По шоссе мы благополучно доехали до Усолья (вблизи Переславля), а дальше, в Купани, надо было переехать большое торфяное болото по гати (настилаются часто на вязком месте палки и оттого колеса не проваливаются в грязь — это и есть гать). Мы, конечно, спросили встречного человека, ходят ли машины по гати, он ответил, что ходят, а мы, дураки, поверили. Оказалось, не только не ходили машины по гати, но дети в Купани от роду не видели машину.

Первый километр мы отлично проехали, палочки под нами рычали, тащились, ломались, трещали, иногда топорщились и били изнутри под крылья Машку. Второй километр был гораздо хуже: палочки лежали тут реже, торф под ними был мокрее, колеса иногда буксовали (вертелись на шесте), и Машка останавливалась. У нас был топор и лопата. Мы рубили ельник, подстилали под колеса и понемногу двигались вперед. Но на третьем километре, недалеко от Купани, случилось такое место, что наши ветки не помогли, и при каждой попытке пустить машину, колеса ее уходили все глубже и глубже в торф и сердце Машки, карбюратор...

Измученный работой и неудачами, в отчаянии, чтобы отдохнуть и осмотреться, прошел я немного вперед оглянулся назад. И что я увидел! Мне так трудно об этом рассказать: ведь так много людей, кто бывает весной в торфяных болотах, и еще меньше тех, кто знает, как образуется в природе торф, это драгоценное топливо.

Торф образуется (это надо понять непременно, чтобы я мог продолжать свой рассказ) из этих самых растений, которые мы сейчас видим: все эти мхи, клюква, жалкие березки, елочки, все это со временем умирает, слеживается и образует пучину, и по ней опять нарастает, мох, корявые березки, елочки, клюква, и так из столетия в столетие. Прилетают сюда, как к себе домой, и живут здесь свобод-

но и просто самые удивительные птицы. <*1 нрзб.*> с длинными, почти в карандаш, странно-кривыми носами. Много разных удивительных птиц живет в этих болотах, громадные цапли, глухари, утки, тетерева, белые куропатки, всякого рода бесчисленные кулики и концерты дают весной неописуемые. Но более всех удивляет и страшит, это — птица с огромными крыльями и длиннущим носом.

Я услыхал сзади себя крик, похожий на вив! Вив! Оглянулся и увидел страшное зрелище и никогда не забуду: Машка тонула в пучине торфа, а вокруг нее собрались курносые сосенки, <*1 нрзб*> над нею летели с криком, вились громадные птицы с длиннущими, гадкими носами.

Никогда я не думал, что наша Машка такая красавица, такая блестящая со сверкающим никелем на черной полировке металла. Фары ее были как большие прекрасные матовые глаза. И самое главное, что это мы же, люди, ее делали, а березка корявая, курносые сосны, елки и эти странного вида, какие-то совсем не современные птицы с длинными гадкими носами зазывали к себе в пучину такую красавицу:

— Иди, иди к нам, сестра наша!

И птицы по-своему тоже звали и обещали:

— Вив, вив! Уходи, уходи в пучину — нам надо свить на твоем месте гнезда.

Особенно много тетеревов. Невиданные нами птицы эти где-то во всех сторонах, кругом, как будто по всему болотному горизонту хороводом сошлись и пели спокойно, уговаривая:

— Не горюй, не робей.

Ручейки тоже пели, уговаривая

И булькали под Машкой.

И передавалось бульканье дальше.

А из-под низу, из глубины шипели:

— Ша-ша, Ма-ша

— Ма-ша на-ша.

— К нам! К нам!

Утром Петя, убаюканный пением болотных птиц, задремал, и меня самого тоже стало тянуть ко сну, к покою.

Но вдруг я вспомнил опасность и крикнул: Петя, домкрат, скорее домкрат! — схватился я.

Мы достали из ящика под сиденьем эту небольшую чудесную вещь. Потом нашли мы на болоте и срубили два довольно больших дерева и разрубили их на большие куски. Взяв лопату, мы сначала подвели брус под одно колесо заднее и под другое заднее. Еще одно дерево мы уложили под ось, на нем установили домкрат и стали навинчивать.

Много удивительных машин есть на свете, но проще и сильнее машины домкрата я ничего не знаю. Величина нашего автомобильного домкрата всего 30 сантиметров, и винт из него вывинчивает на 30 см. Посередине домкрата есть дырочка, в нее вставить ручку, вертеть ручкой без всякого усилия, и домкрат, упираясь в дерево внизу, винтом своим поднимает вверх сто пудов!

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Мы поднимали Машку домкратом, стелили чурки под колеса, опять поднимали, опять стелили, стелили, под ними булькали, шипело, зазывало:

— Ма-ша наша!

А мы поднимали Машку все выше и выше, пока, наконец, наш маленький всемогущий домкрат не победил вековечную силу болота. Совершив свое великое дело, наш скромный маленький богатырь лег в ящик на свое обычное место, освобожденная им Машка понесла нас в Купань.

14 Окт. 24 раза.

Жизнь писателя тем страшна, что те два-три часа, и то не каждый день — ведь только какие-нибудь два часа творчества! Остальные часы, 22 часа в сутки, пустные часы эти существуют лишь для подготовки тех двух настоящих часов жизни; у людей нормальных жизнь должна оставаться целью во все 24 часа.

Тепло и ясно. Месяц круглый показался вчера много раньше, чем село солнце, ночью поднялся на громадную высоту и оттуда, маленький, ярко светил, и утром дождался солнца и долго, бледнея, бледнея, оставался на небе.

У писателя в его книгах должно быть, как у самого хорошего хозяина: все вещи собрал любимые, знакомые и нужные.

Горький, как писатель-моралист в стиле своем обезьянит Льва Толстого до точности.

Не пишу, а ковыряюсь. И не знаю, буду ли еще писать, как-то выходит не из-за чего (деньги есть, а связь с возбуждающей писать средой совсем порвалась и как будто настоящие писатели перестали писать...)

Писать для взрослых не обязательно так, чтобы понимали неразвитые люди и дети, но если писать для детей, то надо писать так, чтобы рассказы для детей давали и взрослым особенно высокое художественное наслаждение. Такими должны быть рассказы для взрослых и детей, и никаких особенных не должно быть рассказов специфических для «среднего» возраста, которые пишутся людьми неспособными.

15 Окт. 25 раз (продолжение 24-го): такая была и жизнь пустынников: выход к людям, советы дает, остальное время борется с бесами (вскрыв келью, мы получаем впечатление от «ничего» больше, чем при вскрытии «мощей»; против этого борца с бесами открыто борец: оратор, ясный вождь (ударник).

Дерево стоит, но жизнь его, как и наша, как и всякая жизнь, колышется.

В Союз сов. писателей т. Щербакову.

Ввиду того, что круг мой обществ. деятельности в Москве расширяется (Ц. Бюро краеведения и т. п.), мне становится необходимым создать в Москве рабочую обстановку. Я глубоко убежден, что Союз писателей немедленно же предоставит жилплощадь, если только будет известно, в каких условиях я живу сейчас и работаю в Москве. По обследовании, если подтвердятся [невыносимые] условия моего жилища, немедленно предоставить мне квартиру

в писат. жил. фонде, которые освобождаются в результате переселения в новый дом.

Краеведческое заседание... Постепенно входить в дело...

16 Окт. Дождь. Искал книги. Мысль о наблюд. На улице, как в лесу (и на собраниях). Заседание президиума: молчалины (Яковлев и др.), (Левин) создался из грязи: уже и не выбраться (сюрприз Д. Бедного, хитрость Зазубрина, наглость Кирсанова (одной рукой залез в карман, в другой ножик держит), спор с Левой: политика, столь необходимая везде, кончается на границе поэзии. Гронский («повертывается», «полоса завершается» (Вс. Иванов) наблюдатель) Пильняк (махнуть рукой: свое в своем).

Невыносимое одиночество. Бежать или привыкать? Реже бывать и цель иметь всегда определенную. Департамент.

Личность. Если при всех равных экономических условиях индивидуумы одного и того же вида резко разнятся между собой — какая причина этому?

17 Окт. 26-й раз: Возмущенный до крайности тем, что вчера Щербаков не упомянул меня в числе писателей, от которых надо чего-нибудь ждать, я бросился сегодня с ним ругаться, но, вспомнив «не оспаривай», самым спокойным, но крайне холодным тоном перечислил все роды своей литературной деятельности. Эффект был величайший. Щербаков был пристыжен до крайности, подполье разрушилось и жилище мне обеспечено.

Посетил Замошкина (Кащей бессмертный): до чего ему было: ждал смерти, как радости (знал о выздоровлении своем гораздо раньше докторов). К этой радости я вспомнил свою: шел по Новинскому бульвару и захотелось до смерти... Казалось, вопрос жизни и смерти — есть ли в конце Новинского бульв. писсуар. До того мучительно мне было, что вопрос о том, есть ли в конце Новинского б. маленький домик для проходящих, сделался мне вопросом жизни и смерти. Не знаю, как это я выдержал муку, добе-

жал и увидел: есть! И какое это счастье, какое наслаждение было потом спокойно идти и радостно оглядываться и с добротой заглядывать в судьбу обыкновенных прохожих людей, не умеющих таким образом понимать дни свои радостью.

Смеялись у Замошкина над «гнездящиеся в дуплах», «гнездящиеся в кустах».

Книга «Зверь Бурундук» сдана в печать на бумаге № 1. (Писать для взрослых не обязательно надо так, чтобы и детям было понятно: пусть дети еще дорастут. Но для детей — это писать так, чтобы взрослый возвращался к своему детству и радовался написанному так же, как дети.)

Сегодня в кино начали показывать мой фильм «Корень жизни», обратившийся в «Хижину старика Лувена». Щербаков рассказывал, что перемену названия сделали из уважения к моему «Корню жизни», мало имеющему общего с фильмом.

18 Окт. Глава Дубровского. (К вопросам ландшафта).

В школьных программах давно стоят вопросы краеведения, но как взяться за дело, учителя в народных школах по крайней мере вовсе не знают, и широко по всему Союзу встают вопросы о том, как надо понимать краеведение и как за него взяться, и тысячи организационных вопросов, вроде того большого: дремлющие по всему Союзу музеи подчинить загоревшемуся в последние дни Центральному бюро краеведения, или, напротив, эту <*1 нрзб.*> устроить как бюро.

Ко мне, писателю, с давних пор работающему над местными материалами, обратились с вопросом — «что делать?» Я ответил: — Давайте создавать ландшафты советской страны». Горячие организаторы обрадовались и перевели на свой язык мое «создать ландшафты» на «показать нашу страну». Нет, дорогие товарищи, создать — это не показать, надо вперед общими силами создать ландшафт, а потом уж открыть завесу и показать лицо нашей советской родины.

Найти где-нибудь руду или залежи каменного угля, это еще не значит увидеть лицо этого места, или создать ландшафты. Надо всесторонне вникнуть во все особенности данного края и потом, самое-то главное, самое-то трудное всех этих свойств — сварить горячим творческим усилием в одно и тем открыть лицо края, создать его ландшафт.

По моему глубокому убеждению, на основании опыта всей своей жизни я знаю, что любой уголок нашей страны таит свое интересное лицо и при некотором усилии непременно откроет его. Я делал свои открытия на севере и юге, в степях, в горах, в пустынях, и везде мне открывался мир. Я мог бы раскрывать на всех [примерах], но меня интересует ближайший опыт во времени (что мне удалось найти в сентябре этого года) и в пространстве (тут же у нас под Москвой).

Есть у нас под Москвой заболоченный край, как Дубна, Кубря, Переславль — где теперь происходит новый канал. Внутри этого края есть озеро Заболотное, к которому уже нет [подхода].

Был у Дунички. Надо перестать хвалиться деньгами. Вечер у Чувиляевых.

19 Окт. 28 раз. Небо вдали согнулось. История с Щербаковым открывает путь отношений в дальнейшем: что там нет заговора против тебя и вообще нет ничего. Вот хитрецы только это и знают и на этом все свое и строят... И еще надо помнить, что сейчас я хозяин своего дела и мешать мне никто не должен... Епитимья эта должна перейти в постоянное дело, как молитва.

Смотрел «Хижину старого Лувена». Надо иметь режиссеру особое дарование, чтобы не оставить от автора совсем ничего.

В «Правде» вместо моих «Лесные рассказы» написали «Лесные новеллы» и еще кое-что...Надо их стегнуть.

В 6 в. уехал в Загорск и дома вечером с Яловецким разговаривал о жирных вальдшнепах, которые теперь прилетают.

20 Окт. Река Сулоть, один из громадных плесов которое представляет собой Заболотское озеро...

Одним из громадных плесов болотной речки Сулоти является Заболотское озеро, где охотился Ленин и на дне которого живет редчайшая шарообразная водоросль ледникового времени Клавдофора. Вблизи проходит московский канал, и материал для него частично поступает из лесов этого заболоченного края по р. Сулоти, а канал, как говорят... Не правда ли, как это удивительно, что в каком-то необыкновенно заболоченном уголке подмосковного края сходятся столько интереснейших материалов для краеведения: и Ленин, и Клавдофора, и канал, от которого мы так много ожидаем в ближайшее время?

(На самом деле нет в этом ничего удивительного. Каждый уголок советской земли подвергся огню революции, и в свете этого огня совсем иными встают перед нашими глазами вывернутые пласты прошлого. Каждый уголок этой земли сейчас призывает краеведа не только для использования и показа его, а для создания.)

Недавно на вечерней утиной охоте один местный учитель (т. В. И. Егоров) обратил мое внимание, что в большое утиное болото Трестицу спускается земля, имеющая все признаки старой земледельческой культуры: в болото спускались мало-помалу зараставшие полоски крестьянской надельно-передельной земли старого времени. В скором времени мы с этим учителем, опрашивая стариков, дознались, что на этом месте в стародавнее время стояла деревня, имевшая название то же самое, как у Пушкина в повести «Дубровский», Кистеневка. Те же старые люди и называли село, расположенное на берегу Заболотского озера, не «Заболотьем», как все мы теперь называем, а то Дубровским, то Покровским. Всем известно, конечно, что село Покровское у Пушкина в «Дубровском» принадлежало помещику Троекурову, и в старых церковных книгах, мы в этом убедились, Заболотье числится как Покровское и престол храма посвящен Покрову. Так стало сходиться все в одно: Кистеневка, Дубровское, Покровское, и к этому вспомнилось, что совсем недалеко отсюда, в д. Сергиев

вблизи Колязино, Пушкин бывал в имении Ушакова и как история <*2 нрзб.*> слышали рассказы или былину о Дубровском.

Мне думается про Пушкина (если все эти мои охотничьи угадки подтвердятся точным исследованием), сказание о разбойнике «графе» Дубровском, существовавшее в форме былины, разбившееся теперь на отдельные стихи, на отдельные слова. Да вот сам же этот учитель Егоров помнит, как его покойная бабушка в детстве сказывала былину о графе Дубровском еще очень складно и что у него от всей былины осталось только в памяти проклятие невинно осужденного Дубровского этому краю: — Зарастайте же вы все, мои любимые плесы, зарастайте, озера и речки.

И вот стало зарастать. И вот эти поляны старой пушкинской Кистеневки спускаются в Трестицу...

Есть о чем задуматься, когда Журавлиная родина, лесное заболотье готово обогатиться. От стариков и старух я хожу из деревни в деревню, как меня понимают. Слушаю обрывки о графе, о разбойнике Дубровском, и все сводится к его казни, и он невинно...

Когда прилетели дупеля...

Вечером отпраздновали 60-е Григорьева: ели, пили, пели. Художник Павел Радимов советует строиться на Воре, возле музея Аксакова. Надо посмотреть.

Крысы

Однажды мы ночевали в лесу у Антипыча. Я положил свои золотые часы на стол и уснул на полу, на соломе. Рядом со мной лег спать егерь Кирсан. Среди ночи вдруг что-то стукнуло, я спичку вытер: перед моими глазами котенок шмыгнул под печь с часами в зубах. (После того мы с Кирсаном с трудом разыскали часы под печкой и вытащили их кочергой.) Котенок, очевидно, играл ими на столе, а потом схватил их за цепочку зубами, прыгнул на пол, и я успел это спасти.

— Вот Кирсан Николаевич, — сказал я, — если бы я не проснулся, то котенок бы утащил часы, дверь заперта, на

кого бы мне тогда думать? Пришлось бы с тобой нам поссориться.

— Это бывает, — ответил Кирсан, — и даже хуже бывает.

Мне было известно, что если Кирсан скажет «это бывает», то значит, он готовится что-то рассказать. И надо бывает при этом быть всегда очень осторожным: Кирсан всегда, почти всегда начинает верно рассказывать, а под конец соврет и над тобой посмеивается.

— Хуже бывает, — начал Кирсан. — Котеночек это что! Вот крысы: какие они умные, и знаете: не лишены эстетического вкуса...

Тут я покатился со смеху.

— Было это еще до германской войны, я служил егерем у графа. Богатства этого графа были несметные, в доме золотые, серебряные, бриллиантовые вещицы — вкус к прекрасному. И вдруг золотые, серебряные, бриллиантовые вещицы одна за другой стали пропадать. Уволили прислугу — вещицы исчезают, другую — исчезают, третью хотели уволить, но то же случилось, как у вас с часами золотыми: это крысы таскали. Тогда взломали полы и открылось под полом... ой, ой, ой! Что открылось! Золотые, серебряные бриллиантовые вещицы в строгом порядке и с большим вкусом: бриллиантовая гостиная у них, кабинет из золота, спальня из серебра, все совершенно блестит, все начищено.

На этом месте рассказа Антоныч за дверью не выдержал:

— Нет, Кирсан Николаевич, что крысы серебро и другие вещи таскают — это я слышал не раз и верно, а что у них есть гостиные и кабинеты — это ты врешь.

21 Окт. 28 раз. Из примера с Щербаковым помнить, что тайного сговора (против тебя) вовсе нет, и если это покажется — идти на это прямо, как на зверя с рогатиной. Вопрос: с некоторыми людьми не только неловко и слова прячутся и их надо из себя вытаскивать, но даже чувствуешь без слов по виду, что ты для них... какие это люди? В прошлом Михаил Стахович (это развить).

22 Окт. Осень проходит дождливая, но теплая. Второй день писал Дубровского и написал. Завтра с Петей отправимся в «Правду». Появление Органова (поэма из кооперации). Приехала Люба и «Капитан». Рассказывал капитан, что когда село наполовину сгорело и пожар остановился, то сгоревшие бросились поджигать несгоревших с криком: «гореть, так всем!» С большим трудом от них удалось отбиться. «Капитан» жаждет боя и понятно: что это атаки на холостые пулеметы! И раз ты попробовал брать холостые патроны, то тебе очень хочется идти на боевые, именно в мирное время разжигается душа на войну: заражается душа на войну.

23 Окт. День умер и больше не вернется, ведь это был мой день, и я тоже прошел вместе с этим днем, и я не вернусь.

Посланы деньги Разумнику, письмо и письмо Ек. П. Румянцевой. Пек пироги. Читал Органова. Захворал Левин. Думал о Н. И. Замошкине и хороших врачах: поэт и врач: поэт начинается от радостей жизни, врач от страданий в ней человека: рождается в трепете радости жизни и встречает страдание (вырезали желудок, без наркоза 3 часа), а вот это дело. Можно твердо стоять и радостно, если принять все страдание

24 окт.

В редакцию журнала
«Наши Достижения»

На Ваш запрос от 23/Х с. г. по вопросу моих работ сообщаю Вам следующее.

Основная работа моя — это роман «Начало века», в котором я должен изобразить гибель империи и начало создания СССР. Роман примыкает, как новая часть, к моему роману «Кащеева цепь». Я еще не вижу конца этой работе, которая происходит параллельно о больших достижениях в жизни: чем лучше людям становится жить, тем больше верится, что когда-нибудь создам я эту очень трудную вещь.

Ближе к осуществлению работы над лесными материалами, собранными мною этой весной в северных лесах между р. р. Пинегой и Мезенью. Я совершил это трудное путешествие при поддержке Наркомлеса и собрал много материалов. Но, к сожалению, лес как предмет поэзии и лес как предмет эксплоатации, весьма несовершенной в наших условиях, в этих материалах очень дерутся между собой. После попыток писать о Лесе очерк в «Известиях», в «Правде» я, наконец, решил переработать все свои лесные материалы в книгу для маленьких детей. Эта работа...[1]

Третья из основных работ — это работа над собранием сочинений. На днях вышел 1-й том, большой том «Север», в который вошли «В краю непуг. птиц» с беломорским каналом, «Колобок» с современными Хибинами, «Никон Староколенный» и «Светлое озеро». Таким образом, этот том не есть маленькое «собрание», а собрание, связанное с поездками на местах. Второй том, «Кащеева цепь», содержит в себе, как третью часть, «Журавлиную родину» и, благодаря этому, как мне думается, получит совсем другой смысл и другое значение.

Из работ маленьких, которые приходится делать под нажимом представителей печати, назову выходящий скоро под моей редакцией пушной номер «СССР на стройке», рассказы в Мурзилке и т. д.

Я не упомянул умышленно о моей большой книге «Рассказы Охотника», выпущенной недавно в изд. «Советский писатель». Не упомянул я о ней, потому что она мне труда не стоила никакого: в этой книге собраны мои охотничьи рассказы за много лет, и их оказалось на тридцать листов! Издается также в Архангельске мой «Колобок». Начинают издавать меня уже тиражом до 15 тыс. а в Детгизе даже

[1] Для детей не так просто, как все думают, а ведется у меня по принципу, что для взрослых не обязательно писать так, чтобы дети понимали, но для детей надо писать обязательно так, чтобы это было бы и желательным чтением для взрослых. В ближайшее время в Детгизе выходит книга моих рассказов для младшего возраста под заглавием «Зверь Бурундук» в 100.000 тираже, на хорошей бумаге с превосходными рисунками худ. Гардман.

и до 100.000. Это радует, конечно, чрезвычайно, и в то же время создает и некоторую тревогу: привык издаваться в малых тиражах, по-старому рассчитывая к далекому неведомому другу-читателю, а теперь этот читать стоит у порога...

Еще я забыл упомянуть о работе этого года: я и в кино дал сценарий «Корень жизни». Этот сценарий превратился в руках режиссера в «Хижину старого Лувена». К счастью, повесть «Корень Жизни» прочитан многими, и всякий, читавший мою книгу, скажет, что «Хижина» ничего общего с моей книгой и сценарием не имеет, а своей тенденцией благополучия в природе прямо противоположна той творческой тревоге, которая обязывает человека соприкасаться с природой и о которой постоянно везде я говорю.

К вечеру приехал редактор «Наших Достижений» с Зарудным и уговаривали меня написать к 10-му ноября о лесе.

Ночью... ведь все продолжает сниться (33 года!). Я прихожу в какой-то дом и знаю, что в комнате рядом, и знаю, что сейчас нет дома, ожидаю. Слышу, приходит в темноте фигура. И начинает ходить по комнате взад и вперед. И почти все. Но какое счастье! Боже мой! как же это люди не видят, что вся поэзия из этого выходит, что все поэты (даже Пушкин) врут о своих «шалостях» и совсем это у них пустяки... все рыцари бедные, и Блок (одно виденье, непостижимое уму).

25 Окт. Когда выпустишь белку из клетки и она бегает по комнате, то сильно дичает — не подходит! Но когда есть захочет, то опять становится ручной и берет из рук...

Дичает — схватит сахар и наверх на ковер, подвесится на задних ногах головой вниз и сахар жует. Дикая! [Сделал] фотографию ковер: комната и пр. (задней ногой с огромной быстротой чешет себе под мышкой. (Лижет пот осени на стекле).

Машинка моя пишущая в футляре стоит под столом рядом с старой корзиной. Когда надо писать, я ее [достаю],

ставлю на стол и, когда напишу, опять ее в футляр и под стол, чтобы она знала свое место и понимала: я на ней сам пишу, а не она, машинка.

20 Новых новелл
Кулик
Рассказ шофера (рачки)
Собака-кормилица
Соболь и кролик
Фука
Поляков
Какао
Хлеб
Утиный беляк
Второй портрет
Спекулянт (утка)
Облака + Цапля = вечорка (осень) (сделать)
Предки (осень)
Лозунг
Чучело
Мой портрет
Совесть (лето)
Магнит
Лисица в капкане
Песнь собаки

Принялся писать «лес» для «Наших Достижений». Дождь, туман, невылазная грязь. Петя в Москве. Читал знаменитое письмо 9/X 12 г.: слишком бездушно, чтобы сойти за искреннее — как я тогда не понял! Это, конечно, фраза борьбы: и как ей ответить, если человек хвалится, что забрал себе ее лучшее, распоряжается им, напр., превращая в книги, а она каким-то ничтожеством сидит в банке. И сейчас эта щемящая тоска, в сущности, входит в состав поэтического здоровья: так это и быть должно.

28 Окт. Юбилей Григорьева N — раз. Если же не оспоришь, власть внутри — и что лучше.

Роман с Иной: «знаешь, дорогая, давай бросим сватовство, и будем любить без этого»... И было бы счастье.

Муза — это предпосылка поэзии, и ее делает поэт, обманывая себя и другого в невозможном достижении. Может, и правда недоступная, но если ней недоступности, то ее можно выдумать — и будет недоступная.

29 Окт. Беспросветные дожди. Юбилей Григорьева и гибель председателя Детгиза Семашко. Смотрел на юбилей: как будто все одни евреи, а пересчитаешь их — ровно пополам с русскими. Мир с Цыпиным...

«Новеллы»: 1) Вежливый милиционер, 2) Сезонная книжка: она наколола иголкой число: обыкновенно достаточно показать на случай накола, проверки испугалась — он догадался, рассмотрел, она заплакала, он ей сочувствует: излагает свое горе — а он соглашается и в конце говорит, сам чуть не плача: но зачем же вы накололи иголочкой.

Идея: ребенок — кооперативное будущее.

В Англию:

Посылаю Вам договор с моей подписью, засвидетельствованную московским Союзом писателей. Одновременно с этим посылаю желаемый Вам экземпляр (второй) моей книги «Жень-Шень». Ваш перевод, сделанный с текста журнала «Красная Новь», следует сверить с этим вариантом: в последней главе найдется несколько десятков строк, которые, однако, имеют существенное значение. «Рассказы охотника» я Вам посылал, но книга почему-то вернулась назад. Мне очень не нравится оформление этой книги, и я хочу немного подождать нового изящного издания. Кроме того, через месяц я вышлю Вам рассказы для детей «Зверь Бурундук» с превосходными рисунками.

Прошу Вас о следующем:

Вышлите мне договор с Вашей подписью.

Деньги прошу положить на мой счет в какой-нибудь банк в Лондоне и прислать мне какой-нибудь документ об этом.

Еще я очень прошу Вас рекомендовать мне хорошего переводчика в Лондоне, который бы согласился переводить мои новые маленькие вещи, устраивать их в журна-

лах, газетах. Если вы найдете такого переводчика, то попросите его написать мне, на каких условиях он согласится переводить, устраивать вещь и доставлять мне гонорар. В Германии так мне делала одна превосходная переводчица, и от ее перевода маленьких новых моих вещей из жизни природы, охоты, а так же для детей я получаю больше, чем от своих книг.

30 Окт. 30-й раз: заметил, что взамен силы, которая истратилась бы на оспаривание глупца, носил в себе несколько дней тихий злобный анализ. А люди природы живут ругаясь: война постепенно переходит в дипломатию. Люди которые кончают вражду между собой особой руганью и дракой (войной), сами по себе, может быть, и лучше, чем те, кто, затаив вражду, сговаривается с врагом о возможности общей жизни и дела, но перемена формы разрешения споров от военных к дипломатии неизбежна...

Человек шел по железной дороге и, пропуская вагоны товарные, видел, как сыпались семена зимой. Потом наступила весна, и семена, которыми усыпана вся железная дорога, стали прорастать. А человек все шел. И выросло... а он все шел.

Думал о книге Волков: скоро надо взяться.

31 Окт. «Жил на свете рыцарь» отныне входит в круг моих дум (Жень-Шень — разве там тоже не рыцарь бедный?) И еще: родители чужие люди, она готова сделаться женой, но почему, прося руки, он ищет свадьбы? Разве это не «виденье»?

1 Ноября. Конец епитимьи «не оспаривай»: хотя и злоба остается, но все-таки не надо оспаривать: ведь, если злоба, то надо научиться ее сносить, и это можно делать тоже по-разному: и благородно, и подло.

Начало хозяйственной епитимьи. Ежедневно время на поддержку и улучшение хозяйства, иначе начнем падать. Разработать план.

Начали с гончей, Петя убил зайца и промазал по лисе. Пропал Осман.

Барометр перемахнул на ясно, в прежний раз за все лето. И стало ясно, мороз.

В разгаре работы о лесе. Предполагаю сделать 5 листов, которые потянут в 4-й том «Очерк» все старые материалы.

2 Ноября. Солнечный день. Мороз – 8. Барометр за весну, лето и осень впервые за ясно. Петя ходил искать Османа и нашел его заключенным в лисьей норе. С трудом выкопал. Он, когда вышел, понесся и обнюхал все норы. А ведь еще бы немного и — кончился бы.

Кончил очерк «Лес Берендея».

3 Ноября. Тишь, мороз, солнце. Бывают дни, когда роска в пазухе листа весь день перележит и не просохнет. А то придет день, как сегодня, мороз ляжет с утра и на северной стороне, куда солнце не проникает, тоже остается до вечера. Роска и Морозка.

Вьюн и Карась. — А ты на людей переведи: карась рыба правильная, вьюн рыба неправильная — а правда-матушка одна...

— И ну, что же?

— Ты, к примеру, карась, рыба правильная, а я, вьюн, рыба неправильная. Тебе ли у меня о правде спрашивать.

Цыпин, Ивантер, Кронгауз — Левин — евреи, как матрешки один в другого вкладываются и сколько их!.. у них жизненность, практичность из пессимизма рождаются, или, вернее, при пессимизме сосуществуют, часто же при глупости, и, как кажется, это только у евреев бывает, что по существу глуп, а по хитрости умен и может чем угодно заведовать. Трудно сказать, насколько они нам сейчас помогают и насколько вредят. Время, однако, подвигается к таким вопросам строительства, которые евреям не по силам. Мне тяжело с ними, потому что явно с твоей маркой дело имеют.

4 Ноября. Мороз – 10. Тишь. Ясно. Бар. начал падать. Смотрел на большую звезду, вспомнил все, как мы с Павловной жили хорошо и любили звезды, лес, реки, детей. Из этой звезды я вычитал, что какая бы Павловна теперь ни делалась старая — надо не хандрить от ее неважного хозяйства и не упрекать ни за что и довести до конца нашу хорошую жизнь.

Взял я за женой своей великое приданое: месяц, звезды, реки, травы, и с этим живу и с этим останусь... А в этом и есть счастье в браке, чтобы... Мы ведь все в любви своей от невесты в приданое получаем звезды и месяц, и песенки, но куда-то они деваются после брака. Наверно, мы тратим их, а надо это сохранить, все это большое небесное и земное хозяйство, полученное нами в браке от женщины.

5 Ноября. Светло и чудесно с морозом, как и вчера. На рассвете ходил кругом Каляевки и думал о «приданом» — что это (женщина) касается всей жизни. В полумраке встретились молодые, он нес ребенка (теперь часто видишь: мужчина несет ребенка), встретилась старуха, спросила их шуткой, указывая на ребенка, «продавать?» (день базарный). Я подумал, что вот мне и ответ жизни: думать о ребенке, и все другое само приложится.

Открываю книгу добра и зла.

Закончил «Лес Берендея» и отделываю.

6 Ноября. Окончил «Лес Берендея». Праздновал.

7 Ноября. Приехал А. М. Коноплянцев, рассказывал о мучениях своих на празднике (с утра до 3-х на ногах в наркомате: сесть негде и до вечера на ногах, и ничего на площади не видел за флагами и не слыхал). Напротив, Галина, сидевшая безвыходно с младенцем более полугода у нас в подвале, приехала восхищенная от Москвы. Так вот бы подсчитать, много ли довольных праздником. Быть может, на этом все и держится «повидать Москву». Этот праздник основан на потоке народном из деревни в горо-

да, на новостройки. Придет непременно то время, когда начнется обратный поток. Я это знаю, потому что если бы не было этого процесса в скрытых желаниях, то не было бы у меня и читателей.

А. М. Коноплянцев посоветовал мне «Лес Берендея» переназвать «Берендеева Чаща».

[Ноябрь]

12.

9—10—11 провел в Москве. Сдана в журн. «Наши Достижения» «Берендеева чаща» (написать туда и фото), вчера 11-го внес пай в Жил. Тов. 8000 р. Сговорился с Оболенской о книжке в 16 т. букв. Смотрел Аэроград. Решил заказать байдарку резиновую. Общ. суд над Литвиновым. Орешин и Клычков. Орден Ленина свекольщицам.

Орешин и Клычков. Орешин честный, как человек, но врет, как поэт; напротив, Клычков в поэзии честен, а как человек вовсе никуда не годится (способен украсть два рубля у прислуги). Как Моцарт и Сальери. Это через всю русскую литературу. В «Начале Века» на этом антитеза, «Русское богатство» и «Аполлон», или Мережковский и Розанов. Анализ сцены «Клычков в столовой»: отец мальчикам продавал «свинчатки», и тут «идея» (у нас «муза»). Анализ распада на поэт и «человек».

Поэт орденоносный (Демьян): за поэзию нельзя давать ордена и чины. Декадентство именно и стоит на том, что поэзия — «сама по себе» (Не есть ли мое настойчивое стремление быть самим собой — требование поэта: ...разрешение быть самим собой — вот все, что может поэт искать у граждан для себя и на всяком месте оставаться поэтом — вот его долг и его гражданственность. И если чистый поэт ведет себя как жулик, то люди говорят: он «как человек» никуда, но поэт. Анализировать до конца (быть может задание на каждый день).

Приступаю к Берендеевой чаще.

1) Вот в лесу тропа, пробитая охотниками с давних времен, по ней теперь идет человек и песню поет. Но первому человеку, начавшему эту тропу, ведь не до песен же

было. И нам тоже хочется по лесу пройти так же, как шел по нем первый человек, пробивший тропу для охотников. Почему это, откуда берется такое желание изведать в лесу его страшную жизнь борьбы. Если сказать «с жиру бесится человек» — нет! не всякий с жиру тянет, бывает напротив.

3) Мало ли есть каких областей в жизни, взять даже земледелие, от *<1 нрзб.>* к лесу, почему-то вовсе не тянет там землю пахать не железом, а деревом, не в сапогах по земле ходить, а в лаптях. Почему я в математике, в химии скорее концы и только в лесу неудержимо тянет к начальной тропе, к какой-то Берендеевой чаще с неполотой травой, чарующей такой, что взлетевшая птица застревает в сучьях, запутывается крыльями и человек ее хватает руками или петлей, стаскивая себе на жаркое рябчика.

2) Есть птица в дальневосточной тайге, разновидность рябчика, такая смирная, что человек подходит к дереву с петлей на шесте, надевает петлю этому смирному рябчику на шею и тащит его себе на жаркое. Разобраться в этом случае пользования доверием птицы, — как покажется возмутительно! а все-таки почему-то неудержимо тянет пойти тропой первобытного человека повидать эту страну непуганых птиц и самому для своего костра своей собственной петлей стащить с дерева непуганого рябчика. — Что это за сила такая тянет, в чащу первобытного, заманивая непуг. птицей.

4) А вот игрушка, вырубленная топором из дерева почти первобытным лесным человеком для своего ребенка, и теперь в роскошном музее современных игрушек мы смотрим, любуемся игрушкой первобытного человека, считая ее редчайшим, драгоценнейшим памятником народного творчества.

Так вот и леса: наши чудесные народные сказки вышли из леса, и у кого это есть — и кому не дороги наши детские сказки! — того неудержимо в чащу Берендея, пройти по ней собственной небывалой тропой среди непомятых трав и непуганых птиц.

Так вот и мы с Петей, как два мальчугана с тройниками, стреляющими дробью и пулей, с биноклями, термоса-

ми, маленькими современными фотоаппаратами, но совсем без провизии — только чай! — отправились на север искать Берендееву чащу под предлогом необходимости пролить свет на вопросы механизации в лесной промышленности.

13.

Земля бесснежно замерзла и не оттаивает даже, если и нет мороза. Деревья совсем голые, очень скучные. Из луж, по которым свободно можно ходить, иногда торчат обмерзшие, но ярко-зеленые травы. Синицы стали жаться к жилью человека.

С 6 у. до 6 в. ходили с Османом, гоняли, но не убили двух зайцев, один заяц был вовсе белый. Осман отбил лапы и залегал в кустах.

В этом броске орденами Ленина в свекольщиц есть сторона хорошая: ведь герой еще остается героем в момент получения ордена, но орден носит уже не герой, потому что в быту героев нет, быт есть могила героя, и потому он герой, что вышел из быта обыкновенных людей: и можно выйти из быта героем, но в быт героем войти невозможно. Скучно смотреть на человека изо дня в день, или даже на порядок надевающего свои ордена. И вот это хорошо: бросать ордена свекольщицам и тем самым развенчать героев летчиков и других, чтобы они после ордена не успокаивались.

Плохая же сторона — это презрение к личности хотя бы того же Павлова: отмечен среди немногих одаренных людей, а тут свекольщица поусердствовала и за 500 центнеров свеклы получила то же самое, что единственный в своем роде Павлов.

Аэроград в своем слове, как невидимый град, обещает представить нам идеал иного, лучшего бытия, но дает нам самолеты, имеющие в наших глазах большое военное значение. В связи с этим дано множество военно-законных убийств. Люди все ходульные, кричат неестественно (глохнешь от крику), кривляются. И появление этой подхалим-

ской, никуда не годной пьесы приветствуют как великое событие 29 украинских писателей. Это иллюстрация к моей теме «человек и художник»: человек-атлант невидимо для всех, как землю, подпирает искусство; на поверхности жизни кажется искусство независимо, и так часто мы видим, что дрянной вовсе человечек является отличным поэтом, но это все кажется, благодаря терпению атланта: чуть только его терпение кончилось, художник из мира искусства проваливается во всю грязь никуда не годного человечишки. Так и Довженко, стараясь угодить «двору», сел в грязь подхалимства.

Мы надолго задержались, много потеряли зря времени, в Вологде, пытаясь в близлежащих за́панях и лесных биржах познакомиться с делом механизации лесной промышленности. Не хочется это описывать: какой бы ни был совершенный станок, никогда он пользы не даст, если подкатка материала к нему и разборка продукта ручная: ручные процессы «смазывают» все достижения станка. Что мне, если каждый самый обыкновенный лесной инженер может об этом написать в сто раз лучше меня. Мне нравится смотреть на технические, до крайности простые ручные процессы, думая о сметливости первобытного человека, о пользе для себя этих знаний на тот случай, если самому придется попасть в положение первобытного человека (драть лучину, как в 18 году, кремнем высекать огонь). С восхищением смотрел я, как делают «вицу» — материал для связывания бревен в плоту, как сплочивают «под клян», как лихо ездят по воде на одном бревне, как сплочивают бревна щукой, чтобы плот, как рыба, облегченно шел против течения. (Плот на Сухоне: человек одолевает холод.) Вдумываясь во все это, вспоминаешь таинственные навыки пчел, муравьев и других насекомых из Фабра. Зато когда рядом с этим видишь несовершенную механизацию, как она делает бессмысленными ручные инстинктивные навыки и как эти навыки «слизывают» все преимущества машины, то писать об этом не хочется. В утешение все вокруг ссылаются на Бобровскую за́пань в Архангельске, где вся списка делается станками, люди

работают сухие электрический станок. Думаешь об этой за́пани как о совершенном человеческом деле и находишь объяснение, почему представитель художественной литературы предпочитает первобытную работу несовершен. механизму: все в совершенстве, в здоровом естественном эстетизме всякого дела.

Понимать друг друга можно и необходимо лишь настолько, чтобы не мешать, большего понимания нельзя требовать, а только желать как «счастья», независящего от нашей воли.

14.

Последний монах Аффоний принес поднос с лаврой и сказал: «она (лавра) вас притягивать будет». Я взглянул на него с вопросом, и он объяснил: — Потому, что я писал с усердием.

«Первая любовь» для мужчины только в редчайших случаях делается любовью брачной. Мужчина для любви брачной должен сколько-то пожить нелегально. И вот была одна первая любовь, только одна на всю жизнь — (поэтическая аскеза)... И там ничего и все зря: разряд в пустоту, а песня остается, радостная тень любви: так создается «Жень-Шень».

15.

Ездили с Петей к Алексею Денисову в Чирково и привезли дочь Османа Альму. Денисов то же, что и «Дедок», прекраснейшее народное существо. Теперь им наступает конец, и вот мы с Петей всю дорогу говорили о том, что совсем пропадает это народное существо (Лувен, Восток, китайцы), или же возродится оно, проявится в культурной деятельности более сложных людей. Несомненно одно, что вино теперь является решением и среди русских пьяниц надо искать подобных людей.

«Коллизия»: Денисов и другие охотники в Чиркове в существе своем коммунисты и колхозники, запрещаю-

щие им охотиться. Очень похоже на нескольких настоящих писателей, заключенных в «Союзе сов. писателей».

В Констант[тиновском] РИКе с лестницы на лестницу бегали черти с папиросами в зубах, в штанах галифе.

Что бы я наделал в крепостное время, обеспеченный вотчинами? наверно, самым диким борзятником... а вот нет борзых, и я поэт: лучше ли это? все скажут — лучше. В этом и есть движение истории: (Жень-Шень).

16.

Небо ровно-ровно-серое. Утро, день вечер — все равно.

Температура все 24 часа на нуле, и барометр тоже ни туда ни сюда. Земля замерзлая. И все как будто на этом кончилось и больше никаких не будет перемен на земле никогда.

Я попробовал записать за ним — ничего на бумаге не вышло. Сам начал свои впечатления записывать белыми стихами — и опять стыдно читать написанное. Но мне пришло в голову писать своей обычной складкой и только скорей, не откладывая, что видишь, то и записывать по-своему, как Губин тоже, что видит, о том сейчас же на свой лад и говорит. (Тропа. Дерево)

Наука в моем деле служит проверкой и укреплением моей сказки, благодаря записи я смею со сказкой своей подходить к самым обыкновенным существам, как Иван Царевич подходил к заколдованным кладбищам и во внутреннем содержании вещей находить и будить спящую Марью Морьевну.

17.

Пробовали новую собаку Альму — весь день. Белый заяц на всем темном, как видение. Хороши на дорогах морозные стекла, из под которых ушла вода: лед-тощок. Совсем особенно, со стеклышком поет вода. В ожидании разрешения бесконечного скола всматривался в берега

лесного ручья, как они создавались, размывались, намывались, громоздили гальку на перекате, зарастали ольхой внизу и вверху ельником. Среди густого ельника водимый только своею ольхою проходил ручей...

Иногда, кажется, смотрел бы, смотрел на жизнь ручья в лесу и деревьев и разных зверушек, да так бы вот все разбирал бы, разбирал. Но только это кажется, что можешь всегда: редко можешь. Это моя старая дума о возможности управлять своей способностью восприятия. Самое простое — это взять, выбрать тему, напр., муравейник, пчел, перечитать все в этом и погрузиться в тему. Но тогда нарочитость исследования ограничит тему со всех сторон и засушит, так что такое подогревание себя полезно, даже необходимо, но не основа всего такого «исследования». Основа — это охрана внутреннего равновесия, обеспечивающего состояния родственного внимания. Хорошо бы научиться так владеть собой, своей силой родственного внимания, чтобы и в городе людские массы, лица воспринимались как в лесу (опыт независимой жизни в Москве).

18.

С утра легкая пороша. Вечером ясно, – 12.

Собрал несколько каротышек для «Правды» (все еще не оставляет задор создать рассказ). Приспособил «Антипыча» для «Пионера».

Герцен странен нам теперь и своей постоянной попыткой критиковать свои личные чувства к объяснению общественных явлений. Мне думается, этим способом он закрывает свой наследственный нигилизм: утопающий хватается за соломинку. А они, старики, и все так: даже и К. Леонтьев хромает на этом. Только мы теперь в стране советской отделались от этой барско-интеллигентской иллюзии. Ведь даже самый простецкий оратор, называющий Сталина «родным», понимает это родство не в буквальном значении, а в особом общественном смысле. И возможно, что в собрании на людях оратор вполне искренно чувствует «родство», но [ему самому] лично один к одному со Сталиным, глаз на глаз ему сказать будет не-

чего. А у стариков было так, что свое личное чувство пытались подтягивать...

Книги старых героев в новых условиях (были бы в литературе такие попытки?).

С 19 – 27 = 8 дней — скажем 7 = написать $1^1/_2$ листа = 50 – 60 стр. Берендеевой чащи, — по 8—10 стр. в день. К 25/XII закончить все.

Стебель сколько бы ни тянулся к солнцу, рано или поздно роняет на землю зерно. Так и думы наши, годами поднимаясь все выше и выше, роняют зрелые мысли и народные массы, как земля их выращивает, и опять думы великих людей высоко поднимают... И так мы живем.

Вот тянется лапа к тебе и понимаешь где-то в заднем уме намерение лапы, но почему-то не скоро доходит до ясного сознания, чтобы наступить на нее. И когда лапа вытащит у тебя, соберет, то уж после вспомнишь, что ведь знал я, но почему-то не мог.

21.

Морозы – 18. Чуть припорошена земля. Пишу 2-ю часть «Берендеевой чащи».

Не то плохо, что счастливо поставленный в обществе человек пользуется жизнью больше многих, пусть себе пользуется на здоровье! — а плохо, когда такого рода люди зазнаются, перестают держать связь с тем множеством людей, которые лишены подобного «счастья», и считают, что так это и надо...» Революция для такого рода людей воистину страшный суд. Как жаль все-таки, что я этого тогда не чувствовал (революцию) во всем ее священном значении.

Два сильнейших чувства пережиты во время революции: это, первое, чувство солнечного происхождения хлеба, и второе, когда РАПП насел: это что я в своем «творчестве» в конце концов все-таки зависимый человек и в сокровенных глубочайших тайниках души нуждаюсь в признании моего труда обществом.

22.

День в день — мороз в мороз, звезда в звезду.

Утро, начиная от предрассветного часа, когда совсем в темноте выходишь на охоту, и до большого утра, когда солнце взойдет на малое время, — и самое разнообразное из всех суток. Осман выследил зайца в то время когда кажется, что уже все звезды повышли на синем и осталась только утренняя спокойная звезда возле месяца, она вдруг спохватилась и откуда-то наспех выбежала проститься, и закатилась, и вот дышит, дышит. Через минуту, смотришь — исчезнет в синем небе? но месяц со звездой утренней будут еще долго, до тех пор пока не взойдет солнце.

Чудесное утро, но вечером ворвалась какая-то страшная еврейка из «Советск. писателя» и турист, искатель медвежьей берлоги. Ефр. Павл. не вышла чай наливать и, разрываясь между берложником и представительницей «массового» (какой-то отдел массового влияния литературы, что-то в этом роде), зло говорил с массовицей, делал скверные намеки на еврейское засилье в литературе, вообще показал себя... Когда будет квартира в Москве, назначу один день на растерзание, в остальные же дни, чтобы ни один человек...

Ворвалась... Тянется к тебе лапа и понимаешь где-то в «заднем» уме намерение лапы, но почему-то не скоро это доходит до ясного сознания, чтобы наступить на лапу ногой. И когда почти вытащат из тебя, то обижаешься на себя: ведь знал же я намерение лапы, но почему я не мог наступить.

23.

Если бы писателем можно бы делаться независимо от природного дарования, то не было бы, напр. грузинских писателей, армян, русских, поляков — остались бы одни только еврейские писатели.

Талант рождается в природе, хотя бы и биография писателя и его самосознание говорило, что не только не в природе, а даже в борьбе с природой развился его талант.

Талант рождается в природе, но история его вызывает.

«Не от мира сего» означает разрыв человека с миром, и с родиной, но происхождение...

24.

Так и остается земля мерзлая, припорошенная, но не прикрытая... И моя зима подходит, чувствую иногда, — мало веры и сил во мне, чтобы ту свою внутреннюю зиму перенести и встретить смерть как весну. Если же не хватит сил, то ведь это ужас-то какой: сидеть стариком и со страхом дожидаться конца. Вот если бы на стороне, где-нибудь на небе Бог, то за Него бы держался, и так хочется иногда стать на молитву, так от мысли этой мелькающей делается легче: является чувство своей высоты, независимости, силы... Какой-то внутренний облик того, что называют Богом. Я своею деятельностью этому облику и так молился, и лучшее мое явилось отсюда. Мое писание исходит оттуда: там оно зарождается, там его природа, но люди почему-то необходимы тоже: это они вызывают сойти в жизнь, бороться, отстаивать себя. Очень погано! а надо.

Развить бюрократ РАПП стремлением к форме: новеллы — они рады! но они понять не могут, что новеллы [] уже, и я дух великий заслужил свободу как на Пасху — все хорошо.

Подписал договор с календарной редакцией (Москва, Орликов пер., 3, Елена Густавовна Смиттен), срок 15 янв. 1936 г. 10 рассказов на 1320 строк, 10 штук.

26.

Заканчиваю сегодня вторую часть «Берендеевой чащи». Сегодня или завтра еду в Москву. Можно так раскачаться в работе, что ею забывать тоску, зато уж чуть приостановился — она тут как тут. Нигде, нигде в литературе, в журналах, в газетах нет маленьких признаков жизни, что за ужас «Колхозник»! а ведь сколько денег стоит.

27.

Барометр наконец стал падать. Ожидаем пороши. Еду в Москву сдавать вторую часть «Берендеевой чащи». Принимаюсь за последнюю часть.

Вот думаешь об отношениях в повседневной жизни, можно ли, например, устроить, чтобы Е. П. устраивала мне обед когда мне надо, а не опаздывала часа на два, или бы сознала необходимость записывать расходы и т. п. Со стороны еще кто-нибудь, возможно, мог на нее повлиять, но я уже бессилен, в этом я не могу. И так вот есть же эта не-обходимость.

Мой вечер в «Сов. писателе» предполагается после окончания «Чащи» числа 20–25 XII. Тема: «Почему мы плохо пишем». Фольклор (а играть умеешь?). Толстой борется с формой. Мы хотим вставиться в форму... сюжет — это необходимость: чтобы ничего неожиданного. Взять в основу Толстого. Наконец-то чувствую себя стариком: я заканчиваю национ[альное] — пушкинского этажа (фольклорная, непосредственно примыкающая к устной народной словесности.) Письмо Навагова.

Разговор с Петей о старой деревне, как семье (всем известны были три крючка), теперь деревня — колхоз. Что это? Почему писатели об этом между собой не говорят: боятся группировщины? Правда, в силу сложивш. обстоятельств приходится помолчать. Но почему же...

28.

Ночь и весь день летит сильный снег. Какой-то глупый заяц, вероятно, из молодых, плохо вылинявший, бродил возле Каляевки до утра. След его был едва заметен, но Альма нашла и погнала, Осман добирал, и так гон вышел плохой, но зайца я убил. Альма гонит быстрей и мешает Осману. Завтра настоящая пороша, едем в Дворики с одним Османом.

В голове складывается сам собой план моего вечера: Демьян и фольклор. Демьян Б. не просто сказал: не то, что я занялся фольклором (это случайно), а что я (во втором

этаже) сознательно пользуюсь близостью к источнику фольклора вообще устной словесности. Близость к источнику, напр., Сталин: — А играть умеешь? Как я натолкнулся. На Оке поп с червяками: «а в самом же деле, все Толстой: больше всех Толстой. У народников скрытая политика (Селянский министр — претендент на трон) Толстой художник, это как особая порода людей: в состав художест[венного] сложного чувства входит и этика, и мораль и пол... <*1 нрзб.*> худ. образ в составе своем все это включает, когда художник <*1 нрзб.*> это доходное. Ругали (?) «эстетизм»! (доктор З.), стыдились своего дарования: (Толстой: худ. болтовня). Можно и этика, но сознательно и знание — но я, как художник, остаюсь на своем месте и пользуюсь знанием, этикой. Мне особенно в газете писать льстит и этой силой детские рассказы, принципиально ничего не страшно, но утомительно (аппарат заедает): Механизация (напр., новелла): надо ей пользоваться, а РАПП требовал, чтобы художник должен остаться самим собой (Правительство это сознает, этого ищет дает журфиксы, но должны сами.) Творчество Толстого. Проповедь Толстого. Новелла (прочитать и как одно не вышло). Заключить: радость о пианино (Это не мещанство). Нас запугали словами мещанство и эстетизм. (Яросл. вокзал: два рабочих, пирожки и виноград: почем виноград?).

(К «пианино» — библиотека). Правда, это скучновато: как будто в детской живешь.

Декабрь

1.

Поручение Пете в Москве: 1) Получить книжку жил. коопер. и, если надо, побывать у Лешневика, 2) Управление заповедниками, прием в Университет, в Институт, 3) Передать «Берендееву чащу», 4) Узнать о костюме в Atelie и себе заказать, 5) Бюро обслуживания в Торгсине и послать: Термометр...

К докладу: Политикой теперь обязаны заниматься все граждане, а в то время обязаны были не заниматься, зато

нравственная обязанность не только заниматься, но еще иметь инициативу в политике. <*Приписка:*> В декадентское время сбросить «гражданскую часть» удалось: эстетизм. Подвиг: не власть, [а] эстетизм и морализм: остаться скромным работником в словесном искусстве (гражданство, религия в себе), а [так] образы. В советское время приходится сбрасывать с себя балласт прошлого, но балластом это оказывается лишь несколько спустя, а в момент сбрасывания кажется — от себя отрываешь куски своего же тела. Соотв. с этим и литература была и критика. Теперь инициатива взята директивными органами.

К 10 Дек. рассказы Законы Сузема: Новая площадь, д. 6, ком. 10-11, ред. «Молодой колхозник», т. 1.14.33. Козлов и Титов.

Собачкин меняет фамилию.

Если у тебя неприятная фамилия и ты вздумал ее переменить, то сначала подыщи себе место подальше, где тебя вовсе не знают. А то вот у нас на заводе был парторг Собачкин и переменил он свою фамилию на хорошую: Брагин. Все оформил, как следует, опубликовали в газетах: Собачкин меняет фамилию. И ничего не помогло в газете Брагина все у нас на заводе по-прежнему зовут Собачкиным.

Винтик.

В семье у инженера переполох: ребенок играл на песке, попался винтик, ребенок винтик в нос и тут беда: из носа винтик не вышел. Местный врач отказался: нужен хирург. Бросились к машине скорой помощи, а она не заводится. Инженер сам вместе с механиком Иваном Ивановичем целые сутки в гараже возились. Повезли ребенка в Загорск и вот нужно же так: единственный в Загорске хирург уехал в Москву... Оставалось только спешить в Москву на электрическом поезде. В большой спешке сели в трясучий моторный вагон и не успели доехать до Софрина, от большой тряски в моторном вагоне винтик сам выскочил.

2.

Скандал из-за денег. Все было хорошо, пока денег было мало, а когда разбогатели, Павловна, оказалось, вовсе не может считать и распоряжаться деньгами. Не столько пишу, сколько рассчитываюсь («Положение изменилось»). Надо что-то придумать немедленно.

Начал писать 3-ю часть «Чащи».

Гонял лисицу с Османом: если бы знать, где он ее закружит, а то все никак не нападешь на круг. Часов пять он держал.

Начинаю ненавидеть все советские аппараты и боюсь, что всякое самоисправление безнадежно: вся эта масса тунеядцев... Быть может, надо крепче обняться с правительством и... нет! борьба с аппаратом невозможна, аппарат...

Герцен говорит, что писатели только тогда бывают дружны с правительством, когда оно идет впереди. Несомненно, что сейчас правительство идет впереди, но почему же отстают писатели?

К докладу: дети и учреждения, а людей, чтобы беседовать, нет: люди — это (Павлов) учреждения. Всякий живой человек непременно в учреждении.

К докладу: трудно — только теперь понимаю, как трудно мне, выросшему в старом мире, приспособиться к новому: самое же трудное мне приспособиться к аппарату: каждый значительный человек — учреждение.

3.

Сидел дома и продвинул «Чащу». Вечером Петя приехал. Кончил Герцена, это витязь русской общественности. Чувство гражданской части у нас — это от Герцена.

4.

Всю ночь снежная метель, и утром в метель мы приехали в лес: ничего нет лучше на свете. Ель, вся засыпанная, белая с темными пещерами, и снег, падая, пролетает

мимо темных мест, как живой, казалось, падает и, конечно, по-своему как-то и шепчет. И я, как глухой Бетховен, глядя на него, сочиняю свою музыку. А то вдруг ветки белые зашевелятся, думаешь, зверь выходит, а это с ветки на ветку падает. Ольховые, еловые ветви с огромной снежной тяжестью согнулись друг к другу и заграждают путь и не прошел бы. Но у меня в руке волшебная трость, я легонько стегну по лебедям, по дворцам, заграждающим путь — и в одно мгновенье все исчезает и обыкновенные талые ветки деревьев, освобожденные, прыгают вверх. Иду с волшебной палочкой, как Руслан за Людмилой...

Быстро покончили с Беляком и в 12 я привез Петю на просвечивание.

Столетие со дня рождения Марка Твена. Итак, его симпатии были к тем, кто у нас кустари, и он встретил на пути своем бездушный империализм. А я встречаю бездушный бюрократизм, я все еще, но, быть может, наивно надеюсь его победить, но и боль велика. Получается творчество, как бы сдавленное взрывами. Я же по природе и в счастье своем мог бы быть тоже импровизатором, и, должно быть, я счастья своего не видал. Опасности от бюрократизма для меня не может быть, п. что я скромно живу и внешне не связываюсь, не вступаю в большую зависимость. И годы прошли умные.

В будущем только, наверное, живые люди будут с бюрократами бороться так же, как теперь борются с буржуазией.

5.

Охота. Петя двух: 1-й гоняли на пятачке; 2-й чужая собака, а чужие охотники из-под нашего (заяц гонный и шумовой). Снег такой рыхлый, от тепла уплотнился настолько, и зайцы ходят, не проваливаются, ходят тихонько, растопырив лапки: огромный след — на гору проваливается. Белка и в самый рыхлый снег ходит поверх: очень легка. К вечеру ели заходили, обремененные снегом лапы

закачались, вся ель живая, потом стало все рушиться, вечером буря.

Мои вещи: Лавра — последний монах ее написал, потому что был преп. Сергий, жил среди лесов с волками и, в конце концов, ко мне: какое сокровище. И тоже «Жень-Шень». И так оставляю только друзей. Так и людей надо.

7.

...скажем, 10 дней по 16 = 100 стр. Можно поехать в Москву.

8.

Вернулся из Москвы. Захворал. Видел людей-манекенов, которые не только ведут себя правильно, а тоже так и мыслят и не подозревают даже, что можно думать хотя бы про себя не точно по Марксу. Спор с ними о количестве и качестве: я им старался доказать, что творчество относится вообще к созданию качества, а количество создается просто производственной работой (?) Они, может быть, и правы в своих возражениях, но я чувствовал в них ученых пешек, а они во мне человека, им чуждого, — вот почему мы и спорили. Вот бы в роман такой тип, правильно приспосабливающийся к механизму, который больше их и постепенно, сами того не сознавая, превращающийся в «учреждение».

9.

Болел, но переносил 10 стр.

10.

Болею, но прибавил 8 стр.

Мелькает возвращение рапповских времен: я это из-за скудости нашей литературы. Вот сейчас можно бы организовать группу писателей из «стахановцев», как я пробовал в Талдоме при изучении башмаков, и с этого начать, а не по-рапповски оздоровляющую литературу. (Некий фокус.)

Какое противоречие...

11.

Продолжается грипп. Гоню «Чащу». Читал Бердяева в изложении Бухарина, противопоставляющего творчеству качества христианской культуры, «качество качества» социализма. На мягкого Бухарина можно легко найти еще более мягкого. И так эта религиозная пыль продолжает лететь. Эпоха молчания и дела. Наш бык! а у Домны Иван. поезд раздавил девочку. Д. И. только и крепится Богом (Бухарин свистит в два пальца).

Бострем, как стахановец. Стахановские механизации в применении к живописи... (попыхачи)

Человек с большими глазами
Красивей, чем с маленькими,
И дом с большими окнами
Красивей, — все видно!

Внизу кипит жизнь. Ясно чувствую сейчас, чего я лишен был и что за убогое существо писатель, занимающий почему-то первое место в обществе. На это, может, кто-нибудь из властелинов обратит внимание, скажет: «не нужно все это нам», махнет рукой — и писатели исчезнут, а потом явятся новые сами собой.

15.

Болезнь свою мы с Петей показали тем, что ушли на охоту и весь день гоняли беляка: и беляка убили, и болезнь совершенно прошла.

16.

Недостатки Павловны иногда понимаешь как собственные твои недостатки: ведь она же ровнялась-то добросовестно по эгоизму твоего писательского одиночества и так приобретала солидную форму.

17. (Газеты нет.)

Человек выходит по следу гонного зайца на дорогу и по дороге идет, вытянув вперед голову и повертывая,

как собака, то вправо, то влево, чтобы не пропускать скидку зайца с дороги. И когда он видит, что собака идет впереди его и точно так же, вытянув голову, повертывает глаза то вправо, то влево, он удивляется уму ее и говорит: «умная, как человек», хотя сам он, в сущности, ведет как собака.

После всеобщего счастья в любви и семье человеку нужно еще счастье заниматься в жизни тем именно, чем хочется. Никто не берется рекомендовать метод счастливой любви, но в социализме считается, что в будущем каждый будет работать в охотку.

Трудно ровнять труд по созданию картины с трудом добывания каменного угля, но вполне возможно сделать, чтобы углекоп тоже, как и художник, работал в охотку. Углекопу хочется достать себе пианино, и, хотя он не умеет играть, он верит, что и он тоже будет обладать этим счастьем извлекать чудесные звуки. Надо дать ему возможность, работая, ждать впереди счастья. А разве художник, загубив свою жизнь на картину, не так же думает о музе своей, как рабочий о пианино...

18.

Что белеет впереди меня далеко на востоке,
И везде звезды на небе, и между елками.
А елки стоят засыпанные снегом, очень высокие.
Впереди начинает краснеть, и только звезды меркнут, —
Начинаются большие перемены
Звезды собираются все позади — и это мое прошлое в звездах,
Восток пылает, а месяц в стороне со своей звездой,
Открываются глубокие снега: свежая пороша.
Каждая минута проходит и другие минуты не те,
И множество звезд меркнет каждую минуту,
И мое прошлое в звездах скоро потухнет.
А месяц не боится новой зари.
И звезда его с ним.
А я думаю о себе; вот мои все звезды померкли,

Остается месяц со своею звездой.
Месяц не боится зари,
И я хотел бы, как месяц,
Я даже прямо подумал: месяц это я.

Стахановское движение — это как будто русскому рабочему и всем простым людям открыло дорогу к счастью, совсем стало незачем думать об Америке. И это последний и окончательный удар по уравниловке.

Источники: мое подполье: ненависть к тем, кто глупо тебе отдается, хамство при успехе (вот когда понятно происхождение человека из-под-полья).

Почему русские революционеры иногда женились на еврейках.

Без любви трудно жить человеку и если он не встречает любви в человеке, то обращается к аккумуляторству любви, к собаке.

21.

Закончил 5-й лист «Чащи», конец думаю отложить, а то очень надоело.

История с небом Бострема: современное небо ясно и определено: звезда, значит, ее надо достигнуть; небо как источник мироощущения, как целого органического — враждебно. Совр. люди это не знают, а чуют: передается само собой по волне.

[Достиг] и потерял, как мечта достигателя (Стахановцы или достигатели).

Лесная избушка, о которой мечтает Бострем, есть личная жизнь, то настоящее золотое счастье делать то, что хочется самому. Чтобы сохранить такую избушку, надо бесстрашно закрепляться во вне. В сущности, мой путь и есть путь достижения этой избушки.

23.

Целые сутки снежная метель. Навалило снегу столько, что охота едва ли возможна.

Небывалость нашей революции выражается механизацией управления массами. Кино и радио сняли с народа одежды религиозных легенд и фольклора. Весь народ со всей своей потаенностью захвачен государственным механизмом и посредством стахановского движения будет вовлекаться все дальше и дальше. Редакция даже со стороны «Природы вещей» стала невозможной. Погоня за счастьем в ближайшее время должна проникнуть, как естественная потребность, в недра народа, ко всем без исключения, и заменить восточный аскетизм и упрощенность кустарного быта. Восприимчивость к счастью после самой суровой школы аскетизма дает колоссальную динамику развития...

24.

Вчера вечером стих ветер, и снег перестал. Столько навалило и намело, что все машины остановились.

Разговор с А. Н. Тихоновым — мой и Базарова с Мережковским, а также в том же роде и еще: экономист (общечеловек) говорит с личником (есть такое наивное понимание жизни по себе на нашей ступени (эгоизм) препротивное, на высшей неопровержимое, п. что всякий человек узнает ближнего по себе, и, значит, «я» — есть везде и во всем есть наша станция отправления.

25. <u>Весна света.</u>

<u>Москва</u>. Заседание с куклами (и если бы так каждый день!) Великая епитимья. «Наши Достижения» и Бобрышев: новая этика (мещанская): нельзя колхозника сравнить с жеребом, город с собакой: ругнуться неприлично (новое приличие). Раскрывается, почему запрещает Главлит. В «Известия» Бухарин и Живов (я: храбрый заяц: Говорят, бывают случаи, когда выведенный из терпения заяц на гону вдруг обертывается и бежит на собаку, тогда буд-

то бы собака перестает лаять и обращается в бегство.) — А заяц с лаем гонит?

26.

В Союзе по делу Пети. Ставский. «Ежика» и лучший номер. Предполагаемое свидание с Калмыковым.

27.

Разговор с Ставским. Два устремления: «я сам» и другое: меня подняли условия, меня сделали. Беседа в пути с Ламакиной.

Пальмы первенства.

Нет ничего скучнее, как если опоздаешь к поезду и на вокзале придется целый час дожидаться. Спасаясь от скуки, однажды я вообразил себя хозяином вокзала в том смысле, как я хозяин в своей комнате и по своему желанию могу распоряжаться перестановкой вещей. Только я вообразил себя хозяином на вокзале, как все вокруг стало необыкновенно интересно, и прежде всего мне бросились в глаза гигантские пальмы с черно-мохнатыми стволами, зелеными верхушками почти упирались в высокий потолок с замороженными стеклами. — Это пальмы первенства, — сказали мне... В горячке соревнования начальник этого вокзала, природный кавказец, привез из Абхазии эти пальмы и ими завершили борьбу: вокзал был поставлен на первое место. В возмещение больших средств на пальмы была устроена при вокзале доходная лавочка, но тут что-то случилось, и хозяин очутился в тюрьме, остались пальмы первенства.

28.

Бетал не приехал. Чаща в движении на юг. Мысль о стахановцах: «Богатеть будут. Тем более надо сплотиться» (Значит, этот страх перед «материей» существует уже. Эта сила то же, что «спеца», но «спец» малочислен, а тут... У партийца сила во «втором рождении» (отец пьяница, мать проститутка), стахановцы возвращаются к силе пер-

вого рождения (самости). Подхватил: «и мы переменимся». Великие слова: «и мы переменимся». — Каждый процветает в своем таланте. — каждому по способностям.

29.

Звездное утро. Свет зари на снегу с боку. Вчера был инженер Жданов, и через него понял я свое счастье.

Необходимо думать о «втором рождении»: какая дорога открывается: и главное, мой опыт — возвращения к себе — является ли через стахановцев общим путем.

30.

Когда все померкнет и останется на небе только утренняя звезда, свет приходит от одной зари низом по снегу, и оживать в свете все начинает от снега. Тогда ели, засыпанные снегом, почему-то кажутся безмерно высокими. Бывает, снега до того осветятся, что и все следы станут различными, и кажется тогда, что лучше этих минут в лесу не бывает. Но это начало, самое только начало перемен, прекращенных на очень долгое время от первой зари и до белого света, до большого утра, когда солнце взойдет.

31.

Инструменты, вещи входят в личную жизнь, как зятья и невестки в семью, приживаются и получают семейные права и личные отношения. Но еще одушевленнее входят игрушки в хозяйство ребенка. Этому противостоит механизация, где все только практично и целесообразно. И новый человек, если только он хочет быть действительно новым, должен вернуть душу вещам и таким образом освободиться от своего рабства.

Была елка рождественская, теперь стала новогодняя и сам Новый год стал на 13 дней раньше. Так вот, включив в себя старый праздник, новое время наконец-то достигло первого своего праздника (синкретизм).

Есть устремление человека «положить душу за други своя» — заповедь Нового Завета. И есть заповедь старого

Завета: получив талант от хозяина, вернуть ему больше. Коммунисты военного времени безоговорочно губили душу, не думая даже о ней. Теперь они устроились на службу и лелеют мечту показать свой талант: это обыкновенная история мирных времен, приводящая к разделению человека в работе для казны и для себя. Гражданин тоже, как праздник, как елка, складывается из разнородных частей (синкретизируется).

Благодать «второго рождения» у коммунистов современных переходит в поколения действительно лишь как благодать, подавно как она переходила веками от попа к попу, не требуя от личности подвига.

В газетах даже называют стахановское движение пробуждением талантов... и недаром с этим совпало воскрешение елки. В искусстве тоже есть своя елочка.

Государственному человеку надо считаться с искусством не как с артиллерией, а как с детством: бесполезны дети сами по себе, но в них будущее неведомое, так точно искусство: оно не всегда полезно в настоящем, но без искусства не может быть будущего.

Не забыть о женщине, обретающей в ребенке гражданство. Я, читая это (см.), живо представил себя матерью: с одной стороны, животный эгоизм, с другой, несомненно, гражданство, воспользоваться этим для статьи или речи. (Беременность во время гражданских обязанностей революции, выход: аборт — И ко времени это единст. выход (душу за друга), но в мирной жизни аборт преступление. Так точно и с талантом: губить его на службе в мирное время есть преступление.)

Машка
Огород на колесах.

Когда я была еще совсем маленькая, помню, мой отец большой человек в Горсовете, а у матушки сад-огород. Когда я была еще вовсе маленькой, помню, отец ей гово-

рил: — все у тебя хорошо: яблоньки славные, капуста кудрявая, огурцы строгие, брюква толстая, репа круглая, помидоры красные, все хорошо, а мне мало, я бы хотел...

— Чего же ты бы еще хотел? — удивленно спросила матушка, — разве вот вишни бы, да ведь сам знаешь: вишни у нас в городе на огородах ни у кого не удаются. — Не вишни, — ответил отец, — а я хотел бы, чтобы огород твой на колесах был, взял бы да переехал куда-нибудь, а то все сиди, сиди.

КОММЕНТАРИИ

По мере публикации литературного наследия Михаила Пришвина становится очевидным, что его дневник — едва ли не самое масштабное и едва ли не самое неожиданное произведение в истории русской литературы первой половины XX века. В нем соединяется русская литературная традиция писательского дневника, в котором личная жизнь и творчество предстают в сплетении постоянно возникающего материала авторефлексии, с русской летописной традицией — погодово́й хроникой происходящих событий в течение пятидесяти лет. И сама фигура писателя, творчество которого по разным причинам еще до сих пор не осмыслено, выступает в несколько ином свете, чем это представлялось до сих пор.

В 1932—1935 гг. Пришвину удается не противопоставлять себя современности и участвовать в жизни, публикуя свои произведения, и в то же время оставаться независимым и свободным («*Быть везде, все видеть и не покидать пустыни, чтобы не сорваться и не отдать первенство за чечевичную похлебку*»); по его мнению, сохранить универсальность миропонимания ему удается благодаря «приобщенности» к европейской культуре: образованию, которое он в начале XX века получил в Германии, и немецкой культуре, влияние которой (в частности Ницше и Вагнера) он испытал в полной мере («*Почему же писателя кормят какими-то тенденциозными вытяжками из европейско-американской культуры <...> и не дают ему возможности <...> быть в курсе "технологии" мирового общения в вопросах искусства слова. Лично я не очень нуждаюсь <...> в этом общении, потому что смолоду был приобщен, и на всяком месте при всяких условиях от этого заряда <...> воспринимаю все универсально*»).

Характер дневника в эти годы остается прежним: Пришвин стремится понять смысл новой жизни, пытается оценить достижения, осознать степень цинизма власти, обнаружить способы существования, вернее спасения, личности. Писатель по-прежнему остается в дневнике предельно открытым, общий страх, который уже проникает в повседневную жизнь, никак не сказывается на его ежедневном общении — с самим собой — в этих драгоценных тетрадках. А жизнь оставляет все меньше надежд на нормальное человеческое существования («*Слышал там о Флоренском, что его выслали и будто бы семье сказали — куда-то близко, а письмо получено из Свердловска, на пути в г. Свободный: где же находится г. Свободный, точно не знают, будто бы на Амуре*»).

Писатель не просто оценивает новую жизнь в России с точки зрения идеологии или изменения жизненного уклада — он пытается также понять ее с точки зрения культуры: революция вписывается в контекст культуры, как европейской, так и русской — в контекст кризиса гуманизма, в эпицентре которого оказывается и ницшеанский тезис о преодолении человека — низкого в человеческой природе, создании сверх- (читай «нового») человека. В 1933 г. на Беломоро-Балтийском канале Пришвин воочию убедился в том, что одной из важнейших целей строительства тоже была «перековка», переделка человека, конечно, безо всякой философской подоплеки; это была пропаганда идеи превращения заключенного в идеального, социально ориентированного человека нового общества, который должен был появиться в процессе строительства канала (*«"Перековка" человека в лагерях состоит в том, что бродяга, анархист или мелкий собственник, крестьянин или собственник [специальных] знаний заключается в систему действий, непосредственно полезных для советского государства. Предполагая, что принципы сов. государства являются лучшей целью всего человечества, все равно как раньше было Бог, заключение человека в дело осуществления этих принципов тем самым является и делом исправления»*). Как бы иронически ни звучала эта запись — ясно, что писателя не привлекает и не восхищает эта гибельная идея — но иронией он не может удовлетвориться, он пытается понять, что испытывает человек, оказавшийся на канале, и что ему теперь делать.

С некоторыми людьми он сумел поговорить во время своей поездки на Беломоро-Балтийский канал в июле–августе 1933 г. (*«Вечером концерт с Михайловой: певица говорила: я не говорю о карьере: голос пропадает, кашляю, кровь... — пусть! но ребенок, свидеться с ребенком»*), о других ему рассказали — по дневнику рассыпаны краткие записи о людях, иногда просто отметка: кто есть кто в этом лагере (*«Отказчики, религиозники, студент-китаец (троцкист), венгерка-певица (шпионаж), художник Курбатов, актер Полковников, писатель Виленский, биолог Кишкин, кореец-шпион, ущемленец, капельмейстер поп, крестьяне, урки, цыганка Кармен, геолог, врачи, монашка, монах, профессор, еврей, латыш, инженер, анархист, ученый, мелкий собственник, ксендз»*); позднее, спустя несколько лет после поездки, он запишет: *«б/д 1937. Тут была вся Россия»* и *«18 Июля 1937... мы все строим какой-то канал»*. И спасением, вернее попыткой сохранить себя, для каналоармейца становится... работа. Понятно, что если на все это смотреть со стороны — ужас, ужас и ужас... а если чувствовать все по себе (*«21 Июля 1937. С этим каналом я, как писатель, в сущности сам попал на канал»*), если себя там представить — тогда что? понятно, что ужас, а дальше что? Пришвин знакомится с человеком, который освобожден и работает вольнонаемным — на канале эта практика широко применялась (*«несмываемое оскорбление... и снова красные петлицы, а между тем себя самого нет: петлицы вернулись, а сам себя потерял и ноет, болит несмываемая обида... то же самое инженер... готов в любое*

захолустье на голод, лишь бы "свободным", т. е. смыть обиду (плен)»). Нет выхода и нет спасения, а писателю все равно нужно понять, что происходит с человеком в том месте, где нет ему спасения*. Героическая модель поведения никак не вписывается в эту абсурдную реальность и, по Пришвину, не может быть способом борьбы с ней — потому что любому сопротивлению противостоит смерть; господство зла как такового, с которым невозможно открыто бороться... что можно противопоставить этому, кажется, нереальному существованию?

Пришвин обращается к идее внутренней свободы не как к философской категории (Бердяев), а как к повседневной реальности, поведенческой норме, единственному реальному способу для человека сохранить свою личность («*Теперь никто не спрашивает о моральной мотивировке поступков, лишь бы поступки эти согласовались с генеральной линией партии и давали бы продукцию в количественном и качественном отношении. Именно вот это и определяет наше время: про себя живи, как тебе только хочется: властвует затаеннейший человек*»). Пришло страшное время, и идея роста внутренней свободы за счет утраты внешней стала задачей повседневной жизни, пусть даже неосознанно — слово превратилось в дело: выжить на канале можно было, только сохраняя внутреннюю свободу (это Пришвин знал по себе — все послереволюционные годы дневник был для него способом сохранить в себе способность мыслить, любить, радоваться... жить вопреки всему), здесь это можно было только посредством работы, посредством труда («*21 Июля 1937... Я представил себе, что я сам на канал попал, хотя бы по культурно-просветительской части работал. И, конечно, я бы работал: "Канал должен быть сделан"*»). Безумие так писать? — конечно, но ведь и жить так — безумие, пришла безумная жизнь, и оказалось, что все равно приходится жить**. А о чем «Один день Ивана Денисовича»?

---

* Ср.: «*8 Апреля 1934 г.* Вчера видел Кишкина, бывш. заключенного в Соловках, и узнал от него, что там теперь уже все переменилось, бандитов нет, а только изолятор политических».

** Ср.: «Дневник М. Пришвина был опубликован посмертно. Писатель не принимал участия в экскурсии, но посетил канал за месяц до нее. О преследовании "кулаков" и прочих ужасах еще в 1930 году он высказывается критически. Однако в его дневниковых записях о Беломорканале дистанции почти уже не чувствуется. <...> В последующие годы Беломорканал становится одной из главных тем пришвинского творчества; в своем романе "Осударева дорога" он излагает историю канала именно так, как это от него ожидалось, причем в качестве формальной вариации он избирает точку зрения мальчика. <...> С точки зрения перевоспитавшегося писателя, ужасы Беломорканала остались очевидными. Но эти ужасы не должны стать предметом его изображения. Как становится ясным из формулировок Пришвина, критерием для него служит не доктрина социалистического реализма, а более старое уче-

И как техническое сооружение канал тоже не производит на Пришвина сильного впечатления, он и тут остается трезвым и отнюдь не восторженным человеком («*Плотину в Надвоицах можно понимать по сравнению с подобными плотинами в капиталист. странах, и тогда эта плотина ничего не представляет особенного*»).

На самом деле очерк «Отцы и дети», который Пришвин написал в результате поездки, никак не вписывается в сборник, прославляющий труд заключенных (так заклеймил его А. Солженицын за то, что впервые в русской литературе писатели воспели рабский труд). К примеру, Пришвин записывает свой дорожный разговор со стариком, бывшим заключенным («*— Мне дали катушку* <...> *Я не понял. Он сказал по-другому: — Червонец. — Это я кое-как понял: он был осужден на десять лет. Другой пассажир, помоложе, спросил: — Вы получили катушку через вышку? — Это значило: десять лет взамен высшей меры*»). И в истории этого человека нет ничего пафосного и радостного, и ехать ему после досрочного освобождения некуда («*Ехать мне больше уж некуда, родину свою я потерял*»), ему остается только работать тут же, на канале, теперь добровольно. Или процитированные другим пассажиром, «*тоже, вероятно, когда-то отбывшим срок заключения*», строчки: «*От сумы и тюрьмы / Не отказывайся! / Приходящий, не тужи! / Уходящий, не радуйся*», после чего авторский комментарий открывает бездну между государственными декларациями о труде и реальной трудовой деятельности на канале сотен заключенных («*Многим в вагоне эти стихи оказались не только хорошо знакомыми, но и внутренне очень понятными. Я тоже одобрил это умное, чисто восточное приспособление к жестокости жизни и превратностям судьбы. Но потом мысленно сопоставил этот старый тюремный стиль с новой, социалистической этикой: "Труд — дело чести, дело славы, дело доблести и геройства "*»)*. И как это бывало с текстами Пришвина, цензура поняла, что в сборник этот очерк не может пойти, но не поняла, что автору удается в нем размышлять о том, о чем именно размышлять под

ние о произведении искусства как воплощении красоты и добра — пусть и не правды» (*Клейн Иоахим.* Беломорканал: литература и пропаганда в сталинское время // Новое литературное обозрение. 2005. № 71;http://magazine.russ.ru/nlo/2005/71/kl/14.htm).Определив Пришвина как «перевоспитавшегося» писателя, И. Клейн в своей статье не задается вопросами и тем более не пытается на них ответить: почему Пришвин поехал на канал один, а не вместе с группой писателей? почему не взяли его очерк в известный сборник о канале? почему его роман «Осударева дорога», написанный «как от него ожидали», не был опубликован при жизни писателя, и почему редакторы требовали от писателя бесконечных переделок, вплоть до переноса действия романа в другое место, и почему он на это не соглашался?

* Собр. соч. 1935–1939. Т. 1. С. 28–29.

страхом смерти точно было запрещено. Литературный язык Пришвина тяготеет к народному разговорному языку, не столько народному по форме, сколько по противоположному власти стилю мышления и общения — доверительный тон, открытость, не утверждающая, а рассуждающая манера, диалогическая, а не монологическая речь — в дневнике Пришвина десятки «чужих слов», записанных и включенных в авторский дискурс. Этот язык для «имеющих уши», которые услышат, и поймут, и додумают, для читателя Пришвина, которого недаром он все чаще будет именовать и считать другом. Цензура слышит «за или против», а пришвинский текст как будто на другой территории (М. Рыклин) — один открывает книгу и не находит в ней ничего «такого», другой же читает и понимает, что, к примеру, повесть «Женьшень» не о том, что какие-то особенные люди строят социализм; в ней речь идет о самой сути человека и о том, зачем он строит и как он строит, кого он любит, о чем он думает и как он живет...

Кстати сказать, год спустя после выхода сборника о канале Пришвин с удивлением записывает о том, что сами писатели — Б. Н. Агапов, писатель-очеркист, Шкловский, Ставский — оказались на его стороне (*«Третье лицо Шкловского: такой-то человек и вдруг прославляет меня за очерк, не напеч[атанный] в "Канале"»*).

В эти же годы, судя по дневнику, медленно, из глубины собственной души, а не мысли возвращается Пришвин к Богу — он по-прежнему не церковный человек, и его раздумья на эту тему всегда выражены предельно просто, очень честно и свободно (*«Бывает, чтение книг о человеческом опыте <...> утверждает вас в правильности вашего пути. <...> Мне кажется, я нахожу эту радость в чтении и своем личном толковании Евангелия»; «так хочется иногда стать на молитву, так от мысли этой мелькающей делается легче. <...> Какой-то внутренний облик того, что называют Богом. Я своею деятельностью этому облику и так молился, и лучшее мое явилось отсюда. Мое писание исходит оттуда: там оно зарождается, там его природа, но люди почему-то необходимы тоже: это они вызывают сойти в жизнь, бороться, отстаивать себя, очень погано! а надо»*). Необходимость «сойти в жизнь» и участвовать в жизни Пришвин всегда чувствует: надо быть во времени, если ты писатель, ты должен чувствовать современность и понимать ее. Так в его жизнь вошла машина (*«через машину в круг больших вопросов всей современной культуры»*). Многое не нравится Пришвину в новой жизни, многого он не может и не хочет принимать и понимать, но он видит, что прежняя жизнь со всем ее укладом прошла, канула в лету и уже невозможна (*«Говорят, что на Козьей Горке назначено великое военное строительство. И уже сейчас пятитонные машины начали поднимать пыль, и окно приходится закрывать, а вот скоро трамвай пойдет, а там этот завод... В этом и есть главное отличие прежнего жизнеощущения и нынешнего: тогда казалось, все прочно вокруг и я лично устраиваюсь на всю жизнь; теперь никак нельзя прочно устраиваться. Многих прежних людей это и губит: без этого им жизнь*

не в жизнь»). Сам он по своему складу, по интересу и любви к жизни, по стремлению в любой ситуации искать и находить выход жить прошлым не может («*Неужели же мне среди новых людей жить, как все обыватели страны, воспоминаниями прекрасного прошлого. Нет, я надеваю очки и снова все вижу, как юноша*»). Процесс индустриализации и урбанизации сопровождается массовым разорением деревни, перемещением сельского населения в город («*Москва — это деревня по человеческому своему составу*»). Все это происходит одновременно, и в дневнике писателя все перемешано, как в жизни: серьезное («*Машина и электричество ставят новые задачи перед личностью: овладеть этой силой*»), нелепое («*В городе уже все знают. Машина — это все равно что власть, чин генерала и т. п. Машина, значит, большевик, это разрыв со старухами. В то же время все хамье из местного начальства становится почтительным, ведь хамья-то больше, и в общем плюс*»), безысходное («*Куда ни пойдешь (рыбные пруды, пашня, лес, огороды, птичий трест и т. п.), везде совершена работа, и вся она сделана массой полуголодной (из Саратова за фунтик хлеба). Все делается под страхом голодной смерти, и потому узнать себя в своих делах человек не может... Все рассчитано на массового человека, который в среднем за кусок хлеба при голоде готов на все*») и то, что каким-то образом оказывается как будто и положительным («*По хамству человека или по закону приспособления тот же тюль переиначивается в "достижение": были грязь, мужик, вши, вонь, матерное слово, и вот тюль, и цветы, и герань*»).

Но как бы там ни было, смысл времени — новой эпохи, XX века — Пришвин безошибочно почувствовал и понял абсолютно верно («*Мне кажется, я угадываю теперь уже верно характер исторического момента нашего государства: и только теперь я понял! а между тем давно уже видно было, что разрушительная миссия интеллигенции, идеалы высшей свободы и пр. кончились и начинается время культуры верных государству людей ("кадры решают"). Маркс, Энгельс, Ленин — это люди деловые, это "практики", а мы привыкли питаться от мыслителей... Но время подошло к практикам и действию. Мы ждали пророков, а пришли экономисты*»; «*теперь новая эпоха строительства началась и будет продолжаться именно так, пусть даже иностранцы придут и даже возвратится монархия — все равно! иностранцы, или монархисты, или социалисты, те или другие будут заниматься не расширением, а строительством*»). И в свете этой новой реальности он видит литературу («*Еще мы говорили о том, что вместе с добродушием эпохи кончилась эпоха писателей-моралистов, какими были до революции все крупные писатели: Толстой, Гоголь, Достоевский...*»).

При том, что дневник Пришвина ежедневный, в нем не воссоздается цепь событий день за днем — в дневнике нет бытового реализма; будь это факты его творческой или личной жизни, будь это общественные события, они включены в поток авторской рефлексии. Иногда

одна беглая зарисовка или мысль, которая афористически аккумулирует в себе суть времени, становятся штрихом в картине мира, которую рисует дневник писателя и без которого эта картина не будет полной: *«Беда: машин наделали, а людей нет. Для машины необходим цельный человек, не издерганный в собраниях»*. Или пометка: *«Коварное лицо... испр.: Коварная личина времени»*. Или: *«В... РИКе с лестницы на лестницу бегали черти с папиросами в зубах, в штанах галифе»*.

В то же время, несмотря ни на что, Пришвин отмечает события, лично для него существенные, важные, к которым он возвращается вновь и вновь, начиная с детства, архетипы, которые лежат в основе его личности и прокладывают его путь в литературе и жизни. И в конце концов оказывается, что именно эти события легли как в основу его религиозно-философских взглядов, так и в основу его жизненного и творческого поведения. В дневнике формируется сложный пласт авторефлексии писателя, который выстраивает целый мир, наполненный мифами — его взаимоотношений с природой, с женщинами, с властью, мифология собственного детства, марксизма, своей Германии, Америки и, наконец, творчества. В XX веке автомифологизация сохраняет свою знаковую роль и, кроме того, приобретает особое дополнительное значение скрытого смысла оппозиции правящему режиму. По крайней мере, к мифологизации образа писателя-охотника Пришвин, безусловно, приложил руку — он сам любит этот свой образ, в нем он свободен, в нем он естественен, в нем он неуязвим.

В 1932 г., впервые оказавшись на медвежьей охоте, Пришвин проверяет себя прямо «гамлетовским» вопросом (*«И не эти ли самые елочки маячили мне, когда я в глубоком снегу продвигался к челу, и говорили: быть или не быть охотником?»*), он охотой испытывает на подлинность свое писательство и даже саму жизнь (*«А может быть, я с этими своими птичьими охотами только представлялся охотником? Что если все это было только для литературы <...> и сейчас все узнают, что я бумажный охотник? Что если и мое словесное искусство тоже обман... и так вся жизнь обман на обмане?»*). И без этого трудно понять Пришвина — он должен быть сам абсолютно уверен в том, что он настоящий — охотник, писатель... человек. Пришвин-охотник в пронизанном солнечным светом пространстве круга, очертившего берлогу, живет по иному времени (*«Неужели всему этому огромному времени мерой была наша секунда?»*). И все это настоящее. Тут не слукавишь, не обманешь, не проведешь — цена жизнь и смерть, настоящая опасность, традиция, уводящая в глубину человеческого и природного естественного противостояния (природы и культуры) — испытание, уважение к природе и ее силе, понимание, что это проверка тебя на прочность, честная проверка. Это и есть пришвинская охота. В образе писателя-охотника он бесстрашно и уверенно противостоит не просто «вредителю», а «Кащею-вредителю», то есть вредителю любого ранга — и побеждает (*«с тех пор я как писатель "разъясненный" и устранен от читателя... охотничьих моих рассказов больше нигде не печатают*

<...> Ну, ладно же! Если новых писать нельзя, я возьму старые, признанные классическими, общеизвестные, школьные: "Ярик", "Нерль", "Ленин на охоте" и множество других, соберу все в том "Записки охотника" — вот будет хрестоматия-то».

В 1932—1935 гг. он чувствует, что хронотоп революции («*Революция движется линейно, события и лица проходят... без ритма*») вступает в какое-то неразрешимое противоречие с хронотопом человеческой жизни («*время общей жизни мира (солнце всходит и заходит) идет ритмически*»). Циклическое время природной и человеческой жизни сталкивается с линейным временем революции («*все революционное движется по линии (не по кругу)... все является и [пропадает] без возвращения: усвоили и бросили, как выжатый лимон... умерших и больных выбрасывают без слез... Родину, мать, отца, друга — все ради движения вперед без возвращения*») — движение вытесняет жизнь и создает иллюзию жизни (ее метафорой становится «*выжатый лимон*»); в этой выхолощенной жизни ничего не может родиться — ее главное содержание скорость и беспамятство, жизнь не творится, а нудится («*Жизнь такая ужасно нудная*»). И какой замечательной представляется ему в эти годы обыкновенная человеческая жизнь без идей и рассуждений («*я подумал вообще о счастье того множества, которое в данный момент совокупляется: как это хорошо*!»)

Пришвин не исследует русскую жизнь, он живет ею и «поэтически описывает», он также не изучает русскую мысль — он сам мыслит, и его интересует в окружающем мире и встречающихся людях способность мыслить, сама русская мысль в действии, в развитии, в современной жизни, — она ведь не исчезла, не утонула в навязанном обществу советском образе жизни и мысли, она затаилась и прорывается в интимном дружеском общении, во встрече двух «на одной тропинке», в слове писателя; Пришвин находит живые ростки мысли, и для него это самое важное... он верит, что «ненужное», «лишнее» сейчас (включая и его собственное творчество) понадобится, именно оно-то и понадобится... (в позднем дневнике он запишет: «*б/д. Вокруг меня идут люди, бросившие все свое лучшее в общий костер, чтобы он горел для всех, и что мне говорить, если я свой огонек прикрыл ладошками и несу его и берегу его на то время, когда все сгорит, погаснет и надо будет зажечь на земле новый огонь. Как я могу уверить моих ближних в жизненном строю, что не для себя лично я берегу свой огонь, а на то далекое время?*»); он уверен, что понадобится природа... его галки и муравьи, собаки... мелочи жизни и человек, который живет здесь и сейчас и, конечно, меняется. Пришвин тоже за нового человека, за то, чтобы творчество проникало во все, чем занимается на своем месте каждый, но он уверен, что для этого не надо никого «перековывать» («*Люди жить хотят, — дайте им жить*!»). Это ни к кому обращенное, в общем-то отчаянное восклицание повисает в тексте...

Полярно противоположна и даже удивительна своей принципиальностью государственная идея уничтожения личности — превращения живого и неживое («*Я думал о “живом человеке”, о котором соскучилось теперь наше государство. <...> Живой человек <...> которого государство хочет приспособить себе на пользу (“Ты дашь мне Пришвина, а я тебе переброшу Толстого”) и превратить в учреждение (Горький: не поймешь, — человек это, город, улица, ведомство)*»). Этические нормы, принятые в государстве, противоречат человеческим представлениям о добре и зле и в большой мере определяются антихристианской парадигмой («*Герой современности — это сын, который своего родного отца как нечто личное и прошлое приносит в жертву обществу. Сын против отца вплоть до оправдания отцеубийства*»). Очень существенно, что подобная ситуация исключает саму возможность мирного разрешения — даже в случае раскаяния блудному сыну некуда возвращаться... Эта логика уже проникает в сознание («*к отцу <...> бедному человеку, привезли три сажени дров, свалили, и их нужно было переложить в сарай. Отец за Витьку, и тот приезжает в автомобиле, раздевается и [перекладывает] дрова. — Это случайность <...> его скоро выпрут. Партия таких хороших не терпит. В чем дело? В том, что поступок этот глубоко “личный”, “хороший”, “вольный”, но никак не советский-партийный характеризует скорее добрые отношения сына с отцом где-нибудь в Америке <...> что нам, детям (буржуазной) культуры, представляется хорошим — это в лучшем случае безразлично пролетарскому моралисту*»). И все же писатель верит в то, что человек по своей природе не может бесконечно жить во зле — «добро перемогает зло» («*человек по природной сущности своей держится за жизнь и предпочитает лучше рожать, чем убивать*»); и даже это новое государство, в котором все так трудно, жестоко складывается, по Пришвину, когда-то должно... переродиться («*Если только нашему Союзу предстоит жить, то рано или поздно непременно должна начать формироваться и утверждаться в своих правах личность*»).

В 1932—1935 гг. Михаил Пришвин продолжает жить в Загорске. Его образ жизни не изменился — это выражается как в круге общения, внешнем облике, стиле мышления, так и в способе работы и отношении к творчеству («*Мне хочется писать не то, что надо бы, а что пишется. И так это хорошо!*») Ему это по-прежнему удается, хотя именно в эти годы окончательно определяется стиль взаимоотношений власти и литературы — формулируются принципы социалистического реализма, писателям предлагается свой стиль «сверять» с пролетарской идеологией, с задачами классовой борьбы пролетариата, с потребностями генерального наступления социализма и культурной революции. 23 апреля 1932 года появляется постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». Ситуация, которая возникла в связи с этим постановлением, упразднившим ассоциацию пролетарских писателей, для Пришвина оказалась спасительной, поскольку с властью (напрямую, без посредничества лите-

ратурных объединений — «Перевала», РАППа) он не сталкивался, а «рапповцы», начиная с 1930 года, то и дело подвергают творчество Пришвина критическому разбору*. Конечно, нельзя сказать, что с этого момента положение Пришвина кардинально изменилось (*«Освобождение писателей от РАППа похоже на освобождение крестьян от крепостной зависимости и тоже без земли: свобода признана, а пахать негде, и ничего не попишешь при этой свободе»*), но все же именно в это время им была написана поэма «Жень-шень», или «Корень жизни», опубликованная в 1933 году. Первый съезд писателей свободы не прибавил (*«съезд проваливался: докладчики, начиная с Горького, читали по напечатанным докладам <...> меня запросили на съезде, о чем мог бы я сказать со съезда по радио, и я ответил: — Скажите, что мы ждем от правительства второго шага: первым шагом было 23 Апреля. — Мне ответили, что так нельзя»*). С одной стороны, Пришвин понимает, что «условия писания явно улучшаются» и как будто «нечего вовсе и говорить»; с другой стороны, признает, что Чуковский и Эренбург попробовали «покритиковать», но съезд это не оживило (*«Съезд похож на огромный завод, на котором загадано создать в литературе советского героя»*). Пришвин даже как-то с удивлением отмечает, что его не выбрали в президиум (*«64 челов. президиум: меня не выбрали: и хорошо, и неприятно: хорошо, что я в оппозиции, что я свободен и могу всегда исчезнуть незаметно, плохо же...»* Самоирония спасает его от того, чтобы это принимать слишком близко к сердцу (*«Уважения не нужно, а не уважат — обидно»*), он чувствует какую-то общую «линию политики» не только в отношении себя. Может быть, потому, что ему на самом деле до последнего предела чужд этот стиль — советский — ни к чему не ведущих разговоров и хочется исчезнуть, не участвовать (*«Болтовня на съезде, интервью, снимание... я решил на день-два сбежать в Загорск. <...> Ясный прохладный день. Тишина... Счастье вернуться к себе. <...> А съезд все идет»* ... Кстати сказать, Пришвин совсем не считает себя героем и записывает, что сам *«струсил даже того, что сказал организатору радио-митинга»* об ожидании от правительства следующего шага, но в то же самое время знает в себе одну черту, которая никогда не подводила — позднее он однажды запишет о себе: «храбрый заяц» (*«всегда понимая себя как труса, на деле, когда подходило в упор что-нибудь, я всегда оставался на высоте, только редко это случалось»*).

Считается (впрочем, вполне справедливо), что именно с поэмой «Жень-шень» Пришвин триумфально вошел в советскую литературу. И это при том, что повесть не отвечала ни одному из предъявляемых в это время к литературе требований. Безусловно, тема организации заповедника соответствовала современному пафосу строительства и использования природных богатств, однако в повести строится совершенно противоположная господствующей модель развития — модель,

* Ср.: *Варламов А.* Пришвин. С. 308–310.

воплощение которой в реальной жизни было абсолютно невозможно. Работая над своими «дальневосточными» материалами (поездка на Дальний Восток в 1931 году) Пришвин еще и не подозревает, что поэма «Жень-шень» станет почти фантастическим результатом его, прямо скажем, странной, невозможной, но сработавшей литературной стратегии (*«Я всегда начинаю свое дело, как мне велят, но вещь выходит всегда не такой, как мне велят»*) и упрямой, вопреки всему очевидному, и тоже кажущейся невозможной модели его творческого поведения (*«за поэзию нельзя давать ордена и чины. Декадентство именно и стоит на том, что поэзия — "сама по себе" (Не есть ли мое настойчивое стремление быть самим собой — требование поэта: ...разрешение быть самим собой — вот все, что может поэт искать у граждан для себя и на всяком месте оставаться поэтом — вот его долг и его гражданственность.)»*). Именно «Жень-шень» станет вехой, которая отметит его окончательную интеграцию в советскую литературу*. И самое главное, что произойдет это не потому, что он в чем-то кому-то или чему-то уступает, — в том-то и дело, что ему удается оставаться самим собой (*«Некоторые <...> пробуют каяться в своей инт[еллигентской] совести в надежде докаяться до пролетарской, но это им никогда не удастся, потому что в совести пролетарской нет ничего, — пустота, в которую... врывается иное историческое содержание <приписка: во всяком случае, не гуманитарного характера>»*).

Мир поэмы «Жень-шень» одновременно и реальный, географически конкретный, и условно-поэтический; в поэме возникает почти научно-достоверное изложение связанного с растением жень-шень и с пятнистым оленем знания, благодаря которому очевидна возможность и необходимость изготовлять из них лекарство; но на это наслаивается (стилистически не противореча) сюжетная линия, связанная с внутренними переживаниями главного героя (любовь, расставание, ожидание и пр.)

«Жень-шень» — это повесть о любви, в которой не обсуждается, «за» или «против» революции ее герой. В ней обсуждаются две модели поведения, соответствующие двум моделям отношения человека к природе: первобытно-родовая (*«Всякий охотник поймет мое почти неудержимое желание схватить зверя и сделать своим»* (Т. 4. С. 15)) и сложно-современная, соединяющая поэтическое (*«Прекрасное мгновение можно сохранить, только не прикасаясь к нему руками»* (Там же) — культурная традиция Гете) с прагматично-рациональным — организация заповедника с целью добычи оленьих пантов для изготовления лекарства. Охотник противостоит поэту — но поэту, способному к осуществлению реального дела, органично соединяющему в отношении к природе традицию (культуру) и современность (цивилизацию).

* Что отнюдь не будет означать укрепления его положения в советском писательском сообществе и публикацию его последующих вещей: к примеру, ни одно из трех послевоенных произведений Пришвина не было опубликовано при его жизни; но до этого еще далеко.

Кроме того, в повести «Жень-шень» Запад в лице главного героя (сложный, сомневающийся, рефлексирующий человек «фаустовского» типа) и Восток в лице китайца Лувена (простой, органичный, традиционный, чувствующий и понимающий жизнь человек) не противостоят друг другу, но творчески взаимодействуют, дополняют друг друга, осуществляя задуманный проект организации заповедника. В художественном мире повести этот проект становится моделью мира, в котором снимаются оппозиции «Восток—Запад», «природа—культура», «культура—цивилизация», поскольку осуществление вполне прагматичной цели, стоящей перед человеком, требует и умения, и трезвого расчета, и знания, и поэзии, и мудрости, и любви («*Другой раз подумаешь в отчаянии, что не стоит и жить. Но вот написалась же в этих условиях эта вещь "Олень-цветок", такая милая вещь в такое-то время! и она останется, и ради того, чтобы оставалось после себя, и следует жить, и в этом одном опора и начало спокойствия даже и во время эпидемии и войны*»).

Поэма «Жень-шень» противостоит новой культуре и по языку.

К этому времени «новояз» заполняет газетное, журнальное и пр. официальное пространство, а также проникает в художественную литературу; все обобщающий, мертвящий, холодный язык унифицирует жизнь, обходит все подробности, частности живой жизни, ведет к единому нормативному сознанию. Для Пришвина это невозможно, он по-прежнему и в дневнике и в художественных произведениях сохраняет живой разговорный язык, но при этом понимает острую для современной литературы необходимость выхода к универсальному («*Для меня как писателя весь труд состоял в преодолении своего провинциального и выходе моего родного личного, мохового, елецкого слова в мир общего понимания... путь провинциального слова к универсальному проходит по следу нарастающей индивидуальности, и когда данный индивидуум становится личностью, в этом самом процессе и слово родное делается словом универсальным*»; «*универсальная литература, а не как теперь, советско-провинциальная*»).

Надо заметить, что поэма «Жень-шень» уже в 1935 году была переведена на английский язык — пришвинское слово «вышло в мир общего понимания».

Успех повести, хотя рецензий о ней нигде не было, стал для Пришвина прямым доказательством того, что можно переиграть эту власть, можно прорваться к читателю со своим словом («*Читаю "Жень-Шень", удивляюсь себе и думаю: нет, никто у нас не запрещает человеку оставаться самим собой*»).

Однако в этом же 1933 году Пришвин понимает, что находится вне официальной писательской конъюнктуры («*Эх, если бы не "враг", то какую бы вещь я мог бы еще написать! Какие дремлющие силы развернулись бы, и, конечно, я бы взялся за пьесу и какую бы пьесу-то написал! Но враг начеку...*»). Тем не менее, свое 60-летие в 1933 году он решает отметить юбилейным вечером на краеведческой секции Оргкомитета

Союза писателей («*меня чествовали искренно, как никого из писателей не чествовали за все 15 лет сов. власти*»). Вскоре после вечера Пришвин узнает о недвусмысленной, резко негативной реакции Л. Авербаха (в недавнем прошлом ответственного секретаря РАППа, в октябре 1932 года по настоянию Горького введенного в Оргкомитет Союза советских писателей) на это, в общем-то, незаметное в общественном смысле событие («*"Пришвину надо не юбилеи устраивать, а назначить пересмотр его сочинений"*»). Он принимает такое отношение к себе как неизбежное и уже привычное, с чем нельзя не считаться; это отношение определяет его «тактику борьбы», но не касается творческих планов. Напротив, в чем писатель уверен — так это в своих книгах, которые, надо сказать, в это время широко издаются («*видел корректуру "Скорая любовь"... набирают "Корень жизни"... "Жур[авлиную] родину". Дело идет!*»); он также уверен в своем читателе, который прочтет и всё поймет («*Оргкомитет у писателей называется Моргкомитетом... Тактика борьбы: как можно меньше попадаться ему в поле зрения. Все дело в выигрыше времени: книги мои свое дело делают, они завоюют публику, а "Морг" тем временем сам как "морг" попадет в поле зрения "всевидящего ока", как попал в свое время "РАПП". Тем только и хорошо в нашей жизни, что все скоро меняется...*».)

А несколько дней спустя в дневнике появляется запись, в которой проблемы творческой личности (писателя) переносятся в иное смысловое пространство — из культуры в реальность, где они «вдруг» перестают быть проблемами. Картина не укладывающегося в сознание, летящего куда-то «голодного» времени трансформирует все представления прежней культуры и, по сути, отменяет их: вот когда, по Пришвину, либеральные идеи XIX века на самом деле исчерпали себя и обернулись гибельной катастрофой («*Наступил конец либерализма, питавшего старую революцию*»). Причину краха либерализма писатель видел «в распаде слова и дела»: слова́, не подразумевающие нормальной человеческой жизни, уводящие в пафосные утопические дали, в реальности вели в тупик, к абсурду насилия (классовой борьбы) и уже сами по себе становились лишними, ненужными в той жизни, к которой вели («*"Троцкизм" — это соц. словесность, подобная керенщине, с той разницей, что керенщина в вопросе распада слова и дела глуповата, а троцкизм в этом до того дошел, что производил впечатление сознательно подготовленного вреда коммунизму. И чтобы спасти революцию, понятно, надо было сбросить последний балласт гуманизма и дать ход классовой борьбе... Прямо противоположен классовой борьбе "гуманизм" (керенщина, троцкизм, троцкизм — это доведенный до своего абсурда гуманизм)... Классовая борьба (слова человеческие, а дело звериное)... зажигает против себя две силы: в защиту человека зажигает религию, а в защиту зверя... поднимает против себя... силу земли (и то и другое существует и, возможно, растет... но гуманизм (либерализм) абсолютно разбит...*»). Оппозиция «слово—дело» в новой культуре не только не находит разрешения, но углубляется («*(слова человеческие,*

а дело звериное)»), однако парадоксальным образом провоцирует появление спасительных ростков культуры («*в защиту человека зажигает религию*») и природы («*в защиту зверя... силу земли*»). И эти ростки Пришвин постоянно везде обнаруживает, и оказывается, что жизни, абсолютно лишенной смысла, для него не существует. И он не «потому что», а «вопреки» страшной логике современной жизни ни за что не отдаст этот смысл на поругание, на уничтожение; этот смысл таится и будет таиться до самого конца в каждом его слове, в каждом произведении, как соломинка, за которую можно ухватиться («*Ничего не могу сказать вам о том, как мне после севера показалось в нашем березовом лесу с высокой цветущей травой: это счастье пришло. А когда счастье приходит — уходят слова*»).

Он понимает — жизнь отнять могут (и чемоданчик с бельем наготове у него есть), но вот это необъяснимое чувство счастья в лесу — другими словами, смысл и радость бытия, которые он стремится сохранить и передать в своем слове, никто и никогда не сможет у него отнять.

Ломка привычной системы ценностей, угроза голода, все более и более проникающие в повседневную жизнь признаки террора — все это приводило к утрате всех сколько-нибудь известных жизненных ориентиров. Картина небывалой страшной жизни свидетельствует, как мы сейчас говорим, о новых вызовах, на которые культура должна была искать новые ответы, и писатель это понимает («*Человек до того несчастен, что перестал уже о себе думать как о человеке, забыл себя: разговаривают все о картошке. Поверх сознания мчится жизнь фантастическая, непонятная... она выше понимания нашего... Мне вдруг стало понятно, что редактор попросил взять из сборника “Скорая любовь” рассказ “Белая собака”, в котором упоминается неодобрительно паспортная система. Я понял вдруг, что... в то время когда люди принуждены забываться в деле добывания мороженой картошки и разговорах о ней, неприлично напоминать им о свободе. Вернулся паспорт. Запретили аборт. И половую жизнь скоро тоже загонят в твердые берега*»). Не сама по себе отдельно от реальной жизни взятая «свобода» («*Не приходится вздыхать о “свободе”: эта блядь хорошо показала себя.*»), и не «необходимость» сама по себе, с неизбежностью снова ведущая к свободе («*Вот когда привыкнут к палке (что так нужно), тогда мало-помалу опять...*»), а какое-то иное соотношение свободы и необходимости, «хочется» и «надо», личности и общества — об этом Пришвин будет думать в своем дневнике до последних дней («*Да, Авербах прав: надо Пришвину не юбилей устраивать, а назначить пересмотр его сочинений... Мои книги действительно устарели. Надо искать в творчестве нового русла*»).

Эта запись была сделана 15 марта 1933 года. Разве мог знать писатель, что поездка на Север (Соловки, Беломорканал), куда он отправится несколько месяцев спустя — летом этого же года, на самом деле

станет началом нового этапа в его творчестве, а именно, приведет к работе, в которой он будет говорить о самой главной проблеме современности. И для этого ему действительно придется мучительно искать «в творчестве нового русла» — новой формы романа: попытка написать роман на современную тему приведет писателя к жанру сказки или мифа. «Роман-сказка» — так определит Пришвин жанр произведения, над которым будет работать до конца жизни*.

В 1933 году Пришвин узнаёт, что Беломоро-Балтийский канал им. И. В. Сталина, соединяющий Белое море с Онежским озером, проходит по части «государевой дороги», проложенной Петром I во время Северной войны в 1702 году. Актуализация исторической ретроспективы для писателя усугублялась тем, что свое первое путешествие в 1906 году он совершил в те же края: след «государевой дороги» Петра Пришвин тогда еще застал и сфотографировал. Там же и тогда он услыхал, что за работавшими на строительстве крестьянами везли виселицу... Не поехать на канал и не посмотреть на все своими глазами писатель просто не мог...

После поездки он приступает к работе над романом о свободе и необходимости (в его терминологии, «хочется» и «надо») и определяет географическое и историческое пространство романа. Только ленивый не упрекал Пришвина в течение всей его творческой жизни в безыдейности и равнодушии, в том, что он «подходил к современности исподволь, осторожно», что шел «боковой тропой», что смотрел на жизнь «с какой-то башни крепости, куда не доносится реальный... шум» и пр. Этот «благостный, умиротворенный Пришвин», «замкнутый и сознательно отчужденный», стремящийся «уйти в "непуганую" страну, укрыться там хотя бы на время... отделиться от людей и сбросить с себя нагрузку общей участи»**, в 30-е годы не уклоняется от труднейшей, безнадежной современной темы, которая только в наши дни получила название «лагерной», а в то время была даже не запретной, а просто невозможной, немыслимой.

Пришвин берется за предложенную ему (как и многим другим) для участия в сборнике «Канал имени Сталина» (М., 1934) тему, совпадающую с его творческими планами, и начинает работать. Однако пафос строительства получает у Пришвина сначала в очерке, предложенном им в сборник, а затем и в романе совершенно иное — не идеологическое — измерение; ориентиром оказывается не пафос построения социализма, а труд сам по себе, и не полезность сооружения, а сопровождающее сооружение столкновение идей. Славословящий канон отсутствует («*Я делаю, что мне велят, но дело у меня выходит не*

* Роман «Осударева дорога» многие до сих пор считают в лучшем случае «провальным», в худшем — «лакейской стряпней» (*Варламов А.* Пришвин. С. 463).

** Цит. по: Там же. С. 308—309, 389.

всегда именно так, как хотят. Положа руку на сердце, говорю, что слушаюсь и всегда начинаю дело приблизительно так, как мне велят, но вещь, сделанная мною, всегда выходит не совсем такой, как мне заказывали, и что самое главное, вот эта разница против заказа неустранима из вещи <зачеркнуто: и является свидетельством моей личности>»).

Текст, подготовленный Пришвиным для сборника, был отвергнут*.

В этот раз Пришвин знает, куда едет: на полях дневниковой тетради в эти дни пометка: «Гулаг». И никаких иллюзий по поводу того, как осуществляется освоение нового края и как ведется строительство, после поездок на Уралмаш и Дальний Восток (1931 г.) у него не осталось. Революция изменила ход истории, создала совершенно новую жизнь в России, насильственно выдавила из человека его творческие силы, заставила осуществлять свои проекты; новая шкала ценностей создала такую атмосферу жизни, к которой невозможно было привыкнуть («*Опять тупое время: вся страна гниет, если не сгнила, за "идею"*»), но с которой нельзя было не считаться — вопреки всем рассуждениям и чувствам страна этой жизнью и в этой атмосфере жила («*когда смотришь на старый водопад, думаешь о вечности и ее творце, а водопады из-под человеческой руки прямо подводят мысль к творческой родине самого человека*»). Так или иначе, революция интегрировала Россию в ряд индустриальных держав; новая культура, связанная не только с индустриализацией, но с сопутствующей этому процессу урбанизацией, демократизацией и ростом уровня образования (да и просто грамотности), ставила перед художником небывалые задачи**.

В России ситуация многократно осложнялась тем, что структурные изменения в обществе происходили в рамках революционной парадигмы — жизнь оказывалась сплавом технического прогресса и варварства по отношению к человеку («*Один из этапных сегодня пробовал убежать. Стрелок попал ему в голову*»). Грех «либерализма XIX века»

---

* См. об этом: *Варламов А.* Пришвин. С. 335—343.

** В конце 1930-х гг. другой писатель совсем другой страны осознает практически те же тектонические сдвиги в культуре и почти теми же, что и Пришвин, словами о них говорит: «Мы едва начинаем осваиваться среди шахт и электростанций. Мы едва начинаем обживать этот новый дом. <...> Вокруг все так быстро изменилось: взаимоотношения людей, условия труда, обычаи. Да и наш внутренний мир потрясен до самого основания. Хоть и остались слова <...> но смысл стал иным <...> мы еще не успели создать себе отчизну. <...> На время гонка сама по себе становится важнее цели. Так бывает всегда. <...> Упиваясь своими успехами, мы служили прогрессу — прокладывали железные дороги, строили заводы, бурили скважины. И как-то забыли, что все это для того и создавалось, чтобы служить людям. <...> Надо вдохнуть жизнь в новый дом, у которого еще нет своего лица». Это Антуан де Сент-Экзюпери в повести «Планета людей» (гл. «Самолет»).)

зеркально отразился в новой культуре, «слово» и «дело» поменялись местами: поставленное во главу угла «дело» поглощало смысл и ставило человека со всеми его чувствами и мыслями («слово») в положение жертвы. Новым и небывалым был грандиозный масштаб как «дела» («*водопад: он теперь ручной*»), так и человеческой трагедии («*имена этих тружеников распыленно исчезли в громаде строительства*»).

Перевернутый мир, в котором писатель пытается обозначить какие-то приоритеты, нащупать те невидимые смыслы, которые несмотря ни на что заставляют человека жить и работать — в частности, на канале, там, где сама жизнь, кажется, невозможна... но в том-то и дело, что никогда и нигде не расстается он с верой в то, что «для личности всегда есть выход»...*

В эти годы Пришвин, о котором уже современный автор пишет как о пытающемся «примирить "надо" и "хочется" и сочинить свою утопию», уходит, кажется, на противоположный любой утопии полюс: он опускается на самое дно народного сознания, которое веками инстинктивно вырабатывало способы защиты от всегда враждебной власти, даже лексика приходит из глубин русской истории, русской коллективной души: завоеватели, барин, работник... («*Я принадлежу к массе русских людей, которые подчинились завоевателям и стали работать с ними в ожидании, что рано или поздно завоеватели принуждены будут считаться с интересами завоеванных...*»; «*Мы начинаем к злу привыкать, как к барину. Сейчас он бесится, но мы знаем: не надо на глаза попадаться, а когда перебесится, мы опять будем работать: без нас, работников, ему все равно не обойтись. Даже и так, что чем злей он [дерет], тем лучше, тем скорей перебесится*»). И Пришвин подчиняется власти в тех рамках, которые сам для себя определяет, но отстаивает право на свободу личности, и вот уж за это стоит до последнего... («*В печи революции не до искусства... Для государства искусство есть лишь один из приемов агитации, между тем искусство — это сами люди, сцепленные, слитые в одно, как капли в воде: искусство, как дождь из облака, падает на землю и течет рекой по земле в берегах: государст-*

---

* «*21 Июля 1937.* С этим каналом я, как писатель, в сущности сам попал на канал, и мне надо преодолеть "свою волю": вернее, понять неоскорбленную часть души. А я попал невинно... я представил себе, что я сам на канал попал, хотя бы по культурно-просветительской части работал. И, конечно, я бы работал: "Канал должен быть сделан". Я бы работал, как и вообще работают в советское время "неоскорбленной душой", и в этом моя свобода, мое счастье, моя правда» (Литературное наследие. 1990. № 2. С. 67). Это сейчас мы знаем ,что люди в заключении не просто работали, а бывали счастливы, если выпадала возможность работать, да еще по своей специальности... — человек уже там, в заключении, внутри ада... начинает этот ад осваивать и в аду становиться свободным — вот что означает эпиграф, который Пришвин завещал к своему роману: «Аще сниду во ад, и Ты тамо еси».

во и занято этими берегами, но как земля и вода, косная и живая стихии не могут слиться в одно, быть одним и тем же, так не может слиться между собой искусство и государство. Так вот точно и общество с личностью должны быть в постоянной борьбе: личность всегда остается сама, и если она сливается с обществом, то, значит, она умирает»). Так, расправившись с либерализмом XIX века с его «распадом слова и дела», Пришвин начинает строить модель мира, в центре которой, как и встарь, находится свободная личность с ее правом на творчество («*Какое бы ни было общество, социалистическое, капиталистическое и какое хотите — личность всегда должна противопоставляться массе... Какое же ужасное состояние общества должно быть, если всякую попытку личности противопоставить себя "массе" принимают как контрреволюцию?*»); но слово и дело в этом мире связаны по-иному («*слово ценою дела*»).

Усиление государственной власти, террор в еще невиданных формах оставляет человеку единственную возможность: отстаивать внутреннюю свободу. Рост внутренней свободы за счет утраты внешней оказывается в такой ситуации не только способом спасения, но и способом борьбы с властью, с ее обезличивающей силой («*Могучая сила поднимает города, но лиц нет*»); внутренняя жизнь человека, так или иначе, развивается и создает не однообразную, а многообразную структуру жизни; тотальной уравниловке противостоит личность, с которой связывается все то, что целенаправленно уничтожается в человеке и в обществе. Пришвин, с одной стороны, твердит свою «подзаборную молитву» («*прошу у Бога дать силы не простить*»)*, а с другой, ставит перед собой труднейшую задачу («*как устроить свою жизнь, чтобы неизменно смотреть по хорошему и в то же время понимать и ясно чувствовать всю ту бездну горя, через которую проносишь хорошую весть... Необходимость подвига (только не по книге, хотя бы самой священной, а в своем собственном дне и по себе*»).

Таким «подвигом» в жизни и творчестве Пришвина стал его «лагерный» роман, который он заканчивает в 1948 году, а потом до конца жизни (1954) мучительно перерабатывает.

Известно, что в ходе работы сменилось несколько названий романа: «Быль», «Былина», «Падун», «Школа радости», «Царь природы», «Педагогическая поэма», «Повесть о том, что было и чего не было», «Канал», «Новые берега» и, наконец, «Осударева дорога», а также три эпиграфа: «Ужо тебе, строитель!», «Да умирится же с тобой / И побежденная стихия», «Аще сниду во ад, и Ты тамо еси».

Несмотря на многочисленные замечания рецензентов и близких друзей, он считает, что роман — значительное художественное произ-

---

* Ср.: «Да, я русский, кроткий, незлобивый человек, но я, кажется, теперь подхожу к последней черте и молюсь по-новому: Боже, дай мне все понять, ничего не забыть и ничего не простить» (Из письма к А. Блоку. 1918 г.).

ведение, однако сомнения не оставляют его. Пять редакций романа подтверждают это — все они представляют собой попытки мучительного приспособления к требованиям редакторов, вплоть до изменения места действия и названия. Но только о первой редакции Пришвин записывает в дневнике с уверенностью: «Свидетельством моего художества останется непереработанный экземпляр» (Круг жизни. С. 169). Жене и своему литературному наследнику Валерии Дмитриевне Пришвиной писатель завещает осуществление публикации романа в первой редакции с библейским эпиграфом «Аще сниду во ад, и Ты тамо еси». Валерия Дмитриевна смогла сделать это в 1957 году, но текст романа подвергся тогда существенной редакторской правке, был опубликован без эпиграфа (правда, В. Д. Пришвина смогла дать его в комментариях) и с более поздним (1952) вступлением. В таком виде роман неоднократно переиздавался*.

Однако не только поэтому до сих пор «Осударева дорога» вызывает у многих читателей и критиков неприятие и многочисленные недоуменные вопросы. По-видимому, «Осударева дорога», жанр которой Пришвин определяет как «роман-сказку», нужно рассматривать в свете неомифологического сознания как новый роман. Безусловно, «Осударева дорога» не является классическим неомифологическим романом и находится на периферии неомифологического сознания, но в то же самое время имеет ряд существенных признаков неомифологизма, которые нельзя не принимать во внимание: в роли мифа в романе выступает не мифология в узком смысле слова, а библейская мифология, исторические предания, бытовая мифология, историко-культурная реальность предшествующих лет, известные художественные тексты прошлого — по определению В. Руднева, характерные черты неомифологического сознания. Все это управляет динамикой построения сюжета, и само произведение уподобляется мифу — грань между текстом и реальностью, которая его окружает, стирается...

Пришвин очень хорошо понимал направление своего художественного поиска. В 1948 году в дневнике появляется такая запись: «В № 18 журнала “Америка” прочитал статью Ньютона Арвина о ближайшем будущем американской литературы. Вот его заключение: “...не документальная точность, а мифичность — вот что, весьма вероятно, даст нам литература ближайшего будущего”. А между тем я этим занимаюсь уже полстолетия, и никто не хочет этого понимать. “Осударева дорога” — высшее выражение этого моего направления»**.

Роман-сказка «Осударева дорога» при своей кажущейся простоте — сложный современный роман, требующий расшифровки и толкования. Роман переполнен историческими, этнографическими и религи-

---

* Впервые роман был опубликован согласно воле Пришвина в первой редакции (авторская машинопись 1948 г.) в Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 227—460.

** Наше наследие. 1990. № 2. С. 78.

озными преданиями, античной, библейской мифологией, аллюзиями на художественные тексты.

Кроме того, трагизм происходящего на канале выражается в бесстрастно-остраненной форме, характерной для творчества Пришвина начиная с первых его произведений (не это ли имела в виду в статье «О "Я" и "Что-то"» (1913) З. Н. Гиппиус, когда называла Пришвина «легконогим и ясным странником с глазами вместо сердца»?). В «Осударевой дороге» столкновение содержания — современная трагедия — и формы очевидно.

Строительство Беломоро-Балтийского канала включается не только в исторический дискурс. В романе канал — метафизический символ насилия над природой, историей и человеческой личностью, имеющий соответственно географическую, историческую, религиозную и культурную подоплеку. Географические и исторические реалии для Пришвина чрезвычайно важны: перенести действие романа в какое бы то ни было другое место, как предлагают ему рецензенты, он не хочет и не может. Реалии делают роман исторически и социально конкретным, но они существуют в границах той модели мира, которую строит писатель: процесс десакрализации жизни, ориентирующий религиозное сознание на творчество жизни, символически указанный в главе «Сказанье о венике», приводит к победе той силы, для которой сакральности не существует вообще.

Работая над романом «Осударева дорога», Пришвин не писал анти- или просталинский роман о строительстве Беломоро-Балтийского канала. Тоталитарная культурная модель, характеризующаяся подчиненностью художественных задач внехудожественным идеологическим целям (определение М. Рыклина), не строится. Дело, по-видимому, в том, что роман представляет собой деконструкцию идеологии, но не в узком политическом смысле как критику определенной системы идей, а в широком дискурсивном смысле: по существу, роман является как бы деконструкцией соцреалистического дискурса, глубинной полемикой с социалистическим реализмом. Причем деконструкция идеологии совершается как-то незаметно — весь роман ежеминутно сворачивает куда-то с проторенной, вроде бы прямой дороги... (что тоже прочитывается, к примеру, в организации событийного ряда: строительство, аврал во время аварии, героические действия заключенных, героическая смерть во имя дела — жертва, победа). И вот этот событийный ряд, легко узнаваемый в русле соцреалистической традиции, снова и снова рассыпается, поскольку все акценты смещаются в сторону общечеловеческой проблематики — то есть на самом деле речь в романе идет о неискоренимой тяге человека в любой жизненной ситуации вырваться за пределы исторического времени к общечеловеческим смыслам: положительное изложение событий строительства канала разрушается самим текстом, как-то бесконечно осложняется, обрастает подробностями жизни — человеческой и природной.

Позднее, в 1939 году, у Пришвина появилась идея создания «книги о книге» (термин М. Бахтина), то есть идея о романе, встроенном в структуру дневниковых записей, которые он называл «лесами» к роману. Именно в контексте дневника очевидной становится связь пришвинского романа с текстами предшествующих культурных традиций. Это, прежде всего, «Медный всадник» А. С. Пушкина, «Фауст» Гёте, «Антигона» Софокла, «Божественная комедия» Данте.

Основной мифологический символ в романе — вода, живая стихия, организующая жизнь и отражающая ее, а также таящая в себе образ мира: в водопаде стихия падающей воды заключает в себе образ неведомого человека, «шагающего все вперед и вперед», в упорядоченной стихии — «плененной воде» — тоже скрыта неизвестная, «волшебная» сила воздействия на окружающий мир, придающая бытию новое качество призрачности или подобия («новая плененная вода стала все вокруг переделывать, как иногда в сновидениях... все что-то кажется и то и не то» (Т. 3. С. 413)). В маленькой главке под названием «Победа» вода предстает совершенно в иной ипостаси: «свободные капельки» не только символизируют победу («капельки больше не падают, а поднимаются вверх»; «уходят вверх, к себе»; «образуют легкие свободные облака» (Т. 3. С. 450)), но и свидетельствуют еще живущим об этой неминуемой победе («Мы на досуге, вглядываясь, узнаем в облаках свою жизнь» (Там же)). Таким образом, пушкинский эпиграф к этой главе вносит в роман идею «умирения» — правда, не в земной жизни, а в небесной. Но и это не все. Канал — стержень этого мира — стержень мифа: у него есть почти имя — падун, которое не исчезло после того, как строительство закончилось, и камень, на который падала вода, убрали в музей; вода продолжает бежать по иному пути, и падун продолжает жить своей жизнью, это не просто гул падающей воды — весь смысл его в том, что в этом гуле водопада снова, как и было от века, слышен «мерный шаг человека: весь человек идет все вперед и вперед» (Т. 3. С. 459) — и ничего невозможно с этим поделать: сквозь линейное историческое время проступает цикличное время вечности, неустранимое, не уничтоженное.

Главный герой романа — мальчик Зуек. Его поведение определяется внутренним конфликтом с начальником строительства Сутуловым, причем как в борьбе за власть, так и в борьбе за любовь — хотя эта ситуация смягчается возрастом и положением мальчика, но тем не менее определяет начало его жизненного поиска. В образной структуре романа Зуек занимает особое место, обусловленное не только его возрастом, но и событием его второго рождения, определившим его особую судьбу («Его душа теперь была, как это часто бывает у тех, к кому возвращается жизнь: душа его была как вся земля, как вся природа, и он в ней как свой, и все тут было свое, близкое знакомое, прекрасное и понятное» (Т. 3. С. 245)). Этот художественный прием позволяет Пришвину сделать своего героя — мальчика Зуйка — символом уни-

версальной судьбы человека. В поисках пути Зуек проходит архетипические искушения, возникающие перед личностью человека на его жизненном пути: властью (Сутулов), своеволием (Куприяныч), миллионом (Волков), преступлением — уголовным миром (Рудольф), любовью (Маша Уланова). В романе присутствуют библейский и античный мифы (аврал — «время остановилось, как в древней битве Израиля... Солнце остановилось», плавина — Ноев ковчег, костер на плавине — Прометей), выявляющие глубинные смыслы того, что происходит с мальчиком. Однако Зуек совершает свой путь в пространстве, очерченном строительством канала, что и предопределяет результат поиска: «голубые знаки» татуировки, принципиально отделяющие уголовный мир от культурного, вносят в идиллию возвращения Зуйка к чекистам черту подлинной характеристики этого мира.

Образ Сутулова, олицетворяющий в романе власть, почти лишен живых черт личности. Его речь, поведение и образ мыслей во всех ситуациях предельно идеологизированы и прямолинейны. Природа и человек интересны и понятны ему тогда, когда они могут быть использованы для дела, но непонятны и неинтересны сами по себе. Именно через Сутулова постулируется принципиально безбожный мир строительства и отвращение к жизни отцов и дедов, причем не только принципиальное, но и обыденное — «к ситчикам и платочкам», а также и «сумасшедшим», не желающим подчиняться «старухам».

Существенное место в художественном мире романа занимает сказочная символика. Марья Моревна — сказочный образ невесты, обладающей несказанной красотой и мудростью («как могла она из сказки выйти сюда»). В силу использования сказочной и библейской традиции образ Марии Улановой не исчерпывается ее социальной ролью, а приобретает черты мудрости и красоты. Символом раздвоения личности оказывается «волшебное зеркальце» Зуйка, хранящее ее в образе Марьи Моревны. Хотя эта двойственность смягчает жесткость ее позиции, Уланова, как и Сутулов, остается олицетворением лагерной власти. Тем не менее в романе воспроизводится жизнь обычных людей, вовлеченных в страшную историю, к которым относятся и исполнители-чекисты; они тоже ведут между собой диалог-спор о поведенческой норме (Уланова — Сутулов). Пришвин использует советские штампы, но, существуя вне обязательного идеологического контекста, они теряют свою силу и парадоксальным образом выражают едва ли не противоположный смысл. Выбор Улановой между любовью и идеей («я любимого человека отрезала от себя», он «губил все дело наше общее... я его, любимого, сама отдала под суд» (Т. 3. С. 384)) оказывается не окончательным и не абсолютным, поскольку окружающий ее мир не восполняет потери («пять лет... хранила втайне надежду на его возвращение» (Т. 3. С. 386)).

В художественном мире романа творческая деятельность человека оказывается не на стороне человеческой личности и сознания, а на сто-

роне власти. Отделение творчества от существа жизни в условиях насильственного отношения к бытию идеологизирует творчество и обессмысливает результат: подлинной целью оказывается не строительство канала, а идея «перековки» человека («Мы не столько строим канал, как человека собираем, всего человека ждем и куем» (Уланова); «канал — это придумка, это предлог, чтобы замучить и покончить с человеком свободным» (заключенные) (Т. 3. С. 383)). Слово в романе становится ареной борьбы староверов и чекистов (Сергей Миронович — Сутулов, Марья Мироновна — Уланова): традиционное слово и предание используются в чуждом для староверов контексте безбожного мира, и оказываются в нем соблазном: так, для Сергея Мироновича «крест от проволоки не пострадает» — в силу присутствия в нем божественной силы, а для Сутулова — в силу полного ее отсутствия, но обоим одинаково кажется, что кресту «ничего не сделается» («ничего ему от этого не сделается»).

Завещая библейский эпиграф «Аще во ад сниду, и Ты тамо еси» к своему многострадальному роману, Пришвин, обозначивший тем самым пространство строительства как ад, вносит в роман идею безусловного присутствия Бога — идею спасения. В роман идея спасения проникает не как нормативная абсолютная истина, о которой одни ежедневно помнят, а другие вспоминают от случая к случаю, а как единственно возможный труднейший выход, который никому не может понравиться — он не приносит внешней свободы, но открывает возможность роста внутренней свободы, связанной с тайной личности, которую никто не может у человека отнять. А другого выхода для своих героев, так же, как для своих современников и для самого себя, Пришвин не видел. И пусть он понимает, что роман «не кристалл, подобный “Жень-шеню”», и много в нем на самом деле, быть может, провалов и ошибок, но он был первопроходцем, и ему удалось пройти этот путь «страдающей личности» до конца...*

Поездка на Беломорский канал в июле 1933 года (за месяц до организованной Горьким поездки 120 писателей) была для Пришвина возвращением к началу его писательства: о Надвоицком водопаде Пришвин писал в своей первой книге «В краю непуганых птиц» (*«узнавал долго и вдруг увидел: черные неподвижные камни как беззубая почерневшая челюсть... а тогда было как белые зубы. И так за 30 лет народ русский: то русло почернело... а вода бежит по иному пути»*). Вот это всегда было для Пришвина каким-то потрясающим аргументом, доказательством неиссякаемости жизни: после революции соловьи, которые весной прилетели в разоренные усадьбы, чтобы снова, несмотря ни на что, петь; здесь вода, которая продолжает свой бег по новому руслу, и снова птицы, которые возвращаются на старые места, где все

* *«10 Ноября 1937.* Кто же будет у меня Распятый? Личности не будет, но весь человек, работающий на канале, есть распятый человек, и “надо” будет ему крестом» (Литературное наследие. 1990. № 2. С. 68).

по-другому («*Стоило распугать птиц? — Я хотел ответить: — Когда распугивали, нас об этом не спрашивали. Но птицы опять собираются*»); у людей все намного сложнее, а результат похожий — жизнь идет («*Пришли люди и трудились: не хотели, а надо*»).

В 1935 году Пришвин совершил еще одну поездку — в северные леса, на Пинегу («*нас внедрили в Дом колхозника, выселив из номера трех несчастных. Грязно, клопы, но отношение начальства прекрасное, и вера, что мы доберемся до Пинеги*»). Это было настоящее трудное путешествие, в котором Пришвин был одержим идеей увидеть нетронутый лес, настоящую Чащу. Он передвигался пешком, на лошади, на лодке, превозмогая боль в спине с непривычки ездить верхом, терпел бессонные ночи в Доме колхозника, ужасную еду («*так работать нельзя: то жилище клопиное и невозможное, то пища голодная, никто не хочет помогать*») и свое «хлестаковское положение» — нет ничего, а попросишь — и находится, и, главное, переживания за гибнущий лес, рубка и сплав которого производится без смысла и порядка («*Ни одного партийца, занятого на севере лесосплавом, я не встретил такого, кто не разделял бы мою поэтическую жалость к лесу, который не столько берут, сколько бросают в лесу на сгнивание и на заражение короедом здорового леса*»). Эта поездка отзовется в последней повести Пришвина «Корабельная чаща» (1952).

Пришвин не чувствует себя жертвой времени и вообще жертвой... совершенно очевидно, что и при другом режиме его бы так же мучила история его первой любви, он бы так же охотился, добывал себе фотоаппарат и машину, любил бы природу, собак, вглядывался бы в небо и звезды, пошел бы на медведя... путешествовал; он бы точно так же бесконечно раздумывал о судьбе России, о культуре, литературе и Боге... и точно так же вел бы дневник, потому что однажды, в далеком 1905 году, почти случайно записанные на листке перипетии его «парижского» романа принесли неожиданное облегчение, и он понял свое призвание к слову... и точно так же он бы старался писать, уверенный в своем читателе, и точно так же был бы готов разделить общую судьбу... И уж точно он обязательно был бы мастером короткого рассказа («*Маленькие рассказы у писателя — это знаки его личной живости и непосредственного участия в жизни. В кабинете, как роман, их нельзя написать, если так их будешь писать, выдумывая — они будут вялыми. <...> Хороши эти рассказики, когда, кажется, сама искрящаяся жизнь их дает, и автор на ходу схватывает эти искорки (разумеется, потом тоже в кабинете превращая их в рассказы)*»). Но, может быть, никогда не появилась бы в его дневнике такая запись, кажется, для Пришвина совершенно невозможная: «*Страшно увидеть себя в зеркале страшного времени*».

Я. Гришина

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Ранний дневник	— *Пришвин М. М.* Ранний дневник. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2007.
Дневники. 1914—1917	— *Пришвин М. М.* Дневники. 1914—1917. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2007.
Дневники. 1918—1919	— *Пришвин М. М.* Дневники. 1918—1919. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2008.
Дневники. 1920—1922	— *Пришвин М. М.* Дневники 1920—1922. М.: Московский рабочий, 1995.
Дневники. 1930—1931	— *Пришвин М. М.* Дневники 1930—1931. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2006.
Собр. соч. 1956—1957	— *Пришвин М. М.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Художественная литература, 1956—1957.
Собр. соч. 1982—1986	— *Пришвин М. М.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Художественная литература, 1982—1986.
Собр. соч. 2006	— *Пришвин М. М.* Собр. соч.: В 3 т. М.: Терра-Книжный клуб, 2006.
Цвет и крест	— *Пришвин М. М.* Цвет и крест. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004.
Творить будущий мир	— *Пришвин Михаил.* Творить будущий мир. М.: Молодая гвардия, 1989.
Мы с тобой	— *Пришвин М. М., Пришвина В. Д.* Мы с тобой. Дневник любви. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2003.
Путь к Слову	— *Пришвина В. Д.* Путь к Слову. М.: Молодая гвардия, 1984.
Круг жизни	— *Пришвина В. Д.* Круг жизни. М.: Художественная литература, 1981.
ЛН	— Литературное наследство. Т. 70: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
Хлыст	— *Эткинд А.* Хлыст (Секты, литература и революция). М.: Новое литературное обозрение, 1998.
РГАЛИ	— Российский Государственный архив литературы и искусства.

1932

С. 6. *...оба моих путешествия, в Свердловск и во Владивосток...* — Речь идет о поездках Пришвина на строительство Уралмаша по командировке журнала «Наши достижения» (январь-февраль 1931 г.) и поездке на Дальний Восток от редакции газеты «Известия» (июль-ноябрь 1931 г.). См.: Дневники 1930—1931. С. 322—561.

С. 7. *...меня дразнить Пильняком.* — Диалог с Пильняком интенсивно развивается на страницах дневника в течение 1922 г., после того как Пильняком был написан и опубликован роман «Голый год» (1921), а Пришвиным написана повесть «Мирская чаша. 19-й год XX века» (1922), которую опубликовать не удалось (вперв. в 1978 г. (с купюрами), полн. в 1991 г.). См.: Дневники 1920—1922. С. 256, 260, 265—267 // *Пришвин М. М.* Собр. соч.: В 3 т. М., 2006. Т. 1. С. 583—667.

Полонский только что сказал в РАППе, что он перестроился... — В 1931 г. Полонский признал ошибочность своих взглядов, расцененных им как правооппортунистические, и заявил, что приступил к пересмотру своих теоретических позиций.

...и вот теперь его перестроили извне... выгнали из «Нового мира». — В 1926—1931 гг. В. П. Полонский был главным редактором журнала, затем по инициативе Б. М. Волина, начальника Главлита, был уволен 17 декабря 1931 г.: «Сегодня меня сняли с “Нового мира”. Был в секретариате. Волин сделал короткий доклад, привел несколько выдержек из “Нового мира”, — действительно, прозвучали скверно...» (*Полонский Вячеслав.* Моя борьба на литературном фронте // Новый мир. 2008. № 6; указано В. Фатеевым).

...«не всякий глаголящий Господи»... — Мф 7: 21.

С. 8. *...воскликнешь по старой привычке: Господи, Господи! и тут петух предрассветный закричит.* — Мф 26: 73—75.

С. 9. *...я вполне лично мечтал о мировой катастрофе...* — Речь идет о юношеском увлечении марксизмом, когда, будучи студентом Риж-

ского политехникума, Пришвин с 1893 по 1896 г. участвует в работе марксистских кружков, затем в 1897 г. следует арест, годичное одиночное заключение в Митавской тюрьме и высылка на родину в Елец. В летописи жизни, составленной Пришвиным в 1918 г., коротко отмечено: «1896. ... схожусь... с марксистами, перевожу Бебеля. 1897. Попадаю в тюрьму за марксизм. Это один из определяющих моментов жизни... 1898—1900. Высланный на родину в Елец, продолжаю быть марксистом. 1900. В Берлине, Йена, Лейпциг. 1902. Марксизм мой постепенно тает... я учусь на агронома и хочу быть просто полезным для родины человеком. Сумасшедший год. Весной после окончания в Лейпциге еду посмотреть Париж. Встреча (имеется в виду Варвара Петровна Измалкова, студентка Сорбонны, и вспыхнувшая любовь к ней. — *Я. Г.*), последующий переворот от теории к жизни, определивший все мое поведение». Ср.: Дневники 1918—1919. С. 520—521.

С. 10. *Алекс. Н. Толстой — вот уже год хлопочет о разрешении ему съездить за границу...* — По-видимому, речь идет о поездке в Италию, которая состоялась весной 1932 г.

С. 11. *...явилось следствием книги моей о творчестве «Журавлиная родина».* — «Журавлиная родина» (1929) с подзаголовком «Повесть о неудавшемся романе» Пришвин назвал «разбитым романом». Ср.: «*5 Декабря 1928...* задумал написать роман о творчестве, но предпочел самое творчество, и роман разбился»; задуманная фенологическая структура книги («под диктовку весны») разрушается по, кажется, не имеющей отношения к творчеству причине задержки весны, и вдруг исподволь, из глубины текста, сама по себе, естественно — от паузы в ходе весны — начинает прорастать тема творчества, творческого пути. На протяжении всей творческой жизни Пришвин моделирует собственный миф, и «Журавлиная родина» становится важной вехой в процессе автомифотворчества писателя.

Ср.: «Как правило, испытание слова сочетается с его пародированием, — но степень пародийности, а также и степень диалогической сопротивляемости пародируемого слова могут быть весьма различны. <...> Как исключение возможно испытание литературного слова в романе, вовсе лишенное пародийности. Интереснейший пример такого испытания — "Журавлиная родина" М. Пришвина. Здесь самокритика литературного слова — роман о романе — перерастает в лишенный всякой пародийности философский роман о творчестве» (*Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: 1975. С. 224—445).

Вольфила. — Вольная философская ассоциация (по первоначальному замыслу — академия, что не было разрешено) создана в 1919 г. по инициативе Р. В. Иванова-Разумника, А. Белого и др. членов редколлегии сборника «Скифы» в Петербурге. Целью Вольфилы было исследование и пропаганда философских вопросов культуры, связь философии с жизнью, свободное творческое общение. См.: *Белоус В.*

Вольфила (Петроградская Вольная Философская Ассоциация). 1919–1924: В 2 кн. М., 2005.

С. 11. *Ужасно стыдно смотреть на самого себя...* — имеется в виду Религиозно-философское общество, действительным членом которого Пришвин стал 29 ноября 1909 г. (см.: *Ермичев А. А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917). Хроника заседаний. СПб., 2007. С. 75) Пришвин записывает: «Вчера познакомился с Мережковским, Гиппиус и Философовым. <...> Мне открывается что-то новое... большое. Я понимаю значительность этого знакомства... Но многое мне неясно. Оттого, что я не чувствую одинаково... Мне кажется, у них много надуманности... Я не чувствую путей к этим идеям... я этого не чувствую, и мне все кажется, я боюсь, не то донкихотство, не то просто комедия не из-за чего...» (Ранний дневник. С. 175–316). Также ср.: «3 Февраля 1934. Только теперь я понимаю полярную противоположность наших стремлений: они стремились из литературы выйти в жизнь, а я хотел из жизни войти в литературу и просто сделаться писателем. С точки зрения их ведь это было невозможно ограниченное устремление, и, конечно, мне это приходилось затаивать... Вот отчего иногда было ужасно стыдно быть в их обществе».

С. 12. *...это понимание (мое) не «революционно» — это биологизм...* — ср.: «Несмотря на внешнее кажущееся тематическое отличие “Жестоких рассказов” Барсукова, например, от вещей Зарудина или Пришвина, они... глубоко родственны. И Зарудин и Пришвин тесно связывают “охотничье” и “детское”... И вот этот весьма специфический “биологизм”, особая “биологическая” направленность... совершенно свободная от всякой “примеси” художественного социологизма, является одним из существенных идеологических пороков художественной позиции “перевальцев”» (*Глаголев Арк.* О художественном лице «Перевала» // Новый мир. 1930. № 5. С. 158, 160, 161). Также ср.: «Все критики не обращают внимания на то, что написал хорошую вещь. <...> наша критика ищет ошибки, ищет врага. Сидишь и думаешь, с какой стороны тебя ударят. Кажется все хорошо — и советски, и коммунистично, и все, что хочешь, а вдруг у тебя найдут “биологизм”. Батюшки, ну как можно было додуматься? Ну что за чепуха?!» (Из стенограммы выступления Пришвина на первом пленуме Оргкомитета Союза советских писателей. 19 октября–3 ноября 1932 г. // Творить будущий мир. С. 113).

Личность за шиворот и в чан... Вспомнить Чемреков. — Чан — предмет культа у сектантов-хлыстов, а также «хлыстовский образ коллективного тела» (Эткинд). Пришвин в начале XX в. был одним из многих представителей русской культуры, кого чрезвычайно интересовало хлыстовство. В дальнейшем в дневнике писатель рассматривал русскую революцию и культуру послереволюционных лет, в частности, как развитие и осуществление сектантской традиции. У Пришвина

чан — метафора народной жизни, истории, где «варится некое сложнейшее по составу варево», судить о котором невозможно самим находящимся в этом чане: «Все крутится и орет от злости и боли, жара и холода, вдруг на одну только минуту отдышка, и все это вместе... обтираются, обсушиваются, закусывают, закуривают и благодарят Создателя за дивную Его премудрость на земле, на небе и на водах. Безделицу тут им покажи, какую-нибудь зажигалку чикни, и сколько тут будет удивления, неожиданных мыслей, слов, тут же рожденных, веселья самого искреннего, задушевного, пока старший не крикнет: "Ребята, в чан!" — и все опять завертится, только голос соседа услышишь в утешение: "Это, брат, безобидно, всем одинаково"» (Путь к Слову. С. 164). *Чемреки* — одна из петербургских хлыстовских сект, до 1908 г. возглавлялась А. Г. Щетининым (называется под имени реки Чемрек в Ставропольской губернии, где Щетинин начинал проповедовать), затем переименованная в «Начало века», возглавлялась П. М. Легкобытовым. См.: Ранний дневник. С. 175–316, 581–643; Хлыст. С. 454–486.

С. 15. *Община о. Николая Опоцкого, в Велебицах.* — О. Николай Опоцкий (позже — епископ Макарий) в Новгородской епархии основал вельбицкое братство (сектанты протестантского толка) с приходской школой. Деревня Велебицы Солецкого района Новгородской области — старинное поселение на берегу реки Шелони.

...(«где два-три во имя мое...») — Мф 18: 20.

С. 16. *...с пастилой и с духами — кто смешней?* — Пришвин по просьбе Мережковского познакомил его с Легкобытовым. Ср.: «— Вы приведите их к нам! — Назначили день и час. Хлысты, собираясь к Мережковскому, надушились у Марии Яковлевны, жены водопроводчика, а у Мережковского в это время покупали пастилу (серую) и пряники (круглые жамки) для народа. <...> Мережковский: от кого-то ландышами пахнет?» (Ранний дневник. С. 243).

Предложение Блоку: бросься в чан к нам и будешь вождем народа. — Ср.: *«30 Января 1918»* (Дневники 1918–1919. С. 33–34).

С. 17. *Злейшая идея разделения, положенная в основу «закрытых распределителей»...* — имеется в виду система государственного спецснабжения — закрытые распределители с твердым контингентом прикрепленных к ним покупателей, сложившаяся в момент острого дефицита продуктов питания, когда были выделены «особые» пайки и 120 000 человек в Москве прикреплены к специальным столовым и распределителям. См.: *Паперный В.* Культура Два. М., 1996. Андре Жид, побывавший в 1936 г. в СССР, в книге «Возвращение из СССР» (1936) отмечает, что литераторы находятся «в гораздо более выгодном положении, чем любые рабочие и ремесленники», что любому

пишущему обеспечены благоприятные материальные условия, «лишь бы он писал что требуется».

С. 18. *Вольфила о Блоке.* — Возможно, имеется в виду речь А. Белого на открытом заседании «Вольфилы» 28 августа 1921 г., посвященном памяти Блока.

...от уличного романа «Разбойника Чуркина»... — Имеется в виду роман Н. И. Пастухова, издателя газеты «Московский листок» (1881—1918), «Разбойник Чуркин» (1882—1885), представляющий разбойника народным заступником (русским Робин Гудом), который грабил богатых и помогал бедным.

С. 20. *...подсидел мудреца и взял власть...* — Имеется в виду переворот в сектантской общине чемреков — свержение А. Г. Щетинина и организация новой общины «Начало века» П. М. Легкобытовым. Ср.: Ранний дневник. С. 581—643; Хлыст. С. 482—483, 645—647.

С. 28. *Художник-мистик N.* — Имеется в виду Г. Э. Бострем.

С. 30. *Птицы прилетели к тому месту, где был храм...* — Речь идет о Храме Христа Спасителя в Москве, который взорвали 5 декабря 1931 г.

С. 32. *...большое чело берлоги.* — Чело — вход в берлогу.

С. 37. *У меня не было штуцера, я взял легенькую свою бекасиную гладкоствольную двадцатку с жаканами.* — Штуцер — мощное, но не дальнобойное оружие с высоким останавливающим действием пули; жакан — пуля для стрельбы из гладкоствольного охотничьего ружья.

С. 39. *...и если лыжница...* — имеется в виду лыжня.

...«да минует Меня чаша сия». — Мф 26: 39.

С. 42. *Разбор сражения.* — Очерк «Медведи» вошел в цикл «Календарь природы» (1935—1939): Собр. соч. 1982—1986. Т. 3. С. 360—378.

С. 51. *...их называют коблы.* — Кобел (кобель).

...оскалепки... — осколки, щепки.

...лошадиный драч. — Живодер.

С. 52. *...запишем «идею» Даурии.* — Даурия (Даурская земля) — название части территории Забайкалья и до XVII в. западной части Приамурья, данное русскими по имени народности (дауры), некогда населявшей эти места; в 1931 г. Пришвин совершает поездку на Дальний

Восток, привозит оттуда путевой дневник и отснятые пленки; дальневосточные очерки вошли в книгу «Золотой рог». Ср.: Золотой рог. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934; Дневники 1930—1931. С. 383—561.

...«Цветочки» Франциска Ассизского... — Франциск Ассизский — итальянский проповедник, основатель ордена францисканцев, автор религиозных поэтических произведений («Похвала добродетели», «Похвала Богу» и др.) Канонизирован в 1228 г. Рассказы о нем собраны в анонимном сборнике «Цветочки Святого Франциска Ассизского».

В. Лихтенштадт. Науч. фил. идеи Гёте... — По-видимому, имеется в виду работа В. О. Лихтенштадта «Гёте. Борьба за реалистическое мировоззрение. Искания и достижения в области изучения природы и теории познания» (1920), в которой был опубликован частичный перевод научного труда Гёте «Учение о цветах» (1810) и обозначено значение Гёте-естествоиспытателя.

Замятин подал через Горького письмо Сталину... — Не имея никакой возможности публиковаться в Советской России, в 1931 г. Е. И. Замятин смог эмигрировать благодаря ходатайству Горького. Надо сказать, что понимание новой жизни Пришвиным в значительной степени совпадает с взглядами Замятина, выраженными им, в частности, в романе «Мы» (1921). Ср.: «*9 Июля 1930.* Обозначилось и теперь скоро выйдет наружу явным для всех: это направление революционного внимания к самому истоку собственности, в область пола и эроса. И это произошло как-то без всякого идейного предупреждения, прямо вошло следствием раскулачивания и обобществления» (Дневники 1930—1931. С. 148).

С. 53. *Фактотум* (*лат.* fac totum — делай все, устар.) — доверенное лицо, выполняющее всяческие поручения, секретарь.

С. 55. *...см. Неизданный Щедрин...* — речь идет о подготовленной Р. В. Ивановым-Разумником книге «Неизданный Щедрин» (1931), по его словам, «небольшой, но острой книжке».

Ср.: «В конце 1931 года я выпустил в Издательстве Писателей сборник “Неизданный Щедрин”, соединив в нем несколько произведений Салтыкова, до сих пор не входивших (или входивших неполностью) в собрание его сочинений. Напечатал в том числе <...> и полную редакцию “Сказки о ретивом начальнике”. В предисловии я указал, что произведение Салтыкова остается злободневным и для настоящего времени. Это само собой очевидное утверждение (которое часто можно встретить и на страницах официальной прессы) страшно всполошило трусливое издательство. Книга была уже отпечатана, 50 экземпляров было уже сдано в книжные магазины, когда издательство распорядилось книгу задержать и опасную страницу из предисловия перепечатать с пропуском страшной фразы. Снова очаровательный,

чисто щедринский эпизод. <...> Во всяком случае, весь этот эпизод был детально известен проводившим мое "дело" следователям. В связи с этой книгой — еще одно курьезное сообщение. В камере № 85 Лубянской "внутренней тюрьмы" сосед мой, коммунист Б., как-то рассказал мне, что "у них" (я понял — в ГПУ) книжку "Неизданный Щедрин" буквально "рвали из рук друг у друга", раскупили весь московский запас этой книги, ибо "Сказка о ретивом начальнике" была сенсацией дня. <...> Придется привести здесь краткое содержание и этой сказочки, чтобы читателю стало понятно, почему весь сыр бор загорелся. <...> В книге "Неизданный Щедрин" я напечатал четвертый вариант этой сказки, наиболее обширный и по тем временам нецензурный. Оказалось, что он не менее нецензурен и по нашим временам... В кратком и бледном изложении <...> содержание этой сказки такое: В некотором царстве, в некотором государстве жил-был ретивый начальник, у которого на носу была зарубка: "Достигай пользы посредством вреда". Дали ему в управление целый край — стал он применять в нем свою систему: земледелие — прекратил, рыболовство — уничтожил, привел народ в страх и трепет, все по норам попрятались; а он сидит, радуется и мечтает: вот всё уничтожу, сокращу, в прах превращу, и тогда вдруг из великого вреда родится великая польза: всеобщая каторга. Тогда народ поумнеет, жизнь процветет, а я буду смотреть да радоваться, дарить мужикам по красному кушаку, а бабам по красному платку. Однако — вредит он год, вредит другой, а пользы от этого никакой не приходит: нивы заскорбели, реки обмелели, торговля прекратилась, народ обнищал. Думал, думал, отчего бы это так — и догадался: оттого, что вредил он с разумением, а вредить надо безо всякого разумения. Пошел к колдунье, та ему клапанчик в голове открыла, разуменье — фюить! — улетело, и стал ретивый начальник вредить без разумения, но и тут ничего не выходит. Стал придумывать разные проекты, например, проект о закрытии Америки, и спохватился: "Но ведь, кажется, сие от меня не зависит?" Бился, бился — ничего не выходит: вредит, а пользы нет. Тогда решил он призвать на помощь мерзавцев, которые тут как тут, словно комары на солнышке вьются, и говорит им: "Так и так, господа мерзавцы, врежу я много, а пользы выходит мало, не можете ли помочь мне?" Мерзавцы охотно взялись помочь, но поставили условием: чтобы мы, мерзавцы, говорили, а все прочие чтоб молчали, чтобы нам, мерзавцам, жить в холе и неженьи, а остальным прочим — в кандалах, чтобы нам, мерзавцам, жить в полное свое удовольствие, а всем прочим чтобы ни дна, ни покрышки; чтобы наша, мерзавцев, ложь за правду почиталась, а остальных прочих хоть и правда, да про нас, ложью числилась; чтобы все прочие пикнуть не смели, а мы, мерзавцы, что про кого хотим, то и лаем... Согласился на их условия начальник, хотя и сказал: "Вижу, господа мерзавцы, что из работы вашей вреда, действительно, много будет, но выйдет ли из этого вреда польза — это еще бабушка надвое сказала". И господа мерзавцы стали действовать... Окончания сказочки можно

и не приводить. Достаточно и этого, чтобы понять, почему господа коммунисты стали "рвать из рук друг у друга" книгу с этой сказкой, — так всё это, как перчатка к руке, подходило к нашей советской действительности. И мог ли думать Салтыков, что его сатира <...> через пятьдесят лет окажется как нельзя более злободневной! Недаром же и испуганное Издательство Писателей изъяло из моего предисловия фразу о злободневности сатиры Салтыкова. Все читатели понимали, что эта сказка о вредном начальнике попадет не в бровь, а в глаз тому начальнику, который довел советскую Россию начала тридцатых годов до голода и разорения. Один мой приятель (имеется в виду Пришвин. — *Ред.*), живший в подмосковной деревне, дал книжку с этой сказкой прочитать соседним мужикам. Возвращая ему книгу, они сказали: "Здорово здесь про Сталина пишут!" <...> Запретить напечатание этой сказки Салтыкова было невозможно — это значило бы признать, что между господами мерзавцами и господами коммунистами стоит знак равенства. Лучше было сделать вид, что сказка эта имеет только историческое значение» (*Иванов-Разумник.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 260—262).

С. 61. *...(смертью смерть!)* — слова из Пасхального канона «Христос воскресе из мертвых».

С. 62. *...и после меня рассказы мои (напр., «Черный араб») долго будут чаровать...* — Ср.: «Это чисто поэтическая вещь, она может служить самым ярким примером превращения очерка в поэму путем как бы самовольного напора поэтического материала. <...> Если бы меня спросили, чем отличается прозаический очерк от поэтического, я ответил бы так: отличается направлением к тому или другому читателю... В поэтическом очерке "Черный араб" <...> поэзия <...> без оглядки на какое-нибудь практическое дело направлялась прямо к сердцу читателя. Так что прозаический очерк о моем опыте — это служебный, деловой; поэтический — свободный и, осмелимся сказать, праздничный» (Собр. соч. 1956—1957. Т. 2. С. 801).

...один из секретарей пустил «Франса в халате»... — Имеется в виду книга личного секретаря Анатоля Франса Жана Жака Бруссона «Анатоль Франс в туфлях и в халате» (1925, русск. пер. А. А. Поляк и П. К. Губера), в которой речь идет о вкусах, человеческих пристрастиях, слабостях и интимной стороне жизни писателя.

...или как Вересаев пустил своего Пушкина. — Имеется в виду книга В. Вересаева «Пушкин в жизни» (1926—1927), которая вызвала неоднозначную критику пушкинистов и успех у читателей. Ср.: «В. Вересаев в данном случае и не претендовал на создание научной биографии великого поэта, что специально отметил в предисловии. <...> В. Вересаев смотрел на Пушкина как художник и не стремился анализировать

его творчество, а старался дать представление о повседневной жизни поэта, пытался воспроизвести его характер, образ — как это и полагается, скажем, в романе. Только вот роман вышел необычным по форме. Однако В. Вересаеву казалось, что монтаж свидетельств современников дает яркое представление о "живом Пушкине, во всех сменах его настроений, во всех противоречиях сложного его характера, — во всех мелочах его быта..."» (http://az.lib.ru/w/weresaew_w_w/text_0070.shtm).

С. 64. *На востоке японцы расстреливают Шанхай.* — Речь идет о захвате Маньчжурии Японией и наступлении на Шанхай, вызванном как экономическим кризисом в Японии, так и ростом революционного движения в Китае; в марте 1932 г. Временное Центральное правительство Китайской Советской республики объявило Японии войну.

С. 66. *Европа не должна и не может закатиться, но она пройдет через восточную чистку...* — аллюзия на сочинение О. Шпенглера «Закат Европы» (1918—1922).

С. 67. *...«за други моя», «душу погубим»).* — Ин 15: 13.

...только и разговоры, что о войне. — В 1932 г. Советский Союз установил дипломатические отношения с Китайской Советской республикой. В газетах в это время постоянно присутствует военный мотив, в частности связанный с захватом японцами Маньчжурии. Война в принципе была одним из основных мифов в советское время, сквозь который человек понимал новую жизнь, как личную, так и общественную (*«нет радостей, праздников, подарков, и ждать лучшего тоже нельзя: ждут войну», «если только этот перегиб не является вестником войны», «Война выясняет нам жизнь как счастье», «опасность войны очень серьезная», «Ребята рвутся на войну»* и др. записи). Ср.: *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: Росспэн, 2008. С. 15—18.

С. 68. *Хорошо в Америке? — Нет, дикари (Пильняк).* — В 1931 г. Б. Пильняк совершил поездку в Америку, в результате которой был написан роман «О'кей — американский роман» (1933). Ср.: «"О'кей — американский роман" — шаг вперед по пути освобождения Пильняка от сменовеховских и националистических тенденций. В нем Пильняк дает картину бытовых, национальных и производственных отношений в Америке, вскрывает порочность капиталистической техники (фордовский конвейер). Пильняк с полным правом заявляет, что пишет "О'кей" для того, чтобы лишний раз разъяснить американским братьям-рабочим капиталистическую кабалу их существования» (*Заславский Д.* С птичьего дуазо // Литературная газета. 1933. № 14).

С. 69. *...вот оно опять возвращение (война, голод, сыпняк)...* — В течение 1932 г. обозначились перебои с продовольствием (*«Вот-вот корова отелится, и у хозяйки бродят в голове нечестивые мысли, как бы устроить так, чтобы не поить теленка дорогим молоком, а как-нибудь от него вовсе избавиться»*), информация о голоде в основных хлебородных районах Центральной России, Северного Кавказа и Казахстана не проникала в газеты, но нехватка хлеба и хлебные очереди в некоторых районах возникала то и дело. В 1932—1933 гг. это произошло не вследствие засухи или недорода и даже не вследствие сплошной коллективизации и раскулачивания, но в результате принудительных хлебозаготовок. (Ср.: «Несмотря на энергичные усилия партийно-хозяйственного руководства, практиковавшего в сентябре–ноябре снятие с работы и исключение из партии руководителей районов, "срывавших план"; занесение на "черные доски" не выполняющих план колхозов, населенных пунктов, районов; объявление им экономического бойкота и другие меры, планы хлебозаготовок не выполнялись. Ситуация изменилась в декабре 1932 г., когда в регион по указанию Сталина прибыла комиссия ЦК ВКП(б) по вопросам хлебозаготовок во главе с секретарем ЦК партии П. П. Постышевым. <...> У крестьян отбирали хлеб, заработанный на трудодни, в том числе и оставшийся с прошлых лет; хлеб на трудодни не выдавали; вывозили семенной хлеб. Нередко в ходе хлебозаготовок к крестьянам применялось насилие <...> чтобы "выбить" хлеб, посадили в амбар под замок почти все село <...> "Приходили, хлеб силком забирали и увозили", "дали, а потом отобрали", "ходили по домам, забирали хлеб и картошку; тех, кто противился, сажали на ночь в амбар", "из печки [хлеб] вытаскивали", — вспоминали старожилы. <...> Это был искусственно организованный голод» (*Шурыгин В.* Вопросы истории. 1991. № 6. С. 176—181).

С. 74. *...а помните, ведь с Японией война кончилась нашим развалом...* — Имеется в виду Русско-японская война 1904—1905 гг., которая закончилась Портсмутским миром 1905 г., по условиям которого Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступила Японии Южный Сахалин и права на Ляодунский полуостров с городами Порт-Артур и Дальний (Далянь).

С. 75. *Архимедовы круги.* — По-видимому, имеются в виду три теоремы, изложенные в трактате «Измерение круга».

Бывало-то к чаю [плюшки] Филиппова... — Речь идет о семье Филипповых — выходцев из Калужской губернии, которая в начале XIX в. стала выпекать и продавать калачи и пироги с разнообразной начинкой. К 1876 г. у Филиппова были уже восемь булочных-пекарен, четыре из которых находились в Москве, а еще четыре — в Санкт-Петербурге. Филипповская булочная в собственном доме, на углу Тверской улицы и Глинищевского переулка, славилась на всю Россию.

С. 76. *...«мысль изреченная есть ложь».* — Строка из стихотворения Ф. Тютчева «Silentium!» (нач. 1830-х годов).

С. 77. *...пишу напряженно о соболе...* — имеется в виду один из дальневосточных очерков.

С. 79. *...если бы и эти превосходные люди стали у <зачеркнуто: власти>...* — Имеются в виду левые эсеры — партия, к которой причислял себя Иванов-Разумник.

Работа и ритм. — Книга немецкого экономиста Карла Бюхера «Работа и ритм» (1896), с которой Пришвин познакомился, будучи студентом Лейпцигского университета, произвела на него сильное впечатление: исследуя производительный процесс и технологию труда у диких народов, Бюхер пришел к выводу, что на первых ступенях своего развития работа, музыка и поэзия были органически связаны между собой, причем доминирующим и обусловливающим элементом являлась работа.

С. 80. *Золя во время Дрейфуса...* — Имеется в виду письмо Э. Золя президенту Франции Ф. Фору «Я обвиняю» (1898), в котором Золя ставит в вину правительству и военному руководству Франции то, что они скрывают доказательства невиновности Дрейфуса и, следовательно, причастны «к одной из самых больших несправедливостей века».

...автор опирается на социализм: А. Франс.) — А. Франс — близкий друг лидера социалистов Ж. Жореса и литературный мэтр французской социалистической партии. Его интерес к новому общественному строю находит выражение в его творчестве.

Р. Роллан пытается заменить собой... — возможно, имеется в виду «Письмо Федору Гладкову и Илье Сельвинскому (Об индивидуализме и гуманизме)» Р. Роллана (февр. 1931), в котором говорится: «Я верю в дело СССР. Я буду защищать его до последнего дыхания», «Я "индивидуалист". Я верю в "человечность". И этот индивидуалист, и этот верующий в человечность борется на вашей стороне» (*Роллан Р.* Собр. соч.: В 14 т. Т. 13. М.: ГИХЛ, С. 217; указано В. П. Балашовым).

С. 82. *Красюковские граждане...* — Красюковка — живописная окраина Загорска, названная по имени бывшего владельца участка генерала Красюкова.

В дневниковую тетрадь вложена газетная вырезка: «Женщины Красюковки праздновали вместе с работницами женский день "8 марта". Битком набита была школа, "позавчера" еще бывшая церковью. Там, где они, эти же домохозяйки, когда-то усердно отбивали поклоны, вчера гремел духовой оркестр. Под звуки рожка и барабана демонстрировали пионеры готовность всегда бороться за дело "дедушки Ленина". Лились под сводами бывшего храма "дерзкие" речи и песни домашних хозяек о новой жизни, новом быте. Еще недавние "рабыни

религии" давали 10/III обязательства бороться за линию партии, за мобилизацию средств, за новый быт, новую женщину, идти в ногу с работницами. Это не были пустые слова. Жены и матери кустарей и служащих Красюковки — сегодня на втором месте в районах города по мобилизации средств. Они премировали портретом Сталина домашнюю работницу Агееву, подписавшуюся на займ 3 решающего года на 50 руб., при заработке мужа в 70 руб. Они премировали и выдвинули на работу в здравотдел за усердное распространения займа и за общественную работу пожилую домашнюю хозяйку Комарову. Тов. Овчинникова выдвинута на работу в кооперацию. Премии получили пионеротряд и музыканты-слепцы, никогда не отказывавшиеся обслужить район музыкой. На этом же собрании женщины 3 района дали обещание 11/III устроить субботник по очистке железнодорожных путей от снега.

В бывшей церкви, отвоеванной школой, горсоветом и активной частью матерей у многочисленной кучки верующих, до-утра гремел оркестр. Были танцы, игры... Инициативная группа хорошо сумела организовать "чашку чая" для всех участников вечера. Тов. Жалченко, идущая впереди всех общественных начинаний, школьная работница Колюбакина и вложивший немалые усилия в переделку Красюковки на новый лад предгорсовета тов. Каширин могли законно гордиться: в этот вечер нанесен был крепкий, дружный, решительный удар старому 3-му району. На сцену выступил новый, который говорит: "Пятый район и другие районы города! Вызываем вас на социалистическое соревнование! Кто больше мобилизует средств? Кто больше даст молока рабочим? Кто крепче будет идти в ногу с рабочим в культработе, в общественно-политических кампаниях? Слушайте, слушайте! Говорит и борется за новый быт новая Красюковка!" М. Ломакин» (<*рукой М. М. подписано:*> «Вперед», № 22, 32 г.).

С. 83. *...помоги Господи ничего не простить.* — Имеется в виду возникшая в дневнике 1917 г. и связанная с идеей возмездия молитва «Господи, помоги мне все понять, все вынести, и не забыть, и не простить», которая в 1918 г. становится лейтмотивом книги очерков «Цвет и крест» (одно из первоначальных названий — «Подзаборная молитва»); позднее «подзаборная молитва» возникает в повести «Золотой рог» (1934) и в «Повести нашего времени» (1944). В послевоенном дневнике точка зрения Пришвина на взаимоотношения личности и общества меняется. Ср.: «Смысл нашего времени состоит в поисках нравственного оправдания жизни, а не возмездия... Эта сила уже исчерпала себя» (1945). Ср.: Подзаборная молитва // Цвет и крест. С. 116—117; Круг жизни. С. 135—139.

...оглумела... — Глумной (*орл.)* — глуповатый.

С. 84. *...если «живет», то фуксом...* — зд.: без оснований, не по праву, случайно.

С. 85. *...в нашей нынешней замшаной церкви...* — Замшаный — покрытый мохом, забытый.

С. 86. *...имея высшее покровительство в государстве...* — Пришвин имеет в виду либо Н. А. Семашко, своего земляка, который в 1930—1936 гг. являлся членом Президиума ВЦИК, либо Горького, с которым его связывали дружеские отношения с начала века и переписка в течение всей жизни, но в 30-е гг. Пришвину уже не удалось лично встретиться с Горьким. В последнем письме к Горькому от 31 мая 1933 г. Пришвин, в частности, писал: «Алексей Максимович! Я лично в своем поведении для себя допустил величайшую роскошь: стараться быть со всеми людьми, как с самим собой. Вследствие этого я человек мало пригодный для политики и едва ли могу чем-нибудь помочь вам в деле устройства Союза писателей. Но мне кажется, что в личной беседе (без третьих лиц) я бы мог быть полезным человеком. И потому на всякий свой сомнительный случай имейте в виду, что я с большой радостью готов идти вам навстречу. Крепко жму вашу руку и желаю здоровья. Михаил Пришвин». В письме к Пришвину от 28 апреля 1934 г. Горький пишет: «"Доступ публики " ко мне закрывается и ныне закрыт по причине крайней дряхлости моей и легкой утомляемости. Силы — падают. На днях суток трое обильно кровохаркал и сейчас напрягаю все силенки для 1-го Мая. Не думайте, пожалуйста, М. М., что мое отношение к вам как-либо переменилось, нет — вы для меня один из оригинальнейших национальных литераторов, большого таланта и великого упрямства человек. Будьте здоровы! Это — замечательно хорошо — быть здоровым. А. Пешков» (ЛН. Т. 70. С. 361—362).

С. 87. *Жаворонки пекут.* — В день Свв. Сорока мучеников Севастийских (22 марта), который в народе получил «птичье» имя — Сóроки, по обычаю пекли печенье в виде летящих птиц с хохолком: считалось, что в этот день прилетает из теплых стран сорок птиц, и первая из них — жаворонок.

Горький американцам... — <*газетная вырезка с надписью:* Известия № 81 1932 г.>: «"Насилие", как вы и "многие" понимают его — недоразумение, но чаще этого оно — ложь и клевета на рабочий класс Союза Советов и на его партию. Понятие "насилие" прилагается к социальному процессу, происходящему в Союзе Советов, врагами рабочего класса в целях опорочить его культурную работу — работу по возрождению его страны и организации в ней новых форм хозяйства.

На мой взгляд, можно говорить о принуждении, которое вовсе не есть насилие: ибо, обучая детей грамоте, вы ведь не насилуете их? Рабочий класс Союза Советов и его партия преподают крестьянству социально-политическую грамоту. Вы, интеллигенты, точно так же принуждены чем-то или кем-то почувствовать драматизм вашей жизни "между молотом и наковальней", вам тоже кто-то внушает начала социально-политической грамоты, и этот кто-то, разумеется, — не я.

Во всех странах крестьянство — миллионы мелких собственников — является почвой для роста хищников и паразитов, капитализм во всем его безобразии вырос на этой почве. Все силы, все способности и таланты крестьянина поглощаются его заботами о своем нищенском хозяйстве. Культурный идиотизм мелкого собственника совершенно равен таковому же идиотизму миллионера, вы, интеллигенты, должны бы хорошо видеть и чувствовать это. В России до Октябрьской революции крестьянство жило в бытовых условиях 17-го века, это — факт, который не осмелятся отрицать даже русские эмигранты, озлобление которых на советскую власть приняло уже комически-чудовищный характер.

Крестьянство не должно существовать в качестве полудиких людей четвертого сорта, в качестве пищи для ловкого мужика, для помещика, для капиталиста, не должно существовать в условиях каторжного труда на мелко раздробленной истощенной земле, неспособной прокормить ее нищего собственника, безграмотного, лишенного возможности удобрить землю, работать машинами, развивать агрокультуру. Крестьянство не должно оправдывать мрачную теорию Мальтуса, в основе которой, на мой взгляд, скрыто изуверство церковной мысли. Если крестьянство в массе еще не способно понять действительность и унизительность своего положения — рабочий класс обязан внушить ему это сознание даже и путем принуждения. Но в этом, однако, нет надобности, ибо крестьянин Союза Советов, отстрадавший мучения войны 14—18 г.г., разбуженный Октябрьской революцией, уже не слеп и умеет практически мыслить. Его снабжают машинами, удобрением, пред ним открыты пути во все школы, ежегодно тысячи крестьянских детей выходят в жизнь инженерами, агрономами, врачами. Крестьянство начинает понимать, что рабочий класс в лице его партии стремится к тому, чтоб создать в Союзе Советов одного хозяина, у которого 160 миллионов голов и 320 миллионов рук, а это — главное, что надобно понять. Крестьянство видит, что все, что делается в его стране — делается для всех, а не для небольшой группы богатых людей, крестьянство видит, что в Союзе Советов делается только полезное для него и что 26 “научно-исследовательских институтов” страны работают для обогащения его земли, для облегчения его труда.

Крестьянин хочет жить не в грязных деревнях, как он жил века, а в агрогородах, где есть хорошие школы и ясли для его детей, театры, клубы, библиотеки, кинематографы для него. В крестьянстве растет жажда знаний и вкус к жизни культурной. Если б крестьянин не понимал всего этого — работа в Союзе Советов не достигла бы в 15 лет тех грандиозных результатов, которые достигнуты соединенной энергией рабочих и крестьян».

Месяц спустя в дневнике появляется запись о голоде в Поволжье (*«Работают саратовские, рассказывали, что пришли сюда как в царство небесное, что там деревня 400 дворов и петуха не услышишь, все съедено»*).

С. 90. *Веймар помог Гёте написать «Фауста» <...> у Горького наоборот...* — Хотя в годы жизни при Веймарском дворе (1775—1786) в силу занятости (Гёте был не только другом и советником герцога Карла Августа, но и министром в Государственном Совете) Гёте ни одного из начатых произведений (за исключением нескольких стихотворений), не закончил («Фауста» он пишет в течение всей жизни (1772—1831)), это было связано прежде всего с мировоззренческими и творческими проблемами, а не с необходимостью «отдать первенство за чечевичную похлебку», что было очевидным для Пришвина в положении Горького (ср.: «Горького купили не деньгами, но надеждами на осуществление его мечты». Ходасевич). Свое творческое поведение Пришвин в эти годы строит, учитывая опасность для писателя оказаться на этом общем пути (*«Быть везде, все видеть и не покидать пустыни, чтобы не сорваться и не отдать первенство за чечевичную похлебку»*).

С. 91. *Поиски неведомых стран («Колобок» и подобные путешествия)...* — Имеются в виду две первые книги Пришвина «В краю непуганых птиц» (1907) и «За волшебным колобком» (1908), написанные в результате поездок в 1906 г. в Олонецкую губернию, а в 1907 г. в Карелию и Норвегию.

С. 92. *...от агрономии перескочил в литературу.* — После окончания агрономического отделения философского факультета Лейпцигского университета в 1902 г. Пришвин возвращается в Россию и с 1902 по 1904 г. работает вначале агрономом на хуторе графа Бобринского в Богородицком уезде Тульской губернии, затем в Клинском земстве Московской губернии и, наконец, в вегетационной лаборатории профессора Д. Н. Прянишникова в Петровской (ныне Тимирязевской) академии. После переезда в 1904 г. в Петербург он продолжает работать агрономом на опытной станции «Заполье» в Луге, но параллельно сотрудничает в журнале «Опытная агрономия», составляет сельскохозяйственные книги, а также начинает работать корреспондентом в газетах «Русские ведомости», «Речь», «День», «Утро России» и др. В 1905 г. Пришвин окончательно переходит на литературную работу — в это же время появляются первые записи его Дневника.

(Ю. Велльгаузен «Израильско-иудейск. религия»). — Имеется в виду книга немецкого ученого, протестантского богослова Юлиуса Велльгаузена «Введение в историю Израиля» (1878 г., русск. пер. 1909), посвященная изучению последовательности и времени написания главных книг Ветхого Завета.

Амос — пророк социальной революции? — Имеется в виду Книга пророка Амоса, входит в сб. «12 Малых пророков», состоит из отдельных изречений, написанных в поэтической форме, скорее всего, после его смерти. Главное содержание книги — Суд (обличение грехов Израиля,

Иудеи и окружавших их народов) и покаяние (см.: *О. Александр Мень.* Библиологический словарь. СПб., 2002).

Признак настоящих пророков (навиимов)... — Имеются в виду пророки (евр. навиим), семнадцати из которых посвящены отдельные книги Библии (пророк Иеремия и др.), которые, как правило, предсказывали всевозможные бедствия и наказание людям за неправедное поведение.

С. 93. *А. Гарнак («Сущность христианства»)...* — Имеется в виду популярная книга крупнейшего немецкого теолога либерально-протестантского направления А. Гарнака «Сущность христианства» (1900), которая представляет собой стенографическую запись 16 лекций, прочитанных им в Берлинском университете (1899—1900). Считая, что неокантианство — последнее слово философской мысли, Гарнак стремился согласовать с ним евангельскую веру.

С. 94. *Будьте как дети!* — Мф 18: 3.

С. 96. *...(«на супротивныя даруй»).* — Слова из молитвы за Отечество.

С. 97. *...сидит с пятилинейной...* — Имеется в виду керосиновая лампа с фитилем в пять линий.

С. 98. *...лето Господне благоприятное...* — Ис 61: 1—3.

С. 104. *Просовы* — ямы, наполненные водой, но невидимые под снегом.

...своего рода хилиазм. — Хилиазм — религиозное учение, согласно которому концу мира будет предшествовать второе пришествие Иисуса Христа и тысячелетнее земное царство Божье верных и праведных.

С. 108. *...несколько сумное солнце...* — Сумный (*обл.*) — задумчивый, унылый.

...Сработал «Страшный китаец». — Произведение под таким названием неизвестно.

С. 110. *...евгеника...* — Евгеника (греч. — рождение лучших) — термин, созданный Френсисом Гальтоном в 1883 г.; в 1920 г. в Москве в Институте экспериментальной биологии, возглавляемом крупнейшим ученым, профессором Н. К. Кольцовым, генетиком, цитологом, зоологом, был открыт отдел евгеники и организовано Русское евгеническое общество, впоследствии запрещенное; в настоящее время евгеника — успешно развивающаяся медицинская генетика.

С. 111. *...у нас в Харбине белогвардейцы врываются в управление КВЖД.* — После Октябрьской революции многие русские офицеры бежали в Харбин, так что белогвардейские отряды действительно принимали участие в войне на стороне Японии.

Каляевка наводит на мысль... — Каляевка — устоявшееся в народе название территории Черниговского скита, где после революции основали исправительно-трудовую колонию для инвалидов им. Каляева (указано Ю. Н. Палагиным.) Ср.: «Определение <...> границ в художественном творчестве. <...> Вы можете "перезнать", и от этого у вас появится легкость в обращении с материалом, захочется кокетничать с ним. Это случилось у меня с очерком "Каляевка". Я великолепно освоил материал, но я сделал ошибку, сфотографировал людей <...> Эти фотографии были напечатаны, и только после этого я понял, что я совершил преступление. Есть страшные границы в искусстве, которых нельзя переступать. В гоголевском "Портрете" изображена эта страшная граница» (*Пришвин М.* Боевая форма литературы // Наши достижения. 1934. № 78). Очерк «Каляевка» с фотографиями вошел в кн.: *Пришвин Михаил.* Мой очерк. М.: Московское товарищество писателей, 1933.

С. 114. *Постановление ЦК...* — <*Вклеена газетная вырезка:*> «О перестройке литературно-художественных организаций (Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г.)».

1. ЦК констатирует, что за последние годы на основе значительных успехов социалистического строительства достигнут большой как количественный, так и качественный рост литературы и искусства.

Несколько лет тому назад, когда в литературе налицо было еще значительное влияние чуждых элементов, особенно оживившихся в первые годы нэпа, а кадры пролетарской литературы были еще слабы, партия всемерно помогала созданию и укреплению особых пролетарских организаций в области литературы и искусства в целях укрепления позиций пролетарских писателей и работников искусства.

В настоящее время, когда успели уже вырасти кадры пролетарской литературы и искусства, выдвинулись новые писатели и художники с заводов, фабрик, колхозов, рамки существующих пролетарских литературно-художественных организаций (ВОАПП, РАПП, РАМП и др.) становятся уже узкими и тормозят серьезный размах художественного творчества. Это обстоятельство создает опасность превращения этих организаций из средства наибольшей мобилизации советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству. Отсюда необходимость соответствующей перестройки литературно-художественных организаций и расширения базы их работы.

Исходя из этого, ЦК ВКП(б) постановляет:

1) ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей (ВОАПП, РАПП);

2) объединить всех писателей, поддерживающих платформу советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем;

3) провести аналогичное изменение по линии других видов искусства;

4) поручить Оргбюро разработать практические меры по проведению этого решения. ЦК ВКП(б)».

С. 118. *И одна только жизнь осталась для меня нерасшифрованной.* — Имеется в виду Варвара Петровна Измалкова, дочь петербургского действительного статского советника, студентка исторического факультета Сорбонны, встреча с которой произошла в 1902 г. в Париже во время путешествия Пришвина по Европе после окончания учебы в Лейпцигском университете. Варя стала первой любовью Пришвина, о которой он вспоминал в своем дневнике всю жизнь.

С. 121. *Брюсова называли «преодоленной бездарностью»...* — Ср.: «Брюсову не чуждо величие преодоленной бездарности» (*Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей. Т. 3. Берлин: Слово, 1923).

...«не нарушить пришел, а исполнить»). — Мф 5: 17.

С. 122. *А другой голос «прозевал» говорил мне о девушке...* — Имеется в виду Варя Измалкова.

С. 123. *...чувствовать в отношении к жизни некоторую свою увешливость...* — здесь: быть увешливым — чувствовать свою малость, умалиться, смириться.

С. 131. *Вчера читал о Гапоне и Азефе...* — Г. А. Гапон — священник, инициатор создания проправительственной организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» в 1903—1904 гг. По его инициативе была выработана петиция, которую рабочие намеревались передать царю 9 января 1905 г. После Кровавого воскресенья скрылся и бежал за границу. Осенью 1905 г. вернулся в Россию, пытался установить связь с эсерами. Его подозревали в связях с охранкой, поэтому одна из революционных групп судила его 28 марта 1906 г. и повесила в Озерках (близ Петербурга). Е. Ф. Азеф — революционер-провокатор, руководитель и одновременно агент охранки в партии эсеров.

...назначен в Пушкино по соболям. — Имеется в виду самая крупная в нашей стране и в Европе зооферма черно-бурых канадских лисиц и соболей «Первая московская» или «Лисья поляна» в 13 км от стан-

ции Пушкино Сев. ж. д., где Пришвин уже бывал. Ср.: Зооферма. Очерки с фотоиллюстрациями автора // Новый мир. 1931. № 1.

С. 132. *Вот поколение моих времен было воспитано на следопытах, героях американских романов — «индейцах». Мы из-за них бежали в Америку.* — В 1885 г., будучи гимназистом Елецкой мужской гимназии, Миша Пришвин, начитавшись Майн Рида (его любимым романом был «Всадник без головы»), с тремя друзьями-гимназистами совершил побег «в страну непуганых птиц». В летописи своей жизни (1918) он отмечает: «Побег в “Америку”», хотя иногда называет его «побегом в Азию»; «Конечно, тут книга виновата, что-то вычитанное... Прочитав книгу, мальчики бегут в неведомую страну, взрослые мальчики из народа начинают странствовать, искать невидимый град» (см.: О двух крайностях // Собр. соч. 1982—1986. С. 781; см. также: Кащеева цепь // Собр. соч. 2006. Т. 1. С. 95—111). Ср.: «Никто и никогда не пытался создать подобие энциклопедического словаря, где приводились бы биографии популярных личностей, начавших свою карьеру с того, что в детстве они удрали из дому. В нынешние времена Майн Рид хоть и переиздается, но особой популярностью среди молодежи его книги не пользуются. На рубеже XIX и XX столетий картина была совершенно иная, и русские гимназисты, начитавшись Майн Рида, в массовом порядке удирали “в Америку”. Их ловили <...> с позором возвращали домой, но они все равно бредили бескрайними прериями, индейцами... и прочей подобной экзотикой» (*Манин Евгений* (Филадельфия). Убежавшие к славе // Чайка. 2002. 22 июля; www.chayka.org/oarticle.php?id=683).

...как Арсеньев «В дебрях Уссурийского края»... — Имеется в виду книга известного исследователя, путешественника и писателя В. К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края» (1907), описывающего путешествие в горную область Сихотэ-Алиня в 1906 г.; считается одним из самых замечательных образцов фактической прозы.

С. 135. *...в таких своих сочинениях вроде романа «Кащеева цепь», «Охота за счастьем»...* — Имеются в виду автобиографический роман «Кащеева цепь» (1927) и автобиографический очерк «Охота за счастьем» (1926).

С. 136. *...известны «Башмаки»...* — Имеется в виду цикл очерков «Башмаки (Исследование журналиста)» (1925), в котором речь идет о сапожном ремесленном промысле в г. Талдоме Московской области.

(*«Девятая ель» и др.)* — имеется в виду цикл очерков под названием «Девятая ель» (впоследствии «Каляевка»).

В «Нов. Мире» помещен рассказ Сергеева-Ценского и статья к 30-тилетию его литературной деятельности. — См.: *Сергеев-Ценский.* Устный счет // Новый мир. 1932. № 3; *Ефремин А. С.* Сергеев-Ценский

(К 30-летию литературной деятельности) // Там же. В рецензиях на рассказы Сергеева-Ценского в первой половине 1930-х гг. появляются обвинения в искажении образа нового человека, в описании тоски интеллигенции и ее страданий, в нагромождении ложных и надуманных психологических подробностей, недоговоренности, недосказанности.

С. 140. *...променял «кукушку»...* — Похоже, что имеется в виду не «кукушка», а «синица в руке».

В. П. — существо случайное... — Речь идее о Варваре Петровне Измалковой.

С. 143. *...отдела (ГИЗЛа).* — Государственное издательство литературы.

С. 144. *Вчера читал Записки Льва Тихомирова, и для меня было обращение революционера к православию очень понятно...* — Под записками имеется в виду кн.: Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л., 1927. Лев Тихомиров — в 1870—1880-е гг. один из главных идеологов революционного народничества, член Исполнительного комитета и редакции «Народной воли», а также террористической группы «Свобода или смерть»; в 1882 г. во время разгрома «Народной воли» (после покушения на Александра II) уезжает за границу; жизнь в эмиграции — разочарование в революционной деятельности, разногласия с бывшими соратниками, тяжелейшая личная жизнь в нищете, тяжелая болезнь сына — все это вместе приводит к резкому повороту в мировоззрении Тихомирова: он пишет покаянное письмо императору, издает брошюру «Почему я перестал быть революционером» (1888), в которой обличает терроризм, и после возвращения в Россию до конца остается убежденным монархистом, идеологом самодержавия, редактором монархической газеты «Московские ведомости». Интерес к личности Тихомирова объясняется еще и тем, что такой же путь — разочарование в «революции» и обращение к собственной личности — прошел сам Пришвин. Переворот, который произошел с ним под влиянием встречи с Варей Измалковой в Париже и любви к ней, открыл ему значение и суть личности, привел к пониманию того, что «революция» — это отвлеченная идея, а личность — это творческая жизнь («Лев Тихомиров бежал от нереальности революции к самой жизни и, я думаю, эта “жизнь” (Суворин и правые) тоже была для него нереальна. <...> Тут ужасно в его положении было, что не то, так вот это, из одной политики в другую, а надо было просто жить, как все, без особенной политики, в своей самости почувствовать реально мир, а потом можно бы и вернуться... У меня относительно политики так было: “это само сделается”; “подступает к самому сердцу реальность... я и до сих пор остался поэтом этой реальности... и она противопоставлена социальному (нереальности, неживому)”»). Кроме того, как всегда и во всем,

Пришвин прежде всего отстаивает трезвость мысли и свободу («обращение революционера к православию очень понятно, только очень трудно войти в понимание, когда новообращенный смазывал щеку маслом св. Митрофания от зубной боли»).

С. 144. *Сегодня читаю М. Шагинян о Гёте...* — имеется в виду документальный лирико-философский путевой очерк «Путешествие в Веймар» (1914), жанр которого очень близок Пришвину. Гёте у Шагинян — идеал просветителя и гуманиста, силой духа преобразующий общество.

С. 146. *«Там прошлого нет и следа».* — Слова из стихотворения М. Ю. Лермонтова «И скучно и грустно» (1840).

С. 149. *МВО* — Московское военное общество.

С. 151. *...без легенды о «последнем из могикан»...* — Аллюзия на роман Фенимора Купера «Последний из могикан» (1826).

Фигнер Вера и 1-е Марта. — 1 Марта 1881 г. Вера Фигнер услышала два взрыва, а затем на квартире писателя Глеба Успенского узнала о смерти Александра II. Однако по смыслу кажется, что здесь ошибка и имеется в виду, к примеру, Клара Цеткин и 8-е Марта, то есть нечто оставшееся от деятельности человека.

С. 156. *Лично я <...> долго не нуждался в этом общении, потому что смолоду был приобщен...* — Имеются в виду годы учебы в Германии, когда проявился интерес Пришвина к немецкой культуре (философия, музыка) и решающим образом повлиял на его мировоззрение.

С. 161. *...смотрел в звездах на дубль ве...* — Имеется в виду созвездие Кассиопея.

С. 162. *Личность не должна бросаться в чан (Блок)...* — См. коммент. к с. 16.

С. 163. *...божница с четверговой, а может быть, и венчальной свечой...* — Имеется в виду свеча, принесенная из церкви со службы в Великий четверг.

С. 164. *Озеро Ханка.* — Самый большой пресноводный водоем на Дальнем Востоке.

С. 166. *Дорогая Фега Евсеевна...* — Ср.: «Приобретению немецких аппаратов предшествовала некая предыстория. До революции отец печатался в Германии, кажется, крупным издательством Фишера. Переводчицей его произведений была Фега Евсеевна Фриш, которая от

имени этого издательства и вела переписку с отцом. И вот через много лет молчания к отцу пришло от нее письмо с просьбой прислать что-нибудь для печати. Папа отобрал несколько уже напечатанных в наших журналах рассказов, в том числе и "Гон"*, названный в немецком издании "Двенадцать мужиков на одного зайца". Довольно скоро от Фриш пришло письмо с вырезками напечатанных в Германии папиных рассказов и извещение из банка, что на его личный счет перечислена некая сумма денег. Но у нас с Германией не было подписано конвенции об авторских правах, так что деньги получить было нельзя. Сам ли отец или кто из знакомых — не помню — придумал вариант с посылкой. В тот момент у папы было два фотоаппарата: один простенький, пластиночный, форматом 9 × 12 и второй — такого же формата, зеркалка со сменным телеобъективом для дальних съемок зверей и птиц. Он был очень громоздок — величиной с хороший чемодан и вешался на шею, что затрудняло продвижение с ним по лесной чаще. И вот папа пишет письмо переводчице с просьбой прислать в счет гонорара два фотоаппарата "Лейка" с принадлежностями. Получить их из таможни нам помог нарком А. В. Луначарский. В первый раз мы пришли в таможню, рассчитывая сразу же положить в карман портативные камеры и вернуться домой. Не учли немецкой педантичности: в таможенном зале стоял большой ящик, который с трудом могли сдвинуть с места лишь два человека. Фирма предусмотрела все и минимум на два-три года бесперебойной работы фотографа» (Из воспоминаний Петра Михайловича Пришвина, которые в настоящее время готовятся к изданию. Архив Н. П. Бирюковой (Пришвиной)).

С. 170. *...понимать в прямом смысле слова «хлеб наш насущный» или видеть в корове Аписа...* — Сквозь евангельские слова (Мф 6: 11), так же как сквозь образ Аписа (священный бык, символ плодородия, почитавшийся в Египте на протяжении всей истории, начиная с 3600 г. до н. э.), обозначивших в культуре некое устойчивое соотношение свободы (поэзии) и необходимости (природы), нарушенное и требующее переосмысления в новой реальности, Пришвин выявляет современный смысл времени (*«трагедия жизни перешла из пещер в погреба больших городов, в литейные и отделочные цеха заводов... силы всех лучших людей устремляются сюда»*), обозначает направление творческой силы и неизбежность развития жизни в эту сторону, где только может и должна родиться и новая этика, и новая поэзия (эстетика). О языческом поклонении египтян корове как богине Гатор (Хатор) и быку как Апису см.: *Розанов В. В.* Возрождающийся Египет. М.: Республика, 2002.

...поэтический ритм журавлиной родины... — имеется в виду болотный край в восточной части низменности в Талдомском и Сергиево-Посадском районах, в бассейнах рек Дубны, Хотчи и Вьюлки, где осе-

* См.: Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. М., 1983. С. 316.

нью собирается около полутора тысяч серых журавлей, образуя одно из крупнейших в Европейской России предотлетных скоплений этих удивительных птиц; в 1979 г. эти места объявлены заказником, получившим название «Журавлиная родина» по названию книги Пришвина, который любил и хорошо знал эти места. См. коммент. к с. 11.

С. 171. *...следы невиданных зверей...* — Аллюзия на поэму А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Гостиница «Золотой Рог»... — Здесь и далее речь идет о поездке на Дальний Восток в 1931 г.

С. 180. *Писатель не инженер...* — Похожее определение «инженер человеческого материала» впервые появилось в очерке Ю. Олеши «Человеческий материал» (1929); считается, что выражение "писатели — инженеры человеческих душ" было высказан Олешей на встрече литераторов со Сталиным в доме Горького 26 октября 1932 г. Сталин процитировал этот афоризм, который ему позднее и приписывался. Запись Пришвина, очевидно, связана с логикой его собственных размышлений в дневнике на тему «литература приравнивается к технике», но неожиданно некоторое время спустя оказывается полемичной по отношению к официальной.

С. 181. *Керенский и солдат: «мое будущее — могила»...* — Ср.: «Однажды Мер. говорил на одном собрании христ. секции рел.-фил. общ-ва о богочеловеке и человекобоге, вдруг один бывший среди публики рабочий положил ногу на стол, показывая всем на вид свой дырявый, грязный, истоптанный сапог. — Что вы на это скажете? — спросил рабочий. Мережковский в гневе закричал на него: "Падаль!" Я хорошо понимаю, что сказанное слово "падаль" было как религиозно-философское понятие, т. е. что о смертной плоти-материи говорил рабочий, о том же, что спустя несколько лет говорил Керенскому солдат, отказываясь идти в бой: "Я умру в бою, мне ничего не достанется"» (Ранний дневник. С. 307).

Антивоенный конгресс... — Имеется в виду 2 Всемирный антивоенный конгресс, который состоялся 27—29 августа 1932 г. в Амстердаме.

С. 182. *...(семья Розанова — наследственный сифилис, Блок — личный и неслучайный).* — В семье Розанова был наследственный сифилис. См. об этом у К. И. Чуковского: «У Розанова была падчерица — Шура, высокая девушка, дочь его второй жены попадьи Варвары Дмитриевны. Раз — около 1907 г. — она назначила мне свидание у памятника Пушкину в Петербурге и сказала мне: "Я сифилитичка <...> У моего отца (священника) был сифилис"» (*Чуковский К.* Дневник 1930—1969. М.: Современный писатель, 1997. С. 404; указано В. Фатеевым).

«Тело наказывай, а души не тревожь!» (Гиляровский. Рассказ о наказаниях.) — Неточная цитата из книги В. А. Гиляровского «Мои скитания». Ср.: «Этого у нас прежде не бывало: тело наказывай, а души не трожь!» (*Гиляровский В. А.* Мои скитания. Детство // Гиляровский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1999. Т. 4).

С. 184. *«Ужо тебе, строитель!»* — Неточные слова из повести А. С. Пушкина «Медный всадник». Ср.: «Добро, строитель чудотворный! — Шепнул он, злобно задрожав, — Ужо тебе!..»

С. 186. *...этот корень и наводит на понимание реликта как корня жизни...* — Речь идет о поездке на Дальний Восток (1931 г.), в результате которой в начале 1933 г. в журнале «Красная новь» (№ 3) была опубликована поэма «Жень-шень» (иногда под названием «Корень жизни»), которую Пришвин, по его признанию, написал «одним духом»; кроме того, был написан ряд очерков, составивших книгу «Золотой рог» (1934). Ср.: Собр. соч. 1982—1985. Т. 4; ср. также: Путевой дневник поездки на Дальний Восток // Дневники 1930—1931. С. 383—565.

С. 198. *...тупой педагог, так ярко, так правдиво изображенный Корнеем Чуковским... и мной самим тоже неплохо в описании детства Курымушки в романе «Кащеева цепь».* — Имеется в виду глава «Лепые нелепицы» из книги К. И. Чуковского «Маленькие дети» (1929), которая начинается полемикой с преподавателем, не понимающим значения фантазии, сказки и пр.

...представил мою художественную концепцию зла частью как биологизм... — См. коммент. к с. 12.

К статье Чуковского: он пишет, что инженер не может обойтись в своем восприятии без сказки...— в эти же месяцы 1932 года К. И. Чуковский отмечает в дневнике приметы «либерализации» в литературе после отмены РАППа и интерес к детской литературе: «*16/VIII.* Еще так недавно Дом Герцена был неприглядной бандитской берлогой, куда я боялся явиться: курчавые и наглые рапы били каждого входящего дубинкой по черепу. Теперь либерализм отразился и здесь <...> “К. И., что вы думаете о детской литературе?”»; «*21/VIII.* Любопытно наблюдать теперь жизнь “Литературной газеты”. Теперь ее руководители стремятся сделать ее наилиберальнейшей: заказывают статьи о Зощенке, об О. Мандельштаме, о моем “крокодиле”. Но позиция ее трагически беспочвенна. Рапповщина рвется из всех щелей»; «*21/VIII.* Бумага Горького—Маршака <...> о детской литературе робка — и об ошибочной литературной политике говорит вскользь. О сказке вообще не говорит полным голосом, а только о развитии фантазии»; «*29/IX.* Я сейчас делаю сразу двадцать литературных дел, и одно мешает другому. Нельзя одновременно: писать статьи в защиту сказки

<...> и стихи для маленьких детей, и фельетон о редактуре классиков. А я делаю все вместе...»; «*22/XII*. Ездил <...> в Москву <...> на пленум ВЛКСМ. <...> Моя дикая речь в защиту сказки» (*Чуковский К.* Дневник 1930–1969. М.: Современный писатель, 1997. С. 67–74). В 1932 г. Чуковский выступает с речью в защиту сказки на Пленуме ВЛКСМ.

Ср. *записи на отдельном листке без даты, вложенном в дневниковую тетрадь Пришвина 1933 г*:

«Известно, что когда повезет... Издатель, по-моему, глубоко прав, дорогой мой покровитель и друг, вот я недавно имел разговор с одним старым крестьянином, который не может помириться с современным колхозным строем и остается убежденным единоличником. Он говорил мне, что вот в прежнее время нам говорили о рае, и мы думали-гадали, где он, рай, и есть ли он и будет ли, а между тем рай был тут у нас на земле, и все мы жили в раю. Так говорит старый человек о потерянном рае. Молодой человек, конечно, посылает проклятия тому времени, но сам свой "рай", в свою очередь, откладывает на будущее время, не сознавая, что его рай тут и в его собственном времени, в его деле. И "Колобок" о чем же другом говорит? Правда, с внешней стороны он как будто уводит нас куда-то за синие моря и там открывает "рай"... Но это имеет лишь чисто формальное значение. Если взять книгу целиком, то она берет <грубейшую действительность> реальный факт — жизнь края и открывает в ней, как в буднях, присущий ей "рай"... Переход к социал. реализму.

...уклон или неправедный, по-моему, враг мой, я складываю оружие и замираю в расчете на скорость суда нашей эпохи. Не раз было в таком замирании, что я вдруг и одумаюсь: это не уклон и не враг, а я ошибался. Но было и так много раз: проходит немного времени, и уклон ликвидируется, враг мой летит вверх тормашками. Так вот случилось в отношении сказки: механизацию объявили вредным уклоном и на очередь поставили возрождение сказки в берегах социалистического реализма. Издатель достал из глубины своей души особенное понимание моего "Колобка", он мне сказал: — Ваш "Колобок" замечателен тем, что он в сказочной форме дает глубоко реальное представление о северном крае. Скорее давайте его мне в печать. <*Приписка:* Пусть это еще реализм не социалистический, но и этого довольно — преподать через сказку реальное.> Так точно, помните, случилось и с настоящим сказочным колобком: волк его было проглотил, но живот у него от этого заболел, и колобок, выйдя на свет из волчьего чрева, еще больше обрадовался жизни и еще веселей побежал. Несмотря на просьбу издателя напечатать "Колобок" в том же виде, как он был напечатан 28 лет тому назад, я решил подсвежить его и создать внешнее оправдание для его нового появления в свет. Правда, трудно было с ружьем и удочкой в наше время бежать за колобком, но нет границ во времени и пространстве. Дорогой мой друг и покровитель! Я не мог везде побывать в тех местах, где в молодости пробежал мой колобок, но все-таки был я на канале, где тогда был Край Непуганых птиц, был

в Соловках, где тогда были монахи, был в Надвоицах и Новострое, где рыбу ловили, на Имандре и волк в этой книге... Пусть же Колобок снова бежит, как бежал в старое время, а где [переходит] на новое, я напишу свои впечатления в письме к Вам, мой неизменный доброжелатель, великодушным сочувствием и сорадованием моему творчеству не раз спасший из волчьей пасти мой Колобок. Конец: Колобок в волка... и там волчья пасть...» В 1932 г. Чуковский выступает с речью в защиту сказки на Пленуме ВЛКСМ.

С. 199. *...от терочного завода...* — Терочный (терошный) завод — завод, где шла переработка картофеля для получения полуфабриката для крахмальных заводов.

С. 204. *...«сами комиссары, сами председатели».* — Слова из частушки 20-х гг. (в 30-е гг. такие частушки уже не встречались): «Сами, сами комиссары / Сами председатели / Никого мы не боимся / Ни отца, ни матери».

С. 210. *Он просится в мой дом...* — <*На полях рукой В. Д. красным карандашом:* М. М.! Это замечательно!>. Пометка появилась, когда в 1940 г. Борис Дмитриевич Удинцев, племянник писателя Мамина-Сибиряка, привел Валерию Дмитриевну Лебедеву (Лиорко) к Пришвину, рекомендуя ее в качестве секретаря, которого писатель в это время искал. В. Д. приступила к работе над архивом. Ср.: Мы с тобой. Дневник любви.

С. 212. *Кончил Дриянского (Записки мелкотравчатого)...* — книга Е. Э. Дриянского «Записки мелкотравчатого» (1857) считается одной из лучших охотничьих книг о псовой охоте.

(«Амазонка» Дриянского). — Имеется в виду охотничья повесть «Амазонка» (1860).

С. 214. *...видел около «1-го номера» (Смычки)...* — Имеется в виду кооперативный магазин «Смычка» (города с деревней), который появился в период НЭПа, находился в торговых рядах у Пятницкой башни Троице-Сергиевой лавры и просуществовал до 1935 г., когда по решению правительства на смену ему был создан горторг (Краеведческий вестник. 2003. № 88. 17 авг. Сергиев Посад; указано Л. Грилиной).

С. 222. *...взяла сало и решила: если бедные люди — отдать, а если богатые и дурные, то съесть.* — <*Приписка 1943 года:*>
— Кто здесь живет? — спросила Зоя прохожего.
— Сундуковы.
— А что, они богатые или бедные?
— Были очень богатые.
Рассказ о том, как наживалось богатство и как разорились.

— Ну, значит, бедные?

— Почем знать, в сундуки к ним не лазили.

Рассказ, как человеческая легенда о человеке, что золото в мешке, в стоге сена зерно, сказ о белых мышах.

С. 223. *...увидели на кусту мелятника какую-то птицу...* — Мелятник — густой мелкий подлесок.

С. 224. *Огерк Блока о Колобке: поэзия и еще гто-то.* — Пришвин в разные годы вспоминает устный отзыв А. Блока о своей книге «За волшебным колобком»: «Это не поэзия, то есть не одна только поэзия, тут есть что-то еще» (Дневники 1920—1922. С. 257).

С. 226. *Пленум Оргбюро. 30-го моя реčь «Сорадование».* — Имеется в виду Первый пленум Оргкомитета Союза советских писателей (29 октября — 3 ноября 1932 г.). Ср.: «На самом деле речь Пришвина была противоречивой, и искренность в ней мешалась с недомолвками и лицедейством, к которому писатель уже давно прибегал. Ничего иного и быть не могло. Берендей охранял свою пещеру от людоедов как умел, и если сравнить основные положения выступления с дневниковыми записями <...> то можно увидеть то ли игру, то ли диалог с самим собой, — но в любом случае хорошо скрытое ерничество и фирменную пришвинскую ядовитость. <...> Но были в речи и совершенно искренние высказывания» (*Варламов А.* Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 332—333). Полностью стенограмму выступления см.: Творить будущий мир. С. 108—114.

С. 227. *Иудушка)...* — аллюзия на роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» (1872—1876) и главного героя романа Порфирия Владимировича Головлева (Иудушку), чье прозвище стало нарицательным, означающим лицемерие, предательство и ханжество под личиной добропорядочности и добродетели.

Аналогия «Головокружение»... — Имеется в виду статья Сталина «Головокружение от успехов» (1930), осудившая перегибы в процессе коллективизации (см.: Дневники 1930—1931. С. 43).

С. 228. *Как Иов Многострадальный...* — Кн. Иова.

С. 231. *...играют в бляшки: прямо Дафнис и Хлоя...* — Кружок, бляшка, кубик, квадратик, служащие в некоторых настольных играх для счета очков, взяток и пр. Дафнис и Хлоя — персонажи единственного полностью дошедшего до нас античного любовно-буколического романа древнегреческого писателя Лонга (II—III вв. н. э.), из которого родилась традиция европейских пасторалей XVII—XVIII вв., а имена Дафниса и Хлои стали классическими именами пасторальных героев.

С. 233. *«Каковы бы ни были монахи сами, но учение их уже потому правильно, что в нем более практической реальности, чем в учениях уравнительного оптимизма. Монахи пессимисты для земли» (К. Леонтьев).* — Ср.: «Каковы бы ни были монахи сами (мы знаем, что в наше время и они очень ослабели), но учение их уже потому правильно, что в нем больше практической реальности, чем в учениях уравнительного оптимизма... Монахи пессимисты для земли... И это уж одно превосходно, потому что учит покорности и терпению. Монахи более, чем кто-либо, реалисты в хорошем смысле этого слова, — они не мчатся за розовым облаком рая земного... Они если не все умом понимают, то сердцем чувствуют, что вблизи это розовое облако окажется всегда лишь серым, сырым и нездоровым туманом» (*Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 302; указано Г. Кремневым).

С. 234. *...к одной и той же жировке...* — Жировать — кормиться.

Когда ободнялось... — Ободнять, ободняло, т. е. наступил день.

Поэма Клычкова Мадур-Ваза имеет один убийственный недостаток: читая, думаешь: «а как же в подлиннике, у самих вогулов?» — Клычков поэтически обработал вогульский эпос «Янгал-Маа» («Тундра») (*Клычков С.* Мадур Ваза Победитель. Вольная обработка поэмы «Янгал-Маа». М.; Л.: Academia, 1933); вогулы (вогуличи) — исчезающая народность финского племени в России.

...(песнь о Гайявате)... — имеется в виду поэма Г. Лонгфелло «Песнь о Гайявате» в переводе И. Бунина.

С. 236. *...целый обоз единоличников, везут хлеб сдавать по новому декрету.* — По-видимому, имеется в виду образование по указанию Сталина чрезвычайных комиссий в основных зерновых районах страны осенью 1932 г. — новый план сбора зерна.

С. 237. *В речи Белого (Краеведческая секция)...* — имеется в виду доклад под названием «Культура краеведческого очерка» на секции писателей-краеведов в Оргомитете Союза писателей 23 ноября 1932 г.

С. 238. *...себя в своих сочинениях...* — План на 1-е Декабря

1) Краев. очерк. Доклад. Стеногр. — предисловие.
   Узнать в «Товариществе писателей» судьбу «очерка»
2) Отработать «Реликтовый край» для альманаха «товарищества писателей» $4\frac{1}{2}$ + 4 Даурия + и заграницу. 2 листа. 2 листа фото
3) Отработать Голубые песцы. 1 лист.
4) Продвинуть Олень-цветок 1 лист.
5) Гон пятнистых оленей на Гамове $\frac{1}{2}$ листа.

NB. Отработать все, как записки (к пп. 3–5)

Материал для доклада.
Кама (Кащеева Цепь, т. 1. стр. 176)

Сулоть (Журавлиная родина, 144)
Трактир Ремизова (Жур. родина, 89)
Моренный ландшафт (Жур. родина, 83) или Заболотское озеро
Сосуд вечности (Я и мы) Ж. Р. 63
Родственное внимание Ж. Р. 63
Морены, 5-е [начало] романа (Жур. родина 57)
Торф и Я (Жур. родина ст. 51)
Ландшафт и ритм (Жур. родина 181)
Моя астрономия — личное начало («мне теперь ничуть не стыдно» Жур. родина 185, 186) <*1 нрзб.*> «родственного внимания».

С. 240. *...«товарищ покойник».* — Ср.: «Товарищ покойник! <...> Ты пал жертвой озлобленной буржуазии, и вот вам всем пример: ежели вы будете сидеть сложа руки и оставите в покое жить буржуазию, вы заслужите участь Товарища Покойника» (Мирская чаша // Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 653).

С. 242. *...высокие мастера (волчки), артисты...* — ср.: «*...волчок,* так называется в обувном деле артист, изготовляющий настоящую художественную обувь» (Башмаки // Собр. соч. 1982—1986. Т. 3. С. 450).

1933

С. 247. *...подстоять не могли.* — Подстоять зайца — значит не гнать, а, не двигаясь, стоять и ждать.

С. 248. *Охотник, охотник, зачем же ты ее тогда не схватил за копытце?* — Рефрен, часто сопровождающий воспоминания о первой любви к Варе Измалковой. Ср.: Жень-шень // Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 676.

С. 249. *Общий путь всех русских больших писателей — это выйти из сферы искусства к чему-то более важному для человека...* — Ср.: «*б/д.* Истинное художественное творчество должно знать свое место и не становиться на место действия самой жизни, не становиться тем, что делает религия (дело жизни, как у Ницше, Гоголя, Толстого). Дело совершенно безнадежное для художника ставить на разрешение проблемы морально-общественного характера, потому что все они разрешаются только жизнью, а жизнь есть некая тайна, стоящая в иной плоскости, чем искусство. Художник должен быть скромен, потому что свет его, как лунный, только исходит от солнца, но сам он — не солнце... Выходить за пределы своего дарования под конец жизни свойственно все русским большим писателям. Это происходит оттого, что

посредством художества, кажется, нельзя сказать всего. Вот в этом и ошибка, потому что "всего" сказать невозможно никакими средствами, и если бы кто-нибудь сумел сказать "все", то жизнь человека на земле бы окончилась» (*Пришвин М.* Незабудки. М.: Худож. лит-ра, 1969. С. 141—142).

Пришвин находит свою скромную [задачу сближения], родственного внимания (Гаечки), имеющего общие корни с первобытным анимизмом (Дерсу: люди). Он враг грубого очеловечивания (Холстомер), но он в природе находит наросший слой человечества, который дает нам зверя в родстве (Собаки). — В автомифологическом стиле (писатель использует его также для создания «одного из самых игровых произведений русской литературы 30-х годов» (А. Варламов) под названием «Мой очерк» (1933)), Пришвин пишет о Пришвине-писателе в третьем лице: в записи декларируется отношение автора к природе, строится модель творческого поведения Пришвина-писателя; во-первых, «зеленая» природа для него — это образ мира, где ежеминутно происходит встреча прошлого и настоящего, природы и культуры — благодаря этой встрече в процессе художественного осмысления природы проявляется и становится значимым поведение маленькой пичужки (рассказ «Гаечки», 1926); во-вторых, подтверждается творческая продуктивность столкновения первобытной культурной традиции единства с природой с современным научным и художественным исследованием мира (Дерсу Узала (1849—1908), нанаец (гольд), охотник, который всю свою жизнь прожил в тайге под открытым небом, а зимой в юрте из бересты, с которым подружился и прошел многие километры (1902—1907) уссурийской тайги молодой ученый и будущий писатель В. К. Арсеньев — его книгу «Дерсу Узала» (1923) Пришвин очень ценил; можно сказать, что она сыграла роль литературного подтекста поэмы «Жень-шень»); в-третьих, он отмежевывается от наделения животного человеческими качествами (рассказ Л. Толстого «Холстомер», 1885); и, в-четвертых, выделяет собаку как самое понятное и близкое ему существо, с которым он чувствует родство («наросший слой человечества») и понимает это чувство как единственно возможный для себя способ познания природы («Собаки вывели меня в люди»); впоследствии он назовет это чувство «родственным вниманием», как бы удваивая усилие человека (родовое плюс культурное) в его стремлении понять мир. В этом ключе написаны все «собачьи» рассказы писателя. Кроме того, в книге «Золотой Рог» (1934) Пришвин определяет феномен Дерсу, а вернее, роль художника в мире природы: «Дерсу явился на советскую арену не сам по себе, а через Арсеньева... к следопытству инстинктивного человека Дерсу присоединяется следопытство разумного этнографа, вернее и точнее — инстинкт дикаря сохраняется и продолжается в разуме ученого. <...> Одна черта особенно меня поразила в рассказе Арсеньева о том, как он написал свою книгу. Оказалось, он никогда не думал о книге и особенно такой поэтической». Для Пришвина с книги Арсеньева началось его собствен-

ное путешествие на Дальний Восток. Ср.: Собр. соч. 1982—1986. Т. 4. С. 434—435.

С. 250. *Мой юбилей в секции Краеведения.* — Ср.: «Вечер <...> превратился в первый импровизированный юбилей Пришвина, без всяких официальных приветствий и заранее приготовленных докладов, с выступлением самого Пришвина. Происходило это в Дубовом зале теперешнего ЦДЛ <...> рассказ Пришвин вел непринужденно, как разговор за чайным столом или у костра на охоте. После этого прочел главы из своей недавно законченной повести “Жень-шень”». Из отдельных выступлений помню дружественно-восторженное слово старейшего литературного сверстника — Андрея Белого о когда-то вышедшем из глуши северных лесов и озер “волшебнике слова”» (*Реформатская Н. В.* О Пришвине // Личное дело. С. 153—168).

С. 251. *Вечер Белого.* — Имеется в виду вечер А. Белого в Политехническом музее. Ср.: «П. Н. Зайцев вспоминал: “Борис Николаевич беседовал с публикой о романе «Маски». Читал отрывки из них. <...> Отвечал на многочисленные записки. В одной — на вопрос: «Почему роман “Маски” так непонятен <...>?» — У меня есть книга «На рубеже двух столетий», — отвечал Белый. — Я написал ее в полтора месяца. И эту книгу — приняли. Она понята. А «Маски» я писал год и написал непонятную книгу. Зачем я это сделал? Я бы мог написать за это время семь книг и получить в семь раз больше гонорара. А в работе над «Масками» я семь шкур с себя содрал, измучился и переутомился... То, что непонятно сегодня, может быть понятно завтра... Я не хочу пользоваться штампами или писать под «Белого», хотя мне это сделать очень легко...”» (*Делекторская И.* «Маски» и маски Андрея Белого // http://www.utoronto.ca/tsq/22/delektorskaya22.shtml).

Весна света в Москве...— В 1918 г. в дневнике писателя появилась составленная им летопись жизни, в которой отмечено: «1885. Второй класс. Счет годов с весны», а в одной из последних записей своего полувекового Дневника, 30 декабря 1953 года, он записывает: «Мало ли чего в нашей жизни было разбито, но я спас и вывел к людям “весну света”» . Есть у Пришвина и рассказ «Весна света» (1938).

Пленум, причесанный Луначарским. — Речь идет о том, что именно в своем докладе на 2-м пленуме Оргкомитета Союза советских писателей 12 февраля 1933 г., посвященном теме социалистического реализма, А. В. Луначарский, знаток мировой литературы и культуры, который прежде пытался противостоять откровенно узкоклассовому, вульгарно-социологическому подходу к литературе, предлагает «постепенно, осмотрительно, основательно подходить к созданию теории литературной практики... полностью усвоившей себе и применяющей метод диалектического материализма»; он подчеркивает, что для того чтобы не только усвоить «основные принципы диалектического материализма», но «определить его специфическое применение в области

искусства, в частности художественной литературы... совершенно достаточно усвоить лозунг социалистического реализма» (*Луначарский А. В.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит-ра, 1963—1967. Т. 8. С. 517).

С. 252. *...взять «язычника» (эвдемониста)...* — Эвдемонизм — этическое учение Эпикура (от греч. eudemonia — счастье), признающее критерием нравственности и основой поведения человека стремление к счастью.

...«кризис индивидуализма»). — Имеются в виду идеи Ф. Ницше, выраженные в книге «По ту сторону добра и зла» (1886), где речь идет о непреодолимом кризисе индивидуализма, вытеснении индивида сверхчеловеком, то есть кризисе европейской культуры. Немецкая культурная традиция, прежде всего в лице Ницше и Вагнера, оказала в студенческие годы (Лейпцигский университет, 1900—1902) большое влияние на мировоззрение Пришвина («Роман моей жизни: столкновение Германии и России, я получил все от Германии» (Дневники 1914—1917. С. 151)); ср. также в автобиографическом романе «Кащеева цепь»: «В этой книге каким-то чудесным путем философия соединилась с поэзией, и то самое, что у Канта и других ползло, здесь летело, как метеор, на одно неповторимое мгновенье ярко освещая мировое пространство <...> настоящее знание летит, как метеор, и человек истинного знания сгорает и падает, как метеор; и пусть: старый бог умер. Так говорил Заратустра. Дома, ни о чем этом больше не думая, свободным движением руки он подвигает к себе книгу “По ту сторону добра и зла” и там, читая до вечера, узнает <...> оказывается, мир в себе, то, что невозможно достигнуть знанием и что если бы это и удалось как-нибудь узнать, то оказалось бы, может быть, очень смешным и ничтожным... Так говорил Заратустра» (Собр. соч. 2006. С. 404—405). О влиянии философии Ф. Ницше на Пришвина см. в кн.: *Подоксенов А. М.* Мировоззренческий контекст повести М. М. Пришвина «Мирская чаша». Белгород; Елец, 2007.

Диалог с Ницше пунктиром проходит через весь дневник писателя («Над изображаемой мной эпохой в “Кащеевой цепи” висела философия Ницше» (Дневники 1926—1927. С. 533)). На страницах дневника то и дело возникает то явная, то скрытая полемика с Ницше (ср. запись от 27 октября 1930 г.: Дневники 1930—1931. С. 262). Кроме того, проблему противостояния личности и общества (одну из важнейших в творчестве Ницше) на протяжении всей творческой жизни и в художественных произведениях, и в дневнике решает Пришвин.

С. 253. *Пьеса Мейерхольда «Вступление»...* — имеется в виду пьеса «Вступление» по роману Ю. Германа (1931); с одной стороны, марксистская критика в лице А. В. Луначарского считала, что театр Мейерхольда «не соответствует подлинным вкусам и интересам пролетариата», с другой стороны, Троцкий, напротив, считал мейерхольдовскую актерскую школу попыткой «выдернуть из будущего то, что может раз-

виться как его неотторжимая часть», «частичным предвосхищением» этого желанного будущего» (*Песочинский Н.* Мейерхольд и «марксистская критика» // http://www.ptzh.theatre.ru/1995/8/86). Взгляд Пришвина, которому футуристический стиль театра органически чужд еще и потому, что этот стиль совпадает с пафосом революционного времени — тоже оставляющего «фосфорически пролетающий след курящейся жизни»; для Пришвина-писателя проблема времени — пролетающего (хронотоп революции) или остановленного (традиция Гёте) оказывается в эпицентре его художественного поиска в поэме «Жень-шень», над которой он как раз в это время работает; Пришвин решает эту проблему по-своему. Ср.: Жень-шень // Собр. соч. 2006. Т. 2.

С. 253. *...Читал «Корень» у Никитиной...* — Речь идет о литературном салоне «Никитинские субботники» (1914—1933), организованном литературоведом Е. Ф. Никитиной в ее квартире в Москве.

Мерзость запустения... — Мф 24: 15—16.

...«Волки»... — По-видимому, имеется в виду рассказ «Волки-отцы» (1926) входит в цикл «Календарь природы».

С. 258. *Прощеный день.* — Воскресный день перед началом Великого поста.

С. 260. *...был в Люксембургском саду...*— Имеется в виду встреча с Варей Измалковой в Париже.

С. 261. *...«в поте лица»...* — Быт 3: 19.

...портреты безобидных существ... — Так называл Пришвин занесенные снегом деревья в лесу, напоминающие ему какие-то фигуры, которые он фотографировал.

С. 262. *...ездили поздравлять Дуничку...* (*орф. автографа*) — Имеется в виду двоюродная сестра Пришвина Евдокия Николаевна Игнатова, отношения с которой уходит в детство: Е. Н. в юности — член народовольческой организации «Черный передел», затем учительница в деревенской школе, организованной на собственные средства — через Дунечку в раннем детстве Пришвин воспринял идеи народничества, а сама ее жизнь стала для него символом кризиса народнических идей: «Дун*и*чка (орф. автографа. — *Я. Г.*) была застенчивая, она всегда жила и пряталась за стеной. Дун*и*чка в морали <...> пряталась, как бы виноватая тем, что не жила для себя и боялась жизни» (Путь к Слову. С. 35). В летописи своей жизни (1918) Пришвин отмечает: «Двоюродная сестра Дун*и*чка учит любить человека (Некрасовым)». В 1929 г. в дарственной надписи на книге «Кащеева цепь», подаренной Е. Н. Игнатовой, Пришвин написал: «...в первые дни моего сознания моя вели-

кая учительница Дуничка внушила мне долг и любовь к природе и людям». Ср.: Путь к Слову. С. 8.

...рассказ «Белая собака»... — Рассказ «Белая собака» (1929) входит в цикл «Календарь природы».

...упоминается неодобрительно паспортная система... — Речь идет о введении 27 декабря 1932 г. паспортной системы и обязательной прописки как порядка административного учета, контроля и регулирования передвижения населения. Главной особенностью паспортной системы 1932 г. было то, что паспорта вводились только для жителей городов, рабочих поселков, совхозов и новостроек. Колхозники были лишены паспортов, и это обстоятельство сразу ставило их в положение прикрепленных к месту жительства, к своему колхозу. Нарушение паспортного режима влекло за собою штраф или уголовную ответственность.

Запретили аборт. — В Советском Союзе аборт был запрещен в 1936 г., но впервые Сталин сказал о несоответствии темпов роста населения страны темпам строительства социализма на XVII съезде партии (1934). В 1933 г. аборт был запрещен в Германии.

С. 263. *Предс. РИКа...* — РИК — Районный исполнительный комитет.

...тройник Гейма... — имеется в виду ружье немецкой фирмы «Гейм» (основанной в 1865 г. в Зуле), получившей мировую известность благодаря тройнику с традиционным тройным запиранием стволов, двумя или тремя спусковыми крючками и переключателем стволов.

...пересмотреть «От земли и городов». — Здесь, видимо, имеется в виду цикл очерков «От земли и городов» (это название получил 4 том Собрания сочинений в 7 томах 1927—1930 гг.), в который вошли очерки и рассказы, начиная с дореволюционных.

С. 267. *...«всякая кухарка»...* — аллюзия на идею В. И. Ленина, выраженную в октябре 1917 г. в работе «Удержат ли большевики государственную власть»: «Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. Но мы требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством в состоянии только богатые или же из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления начало было немедленно, т. е. к обучению этому начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту». Впоследствии высказывание превратилось в расхожий ленинский афоризм: «Всякая кухарка может управлять государством».

...сделать изображение всего радостным. — Пришвин цитирует по следующему источнику: *Горнфельд А. Г.* Двенадцатая ночь, или Как вам угодно // Шекспир В. Полн. собр. соч. / Библиотека великих пи-

сателей / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. Т. 2. С. 498–508. В статье Горнфельд отмечает, что данные строки находятся в «заметках Гёте к "Западно-восточному дивану"» и представляют собой «столько же самонаблюдение великого поэта, сколько рассуждение глубокого мышления о сущности поэтического творчества».

С. 268. *...драч...* — здесь: драчун, обидчик.

С. 269. *...а ему хоть бы что.* — На последнем развороте тетради вклеена газетная вырезка: портрет Сталина с подписью: Рис. И. Бродского. В нижнем углу на последнем развороте вклеена еще одна вырезка:

«...интересов колхозного дела. Если вы хотите быть руководителями, вы должны уметь забывать об обидах, нанесенных вам отдельными единоличниками. Два года тому назад я получил письмо с Волги от одной крестьянки-вдовы. Она жаловалась, что ее не хотят принять в колхоз, и требовала от меня поддержки. Я запросил колхоз. Из колхоза мне ответили, что они не могут ее принять в колхоз, так как она оскорбила колхозное собрание. В чем же дело? Да в том, что на собрании крестьян, где колхозники призывали единоличников вступить в колхоз, эта самая вдова в ответ на призыв подняла, оказывается, подол и сказала — нате, получайте колхоз. (Веселое оживление, смех). Несомненно, что она поступила неправильно и оскорбила собрание. Но можно ли отказывать ей в приеме в колхоз, если она через год искренно раскаялась и признала свою ошибку? Я думаю, что нельзя ей отказывать. Я так и написал колхозу. Вдову приняли в колхоз. И что же? Оказалось, что она работает теперь в колхозе не в последних, а в первых рядах. (Аплодисменты)».

С. 270. *Вчера потерял почти записанную тетрадь.* — На первом развороте новой тетради рукой В. Д. Пришвиной позднейшая приписка:

Поездка на Соловки и канал
Конец X — 33 г.
Машина XI — 33 [г.]
Не побрезговал 4/XII
Смерть Белого
Новый Колобок
Лева отставлен от «секретаря»

<*На первой странице новой тетради:*>
Михаил Михайлович Пришвин.
Москва, Леонтьевский, 9/12, кв. 7, тел. 2-95-73.
Загорск, Моск. обл., Комсомольская, 85.

В случае потери прошу доставить по названному адресу и обещаю хорошее вознаграждение.

15 Июля 1933 г. по 22 Фев[раля] 1934 г.

С. 271. *Сборы в поездку на Онего-Белом. канал и Соловки.* — 23 июля 1933 г. Пришвин отправляется в поездку на Север (Соловки, Беломорский канал) в те места, где он путешествовал в 1906 г. и где родилась его первая книга «В краю непуганых птиц» (1907).

...передаст в МТП «Корень»... — имеется в виду издательство Московское товарищество писателей «Жень-Шень» («Корень жизни»).

Взять с собой: 1) «Непуг. птиц», 2) «Колобок»... — Первые книги «В краю непуганых птиц» (1907) и «За волшебным колобком» (1908).

...«Скорая любовь»... — рассказ «Скорая любовь» (1928), который дал название сборнику, входит в цикл «Календарь природы».

С. 272. *...ст. Горького «Кочки и точки»...* — Имеется в виду статья М. Горького «О кочке и о точке» (1933). Ср.: «Есть кочка зрения и точка зрения. Это надобно различать. Известно, что кочки — особенность болота и что они остаются на месте осушаемых болот. С высоты кочки не много увидишь. Точка зрения — нечто иное: она образуется в результате наблюдения, сравнения, изучения литератором разнообразных явлений жизни. Чем шире социальный опыт литератора, чем выше его точка зрения, тем более широк его интеллектуальный кругозор, тем виднее ему, что с чем соприкасается на земле и каковы взаимодействия этих сближений, соприкосновений» (Правда. 1933. 10 июля. № 188).

...Фома Невер[ующий]... — Ин 20: 25—28.

Вера без дел мертва... — Иак 2: 20.

С. 273. *...свое прежнее безумие, узнавая в других...* — Речь идет о первой любви к Варе Измалковой.

С. 275. *...чувили.* — Имеются в виду Чувиляевы.

Прошлое прошло: чувство замерло, ничего не шевелится. — Имеются в виду годы (1904—1917), связанные с Петербургом. В конце 1904 г. Пришвин переезжает в Петербург и здесь начинает свою жизнь «бродяги-писателя»: в Петербурге выходят его первые книги и газетные корреспонденции, здесь он знакомится с Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус и становится членом Религиозно-философского общества, знакомится и дружески общается с А. М. Ремизовым, встречается с А. Блоком, В. В. Розановым, которого знал гимназистом как преподавателя географии в Елецкой гимназии. Петербургская тема занимает значительное место в творчестве Пришвина («Я начал свою литературную жизнь в городе света... я полюбил Петербург за свободу, за право творческой мечты... этот город света... в своей трагической славе встает передо мной и поднимает меня» (Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 583—587) и с полным правом может быть включена в так называемый «петербургский текст» (термин В. Н. Топорова). Кроме дневника, где постоянно

возникают обращения к поэме «Медный Всадник», к мифу о Петре, «униженным и оскорбленным» Достоевского, оппозиция «Петербург—Москва», «Петербург—коренная Россия», «Петербург—Ленинград», мотивы большого города и «маленького человека» в нем и т. д., петербургская тема развивается не только в Дневнике, но и в очерках и художественных произведениях писателя, начиная от первого, утраченного рассказа «Домик в тумане» (1905), рассказа «Голубое знамя» (1918) и романа «Кащеева цепь» до рассказа «Город света» (1943) и романа-сказки «Осударева дорога» (1948—1954). Ср.: Ранний дневник. С. 175—316.

С. 275. *На Стрелке...*— Имеется в виду мыс в восточной части Васильевского острова — один из самых красивых архитектурных ансамблей города.

С. 276. *...база ОГПУ по строительству О[него]-Беломорского канала.* — В 1933 г. Пришвин узнаёт, что Беломоро-Балтийский канал им. И. В. Сталина, соединяющий Белое море с Онежским озером, проходит по части «государевой дороги», проложенной Петром I во время Северной войны в 1702 г. Актуализация исторической ретроспективы для писателя усугублялась тем, что свое первое путешествие в 1906 г. он совершил в те же края: след «государевой дороги» Петра Пришвин тогда еще застал и сфотографировал (фотография была опубликована в его первой книге «В краю непуганых птиц»). Ср.: «Можно себе представить по этим фактам, чего стоила населению эта дорога! До сих пор в народе сохранились тяжелые воспоминания. В Выговском краю мне рассказывали старики, что для устройства дороги согнали крестьян со всей России» (Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 135—139). Не поехать на канал и не посмотреть на все своими глазами писатель просто не мог.

С. 278. *...тридцатипятники...* — осужденные по ст. 35 Уголовного Кодекса, имевшие ранее судимость, в основном за воровство и мелкое мошенничество, и осужденные на три года для профилактики.

С. 279. *Хлестаковское положение.* — Аллюзия на комедию Н. В. Гоголя «Ревизор» (1836).

С. 280. *— Барыню, барыню! — раздались голоса.* — Видимо, имеется в виду русская народная песня «Барыня ты моя, сударыня ты моя».

Капельмейстер... — дирижер. Ср.: «Главной идеей этой новой пропагандистской кампании стало перевоспитание заключенных посредством продуктивного труда. <...> в ноябре 1932 года, через год после начала строительных работ, “Правда” сообщила о “переделке людей” на Беломорканале. <...> Заключенный должен теперь не подвергаться наказанию, а совершенствоваться. <...> Цель перевоспитания усматривалась здесь не только в социальном переориентировании преступ-

ника: речь шла о создании Нового Человека, в котором нуждалось новое — социалистическое — общество <...> враги пролетариата должны теперь не уничтожаться, а участвовать в социалистическом труде, превращаясь в Нового Человека. Вопреки реальным обстоятельствам, царившим в советских лагерях, это были не только слова: кажется, что государственная верхушка еще испытывала в то время потребность обосновать массовое применение труда заключенных не только перед заграницей и советской общественностью, но и перед самой собой, причем граница между ложью и самовнушением была расплывчатой. Соответственно противоречивым был лагерный быт: с одной стороны, произвол и эксплуатация, о которых пишет Солженицын, с другой — усилия по педагогическому воздействию на заключенных, предпринимавшиеся лагерным руководством, с тем чтобы поднять их образовательный уровень и переменить их отношение к советскому государству. Как бы абсурдны и мучительны для заключенных ни были такие усилия, они все-таки предпринимались. В Белбалтлаге существовали многочисленные культурные учреждения — музей, театр, симфонический оркестр, лагерная газета. Она носила программное название "Перековка": ее задачей было перевоспитать заключенных Белбалтлага в лояльных советских граждан» (*Клейн Иоахим.* Беломорканал: литература и пропаганда в сталинское время // Новое литературное обозрение. 2005. № 71; http://magazine.russ.ru/nlo/2005/71/kl/14.htm).

...Мурма́н... — Мурманский берег и Кольский полуостров.

С. 281. *...(обнаженная морена).* — Мореной называются ледниковые отложения, как перемещаемые ледником в настоящий момент, так и уже отложенные им осадки.

С. 283. *Скот Холмогорский.* — Холмогорская порода (Архангельская обл.) крупного рогатого скота была разведена путем скрещивания холмогорской породы с голландской в XIX в.; отличается скороспелостью и высокими надоями.

...последний монастырский жеребец завода Воронцова-Дашкова. — Граф И. И. Воронцов-Дашков сыграл большую роль в развитии коневодства в России: в частности, с 1890 г. на его заводах вывели породу орловско-американских метисов, которая затем оказалась важной в выведении русской рысистой породы.

С. 286. *Вольнонаемных вовсе нет: сами. Труд коллектива.* — Инициатива строительства Беломорканала принадлежит Сталину; после утверждения проекта на заседании Политбюро 5 мая 1930 г. и ратификации 18 февраля 1931 г. Советом труда и обороны (СТО), в ноябре 1931 г. начинается строительство. «Особое значение имели соображения финансового характера. Режим страдает от недостатка валюты, и это положение к началу 1930-х годов еще более обостряется. Миро-

вой экономический кризис не оставляет в стороне и Советский Союз. Другую важную роль играют внутриполитические причины, прежде всего коллективизация сельского хозяйства: к ее последствиям принадлежит не только катастрофический голод зимы 1932—1933 годов, но и резкий спад объема экспорта. Торговый баланс ухудшается, все большие сложности возникают с оплатой импортных товаров, необходимых для индустриализации. Ситуация еще более ухудшается к концу 1932 года, когда подходит срок выплаты ряда краткосрочных иностранных кредитов <...> 9 июля 1930 года Сталин пишет в письме Молотову, что экономить нужно, где только <...> В этой связи применение труда заключенных казалось легким выходом: их работа была дешева и могла заменить машины, которые в противном случае пришлось бы импортировать. В официальной истории строительства канала читаем: "Основными творческими факторами, определившими оригинальность идей проекта, были темп и дешевизна". Лозунг звучал так: "<...> ни копейки валюты". Экономили также на строительных материалах, таких как железо и бетон. Их не хватало, и они должны были заменяться деревом, землей, торфом и др. Сложность заключалась и в тратах на аппарат охраны. И здесь пришлось экономить. С гордостью отмечается, что в Белбалтлаге введена система самонадзора: таким способом в огромном концентрационном лагере число работников ОГПУ было ограничено до 37 человек» (*Клейн Иоахим*. Беломорканал: литература и пропаганда в сталинское время).

С. 291. *Дмитров. Слет ударников.* — На сооружение канала Москва—Волга (Дмитлаг ОГПУ) вместе с лагерным начальством прибыла часть досрочно освобожденных «ударников-каналармейцев» с Беломорстроя, для которых в 1933 г. в Дмитрове провели заключительный слет ударников; на слете присутствовал М. Горький, причем клуб, где проходил слет, как и многие другие сооружения, вместе с техникой и людьми были перевезены с Белбалтлага. В частности, Горький сказал: «Нужно истребить тех врагов, которые стоят на нашей дороге, и повести борьбу с природой, за усмирение ее стихии. Когда эти силы будут освоены, тогда никто и ничто не сможет овладеть нами... Из вас вырабатываются борцы с природой. Но чтоб идти непрерывно по этому пути, нужно отвинтить головы господам капиталистам» (*Горький М.* Выступление на Слете ударников Беломорстроя 25 августа 1933 г. в г. Дмитрове // Перековка на строительстве канала Москва—Волга (Орган Культвоспитотдела Дмитровского исправительно-трудового лагеря ОГПУ). 1933. 29 авг. № 59.

С. 299. *...глядя на удивительный водосливный гребень Шаваньской плотины...* — Шаваньская водосливная плотина из наклонных деревянных кряжей высотой 12 м и длиной 100 м считалась образцом инженерного искусства; ее особенность в том, что постоянное орошение древесины водой предохраняет дерево от гниения.

С. 301. *Фаворский конгил «Жень-Шень».* — С иллюстрациями В. Фаворского повесть «Жень-шень» вышла в издательстве «Московское товарищество писателей» в 1934 г.

С. 304. *Золотой рог.* — Книга «Золотой рог» (1934) состояла из 4-х частей: первая часть — «Корень жизни. Жень-шень», вторая часть — «Соболь», третья часть — «Олень-цветок» и четвертая — «Голубые песцы» (впоследствии 2—4 части были объединены под названием «Дорогие звери»). В предисловиях к журнальной публикации очерков, а затем в опубликованном и рукописном вариантах предисловия к книге Пришвин отмечает: «В первой части ее будет повесть “Жень-шень”, то есть сотворенная мною легенда, а вторая — “Золотой рог”, та фотографическая действительность, на основе которой я создал свою легенду», «На первом месте <...> читатель имеет повесть “Корень жизни”, или созданную “Даурию”, а на <...> втором “Гибель Даурии”, а все остальные рассказы и очерки являются этюдами, по которым написана повесть “Корень жизни” <...> Зачем это было сделано автором? Очевидно, он большое значение придает той волевой стороне художника, которая позволяет ему самому грубому факту сознательно создавать художественную атмосферу, которая как бы поднимает этот обыкновенный факт на воздух, и он, крылатый, управляемый, летит» (Собр. соч. 1982—1986. Т. 4. С. 723—734).

С. 305. *Когда весть пришла, гто Лев Толстой умер...* — ср. очерк «Отклики на смерть Толстого» (1910) (Собр. соч. 1982—1986. Т. 1. С. 752—765). *Алпатов* — герой автобиографического романа Пришвина «Кащеева цепь», alter ego писателя.

С. 307. *...написать огерк Б.Б.В.П., который пойдет и в сборник...* — *Б.Б.В.П.* — Беломоро-Балтийский водный путь; известно, что осенью 1933 г. Пришвину передали предложение Горького написать очерк для коллективной книги о строительстве Беломоро-Балтийского канала. Пришвин берется за предложенную ему для участия в сборнике тему, совпадающую с его творческими планами, и начинает работать. Однако пафос строительства получает у Пришвина в очерке, предложенном им в сборник, совершенно иное — не идеологическое — измерение; славословящий канон отсутствует («*Я делаю, гто мне велят, но <...> вещь, сделанная мною, всегда выходит не совсем такой, как мне заказывали, и гто самое главное, вот эта разница против заказа неустранима из вещи <загеркнуто: и является свидетельством моей лигности>*»), ориентиром оказывается не полезность сооружения («*Плотину в Надвоицах можно понимать по сравнению с подобными плотинами в капиталист. странах, и тогда эта плотина нигего не представляет особенного*»), а сопровождающее сооружение столкновение идей, не «перековка» («*нельзя понимать “перековку” в глубоко моральном смыс-*

ле») и не пафос построения социализма, а труд сам по себе и присущее человеку в любой ситуации желание участвовать в общем деле — работать (*«Пришли люди и трудились: не хотели, а надо. Через 500 лет стало свободно, а жили тут, потому что тут человек был покорен, и родина тащила. Такая природа всякой родины. Вот и канал...», «Родина — это участок моего личного труда в общем деле»*). Пришвин привык искать выхода из любой ситуации, причем, выхода созидательного, творческого — ничего нет, а жизнь идет (*«Оглянешься на прошлое — что пережито! — и страшно подумать о себе теперь: как я могу после всего жить так обыкновенно и как будто без отношения к страшному опыту... <...> я припал к народу и пил из него слово, как ребенок пьет молоко у кормилицы, и это дало мне жизнь какую-то... живую, хотя иной раз и страшно думать, что после всего я живу...»*), в том-то и дело, что он всегда понимал, что жизнь все равно продолжается, и все равно человеку придется жить и искать способ жить в этом мире; однажды он запишет в дневнике: *«Весенняя ветка, распуская свои смолистые почки, не помнит, что она умирала осенью»*. Текст, подготовленный Пришвиным для сборника «Беломоро-Балтийский канал имени Сталина. История строительства» (под ред. М. Горького, Л. Л. Авербаха и С. Г. Фирина, 1934), был отвергнут. Очерки «Отцы и дети. (Онего-Беломорский канал)» были опубликованы в журнале «Красная новь» (1934. № 1). Горький в письме к Пришвину от 28 апреля 1934 г. пишет: «История с рукописью для “ББ канала” — не ясна для меня и очень длинна, поговорим о ней при свидании» (ЛН. Т. 70. С. 361).

С. 312. *Переписка «Отцы и дети».* — Имеется в виду очерк по материалам поездки на Беломорканал.

С. 314. *Охотился самостоятельно на синеручку...* — Синеручка — белка поздней осенью, имеющая небольшую синеву вокруг передних лап и на голове.

С. 316. *Хорошо бы на работе своей о канале надписать: «Добрый папаша, к чему в обаянии...»* — строчка из стихотворения Н. А. Некрасова «Железная дорога» (1864). Стратегия выживания писателя в годы террора, конформизм («“приспособление”:?») и его пределы — одна из проблем, которая в настоящее время постоянно и широко обсуждается: как удавалось сохранить себя и писать, публиковаться и даже быть актуальным в годы тотальной идеологизации культуры? Каждый писатель так или иначе вынужден был решать для себя эту проблему в своем творчестве — и Пришвин, конечно, не исключение: он хотел быть не уничтоженным, а услышанным. Как известно, опыт писания «в стол» был у писателя очень ранний: начиная с 1918 года, в его архиве постепенно формируется целый пласт неопубликованных художественных произведений, не говоря о дневнике. Но этот пласт сосуществует с прагматикой конкретных культурных действий.

Пришвин стремится присутствовать в официальной культуре, не изменяя себе и не отступая, он уверен, что может писать о том, что́ закажут, но не может писать так, ка́к закажут. Каким образом это возможно и на что он надеется? И тут возникает проблема языка.

Литературный язык Пришвина находится в тесном взаимодействии с живым народным разговорным языком, который менее всего связан с новым складывающимся советским языком. Даже если считать, что в дневнике писатель пишет свободно, а в художественных произведениях с оглядкой, то не на цензуру и не на идеологию, по крайней мере, в эти годы. Язык писателя — не эзопов язык иносказаний или зашифрованных смыслов, а язык, на котором можно сказать всё... «имеющим уши». Как в дневнике, так и в художественных произведениях он «отягощен» разговорной составляющей, по сути своей обращенной к каждому конкретному человеку, что является и главной особенностью языка писателя, и его неотъемлемой частью. Это язык не идеологизированного человека — по-другому он не может, не умеет ни думать, ни писать, ни говорить. Может быть, в том и состоит писательская стратегия Пришвина, так же как тайна его личности и весь его талант — в языке, который оказывается неуловимым для цензуры, потому что существует на другой территории, за пределами ***«за** или **против»*** (*«1 Мая 1931*. Как я живу? Живу, укрываясь делом, которое понять и разобрать до сих пор не могли; пожалуй, я даже и не укрывался. Я просто жил за счет своего таланта, меня талант выносил»). Ср.: *Рыклин Михаил*. Террорологики. Тарту; М.: Эйдос. 1992. С. 149.

С. 317. *Утром был готов канал (Фауст, часть II)*. — В течение всех последующих лет до самого конца жизни в процессе работы над романом «Осударева дорога» писатель будет разрабатывать одну тему: «хочется и надо», «личность и власть», «Евгений и Медный всадник»; связь пришвинского романа с текстами предшествующих культурных традиций становится все более и более очевидной: «Медный всадник» А. С. Пушкина, «Фауст» Гёте, «Антигона» Софокла, «Божественная комедия» Данте.

...*«да будет воля Твоя!»* — Мк 14: 36.

...*<u>понимание</u> пришло через 32 года*... — имеется в виду первая любовь к Варе Измалковой.

С. 318. ...(*а может быть, через сказки Кота Мурлыки и Марью Моревну)*... — Имеются в виду сказки, которые Пришвин любил в детстве и всегда вспоминал: *Вагнер Н. П.* Сказки кота Мурлыки. Сборник философских сказок и притч.

Полигамия и моногамия и моноандрия и полиандрия... — Моногамия — единобрачие, моноандрия — единоотечество, полиандрия — форма полигамии, многобрачие.

С. 318. *Homunculus — это мое «дитя» <...> душа поэта, выходящая на простор у ног Галатеи.* — Homunculus — уменьшенная копия человека, у которой отсутствуют какие-либо деформации или аномалии, кроме уменьшенного размера; в древнегреческой мифологии Галатея — статуя прекрасной девушки, изваянная скульптором Пигмалионом, полюбившим ее, и ожившая по велению Афродиты,

С. 323. *С малых лет забили меня человеком...* — см. коммент. к с. 262. Ср.: Личное дело... С. 9—19.

...*«геооптимизм» и М. Горький.* — В письме Пришвину от 22 сентября 1926 г. Горький писал: «Когда-нибудь некий философствующий критик будет писать о Вашем "пантеизме" или "панпсихизме" и замажет человеческое лицо Ваше патокой похвал или горчицей поучений. А для меня вот Вы теперь, в этот день утверждаете совершенно справедливый, крепко Вами обоснованный геооптимизм, тот самый, который — рано или поздно — человечество должно будет принять как свою религию» (ЛН. Т. 70. С. 334). Получив письмо, Пришвин записывает в дневнике: «Письмо Горького о "геооптимизме" подчеркивает одно из моих самых больших волнений в жизни» (Собр. соч. 1982—1986. Т. 8. С. 173).

С. 324. *...Робинзон на необитаемом острове...*— аллюзия на книгу Д. Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» (1719).

С. 332. *По-прежнему «держаться ближе к лесам, дальше от редакций»...* — имеется в виду подаренная Пришвину В. В. Розановым книга «О понимании» с дарственной надписью: «Поближе к лесам, подальше от редакций». Известно, что подаренный экземпляр книги сгорел в 1911 г. во время пожара, когда Пришвин летом жил в одной из деревень Новгородской губ. Экземпляр книги Розанова «О понимании» хранится в личной библиотеке Пришвина (ГЛМ) с наклеенным экслибрисом Пришвина и надписью его рукой: «Завет В. В. Розанова мне: Поближе к лесам, подальше от редакций». Ср.: «*28 Ноября 1909.* [*Петербург*]. Состоялось свиданье с Розановым. — Пришвин был тихий мальчик, очень красивый. — А я бунтарь... — У меня с одним Пришвиным была история. — Это я самый. — Как?! Встретились два господина, одному 54 года, другому 36, два писателя, один в славе, сходящий, другой робко начинающий. 20 лет тому назад один сидел в кожуре учителя географии, другой стоял возле доски и не хотел отвечать урока... — Это было когда-то. Я не мог поступить иначе: или вы, или я. Я посоветовался с Кедринским, он сказал: напишите докладную записку. Я написал. Вас убрали в 24 часа. Это был единственный случай... <...> Он рассказывает, как плохо ему жилось учителем гимназии. <...> Мой фантастический полет... Я говорил часа три подряд. Меня слушали, переспрашивали. Когда я сказал о том, сколько потеряло человечество, меняя кочевой образ жизни на оседлый... Розанов сказал:

это у Ницше <...> Он дарит мне свою книгу с трогательной надписью. Завет... <...> Так закончился мой петербургский роман с Розановым. В результате у меня книга его с надписью “с большим уважением”, “на память о Ельце и Петербурге”. А когда-то он же сказал: из него все равно ничего не выйдет! И как и сколько времени болела эта фраза в душе...» (Ранний дневник. С. 226). Ср.: *Леденев В.* В. В. Розанов и М. М. Пришвин: к истории литературных встреч ученика и учителя // www.lebed.com; Дневники 1930—1931. С. 665—666.

1934

С. 338. *Среда изобретателей в глупом положении, благодаря глупому доктору Беляеву, написавшему роман.* — Имеется в виду роман А. Беляева «Голова профессора Доуэля» (1925), фантастический рассказ о биологических экспериментах в загадочных клиниках.

С. 342. *Мистический инженер Сологуба.* — По-видимому, имеется в виду герой трилогии «Творимая легенда» (1914), учитель, а кроме того, изощренный химик и инженер Триродов: у него на балу появляются не только души умерших знакомых, но и Иисус Христос, с которым Триродов ведет острую полемику; в конце концов, он мистическим образом соединяется с душами другой страны.

С. 343. *Читая Белого о людях, с которыми я тоже имел дело...* — Имеется в виду книга воспоминаний А. Белого «Начало века» (1933), когда оба — и Пришвин и Белый — тесно общались с членами Религиозно-философского общества в Петербурге.

С. 348. *«Строитель Кондриков».* — Очерк под таким названием неизвестен. В. И. Кондриков был строителем и управляющим трестом Апатиты. Объявлен врагом народа (ок. 1933—1934) и расстрелян в 1937 г.

...в смысле того сосуда с гадами, который надо было проглотить апостолу... — Послание к Титу св. апостола Павла 3:9-11.

С. 354. *...(из «Die heilige Familie»)...* — Имеется в виду работа К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство, или Критика критической критики» (1845).

С. 357. *...она глумная...* — Глумная *(орл.)* — потешная, смешная, глуповатая, над чем подтрунивают.

Статья в «Литературке» «Михаил Пришвин»... — См.: *Локс К.* М. Пришвин // Литературная газета. 1934. № 22.

С. 360. *...одна лунь останется?* — Говорят: «белый как лунь» (порода хищных птиц, самки которых отличаются серовато-белым опе-

рением). Здесь, по-видимому, имеется в виду, что останется пустое (белое) место.

С. 361. *...как к автору лучшей книги по картофелю...* — Имеется в виду книга «Картофель в полевой и огородной культуре. Составил агроном М. Пришвин» (СПб., 1908).

С. 364. *Важное известие: Авербаха бахнули!* — Авербах был отправлен на партийную работу на «Уралмаш» (Свердловск), то есть отлучен от литературной работы.

...судят как обывателей: Вересаев Пушкина). — См. коммент. к с. 62.

С. 365. *Deus ex machine...* — Бог из машины — так в античной трагедии называли появлявшегося на сцене при помощи механического приспособления персонажа, олицетворявшего божество, который должен был решать любые проблемы людей одним мановением руки.

С. 366. *...превратить в хунхузов.* — Хунхузы — разбойники из китайских ссыльных и беглых солдат на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии.

С. 367. *Пошлость, испугавшая Гоголя...* — Ср.: «Это свойство выступило с большей силой в "Мертвых душах". "Мертвые души" не потому так испугали Россию и произвели такой шум внутри ее, чтобы они раскрыли какие-нибудь ее раны или внутренние болезни, и не потому также, чтобы представили потрясающие картины торжествующего зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодеи; прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними всеми. Но пошлость всего вместе испугала читателей. Испугало их то, что один за другим следуют у меня герои один пошлее другого, что нет ни одного утешительного явления, что негде даже и приотдохнуть или перевести дух бедному читателю. <...> Мне бы скорей простили, если бы я выставил картинных извергов; но пошлости не простили мне. Русского человека испугала его ничтожность более, чем все его пороки и недостатки. Явленье замечательное! Испуг прекрасный! В ком такое сильное отвращенье от ничтожного, в том, верно, заключено все то, что противуположно ничтожному» (*Гоголь Н. В.* Духовная проза. М.: Русская книга, 1992. С. 127).

С. 371. *...если он не оседлал, не едет на черте...* — Аллюзия на повесть Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», которая входит во II часть книги «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1829—1832).

С. 372. *Видел «Петербургскую ночь» Рошаля...* — Имеется в виду фильм Г. Рошаля и В. Строевой, снятый по мотивам произведений Ф. М. Достоевского с участием Л. Орловой, который получил мировое

признание и справедливо считается одним из лучших фильмов 30-х гг. Музыка к фильму написана Д. Кабалевским. Искусство кино вызывает у Пришвина мысли, связанные с проблемой соотношения визуального и словесного образа в культуре («К моему несовершенному словесному искусству я прибавлю фотографическое изобретательство»), что интересует его как фотографа, начиная с 1925 г.; в настоящее время к этому прибавился интерес, связанный с работой над сценарием по поэме «Жень-шень».

С. 375. *...(у Чехова рассказ о замечательном докторе и его жене).* — Имеется в виду рассказ «Ионыч» (1898).

С. 376. *...а N. пытается овладеть чертом...* — Один из мотивов авторефлексии Пришвина, в которой N. — он сам в своем усилии понять своем место в культуре и выработать собственное «творческое поведение», вновь и вновь решая «современный вопрос»: сумел ли ты оседлать «черта» или «черт» использует тебя.

С. 387. *В. Герасимова. Панцирь и Забрало.* — Речь идет о писательнице В. А. Герасимовой и ее сборнике рассказов «Панцирь и забрало» (1931).

С. 390. *...на тяге на княжеских местах.* — Имеется в виду Владимир Сергеевич Трубецкой, с которым Пришвин вместе охотился в загорские годы.

С. 393. *Недавно умер в нас в городе старик...* — Имеется в виду Владимир Михайлович Голицын. Ср. запись от 7 Января 1930 г. (Дневники 1930—1931. С. 7).

С. 394. *Народы земного шара в старой географии Водовозова...* — Видимо, имеется в виду учебник В. И. Водовозова «Рассказы из всеобщей и русской истории и географии» (1870).

С. 395. *...3-я книга «Кащеевой цепи»: «Легкобытов».* — Имеется в виду автобиографический роман под названием «Начало века. Из эпохи кающейся интеллигенции», который Пришвин задумал до революции, в 1909—1910 гг. Ранний дневник (1905—1913) явно рассматривался писателем как материал для романа, по крайней мере материалы двух папок под названием «Начало века» и «Богоискательство» свидетельствуют, что речь в нем должна была идти о религиозно-философских взглядах сектантов (в частности, П. М. Легкобытова) и символистов; в раннем дневнике обнаруживается план будущего произведения, множество черновых набросков, вариантов записей, рассуждений, портреты десятков известных и неизвестных участников напряженного духовного поиска, персонажи романа и даже их

предполагаемые имена; этот замысел так и не был осуществлен, однако в последующие годы Пришвин неоднократно к нему возвращался. Ср.: Ранний дневник. С. 175–316, 581–643.

С. 401. *...трель жиклера...* – Жиклер – специальное отверстие в карбюраторе для дозирования подачи жидкого топлива или воздуха.

С. 412. *Подтверждаются слухи о Шмидте...* – Речь идет о полярной экспедиции на пароходе «Челюскин», организованной с целью изучения Северного морского пути и возглавляемой О. Ю. Шмидтом, ученым-математиком, геофизиком, географом, астрономом, координатором работ по покорению Арктики; по-видимому, имеются в виду слухи о том, что «Челюскин» вышел из ленинградского порта 16 июля 1933 г. и направился в Копенгаген (где судно было построено) для устранения некоторых дефектов, что вызывало сомнения в пригодности судна для плавания в полярных льдах.

С. 413. *...подобно Франклину, он погиб бы...* – Имеется в виду полярная экспедиция 1845 г. под руководством английского полярника Джона Франклина, следы которой исчезли в районе Гренландии.

С. 415. *...очерк, не напеч[атанный] в «Канале».* – Имеется в виду очерк «Соловки», напечатанный в журнале «Красная новь» (1934. № 2).

С. 419. *...приезжал Троф. Мих. Борисов (Тайна маленькой речки)...* – Имеется в виду повесть Т. М. Борисова «Тайна маленькой речки» (1927), в которой автор раскрыл мир и жизнь дальневосточных лососей.

Разговор с фребеличкой... – До революции так называли воспитательниц или слушательниц курсов по подготовке воспитательниц детей дошкольного возраста по методу немецкого педагога Ф. В. Фребеля (1782–1852).

С. 422. *...когда будет хорошая машина, то и человек будет хорош.* – В дневниковую тетрадь вклеена вырезанная из газетной статьи строчка: «Думают о корпусах, о машинах и забывают о главном – о человеке, который должен эти корпуса и машины осваивать». На полях приписка: «"Известия", Четверг, 21 Июня, № 143. "Культура и кустарщина", инж. [Вейс], тех. директор завода им. Карла Маркса».

Моя литература вышла из «романа по воздуху»... – Имеется в виду парижский роман с Варей Измалковой.

С. 423. *...думал о «желтой опасности»: что эта соловьевская формула потеряла теперь всякий смысл...* – Имеется в виду идея В. С. Соловьева о Востоке, противостоящем христианскому миру («панмон-

голизм»). Эта идея наиболее полно была выражена Соловьевым в «Краткой повести об Антихристе», опубликованной в приложении к позднему сочинению «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899/1900). Впервые понятие «панмонголизм» Соловьев использовал в одноименном стихотворении 1894 г.: «Панмонголизм, хоть имя дико...» (*Соловьев В. С.* Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 104).

С. 428. *...видевший в каждом кусту сексота.* — Сексот — секретный сотрудник.

С. 430. *...истребление великолепных лесов под Завидовым.* — Завидовское военно-охотничье хозяйство было одним из первых в стране после революции.

...рассказы: «Крутоярский зверь» и «Птичье кладбище». — Имеются в виду ранние рассказы Пришвина «Крутоярский зверь» (1911) и «Птичье кладбище» (1911). Собр. соч. 2006.463-518.

С. 431. *...где я тридцать лет тому назад ездил с целью вводить у крестьян травосеяние и товарищества.* — Речь идет о введении правильных многопольных севооборотов и создании кредитных товариществ сельских предпринимателей, чем Пришвин занимался, закончив агрономическое отделение философского факультета Лейпцигского университета. Ср.: «Вернувшись в Россию, я <...> устроился в земстве как агроном. В то время ученому агроному в земстве было очень трудно определиться, и все дело сводилось к устройству кредитных товариществ, к пропаганде травосеяния и торговле в земском складе разного рода сельскохозяйственными орудиями и семенами. На этом деле я мог пробыть всего только год» (Собр. соч. 1982—1986. Т. 3. С. 13).

С. 432. *...материал для таксации зверя...* — Таксация — учет дикого зверя.

С. 436. *Выдь на Волгу...*— слова из стихотворения Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда» (1858).

С. 437. *...фордизм...* — система организации поточного производства, названная по имени Г. Форда и заключающаяся в массовой унификации и конвейеризации производства; поскольку Америка была бесспорным мировым лидером в автомобилестроении в это время, в 1929 г. Россия обратилась к Генри Форду с просьбой оказать содействие в создании завода для выпуска автомобилей в России. 31 мая 1929 г. между Фордом, Наркоматом национальной экономики СССР и торговой корпорацией «Амторг» был подписан контракт на оснащение производственных мощностей в Нижнем Новгороде для производства легковых автомобилей «Форд-А» и грузовых — «Форд-АА»,

а также контракт на поставку американских комплектующих в Россию в течение 4 лет и обучение советского технического персонала.

С. 437. *...осмотр Соцгорода, Монастырки, Молитовки.* — Имеется в виду *Соцгород* автозавода — градостроительство в начале 1930-х гг. было связано с развернувшейся индустриализацией; Соцгород — первый рабочий район, сопровождающий строительство автозавода, на проектирование которого был объявлен Всероссийский конкурс (1930 г.) Автомобильный завод был построен на берегу Оки в районе деревни *Монастырка*, которая, как и один из пригородов Нижнего Новгорода *Молитовка*, в 1929—1930 гг. сливаются с городом. Ср. ниже: *«27 Июля. Соцгород — бурж. насмешка над социализмом. Разнообразные люди населили его, каждый внес свое личное, и так мало-помалу стал закрываться идиотизм его создателя»*.

С. 438. *Литейная земля....* — устройства для разливки металла в литейные формы.

(*как Савельич у Гринева*). — Аллюзия на повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836).

С. 440. *...вопрос Ивана Карамазова является вновь во всей своей мучительной силе.* — См. : «Иван Карамазов, сидя в скверном трактире, говорит своему брату Алеше: "...русские мальчики как до сих пор орудуют? Иные то есть? Вот, например, здешний вонючий трактир, вот они и сходятся, засели в угол. Всю жизнь прежде не знали друг друга, а выйдут из трактира, сорок лет опять не будут знать друг друга, ну и что же, о чем они будут рассуждать, пока поймали минутку в трактире-то? О мировых вопросах, не иначе: *есть ли Бог, есть ли бессмертие*? (курсив мой. — *Я. Г.*) А которые в Бога не веруют, ну, те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, все те же вопросы, только с другого конца. И множество, множество самых оригинальных русских мальчиков только и делают, что о вековечных вопросах говорят у нас в наше время. Разве не так?"» (*Булгаков С. Н.* Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип // Булгаков С. Н. Избр. соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 15).

С. 445. *...как у Толстого Ерошка к земле...* — персонаж повести Л. Толстого «Казаки» (1853—1863).

Выводок нашли на вырубке... — <вклеена газетная вырезка>: «Сроки осенней и зимней охоты. Президиум Мособлисполкома разрешил охоту на боровую, водоплавающую и болотную птицу с первого августа этого года по первое января 1935 г. Охота на белую куропатку разрешена с первого августа по первое декабря, на серую куропатку — с 15 сентября по первое декабря и на зайца — с первого ноября этого года по первое февраля 1935 г. Охота на барсука разрешена с 15 сентября по первое ноября, добыча всех остальных видов пушнины раз-

решена с 15 ноября этого года по первое марта 1935 г. Ввиду малочисленности глухаря охота на него запрещена повсюду, кроме устроенных охотничьих хозяйств».

С. 446. ...*«Хас-Булат удалой».* — Народная песня «Хас-Булат удалой, твоя сакля бедна».

С. 449. ...*сворка* — длинный кожаный или матерчатый поводок без карабина, который использовали на псовой охоте.

С. 452. ...*последняя глава «Родников Берендея»...* — Книга «Родники Берендея» (1925) в журнальном варианте вышла с подзаголовком: «Из записок фенолога с биостанции "Ботик"»; впоследствии включена в книгу «Календарь природы» (1935—1939) как первая часть под названием «Весна».

С. 453. *Провожает <...> председатель колхоза <...> красный обоз...* — Речь идет о хлебозаготовках — сдаче хлеба государству, которая осуществлялась в виде «красных обозов», иногда состоящих из десятков телег. В «Крестьянской газете» от 12 сентября 1930 г. в заметке «Ударные бригады организуют красные обозы» отмечалось, что «ударная селькорская бригада организовала в колхозе "Заря" красный обоз с хлебом в 20 подвод».

С. 455. *Ездили на Урёв...* — урочище Урёв (Урев) находится в месте, где р. Вёкса вытекает из Плещеева озера.

С. 458. ...*и я виноват тем, что увлекся «охотой» (Толстой моралью, художеством) и пропустил личность жены: даже пренебрег.* — Ср.: «Это сомнамбулизм, сон. И в первый раз прошло извинение о болезни мамы, которое мучило все лето: "что же мне делать, если я ничего не вижу", "родился так", "таким уродом". Это фатум бедной мамочки, что она пошла за Фауста, а не за колл. асессора. Это все-таки грех и несчастие, но — роковое. <...> То, что я провозился с деньгами, нумизматикой и сочинениями, вместо здоровья мамы, и есть причина, что пишу "Уедин.". Ошибка всей жизни. Так мы каркаем бессильно, пройдя ложный путь» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй и последний (1915) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990; указано В. Фатеевым).

С. 459. *Портреты великих писателей и наши на эстраде...* — Имеется в виду 1-й Всесоюзный съезд советских писателей, который проходил в Колонном зале Дома Союзов с 17 августа по 1 сентября.

С. 460. ...*первым шагом было 23 Апреля.* — Речь идет о постановлении ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций», ликвидировавшем литературные группы и принявшем решение о создании единого Союза советских

писателей; это решение было принято всеми прежде всего как радостное долгожданное избавление от диктаторской власти РАППа, но Пришвин все же считает, что это только первый шаг по пути.

С. 464. *...загадано создать в литературе советского героя...* — Видимо, имеется в виду новый метод «социалистического реализма», который уже был заявлен в статье И. Гронского (см.: Литературная газета. 1934. 23 мая); на съезде писателей тезисы социалистического реализма были сформулированы в речи секретаря ЦК А. Жданова, а затем в речи Горького.

А наши говорят: Бог умер. — Имеются в виду слова Ф. Ницше, в философии которого Пришвин, как и многие исследователи, видит не сомнение в существовании Бога, а трагичность положения современного человека, который «Бога убил», чему и противопоставляет Пришвин сектантский перевод религиозного в бытовое и повседневное с его обыденной терминологией: «отдыхает, ушел, Его нет». Ср.: «*6 Ноября 1908.* У хлыстов: косоворотки — метафизика, освобождение духа... Бог — звук. Когда Бог работает, люди спят, и когда Бог отдыхает, люди работают. Когда говорят "Бог" — значит, Он ушел... везде говорят теперь про Бога, значит, Его нет...» (Ранний дневник. С. 183).

С. 466. *...броситься в чан, чтобы воскреснуть вождем народа.* — См. коммент. к с. 16.

С. 470. *...на сиже...* — в шалаше.

С. 476. *Расценка выступления Бухарина верная...* — По-видимому, речь идет о докладе Н. И. Бухарина «О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР», сделанном им на съезде 17 августа. Доклад вызвал разноречивые толки в писательской среде: говоря о мастерстве, Бухарин назвал расстрелянного в 1921 г. Гумилева, похвалил Пастернака, отметил Б. Корнилова и П. Васильева, Маяковского. На съезде по поводу этого выступления возникли прения; но какую оценку имеет в виду в данном случае Пришвин, неясно.

С. 483. *...цеппелин...* — дирижабль.

С. 484. *Прочитал повести Гёте, от бунта («Вертер») до порядка («Избир. сродство»)...* — Имеется в виду романы «Страдания юного Вертера» (1774) и «Избирательное сродство» (1809).

С. 488. *ЦАГИ* — Центральный аэрогидродинамический институт им. проф. Н. Е. Жуковского.

Берендеево царство (Ботик) в упадке... — Пришвин жил в Переславле-Залесском на Ботике Петра I не очень долго — в 1925—1926 гг., но полюбил эти места навсегда. Ср.: «В письме был подробно указан

путь на лошадях прямо или же кругом, через Москву, по железной дороге до станции Берендеево. Какие удивительные есть имена, и как они на меня действуют: дворец (Ботик Петра Первого. — *Ред.*) мне явился сказочным дворцом Берендеева царства, и пошло и пошло в душе берендить. “Ну, Берендей, — сказал я себе, — думать тебе больше нечего”» (Собр. соч. 1982—1986. С. 173.) Ср. также: «*19 Марта 1926.* Читал записки прошлой весны. Просто удивительно: вся жизнь целиком ушла в книгу “Родники Берендея”»; «*31 Декабря 1926.* Это был год для меня исключительно счастливый, проведенный у родников Берендеева царства»; «*14 Февраля 1927.* 1-ый закон Берендеева царства: “Помирать собирайся — рожь сей” (Да будет воля Твоя)»; «*7 Марта 1927.* “Игра” в Берендеевом мире: “охрана детства”»; «*20 Мая 1927.* Закон Берендея: от тюрьмы и сумы не отказывайся, но старайся все-таки жить так, чтобы суму не носить и не бывать в тюрьме».

С. 491. *Товарищ покойник и прог.* — См. коммент. к с. 240.

С. 492. *«И звезда с звездою говорит».* — Строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» (1841).

С. 494. *...нас пригласили в Лигу Наций...* — 18 сентября 1934 г. Советский Союз вступил в Лигу наций.

С. 495. *...что-то вроде «Родников»...* — Имеется в виду книга «Родники Берендея» (1925).

...эта вещь должна освободиться от «обнажения приема»... — В 1928 г. Пришвин заканчивает повесть «Журавлиная родина» и читает ее в кругу писателей. Их реакция для Пришвина была полной неожиданностью: он со своей новой повестью оказался чуть ли не в эпицентре культуры, даже не подозревая об этом («*31 Января 1929.* Замятин открыл в моем писании “обнажение приема”... Пришлось познакомиться с учением Шкловского, — очень интересно. Уж очень вышло странно: я думал, пишу авторскую исповедь, а они признали в этом форму обнажения приема по Шкловскому притом»). Действительно странно, но это один из замечательных парадоксов культуры, свидетельствующий о ее сложности и самодостаточности, о ее внутренних законах; так или иначе, к примеру, прием остранения, который считается формальной школой универсальным приемом построения художественного текста, появляется в творчестве Пришвина как бы с противоположной стороны и им осмысляется не как формальный, а как органический и наиболее ему свойственный («*25 Мая 1928.* Сверкая, переливалась капля росы на хвоще, а я принял это за жизнь: каплей росы в майское утро сверкала жизнь в ее возможностях, в истинном ее назначении. Мне было, будто я в своем полном разуме и чувстве вновь только что родился и, не зная, что будет завтра, всему удивился»). Остранение как способность увидеть вещь «первым гла-

зом», т. е. выделить ее из привычного контекста и удивиться неожиданному от нее впечатлению, до самых последних страниц пришвинского дневника останется едва ли не основным признаком его стиля. (*10 Октября 1934.* Способность глазами ребенка, как будто "в первый раз" посмотреть на привычное всем <...> я как художник <...> стремлюсь убедить людей, уничтожая в них отраву привычки»; «*3 июня 1935.* Нет на свете более мрачной силы, чем та, от которой люди стремятся уйти за леса и долы и горы — это сила привычки. Привычка лишает выбора. Привычка — это паутина: ее выпускаем мы из себя, ею окутываемся и ничего не видим даже рядом с собой из своего кокона»). Между тем, писателю всегда была чужда идея намеренного (формального) использования (обнажения) любого конструктивного приема для построения произведения, что он и отмечает в данном случае, задумывая так и не написанный роман о машине. Формальная школа в литературоведении сложилась в 1910—1920 гг. (Общество изучения поэтического языка, ОПОЯЗ). Основные положения формальной школы были разработаны В. Б. Шкловским.

С. 501. *Гамсун.* — Ср.: «*б/д 1937.* "Соки земли" Гамсуна — настолько действительно соки, что я вдруг понял только теперь смысл и значение слова "земля" — почему это мать, сила и т. п. В этом жадность труда, и вкус как "укус". Тут и мать моя, и моя поэзия, и счастье»; «*20 Ноября 1924.* Три романа Гамсуна прочитаны: "Соки земли", "Санаторий Торахус", "Женщины у колодца". Хороши одни "Соки", в остальных чересчур много кори (Гамсун описывает буржуазию как болезнь корь на стихийном человеке)». В этом же 1924 г. Пришвин пишет о своем «натурном каком-то, чуть ли не антропологическом сродстве с Кнутом Гамсуном» (Собр. соч. 1982—1986. Т. 8. С. 695, 156. *Здесь пометка рукой В. Д. Пришвиной:* «При переписке: М. М. однажды вместе со мной перечитывал эти страницы и удивленно сказал: "Это было «настроение», это не Гамсун живет у меня, а Гоголь"»).

С. 512. *...тавот...* — солидол, смазочный материал для трущихся частей в моторе автомобиля.

С. 514. *Коровинский браунинг...* — Пистолет был разработан как оружие самозащиты — маленький карманный пистолетик, который, по мнению специалистов, способен оценить только истинный любитель оружия.

С. 526. *Сильнее смерти. Мопассан...* — По-видимому, имеется в виду рассказ «Сильна как смерть» (1889).

С. 533. (*Уничтожение МТП и ЛТП — отдало их во власть ГИХЛа и СП).* — Издательства — Московское и Ленинградское товарищества писателей, Государственное издательство художественной литературы и Союз писателей.

С. 535. *А вот было в старое время, в 1914 г., когда только что началась война, один старый священник в Новгороде как величайшую свою тайну открыл мне, что он сегодня молился за императора Вильгельма...* — Имеется в виду протоиерей Александр Петрович Устьинский — новгородский священник, состоявший в переписке с В. В. Розановым и знакомый Пришвина в начале века. Ср.: «*4 Сентября 1914.* Любовь к врагу — что это значит? Любовь к тому, что у врага есть хорошего, признание, что он, будучи хорошим, творит не зная что? Убеждение, что нет существа, вмещающего только зло? Не на этом ли основана и молитва за дьявола? О. Афанасий (священник в Хрущеве (Елец), где Пришвин родился. — *Я. Г.*) не находит возможным молиться за дьявола, потому что будто бы дьявол есть абсолютное зло и с ним покончено навсегда. Между тем легенда гласит, что дьявол некогда был ангелом. Дорогой А[лександр] П[етрович], научите меня понимать чувство любви к врагу человечества, за которого вы находите возможным молиться. Я понимаю христианское "любите врага" в смысле врага бытового, не абсолютного врага, поскольку он не ведает, что творит. Я не знаю источника любви к абсолютному злу и не понимаю, как молитва, значит, действие, может быть направлена к тому, что по существу своему неизменно» (Дневники 1914—1917. С. 95). См. также рассказ Пришвина «Отец Спиридон», под именем которого выведен о. Александр Устьинский (Цвет и крест. С. 322).

С. 536. *...кое-где на реках шуга и сало.* — Ледообразование на реках начинается с появления заберегов, затем образуется плавучий лед — сало или шуга.

С. 539. *...цыплята от самоседки...* — так называют наседку, самовольно, тайком севшую на яйца.

С. 542. *Горболысая белка и синеручка.* — Горболысая белка — серо-голубоватая с заметной рыжей полосой вдоль хребта; синеручка (синеголовка) — см. коммент. к с. 314.

С. 543. *...хорош как одинец...* — один, единственный, кому нет ровни, пары.

С. 545. *...«не единым хлебом жив человек»...* — Мф 4: 4.

С. 546. *Осман осенист.* — Осенистый зверь — матерый, нескольких осеней, старый.

Блок-нот натуралиста. — <*Газетная вырезка с припиской рукой М. М. Пришвина:* № 263, 11/XI 34>: «*Claudophora sauteri.* В подмосковной тайге между Переславлем и Загорском есть одно замечательное озеро ледниковой эпохи: Заболотское озеро полно рыбой, и множест-

во на нем водоплавающей дичи, но и рыба, и дичь — пустяки в сравнении с тем, что здесь живет драгоценный для науки и редчайший в мире реликт, изумрудно-зеленая шаровидная водоросль — Claudophora sauteri.

В 1927 году в "Известиях" была помещена заметка, призывающая ученых спасти реликт, который должен погибнуть при осушительных работах по Сулоти и на Дубне. Автор заметки отмечал сомнительное значение для края осушительных работ и указывал на громадные площади сухих пустошей, лежащих втуне рядом с болотами. Ученые немедленно взялись за дело спасения "шаров". Началась борьба, в которой ученые по тому времени были в невыгодном положении сравнительно с инженерами: осушители сумели добиться у крестьян, плохо понимавших эти агрикультурные работы, приговора в пользу осушения и тем самым лишили ученых возможности защищать реликт. Через несколько лет осушения, как было предсказано многими, крестьяне вместо полезной для корма скота осоки получили в иных местах хвощ, в других — непереходимую ни пешком, ни на лодке грязь.

Нынешней весной Военно-охотничье общество взяло в свои руки Заболотское озеро и другие угодья по Сулоти и Дубне. Собрав сведения о неудачных работах по осушению, общество решило восстановить Заболотское озеро и спуск, пробитый экскаватором, заделать плотиной. К счастью, на дне озера, в его неспущенной части "шары" еще сохранились и могут снова размножиться. Будут также восстановлены рыбные и охотничьи богатства края. Михаил Пришвин».

С. 549. *Ронжа* — лесная птица, разновидность сойки.

Жизнь Машки. —

До нового спидометра пройдено —	5598 км
20/VII поставлен спидометр, проба —	3 кил.
21/VII на 11-й завод — чтение	45
27/VII сумма поездок по городу, за бензином и пр.	44 кил.
1-я смазка (после ремонта)	
31/VII в Загорске	25
31/VII – 3/VIII { в Хмельники	206
5/VIII за бензином	10 к.
6/VIII Красн. стор.	30 к.
7/VIII Красн. стор.	30 к.
8/VIII Урёв; 10/VIII — За бензином и проводы на вокзал {	200
11-12/VIII — в Александровку на охоту	80 кил.
2-я смазка	
14—25 На съезд в Москву (два раза)	470
27 — В Константиново и обратно	70
31—1 В Копалово—Федорцево—Полубарское—Загорск	114 кил.
4—5 Сент. Полубарское и обратно	103

7 Сент. Смазка машины (Куликов) за исключением двух задних сережек и нужно кастор. маслом.

11 Сент. Мергусова бель туда и назад — 73 кил.
12 Сент. Чирково — 73 кил.
13 Сент. Ясниково — 76 кил.
14-15 Полубарское 916 – 813 = 103 килом.
16 Мергусова бель 993—916= 77
17 Москва — заезд в Пушкино
18 Переславль
21 Горки возле Нового за глухарем } 529 кил.
22 Ясниково
23 Два раза на вокзал 12 кил.
23 До Ясникова 1609—1534 75

Всего машина прошла 8046 кил.

25 До Чиркова 1687 <*приписка:* +1 раз на вокзал> — 1609 78 кил.
27 Алмазово + 2 раза на вокзал и проверка тормозов 1787 – 1687 = 100 кил.
2 Октября до Наугольного 1806 – 1787 = 19
5 Окт. до Алмазова 1881 – 1806 = 75
12 Окт: с 5-го по 12-е: поездка на Сорок. завод + по городу + в Торбеево и еще + по городу 1942 – 1806 = 136
21-го до Деулина
21-го/X — отавочена, смена масла, очистка мотора, полировка, проверка аккумулятора
23/X Наугольное, охота с Османом
24/X — Совх. Смена охота на вальдшнепов
30/X — Тараберки охота
1/XI Федорцево и Переславище
С 9-го/XI Коммуна, в Коммуне каждый выходной день по 12 Февр. включительно запись спидометра — 2960 килом.
Генеральная смазка сделана тому назад две поездки в Коммуну (или Дворики), т. е. 100 килом. (надо переменить масло, вычистить свечи, стаканчик).
7/V 1935 г. показатель спидометра — 3716
всего машина прошла — 5598

9314 килом.

В Марте 1935 г. приточены клапаны и вынуты прокладки в шатунах кол. вала.
По приезде с севера в июне следует отремонтировать передок.
2-го Июля — машина сдана в ремонт в Загорск
с показанием спидометра 3799 к.
к которым следует прибавить 5598

9397

Мастер изменил спидометр на 14799, следует ее
переменить на 9400 и это считать с 7-го Июля.

Воронка
Лодочка
Пыжи 20, 12, 24

С. 549. *...выжлец...*— (*охотн.*) гончий кобель.

Читаю «Океан» Низового. — Роман «Океан» считается наиболее интересным произведением П. Низового (наст. фамилия П. Г. Тупиков), который начал печататься в 1921 г. и входил в литературное объединение «Кузница». «Литературная энциклопедия» отмечает, что «герои его погружены в интимно-лирический мир ощущений», изображаются «в гармоническом слиянии человека с природой», и, «находясь под влиянием Гамсуна, Низовой дал цикл произведений, имеющий характер пантеистического гимна», отмечает, что «пантеистически-лирические моменты в творчестве переплетаются с индивидуалистическими, особенно в романе "Океан"».

С. 558. *Осман понорил двух лисиц...* — т. е. пользуясь чутьем, вошел в нору через один из отнорков и нашел понорившуюся лисицу.

...убил шумового беляка. — Заяц, выскочивший на охотника преждевременно от неосторожного шума.

С. 559. *(Непуг. птицы + Колобок + Ник. Старокол.).* — Имеются в виду ранние произведения Пришвина «В краю непуганых птиц» (1907), «За волшебным колобком» (1908) и «Никон Староколенный» (1912).

С. 564. *Послать деньги Разумнику.* — Ср.: «У каждого из нас много друзей-приятелей до черного до дня; но естественно, что на другой же день после моего ареста все эти друзья-приятели забились в кусты, — очень напуганы и зайцеподобны стали теперь люди, иной раз носящие весьма громкие имена <...> только два-три (из десятков друзей-приятелей) оказались действительными друзьями, не побоявшимися даже (даже!) переписываться со мною, жителем саратовским. Таков был старый друг еще и гимназических времен А. Н. Римский-Корсаков, но здесь подробнее скажу только о другом старом друге, М. М. Пришвине. Не только писал он мне бодрые письма в Новосибирск и в Саратов, не только присылал новые свои книги, не только хлопотал в московских издательствах о какой-нибудь работе для меня, но даже, когда хлопоты эти не увенчались успехом, по собственному почину, нисколько не скрывая этого, решил высылать мне ежемесячно по двести рублей. Только благодаря ему я еще и существую в сем "физическом плане" — и не могу молчать об этом» (*Иванов-Разумник.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. С. 264—265, 500—501).

Иванов-Разумник — автор первой критической статьи о творчестве Пришвина «Великий Пан» (1910—1911).

С. 567. *...я перевидел лисицу...* — перевидеть — значит заметить передвижение зверя или птицы.

...на охоте по красному зверю... — Красный зверь (*устар. охот.*) — наиболее ценимые охотниками звери: медведи, волки, лисицы.

С. 573. *...как учили аскеты Синайской горы — все тонкий яд лжи?* — Первые обители Синайских гор появились здесь во времена христианских гонений римского императора Диоклетиана (303—304). С IV в. Синай, где поселилось множество египетских христианских аскетов, признается одним из значительных и почитаемых церковью центров монашества.

С. 574. *(Алпатов на Светлом озере встречается с учителями «Начала века» и немоляками Мережковского. И потом в Петербурге...)* — Алпатов — герой автобиографического романа «Кащеева цепь», alter ego Пришвина. См.: Ранний дневник. С. 175—316; У стен града невидимого. (Светлое озеро) // Собр. соч. 2006. Т. 2.

С. 577. *...погибнет Ваал...»).* — Ваал, или Вал (господин) (III Цар 18: 9; Ис 46: 1; Иер 9: 14) —название бывшего языческого божества, боготворимого в Финикии и Сирии.

С.578. *...будто белая Ярославна стояла и глядела в половецкую даль...* — аллюзия на «Слово о полку Игореве».

1935

С. 587. *Фильм «Чапаев»...* — Имеется в виду фильм «Чапаев» (реж. братья Васильевы, 1934), получивший первую премию на 1 Международном Московском кинофестивале в 1935 г. (председатель жюри — Сергей Эйзенштейн), в котором актер Б. Бабочкин создал яркий образ народного героя Гражданской войны.

...выручить «лейку»... — имеется в виду легендарный немецкий фотоаппарат Leica.

...заняться выправкой «Рассказы Охотника». — Состав сборника включал наиболее известные охотничьи рассказы Пришвина разных лет:

Бурундук.
1) Журка
2) Ежовые рукавицы

Щегол-турлукан
<*Зачеркнуто:* Слепая пороша>

3) Ужасная встреча	Ярик
4) Терентий	Иван-да-Марья
5) Рождение Кастрюльки	Воробей
6) Белка	Золотой луг
7) Мишка фоторассказ	Хлопунки
8) Беляк: 1) Слепая пороша; 2) Беляк; 3) Глаза беляка; 4) Нора	Ребята и утята
9) Барсук	Предательская колбаса
11) Говорящий грач	Золотая медаль
12) Еж	
13) Луговка	
14) Гаечки	
15) Первая стойка	
10) Школа в кустах	
11) Матрешка в картошке	
12) Ванька и Пуська	
13) Птицы под снегом	
14) Куница-медовка	
15) Разговор птиц и зверей	
16) Дергач и перепелка	

С. 590. *...недавно у нас сняли с церквей последние колокола...* — Имеется в виду уничтожение колоколов Троице-Сергиевой лавры в январе 1930 г. Пришвин не только каждый день записывал в дневник, как «по-разному умирали колокола», но и фотографировал происходящее; до конца жизни он хранил в отдельной коробочке с надписью «Когда били колокола» 200 негативов. Снимки Пришвина уже в наше время были использованы при отливке новых колоколов в лавре. См.: Дневники. 1930—1931. С. 5—29.

С. 595. *...вместе идем и проходим.* — <*Вклеена газетная вырезка: фотография и подпись к ней:*> «Корень жизни» — звуковой художественный фильм — снимает режиссер Московской кинофабрики А. Литвинов. Сценарий написан писателем Михаилом Пришвиным по материалам его повести «Жень-шень». На снимке: кадр из фильма — Мина — девушка, живущая в тайге, приводит оленя Хуа-Лу (Олень-цветок) к организатору оленеводческого питомника. В роли Мины — артистка Хильда Енингс, в роли Алексеева — артист Петр Смирнов. <*Приписка:* «Известия» 17/I 1935>

Читаю Франка: Личность и вещь (Штерн)... — Имеется в виду статья С. Франка «Личность и вещь (Философское обоснование витализма)». 1908, представляющая мир как иерархию «личностей» различных ступеней, а также работа немецкого психолога и философа,

основателя философского персонализма «Личность и вещь» (1906–1924).

С. 596. *Франк. Этика нигилизма (1909 г.).* – Имеется в виду статья «Этика нигилизма (к характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции)», написанная для сборника «Вехи».

...вечером у Чувиляевых люди-маски. – В эти переломные послереволюционные годы культурно-исторического развития Пришвин то и дело отмечает и в себе и в окружающих людях попытки решить проблему самоидентификации и невозможность отождествить себя с той единственной социальной группой, которая определяет новую жизнь (*«24 Января 1935. Оглянешься на прошлое – что пережито! – и страшно подумать о себе теперь: как я могу после всего жить так обыкновенно и как будто без отношения к страшному опыту...»*); маска становится одним из способов скрыть свою личность за личиной, что приводит к однообразию и единообразию, уничтожающему живую жизнь, но часто помогает спасти ее (ср.: *«20 Ноября 1930. Игра двумя лицами (маскировка) ныне стала почти для всех обязательной. Я же хочу прожить с одним лицом, открывая и прикрывая его, сообразуясь с обстоятельствами»; «23 Декабря 1930. Нельзя открывать своего лица – вот это первое условие нашей жизни. Требуется обязательно мина и маска.»)*

Тема «маски» в культуре XX века была одной из существенных, но в 1930-е гг. проявился ее социальный подтекст. В 1933 г. вышел роман А. Белого «Маски. Роман». Во вступлении к нему А. Белый пишет: «...сознательно заостряемый автором вопрос: как жить в таком гнилом мире? “Быть или не быть” (бытие, небытие), сознательный гамлетизм, размышление над черепом уже сгнившей действительности, морочащей, что жива <...> революция уже рвет их (маски. – *Ред.*) с замаскированных; личности, в первом томе показанные в своем самостном эгоизме, уже – личности-личины». См.: *Делекторская И.* «Маски» и маски Андрея Белого. http://www.utoronto.ca/tsq/22/delektorskaya22.shtml.

...27-го днем (похороны)... – Видимо, речь идет о похоронах В. В. Куйбышева.

С. 598. *...какой-нибудь Стецкий – попиком сидит...* – Алексей Иванович Стецкий был известен в писательских кругах, так как в 1933 г. был членом Организационного комитета Союза советских писателей, во главе которого номинально находился М. Горький, но все дела были в руках Стецкого. Руководил пропагандистскими кампаниями в 1930-х гг.: под его руководством организована травля троцкистов, зиновьевцев, «вредителей», кулаков, «подкулачников» и т. д. С 1934 г. одновременно главный редактор журнала «Большевик».

Слышал о статье Панферова против Горького. – По-видимому, речь идет о продолжении дискуссии Панферова с Горьким о языке

(1934), в ходе которой Панферов утверждает, что «пишет на языке миллионов», на языке, «созданном революцией», а Горький упрекает его в словесных ошибках, небрежности, написании слов так, как они произносятся; вступивший в дискуссию Серафимович защищает Панферова (роман «Бруски», посвященный коллективизации) с его «мужицкой силой», «корявой» и «здоровой». В статье «Открытое письмо А. С. Серафимовичу» (Литературная газета. 1934. 14 февр.) Горький пишет: «Мужицкая сила — сила социально нездоровая», «в основе своей не что иное, как инстинкт классовый, инстинкт мелкого собственника, выражаемый, как мы знаем, в форме зоологического озверения», он возражает против «утверждения, что молодежь может чему-то научиться у Панферова, литератора, который плохо знает литературный язык и вообще пишет непродуманно, небрежно», он считает, что «культурно-политическая, талантливо последовательная работа партии Ленина—Сталина направлена именно к тому, чтобы вытравить из сознания мужика эту его, хвалимую (Панферовым. — *Ред.*) “силу”». В ответной статье «Открытое письмо А. М. Горькому» (Правда. 1935. 18 янв.), которую и имеет в виду Пришвин, Панферов прежде всего возражает против самого способа горьковской критики: «Я прочитал вашу третью длиннейшую “Литературную забаву”. И в этой “Литзабаве” вы снова слишком увлекательно забавляетесь, забывая о том, что имеете дело с живыми людьми, а не с манекенами. Абсолютно бездоказательно вы пишете, что я занимаюсь “болтовней”, называя мою речь на съезде писателей: “беспомощная статейка”, “малограмотная статейка”. Что это за методы спора? Это заушательство, которое вы в своей третьей “Литературной забаве” осуждаете».

С. 604. *(Марьянка в «Казаках»)...* — Персонаж повести Л. Толстого «Казаки».

С. 605. *Происхождение толстовской «пахоты».* — Ср.: «Слова, которыми определял гр. Толстой свое настроение: “Так нельзя жить” <...> как может такой человек, как гр. Толстой, жить, если наряду с ним существуют обитатели ночлежных домов? Хорошо тем, которые никогда не открывали глаза на эти ужасы. Но как быть тому, кто их видел, кто их не может забыть, не хочет, не должен забыть? Можно их помнить? Ответом на эти вопросы послужат для нас результаты, к которым пришел в своей деревне гр. Толстой. Их знают все, и подробно говорить о них не приходится. Он решил, что вся беда наша в том, что мы, интеллигентные и достаточные люди, собирающиеся помогать несчастным беднякам <...> что мы сами недостаточно нравственны для такого дела, и что прежде чем исцелять других, нам нужно исцелиться самим. Деньгами ничего сделать нельзя, ибо эти бедняки не в деньгах нуждаются. Их нужно научить работать, ценить и любить труд — тот труд, которым приобретаются средства к существованию. А как же можем мы научить их этому, когда мы сами ничего не дела-

ем? Следовательно, прежде всего нужно нам о самих себе подумать, исправиться, тогда все остальное само собою устроится. Тогда мы можем словом и делом учить, а не только словом, которому наши дела противоречат; и затем, мы, отказавшись от права на чужой труд, этим самым перестанем отнимать у других те средства, которые им необходимы, а нам служат для роскоши. И гр. Толстой, сбросивши с себя европейское платье, оделся по-мужицки, стал сам для себя топить печь, убирать комнату, пахать, сеять и т. д. "И тут-то, придя к этому сознанию и практическому выводу, — говорит он, — я был вознагражден вполне за то, что не заробел перед выводами разума и пошел туда, куда они вели меня"» (*Шестов Л.* Добро в учении гр. Толстого и Ницше (философия и проповедь) // http://www.magister msk.ru/library/philos/shestov/shest01.htm).

С. 608. *...у Гоголя письма к друзьям, у Толстого — проповедь...* — Имеется в виду книга Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), а также автобиографический трактат Л. Толстого «Исповедь» (1879—1882) и др. произведения, излагающие нравственное учение Толстого. Ср.: *«б/д.* Истинное художественное творчество должно знать свое место и не становиться на место действия самой жизни, не становится тем, что делает религия (дело жизни, как у Ницше, Гоголя, Толстого). Дело совершенно безнадежное для художника ставить на разрешение проблемы морально-общественного характера, потому что все они разрешаются только жизнью, а жизнь есть некая тайна, стоящая в иной плоскости, чем искусство. Художник должен быть скромен, потому что свет его, как лунный, только исходит от солнца, но сам он — не солнце... Выходить за пределы своего дарования под конец жизни свойственно все русским большим писателям. Это происходит оттого, что посредством художества, кажется, нельзя сказать всего. Вот в этом и ошибка, потому что "всего" сказать невозможно никакими средствами, и если бы кто-нибудь сумел сказать "все", то жизнь человека на земле бы окончилась» (*Пришвин М.* Незабудки. М.: Худож. лит-ра, 1969. С. 141—142.

С. 610. *Вычитал у Вернадского о радиологии: что земля в своем составе постепенно переменяется...* — В. И. Вернадский — основоположник радиогеологического направления в науке, связанного с проблемой возраста Земли: Вернадский ставит задачу выяснения роли радиоактивных элементов в истории планеты. Два года спустя, в 1937 г., на XVII Международном геологическом конгрессе в Мосееве Вернадский выступит с докладом «О значении радиогеологии для современной геологии».

С.611. *...читал «Княжну Мери»...* — Одно из пяти произведений, составляющих роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840).

С. 612. *Стражник Бутов...* — Стражник — низший полицейский чин в сельских местностях России до 1917 г.

С. 613. *Портрет хорош, оригинал-то скверен («Маскарад»).* — Слова Арбенина в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад» (1835—1836).

С. 617. *Шишков: Сибирская тайга, Мельников-Печерский: Поволжье...*— по-видимому, имеется в виду роман В. Шишкова «Угрюм-река» (1933), действие которого разворачивается в сибирской тайге, и романы Мельникова-Печерского (наст. имя П. И. Мельников) «В лесах» (1871—1875) и «На горах» (1875—1881), которые представляют собой художественное исследование народного быта и обычаев раскольников Нижегородского края.

«Лесные письма» в «Колхозные ребята»... — Вероятно, имеется в виду цикл рассказов Пришвина «Лесные письма» (1935), состоящий из трех рассказов: «Домкрат-богатырь», «Заячий след», «У сторожки Антипыча», а также рассказы разных писателей, публикующиеся в журнале «Колхозные ребята» (1933—1937).

С. 623. *...в этих кругах выражение «я — бог» было даже и ходовым.* — В данном случае имеются в виду представители художественной элиты начала века, идеи которых, по Пришвину, сближались с идеями лидеров хлыстовских сект Петербурга. Ср.: «*28 Января 1909.* Мелькнула такая мысль: как близко хлыстовство к тому, что проповедуют теперь декаденты: все царства Легкобытова, Мережковского, Иванова, Рябова... И процесс одинаковый: Я — Бог». «*2 Декабря 1909.* На улице я спрашиваю Легкобытова: — Кто Мережковский? — Он... я чувствую в нем дух, равный себе, его лицо, его все поведение, но он шалун. Фантазия... И гордость... Нужно умалиться до нас... Нужна простота и искренность... А он шалун... И, потом, отсутствие сознания, что мы будем судимы, т. е. ведут себя как боги, — они боги» (Ранний дневник. С. 203, 229).

С. 625. *...защита Клавдофоры...* — Имеется в виду протест Пришвина (1928 г.) против спуска Заболотского озера в районе реки Дубны, где водилась реликтовая водоросль ледникового периода. Ср.: Журавлиная родина // Собр. соч. 1982—1986. Т. 3. С. 105—110.

С. 627. *Пригласили в «Красную Новь»...* — Первый советский «толстый» литературно-художественный и научно-публицистический журнал (1921—1942). В 1921—1927 гг. его главным редактором был А. Воронский (затем Ф. Раскольников, В. Ермилов), объединивший вокруг журнала так называемых писателей-попутчиков.

С. 628. *«Домик в тумане»...* — Имеется в виду первый рассказ Пришвина (1905). Ср.: «*21 Марта* [*1912*]. Некрасивая горбатая девушка,

бедная — кажется, что вот зачем она? И вот если и ее наделяю я чувством жалости, то не хочу ли этим я перешагнуть через перерыв в роде человеческом — связать ею в узелок оборванные концы — нити рода человеческого. И сколько же людей обиженных, заморенных существует для того, чтобы связать эти концы — в них красоты не может быть. И перейти в эту жизнь, решиться на это, но это невозможно, они к этому постепенно подошли, и их много, они вместе, а я один: я из себя живу, они — от судьбы» (Ранний дневник. С. 136—137). В конце 1904 г. Пришвин, переехав в Петербург, поселяется на Васильевском острове в доме вдовы чиновника Соколова (где получает прозвище «граф») и оказывается среди «униженных и оскорбленных», кажется, совсем не изменившихся со времен Достоевского. «Проклятые» вопросы всплывают сами собой («зачем она?») — девушка-горбунья становится одним из персонажей тогда же написанного и пропавшего первого рассказа начинающего писателя «Домик в тумане». Ср.: «*б/д.* Не для того ли созданы все эти маленькие серые люди, чтобы на них испытали мы силу любви своей к жизни и силой этой приобщили их ко всему миру?» (Путь к Слову. С. 106—109).

С. 630. *...начинается семик.* — Семик (Зеленая неделя, Русалочья неделя) — старинный русский женский обрядовый праздник, отмечается на седьмой четверг после Пасхи, за три дня до Троицы.

С. 632. *...сравниться с пустынностью моховых болот...* — Моховые болота образуются выше уровня воды и зарастают вереском, пушицей, сфагнумом и др., они труднопроходимы или совершенно непроходимы, тут мало птиц, редко встретишь гнездо — сплошной моховой покров, деревьев нет или редко встречается одинокая сосна, вода стоит выше поверхности или на уровне ее. В отличие от моховых болот травяные (луговые) болота образуются от зарастания водоемов или заболачивания лугов во время весенних разливов.

С. 635. *Подрумяненные деревья...* — Подрумянить — отметить, сделать, надрез, затесь.

С. 639. *Кадры решают все...* — С одной стороны, на XVII съезде (январь–февраль 1934 г.) наблюдалось усиление репрессивной политики партии, с другой — произошли некоторые послабления, которых требовало дальнейшее развитие индустриализации, а именно необходимость участия кадровых работников, специалистов, хозяйственников, многие из которых были за все предыдущие годы уволены с предприятий («*12 Мая 1935.* Из года в год все трудней и трудней с рабсилой или все слабей и слабей сила власти. И это понятно: мужик не пень и хорошо понимает, что советские законы минуют его»); в речи Сталина прозвучали неожиданные мотивы: «Бюрократизм и канцелярщина аппаратов управления... вот где источники наших трудностей...

Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом». В речи было указано, что руководитель не обязательно должен быть членом партии с большим стажем, но должен быть специалистом, иметь высшее образование и опыт работы по специальности; позднее возник лозунг: «Кадры решают все!» Ср.: *Верт Н.* История советского государства. 1900—1991. М., 1992. С. 206—215.

С. 640. *Статья Бухарина: фашизм и коммунизм...* — Бухарин возражал против «причесывания под одну гребенку фашизма и коммунизма», в частности, еще на Конгрессе Коминтерна в 1928 г. Ср.: «Химерическое представление о социал-демократии как о "социал-фашизме", выдвинутое в начале 20-х гг. Зиновьевым и превращенное Сталиным в политическую концепцию, приведет к особенно трагическим последствиям. В 1928 г. фашизм был для коммунистов всего-навсего расплывчатым и малоизученным реакционным явлением, отождествлявшимся, главным образом, с Италией Муссолини. Опасность гитлеризма была еще очень далеко. В отличие от большинства коминтерновских новшеств идея о том, что социалисты состоят в некотором родстве с фашистами и представляют еще большее зло, по всей видимости, пришлась Сталину по душе задолго до этого. В 1924 г. он произнес фразу, которой было суждено сделаться ритуальным лозунгом коминтерновских провалов 1929—1933 гг.: "Социал-демократия есть объективно-умеренное крыло фашизма... Это не антиподы, а близнецы". Хотя дискуссия 1928 г. по поводу социал-фашизма не освещалась в печати, представляется очевидным, что Бухарин возражал против принятия такой концепции в качестве руководящего политического принципа. Он сам во многом содействовал тому, что большевики враждебно относились к вождям социал-демократии с 1914 г., и его нынешние воззрения не исключали выпадов против них как ренегатов и столпов капиталистического строя. Они, однако, исключали сбрасывание со счетов социал-демократических партий и профсоюзов, представлявших подавляющее большинство европейских рабочих, как "социал-фашистов" и главнейшего врага рабочего движения. Интересы политического компромисса на VI конгрессе Коминтерна, очевидно, заставили его признать, что "социал-демократии свойственны социал-фашистские тенденции". Однако он немедленно добавил, что "было бы неразумно валить социал-демократию в одну кучу с фашизмом". Более того, он предвидел скрытый вывод о том, что коммунисты могут объединиться с фашистами против социалистов, и оспаривал его: "В нашей тактике не исключена возможность обращения к социал-демократическим рабочим и даже к некоторым низовым организациям социал-демократии, что же касается фашистских организаций, то к ним мы не можем обращаться"» (*Коэн Стивен.* Падение Бухарина и начало сталинской революции // Бухарин: политическая биография. 1888—1938. М.: Прогресс, 1933. Гл. 9. С. 331—402). Какая имен-

но статья Бухарина имеется в виду в данном случае, выяснить не удалось.

С. 641. *Заткни фонтан перстом!..* — Перифраз афоризма Козьмы Пруткова «Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану».

С. 644. *«Переславские кручи».* — Имеется в виду очерк «Переславские кручи», написанный по случаю вырубленных столетних сосен на берегу реки Векса, которые Пришвин вместе с другими краеведами защищал от вырубки в 20-е гг.; очерк был опубликован в газете «Известия» 10 мая 1935 г. См.: Творить будущий мир. С. 173—174.

...молевой сплав... — Лесосплав — массовый, наиболее дешевый вид транспортирования леса по воде, при котором используется плавучесть древесины. При молевом сплаве, который обычно проводится в период весеннего паводка, лесоматериалы транспортируют не связанными между собой. Он применяется на первичной речной сети при невозможности использовать другие виды транспорта. Для направления движения леса по лесосплавному ходу устанавливают направляющие сооружения (боны), а для временной или окончательной его задержки в определенных местах сплавной реки — лесозадерживающие сооружения (за́пани). При молевом сплаве часть лесоматериалов в результате потери ими плавучести тонет, засоряя русла рек; впоследствии от этого вида транспортирования отказались.

...погибающий со всеми своими монплезирами. — Монплезир в переводе с французского означает «мое удовольствие».

С. 645. *Окорка, корить, недокор, перекор.* — Окорка — очистка дерева от коры.

Подсочка на смерть...— Подсочка — специальное ранение растущих деревьев в целях получения эфирных масел, смол, каучука, сахаристых соков.

...к комлю шкурят...— Комель — нижний, прилегающий к корню толстый конец дерева.

Мутовочный сук...— сук, выросший в результате повреждения верхушечного побега, часто боковой, искривленный.

...серянка... (местн.) — болезнь дерева, вызываемая ржавчинными грибами.

...ошмыг... — механическое повреждение кроны и наружной части ствола дерева, вызываемое падением соседних деревьев.

...забусело... — Забусеть — потемнеть, покрыться плесенью.

Шпальные и двухшпальные тюльки. — Бревна, идущие на производство шпал, равные им по длине, называются шпальными; тюлька — чурбан, бревно; двухшпальные — более широкий брус.

С. 645. *Справочник Селибера.* — Имеется в виду «Справочник по лесной промышленности и лесному хозяйству» (1935), составленный Б. И. Селибером.

Береза без пролыси трухнет... — Пролысь — пустое, голое место в лесу; трухнуть — засохнуть

С. 646. *Трелевка.* — Трелевка леса (от нем. treilen, англ. trail — тащить, волочить) — лесозаготовительная операция по сбору и транспортировке деревьев, очищенных от сучьев стволов (хлыстов), бревен от места их заготовки к погрузочным пунктам; может выполняться также валочно-трелевочными машинами.

Лежневка — дорога из настланных бревен.

Волокуша — особое приспособление для перевозки на лошади тяжестей по бездорожной местности из двух длинных волочащихся по земле оглобель, скрепленных на концах поперечиной, к которой привязывается кладь.

Пруух — проух, дыра, отверстие, в которое что-то продевают.

Развалочная пила и сталинец. — Имеется в виду круглопильный развалочный станок для распиловки коротких бревен; 1 июня 1933 г. Челябинский тракторный завод выпустил первую партию мощных гусеничных тракторов «Сталинец-60» общего назначения, которые использовались как пахотные тракторы и тягачи, бульдозеры и трубоукладчики.

...начало и конец под дубинушку. — Видимо, имеется в виду, что работа выполнялась вручную под известную русскую народную песню бурлаков «Дубинушка» («Эх, дубинушка, ухнем!» Впервые написана Василием Богдановым в 1865 г. с припевом, взятым у бурлаков (известны и другие варианты); получила известность в исполнении Ф. Шаляпина.

С. 649. *...работал на сплотке...* — Имеется в виду сплачивание лесоматериалов, которое производится на воде или на берегу.

С. 650. *...«пыж»...* — остановка; перебои; «пробка».

Рудстойка... — круглые лесоматериалы.

С. 656. *...с законом сузема.* — *Сузем, сузём* (*новг., вологодск., олон., арх., сиб.*) — глухой, сплошной, дремучий лес.

С. 657. *...знаменитые опоки.* — Меловой известняк.

С. 660. *...«хлысты».* — Хлыст — ствол поваленного дерева, от комля до вершины очищенный от сучьев и ветвей.

С. 661. *...чувствовать бесконечную ценность жизни).* — Выписки из записной книжки на Сухоне, в Котласе и т. д.:

Лотовка — волжский плот (лот — груз назади).

Поло́и — старицы, или проливы между островами на реке.

Неспокойный рельеф: террасы возле речек и т. п.

Трелёвка — подвозка к основной магистрали.

«Усы» — ветви основной магистрали.

Рубка на при́иск (ищут дерево данного размера).

Обоновка: от бон.

Вычегодская дача (Котласск леспромхоза): Нюбский мех. лесопункт. Зимняя очистка (летом нет времени), но зимой возможно сжечь лишь на 80%.

р. Уфтюга — зимняя сплотка на 20%.

Паро́м — однорядная весенняя сплотка.

Дябрино — запонь возле Котласа.

Ошлоговать

Ледоход был по малой воде, пришлось плотины строить, собирать воду и так продвигать моль к запоням: 14 сооруж. на 1 километре.

Запань Шипицино, Забелинская запань, Марковская — все возле Котласа.

Речки песчаные, без резких падений.

«Веретья» = острова леса-беломошника среди болот: много диких оленей.

Глухари по соснякам, нет в ельниках (?) Медведи ближе к селениям (?)

Ссыльных поселили в глухом лесу: рыбы им не хватало, охоту они не знали и разбежались.

Падь (так называется?) заросшая частым ельником.

Холодная ночь, на плоту огонек догорает... человек возится <*зачеркнуто:* с рулем>... Солнце восходит, морозит. Человек бросает огонь, берется за руль и греется.

Весна прошла на низком горизонте воды, вспыхнуло несколько дней и опять — на перекатах 8—10 см.

Первичный сплав заканчивается, и древесина из запаней разом будет молем пущена в Двину.

Исаков инж. (?) леспромхоза на р. Илеша (Пинега), к нему ехать. <*приписка:* Устье Илеши.>

Лобанов — зам. секр. райкома — сейчас в Горке.

Носанов Вас. Андр. — замест. дир. леспромхоза в Верхн. Тойме.

Ларионов Алекд. Мих. — уполном. Крайкома Архангельска. Петроградская, 139, кв. 4.

Савин — предс. Рика (сейчас в Горке).

Весной 31 года вырвался лес в море, и сейчас все берега Белого моря завалены лесом, и ушло много в океан.

Горохов Вас. Алекс. — директор Лесотехнич. института в Архангельске.

Лебедев проф. — отец сев. подсочки, однобокий пророк.

Древнее смолокурение на Пинеге.

Промколхозы на Пинеге.

Неуставные артели (колхозы 2 порядка): это из ссыльных, у них комендант.

С. 662. *Затайка...* — начало таяния снега.

Река вошла в урез. — Урез — линия пересечения водной поверхности реки с берегом.

...бор беломошник... — сосновый бор, растущий на почве, покрытой светлым мхом.

...стяга не вырубишь. — *Стяг* — шесть, жердина.

С. 663. *Извоз...*— деревня в Архангельской области.

С. 664. *...каряя...* — вороная.

С. 668. *...«пинжаки» оказались тем самым народом, который 30 лет тому назад очаровал меня в Карелии.* — Речь идет о первом путешествии Пришвина в 1906 г.

С. 669. *Думая о «загнанных в сузем» и погибших, втайне радуюсь. что сам остался в живых...* — Аллюзия на древнегреческий миф «Странствия Одиссея». Ср.: «Оставшиеся в живых поспешно погрузились на корабли и отплыли в сокрушенье великом о милых Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти» (пер. В. А. Жуковского).

...улыбкой тайною природа...— неточная строка из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

...канат из березовой вицы... — зд.: *вица* — искрученная, иногда свитая или скрученная в два и три прута хворостина для связки.

...подохлупники... — *Охлупь* — гребень, верхняя грань, ребро крыши.

...чтобы князь не гнил... — Князь — верхний стык стропил и скатов: резная доска по коньку; также верхнее бревно под коньком кровли.

С. 670. *Есть ли кошки?* — Кошки (*местн.*) — сухое место, лишенное растительности, песчаная отмель в реках.

Ветровой... — сильный ветер.

...на стружках...— Стружок (*арх.*) — лодка, выдолбленная из осиновой колоды, большею частью без пришивных бортов.

С. 671. *Согра* — (*вологодск., арх., перм., сиб.*) — болотистая равнина, с кочкарником, ельником, вереском.

Керас. Керга — деревни в Архангельской области.

...путик: кончается избушкой... — Путик — тропинки, пробитые на участке для охоты, на которые местные охотники делили между собой лес, чтобы не мешать друг другу. Охотничий путик тянется на несколько десятков километров с избушками для ночевки на всем протяжении, с капканами на зверей, с зарубками по пути, где не может охотиться другой охотник.

С. 672. *Бережину всю сплавили...* — зд.: бережина — береговой лес.

С. 674. *...вывернутый кокорь.* — Кокорь, кокора (*диалект. сев.*) — вывороченный пень, пень с корневищем; также выскорь (*арх.*) — буреломное дерево, вывороченное с корнем, бурелом, выкорча; выкорчеванный бурею лес, пень.

С. 675. *...квартира в ОРСе...* — ОРС — отдел рабочего снабжения.

С. 680. *...совсем как Дерсу.* — см. коммент. к с. 249.

...как у героев Ибсена. — Возможно, описка и имеется в виду Гамсун.

С. 681. *Фаутные кусты...* — Фаутные кусты, деревья — больные, гнилые, дефективные.

...является сера... — смола.

С. 682. *Найти карбас...* — Карбас — гребное речное судно, иногда парусное.

С. 684. *...с кремневым ружьем «крынкой»...* — Крынка — одноствольное дробовое ружье системы Крынка (австрийского оружейного мастера Кренке-Гогенбурга), было распространено в России до 1914 г.

...зеленеют наволоки... — Наволок — заливной луг, низменный берег реки.

«Усекомые» (*искаж.*) — насекомые.

Кагули (*диалект.*) — качели.

С. 685. *...пожни...* (*местн.*) — покос, луг.

С. 686. *...(фарватер) прилук...* — Прилука — лодка для сплава.

...уйти в Едому... — в лесную глушь.

...заказали два кукуля... — Кукуль (куколь) — капюшон.

С. 688. *...хорошенькие губки...* — тонкие съедобные грибы желтого цвета, растущие на белом оленьем мхе.

С. 688. *Хонговое дерево = хонга...* (*арх.*) — сухостойная сосна, или хоножник.

Ляга... (*сев.*) — непросыхающая лужа, колдобина, ямина с водой.

С. 689. *...от закорышей...* — от червяков.

Губин великан, а речь его как у первобытных людей: короткие фразы (стихи) изображают. — Губин станет прототипом одного из персонажей последней повести-сказки Пришвина «Корабельная чаща» (1953) Мануйлы, который тоже будет говорить стихами:

Ср.: «Речка Черная и речка Белая — две сестры.
Черная речка скорее сбегает в Пинегу,
И оттого Белая сестра сильной спешит.
Есть маленькая птичка на севере, и у птички маленькие лапки.
По берегу Черной речки бегает птичка,
Птичка сбегает, и на песке остается от лапок строчка,
На целый день на берегу Черной речки целая страница»
(Собр. соч. 1982—1986. Т. 6. С. 391).

С. 690. *...на рассошине...* (*местн.*) — место разделения реки на два рукава.

С. 691. *...в своей становой... (...едомной) избушке...* — Становая избушка — специально поставленная избушка для приюта, встречается в Архангельском крае, в Сибири; едомная избушка — пристанище охотника в тайге (едома).

...оделся в лузан... (*перм., сиб.*) — род короткой рубахи без рукава, из войлока или холста, надеваемой поверх всей одежды для защиты от холода или мокроты.

Табачный сук — сгнивший сломанный сук, древесина которого принимает бурый цвет и легко растирается в порошок; вызывает загнивание дерева.

С. 692. *Перегарочная ложина...* — зд.: болото, менее топкое, чем согра.

У каждого свои рубыши («знамя»). — Рубыши — зарубки на дереве топором в виде определенного, у каждого охотника своего знака («знамени»), отмечающего его территорию.

Ночевка на сендухе... — Сендуха — открытый двор, пространство при избе, «свежий воздух» — в отличие от закрытых помещений.

...не сижу на том путике. — Путик — см. коммент. к с. 671.

...кособолонная. — Винтообразное или спиральное направление волокон дерева, порок (кособолонность, косослой), который усиливается с возрастом дерева; доски из такого дерева коробятся; встречается у всех пород, особенно сосны.

Рашмак... — шест.

Пасынок... — не загнивший сук, почти вертикально вросший в древесину вместе с корой. Бревна с пасынком для распиловки непригодны — такой сук, не будучи связанным с древесиной дерева, выпадает из досок.

«Мороз»... — Морозобоина — продольная трещина, идущая к центру, образуется при быстрых колебаниях температуры.

...превратился в Мергеня. — Мергень (*тоб.; от монг. mergen*) — смелый охотник, хороший стрелок.

С. 693. *...ельники долгомошники* — лес на влажных болотистых почвах.

...зырянское... — коми-зыряне.

С. 694. *...причина необходимости курной избы...* — Курная изба — изба с печью без дымохода.

Шаста... (*волог., арх.*) — еловый мох, мшина на ельнике, мшарник.

С. 699. *...«под суслон»...* (*местн.*) — несколько снопов, поставленных для просушки колосьями вверх, покрытых снопом.

Поймали в вершу... — Верша — приспособление для ловли рыбы типа ловушки в виде корзины с прутяной воронкой.

С. 700. *...пожни: [пасут] лошадей).* — Пожня — поле, которое можно пахать; на пожне пасут скот, так называют луг, покос.

С. 703. *Прилук — (стрежень, основн. течение).* — Прилук (*сев.*) — внешняя, большая дуга берега — при луке, изгибе реки; стрежень — быстрая часть течения реки.

С.708. *Хорнема.* — Название деревни.

С. 712. ...в пролубь... — прорубь.

С. 714. *...раскрылась на псалме: «Живые помощи»...* — Пс 90.

С. 717. *...как «Фрам» во льдах...* — «Фрам» (Fram — норвежск. «Вперед») — полярная шхуна, на которой совершали свои путешествия Ф. Нансен, О. Свердруп и Р. Амундсен.

С. 718. *...тащили обоновку и захватывали моль в громадный кошель.* — Обоновка — запруда из бонов, который устанавливают направление молевому сплаву; различается сплав молевой (отдельными бревнами по течению), плотовый (связанные материалы буксируются судном) и кошельный, когда лес размещается в ограждениях из бревен — кошелях и транспортируется буксиром-теплоходом.

С. 718. ...«<u>*спорная вода*</u>»... — запруженная.

С. 720. *...от болот и зябели...* — Зябель — зяблый, мерзлый хлеб, морозобитная нива.

С. 724. *...подтоварник...* — круглый лесоматериал небольшого диаметра.

С. 730. *...а с Нёнаксы быстро начинается перемена...* — Нёнакса — деревня в Архангельской области.

...лес ужасный, непроходимый стал таким доступным и радостным... — <*Приписка:*> NB 1952 г.: «Эта запись от 25/VI 1935 г. раскрывает картину леса: как он приближается к человеку (как человек его приближает). Путешествие как средство открыть глаза на красоту возле себя (Московский лес)». Запись сделана в период работы над повестью-сказкой «Корабельная чаща», в связи с чем Пришвин перечитывает дневник путешествия на Пинегу.

Запись на листке, вложенном в тетрадь 1935 года:

«Кужим — приток Мезени, республика Коми.

Слуда — высокий берег реки.

Поветь — крытый двор, передызье — род сеней, соровато — захламлено, засорено.

Едомная избушка — таежное пристанище охотника, от слова едома — тайга; сузем — дремучий лес; Летняя Песъю — приток Мезени, не имеет водостока в зимнее время года, когда промерзают питающее ее болота к востоку от Мезени.

Збаться или зобиться — заботиться, беспокоиться, хлопотать.

Камень — гора или горная гряда с видимыми признаками выступающих горных пород.

Тропть (охотничий жаргон) — искать, распутывать след зверя.

Наволчный луг, от слова наволк — песчаный нанос, со временем поросший травой.

Рбышки — пометки топором, делаемые охотником на стволах деревьев.

Бор-беломошник, или просто беломошник, — сосновый лес, почва в котором покрыта белесым лишайником, разновидностью ягеля (оленьего мха).

Угр — холм, а также скат, склон холма.

Плиска — та же птица, что и славка или черноголовка.

Щеврица — то же, что и лесной конек или лесной жаворонок, ерник.

Кошки — песчаные отмели на реке.

Мень — мыс.

Зимник — дорога, становящаяся проезжей только зимой, когда замерзают часто встречающиеся на ней болота.

Согра — еловое болото.

Сендух — открытый двор, пространство при избе, «свежий воздух» — в отличие от закрытых помещений.

Губки — тонкие съедобные грибы желтого цвета, растущие на белом оленьем мохе.

Окл, или околок, — часть деревни, расположенная особняком, часто на значительном удалении. Нередко в тех краях вся деревня состоит из нескольких околов, чаще всего под одним общим названием».

С. 733. *Кончено проявление.* — Речь идет о фотографических пленках, которые хранятся в фотоархиве писателя.

С. 739. *...«любите ближнего»).* — Мф 22: 39.

С. 745. *...искушение сатаны...* — Мф 4: 1—10.

С. 746. *Любовь к Дальнему (к Богу), любовь к ближнему (человеку).* — К антитезе любви к ближнему и дальнему, сформулированной Ф. Ницше в книге «Так говорил Заратустра», Пришвин постоянно возвращается в разные годы, обнаруживая в современной жизни коллизии, в которых оба моральных принципа актуализируются, иногда непримиримо сталкиваются, требуя переосмысления.

С. 748. *Пушной номер «На Стройке».* — Имеется в виду журнал «СССР на стройке» (1935. № 10. Окт.) — пропагандистский журнал, который издавался в Советском Союзе с 1930 по 1941 г. и в 1949 г. на четырех языках (русском, английском, немецком и французском). Журнал большого формата (А3) печатался на бумаге высокого качества с использованием новейших технологий тех лет; ситуация запрета конструктивизма привела фотохудожников к фотомонтажу как к альтернативному способу самовыражения, дававшего к тому же возможность не только активно участвовать в формировании нового художественного направления, но и распространять результаты своих экспериментов по всему миру. Применение монтажа являлось отличным способом подведения фактов под идеологическую основу: клей и ножницы в сочетании со стилистикой авангарда позволяли преобразить любую картину, превратив тем самым реальность в утопию. Достижение этих целей, конечно же, требовало высочайшего качества исполнения, а потому к созданию «СССР на стройке» были привлечены лучшие из лучших фотографов и художников того времени. В настоящее время журнал считается одним из самых инновационных графических проектов XX в.

Номер посвящен пушно-меховому хозяйству СССР, в нем помещено восемь рассказов Пришвина, среди которых «Архары», «Первый глухарь», «Зайцы», «Орел» и др., а также целый ряд фотографий работы Пришвина с авторскими подписями (см.: http://trendsetter.ru./art/ussr_in_construction).

С. 749. *Объясачили.* — обложить ясаком, податью.

С. 750. *Материалы к роману* <u>*«Начало века»*</u>. — Ефим Несговоров (Н. А. Семашко). Встреча с ним в ? году у Е. Н. Карасевой, разговор.

<u>Центры</u>

Хрущево	Новгород
Елец	Елец—Хрущево
Тюмень	Алексино
Рига	Талдом—Москва
Лейпциг	Переславль—Москва
Клин	Загорск—Москва
Петроград	

<Как я начал участвовать в своих собственных похоронах (т. е. приводить в порядок свой архив).

Я был противником архивов вот почему. Сологуб, умирая, распорядился сжечь отобранный им сверток бумаг. Пришла комиссия и решила не жечь. Спор: имела ли комиссия право не жечь. Я решил: не имела. Умерла Дуничка. Накануне я сумел старушку занять, хорошо проститься. Не хотелось идти в крематорий. Почему бы не остаться со своим собств. впечатлением? Колебания. Бессознательно пошел. И понял во время похорон, что идти надо было непременно. Так потом из этого вывелось, что архивом надо непременно заняться и это равняется участию в похоронах самого себя.

С этого разу, т. е. после 10-го Июля (Кремация Дунички), и начал вписывать в эту тетрадку свою жизнь.>

<*Рукой В. Д. Пришвиной:* Подруга Глотовой В[арва]ра Петр. Глотов с женой Каля. Глотова от отвращения к полу уехала от мужа. М. поехал уговорить жену вернуться и чистотой понравился ей. 10 дней романа с В. П.>

Рождение М. М. Пришвина	—	1873 г.	С[ело] Хрущево Соловьевск. волост[и] Елецк. у[езда] Орл[овской] губ[ернии]
Сдал экзамен в сельской школе в Хрущево	—	1882 (9)	<*приписка:* Учитель «Павел Васильевич»>
Поступил в гимназию в Ельце <*приписка:* 1884 — 1-й, 85 — 2-й, 86 — 3-й, 87 — 3-й>	—	1883 (10) 1-й класс	(Побег 1884 — 11 л.) Мила и Нолли Сказки Кота Мурлыки Всадник без головы. <*приписка рукой В. Д. Пришвиной:* книги, оставившие впечатление на всю жизнь, по мнению М. М., определившие его романтику и «путешествие»>

Исключен из 4-го класса	—	1888 (15)	
Тюменское реал[ьное] училище поступил	—	1889 (16) 6 Ноября	<*приписка:* 90 — 5-й, 91 — 6-й>
Окончил 6 классов	—	1892 (19) (12/11)	
Красноуфимское промышленное училище	—	1892 (19)	«Студент» (погоны) в Елабуге. 700 верст на извозчике зимой. Привлекли погоны (форма), как «у студента»
Экстерн. в Елабуге за 7 кл.	—	1893 (20)	Кий о спину. Парикм[ахер], биллиард, в Хрущево как победитель

Жизнь у парикмахера, увлечение биллиардом. Соблазнил молодого парикмахера биллиардом. Как теща настигла обоих молодых биллиардистов, отлуп. М. М. кием. В Хрущево явился как победитель.

Рижский Политех[нический] Институт <*приписка:* (Химико-Агрономом)>	—	1893 (20)	Служащ. на ж. д. Жучка, Кютнер, Ром. Вас. На балу объяснилась, но не соблазнила. Анна Харламп. К[ютнер] ее подобрал. М. плакал, сделал предложение

Жучка (служащая на жел. дор.) на балу объяснилась, но не соблазнила. Роман Васильевич Кютнер. Анна Харлампьевна. Кютнер ее подобрал, когда было уже поздно, Миша плакал, сделал предложение.

Летняя поездка на Кавказ	—	1894 (21)	
Встреча с В. Д. Ульрихом <*приписка:* и начало марксизма>	—	1895 (22)	
<*зачеркнуто:* Марксизм	—	1895 (22)>	
Тюрьма	—	1897 (24)	
Елецкая высылка	—	1898—900	1899 г. 25 Авг. 1-й раздел (25—27)
Поездка за границу	—	1900 (27)	

Берлин	—	1900 (27)	У[ниверсите]т Биолог. отд. полгода. Вагнер. Жучка с К. в Б[ерли]не в валенках

Университет Биологич. отд. полгода. Увлечение Вагнером. Встреча с Кютнером и Жучкой в Берлине, она опустилась, в валенках. По-видимому, любила Мишу.

Иена	—	1901 (28)	На лето в Иен. У[ниверсите]т (горы) Тюринген. Вартбург, замок Мейстерзингеров
Лейпциг — сдал экзамен	—	1902 (29)	1/III 1902 сдал экзамен. В Комм[ерческом] Инст. один м-ц. Профессор Комм. Арифм[етики]: «неужели вы ничего другого не можете выбрать». И поступ. на Агроном. У Еврейки-Профессорши. Роман «Идиота» — Клумова, Глотова, Анна Ив.
Париж	—	1902 (29)	Встреча с Варварой Петровной
Возвращение [в] Россию	—	1902 (29)	
Граф Бобринский	—	1902 (29)	Работа на его хуторе
Агрономия в Клину	—	1903 (30)	Е. П. Жил с Петром Карл. Малявским, секретарем Земства

Встреча с Ефр. Павл. Прислуживала им. Нелюбимого мужа бросила в деревне (Бадыгина). Ребенок Яша оставался в деревне. <*приписка рукой В. Д.*: М. М. думал, что ребенок не от Бадыгина.>

Агрономия в Петровском	—	1904 (31)	Е. П. с Яшей. Рождение Сережи. У Прянишникова, вегетацион. лаборатория, работа на опытной станции

Работа на опытной станции у Прянишникова, вегетацион. лаборатория.

Петербург	—	1905 (32)	Уехал один. Жил на В[асильевском] ост. 13 линия. Лидочка и горбунья

Как помогал устраивать брак горбуньи из жалости к ней с моряком, обязанность которого была писать ей письма из кругосветного путешествия. Первый рассказ не напечатанный и пропавший «Домик в тумане» об этой истории.
<*Примечание:* Мать, еще молодая, влюблена в Мишу, Мише нравится хорошенькая Лидочка, которая ему признается, что от кого-то беременна, все вместе устраивают брак горбуньи. Мать, почуяв нечто между Лидочкой и Мишей, отказывает Мише от комнаты. В момент разгрома является Ефр. Павл.>

Лесной	—	1905 (32)	Приехала Е. П. с Яшей и больным Сережей (†) около Рождества. «Елка нелепая». Жил журналом «Опытн. Агрономия», компиляции

Приехала Ефр. Павл. с Яшей и больным Сережей, который умер около Рождества. «Нелепая елка», М. М. вспоминает ее всегда с ужасной болью, чувство одиночества, неустроенность. Жил журналом «Опытная агрономия», компиляциями.

Луга-Заполье	—	1905 (32)	Агроном на Опытн. станции [Череменецкий] монастырь. Выгнали за розы <которые он отказался прислать профессору Глазенапу>. Проф. Глазенап, местн. помещик попечитель
М[алая] Охта	—	1905–1906 (33)	Рождение Левы. Будильник (Латыш). «Дедок». Родник. «Домик в тумане»

Рождение Левы, история с будильником (латыш-часовщик чинил будильник плохо, Миша пошел объясняться, латыш был груб или нечестен. Миша вспылил, в разгаре спора стал бить витрины и стаскивать все часы со стен за маятники, его окровавленного повели в полицию вместе с латышом. Какой-то полк. чин из восточных стал на сторону Миши). Первый рассказ в «Роднике» — «Дедок».

Песочная ул.	—	1909 (36)	Рождение Пети. Р[елигиозно]-ф[илософское] о[бщест]во

<*Зачеркнуто:* Ропшинская ул.>

Смоленск. губ.	—	1909 (36)	
Брынь	—	1910	Сгорел 14 Сент. Золото-ложская ул. (Александро-Невская Лавра). Ал. Толстой — бумажки

Сгорел 14 Сент. См. рассказ «Мои тетрадки». Золотоножская ул. (Александро-Невская лавра). См. запись встречи с Алексеем Толстым в дневнике 1941 г.

Белев	—	1911	
Новгород	—	1911	[неск. деревень] и городов, Песочки <*приписка:* Лаптево> Ропшинская в деревне Лаптево от комаров под окнами костры. Жил из-за леса, для охоты. Зимой квартира на Ропшинской ул. на Петербургск. стороне в 2 комн.
Песочки	—	1912 1913	Ушаков Фортиф. — Песочки на реке Шелонь снимал лес 3000 десятин за 30 р. деревня Мшага (для охоты)
Елец	—	1914 (41)	Песочки. Новг. в Велибугах. Смерть Марии Ивановны
Хрущево	—	1915	Сент. 25 2-й раздел (42)
Петроград	—	1917—1918 (44—45)	На 12-й линии у Мар. Мих. Раздольской около Ремизова. (Козочка) Секретарь Помощника Министра в Мин-ве Торговли. Хлеб

Хрущево—Елец	—	1919	Роман с С. П. Отъезд Еф. П. с Н. М. и Петей, беременна Мишей. 20/I 1919 Смерть Ник. Мих. по пути из Дорогобужа на службу, найденную ему М-ом
Елец	—	1920	18/6 выехали из Ельца в Дорогобуж
М[алый] Починок Следово, дер. Е. П., ур. Бадыкина, по мужу Смогалева	—	1920 (46)	
Алексино	—	1920 (47)	Учитель русск. яз. в 2-й ступени. 18 верст ходил за кисл. капустой, овсом и махоркой (паек). Сапоги

Как отец ученика подарил ему сапоги (ходил в лаптях).

Иваники	—	1921 (48)	Батищевская оп[ытная] станция. Энгельгарды приютили, кормили
Дубровка — ул. Герцена	—	1922 (48)	Д[убров]ка у Клычкова

Жил у Клычкова в Дубровке, в Москве для приездов имел комнату в доме Герцена.

Костино — ул. Герцена	—	1923 (49)	3/VIII 24 ук[усила] беш[еная] кошка
Переславль	—	1925—1926 (53)	
Сергиев-Загорск	—	1926 (53)	
Загорск	—	1927 (54)	
			1928 (55)
			1929 (56)
			1930 (57)
Поездка на Дальний Восток	—	1931 (58)	
		1932 (59)	
		1933 (60)	Автомоб. в ноябре. «Жень-Шень». Гибель РАППа
		1934 (61)	

Весной на Север, на Пинегу	—	1935 (62)	«Жень-Шень» по-немецки. Поездка. Север
Поездка в Кабарду	—	1936 (63)	«Ж. Ш.» по-англ. Поездка на Кавказ
Весенняя и летняя работа по охране леса в Теребреве близ Загорска	—	1937 (64) 1938 (65) 1939 (66) 1940 (67) 1941 (68) 1942 (69) 1943 (70)	

Брат Сергей — доктор, умер от тифа на Кавказе в нач. револ. Жена Мария Никол.

Ал[ексан]др — доктор, умер в Лебедяни от тифа (Маруха) нашли в овраге; ушел от жены с «Марухой», ее нашли мертвую в овраге.

Лазарев Мар. Ник.
(жена Лопатина) посоветовал бежать
Оля, Катя

Роман Николая, как любил, решил жениться, сел не на тот поезд, из-за этого брак расстроился.

Искательство и неудовлетворенность у всех, видимо, от Маши, Игнатовых.

Сестра Лидия р. 1866 г.
ум. 1918 г.
В младенчестве умер брат Дмитрий, сестра Мария.

Города, в которых я был.

1. Елец (Орл. г.) +	Александров
2. Белев (Тул. г.)	Варде
3. Москва +	Гоммерфсон
4. Тюмень + Красноуфимск. Елабуга.	Трандгейм
5. Рига + Владикавказ. Тифлис. Батум.	Стокгольм
6. Берлин	Гельсингфорс
7. Иена	Омск —
8. Лейпциг +	Павлодар —
9. Париж +	Каркаралинск +
10. Петербург +	Нижний —
11. Клин +	Варнавин + Светлое озеро
12. Дорогобуж	Царское село
13. Брынь	Ялта +
14. Тула	Бахчисарай
15. Орел	Симферополь

16. Мценск
17. Новгород +
18. Псков
19. Ревель
20. Петрозаводск
✓ Повенец
Архангельск
✓ Кемь

Севастополь
Феодосия
Талдом +
Переславль +
Свердловск
Сергиев-Загорск +
Владивосток
Нальчик +
51 город.

1873. Рождение Михаила Пришвина.

23-го Января. Отец Мих. Дмитр. Пришвин, мать Мария Ивановна, урож. Игнатова, из Белева. (Имеется метр. выпись.) Родился в с. Хрущеве, Соловьевской волости, Елецкого уезда (12 в. от Ельца, Орловск. губ.). Имение Хрущево досталось отцу при разделе купеческого дома Пришвиных в Ельце, с чем-то 200 десят. Раньше имение принадлежало дворянам Левшиным. В 6 верстах от этого имения матери моей при выходе ее замуж было куплено 100 дес. земли, хутор Васильевское. При типичных дворянских условиях внешней жизни (имение — типично дворянское, соседи: крупные либеральные дворяне Стаховичи, средние Ростовцевы и всякие мелкие) кровь моя сложилась из крови трех пород купечества. По отцу Пришвины — крупная елецкая буржуазия, не даровитая, но степенная. Впрочем, во время деда Дмитрия Ивановича дом разлагался. И отец мой не торговал, а занимался в имении любительством: был коннозаводчик, садовод и стрелок. Он проиграл имение в карты и оставил мать мою всю жизнь «работать на банк». Другая порода купцов была Горшковы: моя бабушка, жена Дмитрия Ивановича: Мария Петровна Горшкова. И дом Горшковых ко времени моего рождения разлагался, как и дом Пришвиных. Но Горшковы были все даровитые, и закончился даровитыми чудаками вроде описанного в «Кащеевой цепи» художника Михаила Николаевича Горшкова. Третья порода — это по матери Белевские купцы Игнатовы, лесного староверского рода. Их дом, разлагаясь, закончился целой плеядой революционеров, из которой в «Кащееву цепь» вошли «Дунечка» (Евдокия Николаевна Игнатова, скончалась в доме ветеранов революции в 1936 г. 84 лет от роду), «Гарибальди» (Илья Николаевич Игнатов, известн. сотрудник «Русских Ведомостей») и «Марья Моревна» (Мария Васильевна Игнатова, превращенная в «Кащеевой цепи» в дворянку).

До меня родились и умерли во младенчестве брат Дмитрий, сестра Мария (смерть Мани смутно помню). Сестра Лидия (род. в 1866, умер. 18?), брат Николай (1868—1919), Александр (1870 — † до рев.) и Сергей (1875 — в нач. рев.)

<*На полях:*

Пришвины (Купцы), Игнатовы ([Ветераны] революции), Горшковы (Чудаки). Среда: дворяне, народники. Дунечка.>

<*На полях, рукой В. Д.:* брак в 1861 г. М. И. — 19 лет.>

Начало века.
Конец России
Интеллигенция и народ — Петербург
Как война и мир: — Деревня
вся Россия — Елец
Идея: — Китеж

Пожар
Гореть — так всем гореть: и поджигали на пожаре уцелевшие дома

Объем рабочих:
1905 г. — 1919

Драка за имя Бога, значит не
надо называть имени, а бороться за жизнь, не называя имени.

Приняв готовность на все страдания, доказать силу жизни и развить эту радость насквозь

Лица:

Алпатов: писатель: для всех ясно, что искусство не жизнь, а вид — это жизнь.
Легкобытов, Мережковский и вся интеллигенция.
Распутин: не личность, а легенду.

Начало романа: Семашко из заграницы (Ефим Несговоров) свидание у «Женички»: спор за личность, за самость — с одной стороны, с другой — за «этическое».

<*Далее выписки из Гёте*»> Гёте. Страдания молодого Вертера.

— Эти дураки и не замечают, что дело не в месте, и что весьма редко тот, кто занимает первое место, играет при этом и первую роль. Сколько королей, которые в руках у своих министров, и как часто министром управляет его собственный секретарь! Кто в таком случае первый? Тот, полагаю, кто видит дальше и глубже других и достаточно хитер и ловок, чтобы использовать силы и страсти людей для выполнения своих замыслов.

— Часто оказывается, что мы с нашим лавированием и шатанием из стороны в сторону достигаем большего, чем другие с их парусами и веслами, и — тогда мы приходим к действительному познанию своих сил, убеждаясь, что не только не отстаем от других, но подчас даже обгоняем их.

— Я мог убедиться на этом (т. е. на рассказах сказок детям. — *М. П.*), что автор, выпуская свой рассказ вторым, исправленным изданием, неизбежно вредит этим успеху своей книги, даже если она в поэтическом отношении стала и вдвое лучше.

— На свете весьма редко приходится иметь дело с «или — или», чувства и образы действий имеют столь же многообразные оттенки, как и носы, начиная от орлиного и кончая вздернутым («попугайчиком». — *М. П.*).

— Во мне просыпается такое чувство, словно меня разжаловали, лишили чести и отняли у меня шпагу.

— Как я счастлив, что мое сердце способно перечувствовать простое, бесхитростное блаженство человека, принесшего к столу своему

качан им самим выращенной капусты; радость его — не в ней одной, а в прожитых веселых днях — в том светлом утре, когда он посадил ее, в отрадных вечерах, когда он поливал ее и любовно следил за успешным ростом — все это он переживает теперь в одном счастливом мгновении.

Отчего это? когда я читаю памятники искусства, которые никогда не читал, то они иногда кажутся близко знакомыми и даже сам делаешь то самое? Очевидно, был какой то посредник культуры, через которого и воспринял классика. (Это — интимность, дневники в романах Гёте, напр., лирические запевки в начале некоторых глав).

— Глупцы и умные люди равно безвредны. Опасными являются полуглупцы и полумудрецы. (Гёте. Избирательное средство.)

Романы Гёте похожи на те оперы, где поют-поют и вдруг заговорят. В сущности эти «разговоры» в его повестях...

— Нужно вести пеструю и шумную жизнь, чтобы терпеть вокруг себя обезьян, попугаев и негров. (Изб. средство.)

— Пусть каждому будет предоставлена свобода заниматься тем, что его привлекает, но подлинным предметом изучения для человека есть человек. («Избирательное сродство»)

— Достоин уважения лишь тот естествоиспытатель, который умеет описать и изобразить самое чуждое и курьезное в природе вместе со всем окружением, в его доподлинной собственной стихии». (Изб. ср-во.)

Вот происхождение моего Курымушки:
Глава VIII («Изб. сродство» Гёте)

«Лишь немногие умеют заниматься недавним прошлым. Нас либо с силою приковывает к себе настоящее, либо мы теряемся в прошедшем, стараясь по возможности вызвать и восстановить давно и окончательно утраченное. Даже в знатных и богатых семьях, которые многим обязаны своим предкам, нередко наблюдается, что о деде больше помнят, чем об отце».

«Все совершенное в своем роде должно выходить за пределы своего рода, оно должно стать чем-то другим, несравнимым. Во многих звуках соловей — еще птица; затем он взвивается над своим классом и словно пытается показать остальным пернатым, что значит — петь».

Гёте сказал о своем творчестве, что он ничего не придумывает, что «мир гениальней моего гения».

С. 750. *Много болячек залечила свободная продажа хлеба.* — Решением партии и правительства колхозная торговля хлебом разрешена только после 15 января 1933 г., после полного выполнения хлебозаготовок по Союзу; затем появилось Постановление СНК СССР № 581 «О дополнении списка городов, производящих свободную продажу

хлеба в магазинах НКСнаба СССР» от 19 марта 1934 г., в котором кроме списка городов определялись начало и размеры продажи хлеба.

С. 761. *Результат моей статьи «Переславские кручи»...* — Ср.: «Помню, какой-то иностранец, молодой человек в плаще появился на берегу Плещеева озера в Переславле-Залесском. За день он пешком обошел озеро кругом и уехал. Мне говорили, что его поразила река Вёкса, вытекающая из Плещеева озера: таких капризно-диких рек будто бы в Европе уже больше не увидишь. Благодаря этому иностранцу я с особенным вниманием смотрел на эту речку и вместе с другими любителями красивых памятников природы защищал от рубки многолетние сосны на кручах этой реки. <...> Теперь эти кручи срубили: остались пни и голый песок» (Известия. 1935. 19 мая; Творить будущий мир. С. 173—174).

С. 772. *...пар валит от коры дерева...* — *<Вклеена газетная вырезка:>* «Академия»:

★ **НЕМЕЦКИЕ РОМАНТИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ**. 2 тома. Антология художественной прозы немецких писателей-романтиков, содержащая образцы философской, исторической, фантастической, сказочной и драматической повестей гейдельбергских и иенских романтиков. В частности, впервые на русском языке появляется почти вся проза немецкого классика-новеллиста Клейста. Книги снабжены историко-литературными комментариями и вступительной статьей Н. Берковского.

★ **«ВОСТОК»** — сборник № 2, в котором собраны произведения наиболее ярких классических поэтов Ирана — от Фирдауси (X век) до Джами (XV век), в творчестве которых отражены как идеология господствующего класса феодалов Ирана, так и основные направления поэтических школ. Большинство этих произведений печатается на русском языке впервые.

★ **НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ** — А. Афанасьева — основное собрание русского крестьянского сказочного творчества середины прошлого века. Новое полное издание снабжено научными комментариями и многочисленными иллюстрациями.

Издательство Академии архитектуры:

(ВЫШЛИ)

★ **О ЗОДЧЕСТВЕ** — новый перевод с латинского оригинала классического труда великого итальянского зодчего эпохи Возрождения — Леоне Альберти. I том. Сочинение Альберти, один из основных теоретических трудов итальянского Ренессанса, впервые появляется на русском языке в полном виде.

★ **БЕСЕДЫ ОБ АРХИТЕКТУРЕ** — И. Маца. В книге в популярной форме излагаются основные вопросы теории архитектуры и основные задачи архитектурной практики.

С. 775. *...где живет и она.* — Имеется в виду Варя Измалкова, первая любовь Пришвина, о которой он вспоминает всю жизнь.

А фацелия с пчелами и рыдающий агроном Зубрилин? — Сюжет, всплывший из далеких глубин памяти, когда Пришвин в бытность свою агрономом в начале XX в. ездил по Клинскому уезду Московской области «по делам травосеяния», воспроизводит неожиданный разговор с попутчиком о любви; этот разговор в разных вариантах возникает в дневнике Пришвина несколько раз, пока в 1940 г. не реализуется в поэме «Фацелия» (первая часть книги «Лесная капель»). Ср.: «— А была ли у вас, — спросил он, — когда-нибудь своя Фацелия? <...> была ли она? — Я понял и ответил, как подобает мужчине, что, конечно, была, что как же иначе... — И приходила? — продолжал он свой допрос. — Да, приходила... — Куда же делать-то? — Мне стало больно. Я ничего не сказал, но только слегка руками развел в смысле: нет ее, исчезла. Потом, подумав, сказал о фацелии: — Как будто ночевали синие птицы и оставили свои синие перья. — Он помолчал, глубоко вгляделся в меня и заключил по-своему: — Ну, значит, больше она уже не придет» (Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 7—9).

С. 781. *...сели на дифференциал...* — устанавливается между приводами колес (межколесный дифференциал).

...на ржанище... — поле, с которого убрана рожь в текущем году.

С. 784. *Не эта ли былина легла в основу «Дубровского»?* — Имеется в виду повесть А. С. Пушкина «Дубровский» (1832—1833).

...после него монастырь... Спас-Закубежье... — имеется в виду Успенский Дубенский Шавыкинский монастырь (Шавыкинская пустынь). В первой половине XVIII в. располагался на острове, омываемом речками Дубной, Дубенкой, Быстрицей и Вытраской; упоминается в житии Сергия Радонежского как один из основанных им (монастырь «на Дубенке», «Пресвятыя Богородицы честнаго ея Успения на острове, иже есть на Дубенке»); село Спас-Закубежье находилось на левом берегу р. Дубны.

...ни в чох ни в сон не верит... — т. е. не суеверен и ничего не боится.

...когда еще и Ленин охотился... — цикл рассказов «Ленин на охоте» был опубликован в 1926 г., затем вошел в цикл «Охотничьи были» (Собр. соч. 1982—1986. Т. 3. С. 380—384).

С. 791. *заворошка... (прост.)* — путаница, замешательство, неожиданное осложнение. После принятия Земельного Указа от 9 ноября 1906 г. (П. А. Столыпин) и разрешения крестьянам выходить из общины и закреплять полученный надел земли в собственность, в России начинается хуторское движение. Пришвин наблюдает развитие реформы на родине в Хрущеве (Елец) (Ср.: Ранний дневник. С. 317—470). Очерки Пришвина на эту тему публикуются в газете «Русские

ведомости» и в журнале «Заветы». Многие из них впоследствии вошли в книгу «Заворошка» (1913), в предислови к которой Пришвин пишет: «Первая часть этой книги — “Родная земля” представляет собой отклики деревенской жизни родного мне края; вторая часть, “Новые места” — впечатления от поездки с переселенцами в сибирские степи» (Собр. соч. 1982—1986. Т. 1).

С. 794. *...видел сигнальный экземп. «Севера».* — Имеется в виду первый том Собрания сочинений в 4 томах (1935—1939), которое Пришвин в это время готовил.

...(как ярко это у Толстого: убил жену! прекратить род!) — Имеется в виду главный герой повести Л. Толстого «Крейцерова соната» (1889) Позднышев, убивший жену из ревности. В повести Толстой призывает к отказу от «половой страсти» как «страшного зла»: «Ну, а если есть цель жизни, то ясно, что жизнь должна прекратиться, когда достигнется цель. <...> цель человечества — благо, добро, любовь. <...> Мешают страсти. Из них самая сильная, и злая, и упорная — половая, плотская любовь, и потому если уничтожатся страсти <...>, то <...> цель человечества будет достигнута, и ему незачем будет жить. <...> Род человеческий прекратится? Да неужели кто-нибудь, как бы он ни смотрел на мир, может сомневаться в этом? Ведь это так же несомненно, как смерть. Ведь по всем учениям церковным придет конец мира, и по всем учениям научным неизбежно то же самое. Так что же странного, что по учению нравственному выходит то же самое?» (*Толстой Л. Н.* Крейцерова соната // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1982. Т. 12. С. 146—147).

...(а Розанов, бросающий гения через воронку в ад)... — Пришвин имеет в виду размышления Розанова в «Уединенном» (1912) об И. Е. Репине, личность которого Розанов воспринимает с точки зрения ключевой для русской культуры установки на принципиальное единство, нераздельность жизни и творчества художника. В Репине Розанов видит отсутствие этого единства, раскол — страшное «сочетание гения и уродства», «ложной, притворной жизни»: «Как это печально и *страшно*. Верно, я многого не понимаю, так как это мне кажется страшным. Какая-то “воронка в глубь *ада*”...» (*Розанов В. В.* Полн. собр. «опавших листьев». Кн. 1. Уединенное / Под ред. В. Г. Сукача. М.: Русский путь, 2002. С. 48; коммент. А. Медведева).

С. 795. *(Пик Сталина).* — Имеется в виду вершина Западного Памира, которая в 1932 г. была названа пиком Сталина (7495 м.); впоследствии переименован.

У Розанова жена поглощает мужа... — Ср.: «Океан — женщина. Материк — мужчина. И бури и тишина, и влага и опасность. И крепость и первобытность и потопление»; «Жена входит запахом в мужа и всего его делает пахучим собою; как и весь дом. <...> Все шила. И “приши-

ла" к себе тело мужа, душу его, биографию его, "все" его»; «Нет Шперка, а есть Анна Лавровна. *Я* безумно его *любил* за это ("отречение от себя", "от эгоизма", от гордости и самолюбия)» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй и последний (1915) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 568—570).

...у Толстого муж убивает жену. — См. коммент. к с. 794. С этой нигилистической позицией Толстого Розанов полемизировал в статье «Кроткий демонизм» (1897). Считая, что деление любви на «земную» (плотскую) и «небесную» (духовную) в корне порочно, Розанов воспринимает любовь в целомудренном единстве: плотская любовь «как радостный долг и вместе невыразимое счастье бытия, исполненное таинственного содержания и религиозной высоты» (*Розанов В. В.* Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1: Религия и культура. С. 205; коммент. А. Медведева).

...сделать, чтобы рождающая женщина стала Мадонной <...> А ведь так же оно и есть у Христа (а сделала порочным церковь). — В этой устремленности Пришвина к идеалу «святой плоти» — философские установки Розанова. Так, последний отмечал, что впервые «обожение тела», его ноуменальность удалось изобразить итальянским художникам эпохи Ренессанса: «Под кистью Корреджио (любимая тема его — "святая ночь", минута *рождения*) задрожало святое тело. <...> Гера наконец родила; и все так же осталась нетленною. Теперь, умиленно смотря на нее, с материнскою нежностью склоненную над младенцем, мы понимаем, что есть в телесном — ноумен, перед которым молитва есть истинная и истинному дань. Нравственное и прекрасное, телесное и духовное, земное и божеское — все в каждой матери, но все особенно — в Единой Небесной Матери» (*Розанов В. В.* Афродита-Диана (1899) // Розанов В. В. Собр. соч. Во дворе язычников. М., 1999. С. 71); «Только в дивном, небесном художестве Рафаэля, который, кажется, не дал не только ни одного изображения Христа в "училище", но везде взял Его "младенцем" и в связи с присутствующей тут же земною "Матерью" — сказалась реакция к Востоку, постижение "яслей" и окружения "пастухов" и "стад"» (*Розанов В. В.* Иродова легенда (1901) // Розанов В. В. Собр. соч. В мире неясного и нерешенного. М., 1994. С. 46—48).

В характерном для европейской цивилизации просвещенческом расколе «идеального» и «животного» Розанов видел причину «пассивной», номинальной семьи, нигилистического отношения к полу. Этот раскол, по Розанову, возникает в христианском богословии, где существо Божие, отождествляясь с «творческим разумом» Аристотеля, монофизично противопоставляется «плоти», «вопреки глаголу «яслей», «Вифлеема», «стад животных», окруживших рождение Спасителя, и поклонившихся Ему "волхвов" "с Востока"». Таким образом, Библия, по Розанову, в отличие от богословия являет реабилитацию плоти: «во-"площение"» («Слово — плоть бысть и вселися в ны»)

«составляет первый глагол Евангелия»; «Бесспорно, что в существо христианства ("во-площается") входит именно просветление пола и полового; что тайна — почему Слово предвечное <...> избрало "материнские" для этого пути <...> содержит в себе такое освящение начал "материнства" и "семьи". <...> Вот евангельская часть освящения "брака", в его реальном существе, не только не противоречащая положительному ветхозаветному учению о поле, но и раздвигающая его до небесных черт» (*Розанов В. В.* Женщина перед великою задачею (1889) // Розанов В. В. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1: Религия и культура. С. 236, 239).

Позже в нигилистическом отношении к плоти Розанов обвинил католицизм, который «не понимает существа воплощения» (*Розанов В. В.* Иродова легенда (1901) // Розанов В. В. Собр. соч. В мире неясного и нерешенного. М., 1994. С. 47), и Православную церковь с ее монофизичностью и аскетизмом: «Церковь Православная монофизична <...> в той тенденции, что из "воплощения Сына Божия" изъяла собственно "плоть", "воплощение" <...> не допускает религиозному свету проникнуть в материю, в жизнь, в человеческие отношения» (*Розанов В. В.* Русская Церковь (1906, 1909) // Розанов В. В. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1: Религия и культура. С. 341—432; коммент. А. Медведева).

...снять покрывало Майи. — Впервые встречается в инд. текстах упанишад; в философии Шанкары является обозначением «перевертывающего» преобразующего принципа, определяющего существование мира. На Западе это слово стало известно благодаря выражению Шопенгауэра «покрывало Майи», выражающем иллюзорный характер мира.

С. 796. *...конец Ины...* — Ина Ростовцева — персонаж романа «Кащеева цепь», прототипом которого является Варя Измалкова.

Не оспаривай глупца. — Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Памятник» (1836).

С. 797. *...не мечи бисер перед свиньями...* — Мф 7: 6.

...надо человеку в обществе надевать маску и строить личину. — Маска как способ защиты личности в чуждом или опасном окружении, как свобода в выборе модели поведения — все это Пришвин понимал еще в 1930 г. («*23 Декабря.* Нельзя открывать своего лица — вот это первое условие нашей жизни. Требуется обязательно мина и маска»; «*20 Ноября.* Игра двумя лицами (маскировка) ныне стала почти для всех обязательной. Я же хочу прожить с одним лицом, открывая и прикрывая его, сообразуясь с обстоятельствами»); и его собственная личина охотника, человека, ведущего странный на общепринятый взгляд образ жизни («Левин читал меня и восхищался, но когда побывал у меня в крысиной комнате в д[оме] Герцена, раззнакомился»), писателя, чуждого писательскому сообществу в том виде, в каком оно

существовало в столице в эти годы, исключенного из общественной писательской жизни: к примеру, его не выбирают в Президиум на Первом съезде писателей («64 челов. президиум: меня не выбрали: и хорошо, и неприятно: хорошо, что я в оппозиции, что я свободен и могу всегда исчезнуть незаметно, плохо же...»), да и выдержать стиль («съезд проваливался: докладчики, начиная с Горького, читали по напечатанным докладам <...> Болтовня <...> интервью, снимание»), он не способен («я решил на день-два сбежать в Загорск <...> Счастье вернуться к себе, быть у себя. А съезд все идет»). Его никогда не приглашают вместе с другими в особняк Рябушинского, где обитал Горький и где проходили писательские вечеринки — да и представить себе Пришвина на таком рауте невозможно: он не только не светский человек, а совершенно напротив, он скорее человек сознательно выбирающий если не маргинальный, то уж точно полумаргинальный образ жизни («Покупка домика <...> в Переславище очень занимает меня <...> что-то вроде пустынножительства»). В том-то и дело, что своим образом жизни Пришвин пытается совместить культуру (творчество) — пространство свободы, и свой образ жизни, который одновременно и органичен для него, и является маскировкой — скрывает существо его личности и творчества (дневник). Пришвин обнаруживает, что личина, маска и его полумаргинальная жизнь, его хитрость и юродство уходят корнями в традицию русской литературы и имеют в культуре высокий смысл — борьбы со злом средствами искусства («творчество есть <*зачеркнуто:* великая маскировка> великое скрывание (напр., Толстой) или даже создание лица, личности, единства, закрывающих зло»). В то же самое время все это оказывается результатом почему-то неизбежной вековечной борьбы — по крайней мере, он безошибочно определяет в московской толпе иностранца — по поведению и по лицу («Лицо человека без промежуточного слоя животно-живой хитрости»). См. также коммент. к. с. 596.

С. 802. *...писался через десятиричное «i», другой мир писался через «и» восьмиричное...* — реформа орфографии (1918) упростила алфавит, и буква «ижица», которая обозначала гласный «и» в немногих словах греческого происхождения, была упразднена.

С. 810. *...юродство церковью допускалось неохотно, и правильно: с ним легко попасть на путь своеволия, демонизма (хороший пример сам Розанов).* — Об отношении официальной церкви к явлению юродивых Г. П. Федотов писал: «Лишенное церковного признания и благословения с XVIII века, русское юродство не могло не выродиться, хотя мы лишены возможности определить степень его уклонения от древних образцов. <...> На Москве власть, и государственная и церковная, начинает подозрительно относиться к блаженным. Она замечает присутствие среди них лжеюродивых, натурально безумных или обманщиков. Происходит умаление и церковных празднеств уже канонизи-

рованным святым (Василию Блаженному). Синод вообще перестает канонизировать юродивых. Лишаясь духовной поддержки церковной интеллигенции, гонимое полицией, юродство спускается в народ и претерпевает процесс вырождения» (*Федотов Г. П.* Святые Древней Руси (1931). М., 1997. С. 180, 189). Начало восприятию Розанова как юродивого в негативном смысле положил В. П. Буренин статьей «О литературном юродстве и кликушестве» (1895). В положительном смысле об юродстве Розанова писал А. М. Ремизов: «Во дни протопопа этот простой “русский природный язык” (со своими оборотами, со своим синтаксисом “сказа”) в противоположность высокой книжно-письменной речи “книжников и фарисеев” в насмешку, конечно, и презрительно называли “вяканьем” (так про собак: лает, вякает), как ваше “розановское” зовется и поныне в академических кругах “юродством”. <...> “розановский стиль” — это самое юродство — это и есть настоящее, идет прямой дорогой от “вяканья” Аввакума из самой глуби русской земли» (*Ремизов А. М.* «Воистину». Памяти В. В. Розанова (1926) // В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество В. Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология: В 2 кн. / Сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Фатеева. СПб., 1995. Кн. 2. С. 354). Подробнее о юродстве Розанова см.: *Фатеев В. А.* «...Я шалунок у Бога» // Литературоведческий журнал. М., 2000. № 13/14. Ч. 1. С. 5—26; коммент. А. Медведева).

С. 812. *По методу «епитимьи»...* — Епитимья (*греч.* наказание) — исполнение исповедовавшимся христианином по назначению духовника тех или иных дел благочестия; имеет значение нравственно-исправительной меры.

С. 817. *...«и на земле мир»...* — Лк 2: 14.

С. 825. *Заседание президиума: молчалины...* — Аллюзия на комедию А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824) и одного из ее главных персонажей Молчалина.

С. 833. *...(одно виденье, непостижимое уму).* — Аллюзия на стихотворение А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829) возникает в связи Варей Измалковой, которая снится ему всю жизнь.

С. 834. *Читал знаменитое письмо 9/X 12 г.* — Имеется в виду обмен письмами с Варей Измалковой, что произошло один раз в 1912 г. Тогда же Пришвин послал ей свои книги с надписью: «Помните свои слова: “Мое лучшее, да, лучшее навсегда останется с вами!” Забыли... А я храню ваш завет: лучшее со мною. Привет от Вашего лучшего» (ср.: Ранний дневник. С. 5—174).

С. 839. *Смотрел Азроград.* — Имеется в виду фильм А. Довженко «Аэроград» (1935), снятый при поддержке Сталина; по сценарию го-

род строят на том месте, где позже построили город-порт Советская Гавань (Дальний Восток).

«Русское богатство» и «Аполлон»... — литературный, научный и политический журнал «Русское богатство» народнического направления, один из крупнейших ежемесячных журналов второй половины XIX в., возник в 1876 г. и просуществовал до 1918 г. (с 1914 по 1918 г. под названием «Русские записки»). «Аполлон» — русский иллюстрированный журнал по вопросам изобразительного искусства, музыки, театра и литературы; издавался в 1909—1917 гг. в Санкт-Петербурге. В «Аполлоне» выступали представители различных течений в русском искусстве начала XX в. В журнале печатались сочинения И. Ф. Анненского, А. А. Блока, В. Я. Брюсова, Вяч. И. Иванова, М. А. Кузмина, Н. С. Гумилева.

С. 848. *...что за ужас «Колхозник»!* — Имеется в виду журнал «Колхозник», организованным Горьким в 1934 г. В 1935 г. журнал преобразован в двухнедельник «Молодой колхозник».

С. 850. *...дает журфиксы...* — *Журфикс* (*фр.* jour fixe — определенный день) — в дореволюционной России определенный день недели в каком-либо доме, предназначенный для регулярного приема гостей; на журфикс приезжали без приглашения; затем журфикс — фиксированный день встречи с представителями прессы для общения в неформальной обстановке.

С. 855. *Читал Бердяева в изложении Бухарина...* — Видимо, имеется в виду статья: *Бухарин Н.* Философия культурного филистера // Известия. 1935. № 284. 8 дек.; № 286. 10 дек.

С. 857. *Стахановское движение...* — Движение названо по имени Алексея Стаханова, в ночь на 31 августа добывшего за смену 102 тонны угля при норме 7 тонн (см.: *Роговин В.* Сталинский неонэп // http://trst.narod.ru/rogovin/t3/xxxvi.htm).

С. 859. *«Ежика» и лучший номер.* — Вероятно, имеется в виду журнал «Еж», закрытый в 1935 г.

С. 860. *Была елка рождественская, теперь стала новогодняя...* — С 1927 г. рождественская елка была запрещена как «религиозный пережиток» и вновь разрешена перед наступлением 1936 г., но уже как новогодняя, «без религиозной обрядности». Ср.: «Возрождение старинного обычая пришлось на 1935 год. Никита Хрущев в своих воспоминаниях описал тот короткий разговор между Сталиным и 2-м секретарем ЦК КП(б) Украины Павлом Постышевым, после которого советским людям опять было разрешено украшать новогоднее дерево. "А не вернуть ли детям елку?" — спросил Постышев, на что вождь,

почти не раздумывая, ответил: “Возьмите на себя инициативу, а мы поддержим”. Так 28 декабря 1935 года в газете “Правда” появилась крошечная заметка за подписью 2-го секретаря ЦК КП(б) Украины. Постышев напомнил детям рабочих, как они “с завистью через окно посматривали на сверкающую разноцветными огнями елку и веселящихся вокруг нее детей богатеев”, и предложил им устроить уже для своих детей веселый праздник “в каждом учреждении, в каждом колхозе”. Но все же 1936 год большинство жителей СССР встретили без лесной красавицы, потому что многие из них восприняли предложение члена ЦК КП(б) как провокацию. А между тем смелая инициатива Постышева почти сразу превратилась в красивую легенду. Якобы перед отъездом 2-го секретаря ЦК Украины в Москву, где и состоялся его разговор со Сталиным, у Павла Постышева тяжело заболел сын, а когда отец вернулся и поставил рядом с кроватью мальчика маленькую елочку с красивыми огоньками, тот быстро пошел на поправку. Быль это или небыль, теперь неважно. Важно то, что Ель ожила и в 1937 году весело сверкала огнями в каждом детском учреждении. Именно в декабре этого года в Москве, в Колонном зале Дома Союзов появилась первая Главная елка Страны Советов. Но в жизни Павла Петровича Постышева этот праздник был последним: в начале 1938 года его арестовали и чуть позже расстреляли» (*Володина В.* Непраздничные приключения новогодней елки // http://www.rasklad.ru).

Указатель имен

СОДЕРЖАНИЕ

Художественное издание

Михаил Михайлович Пришвин

ДНЕВНИКИ
1932–1935

Верстка: *С. В. Степанов*
Корректор: *Ю. А. Курбатова*
Художественное оформление: *Г. Расторгуев*

На форзаце:
На строительстве Беломоро-Балтийского канала
(фото М. М. Пришвина)

На нахзаце:
Сплав леса на Пинеге; С проводником Осипом на Пинеге;
Деревянная церковь на Севере; М. М. Пришвин
и П. М. Пришвин на Хибинах
(фото М. М. Пришвина)

Подписано в печать 02.02.09.
Формат 84 × 108 $^{1}/_{32}$. Бум. офсетная. Гарнитура Octava.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 63,00. Тираж 3000 экз.
Зак. № 3689

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostok_publish@front.ru
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: (812) 323-54-70

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12